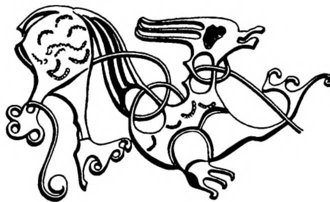
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Þættir

Исландские пряди

Издание подготовила
Е.А. ГУРЕВИЧ

МОСКВА НАУКА 2016

УДК 398
ББК 82.33
И87

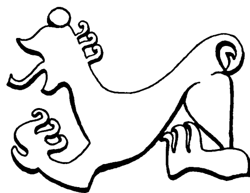
Рецензенты:
доктор филологических наук М.Л. АНДРЕЕВ
кандидат филологических наук А.В. КОРОВИН

Ответственный редактор
О.А. СМИРНИЦКАЯ

Серия основана в 1948 г.
академиком С.И. ВАВИЛОВЫМ

ISBN 978-5-02-039117-8

Пряди
в составе
«Книги с Плоского Острова»
с добавлениями
из других рукописей

ПРЯДЬ О СИГУРДЕ СЛЮНЕ

Рассказывается, что в те времена, когда Норвегией правили сыновья Гуннхильд[1], конунг Сигурд Слюна сидел в Хёрдаланде[2]. Он был муж весьма расточительный. Это был человек искусный, переменчивый нравом, женолюбивый и непостоянный в своих привязанностях.

Одного человека звали Торкель Клюпп[3], он был могущественным херсиром[4] в Хёрдаланде. Он был сыном Торда сына Хёрда-Кари[5]. Человек он был очень воинственный и уважаемый. Его жену звали Алов[6], она была красива и обходительна.

Рассказывают, что однажды конунг Сигурд Слюна велел передать Торкелю, чтобы тот приехал к нему на встречу. Тот так и сделал.

Конунг сказал:

– Дело вот в чем: тебе предстоит поездка на запад в Англию, потому что я решил послать тебя к Адальраду конунгу[7] за данью. Такие люди, как ты, больше всего подходят, чтобы выполнять поручения правителей.

Торкель отвечает:

– Разве вы прежде не отправляли ваших людей с подобным же поручением, и они так и не воротились назад?

– Твоя правда, – говорит конунг, – но я ни за что не стал бы равнять тебя с ними, неудивительно, что они ничего не добились.

Торкель отвечает:

– Раз уж вы считаете, что мне непременно нужно ехать, я не стану отказываться, даже несмотря на то, что те, кто отправлялись туда раньше, потерпели неудачу.

После этого Торкель уехал. Он прибыл на запад в Англию вместе со своими спутниками, явился к Адальраду конунгу и приветствовал его. Конунг выслушал его благосклонно и спросил, что перед ним за человек. Торкель назвал себя.

Конунг сказал:

– Я слыхал, что ты стяжал себе хорошую славу, так что добро пожаловать к нам.

После этого Торкель остался у конунга на зиму.

Как-то раз он сказал конунгу:

– Случилось так, государь, что я отправился в эту поездку из-за того, что конунг Сигурд Слюна послал меня к вам за данью. И я ожидаю, что вы ответите мне согласием.

Конунг сказал:

– К нам и раньше приезжали люди с подобным же поручением, но я счел это требование Сигурда конунга беззаконным и несправедливым, поскольку я знать не знаю ни о каких таких обязательствах, которые вынуждали бы меня платить ему дань, и те его посланцы, что являлись к нам с этим требованием прежде, жестоко за это поплатились. Не сомневаюсь, что конунг не ожидал ничего другого и от вашей поездки, чем бы он ни руководствовался, отправляя вас ко мне. Однако я не намерен, Торкель, менять своего обращения с тобой и хочу, чтобы ты по-прежнему испытывал ко мне благодарность и оставался моим другом, и поэтому я уплачу тебе кое-какие деньги, но я не желаю покупать дружеское расположение сыновей Гуннхильд.

Весной Торкель снарядился в обратный путь, захватив с собой немало добра. Они с конунгом расстались очень тепло, предварительно скрепив свою дружбу взаимными обещаниями.

А когда Торкель уехал из Норвегии, конунг Сигурд Слюна отправил своих людей в его усадьбу и велел им увезти оттуда его жену Алов. Когда ее привезли к нему, он уложил ее рядом с собой в постель. Тогда она сказала:

– Государь, – говорит она, – вы поступаете дурно и недостойно с человеком, который вам доверяет, и это может привести к большой беде. Но решение остается за вами, даже если это и к худшему.

Конунг сказал:

– Ты должна как можно скорее смириться с тем, что от тебя требуют, и не смей меня поучать.

С тех пор Алов ложилась в постель с конунгом каждую ночь. Все считали, что конунг поступает и дурно, и неразумно, и говорили, что он за это еще поплатится. Весной же, когда стали ходить слухи о возвращении Торкеля, конунг отослал Алов домой. Когда Торкель Клюпп узнал обо всем, что случилось, он был сильно потрясен этим. Он отправился домой в свою усадьбу и был очень молчалив и угрюм. А когда он приехал домой, Алов была там. Она вышла навстречу Торкелю и сказала:

– Добро пожаловать, Торкель, муж мой! Заходи в дом и отдохни. Возможно, ты уже наслышан о том, что я совершила, и новости эти недобрые. Я бы хотела загладить перед тобой все мои проступки, с тем чтобы потом в мире и согласии делить с тобой ложе.

В ответ на это Торкель произнес вису:

Не лягу на ложе,
Нанна клети пива[8],
я с тобой – от горя
хмур челом я нынче.
Не пригублю браги,
клюв кукушки раны[9]
окунется прежде
– *брани жду* – в кровь княжью.

Она отвечает:

– Плохо дело: тяжек проступок, но не легче и месть, которую ты вынашиваешь. Худо, что я навлекла на нас столько зла.

После этого был созван тинг[10], и на него явился Сигурд конунг и множество народу. В этой поездке вместе с конунгом был человек по имени Эгмунд, он был сыном Хёрда-Кари[11]. Он стоял рядом с конунгом, и в руке у него было длинное копье. Торкель подошел к престолу и сказал:

– Государь, вот дань, которую я привез из Англии. Взгляните-ка, конунг, достойно ли со мной расплатились.

Конунг посмотрел, увидал множество ценных вещей и сказал:

– Разве данное тебе поручение не было исполнено на славу, и с тобой не расплатились сполна?

Торкель отвечает:

– Осталось исполнить еще кое-что.

Одет он был так: на нем был короткий плащ на завязках, очень нарядный. Тут он выхватил из-под плаща секиру и нанес конунгу смертельный удар. И не успел Торкель, совершив это, отойти, как к нему подбежал Эгмунд сын Хёрда-Кари и пронзил его тем самым копьем, что он держал в руках[12]. Родичам Торкеля настолько не понравился поступок Эгмунда, что они нагрянули в его усадьбу и сожгли его в доме: по их мнению, вина за то, что произошло между конунгом и Торкелем, в первую очередь падала на конунга.

Когда Гуннхильд получила известие о гибели своего сына, она решила, что вся вина за постигшее ее горе лежит на Алов, и задумала поквитаться с ней, покрыв ее позором. Та проведала об этом. Она узнала, что готовится к отплытию исландский корабль, и пришла повидаться с его владельцем. Этого человека звали Бёдвар сын Торстейна, и он был братом Халля с Побережья[13]. Она сказала ему:

– Я попала в беду, – говорит она, – и хочу попросить тебя увезти меня в твою страну, чтобы избавить от притеснений Гуннхильд.

Тот отвечает:

– Сдается мне, что ты и вправду в этом нуждаешься, так что будь по-твоему. Но за это ты должна пообещать мне выполнить мое желание.

Она сказала, что так тому и быть. Затем она отправилась на корабль вместе с Гудрун, своей дочерью. После этого она уехала. Они прибыли в Исландию и высадились на востоке в Лебяжьем Фьорде[14]. Там у Бёдвара был богатый двор. Рассказывают, что когда они приехали домой, Бёдвар сказал:

– А теперь я хочу вернуться к тому разговору, который я оборвал в Норвегии, и я намерен повести речь о моем сватовстве к тебе.

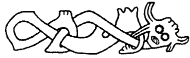
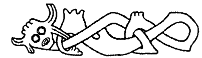
Она отвечает:

– Я знаю, станут говорить, что я вступаю в менее почетный брак, чем прежде, но ты заслуживаешь, чтобы твое желание было исполнено.

Затем они сыграли свадьбу, и Бёдвар получил Алов в жены, однако они не долго прожили вместе, так как Бёдвар умер тем же летом. После этого Эйнар сын Эйольва с севера с Поперечной Реки прослышал о том, что Гудрун дочь Клюппа – достойная невеста на выданье, взял ее за себя, и у них с ней было много детей[15]. Сына Эйнара и Гудрун звали Торкель Клюпп, и он был назван в честь своего деда с материнской стороны. Это был человек многообещающий, и о нем упоминается во множестве саг[16].

Спустя несколько зим Алов уехала назад в Норвегию к своим родичам. Ее считали весьма уважаемой женщиной.

ПРЯДИ В СОСТАВЕ «БОЛЬШОЙ САГИ ОБ ОЛАВЕ ТРЮГГВАСОНЕ»

ПРЯДЬ О ТОРЛЕЙВЕ ЯРЛОВОМ СКАЛЬДЕ

1

Теперь нужно рассказать о том, что произошло на склоне дней ярла Хакона из Хладира[1], который заслужил немало презрения колдовством своим и ворожбою, и поделом, потому что злодеяния его и богохульство нанесли многим людям тяжкий и непоправимый ущерб, и душе их, и телу. Случилось же с ним так, как часто бывает: когда наступило время расплаты, нелегко оказалось ее избежать, ибо такова природа врага рода человеческого, что, как увидит он, что человек полностью находится в его власти и не возлагает никакой надежды на Бога, то он сперва соблазнит его и склонит вероломными хитростями проклятого своего коварства к нечестивой жизни, а потом, когда дни того уже сочтены, ввергнет в мрачную темницу неизбывных мучений, где ждут его скорби и страдания без конца.

2

Жил тогда на Склоне в Сварвадардале[2] человек по имени Асгейр Рыжая Шкура. Он был человеком зажиточным и родовитым. Жену его звали Торхильд; это была женщина недюжинная, умная и всеми уважаемая. У них было три сына, и все они подавали большие надежды. Старшего из них звали Олав Дробитель Ведьминых Жезлов, другого – Хельги Храбрый. О них обоих больше рассказывается в других сагах, чем в этой. Их младшего сына звали Торлейв; он рано возмужал и был человеком доблестным и весьма сведущим во многих искусствах. Он был хороший скальд. Он воспитывался на хуторе

Дымы в Среднем Фьорде у брата своей матери, Скегги из Среднего Фьорда[3], пока ему не минуло восемнадцать лет. Скегги очень любил Торлейва и немало пекся о нем. Поговаривали, что Скегги, верно, больше передал Торлейву древней мудрости, чем могли знать другие люди. Потом Торлейв уехал домой к своему отцу. С помощью Олава, своего брата, он убил человека по имени Клаув Мешок, а после убийства Клаува тяжбу вел Карл Рыжий, да так ловко обернул дело, что Торлейв был объявлен вне закона, и ему пришлось уехать из Сварвадардаля.

Льотольв годи[4] увез сестру Торлейва, которую звали Ингхильд Красивая Щека. Он доставил Торлейва на корабль у Гусиного Берега[5]. Торлейва прибило назад непогодой; зимой он скрывался то у Льотольва годи, то у Асгейра, своего отца. В то время он немало научился у своего отца из древней мудрости, потому что тот считался человеком многознающим. Торлейву было тогда девятнадцать лет. Карл все это время старался разузнать, где скрывается Торлейв, и за эту зиму произошло много достойных упоминания событий, о чем рассказывается в саге о людях из Сварвадардаля[6].

Весной Торлейв отправляется на запад к Скегги, своему воспитателю и родичу, и просит у него поддержки и совета в этом деле. И вот с помощью Скегги из Среднего Фьорда и Льотольва годи Торлейв едет и покупает у торговых людей корабль, что стоял в устье Смешанной Реки[7], и нанимает гребцов. Потом он поехал домой на Склон и встретился со своими отцом и матерью. Он попросил снабдить его товарами и получил добра, сколько захотел. Весной он велел привязать товары к кораблю и уехал со Склона, попрощавшись с отцом своим и матерью и со Скегги из Среднего Фьорда, своим воспитателем.

3

Вот Торлейв выходит в море при попутном ветре и приплывает на восток в Вик[8]. Тогда в Вике находился ярл Хакон из Хладира. Торлейв сошел на берег и велел разгрузить корабль. Он встретился с ярлом и приветствовал его. Ярл принял его хорошо и спросил, как его зовут и какого он рода. Торлейв ему отвечал. Ярл стал расспрашивать его, что нового в Исландии, и Торлейв охотно ему обо всем рассказал.

Тогда ярл сказал:

– Вот что, Торлейв, мы хотим купить товары у тебя и у твоих гребцов.

Торлейв отвечает:

– У нас немного товаров, государь, но есть более подходящие покупатели, и позвольте нам самим решать, с кем торговать.

Ярл счел такой ответ дерзким, и ему сильно не понравились его слова. На этом они расстались. Торлейв пошел к своим людям и провел там всю

ночь. А наутро он встает и отправляется в торговое место. Он находит хороших покупателей и весь день заключает с ними сделки. Когда ярл прослышал об этом, он поехал с большой свитой к кораблю Торлейва и велел схватить и связать его людей; он забрал себе все добро, а корабль велел сжечь дотла. Потом он приказал перебросить между палатками перекладины и повесить на них всех спутников Торлейва. После этого ярл уехал со своей дружиной, прихватив с собой товары, принадлежавшие Торлейву, и разделил их между своими людьми. Вечером Торлейв возвратился и пошел, как обычно, проведать своих людей. Тут увидел он, что с ними сталось, и решил, что злодейство это не иначе как дело рук Хакона ярла. Он принялся расспрашивать о случившемся, а когда удостоверился в том, что так оно и есть, сказал вису:

Дух мой, дева[9], смутен,
слышишь! Муж лишился –
не меж волн! – на склоне
скакуна лагуны[10].
Как знать, – *больно прыток*
в пламени до пепла
палить – не отплатил бы
скальд сполна злодею.

4

Рассказывают, что после этого случая Торлейв взошел на корабль и поплыл с торговыми людьми на юг в Данию. Он явился к конунгу Свейну[11] и пробыл у него до весны. Однажды, вскоре после своего приезда, Торлейв пришел к конунгу и попросил его выслушать хвалебную песнь, которую он сочинил о нем. Конунг спросил, уж не скальд ли он. Торлейв сказал в ответ:

– Об этом вы сами сможете судить, государь, когда выслушаете меня.

Конунг просил его произнести песнь. Торлейв сказал тогда драпу[12] из сорока вис, в ней был такой стев:

Не раз клинок красил
кровью англов конунг –
славно князь зеницы
неба слал победу[13].

Конунг очень хвалил песнь, а с ним и те, кто ее слышал, и все говорили, что она и сложена хорошо, и достойно исполнена. Конунг дал Торлейву в награду за песнь кольцо весом в одну марку[14] и меч стоимостью в полмарки золотом и предложил ему погостить у него подольше. Торлейв подошел к престолу и поблагодарил конунга.

Прошло немного времени, и вот Торлейв сделался мрачен, да так, что почти перестал появляться на пирах или сидеть и беседовать в палате со своими товарищами. Конунг сразу же замечает это и призывает к себе Торлейва. Он сказал:

– Что за печаль у тебя, Торлейв, что ты насилу можешь вести себя с нами как подобает?

Торлейв отвечает:

– Вы, верно, слыхали, государь, что тому и помогать чужой беде, кто о ней спрашивает.

– Скажи прежде, в чем дело, – говорит конунг.

Торлейв отвечает:

– Я сочинил этой зимой несколько вис о Хаконе ярле и назвал их Висы о Женщине, потому что в поэзии ярла именуют женщиной[15]. Печалит же меня то, государь, что я не получу от вас разрешения поехать в Норвегию и поднести ярлу эту песнь.

– Разрешение ты, конечно, получишь, – говорит конунг, – но прежде ты должен обещать нам возвратиться как можно скорее, потому что мы не хотели бы потерять такого искусного человека, как ты.

Торлейв пообещал так и сделать, получил разрешение и отправился на север в Норвегию. Он нигде не останавливается, пока не приезжает в Трандхейм. Хакон ярл сидел тогда в Хладире. Торлейв одевается нищим и подвязывает себе козлиную бороду. Он взял большой мешок и спрятал его под одеждой и сделал так, чтобы другим казалось, будто он ест, а сам бросал все в мешок, отверстие которого находилось у его рта, под козлиной бородой. Еще он берет костыли, и оба они заострены снизу. После этого он отправляется в путь и приходит в Хладир.

Был вечер накануне праздника середины зимы[16], и ярл сидел на престоле, а рядом с ним множество знатных мужей, которых он созвал на праздничный пир. Тут входит прямо в палату старик, – а идет он сильно ковыляя и опираясь на костыли, – поворачивает туда, где были другие нищие, и садится с краю у двери. С остальными нищими держал он себя заносчиво и грубо, но всего больше натерпелись они от него, когда он набросился на них с побоями. Они разбежались, и поднялся такой шум и суматоха, что было слышно по всей палате. Ярл замечает это и спрашивает, отчего такой шум. Ему отвечают, что пришел какой-то нищий, да такой своенравный и сварливый, что никак его не унять. Ярл велит позвать его к себе, и это было исполнено.

Когда старик предстал перед ярлом, он был не слишком щедр на приветствия. Ярл спросил, как его зовут, кто его предки и откуда он родом.

– Незначительный я человек, государь. Имя мое Хулитель сын Крикуна, а родом я из Скорбных Долин в Холодной Свитьод[17]. Еще называют меня Хулитель Приживал. Я побывал во многих местах и посетил немало знатных

хёвдингов[18], а теперь вот одряхлел, да так, что не скажу и сколько мне лет-то отроду, а все от старости да по забывчивости. Наслышан я о могуществе вашем и мудрости, доблести и достоинствах, славе и снисходительности, справедливости и щедрости[19].

– Что это ты так несдержан и груб в обращении, не в пример другим нищим?

Он отвечает:

– Что ж неожиданного, если тот, у кого ни в чем нет достатка, кроме невзгод и несчастий, кто терпит нужду и нередко ночует то в лесу, то в поле под открытым небом, озлобится в конце концов на старости лет? Ведь прежде привык он жить в почете и довольстве у знатнейших хёвдингов, а теперь и последний бедняк гонит его.

Ярл сказал:

– Ты, должно быть, искусный человек, старик, коли тебе, как ты говоришь, случалось бывать у знатных людей.

Старик отвечает, что, возможно, так оно и было, – «когда я был молод, но недаром говорится: старость – не радость. А еще говорят: голодному не до болтовни. И я не смогу больше разговаривать с вами, государь, если вы не прикажете накормить меня, потому что я так истощен старостью, голодом и жаждой, что не в силах больше держаться на ногах. И вовсе это недостойно знатного хёвдинга – расспрашивать незнакомых людей о том о сем и не позаботиться об их нуждах. Ибо так уж все люди устроены, что хочется им и есть, и пить».

Ярл распорядился, чтобы ему принесли вдоволь еды, и это было исполнено. Не успел старик сесть за стол, как он сразу же принимается за еду и опустошает все блюда, что стояли рядом с ним и до которых он мог дотянуться, так что слугам пришлось во второй раз принести ему поесть. Старик опять с не меньшей жадностью, чем прежде, набросился на еду. Всем казалось, что он ест, а на самом деле, как уже говорилось, он все бросал в мешок. Люди вовсю потешались над стариком, слуги же говорили, что он и ростом высок, и в поясе широк, да и в еде толк знает. Старик не обращал на это внимания и продолжал заниматься своим делом.

5

Когда столы были убраны, старик предстал перед ярлом и сказал:

– Примите мою благодарность, государь, хотя у вас и плохие слуги, и делают они все хуже, чем вы им приказывали. А теперь хотелось бы мне, чтобы вы оказали мне милость, государь, и выслушали хвалебную песнь, которую я о вас сочинил.

Ярл сказал:

– Не случалось ли тебе и прежде сочинять хвалебные песни хёвдингам?

– Так оно и было, государь, – сказал тот.

Ярл сказал:

– Вот и выходит, как в старой поговорке: часто тó хорошо, что старики говорят. Исполняй свою песнь, старик, а мы послушаем.

Тут старик начинает свою песнь и рассказывает ее до середины, и ярлу кажется, что его восхваляют в каждой висе, а еще замечает он, что там упоминаются также подвиги Эйрика, его сына[20]. Но по мере того, как рассказывается песнь, с ярлом начинает твориться неладное: во всем теле у него, а более всего в заду возникает такая сильная чесотка и зуд, что мóчи нет терпеть. Зуд этот был так силен, что ярл велел расчесывать себя гребнями, где можно, а чтобы чесать там, где так было не достать, приказал взять мешковину, завязать на ней три узла и чтобы два человека протаскивали ее у него между ног.

Тогда ярл сделался весьма недоволен хвалебной песнью и сказал:

– Ты что же это, проклятый старик, не можешь лучше рассказывать?! Сдается мне, что стихи эти скорее можно назвать хулительными, чем хвалебными. Или исправляй их, или получай за них по заслугам!

Старик обещал исправиться и тут начал говорить висы, которые называются Туманные Висы и стоят в середине Ярлова Нида[21]. Вот их начало:

Тьма встает с востока,
град грядет с заката,
от лежбища ужья
дым ложится дюже[22].

Как только старик произнес Туманные Висы, в палате стало темно. А когда сделалось совсем темно, он опять принялся за Ярлов Нид, и когда он сказал последнюю треть песни, все оружие, какое только было в палате, пришло вдруг в движение без чьей-либо помощи, и оттого было там перебито множество народу. Тут ярл упал без чувств, а старик исчез: двери были закрыты, да засовы не задвинуты. Когда песнь кончилась, мгла рассеялась, и в палате стало светло. Ярл пришел в себя и увидал, что не прошел для него нид бесследно – выпала у него вся борода[23], а еще волосы по одну сторону пробора и так никогда больше не отросли. По приказанию ярла палату очистили и вынесли мертвых. Догадывается он теперь, что старик этот, верно, был Торлейв, и никто другой, и что так решил он с ним расквитаться за потерю людей своих и добра. Ярл лежит после этого больной всю зиму и бóльшую часть лета.

6

Теперь надо рассказать о том, что Торлейв отправился в обратный путь на юг, в Данию, и припасами ему в дороге на протяжении всего путешествия служило то, что он добыл, одурачив людей ярла. Он нигде не останавливался,

пока не прибыл к конунгу Свейну. Тот принял его с распростертыми объятиями и спросил о поездке. Тогда Торлейв рассказал обо всем, что произошло.

Конунг на это отвечает:

– Хочу я продолжить твое имя, чтобы отныне тебя называли Торлейвом Ярловым Скальдом.

Тут конунг сказал вису:

С князя трёндов[24] Торлейв
славы снял немало,
весть о ниде веском
ославит на ве́сь свет.
За льва бури[25] брани
Ньёрд[26] воздал сторицей –
страж земли[27] ту милость
мужа помнить будет.

Торлейв сказал конунгу, что он хотел бы вернуться в Исландию, и просил его разрешения уехать туда весной, и конунг сказал, что пусть так и будет – «и хочу я в честь наречения имени дать тебе в дар[28] корабль с гребцами и оснасткой и столько товаров, сколько тебе может пригодиться».

Торлейв проводит там зиму в большом почете, а в первые дни весны снаряжает свой корабль. Он вышел в море при попутном ветре, приплыл на своем корабле в Исландию и вошел в устье той реки, что зовется Бычья[29].

Рассказывают, что осенью Торлейв женился и в жены взял Ауд, дочь Торда, который жил в Лесах под Островными Горами[30]. Торд был уважаемым и очень богатым бондом[31], он происходил из рода Траси Старого[32]. Ауд была женщина весьма достойная. Эту зиму Торлейв провел в Лесах, а следующей весной он купил землю на Склоне Мыса в Комариной Долине[33] и стал там жить.

7

А теперь надо рассказать о том, что Хакон ярл оправился от своей самой тяжелой болезни. Поговаривают, правда, что таким, как прежде, он никогда уже не был. Не терпится теперь ярлу отомстить Торлейву за бесчестье, которое тот ему нанес. И вот призывает он Торгерд Невесту Храма и сестру ее, Ирпу[34], на которых он более всего полагался, наслать на Исландию такое колдовство, что Торлейву пришел бы конец. Он совершает богатые жертвоприношения и просит совета в этом деле, и когда он получил предсказание, которое его обрадовало, он велит взять выброшенное прибоем бревно и сделать из него деревянного человека, а потом с помощью ворожбы своей и заклинаний, а также волшбы и колдовства сестер этих велит он убить некоего мужа, вынуть у него сердце и вложить в деревянного человека. Затем они дали ему одеж-

ду и имя и нарекли Торгардом и наделили его такой огромной сатанинской силой, что он мог и ходить, и разговаривать с людьми. Тогда они посадили его на корабль и послали в Исландию с поручением убить Торлейва Ярлова Скальда. Хакон дал ему с собой секиру, которую он взял у сестер из капища. Торгард прибыл в Исландию в то время, когда люди были на альтинге[35].

Торлейв Ярлов Скальд был тогда на тинге[36]. Однажды, когда Торлейв шел от своей землянки[37], он увидел, что какой-то человек перешел с запада Секирную Реку[38]. Был он велик ростом и свиреп с виду. Торлейв спросил этого человека, как его зовут. Тот назвался Торгардом и тотчас же принялся поносить Торлейва, а Торлейв, как услышал это, потянулся за мечом, подарком конунга, что висел у него на поясе, но в этот самый момент Торгард нанес ему удар секирой и проткнул его насквозь. Как только Торлейв получил удар, он бросился на Торгарда, но тот ушел в землю, так что одни подошвы остались на виду. Тогда Торлейв обернул вокруг себя плащ и сказал вису:

Канул в камень Торгард –
Что с тем турсом[39] сталось? –
стойкий в поле тополь
драки[40] с троп дремучих;
ворожить горазд был
Гаут грома сечи[41],
нынче в Хель[42] помчался
почивать навечно.

Потом Торлейв пошел домой к своей землянке и рассказал людям о том, что произошло, и те были сильно потрясены этим известием. Затем Торлейв сбросил с себя плащ, и тогда у него выпали внутренности, и он мужественно принял смерть, и все сочли его гибель величайшим несчастьем. Догадались они теперь, что Торгард этот был не чем иным, как колдовством и ворожбой Хакона ярла. Потом Торлейв был похоронен в кургане. Его курган стоит к северу от лёгретты[43], и он еще виден. Братья Торлейва были на тинге, когда произошли эти события, и они снарядили его в последний путь, как то ему приличествовало, и устроили по старинному обычаю погребальный пир; отец же их Асгейр незадолго до того умер. После этого люди разъехались с тинга по домам, и известие это облетело всю Исландию и казалось всем весьма удивительным.

8

В то время жил на Полях Тинга человек по имени Torкель. У него было много скота, и был он мужем зажиточным, но не знатным. Пастуха его звали Халльбьёрн по прозвищу Хвост. Вошло у него в привычку приходить к кур-

гану Торлейва и ночевать там, а стадо держать неподалеку. И вот подумывает он о том, что неплохо было бы сочинить хвалебную песнь о жителе кургана, и он нередко говорит об этом, когда лежит на кургане. Но оттого, что скальдом он не был, да и в искусстве этом ничего не смыслил, песнь у него все не выходила, и никак он не мог продвинуться дальше начала и, кроме слов «Здесь лежит скальд», так ничего и не сочинил.

Как-то раз ночью лежит он на кургане, как обычно, а занят он был все тем же делом: старался прибавить к тому, что уже сочинил, какие-нибудь восхваления жителя кургана. Затем он засыпает и после этого видит, что курган открывается и оттуда выходит человек большого роста и в богатой одежде. Он взошел на курган к Халльбьёрну и сказал:

– Вот лежишь ты тут, Халльбьёрн, и очень тебе хочется совершить то, что тебе не дано, – сложить обо мне хвалебную песнь. И теперь либо ты овладеешь скальдическим искусством, – а у меня ты сможешь научиться большему, чем у любого другого, – и сдается мне, так оно и будет, либо нечего тебе больше над этим биться. Сейчас я скажу тебе вису, и если тебе удастся запомнить ее и повторить, когда ты проснешься, ты сделаешься великим скальдом и сочинишь хвалебные песни многим хёвдингам, и немало преуспеешь в этом искусстве.

Потом он потянул его за язык и сказал такую вису:

Здесь лежит из скальдов
скальд в уменьи первый;
нид сковал даритель
древка[44] ярый ярлу.
Не слыхал, чтоб прежде
за разбой воздал бы –
люд о том толкует –
кто монетой этой.

– Теперь ты станешь настолько сведущим в искусстве поэзии, что сможешь сочинить обо мне хвалебную песнь, когда проснешься. Смотри же, старайся соблюдать размер и будь красноречив, а более всего заботься о кеннингах[45].

После этого он возвращается назад в курган, и курган закрывается, а Халльбьёрн просыпается, и кажется ему, что он видел его спину. Тогда он вспомнил вису и спустя некоторое время пошел со своим стадом домой и рассказал о том, что произошло. Потом Халльбьёрн сочинил хвалебную песнь о жителе кургана[46] и сделался великим скальдом. В скором времени он уехал из страны и сочинял хвалебные песни многим хёвдингам, а те принимали его с почетом и щедро одаривали, так что он стал очень богатым человеком. О нем ходит большая сага и здесь в стране, и за ее пределами, однако здесь она не записана[47].

А про братьев Торлейва надо рассказать то, что на следующее лето после его смерти они уехали из страны – Олав Дробитель Ведьминых Жезлов и Хельги Храбрый, – с тем чтобы отомстить за своего брата. Но не суждено им было учинить расправу над Хаконом ярлом, ибо не успел он еще тогда совершить всех злодеяний, которые предназначено ему было совершить себе же на позор и на погибель[48]. Однако они пожгли у ярла немало капищ и нанесли большой ущерб его имуществу своими грабежами и набегами и многими другими делами.

И здесь кончается рассказ о Торлейве.

ПРЯДЬ ОБ АЛЬБАНЕ И СУННИВЕ

О смерти Альбана и Суннивы

Рассказывается, что во времена Хакона ярла[1] на западе в Ирландии умер один конунг. У него была дочь по имени Суннива. Уже с ранних лет она отличалась умом и была доброй христианкой, так как Ирландия была обращена в христианство. Суннива была прекраснейшей из девиц и уже взрослой, когда приключилась эта история. Она стала править страной после своего отца с помощью знатных родичей и друзей, и поскольку у нее была большая держава и сама она была пригожа собой, к ней решил посвататься один из викингов-язычников. Сунниве тем меньше хотелось выходить замуж за язычника, чем тверже было ее решение, живя в чистоте, служить одному лишь Богу и вообще не иметь никакого мужа в царствии земном. Тогда викинги принялись нападать на владения Суннивы и всячески досаждать ей. Их предводитель рассчитывал таким способом принудить ее к браку.

Суннива назначила тинг, и когда на него явились ее родичи и друзья, обратилась к ним с такими словами:

– Я созвала вас, мои возлюбленные друзья, дабы решить, как поступить с этой державой, которой я некоторое время управляла с вашей помощью. Ныне же меня, как и всех тех, кто ищет переменчивых радостей этой быстротечной жизни, принялись донимать своим властолюбием и набегами злые люди. А потому я решила, что не стану дольше, подобно рабе, сносить испытания и тяготы ради этой злосчастной державы, в которой, в сравнении с вечным блаженством, все равно нет никакого проку. Уж лучше я, как высоко-

родная жена, верну себе свободу и отдам себя во власть и под защиту Господа моего Иисуса Христа, и так же могут поступить все те, кто пожелают последовать за мной. Всякий же, кто предпочтет остаться в родной земле, пусть поступит так по своей доброй воле и невзирая на меня, хотя я и собираюсь ее покинуть.

Однако Суннива была столь любима всеми, что множество народу, как мужчин, так и женщин, захотело уехать вместе с ней и оставить свои владения. Затем Суннива раздобыла для них корабли и все они снарядились в путь. А когда со сборами было покончено, они отчалили от берега, причем ни на одном из их кораблей не было ни паруса, ни весел, ни руля, ни снастей[2], ни оружия, ни доспехов. Этим Суннива показала, что в плавании она больше полагалась на всемогущество небесного правителя, чем на мирскую помощь и направление. Она вручила себя и всех своих спутников Богу живому и просила его указать ей путь и направить их, куда он только пожелает. Так их и носило по морю до тех пор, пока с Божьей помощью не прибило к тем островам, что лежат у берегов Норвегии к югу от мыса Стад[3]. Один из этих островов зовется Селья, а другой Кин[4]. Острова эти не были заселены, однако на них, как и на других отдаленных островах, содержался скот, поскольку на материке насупротив них находились большие селения.

Суннива вместе с прибывшими с нею людьми сошла на берег на Селье. В западной части острова стояла высокая гора, и в ней в скалах были большие пещеры. В этих пещерах они и поселились. Они пробыли там долгое время, служа с большим рвением Богу, соблюдая умеренность во всем и кормясь рыбой, которую вылавливали из воды люди Суннивы. Когда же жители страны проведали о том, что на островах кто-то живет, они решили, что, скорее всего, это разбойники, которые позарились на их скот. Тогда бонды отправились к Хакону ярлу и сказали ему, что на островах Селья и Кин завелись разбойники и грабители и что они наносят большой урон скотине жителей страны. Они просили его отправиться туда, захватив с собой побольше народу, и убить викингов, которые находились на островах. Ярл поступил так, как они просили. Он поплыл на острова с большим войском в полном вооружении, как если бы намеревался вступить в бой. А когда бывшие там добрые друзья Божьи заметили их приближение, они поняли, что на них готовится нападение. Тогда они вошли в свою пещеру и принялись молиться всемогущему Господу, чтобы он даровал их душам вечный покой райского блаженства, какою бы смертью им ни пришлось умереть. А еще они молили, чтобы Бог проявил к ним милосердие и сострадание и уготовил им такое погребение, чтобы тела их не оказались во власти язычников. И Господь вседержитель даровал им то, о чем они просили, ибо эти Божьи праведники закончили свою достойную жизнь таким образом, что, когда они пребывали в пещере, прямо перед нею обрушились огромные скалы. Так они приняли в награду за свое земное

служение вечное блаженство. Язычники же прибыли на острова и искали там людей, и весьма подивились тому, что так никого и не нашли, хотя они видали их незадолго до того, как подошли к островам. Так они и уехали ни с чем[5].

О том, как были найдены мощи Суннивы

Некоторое время спустя, когда Хакон ярл умер и к власти в Норвегии пришел Олав конунг[6], случилось однажды двум могущественным бондам – кое-кто рассказывает, что и тот и другой носили имя Торд, а прозваны они были по своим матерям и одного звали Торд сын Эгилейв, а другого Торд сын Йорунн, и оба они были люди очень уважаемые, – отправиться на корабле в сопровождении нескольких человек с юга из Фьордов, а направлялись они на север в Трандхейм на встречу с Хаконом ярлом, поскольку до них еще не дошло известие о смене правителей. Они зашли в Ульвасунд[7] и подошли к острову Селья, так как он лежит на обычном морском пути. Там они увидали, что с неба нисходит яркий свет, и это сияние достигает острова, делая все его окрестности очень красивыми. Они немало подивились этому и пристали к берегу, с тем чтобы разузнать, что же там такое находится внизу, на что сверху светит этот луч. А когда они высадились на остров, то вскоре обнаружили в том самом месте, где они увидали свет, человеческую голову. Она была светла и прекрасна. Они почувствовали, что от нее исходит такой сладостный дух, какого им никогда прежде не доводилось обонять, но поскольку они были язычниками, они не поняли, что означает это благоухание, однако им это все же показалось весьма знаменательным. Они бережно подняли эту голову, обернули ее в чистый платок и забрали с собой, намереваясь отвезти ее Хакону ярлу, поскольку решили, что у того достанет мудрости догадаться, что бы это могло означать.

Затем они поплыли своим путем, но когда они прибыли на север за мыс Стад, то узнали, что Хакон ярл мертв и что заместо него страной правит предводитель, который пользуется всеобщим уважением, Олав сын Трюггви. Эти люди тем не менее продолжили свой путь: теперь они решили встретиться с этим новым конунгом, так как они были наслышаны о его великодушии и щедрости. Они нигде не останавливались, пока не прибыли на север в Хладир[8] к Олаву конунгу. Тот, как только узнал, кто они такие, принял их со всем радушием. Вскоре он начал проповедовать им святую веру и склонять их принять крещение.

– Если вы сделаете то, о чем я вас прошу, – говорит конунг, – то взамен вы получите мою дружбу.

Они вовсе не противились этому и сказали, что желали бы служить ему. Они беседовали некоторое время, и конунг расспрашивал их о новостях с юга страны, а они рассказывали конунгу о том, что он хотел узнать. После этого

они поведали конунгу о своей поездке и показали ему голову, которую нашли на Селье. Придворный епископ Олава конунга, которого он привез с собой из Англии, его имя было Сигурд, а прозвали его Сигурд Могучий[9], – он был человек и мудрый, и великодушный, и к тому же весьма ученый – так вот, когда конунг и епископ увидали голову, оба они сказали, что воистину это голова святого человека. Тогда конунг вновь принялся рассказывать людям, которые нашли эту голову, о вере и сказал им:

– Великая радость и ликование будет всем добрым и правоверным людям от созерцания всемогущего Бога, даже если они не способны ни видеть, ни слышать, а человеческий ум не в силах помыслить, какую прекрасную награду Господь наш дарует своим служителям за их мирские страдания. Это он для того явил вам свою великую милость и это знамение, чтобы вы как можно скорее и по своей доброй воле отвернулись от ложной веры в идолов и обратились в истинную веру и приняли святое крещение. И как бы все устрашились, когда бы только смогли помыслить, насколько высоко великий конунг небесный может вознести своих возлюбленных друзей в блаженстве царствия небесного, раз он устроил так, чтобы от мертвецов и их иссохших членов исходил столь чудный дух, какого никогда не бывало ни от каких благоухающих трав.

Речь конунга так подействовала на этих добрых людей, что они тотчас же согласились поверить в истинного Бога. После этого их крестили, и с ними их спутников. Затем конунг пригласил их погостить у него, и все время, пока они оставались в белых одеждах[10], они жили у него в большом почете и он учил их святой вере. Затем они отправились по домам, получив в награду дружбу конунга и богатые дары.

Конунг же и епископ хранили у себя эту святую голову вплоть до того времени, когда Олав конунг созвал тинг на Драгсейде на Стаде[11], о чем будет рассказано позднее. После того тинга конунг принялся расспрашивать людей, которые жили по соседству с островом Селья, не замечали ли они там чего-нибудь необычного. Ему было сказано, что оттуда часто виден яркий свет. Тут вперед выступил один бонд и сказал конунгу:

– У меня на острове Селья была кобыла. Она потерялась, и я отправился ее искать. Я нашел ее на краю острова стоящей у большущих валунов, а рядом с этими огромными валунами я заметил яркий свет, и то, что я увидал, сильно меня удивило.

Выслушав все это, Олав конунг и Сигурд епископ отправились на остров Селья в сопровождении многих людей. Там в западной части острова они увидали, что за огромными валунами находились большие пещеры, и похоже было, что с тех пор, как они были завалены, прошло не так много лет. Затем они заметили, что повсюду между камнями лежат человеческие кости и от них исходит благоухание. Спустя некоторое время они подошли к месту

недавнего обрыва, где часть скалы откололась у самого входа в пещеру. Там они обнаружили останки досточтимой девицы Суннивы, которые лежали там целыми и нетронутыми, сохраняя и волосы и плоть, как если бы она только что преставилась. Они подняли святые мощи и благоговейно обернули их в великой радости и воздав хвалу Господу. После этого остров был заселен, и Олав конунг повелел воздвигнуть церковь перед пещерой, в которой были найдены останки блаженной девицы, и там поклонялись ее святым мощам на протяжении жизни многих конунгов. Во времена же Магнуса конунга сына Эрлинга Кривого[12], на тринадцатый год его правления, сия досточтимая невеста Господня Суннива с ликованием и чудесными знамениями была перенесена в Бьёргюн, и ныне она покоится там в великолепии в большой раке в церкви над алтарем. И в тот же самый год, когда святые мощи блаженной Суннивы были перенесены с острова Селья, как записано в анналах, принял славную мученическую смерть и отправился к Господу блаженный архиепископ Томас[13].

Об Олаве и Сунниве

Олав конунг непрестанно благодарил вседержащего Бога перво-наперво за то, что тот в своем величайшем милосердии возвысил его, открыв в дни его людям славу своей служительницы Суннивы и ее блаженной свиты. Ибо с той поры, как они воочию увидали этакое чудо, все мудрейшие люди воспылали любовью ко всемогущему Господу и были готовы прислушиваться к конунгу и убеждались в истинности веры, которую проповедовал Олав, и в том, что нет ничего надежнее, чем служить Богу живому.

Написано, что брат Суннивы по имени Альбан находился среди святых людей, которые отправились вместе с Суннивой[14] с запада за море, однако здесь о нем не рассказывается из-за того, что это кажется сомнительным, поскольку некоторые побывавшие на острове Селья и известные там люди, говорят, что там имеется большая церковь, воздвигнутая в честь Божьего страстотерпца Альбана, первым принявшего муки во имя Господне, и эти люди говорят, что там хранится и пользуется большим почитанием голова этого Альбана, убитого в Англии[15]. У церкви, посвященной этому Альбану, находится монастырь черных братьев[16]. В церкви той множество усыпальниц, больших и малых, которые были сделаны для хранения мощей тех добрых людей Божьих, которые сопровождали в поездке Сунниву, а ее церковь стоит наверху на горе, над монастырем. Рассказывают, что в пещерах, где были найдены останки святой девицы Суннивы, из горы бьет источник и оттуда вытекает небольшой ручей и что множество хворых людей исцелились, испив из него. Перед церковью же, что стоит у пещеры, Олав конунг повелел соорудить большую каменную насыпь, такую высокую и крепкую, что она

была под стать самым мощным укреплениям. Некоторые люди говорят, что это было самое отменное сооружение такого рода из всех созданных человеком. Под этой насыпью, или валом, стоит монастырь, дорога же к верхней церкви проходит между ручьем и валом[17]. Праздник святой девицы Суннивы и ее святых спутников норвежцы отмечают в восьмой день месяца июля[18], который мы называем Днем Людей с Сельи. На Селье Господь наш Иисус Христос явил множество великих чудес, воздав по заслугам своим святым, которые в награду за свои земные страдания должны были обрести вечную жизнь.

ПРЯДЬ О ТОРСТЕЙНЕ БЫЧЬЯ НОГА

1

Одного человека звали Торд Борода[1]. Он занял всю землю в Лагуне к северу от Ледниковой Реки и до Лагунной Пустоши[2] и прожил на хуторе Двор десять лет. А когда он узнал, что столбы его почетного сиденья[3] пристали к берегу в Глинистом Заливе под пустошью[4], он продал свою землю Ульвльоту Лагману[5], который высадился в Лагуне. Ульвльот был сыном Торы дочери Кетиля Хёрда-Кари. Кетиль был сыном Аслака Кари Бобра сына Уннара Орлиный Рог[6]. Незадолго до того, как Ульвльот достиг своего шестидесятилетия, он уехал в Норвегию и пробыл там три зимы. Они с Торлейвом Умным, братом его матери, составили тогда законы, которые потом стали называть Законами Ульвльота[7]. А когда он возвратился в Исландию, был учрежден альтинг[8], и с тех пор у всех людей здесь в стране одни законы.

В начале языческих законов говорилось, что никто не должен выходить в море на кораблях с драконьими головами. Те же, кто так делали, должны были снимать драконьи головы со штевней прежде, чем завидят землю, и не приближаться к берегу с разинутыми глотками и разверзшими пасти мордами, которые могли напугать духов страны[9]. В каждом главном капище на алтаре должно было лежать кольцо весом не меньше чем в два эйрира[10]. Это кольцо каждый годи[11] обязан был носить на руке на всех сходках, которые он проводил, и окрашивать его кровью жертвенного быка, которого он должен был заклать сам. Каждый, у кого была надобность принимать участие в судебном разбирательстве, должен был прежде принести присягу на этом кольце[12] и призвать себе в свидетели не меньше двух человек.

– Я призываю вас в свидетели того, – должен был он сказать, – что я приношу присягу на этом кольце, как этого требует закон. Да помогут мне теперь Фрейр, и Ньёрд, и всемогущий ас[13], дабы я вел эту тяжбу, либо защиту, либо приводил доказательства, либо выносил вердикт, либо принимал решение по совести, по правде и по закону и выполнил все то, что мне полагается по закону выполнить на этом тинге[14].

Страна была тогда поделена на четверти, и было установлено, что в каждой четверти должно быть по три тинга и по три главных капища в каждом округе[15]. Хранителями капищ избирали самых достойных людей, которые отличались мудростью и справедливостью. Они должны были назначать судей на тингах и вести тяжбы. Поэтому их называли годи. А еще каждый человек обязан был платить подать капищу[16], подобно тому как теперь люди платят церковную десятину.

Первый, кто поселился в Капище, был Бёдвар Белый из Вёрса[17] в Норвегии, он построил там двор и стал годи. Он был отцом Торстейна, отца Халля с Побережья[18].

Торир Верзила занял землю в Крестовом Заливе к северу от Китового Фьорда[19]. От него ведут свой род люди из Крестового Залива.

2. О Фрейстейне

Одного человека, который жил в Крестовом Заливе, звали Торкель. Он был сыном Гейтира. Это был человек недюжинный и отважный и считался большим храбрецом. Он не был женат, когда произошли эти события. Сестра его, которую звали Оддню[20], выросла вместе с ним, она была красавица, каких мало, и большая мастерица. Однако же у нее был недостаток: она была немой от рождения. Брат и сестра очень любили друг друга.

У Торкеля был раб по имени Фрейстейн, родом чужеземец. Он отличался от других рабов тем, что не был безобразным и злобным, напротив, это был человек доброжелательный и покладистый, и весьма пригожий с виду. Поэтому его прозвали Фрейстейн Красавец[21].

Жил человек по имени Крум. Он жил в Крумовой Роще. Этот двор теперь заброшен. Крум был сыном Вемунда, сына Асбьёрна, сына Крума Старого. Крум Старый перебрался в Исландию из Вёрса. Он занял всю землю на Козлином Мысу от Крачкового Мыса до самого моря, включая Красивый Остров и прочие острова, что лежат перед фьордом и по другую сторону от Крачкового Мыса[22]. Жену Крума Младшего звали Торгунна, она была дочерью Торстейна, сына Ветурлиди, сына Асбьёрна, родовитого человека с Выпасного Двора, он был сыном Олава Длинная Шея, сына Бьёрна Китовый Бок[23]. Торгунна была женщина умная и многознающая, и ее не слишком любили. Она была некрасива и сведуща в колдовстве, нрав имела неуживчивый и власт-

ный. Крум был человек небогатый. Между супругами была большая разница в возрасте. Торгунна была уже немолода, когда приключилась эта история. По слухам, у них не было детей.

3. Ивар Луч прибывает в Исландию

Жил человек по имени Стюркар, он был сыном Эйндриди. Эйндриди был сыном Хрейдара. Хрейдар и Асбьёрн, отец Железного Скегги из Ирьяра[24], были братья. Сестрой их была Алов, она была замужем за Клюппом херсиром, который убил конунга Сигурда Слюну[25]. Их братом был Эрлинг, богатый херсир[26] из Хёрдаланда.

У Эрлинга был сын по имени Ивар, это был самый красивый человек из всех, кто вырос в Хёрдаланде. Поэтому его прозвали Ивар Луч[27]. Он был искуснейшим человеком во всем и таким заносчивым, что мало кто смог бы сравниться с ним в речах или поступках. Он долго не женился, оттого что нигде не находил для себя подходящей партии. Он проводил много времени у своего родича Стюркара в Гимсаре в Трандхейме. Этот Стюркар был отцом Эйнара Брюхотряса[28]. А еще некоторые люди говорят, что Эйндриди, отец Стюркара, и Асбьёрн, отец Эйндриди Широкостопого, были братьями[29]. Родичи Стюркар и Ивар издавна были очень привязаны друг к другу. Ивар часто ездил по торговым делам в Англию и Данию.

Однажды летом он отправился в торговую поездку в Исландию. Он привел свой корабль в Залив Гаути в Восточных Фьордах[30]. Торкель сын Гейтира поехал к кораблю и пригласил к себе кормчего и столько человек из его команды, сколько тот пожелает захватить с собою. Ивар поблагодарил бонда и ответил, что принимает его приглашение. Ивар поехал в Крестовый Залив с пятнадцатью спутниками и остался там на зиму. Ивар был большой весельчак и отличался щедростью.

Как-то раз Торкель пошел побеседовать с Оддню, своей сестрой, и сказал ей, что к ним приехал хозяин корабля.

– Я хочу, сестра, – говорит он, – чтобы ты прислуживала ему этой зимой, потому что у других людей хватает работы.

Оддню вырезала руны на палочке[31], так как она не могла говорить. Торкель взял палочку и посмотрел, что там. Там было сказано:

– Не хотелось бы мне прислуживать этому кормчему. Что-то подсказывает мне, что, если я стану служить Ивару, быть беде.

Торкеля очень рассердил отказ Оддню, а когда она увидала это, то поднялась, вошла в горницу и принялась прислуживать Ивару, и так продолжалось всю зиму. А спустя некоторое время люди стали замечать, что Оддню ходит тяжелая, и когда Торкель тоже увидел это, он спрашивает у Оддню, как обстоит дело, и не ждет ли она ребенка, и от кого она понесла.

Тогда Оддню опять вырезала руны, и в них говорилось вот что:

– Ивар не нашел лучшей благодарности за то, что ты принял его на зиму, чем наградить меня ребенком, которого я ношу.

После этого она залилась слезами, а Торкель ушел.

И вот проходит зима, а когда наступает весна, Ивар снаряжает свой корабль в Заливе Гаути, а когда все приготовления были закончены, Ивар и его люди собираются уехать из Крестового Залива.

Торкель отправляется в дорогу вместе с Иваром, и когда они проехали часть пути, обращается к нему с такими словами:

– Как ты намерен поступить с ребенком, которого ты прижил с моей сестрой Оддню, Ивар, и собираешься ли ты покончить это дело по чести и жениться на ней? Я готов дать за ней такое приданое, какое ты сочтешь достойным.

Ивар пришел в большое негодование и ответил:

– В недобрый час отправился бы я в Исландию, если бы мне пришлось жениться на твоей немой сестре. Я мог подыскать себе куда более благородную и родовитую жену дома, в Хёрдаланде, да и где угодно в Норвегии. И тебе не следует возлагать на меня вину за ребенка, которого твоя сестра нагуляла с твоими рабами. Сказав такое, ты нанес мне большое оскорбление.

Торкель отвечает:

– Раз ты отказываешься признать ребенка Оддню и поносишь нас обоих, ты за это заплатишь. Ни от кого еще мне не приходилось сносить подобных оскорблений!

Тут Ивар ударил Торкеля мечом. Удар пришелся по ноге, и рана была очень велика. Торкель выхватил меч и хотел ударить Ивара, однако тот припустил коня, так что удар пришелся по конскому копыту и отхватил его. Ивар спрыгнул с коня и побежал за своими спутниками, а Торкель поехал домой в Крестовый Залив.

На другой день Торкель собирает людей и едет в Залив Гаути, а с ним три десятка человек. Однако когда он прибыл туда, Ивар убрал сходни. Ветер дул с берега, так что они вышли в открытое море и нигде не останавливались, пока не приплыли в Норвегию. Там он поехал к себе домой в Хёрдаланд и сидел спокойно в своей усадьбе.

Торкель уехал к себе в Крестовый Залив и был очень недоволен тем, как обстояли дела, поскольку ему никогда не приходилось сносить большего бесчестья.

4. Рождение Торстейна Бычья Нога

В середине лета или немного позднее Оддню родила ребенка. Это был мальчик, да такой большой, что люди сочли, что им не доводилось видать более крупного младенца. Торкелю сказали, что его сестра разрешилась от бремени ребенком, отцом которого был Ивар Луч. И когда Торкель услыхал

об этом, он пришел в ярость и распорядился, чтобы ребенка вынесли. В те времена был закон, позволявший беднякам выносить детей[32], если они того хотели, хотя это и считалось дурным делом. Торкель велел позвать Фрейстейна, своего раба, и приказал ему убить мальчика, однако тот отказывался, покуда Торкель не пригрозил ему.

Гейтир, отец Торкеля, гостил тогда у Торкеля, своего сына. Он возражал против того, чтобы мальчика вынесли, и говорил, что у него предчувствие, что мальчик этот, если только выживет, будет не из слабых.

Торкель был в таком гневе, что не желал ничего слышать, и настаивал на том, чтобы мальчика вынесли.

И вот Фрейстейн с большой неохотой пришел к Оддню, взял мальчика и отправился с ним в лес. Он завернул младенца в ткань и положил ему в рот кусочек копченой грудинки. Потом он соорудил под корнями дерева надежное укрытие, положил в него ребенка и устроил получше и только тогда ушел. После этого он воротился домой и сказал хозяину, что позаботился о ребенке. Хозяин был очень доволен, и некоторое время все было спокойно.

5. Торстейн растет у Крума

Теперь надо рассказать о том, что вскоре после этого Крум бонд отправился в свой лес по дрова. Он услыхал детский плач, пошел на него и нашел мальчика крупного и пригожего. Рядом лежал кусочек свинины, который, как ему показалось, выпал у ребенка изо рта, отчего он, должно быть, и принялся кричать. До Крума дошел слух о том, что в Крестовом Заливе вынесли ребенка и что Торкель очень на этом настаивал, и Крум решил, что это наверняка он и есть. И хотя они с Торкелем были большие друзья, он счел, что было бы неразумно оставлять умирать такого крепкого ребенка, которого, похоже, ждут великие свершения, и что это было бы немалым злом, а потому он поднял его и отнес к себе домой, никому ничего не сказав об этом. Ребенок был найден спустя два дня после того, как его вынесли.

Крум дал мальчику имя и назвал его Торстейном. Он сказал, что это его сын, на этот счет у них с Торгунной было полное согласие. И вот Торстейн растет там, и Торгунна воспитывает его с любовью и обучает его многим премудростям. Торстейн стал рослым, сильным и сноровистым во всяких играх. Он был настолько силен, что когда ему минуло семь лет, ему уже было впору тягаться со взрослыми мужами, даже с теми из них, кто отличался своею мощью.

Однажды Торстейн пришел по своему обыкновению в Крестовый Залив. Он подошел к горнице. Гейтир, отец хозяина, сидел на поперечной скамье и бормотал себе что-то под нос. А когда мальчик переступал порог, он бежал бегом, как это обычно делают дети, и упал на пол. Гейтир увидал это и расхохотался, а Оддню, увидев мальчика, разрыдалась.

Мальчик подходит к Гейтиру и говорит:

– Что это тебя так рассмешило, когда я упал?

Гейтир отвечает:

– А то, что, если хочешь знать правду, я увидал кое-что такое, чего не видел ты.

– И что это было? – сказал Торстейн.

– Что ж, я скажу тебе. Когда ты входил в горницу, за тобой увязался белый медвежонок[33] и вбежал первым. Да только завидев меня, он остановился, а ты бежал следом за медвежонком и упал на него. Сдается мне, что ты не сын Крума и Торгунны, но происходишь из более знатного рода.

Мальчик уселся рядом с Гейтиром и они принялись беседовать, а когда наступил вечер, Торстейн сказал, что ему пора домой.

Гейтир просил его приходить почаще, – «потому что, сдается мне, у тебя тут могут найтись родичи».

А когда мальчик вышел, к нему подошла Оддню и дала Торстейну только что сшитую одежду. После этого он ушел домой. Теперь он стал частенько наведываться в Крестовый Залив. Торкель не больно его жаловал, но все же считал, что мальчик отличается и ростом, и силой. Гейтир сказал Торкелю, своему сыну, что этот Торстейн, думается ему, был сыном Оддню и Ивара Луча и из него будет толк.

Торкель ответил, что не может этого отрицать:

– Нам следует дознаться до правды.

На другой день Торкель посылает за Крумом, Торгунной и Торстейном, а когда они приходят, Торкель принимается расспрашивать их, как появился Торстейн. Тогда супруги во всем сознались. Фрейстейн тоже поведал свою историю, и в их рассказах все совпало. Торкель решил теперь, что все сложилось как нельзя лучше, и поблагодарил Фрейстейна за то, что тот сделал.

Теперь Торстейн узнал, кто его родня. Он перебирается в Крестовый Залив, и Торкель обращается с ним очень хорошо.

6. Сон Торстейна

Рассказывается, что однажды осенью, когда люди собирались отправиться в горы, Торкель попросил своего родича Торстейна пойти с ними. Тот согласился. Ему было тогда десять лет. Фрейстейн предложил составить ему компанию. И вот они идут проторенными дорогами и находят множество овец, а на обратном пути приходят в глубокую долину. Они были только вдвоем, Торстейн и Фрейстейн. Тут стемнело. Они увидали там большой курган.

– Я намерен заночевать здесь, – говорит Торстейн, – а ты, Фрейстейн, должен бодрствовать этой ночью, и не вздумай будить меня, как бы я себя ни вел во сне, потому что, сдается мне, для меня это может много значить.

Фрейстейн согласился. Затем Торстейн уснул, а позднее ночью он стал вести себя очень беспокойно и сильно метался во сне[34], сотрясаясь с головы до пят. Так продолжалось вплоть до наступления дня. Фрейстейн не знал, как ему быть: следует ли ему разбудить Торстейна или нет, поскольку чем дальше, тем тревожнее тот становился.

А когда рассвело, Торстейн проснулся весь в поту и сказал:

– Ты честно бодрствовал, Фрейстейн, и ты совершил два поступка – первый, когда пошел со мной, а второй теперь, и оба они достойны награды. И я отплачу тебе тем, что добьюсь от Торкеля, моего родича, чтобы он даровал тебе свободу, и вот двенадцать марок серебра, которые я хочу дать тебе. А теперь я расскажу тебе свой сон. Мне привиделось, что курган открылся, и из него вышел человек в красной одежде. Он был велик ростом и не слишком суров с виду.

Он подошел к Торстейну и приветствовал его. Торстейн ответил на его приветствие и спросил, как его зовут и где он живет.

Тот отвечал, что имя его Брюньяр, а живет он в том кургане, «который ты видишь здесь в долине, и мне известно, как тебя зовут и какого ты рода, а также то, что ты станешь большим человеком. Не хочешь ли пойти со мной и посмотреть мое жилище?»

Торстейн согласился, встал, взял свою секиру, которую ему дал Торкель, и вошел в курган. И когда Торстейн осмотрелся там, ему показалось, что курган хорошо убран. Он увидел, что по правую руку от него на скамье сидят одиннадцать человек. Все они были одеты в красное и вели себя сдержанно. А еще видит он, что на противоположной стороне кургана сидят двенадцать человек и все они одеты в черное[35]. Среди них один выделялся ростом и был весьма свиреп с виду.

Брюньяр наклонился к Торстейну и сказал:

– Тот рослый человек – мой брат, только нравом мы совсем не похожи друг на друга. Его зовут Одд, и он очень злобный. Соседство с ним доставляет мне много неприятностей, однако он не только выше меня ростом, но и гораздо сильнее, чем я, так что мне и моим людям пришлось согласиться с тем, что каждую ночь мы должны уплачивать ему марку золота[36] или две марки серебра или же отдавать взамен что-нибудь другое, равное по стоимости. Так продолжается уже второй месяц, и вот теперь наше имущество подходит к концу. Одд хранит золото, у которого есть такое свойство, что, если немой человек положит его себе под корень языка, он тотчас же обретет дар речи[37], и от этого золота твоя мать сможет заговорить, но Одд очень стережет его и не расстается с ним ни днем, ни ночью.

Затем Брюньяр садится рядом со своими товарищами, а Торстейн – неподалеку от них у входа. И вот они сидят так некоторое время, а потом Брюньяр встает и направляется к Одду, своему брату, и вручает ему уве-

систое запястье. Одд молча берет его, а Брюньяр возвращается на свое место. Вслед за ним по очереди поднимаются все остальные и каждый относит Одду какую-нибудь ценность. Тот никого из них даже не поблагодарил в ответ.

А после того, как все они сделали это, Брюньяр сказал:

– Тебе, Торстейн, следовало бы поступить так же и дать Одду что-нибудь ценное. Раз уж ты сидишь на нашей скамье, то иного выхода нет.

Одд сидел очень высоко, сильно нахмурившись, и был весьма сердит с виду. Торстейн встал и взял свою секиру.

Он направился к Одду и сказал:

– Я пришел сюда налегке, Одд, и мне нечем заплатить тебе дань. И ты не должен быть ко мне слишком требовательным, потому что я небогат.

Одд отвечал ему довольно сухо:

– Я не рад твоему приходу сюда, но неужто ты не можешь предложить мне хоть что-нибудь?

– У меня ничего нет, кроме моего топора. Разве что ты захочешь принять его.

Одд протягивает руку за секирой, но тут Торстейн наносит ему удар. Удар пришелся повыше локтя и отхватил руку. Тогда Одд вскочил на ноги, а за ним и все, кто был в кургане. Оружие их висело на стене над ними. Они хватают его и завязывается сражение. Торстейн видит, что теперь, когда Одд стал одноруким, разница в силе между ними не так уж и велика. Все люди в черной одежде кажутся ему более доблестными. А еще он замечает, что даже если у них отрубают руки или ноги или наносят им иные тяжелые увечья, они уже в следующий момент опять становятся целы и невредимы. Но когда удары наносил Торстейн, они оказывали такое же действие, как обычно[38]. Торстейн и все братья сражались не покладая рук до тех пор, пока Одд со всеми его сотоварищами не были убиты. Торстейн был сильно изнурен, однако он не был ранен, так как Брюньяр и его люди прикрывали его щитами ото всех ударов. Затем Брюньяр забрал золото у мертвого Одда, отдал его Торстейну и велел отнести своей матери.

После этого он дал ему кошель с двенадцатью марками серебра и сказал:

– Ты, Торстейн, принес мне освобождение, поскольку теперь я в одиночку владею этим курганом и всем имуществом. И это станет началом тех подвигов, которые тебе суждено совершить за пределами страны. А еще ты примешь новую веру, и вера эта окажется много лучше прежней для всех, кому выпадет принять ее, однако она слишком трудна для тех, кто не был для нее создан, и это – такие, как я, потому что мы, братья, – подземные жители. Но для меня было бы очень важно, если бы ты принес мое имя в христианство и нарек им при крещении своего сына, коли тебе будет суждено его иметь.

– Потом он вывел меня из кургана и перед тем, как мы расстались, сказал: «Если мои слова имеют какую-нибудь силу, то все твои дела принесут тебе почет и удачу». После этого Брюньяр вернулся в курган, а я пробудился, и вот тот кошель и золото в подтверждение всему, что произошло.

Затем они погнали домой скот, который им удалось разыскать. Торстейн рассказал о том, что случилось, и отдал своей матери золото, и как только она положила его под корень языка, она тотчас же обрела дар речи. Этот курган стоит в Ледниковой Долине и зовется Курганом Брюньяра[39], и следы его видны по сей день.

7. Фрейстейн получил в жены Оддню

Фрейстейн вскоре получил свободу по просьбе Торстейна, и Торкель охотно пошел на это, поскольку был расположен к Фрейстейну, так как знал, что тот происходит из хорошего рода и его предки были знатными людьми. Гримкель, отец Фрейстейна, жил в Вёрсе и был женат на Алов, дочери Бруннольва, который был сыном Торгейра сына Вестара[40]. Однако викинг Сокки[41] сжег Гримкеля, отца Фрейстейна, в его доме, а мальчика забрал и продал в рабство.

Поговаривают, что Торстейн выдал за Фрейстейна свою мать, Оддню. Фрейстейн Красавец жил в Песчаном Заливе на Крайнем Мысу и владел Лесным Фьордом и Пещерным Фьордом, и его называли первым поселенцем. От него происходят люди из Песчаного Залива, люди из Лесного Фьорда и люди из Пещерного Фьорда[42].

8. Отъезд Торстейна

Владельца корабля, что стоял в Заливе Гаути, звали Асбьёрн Вертлявый Зад. Торстейн уехал с ним из страны. Ему было тогда двенадцать лет. Торкель снабдил его всем необходимым для поездки, так чтобы он ни в чем не нуждался. Прежде чем поехать на корабль, Торстейн побеседовал со своей матерью.

Она сказала:

– Теперь, родич, ты встретишься со своим отцом, Иваром Лучом. А на тот случай, если он не пожелает признавать свое отцовство, отдай ему это запястье и скажи, что он подарил мне его и не может этого отрицать.

Затем мать с сыном расстались, и Торстейн отправился на корабль и летом уехал из страны. Осенью они прибыли на север Норвегии. Торстейн поехал на постой к Стюркару в Гимсар и провел там зиму. Они со Стюркаром хорошо поладили, поскольку тот видел, что Торстейн был искусен во всем и в играх не уступал самым большим силачам.

Зимой, незадолго до праздника середины зимы, туда прибыли посланцы от Ивара Луча, которым было поручено передать Стюркару приглашение на пир по случаю праздника середины зимы[43]. Во главе их был человек по имени Бьёрн. Стюркар обещал приехать и отправился туда с тремя десятками людей. Торстейн тоже поехал с ним. И вот являются они на пир. Стюркара хорошо принимают, и на пиру он сидит рядом с Иваром.

Пир был на славу, а в последний день, перед тем как люди должны были разъехаться по домам, Торстейн подошел к Ивару и сказал:

– У меня к тебе дело, Ивар: я хочу знать, намерен ли ты признать меня своим сыном.

Ивар отвечает:

– Как тебя зовут и откуда ты приехал?

– Мое имя Торстейн, а мать мою зовут Оддню, она дочь Гейтира, что живет в Исландии, и вот запястье, которое она велела мне отдать тебе в качестве доказательства. Она сказала, что ты должен узнать его, потому что ты сам ей его подарил.

Ивар сильно покраснел и сказал:

– Твой отец должен быть куда менее родовит. В Исландии хватает рабов, так что твоей матери есть кого винить за тебя. И то правда: похоже, мне стоит раз и навсегда отвадить всех этих молодчиков и негодяев, не то любой ублюдок посмеет утверждать, будто я его отец.

Торстейн пришел в большой гнев, но все же сдержался и сказал:

– Ты ответил мне дурно и недостойно, но я приду в другой раз, и если ты и тогда не обойдешься со мной иначе, ты умрешь.

Затем Торстейн поворачивается и уходит.

Ивар сказал Стюркару:

– Я бы хотел, родич, чтобы ты убил этого жеребенка. Сдается мне, от него можно ожидать лишь неприятностей.

– Я не стану этого делать, – говорит Стюркар, – так как считаю, что в его словах больше правды, чем в твоих, и, по-моему, он происходит из знатного рода.

После этого Ивар и Стюркар расстались весьма холодно. Стюркар поехал к себе домой в Гимсар, и Торстейн с ним. У Стюркара была сестра по имени Хердис, очень пригожая женщина. Они с Торстейном хорошо ладили. Он пробыл там две зимы. Потом Торстейн уехал в Исландию и прибыл к себе в Крестовый Залив. За время своей поездки он сильно возмужал. А после того как он пробыл в Исландии три зимы, он уехал в Норвегию вместе с Кольбьёрном Неряхой[44]. Он опять поехал к Стюркару в Гимсар, и тот принял его с распростертыми объятиями.

9. Великаны в лесу Хейдарског

Как ясно рассказывается, тем летом в Норвегии произошла смена правителя. Хакон ярл-язычник пал, а на его место заступил Олав сын Трюггви[45] и стал проповедовать всем правую веру.

Дошло тогда до Олава конунга, что лес Хейдарског осаждают великанши, да так, что не дают никому проходу. Конунг созывает домашний тинг и спрашивает, кто хочет отправиться освобождать Хейдарског[46].

Поднялся тут человек, рослый и видный собой. Его звали Брюньольв, и он был лендрманном[47] в Трандхейме. Он сказал:

– Я готов поехать, государь, если вам угодно.

Конунг ответил, что доволен его решением.

Тогда Брюньольв собирается в путь и берет с собой шесть десятков спутников. Одного человека звали Торкель. Брюньольв и его люди направились к нему на ночлег. Торкель хорошо их принял. Они переночевали у него, а утром он вывел их на дорогу и сказал, что было бы великим несчастьем, если бы конунг лишился возможности впредь пользоваться услугами таких людей.

Затем они поехали своей дорогой и оставались в пути, пока не завидели большие палаты. Видят они, как из них выбегают три великанши. Две из них были еще совсем молоды, а третья – большущая. С ног до головы она была покрыта шерстью, точно бурый медведь. У всех трех в руках были мечи. А еще они увидали, как из палат выходит огромный человек, если его можно было назвать человеком, и с ним двое юнцов. Этот человек держал в руке обнаженный меч, и он так блестел, что казалось, от него летели искры. Все тролли были свирепы с виду[48].

Между ними сразу же завязалась битва. Огромный человек наносил тяжелые удары, да и мохнатая великанша от него не отставала. Дело кончилось тем, что Брюньольв и все его спутники пали, кроме четверых человек, которые бежали в лес, а после явились к конунгу и рассказали ему обо всем, что произошло, и это известие разнеслось повсюду.

10. Торстейн побеждает великанов

Теперь надо рассказать о том, что Стюркар беседовал с Торстейном и спросил у него, не захочет ли тот поехать вместе с ним в лес Хейдарског. Торстейн отвечал, что готов отправиться в эту поездку. Как-то раз они снарядились с утра пораньше и пошли наверх в горы на лыжах. Они нигде не останавливались до самого вечера, пока не добрались до какой-то хижины, поставленной для укрытия путников, и не решили там заночевать. Тогда они распределили обязанности: Торстейн должен был принести воды, а Стюркар разжечь огонь[49].

И вот Торстейн выходит, прихватив с собой копье, которое ему дал Стюркар, а в другой руке у него ведра. Он почти дошел до озера, как увидал девушку, которая шла с ведрами по воду. Она была не так уж велика ростом, но страх какая толстая. Стоило ей завидеть Торстейна, как она бросает ведра и бежит что есть духу обратно той дорогой, которой пришла. Торстейн тоже оставляет свои ведра и устремляется за нею. Заметив это, девушка припустила еще быстрее. И вот бегут они оба изо всех сил, и расстояние между ними не возрастает и не убывает. Так продолжается до тех пор, пока Торстейн не

видит впереди громадные и прочные палаты. Девушка вбегает туда и захлопывает за собой дверь. Торстейн увидел это и метнул ей вслед копье. Оно попало в дверь, пронзило ее насквозь и влетело внутрь.

Торстейн подходит к палатам и заходит туда. На полу он находит свое копье, но девушки и след простыл. Он идет дальше, пока не доходит до спальной каморки. Там горела свеча. Торстейн видит, что в постели лежит женщина, если ее можно было так назвать. Была она рослая и толстенная и всего больше походила на троллиху. Лицо у нее было безобразное и иссиня-черное[50]. Она лежала в шелковой рубашке, которая выглядела так, точно ее выстирали в человеческой крови. Великанша спала и громко храпела. Над нею висели щит и меч. Торстейн взобрался на край ложа, снял сверху меч и обнажил его. Потом он сорвал с великанши одежду. Видит он тут, что вся она покрыта густой шерстью, кроме одного-единственного местечка под левой рукой, которое, как он приметил, оставалось гладким. Он решил, что если уж это место не уязвимо для железа, то наверняка никакого другого ему и вовсе не найти[51]. Он вонзил меч в это самое пятнышко и всею тяжестью навалился на рукоять. Меч проник так глубоко, что острие вошло в перину. Тут старуха пробудилась, точно от дурного сна, принялась шарить руками и вскочила. Торстейн одним быстрым движением загасил свечу и перемахнул через великаншу прямиком в постель, а она спрыгнула на пол, думая, что ее убийца должен был броситься к двери, однако, не успела она добраться туда, как изнемогла от полученного удара и умерла.

Затем Торстейн подходит к ней, вытаскивает клинок из раны и уносит его с собой. Он идет в глубь покоев, пока не доходит до выдвижной двери, она была опущена вниз, но не задвинута. Он увидал, что на скамье восседает огромный безобразный человек, а над ним висит полное боевое снаряжение. Рядом с ним сидела большущая злобная с виду великанша, она казалась еще не старой. На полу играли двое парнишек. На головах у них только начинали пробиваться волосы.

Великанша заговорила:

– Неужто тебя клонит в сон, отец Ярнскьёльд[52]?

– Нет, Скьяльддис[53], дочка. Меня одолевают духи могучего человека.

Затем он позвал мальчиков, Хака и Хаки[54], и велел им пойти к Скьяльдвёр[55], их матери, узнать, спит она или бодрствует.

Скьяльддис ответила:

– Неразумно, отец, посылать детей в темное время. Я должна тебе сказать, что сегодня вечером заметила, как с гор спускаются два человека. Они были настолько быстроноги, что, думаю, мало кто из наших людей мог бы с ними сравниться.

– Меня это мало заботит, – говорит Ярнскьёльд, – ведь конунг посылает сюда только таких людей, какие мне не страшны. Есть лишь один человек,

которого я боюсь, его зовут Торстейн сын Оддню, и он из Исландии. Однако во всем, что касается моей судьбы, у меня точно завеса пред глазами, а отчего – не знаю[56].

– Навряд ли, – говорит она, – этот Торстейн когда-нибудь явится в Хейдарског, отец.

Парнишки направились к выходу, а Торстейн отошел в сторону. Они выбежали вон.

Немного погодя Скьяльддис заговорила опять:

– Мне нужно выйти.

И вот она устремляется к дверям, проворно и без опаски. Торстейн освобождает ей дорогу. А когда Скьяльддис подходит к наружной двери, она спотыкается и падает на мертвое тело своей матери. Она онемела от потрясения. Затем она выбежала вон из покоев. Тут как раз подоспел Торстейн и мечом Дань Скьяльдвёр[57] отрубил ей руку. Тогда она попыталась было воротиться в покои, но Торстейн загородил ей проход. В руке у нее был короткий меч. Они сражались некоторое время, и дело закончилось тем, что Скьяльддис упала мертвой.

Тут выходит Ярнскьёльд. В руке у него был обнаженный меч, который сиял так ярко и был таким острым, что Торстейн решил, что ему никогда прежде не доводилось видать ничего подобного. Он тотчас же нападает на Торстейна. Тот увернулся от удара, но все же был ранен в бедро. Меч вонзился в землю по самую рукоять. Ярнскьёльд наклонился за ним, но в этот момент Торстейн проворно и со всего размаху нанес ему удар мечом Дань Скьяльдвёр. Удар пришелся прямиком в плечо и отхватил руку и ступню. Ярнскьёльд упал. Торстейн нанес ему вслед за тем еще несколько могучих ударов и снес ему голову.

После этого Торстейн заходит в покои. Но только он ступил внутрь, как был схвачен и брошен оземь прежде, чем успел сообразить, что происходит. Торстейн видит тут, что это явилась старуха Скьяльдвёр[58], и на этот раз иметь с ней дело было еще труднее, чем раньше[59]. Она склонилась над Торстейном, собираясь перегрызть ему глотку. И вот Торстейну приходит на ум, что, должно быть, всемогущ тот, кто сотворил небо и землю. А еще ему доводилось слыхать немало рассказов – и притом заслуживающих доверия – об Олаве конунге и той вере, что тот проповедовал, и тогда он от чистого сердца и в здравом рассудке обещает принять эту веру и, покуда жив, служить Олаву со всем возможным усердием, если только ему удастся уйти оттуда целым и невредимым[60]. И как раз когда она собралась было вонзить зубы Торстейну в горло, а тот принес свой обет, в покои проникает ужасно яркий луч и направляется прямиком старухе в глаза. От одного его вида ей сделалось так скверно, что из нее вышла вся ее сила и мощь[61]. Принялась она тут зевать, гадко разевая пасть, а потом из нее начала извергаться рвота прямо Торстейну в лицо, так что тот едва не умер от мерзости и зловония, которые от нее исходили. Люди думают, что, должно быть, некая толика этого проникла тогда

Торстейну в грудь, и по этой причине, как им казалось, он с тех пор иногда менял свое обличье[62]. Но то ли это было из-за рвотины Скьяльдвёр, то ли оттого, что его вынесли в детстве.

И вот лежат они оба между жизнью и смертью и ни один из них не в силах подняться.

11. О Торстейне

Теперь надо рассказать о том, что Стюркар остается в укрытии для путников и кажется ему, что Торстейн замешкался. И вот он бросается на лавку и лежит, а спустя некоторое время туда вбегают двое мальчуганов, оба весьма свирепые с виду. У каждого в руках было по короткому мечу, и они сразу же набрасываются на Стюркара, но тот выхватывает столб из сиденья и принимается дубасить их, покуда не убивает обоих.

После этого он выходит из дома, догадываясь, что́ могло задержать Торстейна, и идет, пока не приходит к палатам. И вот он видит следы сражения – лежащих там двоих мертвых троллей, однако Торстейна нигде не видно. Тогда он начинает опасаться, уж не попал ли тот в беду, и приносит обет создателю земли и небес принять ту веру, которую проповедовал Олав конунг, если только отыщет нынче же ночью своего товарища Торстейна живым и невредимым. Затем он заходит в палаты и доходит до того места, где лежали Скьяльдвёр и Торстейн. Он спрашивает у Торстейна, способен ли тот говорить. Тот отвечает, что, мол, этому ничто не препятствует, и просит его о помощи. Тогда Стюркар берется за Скьяльдвёр и стаскивает ее с Торстейна. Тот тотчас же поднимается на ноги. Он сильно одеревенел ото всего этого – и от борьбы с великанами, и от объятий Скьяльдвёр. Потом они сломали старухе Скьяльдвёр шею[63], и это показалось им весьма нелегким делом, поскольку шея у нее была уж больно толстая. Затем Торстейн поведал Стюркару обо всем, что с ним произошло.

Стюркар ответил:

– Ты большой храбрец, и сдается мне, молва об этих твоих подвигах будет идти, пока люди населяют Северные Страны.

Потом они стащили всех троллей в одно место, разожгли костер и спалили их дотла. Затем они обыскали палаты и не нашли там ничего ценного. После этого они отправились в путь и возвратились домой в Гимсар. И вот слух об этих событиях разнесся повсюду, и все сочли это большим подвигом.

12. Ивар признает Торстейна своим сыном

Олав конунг сидел на пиру в Хёрдаланде. Туда приезжают Стюркар и Торстейн. Они предстают перед конунгом и приветствуют его. Ивар Луч был тогда с конунгом и пользовался таким почетом, что между ним и конунгом сидели всего два человека.

Торстейн подходит к Ивару с обнаженным мечом Дань Скьяльдвёр, приставляет острие к его груди и говорит:

– Предлагаю тебе выбрать одно из двух: либо я глубоко вонжу в тебя это острие, либо ты признаешь свое отцовство.

Ивар отвечает:

– Мне кажется почетным иметь такого сына, как ты. Кроме того, твоя мать такая хорошая женщина, что, я уверен, она ни за что не сказала бы, что я твой отец, когда бы это не было правдой. Конечно, я признаю тебя.

Потом конунг принялся рассказывать им, как и всем, кто к нему приходил, о христианской вере. Что до них, то они и не думали ему противиться. Они поведали конунгу о причине своего приезда и обо всем, что с ними приключилось в лесу Хейдарског. Тогда конунг многократно вознес хвалы Богу за те чудесные знамения, которые он являет в этом мире грешным людям. После этого они оба приняли крещение. Стюркар уехал к себе домой в Гимсар и сохранил все поместья, которые у него были, а Торстейн сделался человеком Олава конунга и, как и Ивар, его отец, служил конунгу до самой его смерти, и оба они считались храбрецами, каких мало.

13. Торстейн одолел жертвенного быка

Жил человек по имени Харек. Он жил в Рейне[64] в Трандхейме и был лендрманном. Люди его недолюбливали. Он принял христианство, но конунгу донесли, что в его поведении все же было что-то языческое. Поэтому конунг поехал туда на пир, с тем чтобы разведать, правда ли это. Пир там был на славу. Харек был человек завистливый и злокозненный. В нем взыграла ревность к тому, каким почетом пользовался Торстейн.

Как-то раз Харек с Торстейном беседовали. Харек принялся расспрашивать Торстейна о его подвигах, и тот рассказал ему о том, о чем он спрашивал.

– Как ты думаешь, есть ли в Норвегии кто-нибудь сильнее тебя? – говорит Харек.

– Мне об этом ничего не известно, – говорит Торстейн.

– А как ты думаешь: кто из вас двоих сильнее – конунг или ты? – говорит Харек.

– Наверняка я больше уступаю конунгу во всем другом, – говорит Торстейн, – но даже и в силе мне с ним не сравниться.

На этом их разговор закончился.

А на следующий день Харек сказал конунгу, что Торстейн считает себя равным ему во всех искусствах. Конунг ничего на это не ответил.

Немного погодя конунг объявил, что тем, кто считает себя не менее сноровистыми людьми, чем он, следовало бы подвергнуться испыта-

нию и показать, на что они способны, – «и правда ли, Торстейн, будто ты утверждал, что не хуже меня владеешь всякими искусствами или даже еще лучше?»

– Я ничего подобного не говорил, государь, – отвечает Торстейн. – Кто вам это сказал?

– Харек, – говорит конунг.

– Почему бы ему вместо этого не рассказать вам о жертвенном быке, которому он втайне поклоняется, так как в этом было бы куда больше правды? Что до меня, то я сказал лишь то, государь, что больше уступаю вам во всем остальном, нежели в силе, но даже и в ней я не могу с вами сравниться.

– В этих словах есть правда, Харек? – спросил конунг.

– Совсем немного, государь, – говорит Харек.

– Покажи-ка нам быка, которого ты так ценишь, – говорит конунг.

– Это в вашей власти, государь, – говорит Харек. – Но раз так, нам придется пойти в лес.

Они так и сделали. И когда они пришли туда, они увидели большое стадо. В нем был один большущий бык, такой свирепый, что конунг решил, что никогда не видал подобного. Бык страшно ревел и вел себя буйно.

Харек сказал:

– Вот этот бык, государь, и я им очень дорожу, потому что он мой любимец.

– Вижу, – сказал конунг, – и мне это совсем не нравится. Как ты, Торстейн, смотришь на то, чтобы испытать свою силу и попробовать поймать этого быка? Сдается мне, что если оставить его в живых, из этого не выйдет ничего хорошего.

Торстейн бросается в стадо скота, прямиком туда, где стоял бык. Бык отпрянул было от него, однако Торстейн схватил его за заднее копыто, да так крепко, что разорвались и шкура, и мясо, так что вся нога целиком вместе с бедром осталась у него в руках. Торстейн направился с нею к конунгу, а жертвенный бык повалился мертвый. Бык отбивался так яростно, что его передние ноги ушли в землю по самые колени.

Конунг сказал тогда:

– Ты, Торстейн, большой силач, и покуда ты будешь иметь дело с человеческими существами, тебе не придется испытывать недостатка в мощи. А теперь я собираюсь продолжить твое имя, чтобы отныне тебя называли Торстейном Бычья Нога, и вот тебе запястье, которое я дарую тебе в честь наречения имени[65].

Торстейн принял запястье и поблагодарил за него конунга, потому что это было большое сокровище. Затем конунг отправился назад в усадьбу и взял себе все добро Харека, а его самого изгнал из страны за неповиновение и приверженность язычеству.

14. Торстейн убил великанов

Вскоре после этого приходят опять вести из леса Хейдарског, что его осаждают тролли и не дают прохода людям. Стюркар велит тогда передать Торстейну, что пора им в другой раз отправляться в Хейдарског. Торстейн сразу же откликается на его призыв, собирается с дозволения конунга в дорогу и встречается со Стюркаром. И вот идут они вдвоем, приходят в ту хижину для укрытия путников, где они уже бывали прежде, и проводят там ночь.

На другой день, когда они вышли из хижины, они увидели в лесу тринадцать человек, среди них была одна женщина. Они пошли в их сторону. Торстейн узнает в женщине ту самую девочку, что он видал прежде. Она успела сильно вырасти, и теперь стала здоровенной великаншей.

Она обратилась к Торстейну и сказала:

– Ты опять здесь, Торстейн Бычья Нога, и я всегда буду помнить, как ты явился сюда в прошлый раз. Ты тогда убил моего отца, мать и сестру, а Стюркар – двух моих братьев, а еще ты погнался за мной. Я была тогда сильно напугана, и чего же еще можно было ожидать от девятилетней девочки? Но сейчас мне двенадцать лет. Когда мы с тобой расстались, я спустилась в подземелье, и пока вы с моим отцом бились, снесла из покоев вниз в подпол, что под кроватью моей матери, все, что было ценного в доме. Недолгое время спустя я вышла замуж за этого человека, Скелкинга[66], с таким условием, что он убьет вас обоих – тебя и Стюркара. И вот он тут, и с ним его одиннадцать братьев, так что, обороняясь, тебе придется проявить всю свою храбрость, если только это тебе поможет.

Затем между ними завязывается битва. Скьяльдгерд[67] нападает на Торстейна так рьяно, что кажется ему, никогда еще он не подвергался такому испытанию. Однако их схватка закончилась тем, что Торстейн нанес Скьяльдгерд удар повыше бедра мечом Дань Скьяльдвёр и разрубил ее пополам. Стюркар тем временем сразил Скелкинга. Затем они быстро одержали верх над оставшимися одиннадцатью братьями и убили их всех. Потом они отправились в палаты, проникли в подземелье и вынесли оттуда множество сокровищ. После этого они воротились домой в Гимсар и поделили между собой все это добро.

Потом Торстейн посватался к Хердис, сестре Стюркара, и получил ее в жены. А еще люди рассказывают, что у них был сын, которого звали Брюньяр. Затем Торстейн уехал к Олаву конунгу и с той поры оставался с ним и пал на Великом Змее[68].

ПРЯДЬ О ТОРВАЛЬДЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКЕ

1

Жил человек по имени Эйлив Орел. По нему зовется самая высокая гора на Побережье Дымов в Полуостровном Фьорде. Эйлив Орел был сыном Атли, внуком Скиди Старого, правнуком Барда ярла[1]. Эйлив Орел был женат на Торлауг дочери Сэмунда с Гебридских Островов[2], который поселился на Сэмундовом Склоне. У них было трое сыновей. Одного звали Сёльмунд, он был отцом Гудмунда[3] и дедом Барди Убийцы[4] и его братьев. Второй был Атли Сильный. Его женой была Хердис дочь Торда с Мыса[5]. Их дочерью была Торлауг, которая была замужем за Гудмундом Могучим с Подмаренничных Полей[6]. Третьего сына Эйлива Орла звали Кодран, что жил у Овражной Реки в Озерной Долине[7]. Он был богатый человек. Его жену звали Ярнгерд. Одного их сына звали Орм, а другого Торвальд. Кодран очень любил Орма, своего сына, Торвальда же любил не слишком, а то и вовсе недолюбливал его. Сызмалу его заставляли работать. Он был плохо одет, и с ним обращались так, как если бы он был неровня своему брату. Какую бы работу ему ни поручали в отцовском доме, он всегда выполнял ее со всем рвением.

2

Жила в то время на Полуостровном Побережье, в месте, которое с тех пор получило название Гора Прорицательницы[8], Тордис Прорицательница[9]. Одним летом она приняла приглашение погостить у Кодрана с Овражной Реки, поскольку они с ним были друзьями.

А когда Тордис сидела за угощением и увидала, насколько по-разному обходятся с братьями, она сказала Кодрану:

– Мой тебе совет впредь выказывать больше расположения твоему сыну Торвальду, чем ты это делал до сих пор, так как я предвижу, что он во многих отношениях прославится куда больше всех твоих прочих родичей. Однако, если ты его недолюбливаешь, дай ему денег и, коли найдется кто-нибудь, кто стал бы присматривать за ним, пока он молод, отпусти его от себя.

Видит Кодран, что она сказала это из добрых побуждений, и говорит, что, конечно же, даст ему немного серебра. Он достает кошель и показывает ей.

Тордис взглянула на серебро и сказала:

– Негоже ему брать эти деньги, потому что ты добыл их силой и принуждением, отняв у тех, кого заставил платить тебе неустойки.

Тогда он достал другой кошель и попросил ее взглянуть.

Она так и сделала, а затем сказала:

– Я не возьму для него эти деньги.

Кодран спросил:

– Что же не так с этим серебром?

Тордис отвечает:

– Эти деньги ты стяжал из алчности, взимая бóльшую плату, чем положено, за ссуды и за пользование землей. Вот почему этими деньгами не должен распоряжаться тот, кому предстоит стать человеком справедливым и щедрым.

Затем Кодран показал ей тяжелый кошель, он был полон серебра. Тордис отвесила из него для Торвальда три марки серебра, а остальное отдала обратно Кодрану.

Тогда Кодран спросил:

– Отчего же ты предпочла взять для моего сына часть этих денег, а не тех, что я выкладывал перед тобой прежде?

Она отвечает:

– Оттого, что они достались тебе праведным путем, ведь ты унаследовал их от своего отца.

После этого Тордис уехала с пира восвояси, получив на прощанье хорошие подарки и заручившись дружбой Кодрана. Она увезла Торвальда к себе домой на Гору Прорицательницы. Он прожил у нее некоторое время, и у него не было недостатка ни в одежде, ни во всем остальном, что бы ему ни понадобилось, и он там очень возмужал.

А когда он достаточно вырос, он уехал из страны по совету Тордис. Он нигде не останавливался, пока не прибыл в Данию. Там он встретился со Свейном, который был прозван Вилобородым[10]. С материнской стороны Свейн происходил из низкого рода, однако он утверждал, что он сын Харальда сына Горма, конунга датчан. Тогда у Свейна еще не было постоянного пристанища в Дании, так как Харальд конунг не желал признавать своего отцовства[11]. Свейн проводил много времени в походах, и конунгом его, по обычаю викингов, называли его сподвижники[12]. Когда Торвальд явился к Свейну, тот хорошо его принял, и Торвальд сделался его человеком и несколько лет кряду ходил вместе с ним в походы на запад за море.

Торвальд успел пробыть со Свейном конунгом совсем недолго, прежде чем тот стал ценить его больше других людей и выделять среди всех своих друзей, поскольку Торвальд был отменным советчиком и его достоинства и рассудительность были очевидны всем. Он был силен и отважен, умел в обращении с оружием и доблестен в бою, великодушен и щедр и показал себя человеком, в чьей верности нельзя было усомниться, готовым служить со смирением и внушающим расположение и любовь всем своим товарищам, и вполне заслуженно, так как, хотя он все еще оставался язычником, он был куда более справедлив, чем другие язычники, и всю ту добычу, которая доставалась ему

в походах, он отдавал нуждающимся и пускал на освобождение пленников, и помогал многим из тех, кто попал в беду. И если при дележе в его доле оказывались взятые в плен люди, он отсылал их назад к их отцам или родичам точно так же, как и тех, за чье освобождение он уплатил выкуп. И поскольку в сражениях он проявлял большую отвагу, чем другие воины, они взяли за правило, что при всяком дележе он мог первым выбрать, что ему приглянется. Он же использовал это свое отличие, выбирая сыновей могущественных людей или еще что-нибудь, утрата чего доставляла наибольшее горе тем, кто этого лишился, и с чем его товарищи всего неохотней расстались бы, а затем отсылал это их прежним владельцам. За это его любили даже те, кто подвергся набегам людей Свейна, и они повсюду прославляли его великодушие. С той поры ему не составляло труда освобождать своих товарищей, когда тех захватывали враги, и в не меньшей мере это касалось и самого конунга Свейна.

Однажды случилось так, что Свейн воевал в Бретланде[13]. Поначалу он одержал победу и захватил большую добычу. Однако когда он покинул свои корабли и двинулся в глубь страны, ему навстречу выступило такое большое конное войско, что он был не в состоянии ему противостоять. Свейн конунг был захвачен в плен, связан и брошен в темницу, а с ним вместе Торвальд сын Кодрана и множество других знатных и достойных людей. На следующий день в темницу явился могущественный военачальник с большим отрядом, с тем чтобы забрать Торвальда из узилища, поскольку незадолго до того тот освободил взятого в плен сына этого самого военачальника и отослал его домой к его отцу. Военачальник предложил Торвальду выйти из темницы и уйти оттуда свободным. Торвальд поклялся, что, пока он жив, он ни за что не уйдет оттуда, если не будет освобожден и отпущен Свейн конунг со всеми своими людьми. Военачальник тотчас же пошел на это ради него, что впоследствии подтвердил Свейн конунг, когда он сидел за отменным угощением с двумя другими конунгами. И когда принесли мясное, один из слуг, прислуживающих за конунговым столом, сказал, что не бывать уже больше такому пышному застолью, на котором бы трое столь же могущественных конунгов ели бы с одного блюда.

Свейн конунг отвечает тогда улыбнувшись:

– Мне знаком сын чужеземного бонда, в котором одном, ежели судить по справедливости, никак не меньше достоинства и благородства, чем во всех нас троих конунгах, вместе взятых.

Это вызвало большое оживление в палате, и все стали смеясь спрашивать, кто бы это мог быть и что это за человек такой, что он удостоил его этакой похвалы.

Конунг отвечает:

– Человек, о котором я говорю, обладает таким умом, какой пристало иметь мудрому правителю, силен и отважен, как самый бесстрашный берсерк[14], обходителен и учтив, как самый благовоспитанный конунгов советник.

Потом он рассказал о том происшествии, о котором было написано ранее, как Торвальд освободил конунга благодаря всеобщей любви к нему и его превосходным и похвальным качествам.

3

После того как Торвальд побывал во многих странах, он принял истинную веру и был крещен саксонским епископом по имени Фридрек[15]. Потом он постарался убедить Фридрека епископа, чтобы тот отправился вместе с ним в Исландию проповедовать слово Божье и попытаться обратить к Господу его отца и мать и прочих близких родичей. Епископ с охотой согласился на это, и затем они отбыли в Исландию, и их плаванье прошло удачно.

Кодран хорошо встретил своего сына. Первую зиму Торвальд с епископом провели на Овражной Реке вместе с Кодраном, и с ними там было еще двенадцать человек. Торвальд сразу же принялся проповедовать слово Божье своим родичам и всем прочим, с кем ему доводилось встречаться, поскольку епископу был незнаком язык жителей страны, и благодаря его речам той зимой некоторые люди обратились в истинную веру.

Теперь же первым делом надо рассказать о том, как он привел к правой вере своего отца и его домочадцев. Во время одного праздника, когда Фридрек епископ вместе со своими учеными людьми служил мессу и божественную службу, Кодран стоял поблизости, больше из любопытства, чем из желания принять их обычай. Однако когда он услыхал колокольный звон и красивое церковное песнопение, почувствовал сладостный дух благовоний и увидал епископа в великолепном облачении и всех, кто ему прислуживал, одетых в белые одежды и с просветленными лицами, а еще увидал, какое большое сияние шло во всем доме от прекрасного света восковых свечей, а также увидел все другое, что сопровождало празднование, все это ему очень понравилось.

В тот же самый день он подошел к Торвальду, своему сыну, и сказал:

– Теперь я сам посмотрел и смог убедиться в том, как преданно вы служите вашему богу, однако, насколько я понимаю, наши обычаи совсем несхожи, так как мне показалось, что ваш бог радуется свету, тогда как наши боги его боятся. И если дело обстоит так, как я думаю, то человек, которого ты называешь вашим епископом, – прорицатель, ведь мне известно, что ты узнаешь от него все то, что ты проповедуешь нам от имени твоего бога. Но у меня есть свой прорицатель, и мне от него много проку. Он предупреждает меня о множестве вещей, которые еще не произошли, оберегает мой скот и напоминает мне о том, что я должен сделать и чего я должен остерегаться. А потому я очень доверяю ему и издавна его почитаю. Но ты и твой прорицатель, а также ваш обычай сильно унизили его, и он отговаривает меня от того, чтобы я знался с вами, а больше всего от того, чтобы я принял вашу веру.

Торвальд сказал:

– Где живет твой прорицатель?

Кодран отвечает:

– Он живет здесь, неподалеку от моего двора, в здоровенном валуне.

Торвальд спросил, давно ли он там проживает.

Кодран сказал, что тот живет там с давних пор.

– Раз так, отец, – говорит Торвальд, – давай заключим уговор. Ты говоришь, что твой прорицатель очень силен, и ты испытываешь к нему большое доверие. Епископ же, которого ты называешь моим прорицателем, – обыкновенный человек и к тому же не больно крепкий. Но если он сумеет, опираясь на могущество того Бога на небесах, в которого мы верим, изгнать твоего прорицателя из его неприступного жилища, то будет правильно, если ты откажешься от него и обратишься к всемогущему Господу, твоему создателю, который и есть истинный Бог, и нет такой силы, которая одолела бы его. Там, где он обретается, вечный свет, и он приводит к нему всех, кто верит в него и преданно ему служит, чтобы они жили там вместе с ним в несказанном блаженстве, которому не будет конца. И если ты обратишься к этому величайшему небесному конунгу, ты вскоре сможешь понять, что тот, кто отвращает тебя от веры в него, – законченный обманщик и что он стремится утащить тебя вместе с собой от вечного света в бесконечную тьму. И если тебе кажется, что он делает для тебя что-то хорошее, то он делает это лишь для того, чтобы ты легче поддался обману, поверив, что он полезен и необходим тебе.

Кодран отвечает:

– Ясно мне, что между ним и вами с епископом вовсе нет согласия, а еще я хорошо вижу, что каждый из вас очень старается одержать верх, и все то, что ты говоришь про него, он говорит про вас. Но что проку дальше рассуждать об этом? Уговор, который ты предложил, покажет, на чьей стороне правда.

Торвальд обрадовался словам своего отца и рассказал епископу о том, как обстоят дела, и обо всем их разговоре. На следующий день епископ освятил воду, а потом ходил вокруг валуна, вознося молитвы, распевая псалмы и окропляя его водой, так что весь камень стал влажным.

Следующей ночью прорицатель Кодрана явился ему во сне и сказал с печальным видом и весь дрожа, словно от страха:

– Ты плохо поступил, когда пригласил сюда этих людей, которые злоумышляют против тебя, пытаясь прогнать меня из моего жилища, потому что они облили мой дом кипятком, и теперь мои дети терпят немалые муки от жгучих капель, которые протекают внутрь с крыши. И хотя мне самому это и не причиняет большого вреда, все равно мне тяжко слышать плач моих малолетних чад, когда они кричат от полученных ожогов.

А когда наступило утро, Кодран, будучи спрошенным, рассказал обо всем этом своему сыну. Торвальд обрадовался и стал убеждать епископа, чтобы тот продолжил начатое им дело.

Епископ пошел к валуну вместе со своими людьми и совершил то же, что и днем раньше, усердно моля всемогущего Господа изгнать дьявола и явить свою милость этому человеку.

На следующую ночь коварный прорицатель вновь пришел к Кодрану, и вид его сильно отличался от привычного, так как прежде он имел обыкновение появляться с радостным и веселым выражением на лице и пышно разодетым, нынче же он был в изодранном черном меховом плаще, с потемневшим и злобным лицом. Он сказал бонду печальным и дрожащим голосом:

– Эти люди делают все, чтобы лишить нас обоих как нашего имущества, так и выгоды, поскольку они стараются изгнать меня из моих отчих владений, а тебя оставить без преданной заботы и прозорливых предсказаний. И теперь ты должен поступить как пристало мужу и прогнать их прочь, чтобы мы не лишились из-за этих злодеев всех своих благ. Что до меня, то я никогда не покину своего жилища, как бы ни тяжело мне было сносить невзгоды и чинимые ими бесчинства.

Все это и многое другое из того, что ему говорил дьявол, Кодран рассказал утром своему сыну.

Епископ и на третий день отправился к валуну и совершил там то же, что и прежде.

А на следующую ночь этот зловредный дух в третий раз явился к бонду с печальным видом и вновь принялся изливать на него свои причитания рыдающим голосом:

– Этот злой обманщик, епископ христиан, лишил меня всего моего имущества. Он разорил мой дом, вылил на меня кипяток, насквозь промочил мою одежду, так что она расползлась и пришла в полную негодность. По его вине я и мои домочадцы получили неизлечимые ожоги, и этим он вынудил меня бежать подальше от обитаемых мест и превратиться в изгнанника. Так что нынче нам с тобой придется расстаться и разорвать нашу дружбу, и все это происходит из-за твоего вероломства. Вот и думай теперь сам, кто будет отныне беречь твое добро столь же преданно, как его берег я. Тебя называют человеком справедливым и честным, однако же ты отплатил мне злом за добро.

Кодран отвечает на это:

– Покуда я не ведал правды, я почитал тебя как полезного и сильного бога. Теперь же, после того как я убедился в твоем коварстве и полном бессилии, мне будет только правильно и вовсе незазорно оставить тебя и перейти под защиту того божества, которое намного лучше и могущественнее тебя.

На этом они расстались с неприязнью и безо всякого дружелюбия.

После этого Кодран бонд, его жена Ярнгерд и все его домочадцы, кроме Орма, его сына, приняли крещение. Орм же не пожелал в тот раз креститься[16].

4

Следующей весной епископ и Торвальд отправились со своими людьми на запад в Ивовую Долину[17]. Они поставили двор у Слияния Ручьев и жили там четыре зимы, разъезжая в эти годы по всей Исландии и проповедуя слово Божье[18].

В первый год их пребывания у Слияния Ручьев Торвальд попросил руки женщины по имени Вигдис. Она была дочерью Олава, который жил в Лощине Хауков в Озерной Долине.

А когда епископ и Торвальд прибыли на свадебный пир[19], оказалось, что среди приглашенных туда гостей было множество язычников. По тогдашнему обычаю, там был просторный, хорошо убранный покой, и через него протекал небольшой ручеек. Никто из них, ни христиане, ни язычники, не желали сидеть вместе за одним столом. Было тогда решено повесить между ними полог поперек покоя, в том месте, где был ручей. Епископ вместе с крещеными людьми должны были сидеть в передней части покоя, а язычники за пологом.

На этой свадьбе среди прочих язычников были два брата, оба могучие берсерки, весьма сведущие в колдовстве. Оба они носили имя Хаук. И поскольку они, как могли, изо всех сил противились правой вере и были готовы на все, чтобы уничтожить христианские обычаи, они предложили епископу, если у того достанет на это храбрости и веры в своего Бога, попытать себя в тех умениях, в которых они имели обыкновение упражняться, – пройтись босиком по пылающему огню или броситься на острие меча так, чтобы остаться невредимым. Епископ же, полагаясь на милосердие Божье, не стал отказываться.

Вдоль всего покоя были разведены большие костры, так как в то время у людей было в обычае пить пиво у огня. Епископ облекся во все свои епископские ризы и освятил воду, а потом в этом облачении, с митрой на голове и с епископским посохом в руке, подошел к огню. Он освятил огонь и окропил его водой. Затем в покой, грозно завывая, вошли те двое берсерков, оба кусали ободья своих щитов и держали в руках обнаженные мечи. Они собрались было пройти через огонь, но все произошло куда быстрее, чем они рассчитывали, и они оба упали ничком, споткнувшись о горящие поленья. Тут пламя охватило их, и притом с такой силой, что они вскорости сгорели, и были уже мертвы, когда их вытащили из огня. Их перенесли в лощину и там похоронили, поэтому с той поры она зовется Лощиной Хауков[20].

Фридрек епископ сотворил крестное знамение и шагнул в огонь, в самую его середину, а потом прошел сквозь огонь вдоль всего покоя, и пламя расступалось перед ним в обе стороны, как если бы его сдувало ветром. При этом он вовсе не чувствовал пагубного жара, идущего от огня, и не было опалено ни краешка его облачения. После этого многие из тех, кто видал это величайшее чудо, обратились к Богу.

Гуннлауг монах[21] рассказывает, что он слыхал об этом происшествии от правдивого человека, Глума сына Торгильса, а Глум узнал об этом от человека, которого звали Арнор сын Арндис.

Олав из Лощины Хауков позднее воздвиг на своем дворе церковь[22], и Торвальд раздобыл ему для этого лесу.

5

Епископ и Торвальд постоянно прилагали все усилия, чтобы привести как можно больше людей к Господу. Чтобы проповедовать слово Божье, они разъезжали не только по соседним округам, но и по всей Исландии.

Когда подошло время альтинга, они прибыли на запад в Лощину[23] в Долины Широкого Фьорда. Торарина бонда[24] не было дома, однако его хозяйка, Фридгерд, дочь Торда с Мыса, поначалу хорошо приняла их. Торвальд рассказывал людям о вере, а тем временем Фридгерд в доме совершала жертвоприношения, так что оба они слыхали, что говорит другой. Фридгерд ответила на слова Торвальда коротко и злобно, а Скегги, их с Торарином сын, принялся насмехаться над тем, что сказал Торвальд.

Торвальд сложил об этом такую вису:

Слово слушать Божье
мужи не охочи;
божницы кропитель
осмеял нас дерзко.
Ветхая, волхвуя,
над требищем скальду
– да накажет жрицу
Бог – слала проклятья[25].

Ничего не сообщается о том, чтобы кто-нибудь из жителей западной четверти[26] перешел в христианство, прислушавшись к их речам. Однако, когда они ездили по северным округам, то там истинную веру приняли некоторые знатные люди: Энунд сын Торгильса, сына Греньяда в Долине Дымов[27], Хленни из Грязей в Островном Фьорде[28] и Торвард с хутора Горный Кряж, что у Долины Хьяльти[29]. Одного брата Торварда звали Арнгейр, а другого Торд. Он был сыном Мудрого Бёдвара сына Андотта, первопоселенца, который жил в Лесном Заливе[30]. Эти и многие другие люди в северной четверти сделались добрыми христианами, но было там и немало таких, кто, хотя и не пожелал тогда креститься, поверили в Христа, перестали приносить жертвы идолам, оставили все языческие обычаи и не захотели больше платить подати на содержание капищ[31]. Язычники поэтому были злы на Фридрека епископа и питали вражду ко всем, кто был с ним в согласии.

Торвард сын Мудрого Бёдвара велел соорудить на своем хуторе Горный Кряж церковь и держал при себе священника, которого ему дал епископ, чтобы тот служил для него мессы и совершал божественные службы. Это очень рассердило Клауви сына Торвальда, внука Рэва, что жил на Склоне у Потоков[32]. Клауви был человек влиятельный. Он отправился к братьям Торварда, Арнгейру и Торду, с тем, чтобы предложить им на выбор, что им больше по душе – убить священника или сжечь церковь.

Арнгейр отвечает:

– Я бы не стал советовать ни тебе, ни кому-нибудь другому из моих друзей убивать священника, так как Торвард, мой брат, прежде жестоко мстил и за куда меньшие оскорбления, чем, я уверен, ему покажется это. Однако я за то, чтобы ты сжег церковь.

Торд с неодобрением отнесся к их замыслу.

Немного погодя Клауви отправился ночью с десятком людей жечь церковь. А когда они поравнялись с ней и зашли в церковную ограду, то почувствовали невыносимый жар и увидали, что из окон церкви потоком летят искры. Они ушли, решив, что церковь внутри охвачена пламенем.

В другой раз явился Арнгейр[33], и с ним множество людей, с тем, чтобы спалить эту самую церковь. И когда они вломились в дверь, он решил развести на полу костер из сухой березы. Но поскольку огонь не разгорался так скоро, как ему хотелось, он склонился над порогом, собираясь раздуть тлеющие угли в том месте, где их было довольно, да только пламя все никак не занималось и не переходило на дерево. Тут влетела стрела и вонзилась в пол церкви, прямо рядом с его головой. За ней тотчас же последовала вторая. Эта стрела пригвоздила к полу его одежду, так как она пролетела между его боком и рубахой, что была на нем.

Он вскочил на ноги и сказал:

– Эта стрела пролетела так близко от моего бока, что я решил не дожидаться третьей.

Так Господь защитил свой дом. Арнгейр уехал прочь со своими людьми, и язычники больше не пытались сжечь церковь. Церковь эта была построена за шестнадцать лет до того, как христианство было введено в Исландии по закону[34], и она так и стояла в целости и сохранности.

6

Одним летом на альтинге Торвальд сын Кодрана по просьбе епископа открыто проповедовал веру перед всем народом. И когда он поведал с большим красноречием о многих чудесах, и вправду явленных всемогущим Господом, первым ему взялся отвечать один родовитый и знатный человек, бывший, однако же, непримиримым язычником. То был Хедин с Холодного Склона, что

на Побережье Островного Фьорда, сын Торбьёрна сына Скаги, сына Скóфти[35]. Хедин был женат на Рагнхейд, падчерице и племяннице Эйольва сына Вальгерд[36]. Хедин обратился к Торвальду с большой враждебностью и на чем свет стоит поносил святую веру. И вот ему удалось так убедить народ своей злобной речью, что ни один человек не поверил тому, что говорил Торвальд. Напротив, с той поры язычники настолько преисполнились враждой и ненавистью к епископу и Торвальду, а также готовностью их преследовать, что они дали денег скальдам, чтобы те сложили о них нид[37]. В нем были такие слова:

Девять принес
епископ детей,
всем им отец
Торвальд один.

Торвальд убил из-за этого двух человек, которые сложили песнь, епископ же сносил все оскорбления с величайшим спокойствием.

А когда Торвальд убил скальдов, он пошел к епископу, чтобы рассказать ему о том, что он совершил. Епископ сидел в доме и читал книгу. Перед тем как пришел Торвальд, в книге, что лежала перед епископом, появились две капли крови. Епископ сразу же догадался, что это какое-то знамение.

И когда Торвальд вошел к нему, епископ сказал:

– Либо ты совершил убийство, либо оно у тебя на уме.

Тут Торвальд рассказал, что он учинил.

Епископ спросил:

– Почему же ты сделал это?

Торвальд ответил:

– Я не смог снести того, что они обзывали нас с тобой женоподобными[38].

Епископ сказал:

– Их ложь о том, что ты якобы прижил детей, – невеликое испытание. К тому же ты истолковал их слова в дурном смысле: ведь я вполне мог бы носить твоих детей, если бы они у тебя были[39]. И не должно христианину вынашивать месть, как бы гнусно его ни порочили, напротив, ему следует терпеть унижения и оскорбления ради Господа.

7

И вот, несмотря на то что им приходилось сносить много притеснений от злых людей, они не прекращали разъезжать по округам и проповедовать слово Божье.

Они прибыли в Лососью Долину[40] и прожили там некоторое время под Горой Эйлива у Атли Сильного, дяди Торвальда по отцу. После их приезда

Атли, как и многие другие люди, принял крещение вместе со своими домочадцами, поскольку от речей епископа и Торвальда на них снизошла благодать Святого Духа.

Затем молва о мудрости епископа с Божьей помощью достигла ушей одного малолетнего мальчика, пяти зим от роду, которого звали Ингимундом, он был сыном Хавра из Боговых Долин[41]. Он воспитывался на Побережье Дымов[42]. Как-то раз Ингимунд завел разговор с пастухом своего воспитателя и попросил того свозить его тайком к Горе Эйлива, чтобы повидаться с епископом. Пастух согласился. Они отправились через Ущелье Кьяртана и на запад через горы в Лососью Долину. А как только они прибыли на хутор Атли у Горы Эйлива, мальчик стал просить, чтобы его крестили.

Атли взял мальчика за руку и подвел его к епископу, говоря:

– Этот мальчик – сын знатного человека, причем его отец язычник. Мальчик же просит, чтобы его крестили без ведома и согласия и его отца, и воспитателя. Тебе решать, как поступить, так как следует ожидать, что им обоим сильно не понравится, если он будет крещен.

Епископ отвечает со смехом:

– Воистину, – говорит он, – малолетнему мальчику не должно быть отказано в столь священном обряде, особенно если он способен принимать для себя куда более разумные решения, чем его взрослые родичи.

Затем епископ крестил Ингимунда и прежде, чем тот уехал, научил его всему, что он должен был пуще всего блюсти, став христианином.

8

Рассказывают, что Фридрек епископ крестил одного человека по имени Мани. И за то, что тот крепко держался святой веры, выказывая многие добродетели и ведя праведную жизнь, его прозвали Мани Христианином. Он жил в Холме на Волновых Болотах[43] и соорудил там церковь. В этой церкви он денно и нощно служил Господу своими святыми молитвами и милосердными делами, которые он творил для всяких бедняков. На реке неподалеку оттуда у него было собственное место для ловли рыбы, которое и по сей день носит его имя и зовется Водопадом Мани, а все потому, что в ту пору, когда случился большой голод и мор, ему нечем стало кормить голодающих, и тогда он пошел к реке, а там в омуте под водопадом водилось вдоволь лососей. Он передал церкви в Холме право на ловлю лососей, и, по словам Гуннлауга монаха, впредь этот улов всегда принадлежал ей. Рядом с церковью и по сей день можно увидеть свидетельства того, что его жизнь походила на жизнь отшельника, ибо, подобно тому как всем своим разумением он был весьма далек от большинства людей того времени, он и в плотском своем существовании стремился удалиться от шума мирского. А потому вокруг церковного

двора видна ограда, указывающая на то, что летом он заготавливал сено для единственной коровы, молоком которой он питался, поскольку он предпочитал добывать себе пропитание собственноручным трудом, нежели вступать в сношения с язычниками, которые его ненавидели. Эта ограда зовется с тех пор Оградой Мани.

9

Можно еще упомянуть кое о чем из множества поношений и гонений, которым язычники подвергали Фридрека епископа и Торвальда за то, что те проповедовали правую веру. Случилось однажды, что они собрались поехать на весенний тинг на Цаплин Мыс[44]. А когда они подошли к месту, где проходил тинг, вся толпа язычников вскочила и с громкими криками бросилась им навстречу. Некоторые швыряли в них камни, другие с бряцанием и лязгом потрясали перед ними оружием и щитами и просили богов, чтобы те уничтожили их врагов, так что у них не было никакой возможности посетить тинг.

Тогда епископ сказал:

– Вот и сбывается тот сон, что в былые дни приснился моей матери, когда ей привиделось, будто она нашла у меня на голове волчий волос, – ведь нынче нас гонят прочь с истошными криками и грохотом, точно диких зверей.

После этого епископ с Торвальдом вернулись к себе домой на хутор у Слияния Ручьев и провели там лето. В то же самое лето после альтинга некоторые предводители язычников собрали войско, так что у них было двадцать дюжин человек. Они решили направиться к Слиянию Ручьев, чтобы сжечь епископа в доме вместе со всеми его людьми. Когда до хутора у Слияния Ручьев оставалось недалеко, они спешились, чтобы отдохнуть. Но стоило им снова сесть на лошадей, как внезапно на них налетело множество птиц. Лошади испугались и настолько обезумели, что все, кто был верхом, попа́дали на землю и покалечились. Одни упали на камни и поломали себе руки и ноги или получили другие увечья. Другие упали на собственное оружие и сильно поранились. Кое-кого затоптали лошади. Меньше всего пострадали те, чьи кони ускакали прочь, – им пришлось проделать долгий путь пешком, возвращаясь домой. После этого они повернули назад. Всемогущий Господь явил такую милость своим людям, что епископ и те, кто с ним был, на этот раз не только не понесли никакого вреда от зловредности и козней язычников, но даже никоим образом не узнали об этой их вылазке и замыслах[45]. Торвальд с епископом прожили четвертую зиму у Слияния Ручьев.

На следующее лето они уехали из страны и первым делом направились в Норвегию. Там они стояли некоторое время на якоре в одной бухте. В это время прибыл из Исландии и зашел в ту же бухту человек, который уже упоми-

нался ранее, Хедин с Холодного Склона. Хедин сошел на берег и отправился в бор нарубить себе лесу для построек. Торвальд проведал об этом и призвал своего раба. Вместе они пошли в лес, туда, где был Хедин, и Торвальд приказал рабу убить Хедина.

А когда Торвальд воротился к кораблю и рассказал об этом епископу, тот говорит в ответ:

– Из-за этого убийства нам придется расстаться, так как похоже, что ты никогда не перестанешь убивать людей[46].

Вслед за тем Фридрек епископ уехал в Страну Саксов и окончил там свой век в величайшей святости, получив вечную награду от Господа Вседержителя за свое рвение и земные труды.

10

Торвальд прожил после этого много лет. И поскольку он был человек могучего сложения, сильный и бесстрашный, и где бы он ни находился, с большим рвением соблюдал Божьи заповеди, он рассудил, что, если он опять отправится в родные края, неизвестно еще, сможет ли он, как ему надлежит, ради любви к Господу постоянно терпеливо сносить от своих соплеменников притеснения и поругание. Поэтому он принял решение никогда впредь не приезжать в Исландию. Тогда он отправился в дальние страны и добрался до самого Йорсалира[47], дабы побывать в этом святом месте. Он объездил всю Страну Греков и прибыл в Миклагард[48]. Сам верховный конунг принял его там с большим почетом и в знак дружбы пожаловал ему множество отменных даров, ибо Господь никогда не оставлял Торвальда своею милостью, и слава о нем облетала всех и каждого, куда бы он ни приезжал, так что его равно почитали и прославляли все, и простой люд, и знать, и чтили его как столпа и поборника правой веры. Сам кейсар Миклагарда[49], а равно и все его хёвдинги, и не меньше их все епископы и аббаты во всей Стране Греков и в Сюрланде[50] оказывали ему почести как великому исповеднику Господа нашего Иисуса Христа. Более же всего был он прославляем в Восточных Странах[51], будучи послан туда кейсаром и поставлен предводителем, или наместником над всеми конунгами в Стране Руссов[52] и над всей Гардарики[53]. Торвальд сын Кодрана основал и воздвиг там по соседству с собором, посвященным Иоанну Крестителю, величественный монастырь и передал ему немало владений. С тех пор это место носит его имя и зовется Монастырем Торвальда. В этой обители он окончил свою жизнь и был там погребен. Монастырь этот стоит под высокой горой, которая называется Дрёвн[54].

Фридрек епископ и Торвальд прибыли в Исландию, когда от воплощения Господа нашего Иисуса Христа прошло девятьсот и еще восемьдесят

лет и один год, а также сто и еще шесть зим от начала заселения Исландии[55]. Тремя годами позднее Торвард сын Мудрого Бёдвара соорудил церковь в Горном Кряже.

⟨Приложение из «Книги с Плоского Острова»⟩

Рассказывают, что после того, как они с епископом расстались, Торвальд ездил по дальним странам. Ранее также говорилось о том, что Отта кейсар крестил Данию[56]. Олав сын Трюггви поехал вместе с ним в Восточные Страны, и он был одним из главных советников кейсара, побуждавших его обращать народ в христианскую веру. В этой поездке, как говорят некоторые, Олав повстречался с Торвальдом сыном Кодрана, и поскольку каждый из них был много наслышан о делах и доброй славе другого, они обменялись приветствиями точно старые знакомые, хотя и никогда не видались прежде.

А когда они принялись беседовать, Олав конунг спросил:

– Так ты и есть Торвальд Путешественник?

Тот отвечает:

– Пока что мне не доводилось совершать дальних поездок.

Конунг сказал:

– Ты человек благонравный и удачливый. А какой ты веры?

Торвальд говорит:

– Охотно отвечу вам: я крещен и крепко держусь христианской веры.

Конунг сказал:

– Как видно, ты верно служишь своему Господу и возжигаешь любовь к нему во многих людских сердцах. Мне не терпится послушать множество правдивых историй, которые ты мог бы мне поведать. Первым делом, о великих чудесах твоего Бога, Иисуса Христа, а после о разных странах и неведомых народах, и наконец, о твоих собственных свершениях и доблестных делах.

Торвальд отвечает:

– Поскольку я вижу, что ты и вправду готов выслушивать мои рассказы о достоверных происшествиях и вещах, которые я видал сам или о которых мне приходилось слыхать, я охотно исполню твое желание. А за это я ожидаю, что ты с такой же охотой согласишься рассказать мне то, о чем я тебя спрошу.

Конунг отвечал, что так тому и быть. Торвальд поведал ему тогда о многих событиях и немало достопамятного как о Боге, так и о благочестивых людях. Конунгу очень пришлись по душе его рассказы, и все, кто при этом был, сочли их весьма занимательными. А когда Торвальд повел речь о том, что происходило в Исландии, когда они были там вместе с Фридреком епископом, конунг стал подробно расспрашивать его обо всем – о том, много ли народу приняло пра-

вую веру, прислушавшись к их проповедям, и о том, кого из тамошних людей было всего легче уговорить сделаться христианином, и о том, кто больше всех этому противился. И Торвальд рассказал обо всем этом во всех подробностях.

Когда же конунг услыхал, как много сил они положили на то, чтобы возвестить христианство, и сколько гонений им пришлось вынести во имя Господа, он сказал:

– Теперь мне стало понятно, что эти исландцы, о которых ты только что рассказывал, должны быть людьми упрямыми и дерзкими, так что их нелегко будет обратить в христианскую веру. Но все же я предчувствую, что им суждено сделать это. И сдается мне, что, когда они поверят в праведного Бога, все они станут крепко держаться своей веры, кем бы ни был тот, кто в конце концов наставит их на путь истинный.

Тогда Торвальд сказал:

– Мне приходилось слыхать от мудрых людей, что ты станешь конунгом Норвегии, и тогда, думается мне, Господь дарует тебе удачу, с помощью которой ты сможешь обратить в правую веру исландцев[57] и множество других народов, населяющих северную часть света.

Потом Торвальд расспросил конунга о многих вещах, и какой бы вопрос он ни задавал, тот отвечал ему хорошо и разумно, и все время, что они провели вместе, им доставляло радость, что каждый из них спрашивал либо говорил другому что-нибудь мудрое. Затем они расстались лучшими друзьями.

После этого Торвальд отправился в Миклагард и получил там большие почести от верховного конунга, а впоследствии велел воздвигнуть монастырь и передал ему богатые владения. В этом самом монастыре он и окончил свой век, ведя жизнь чистую и возвышенную[58].

ПРЯДЬ О СЁРЛИ

Страна в Азии к востоку от Ванаквисля[1] называлась Страной Асов или Жилищем Асов[2]. Народ, который ее населял, называли асами, а столица той страны называлась Асгард. Тамошний конунг звался Одином. Там было большое капище. Один поставил в нем верховными жрецами Ньёрда и Фрейра[3]. Дочь Ньёрда звалась Фрейя, она повсюду следовала за Одином и была его наложницей[4]. Были там в Азии люди, из которых одного звали Альфриг, другого Двалин, третьего Берлинг, а четвертого Грер[5]. Их дом находился неподалеку от конунговых палат. Все они были так искусны, что у них спорилась любая ра-

бота. Таких людей называли карликами. Они жили в скале[6]. В те времена они больше смешивались с людьми, чем теперь. Один очень любил Фрейю, и правда, в то время она была прекраснейшей из женщин. У нее были свои покои[7], красивые и такие прочные, что, по рассказам людей, когда двери их стояли на запоре, никому не удалось бы проникнуть в эти покои против воли Фрейи.

Случилось однажды, что Фрейя подошла к скале, когда вход в нее был открыт. Карлики были заняты тем, что выковывали золотое ожерелье[8]. Оно было уже почти готово. Фрейе очень приглянулось ожерелье, а карликам очень приглянулась Фрейя. Она стала торговать ожерелье у карликов, предлагая взамен золото, серебро и другие ценности. Те отвечали, что не нуждаются в деньгах, и сказали, что каждый из них желает сам продать свою долю в ожерелье, но что взамен они не согласятся принять ничего другого, кроме того, чтобы она по очереди провела ночь с каждым из них. Понравилось ей это или нет, но на том и порешили. И вот по истечении четырех ночей и выполнении всех поставленных условий они вручили Фрейе ожерелье. Она удалилась домой в свои покои и помалкивала об этом, как будто ничего не произошло.

Об Одине и Локи

Одного человека звали Фарбаути. Он был простолюдин, и у него была жена по имени Лаувей. Была она худая и хилая, и за это ее прозвали Иглой. У них был один сын, и звали его Локи. Он был невысок ростом, смолоду дерзок и горазд на всякие уловки. Не было ему равных в той премудрости, что зовется коварством. Уже в юном возрасте он был очень хитер, и за это его прозвали Локи Хитроумным[9]. Он явился в Асгард к Одину и сделался его человеком. Что бы он ни учинил, Один всегда принимал его сторону. А потому Один часто возлагал на него важные поручения, и тот всегда выполнял их лучше, чем можно было ожидать. Ему также было ведомо едва ли не все, что происходит, и он рассказывал обо всем, что узнавал, Одину.

И вот рассказывается, что Локи проведал о том, что Фрейя получила ожерелье, а также о том, чем она за него отплатила, и он сказал обо всем Одину. И когда Один узнал об этом, он велел Локи достать и принести ему это ожерелье. Локи отвечал, что навряд ли из этого что-то выйдет, поскольку никому не удается проникнуть в покои Фрейи против ее воли. Один сказал, чтобы он отправлялся и не возвращался назад, пока не добудет ожерелье. Локи удалился стеная. Многие обрадовались тому, что Локи попал в беду.

Приходит он к покоям Фрейи, а те стоят на запоре. Он попытался попасть внутрь, но не смог. Снаружи было очень холодно, так что он совсем продрог. Тогда он обернулся мухой и облетел все засовы и щели, однако нигде не смог отыскать такого отверстия, через которое он мог бы пролезть внутрь[10]. Только наверху под самой крышей нашел он наконец дыру, да и ту не больше,

чем чтобы просунуть иголку. Сквозь эту-то дыру он и прополз внутрь. Оказавшись там, он стал вглядываться, как только мог пристально, нет ли там кого-нибудь, кто бы бодрствовал, и убедился, что все покои погружены в сон. Затем он приблизился к постели Фрейи и удостоверился в том, что ожерелье у нее на шее и что обращено оно застежкой вниз. Тогда Локи обернулся блохой. Он садится Фрейе на щеку и кусает ее, так что она просыпается, переворачивается и засыпает вновь. После этого Локи сбрасывает с себя обличье блохи, расстегивает на ней ожерелье, отпирает покои, уходит и приносит ожерелье Одину. Наутро Фрейя просыпается и видит, что двери открыты, но не взломаны, а драгоценное ожерелье исчезло. Она догадывается, чьи это могут быть проделки. Едва одевшись, она направляется прямиком в палаты к Одину конунгу и заводит речь о том, что он дурно поступил, приказав похитить у нее ее сокровище, и просит его вернуть ей ее драгоценное ожерелье.

Один говорит, что она никогда его не получит, принимая во внимание то, как оно ей досталось:

– Разве что ты сумеешь подстроить так, чтобы два правителя, каждому из которых служат по двадцать конунгов, поссорились и затеяли сражение и попали под власть таких могучих чар и заклинаний, что стоит им только пасть, как они тотчас же восстанут и примутся биться вновь, если только не появится какой-нибудь христианин, настолько отважный и в придачу наделенный столь великой удачей его государя, что он осмелится вмешаться в эту битву и, взявшись за оружие, сразить этих людей. Только тогда и не раньше закончится их ратный труд, кто бы ни оказался тот хёвдинг, которому выпадет освободить их от этого тягчайшего бремени и страданий, вызванных их пагубным занятием.

Фрейя согласилась на это и получила назад ожерелье.

По прошествии двадцати четырех зим со времени гибели Фридфроди в Упплёнде в Норвегии правил конунг по имени Эрлинг. У него была жена и двое сыновей, старшего из них звали Сёрли Сильный, а младшего Эрленд[11]. Оба они подавали большие надежды, но Сёрли был сильнейшим из братьев. Как только они вошли в возраст, они стали ходить в походы. Они оба бились с Синдри Викингом сыном Свейгира, сына Хаки, морского конунга, в шхерах Эльва[12], и Синдри Викинг пал там со всем своим войском. В этом сражении пал также Эрленд сын Эрлинга. После этого Сёрли уплыл в Восточное Море[13] и принялся воевать там. Он совершил столько славных подвигов, что всех их не описать.

О Хальвдане

Одного конунга звали Хальвдан. Он правил в Дании[14]. Он жил в месте, которое называется Хроискельда[15]. Он был женат на Хведне Старшей. Их сыновьями были Хёгни и Хакон. Оба они выделялись ростом и силой, а также всяческими достоинствами. Не успели они возмужать, как отправились в поход.

Теперь нужно возвратиться к Сёрли и рассказать о том, что одной осенью он направляется в Данию. Хальвдан конунг собирался тогда на сход конунгов. Он был уже в преклонных летах, когда произошло то, о чем здесь рассказывается. У него был боевой корабль, такой превосходный, что не было в Северных Странах другого корабля, который мог бы сравниться с ним в прочности и великолепии. Он стоял на якоре в гавани, пока Хальвдан конунг находился на суше и отдавал распоряжения сварить брагу для пиршества перед своим отплытием. И когда Сёрли увидал этот корабль, его сердце охватило неодолимое желание завладеть им во что бы то ни стало. И неудивительно, ведь многие говорят, что в Северных Странах никогда не бывало более драгоценного боевого корабля, если не считать Ладьи[16] и Всплеска[17], а также Великого Змея[18]. Тогда он обратился к своим людям и сказал, чтобы они приготовились к бою:

– Потому что мы должны убить Хальвдана конунга и завладеть кораблем.

Ему отвечает человек по имени Сэвар, который стоял на носу и был его окольничим:

– Негоже это, государь, – говорит он, – ведь Хальвдан большой предводитель и славный муж. А кроме того, у него двое сыновей, которые не преминут отомстить за него, и оба они уже успели стяжать себе славу.

– Даже если им не сыскать равных, – сказал Сёрли, – я все равно намерен биться, как поступал раньше.

И вот они принялись готовиться к бою. Весть об этом доходит до Хальвдана конунга. Он спешит со своими людьми на корабли и, не теряя времени, также начинает готовиться к бою. Кое-кто из людей Хальвдана стал убеждать его, что неблагоразумно сражаться при таком неравенстве сил и ему следует спасаться бегством. Конунг сказал, что, прежде чем он побежит, они все должны будут полечь мертвыми. А когда и те и другие приготовились к сражению, между ними завязалась жаркая битва, и дело закончилось тем, что Хальвдан конунг и все его войско пали. Затем Сёрли захватил боевой корабль со всем, что на нем было ценного. После этого Сёрли узнал, что Хёгни воротился из похода и стоит у Острова Одина[19]. Сёрли направляется туда со своими кораблями, а когда они встречаются, объявляет ему о гибели Хальвдана, его отца, и предлагает ему примирение и чтобы тот сам выдвинул условия мира, а еще предлагает ему, чтобы они стали побратимами, однако Хёгни все это отвергает.

Затем между ними происходит сражение, как об этом рассказывается в Краткой Песни о Сёрли[20]. Хакон устремился вперед со всей отвагой и убил Сэвара, знаменосца Сёрли, который стоял на носу. После этого Сёрли сразил Хакона, а Хёгни убил Эрлинга конунга, отца Сёрли. Потом Хёгни и Сёрли вступили в поединок, и Сёрли был настолько изнурен и изранен, что не

устоял перед Хёгни, но после Хёгни велел вылечить его, и они принесли обет побратимства и хранили его, покуда оба были живы. Но только из них двоих Сёрли прожил более короткую жизнь и пал в Восточных Странах[21] от рук викингов, о чем сказано в Краткой Песни о Сёрли и говорится здесь:

Первым смелый в сече
пал в Восточных Странах,
устрашитель ратей
лежанку Хель занял[22]
мертвый в мор форели
пустоши[23], прославлен.
В викинге героя
шип сразил шелома[24].

А когда Хёгни узнал о гибели Сёрли, он тем же летом отправился воевать в Восточные Страны и повсюду одерживал победы и стал там конунгом[25], так что люди рассказывают, что Хёгни подчинил себе двадцать конунгов и те вынуждены были платить ему дань и сделаться его наместниками. Хёгни так прославился благодаря своим подвигам и военным походам, что имя его было одинаково хорошо известно и в селеньях финнов, и в Париже, и повсюду между этими местами.

О том, как Гёндуль повстречалась с Хедином

Одного конунга звали Хьярранди[26], он правил в Серкланде[27]. Он был женат, и у него был сын, которого назвали Хедином. С ранних лет он стал выделяться силой и ростом и был человеком искусным во всем. Уже в юности он стал ходить в военные походы и сделался морским конунгом. Он воевал повсюду в Испании, и в Греции, и во всех странах, лежащих по соседству, и настолько преуспел, что его данниками стали двадцать конунгов, и все они приняли от него в лен те земли, которыми владели прежде. Зимой Хедин сидел у себя дома в Серкланде.

Рассказывается, что как-то раз Хедин отправился в лес со своей дружиной. Там его люди разбрелись, и он очутился один на поляне. Он увидал, что на поляне на престоле восседает женщина, статная и красивая собой. Она приветливо поздоровалась с Хедином. Тот спросил, как ее зовут, и она назвалась Гёндуль[28]. Затем они принимаются беседовать. Она расспрашивает Хедина о его подвигах, и он рассказывает ей обо всем без утайки и спрашивает у нее, не знает ли она какого-нибудь конунга, который мог бы сравниться с ним в отваге и бесстрашии, славе и удаче[29]. Она отвечает, что знает того, кто не уступает ему ни в чем и кому, как и ему, служат двадцать конунгов, и говорит, что зовут его Хёгни и он сидит на севере в Дании.

– Коли так, – сказал Хедин, – мы должны испытать, на чьей стороне превосходство.

– Тебе пора возвращаться к твоим людям, – говорит Гёндуль. – А то они станут тебя искать.

После этого они расстаются, и он возвращается к своим спутникам, а она остается сидеть там.

Как только наступает весна, Хедин снаряжается в путь. Он берет боевой корабль с тремя сотнями людей и направляется в северную часть света. Он проводит в плавании лето и всю следующую зиму, а весной приплывает в Данию.

Встреча Хедина и Хёгни

Хёгни конунг находился в то время дома. А когда он узнает, что в страну прибыл знаменитый конунг, он приглашает его к себе на роскошный пир. Хедин принимает приглашение, и когда они сидели за брагой, Хёгни спрашивает, какое такое дело могло привести Хедина в этакую даль в северную часть света. Хедин сказал, что приехал за тем, чтобы попытать, кто из них двоих превосходит другого мужеством и отвагой, больше преуспел в состязаниях и искуснее во всем. Хёгни отвечал, что готов к этому, и на следующий день с утра пораньше они отправились соревноваться в плавании и в стрельбе по мишени. А еще они занимались тем, что скакали верхом, испытывали, кто из них лучше владеет оружием и всеми прочими сноровками, и убедились, что они настолько равны во всех искусствах, что ни одному из них ни в чем не удается превзойти другого. Когда с этим было покончено, они принесли обет побратимства и условились делить между собой пополам все, чем владеют. Хедин был молод и не женат, а Хёгни был постарше его. Он был женат на Хервёр дочери Хьёрварда, сына Хейдрека Волчья Шкура[30]. У Хёгни была дочь по имени Хильд, она была прекраснейшей и мудрейшей из женщин. Хёгни очень любил свою дочь. Других детей у него не было.

Убийство конунговой жены

Рассказывается, что вскоре после этого Хёгни отбыл в поход, а Хедин остался дома охранять державу. Случилось однажды, что Хедин направился в лес развлечься. Погода стояла хорошая. Он и на этот раз ушел от своих людей и оказался на поляне. Там он увидал женщину, сидевшую на престоле, ту самую, которую ему уже доводилось встречать в Серкланде, и ему показалось, что она стала еще краше, чем прежде. И опять она заговорила с ним первой и была очень приветлива. Она держала рог, он был прикрыт крышкой.

Конунг воспылал к ней любовью. Она предложила ему выпить. Конунг же почувствовал жажду, оттого что его бросило в жар, и вот он берет рог и пьет из него. И как только он выпил, с ним приключилось нечто удивительное: он не мог припомнить ничего, что случилось раньше. После этого он уселся, и они принялись беседовать. Она спросила у него, удалось ли ему удостовериться в том, что она прежде рассказывала ему об умениях и отваге Хёгни. Хедин сказал, что все так и есть:

– Он ни в чем не уступал мне, когда мы с ним состязались, а потому мы в конце концов объявили, что равны друг другу.

– И все же нет между вами равенства, – говорит она.

– Отчего ты так решила? – спрашивает он.

– А оттого, – говорит она, – что Хёгни женат на высокородной женщине, а у тебя жены нет.

Он отвечает:

– Хёгни отдаст за меня Хильд, свою дочь, стоит мне только попросить ее руки, и тогда я буду женат ничуть не хуже, чем он.

– Мало тебе будет чести, – говорит она, – если ты станешь просить у Хёгни его дочь. Было бы куда лучше, если только тебе и впрямь не занимать решимости и отваги, увезти Хильд, а конунгову жену убить, положив ее перед штевнем боевого корабля, так чтобы ее рассекло пополам, когда его спустят на воду.

Хедин настолько был ослеплен злобой и лишился памяти из-за выпитого им пива, что не нашел никакого иного решения, кроме этого, да так и не вспомнил, что они с Хёгни были побратимами.

Затем они расстались, и Хедин воротился к своим спутникам. Дело было в конце лета. Хедин отдает распоряжение своим людям снарядить боевой корабль, сказав, что желает отправиться домой в Серкланд. Потом он идет в покои, берет за руки конунгову жену и Хильд и уводит их. Люди взяли одежду и драгоценности Хильд. В стране не нашлось ни одного человека, кто бы отважился вмешаться, так все боялись Хедина и его воинов, а вид у него был весьма сердитый.

Хильд спросила Хедина, что это он замышляет, и тот сказал ей. Она принялась упрашивать его не делать этого:

– Ведь мой отец отдаст меня за тебя, если ты ко мне посватаешься.

– Я не желаю, – говорит Хедин, – просить у него твоей руки.

– Даже если ты не согласен ни на что другое, – говорит она, – как только увезти меня отсюда, мой отец и тогда будет готов примириться с тобой. Но ежели ты совершишь такой злодейский и бесчеловечный поступок и убьешь мою мать[31], мой отец никогда не помирится с тобой. Мне привиделось во сне, будто вы бьетесь и сражаете друг друга, а за этим грядут еще горшие беды, и для меня будет великим горем, если я навлеку на моего отца несчастья и

невзгоды. Но мне не доставит никакой радости видеть и твои страдания и тяготы[32].

Хедин отвечал, что его ничуть не заботит, чем это может обернуться, и заявил, что не намерен менять своего решения.

– Теперь уже не в твоей власти что-либо изменить, – говорит Хильд, – поскольку ты действуешь не по своей воле.

Затем Хедин идет на берег. Боевой корабль был спущен на воду. Он столкнул конунгову жену вниз прямо перед носом корабля, так что она лишилась жизни. Хедин поднялся на боевой корабль. Но когда все было готово к отплытию, ему вдруг захотелось сойти на берег одному, без своих людей, и отправиться в тот самый лес, куда он ходил прежде. А когда он вышел на поляну, он увидал там Гёндуль, которая сидела на престоле. Они поздоровались как старые друзья. Хедин рассказал ей о том, что совершил, и она это одобрила. У нее был при себе тот же рог, что и в прошлый раз, и она предложила ему испить из него. Он взял рог и принялся пить, а после того как выпил, на него напал сон, и он склонил голову ей на колени. А когда он уснул, она высвободилась из-под его головы и сказала:

– А теперь я накладываю на тебя и на Хёгни все те заклятия и условия, которые мне повелел наложить на вас обоих Один, а также и на оба ваши войска.

Затем Хедин пробуждается и видит мимолетное видение Гёндуль, и кажется она ему теперь черной и огромной. Тут Хедин припоминает все что было и сознает, какое великое зло он учинил. Он решает убраться куда подальше, чтобы ему впредь не пришлось что ни день выслушивать обвинения за свои злодеяния. Он идет на корабль и велит поскорее поднять якорь. С суши дует попутный ветер, и он уплывает прочь вместе с Хильд.

Битва Хедина и Хёгни

И вот возвращается Хёгни домой и узнает всю правду о том, что Хедин уплыл, захватив с собой Хильд и боевой корабль Наследство Хальвдана[33] и оставив после себя мертвой конунгову жену. Хёгни был сильно разгневан этим и приказал своим людям, не теряя времени, плыть вдогонку за Хёгни. Они так и делают. Дул попутный ветер, и каждый вечер они прибывают в те бухты, из которых Хедин успел уплыть утром.

Однажды, когда Хёгни собирался войти в гавань, они заметили в море паруса Хедина и тотчас же устремились за ними. Рассказывают, и это сущая правда, что Хедин плыл тогда против ветра, а Хёгни по-прежнему способствовал попутный ветер. Хедин подходит к острову, который назывался Высокий[34], и встает там на якорь. Вскоре туда прибывает Хёгни, и когда они встречаются, Хедин учтиво приветствует его.

– Я должен сказать тебе, побратим, – говорит Хедин, – что со мной приключилась такая великая беда, что никто, кроме тебя, не может этому помочь. Я силой увез твою дочь и захватил твой боевой корабль, а еще я лишил жизни твою жену, но все это я учинил не из собственного моего злодейства, но из-за злых чар и вредоносного колдовства. А теперь я желаю, чтобы ты один принимал решение в этом деле и рассудил нас. Я хочу также предложить тебе забрать назад и Хильд, и боевой корабль со всеми людьми и имуществом, что на нем есть, а я сам уплыл бы куда-нибудь подальше в другую часть света, чтобы никогда больше, пока я жив, не возвращаться в Северные Страны и не появляться тебе на глаза.

Хёгни отвечает:

– Я бы отдал за тебя Хильд, когда б ты посватался к ней, но даже и после того как ты увез ее силой, мы могли бы с тобой решить дело миром. Однако ты совершил такое великое злодеяние, предав позорной смерти конунгову жену, что нечего и рассчитывать на то, что я дам согласие на примирение. А теперь нам нужно тут же, не сходя с места, попытать, кто из нас способен наносить более тяжелые удары.

Хедин отвечает:

– Раз уж ты непременно желаешь биться, то будет всего разумнее, если мы с тобой попытаем это в единоборстве: ведь, кроме меня, здесь нет никого, кто в чем-нибудь провинился перед тобой. Не годится, чтобы люди незаслуженно расплачивались за мои преступления и злодейства.

На это их спутники сказали в один голос, что все они скорее падут мертвыми к ногам друг друга, чем допустят, чтобы те бились в одиночку. И когда Хедин увидал, что Хёгни не желает ничего другого, кроме как сразиться, он приказывает своим людям сойти на берег.

– Я не стану больше пытаться удерживать Хёгни или искать причины, чтобы избежать сражения, и пускай каждый теперь проявит свою отвагу.

И вот они сходят на берег и начинают сражаться. Хёгни был исполнен ярости, а Хедин искусно владел оружием, и у него был тяжелый удар. Рассказывают, и это сущая правда, что чары и заклинания эти были настолько сильны и вызвали такое великое зло, что даже когда они разрубали друг друга до плеч, они потом вставали вновь и принимались биться, как прежде[35]. Хильд сидела в роще и наблюдала за их сражением. Так и несли они беспрерывно бремя этой изнурительной борьбы с тех самых пор, как начали биться, и вплоть до того времени, когда Олав сын Трюггви сделался конунгом в Норвегии. Люди говорят, что так продолжалось сто сорок лет и еще три года, прежде чем на долю Олава конунга, этого прославленного мужа, выпало, что его дружинник освободил их от этой тяжкой тяготы и ужасной участи[36].

Ивар положил конец битве Хьяднингов

Рассказывается, что в первый год правления Олава конунга случилось ему однажды вечером пристать к острову Высокий и бросить там якорь. Дела же на вышеназванном острове обстояли так: что ни ночь, там пропадали дозорные, и никто не знал, что с ними сталось. В ту ночь должен был стоять на страже Ивар Луч[37]. Когда все люди на кораблях уснули, Ивар взял меч, которым прежде владел Ярнскьёльд и который Ивару дал его сын Торстейн[38], и все свои доспехи и поднялся на остров. А когда он оказался на острове, он увидал, что навстречу ему идет человек. Был тот высок ростом, весь окровавлен и преисполнен печали. Ивар спросил этого человека, как его имя. Тот назвался Хедином и сказал, что он сын Хьярранди и что родом он из Серкланда.

– Надо сказать тебе правду: в пропаже дозорных повинны мы с Хёгни сыном Хальвдана, потому что на нас обоих и на наших людях лежат столь могучие заклятие и колдовские чары, что мы сражаемся и день и ночь, и так продолжается уже много веков, а Хильд, дочь Хёгни, сидит и смотрит на это. Наложил же на нас это заклятие Один, и избавление от него мы сможем получить не иначе, как если с нами сразится какой-нибудь христианин. Ни один из тех, кого он убьет, не восстанет вновь, и тогда мы избавимся от своих страданий. А теперь я намерен просить тебя, чтобы ты вступил с нами в бой, поскольку я знаю, что ты добрый христианин, и мне известно также, что конунг, которому ты служишь, наделен большой удачей, и разум мой подсказывает мне, что нам может быть польза от него и его людей.

Ивар соглашается пойти с ним. Хедин обрадовался этому и сказал:

– Остерегайся столкнуться с Хёгни лицом к лицу, а еще того, чтобы убить меня прежде, чем ты сразишь Хёгни, так как ни одному смертному будет не под силу приблизиться к Хёгни или убить его после моей гибели, из-за того, что взор его внушает ужас и нет от него защиты ни у кого из живых существ. И потому есть только один выход: чтобы я сам вышел против него и вступил с ним в поединок, а ты напал бы на него сзади и нанес ему смертельный удар. Со мною же тебе будет нетрудно покончить, даже если я останусь в живых дольше всех.

Затем они идут к месту сражения, и Ивар видит, что все, о чем ему рассказал Хедин, истинная правда. Он подходит к Хёгни сзади, наносит удар ему в голову и разрубает его до плеч. Тут Хёгни падает мертвым, чтобы никогда уже больше не подняться. Потом он убивает всех людей, которые участвовали в битве, и под конец Хедина, и это не стоило ему больших усилий.

После этого он возвратился к кораблям, и как раз начало светать. Он пошел к конунгу и рассказал ему обо всем. Конунг похвалил его за то, что он

совершил, и сказал, что ему способствовала удача. На следующий день они сошли на берег и пошли туда, где происходило сражение. Они не обнаружили никаких следов тех событий, которые там случились, однако доказательством тому была кровь на мече Ивара. И никогда впредь там не пропадали дозорные.

После этого конунг отправился домой в свои владения.

ПРЯДЬ О РЁГНВАЛЬДЕ И РАУДЕ

Одного человека звали Лодин, он жил в Эрвике[1]. Человек он был богатый, но не отличался отвагой. Его жену звали Гюда. Она была женщина красивая и очень заносчивая. У них было двое сыновей, одного звали Ульв, а другого Рёгнвальд. Лодин был в дружбе с Торольвом Скьяльгом[2], да только тот был куда больше накоротке с его женой. Торольв часто подолгу гостил там и всегда проводил много времени в беседах с хозяйкой Лодина. Ходили слухи, что он не слишком-то честно отплатил тому за доброе угощение и дружеские дары.

Однажды, когда Скьяльг гостил в Эрвике, до того как занялся день, в покой вбежали люди и сказали Торольву, что сгорела верхняя горница, в которой спал Лодин, и что сам он убит, но им неведомо, кто бы это мог учинить. Торольв отвечал, что это большое злодейство, однако не было заметно, чтобы он сильно горевал. Многие заподозрили, что это дело рук самого Торольва, поскольку людям показалось странным, что это случилось во время его пребывания там, однако из-за могущества Торольва никто не осмелился заявить об этом вслух. Торольв предложил Гюде заботиться о ней, и она дала на это свое согласие. Тогда он увез ее к себе домой, а все земли и недвижимое имущество присвоил себе. Сыновей же Лодина он пожелал обратить в рабство. Рёгнвальд согласился стать его рабом, а Ульв нет. Поэтому он был продан в рабство далеко в чужие края, и в этой саге о нем больше не будет рассказываться. Рёгнвальд быстро возмужал и сделался человеком рослым, сильным и собой некрасивым. Вскоре он стал выполнять много всякой работы и был весьма искусен. Торольв обращался с ним как с рабом, но когда тот вошел в возраст, поставил его над другими людьми управлять работами.

Как-то раз Рёгнвальд сказал Торольву:

– Я был бы тебе признателен, если бы ты подыскал мне подходящую жену.

Тот ответил:

– Я думаю, это можно устроить, так как у меня на примете есть одна женщина по имени Сигрид. Она дочь небогатого бонда, что живет здесь неподалеку. Для тебя это вполне подходящая партия, а взамен я хочу, чтобы ты обещал мне свою верность.

Рёгнвальд сказал, что он и прежде служил ему верой о правдой. И вот все устроилось так, как было решено, и Рёгнвальд получил в жены Сигрид. Она была женщина красивая и видная. Вскоре у них родился сын, и они назвали его Гуннаром. С ранних лет был он велик ростом и пригож собою. Торольв Скьяльг взял к себе мальчика и любил его, как собственного сына. Так прошло три года.

Торольв уходил в поход каждое лето и оставлял Рёгнвальда управлять всем своим хозяйством, зимой же он спокойно сидел дома и при нем всегда было множество народу. Когда Гуннару исполнилось три года, Торольв по своему обыкновению снарядился в викингский поход, но прежде чем уехать из дому, он пришел к Рёгнвальду поговорить и сказал следующее:

– Я желаю, чтобы этим летом было выполнено больше работы, чем обычно, так как я решил соорудить большую пиршественную палату и возвести ее со всем тщанием. Ты должен будешь надзирать за ходом работ и над другими рабами и раздобыть для этого подходящих мастеров, потому что ты умелый управляющий и знаешь толк в этом деле. Я буду доволен тем, как все было исполнено, если осенью смогу принять там моих друзей и так отпраздновать свое возвращение домой.

Рёгнвальд пообещал все сделать. Торольв отправляется в поход, а Рёгнвальд подыскивает подходящих строителей и за хорошие деньги, поскольку он не жалел средств, нанимает двух самых искусных мастеров, вендов[3] по происхождению. Рёгнвальд очень с ними подружился. Строительство продвигалось хорошо и споро. Рёгнвальд велел сохранить и сберечь все щепки и стружки; он распоряжался всеми работами. Когда же палата вместе с окружающей ее галереей были воздвигнуты, он приказал рабам натаскать домой побольше хворосту, а вязанки сложить со всех сторон палаты вдоль стен во всю их высоту. Все это было закончено прежде, чем Торольв приехал осенью домой. А когда тот воротился, он осмотрел постройку и остался доволен. Он спросил у Рёгнвальда, зачем он велел принести домой так много хворосту.

Тот отвечает:

– Оттого что зимой постоянно жалуются на нехватку топлива, так его много требуется, а кроме того, я не хочу, чтобы на солнце рассохлась свежая древесина, из которой сложены стены, так как они несильно просмолены.

Торольв удовлетворился его ответом и не стал больше об этом говорить. Затем он распорядился устроить в палате пир на славу и созвал на него своих друзей. Там было вдоволь крепкого питья, и им усердно всех потчевали. Рёгнвальд очень следил за тем, чтобы пиво не переводилось и его все

время подносили. Вендские мастера также прислуживали гостям. Рёгнвальд все подбадривал их, чтобы они приносили побольше питья, так как его было вдосталь. Он говорил, что ничто не приносит большей славы отменному пиру, как то, что гости на нем сразу же перепились. Разносившие пиво были в сговоре с ним и знали о его намерениях. Торольв очень любил мальчика Гуннара. Он приказал сшить ему алый наряд и усадил подле себя на почетном сиденье. И вот в первый же вечер люди так напились, что каждый уснул, где сидел. Когда же это случилось, Рёгнвальд не стал сидеть без дела, хотя ему и не нужно было больше подносить пиво. Тут-то и выяснилось, для чего предназначались те стружки, что он собирал летом. Венды трудились вместе с ним и сносили груды стружек к дверям палаты, пока не перенесли туда все. Затем они подожгли их вместе с большими вязанками хвороста, и палату сразу же охватил огонь. Рёгнвальд зашел внутрь, забрал мальчика Гуннара, сидевшего на почетном сиденье рядом с Торольвом, отнес его спящего к матери и сказал, что хорошо бы он подольше не просыпался:

– Поскольку у нас сейчас и без того хватает дел, – сказал он.

Она отвечала, что куда уж больше.

Люди, которые находились в палате, были настолько пьяны, что проснулись не раньше, чем все вокруг было охвачено пламенем. Палата сгорела вместе со всеми, кто в ней был. Рёгнвальд поджег также дом, где жили рабы, и сжег всех людей, которые были внутри. После этого они отправились на берег, взошли на корабль и вышли на веслах во фьорд. Тут мальчик Гуннар проснулся и заметил на берегу огонь и дым.

Он сказал:

– Удивительное дело! Я здесь, а ведь еще совсем недавно я спал на почетном сиденье подле моего воспитателя. Видать, это ты, злой Рёгнвальд, подстроил такое несчастье, и твоя вина, что, когда я смотрю на наш дом, я вижу усадьбу в огне. Мне бы гораздо больше хотелось быть теперь там, с моим воспитателем Торольвом, чем здесь с тобой, потому что мне не стоит ждать от тебя добра, раз ты причинил ему зло.

Рёгнвальд приказал, чтобы этот неразумный умолк. Они забрали оттуда много добра – столовую утварь и чистейшее серебро, которое венды вынесли из дому, пока Рёгнвальд готовился поджечь его. В плавании им пришлось нелегко: к югу от мыса Стад[4] их корабль перевернулся и там погибли венды и все, кто находились на корабле, однако Рёгнвальду удалось спасти свою жену и сына и он отвез их в усадьбу в Эрвике. Торольв Скьяльг поставил управлять тамошними владениями ничтожных людей; Рёгнвальд прогнал их прочь и поселился в усадьбе. Его родичи были довольны тем, что он забрал себе принадлежавшее ему имущество и отцовское наследство. Когда Рёгнвальд прибыл на север в Эрвик, он сказал, что Торольв Скьяльг дал ему свободу и возвратил ему все, чем он владел, за долгую и верную

службу. Люди сочли его рассказ заслуживающим доверия. Весть о сожжении Торольва разнеслась повсюду, однако ни один человек не догадывался, кто бы это мог совершить. Никто особенно и не доискивался, поскольку Эрлинг, его сын[5], был в то время еще ребенком, а Торольв был человеком заносчивым и властным, и его мало кто любил, а большинство его друзей сгорело вместе с ним.

Вскоре после того, как Рёгнвальд поселился у себя дома в Эрвике, он взял своего сына Гуннара и отправился с ним к морю. Он раздобыл маленькую лодку, а затем взял другую, побольше, и уплыл подальше от берега, везя на буксире эту лодку. Потом он посадил мальчика в маленькую лодку, привязав его изнутри к ее ребрам, и пустил плыть по воле волн, а сам вернулся на берег. Сигрид спросила у него про его поездку и про то, что он сделал с ребенком. Он отвечал, что ничего не может ей сказать, кроме того, что мальчик теперь никому не сможет поведать о том, кто сжег Скьяльга.

С тех пор Рёгнвальд сидел в своей усадьбе и считался большим человеком. О мальчике же надо рассказать, что ветер и течение влекли его лодку на север вдоль берега и в конце концов пригнали к одному острову. Рёгнвальд устроил все так, что, хотя он и привязал мальчика изнутри к лодке, чтобы тот не смог освободиться, он все же оставил свободными его руки, а потому тот мог брать еду, которую для него припас отец, чтобы он смог выжить. Островом, к которому прибило лодку, управлял один язычник. Там было большое капище, посвященное Тору. Этот человек обнаружил прибитую к берегу лодку и очень подивился тому, что в ней оказалось. Он развязал мальчика и попытался заговорить с ним, однако тот молчал. Бонд взял ребенка и отнес его домой к своей жене. Мальчик показался им красивым и таким, какого только можно себе пожелать, а они были бездетны. Они старались выяснить, может ли он говорить, но не добились от него ни слова. Бонд рассказал о своей находке соседям и спросил, не знает ли кто чего-нибудь об этом ребенке и откуда он мог прибыть, но никто не смог ничего сказать. Тогда бонд сказал:

– Раз уж никто не узнает этого мальчика, то почему бы мне не взять его к себе и не воспитать как собственного сына? А имя у него будет подстать цвету его наряда: пускай зовется Рауд[6].

Он рос и стал человеком высоким и видным. Воспитатель очень любил его и оставил ему после себя все свои владения и хозяйство. Рауд сделался заядлым язычником, и рассказывают, что обильными жертвоприношениями он придал изображению Тора, которое стояло там в капище, такую силу, что дьявол, сидевший в идоле, разговаривал с ним, а сам деревянный бог мог передвигаться, так что днем можно было видеть, как он выходил с ним из капища, и Рауд частенько водил Тора по острову.

Сигрид встречается с Олавом конунгом и принимает крещение

Теперь надо рассказать о Сигрид, жене Рёгнвальда. Однажды она пришла к своему мужу побеседовать и сказала так:

– Мы с тобой долго жили вместе в любви и согласии, но теперь я намерена положить конец нашей совместной жизни, так как я считаю, что дольше так не может продолжаться. Я была с тобой заодно и, как ты знаешь, хранила в строжайшей тайне те большие дела, которые ты совершил. Однако давно проверено, что никому не удается до конца сохранить свое благополучие, если он умертвил хотя бы одного человека, а ведь те великие грехи, что у нас с тобою на сердце, куда значительнее, чем убийство одного человека. Я слыхала, что на свете нынче широко распространен иной обычай, чем тот, которого придерживаемся мы, и те, кто его приняли, называются по имени Бога, в которого они веруют, и что зовут его Белый Христос, а они поэтому зовутся христианами. А еще говорят, что Белый Христос так милостив, что не отказывает в прощении ни одному человеку, если тот готов стать христианином и держаться своей веры, пусть даже он прежде и совершил много дурного. Еще я слыхала, что есть один человек, наш земляк, который разъезжает повсюду и проповедует эту веру. Зовут его Олав, и он сын Трюггви сына Олава[7]. Я собираюсь теперь же отправиться к нему, и ежели все, что мне рассказывали, окажется правдой, я приму веру, которую он проповедует, и тогда, может статься, нам удастся избежать того, что нас ожидает, однако нам не на что рассчитывать, если оставить все как есть.

Рёгнвальд отвечает:

– Тебе решать, как ты поступишь, и я не стану тебе мешать. Но только если бы решение принимал я, наша жизнь шла бы по-старому.

После этого Сигрид уехала из страны вместе с торговыми людьми и направилась в Англию. Она разыскала Олава конунга на западе за морем, и когда ей удалось поговорить с ним, сказала так:

– Я приехала сюда потому, что узнала, что ты проповедуешь иную веру, чем та, которой люди держатся в Норвегии. А теперь я хочу, чтобы меня крестили, и впредь буду следовать той вере, которой ты учишь.

Конунг отвечает:

– Тебя привело доброе намерение, а потому ты достойна того, чтобы получить крещение, и я охотно исполню твою просьбу.

Затем Сигрид крестили. После этого она сказала конунгу:

– Раз вы считаете, что я поступила хорошо, то пускай все будет так, как гласит поговорка: всякий дар требует отдарка. Ты должен приехать в Норвегию и проповедовать там правую веру. Я ожидаю, что твоя удача и Божья милость вместе будут иметь куда больше силы, чем враждебность и проти-

водействие людей страны. А еще я хочу, чтобы ты узнал о человеке по имени Рёгнвальд, могущественном и богатом муже. Он живет в Эрвике, к югу от мыса Стад в Норвегии. Этот Рёгнвальд мой муж. И я прошу тебя, конунг, когда ты прибудешь в Норвегию, чтобы своим милосердием, дарами и добрыми увещеваниями ты склонил этого человека к истинной вере, так как на него скорее можно воздействовать мягкостью, чем суровостью. Есть и другой человек, по имени Рауд, он управляет одним островом на севере. Мне не известно, – говорит она, – есть ли между мною и им какая-нибудь связь. Оба они люди недюжинные и нравом во многом похожи друг на друга, и тебе, конунг, пошло бы на пользу, если бы они стали твоими сторонниками, а не противниками.

Затем она не таясь поведала конунгу обо всем, что произошло между Торольвом и Рёгнвальдом, а также о делах других могущественных людей, которые жили в то время в Норвегии. Прежде чем они расстались, Сигрид дала Олаву конунгу ценные дары, поскольку она привезла с собой из Норвегии много добра. Потом она уехала в дальние страны и благочестиво окончила там свои дни. Олав же конунг вскоре отбыл в Норвегию, как было написано ранее[8].

Конунг побывал в Эрвике и встретился с Рёгнвальдом

Олав конунг был на пиру неподалеку от Эрвика. Тут конунг припомнил, что Сигрид говорила ему о Рёгнвальде, своем муже, когда он был на западе за морем, о чем было рассказано раньше. Тогда конунг посылает к Рёгнвальду людей и приглашает его к себе. Посланцы встретились с Рёгнвальдом и доложили ему о поручении конунга. Рёгнвальд отвечает:

– Добро пожаловать к нам. Заходите и садитесь за стол и оставайтесь здесь сколько вам понравится. Однако если вы сами не знаете, чего ради я должен встречаться с конунгом, то мне и вовсе ничего об этом не известно.

Люди конунга воротились к нему и передали ответ Рёгнвальда.

Конунг сказал:

– Раз у него нет никакого дела ко мне, то у меня есть дело к нему, и я намерен захватить с собой побольше народу.

Рёгнвальд бонд узнает о том, что конунг направляется к нему, и отсылает из усадьбы всех, кто там был. А когда конунг и его люди подъехали к усадьбе, они увидали на дворе какого-то человека. Конунг спросил, кто бы это мог быть. Ему сказали, что это Рёгнвальд бонд.

Конунг сказал:

– Могучий человек и удачливый с виду.

Рёгнвальд, как был один, вышел навстречу конунгу и радушно приветствовал его. Конунг ответил на его приветствие. Потом конунг сказал:

– У меня к тебе такое же дело, Рёгнвальд, что и ко всем другим людям здесь в стране: я желаю, чтобы ты поверил во всемогущего Бога, Отца и Сына и Святого Духа, создателя земли и неба, и всех вещей, как видимых, так и невидимых. Приняв эту веру, ты должен будешь отвергнуть дьявола со всеми его соблазнами и ухищрениями и ложную веру в идолов. А затем ты должен будешь, подобно всем остальным, кто желает помочь своей душе и получить вечную жизнь, принять крещение во имя святой троицы с искренним покаянием и исповедовавшись в своих грехах. Бог же, в которого ты должен поверить, настолько всемогущ, мягок и милосерд, что во время крещения он смывает с людей все их грехи – также и с того, кто совершил очень большое зло, если он пойдет на исповедь к священникам и с искренним раскаянием расскажет о своих злодеяниях.

А когда конунг закончил свою речь, Рёгнвальд отвечает:

– Долгое время я вполне довольствовался своей верой, однако мне очень понравилось твое предложение – кроме одной вещи. Ты говоришь, что надо отказаться от веры в деревянных богов и пойти к исповеди, однако со мной случилось весьма много такого, о чем я не могу рассказать, а потому я не хочу принимать твою веру. Но я не стану препятствовать тому, чтобы другие люди приняли христианство.

После этого конунг приказал взять Рёгнвальда и держать его под охраной[9].

Олав конунг является к Рауду

Затем Олав конунг поплыл в Хладир и повелел разрушить там капище и забрать оттуда все добро, какое там было, и снять все украшения с богов. Он снял с дверей капища золотое кольцо, которое приказал выковать Хакон ярл[10]. После этого он распорядился все сжечь – и капище, и богов. И когда бонды узнали об этом, они разослали по всем окрестным областям ратную стрелу[11] и стали собирать войско, намереваясь выступить с оружием против Олава конунга. Конунг продолжал свое плавание по фьорду[12]. Он направился на север вдоль берега, рассчитывая прибыть в Халогаланд и крестить тамошний народ. А когда конунг добрался до Наумудаля на севере, он решил посетить остров Рауда.

В то утро Рауд отправился, по своему обыкновению, в капище. Тор был очень опечален и не удостоил Рауда ответом, когда тот попытался заговорить с ним. Рауда это очень удивило, и он разными способами пытался вытянуть из него хоть слово и узнать, что же такое стряслось. В конце концов Тор отвечает ему в великой горести и говорит, что поступал так не без причины:

– Потому что меня очень огорчает, – сказал он, – приезд тех людей, которые направляются сюда на остров, и я испытываю к ним отвращение.

Рауд спросил, кто эти люди. Тор сказал, что это Олав сын Трюггви со своей свитой.

Рауд сказал:

– Дунь в их сторону из своей щетины, и мы дадим им достойный отпор!

Тор сказал, что едва ли это сильно поможет, но они все же вышли из капища, и Тор изо всех сил дунул в усы и в бороду. Сразу же вслед за тем навстречу конунгу задул противный ветер, да такой сильный, что конунгу ничего не оставалось, как воротиться назад в ту бухту, в которой он стоял до того. Так повторялось несколько раз, однако с каждым разом конунг все настойчивее стремился попасть на остров, и дело кончилось тем, что с Божьей помощью его благое рвение взяло верх над тем демоном, что ему противостоял. Рауд вновь пришел в капище и увидал, что Тор хмурится и сильно не в духе. Рауд спросил, в чем дело. Тор сказал, что конунг прибыл на остров.

Рауд сказал:

– В таком случае соберем все свои силы и окажем им сопротивление, но не станем сдаваться.

Тор отвечал, что от этого будет не много проку. Тут конунг посылает людей сказать Рауду, чтобы тот явился к нему. Рауд с неохотой говорит в ответ:

– Я не приду к нему на встречу, поскольку я не обрадован его приездом, но еще того меньше ему рад Тор, мой могущественный бог.

Тогда конунг отправился к Рауду и созвал весь народ, который был на острове. Потом конунг принялся проповедовать Рауду и всем, кто там собрался, слово Божье с кротостью и мягкостью и безо всякой суровости, изо всех сил стараясь обратить Рауда и всех остальных в правую веру. Конунг сказал:

– Дело, которое привело меня на этот остров, то же, что и в других местах, – увести тебя, Рауд, и всех этих людей с той ложной тропы, по которой вы все издавна бредете, соблазненные дьяволом, и указать вам прямую дорогу, что выведет к вечной радости всех, кто идет по ней прямым путем божественных заповедей. А это означает поверить в истинного Бога, Отца, и Сына, и Святого Духа, и согласиться креститься во имя его и затем положиться на его великодушие и волю и блюсти его благословенные заповеди и, коли следовать им как должно, получить потом в награду вечное блаженство и пристанище в царствии всемогущего Господа. Истинный же и всемогущий Бог, которого может познать всякий разумный человек, – это тот, кто из ничего, которое было в начале, создал небо и землю, море, солнце и луну и все сущее и с той поры правит и управляет своим творением в соответствии со своей волей и благими установлениями. И не требуется много времени, чтобы понять, что не являются богами, хотя их так и называют, те, чьи изображения сделаны с дурных людей, – да и куда уж им помогать другим, когда они сами слепы, глухи и немы. Они мертвы и сами не способны сдвинуться с места, если только их не переносят люди или дьявол не передвигает их своими хит-

ростями и мороченьями, ведь ему всего легче обманывать людей, когда тем кажется, что идолы, в которых они верят, способны оказать им кое-какую поддержку и они могут использовать их для своих злодеяний. Но эти ложные боги тем более беспомощны, что и сами-то бесы слабы и бессильны против мощи всевластного Бога.

Рауд отвечает на слова конунга:

– Ты хорошо говорил, конунг, и все же я не намерен расставаться со своей прежней верой, которой меня научил мой воспитатель. Да и никак не скажешь, что наш бог Тор, который живет здесь в капище, мало на что способен, ведь он предсказывает всякие вещи, прежде чем они случаются, и надежно пособляет мне в любом трудном деле. А потому, покуда он мне верен, я не стану разрывать с ним дружбу. Но я не стану мешать другим людям придерживаться той веры, какая им понравится.

Конунг сказал:

– Думаю, не много тебе будет проку, если ты один станешь мне противиться, когда все остальные захотят последовать правильному совету. Должно быть, тебе приходилось слыхать, что я нередко лишал жизни тех, кто не пожелал себе же во благо и на пользу прислушаться к моим призывам.

Рауд сказал:

– Придержи свои угрозы! Я не поддамся на них. Но раз уж ты, конунг, так упорствуешь в этом деле и говоришь, что твой бог всемогущ и может сделать все, чего только не пожелает, то, возможно, он захочет наделить тебя такой силой, чтобы ты был на многое способен. Ты тут назвал Тора никчемным и слабосильным, да только, сдается мне, тебе предстоит убедиться в другом. Я сейчас велю развести большой костер, а вы с Тором подойдете к нему каждый со своей стороны и возьметесь за руки, и тот из вас выйдет победителем, кому удастся столкнуть другого в огонь. И я рассчитываю, что Тор пересилит тебя.

Конунг сказал:

– Все слыхали это? Прежде никто из тех, кому я проповедовал святую веру, не осмеливался предлагать мне помериться силой с дьяволом. И все же я готов пойти на это, уповая на милость всемогущего Господа и веря, что дьяволу не превозмочь силу Иисуса Христа. Но я пойду на это испытание при условии, что ни один из нас, ни Тор, ни я, не придет другому на помощь, когда в этом будет нужда, и ни один человек не станет спасать того из нас, кому придется плохо.

После этого сложили и разожгли большой костер. Тор подошел к огню, хотя и с неохотой. Они с конунгом взялись за руки и крепко сцепились. Тор стал уступать конунгу, споткнулся о горящее полено и повалился в огонь. Тут он сгорел, и от него не осталось ничего, кроме золы, а конунг даже не пошатнулся.

Олав конунг сказал:

– Теперь всем очевидно, как плоха вера тех, кто полагается на Тора, ведь он даже самого себя не сумел спасти от сожжения.

Рауд отвечает:

– И то правда, конунг. Ты одержал победу в вашем с Тором поединке, и впредь я больше не стану верить в него. И тем не менее я покамест далек от того, чтобы принять крещение.

Тогда конунг велел схватить Рауда и охранять его. Они с Рёгнвальдом так и не узнали друг друга. Весь же прочий народ на острове принял истинную веру и святое крещение.

Олав конунг узнал, что жители Халогаланда выставили войско и намерены защищать от него свою землю, если Олав конунг явится к ним на север. Предводителями у них были Харек с Тьотты[13], Торир Олень[14] и Эйвинд по прозвищу Рваная Щека[15]. Тогда конунг повернул на юг и поплыл в Трандхейм. Там он вошел во фьорд, так как ему донесли, что трёнды распустили собранное ими войско, как только конунг покинул фьорд и они узнали наверняка, что он направляется на север в Халогаланд[16].

Конунг освобождает Рёгнвальда и Рауда

Олав конунг держал Рауда и Рёгнвальда у себя под охраной. Конунг часто приходил поговорить с Рёгнвальдом, чьи речи казались ему очень разумными. Однажды, когда они беседовали, конунг спросил, не знает ли тот, кто бы мог быть повинен в сожжении Торольва Скьяльга из Ядара.

Рёгнвальд отвечает:

– С чего бы мне это знать? Я долго был с Торольвом в Ядаре, и до того, как я уехал оттуда, он был здоров и весел, но вскоре после этого до меня дошел слух о пожаре и его гибели, и всякий раз, когда об этом заходит речь, мне на память приходит Рауд с Острова Рауда.

На этот раз конунгу ничего больше не удалось из него вытянуть. Затем конунг встретился с Раудом и спросил, не известно ли тому, кто сжег в доме Торольва Скьяльга.

Рауд отвечает:

– Этого я не знаю. Однако когда бы об этом ни зашел разговор, мне всегда вспоминается Рёгнвальд из Эрвика.

Конунг сказал:

– Не надумал ли ты креститься?

Рауд отвечает:

– Я не дам на это согласия, пока не узнаю, при чем тут Рёгнвальд, и не в том дело, что я что-то против него имею.

После этого конунг велит привести их обоих и снова спрашивает о том же самом происшествии.

Рёгнвальд отвечает:

– Я могу сказать только то, что уже говорил прежде, когда ты спрашивал меня об этом.

Конунг сказал:

– Как я вижу, оба вы весьма осторожны в речах. А теперь, раз уж вы не хотите мне об этом рассказать, я сам вам кое-что расскажу.

Тут он принялся рассказывать и поведал им все от начала и до самого конца о том, что произошло между Торольвом и Рёгнвальдом.

– Я узнал об этом от Сигрид, твоей жены, Рёгнвальд, и надо надеяться, что ее рассказ пойдет вам обоим во благо и ныне, и впредь. И хотя и есть за что, вопреки ожиданиям многих, я не стану сурово карать за это, но только при условии, что вы оба примете правую веру и святое крещение и сделаетесь нашими верными друзьями.

Рёгнвальд отвечает:

– Велика твоя милость, конунг, и доброта. Да будем мы вечно наслаждаться ею, как и все, кто тебе повинуются.

Затем Рёгнвальд выполнил все, что ему велел конунг. Они с Раудом оба согласились принять веру, которую он проповедовал, и никогда от нее не отступать. После этого их крестили, и они стали друзьями конунга. Тогда они посчитались родством, и Рёгнвальд признал себя отцом Рауда. Потом оба они по совету и с дозволения конунга отправились по домам и возвратились в свои владения. Оба крепко держались своей веры и были в дружбе с конунгом, пока тот правил в Норвегии, но ничего не говорится о том, заплатили ли они возмещение родичам Торольва Скьяльга за его сожжение.

ПРЯДЬ ОБ ЭГМУНДЕ БИТОМ И ГУННАРЕ ПОПОЛАМ

В то время в Исландии было немало знатных людей, которые состояли в родстве с конунгом Олавом сыном Трюггви. Одним из них, как уже говорилось[1], был Глум Убийца, сын Эйольва Кучи и Астрид дочери Вигфуса херсира. Сестру Глума Убийцы звали Хельга. Она была замужем за Стейнгримом из Мачтового Залива. Их сыном был Торвальд по прозвищу Тасальди[2].

У Глума Убийцы воспитывался человек по имени Эгмунд. Он был сыном Храфна. Этот Храфн был тогда богат и жил на севере в Полуостровном Фьорде.

А прежде он был рабом Глума и его матери Астрид, но Глум дал ему свободу, и Храфн стал его вольноотпущенником. Мать Эгмунда происходила из рода людей из Боговых Долин[3], и ее имя не называется. Она была в родстве с Глумом Убийцей. Эгмунд был человек красивый, статный и многообещающий. Он пользовался большим расположением Глума, своего родича. К тому времени, когда Эгмунд вырос, Глум был уже в летах и жил на Поперечном Склоне в Воловьей Долине[4], а Вигфус, сын Глума, находился тогда у Хакона ярла[5] в Норвегии.

Как-то раз весной Эгмунд сказал Глуму, что желает уехать из страны.

– Я хочу, – говорит он, – купить корабль у Гусиного Берега[6]. Я собираюсь приобрести его на отцовские деньги, так что средств на эту покупку у меня хватает, однако я рассчитываю, что ты поможешь мне и замолвишь за меня словечко.

Глум отвечает:

– Многие из тех, на кого возлагают не больше надежд, чем на тебя, отправляются в плавание. По мне, так главное, чтобы в этой поездке ты скорее стремился снискать себе славу и уважение, чем большие барыши, разумеется, если придется выбирать одно из двух.

Глум купил ему у норвежцев корабль, и Эгмунд снарядился в путь, взяв с собой множество товаров, которыми его снабдил отец. Эгмунду предстояло верховодить на корабле. Большинство его спутников были исландцы, никогда прежде не покидавшие страну. Они вышли в море в конце лета при сильном попутном ветре. Погода им благоприятствовала.

Они завидели землю на исходе дня. Ветер дул в сторону берега. Сидевшие у руля норвежцы сказали, что всего безопаснее убрать парус на ночь, предоставить кораблю дрейфовать, и причалить, когда станет совсем светло.

Эгмунд отвечает:

– Нам не следует упускать такой хороший ветер – как знать, будет ли он дуть завтра. Да и ночь нынче выдалась лунная.

Они послушались его и продолжили плавание. А когда они приблизились к берегу, путь им преградило множество связанных между собой боевых кораблей, которые стояли в проливе между двумя островами. Однако они заметили эти корабли не раньше, чем потопили один из них и вошли в гавань. Некоторые на торговом корабле стали поговаривать, что они поступили неосмотрительно, но Эгмунд отвечал, что нечего им лезть не в свое дело. Кораблями же теми командовал Хакон ярл, а потопленное судно принадлежало человеку по имени Халльвард. Это был могущественный муж и большой друг ярла. Все имущество с этого корабля погибло, но людям удалось спастись.

Как только наступило утро, ярлу сообщили о нанесенном им оскорблении и ущербе. Он был сильно разгневан этой новостью и сказал:

– Должно быть, это дело рук каких-нибудь ротозеев, никогда прежде не посещавших чужие страны. Дозволяю тебе, Халльвард, поквитаться с ними и

отомстить за свою обиду. Уверен, что ты без труда с ними справишься. У тебя достанет отваги и доблести воздать им по заслугам, кто бы они ни были.

Тут Вигфус сын Глума Убийцы говорит:

– Государь, если эти люди предложат вам рассудить их, вы могли бы примириться с ними и сохранить им жизнь. Я сейчас же отправляюсь разузнать, кто они такие, и если только возможно, попытаюсь покончить дело миром.

Ярл отвечает:

– Поступай как знаешь. Но, думаю, они сочтут, что мой тесак тешет слишком гладко: придется им раскошелиться за то, что они учинили!

Вигфус пошел на торговый корабль и узнал Эгмунда, своего родича. Он тепло приветствовал его и спросил о своем отце и о том, какие еще новости тот привез из Исландии. Эгмунд охотно отвечал на все его расспросы. Потом Вигфус сказал:

– Вам грозят большие неприятности из-за вашей оплошности.

Затем Вигфус рассказал им, что произошло, а также о том, как трудно было склонить Хакона ярла к примирению.

– Мне поручено, родич, предложить тебе отдаться на суд ярла. Я берусь представлять твою сторону в этом деле и постараюсь добиться всего, что в моих силах, и тогда, как бы нелегко нам ни пришлось, надо надеяться, все устроится.

Эгмунд отвечает:

– Все, что мне доводилось слыхать об этом ярле, не слишком-то обнадеживает, и всего меньше, когда он расточает угрозы, так как он, пожалуй, не преминет их исполнить. Однако я буду не прочь заплатить возмещение, если он сбавит тон.

Вигфус сказал:

– Тебе придется все хорошенько взвесить, ведь ты имеешь дело с человеком, от гнева которого тебе не укрыться, если ты откажешься подчиниться его приговору.

Вигфус отправляется на корабль ярла и говорит ему, что эти люди – его побратимы, а некоторые из них приходятся ему родичами и что «они хотели бы, чтобы вы вынесли решение по их делу».

Тут один из людей ярла говорит:

– Ты сказал неправду своему государю, Вигфус. Пока что мы не слыхали от них никакого дельного предложения.

Халльвард сказал:

– Думаю, для меня лучший выход – самому отомстить за себя. И никому не стоит совать нос в это дело.

Ярл согласился с ним.

Вигфус сказал:

– Я сделаю все от меня зависящее и убью того, кто станет причиной смерти моего родича Эгмунда.

Халльвард сказал:

– Хоть вы, исландцы, и большие смельчаки, в этой стране привыкли ожидать, что уважающие себя люди не станут сидеть сложа руки и сносить оскорбления, будь то от вас, родичей Глума Убийцы, или от кого другого.

Затем Халльвард садится в лодку и отправляется на торговый корабль, а Хакон ярл велит тем временем не спускать глаз с Вигфуса. Халльвард прибывает на торговый корабль и спрашивает, кто там главный. Эгмунд называет свое имя. Халльвард говорит:

– Я и мои товарищи считаем, что вы нанесли нам большой ущерб. Мы здесь для того, чтобы выяснить, намерены ли вы предложить нам достойное возмещение.

Эгмунд отвечает:

– Мы не отказываемся заплатить, если только вы не вздумаете запросить с нас слишком много.

Халльвард сказал:

– Те, кого это касается, не удовлетворятся безделицей за этакое бесчестье.

Эгмунд сказал:

– Мы и вовсе не станем ничего платить, если с нами будут обходиться высокомерно.

– Я не собираюсь, – говорит Халльвард, – клянчить у вас то, что вам пристало предлагать самим!

Тут он прыгнул на борт и с такой силой хватил Эгмунда обухом секиры, что тот упал замертво. После этого Халльвард возвращается к ярлу и рассказывает ему о том, что произошло, а ярл говорит, что он обошелся с ними куда мягче, чем они того заслуживали.

Халльвард отвечает:

– Вся вина лежит на их предводителе, однако я счел, что для первого раза с него хватит и того, чтобы я вздул его до потери памяти. Бесчестье – заслуженная расплата за оскорбление. А ежели понадобится, ничто не помешает мне продолжить мстить и впредь.

Когда Вигфус узнал о случившемся, он пришел в такую ярость, что пожелал напасть на Халльварда или убить его, как только тот ему подвернется, но ярл повелел следить за ним, чтобы ему не представилось такого случая.

Эгмунд очнулся, однако он получил такое тяжелое увечье, что и после наступления зимы был вынужден долго лежать не вставая. Но со временем он поправился, и тогда ему пришлось сносить немало насмешек из-за того, что с ним стряслось. Где бы он ни появлялся, его называли Эгмундом Битым, он

же делал вид, что знать не знает о своем прозвище. Вигфус часто наведывался к нему и уговаривал его отомстить.

– Я помогу тебе, – говорил он, – восстановить твою честь.

Эгмунд отвечает:

– Не стоит ворошить это дело, родич. Сдается мне, что теперь мы с Халльвардом квиты. Ведь трудно было бы ожидать, что мне сойдет с рук упрямство, с каким мы себя поначалу повели. Да и неблагоразумно мстить, когда Халльвард в большой дружбе с Хаконом ярлом, а ты здесь находишься в его власти. Негоже мне подвергать тебя риску быть покалеченным или убитым по моей вине. Разве этим должен я отплатить Глуму, твоему отцу?

Вигфус отвечает:

– Ты не дождешься благодарности ни от меня, ни от моего отца, если станешь утверждать, будто действуешь в моих интересах, идя против моей воли. Я-то думаю, что тобой скорее движет трусость, чем осторожность, и куда как плохо поддерживать человека, у которого в груди заячье сердце. Похоже, ты пошел в своих родичей-рабов, а не в людей с Поперечной Реки[7].

На этом они расстались, и Вигфус был вне себя от гнева.

Миновали зима и весна. Летом Эгмунд снарядился и отплыл в Исландию. Это путешествие принесло ему большие барыши. Он привел свой корабль в Островной Фьорд.

Глум вскоре узнал о прибытии корабля, и ему было тотчас же доложено о том, как Эгмунд обесславил себя в этой поездке. А после того как Эгмунд отдал все распоряжения о своем корабле и имуществе, он отправился прямиком на Поперечный Склон к Глуму и оставался там некоторое время. Глум был с ним немногословен, и было заметно, что он совсем не рад его приезду. Эгмунд же пребывал в прекрасном расположении духа и очень важничал после своего возвращения. Он посещал все сходки в округе и охотно принимал участие в делах других людей, и какие бы споры там ни возникали, казалось, никому не удавалось скорее отыскать пути для их разрешения, чем Эгмунду. Он также с готовностью взвалил на себя заботы о припасах и прочих хозяйственных нуждах Глума и проявил себя в этом с наилучшей стороны, однако Глум по-прежнему не желал с ним разговаривать.

Как-то раз Глум сказал ему:

– Ты должен знать, Эгмунд, что я не испытываю благодарности за твои труды. И меня удивляет, что ты с таким рвением встреваешь в чужие дела, когда тебе самому впору занимать храбрости. Первая же твоя поездка окончилась так бесславно, что я предпочел бы никогда больше тебя не видеть. Ты покрыл себя позором и стал укором для всех своих родичей, и отныне навсегда будешь прозван трусом за то, что не отважился отомстить за себя.

Эгмунд отвечает:

– Тебе бы следовало, родич, принять во внимание, что́ заставило меня отказаться от мести. Я решил, что это может повредить Вигфусу, твоему сыну.

– Нечего тебе было заботиться о нем против его воли, – говорит Глум. – По мне, так лучше бы вы оба были мертвы, зато ты проявил бы храбрость и отомстил. А теперь остается одно из двух: либо у тебя куда больше выдержки и терпения, чем у других людей, и ты, хоть и с запозданием, но все же покажешь себя настоящим мужем и в другой раз не струсишь, либо ты и впрямь ни на что не годен и все худшее в тебе возьмет верх, потому что часто недостает отваги тем, кто ведет свой род от рабов, и я не желаю, чтобы ты у меня долее оставался.

После этого Эгмунд уехал к своему отцу.

Эгмунд провел две зимы в Исландии, а летом снарядил свой корабль, нанял команду и отправился в Норвегию. Он прибыл на север в Трандхейм и поплыл вдоль фьорда[8]. Вечером он встал неподалеку от Нидархольма[9].

Тогда Эгмунд сказал:

– Спускайте лодку. Я хочу зайти в реку и разведать, что нового происходит в стране.

Эгмунд надел двуцветный плащ, отделанный вдоль швов золотой тесьмой, это было большое сокровище. Он пересел в лодку, захватив с собой двоих гребцов. Было раннее утро, когда они направились к причалам. В это время сверху из города спускался какой-то человек. На нем была красная расшитая накидка с капюшоном. Человек в накидке сошел на пристань и спросил, кому принадлежит лодка. Эгмунд назвал свое имя. Горожанин сказал:

– Так ты Эгмунд Битый?

– Некоторые меня так называют, – отвечает Эгмунд. – А тебя как зовут?

Тот говорит:

– Меня зовут Гуннар Пополам. Это прозвище я получил оттого, что мне нравится ходить в двуцветной одежде[10].

Эгмунд сказал:

– Что нового здесь в стране?

Гуннар отвечает:

– Главная новость тут – что Хакон ярл умер и на престол взошел превосходный конунг, Олав сын Трюггви.

Эгмунд спросил:

– Не знаешь ли ты, где сейчас может находиться человек по имени Халльвард, родовитый и богатый муж из Трандхейма?

Гуннар отвечает:

– Неудивительно, что ты о нем спрашиваешь. Его теперь зовут Халльвард Шея. Это потому, что в прошлом году он участвовал вместе с Хаконом ярлом в битве с йомсвикингами[11] и получил там большую рану в шею прямо под ухом и с тех пор ходит, скривив голову набок. Он теперь в городе с Олавом

конунгом, и тот очень его ценит. Какой на тебе ладный плащ, Эгмунд, двуцветный и выкрашен отменно! Не продашь мне его?

– Продать – не продам, – говорит Эгмунд, – но раз уж он тебе так приглянулся, готов отдать задаром.

– Так отдай, и пусть тебе во всем сопутствует удача! – сказал Гуннар. – Я хочу отблагодарить тебя за твой подарок. Для начала прими от меня эту накидку, как знать, может, она тебе пригодится.

Затем Гуннар возвращается в город в плаще, а Эгмунд надевает накидку.

Он сказал своим людям:

– Привяжите лодку кормой к причалам, чтобы ее не сносило течением, пока я сойду на берег. А вы тем временем оставайтесь на своих местах и держите весла наготове.

После этого Эгмунд направился наверх в город. По дороге ему не встретилось ни души. А когда он проходил мимо постоялого двора, то увидал, что двери распахнуты и какие-то люди стоят внутри и умывают руки. Один из них был выше ростом и выглядел внушительнее других. Он держал голову склоненной набок, и по рассказу Гуннара Эгмунд догадался, что это Халльвард. Эгмунд подошел к дверям, и все, кто там находились, приняли его за Гуннара Пополам. Понизив голос, он позвал Халльварда выйти к нему ненадолго:

– У меня к тебе важное и неотложное дело, – сказал он.

Затем Эгмунд отошел от дверей и обнажил меч. Гуннар Пополам был всем хорошо знаком, поэтому Халльвард вышел из дому один, и не успел он приблизиться к Эгмунду, как тот нанес ему смертельный удар. После этого Эгмунд побежал вниз к лодке. Он сбросил с себя накидку и, вложив в капюшон камень, забросил ее в реку, так что она пошла ко дну. Эгмунд прыгнул в лодку и приказал грести прочь из реки. А когда они прибыли на торговый корабль, он сказал своим людям:

– Здесь в стране большое немирье. Ветер как раз дует из фьорда, поставим парус и воротимся в Исландию.

Они стали говорить, что уж больно он пуглив, раз не решается высадиться на берег из-за каких-то там усобиц, которые ведут между собой местные жители, однако поступили как он велел. Они вернулись в Исландию и пристали в Островном Фьорде. Эгмунд поехал к Глуму Убийце и поведал ему о своей поездке. Он сказал, что месть свершилась, хотя и с большим опозданием. Глум принял это известие с одобрением и сказал, что у него было предчувствие, что тот в конце концов все же окажется сто́ящим человеком. Эгмунд остался у Глума на зиму, и его там хорошо принимали.

А теперь нужно рассказать о том, что, когда людям Халльварда показалось, что он долго не возвращается, они вышли наружу и нашли его лежащим мертвым в луже крови. Об этой новости было доложено Олаву конунгу, а так-

же о том, что, по общему мнению, убийцей Халльварда был Гуннар Пополам. Конунг сказал:

– Никогда бы не подумал, что он на такое способен. Но как бы то ни было, его следует как можно скорее разыскать и повесить, если это его рук дело.

У Гуннара был брат по имени Сигурд. Он был человек богатый и дружинник Олава конунга; тот очень его любил. Сигурд тогда находился в городе. Как только он узнает, что его брата собираются казнить, он бросается искать его и находит. Сигурд спрашивает, правда ли, что он совершил то, в чем его обвиняют. Гуннар отвечает, что не имеет к этому никакого отношения.

Сигурд сказал:

– Однако люди считают, что это так, а потому расскажи мне, что тебе известно об этом происшествии.

Гуннар отвечает:

– Сейчас я не стану ничего говорить ни тебе, ни другим.

Сигурд сказал:

– Раз так, тебе необходимо скрыться.

Гуннар так и сделал, он спрятался в лесу, и его не нашли. Затем он отправился на восток, перевалил через горы и прошел Упплёнд, скрываясь на протяжении всего своего странствия и нигде не задерживаясь, пока не добрался до Швеции.

В то время там совершались великие жертвоприношения[12], и издавна повелось, что наиболее почитаем был Фрейр[13]. Этот идол Фрейра обладал столь могучими чарами, что дьявол говорил с людьми из его уст, и Фрейру в услужение была отдана молодая и красивая женщина. Тамошние жители верили, что Фрейр был живой, и так в какой-то мере и было, и думали, что он, вероятно, нуждается в наложнице. Вместе с Фрейром ей полагалось распоряжаться капищем и ведать всем, что находилось в его владении[14].

Гуннар Пополам добрался наконец до тех мест и обратился к жене Фрейра за помощью, прося ее предоставить ему кров. Она оглядела его и спросила, кто он таков. Он назвался бродягой и человеком незначительным и сказал, что он чужестранец. Она отвечает:

– Непохоже, чтобы тебе во всем сопутствовала удача, потому что Фрейр смотрит на тебя недружелюбно. Для начала можешь остаться здесь на три ночи, а там поглядим, как Фрейр отнесется к тебе.

Гуннар сказал:

– Что до меня, я предпочитаю твою защиту и расположение благосклонности Фрейра.

Гуннар был большой весельчак и отличный рассказчик. По прошествии трех ночей он спрашивает жену Фрейра, как обстоит дело с его дальнейшим пребыванием.

– Сама не знаю, – говорит она. – Ты человек неимущий, но тем не менее, похоже, хорошего рода, а потому мне следовало бы помочь тебе. Однако Фрейр не очень-то тебя жалует, и я боюсь, как бы он не разгневался. Поживи здесь полмесяца, и тогда будет видно, что из этого выйдет.

Гуннар сказал:

– Пока все складывается так, как мне и хотелось: Фрейр меня ненавидит, зато ты готова мне помогать, а я и сам не желаю иметь ничего общего с Фрейром, потому что, по мне, он – настоящий дьявол.

Чем дольше Гуннар там оставался, тем большей любовью он пользовался у всех, благодаря тому что знал толк в развлечениях, да и прочим своим достоинствам. Он опять приходит побеседовать с женой Фрейра и спрашивает у нее, на что он может рассчитывать.

Она ответила:

– Люди хорошо к тебе относятся, и сдается мне, будет правильно, если ты останешься здесь на зиму и будешь сопровождать нас с Фрейром в поездке по пирам, когда он отправится по стране улучшать урожай[15]. Однако он к тебе не благоволит.

Гуннар поблагодарил ее.

И вот пришла пора отправляться в дорогу. Фрейр с женой должны были ехать в повозке, а сопровождавшие их слуги идти впереди. Им предстоял долгий переход по горным тропам. Тут поднялась сильная вьюга, и стало трудно идти, однако Гуннару было велено не отходить от повозки и вести лошадь. А спустя некоторое время вышло так, что все их люди разбрелись кто куда и Гуннар остался один при повозке, в которой сидели Фрейр и его жена. Гуннар совсем выбился из сил, продвигаясь вперед и ведя за собою лошадь, и в конце концов махнул на это рукой и забрался в повозку, предоставив лошади самой находить дорогу. Немного погодя женщина сказала Гуннару:

– Соберись с силами и опять веди лошадь, не то Фрейр нападет на тебя.

Он так и делает. Прошло еще немного времени, и когда он снова почувствовал сильную усталость, он сказал:

– На этот раз я готов рискнуть и вступить в поединок с Фрейром, если он вздумает напасть на меня.

Тут Фрейр вылезает из повозки, и они начинают бороться, однако Гуннар явно уступает Фрейру в силе. Видит он, что, коли так будет продолжаться, ему не устоять. И вот он думает про себя, что, ежели ему посчастливится одолеть этого дьявола и воротиться назад в Норвегию, он тогда сызнова обратится в истинную веру и помирится с Олавом конунгом, если тот согласится принять его. И стоило ему только подумать об этом, как Фрейр зашатался и сразу же вслед за тем повалился перед ним. Тут из истукана выскочил демон, который в нем прятался, и от него всего-то и осталось, что пустое дупло. Гуннар разбивает его в щепы и возвращается к повозке.

Затем он предлагает женщине выбрать одно из двух: либо он покинет ее и пойдет своим путем, либо, когда они доберутся до обитаемых мест, ей придется сказать, будто он Фрейр. Она отвечает, что охотнее предпочла бы второе. После этого Гуннар переодевается в облачение деревянного истукана. Тут стало проясняться.

Спустя некоторое время они являются на пир, который был для них приготовлен[16]. Там уже находились многие из тех, кто должен был их сопровождать. Все сочли важным знаком, что Фрейр показал свое могущество, сумев добраться вместе со своей женой до человеческого жилья в этакую непогоду, хотя все его слуги разбежались. А еще они дивились тому, что он мог теперь ходить наравне со всеми и ел и пил, как другие люди.

Они разъезжали по пирам всю зиму. Фрейр был всегда немногословен со всеми, кроме своей жены. Оказалось, что он больше не хочет, чтобы перед ним убивали живых существ, как прежде[17], и не желает принимать жертвы или какие-нибудь иные приношения, кроме золота и серебра, драгоценной одежды и других сокровищ. А со временем люди стали замечать, что жена Фрейра носит дитя. Это известие было встречено большим ликованием, и шведы не могли нарадоваться на Фрейра, свое божество. Погода также стояла благоприятная, и все сулило такой добрый урожай, какого никто не мог припомнить. Слухи о могуществе языческого бога шведов разнеслись широко по свету, дошли они и до Олава конунга сына Трюггви, и он задумался, что бы они могли означать. Как-то раз весной Олав конунг призывает к себе Сигурда, брата Гуннара Пополам, побеседовать и спрашивает, известно ли ему что-нибудь о Гуннаре, его брате. Сигурд отвечает, что не имеет от него никаких вестей.

Конунг сказал:

– Сдается мне, что этот языческий бог шведов, которого они именуют Фрейром и о котором нынче ходит столько рассказов, на самом деле не кто иной, как твой брат Гуннар. Ничто так не прельщает языческих богов, как жертвоприношения живых людей[18]. Я хочу послать тебя за ним на восток, ибо прискорбно знать, что христианская душа пропадает столь жалким образом. Но если он явится ко мне добровольно, я обещаю впредь не гневаться на него, поскольку мне стало известно, что Халльварда убил не Гуннар, а Эгмунд Битый.

Сигурд немедленно отправляется в дорогу и странствует, пока не находит этого Фрейра и не узнает в нем Гуннара, своего брата. Он передает ему слова и поручение Олава конунга. Гуннар говорит в ответ:

– Я бы охотно поехал и примирился с Олавом конунгом. Однако если шведы прознают обо всем, они захотят убить меня.

Сигурд сказал:

– Попытаемся убраться отсюда тайком и будем уповать на то, что удача и добрая воля Олава конунга вместе с милосердием Божьим возымеют бóльшую силу, чем злая воля и преследование шведов, как наверняка и случится.

И вот Гуннар начинает готовиться к путешествию вместе со своей женой. Они захватили с собой столько движимого имущества, сколько были в состоянии унести на себе, и ночью тайно отправились в путь. А когда шведы это узнали, они догадались обо всем, что произошло, и тотчас же послали за ними погоню. Однако стоило преследователям отойти совсем недалеко, как они заблудились, и так и не настигли их; с тем шведы и воротились назад. Сигурд же и его спутники нигде не останавливались, пока не явились к Олаву конунгу. Тот примирился с Гуннаром и велел крестить его жену. И с тех пор оба они придерживались истинной веры.

ПРЯДЬ О НОРНА-ГЕСТЕ

1. Гест приходит к Олаву конунгу

Рассказывают, что как-то раз, когда Олав конунг сын Трюггви сидел в Трандхейме, явился к нему под вечер один человек и приветствовал его как подобает. Конунг принял его благосклонно и спросил, кто он таков, а тот назвался Гестом.

Конунг отвечает:

– Будь нашим гостем, как бы тебя ни звали[1].

Гест отвечает:

– Меня и вправду так зовут, государь, и, если только мне будет позволено, я с радостью воспользуюсь вашим гостеприимством.

Конунг сказал, что охотно разрешает ему остаться. Но поскольку день клонился к концу, конунг не пожелал побеседовать с гостем. Вскоре он отправился к вечерне и затем к столу, а там и на покой.

В ту ночь[2] Олав конунг сын Трюггви бодрствовал, лежа в своей постели и читая молитвы, а все прочие люди, которые находились в том же покое, спали. И вот кажется конунгу, что, хотя все двери там были на запоре, в покой входит не то альв[3], не то какой-то дух. Он проследовал мимо постелей всех, кто там спал, и наконец подошел к человеку, который лежал в самом дальнем углу.

Тут альв остановился и сказал:

– Крепок замо́к, да домок-то пуст![4] Когда б конунг получше разбирался в таких делах и взаправду был мудрейшим из людей, каким слывет, он не спал бы теперь так крепко.

После этого он исчезает за закрытыми дверями[5].

А с утра пораньше конунг посылает своего слугу узнать, кто спал ночью в той постели, и оказывается, что в ней лежал гость. Конунг призывает его к себе и спрашивает, чей он сын.

Тот отвечает:

– Отца моего звали Торд по прозвищу Сутяга, а родом он был датчанин. Он жил в Дании на дворе, который зовется Грэнинг[6].

– Сразу можно заметить, что ты человек видный, – говорит конунг.

Гест был не из тех, кто лезет за словом в карман. Он выделялся среди других людей ростом и на вид был силач, однако уже в преклонных летах. Он попросил у конунга разрешения пожить вместе с его дружинниками. Конунг спросил, крещеный ли он человек. Гест отвечал, что принял неполное крещение[7].

Конунг сказал, что тот может остаться при дружине, – «но только ты недолго пробудешь у меня некрещеным».

Альв же тот оттого завел речь о замке, что Гест на ночь глядя перекрестился подобно остальным, хотя на самом-то деле все еще оставался язычником.

Конунг сказал:

– Владеешь ли ты какими-нибудь искусствами?

Тот отвечал, что умеет играть на арфе и рассказывать истории так, что другие находят их занимательными.

Тогда конунг сказал:

– Нехорошо поступает Свейн конунг[8], разрешая некрещеным людям покидать его державу и ездить из страны в страну.

Гест отвечает:

– Здесь не в чем винить датского конунга, ведь я уехал из Дании задолго до того, как Отта кейсар велел сжечь Датский Вал и принудил Харальда конунга сына Горма и Хакона ярла-язычника принять христианство[9].

Конунг расспрашивал Геста о многих вещах, и тот всегда отвечал на все его расспросы хорошо и разумно.

Люди говорят, что Гест этот пришел к Олаву конунгу на третий год его правления. В тот же год к нему явились два человека, оба они носили имя Грим и были посланцами Гудмунда с Гласисвеллир[10]. Они принесли конунгу в подарок два рога, которые им дал Гудмунд, и сказали, что оба они также зовутся Гримами. У них были и другие поручения к конунгу, о чем еще будет сказано после[11].

Теперь надо рассказать о том, что Гест остался у конунга. Ему отвели самое дальнее место на скамье, где сидели гости[12]. Человек он был благовоспитанный и обходительный, и все относились к нему доброжелательно и с уважением.

2. Гест бьется об заклад с дружинниками

Незадолго до Рождества воротился домой Ульв Рыжий[13] со своими людьми. Все лето он разъезжал, выполняя поручения конунга, а осенью на него была возложена обязанность охранять в Вике пределы страны от набегов датчан. У него было в обычае проводить середину зимы вместе с конунгом.

Ульв привез конунгу много отменных сокровищ, которые он добыл летом. Там было одно золотое запястье, оно называлось Хнитуд[14]. Это запястье было спаяно в семи местах, и каждая его часть отличалась цветом, изготовлено же оно было из куда лучшего золота, чем другие обручья. Ульв получил его от бонда по имени Лодмунд, а прежде им владел Хальв конунг, чьим именем стали называть Хальвовых воинов[15], которые силой отняли это запястье у Хальвдана конунга Ильвинга[16]. А взамен Лодмунд попросил Ульва, чтобы тот оберегал его усадьбу и заручился для него поддержкой Олава конунга. Ульв пообещал ему это.

И вот конунг сидит в Трандхейме и празднует там Рождество с большою пышностью. А на восьмой день Рождества Ульв преподносит Олаву конунгу запястье Хнитуд, выкованное из червонного золота. Конунг благодарит Ульва за подарок и за всю его верную службу, которую от него всегда видел. Запястье пускают вкруговую по всему покою, потому что в те времена в Норвегии еще не строили пиршественных палат[17]. Люди передают его из рук в руки, и каждый показывает его соседу, и кажется им, что прежде им никогда не доводилось видеть такого превосходного золота, как то, что пошло на его изготовление. Под конец оно добирается до скамьи, на которой сидели гости, а там и до Геста-чужака. Тот взглянул на него и тотчас же передал назад, положив запястье на ладонь, в которой держал до того кубок. Не больно приглянулось ему это сокровище, так что он не стал ничего о нем говорить и, как и прежде, продолжал оживленно беседовать со своими товарищами.

Слуга как раз наполнял кубки на дальнем конце стола, где сидели гости. Он спрашивает:

– Ну как, понравилось вам запястье?

– Еще бы, – отвечали они. – Всем, кроме Геста, который тут недавно. Он едва взглянул на него, и сдается нам, это оттого, что ему и дела нет до таких вещей.

Слуга идет в глубь покоя, подходит к конунгу и передает ему слова гостей, прибавив, что недавно прибывший гость, когда ему показали сокровище, даже не обратил на него внимания.

– Этот пришелец, возможно, человек более сведущий, чем ты думаешь. Пускай приходит ко мне утром и расскажет какую-нибудь историю.

И вот гости сидят на дальней скамье и беседуют. Они допытываются у вновь прибывшего гостя, не случалось ли ему прежде видать драгоценное запястье вроде этого, а может даже и лучше.

Гест отвечает:

– Коль уж вы удивляетесь, что я был так скуп на похвалы, скажу вам, что мне и впрямь доводилось видеть золото, которое не то что ни в чем не уступает этому, но, верно, будет и получше.

Тут конунговы люди прямо-таки покатились со смеху и стали говорить, что вот теперь, мол, начнется потеха:

– Может, ты не прочь побиться с нами об заклад, что ты и вправду видал золото не хуже этого, и сможешь это доказать? Ставим четыре марки серебра[18], а ты поставь свой нож и ремень[19], и пускай конунг рассудит, кто из нас прав.

Гест говорит тогда:

– Не бывать ничему из того, что вы задумали: вам не удастся выставить меня на посмешище, и я не проиграю в споре, который вы предлагаете. И все же я готов побиться с вами об заклад и поставить на кон то, что вы сказали, а конунг пусть решит, на чьей стороне правда.

На этом они прекращают разговор. Гест берется за свою арфу и весь вечер допоздна играет на ней, да так хорошо, что все заслушались. Лучше всего он исполнил Напев Гуннара[20], а когда закончил его, Древние Козни Гудрун[21]. Прежде люди никогда их не слыхали. После этого все отправились спать.

3. Гест выигрывает заклад

На другой день конунг встает спозаранку и слушает заутреню и после ее окончания идет к столу со своими дружинниками. А когда он уселся на престол, к нему подходит толпа гостей, и Гест с ними, и докладывают ему о своем уговоре и о том, на что они давеча побились об заклад.

Конунг отвечает:

– Не очень-то мне по душе этот ваш поступок, хотя вы и поставили на кон собственные деньги. Догадываюсь, что причиной всему брага, которая бросилась вам в головы. По мне, если Гест не против, всего разумнее было бы отказаться от этой затеи.

Гест отвечает:

– Я желаю, чтобы наш уговор оставался в силе.

Конунг сказал:

– Сдается мне, что в этом деле мои люди рискуют куда больше, чем ты, однако мы это скоро проверим.

После этого они ушли и отправились пировать. А когда пиршественные столы были убраны, конунг призывает к себе Геста и говорит ему:

– Теперь ты обязан предъявить какое-нибудь золото, если только оно у тебя есть, дабы я мог решить, кто из вас останется в выигрыше.

– Как вам будет угодно, государь, – сказал Гест.

Тут он принимается рыться в кошеле, что при нем был, вынимает из него узелок, развязывает его и что-то протягивает конунгу. Конунг видит, что это обломок седельной пряжки, и примечает, что изготовлен он из отменного золота. Тогда он велит принести запястье Хнитуд.

И как только это было сделано, конунг сравнивает золотую пряжку с запястьем, а потом говорит:

– Что и говорить: то золото, что предъявил Гест, намного лучше, и это скажет любой, кто на него посмотрит.

Все согласились с конунгом. Затем он объявил Геста победителем в споре. Гости решили, что они остались в дураках.

Тогда Гест сказал:

– Забирайте свои деньги, так как мне ничего не нужно. Однако советую вам впредь не биться об заклад с незнакомыми людьми, поскольку, как знать, не подвернется ли вам среди них кто-то, кому довелось повидать и услыхать побольше вашего. А вас, государь, я хочу поблагодарить за решение, которое вы вынесли.

Конунг сказал:

– А теперь я желаю, чтобы ты рассказал, откуда у тебя то золото, что ты носишь с собой.

Гест отвечает:

– Не хотелось бы мне об этом говорить, потому что мало кто поверит моему рассказу.

– И все же мы желаем послушать его, – говорит конунг, – тем более, что прежде ты обещал нам рассказать свою историю.

Гест отвечает:

– Если я расскажу вам, как ко мне попала эта золотая пряжка, надо думать, вам захочется услышать и другие истории.

– Весьма возможно, – говорит конунг, – что так и будет.

4. Гест рассказывает о Вёльсунгах

– Коли так, я расскажу о том, как я отправился на юг в Страну Франков[22]. Захотелось мне самому убедиться, правду ли говорят о княжеских обычаях и великолепии Сигурда сына Сигмунда, о его красоте и отваге. Пока я не добрался до Страны Франков и не явился к Хьяльпреку конунгу[23], не случилось ничего такого, о чем следовало бы упомянуть. У этого конунга была многолюдная дружина. Был там тогда Сигурд сын Сигмунда, сына Вёльсунга, и Хьёрдис дочери Эйлими. Сигмунд пал в битве с сыновьями Хундинга, а Хьёрдис вышла за Хальва, сына Хьяльпрека конунга. Сигурд провел там детство и рос вместе с другими сыновьями Сигмунда конунга. Всех превосходили силой и статью Синфьётли и Хельги, который убил

Хундинга конунга и за это был прозван Убийцей Хундинга[24]. Имя третьего сына было Хамунд[25]. И все же первейшим из братьев был Сигурд. Всем известно также, что Сигурд был благороднейшим из военных предводителей, и в древние времена не было никого лучше него[26]. Тогда же явился к Хьяльпреку конунгу Регин сын Хрейдмара. Он был искуснейшим из людей и карлик ростом[27]. Был он мудр, свиреп и сведущ в колдовстве. Регин очень любил Сигурда и научил его множеству вещей. Он рассказывал о своих предках[28] и об удивительных событиях, которые произошли прежде[29]. Я успел пробыть там совсем недолго и поступил, подобно многим, на службу к Сигурду. Все очень любили его за то, что он был добр, снисходителен и щедр к нам.

5. О сыновьях Хундинга

Как-то раз пришли мы в дом к Регину, и Сигурда ждал там радушный прием[30]. Регин сказал тогда такую вису:

Явился сюда
Сигмунда сын,
витязь отважный,
в жилище наше;
велика его мощь,
а я уже стар,
от алчного волка
жду лишь вражды[31].

А еще он сказал:

Храброго в сече
научу я всему,
отпрыска Ингви[32],
коль явился он к нам.
Славнее под солнцем
не сыщешь князя,
слухом о нем
будут полниться земли[33].

Сигурд был тогда постоянно с Регином, и тот много рассказывал ему о Фафнире. Он сказал, что тот лежит на Гнитахейде, приняв облик змея, и что росту он огромного. Регин сделал Сигурду меч, который звался Грам. Был он таким острым, что, когда Сигурд окунул его в Рейн, а навстречу ему пустил по течению хлопья шерсти, меч разрезал их надвое. Затем Сигурд рассек этим мечом наковальню Регина. После этого Регин принялся подстрекать Сигурда убить его брата Фафнира, и сказал такую вису[34]:

Хохотом встретили б
сыны Хундинга,
те, что у Эйлими
отняли жизнь[35],
весть, что мужу
искать милее
красные кольца,
чем мстить за отца.

После этого Сигурд снаряжается в поход и собирается идти войной на сыновей Хундинга, и Хьяльпрек конунг дает ему большое войско и несколько боевых кораблей. Были в этом походе вместе с Сигурдом брат его, Хамунд, и Регин карлик. Был там и я, тогда-то и прозвали они меня Норна-Гестом[36]. Хьяльпрек конунг успел хорошо узнать меня, когда он был в Дании с Сигмундом сыном Вёльсунга. Сигмунд был тогда женат на Боргхильд, однако они расстались из-за того, что Боргхильд убила Синфьётли сына Сигмунда, дав ему яду[37]. Затем Сигмунд взял в жены на юге в Стране Франков Хьёрдис дочь Эйлими, которого убили сыновья Хундинга, так что Сигурд должен был отомстить и за своего отца, и за отца своей матери.

Хельги сын Сигмунда, которого называли Убийцей Хундинга, приходился братом Сигурду, которого позднее прозвали Убийцей Фафнира. Хельги, брат Сигурда, сразил Хундинга конунга и троих его сыновей – Эйольва, Херрёда и Хьёрварда. Люнгви же и двоим его братьям, Альву и Хемингу, удалось спастись[38]. То были могучие и славные воины, но Люнгви превосходил остальных братьев. Все они были весьма сведущи в колдовстве. Они подчинили себе многих мелких конунгов, сразили множество храбрых воинов, пожгли немало городов и учинили великое разорение в Испании и в Стране Франков. В те времена власть кейсара не простерлась еще на север по другую сторону гор[39]. Сыновья Хундинга захватили владения Сигурда в Стране Франков, и у них было там многочисленное войско.

6. Сигурд сразил сыновей Хундинга

Теперь надо рассказать о том, что Сигурд готовился сразиться с сыновьями Хундинга[40]. У него было большое и хорошо вооруженное войско. Регин давал немало советов, направляя это воинство. При нем был меч, который звался Ридиль. Он выковал его сам. Сигурд попросил Регина одолжить ему этот меч. Тот дал его Сигурду, а взамен попросил его убить Фафнира, когда он воротится из этого похода. Сигурд пообещал ему это.

Затем мы поплыли на юг вдоль берега. Там нас застигла большая буря, вызванная колдовством, и многие сочли, что это подстроили сыновья Хундинга. После этого мы стали держаться поближе к берегу. Тут мы заметили на одном мысе, который выдавался в море среди прибрежных утесов, какого-то челове-

ка. Он был одет в зеленый плащ и синие штаны, обут в высоко зашнурованные башмаки, а в руке держал копье. Человек этот обратился к нам со стихами[41]:

Кто скачет тут
на конях Ревиля[42]
по вздыбленным водам,
по морю ревущему?
Ваш парус забрызган
пеной морской.
Волны скакунам[43]
ветр не помеха.

Регин сказал в ответ:

Сюда мы с Сигурдом
морем приплыли.
Смертью самою
ветр нам послан.
Вздыбились волны
выше бортов,
ныряет конь реи[44].
Кто нас вопрошает?

Человек в плаще сказал:

Хникар[45] я звался,
когда радовал врана,
Вёльсунг, повсюду
чиня расправу.
Нынче зови меня
человек на скале,
Фенг или Фьёльнир[46].
На корабль мне надо!

Мы пристали к берегу. Буря стала быстро стихать, и Сигурд предложил этому человеку взойти на корабль. Тот так и сделал. После этого непогода тотчас же унялась, и задул ласковый попутный ветер.

Человек уселся у ног Сигурда. Он был настроен благодушно и сказал, не желает ли тот спросить у него какого-нибудь совета. Сигурд отвечал, что он не прочь, и сказал, что по всему видно, что тот может быть хорошим советчиком, коли пожелает помочь людям. Сигурд сказал человеку в плаще:

Хникар, скажи-ка,
знаменья ты знаешь
у людей и богов:
что доброй приметой
пред битвою станет,
коль сталь нам пытать?[47]

Хникар сказал:

Много есть добрых,
– да ведомы ль людям? –
примет в лязге стали[48].
По мне: лучший спутник
вран темнокрылый
для дерева Хротти[49].

А вот и вторая:
коли ты вышел,
к отъезду готовый, –
увидеть двоих
пред собой на дороге
воинов славных.

А третья такая:
коль вой ты услышишь
под ясенем волчий.
И точно к удаче
шелома шесты[50],
коль их первым заметишь.

Никто из мужей
биться не должен,
к Мани сестре
обратившись склоненной[51].
Победу получит,
кто смотрит в оба,
храбр в играх клинков
иль построится клином.

Беда велика,
коль ты споткнешься,
на бой собираясь:
то коварные дисы[52]
по бокам твоим стали
и увечья сулят.

Умыт и причесан
всяк должен быть
и сыт спозаранку,
ибо как знать,
что вечер сулит.
Не след бежать от удачи[53].

После этого мы поплыли на юг вдоль побережья Хольтсеталанда[54] на восток Страны Фризов[55] и пристали там к берегу. Сыновья Хундинга тотчас же узнают о нашем походе, созывают войско и в короткое время собирают огромную рать. И когда мы встретились, завязалась жаркая битва. Люнгви был отважнее всех и всегда шел впереди своих братьев, однако все они сражались мужественно. Сигурд бросался в бой так яростно, что все отступали перед ним, потому что всякий страшился его меча Грама, а Сигурда никто не мог заподозрить в малодушии. И когда они с Люнгви сошлись, то не скупились на удары и бились со всею храбростью. Люди на время перестали сражаться и, обернувшись, следили за их поединком. Долго ни одному из них не удавалось нанести рану другому, настолько искусно они оба владели оружием. Затем братья Люнгви вновь бросились в бой и перебили множество народу, а иных обратили в бегство. Тогда Хамунд, брат Сигурда, выступил им навстречу, а вместе с ним и я, и произошло еще одно столкновение. А между Сигурдом и Люнгви дело закончилось тем, что Сигурд взял Люнгви в плен и на него были надеты оковы. И вскоре после того, как Сигурд присоединился к нам, дело приняло другой оборот: тут сыновья Хундинга пали со всем своим войском. Затем стемнело и наступила ночь.

А наутро, когда рассвело, Хникар исчез, и с тех пор никто его не видал. Люди решили, что это, верно, был Один.

Потом принялись совещаться, какой смерти предать Люнгви. Регин предложил вырезать у него на спине кровавого орла[56]. Регин принял от меня свой меч и рассек им спину Люнгви, вырезал из нее ребра и затем вытащил легкие. Так погиб Люнгви с большим мужеством. Регин сказал тогда:

Кровавый орел
широким клинком
у недруга Сигмунда
вырезан сзади.
Редкий смельчак,
поля обагривший,
конунга родич,
что радовал врана[57].

Они захватили там огромную добычу. Вся она досталась воинам Сигурда, потому что сам он не пожелал ничего брать. Взятые ими одежда и оружие стоили больших денег.

Затем Сигурд убил Фафнира и Регина, поскольку тот задумал предать его[58]. Взял тогда Сигурд золото Фафнира и уехал с ним. С тех пор его прозвали Убийцей Фафнира. После этого он поехал наверх на гору Хиндархейд

и нашел там Брюнхильд[59], и о том, что между ними произошло, рассказывается в саге о Сигурде Убийце Фафнира[60].

7. О Сигурде и Старкаде сыне Сторверка

Затем Сигурд взял в жены Гудрун дочь Гьюки[61]. Некоторое время он оставался у Гьюкунгов, своих шурьев. Я был с Сигурдом на севере в Дании. Был я вместе с ним и тогда, когда конунг Сигурд Кольцо[62] послал сыновей Гандальва[63], своих свояков, к Гьюкунгам, Гуннару и Хёгни, и потребовал, чтобы те платили ему дань, а не то он пойдет на них войной, однако они предпочли защищать свою страну. Тогда сыновья Гандальва разметили орешниковыми жердями поле боя[64] на границе владений Гьюкунгов, а затем отправились восвояси. Гьюкунги же попросили Сигурда Убийцу Фафнира биться вместе с ними в предстоящем сражении. Тот согласился. Я и тогда был с Сигурдом. После этого мы опять поплыли на север в Хольтсеталанд и пристали к берегу в месте, которое зовется Ярнамодир[65]. Неподалеку от этой гавани были поставлены орешниковые жерди там, где должна была произойти битва.

Тут мы увидели, что с севера плывет множество кораблей. Во главе их были сыновья Гандальва. Оба войска двинулись навстречу друг другу. Сигурд Кольцо не был там, поскольку в это время он должен был защищать свою страну, Швецию, от набегов куров и квенов[66]. Сигурд был тогда очень стар. Затем войска сошлись и вступили в бой, и разгорелась жаркая и кровавая битва. Сыновья Гандальва храбро сражались, так как они отличались от других людей и ростом, и силой.

В этом войске выделялся один воин, рослый и могучий. Он разил и людей, и коней, и никто не мог перед ним устоять, так как он больше походил на великана, чем на человека. Гуннар попросил Сигурда напасть на этого злодея, не то, сказал он, не видать им победы. И вот Сигурд выступил против того огромного человека, и с ним еще несколько воинов, однако почти все они последовали за ним безо всякой охоты. Вскоре мы оказались подле него, – говорит Гест, – и Сигурд спросил, как его зовут и откуда он родом. Тот отвечал, что имя его Старкад сын Сторверка[67], а родом он с севера с Фенхринга[68], что в Норвегии.

Сигурд сказал, что ему уже приходилось слыхать о нем, и чаще всего дурное.

– Такие люди не останавливаются ни перед какими злодеяниями.

Старкад сказал:

– Кто это поносит меня на чем свет стоит?

Сигурд назвал себя.

Старкад сказал:

– Это тебя прозвали Убийцей Фафнира?

– Так и есть, – говорит Сигурд.

Старкад попытался было удрать, однако Сигурд бросился за ним. Он поднял свой меч Грам, размахнулся и нанес ему удар рукоятью в челюсть, да так, что вышиб у него два коренных зуба. Это был жестокий удар. Затем Сигурд приказал этому негодяю убираться прочь. Старкад поспешил унести оттуда ноги. Я же взял один из тех зубов и оставил его себе. Теперь он подвешен на колокольном канате в Дании[69], и в нем семь унций весу, и люди приходят туда поглядеть на него и дивятся.

После того как Старкад бежал, сыновья Гандальва также обратились в бегство. Мы захватили там большую добычу. Затем конунги отправились восвояси и некоторое время сидели в своих владениях.

8. Как Гесту досталось золото

Спустя некоторое время дошли до нас слухи о подлом злодействе, которое совершил Старкад, когда он убил в купальне конунга Али[70].

Как-то раз, когда Сигурд Убийца Фафнира отправился на одну встречу, случилось ему по дороге заехать в болотце. Тут конь его Грани прянул вверх с такою прытью, что на нем лопнула подпруга и застежка от нее упала на землю. Я увидал, как она блестит в грязи, поднял и отнес Сигурду, а он отдал ее мне. Это – то самое золото, что вы видели давеча. Потом Сигурд спешился, и я обтер его коня и смыл с него грязь. Я тогда выдернул волос из его хвоста, чтобы иметь доказательства того, как велик был Грани.

Тут Гест предъявил этот волос, а был он длиною в семь локтей[71].

Олав конунг сказал:

– Истории твои кажутся мне весьма занятными.

Тут все принялись расхваливать его рассказы и превозносить его за доблесть. Конунг пожелал, чтобы он поведал им еще многое другое о событиях, свидетелем которых он стал во время своих странствий[72]. И вот до позднего вечера Гест рассказывает им всякие занимательные истории. Потом люди отправились спать.

На следующее утро конунг велит призвать Геста и желает и дальше беседовать с ним.

Конунг сказал:

– Что-то я никак не пойму, сколько же тебе лет. Да и как такое может быть, чтобы ты был так стар, что сам мог присутствовать при всех этих событиях? Придется тебе рассказать нам еще какую-нибудь историю, чтобы мы смогли в этом разобраться.

Гест отвечает:

– Я так и знал, что, коли расскажу, как было дело с тем золотом, тебе наверняка захочется послушать и другие мои истории.

Конунг сказал:

– Так и есть. А ну-ка, расскажи еще.

9. О Брюнхильд и сыновьях Лодброка

– А теперь нужно еще рассказать о том, – говорит Гест, – что я отправился на север в Данию и поселился там в усадьбе, которую унаследовал от отца, потому что он вскоре умер. Спустя немного времени до меня дошла весть о гибели Сигурда и Гьюкунгов, и я счел это величайшим событием.

Конунг сказал:

– Что ж послужило причиной смерти Сигурда?

Гест отвечает:

– Большинство людей рассказывает, что Готторм сын Гьюки пронзил его спящего мечом, когда он лежал в постели у Гудрун[73], а немецкие мужи говорят, что Сигурд был убит в лесу[74]. Синицы же поведали, что Сигурд с сыновьями Гьюки ехали на какую-то сходку[75] и что будто бы они его тогда и убили. Однако все согласны в том, что они напали на него лежащего и не готового к защите и предали его.

Тут один из дружинников спрашивает:

– А как к этому отнеслась Брюнхильд?

Гест отвечает:

– Брюнхильд убила тогда семерых своих рабов и пять рабынь, а себя пронзила мечом и приказала отвезти вместе с ними на костер и сжечь. Был тогда сложен один костер для нее, а другой для Сигурда, и сперва был сожжен он, а потом Брюнхильд. Ее отвезли на повозке, покрытой бархатом и пурпурными тканями, и вся она сияла от золота. Так ее и сожгли[76].

Тогда люди принялись расспрашивать Геста, не произнесла ли Брюнхильд, уже мертвая, какой-нибудь песни. Он сказал, что так и есть. Они попросили его рассказать ее, если он умеет.

Гест сказал:

– Когда Брюнхильд везли на костер по дороге в Хель[77], проезжали мимо скал, где жила одна великанша. Она стояла перед входом в пещеру в меховой одежде и черная с виду.

В руке у нее была длинная хворостина[78]. Она сказала:

– Я хочу положить эту хворостину на твой костер, Брюнхильд, но было бы куда лучше, если б ты была сожжена заживо за свои козни, потому что это из-за тебя был убит Сигурд Убийца Фафнира, достойнейший муж, о котором я часто заботилась. И я отмщу тебе за это, сложив про тебя такую песнь, что ты станешь ненавистна всякому, кто услышит, что в ней говорится.

После этого Брюнхильд с великаншей принялись обмениваться стихами. Великанша сказала:

Только посмей
пересечь мой двор –
обнесен он камнями,
крепка ограда.
Лучше б ткала ты
да ткань расправляла,
чем к нам в палаты
незваной соваться!

Почто пришла,
неверная, в дом мой,
из Валланда[79] к нам
зачем пожаловала?
Волков привечала:
не жалея корма,
вдосталь поила
кровью людской.

Тогда сказала Брюнхильд:

Меня не брани,
в скалах живущая,
хоть прежде бывать
мне случалось в походах.
Из нас двоих, верно,
я слыла б лучшей,
когда б ведали люди,
какого я рода.

Великанша сказала:

Брюнхильд, была ты,
Будли дитя[80],
на свет рождена
на горькое горе.
Гьюки сынам
принесла ты погибель[81]
да разоренье
их доброму дому.

Брюнхильд сказала:

Поведать тебе
всю правду готова,
обманщица, коли
узнать ты хочешь,

как Гьюки сыны
меня принуждали
жить без любви
и клятвы презреть[82].

В гневе принудил
доблестный конунг –
восемь сестер
под дубом ютились[83].
Двенадцать зим[84]
мне минуло, знай же,
когда юному князю
я клятвы давала.

В Хель прямиком
затем я послала
ведьмина брата,
Хьяльм-Гуннара старого,
победу отдав
Ауды брату.
Тем прогневила
я Одина сильно.

Заточил за щитами
меня в Скаталанде[85],
алы и белы
сомкнулись тарчи.
Тому присудил он
сон мой рассеять,
кто в жизни вовек
страха не ведал.

Взметнул вкруг укрытья
на юг глядящего,
волка дерев[86]
высоко пылать.
Тому лишь судил
пробраться сквозь пламя,
кто Фафнира мне
перину[87] везет.

Храбрый на Грани
гривен даритель[88]
въехал в чертог,
где наставник мой правил[89].

Не было лучше
в дружине данов[90]
юного викинга,
чем муж отважный.

В постели одной
мы почивали,
делили ложе,
как брат с сестрою.
Не смели рукой
руки коснуться
восемь ночей[91],
бок о бок лежа.

Винила меня
Гудрун дочь Гьюки –
что я-де у Сигурда
спала в объятьях.
Тогда лишь узнала,
того не желая:
коварным был муж мне
навязан обманом[92].

Знать, еще долго
себе ж на горе
мужам и женам
на свет рождаться.
Сигурд, с тобой нам
вовек не расстаться.
Теперь немедля
сгинь с глаз, великанша!

Тут великанша издала страшный вопль и бросилась в горы.

Конунговы дружинники говорят:

– Это занятная история. Расскажи-ка еще что-нибудь.

Конунг сказал:

– Не стоит больше рассказывать о подобных вещах.

Потом конунг спросил:

– А не случалось ли тебе бывать у сыновей Лодброка[93]?

Гест отвечает:

– Я пробыл с ними совсем недолго. А пришел я к ним, когда они воевали на юге, неподалеку от гор Мундиафьёлль[94], и разрушили Вифильсборг[95]. В то время они на всех наводили ужас, так как, где бы они ни появлялись, они всегда одерживали победу. И вот решили они двинуться на Румаборг[96].

Как-то раз приходит к конунгу Бьёрну Железный Бок один человек[97] и приветствует его. Конунг хорошо принял его и спросил, откуда он держит путь. Тот отвечает, что идет с юга из Румаборга.

Конунг спрашивает:

– И как долго ты шел оттуда?

Тот отвечает:

– Взгляни на мои башмаки, конунг.

Тут снимает он с ног железные башмаки, и сверху они толще некуда, зато снизу сильно истерты.

– Вы можете судить по моим башмакам, как далека дорога в Румаборг: вон как им досталось!

Конунг сказал:

– Видать, путь туда совсем не близок. Пожалуй, мы повернем назад и не станем воевать в Румарики[98].

Они так и сделали и не стали продолжать свой поход. Войско немало подивилось тому, что из-за слов какого-то человека так поспешно переменили принятое прежде решение. Затем сыновья Лодброка отправились восвояси, на север, и больше не совершали набегов на юг.

Конунг сказал:

– Ясно, что это святые мужи в Риме воспротивились их нашествию, и скорее всего, то был дух, посланный Богом. Это-то и заставило их столь внезапно отказаться от своего замысла и не учинять разорения в самом священном месте Иисуса Христа – в Румаборге.

10. При каком дворе Гесту больше всего понравилось

Потом конунг спросил Геста:

– У кого же из конунгов, которых ты посетил, тебе больше всего понравилось?

Гест говорит:

– Самой большой отрадой для меня было находиться у Сигурда и Гьюкунгов. Что же до сыновей Лодброка, то у них людям жилось всего привольнее. Нигде не было такого достатка, как у Эйрика в Уппсале[99]. А конунг Харальд Прекрасноволосый[100] строже, чем кто-нибудь из названных прежде конунгов, соблюдал придворные обычаи. Довелось мне также побывать у конунга Хлёдвера в Стране Саксов[101], и там я принял неполное крещение, а иначе мне нельзя было бы там оставаться, так исправно придерживались там христианской веры. Там-то мне и пришлось по душе больше всего.

Конунг сказал:

– Видно, о многом ты мог бы еще поведать, если бы мы стали тебя расспрашивать.

И вот конунг задает Гесту множество вопросов, и тот на все отвечает толково и обстоятельно, а немного погодя говорит:

– А теперь я должен рассказать вам, отчего я был прозван Норна-Гестом.

Конунг сказал, что охотно послушает.

11. Предсказание норн[102]

– Случилось это, когда я воспитывался в доме моего отца, в месте, которое зовется Грэнинг. Отец мой был человек богатый и жил на широкую ногу. В те времена по стране разъезжали вёльвы, – так называли провидиц, которые предсказывали людям будущее. Поэтому люди приглашали их к себе и устраивали для них угощение, а на прощание давали им подарки. Так же поступил и мой отец, и вот они явились к нему со своей свитой[103], чтобы предсказать мою судьбу. Когда они собрались произнести свое пророчество, я лежал в колыбели и надо мною горели две свечи. Они стали говорить, что меня ждет, и сказали, что я сделаюсь очень удачливым человеком и преуспею куда больше, чем кто-либо из моих предков, а также сыновей хёвдингов по всей стране, и что все будет именно так, как они предрекли. Самая же младшая из норн сочла, что ей оказывают меньше уважения, чем двум другим, к которым относились с большим почтением, а те даже не спросили ее мнения по поводу столь важных пророчеств. Вдобавок там собралась целая толпа невеж, которые столкнули ее со скамьи, так что она упала на землю.

Это ее страшно рассердило. И тогда она в гневе возвысила свой голос и потребовала, чтобы они прекратили сулить мне благо, – «ибо вот что я судила ему: мальчик этот проживет не дольше, чем будет гореть свеча, что зажжена подле него».

Тогда старшая вёльва взяла эту свечу, потушила ее и наказала моей матери беречь ее и не зажигать вплоть до последнего дня моей жизни[104]. Затем провидицы собрались и ушли. Они связали молодую норну и так и увели ее, а мой отец дал им на прощание богатые дары. Когда же я вырос, моя мать отдала мне на хранение ту свечу, и она и теперь при мне.

Конунг спросил:

– Что же привело тебя к нам?

Гест отвечает:

– Вот что мне взбрело на ум: я подумал, что встреча с вами может принести мне удачу, поскольку мне вас очень расхваливали добрые и мудрые люди.

Конунг сказал:

– А не хочешь ли ты принять святое крещение?

Гест отвечает:

– Хочу, коли таков будет ваш совет.

Так и произошло. Конунг приблизил Геста к себе и относился к нему с большой любовью. Он сделал его своим дружинником. Гест стал хорошим христианином и во всем следовал обычаям, которых придерживался конунг. Люди также любили его.

12. Смерть Геста

Однажды конунг спросил Геста:

– Как долго тебе бы хотелось еще прожить, будь это в твоей власти?

Гест отвечает:

– Совсем недолго, коли на то будет Божья воля.

Конунг сказал:

– А что случится, если ты достанешь свою свечу?

Тогда Гест вынул из короба, в котором он хранил свою арфу, свечу. Конунг велел зажечь ее, и его распоряжение было исполнено. И когда свеча была зажжена, она стала быстро таять.

Конунг спросил у Геста:

– Сколько ж тебе лет?

Гест отвечает:

– Мне уже минуло три сотни[105] лет.

– Стар ты очень, – сказал конунг.

Затем Гест лег и попросил, чтобы его помазали елеем. Конунг распорядился, чтобы его просьбу выполнили. И когда это было сделано, от свечи оставался всего лишь маленький огарок. Увидали тут люди, что Гест отходит. Вскоре свеча догорела, и Гест умер, и все сочли его смерть весьма удивительной. Конунг также придавал большое значение его историям и почитал за правду то, что он поведал о своей жизни.

ПРЯДЬ О ХЕЛЬГИ СЫНЕ ТОРИРА

Жил человек по имени Торир. Он жил в Норвегии на дворе, который зовется Раудаберг[1] и расположен неподалеку от Вика. У Торира было двое сыновей, одного из них звали Хельги, другого – Торстейн. Оба они были люди преуспевающие, однако Хельги был человек более искусный. Отец их носил звание херсира[2]. Он был в дружбе с Олавом конунгом.

Однажды летом братья отправились в торговую поездку в Финнмёрк[3], захватив с собой на продажу финнам масло и копченую свинину. Поездка их была удачной, и в конце лета они собрались в обратный путь. Как-то раз они подошли к мысу, который называют Вимунд. На нем рос хороший лес. Они сошли на берег и срубили клен. Хельги углубился в лесную чащу дальше других. Внезапно все окутывает такая непроглядная мгла[4], что в тот вечер ему не удается отыскать дорогу к кораблю. Вскоре стало быстро темнеть и наступила ночь. Видит тут Хельги, как из чащи выезжают двенадцать женщин[5]. Все они были в красных одеждах и сидели верхом на рыжих лошадях. Они спешились, и тогда вся конская сбруя засияла от золота. Одна из женщин выделялась своей красотой и все остальные прислуживали этой видной женщине. Они отпустили своих лошадей пастись и после этого раскинули роскошный шатер. Он был из разноцветных полос и сплошь расшит золотом. Все вершины шатра также были украшены золотом, а его столб венчал большой золотой шар. Управившись с этим, они накрыли столы и уставили их всевозможными яствами. Затем они приготовили все для омовения рук: кувшин и умывальные тазы, – и то и другое было из серебра и отделано золотом.

Хельги стоял неподалеку от их шатра и наблюдал за ними. Их госпожа сказала:

– Поди сюда, Хельги, и отведай нашего угощения.

Тот так и делает. Хельги смог теперь убедиться, что у них было вдоволь отменного питья и прочих яств и превосходные кубки. Затем столы были убраны и приготовлены постели, и были они куда роскошнее тех, в которых спят другие люди. Их госпожа спрашивает у Хельги, что он предпочитает: лечь одному или подле нее. Хельги спрашивает, как ее зовут. Она отвечает:

– Меня зовут Ингибьёрг, и я дочь Гудмунда с Глэсисвеллир[6].

Он сказал:

– Я хочу лечь с тобой.

Они так и поступают три ночи подряд. На третье утро погода прояснилась, и они встали и оделись. Тогда Ингибьёрг сказала:

– Теперь мы расстанемся. Я хочу дать тебе две шкатулки, одна наполнена серебром, а другая золотом, и не говори никому, откуда они у тебя[7].

После этого они уехали той же дорогой, по которой приехали, а он вернулся на свой корабль. Его спутники обрадовались ему и принялись расспрашивать, где он был, однако он не захотел ни о чем рассказывать. Затем они поплыли на юг вдоль берега и прибыли домой к своему отцу с большими барышами. Отец и брат Хельги спросили, откуда у него шкатулки полные денег, но тот не пожелал отвечать на их расспросы.

И вот наступает Рождество. Как-то раз ночью разыгралась непогода. Торстейн сказал брату:

– Надо бы нам сходить проведать наш корабль.

Они так и сделали, и убедились в том, что кораблю ничего не угрожает.

Хельги распорядился водрузить на штевень голову дракона и богато украсить ту часть корабля, которая возвышалась над водой. На это пошли те деньги, что ему дала Ингибьёрг, дочь Гудмунда конунга, а кое-что из тех денег он припрятал в шее дракона.

Тут они слышат страшный грохот, и к ним подъезжают два всадника. Они увозят с собой Хельги, и Торстейн и знать не знает, что с ним сталось. Вскоре после этого буря стихает. Торстейн приходит домой и сообщает своему отцу о том, что произошло, и все считают это большим событием. Торир немедля отправляется к Олаву конунгу, рассказывает ему о случившемся и просит его разузнать, что стряслось с его сыном. Конунг обещает сделать то, о чем его попросил Торир, однако говорит, что сомневается, чтобы родичам Хельги впредь могла быть от него какая-то польза. После этого Торир уезжает восвояси. Так проходит год до следующего Рождества.

Конунг оставался той зимой в Альрексстадире[8]. Наступает восьмой день Рождества. Вечером, когда конунг сидел за столом, в палату входят три человека и здороваются с ним. Конунг отвечает на их приветствие. Среди них был Хельги, но двое других были никому не знакомы. Конунг спросил, как их зовут, и оба они назвались Гримами.

– Нас послал к тебе Гудмунд с Гласисвеллир. Он наказал передать тебе свой привет, а в придачу к нему эти два рога[9].

Конунг принял подарок. Оба рога были выложены золотом, и это были отменные сокровища. У Олава конунга были два рога, прозванные Хюрнингами[10], и хотя они были очень хороши, все же они уступали тем, которые ему прислал Гудмунд.

– Гудмунд конунг просит вас, государь, стать его другом, и он просил передать, что ценит вас много выше всех других конунгов.

Конунг ничего не ответил на это и велел указать им их места за столом. Конунг распорядился, чтобы оба рога, которые звались Гримами[11], наполнили доброй брагой, а потом их благословил епископ. Затем он приказал поднести их Гримам, чтобы они выпили из них первыми. Конунг произнес тогда такую вису:

Гостей потчуйте
брагой доброй,
пока отдыхает
воин Гудмунда[12].
Из тезки[13] испить
каждый должен:
рог отменный
подайте Гримам.

Оба Грима приняли по рогу. Тут они понимают, что́ епископ прочел над брагой, и говорят:

– Произошло именно то, о чем нас предупреждал Гудмунд, наш конунг. Здешний конунг коварен и склонен платить злом за добро, тогда как наш государь оказал ему почет. А теперь нам всем надлежит встать и уйти отсюда.

Они так и делают. Тут в палате поднялся сильный шум. Они выплеснули брагу из рогов и загасили огонь, и после этого все услыхали ужасный грохот. Конунг воззвал к Богу о помощи и повелел своим людям встать и утихомириться. Оба Грима тем временем вышли, а с ними и Хельги. Затем в конунговой палате вновь зажгли свет. Видят они тут, что были убиты три человека и что рядом с убитыми на полу лежат оба рога, прозванные Гримами.

– Это весьма необычное происшествие, – сказал конунг, – и неплохо было бы, если бы такое случалось нечасто. Мне приходилось слыхать, что Гудмунд с Гласисвеллир весьма сведущ в колдовстве и что лучше не иметь с ним никаких дел. И несдобровать тем, кто окажется в его власти, что бы мы ни пытались предпринять.

Конунг приказал сохранить оба рога, которые звались Гримами, и пить из них, и они никому не причинили вреда.

Перевал же над Альрексстадиром, по которому они пришли с востока, ныне именуют Перевалом Гримов, и с тех пор той дорогой не ходит ни один человек.

Миновал год, и опять наступил восьмой день Рождества[14]. Конунг со своими дружинниками был в церкви, и они слушали мессу. Тут к церковным дверям подходят три человека. Один из них остается там, а двое других уходят, перед этим сказав:

– Мы привели к тебе Греттира[15], конунг, и как знать, удастся ли тебе теперь от него избавиться.

Люди узнали в этом человеке Хельги.

После этого конунг пошел к столу. А когда его люди попытались заговорить с Хельги, они обнаружили, что он слеп. Конунг принялся расспрашивать его, что с ним произошло и где он находился все это время. В ответ тот сперва рассказывает конунгу о том, как он повстречал в лесу женщин, а затем о том, как Гримы наслали на них, братьев, непогоду, когда те хотели укрыть свой корабль, и как Гримы забрали его с собой к Гудмунду с Гласисвеллир и доставили к Ингибьёрг, дочери Гудмунда.

Тогда конунг спросил:

– И как тебе жилось там?

– Лучше некуда, – говорит тот. – Нигде мне так не нравилось, как там.

Затем конунг стал расспрашивать его об обычаях и делах Гудмунда конунга, а также о том, много ли у того людей. Хельги отзывался обо всем

очень хорошо и сказал, что ему никогда не пересказать всего, что можно было бы об этом поведать.

Конунг спрашивает:

– Отчего ж вы так поспешно ушли отсюда прошлой зимой?

– Гудмунд конунг послал тогда Гримов, чтобы провести вас, – говорит он. – Он ни за что не отпустил бы меня, когда б не ваши молитвы, вот он и позволил мне уйти, чтобы вы смогли узнать, что со мной случилось. А ушли мы отсюда в прошлый раз так поспешно оттого, что Гримы не могли пить брагу, над которой вы велели сотворить крестное знамение, поскольку это противно их естеству. Они сильно разозлились, поняв, что над ними взяли верх, и потому убили ваших людей – Гудмунд наказал им поступить так, если им не удастся причинить вред вам самому. А оба эти рога он послал вам лишь для того, чтобы вы смогли убедиться, как велико его богатство и могущество, и перестали бы меня разыскивать.

Конунг спросил:

– Почему ж ты ушел оттуда во второй раз?

Хельги отвечает:

– Всему причиной Ингибьёрг. Ей стало казаться, что всякий раз, как она ложится со мной, она испытывает страдания, прикасаясь к моему обнаженному телу. Главным образом из-за этого я и ушел. Кроме того, Гудмунд конунг не захотел тягаться с вами, когда узнал, что вы во что бы то ни стало желаете вызволить меня оттуда. Что же до великолепия и щедрости Гудмунда конунга, я не сумею поведать об этом в немногих словах, да и не скоро расскажешь о том, как многочисленно его воинство.

Конунг спросил:

– А отчего ты слеп?

Хельги отвечает:

– Ингибьёрг дочь Гудмунда вырвала при расставании оба мои глаза и сказала, что женщинам в Норвегии недолго придется наслаждаться моим обществом.

Конунг сказал:

– Гудмунд заслуживает, чтобы его как следует проучили за те убийства, что он учинил, если на то будет Божья воля.

Затем послали за Ториром, отцом Хельги, и тот очень благодарил конунга за то, что его сын был вызволен из лап троллей. После этого он уехал домой, а Хельги остался у конунга и прожил еще ровно год.

А когда конунг уехал из страны в последний раз, он захватил с собой оба рога, которые звались Гримами. Люди рассказывают, что, когда конунг исчез с Великого Змея, пропали и рога[16], и с тех пор никто их никогда не видел.

И здесь заканчивается рассказ о Гримах.

ПРЯДЬ О ТОРВАЛЬДЕ ТАСАЛЬДИ

В то самое лето, о котором только что рассказывалось[1], приехал в Норвегию из Исландии Торвальд Тасальди[2], племянник Глума Убийцы[3]. Человек он был пригожий, рослый, сильный и щедрый. Торвальд высадился в Трандхейме и отправился в Нидарос.

Олав конунг был тогда в городе, он как раз воротился из поездки на юг страны. И как только конунг узнал, что из Исландии прибыли купцы-язычники, он пригласил Торвальда явиться к нему и предложил ему принять крещение. Торвальд согласился креститься и принять христианство ради того, чтобы завоевать расположение конунга. Конунг сказал, что он тем вернее заслужит его дружбу, чем с большей готовностью станет прислушиваться к его словам и выполнять его приказания. После этого Торвальд и его спутники крестились. Торвальд остался у конунга на зиму и был у него в чести.

Одного конунгова дружинника звали Сигурд, а другого Хельги. Оба они были люди сто́ящие, и конунг их ценил, однако нравом они были совсем несхожи. Сигурд пользовался всеобщей любовью, а Хельги был человек спесивый и вероломный. Торвальду Тасальди той зимой отвели место за столом между ними. Хельги приревновал к Торвальду и все время пытался его опорочить, а Сигурд был к нему расположен. Тогда Хельги покинул скамью, оттого что он не пожелал сидеть рядом с Торвальдом и Сигурдом. С тех пор он при каждом удобном случае клеветал конунгу на Торвальда, пока конунг не велел ему прекратить.

– Тебе не следует, – сказал конунг, – возводить напраслину на Торвальда ни предо мной, ни перед кем другим, потому что я желаю сам испытывать своих людей.

Тогда Хельги решил выяснить, не захочет ли Сигурд переменить свое мнение о Торвальде, и оговорил его перед ним.

Сигурд отвечает:

– Из-за твоих слов я не стану хуже относиться к Торвальду. Он проявил себя как достойный муж, а ты человек дурной.

Однако поскольку Хельги не только не оставил своих попыток очернить Торвальда, но стал прикладывать к этому еще больше стараний, в конце концов это привело к тому, что конунг отдалился от Торвальда.

Как-то раз Хельги сказал Торвальду:

– Спроси у конунга, отчего он так молчалив.

Торвальд отвечает:

– Я не стану тебя слушать и не поддамся на твои подстрекательства. И я рассчитываю на то, что конунг не поверил твоим оговорам, хотя он и держится со мной несколько холодно.

Хельги сказал:

– Этот мужлан еще и важничает!

Спустя некоторое время Торвальд однажды сказал, подойдя к конунгу:

– Государь, могу ли я узнать у вас причину вашей печали? Если она вызвана болезнью, то этому нелегко помочь. Но ежели она вызвана иной заботой или каким-нибудь происшествием, в котором повинны люди, то это скорее всего поправимо благодаря вашему везению и удаче.

Конунг отвечает:

– Я здоров.

Торвальд сказал:

– В таком случае исключается самое плохое. Уж не провинился ли тогда кто пред вами?

Конунг сказал, что так и есть, – «и это требует отмщения»:

– Но ты, Торвальд, обязан снять с меня эту заботу, коли ты первым стал о ней расспрашивать[4].

Торвальд сказал:

– Каждый из ваших людей обязан исполнять ваши приказания. Однако я должен знать, в чем состоит это дело, даже если окажется, что мне не под силу его разрешить.

Конунг сказал:

– Одного человека зовут Бард Толстый. Его род происходит из Упплёнда, и он очень богат. Его единственную дочь зовут Тора. Бард уже в летах и живет в Упплёнде, в месте, которое называется Ульварсдалир. У него там большая и добротная усадьба. Тора, его дочь, находится при нем, но никому не известно, много ли у него людей. А теперь вот что: мне не больно-то понравилось, что Бард не пожелал принять новую веру и явиться на встречу со мной. Я дважды посылал к нему моих людей – всякий раз по двенадцать человек, – однако никто из них не воротился назад.

Торвальд сказал:

– А что этот Бард – закоренелый язычник?

Конунг отвечает:

– Ничего об этом не известно, поскольку в его усадьбе нет капища. Люди считают, что он не такой как все, но никто не знает толком, каковы его обычаи и привычки.

Торвальд сказал:

– Мне бы очень хотелось порадовать вас, государь. Если вы только пожелаете, я поеду и встречусь с Бардом, что бы из этого ни вышло.

Конунг подтвердил, что таково его желание.

Хельги обрадовался, так как ожидал, что Торвальд не возвратится назад, точно так же как и все те, кто прежде него отправлялся в эту поездку. Затем

Торвальд снарядился в путь, и конунг велел ему захватить с собой столько народу, сколько он пожелает.

Торвальд отвечает:

– Мой товарищ по скамье Сигурд, как я успел убедиться, – человек и достойный, и надежный. Я хочу, чтобы меня сопровождал он один и больше никто, потому что ваши везение и удача, государь, могут значить для нас куда больше, чем какие-то спутники.

Конунг отвечает:

– Конечно, с вами будет моя добрая воля. Однако я намерен отправить вас к бонду, которого зовут Бьёрн. Он живет неподалеку от Барда, и, сдается мне, он, как никто другой, мог бы рассказать вам о его привычках и показать дорогу к нему.

Затем они отправились в путь и явились к Бьёрну. И как только тот узнал, что они – посланцы конунга, он оказал им радушный прием. Они расспросили его о хозяйстве и привычках Барда.

Бьёрн сказал, что там творятся чудны́е дела:

– Когда ни придешь туда, не встретишь там ни души, и тем не менее все работы по хозяйству переделаны и выполнены как положено.

Ночью, когда они уснули, Торвальду приснилось, что к нему явился Олав конунг и сказал:

– Когда ты проснешься, ты найдешь рядом со своей головой платок. В него завернуто послание, в котором начертаны имена Бога[5]. Утром положи это послание себе на грудь, а сверху накрой платком и обмотай его вокруг своего тела, насколько его достанет. После этого ты можешь смело отправляться к Барду.

Торвальд пробудился, нашел платок и сделал все так, как ему было велено. Утром бонд Бьёрн вывел их со своего двора и показал дорогу, которая вела к усадьбе Барда. Их путь пролегал через леса. А когда они вышли из леса, то увидали большую усадьбу, обнесенную высоким частоколом. Они направились к усадьбе. Ворота и двери всех построек были распахнуты настежь, а снаружи не видно ни души. Они взошли на крыльцо и огляделись. Дом был просторный, и обшивка стен новехонькая. По одну руку находился пиршественный покой, он был сплошь завешан коврами и богато убран. На почетном месте восседал Бард. Он был лыс, облачен в красное одеяние и в руках держал перчатки из оленьей кожи, а у стола сидела статная и пригожая женщина. Больше они там никого не приметили.

Бард сказал:

– Кто это там на крыльце?

Они назвали себя и сказали, что они – люди конунга.

Бард сказал:

– Что за поручение привело вас сюда, и отчего вы явились всего-навсего вдвоем?

Торвальд отвечает:

– Там за дверями у нас хватает народу, чтобы принудить тебя поехать на встречу с конунгом, если ты не пожелаешь сделать это добровольно.

Бард стиснул в руках перчатки и произнес:

Не впервой мне, верно,
пытать силу длани,
так неужто сладу
не найду с бахвалом?

Торвальд сказал:

– Коли так, поглядим, кто кого одолеет.

Тут Торвальд напал на Барда, и они сцепились в жестокой схватке. День уже клонился к концу. Они боролись так некоторое время, и Торвальд был очень изнурен боем. Тогда он стал молиться про себя Богу, чтобы тот придал ему силы против Барда, однако Бард теснил его все больше. Но стоило им столкнуться грудь с грудью, на Барда как будто бы кто-то наскочил и сбил его с ног, так что он свалился за порог. Они с Торвальдом оба так утомились, что не могли продолжать борьбу.

Тогда Бард сказал:

– А ну-ка, Тора, подсоби!

Она отвечает:

– Не могу, отец, потому что борюсь с Сигурдом, и похоже, ни один из нас не может одолеть другого.

Бард сказал:

– Раз так, придется прибегнуть к тому, в чем я до сих пор никогда не нуждался, – призвать на подмогу других, чтобы одолеть одного. Пусть выйдут те, кто живут в подземелье, и поддержат меня!

Тут выбегают четыре десятка человек. Торвальд с Сигурдом были схвачены.

Бард сказал:

– Те, кто живут под полом, хорошо подсобили мне, Тора, и если понадобится, они сделают это опять. И все же, сдается мне, нет нужды держать Сигурда и того, другого, в оковах. Однако я не желаю, чтобы ты вновь бросился на меня, тролль, – хоть ты и назвался Торвальдом, – ведь тебе не занимать дерзости и отваги. Может статься, правда, что ты и вправду человек, но в таком случае ты весьма сведущ в колдовстве, так как мне доставало силы противостоять тебе, пока ты, думается мне, не накликал на меня таких могущественных духов, что я упал перед ними. А ведь прежде никогда не бывало такого, чтобы кто-нибудь одолел меня в одиночку. Но вам придется провести здесь ночь, хотя вы, возможно, и опасаетесь, как бы с вами чего не случилось.

Затем перед ними поставили стол и накрыли его. Не было там недостатка ни в еде, ни в доброй браге.

Когда же они насытились, Бард сказал:

– Как видите, я не пожалел для вас угощения, и сдается мне, вы попировали на славу, так, как если бы вам нечего было страшиться и вы находились среди друзей.

После этого их отвели в постель, и они спокойно проспали всю ночь. А наутро, когда они собрались в обратный путь, Бард приказал своим людям вывести их со двора. Однако как только они вышли из усадьбы, Торвальд огляделся по сторонам и увидал, что рядом с ними никого нет. Тогда он сказал:

– Бард хочет, чтобы мы уехали и больше не имели с ним дела, только этому не бывать. Прежде чем уйти, мы посетим его еще раз.

И они вошли в дом. Бард сказал:

– Странные вы, однако, люди: ухóдите со двора, да не убираетесь прочь! Вы что же это – вообще не ведаете страха, как другие, или вам не терпится умереть?

Торвальд отвечает:

– Мы воротились потому, что я не готов отступиться от моих добрых намерений или умалить твою славу. И уж, конечно, мы оба не настолько напуганы, чтобы не посметь исполнить до конца поручение конунга. А теперь я хочу просить тебя, чтобы ты добровольно отправился со мною на встречу с конунгом.

Бард сказал:

– Отчего ж ты не спросишь меня прежде, какой я придерживаюсь веры?

– Оттого что мне нет до этого дела, – говорит Торвальд.

Бард сказал:

– И тем не менее, да будет тебе известно, что я не верю ни в идолов, ни в демонов. Мне довелось побывать во множестве земель и повидать как великанов, так и черных людей[6], и никто из них не смог одолеть меня. Поэтому я издавна привык верить только в собственную силу и мощь. И вот теперь я впервые в жизни разочарован в этой вере, и вижу, что ты ни за что не смог бы победить меня, если бы не прибегал ни к чему другому, кроме своей силы. Так что же было у тебя на груди, когда наши ребра столкнулись? Я подозреваю, что многое может тот, кто добился такого исхода.

Торвальд отвечает:

– Твоя правда: велико его могущество, потому что это были имена того Бога, в которого верим мы, христиане.

Бард сказал:

– Не могу представить себе такого, что оказалось бы ему не под силу, когда он явится сам, если то, что помогло одержать верх надо мной, – это всего-навсего его имена. И теперь я поеду с тобой к конунгу, потому что, пожалуй,

хорошо верить в такого могущественного Бога, если уж вообще в кого-то верить. Я распорядился вырыть подземелье и посадил там своих людей в расчете на то, что, если за мной будет отправлен целый отряд, я смогу выставить их навстречу и воспользоваться своим численным перевесом. Однако ежели ко мне явятся всего лишь двое или трое, мне не о чем беспокоиться, так как им со мной ни за что не сладить. У меня находятся две дюжины человек, которых послал сюда Олав конунг. Обо всех них здесь хорошо заботились, а вовсе не убили, как, должно быть, решил конунг.

Затем Бард собрался в дорогу и вместе со всеми своими людьми отправился с Торвальдом на встречу с конунгом.

Когда они подъехали к Нидаросу, Бард сказал:

– А теперь, Торвальд, пойди к конунгу и скажи ему, что мы желаем принять крещение прямо здесь, в том месте, куда мы прибыли, потому что я не хочу, чтобы народ потешался надо мной, стариком, когда я разденусь.

Торвальд отправился к конунгу и поведал ему о своей поездке, а также о том, что из нее вышло. Олав конунг был рад этому и тотчас же выехал навстречу Барду, захватив с собой священников.

Бард тепло приветствовал конунга и сказал:

– Ты, государь, управляешь могущественным Богом, и поскольку мне довелось убедиться в этом, я желаю теперь верить в него и согласен креститься.

Конунг отвечает:

– Ты хорошо говоришь, Бард, и так, как ты это разумеешь. Но все же верно будет сказать, что могуч тот Бог, который управляет мною и всеми видимыми и невидимыми вещами, и пускай разными путями, но он призывает к себе всех, кто достоин служить ему.

Затем Бард и все его люди приняли крещение.

Бард сказал:

– А теперь скажи, конунг, пойдет ли мне это на пользу?

Конунг ответил, что это так.

Бард сказал:

– До сих пор я всегда был сам по себе и не служил ни конунгам, ни комунибудь из хёвдингов. Однако отныне, конунг, я хочу стать твоим приближенным и, покуда я жив, повсюду следовать за тобой. Надо надеяться, что тогда я не утрачу той благодати, которую обрел. А теперь я хотел бы, чтобы ты позаботился о Торе, моей дочери, и ее имуществе и выдал ее замуж за этого исландца Торвальда, потому что мы многим ему обязаны.

Торвальд отвечает:

– Это невозможно, потому что в Исландии у меня уже есть жена.

Конунг сказал:

– В таком случае ты должен отдать эту женщину за Сигурда, твоего друга. Это будет отличная партия, ведь их сила одинакова.

Торвальд отвечает:

– Охотно сделаю это. Но я хотел бы, государь, получить от вас обещание, что вы прогоните Хельги и он не будет впредь служить вам, хотя это и самое малое, что можно сделать, чтобы провести различие между ним и Сигурдом. И все же, если вы согласитесь на мою просьбу, ради вас я не стану ничего больше предпринимать против Хельги.

Конунг сказал, что так тому и быть. Затем Сигурд взял в жены Тору и обосновался в Упплёнде во владениях Барда Толстого. Бард же вскоре после того, как принял крещение, заболел и умер в белых одеждах[7].

А Торвальд уехал от Олава конунга в Исландию с большим почетом и с тех пор считался человеком значительным и отважным.

ПРЯДЬ О СИГУРДЕ ИЗ ГОРОДИЩЕНСКОГО ФЬОРДА

Одним летом приехал в Исландию человек по имени Грим. Родом он был исландец и долго пробыл в отъезде. Он был дружинником Олава конунга и одно время стоял на носу его корабля. Грим был человек недюжинный. Он провел зиму в Исландии, а на следующее лето поехал на тинг.

Жил тогда в Согнском Перевале на западе в Городищенском Фьорде[1] Торкель сын Рыжего Бьёрна[2]. Торкель был на альтинге. Случилось так, что, когда люди направлялись к Скале Закона[3], Торкель Бахрома упал, и его затоптали ногами, так как там была большая толпа. Торкель поднялся и был очень этим рассержен. Он обвинил упомянутого раньше Грима в том, что тот якобы топтал его больше всех. Вместе с Торкелем на тинге был человек по имени Сигурд. Человек он был сильный и могучего сложения. Торкель попросил Сигурда отплатить Гриму за нанесенное ему бесчестье. А вечером, когда Грим собрался ложиться спать и уже разделся, к нему в землянку неожиданно вбежал Сигурд и напал на него с оружием. Грим оборонялся со всей отвагой, однако он мало чем мог защитить себя, поскольку был безоружен, и пал. Родичи Грима предъявили Сигурду обвинение в его убийстве и на этом же тинге добились того, что он был объявлен вне закона, но Торкель Бахрома тем же летом услал его из страны.

Осенью он приехал в Норвегию и взял себе другое имя. А когда Олав конунг узнал от приплывших из Исландии торговых людей о том, что Грим, который прежде стоял на носу его корабля, убит, а также о том, что его убий-

ца мог уже прибыть в Норвегию, он пришел в сильный гнев, не мешкая отправился с отрядом в то место, где стояли торговые корабли, на поиски этого человека, и быстро выяснил, чьих это рук дело, хотя тот и скрывался. После этого Сигурд был схвачен и посажен в оковы.

Затем конунг собрал многолюдный тинг. На него привели Сигурда. Конунг велел раздеть его и распорядился, чтобы на него натравили собак и те загрызли бы его до смерти. Тогда к конунгу подошел один из его дружинников и сказал:

– Государь, сдается нам, что этому человеку уготована слишком жестокая смерть. Мы, твои люди, просим тебя послушаться нашего совета и позволить этому человеку выкупить свою жизнь. И вместо того чтобы убивать его, возьмите лучше этого храбреца к себе на службу, потому что воинственностью он не уступает Гриму.

Конунг сказал в ответ:

– Он должен будет умереть, как ему было присуждено, чтобы другим неповадно было ни за что ни про что убивать моих людей.

Когда дружинник увидел, что после его слов конунг не намерен изменить свое решение, он пошел повидаться с Сигурдом епископом[4] и рассказал ему об этом. Епископ сразу же послал его опять к конунгу с просьбой освободить этого человека.

Конунг отвечает:

– Не дело епископа творить суд вместо меня. Немедленно разденьте этого человека.

Так и сделали. Затем Сигурда взяли в кольцо и выпустили собак, он же был гол и связан. Рассказывают, что у него был такой пронзительный взгляд, что все собаки отходили от него прочь, и ни у одной из них недоставало храбрости наброситься на него, когда он пронзал их глазами.

Тогда конунг подозвал самого смышленого пса, Виги[5], погладил его и указал ему на раздетого человека. Тот повиновался с неохотой, однако все же встал, ощетинился, а потом подбежал к Сигурду, впился в него зубами и разодрал ему живот. После этого он воротился к конунгу и улегся у его ног. Сигурд же, почувствовав боль, тотчас вскочил на ноги – руки у него были связаны, но на ногах не было оков. Он перепрыгнул через окружавшее его кольцо людей и сразу же упал мертвый.

А когда об этом узнал епископ, он стал сурово корить конунга, пока тот не пал к его ногам и не принялся смиренно молить его о прощении с искренним раскаянием и со слезами не признал, что сильно согрешил перед Господом, совершив это злодейство. Когда епископ увидел раскаяние конунга, он был готов даровать ему прощение от лица Бога и наложил на него публичную епитимью за то, что он содеял.

ПРЯДЬ О СВЕЙНЕ И ФИННЕ

Рассказывается, и об этом написано в старинных книгах, что в дни правления Хакона ярла сына Сигурда[1], жил в Трандхейме человек по имени Свейн. Он был богат и родовит, человек обыкновенно немногословный и миролюбивый, однако упрямый и заносчивый по отношению к знатным людям, если ему было что-то не по нраву. Он приносил жертвы языческим богам по обычаю своих родичей и предков, как поступали в те времена все жители Норвегии. У Свейна в усадьбе было большое и богато убранное капище. Там было множество идолов, но выше всех Свейн ставил Тора. Как и все, кто приносил жертвы богам, он пользовался расположением Хакона ярла.

Свейн был женат, и у него было два сына, одного из них звали Свейн, другого – Финн. Свейн походил на своего отца, Финн же был человек властный, своевольный и задиристый, любил вмешиваться в чужие дела и хвастать, но порой он бывал молчалив и упрям и вел себя куда как странно. Оттого некоторые люди считали его неразумным. Он не был большим приверженцем их веры и когда изредка приходил в отцовское капище, то не славил там богов, но, напротив, на все лады насмехался над ними и называл их косоглазыми и пыльными. Он говорил, что куда уж им помогать другим, когда они не способны и себя-то очистить от грязи. Частенько он хватал их и сбрасывал с их престолов. Отец увещевал его, что, если он будет так плохо с ними обращаться, это не доведет до добра, ведь Тор совершил столько великих подвигов и способен проходить сквозь горы и скалы[2], а Один решает, кому достанется победа[3].

Финн отвечал:

– Не требуется обладать такой уж большой мощью, чтобы крушить камни и вершины гор или заниматься еще чем-нибудь в этом роде либо же, как Один, раздавать победы, добытые хитростью, а не силой. По мне, так истинным могуществом обладает тот, кто создал когда-то горы, и весь мир целиком, и море. А ты что на это скажешь?

Но на это его отец мало что мог ответить.

Как-то раз в канун праздника середины зимы[4], когда люди собрались за брагой, Финн сказал:

– Нынче вечером во множестве мест, которые ничуть не лучше этого, приносятся обеты[5]. И я хочу поклясться в том, что стану служить тому конунгу, который возвысился над всеми другими и превзошел их во всем[6].

Люди по-разному поняли принесенную Финном клятву. Одни говорили, что нет в Северных Странах хёвдинга выше Хакона ярла и что Финн, видно, хочет служить ему. На это Финн ответил, что способен отличить ярла от конунга. Другие же, те, кто считали его человеком нестоящим, решили, что такой ответ и данная им клятва говорят о том, что он человек недалекий.

После праздника середины зимы Финн снарядился в дорогу. Его отец спросил, куда он намерен отправиться. Финн отвечает:

– Я и сам не знаю, куда мне надо ехать, но я собираюсь повсюду искать того конунга, которому я желаю служить, чтобы исполнить свой обет.

Он спросил, не хочет ли Свейн, его брат, поехать вместе с ним. Тот ответил, что у него нет такого желания.

– Раз так, – сказал Финн, – ты вместе с отцом будешь присматривать за нашим имуществом, покуда я не вернусь.

Его отец спросил:

– Быть может, ты хочешь, чтобы я отправил с тобой кого-нибудь из моих людей?

Финн отвечает:

– Мне это ни к чему, ведь я не смогу о них заботиться, раз я и за собой-то не способен смотреть, как говорят многие, а я этого и не отрицаю.

После этого Финн уехал, направился по суше на юг через Упплёнд и прибыл на восток в Вик. Там Финн устроился на корабль к торговым людям и отплыл вместе с ними на юг в Данию. Не успел он ступить на датскую землю, как тотчас же отправился совсем один в лес, не простившись со своими спутниками и ни у кого не спросив, как добраться до человеческого жилья. Долго блуждал он по лесам, пока в конце концов не выбрался из чащи прямо навстречу пастуху. И когда они повстречались, оба сели и принялись беседовать. Финн спросил, далеко ли еще идти до селения. Мальчик сказал, что недалеко. Финн спросил, не захочет ли тот поменяться с ним одеждой. Тот отвечал, что он не прочь, и они так и сделали.

Финн спросил:

– Что это завязано в твоей одежде?

Тот отвечает:

– Мы, христиане, называем это крестом.

– Так ты считаешь себя христианином? – говорит Финн. – А что это такое – быть христианином?

Мальчик рассказал ему об этом что знал, однако Финн заявил, что ничего не понял, и в ответ понес всякую чепуху о Торе и Одине и их великих подвигах.

Мальчик сказал:

– Я думаю, этак ты меня скоро совсем запутаешь. Будет лучше, если ты встретишься с нашим епископом, который живет здесь неподалеку. Ему-то ты не сможешь рассказывать все эти небылицы, так как он куда лучше вразумит тебя насчет веры, чем я.

Финн сказал:

– Что же такое этот ваш епископ? Он человек или зверь?

Мальчик отвечает:

– Воистину нет пределов твоей глупости! Сдается мне, ты либо дурак, каких мало, либо не такой простак, каким прикидываешься. А епископом мы именуем предводителя, который управляет святым христианством.

Финн сказал на это, что, конечно же, хотел бы с ним встретиться.

Затем он разыскивает епископа и приветствует его. Епископ спрашивает, кто он такой. Тот говорит, что он норвежец.

Епископ сказал:

– И какова же твоя вера?

Финн отвечает:

– Я верю в Тора и Одина, как и другие норвежцы.

Епископ сказал:

– Нехорошая это вера. Я велю научить тебя гораздо лучшей вере.

Финн отвечает:

– Прежде я должен узнать о ней, тогда я сам решу, правда ли, что эта вера лучше. Почему же ты желаешь, чтобы меня ей научили, вместо того чтобы самому мне ее показать?

Епископ передал его одному священнику и велел тому научить его вере, однако Финн так запутал священника, что тот был не в состоянии ничего с этим поделать. Священник сказал епископу, что человек этот настолько упрям и глуп, что нет с ним никакого сладу.

Епископ сказал:

– Сдается мне, что он человек не столько неразумный, сколько необычный.

Затем епископ принялся рассказывать ему о великих чудесах всемогущего Бога, и тогда Финн сказал:

– Это сильно отличается от того, о чем я слыхал доселе, – что не бывает богов могущественнее Тора и Одина. Теперь же из твоих слов я понял, что этот Христос, о котором ты проповедуешь и чье имя вы приняли, – те, кто в него верят, – что покуда он был в этом мире, любой мог сделать с ним что хотел, зато после смерти он возвысился настолько, что разорил ад и связал самого Тора, предводителя всех богов[7], и с той поры никому не под силу тягаться с ним. И после того как я узнал это все от вас, сдается мне, что он-то и есть тот конунг, которому я поклялся служить.

Епископ сказал:

– Так и есть, и ты все верно понял про Бога. Выходит, что я не ошибся, и ты гораздо сметливее, чем кажешься.

После этого Финн принял крещение и стал хорошим христианином. Он оставался в Дании некоторое время.

Свейн и Свейн принимают веру по повелению конунга

Теперь надо рассказать о том, что Олав конунг обращал народ Норвегии в христианство. И хотя большинство было крещено священниками, посланными конунгом по всему Трандхейму после убийства Скегги из Ирьяра[8], тем не

менее там, как и в других областях страны, были люди, которые не спешили принимать истинную веру. Одним из них был Свейн, о котором уже говорилось раньше, а также его сын Свейн и их домочадцы. Когда Олав конунг узнал о том, что отец и сын не желают принимать христианскую веру, он послал к ним гонцов и потребовал, чтобы они явились к нему. И когда им передали это требование конунга, младший Свейн сказал своему отцу, что им следует поехать на встречу с конунгом и принять ту веру, которую тот проповедовал. Старший Свейн отвечал, что он не готов отказаться от тех обычаев, которых придерживались его родичи и предки, и все же младший Свейн настоял на том, чтобы они поехали к конунгу.

Тот принял их радушно и предложил им креститься. Старший Свейн сказал:

– Я не откажусь от своей веры.

Конунг отвечает:

– Раз так, я могу приказать убить тебя.

Свейн отвечает:

– Что ж, сделай это, если хочешь. Я человек старый, и меня не так уж заботит, дома я умру или нет и случится это раньше или позже.

Тогда младший Свейн сказал конунгу:

– Государь, не казните и не убивайте моего отца, ведь он человек знатный и у него большая родня, и если вы лишите его жизни, то восстановите против себя множество влиятельных людей.

Конунг заметил, что младший Свейн – человек куда более покладистый, и сказал ему:

– Отчего же твой отец так противится тому, чтобы принять христианскую веру? Уж не от того ли, что он находит слишком тяжелыми посты и воздержание?

Свейн отвечает:

– Вовсе нет, поскольку он человек стойкий и мужественный во всех отношениях, несмотря на то что успел уже состариться. Все дело в том, что он не желает лишиться капища Тора, так как оно велико, красиво и богато убрано. Я думаю, он будет очень огорчен, если капище будет разрушено или сожжено.

Конунг отвечает:

– Скорее всего, с ним произойдет одно из двух.

Свейн сказал:

– Не кажется ли вам, что было бы всего разумнее согласиться на то, чтобы капище так и осталось стоять со всем его убранством. Мы же, отец и сын, в обмен на то, что не будет уничтожена столь превосходная и стоящая вещь, примем ту веру, которую ты проповедуешь, и не станем больше иметь дело с Тором, так что впредь пускай он сам о себе заботится.

Конунг отвечает:

– Сам не знаю, подобает ли так поступать. И все же, поскольку я вижу, что вы исполнены доброй воли, и все в один голос называют вас достойными людьми, я готов дать свое согласие, чтобы капище осталось стоять на тех условиях, которые ты выдвинул. Уж лучше пусть будет так, чем чтобы вы отказались принять христианскую веру и обрекли себя на скорую смерть.

Затем Свейн пошел к своему отцу и рассказал ему, как обстоит их дело. Тот отвечает:

– Зачем это конунгу?

Свейн отвечает:

– Ты можешь заключить из этого, отец, какое большое значение конунг придает тому, чтобы мы с тобой приняли эту веру, – и я тоже считаю, что нам следовало бы это сделать, – и вдобавок, какое доверие он к нам испытывает.

Старший Свейн отвечает:

– В таком случае, раз конунг так желает, я могу дать клятву не приносить больше жертв Тору и впредь не иметь дела с языческими богами, если он не станет посягать на капище.

После этого они приняли крещение и сделались друзьями Олава конунга, поскольку они крепко держали данные ими обещания и дали крестить всех своих домочадцев.

Финн является к конунгу

А теперь надо рассказать о том, что Финн сын Свейна узнает в Дании, что в Норвегии сменилась вера. Он уезжает в Норвегию и прибывает на север в Трандхейм в тот самый год, когда Олав конунг воротился летом с востока из Вика и сидел в Нидаросе. Как только Финн прибыл в город, он сразу же пошел к палатам, где пировал конунг. Одет Финн был бедно. Он попросил впустить его внутрь, чтобы он мог поговорить с конунгом. Стражи отвечали, что нет такого обычая, чтобы незнакомые люди беспокоили конунга, когда он сидит за столом[9], – «и мы не позволим войти ни тебе, ни какому-нибудь другому несмышленому бродяге-оборванцу, вроде тебя».

– Правду сказать, – говорит Финн, – я не нуждаюсь в том, чтобы выпрашивать у вас разрешения, жалкие рабы!

Схватил он тут одного привратника правой рукой, а другого левой и отшвырнул их от дверей, а сам вошел внутрь. Как только он очутился в палате, люди столпились вокруг него и никак не могли понять, что это еще за оборванец. Они было попытались выдворить его, однако это оказалось не так-то просто, и он сопротивлялся куда упорнее, чем они ожидали. Дело дошло до потасовки: одни принялись задирать его и рвать на нем лохмотья[10], а другие набросились на него с кулаками. Он же отбивался от них как мог. Конунг

узнал об этом и спросил, в чем дело. Они сказали, что с ним хочет встретиться какой-то бродяга.

– Лучше не причинять ему вреда, – сказал конунг.

Тогда они отпустили его. Конунг спросил, кто он такой. Финн назвался каким-то именем, которое ему приглянулось.

Конунг сказал:

– Какое у тебя ко мне дело? Уж не креститься ли ты пришел?

Финн отвечает:

– Не думаю, чтобы я был худшим христианином, чем ты.

Конунг сказал, что не знает, о чем тот говорит.

Финн сказал тогда:

– Как ты думаешь, конунг, что я за человек?

Конунг отвечает:

– Мне это неизвестно. Только заметил я, что ты человек видный, хотя бывают люди и повыше тебя ростом, но мало кто будет красивее. Так что с виду ты недурен.

Финн отвечает:

– Раз я недурен с виду, то, быть может, и человек я тоже не дурной.

Конунг отвечает:

– Не похоже, чтобы ты был злобного нрава.

Финн отвечает:

– Радостно слышать это от такого славного мужа!

Конунг продолжал:

– На мой взгляд, ты человек смелый, своевольный и непохожий на других, а еще я думаю, что ты несколько горяч нравом.

– Все так и есть, как ты говоришь, – сказал Финн. – А теперь угадай, конунг, какого я рода.

Конунг отвечает:

– Не удивлюсь, если ты сын Свейна, моего друга.

– И то правда, – сказал Финн, – я сын Свейна, и тебе лучше знать, друг он тебе или нет.

– Разумеется, он мой друг, – сказал конунг, – и добрый христианин, хотя поначалу у нас с ним и были кое-какие разногласия. Близ его усадьбы стоит капище, посвященное Тору, однако я думаю, что он больше не имеет с ним дела.

Услышав это, Финн пришел в ярость и сказал:

– Вы только послушайте! Откуда же тебе знать, добрый конунг, что твои люди и друзья не совершают втайне жертвоприношений? Может оказаться, что и сам-то ты еретик.

Конунг сказал, что уж больно он горяч[11].

Финн выбежал из палаты и отправился прямиком к своему отцу и брату. А в канун того дня, когда он туда явился, Свейн, его брат, ночью увидел сон. Приснилось ему, что пришел Тор, вид у него был хмурый и печальный. Он сказал:

– Верно говорят: дружба без встреч хиреет. Но как бы ни обстояли дела, я хочу попросить тебя об одном одолжении: вынеси меня из моего дома и отнеси в лес, потому что Финн, твой брат, направляется домой, а я не жду ничего хорошего от его возвращения.

Свейн отвечает:

– Я дал клятву конунгу, что не буду больше общаться с тобой, и я намерен сдержать ее. И на мой взгляд, никакой ты не бог, раз ты так беспомощен, что не в состоянии сам перенести себя, куда тебе хочется.

Тор удалился опечаленный и в большом горе, а Свейн пробудился. На другой день приходит Финн, и отец с сыном принимают его с распростертыми объятиями. Финн проводит там ночь, а с утра пораньше встает и достает мешок. Затем он берет большущую палицу и отправляется в капище. Дверные косяки там обветшали, петли заржавели, и все было в запустенье. Финн вошел и сбросил богов с их престолов. Потом он снял с них все ценное и собрал все это в мешок. Финну пришлось нанести Тору три удара палицей со всей силой, на какую он только был способен, прежде чем тот упал. Затем он накинул на шею Тору веревку и поволок его на берег[12]. Там он привязал его к лодке и поплыл к конунгу, а Тор всю дорогу болтался за бортом под водой. Время от времени Финн наносил ему удары. Конунг увидал это и сказал, что Финн не очень-то церемонится с Тором.

Финн отвечает:

– Дело в том, что я давно уже невзлюбил Тора, и потому ему придется еще хуже, и теперь он получит по заслугам.

Тут он разбил Тора в щепы, развел костер и сжег его дотла. Затем он взял немного воды, плеснул ее в пепел и смешал из этого кашицу. Эту кашицу он скормил борзой собаке и сказал:

– Тор заслужил, чтобы его сожрала сука, ведь он сам пожирал своих сыновей[13].

После этого Финн стал человеком Олава конунга. Финн был человек благонравный и набожный, и не было случая, чтобы он пропустил церковную службу.

Однажды утром Финн не явился ни к заутрене, ни к мессе. Конунг спросил, отчего это Финн вопреки своему обыкновению пропустил службу. Ему сказали, что тот лежит в постели. Конунг пошел к нему и спросил, уж не захворал ли он.

Финн отвечает:

– Не стоит придавать этому значения.

Конунг увидал, что он очень болен, и велел ему готовиться к смерти. Все время, пока тот лежал, конунг с любовью заботился о нем. Финн умер от той болезни и перед смертью прочел немало молитв. Олав конунг счел это большой утратой, поскольку всякий раз, когда он проповедовал истинную веру, Финн с горячностью и исступлением обрушивался на тех, кто не спешил подчиниться конунговой воле.

ПРЯДЬ О РАУДЕ МОГУЧЕМ

Одного человека звали Рауд Могучий, это был могущественный и богатый бонд. Он жил в Халогаланде, во фьорде, который называется Сальфти, на островах Годейяр[1]. У Рауда было множество домочадцев, и его люди ни в чем не знали нужды, поскольку он был самым большим предводителем во всем фьорде и к северу от него. Его поддерживало множество финнов, когда бы он в этом ни нуждался. Рауд был заядлый язычник и весьма сведущ в колдовстве. Он водил дружбу с человеком по имени Торир и по прозвищу Олень[2]. Владения Торира находились на севере в Вагаре[3]. Рауд и Торир были большими хёвдингами, и когда они узнали о том, что Олав конунг направился на север, они созвали войско и собрали целую флотилию, так что у них была большая рать.

У Рауда был большой боевой корабль с золоченой драконьей головой. На этом корабле было тридцать скамей для гребцов, и он был соответствующей длины. У Торира Оленя также был большой корабль. Они направились со своим войском на юг вдоль берега навстречу Олаву конунгу, и когда они встретились с конунгом, тотчас же вступили с ним в бой. Битва была жаркой. Вскоре войско язычников стало нести большие потери и их корабли очищались от людей. Тут их обуял ужас и они обратились в бегство. Рауд вывел свой боевой корабль на веслах в открытое море и только тогда велел поднять на нем парус. Когда бы он ни пожелал идти под парусом, всегда дул попутный ветер, а все благодаря его ворожбе и заклинаниям. Долго ли, коротко ли рассказывать о поездке Рауда, он так и плыл, пока не воротился домой на Годейяр.

Торир Олень и его войско поплыли к берегу, там они бежали с кораблей. Олав конунг отправился за ними со своими людьми. Они также соскочили на берег с кораблей и бросились догонять их и многих убили. Олав конунг был самым проворным и далеко опередил всех, как часто бывало, когда надо было

преследовать врага. Конунг увидел, куда побежал Торир Олень. Не было на свете человека, более быстроногого, чем тот. Конунг устремился за Ториром, а за ним бежал Виги, его пес. Тут конунг сказал:

– Виги, хватай оленя!

Пес помчался вперед за Ториром и набросился на него. Торир остановился, и тут конунг метнул в него свое копье, и оно угодило Ториру под мышку, так что острие вышло с другой стороны. В тот же момент Торир взмахнул мечом и нанес псу большую рану. После этого Торир расстался с жизнью, а раненого Виги перенесли к кораблям. Конунг призвал лучшего лекаря, чтобы тот вылечил пса, и тот выздоровел, однако кое-кто поговаривает, что он отправил собаку к финну, который пообещал вылечить ее, как было написано раньше[4]. Олав конунг пощадил всех, кто попросил у него пощады и захотел принять истинную веру.

Мучения и убийство Рауда Могучего

Олав конунг двинулся со своим войском на север вдоль побережья и крестил весь народ, куда бы ни приехал. А когда он достиг фьорда Сальфти на севере, он решил войти во фьорд и встретиться с Раудом, однако во фьорде бушевала буря и дул шквалистый ветер. Конунг простоял там целую неделю, но во фьорде так и держалась непогода, в то время как на море дул ветер, благоприятный для поездки на север. Тогда конунг поплыл на север в Эмд[5], и весь тамошний народ принял христианство. Затем он опять повернул на юг, однако когда он приблизился к Сальфти с севера, во фьорде вновь свирепствовал шторм и было сильное волнение. Конунг простоял там несколько ночей, но погода так и не изменилась.

Тогда конунг призвал к себе Сигурда епископа и спросил, не сможет ли тот дать ему совет, что предпринять. Епископ отвечает, что попытается заручиться Божьей помощью, дабы Господь придал им силы, чтобы одолеть этого врага[6]. Затем епископ надел все свое облачение и взошел на нос корабля конунга. Он велел установить там распятие, зажечь перед ним свечу и принялся кадить. Он прочитал перед ним евангелие и многие другие молитвы, после чего окропил святой водой весь корабль. Затем он распорядился убрать шатры и грести во фьорд. Он велел крикнуть тем, кто находился на других кораблях, чтобы они все следовали за ними. И когда гребцы на Журавле[7] взялись за весла и он вошел во фьорд, бывшие на этом корабле люди не почувствовали ни малейшего ветерка. Вода была настолько спокойна, что оставляемый кораблем след был подобен тропе, а по обеим сторонам ее брызги взлетали так высоко, что за ними не было видно гор. Все корабли шли на веслах один за другим по совершенно спокойной воде. Так они плыли весь день и следующую ночь, а незадолго до того, как стало светать, добрались до Годейяр.

Когда они подошли к усадьбе Рауда, у берега стоял его большой боевой корабль. Олав конунг сразу же поднялся со своим войском прямиком к усадьбе. Там они направились к покою, в котором спал Рауд, и взломали двери. Люди конуга ворвались в покой. Рауд был схвачен и связан, а его люди, из тех, что находились там вместе с ним, были одни убиты, другие захвачены. Потом люди конунга пошли в дом, где спали домочадцы и работники Рауда. Кое-кто из них был убит, других побили или связали. После этого Рауда привели к конунгу. Конунг предложил ему креститься.

– Тогда я не стану, – сказал конунг, – отнимать у тебя твое добро, но, напротив, готов быть тебе другом, если ты сумеешь сохранить мою дружбу.

В ответ Рауд закричал, что никогда не поверит в Христа, и принялся богохульствовать и так и этак. Тогда конунг разгневался и сказал, что тот умрет страшной смертью. Конунг приказал схватить его, привязать к железному столбу и вставить ему палку между зубов, так, чтобы у него был открыт рот. Затем конунг распорядился взять змею и приложить ее к его рту, однако змея не пожелала заползать ему в рот и, извиваясь, поползла прочь, потому что Рауд дул на нее изо всех сил. Тогда конунг велел принести трубку дудника и вставить ее ему в рот, но некоторые люди говорят, что конунг якобы приказал запихнуть ему в глотку свою трубу[8] и вложить туда змею. Потом он велел поднести к наружному концу трубки раскаленное железо. Тогда змея, спасаясь от железа, поползла Рауду в рот, а оттуда в грудь, к сердцу, прогрызла ему левый бок и вышла наружу. Тут Рауд расстался с жизнью.

Олав конунг захватил там очень много золота и серебра, а также разного другого добра, оружия и всяких драгоценностей. Всех людей Рауда, которые еще оставались в живых и захотели принять христианскую веру, он велел крестить, тех же, кто не пожелал креститься, он приказал убить или подвергнуть пыткам.

Олав конунг забрал себе боевой корабль, который принадлежал Рауду, и сам правил им. Этот корабль был намного красивее Журавля. Спереди у него была драконья голова, а за ней изгиб, сзади оканчивавшийся хвостом. Оба штевня у него были позолочены. Конунг назвал этот корабль Змеем[9], потому что его поднятые паруса походили на крылья дракона. Во всей Норвегии не было в то время более красивого корабля.

Острова, на которых жил Рауд, зовутся Гюллинг и Хэринг[10], и вместе они носят название Годейяр, а пролив на севере между ними и материком называется Годейярстраум.

ПРЯДЬ О ХРОМУНДЕ ХРОМОМ

1

Эйвиндом Темным звался один человек, который прибыл в Исландию вместе с Ингимундом Старым[1]. Он занял Долину Смешанной Реки к западу от Полуостровного Фьорда[2], а когда Ингимунд умер, не пожелал дальше жить и покончил с собой[3]. В старости он прижил сына от своей служанки, имя его было Хромунд. Хромунд был женат на Аудбьёрг дочери Мара, сына Йорунда Шеи[4]. Она была дочерью служанки. Хромунд долго жил у Мара на Маровом Дворе. Он бился с сыновьями Ингимунда за Спорный Пригорок[5], и в этой битве Хромунд сразил Хёгни сына Ингимунда и был за это изгнан из той местности, что лежит между Ледниковой Рекой в Полуостровном Фьорде и Рекой Бараньего Фьорда[6]. Хромунд был ранен в ногу и с той поры всегда хромал. За это его прозвали Хромундом Хромым. Он купил землю Красивого Склона, что лежит к западу от Реки Бараньего Фьорда, и поселился там. Вокруг своего двора он возвел крепостную стену[7] и прослыл человеком видным и могучим.

Сына Хромунда звали Торбьёрн Тюна[8], его матерью была Аудбьёрг. Он взял в жены Гудрун дочь Торкеля с Кувшинной Косы[9], который занял землю к югу от Гряды Бараньего Фьорда. Их сыном был Торлейв, которого прозвали Воспитанником Хромунда. Другого сына Хромунда звали Халльстейн[10]. Все эти родичи были людьми рослыми и сильными.

Сына Торкеля с Кувшинной Косы, брата Гудрун, жены Торбьёрна[11], звали Торир. Он жил на Каменниках неподалеку. Его дочь звалась Хельгой, она была женщина красивая и недюжинная.

2. Приезд Хельги Надувалы

Случилось как-то летом, что к Столовой Косе в Бараньем Фьорде пристал корабль. Кормчего звали Хельги Надувала, а его брата – Йорунд. Всего на корабле было двенадцать человек[12]. Это были люди заносчивые и злые на язык, и местные жители неохотно торговали с ними, но предпочитали выезжать за покупками за пределы своей округи к другим кораблям. Люди проведали, что приезжие эти – викинги и разбойники, а все, что у них было, награблено.

И вот лето было на исходе, а к ним никто не приходил.

Тогда Хельги сказал:

– Я бы хотел, чтобы вы впредь вели себя сдержаннее и были поприветливее с людьми из округи, с тем чтобы устроиться к ним на зимовку, так как, я вижу, что здешний люд неподатлив, и бондам придется не по нраву, если попытаться их принудить. Я слыхал, что народ тут дюжий и весьма прижимистый.

А когда миновало полмесяца, на постой устроились всего лишь трое.

Тогда Хельги сказал:

– Здешние жители не желают принимать нас, и этого следовало ожидать. Нам надо получше постараться, чтобы расположить их к себе.

Они так и делают, но так уже сложилось, что людям не хотелось принимать их.

Как-то раз к кораблю приехал Торир с Каменников и встретился с Хельги. Тот радостно приветствовал его и спросил, что он хочет купить. Торир сказал, что ему нужен лес[13], – «потому что мои постройки пришли в негодность».

Хельги отвечает, что сможет дать ему столько лесу, сколько ему понадобится, – «а ты приюти нас всех на зиму».

Тот отвечает, что не сможет этого сделать, – «однако у меня достанет товару, чтобы расплатиться. Кроме того, мне известно, что люди вас недолюбливают».

И он отказался пустить их к себе.

Хельги сказал:

– Уж больно нас тут не жалуют. Однако сдается мне, что тебе, бонд, не удастся расстаться с нами по-хорошему, если ты нас не примешь.

Торир сказал, что оттого-то никто и не желает с ними знаться.

Хельги отвечает, что, если тот примет их, он готов взять на себя все расходы, – «а иначе еще неизвестно, воротишься ли ты домой».

И когда дело дошло до этого, Торир бонд сказал:

– Коль уж ты так настойчиво добиваешься моего согласия, ты должен будешь по законам нашей страны принести клятву за вас всех в том, что этой зимой вы не причините никакого вреда ни одному человеку и не совершите ничего противозаконного ни против меня, ни против других, будь то мои домочадцы или соседи. Тогда я предоставлю вам кров, но кормить себя вы должны сами.

Хельги сказал:

– Тебе решать, хозяин.

После этого они поехали к нему и ели и спали отдельно от других. Люди в округе не очень-то одобряли за это Торира и считали, что он слишком много на себя берет.

А когда они пробыли там некоторое время, случилось так, что кормчий и хозяйская дочь начали частенько встречаться, и от разговоров вскоре перешли к поцелуям, нежным объятиям и ласкам, и дело закончилось тем, что она стала его любовницей.

Торир сказал:

– Я бы хотел, Хельги, чтобы ты держал данное мне слово и не позорил и не бесчестил меня. Оставь свои беседы с Хельгой, моей дочерью, и будь верен своей клятве.

Хельги отвечал, что не думает, чтобы их с Хельги любовь можно было вот так вдруг отбросить, – «и для тебя, хозяин, не будет ничего позорного, если я посватаюсь к ней, как полагается по здешним законам, и тебе решать, какое ей положить приданое»[14].

И когда бонд поразмыслил и понял, что дела все равно не поправить, да и уж больно заносчивые они люди, он решил выдать свою дочь Хельгу за Хельги Надувалу[15]. В начале зимы они сыграли свадьбу, и с тех пор норвежцы, если их не задирали, вели себя по отношению к другим не так скверно, как раньше.

3. Хромунд вызывает норвежцев на суд

Зимой случилось так, что у Хромунда разом пропали пять племенных жеребцов, все они были отлично откормлены. Ходило немало толков о том, что могло приключиться с лошадьми. Сыновья Хромунда считали, что их, верно, съели[16], раз о них ничего не слышно, поскольку кони эти были смирные.

Хромунд сказал:

– Мне рассказывали, что у этих норвежцев на столе больше мяса, чем, как думают люди, они могли бы купить, принимая во внимание, как у них идет торговля. Да и вообще о них идет дурная слава. Тут возможны два решения: либо прекратить все разговоры, и тогда не произойдет ничего плохого, либо пойти на риск и дать ход этому делу, что бы из этого ни вышло.

Они ответили, что, конечно же, лучше второе, и им ничего не остается, как продолжить поиски.

После этого Хромунд встретился со Скегги из Среднего Фьорда[17], который жил тогда на Дворе Скегги в Среднем Фьорде и был предводителем в тех местах, и стал советоваться с ним, как ему поступить.

Скегги отвечает:

– Я слыхал, что этих норвежцев не так-то просто взять за рога, но что бы ни случилось, я обещаю вам мою поддержку.

Затем Хромунд уехал. А немного погодя он с сыновьями отправился на Каменники, всех вместе их было десять человек. Кое-кто из норвежцев был на дворе, а некоторые вышли из дому, как только они подъехали. И те и другие были скупы на приветствия.

Тогда Хромунд сказал:

– Дело обстоит так, Хельги, – говорит он, – что у меня пропали лошади, и сдается мне, что их следы ведут сюда.

Хельги сказал:

– Прежде с нами никто так не разговаривал, и в отместку за это мы отплатим вам такой враждой, на какую мы только способны.

Хромунд сказал:

– В обычае у викингов добывать себе богатство грабежами и вымогательством, но только у воров в обычае прятать награбленное.

Хромунд попытался выведать у Торира правду и спросил, что ему известно об этом деле. Тот заявил, что не знает, где тут правда, а где ложь. Хромунд сказал на это, что его поведение недостойно мужа. После этого Хромунд велит

своим людям вызвать норвежцев на суд, и был назначен один человек, который должен был вызывать каждого из них[18]. Потом один за другим были произнесены вызовы. Норвежцы были в ярости, бранились на чем свет стоит и грозились отомстить, однако во время этой их встречи обошлось без пострадавших.

Затем они расстаются.

4. Поездка норвежцев

Хромунд и его люди отправились восвояси. А после того как они пробыли некоторое время дома, Хромунд сказал:

– Нам нужно взять к себе еще троих человек и починить нашу крепость, так как она сильно обветшала. И нам следует быть готовыми к тому, что они и вправду исполнят свои угрозы и, как и обещали, не преминут напомнить нам о своей вражде.

Затем они передали ведение всех тяжб Скегги из Среднего Фьорда, и эти тяжбы были вынесены на альтинг, и все норвежцы были осуждены за кражу лошадей[19]. Хромунд же и его сыновья во время тинга сидели дома.

Норвежцы собрались уезжать с Каменников и поговорили с Ториром по-дружески. Они решили снарядить свой корабль, и их путь лежал мимо Красивого Склона. Хромунд с сыновьями стояли на дворе.

Хельги сказал:

– Вам не будет проку от этой крепости, и она не защитит вас, когда в этом больше всего будет нужда, а я еще увижу вас всех в крови – тебя, Хромунд, и твоих сыновей.

– Мы ничуть не сомневаемся в вашей злонамеренности, да только, сдается мне, что прежде, чем мы все поляжем, кое-кому придется сморкаться кровью.

На этом они расстались.

5. Битва Хромунда и его сыновей с норвежцами

Случилось однажды утром, что у дымового оконца[20] уселся ворон и громко закаркал. Хромунд лежал в своей постели. Он проснулся и сказал вису:

Слышу клекот – кличет,
чернокрыл, добычу
лебедь льдины раны
росы[21] на рассвете.
Встарь так сокол распри[22]
голосил – сулили
сойки ссоры Гаута[23]
кленам сечь[24] погибель.

И еще он сказал[25]:

В брызгах пены павших
кричит чайка[26], алча
крови, утром море
мертвых тел[27] приметив.
Древле, знать, на древе
выпь так выла навья[28],
жадно ждя поживы, –
браги раны[29] мужней.

Спустя некоторое время встали хозяйские работники и по беспечности не закрыли за собой дверь в крепость. И в то же самое утро туда явились норвежцы, всего их было двенадцать человек. Они пришли вскоре после того, как из крепости ушли работники.

Тогда Хельги сказал:

– Пока все идет удачно. Зайдем же не мешкая в крепость и припомним им все их оскорбления словом и делом, и пусть им не будет никакого проку от этих укреплений!

Торбьёрн Тюна пробудился от их голосов, быстро вскочил и бросился к двери, что вела в горницу. Он выглянул в оконце, что, по древнему обычаю, было вырезано в двери, узнал норвежцев и понял, что они проникли в крепость. Потом он вернулся назад.

Тут Хромунд спросил:

– Что происходит, родич?

Торбьёрн ответил:

– Я думаю, что в крепость явились норвежцы и что они пришли сюда с враждою: они собираются отомстить нам за все, что мы им наговорили. Не знаю, как им удалось проникнуть за ограду.

Хромунд вскочил со словами:

– Раз так, поднимемся и прогоним прочь этих негодяев! Проявим же храбрость и заслужим себе добрую славу.

Он принялся подбадривать своих сыновей, а также Торлейва, своего воспитанника. Тому минуло тогда пятнадцать зим, и он был человек рослый и отважный с виду. Он тоже собрался выйти со всеми, но женщины стали говорить, что он еще слишком молод и может погибнуть, а Хромунд слишком стар, чтобы держать оборону.

Тогда Хромунд сказал вису:

Знаю, вяз, отмерен,
палаша займища[30],
век – не минет ныне
в Ильм волненьи[31] гибель.
Хедина ограды
прут[32] играет, гулко
в рдяные бьет тарчи –
мне-то что за дело?

Затем четверо родичей, Хромунд Хромой и Торлейв, Торбьёрн Тюна и Халльстейн, взяли свое оружие и вышли через дверь в конце дома. Они перешагнули через поперечную балку и наложили засов на ту дверь, что была расположена в боковой стене. Норвежцы вскочили на стену и яростно метали в них копья, так как Хельги был воин хоть куда – рослый, сильный и отважный, а тут он впал в неистовство, да и все норвежцы были люди воинственные и упрямые. Они говорили, что Хромунду и его сыновьям придется припомнить, как они обзывали их ворами. Хромунд же отвечал, что им придется хорошенько поработать, если они нападут на укрепления. Помимо оружия, они защищались щитами и кольями, а норвежцы осыпали их градом камней и копий и теснили их изо всех сил. Те же оборонялись стойко, хотя их было всего четверо. Они также сбрасывали сверху большие камни, и несмотря на то, что Хромунд был уже немолод, он бился успешно и наносил удары направо и налево. Его сыновья и Торлейв, его воспитанник, не отставали от него, и вместе они сразили шестерых норвежцев. В этом бою пали Хромунд и его воспитанник Торлейв.

Те из норвежцев, что остались в живых, кинулись вон из крепости, а Торбьёрн Тюна бросился вслед за ними преследовать всех, кто уцелел. А когда Торбьёрн собирался закрыть за собой дверь, Хельги метнул в него копье, и оно вонзилось ему прямо в живот. Он сам вынул копье из раны и метнул его назад в норвежцев, и оно угодило в живот Йорунду, брату Хельги. Как только тот упал наземь, Хельги подхватил его, взвалил себе на спину и выбежал из крепости, и с ним пятеро его товарищей, которые еще оставались в живых.

Халльстейн бежал за ними, но им удалось добраться до ручья, что протекает в стороне от Красивого Склона. Хельги собрался было перепрыгнуть через ручей с Йорундом, своим братом, за спиной, однако оба берега там крутые, а силы его были на исходе, и тело Йорунда соскользнуло у него с плеч – тот к тому времени уже был мертв. Тут Хельги обернулся, и в этот самый миг Халльстейн настиг его и отрубил ему руку. Норвежцы обратились в бегство, Халльстейн же набросился на Йорунда и только тогда увидел, что тот мертв. Другие тем временем ускользнули, и когда Халльстейн убедился в этом, он повернул назад. Он узнал, что и его отец, и Торбьёрн Тюна мертвы. Торлейв еще дышал, и он перенес его в дом. Женщины спросили его, что произошло, и он рассказал им обо всем[33].

А Хельги и его спутники в тот же день вышли в море, и все они погибли возле Оползневого Уступа[34].

Торлейв исцелился от ран и поселился на Красивом Склоне, его считали хорошим хозяином, а Халльстейн уехал из страны и явился к Олаву сыну Трюггви[35]. Конунг стал проповедовать ему правую веру, и его не пришлось долго убеждать. После этого Халльстейн сделался человеком конунга и с тех пор оставался с ним. Это был храбрец, каких мало, бесстрашный в бою, и он

был в большой чести у Олава конунга. Рассказывают, что он пал на Великом Змее[36] после того, как защищался со всей отвагой, и снискал себе этим большую славу.

И здесь заканчивается рассказ о нем.

ПРЯДЬ О ТОРСТЕЙНЕ МОРОЗЕ

Рассказывают, что Олав конунг ездил по пирам на востоке в Вике и других краях. Однажды он пировал на хуторе, что зовется У Межи. С ним было очень много народу. Был с ним человек по имени Торстейн. Он был сыном Торкеля, сына Асгейра Дышла, сына Аудуна Гагача[1]. Он был исландец и приехал к конунгу прошлой зимой.

Вечером, когда люди сидели за столами и пили, Олав конунг сказал, чтобы ночью никто из его людей не выходил один в отхожее место и каждый, кому понадобится выйти, просил бы соседа по постели пойти с ним. Иначе, мол, будет плохо.

Люди пировали до позднего вечера и, когда столы были убраны, легли спать.

К концу ночи проснулся исландец Торстейн, и захотелось ему встать с постели, но тот, кто лежал рядом с ним, спал так крепко, что Торстейн не стал его будить. Вот Торстейн встает, сует ноги в башмаки, накидывает толстый плащ и отправляется в нужное место. Оно было такое большое, что одиннадцать человек могли в нем сидеть с каждой стороны. Садится он на крайнее сиденье и, посидев некоторое время, видит, что у самого дальнего сиденья появляется черт и садится. Тогда Торстейн сказал:

– Кто это там?

Нечистый отвечает:

– Торкель Тощий, что погиб с Харальдом конунгом Боезубом[2].

– Откуда же ты сейчас? – спросил Торстейн.

Тот сказал, что он прямо из ада.

– Ну и как там? – спросил Торстейн.

Тот отвечает:

– А что ты хотел бы знать?

– Кто лучше всех терпит адскую муку?

– Сигурд Убийца Дракона Фафнира[3], – сказал черт.

– А какая у него мука?

– Он топит пылающую жаром печь, – отвечает привидение[4].

– Ну это уж не такая мука, – говорит Торстейн.

– Как сказать, – говорит черт. – Ведь он сам и идет на растопку.

– Раз так, то это великая мука[5], – сказал Торстейн. – А кто хуже всех терпит муку?

Привидение отвечает:

– Старкад Старый[6]. Он так вопит, что нам, бесам, это худшее из мучений. Из-за его воплей мы никогда не можем поспать.

– Какую же это муку он так плохо терпит? Ведь он всегда был здоровущий, как рассказывают.

– Он весь по щиколотки в огне.

– Ну это не такая уж великая мука, – сказал Торстейн, – для такого героя, как он.

– Не скажи, – отвечало привидение. – Ведь у него торчат из огня одни ступни.

– Да, это великая мука, – сказал Торстейн. – А ну-ка повопи немного, как он.

– Изволь, – сказал черт.

Он разинул пасть и страшно завыл, а Торстейн накинул себе на голову подол плаща. У Торстейна дух захватило от воя, и он сказал:

– Он всегда так вопит?

– О нет, – сказало привидение. – Так вопим мы, чертенята.

– Нет, ты повопи, как Старкад вопит, – сказал Торстейн.

– Пожалуйста, – сказал черт.

И он завопил так страшно, что Торстейн диву дался, как это маленький чертенок может так вопить, и он снова обмотал плащом себе голову, и ему показалось, что он сейчас упадет без чувств. Тогда черт спросил:

– Что же ты молчишь?

Торстейн ответил, придя в себя:

– Я молчу, потому что диву даюсь, как это у такого чертенка может быть такой страшный голос. Что же, это самый громкий вопль Старкада?

– Ничуть, – говорит тот. – Это его наименее громкий вопль.

– Брось увиливать, – сказал Торстейн. – Завопи-ка его самым громким воплем.

Черт согласился. Торстейн приготовился, сложил плащ вдвойне, обмотал его вокруг головы и стал держать его обеими руками. А привидение с каждым воплем приближалось к Торстейну на три сиденья, и теперь между ними оставалось только три сиденья. И вот черт страшно разинул свою пасть, закатил глазища и стал так громко вопить, что Торстейну стало невмоготу. Но тут зазвонил колокол, а Торстейн упал на пол без чувств.

Черт, услышав колокольный звон, провалился сквозь пол[7], и долго был слышен гул от него внизу в земле.

Когда наступило утро, люди встали. Конунг прошел в церковь и отстоял службу. После этого сели за стол. Конунг был не слишком ласков. Он сказал:

– Ходил кто-нибудь ночью один в отхожее место?

Торстейн встал, упал в ноги конунгу и признался, что нарушил его повеление. Конунг отвечает:

– Мне-то это большого вреда не принесло. Но верно, значит, что вы, исландцы, очень строптивы, как о вас говорят. Ну и как, заметил ты что-нибудь?

Тут Торстейн рассказал все, что приключилось.

Конунг спросил:

– Почему же ты хотел, чтобы он завопил?

– Это я вам сейчас скажу, государь. Ведь вы не велели никому ходить туда одному, и, когда явился бес, я понял, что дело мое плохо, и я решил, что, когда он завопит, вы проснетесь, государь, и тогда я спасен.

– Так оно и было, – сказал конунг. – Я проснулся и понял, в чем дело, и велел звонить. Я знал, что иначе тебе придется плохо. Но неужели ты не испугался, когда черт начал вопить?

Торстейн отвечает:

– Я не знаю, государь, что это такое, испуг.

– И не было у тебя страха? – сказал конунг.

– Нет, – сказал Торстейн. – Но от последнего вопля у меня вроде как мороз по коже пробежал.

Конунг отвечает:

– Будет у тебя теперь прозвище. Ты будешь отныне зваться Торстейн Мороз. И вот тебе меч в придачу к прозвищу[8].

Торстейн поблагодарил конунга. Говорят, что он стал дружинником Олава конунга и с тех пор был с ним и погиб на Великом Змее[9] вместе с другими воинами конунга.

ПРЯДЬ О ТИДРАНДИ И ТОРХАЛЛЕ

1

Рассказывают, что когда Харальд Прекрасноволосый стал единовластным конунгом Норвегии, он помылся в бане и велел Рёгнвальду ярлу Мёра[1] постричь ему волосы. Ярл тогда дал ему прозвище и назвал его Харальдом Прекрасноволосым, и все сочли, что это прозвище ему подходит[2]. А еще поговаривают, что конунг отдал ярлу в награду за то, что тот обрезал ему волосы, Хьяльтланд и Оркнейские острова[3].

Когда ярл беседовал со своими сыновьями, Хрольв и Хроллауг[4] вызвались поехать на Оркнейские острова, но ярлу пришлось не по душе это предложение. Тогда он сказал Хроллаугу:

– Ты не сможешь стать ярлом[5]: для этого тебе недостает воинственности, и сдается мне, твоя дорога – покинуть страну и отправиться в Исландию.

Так и вышло, как сказал ярл, и Хроллауг уехал в Исландию. Он был человек выдающийся, и между ним и Харальдом конунгом была большая дружба, однако он никогда больше не возвращался в Норвегию. Харальд конунг послал Хроллаугу отменный меч, разукрашенный рог и золотое запястье весом в пять эйриров[6]. Этот меч потом носил Коль, сын Халля с Побережья[7]. Хроллауг считался самым знатным из первопоселенцев в Восточных Фьордах. Хроллауг был отцом Гицура[8] Охладителя Потока, который был женат на Гроа дочери Торда, сына Иллуги. Их дочерью была Тордис мать Халля с Побережья. Халль с Побережья был женат на Йорейд дочери Тидранди. Их сыном был Торстейн, отец Магнуса, дед Эйнара, прадед Магнуса епископа[9]. Другой сын Халля с Побережья был Эгиль, отец Торгерд, матери епископа Йона Святого[10]. Торвард сын Халля был отцом Торгерд[11], матери Йорунн, бабки Халля священника, отца Гицура, деда Магнуса епископа[12]. Ингвильд дочь Халля с Побережья была матерью Торей, бабкой священника Сэмунда Мудрого[13]. Тордис дочь Халля[14] была матерью Ингвильд, бабкой Льота, отца Ярнгерд, матери Вальгерд, бабки Бёдвара, отца Гудню, матери сыновей Стурлы[15].

2. О Тидранди

Одного норвежца звали Торхалль, он прибыл в Исландию в дни правления Хакона ярла[16]. Он занял землю у Устья Кислого Ручья[17] и поселился на Священной Земле. Торхалль был человек мудрый и ясновидящий, и его прозвали Торхалль Вещун. Торхалль жил в то время на Священной Земле, а Халль с Побережья в Капище в Лебяжьем Фьорде[18], и между ними была самая что ни на есть большая дружба. Халль останавливался на Священной Земле каждое лето, когда он приезжал на тинг, а Торхалль часто ездил на восток погостить и подолгу там жил.

Старшего сына Халля звали Тидранди. Он выделялся красотой и подавал большие надежды. Халль любил его больше всех своих сыновей. Как только Тидранди возмужал, он стал ездить в чужие края, и куда бы он ни приезжал, его повсюду любили, так как он был человеком достойным, держался скромно и был обходителен со всяким, от мала до велика.

Как-то раз летом, когда Халль возвращался с тинга, он пригласил своего друга Торхалля приехать к нему на восток. Вскоре после этого Торхалль отправился на восток, и Халль, по своему обыкновению, принял его с распростертыми объятиями. Торхалль остался там на лето, и Халль сказал, что отпустит его домой не раньше, чем закончится осенний пир.

В то лето Тидранди высадился в Медведицыном Фьорде[19]. Ему тогда минуло восемнадцать зим. Он поехал домой к своему отцу, и, как нередко и раньше бывало, люди восхищались им и расхваливали его достоинства. Один лишь Торхалль Вещун всегда отмалчивался, когда другие хвалили его на все лады. Халль спросил, почему он так себя ведет, – «я привык придавать значение твоим словам».

Торхалль отвечает:

– Дело не в том, что мне что-то не по душе в нем или в тебе, и не в том, что, в отличие от других, я не замечаю его красоты и достоинств. Причина скорее в том, что уж слишком многие хвалят его. Спору нет, он дает для этого немало поводов, хотя сам-то он держится скромно. Может статься, что тебе недолго придется на него радоваться, и тогда тяжела будет твоя утрата, – лишиться столь многообещающего сына, и что с того, расхваливали тебе все наперебой его достоинства или нет.

3

А на исходе лета Торхалль опечалился. Халль спросил его, в чем дело.

Тот говорит:

– Я не жду ничего хорошего от грядущего осеннего угощения, так как предчувствую, что к этому пиру вещун будет убит.

– Что ж, это я могу объяснить, – сказал хозяин. – Есть у меня бык, ему двенадцать зим, и я прозвал его Вещуном за то, что он смышленей прочей скотины. Его-то и должны будут зарезать к осеннему угощению, и тебе вовсе не из-за чего печалиться, так как я рассчитываю, что этот мой пир, подобно тем что я устраивал прежде, принесет честь и тебе, и всем моим людям.

Торхалль отвечает:

– Я упомянул об этом отнюдь не потому, что боюсь за свою жизнь. Я опасаюсь куда более важных и небывалых событий, о которых я сейчас не стану говорить.

Халль сказал:

– Это еще не причина отменять пир.

Торхалль отвечает:

– Что толку рассуждать: все равно все будет так, как назначено.

В первые зимние дни было устроено угощение[20]. Гостей прибыло немного из-за того, что дул сильный ветер и приходилось соблюдать осторожность. А вечером, когда все уселись за стол, Торхалль сказал:

– Я бы хотел просить вас всех прислушаться к моему совету и не выходить этой ночью, потому что, если нарушить этот запрет, может случиться большая беда. И какие бы знаки ни подавались и ни раздавались призывы, пускай люди не обращают на них внимания, так как, если кто вздумает на них ответить, стрясется неладное.

Халль попросил всех следовать тому, что сказал Торхалль, и хорошенько запомнить его слова – «ведь то, о чем он предупреждает, всегда сбывается, да и не зря говорят: берегись бед, пока их нет».

Тидранди потчевал гостей. Как всегда, он был любезен и обходителен. А когда люди собрались спать, Тидранди указал гостям их постели, а сам устроился на скамье с краю у самой стены. Когда же большинство людей уснуло, раздался стук в дверь, однако ни один человек не подал виду, что слышал, и так повторилось трижды.

Тогда Тидранди вскочил и сказал:

– Стыдно, что все здесь притворяются спящими: верно, это гости прибыли на пир.

Он взял меч и вышел, но не увидел ни души. Тогда ему пришло в голову, что, должно быть, это кто-то из гостей подъехал ко двору прежде других, а потом поскакал назад навстречу тем, кто выехал позже. Затем он подошел к поленнице и тут услыхал, что кто-то скачет по полю с севера. Он увидел там девять женщин, все они были в черных одеждах, и каждая держала в руке обнаженный меч. А еще он услыхал, как по полю скачут и с юга: это также были девять женщин, все в светлых одеждах и верхом на белых конях. Тидранди собрался было воротиться назад и рассказать об увиденном, но тут с ним поравнялись женщины в черном, те, что ехали первыми, и напали на него, а он защищался хорошо и отважно.

4

Прошло много времени, прежде чем Торхалль пробудился и спросил, проснулся ли Тидранди, но ему никто не ответил. Тогда Торхалль сказал, что, должно быть, они всё проспали. Затем они вышли на двор. Светила луна и было морозно. Они нашли израненного Тидранди и внесли его в дом. И когда люди заговорили с ним, он рассказал им обо всем, что с ним произошло. В то же самое утро, на рассвете, он умер и его положили в курган по древнему обычаю язычников. После этого принялись выяснять, кто куда ездил, но так ничего и не разведали ни о каких недругах Тидранди.

Халль спросил Торхалля, что бы могло означать это небывалое событие.

Торхалль отвечает:

– Не знаю, однако догадываюсь, что женщины эти были не кто-нибудь, а духи-двойники ваших родичей. Я думаю, здесь грядет смена веры, и после этого сюда в страну придет лучший обычай. Сдается мне, те ваши дисы[21], что были привержены прежней вере, знали об этой смене наперед, а также о том, что они будут отвергнуты своими родичами. Похоже, им это пришлось не по нраву, вот они и решили, прежде чем вы расстанетесь, получить с вас дань, и выбор их, видно, пал на Тидранди. Лучшие же дисы, верно, пожелали помочь ему, да не смогли.

И вот, как и сказал Торхалль, это событие – и множество других подобных ему – предвещало то радостное время, которое настало вслед за тем, когда всемогущий Господь окинул милосердным взором тот народ, что населял Исландию, и через своих посланцев освободил его из долгого рабства у врага и затем привел своих возлюбленных сынов к вечной жизни, как он и обещал всем тем, кто пожелает преданно служить ему, творя добрые дела. Что же до врага рода человеческого, то в не меньшей степени и он показал со всею явностью в подобных и во многих других делах, о которых ходят рассказы, с какою неохотою выпускает он свою добычу, – под чем должно понимать тот народ, который он прежде постоянно держал в плену, в путах обмана своих проклятых идолов, – когда в таких нападениях он вымещал свой яростный гнев на тех, над кем он имел власть, поскольку он ведал, что близится тот час, когда он будет посрамлен и заслуженно лишен своей поживы.

Халль же так горевал о Тидранди, своем сыне, что ему было с тех пор не в радость жить в Капище. Он перенес свой двор к Купальной Реке[22].

Как-то раз Торхалль Вещун гостил у Халля на Купальной Реке. Халль лежал в спальной каморке, а Торхалль – по соседству с ним на другой постели, и в каморке было окошко. Однажды утром, когда они оба проснулись, Торхалль улыбнулся.

Халль сказал:

– Отчего ты улыбаешься?

Торхалль отвечает:

– Я улыбаюсь оттого, что вскрывается множество холмов, и все существа, от мала до велика, собирают свои котомки и снимаются с места.

А спустя немного времени случились события, о которых надо теперь рассказать[23].

ПРЯДЬ О СВАДИ И АРНОРЕ СТАРУХИН НОС

1

Велико и бесконечно милосердие всемогущего Бога, которое простирается на все, и исполнен справедливости суд Его, ибо Он не дает сгинуть ни единому доброму делу, но, напротив, с любовью и милостью призывает к нему тех, кто не ведал здесь в прежние времена о том, что им дано познать, понять и постичь своего Спасителя, возлюбить и почитать Его, – то, что Господь

наш Иисус Христос, Сын Бога живаго, открыл нам во множестве историй, хотя мы и поведаем всего лишь немногие из них. Ибо, провозглашая приход всемилостивейшего Господа и наступление христианства в Исландии, в рассказах, которые следуют далее, Бог указует нам на то, что Он поддерживает и укрепляет всякое доброе деяние, дабы оно пошло на пользу тому, кто его совершает, но предает уничтожению и разрушению злые козни и жестокость нечестивых людей, так что зачастую они сами находят себе погибель в ловушках, которые расставляют другим.

Вскоре после отъезда Фридрека епископа и Торвальда сына Кодрана[1] в Исландии выдался такой неурожайный год, что многие люди умерли с голоду. Жил в то время в Полуостровном Фьорде один человек, могущественный и очень злобный, звали его Свади[2]. Он жил на хуторе, который с той поры зовется Двором Свади.

Как-то раз утром созвал он множество бедняков и велел им вырыть большую и глубокую яму у дороги, неподалеку от своего двора. А эти бедные люди рады были любой работе, только бы им получить вознаграждение за свои труды и утолить мучивший их голод. Вечером, когда они закончили копать яму, Свади завел их всех в сарай. Затем он запер дверь и обратился к тем, кто был внутри, с такими словами:

– Радуйтесь и веселитесь, потому что совсем скоро будет положен конец вашим бедствиям. Вы проведете здесь ночь, а наутро вас убьют и похоронят в той большой яме, которую вы вырыли.

И когда вместо вознаграждения за свою работу они услыхали этот безжалостный приговор – что им предстоит умереть, они принялись вопить в глубокой горести, и так продолжалось всю ночь напролет. Случилось так, что Торвард Крещеный, сын Мудрого Бёдвара[3], той же ночью объезжал по своим надобностям округу, и рано поутру путь его пролегал как раз мимо того дома, где сидели бедняки. Он услыхал их стенания и спросил, что у них за горе.

А когда он узнал всю правду, он сказал им:

– Если вы согласны поступить так, как я пожелаю, давайте заключим сделку. Вы должны поверить в истинного Бога, в которого верую я, и делать то, что я вам скажу, и тогда я вызволю вас отсюда. После этого идите прямиком ко мне в Горный Кряж, и я накормлю вас всех.

Они сказали, что охотно согласятся на это условие. Тогда Торвард снял засов с двери, и они в большой радости поспешили вниз к Горному Кряжу на его двор.

Когда же об этом узнал Свади, он сильно разозлился. Он немедля вооружился сам и велел вооружиться своим людям, а затем, не теряя времени, отправился в погоню за беглецами с намерением убить их, а после жестоко отплатить за свое бесчестье, которое, как он считал, ему нанес тот, кто выпустил их на волю. Однако злоба его и нечестивость обратились против него

самого: не успел он поравняться с ямой, как на полном скаку свалился с лошади и умер на месте. И вот, в той самой могиле, которую он уготовил ни в чем не повинным людям, был теперь погребен он сам, злостный язычник, как полагалось по древнему обычаю, вместе со своей собакой и конем.

Торвард же в Горном Кряже велел бывшему при нем священнику крестить бедняков, которых он спас от смерти, и преподать им священное учение. И покуда продолжался голод, он кормил их всех.

Как рассказывают многие, Торварда сына Мудрого Бёдвара крестил Фридрек епископ[4], однако монах Гуннлауг[5] говорит, что, по мнению некоторых, он принял крещение в Англии и привез оттуда бревна для церкви, которую он велел соорудить на своем дворе[6]. Мать Торварда сына Мудрого Бёдвара звали Арнфрид, она была дочерью Бьёрна Надувалы, сына Хроара. Матерью Бьёрна Надувалы была Гроа дочь Храфна, сына Торгильса, сына Горма херсира, знатного человека из Швеции. Матерью Торгильса сына Горма была Тора, дочь Эйрика конунга из Уппсалы. Матерью Херфинна сына Эйрика была Хелена, дочь Бурицлава конунга с востока из Гардов. Мать Хелены была Ингибьёрг, сестра Дагстюгга, могущественного человека[7].

2. Арнор спас бедняков

В то самое время, когда происходили события, о которых только что рассказывалось, на сходке жителей округи было принято решение из-за недорода и великого голода избавляться от бедняков и стариков и не оказывать им помощи[8], а также не давать приюта хромым или увечным. А потом грянула небывало суровая зима с вьюгами и трескучими морозами.

Самым большим предводителем в округе был тогда Арнор Старухин Нос[9], который жил на Большом Дворе на Склоне Устья[10]. Когда Арнор воротился домой с этой сходки, к нему тотчас же явилась его мать, дочь Рэва с Откоса[11], и очень винила его за то, что он согласился с таким бесчеловечным приговором. Она растолковала ему в весьма разумных и верных словах, какое это чудовищное злодеяние – обречь на столь лютую смерть своих отцов и матерей или других близких родичей.

– И знай, – говорит она, – даже если ты сам не намерен так поступать, ты не должен думать, что твое дело сторона и ты неповинен в этом жестоком смертоубийстве, поскольку ты хёвдинг и предводитель над другими людьми. Если ты позволишь своим людям выгнать вон родителей и близких родичей в стужу и в непогоду, ты будешь виноват не меньше их самих, раз ты не приложил все силы, чтобы помешать этакому злодейству.

Арнор понял добрые намерения своей матери и хорошо воспринял ее упреки. Теперь он был очень озабочен тем, что бы ему предпринять. В конце концов он принял решение немедля разослать своих людей по соседним дво-

рам, чтобы те собрали всех стариков, которых выгнали из дома, и привели их к нему, и велел заботиться о них как можно лучше.

На следующий день он созвал многих бондов.

Арнор явился на эту встречу и обратился к ним с такими словами:

– Как вам известно, недавно у нас была сходка. С тех самых пор я обдумывал наши общие нужды и размышлял над тем бесчеловечным решением, с которым мы все тогда согласились, позволив обречь на гибель всех стариков, а также всех тех, кто не способен работать и содержать себя, тем, что отказали им в поддержке. И вот, укоряемый справедливыми доводами, я очень раскаялся в такой злостной и чудовищной жестокости. Поразмыслив, я решил, как нам всем следует поступать. Мы должны проявить человечность и милосердие к этим людям, и пусть каждый, кому позволяют средства, помогает своим родичам, и в первую очередь отцу и матери, те же, кто имеют сверх того и могут лучше противостоять голоду и угрозе смерти, – пусть помогут также и другим своим близким родичам. Мы должны пустить все свои запасы и скот на то, чтобы спасти жизнь людям, и лучше уж заколоть своих лошадей ради того, чтобы поддержать наших родичей, чем дать им помереть с голоду, так что ни у кого из бондов не должно остаться больше двух лошадей. А еще мы должны отказаться от дурного обычая: у нас тут заведено кормить множество собак, тогда как едой, которую им отдают, могли бы кормиться многие люди. Нужно убить собак и оставить в живых совсем немногих или даже вообще ни одной, а ту еду, что им принято было скармливать, отдать на пропитание людям. Итак, мы ни в коем случае не должны допустить, чтобы кто-нибудь отказался от своего отца или матери, если у него есть хоть какие-то средства, чтобы поддерживать их, тот же, у кого нет пропитания для своих близких родичей или родителей, пусть приводит их ко мне на Большой Двор, и я сам стану их кормить. Однако всякому, кто вполне мог бы, однако не желает помогать своим ближайшим родичам, я отплачу за это со всей жестокостью. Так что, мои дорогие друзья и сотоварищи – вот кем я вас считаю, а вовсе не своими подчиненными, – давайте будем отныне проявлять человечность и милосердие к нашим родичам и не дадим больше повода нашим недругам, как это было еще недавно, упрекать нас в том, что мы по недомыслию поступили так бесчеловечно с нашими близкими. И если истинный Бог – это тот, кто создал солнце, чтобы оно освещало и согревало весь мир, и коли ему, как мы слыхали, по нраву доброта и справедливость, то он проявит к нам свою милость, так что мы сами сможем удостовериться в том, что он – создатель людей и что он может управлять и распоряжаться всем миром. И с этих пор мы станем верить в него и не будем поклоняться никакому другому богу, кроме него, единственного правителя в своих владениях.

После того как Арнор произнес это, поднялся Торвард сын Мудрого Бёдвара и сказал так[12]:

– Теперь ясно, Арнор, что никто иной, как тот самый Бог, о котором ты тут толковал, вложил свой святой дух в твою грудь, чтобы ты преисполнился той благословенной человечности, которую ты только что внушал людям в своей речи. И я думаю, что если бы Олав конунг услыхал, что ты говоришь, он возблагодарил бы Господа и тебя самого за эти прекрасные слова. Я верю, что, узнай он об этом, он бы очень обрадовался, и для нас большая потеря, что мы не сможем повидать его и услыхать его слов, только я боюсь, что ничему из этого никогда не бывать.

После того как все собравшиеся на сходку согласились с тем, что он сказал, они разошлись. В то время стояли лютые морозы, и долго уже держался невиданный холод с суровым северным ветром и льдом, а земля была покрыта таким твердым настом, что сквозь него ничего не пробивалось. Однако уже на следующую ночь после сходки погода по промыслу Божьему так быстро переменилась, что наутро суровых морозов как не бывало, а вместо них задул теплый южный ветер и наступила оттепель. С той поры погода была благоприятна и ласковое солнце растопило снег. Из земли начали пробиваться побеги, с каждым днем все больше, и вскоре на пастбищах стало вдоволь травы для прокорма всего скота. Обрадовались тогда все, кто слыхал добрый совет, который им дал Арнор. И поскольку они извлекли так много пользы, получив Божьи дары, все люди Арнора, и мужчины, и женщины, сразу же и с большой готовностью приняли вместе со своим предводителем обычаи святой истинной веры, которые были им преподаны спустя совсем недолгое время, так как всего через несколько лет во всей Исландии было введено христианство[13].

Арнор Старухин Нос был сыном Бьёрна, сына Торда с Мыса[14]. Мать Бьёрна звали Торгерд, она была дочерью Торира Волчицы и Торгерд, дочери Кьярваля, ирландского конунга[15]. Торд с Мыса был сыном Бьёрна Жир-в-Корыте, сына Хроальда Квакалки, сына Аслака, сына Бьёрна Железный Бок, который был сыном Рагнара Кожаные Штаны[16].

ПРЯДЬ О ТОРХАЛЛЕ ШИШКЕ

1

Жил человек по имени Торхалль, по прозвищу Шишка. Он жил на Дворе Шишки в Потоках[1] и был человек родовитый. До него там жили его родители. Торхалль был муж добродетельный, хотя и язычник, как большинство людей в округе. Он был тяжело болен и страдал проказой. Торхалль приносил жертвы идолам по обычаю своих предков. Неподалеку от двора Торхалля

находилось богатое капище, которым сообща владели люди с Потоков, там ежегодно устраивались жертвенные пиры.

Однажды ночью, когда Торхалль спал в своей постели, приснилось ему, что он стоит на дворе. Он увидал, что к хутору его скачет на белом коне муж с сияющим ликом в наряде под стать конунгу[2] и с золоченым копьем в руке. А когда Торхалль увидел, что этот человек приближается, его обуял страх, и захотелось ему убежать в дом.

Однако наездник оказался проворнее его. Он спешился и встал в дверях, говоря так:

– Тебе нечего бояться, потому что от моего прихода тебе не будет никакого вреда. Напротив, мое присутствие может принести тебе выздоровление и радость, если только ты последуешь моим наставлениям. Горюешь ли ты из-за своего недуга? Впрочем, мне нет нужды спрашивать тебя об этом, ведь я и так знаю, что горюешь. А теперь следуй за мной, и я научу тебя надежному способу исцелиться.

Пришелец привел его к одному месту за оградой, что была сооружена вокруг двора, и сказал:

– На этом месте ты должен возвести дом во славу истинного Бога, и построить его так, как я тебе укажу. Ты узнаешь этого Бога уже в нынешнем году на альтинге, так как ты наверняка этим летом поедешь на тинг. И ежели ты будешь с чистым сердцем поклоняться тому Богу, о котором тебе станут там проповедовать, то исцелишься и со здоровым телом сможешь наслаждаться покоем и благоденствием в этом мире, а потом наслаждаться вечным почетом и блаженством в мире ином.

Затем на глазах у Торхалля он обвел тыльным концом своего копья участок для постройки и сказал ему:

– Вот каким должен быть этот дом, а для строительства его возьми дерево, из которого построено капище, что стоит неподалеку от твоего двора и где жители округи имеют обыкновение ежегодно собираться на жертвенные пиры[3]. Утром, как только проснешься, вели разрушить это капище, и впредь ты не должен больше поклоняться ложным богам, которых ты чтил до сих пор. А теперь, если ты поверил моим словам и готов без колебаний исполнить то, что я велел, тебе вскорости полегчает, и ты начнешь крепнуть день ото дня.

Вслед за тем человек из сновидения пропал из виду, а он пробудился и поверил своему видению.

Как только рассвело, он приказал всем своим работникам немедля пойти и разрушить капище, а бревна перенести домой. И хотя они и бормотали что-то наперекор, и поговаривали промеж себя, что это безумие, но все же не посмели ослушаться его приказа и выполнили все, как он велел. Торхалль сразу же принялся возводить дом в точности такой формы и такого размера, как ему было указано во сне.

2

В то время неподалеку оттуда в соседнем дворе жила женщина по имени Торхильд[4]. То была женщина недюжинная и весьма сведущая в колдовстве.

В ту самую ночь, когда Торхаллю было явлено вышеповеданное откровение, Торхильд разбудила своих людей перед рассветом и сказала вот что:

– Не теряя времени отправляйтесь сгонять с пастбищ весь наш скот, и гоните его домой – и быков, и овец, и лошадей, а затем запирайте в хлевах и загонах, поскольку всякая скотина, что останется нынче на наших пастбищах, лишится жизни. А все оттого, что мой сосед Торхалль со Двора Шишки потерял рассудок и настолько помешался в уме, что посылает своих людей разрушить отменное капище, что стоит неподалеку. Из-за этого досточтимые боги, которым там прежде поклонялись, вынуждены теперь в гневе спасаться бегством, и они намерены искать себе пристанище и кров на севере, на Мачтовом Мысу[5]. И я не хочу, чтобы моя скотина оказалась на их пути, потому что они в такой ярости и так взбешены, что не пощадят никого, кто попадется им навстречу.

Было сделано так, как она велела, и вся ее скотина была пригнана домой и укрыта, кроме одной клячи, которая осталась на пастбище, и потом ее нашли мертвой.

С Торхаллем же со Двора Шишки все произошло ровно так, как ему было открыто в видении. С каждым днем болезнь его отступала, и у него прибавлялось сил. Летом он поехал на тинг и встретился там с людьми, которые проповедовали христианство, о чем будет вскоре рассказано[6]. Торхалль принял там правую веру, и стоило ему только креститься, как он совершенно исцелился. После этого он отправился к себе домой в большой радости и до конца своих дней благочестиво служил всемогущему Господу в той церкви, которую посвятил ему и которая первой была воздвигнута в Потоках[7] во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, триединого Бога, да славится он во веки веков.

Аминь.

ПРЯДЬ ОБ ЭЙНДРИДИ ШИРОКОСТОПОМ

Как-то раз, когда Олав конунг уже снарядил корабли и готовился покинуть Нидарос, он задал пир своему войску и ополчению. Было много выпито, и конунг и все его люди пребывали в прекрасном настроении. За брагой, по обыкновению, велись разные беседы. Разговор зашел о том, все ли в Норвегии успели принять крещение и сделаться христианами. Тут Ульв, конунгов знаменосец[1], сказал:

– Не думаю, чтобы весь народ в этой стране крестился, – говорит он, – потому что, сдается мне, даже здесь во фьорде[2], неподалеку от нас, найдутся некрещеные люди.

Конунгу вскоре передали слова Ульва. Он тотчас же призвал его к себе и сказал:

– Верно ли, Ульв, что ты говорил, будто по соседству с нами проживают язычники?

Ульв отвечает:

– Мои слова были истолкованы слишком прямо, государь, однако не стану отпираться: мне и вправду довелось упомянуть о чем-то в этом роде.

Конунг сказал:

– Это твои догадки или тебе что-то известно наверняка?

– Одно скажу вам точно, – отвечает Ульв, – у меня есть основания так говорить.

Конунг сказал:

– В таком случае тебе придется поведать нам без утайки все, что ты знаешь на этот счет.

Ульв пообещал так и сделать.

– В Трандхейме есть один человек по имени Эйндриди Широкостопый сын Асбьёрна, сына Хрейдара. Этот Асбьёрн приходился братом Эйндриди, отца Стюркара из Гимсара[3]. Эйндриди летами молод, не женат и недавно вступил во владение отцовским наследством. Муж он богатый, статный и красивый с виду, о том только доселе неведомо, наделен ли он большой силой и искусен ли он в чем-нибудь. Эйндриди человек щедрый и пользуется всеобщей любовью, однако мне говорили, государь, что он предпочитает оставаться некрещеным.

Конунг сказал:

– Большое это несчастье, если такой достойный человек, как ты говоришь, не узнает своего создателя. Но ты, Ульв, первым завел этот разговор, а раз так, тебе и надлежит отправиться к Эйндриди и попытаться склонить его приехать ко мне. Можешь захватить с собой столько народу, сколько считаешь нужным.

Ульв отвечает:

– Я поеду, коли вы так желаете, однако не стану брать с собой много людей, потому что Эйндриди не тот человек, которого можно принудить поступить против его воли. Довольно, если вместе нас будет не больше двух дюжин[4].

Ульв получил весельную ладью и поплыл со своими спутниками к тому месту, где жил Эйндриди. Он поднялся к усадьбе с двенадцатью людьми, а другим двенадцати поручил сторожить корабль. Эйндриди встретил их во дворе. Он приветствовал Ульва и пригласил его быть гостем и оставаться у

него со всеми своими людьми так долго, как тому захочется, потому что они с Ульвом были знакомы и прежде. Ульв принял его приглашение, и они вошли в дом. Усадьба была богатая и дом просторный, и, когда они вошли и уселись, Эйндриди сказал:

– До меня дошел слух, что вы взяли себе другой обычай вместо того, которого придерживаюсь я и мои люди, но все же я хотел бы принять вас как подобает и с искренним радушием. А потому тебе решать, будем ли мы пировать все вместе или усядемся по отдельности, каждый в своей палате.

Ульв отвечает:

– Думаю, нам обоим покажется веселее сидеть за одним столом. У меня к тебе поручение, о котором я собирался рассказать на досуге. И кроме того, наш конунг – такой превосходный человек, что он сразу же с готовностью очистит нас, если нам и случится осквернить себя общением с людьми иной веры.

Эйндриди сказал:

– Мне это тоже по душе. А много ли с тобой народу?

Ульв отвечает, что еще двенадцать человек остались внизу у корабля.

– В таком случае, – говорит Эйндриди, – я пошлю моих людей сторожить ваше добро, твои же спутники пусть все поднимутся в дом и будут здесь гостями.

Так и сделали. Затем внесли брагу. У Эйндриди было много народу, и пир удался на славу. Ульв сидел рядом с Эйндриди, а дальше его люди. Когда же веселье было в самом разгаре, Эйндриди спросил Ульва о его поручении и о том, куда тот держит путь.

Ульв отвечает:

– Олав конунг прислал меня сюда с приглашением приехать к нему на пир в Нидарос. Там тебя ждет почетный прием и уважение, как и многих других. Он очень рассчитывает, что ты не станешь уклоняться от этой поездки, потому что прежде слыхал о тебе только хорошее.

Эйндриди отвечает:

– Спасибо конунгу за его приглашение и оказанную мне честь. Наутро, когда мы все протрезвеем и сможем рассуждать здраво, я дам тебе ответ.

Пир продолжался весь вечер, и люди хорошо выспались за ночь, а утром, когда они снова сидели вместе, Эйндриди сказал Ульву:

– Вот что я скажу о твоем поручении: ты можешь оставаться здесь сколько захочешь, я же повременю пока с поездкой к конунгу и отправлюсь к нему, как только сам сочту нужной нашу встречу. Кроме того, я могу дожидаться его и дома и не собираюсь скрываться, если конунгу захочется меня посетить. Передай конунгу, что я хочу быть ему другом, если только он намерен обойтись со мной по-хорошему.

На этом их беседа закончилась вполне дружески. Ульв вскоре собрался и уехал, а Эйндриди в тот раз остался дома.

Эйндриди приглашает Олава конунга на пир

Теперь надо рассказать о том, что Ульв является к Олаву конунгу и докладывает ему всю правду про то, как он выполнил его поручение, и передает ответ Эйндриди. Конунг спрашивает Ульва, не заметил ли он, каковы обычаи Эйндриди и часто ли тот совершает жертвоприношения[5]. Ульв отвечает, что ему-де неизвестно, приносит ли тот вообще жертвы идолам, да и, говорит, никто другой не смог бы ничего об этом рассказать, так как в усадьбе у Эйндриди нет капища.

– Тем лучше, – сказал конунг. – Нагрянем к нему без предупреждения, раз он не желает сам приехать ко мне.

Стоило Ульву услыхать эти слова, как он немедля тайком сажает на коня своего слугу и велит ему скакать во весь дух и сказать Эйндриди, что конунг вскоре будет у него. Олав конунг поспешно снаряжается и в ту же ночь, захватив с собой три сотни человек, отправляется в путь и плывет вдоль фьорда. Наутро он добирается до усадьбы Эйндриди и высаживается со всем своим войском. Однако не успел он отойти от берега, как навстречу ему вышел Эйндриди и с ним множество народу. Эйндриди тепло приветствовал конунга и пригласил его к себе со всеми его людьми. Он сказал, что будет благодарен, если конунг согласится пожаловать на угощение, которое, по его словам, было для него приготовлено. Конунг с радостью принял его приглашение, а когда они подошли к дому, Эйндриди сказал:

– Дело вот в чем, государь. Не стану скрывать от вас: судя по тому, что рассказывают, у нас с вами разные обычаи, а потому, если вы не хотите, чтобы мы с вами сидели за одним столом, вы можете располагаться в той палате, что была для вас приготовлена, а мы подыщем себе другое помещение.

Конунг отвечает:

– Пусть эта палата остается за тобой и твоими людьми, но ты должен будешь снабжать нас провизией все время, что мы здесь пробудем. Мы же разобьем шатры перед домом.

Было сделано так, как распорядился конунг. Они ни в чем не испытывали нужды, и конунгу был оказан самый достойный прием.

Конунг и Эйндриди устраивают состязания

В первый же день Олав конунг призвал к себе Эйндриди. Тот вошел и поздоровался с конунгом. Конунг приветливо встретил его и сказал:

– Хоть я и не желаю водить компанию с язычниками, я хочу, чтобы ты сел здесь, потому что я собираюсь с тобой побеседовать.

Эйндриди сказал в ответ, что пусть будет так, как ему угодно. Рассказывается, что, когда Эйндриди вошел в шатер к конунгу, на нем было алое оде-

яние, на голове – расшитая золотом шелковая шапка, лоб обхватывал золотой шнурок[6], на правой руке у него красовалось большое золотое запястье, а на левой сидел пригожий маленький мальчик четырех или пяти лет от роду. Лицом этот мальчик очень походил на Эйндриди.

Эйндриди принесли сиденье, и он уселся перед королевским столом, а мальчика посадил к себе на колени. Конунг сказал, обращаясь к Эйндриди:

– Ты человек рослый и видный, и если твои умения под стать твоему облику, то немногие в Норвегии смогут сравниться с тобой. А потому тебе подобает знать своего создателя и прославлять Бога за его дары. Женат ли ты, Эйндриди?

– Нет, – сказал тот.

– Так этот пригожий мальчик, что сидит у тебя на коленях, не сын тебе?

– У меня нет детей, – говорит Эйндриди, – а этот мальчик – сын моей сестры, но, будь на то моя воля, он был бы моим, потому что, даже если бы он приходился мне сыном, я все равно не любил бы его сильнее.

Конунг спросил:

– Есть ли у тебя в усадьбе капище?

Эйндриди отвечает:

– Нет здесь никакого капища.

Конунг сказал:

– Что же у тебя за вера такая, если ты язычник, а жертв не приносишь?

Эйндриди сказал:

– Мои слова, скорее всего, покажутся вам совсем неразумными, и, по мне, лучше бы вы перевели беседу на другие вещи, какие вам придутся по вкусу, но только не расспрашивали меня больше о моей вере, потому что, сдается мне, у меня ее вовсе никакой нет. Я твердо решил про себя, что никогда не стану верить в чурбаны или камни[7], хотя бы им и придавали образы дьяволов или людей, о чьих способностях мне ничего не известно. И сколько бы меня ни уверяли, что эти люди наделены могучей силой, мне это не внушает большого доверия, ведь на поверку оказывается, что идолы, которых именуют богами, всегда безобразнее и слабее меня.

Конунг сказал:

– Почему же ты тогда не веришь в истинного Бога, который может все, и не принимаешь крещения во имя него?

Эйндриди отвечает:

– Случилось так, что до сих пор ни вы, ни ваши посланцы не приезжали сюда, чтобы посвятить меня в дела этого бога, которого вы называете всемогущим. Но есть и кое-что поважнее: раз уж я не пожелал верить в богов, как меня наставляли мой отец и прочие родичи, которые мне о них рассказывали[8], я решил никогда не принимать неведомого обычая, что повсюду проповедуют посторонние и совсем чужие мне люди, если только я сам не получу

возможность убедиться, что ваш бог и в самом деле так всемогущ, как вы о нем говорите.

Конунг спросил у своих приближенных, правду ли сказал Эйндриди, что они не проповедовали ему слово Божье. Те подтвердили, что так и есть:

– Потому что он в то время был в походе со своими людьми[9], а мы потом позабыли поставить вас об этом в известность.

Олав конунг сказал, обращаясь к Эйндриди:

– Неужто тебе не доводилось слышать, что я наказал кое-кого из тех, кто не пожелал подчиниться мне и принять крещение?

– Как же, слыхал, – говорит Эйндриди, – но я не страшусь того, что вы можете поступить со мной сурово. Скажу вам напрямик: я не стану служить ни одному хёвдингу по принуждению и скорее соглашусь принять смерть, чем терпеть притеснения от кого бы то ни было. И знайте, – сказал он еще, – хотя вы и привели сюда немало своих людей, мне также найдется на кого опереться здесь в округе, так что меня не заставить склониться перед силой. Однако я готов поддерживать вас, чем смогу, и вы никогда не встретите с моей стороны обмана, если только не станете чинить мне препятствий и позволите и впредь придерживаться того обычая, которому я следовал до сих пор.

Конунг сказал:

– Из твоих слов видно, что ты не боишься говорить откровенно и у тебя хватает ума, чтобы доискиваться до правды, но сейчас, если тебе так хочется, мы не будем больше продолжать этот разговор. Поговорим-ка лучше вот о чем: слыхал я, и, сдается мне, так оно и есть, что ты скорее всего человек весьма искусный. Как ты сам считаешь, есть ли что-нибудь такое, в чем тебе удалось превзойти других?

Эйндриди говорит:

– Государь, скор будет мой ответ: никакими искусствами я не владею. Я ведь человек молодой, только что вышел из детского возраста. Совсем недавно я потерял отца и с той поры присматриваю за хозяйством и пекусь о своих людях. Покуда жив был мой отец, а сам я был мал, он так меня любил, что во всем мне потакал. Поэтому до того, как я лишился отца, я вел такую же жизнь, как другие дети, и, пользуясь любовью отца и родичей, не проявлял склонности к ученью, но вместо этого с большей охотой предавался радостям и не знал забот.

Конунг сказал:

– Ты можешь без опаски говорить со мной начистоту, и будь уверен: твои умения не вызовут у меня зависти. Напротив, скорее следует ожидать, что, если ты откроешься мне, тот, кто даровал тебе эти способности, позаботится о том, чтобы они пошли тебе на пользу.

– Ну что ж, если вы так настаиваете, – говорит Эйндриди, – и все-таки мне не пришло бы в голову считать, что я овладел этим искусством, ведь я

всего-то и делал, что следил, как другие малолетние мальчишки забавляются плаваньем[10].

Конунг сказал:

– Хорошо, что ты остерегаешься самохвальства и притворства, однако твоя правда: большинство игр таково, что прежде, чем самому обучиться им, требуется хорошенько к ним приглядеться. Не назовешь ли ты еще чего-нибудь?

– Видно, мне не избежать ваших насмешек, – говорит Эйндриди, – пока я не отвечу и на все прочие ваши вопросы. Приходилось мне также браться за лук, когда другие мальчики попадали прямиком в цель, но стрелять я так и не научился.

– Вполне возможно, – сказал конунг, – что поначалу ты и стрелял мимо цели. А теперь назови-ка свое третье искусство.

Эйндриди сказал:

– Слишком уж вольно, государь, понимаете вы мои слова, так что нелегко мне проплыть между рифом и буруном[11]. Негоже мне отвечать вам молчанием, вы же, что бы я ни сказал, толкуете мои речи как вам заблагорассудится, а иногда и совсем иначе, чем я имел в виду, когда говорил. Хотя мне ребенком и доводилось играть кинжалами, не стал бы я причислять это к своим умениям – уж больно неловко это у меня выходило.

– Быть может, – говорит конунг, – тебе и не удавалось проявить ловкость в этой игре, пока ты не приобрел сноровку. А теперь можешь идти, на сегодня ты свободен, и ты нас хорошо позабавил.

После этого Эйндриди вышел из шатра и отправился к своим людям.

Состязания

На следующий день, после того как конунг сидел и пировал некоторое время, он призвал к себе Эйндриди и спросил его:

– Ну так как, не захотелось ли тебе по доброй воле креститься и принять правую веру?

Эйндриди отвечает:

– Не такой я никчемный человек, чтобы вчера иметь на уме одно, а сегодня – совсем другое.

– Думаю, нам с тобой следует заключить соглашение, – сказал конунг. – Я выставлю против тебя кого-нибудь из моих людей, чтобы вы с ним вступили в состязание[12], и, если он одолеет тебя в тех искусствах, которые ты вчера называл, ты должен будешь поверить в истинного Бога, Господа Иисуса Христа, а если ты одержишь верх, то впредь будешь избавлен от моих домогательств и сможешь держаться той веры, какой захочешь.

– Я вовсе не утверждал, что владею какими-то там искусствами, – сказал Эйндриди, – да и в самом деле ничего не умею. Однако государево слово дорогого стоит, а потому вам решать, чему между нами быть, если только вы не намерены злоупотребить своей властью. Что до меня, то я своему слову не изменю. Но кто же тот человек, которого вы решили выставить против меня?

Конунг отвечает:

– По-моему, никто не подходит для этого больше меня самого. Полагаю, мне лучше всех известно, что ты за человек, и кроме того, я не сочту для себя зазорным, если ты меня одолеешь. Но только твоя победа будет много большей, если верх в нашем единоборстве одержу я, поскольку на кон поставлено то, о чем я тебе сказал.

Эйндриди говорит:

– Даже будь я во всем искуснее других, – а умею-то я совсем немногое, да и это кое-как, – мало мне было бы проку от моих умений в состязании с вами.

– Раз так, что толку нам с тобой состязаться? – говорит конунг. – Можешь сразу признать себя побежденным.

– Это выход, – говорит Эйндриди, – но все же я бы прежде поглядел, как хорошо вы плаваете.

После этого они пошли на берег[13], а с ними все их люди. Конунг и Эйндриди разделись и поплыли прочь от берега. Они долго мерились силами, по очереди пытаясь потопить друг друга, и в конце концов исчезли под водой так надолго, что все уже почти потеряли надежду увидеть, как они всплывут на поверхность. Наконец Олав конунг вынырнул и поплыл к берегу. Он вышел на сушу и улегся отдохнуть, однако одеваться не стал. Никто не ведал, что сталось с Эйндриди, и ни один человек не осмеливался спросить об этом конунга[14]. Только спустя много времени люди заметили Эйндриди. Оказалось, что тот покамест раздобыл себе коня – он восседал на спине большущего тюленя[15]. Эйндриди ухватился обеими руками за его усы и так правил им чуть не до самого берега, а потом отпустил тюленя на волю. Тут конунг вскочил, поплыл к нему навстречу и опять надолго увлек под воду. Когда же они оба вынырнули, то конунг направился было к берегу, но Эйндриди до того обессилел, что не мог больше справляться сам, и тогда конунг, увидев это, подплыл к нему и помог ему выбраться на берег[16]. А когда Эйндриди пришел в себя и они оба были одеты, Олав конунг сказал:

– Ты показал себя искусным пловцом, Эйндриди, но все же следует возблагодарить Бога за то, что из нас двоих не ты одержал верх в этом состязании, потому что все могли видеть, как мне пришлось вытаскивать тебя на берег.

– Можешь расценивать это как тебе угодно, – говорит Эйндриди.

– И все же, почему ты не убил тюленя, – спрашивает конунг, – и не вытащил его на берег?

Эйндриди отвечает:

– Потому что мне не хотелось давать вам повод утверждать, будто он был уже мертв, когда я его нашел.

Минула еще одна ночь.

Олав и Эйндриди состязаются в стрельбе из лука

На следующий день конунг сказал, что они с Эйндриди теперь будут соревноваться в стрельбе из лука.

Эйндриди отвечает:

– Думается мне, государь, что вы слишком прямо истолковали мои слова. Что пользы мне вступать в такое состязание, когда в этом искусстве я преуспел еще меньше, чем в давешнем.

– По мне, так было бы только лучше, – говорит конунг. – Ты все еще можешь отказаться от состязания и признать себя побежденным.

Эйндриди отвечает:

– Это от меня не уйдет. Однако, сдается мне, другим было бы куда как забавно убедиться в том, насколько мне до вас далеко, и самим увидеть, как велика разница между вашим искусством и моими неловкими стараниями угнаться за вами.

Затем они отправились в лес неподалеку от усадьбы. Конунг сбросил плащ. Он установил мишень и отмерил от нее большое расстояние, после чего ему принесли лук и стрелу. Он выстрелил, и стрела попала в край мишени и засела в ней. Выстрел Эйндриди пришелся немного ближе к цели, однако и он не попал в середину. Конунг выстрелил вновь и на этот раз попал в цель, так что стрела вонзилась в самую середину мишени. Люди стали говорить, что это славный выстрел. Эйндриди тоже очень хвалил конунга за меткость и сказал, что не надеется сделать такой же удачный выстрел. Тогда конунг предложил ему отступиться, если он того пожелает, и признать себя побежденным в этом состязании. Эйндриди сказал в ответ, что это еще успеется, но сперва он предпочел бы попробовать свои силы. После этого он выстрелил, и его стрела попала прямиком в насечку для тетивы той стрелы, которую выпустил конунг, когда сделал свой второй выстрел, так что обе стрелы стояли теперь в мишени одна в другой[17].

Конунг сказал:

– Что и говорить, велико твое искусство, и все же его еще предстоит испытать до конца. Пусть приведут того пригожего мальчика, про которого ты

давеча сказал, что любишь его больше всех. Теперь он послужит нам вместо мишени, а я распоряжусь, что следует делать.

Это было исполнено. Конунг приказал принести шахматную фигуру и поставить ее мальчику на голову[18].

– Мы оба должны будем попытаться сбить фигуру с головы мальчика, – говорит конунг, – но так, чтобы не причинить ему вреда.

– Вы, конечно, можете поступать как вам заблагорассудится, – сказал Эйндриди, – однако я отомщу, если мальчику будет нанесено увечье[19].

Конунг повелел завязать мальчику глаза полотняным платком и обернуть его вокруг головы. Он отрядил двоих человек держать платок за оба конца, чтобы мальчик не смог шевельнуть головой, когда услышит, как свистит стрела[20]. Затем конунг направился к тому месту, откуда ему предстояло стрелять. Он перекрестился и перед тем, как выпустить стрелу, осенил крестным знаменьем ее наконечник[21]. Эйндриди сильно покраснел. Стрела попала в фигуру и сбила ее, но пролетела так близко от макушки мальчика, что оцарапала темя и хлынула кровь. После этого конунг сказал Эйндриди, что теперь его очередь, и предложил ему подойти и сделать свой выстрел, если он хочет, но тут к Эйндриди бросились его мать и сестра и плача принялись упрашивать его не делать этого. Эйндриди сказал конунгу:

– Я не боюсь причинить вред мальчику, если тоже выпущу стрелу, но все же на этот раз я не стану стрелять.

Конунг сказал:

– В таком случае я считаю, что ты проиграл.

Эйндриди отвечает:

– Вы вольны судить об этом, как вам нравится. И все же, если ваше мнение и вправду таково, то, по мне, вы весьма пристрастны в оценке нашего состязания.

– Так и есть, – сказал конунг, – я и в самом деле сужу пристрастно, но только всякий раз в твою пользу.

Затем люди воротились назад в усадьбу. Оба – и конунг, и Эйндриди – были в прекрасном настроении, и все уселись пировать.

Конунг и Эйндриди состязаются, играя кинжалами

На третий день конунг сказал Эйндриди:

– Погода стоит хорошая и безветренная, самое время нам с тобой устроить состязание и выяснить, кто из нас двоих лучше умеет играть кинжалами.

Все вышли во двор. Каждому из них принесли по два кинжала, и они принялись жонглировать ими так искусно, что у обоих один кинжал постоянно

находился в воздухе, причем и тому, и другому всегда удавалось поймать его за рукоять, так что невозможно было решить, кто из игроков проявляет бо́льшую ловкость. Так продолжалось довольно долго. Наконец конунг сказал:

– Наше состязание на этом не закончено.

Затем они отправились на берег и взошли на большой боевой корабль. Конунг приказал своим людям взяться за все весла по оба борта и начинать грести, а сам шагнул за борт и, ступая по веслам, двинулся вдоль корабля, с не меньшим проворством, чем на земле, играя тремя кинжалами[22]. Так же поступил и Эйндриди. Что бы ни делал конунг, тот повторял за ним каждое его движение. Тогда конунг в другой раз прошелся по веслам тем же манером, однако теперь, дойдя до конца, он обогнул штевень, причем, как и прежде, не обронил ни одного кинжала и не замочил башмаков. После того как он прошел по веслам вдоль другого борта, он вновь поднялся на корабль. Никто не мог уразуметь, как ему удалось совершить такое. Эйндриди стоял перед конунгом, когда тот ступил на корабль, и молча глядел на него. Конунг сказал ему:

– Что ж ты стоишь и не делаешь, как я показал?

Эйндриди сказал:

– Потому что божьи ангелы не перенесут меня по воздуху, как вас[23]. Вы же при всем вашем искусстве не смогли бы проделать этого сами, но только с помощью того бога, в которого вы верите. Теперь и я убедился, что он все может, а потому я впредь буду верить в него и ни в кого другого.

Олав конунг обрадовался его словам и многократно восславил Бога за то, что тот вразумил его. Затем конунг поведал Эйндриди о многих чудесах всемогущего Господа. После этого Эйндриди со всеми своими людьми принял крещение. Он сделался дружинником Олава конунга и отправился вместе с ним в Нидарос. Конунг очень его полюбил, и они никогда не расставались, пока оба были живы. Все считали Эйндриди достойнейшим человеком[24].

ПЕРВАЯ ПРЯДЬ О ХАЛЛЬДОРЕ СЫНЕ СНОРРИ

Халльдор, сын исландского годи Снорри[1], был с Харальдом конунгом сыном Сигурда, пока тот находился за пределами страны[2], и оставался с ним долгое время после того, как тот сделался правителем Норвегии[3], и конунг очень его ценил.

Как-то раз случилось так, что один исландец по имени Эйлив прогневил Харальда конунга и попросил Халльдора вступиться за него перед конунгом, и тот так и сделал. Халльдор мог быть запальчив и резок в своих речах, одна-

ко обыкновенно он бывал неразговорчив. Он попросил конунга примириться с Эйливом. Конунг наотрез отказался. Халльдор был упрям, подобно другим исландцам, и ему было не по нраву, если он не получал того, о чем просил.

После этого он оставил дружину, и Эйлив уехал вместе с ним. Они прибыли в Гимсар к Эйнару Брюхотрясу[4], и Халльдор попросил его принять Эйлива и взять его под свою защиту. Эйнар ответил, что примет его, но лишь при условии, что Халльдор тоже останется у него.

Халльдор сказал:

– Куда ты намерен меня усадить?

Эйнар предложил ему занять почетное сиденье напротив него[5].

Жену Эйнара звали Бергльот, она была дочерью ярла Хакона Злого из Хладира, сына Сигурда[6]. Халльдор часто наведывался к Бергльот и рассказывал ей множество историй, которые приключились во время их странствий с Харальдом конунгом за пределами страны[7].

Одного человека звали Кали, он был молод и состоял в отдаленном родстве с Эйнаром. Человек он был злобный и завистливый, большой насмешник и бахвал. Он был слугой Эйнара и служил у него долгое время. Кали умело работал с золотом и серебром, и оттого его прозвали Кали Позолотчик. Он возвел напраслину на многих людей и был очень несдержан на язык, как в речах своих, так и в стихах. Он постоянно насмехался над Халльдором и подбивал других складывать о нем язвительные стишки, однако никто на это не решался. Тогда Кали сам взялся за сочинение поносных стишков о Халльдоре. Тому стало об этом известно.

Однажды он направился в покои Бергльот. А когда он подходит к дверям, то слышит за ними громкие голоса. То был Кали и с ним много других людей. Они исполняли перед хозяйкой дома хулительные стишки, которые Кали сложил о Халльдоре.

Бергльот велела им замолчать и сказала так:

– Дурное это дело высмеивать и поносить тех, кого не знаешь, – видать, тролли тянут вас за язык! Халльдор доказал, что он превосходит отвагой большинство норвежцев.

Кали сказал:

– Нам не страшен этот салоед[8], как бы высоко ты его ни ставила, особенно же после того, как мы узнали, что он был брошен в темницу в Стране Греков и лежал там недвижимый и беспомощный на хвосте у змеи[9].

Халльдор не стерпел оскорбления и, вбежав внутрь, подскочил к Кали и нанес ему смертельный удар. Когда Бергльот увидала это, она приказала охранять двери, чтобы никто не смог выйти прежде, чем она позволит.

После этого Халльдор сказал:

– Я хочу просить вас, госпожа, дать мне добрый совет, хотя я и не заслужил его.

Она отвечает:

– У меня немало близких родичей среди лендрманнов[10], и я уверена, что любой из них, к кому бы я тебя ни отправила, примет тебя ради меня.

Халльдор сказал:

– Имей в виду: я не желаю, чтобы меня прятали, как преступника.

Бергльот говорит:

– Немного найдется в Норвегии людей, кроме самого Харальда, которые смогли бы уберечь тебя от Эйнара, ежели он решит тебя преследовать, так как он непременно дознается, где ты находишься. Есть и другой выход, – говорит она, – однако и он не лишен риска.

Халльдор сказал:

– Какой же?

Она отвечает:

– Чтобы ты без промедления отправился в пиршественную палату, поскольку теперь тебе грозит наказание за два проступка – одно за убийство, а другое за то, что ты не явился вместе со всеми к столу[11], ведь люди уже сидят за трапезой. Ты можешь сейчас же предстать перед Эйнаром и сказать ему, что произошло, а после вручить ему свою голову и примириться с ним. Но если он не пожелает пойти на мировую, тебе от него уже никак не спастись.

Затем Халльдор пошел к Эйнару и сказал:

– Нечасто приходилось мне нести наказание за опоздание к столу, но сегодня случилось так, что мне нашлось чем заняться.

Эйнар отвечает:

– Ты имеешь в виду убийство Кали, моего родича?

Халльдор отвечает:

– Я и вправду виновен в этом, и потому я намерен вручить тебе свою голову. Делай с ней что хочешь.

– Убийство, которое ты совершил, – наихудшее из всего, что могло произойти, и оно меня близко касается. Только убийство Эйндриди, моего сына[12], могло бы значить для меня больше.

Халльдор отвечает:

– Неравные это были бы потери.

Эйнар сказал:

– Братья Кали наверняка ожидают от меня, что я решу это дело с честью для них и добьюсь достойного возмещения за его гибель. И с моей стороны было бы низостью отнестись к случившемуся так, как если бы речь шла об убийстве собаки. Да и другим неповадно будет впредь совершать подобные злодейства, если за это будет воздано по заслугам. И все же нам следует прислушаться к мудрому совету Магнуса конунга сына Олава, моего родича[13], – перво-наперво позабыть про свой гнев, ибо, когда гнев проходит, вещи зачастую предстают в ином свете, чем прежде. А теперь, Халльдор, ты должен отдать мне свой меч, я желаю получить его.

Халльдор отвечает:

– С какой стати я должен расстаться с моим оружием?

– Я потому хочу получить твой меч, – говорит Эйнар, – что вижу: если ты вдруг решишь, что ты загнан в угол, и в руках у тебя окажется оружие, ты станешь защищаться, покуда у тебя достанет сил, и тогда можно ожидать, что многие последуют за Кали, а мне это навряд ли понравится. Впрочем, может статься и так, что в случае нападения ты сумеешь уложить одного, а то и несколько человек, но мне в конце концов все же удастся одолеть тебя. Теперь же садись вместе со мной за стол, и позднее я объявлю, какое тебе будет назначено наказание, но пока я не обещаю тебе мира.

Халльдор так и сделал, и ел, и пил с Эйнаром как ни в чем не бывало, и вручил ему свой меч. Эйнар принял его. Друзья Халльдора просили его уехать, если только удастся.

Халльдор отвечает:

– Я не стану прятаться от Эйнара после того, как отдал себя в его власть.

А когда Халльдор насытился, он предстал перед Эйнаром и спросил, к какому решению тот пришел.

Эйнар отвечает:

– Ты узнаешь об этом позднее.

Тогда Халльдор ушел и рассказал Бергльот, как обстояло дело.

Она отвечает:

– Я не жду, что Эйнар прикажет убить тебя. Но если он дурно обойдется с тобой, обещаю тебе, что за этим последуют еще более серьезные события.

В тот же день Эйнар созывает многолюдную сходку. На этой сходке он встал и произнес:

– А теперь я намерен позабавить вас и рассказать о том, что произошло давным-давно, когда я плавал вместе с Олавом конунгом сыном Трюггви на Великом Змее[14].

Мне было тогда восемнадцать лет от роду и мое присутствие на Змее было противозаконным, так как на нем не должен был находиться никто моложе двадцати и старше шестидесяти лет. Мои товарищи по скамье были Кольбьёрн Упплёндец и еще один человек по имени Бьёрн, которого прозвали Бьёрн Струп[15]. Он был стар, но все еще полон отваги. Со Змея спаслись девять человек[16], но я собираюсь рассказать о нас, троих товарищах, о том, что мы прыгнули за борт со Змея после того, как конунг скрылся из виду, и над головой его было сияние. Датчане, люди Свейна конунга[17], схватили нас и привели к конунгу, а он послал нас в Йотланд[18], и там нас вывели на берег и приковали к бревну. Человек, который нас сторожил, захотел продать нас в рабство. Он пригрозил, что нам придется плохо, если мы не подчинимся, и он нас тогда покалечит. Мы просидели в лесу три ночи. Тот человек, что был нашим сторожем, назначил сходку, и туда явилось множество народу. На

сходке этой выделялся своим видом один рослый человек, одетый, как монах, в черный куколь. Лицо его скрывал капюшон.

Этот человек подошел к нам и сказал нашему хозяину:

«Не продашь ли мне того старого раба?»

Тот отвечает:

«На что тебе старый и ленивый раб?»

Человек в капюшоне отвечает:

«Разве он не самый дешевый из твоих рабов?»

«Да, – говорит наш хозяин, – конечно, он стоит меньше всех».

«Тогда назначь ему цену», – говорит человек в капюшоне.

Хозяин оценил его в двенадцать эйриров серебра[19].

Человек в капюшоне отвечает:

«По мне, ты запросил больно дорого за этого раба, ведь он, я вижу, очень стар, так что в хозяйстве от него немного проку. Кроме того, похоже, он долго не протянет. Даю тебе за него марку серебра[20], если ты согласен на сделку».

– Затем человек в капюшоне подошел ко мне, – говорит Эйнар, – и спросил, кто меня купил.

«Я еще не продал его, – говорит хозяин, – но и он будет продан».

«Сколько он стоит?» – говорит человек в капюшоне.

Хозяин отвечает:

«Ты, верно, сочтешь, что он слишком дорог. Если согласишься, можешь купить его за три марки серебра».

«Это очень дорого, – говорит человек в куколе, – однако я уверен, что родичи и друзья охотно выкупили бы его за эту цену, вернись он в свою страну».

«Я знал, – говорит хозяин, – что ты не рискнешь купить его за такую большую плату, какую я за него положил».

Затем человек в куколе отошел и принялся расхаживать по площади, прицениваясь ко всяким товарам, но так ничего и не купил и возвратился к нам с такими словами:

«Я побывал на площади, но, поскольку мне не удалось заключить ни одной сделки, я опять пришел сюда. Я хочу узнать цену того раба, про которого не спрашивал прежде, потому что я вижу, что такие рослые и сильные люди, ежели захотят, втроем способны выполнять не такую уж маленькую работу. Поэтому я принял решение купить их всех».

Наш страж отвечает:

«У тебя, верно, большая нужда в работниках, раз ты один покупаешь трех рабов».

«Да будет тебе известно, – говорит человек в куколе, – что у меня бывало не меньше работников».

Кольбьёрн был оценен в две марки.

«Дороговаты эти рабы, – говорит человек в куколе, – и еще не известно, окупятся ли мои деньги и смогут ли они отработать то, что было за них уплачено».

Затем он высыпал серебро в полу его плаща и сказал:

«Вот, возьми свою плату. Я думаю, здесь не меньше, чем ты ожидал».

После этого человек в куколе освободил нас от оков, и мы решили, что в нашей участи произошли перемены к лучшему. Потом человек в куколе направился к лесу и приказал нам следовать за ним. А когда мы вышли на поляну, я спросил у него, как его зовут.

Он отвечает:

«Тебе ни к чему знать мое имя. Но я могу сказать тебе, что прежде мне уже доводилось с тобой встречаться, да и с остальными тоже».

И все же я желал узнать, чей я теперь раб, – «а ежели ты намерен вернуть нам свободу, мы бы хотели знать, кому мы должны будем отплатить за это».

«Сегодня тебе не удастся выведать, как меня зовут», – говорит он.

– Тогда я отвечаю ему, – говорит Эйнар:

«Но все-таки мне, а со мною и тем двоим довелось попасть к одному хозяину, на что датчане точно не рассчитывали».

Человек в куколе отвечает, слегка приподняв капюшон:

«Вы увидите, что я не собираюсь держать вас в рабстве, однако я намерен отпустить вас вовсе не оттого, что вы могли бы попытаться меня к этому принудить, ибо вас трое, а я один. Я покажу вам тропу, что ведет к кораблю, которым владеют норвежцы. Они примут вас и доставят в Норвегию. А теперь ты, Бьёрн, – говорит он, – раздели свою долю имущества и распорядись ею по своему разумению, да так, чтобы это всего больше пошло на пользу твоей душе, потому что после возвращения домой тебе останется жить не дольше половины месяца. Ты, Кольбьёрн, воротишься домой в Упплёнд, и тебя будут считать достойнейшим человеком повсюду, куда бы ты ни явился. Ты же, Эйнар, – говорит он, – займешь самое высокое положение из вас троих, проживешь дольше всех и преуспеешь куда больше других людей. А еще ты женишься на Бергльот, дочери Хакона ярла из Хладира, поселишься в Гимсаре и будешь пользоваться почетом до самой смерти. От тебя одного я желаю получить возмещение за то, что тебе были дарованы жизнь и свобода, потому что, по мне, всего важнее, чтобы из всех вас именно ты не был рабом».

Я отвечал, что это будет нелегко исполнить, раз мне неведомо ни то, кому я обязан заплатить выкуп, ни то, какое возмещение от меня требуется.

Он отвечает:

«Ты отплатишь мне тем, что если кто-нибудь нанесет тебе столь великий урон, что ты во что бы то ни стало пожелаешь лишить этого человека жизни, и случится так, что он окажется в твоей власти, то ты должен будешь даровать ему свободу точно так же, как я ныне дарую ее тебе. И это будет не-

трудно исполнить, поскольку благодаря твоему богатству и многочисленным сторонникам мало кто осмелится пойти против тебя».

С этими словами человек в куколе отодвинул со своего лица капюшон и сказал:

«Как по-вашему: кто бы это мог ехать через лес и нет ли у них намерения схватить нас?»

Мы принялись озираться по сторонам, высматривая этих людей, а когда мы опять обернулись к нему, человек в капюшоне уже исчез, и больше мы его никогда не видели. Однако мы все отлично узнали его – то был Олав конунг сын Трюггви. Стоило ему в первый раз приподнять капюшон своей рясы, и я наверняка узнал его, а когда он поднял капюшон и открыл нам свое лицо, его узнали все. Мы стали говорить между собой, что это было очень неразумно с нашей стороны – даже не попытаться удержать его, но потом порешили: что́ толку винить себя в том, что все равно не вернуть. Затем мы пошли к морю по тропе, которую он нам указал, и нашли норвежский корабль, и в жизни каждого из нас все произошло точь-в-точь как он предсказывал.

– А теперь, – говорит Эйнар, – я должен сделать то, что мне повелел Олав конунг. Сдается мне, и, всего вероятнее, так и есть, что он имел в виду тебя, Халльдор, ведь ты находишься в моей власти.

Но прежде чем Эйнар закончил свой рассказ, на тинг явилась Бергльот, его жена, а с нею множество ее сторонников. Она привела этих людей для того, чтобы они сразились с Эйнаром и защитили Халльдора в случае, если ему не будет даровано прощение. Потом Эйнар уладил дело об убийстве Кали с его родичами, и они с Халльдором остались друзьями. А Халльдор отослал Эйлива в Исландию, но прежде он примирился с Харальдом конунгом. После этого Халльдор оставался с конунгом долгое время. Эйлив же обвинялся в том, что убил дружинника Харальда конунга и этим навлек на себя его гнев.

ПРЯДЬ ОБ ОРМЕ СЫНЕ СТОРОЛЬВА

1. Здесь начинается прядь об Орме сыне Сторольва

Жил человек по имени Лосось, он был сыном Кетиля, ярла из Наумудаля[1]. Мать Кетиля ярла звали Храфнхильд, она была дочерью Кетиля Лосося с Храфнисты[2]. Лосось был человек знатный. Он поссорился с Харальдом конунгом Воспитанником Доври[3] из-за убийства сыновей Хильдирид[4] и был вынужден бежать из страны. Лосось поплыл на запад за море в Исландию.

Когда они увидали землю, они были к югу от нее. Они зашли в широкое речное устье, поднялись на кораблях вверх по реке и причалили к восточному берегу. Эта река называется теперь Бычья Река[5]. Они стали осматривать тамошние земли.

Первую зиму Лосось провел на западном берегу Кривой Реки, а весной занял все земли от гор до моря, что лежат между Бычьей Рекой и Лесной Рекой, и поселился в Капище на восточном берегу Кривой Реки. Жену его звали Ингунн. Весной она родила сына, которого назвали Храфном. Лосось раздавал земли тем, кто приехал с ним в Исландию, а некоторым продавал. Всех их назвали первыми поселенцами.

Второго сына Лосося звали Херьольв. Его сыном был Сумарлиди. Третьего сына звали Хельги, четвертого – Вестар. Храфн сын Лосося был первым законоговорителем в Исландии[6]. Он жил в Капище после своего отца. Его дочерью была Торлауг, которая стала женой Ёрунда годи[7]. У Лосося был и пятый сын по имени Сторольв. Говорят, он был самым рослым из его сыновей, а Храфн – самым знатным. Сторольв был женат на Торарне, сестре Торбьёрна Скольма[8], того, что был отцом Торальва. Сторольв жил на дворе Пригорок, который с тех пор зовется Сторольвов Пригорок[9].

Сторольв был силен, как никто, и о нем шла молва, будто он оборотень[10]. Человек он был мудрый и сведущий во многих вещах, и поэтому его называли колдуном. У них с Торарной, его женой, был сын, которого звали Орм[11]. Он рано возмужал и стал рослым и сильным и во всем искусным, так что, когда ему было семь лет от роду, он ничуть не уступал в силе и сноровке самым могучим людям. Отец его недолюбливал – и впрямь был он строптив и отлынивал от работы, – мать же его очень любила. Орм был не из тех, кто валяется у очага[12].

Так он рос, пока ему не минуло двенадцать зим. Сторольв был человек работящий и не сидел без дела. Как-то раз летом Сторольв взялся заготавливать сено, при нем было четыре лошади. Сам Сторольв работал, стоя наверху на стоге, однако не хватало рук, чтобы подбрасывать ему сена, а ему показалось, что собирается дождь. Тогда он позвал на подмогу Орма, своего сына, и попросил его подкинуть ему сена. Орм так и сделал. Но поскольку сгущались тучи, Сторольв заторопился и принялся подзадоривать Орма, чтобы тот как следует поднатужился и пустил в ход всю свою силу, говоря, что тот-де и слабак, и лентяй и что росту в нем куда больше, чем силы и выносливости. Тогда Орм разозлился и живо сгреб целую охапку сена, а как раз в это время подходит лошадь. Схватил тут Орм поклажу вместе с лошадью и со всей сбруей и забросил их наверх на стог, да так проворно, что старик Сторольв свалился между стогами. При падении он так сильно ушибся, что сломал три ребра[13]. Сторольв сказал тогда:

– Не дело подзуживать дерзких[14]. По всему видно, что ты вырастешь человеком своевольным.

Все сочли, что для такого юнца, как он, это был немалый подвиг.

2. Орм сын Сторольва отправляется косить сено

Рассказывают также, что однажды Сторольв обратился к Орму, своему сыну, и велел ему отправляться на луг косить – «потому что работники этим летом не поспевают справляться со всем».

– Где коса, которой я должен косить? – сказал Орм.

Сторольв дал ему косовище и новый клинок, оба были сработаны на славу. Орм согнул в руках и разломил пополам лезвие, а потом наступил ногой на косовище, так что оно разлетелось на куски, и заявил, что ничего из этого ему не подходит. Затем он ушел, раздобыл две четверти железа[15], отправился в кузницу и изготовил себе клинок. После этого он взял бревно из поленницы и приладил к нему две большие рукояти так, чтобы они подходили ему по росту. Он насадил на это косовище новый клинок, закрепил его, обмотав железной проволокой, и пошел вниз на луг.

Местность там была бугристая, однако травы густые и сочные. Орм принимается за дело и косит весь день напролет до самого вечера. Сторольв посылает туда своих служанок сгребать за Ормом свежескошенную траву. И вот приходят они на луг и видят, что все сено, которое накосил Орм, лежит длинными полосами. Они приступают к работе и хотят перевернуть сено, но тут оказывается, что сделать это не так просто, как они рассчитывали, и ни руками, ни граблями им не удается сдвинуть с места ни одной кучи. Тогда они пошли домой и рассказали хозяину, как обстояло дело. Вечером он приехал на луг и увидал, что Орм срезал там все бугры, а землю свалил вперемешку с полосами скошенной травы. Сторольв велел ему остановиться, чтобы не учинять еще большего разорения. Орм так и сделал. Лезвие его косы было стерто по самый обух. Орм скосил тогда поле, которого хватило бы на восемь стогов, и это – единственные ровные луга на Сторольвовом Пригорке. Говорят, что каждый прокос там был никак не меньше того, что один человек может накосить за день[16]. Следы этого видны и по сей день.

3. Орм несет сено

Жил человек по имени Дуфтак[17]. Он жил на дворе, который называли В Лесу, а с тех пор он стал называться В Дуфтаковом Лесу. Дуфтак был велик ростом, и у него была такая колдовская сила, что он мог принимать разные обличья[18]. Они со Сторольвом не очень-то ладили, но все же порой относи-

лись друг к другу неплохо, да только в конце концов это не закончилось добром, так как поговаривают, что это Дуфтак убил Сторольва.

Так продолжалось, пока Орму не минуло восемнадцать лет. В тот год стояла такая суровая зима, что замерзли пастбища. У Сторольва было очень много скота, и со временем запасы сена у него стали иссякать, да так быстро, что он уже подумывал о том, что, если не найти выхода из положения, придется ему зарезать свою скотину. Ни у кого в округе сена было не достать, только у Дуфтака его было в избытке, однако он не желал ни с кем делиться. В ту пору отношения между ними были не слишком дружеские.

Позднее зимой, когда скотина изрядно изголодалась, Сторольв посылает Орма, своего сына, к Дуфтаку раздобыть у него сена. И вот Орм отправляется повидаться с Дуфтаком и просит его продать ему сена, но тот отвечает, что у него ничего нет на продажу. Орм, однако, продолжал настаивать, и тогда Дуфтак сказал, что, если ему так хочется, он может получить столько сена, сколько способен унести, – «и если каждый в округе даст тебе столько же, все же вам кое-что перепадет».

– Не больно-то щедрое предложение, но я согласен. Откуда брать сено?

– На дворе стоят два стога, – говорит Дуфтак, – в одном – четыре сажени в обхвате, в другом – две, да поперек будет добрых две сажени и почти столько же в вышину, разве что он успел немного осесть. Возьми себе сена из того стога, что поменьше.

– Схожу-ка я прежде домой за веревкой.

Он так и сделал и рассказал своему отцу, как обстоит дело.

– Это всего лишь жалкая подачка, – говорит Сторольв, – и он за нее ничего не получит. Но сдается мне, будет разумнее, если я пойду за сеном вместо тебя, потому что я способен унести больше.

– Нельзя, – сказал Орм, – ведь он готов дать столько сена, сколько смогу унести я.

– Хоть ты и мало на что годишься, придется тебе на этот раз напрячь все силы, – говорит Сторольв.

Орм уходит, идет в кладовую, берет десяток веревок из конского волоса, снимает с них пряжки и связывает их в длину и в толщину так, что из них получилась одна. Потом он возвращается в Лес[19], заворачивает во двор, где стояло сено, и заходит туда, поломав ворота. Он направляется прямиком к стогу, что побольше, и сбрасывает с него торф и подгнившее сено. Затем он наклоняется, приподымает стог над землей, подсовывает под него веревку, продевает ее в пряжку и перетягивает ею сено. После этого он присел и взвалил эту связку себе на плечи – некоторые рассказывают, что прежде он водрузил на нее тот стог, что поменьше. С этой поклажей он отправился домой на Сторольвов Пригорок. Хозяин был на дворе и увидал его. Он сильно удивился, и ему пришлось признать, что сам он не смог бы дотащить такую ношу[20].

Сено внесли в амбар, и он был заполнен до самого верху. Этого сена хватило так надолго, что весной Сторольву не пришлось забивать скотину. С той поры отношения между отцом и сыном пошли на лад, оттого что Сторольв увидал, каким недюжинным человеком был Орм.

Когда же старик Дуфтак немного погодя вышел на двор и увидал, что произошло – что оба его стога исчезли, а то, что от них осталось, валялось затоптанным и ни на что не годилось, а еще увидал, как Орм выходит за ограду, неся оба стога, – он подивился тому, какую большую ношу Орм мог утащить на себе. А весной Дуфтак поехал на Пригорок и потребовал от Сторольва платы за сено, но ничего не получил. Он считал, что за сено должно быть уплачено никак не меньше стоимости шести коров[21]. Это привело к долгой неприязни и вражде между ним и Сторольвом, о чем будет рассказано позднее[22].

4. Орм и Торальв состязаются в силе

Когда Орму было двадцать лет, он, по своему обыкновению, поехал на альтинг. Тинг в тот раз выдался многолюдный. Прибыл на него с севера со двора У Темной Реки, что в Долине Капищной Реки, и Торальв сын Скольма, родич Орма. С ним был человек по имени Мелкольв. Сила у него была как у шестерых. Все они остановились в одной землянке[23] с Ёрундом годи, свояком Орма[24].

Ёрунд годи получил в подарок подковы. Они были так велики и на их изготовление пошло столько железа, что и без гвоздей они весили полфунта[25]. Их пустили по кругу, и все их рассматривали. Когда очередь дошла до Торальва, он взял четыре подковы, сложил их вместе, подержал в руках некоторое время, а затем протянул Орму, и все они оказались прямыми, точно свечи. Орм взял у него подковы и выгнул их назад, все четыре разом, и все сочли, что это было большим испытанием силы для них обоих[26].

А днем, когда они вышли, то увидали, что у пивоварни стоит котел, который вмещал два бочонка[27]. Они наполнили его доверху песком. Затем к нему подошел Мелкольв и поднял его одной рукой. После него подошел Торальв и поднял его двумя пальцами. Последним подошел Орм. Он продел под ручку котла мизинец и приподнял его не выше щиколотки, а потом быстро спрятал руку под плащ.

Торальв сказал:

– Покажи-ка палец.

– Не хочу, – говорит Орм.

– Я тоже мог бы пораниться, если бы пожелал, – говорит Торальв, – только мне не захотелось.

Все решили, что он, верно, разорвал себе мясо и сухожилия до самой кости.

После этого люди разъехались с тинга по домам, и Орм сидел спокойно у себя в усадьбе. Все очень дивились подвигам Орма, как тем, что он совершил раньше, так и тем, что впоследствии, а они делались все значительнее, чем старше он становился. Все, и друзья его, и враги, в один голос говорили, что ни в их времена, ни прежде не было в Исландии большего силача, чем он, среди тех, кто не менял своего обличья.

5. Об Асбьёрне Горделивом

Одного человека звали Вирфиль. Он был управителем в одной деревне в Дании, в местности, которая называется Вендильскаги[28]. Они были братьями с Весети с Боргундархольма[29]. Вирфиль был женат, и у него был сын по имени Асбьёрн. С ранних лет был он статен, хорош собой и владел всякими искусствами. Не было человека более благородного, чем он, поэтому его прозвали Асбьёрн Горделивый.

В те времена в обычае было, что по стране ходили женщины, которых называли вёльвами, и предсказывали людям, что им суждено, какой выдастся год и прочие вещи, которые им хотелось узнать. Одна из них явилась со своими людьми[30] к Вирфилю бонду, и ей был оказан хороший прием, так как угощение там было на славу.

Вечером, когда люди сидели все вместе, вёльву попросили что-нибудь предсказать, и она сказала, что Вирфиль проживет там до самой старости и будет пользоваться всеобщим уважением, – «но тому молодому человеку, что сидит подле тебя, бонд, стоило бы послушать, что ему суждено, потому что он будет много странствовать по свету, и повсюду его будут считать большим человеком, и он совершит много славных дел и умрет в старости, если только не отправится в Северный Мёр, что в Норвегии, или еще дальше на север этой страны».

– Я думаю, – говорит Асбьёрн, – что там я буду ничуть не ближе к смерти, чем здесь.

– Не тебе об этом судить, что бы ты ни думал, – сказала вёльва и произнесла такие стихи:

Сколько б ни гнал ты
в даль волн гнедого[31],
в просторы моря
струг увлекая,
на севере все же
ждет смерть у Мёра –
гибель неминуча[32].
Молчать мне лучше.

После этого вёльва пробыла там еще некоторое время, как было условлено, а затем была отпущена с богатыми дарами.

Асбьёрн рос, и как только он вошел в возраст, отправился в путь. Он совершает поездки в разные страны и узнает там обычаи других людей, и куда бы он ни приезжал, его очень ценят хёвдинги. Род его матери происходил с севера Норвегии, из Хёрдаланда и Северного Мёра, это были потомки Кари Бобра[33]. Асбьёрн подолгу гостил у своих родичей с материнской стороны, и те очень ценили его за его способности и умения.

6. Орм и Асбьёрн завоевывают Гаутланд

Теперь надо вернуться к рассказу о том, что Орм сын Сторольва находился в Исландии. А когда ему минуло тридцать лет[34], он договорился с человеком по имени Эцур из Хёрдаланда, чей корабль стоял на якоре в Бычьей Реке, и уехал вместе с ним из страны. Эцур владел усадьбой в Хёрдаланде, и Орм провел у него зиму. Асбьёрн Горделивый был в то время в Хёрдаланде, и они с Ормом частенько встречались. Они хорошо поладили и вскоре подружились. Они часто устраивали состязания, и выходило, что они ни в чем не уступали друг другу, если только не мерились силой: тогда победа доставалась Орму, так как он был гораздо сильнее. В конце концов они принесли обет побратимства по древнему обычаю[35] и поклялись, что тот из них, кто проживет дольше, отомстит за другого, если он примет смерть от оружия.

Весной Асбьёрн сказал Орму, что хотел бы поехать на север в Мёр и встретиться со своими родичами, Эйвиндом Ужом и Бергтором Бестилем[36].

– А кроме того, мне не терпится проверить, – говорит он, – не расстанусь ли я и впрямь с жизнью, стоит мне только там оказаться, как наговорила эта жалкая вёльва.

Орм сказал, что готов отправиться в эту поездку, – «однако, я не думаю, что в твоих силах поспорить с этим, потому что таким людям, как она, многое ведомо».

Затем они поплыли на двух кораблях на север в Мёр. Эйвинд и Бергтор оказали своему родичу Асбьёрну теплый прием, поскольку они были двоюродные братья. Это произошло в конце правления ярла Хакона из Хладира[37].

Там Асбьёрн узнал, что севернее лежат два острова и оба они носят название Овечьи Острова. Правителем дальнего острова был великан по имени Бруси. Будто бы это был огромный тролль и людоед, и считалось, что людям его ни за что не одолеть, как бы много их ни было. Но еще того хуже было иметь дело с его матерью. То была огромная черная как уголь кошка размером с самого большого жертвенного быка[38]. Из-за этой нечисти тамошним жителям не было никакого проку ни от одного из тех островов.

Асбьёрну очень захотелось побывать на этих островах, однако Орм был против. По его словам, мало что могло быть хуже, чем иметь дело с этакой нежитью, так что из этой поездки ничего не вышло. Летом они поплыли на юг в Данию и зазимовали у Вирфиля. А когда зима закончилась и наступила весна, они отправились в поход на пяти кораблях и плавали повсюду между островами и в дальних шхерах, одерживая победы и захватывая добычу везде, где бы ни появлялись. Никто в то время не снискал себе большей славы в викингском походе, чем они.

В конце лета они направились в Гаутланд[39] и принялись разорять его. В то время там правил ярл по имени Херрёд[40]. Они сражались во множестве битв и подчинили себе всю страну. Там они провели третью зиму[41].

Зимой там устраивались пиры и было большое веселье. Как-то раз зимой, когда Асбьёрн с Ормом сидели за брагой, Асбьёрн сказал такую вису:

Предрекла мне вёльва:
стопы на пагубу
в Мёр свои направлю,
пропела, на север.
Несведуща ведьма:
буду жив и весел
я в Державе Гаутской.
К троллям речи вруньи!

Весной Орм с Асбьёрном уехали, не пожелав дольше там оставаться. Летом они направились на север Дании, а оттуда в Норвегию, и четвертую зиму провели у Эцура из Хёрдаланда.

Весной побратимы принялись совещаться. Асбьёрн хотел отправиться в поход, а Орм – вернуться в Исландию, поэтому они расстались, сохранив, однако, свою любовь и дружбу. Орм уехал в Исландию с Эцуром из Хёрдаланда; их плаванье было удачным, и они привели свой корабль в Глинистый Залив под Пустошью[42]. Орм узнал тогда новость о том, что старик Сторольв, его отец, погиб из-за своей распри с Дуфтаком. Мало кто горевал о нем. Затем Орм поехал домой на Сторольвов Пригорок и поселился там. Он жил там долгое время, после того как отомстил за Сторольва, своего отца, о чем рассказывается в Перечне исландцев[43].

7. Убийство Асбьёрна

Вскоре после того как Орм с Асбьёрном расстались, Асбьёрну во что бы то ни стало захотелось отправиться на север на Овечьи Острова. И вот он поплыл с двадцатью четырьмя спутниками на одном корабле на север от Мёра. Однажды на исходе дня они пристают к дальнему из Овечьих Островов, сходят на берег и ставят шатер. Они заночевали там, не встретив ни души.

На другой день рано поутру Асбьёрн встает, одевается, берет свое оружие и поднимается на остров, приказав своим людям дожидаться его. А спустя какое-то время после ухода Асбьёрна видят они, что ко входу в шатер подошла страшная кошка. Она была черна как уголь и весьма свирепа с виду. Казалось, что из ноздрей и пасти у нее вырывается пламя. Глаза у нее тоже не были добрыми. Люди были немало поражены этим зрелищем и преисполнились ужаса. Тут кошка прыгнула в шатер, набросилась на них и принялась хватать их одного за другим, и рассказывают, что кое-кого она проглотила, а иных растерзала своими когтями и клыками[44]. За короткое время она убила двадцать человек, троим же удалось выбраться наружу[45], и они бежали на корабль и поспешно отплыли.

Асбьёрн же идет, пока не приходит к пещере Бруси. Недолго думая, он заходит внутрь. Он не мог ничего разглядеть из-за того, что в пещере было очень темно. Не успел Асбьёрн опомниться, как был схвачен и поднят в воздух, а затем брошен оземь с такой силой, что не сразу пришел в себя от удивления. Догадывается он тут, что это не кто иной, как великан Бруси, – а тот и вправду был великоват с виду.

Тогда Бруси сказал:

– Ты приложил немало стараний, чтобы пробраться сюда, и убедишься нынче, что делал это не зря, потому что ты лишишься здесь жизни, и притом в таких великих мучениях, что это отвадит других от того, чтобы являться в мой дом с враждебными намерениями.

Затем он сорвал с Асбьёрна одежду, поскольку разница в силе между ними была столь велика, что ётун мог в одиночку принимать все решения за них обоих. Асбьёрн увидал, что пещеру разделяла широкая перегородка, а посреди нее было большое отверстие. Чуть поодаль от перегородки стоял могучий железный столб.

– А теперь поглядим, – говорит Бруси, – насколько ты выносливее других людей.

– Недолго проверять, – говорит Асбьёрн. – Удача оставила меня, коли я не смог никак защититься, так что я, похоже, обречен.

И он сказал такую вису:

Силе своей
доверять не должно.
Мощь подведет,
не хватит отваги.
Так в смертный час
изменит удача,
доблесть подспорьем
не станет мужу[46].

После этого Бруси вспорол Асбьёрну живот, вытащил конец его кишок и привязал его к железному столбу. Затем он принялся водить Асбьёрна вокруг

столба, и тот так и ходил кругами, покуда все кишки его не намотались на столб[47]. Все это время он произносил такие висы:

Знать, лебяжьебелой
курган кудрей[48] сыну
расчесывать гребнем
не судьба, скажи ей.
Дал зарок я в Данмёрк[49]
наведаться летом.
Остролезый нынче
меч пронзит героя.

То ли дело прежде –
радостны от браги
корабль уводили
прочь от брега хёрдов[50];
за пивом в беседах
время коротали.
Нынче к троллю в лапы
один угодил я.

То ли дело прежде –
в путь стремились струги,
Сторольвов питомец[51]
стоял, храбр, на штевне;
в Эйрасунд[52] бесстрашный
вел вола прибоя[53].
Нынче предан подло[54]
я в плену у троллей.

То ли дело прежде –
поил вороного
Гейтира[55] Орм в шторме
Хильд[56], длил алчный сечу.
Скормил лихой вдоволь
волку плоти вражьей,
разил дланью тяжкой
в устье Ивы[57] витязь.

То ли дело прежде –
не щадил я в шхерах
мужей, жвачки волчьей[58]
мог отведать каждый.
Споро Орм слал стрелы,
полегла у Эльва[59]
Мидьюнга недвижна
родня[60] в граде дротов[61].

То ли дело прежде –
держались мы вместе:
Гаут и Гейри,
Глум и Старри,
Сам и Сэминг,
сыны Оддвёр,
Хаук и Хама,
Хрок и Токи.

То ли дело прежде –
бороздили море
Храни и Хёгни,
Хьяльм и Стевнир,
Грани и Гуннар,
Грим и Сёрквир,
Туми и Торви,
Тейт и Гейтир[62].

То ли дело прежде –
стойкий в стоне копий[63]
отступать не думал,
рад разить я рати
шипом щита[64] вражьи:
охоч был до сечи.
Вел мужей в сраженье
всегда Орм бесстрашный[65].

Хмуро Орм
взирал бы, верно,
на муку эту,
когда б мог видеть.
Плохо придется
троллю, коль он
о пытке прослышит, –
и поделом.

Затем Асбьёрн расстался с жизнью мужественно и с большим достоинством.

8. Орм встречается с Менглёд на Овечьем Острове

Теперь надо рассказать о том, что те трое, которым удалось спастись, гребли что есть силы без передышки, пока не добрались до материка. Они поведали о том, что произошло во время их поездки, и сказали, что Асбьёрн, по их мнению, мертв, хотя они и не могут ничего рассказать об обстоятельствах

его гибели. Они уплыли на корабле вместе с торговыми людьми и прибыли на юг в Данию. И вот эта весть разносится повсюду, и все находят ее весьма удивительной.

В то время в Норвегии сменился правитель – Хакон ярл умер и в страну явился Олав сын Трюггви и начал проповедовать всем правую веру[66].

Орм сын Сторольва получил в Исландии известие о поездке и предполагаемой гибели Асбьёрна и счел это величайшей утратой. Он не пожелал дольше оставаться в Исландии, взошел на корабль в Китовом Фьорде[67] и уехал из страны. Они высадились на севере Норвегии, и он провел зиму в Трандхейме. К тому времени Олав уже три зимы был конунгом Норвегии.

Весной Орм снарядился в поездку на Овечьи Острова. У него на корабле было почти столько же народу, сколько у Асбьёрна. Они причалили к меньшему из Овечьих Островов поздно вечером, разбили шатер на берегу и заночевали там. Рассказывают, что Орм принял неполное крещение[68] в Дании, а затем крестился в Исландии.

А когда Орм уснул, он увидал, что в шатер вошла женщина, статная и решительная, она была нарядно одета и пригожа лицом. Она приблизилась к тому месту, где лежал Орм, и остановилась. Орму привиделось, что он поздоровался с нею и спросил ее имя, а она ответила, что ее зовут Менглёд[69] и она дочь Офотана из Офотансфьорда[70], что на севере:

– Мы с Бруси единокровные брат и сестра, так что у нас один отец, однако у меня мать – женщина, а у него – черная как уголь кошка, что живет в его пещере. Но хотя мы и состоим в родстве, нравом мы несхожи. Он правит дальним островом, и тот остров намного лучше этого. Соседство с ним доставляет мне столько неприятностей, что я подумываю о том, чтобы уехать отсюда. Мне известно, зачем ты явился: ты намерен отомстить за Асбьёрна, твоего побратима, и тебя нельзя за это винить, потому что он был храбрец, каких мало. Ты, верно, не прочь узнать, как он был убит, однако, кроме меня и Бруси, об этом мало кто может рассказать.

Тут она начала свой рассказ и поведала все о гибели Асбьёрна, а также сказала все висы, которые тот произнес:

– И я не могу предвидеть, что окажется сильнее – ворожба Бруси и его матери или твоя удача. Но ты – единственный человек, которого он страшится, и он уже сделал все приготовления на тот случай, если ты вздумаешь пожаловать к нему. Он приволок скалу и загородил ею вход в пещеру, так что, пока она там стоит, никто не сможет проникнуть внутрь, и, несмотря на всю твою силу, тебе не одолеть Бруси и не отодвинуть эту скалу. Однако у меня есть для тебя рукавицы: у них такое свойство, что тот, на чьи руки они надеты, никогда не испытывает недостатка в силе[71]. Если выйдет так, что тебе удастся победить Бруси, я требую, чтобы ты отдал мне власть над Овечьим

Островом. Я решила тебе помочь, потому что ты мне приглянулся, хотя нам и не придется насладиться друг другом из-за твоей веры[72].

После этого женщина исчезла, а Орм проснулся, и рукавицы были подле, и он припомнил все висы. Тут Орм встал, разбудил своих спутников и отплыл на остров. Там он поднялся на берег и приказал своим людям дожидаться его на корабле до завтрашнего дня, а если он не возвратится к этому же времени, – уплыть.

9. Убийство Бруси

И вот Орм идет, пока не приходит к пещере. Тут он замечает огромную скалу, и вид у нее такой, что, кажется ему, ни одному человеку не под силу будет убрать ее оттуда. И все же он натягивает рукавицы, подарок Менглёд, хватает скалу и оттаскивает ее от входа. Думается Орму, что никогда еще его сила не подвергалась такому великому испытанию.

Затем он заходит в пещеру, положив у входа свой меч, на котором были насечены тайные знаки[73]. Не успел он войти, как видит, что на него мчится кошка с разинутой пастью. У Орма были с собой лук и колчан. Он положил стрелу на тетиву и выпустил в чудище три стрелы, однако она поймала их зубами и перекусила. Тогда она набрасывается на Орма и вонзает ему в грудь когти, да так, что Орм падает на колени, а ее когти проникают сквозь одежду и пронзают его плоть до самых костей. Потом она пытается укусить его в лицо. Понимает он тут, что ему, похоже, несдобровать, и взывает к самому Богу и святому апостолу Петру, обещая, что если он победит эту кошку и сына ее Бруси, то совершит паломничество в Рим. После этого Орм замечает, что у кошки поубавилось силы. Тогда он хватает ее одной рукой за горло, а другой за хребет, перегибает назад, переламывает ей хребет пополам и бросает ее мертвую.

После этого Орм замечает широкую перегородку, которая стояла посреди пещеры. Он идет вглубь, а когда подходит к перегородке, то видит, что из нее торчит большущее копье. Было оно и толстое, и длинное. Орм хватается за копье и пытается вытащить его. Тогда Бруси тянет копье к себе, но оно сидит крепко и не поддается. Бруси удивился и выглянул сверху из-за перегородки. И как только Орм увидал его, он ухватился обеими руками за его бороду, а Бруси отпрянул. Принялись они тут тянуть изо всех сил каждый в свою сторону поверх перегородки. Орм накрутил бороду Бруси себе на руку и потянул с такой силой, что вырвал ее с корнем, а впридачу к ней подбородок, обе челюсти и кожу с обеих щек до самых ушей. Вместе с кожей сошло все мясо до самых костей[74]. Бруси нахмурил брови и скорчил ужасную гримасу.

Тут Орм перемахнул через перегородку. Они схватились и начали бороться, и это продолжалось довольно долго. Бруси вскоре выдохся из-за потери

крови и стал отступать. Тогда Орм собирается с силами, прижимает Бруси к перегородке и запрокидывает его над нею.

– Давно уже мое сердце подсказывало мне, – сказал Бруси, – стоило мне только услыхать о тебе, что ты доставишь мне кое-какие неприятности, и так оно и случилось. Я бы предпочел, чтобы ты покончил с этим поскорее и снес мне голову. И то правда: я долго мучил Асбьёрна Горделивого, когда я вывернул наружу все его кишки, однако он не дрогнул до самой смерти.

– Ты совершил большое злодейство, – говорит Орм, – доставив столь жестокие мучения такому храбрецу, как он, и в напоминание об этом ты коечто получишь.

Он выхватил кинжал и вырезал у него на спине кровавого орла – удалил все ребра, а потом вытащил легкие[75]. Так Бруси лишился жизни, и это был довольно бесславный конец.

Потом Орм развел огонь и сжег дотла и Бруси, и кошку. Покончив с этим, он покинул пещеру с двумя сундуками, наполненными золотом и серебром. Все же прочие ценности вместе с островом он отдал Менглёд, и они расстались большими друзьями. Орм воротился к своим людям в назначенный час, и они отплыли на материк. Орм провел в Трандхейме вторую зиму.

10. Об Орме и Эйрике

Летом Орм собрался в паломничество в Рим, и его путешествие было удачным. Осенью, после битвы при Свёльде[76], он вернулся с юга в Данию и там услыхал о том, что произошло. Тогда он отправился в Норвегию на встречу с Эйриком ярлом. Он застал его в Хладире[77], явился к нему и приветствовал его. Ярл принял его хорошо и спросил, как его зовут. Тот назвался Ормом. Ярл спросил:

– Так ты Орм Силач?

– Можете называть меня так, государь, если вам угодно. А дело у меня такое: я хотел бы погостить у вас этой зимой.

Ярл сказал, что он может остаться, и отвел ему место на главной скамье поближе к выходу[78]. Зимой Орм был молчалив и держался особняком.

Как-то раз речь зашла о битве при Свёльде и о том, с какой отвагой защищались воины Олава конунга и как нескоро была одержана победа над Змеем[79], а также о том, сколь яростен был натиск Эйрика ярла, раз ему удалось одолеть корабль, который все считали непобедимым в открытом море.

Орм сказал на это:

– Будь я среди воинов конунга, с Великим Змеем пришлось бы биться подольше.

И вот ярлу докладывают, что Орм, мол, разглагольствовал о том, что Великий Змей был бы непобедим, когда б на нем был он. Ярл посылает тогда

за Ормом и спрашивает его, правда ли, что он говорил, будто победа над Змеем никогда не была бы одержана, если бы он был там.

– Нет, государь, – говорит Орм, – я сказал только, что, будь я там, Змей был бы побежден не так скоро.

Ярл отвечает:

– От одного человека мало что могло зависеть, когда там было собрано столько могучих воинов. Но все же давай-ка проверим. Ты взойдешь на корабль один, а на тебя нападут пятнадцать боевых кораблей, и это – лишь малая часть той флотилии, что была при Свёльде.

– Вам решать, государь, – сказал Орм, – однако я не намерен сдаваться, пока не буду побежден.

Орм вышел и взял толстенную палицу длиной в тринадцать локтей[80]. Затем он взошел на борт и отплыл. После этого собрали людей на пятнадцати боевых кораблях, и они все разом напали на Орма. Рассказывают, что за короткое время Орм потопил семь кораблей, все они были разбиты в щепы. Тогда ярл приказал им прекратить эту игру, и они так и сделали. Почти все люди были спасены.

Потом ярл повелел, чтобы шестьдесят человек выступили против Орма в открытом поле, и это было исполнено. У Орма не было при себе другого оружия, кроме палицы, и он вертел ею над головой, словно это была дощечка, так что никто не смел приблизиться к нему: они видели, что каждому, кто окажется рядом, грозит верная смерть. Тогда ярл распорядился прекратить эту игру, и они так и сделали[81].

Ярл сказал:

– Не думаю, Орм, что было преувеличением сказать, что, будь ты на Великом Змее, он бы продержался подольше, потому что он ни за что не был бы побежден, если бы его защищал ты.

После этого Орм сделался дружинником Эйрика ярла и благодаря своим достоинствам пользовался большой любовью ярла.

11. Орм является к Эйнару в Гимсар

Как-то раз Орм отправился посетить усадьбы своих друзей в Трандхейме, места, где он уже бывал прежде. По дороге он заехал в Гимсар. Эйнар[82] тогда был дома. Это случилось, когда Эйнар был в церкви. Лук его стоял снаружи перед церковными дверями. Орм подошел и поднял его. Он положил стрелу на тетиву, оттянул ее назад так далеко, что наконечник стрелы уперся в лук, и так и оставил стрелу стоять в луке. Затем он положил лук на прежнее место и ушел.

А когда Эйнар вышел, он увидал, что сталось с его луком, и очень изумился. Он принялся расспрашивать, кто брал его лук, но ему долго не удавалось

ничего выяснить, пока Орм сам не сказал ему. Эйнар ответил, что знал, что тот, кто смог растянуть его лук на длину стрелы до самого ее острия, уж точно был не слабак.

Эйрик ярл ездил по пирам[83] на востоке в Вике. Орм был тогда с ярлом. Когда же они прибыли в то место, где был разрушен Великий Змей[84], там лежала его мачта. Ярлу захотелось проверить, сколько людей потребуется, чтобы взвалить ее на плечи. Орма он поставил посредине. Мачту подняли шестьдесят человек. Затем ярл приказал, чтобы те, кто стояли по краям, отходили один за другим. Так продолжалось, пока под мачтой не остался стоять один Орм. Тогда он прошел с нею три шага, а потом опустил ее на землю. Говорят, Орм после этого был уже не тот, что прежде.

Орм пробыл у ярла несколько зим, а потом уехал в Исландию и поселился на дворе у Сторольвова Пригорка. Все считали его недюжинным человеком. Он умер в глубокой старости и до конца оставался приверженным своей вере.

ПРЯДЬ О ХАУКЕ ЗАДАВАКЕ

Когда Харальд[1] пришел к власти в Норвегии, конунгом в Швеции был Бьёрн с Кургана[2]. После этого конунгом в Швеции в течение сорока зим, а то и дольше, был Энунд[3], а затем Эйрик[4], его сын. Он был женат на Ингигерд[5], дочери Харальда Прекрасноволосого. Шведы приносили ей жертвы и увезли ее на один остров, однако Хальвдан Черный, ее брат, забрал ее оттуда и увез с собой[6]. После этого между Харальдом конунгом и Эйриком конунгом шведов было долгое немирье.

Как-то раз летом Харальд конунг призывает к себе человека, которого он очень любил, Хаука Задаваку[7], и говорит:

– Теперь, когда я освободился от всех войн и покончил с немирьем здесь в стране, мы можем наконец пожить в покое и в радости. Мы хотим послать вас этим летом в Восточную Державу[8], чтобы ты купил мне там какое-нибудь отменное сокровище, которое в наших странах в диковину.

Хаук отвечает, что в этом деле, как и в любом другом, решать конунгу. Затем конунг отпускает от себя людей, которые прежде находились при нем, и они разъезжаются по разным странам.

И вот Хаук со своими верными спутниками отправляется в путь на одном корабле и осенью приезжает на восток в Хольмгард[9] и остается там зимовать.

Он прибывает в торговое место, куда съехалось множество народу из разных стран. Туда же явились воины Эйрика конунга из Уппсалы, Бьёрн Синий Бок[10] и Сальгард Рубаха. Оба они были люди очень заносчивые и ни в грош не ставили всех остальных.

Однажды Хаук шел по городу со своими людьми, намереваясь купить для Харальда конунга, своего господина, что-нибудь ценное. Тут он подходит к месту, где сидел человек из Гардарики[11]. Хаук увидал у него дорогой плащ, сплошь расшитый золотом. Хаук покупает плащ, вносит за него залог и уходит за остальными деньгами. А раньше в тот же день Бьёрн требовал продать этот плащ для конунга шведов, теперь же была предложена более высокая цена, и как только Хаук вышел, туда является слуга Бьёрна и говорит купцу, что негоже, чтобы Бьёрну не достался этот плащ, а купец говорит ему, как обстоит дело. И вот слуга уходит и докладывает обо всем Бьёрну, и в этот же самый момент приходит Хаук с тем, что еще причиталось за плащ, расплачивается, забирает его и выходит. Тут навстречу ему выступают Бьёрн и Сальгард и спрашивают, отчего это у него оказался тот самый плащ, что был куплен ими. Хаук отвечает им, что это он купил плащ и что теперь он принадлежит ему. Бьёрн сказал, что Эйрику конунгу подобает первому получать любые сокровища, поскольку он – верховный конунг в Северных Странах.

Хаук отвечает:

– Харальд конунг не привык уступать то, что ему принадлежит, конунгу шведов.

Он посылает слугу отнести плащ домой, однако те осыпают их обоих угрозами, а Сальгард говорит, что желает, чтобы они поборолись за то, кому должен достаться плащ, а также за то, чей конунг должен называться первейшим. Хаук отвечает, что они, конечно же, могут сразиться из-за покупки плаща, – «однако я не намерен, – говорит он, – доверять оружию честь моего конунга».

Тут к Хауку подходит какой-то человек, низкорослый и толстый. Хаук спросил, как его зовут, и тот назвался Буи.

– У меня тут меч, который я хотел бы тебе дать, если ты собираешься биться с Бьёрном и Сальгардом, и можешь не сомневаться: он разит как следует.

Хаук взял его, оглядел и сказал:

– Спасибо тебе за меч, но я не приму его, так как у меня хватает оружия, которое способно разить, если на то достанет отваги и боевого духа. Однако впредь я стану звать тебя Буи Острый Меч.

Буи отвечает:

– Харальд конунг, верно, не отказался бы, если б я предложил ему этот меч, но будь что будет, и надо надеяться, что вы с конунгом еще не раз встретитесь.

После этого он поворачивается и уходит. Затем между Хауком, Бьёрном и Сальгардом завязывается бой. У Хаука нашлось больше сторонников, так что перевес был на его стороне. Там полегло несколько человек и многие были ранены. Хаук одержал победу, но тут между ними бросились жители страны и развели их. Шведам это не понравилось, и они так и отправились домой ни с чем. Об этом прослышали в Норвегии, а также о том, какие требования выдвигал Сальгард, и Харальд конунг был в большом гневе.

Хаук приезжает домой и отправляется к конунгу. Харальд нахмурился и спросил:

– Правду ли говорят, Хаук, будто ты доверил мою честь своему оружию?

– Это не так, государь.

Тогда Хаук рассказывает, как было дело. Харальд конунг был очень доволен и сказал:

– Ты, Хаук, надо думать, стал сильно задаваться, одержав победу над воинами Эйрика конунга?

– И то правда, – ответил Хаук. – Но, пожалуй, ничуть не меньше, чем в Англии, когда я посадил на колени Адальстейну, конунгу англов, твоего сына Хакона[12].

Тут конунг улыбнулся. После этого Хаука прозвали Задавакой.

Люди рассказывают, что никогда еще в Норвегию не привозили более драгоценного плаща.

Бьёрн и Сальгард встречаются с Эйриком конунгом и рассказывают ему, какое большое оскорбление нанес ему Хаук, а также о том, что Харальда конунга почитают не менее уважаемым правителем. Эйрику конунгу это совсем не понравилось, и из-за этого между ним и Харальдом конунгом возник разлад.

К Харальду конунгу и Хауку Задаваке приходит Вигхард

Случилось однажды, что Эйрик конунг велел устроить угощение по случаю праздника середины зимы. Сам он уселся на почетное сиденье, и дружина расположилась на своих местах, однако снаружи на страже стояли люди, и они заметили человека на лыжах. Он проворно подбежал и сошел с лыж. Это был рослый человек в плаще из волчьего меха. Ему был оказан радушный прием. Он сбросил меховой плащ и остался в алом наряде. На голове у него был шлем, он был подпоясан мечом, и вид у него был хоть куда. У него были густые и красивые волосы, и он казался самым статным и могучим из мужей. Он предстал перед конунгом и приветствовал его. Тот принял его хорошо и решил, что перед ним знатный человек. Конунг спрашивает, как его зовут, какого он рода и откуда происходит. Он назвался Вигхардом и сказал, что родом из Халогаланда:

– А дело у меня такое: не пожелаете ли вы принять меня к себе на службу на тех же условиях, на которых прежде приняли Бьёрна и Сальгарда?

Конунг отвечает:

– Спору нет, ты человек видный. Но все же, не испытав тебя, я не могу оценить тебя столь же высоко, как тех из моих людей, кто множество раз шли ради меня на риск и показали себя отменными воинами.

Вигхард говорит тогда:

– Желаю здравствовать, государь, – после чего выходит, надевает плащ и становится на свои лыжи.

Харальд конунг устроил тогда же пир по случаю праздника середины зимы на севере в Гудбрандсдалире, и на второй день случилось так, что люди конунга затеяли на дворе игры, а конунг сидел и наблюдал за ними, усадьба же стояла под горой.

Тут конунг сказал:

– Что это там на горе: никак вихрь, или это человек бежит на лыжах?

Снег взметался и клубился, но поскольку ветер не усиливался и не ослабевал, они решили, что, должно быть, это все же человек, хотя и мало кто осмелился бы сбежать там вниз. Вскоре он домчался до того места, где происходили игры, предстал перед Харальдом конунгом и поздоровался с ним. Конунг милостиво ответил на его приветствие и заметил, что тот, похоже, человек недюжинный. Тот излагает свое дело и предлагает ему свою службу, если он примет его в свою дружину.

Конунг отвечает:

– Если твои доблести под стать твоему виду, то быть тебе в большом почете.

Конунг призывает к себе Хаука и спрашивает, желает ли он, чтобы этот человек был в дружине вместе с ним и другими воинами. Тот ответил конунгу согласием. Они ни в чем не уступали друг другу. И вот Вигхард был принят в дружину и стал одним из воинов конунга.

Харальд отправляет в путь Хаука и Вигхарда

Одним летом Харальд конунг говорит, что хочет послать Хаука на север в Бьярмаланд[13] за мехом, а когда Вигхард узнает об этом, он говорит, что тоже не прочь поехать. Конунг отвечает, что не хотел бы лишать его подобной чести. И вот каждый из них велит снарядить себе корабль, а когда оба они приготовились к отъезду, конунг устраивает для них угощение и говорит, что он отсылает от себя людей, потеря которых была бы для него всего тяжелее:

– Однако сдается мне, что Эйрик конунг может прознать о вашей поездке, и тогда он, скорее всего, захочет припомнить вам то, как тебе, Хаук, достался плащ в Хольмгарде. Я знаю, что Эйрик конунг вполне может прибегнуть

к жертвоприношениям ради того, чтобы заручиться помощью в этом деле. Но я отправляю вас к моей воспитательнице, которую зовут Хейд[14] и которая живет на севере у Гандвика[15]. Слушайтесь во всем ее советов. Я посылаю ей золотое обручье весом в двенадцать эйриров, двух копченых старых диких кабанов и два бочонка масла.

После этого они уезжают, захватив с собой надежных людей и оружие.

Эйрик конунг узнает об их поездке и говорит Бьёрну и Сальгарду, что желает, чтобы те отправились на север в Суртсдалир[16] и Бьярмаланд. А летом Эйрик конунг велит устроить в Уппсале пир. Затем он велит отправить две повозки в то место, где он приносил жертвы богу, которого звали Лютир[17]. Тогда был такой обычай, что повозки должны были стоять там всю ночь, а Лютир приходил туда наутро, однако на этот раз, вопреки своему обыкновению, он не явился, и конунгу доложили, что Лютир не склонен ехать. Повозка простояла там две ночи, а он так и не пришел. Тогда конунг стал совершать еще больше жертвоприношений, чем прежде, и на третье утро они заметили, что Лютир явился. Повозка стала такой тяжелой, что лошади выбились из сил, пока дотащили ее до конунговых палат. Затем повозку установили посреди палаты. Конунг подошел к ней с рогом, приветствовал Лютира и сказал, что выпьет его целиком за его здоровье и что для него куда как важно, что тот решился на эту поездку, и пообещал, как и прежде, наделить его множеством даров. Лютир говорит в ответ, что отправлялся в путь с неохотой и что однажды он уже ездил на север:

– И я повстречал там такого большущего тролля, какого мне еще не доводилось видеть, только он был стар, и я никогда бы не поехал туда опять, когда б знал, что он жив, однако сдается мне, что он уже помер.

Конунг говорит, что скорее всего так и есть. Лютир пообещал конунгу, что будет ему споспешествовать, и сказал, что те могут отправляться в путь.

И вот Бьёрну и Сальгарду снарядили два корабля, а когда они выходили из озера Лёг[18], перед ними плыл боевой корабль с драконьей головой, а над ним – черный шатер. Они не увидели на этом корабле никого, кто держал бы канаты, и он плыл себе вперед, откуда бы ни дул ветер. Затем они направились на север вдоль берега.

Битва Хаука и его спутников с Бьёрном и Сальгардом

Теперь надо рассказать о том, что Хаук и Вигхард приплыли на север к Гандвику и направились к усадьбе Хейд, воспитательницы Харальда конунга, взяв с собой по шесть человек с каждого корабля. Она сидела у огня и зевала во весь рот. На ней было меховое платье с рукавами до локтей. Хаук передал ей привет от Харальда конунга.

Она отвечает:

– Мне в радость получить привет от Харальда конунга, – и говорит, что хочет отправиться на корабль вместе с ними. Она велит им поворачивать назад и говорит, что их поездка обернется бедой. Хаук едва доставал ей до подмышек, при том что он был выше других людей. Первым делом он отдал ей обручье. Тогда она сказала:

– Да славится Харальд конунг! – и надела его себе на руку.

– А еще он послал тебе два копченых окорока.

– Это отменный подарок, – говорит она.

Затем он отдает ей бочонки с маслом. Она говорит:

– Харальд конунг неровня другим. Это большие драгоценности, и прежде я не получала подобных даров. Не отплатить ему за них достойно – все равно что не отплатить вовсе.

Она сует себе оба бочонка под мышку, перекидывает окорока за спину и говорит, что этот дар для нее дороже двух других:

– Мой воспитанник знал, что́ мне больше всего придется по вкусу. А теперь послушайтесь моего совета и следуйте за мной.

Они так и делают. Она разводит огонь и садится по другую сторону от них. Тут они увидали, какой у нее безобразный рот: одна губа свисала до самой груди, а другая была такая широкая, что доставала ей до носа. Она раздела Хаука, ощупала его и сказала:

– Ты человек крепкий и удачливый.

Она приказала Хауку поцеловать ее, и он так и сделал. Потом она велела раздеться Вигхарду. Однако тот не спешил повиноваться. Тогда Хаук тоже попросил его сделать, как она хочет, и это было исполнено. Она сказала:

– Рослый муж и проворный, а силища-то какая!

Она велит ему поцеловать себя. Тот говорит, что пускай ее целуют тролли.

Она отвечает:

– Тебе бы не помешало быть поучтивее, – и говорит, что ему это принесет больше вреда, чем ей.

Она дает Хауку два клубка:

– Если Бьёрн и Сальгард нападут на ваши корабли, кинь их за борт своего корабля.

И вот они плывут на север в Бьярмаланд, и однажды вечером видят, как навстречу им от какого-то острова мчится корабль. Они решили встретиться с этими людьми, чтобы расспросить их о новостях. Тут Хаук узнает в них Бьёрна и Сальгарда. Не тратя много времени на приветствия, они ставят рядом свои корабли и начинают сражаться. Затем они замечают, что у острова стоит боевой корабль с драконьей головой и с него летят стрелы и каждая попадает в цель. Хаук и не вспомнил о клубках, которые ему дала старуха.

Люди падают мертвые вдоль бортов на обоих кораблях. Тогда Хаук и Вигхард переходят на второй корабль, поскольку корабль Вигхарда был очищен от людей. Тут Вигхард идет на нос и прыгает на корабль Бьёрна и Сальгарда. Хаук поступает так же, и оба направляются к мачте. Им навстречу выступают Бьёрн и Сальгард, и между ними завязывается бой. Бой не прекращается, покуда все, кто там стоял, не были ранены. Затем Бьёрн бросился с кормы на Хаука и они принялись сражаться вчетвером. Дело кончилось тем, что Бьёрн пал. Тогда Вигхард нападает на Сальгарда. А когда этого меньше всего можно было ожидать, с боевого корабля с драконьей головой летит стрела и попадает в грудь Вигхарду, и он падает мертвый. Тут только Хаук вспоминает о клубках и в гневе кидает их за борт. Они падают рядом с боевым кораблем, и его от штевня до штевня охватывает пламя. После этого Хаук сразил Сальгарда, однако при этом он потерял глаз. Никто из его людей уже не смог прийти ему на помощь. Затем он переносит свое оружие и одежду в лодку и нигде не задерживается, пока не приплывает назад к старухе Хейд и не рассказывает ей о новостях. Она порадовалась его возвращению. Хейд излечивает его, и потом они вместе отправляются в путь, и она провожает его к тому место, где стояли купцы. Хаук получает место на корабле и уезжает с людьми, которые направлялись на юг вдоль берега. Она возвращается назад, а он не прерывает своего путешествия до тех пор, пока не встречается с Харальдом конунгом и не рассказывает ему обо всем, что произошло. Конунг был очень рад его возвращению.

Про Лютира же надо рассказать, что он воротился к Эйрику конунгу и объявил ему, что впредь не сможет оказывать ему помощь, а причиной тому те раны, которые, по его словам, ему нанес в Норвегии большущий тролль.

Дополнение 1

ПРЯДИ, НЕ ВХОДЯЩИЕ В «БОЛЬШУЮ САГУ ОБ ОЛАВЕ ТРЮГГВАСОНЕ»

ПРЯДЬ О ТОРСТЕЙНЕ СИЛЕ ХУТОРОВ

1

В то время, когда в Норвегии правил Хакон ярл сын Сигурда[1], жил в Гаулардале[2] бонд по имени Брюньольв и по прозвищу Верблюд. Он был лендрманн[3] и муж весьма воинственный. Жену его звали Дагню, она была дочерью Железного Скегги из Ирьяра[4]. У них был сын, которого звали Торстейн. Был он высок и силен, суров и нетерпелив с каждым, с кем ему доводилось иметь дело. Никто в Норвегии не мог сравниться с ним ростом, и едва ли во всей стране нашлись бы двери, в которые он вошел бы без труда, и оттого, что он казался выше большинства домов, его прозвали Силой Хуторов[5]. Торстейн был человек неуживчивый. Он получил от своего отца корабль и команду и с той поры с одинаковым успехом отправлялся попеременно то в походы, то по торговым делам.

В то время к власти в Норвегии пришел Олав конунг сын Трюггви, Хакону же ярлу перерезал горло его раб, которого звали Тормод Карк[6]. Торстейн Сила Хуторов сделался дружинником Олава конунга, и тот считал его человеком храбрым и очень ценил, однако другие дружинники его недолюбливали, так как он казался им слишком своевольным и упрямым. Конунг часто посылал его с поручениями, от которых уклонялись другие, и бывало, он отправлялся в торговые поездки, чтобы добыть для конунга какие-нибудь сокровища.

2

Однажды Торстейн стоял восточнее Балагардссиды[7] в ожидании попутного ветра. Как-то раз утром он поднялся на берег, и когда солнце стояло на юго-востоке, вышел на поляну. На поляне был прекрасный холм, на вершине которого Торстейн увидал коротко стриженного мальчугана[8]. Тот сказал:

– Подай-ка мне, мать, мою гнутую палку и вязаные рукавицы, – говорит он. – Я собираюсь отправиться на ведьмовские скачки, ведь нынче в подземной стране праздник.

Тут из холма выскочила гнутая палка, похожая на кочергу. Он сел верхом на палку, натянул рукавицы и пустился вскачь, как обычно поступают дети.

Торстейн взошел на холм и произнес те же слова, что и парнишка. Тотчас же из холма были выкинуты палка и рукавицы и кто-то произнес:

– Кто просит об этом?

– Бьяльби, твой сын, – ответил Торстейн.

Затем он сел верхом на палку и поскакал вслед за парнишкой. Они подъехали к широкой реке и бросились в нее, и больше всего это походило на то, как если бы они брели в густом дыму[9]. Вскоре перед их глазами прояснилось, и они подошли к месту, где река низвергалась со скал. Видит тут Торстейн обширную заселенную местность и большой город. Они направились в город. Люди там как раз сидели за столами.

Они заходят в палаты. Они были полны людей, и все, кто там был, пили только из серебряных кубков. При входе стоял стол, где разливали питье. Ему показалось, что все там было из золота и никто не пил ничего, кроме вина. Тут Торстейн заметил, что оба они остаются невидимыми для всех. Его спутник прошелся вдоль столов, подбирая все, что с них падало. На престоле сидели конунг и конунгова жена, и в палатах царило веселье.

Вслед за этим видит Торстейн, как в палаты входит человек и приветствует конунга. Он говорит, что явился к нему из Индии[10], из горы, которая носит название Луканус, и что он посланец тамошнего ярла, и объявляет конунгу, что сам он альв[11]. Он поднес конунгу золотое запястье, и тот решил, что ему не доводилось видеть ничего лучше. И вот запястье пускают вкруговую, чтобы люди могли на него посмотреть, и все его расхваливают. Это запястье разнималось в четырех местах. Торстейн увидал там и еще одно сокровище, которое показалось ему весьма ценным. То была скатерть, что лежала на столе, за которым сидел конунг. Она была обшита золотой каймой, и в кайму эту была вставлена дюжина драгоценных каменьев, прекраснее которых не сыщешь[12]. Уж очень Торстейну захотелось заполучить эту скатерть. Пришло ему тогда в голову попытать конунгову удачу[13] и проверить, не удастся ли ему завладеть этим запястьем. Видит тут Торстейн, что конунг собирается надеть запястье себе на руку, выхватывает его у него, а другой рукой хватает скатерть, так что вся снедь летит с нее прямиком в грязь, а сам устремляется к дверям, позабыв в палате свою гнутую палку.

Поднялся большой шум, люди выбежали наружу, увидали, в какую сторону направился Торстейн, и бросились за ним. Видит он, что они могут его настичь, и говорит:

– Если ты, Олав конунг, настолько же хорош, насколько велика моя вера в тебя, помоги мне!

Торстейн бежал так быстро, что они не смогли догнать его, пока он не добрался до реки и не остановился на берегу. Тогда они окружили его, однако Торстейн храбро защищался и, прежде чем подоспел его попутчик и отдал ему палку, убил бессчетное множество врагов. Затем они не мешкая бросились в реку и, когда солнце стояло на западе, воротились на тот самый холм, о котором нам уже доводилось слыхать. Парнишка забросил в холм палку и мешок, который он наполнил всякими лакомствами. Так же поступил и Торстейн. Стриженый мальчик вбежал внутрь, а Торстейн примостился у оконца. Он увидал там двух женщин, одна ткала драгоценную ткань, а другая качала в колыбели дитя. Эта женщина сказала:

– Что бы это могло задержать Бьяльби, твоего брата?

– Нынче он не ездил со мной, – сказал тот.

– Кто ж тогда отправился в путь с гнутой палкой? – спрашивает она.

– Это был Торстейн Сила Хуторов, – отвечает стриженый парнишка, – дружинник Олава конунга. Из-за него мы попали в довольно трудное положение, так как он унес из подземной страны вещи, которых не найти в Норвегии. И вполне могло выйти так, что мы оба были бы убиты, ведь он позабыл у них свою палку, а они были готовы преследовать его до конца, да только я принес ему его палку[14]. Наверняка он человек отважный – даже не знаю, сколько он там перебил народу.

Тут холм закрылся вновь.

После этого Торстейн отправился назад к своим людям, и они уплыли в Норвегию. Он нашел Олава конунга на востоке в Вике, отдал ему сокровища[15] и рассказал о своей поездке. Люди сочли его рассказ весьма удивительным. Конунг предложил Торстейну принять от него в лен большие поместья, однако тот отвечал, что хотел бы отправиться в еще одну поездку в Восточные Страны[16]. Зиму он провел с конунгом.

3

Весной Торстейн снарядился в путь. У него был боевой корабль и команда в две дюжины человек. Он прибыл в Ямталанд[17] и как-то раз остановился в одной бухте и сошел на берег, чтобы развлечься. Он вышел на поляну, где был большущий валун, и увидал неподалеку от него на редкость безобразного карлика. Тот вопил благим матом, разевая рот до ушей, и Торстейну показалось, что при этом его нос свешивался до подбородка. Торстейн спрашивает, с чего это он ведет себя как безумный.

– Чего ж удивляться, добрый человек! – отвечал тот. – Разве ты не видишь огромного орла, что летит там? Он унес моего сына. Я думаю, этот дьявол был послан Одином, а я умру от горя, если потеряю свое дитя.

Торстейн пустил в орла стрелу и попал ему под крыло. Орел рухнул вниз мертвый, а Торстейн подхватил на лету ребенка карлика и отдал его отцу. Карлик очень обрадовался и сказал:

– Я и мой сын должны отплатить тебе за его спасение[18], так что выбирай себе награду, какую захочешь, – золото и серебро.

– Ты бы лучше позаботился о своем сыне, – сказал Торстейн, – а я не привык брать плату за свою ловкость.

– Раз так, я все равно остаюсь у тебя в долгу, – говорит карлик. – Может быть, ты все же согласишься принять в дар мою рубаху из овечьей шерсти? Покуда ты будешь носить ее на теле, ты сможешь плавать без устали и никто не нанесет тебе раны[19].

Торстейн надел рубаху, и она пришлась ему впору, хотя казалось, что она слишком мала даже для карлика. Затем тот вынул из кошеля серебряное кольцо, отдал его Торстейну и наказал беречь его, сказав, что, пока он владеет этим кольцом, он не будет испытывать нужды в деньгах[20]. А еще он дал Торстейну черный камень:

– Если ты спрячешь его в ладони, тебя никто не увидит[21]. Больше у меня нет ничего такого, что могло бы принести тебе пользу. Однако ради потехи я хочу дать тебе еще этот кристалл.

Тут он вынул из кошеля кристалл, а за ним стальное стрекало. Кристалл этот был треугольный и посредине белый, одна сторона его была красная и вокруг нее желтый ободок.

Карлик сказал:

– Если ты уколешь кристалл острием там, где он белый, разразится такая свирепая снежная буря, что никто не сможет этого вынести. А если ты захочешь растопить выпавший снег, тогда ты должен ткнуть туда, где кристалл желтый, и выглянет солнце, и все растает. Но ежели ты ткнешь туда, где он красный, то из него вырвется пламя, сажа и целый дождь искр, так что никому не под силу будет на это смотреть. А еще ты можешь швырнуть кристалл со стрекалом во что захочешь, и он сам вернется к тебе в руки[22], стоит тебе только позвать. Вот и все, чем я могу тебе теперь отплатить.

Торстейн поблагодарил его за подарки и воротился к своим людям. Решил от тут, что, пожалуй, не зря отправился в эту поездку. Вслед за тем задул попутный ветер, и они поплыли в Восточные Страны. Потом их окутал туман и они сбились с пути, и целых полмесяца кряду они не ведали, где плывут[23].

4

Однажды вечером они заметили, что находятся недалеко от берега. Тогда они бросили якорь и заночевали там. Утром стояла хорошая погода и сияло солнце. Оказалось, что они зашли в длинный фьорд. По берегам его они увидали красивые горные склоны и леса. На борту не нашлось никого, кто знал бы, что это за страна, и они не увидали там никакой живности – ни зверей, ни птиц.

Они разбили на берегу палатку и расположились там.

Наутро Торстейн сказал своим людям:

– Я должен поставить вас в известность о своих намерениях. Вам придется подождать меня здесь шесть ночей, так как я решил выяснить, что это за страна.

Они были очень обеспокоены этим решением и захотели отправиться вместе с ним, однако Торстейн воспротивился этому:

– И ежели я не вернусь раньше, чем солнце зайдет семь раз, – говорит он, – уплывайте восвояси и так и скажите Олаву конунгу, что мне, видно, не суждено воротиться домой.

Затем они пошли вместе с ним в лес, после чего он скрылся из виду, а они возвратились назад к кораблю и поступили так, как их просил Торстейн.

Теперь надо рассказать о Торстейне, о том, как весь тот день он шел по лесу и ничто не привлекло его внимания, пока на исходе дня он не вышел на широкую дорогу. Он шел этой дорогой до наступления сумерек, а потом свернул с нее, направился к могучему дубу и взобрался на него. На дереве оказалось довольно места, чтобы улечься, там он и заночевал[24]. Когда взошло солнце, он услыхал громкий топот и человеческую речь. Тут он увидал, как верхо́м едет множество народу. Он насчитал двадцать два всадника, и они промчались мимо него на полном скаку. Торстейн немало подивился их росту: прежде он никогда не видывал столь высоких людей. Торстейн оделся. Продолжалось утро, и наконец солнце добралось до юго-востока.

5

И вот видит Торстейн, как едут три человека, хорошо вооруженные и такие высоченные, каких ему никогда раньше не доводилось видеть. Самый рослый из них ехал посредине в расшитой золотом одежде и верхом на мышастом коне, а двое других ехали на серых лошадях и были одеты в красное.

Когда они поравнялись с тем местом, где находился Торстейн, их предводитель остановился и сказал:

– Никак там что-то живое на дубе.

Тогда Торстейн вышел перед ними на дорогу и приветствовал их. Те разразились громким смехом, а рослый человек сказал:

– Нечасто нам случается видеть таких людей! Как тебя зовут и откуда ты будешь?

Торстейн назвал себя и сказал, что его прозвище Сила Хуторов, – «а родом я из Норвегии и я дружинник Олава конунга».

Рослый человек улыбнулся и сказал:

– То, что рассказывают о великолепии его двора, должно быть большой ложью, коли при нем нет никого доблестнее тебя. Сдается мне, тебе скорее подойдет прозвище Малец Хуторов[25], чем Сила Хуторов.

– В честь наречения имени надобно что-нибудь дать[26], – говорит Торстейн.

Рослый человек снял с пальца золотое кольцо и отдал Торстейну, оно было весом в три эйрира[27].

Торстейн спросил:

– Как тебя зовут и какого ты звания? И в какую страну я приехал?

– Меня зовут Гудмунд, и я правитель местности, что зовется Гласисвеллир[28], и она находится в подчинении у державы, которую называют Страной Великанов[29]. Я сын конунга, слуг же моих зовут одного Силач-Хоть-Куда, а другого Силач-Каких-Мало[30]. Не заметил ли ты – не проезжал ли здесь кто нынче утром?

Торстейн сказал:

– Здесь мимо проехали двадцать два человека, и вели они себя не больно-то скромно.

– Это были мои люди, – говорит Гудмунд. – Тут по соседству лежит страна, которая называется Ётунхейм, там правит конунг по имени Гейррёд[31], а мы его данники. Моего отца звали Ульвхедин Верный, но он был прозван Гудмундом, как и все, кто проживают на Гласисвеллир. Мой отец отправился в усадьбу Гейррёда, чтобы вручить конунгу дань, и во время этой поездки погиб. Конунг послал мне приглашение, чтобы я приехал на тризну по моему отцу и принял те же звания, которые носил он, однако нам вовсе не по нраву служить ётунам.

– Отчего ж ваши люди ехали впереди вас? – спрашивает Торстейн.

– Нашу страну разделяет большая река, – говорит Гудмунд, – она называется Хемра[32], и река эта настолько глубокая и быстрая, что ее не перейти вброд ни одному коню, кроме тех, которыми владеем я и мои спутники. Остальным же пришлось поехать к истокам реки, и нынче вечером мы встретимся.

– Забавно было бы поехать с вами, – говорит Торстейн, – и посмотреть, что там произойдет.

– Не знаю, гоже ли это будет, – говорит Гудмунд, – ведь ты, верно, человек крещеный.

– Я в состоянии позаботиться о себе, – говорит Торстейн.

– Мне бы не хотелось, чтобы из-за меня у тебя были неприятности, – сказал Гудмунд. – Однако если Олав конунг дарует нам свою удачу[33], я мог бы рискнуть и захватить тебя с собой.

Торстейн ответил, что готов ему в этом поклясться. Гудмунд велел ему сесть сзади, и тот так и сделал. Затем они поскакали к реке. На берегу стоял дом, и там они взяли себе другую одежду и переоделись в нее, а также одели своих лошадей. У одежды этой было такое свойство, что сквозь нее не проникала вода, вода же там была такая холодная, что сразу же вызывала омертвение в том месте, куда она попала. И вот они переправляются через реку. Лошади бодро двинулись вброд, но тут конь Гудмунда споткнулся, и у Торстейна намок большой палец на ноге и тотчас же омертвел. Когда они выбрались из воды, то разложили на берегу одежду для просушки. Тут Торстейн отсек себе большой палец[34], и все они подивились его мужеству.

Затем они поехали дальше своим путем. Торстейн сказал, что им нет нужды прятать его:

– Потому что я могу делать так, что меня никто не увидит, как если бы у меня был шлем-невидимка.

Гудмунд сказал, что это хорошее умение.

И вот они подъезжают к городу, и там к ним присоединяются люди Гудмунда. Затем они въезжают в город. Они слышат, как раздаются звуки всевозможных музыкальных инструментов, однако Торстейну они показались нестройными. Тут навстречу им выходит Гейррёд конунг и радушно их приветствует. Им отводят для ночлега каменный дом, или покой, и отряжают людей, чтобы те поставили их коней в стойло.

Гудмунда проводили в конунговы палаты. Конунг восседал на престоле, а подле него ярл по имени Агди, он управлял местностью, которая называется Грундир[35] и лежит между Страной Великанов и Ётунхеймом. Сам он сидел в Гнипалунде[36]. Это был человек весьма сведущий в колдовстве, а его свита скорее походила на троллей, чем на людей.

Гудмунд уселся на скамеечке перед престолом напротив конунга. Тогда был такой обычай, что сын конунга не должен был садиться на престол до тех пор, пока он не принял звание, которое прежде носил его отец, и не был выпит первый кубок[37]. И вот там шел пир горой, и все пили и веселились, а после пошли спать. А когда Гудмунд вернулся в свой покой, Торстейн сделал так, чтобы все могли его видеть. Тогда они принялись потешаться над ним. Гудмунд рассказал своим людям, кто он такой, и попросил, чтобы те не делали из него посмешище. Они улеглись и проспали всю ночь напролет.

6

С утра пораньше они были уже на ногах, и Гудмунда отвели в конунговы палаты. Конунг приветливо поздоровался с ним.

– А теперь мы желаем знать, – говорит конунг, – намерен ли ты присягнуть мне на верность, как твой отец. В этом случае я собираюсь прибавить к твоим званиям еще одно и передать под твою власть Страну Великанов, если ты принесешь мне клятвы.

Гудмунд отвечает:

– Нет такого закона, чтобы требовать клятвы от столь юных людей.

– Быть по сему, – сказал конунг.

После этого конунг взял драгоценный плащ, накинул его Гудмунду на плечи и нарек его конунгом. Затем он взял большой рог и выпил за Гудмунда. Тот принял от него рог и поблагодарил конунга. Потом Гудмунд поднялся со своего места, поставил ногу на ступеньку перед престолом конунга и торжественно пообещал, что, пока конунг Гейррёд жив, он не станет служить и повиноваться никакому другому конунгу.

Конунг поблагодарил его и сказал, что придает его словам большее значение, чем если бы он принес клятвы. Затем Гудмунд испил из рога и возвратился на свое место. Люди были довольны и веселы.

Рассказывается, что вместе с Агди ярлом там были два человека, одного из них звали Ёкуль, а другого Фрости[38], оба они были большие завистники. Ёкуль поднял бычью кость и запустил ею в спутников Гудмунда. Торстейн увидал это, поймал ее на лету и отправил назад, так что она угодила в лицо человеку, которого звали Густ[39], сломала ему нос и выбила все зубы, а сам он повалился без чувств. Гейррёд конунг рассердился и спросил, кто это швыряет кости над его столом. Он сказал, что, прежде чем все закончится, надо бы попытать, кто из них окажется сильнее всех в метании камней. Затем конунг подзывает двух людей, Дрётта[40] и Хёсвира[41]:

– Пойдите достаньте мой золотой мяч и принесите его сюда.

Те идут и возвращаются назад с тюленьей головой, которая весила сто фунтов[42]. Она была раскалена докрасна, так что от нее летели искры, точно из горна, и капал жир, словно горячая смола.

Конунг сказал:

– А теперь берите мяч и кидайте его друг другу. Всякий, кто его уронит, будет объявлен вне закона и лишится своего имущества, а тот, кто не осмелится поймать его, будет назван трусом.

7

И вот Дрётт бросает мяч Силачу-Хоть-Куда, и тот ловит его одной рукой. Видит тут Торстейн, что у того недостает силы удержать мяч, и спешит ему на подмогу. Вместе они кидают мяч[43] Фрости, так как воины стояли перед

скамьями по обе стороны. Фрости крепко схватил мяч, но он оказался так близко от его лица, что раздробил ему скулу. Он кинул мяч Силачу-Каких-Мало, и тот принял его обеими руками, однако если бы Торстейн не подсобил ему, он упал бы на колени. Силач-Каких-Мало перебросил мяч Агди ярлу, и тот схватил его обеими руками. Жир попал ему на бороду, и она запылала, так что он позаботился о том, чтобы поскорее сбыть мяч с рук, и бросил его Гудмунду конунгу. Гудмунд же перебросил его Гейррёду конунгу, но тот увернулся и мяч попал в Дрётта и Хёсвира, и они оба были убиты. Потом мяч угодил в оконное стекло[44] и вылетел в ров, который окружал город, там из него вырвалось пламя. На этом игра закончилась, и люди уселись пировать. Агди ярл сказал, что всякий раз, как он оказывается рядом с людьми Гудмунда, у него холодеет сердце.

Вечером Гудмунд и его люди пошли спать. Они поблагодарили Торстейна за помощь, вследствие которой они избежали опасности. Торстейн отвечал, что это было не такое уж большое испытание, – «а какая забава ожидает нас завтра?»

– Скорее всего, конунг велит устроить состязание в борьбе, – говорит Гудмунд, – и тогда они смогут отомстить за себя, поскольку они далеко превосходят нас силой[45].

– Нам придаст сил конунгова удача, – говорит Торстейн. – Вы же, когда станете бороться, не забывайте двигаться в ту сторону, где буду я.

Они проспали всю ночь, а наутро, пока прислужники накрывали столы, каждый забавлялся на свой лад. Гейррёд конунг спросил, не желают ли они заняться борьбой, и они ответили, что пускай он сам решает. Затем они разделись и схватились в единоборстве. Торстейн решил, что никогда прежде не видывал подобного боя, потому что, стоило кому-нибудь упасть, как все там сотрясалось, и хуже всего приходилось людям Агди ярла.

Тут выступает вперед Фрости и говорит:

– Кто готов выйти против меня?

– Уж кто-нибудь да найдется, – сказал Силач-Хоть-Куда.

Затем они схватились, и между ними завязался жестокий бой. Фрости был гораздо сильнее. И вот в ходе борьбы они оказываются рядом с Гудмундом. Фрости поднатужился и поднял Силача-Хоть-Куда, притянув к своей груди, да только при этом ему пришлось подогнуть колени. Тогда Торстейн ударил его ногой под колени, и Фрости упал навзничь, а Силач-Хоть-Куда – прямиком на него. У Фрости был разбит затылок и локти. Он медленно поднялся на ноги и сказал:

– Похоже, в этой забаве участвует кто-то еще: иначе с чего это от вас так несет[46]?

– Уж больно близко у тебя от носа до пасти, вот ты и учуял вонь, – сказал Силач-Хоть-Куда.

Тогда встает Ёкуль, и против него выходит Силач-Каких-Мало. Схватка между ними была ожесточенней некуда, но все же Ёкуль оказался сильнее и подтащил Силача-Каких-Мало к скамье, как раз к тому месту, где был Торстейн. Затем Ёкуль попытался оттащить Силача-Каких-Мало от скамьи и принялся тянуть что есть мочи, однако Торстейн держал его. Ёкуль уперся так крепко, что по щиколотки провалился под пол палаты, но тут Торстейн оттолкнул от себя Силача-Каких-Мало, так что Ёкуль повалился навзничь, вывихнув ногу. Силач-Каких-Мало направился к скамье, а Ёкуль медленно поднялся и сказал:

– Похоже, мы видим не всех, кто сидит на скамье.

Гейррёд спрашивает Гудмунда, не желает ли тот побороться. Тот отвечает, что не станет отказываться, хотя и не делал этого прежде. Тогда конунг велит Агди ярлу отомстить за своих людей. Тот отвечает, что давно уже перестал участвовать в поединках, однако говорит, что пускай конунг решает. Затем они разделись. Торстейн подумал, что ему никогда не доводилось видеть более отталкивающего торса, чем у Агди, – был он синий, точно Хель[47]. Гудмунд поднялся ему навстречу, его кожа была бела. Агди ярл набросился на него и с такой силой стиснул ему бока своими ручищими, что достал до самых костей, и они принялись бороться, передвигаясь по всей палате. А когда они оказались у того места, где стоял Торстейн, Гудмунд улучил момент, развернул ярла и сделал бросок через бедро, думая уложить его. Торстейн бросился под ноги ярлу, и тот свалился носом вниз. Так он сломал свой подлый нос и в придачу к нему четыре зуба. Ярл поднялся и сказал:

– Старики всегда падают неуклюже, но всего хуже, когда трое[48] нападают на одного.

После этого все оделись.

8

Вслед за тем конунг и все, кто там был, пошли к столу. Агди ярл и его люди говорили, что, похоже, тут не обошлось без обмана:

– Недаром всякий раз, как я оказываюсь среди них, меня бросает в жар[49].

– Подождем, – говорит конунг, – пока не появится тот, кто сможет нам это разъяснить.

И вот люди принимаются пировать. Тут в палату вносят два рога, владельцем которых был Агди ярл. Это были большие сокровища, и они были прозваны Хвитингами[50]. Оба рога были длиною в два локтя и украшены золотом.

Конунг пустил оба рога вкруговую вдоль скамей:

– Каждый должен осушить рог с одного глотка, а если кто не сможет, пусть уплатит виночерпию эйрир[51] серебра.

Никому, кроме богатырей, это было не под силу, однако Торстейн позаботился о том, чтобы спутникам Гудмунда не пришлось платить штраф.

Люди пили и веселились остаток дня, а вечером пошли спать. Гудмунд поблагодарил Торстейна за то, что он хорошо подсобил им. Торстейн спросил, когда закончится пир.

– Утром мои люди должны будут уехать, – говорит Гудмунд, – и я знаю, что теперь-то уж конунг попытается взять верх. Станут показывать ценные вещи, и тогда конунг прикажет внести свой большой рог, что был прозван Добрым Гримом. Это величайшее сокровище, оно украшено золотом и к тому же наделено колдовской силой. На остром конце этого рога человечья голова из плоти и со ртом, так что она беседует с людьми, предсказывая, что должно произойти, и предупреждает, если их подстерегает какая-нибудь опасность[52]. Нас ждет смерть, если конунг узнает, что среди нас крещеный человек, а потому нам не следует скупиться на подарки Гриму.

Торстейн ответил на это, что Грим скажет не больше, чем будет угодно Олаву конунгу:

– Сдается мне, что Гейррёду недолго осталось жить. И я думаю, впредь вам следует слушаться моих советов. Завтра я намерен показаться им.

Те сказали, что это рискованное решение. Торстейн ответил, что Гейррёд желает им смерти:

– Что еще ты мне можешь рассказать о Добром Гриме?

– Надо сказать, что под изгибом его может встать во весь рост обычный человек, отверстие же над его ободом шириной в локоть. Тот из них, кто больше всех остальных знает толк в выпивке, способен зараз отпить из него не глубже обода, и только конунг может осушить его с одного глотка. Каждый обязан поднести Гриму что-нибудь ценное, однако сам он считает, что для него нет большей чести, чем если его опорожнят с первого разу. И я знаю, что мне предстоит испить из него первым, но ни одному человеку не под силу осушить его[53].

Торстейн сказал:

– Тебе следует надеть мою рубаху, и тогда ничто не причинит тебе вреда, даже если в питье будет подмешан яд. Сними с головы корону, отдай ее Доброму Гриму и шепни ему на ухо, что ты намерен воздавать ему гораздо большие почести, чем Гейррёд, а потом прикинься, будто пьешь. В роге может оказаться яд, так что вылей его себе под рубаху, и он тебе ничего не сделает. А когда с возлияниями будет покончено, отошли своих людей прочь.

Гудмунд сказал, что пускай будет так, как он советует:

– Если Гейррёд умрет, мне достанется весь Ётунхейм, но ежели он останется в живых, нам придет конец.

После этого они проспали всю ночь.

9

С утра пораньше они встали и оделись. Тут к ним является Гейррёд конунг и предлагает им выпить на прощание. Они так и сделали. Сперва все пили из рогов Хвитингов, а после из мерных кубков. Потом выпили за Тора и Одина, и вслед за тем в палату было принесено множество всяких музыкальных снарядов и два человека ростом пониже Торстейна внесли Доброго Грима. Все вскочили на ноги и пали перед ним на колени. Грим хмурился.

Гейррёд сказал, обращаясь к Гудмунду:

– Возьми Доброго Грима и выпей, и этим ты подкрепишь свою клятву.

Гудмунд подошел к Гриму, снял с себя золотую корону, возложил ее на него и сказал ему на ухо то, что ему велел Торстейн. Затем он вылил рог себе под рубаху, а был в нем яд. Он объявил, что выпил за Гейррёда конунга, и поцеловал острый конец рога. Потом он отдал Грима, и тот улыбался.

Тогда взял полный рог Гейррёд и попросил Грима даровать ему удачу и открыть ему, не подстерегает ли его какая опасность:

– Частенько приходилось мне видеть тебя в лучшем расположении духа.

Он снял с себя золотое ожерелье и отдал Гриму. Затем он поднял тост за Агди ярла, и когда питье сбегало вниз по его глотке, это всего больше походило на рокот прибоя в скалах. Он выпил все до дна. Грим лишь покачал головой.

Затем он был передан Агди ярлу. Тот преподнес ему два золотых обручья и попросил быть к нему милостивым. После этого он осушил его в три глотка и отдал виночерпию. Грим произнес:

– В старости всяк становится слабаком.

Потом рог наполнили вновь и его должны были выпить двое – Ёкуль и Силач-Хоть-Куда. Первым пил Силач-Хоть-Куда. Ёкуль принял от него рог, заглянул в него и сказал, что недостойно мужа выпить так мало, и стукнул Силача-Хоть-Куда рогом. А тот ударил Ёкуля кулаком в нос, да так, что у того был раздроблен его воровской подбородок и выбиты зубы. Тут поднялся гвалт. Гейррёд попросил всех успокоиться и не давать повода для кривотолков, что они, мол, расстались недружелюбно. После этого они помирились, и Доброго Грима унесли.

10

Немного времени спустя в палату входит муж. Все подивились тому, насколько он был мал. То был Торстейн Малец Хуторов. Он повернулся к Гудмунду и сказал, что лошади готовы. Гейррёд спросил, что это еще за малыш. Гудмунд отвечает:

– Это мой мальчонка-слуга, которого мне прислал Один конунг[54], и он истинное сокровище. Ему известно множество разных трюков, и если вы сочтете, что от него может быть какой-нибудь прок, я охотно отдам вам его.

– Раз так, это стоящий человек, – говорит конунг, – и я охотно погляжу на его уловки, – и просит Торстейна показать какой-нибудь трюк.

Торстейн достал кристалл и стрекало и ткнул острием в ту грань, где кристалл был белый. Тут разразилась такая ужасная снежная буря, что никто не в силах был ее вынести, и палату настолько завалило снегом, что он доставал им до щиколоток. Увидав это, конунг рассмеялся. Тогда Торстейн уколол кристалл в том месте, где он был желтый, и тотчас же сверху полился такой жаркий солнечный свет, что весь снег за короткое время растаял, а затем палата наполнилась сладким благоуханием. Гейррёд сказал, что он и вправду искусник. На это Торстейн говорит, что знает еще одну игру, которая зовется игрой со вспышкой. Конунг отвечает, что желает на нее поглядеть. Торстейн встает посреди палаты и колет кристалл с той стороны, где он был красным. Тут из него посыпались искры. Тогда Торстейн помчался вокруг палаты, обегая все сидения, причем дождь искр становился все сильнее, так что каждому, кто там был, приходилось прятать глаза, Гейррёд же конунг лишь смеялся, глядя на это. Но вот пламя стало разрастаться, так что все решили, что это уж слишком. Торстейн заранее предупредил Гудмунда, чтобы тот вышел вон и сел на коня.

Торстейн подбегает к Гейррёду и говорит:

– Ну как, не желаете ли поглядеть, что дальше произойдет в этой игре?

– Покажи-ка еще, малыш! – отвечал тот.

Тут Торстейн ткнул в кристалл посильнее, и искры брызнули прямо в глаза Гейррёду конунгу. Торстейн бросается к дверям и швыряет кристалл и стрекало так, что кристалл угодил Гейррёду в один глаз, а стрекало в другой, и он повалился на пол мертвый[55], а Торстейн вышел вон. Гудмунд уже сидел верхом на коне. Торстейн сказал, что им пора уезжать:

– А то нам не поздоровится.

Они поскакали к реке. Тут возвращаются назад кристалл со стрекалом. Торстейн говорит, что Гейррёд мертв. И вот они переправляются через реку и приезжают в то место, где они впервые повстречались. Тогда Торстейн сказал:

– Здесь мы расстанемся. Мои люди, верно, уже заждались моего возвращения.

– Поедем ко мне, – сказал Гудмунд, – и я отплачу тебе за всю твою помощь.

– Я воспользуюсь твоим приглашением в другой раз, – отвечает Торстейн, – теперь же тебе следует воротиться в усадьбу Гейррёда, захватив с собой побольше народу. Отныне вся страна будет в твоей власти.

– Тебе решать, – сказал Гудмунд. – Передай от меня привет Олаву конунгу.

Затем он дал ему золотой кубок, серебряное блюдо и длинное тканное золотом полотенце, чтобы тот передал эти подарки конунгу, и попросил Торстейна посетить его. Они расстались большими друзьями.

11

Вслед за тем Торстейн видит, как в великой ярости скачет верхом Агди ярл. Торстейн устремился за ним. И вот он увидал большую усадьбу, это были владения Агди. У ворот был разбит сад, и в нем стояла девица. Это была дочь Агди, которую звали Гудрун, и была она рослая и пригожая. Она поздоровалась со своим отцом и спросила его о новостях.

– Новостей хоть отбавляй, – говорит тот. – Гейррёд конунг мертв, а Гудмунд с Гласисвеллир предал нас всех и спрятал там крещеного человека, которого зовут Торстейн Сила Хуторов. Он брызнул нам в глаза огнем, и теперь я намерен убить его людей.

Тут он швырнул оземь рога Хвитинги и кинулся в лес как безумный. Торстейн подошел к Гудрун. Та поздоровалась с ним и спросила, как его зовут. Он назвался Торстейном Мальцом Хуторов и сказал, что он дружинник Олава конунга.

– Коли ты малец, то, верно, велик должен быть тот, кто считается там самым рослым, – сказала она.

– Хочешь уехать со мной, – спрашивает Торстейн, – и принять новую веру?

– Для меня мало радости оставаться здесь, – говорит она, – так как моя мать умерла. Она была дочерью Оттара ярла из Хольмгарда[56], и они с Агди были совсем несхожи нравом, поскольку мой отец тролль по своему естеству, и теперь я вижу, что ему недолго осталось жить. Но если ты согласишься привезти меня потом назад, я поеду с тобой.

Затем она собрала свои вещи, а Торстейн взял рога Хвитинги. После этого они отправились в лес и увидали там Агди. Тот издавал истошные вопли и закрывал руками глаза. А произошло вот что: стоило ему завидеть корабль Торстейна, как в его воровских глазах началась такая боль, что он ослеп.

Они добрались до корабля на заходе солнца, когда люди Торстейна уже были готовы к отплытию. При виде него они очень обрадовались. Затем Торстейн взошел на корабль, и они уплыли, и за время его путешествия, пока он не прибыл домой в Норвегию, не произошло ничего такого, о чем стоило бы рассказать.

12

Той зимой Олав конунг сидел в Трандхейме. Торстейн встретился с конунгом на Рождество и передал ему сокровища, которые ему послал Гудмунд, а также рога Хвитинги и множество других ценностей. Он рассказал конунгу о своих странствиях и показал ему Гудрун. Конунг поблагодарил его, и все сочли это знаменательным и превозносили его за отвагу. Затем конунг велел крестить Гудрун и научить ее христианской вере. Во время Рождества Торстейн сыграл в игру со вспышкой, и все нашли ее весьма забавной. Люди пили из Хвитингов, по двое из каждого рога, что же до кубка, который конунг получил от Гудмунда, то его не под силу было опорожнить никому, кроме Торстейна Мальца Хуторов. Полотенце не горело, даже когда его бросали в огонь, а только становилось от этого еще чище, чем прежде.

И вот Торстейн заводит с конунгом разговор о том, что хотел бы сыграть свадьбу с Гудрун. Конунг дает на это свое согласие, и тогда был устроен пир, как подобает. А в первую же ночь после свадьбы, как только они легли в постель, рухнул полог, с треском разломилась доска у Торстейна над головой и появился Агди ярл с намерением убить его. Однако навстречу ему пахнуло таким жаром, что он не отважился зайти внутрь и повернул назад[57]. Но тут подошел конунг и ударил его по голове золоченым посохом, и тот повалился наземь. Конунг стоял там на страже всю ночь, а утром оказалось, что рога Хвитинги пропали. Пир продолжался как ни в чем не бывало. Торстейн оставался у конунга всю зиму, и они с Гудрун жили в большом согласии.

Весной Торстейн попросил позволения уплыть в Восточные Страны, чтобы встретиться с Гудмундом конунгом. Конунг ответил, что не даст на это своего разрешения, если тот не пообещает воротиться назад. Торстейн обещал так и сделать. Конунг наказал ему держаться своей веры:

– И больше полагайся на себя, чем на тех, кто живет там, на востоке.

Они расстались как лучшие друзья, и все пожелали ему счастливого пути, так как Торстейна все полюбили. Он уплыл в Восточные Страны, и о его путешествии ничего не сообщается, кроме того, что оно было благополучным. Он прибыл на Гласисвеллир, и Гудмунд принял его со всем радушием.

Торстейн сказал:

– Есть ли у тебя какие-нибудь новости из усадьбы Гейррёда?

– Я отправился туда, – говорит Гудмунд, – и они отдали под мою власть всю страну, и теперь там правит мой сын, Хейдрек Волчья Шкура[58].

– А где теперь Агди ярл? – спрашивает Торстейн.

– После того как вы уехали, – отвечает Гудмунд, – он велел соорудить для себя курган и вошел в него, захватив с собой много добра. Что до Ёкуля и Фрости, то они утонули в реке Хемре, когда возвращались с пира. Так что теперь власть над местностью Грундир также принадлежит мне.

– Раз так, мне бы очень хотелось узнать, – говорит Торстейн, – как много из этого ты готов уступить мне, поскольку, сдается мне, Гудрун унаследовала все имущество своего отца, Агди ярла.

– Ты получишь его, если согласишься сделаться моим человеком, – сказал Гудмунд.

– Раз так, ты не должен быть против того, что я намерен держаться своей веры, – говорит Торстейн.

– Согласен, – ответил Гудмунд.

После этого они поехали в Грундир, и Торстейн получил власть над этой местностью.

13

Торстейн отстроил усадьбу в Гнипалунде, поскольку Агди ярл начал наведываться туда и разорил ее[59]. Торстейн сделался большим хёвдингом. Вскоре Гудрун родила мальчика, был он велик, и его назвали Брюньольвом. Не обошлось без того, чтобы Агди ярл не дразнил Торстейна. Однажды ночью Торстейн встал с постели и увидал, как Агди бродит вокруг. Он не осмеливался войти ни в одни ворота, так как на каждой двери там был крест. Торстейн направился к кургану, и оказалось, что он открыт. Торстейн зашел внутрь и забрал оттуда рога Хвитинги. Тут в курган воротился Агди ярл. Торстейн выбежал вон у него под носом и осенил крестом дверь. Курган закрылся, и Агди никогда не показывался впредь. Следующим летом Торстейн отправился в Норвегию и отвез Олаву конунгу рога Хвитинги. Потом с разрешения конунга он уплыл назад в свои владения. Конунг наказал ему крепко держаться своей веры. С тех самых пор мы ничего больше не слыхали о Торстейне. Когда же Олав конунг исчез с Великого Змея, пропали и рога Хвитинги[60].

И здесь мы заканчиваем прядь о Торстейне Мальце Хуторов.

ПРЯДИ В СОСТАВЕ «ОТДЕЛЬНОЙ САГИ ОБ ОЛАВЕ СВЯТОМ»

ПРЯДЬ О ХАРАЛЬДЕ ГРЕНЛАНДЦЕ

Цецилией звалась одна знатная и родовитая женщина в Норвегии. Она была замужем за Гудрёдом конунгом, сыном Бьёрна Купца[1], сына Харальда Прекрасноволосого, сына Хальвдана Черного, сына Гудрёда Конунга Охотника, сына Хальвдана Щедрого на Золото и Скупого на Еду, сына Эйстейна конунга, сына Хальвдана Белая Кость, сына Олава Лесоруба, сына Ингьяльда Коварного, сына Энунда Дороги, конунга в Уппсале. Олав же был прозван Лесорубом оттого, что он расчищал леса в Норвегии и стал править там первым из своих сородичей[2]. Его имя носил Олав Альв Гейрстадира[3], который, как никто, пользовался всеобщей любовью.

У Гудрёда конунга и Цецилии был сын по имени Харальд. Он был отослан на воспитание в Гренланд[4] к Хрои Белому, лендрманну[5], и оттого, что он вырос там, его прозвали Харальд Гренландец. Сыном Хрои был Храни Путешественник. Они с Харальдом были ровесники и названые братья. А после того как Харальд Серая Шкура убил Гудрёда конунга[6], Харальд Гренландец бежал сначала в Упплёнд, а с ним и Храни, его названый брат[7], и прожил там некоторое время у своих родичей. Сыновья Эйрика неустанно разыскивали тех людей, которые с ними враждовали, а более всего тех из них, кто, как они считали, мог надеяться на успех. Родичи и друзья Харальда советовали ему покинуть страну.

О Харальде, Тости и его дочери Сигрид

Тогда Харальд Гренландец отправился на восток в Швецию и получил там место на корабле, примкнув к людям, которые ходят в военные походы, чтобы добыть себе богатство. Харальд был очень доблестным мужем. Одного

человека в Швеции звали Тости, и в этой стране он был самым могущественным человеком из тех, кто не принадлежал к знати. Человек он был очень воинственный и проводил много времени в походах. Его прозвали Скёглар-Тости[8]. Харальд Гренландец примкнул к Тости и ходил с ним летом в викингский поход. Все его очень ценили. Затем он остался у Тости на следующую зиму. Харальд провел две зимы в Упплёнде и пять у Тости. Дочь Тости звали Сигрид, она была женщина молодая и красивая и очень властная.

Сигрид сжигает в доме семерых конунгов

Одним летом, когда Харальд Гренландец отправился в поход в Восточные Страны, чтобы добыть себе добра, он приехал в Швецию. Эйрик Победоносный, конунг шведов, в старости взял в жены Сигрид, дочь Скёглар-Тости[9]. Их сыном был Олав Шведский[10], который потом стал править в Швеции. Эйрик конунг шведов умер на исходе дней Хакона ярла. Сигрид конунгова жена была тогда в своей усадьбе, потому что она владела многими поместьями, и притом большими[11]. Она была женщина мудрая, и ей дано было многое предвидеть. Харальд Гренландец примирился с Харальдом конунгом датчан[12] и хорошо держал свое слово. Он также взял в жены Асту, дочь Гудбранда Шишки, человека родовитого. И когда Сигрид, которая воспитывалась вместе с Харальдом, узнала о том, что он прибыл в страну, она послала к нему людей и пригласила его на пир. Он отправился в путь в сопровождении многих своих людей, и ему был оказан радушный прием. Конунг и конунгова жена сидели на почетном сиденье и пили вместе в продолжение всего вечера, а позднее вечером конунга отвели в опочивальню, в которой обыкновенно спала Сигрид. Постель там была завешена пологом из драгоценной ткани и убрана как нельзя лучше. В этом покое было мало народу. Когда же конунг разделся и лег в постель, к нему пришла Сигрид конунгова жена и сама наполнила его кубок и очень склоняла его к тому, чтобы он выпил, и была очень весела и добра к нему. Конунг был сильно пьян, и она тоже. Она предложила ему лечь с ним в одну постель.

Харальд отвечает:

– Аста, верно, нынче будет спать одна-одинешенька, – сказал он.

Потом он заснул. Конунгова жена тоже ушла спать, она была сильно разгневана.

На следующее утро снова был пир на славу, однако, как обычно бывает, когда люди напьются допьяна, на другой день большинство воздерживается от того, чтобы пить слишком много. Конунгова жена опять была очень весела. Они с конунгом беседовали, и она сказала, что считает свои владения на востоке ничуть не меньшими, чем те, что находятся под его властью в Норвегии. От этих речей конунг сделался невесел и молчалив. Он собрался

уезжать и был расстроен, Сигрид же была в прекрасном расположении духа и проводила его богатыми подарками[13].

Осенью Харальд конунг воротился в Гренланд, в свой фюльк. Он провел зиму дома и был все время не в духе, а следующим летом отправился со своим войском в Восточные Страны. Затем он приехал в Швецию и послал сказать Сигрид конунговой жене, что хотел бы встретиться с ней. Она приехала к нему, и они стали беседовать. Очень скоро он завел речь о том, не согласится ли Сигрид пойти за него замуж. Она сказала в ответ, что он говорит пустое, поскольку он уже женат и должен быть доволен своей женитьбой.

Он отвечает:

– Аста женщина хорошая и родовитая, и все же она мне не ровня.

Сигрид отвечает:

– Возможно, вы и знатнее ее родом, да только сдается мне, в том, что вы теперь вместе, счастье для вас обоих.

После этого и до того, как Сигрид уехала, они обменялись лишь немногими словами. Харальд конунг был очень расстроен. Он собрался в поездку в глубь страны, чтобы опять встретиться с Сигрид конунговой женой. Многие отговаривали его от этого, но он все же отправился в путь с большим отрядом и явился в усадьбу, которой владела Сигрид. В тот же самый вечер туда прибыли шесть других конунгов, и все они были намерены свататься к Сигрид конунговой жене[14]. Она устраивает угощение для своих женихов и помещает их всех вместе в одном доме. Пир должен был продолжаться семь дней, и каждый из них должен был в свой день вести с ней беседу – так она решила испытать их красноречие. А для своих дорогих друзей она распорядилась убрать другой дом. Среди прибывших туда был Висивальд[15] конунг из Гардарики. Харальд сказал им, что намерен с бóльшим рвением добиваться ее, раз она поговорила с ним прежде, чем со всеми прочими, кто к ней сватался. В ответ на эти его слова Сигрид говорит:

– Меня не прельщает ни твоя красота, ни твои владения, ни твой род, и вообще ничто из того, что имеет отношение к тебе. Но и то правда, что Аста носит теперь сына, матерью которого я охотно бы стала.

На этом их разговор закончился[16].

Все конунги сидели в одной большой палате. Она была старая и под стать ей было и все ее убранство. Не было там недостатка в питье, и к тому же настолько хмельном, что все были мертвецки пьяны, так что вся стража и внутри и снаружи уснула. А ночью Сигрид приказала расправиться с ними огнем и мечом. Палата и семеро конунгов со всеми их людьми, которые в ней были, сгорели, те же, кто выбрались наружу, были убиты. Сигрид сказала, что так она отучит мелких конунгов приезжать из других стран и свататься к ней[17].

Храни приехал домой в страну и встретился с Астой

В предыдущую же зиму произошло сражение Хакона ярла с йомсвикингами в заливе Хьёрунгаваг[18].

Когда Харальд Гренландец отправился в глубь страны, Храни остался при кораблях предводителем тех из его людей, кто не поехал с ним. Когда они узнали о гибели Харальда, они поскорее уехали назад в Норвегию и сообщили о случившемся. Храни поехал к Асте и рассказал ей обо всем, что произошло во время их поездки, а также о том, зачем Харальд ездил встречаться с Сигрид конунговой женой. Услыхав об этом, Аста сразу же поехала в Упплёнд к своему отцу, и тот ее хорошо принял. Оба они были очень возмущены кознями, которые строились в Швеции, – тем, что Харальд конунг намеревался покинуть ее[19].

ПРЯДЬ ОБ ОЛАВЕ АЛЬВЕ ГЕЙРСТАДИРА

Отважным мужем и великим предводителем был Олав сын Гудрёда Конунга Охотника, брат Хальвдана Черного[1]. Матерью Олава была Алов, дочь Альварина из Альвхейма[2]. А когда Олав вошел в возраст, он стал конунгом в Гренланде[3] после своего отца. Он был очень пригож и статен. Он постоянно жил в усадьбе, которая зовется Гейрстадир, поэтому его стали называть Альвом Гейрстадира[4]. Помимо отцовского наследства под его управлением были еще два фюлька, из которых один звался Упси, а другой Вестмарир[5]. Тьодольв из Хвинира[6] говорит так:

Правил Олав
в прежние годы
широкославный,
в Упси и в Вестмаре,
богам подобный,
и в Гренланде,
пока храбреца
у края Фольда[7]
больная нога
не свела в могилу.
Ныне лежит
он под курганом,
вождь отважный,
в Гейрстадире[8].

После гибели Гудрёда конунга, отца Олава, Альварин конунг, которого иначе звали Альвгейр, подчинил себе весь Вингульмёрк[9] и поставил над ним Альва, своего сына, прозванного Гандальвом[10]. Эйстейн конунг, сын Хёгни сына Эйстейна Злого[11], взял под свою власть весь Хейдмёрк и Солейяр[12], однако Олав Альв Гейрстадира до самой смерти защищал все свои владения от Альва и Эйстейна, как и ото всех прочих. Его сыном был Рёгнвальд Достославный, который стал конунгом после своего отца. В его честь Тьодольв из Хвинира сложил Перечень Инглингов[13].

Сон Олава

Олаву Альву Гейрстадира приснился сон, которому он придал большое значение, но, когда его расспрашивали о нем, он не желал ни о чем рассказывать. Потом он велел устроить в Гейрстадире тинг и созвал на него людей со всех концов своей страны. Первым делом конунг попросил собравшихся покончить со своими тяжбами и сказал, что после этого он объявит им, почему он созвал тинг, и заметил, что многим, возможно, покажется, что для этого было мало причин.

– Я хочу рассказать вам мой сон, – говорит он. – Мне привиделось, будто бы с востока сюда в страну идет огромный бык, черный и зловещий[14]. Он прошел по всей моей земле и владениям. Мнилось мне, что перед ним и от его дыхания пало великое множество людей, так что мне показалось, что их было никак не меньше, чем тех, кто уцелел, а под конец я увидал, что он сгубил мою дружину.

Затем он попросил людей истолковать этот сон – «наверняка он должен что-то означать».

Те отвечали, что он скорее их догадается, что бы он мог значить.

Тогда конунг сказал:

– В этой стране долго были добрый мир и урожай, но в ней живет намного больше народу, чем способна прокормить эта земля. Бык, который мне приснился, может оказаться болезнью, что грядет к нам с востока, и, должно быть, она вызовет великий мор. В конце концов она настигнет и мою дружину, и похоже, что и сам я последую за ней, ведь мне, как и любому другому, не избежать моего смертного часа. А теперь, когда этот сон истолкован так, как ему скорее всего предстоит сбыться, я хочу дать вам совет. Пускай все то множество людей, которое тут собралось, насыплет здесь подальше на мысу большой курган и обнесет мыс оградой, так чтобы никакая скотина не заходила туда. И пусть всякий уважаемый человек принесет в этот курган полмарки серебра[15] себе на погребение. Может статься, что прежде, чем эта хворь пойдет на убыль, меня после моей смерти положат в курган. Я предостерегаю всех людей от того, чтобы они вняли совету тех, кто приносит жерт-

вы умершим, так как им кажется, что те защищали их, покуда были живы, поскольку я считаю, что от мертвых не может быть проку. Может случиться и такое, что со временем те, кому прежде поклонялись, обращаются в злых духов. Я думаю, людям может казаться, что те же самые злые существа порой приносят пользу, а порой – вред. И я очень боюсь, что, после того как нас положат в курган, в стране наступит голод, и что сперва нам станут поклоняться, а потом мы обратимся в злых духов, при том что мы будем не властны помешать ни тому, ни другому.

Все вышло так, как сказал Олав конунг и как он истолковал свой сон. Скорее, чем можно было ожидать, напала великая хворь. Умерло множество народу, и всех, кто только мог на это претендовать, перенесли в курган, поскольку Олав конунг велел людям прямо с тинга отправляться насыпать необычайно большой курган, а еще жители страны соорудили изгородь, как он им посоветовал. Сбылось и то, что в последнюю очередь встретила смерть дружина и ее препроводили в курган. Самым последним умер Олав конунг, и его немедля вместе с большими богатствами положили рядом с его людьми, и после этого курган был закрыт вновь. Тогда мор пошел на убыль. Затем случились великий неурожай и голод. Тогда было принято решение, что они начнут приносить жертвы Олаву конунгу, чтобы он послал им урожай, и его стали называть Альвом Гейрстадира.

Здесь рассказывается о сне Храни

В первый год правления досточтимого государя Олава конунга сына Трюггви[16] неподалеку от Гейрстадира жил человек по имени Храни, о котором ранее было сказано, что он был названым братом Харальда Гренландца[17]. Мать Храни звали Алов. Однажды ночью ему снится, будто к нему является Олав Альв Гейрстадира и что первым делом он вкратце рассказывает ему всю свою жизнь, а также о том, как был воздвигнут курган. Затем он сообщает, как ему досаждала всякая нечисть, а когда с этим было покончено, говорит ему о том, что Свейн сын Хакона ярла[18] собрался уехать из страны и остановился по соседству.

– Поскольку ему нечем поддерживать себя из-за могущества Олава конунга сына Трюггви и он весьма нуждается в деньгах, ты должен рассказать ему о моем кургане и о том, что в Гейрстадире можно рассчитывать на добычу, и привести его сюда.

И говорит, как проникнуть в курган.

– Вы должны вскрыть курган ночью, – говорит он. – Никому из воинов Свейна неохота будет забираться в курган из-за исходящего из него непереносимого зловония и тлетворного духа. В конце концов ты, Храни, – говорит он, – раз не найдется никого другого, должен вызваться лезть в курган,

поскольку только ты один сможешь помочь в этом деле. И ты должен заранее вытребовать себе три сокровища, которые ты выберешь, а также то, чтобы Свейн сам держал канат, так как только у него одного достанет отваги дожидаться, пока ты выйдешь из кургана. Первым делом ты должен перенести к канату все те богатства, что были свалены в кучу на помосте посреди кургана, и велеть, чтобы их подняли наверх. Затем ты должен забрать золотое кольцо у того человека, что восседает на сиденье посреди кургана, а также нож и ремень, которым он подпоясан. Потом ты должен взять меч, который он держит у себя на коленях, и взмахом этого меча снести ему голову, и от того, как ты это исполнишь, многое будет зависеть, и прежде всего твоя удача, потому что тебе нужно будет приставить голову назад к туловищу, так, чтобы она держалась. Сдается мне, что после того, как ты это сделаешь, в кургане поднимется большой шум, так что не будет тебе ни тишины, ни покоя. Вдобавок к этому погаснут все огни. Тогда почти все, кто будут снаружи, бросятся прочь от кургана, кроме Свейна и еще нескольких человек. Нечего тебе и думать ходить в курган, ежели ты не из тех, кому не ведом страх, и все же, скорее всего, тебе не будет никакой угрозы, коли ты будешь следовать моим советам. Не говори ничего о тех сокровищах, которые заберешь из кургана, и прячь их под плащом, чтобы Свейн не увидел их. На следующий день Свейн позовет тебя и всех остальных делить добычу. Ты должен явиться туда и привести с собой двух оседланных лошадей. Первым делом напомни Свейну о вашем с ним уговоре – о выбранных тобою сокровищах, которые тебе полагаются, а потом подними и покажи их всем и скажи, что ты оставляешь их себе, а им предложи поделить между собой всю прочую добычу. И не стой близко, но так, чтобы твою речь было хорошо слышно. Тогда Свейн скажет, что хочет, чтобы ты подошел поближе и показал ему сокровища. Скачи тогда прочь во весь дух. Свейн со своими людьми бросятся преследовать тебя и будут стараться догнать. Они смогут приблизиться к тебе настолько, что Свейн убьет под тобой коня. Тогда ты должен будешь вскочить верхом на другого своего коня и помчаться к лесу. Отправляйся затем в Гренланд, что в Вике, к конунгу Харальду Гренландцу[19]. Все домочадцы там будут в печали из-за того, что Аста дочь Гудбранда Шишки, конунгова жена, лежит на помосте и не может разрешиться от бремени, и так продолжается уже некоторое время, так что люди станут терять надежду на благополучный исход. Ты должен предложить пойти и повидаться с ней и сказать, что не исключено, что ты сможешь ей помочь. За это ты должен потребовать, чтобы за тобой было оставлено право решать, какое имя дать ребенку, если родится мальчик. Затем ты должен опоясать ее ремнем, и, сдается мне, ее состояние быстро переменится. Она родит ребенка и это будет мальчик, крупный и крепкий. Ты должен наречь его Олавом, а я отдаю ему кольцо и меч Бэсинг[20], о котором я тебе рассказал прежде. После этого поезжай на север Норвегии к Олаву сыну

Трюггви и прими ту веру, которую он проповедует, а потом возвращайся в Вик и оставайся при юном Олаве. Чем дольше ты будешь повсюду следовать за ним, тем большей будет твоя удача.

Затем Храни проснулся.

Храни отправляется в курган Олава Альва Гейрстадира

После этого Храни отправился на встречу со Свейном ярлом сыном Хакона и рассказал ему о том, что знает, где можно взять добычу. Ночью они сходят на берег, проникают в курган и забирают оттуда большие богатства. Храни уносит из кургана сокровища, а с курганным жителем поступает так, как тот сам ему посоветовал. Между ним и Свейном ярлом тоже все произошло именно так, как говорилось прежде. Затем Храни поехал в Вик к Харальду конунгу, своему названому брату, и ему был там оказан радушный прием. Аста лежала тогда в родах, и никто не мог ей помочь. Люди говорили, что ее положение безнадежно. Храни идет повидаться с ней и рассказывает ей и Харальду конунгу свой сон. Она говорит в ответ, что охотно согласится, чтобы он дал имя ребенку, если только это сможет помочь ее здоровью. Тогда Храни опоясал ее ремнем, который он забрал у Олава Альва Гейрстадира, и вскоре после этого она разрешилась от бремени[21].

ПРЯДЬ О СТЮРБЬЁРНЕ ВОИТЕЛЕ ШВЕДОВ

Здесь начинается прядь о том, как Стюрбьёрн Воитель Шведов сражался с Эйриком конунгом шведов

Надобно рассказать о том, что Шведской Державой правили Эйрик и Олав, сыновья Бьёрна Старого[1]. Олав был женат на Ингибьёрг, дочери ярла Транда из Сулы. Ее брата звали Ульв[2]. У Олава и Ингибьёрг был сын по имени Бьёрн[3]. Олав умер в одночасье от яда во время застолья в Уппсале. После смерти его отца Эйрик растил Бьёрна при своей дружине. Его воспитателем был Ульв. Когда Бьёрну минуло двенадцать лет, он стал сидеть на кургане своего отца и перестал являться к столу вместе с конунгом. Тогда он впервые предъявил свои права на власть и сказал, что ему уже по возрасту присматри-

вать за державой, и вел себя при этом несколько ребячески, и это же повторилось следующей весной, а потом и на третий год. Эйрик отвечал на это, что не видать ему ни власти конунга, ни наследства, пока ему не исполнится шестнадцати лет, тогда же, по его словам, он не станет чинить ему препятствий.

В тот год между Аки, дружинником Эйрика, и Бьёрном произошла размолвка: Бьёрн накинул тому на голову полу плаща, а Аки ударил Бьёрна рогом по носу, и в тот же день Бьёрн убил Аки перед входом в палату и не пожелал платить возмещение за это убийство, однако конунг заплатил за него. Затем конунгу пришлось отправиться на пир в другое место, а Бьёрн остался и стал дожидаться тинга. Однако на тинге бонды выдвинули человека низкого происхождения, который предъявил притязания на власть и владения Бьёрна, и тот был провозглашен конунгом над той частью страны, которая должна была отойти Бьёрну. После этого Бьёрн с Ульвом уехали с тинга, и эта сходка закончилась тем, что бонды швыряли им вслед камни и комья земли. Спустя некоторое время было решено, что Бьёрн явится ко двору конунга, но вскоре после этого конунг избавился от Бьёрна, дав ему шестьдесят кораблей со всем необходимым снаряжением и наказав не возвращаться назад в течение трех лет, поскольку он счел, что не может позволить Бьёрну оставаться в стране из-за его дерзкого и неистового нрава, а также из-за недовольства бондов.

Затем Бьёрн уехал. Он разузнал, где находится недавно провозглашенный конунг шведов, отправился к нему, вызвал его на бой и сразил. После этого Бьёрн уплыл в Восточные Страны[4] и принялся совершать там набеги, повсюду набирая людей для своих походов. Спустя три года он добрался до Йомсборга в Стране Вендов и сделался там верховным предводителем[5]. Пока он находился там со своим войском, произошло чудесное событие: из рва, который окружал крепость, показалось огромное чудище и сказало вот что:

Что ни день Хильд битвы[6]
под щитом стоит тут,
девы брани[7] данам
учинят стон стали[8].
Меч бери и бейся,
хочет родич Бальдра
рать набрать, суровый,
бледных павших воев[9].

А еще прежде чем Бьёрн уехал из страны, Эйрик конунг дал ему прозвище за его воинственность и дерзость и назвал его Стюрбьёрном[10]. И вот он отправился в викингский поход на запад в Данию и затеял там большое немирье. В конце концов он заключил с датчанами мир, и условиями его было, что он получит в жены Тюри, дочь Харальда сына Горма[11], а в придачу к этому они дадут ему сотню кораблей и окажут ему поддержку в трех больших сра-

жениях. И после того как он передохнул там всего одну ночь, он направился в Страну Вендов к Йомсборгу, поскольку туда на встречу с ним прибыло великое множество народу из Восточных Стран, и если бы он не явился, они отказались бы от похода. Со всем этим воинством он воротился в Данию, и у него было тогда десять сотен боевых кораблей. Он заявил, что намерен обосноваться там, если только датчане не дадут ему две сотни боевых кораблей, а также человека, чтобы их возглавить, которого он должен будет избрать сам, а выбрал он Харальда конунга[12]. Тогда датчане сказали вису:

За ладьи не стали б
платить дани юты,
да поставил к брегу
табун Стрёнда[13] Стюрбьёрн.
Днесь владыка датский[14]
примкнул к войску, смелый,
жесток удел князя
без людей и вотчин.

Потом Стюрбьёрн и его войско отправились со всеми этими боевыми кораблями в Швецию.

Битва Эйрика с Бьёрном Воителем Шведов

Одного человека звали Торгнюр сын Торгнюра, он был лагманом в Тиундаланде[15], как и его отец. Он был самым мудрым мужем из всех, кто жил тогда в Шведской Державе. Он был в большой чести у Эйрика конунга, так как там, где был Торгнюр, достигалось согласие и разрешались все трудные дела. В то время когда произошло то, о чем здесь рассказывается, он был уже очень стар и плохо видел. А когда Эйрик конунг узнал о том, какую рать собрал Стюрбьёрн, он решил, что тот скорее всего намерен отвоевать у него Шведскую Державу. И вот он собирает тинг и просит совета у своих мудрецов. Торгнюр лагман посоветовал ему исправить законы и дать людям больше прав, а еще распорядиться, какое оружие и доспехи должны быть у всякого бонда. Кроме того, он должен приказать забить надолбы на морском пути в Уппсалу[16], чтобы туда невозможно было добраться на кораблях. С конунгом тогда были три человека, которых он очень ценил, однако люди их недолюбливали. Это были очень воинственные мужи, и они не в меньшей степени заслуживали, чтобы их называли злодеями, чем храбрецами. Одного из них звали Хельги, другого Торгисл, а третьего Торир[17].

Когда Стюрбьёрн прибыл к берегам Швеции, он узнал об этих приготовлениях. Они высадились в месте, которое показалось им наиболее безопасным, и принялись прокладывать себе дорогу сквозь лес, который называется

Мюрквид[18], однако навстречу им были посланы люди, с тем чтобы не дать им пройти через лес. Стюрбьёрн предложил им на выбор: либо он сожжет лес, либо им будет позволено пройти через него. Эйрик конунг выбрал, чтобы они прошли через лес. Тогда Стюрбьёрн явился со всем своим войском на Поля Фюри[19]. Стюрбьёрн сжег все корабли, на которых он прибыл, так как он решил, что люди едва ли станут спасаться бегством, если у них будут отрезаны все пути к отступлению. Торгнюр лагман дал Эйрику конунгу совет, чтобы тот распорядился согнать вместе весь тягловый скот, и лошадей, и волов, впрячь его в ярмо и утыкать это ярмо гвоздями и пиками, и пускай рабы и всякий сброд пойдут за скотом и погонят его вперед. Так и было сделано, и в первый же день все это стадо помчалось на войско Стюрбьёрна, и из-за этого он понес большой урон. На другой день оба войска сошлись и между ними произошло сражение, но ни на чьей стороне не было перевеса; там со Стюрбьёрном был тогда Хеминг ярл[20]. Сражающихся развела ночь. По наущению Ульва, своего воспитателя, и всего войска Стюрбьёрн принес жертвы Тору. Той ночью в лагере Стюрбьёрна был замечен рыжебородый человек[21], и вот что он сказал:

Враг ремня запястья[22],
Стюрбьёрн, витязь храбрый,
нарушитель мира,
мне не даст покоя.
Зол я на злодея;
знать, владыка стали[23]
– *рдяны копья* – раны
врачевать заставит.

Той же ночью Эйрик пошел в капище Одина[24] и посвятил себя ему в обмен на победу, и сказал, что его смерть должна быть отложена на десять лет. Он и прежде приносил много жертв, поскольку ему изменяла удача. Вскоре после этого он увидал высокого человека в широкополой шляпе[25]. Тот вложил ему в руку камышовый прут и приказал метнуть его в сторону войска Стюрбьёрна и произнести при этом такие слова: «Вы все принадлежите Одину». И когда он метнул прут, ему показалось, что в воздухе над людьми Стюрбьёрна летит копье[26], и тотчас же воинов Стюрбьёрна, а потом и его самого поразила слепота[27]. Вслед за тем произошло великое чудо: с горы сошел оползень и накрыл войско Стюрбьёрна, и там были убиты все его люди. Как только Харальд конунг увидал это, он обратился в бегство, а с ним и все датчане, и стоило им покинуть то место, откуда появилось и над которым пролетало копье, как к ним вернулось зрение. Они прибыли в Данию[28]. Стюрбьёрн велел своим людям воткнуть в землю древки знамен и не пытаться бежать. Там пал Стюрбьёрн со всем своим войском.

После этого Эйрик в Уппсале на холме собраний распорядился, чтобы тот, кто сможет, сочинил об этом стихи, и обещал заплатить за них. Торвальд сын Хьяльти[29] сложил такие висы:

Гнал на запад к Фюри
страж, рьян, солнца сечи[30]
табун всадниц ночи[31]
прямо к валу, гладных.
Валил стропила Эйрик
– *стоек*, *знамо*, – стона
светила полозьев
потока[32], отважный.

И еще он произнес:

Викингам не в радость –
вторглись в земли свеев
врагам гор на горе
зря межи макрели[33].
Спасся всяк, кто драпать
горазд был – *враз рати*
Хундинга[34] *схватили* –
у них полков сонмы.

За каждую из этих вис Торвальд получил в награду обручье весом в полмарки[35]. Насколько людям известно, ни до, ни после этого он не складывал стихов.

ПРЯДЬ О ХРОИ ПРОСТАКЕ

1. О Хрои

Жил человек по имени Хрои. Он вырос в Дании и был сыном зажиточного бонда. Человек он был искусный, сильный и рассудительный. Хрои постоянно ездил по торговым делам и разбогател на этом. А еще он был сведущ в ремесле, и это также принесло ему немалый доход. В Дании в то время правил Свейн конунг, сын Харальда, по прозвищу Вилобородый[1]. Он пользовался любовью своего народа.

Однажды летом корабль Хрои разбился у южных берегов Дании, и он потерял все свое добро. Людям едва удалось спастись, и они выбрались на

сушу. Тогда Хрои взялся за ремесло, и у него опять завелись деньги. Товарищи хорошо к нему относились. И поскольку он был мастер на все руки, ему пришлось провести за занятием ремеслом совсем немного времени, и денег у него стало еще больше, чем раньше. Да только все вышло как прежде, потому что не везло ему, видно, на богатство: не успел он скопить, сколько ему было нужно, как вновь уехал из страны и потерял и эти деньги.

Была у Хрои одна примета, которая отличала его от других: один глаз у него был голубой, а другой – черный. Человек он был доблестный, но умел держать себя в руках, даже если его задирали. Когда он бывал на суше, ему всегда удавалось скопить денег, однако всякий раз, как он отправлялся в плаванье, он все терял. И вот после того как он трижды разбил свой корабль во время торговых поездок, он сообразил наконец, что это занятие не для него. Да только ничто не было ему больше по нраву, чем разъезжать из страны в страну со своим товаром. И вот пришло ему тут в голову, что надо бы ему встретиться со Свейном конунгом и разузнать, не посоветует ли ему тот чего, так как он знал, что конунг всегда давал хорошие советы, и многим они пошли на пользу.

Хрои так и сделал. Явившись к конунгу, он приветствовал его. Конунг спросил:

– Ты кто таков?

– Меня зовут Хрои, – говорит тот.

Конунг спросил:

– Неужто ты и есть Хрои Невезучий?

Тот отвечает:

– Я бы предпочел услыхать от вас кое-что другое вместо этих необдуманных слов. Мне бы хотелось, чтобы вы вступили со мною в долю и наделили меня своими деньгами и удачей[2], и тогда, может статься, это послужит мне подспорьем. Я ожидаю, что ваше везение и удача окажутся сильнее моего невезения.

Свейн конунг сказал:

– Раз ты явился ко мне искать удачи, то, если ты не прочь, нам с тобой следует заключить соглашение.

Люди стали говорить, что конунг поступает неразумно, входя в долю с таким невезучим человеком, как Хрои, и что он наверняка потеряет свои деньги.

Конунг отвечает:

– Стоит пойти на риск ради того, чтобы узнать, что пересилит: конунгова удача или его невезение.

После этого конунг дал Хрои денег и вошел с ним в долю. И вот Хрои отправляется теперь по торговым делам с деньгами конунга, и между ними такой уговор, что, если добро пропадет, он не должен будет платить никакого

возмещения, но ежели оно приумножится, с Хрои причитается столько денег, сколько он вначале получил от конунга.

Вот Хрои разъезжает повсюду, и дела у него идут хорошо, так что добро его быстро приумножается, а осенью он возвращается к конунгу с большими барышами. Прошло немного времени, и он разбогател. Стали его тогда называть Хрои Богач[3] или Хрои Горделивый. Так он и ездил каждое лето в разные страны с деньгами конунга.

2. О Хрои

Как-то раз Хрои сказал конунгу:

– А теперь, государь, я хочу, чтобы вы забрали свою долю, пока не стряслось беды и я не потерял вашего имущества.

Конунг отвечает:

– Так ты считаешь, что тебе будет лучше от того, что мы расторгнем наше соглашение? По мне, было бы всего разумнее, когда бы ты оставался здесь в стране под моей защитой, женился и обосновался тут, а я бы тебе в этом поспособствовал. Потому что, если ты вздумаешь теперь отправиться по торговым делам, я не жду от этого ничего хорошего. Сдается мне, твоя поездка закончится неудачей, и все выйдет не так, как прежде.

Хрои все же пожелал разделить имущество, и они так и сделали.

Свейн конунг сказал тогда:

– Это было твое решение, Хрои, а не мое. Что до меня, то было бы лучше, если бы мое везение так и оставалось с тобой впредь, как это было с тех самых пор, как ты явился ко мне за ним.

Люди подхватили это и стали говорить, что Хрои и сам мог убедиться, как скоро помогла ему конунгова удача в его нужде. Конунг сказал, что Хрои вел себя по отношению к нему хорошо и что будет большим несчастьем, если с ним стрясется какая-нибудь беда. На этом они расстались.

И вот Хрои разъезжает по торговым делам, и это приносит ему большие барыши. Как-то раз приплывает он в Швецию, поднимается вверх по озеру Лёг[4] и причаливает у одного поля[5]. В тот раз Хрои принадлежал весь груз на корабле. Однажды он сходит на берег в одиночку и идет своей дорогой, а спустя некоторое время видит, что навстречу ему идет какой-то человек. Волосы у него были русые и прямые, и вид он имел весьма решительный. Хрои спросил этого человека, как его зовут. Тот назвался Хельги и сказал, что он дружинник Эйрика конунга[6]. Он спросил у купца, кто он таков. Хрои назвал себя, и Хельги сказал, что узнал его и что они уже встречались прежде. Хельги заявил, что хотел бы заключить с ним сделку. Хрои спрашивает, много ли товаров тот намерен купить. Хельги отвечает на это:

– Мне стало известно, что вы, датчане, прибыли сюда в страну, и мне говорили, что все, кто приехал, – твои люди, и ты один владеешь всем товаром на корабле. Если ты согласен, я хочу купить у тебя весь твой груз.

Хрои сказал, что тому, видно, не впервой делать большие закупки. На это Хельги ответил, что заключает как крупные, так и мелкие сделки.

Хрои спрашивает:

– И что ж за товар я получу взамен?

Хельги предложил ему пойти с ним и сказал, что он сам сможет убедиться, что в его предложении нет обмана. Так они шли, пока не пришли в амбар, который был полон товаров. Хельги пообещал отдать в обмен за груз все добро, что было в амбаре, и Хрои счел это весьма выгодным предложением. Подумалось ему, что, коли они достигнут согласия и совершат такой обмен, это будет неплохой сделкой. Он решил, что не останется внакладе, приобретя эти товары. Дело кончилось тем, что они ударили по рукам и обо всем договорились. После этого они расстаются, и Хрои возвращается на свой корабль.

3. Торгнюр ярл дает советы своей дочери

Не далее чем на следующий день Хельги является на берег, захватив с собой множество людей и лошадей, и распоряжается вывезти все товары, так что уже к вечеру там ничего не осталось. У Хельги не было недостатка ни в людях, ни в повозках, чтобы управиться с этим делом. Спустя несколько дней Хрои в одиночку сходит на берег с тем, чтобы устроить перевозку своего добра. Было это на одну ночь позднее назначенного срока, в который он должен был забрать что ему причиталось. Хрои решил, что одна ночь не в счет, и ничего, если он явится позднее, чем было условлено, так как у него было множество других забот. Хрои был богато одет, поскольку он был большой щеголь. При нем были отличный пояс и нож, и на тот и на другой было потрачено немало денег. У него было доброе оружие, а одет он был в отменное пурпурное одеяние, поверх которого был накинут расшитый плащ.

Погода стояла хорошая. Хрои шел, пока не пришел к амбару. Дверь была распахнута настежь, а его добра не было и в помине. Его это очень удивило. Он обошел амбар и обнаружил там спящего Хельги. Хрои спросил у него, куда подевалось его добро. Хельги ответил, что ведать не ведает ни о каком имуществе, которым бы тот владел. Хрои спросил, как такое может быть. В ответ на это Хельги сказал, что вынес добро в условленный срок:

– Только я не заметил, чтобы ты за ним явился. Никому бы и в голову не пришло ожидать, что я оставлю все это добро на разграбление кому попало, а потому я распорядился унести его отсюда. И я считаю, что теперь оно принадлежит мне, а не тебе.

Хрои сказал, что тот поступил слишком поспешно и дурно, «и неудивительно, если тебе удалось за короткое время стяжать большое богатство, коли ты частенько прибегаешь к этаким уловкам».

Хельги сказал, что занимается этим уже кое-какое время и полагает, что дела его пока идут сносно.

– Однако конунг вчинит тебе иск, – говорит Хельги, – за то, что ты оставил без присмотра свое имущество, потому что в этой стране есть закон, по которому каждый должен охранять то, что ему принадлежит, так чтобы ни одному вору неповадно было на это позариться, а не то конунг вчинит ему иск. И пусть конунг теперь рассудит это дело.

Хрои сказал, что навряд ли ему следует ожидать для себя какой-нибудь прибыли от тяжбы с конунгом.

На этом они расстаются, и Хрои направляется к другому двору. Когда он почти поравнялся с ним, он увидал, что его догоняют два человека. Один из них весьма походил лицом на того, с кем он заключил сделку. Хрои накинул себе на шею пояс, на котором висел драгоценный нож. Того человека, что шел впереди, звали Торгисл, и он был братом Хельги. Как только они повстречались, он протянул руку к ремню и сказал:

– Вот так каждый возвращает себе то, что ему принадлежит. Этот пояс и этот нож ты отнял у меня в Валланде[7], а я сам велел изготовить для себя эти сокровища в Англии.

Хрои сказал в ответ:

– От этого мне тоже навряд ли стоит ожидать прибыли, – и усмехнулся.

После этого Хрои отправился дальше своей дорогой, а те двое повернули назад.

Не успел он далеко отойти, как увидал, что навстречу ему идет какой-то человек, рослый и с виду злобный. Человек этот был одноглазым. Когда они повстречались, Хрои спросил, кто он такой.

Тот отвечает:

– Сдается мне, что я тебя знаю, поскольку я ношу на себе отметину в знак того, что нам уже доводилось встречаться прежде.

Хрои спросил, что это еще за отметина.

Тот человек сказал:

– Нечего прикидываться, будто тебе об этом ничего не известно. Как ты сам знаешь, ты вырос в Дании и был одноглазым от рождения. Однажды, когда ты ездил по торговым делам, ты стоял несколько ночей у острова Самсей[8], и я был там тогда же. С тобою были финны, и ты заплатил им за то, чтобы они колдовством украли у меня глаз[9]. Ведь всякий, у кого есть смекалка, может заметить, что раньше оба эти глаза сидели в одном черепе, нынче же один из них принадлежит тебе, а другой – мне. И пускай конунг завтра рассудит это дело, а также и то, что ты отобрал пояс и нож у Торгисла, моего брата.

– Я не признаю за собой вины, – говорит Хрои, – однако, похоже, сегодня мне придется иметь дело сразу с несколькими противниками, – и усмехнулся.

После этого они расстались, и Хрои вернулся на корабль. Он ни словом не обмолвился своим людям о том, что случилось, и не подал виду, что его что-то заботит.

На следующее утро Хрои отправился к городским воротам[10] совсем один. И вот приходит он туда, а там были поблизости кое-какие постройки. Тут он слышит, что оттуда доносятся голоса. Один человек сказал:

– Хотелось бы знать, явится ли завтра на тинг[11] этот Хрои Простак?

Другой отвечает:

– Этому человеку не стоит ждать ничего хорошего, поскольку конунг всегда вершит суд так, как это угодно братьям, на чьей бы стороне ни была правда.

Хрои притворился, что ничего не слышал, и пошел своей дорогой. Затем приходит он в одно место и видит, как молодая женщина идет за водой. Никогда, подумалось ему, не видывал он женщины краше. Когда он приблизился к ней, она взглянула на него и сказала:

– Ты кто такой?

– Меня зовут Хрои, – говорит он.

– Так ты – Хрои Простак? – говорит она.

Он отвечает:

– Думаю, теперь это будет самое подходящее прозвище, хотя прежде меня называли иначе. А тебя как зовут? – спрашивает он.

Она говорит:

– Зовут меня Сигрбьёрг и я дочь Торгнюра лагмана[12].

Хрои сказал:

– Вот бы мне воспользоваться его мудростью! Может быть, ты не откажешься помочь мне?

Она отвечает:

– Отец мой обыкновенно не слишком благоволит к датчанам. Впрочем, он не водит дружбу и с этими братьями, и им всегда приходится отступать перед ним.

Хрои спросил:

– Не посоветуешь ли, как мне быть?

– Никто прежде не спрашивал у меня совета, – говорит она, – да и навряд ли я смогла бы помочь тебе советом, даже если бы захотела. Однако ты человек, вызывающий расположение. Пойдем-ка со мной. Встань под моей светелкой и хорошенько прислушивайся ко всему, что будет говориться: не узнаешь ли ты чего-нибудь для себя полезного и не послужит ли тебе это советом.

Он сказал, что пусть так и будет. Она уходит, а Хрои остается стоять под светелкой. Торгнюр узнал голос своей дочери, когда она вошла в светелку[13], и спросил:

– Какая на дворе погода, дочка?

– Хорошая, – говорит она.

Торгнюр сказал:

– Явится ли нынче Хрои Простак на тинг?

Она отвечает, что не знает.

Торгнюр спросил:

– Отчего это, дочка, ты так тяжело вздыхаешь? Уж не встречалась ли ты с Хрои Простаком? Верно, он тебе приглянулся и показался красавцем, и тебе захотелось помочь ему?

Она сказала:

– Скажи мне, что бы ты стал делать на его месте, когда бы попал в такую же беду и никто не захотел бы принять деньги, чтобы помочь тебе в твоей тяжбе?

Торгнюр отвечает:

– По мне, так никакая это не беда. Я бы ответил уловкой на уловку, и Хрои в тяжбе с Хельги может поступить точно так же. Ведь любому понятно: если человек обманом и мошенничеством присваивает себе чужое добро и не выплачивает за него никакого возмещения, то коли правда возьмет верх, конунг вчинит этому человеку иск, и он может обвинить его в воровстве и лишить чести и всего, что ему принадлежит. Хрои вполне может отплатить ложью за ложь, и наверное он уже решил так и сделать.

Она отвечает:

– Когда бы он был так же умен, как ты, он не был бы Хрои Простаком. А как бы ты поступил, если бы кто-нибудь потребовал у тебя твой глаз? – спрашивает она. – Что бы ты ему ответил?

Торгнюр говорит:

– На нелепицу надобно отвечать нелепицей.

Затем Торгнюр говорит ей, что бы он ответил в каждом случае, и этот рассказ еще впереди.

4. Столкновение Хрои с Хельги

После этого Сигрбьёрг уходит, встречается с Хрои и спрашивает, хорошо ли он запомнил те советы, которые ему были даны. Тот отвечает, что, думает, он сможет припомнить многое из этого.

Она сказала:

– Когда мой отец поедет на тинг, отправляйся вместе с теми, кто будет его сопровождать, и не обращай внимания на его попреки, даже если он станет осыпать тебя насмешками, потому что, похоже, он знает, что я встречалась с тобой и ты мне приглянулся. И я ожидаю, что он примет твою сторону, – тем более что ему известно, что это дело мне небезразлично. И если тебе не будет от этого пользы, я не стану тебе больше ничего советовать.

На этом они расстаются. А когда Торгнюр снарядился в дорогу, он отправляется на тинг. Хрои встречается с ним у городских ворот и приветствует его.

Торгнюр сказал:

– Ты кто такой?

Хрои назвал себя.

Торгнюр спросил:

– Что нужно Хрои Простаку в моей свите? Отправляйся-ка ты другой дорогой. Я не желаю, чтобы ты ехал с нами!

Хрои отвечает:

– Ты не можешь запретить мне ходить по земле и идти за тобой следом или выбирать дорогу себе по вкусу, при том что я не причиняю тебе никакого вреда. Я здесь чужой, и мне бы не помешало иметь таких спутников, как вы. К тому же мне необходимо добраться до места и добиться разбирательства моего дела.

Люди поддержали его и сказали, что так и есть.

И вот они продолжают свой путь, пока не прибывают на тинг. У Торгнюра была большая свита. Туда сошлось множество жителей страны. Когда люди собрались на тинге, Торгнюр сказал:

– Здесь ли братья Хельги и Торгисл?

Те ответили, что они на месте.

– В таком случае, – говорит Торгнюр, – следует сообщить конунгу о ваших претензиях к Хрои Простаку.

Хельги говорит:

– Я утверждаю, что между нами был уговор, что Хрои получит в собственность все товары, которые были в амбаре, а я должен буду вынести их и освободить амбар, а еще было условлено, когда Хрои явится за ними. А я должен был получить взамен весь груз, что был у него на корабле и перенести его оттуда. И вот, государь, – говорит он, – я сделал все в согласии с нашим уговором, но когда я освободил амбар и вынес товары, Хрои не явился. Тогда я распорядился перенести их в другое место, поскольку я не хотел, чтобы они были украдены ворами. Я считаю, что это имущество теперь принадлежит мне, а вы, конунг, должны вчинить ему иск за то, что он не стал охранять свое добро, но предпочел оставить его на разграбление. А теперь вам, государь, выносить решение по этому делу.

Конунг сказал:

– Здесь не обошлось без хитрости, но может статься, это имущество достанется тебе, если все было так, как ты говоришь. Таков ли был ваш уговор, Хрои?

Тот отвечает, что не может этого отрицать:

– Однако, государь, было и еще кое-что. Когда мы с Хельги заключили сделку, мы договорились о том, что мне достанется все, что было в амбаре. И теперь я требую себе всех ползучих тварей, мотыльков и червей, а также всех

гадов, что были там внутри. Я объявляю, что он был обязан очистить амбар от этих тварей, равно как и от всего прочего, что там было, однако я полагаю, что он не сделал этого. Кроме того, я объявляю своей собственностью и самого Хельги, поскольку он находился в амбаре, когда мы с ним заключали сделку. Хоть он и дурной человек, он все же может быть моим рабом либо я смогу продать его. А теперь, государь, вы должны вынести решение по этому делу.

Конунг сказал:

– Что ж, Хельги, ты имеешь дело с ловким и неглупым противником.

Тогда Торгнюр сказал:

– Ты хорошо говорил, Хрои, и тебе нелегко будет возразить. А теперь, что у вас за разногласия с Торгислом?

Торгисл отвечает:

– Я утверждаю, что Хрои отнял у меня нож и пояс, и обе эти вещи – большое сокровище.

Торгнюр сказал:

– Пусть теперь Хрои отведет это обвинение либо же признает свою вину, если он считает, что это правда.

Хрои сказал:

– Мне есть что на это ответить. Я вырос в Дании, и у меня был брат по имени Сигурд. Во всех отношениях это был более многообещающий человек, чем я. Он был гораздо моложе меня. Однажды он отправился вместе со мной в Валланд по торговым делам. В то время ему было двенадцать лет от роду. Как-то раз в торговом месте мальчик повстречал одного человека, был он высок ростом и прямоволос. Между ними сразу же завязался торг, однако у мальчика в кошеле было куда больше денег, чем у того товару, так что ему не на что было их выменять, да только тот человек, что ему повстречался, был жаден до денег и желал во что бы то ни стало заполучить их. Дело кончилось тем, что он убил мальчика и хотел спрятать его, но люди проведали об этом и рассказали мне. Когда же я пришел туда, где лежал мой убитый брат, того человека уже не было. Там были брошены нож и пояс, а все деньги исчезли. Вот как ко мне попали эти сокровища. Я считаю, что это Торгисл похитил деньги и убил моего брата[14]. А теперь вам, государь, надлежит вынести решение по этому делу.

Торгнюр сказал:

– Воистину, такие люди, как эти братья, подлежат казни.

5. О том, что Хрои предложил Ториру

Тут выходит Торир, брат Хельги и Торгисла, и говорит:

– Дело мое таково, что разрешить его будет всего труднее.

И рассказывает историю, о том, как он лишился глаза, о чем было написано раньше.

– А теперь я ожидаю, государь, что вы вынесете решение в мою пользу, – говорит он, – так как на этот раз он не сможет отрицать, что все было именно так, как я говорю. И не пристало вам, государь, выказывать больше благоволения чужеземцам, чем нам, братьям, потому что мы служили вам долгое время и никогда не уклонялись от выполнения тех поручений, которые вы на нас возлагали.

Конунг сказал:

– Дело это удивительное и неслыханное, но все же ты, Хрои, должен ответить на это обвинение.

Хрои отвечает:

– Я не признаю себя виновным, и я мог бы легко очиститься от этого обвинения и доказать, что на меня возвели напраслину. Однако ради вас, государь, у меня есть предложение.

– Послушаем какое, – говорит конунг.

Хрои сказал:

– Я предлагаю Ториру, чтобы у каждого из нас было выбито по глазу, а потом чтобы они были положены на весы, и если оба они из одного черепа, то у них должен быть одинаковый вес[15]. Коли так и будет, я уплачу такое возмещение, какое вы мне назначите, однако если один глаз окажется тяжелее другого или Торир не захочет пойти на это испытание, тогда он способен и на еще большую ложь.

Торир заявил, что не пойдет на это.

Торгнюр сказал:

– Выходит, что ты солгал, и вы, братья, как всегда, поступили дурно и вероломно. Похоже, что в конце концов вы сами сплели себе длинную петлю на шею из всяческой лжи. Вы долго и незаслуженно пользовались доверием конунга, и он считал вас более достойными людьми, чем вы есть на самом деле. Но теперь правда об этом должна выйти наружу. Ведь всем очевидно, что единственное справедливое решение – чтобы Хрои сам распорядился жизнью и имуществом этих братьев.

Хрои сказал:

– Мой суд будет скор, да я бы и не смог надумать ничего мудрее. Я хочу, чтобы братья Торир и Торгисл были лишены жизни, и ты, конунг, получил их земли, а я движимое имущество. Что до Хельги, то я желаю, чтобы он был изгнан из страны и впредь не смел сюда возвращаться, а если он все же когда-нибудь явится в Швецию, то должен быть схвачен и убит, и я присуждаю себе все его имущество.

Потом Торгисл и Торир были схвачены. Для них была воздвигнута виселица, и они были повешены как воры согласно законам страны. После этого тинг был распущен, и все разъехались по домам. Стали его теперь называть Хрои Прозорливый. Затем Хрои поблагодарил Торгнюра лагмана за помощь,

сказав, что ни за что не сумел бы спастись, когда бы не воспользовался его советами и мудростью.

– А теперь, возможно, тебе покажется, что я прошу слишком многого, если я посватаюсь к твоей дочери.

Торгнюр отвечает:

– Я думаю, будет разумно ответить на это согласием, потому что дочери моей ты давно уже пришелся по душе, и она не прочь выйти за тебя.

Затем они сыграли свадьбу на славу и с большим достоинством, и там было устроено великолепное угощение. После этого Хрои приготовился к отъезду и уехал в Данию. Он явился к Свейну конунгу и поведал ему о своей поездке и обо всем, что с ним произошло. А еще он сказал, что никому он не обязан больше, чем ему. Хрои привез конунгу из Швеции много ценных подарков. Свейн конунг сказал, что ему повезло и все завершилось удачно, хотя поначалу нельзя было знать наверняка, чем это может обернуться. На этом они с конунгом расстались, однако, покуда оба были живы, они всегда оставались друзьями.

Хрои отправился в Швецию. Торгнюр лагман к тому времени уже умер. После него лагманом стал его сын Торгнюр, и это был умнейший человек[16]. Они с Хрои поделили между собой деньги, как полагалось по законам страны, и достигли при этом полного согласия. Хрои считался достойнейшим человеком, а жена его была очень мудрой женщиной, и там, в Швеции, от них происходит немало знатных людей.

ПРЯДЬ ОБ ЭЙМУНДЕ СЫНЕ ХРИНГА

Здесь начинается прядь об Эймунде и Олаве конунге

Хринг было имя конунга, что сидел в Упплёнде в Норвегии. Фюльк, которым он правил, назывался Хрингарики[1]. Хринг был мудр, и у него было много друзей, то был человек миролюбивый и очень богатый. Он приходился сыном Дагу сыну Хринга, сыну Харальда Прекрасноволосого[2]. Их род считался самым лучшим в Норвегии, и не было ничего почетнее, чем принадлежать к нему. У Хринга было трое сыновей, и все они были конунгами. Одного из них звали Хрёрек, он был самым старшим из братьев, другого звали Эймунд,

третьего Даг[3]. Все они были люди отважные, охраняли владения своего отца и отправлялись в викингские походы и тем стяжали себе славу. Это было в те времена, когда в Упплёнде правил конунг Сигурд Свинья. Он был женат на Асте дочери Гудбранда, матери конунга Олава Святого[4]. Одну ее сестру звали Торню, она была матерью Халльварда Святого[5], а другую Исрид, она была бабкой Торира из Стейга[6].

Когда Олав сын Харальда и Эймунд сын Хринга выросли, они стали побратимами, к тому же они были почти ровесники. Они упражнялись во всех искусствах, владение которыми украшает мужей, и жили попеременно то у Сигурда конунга, то у Хринга конунга, отца Эймунда. Когда же Олав конунг отправился в Англию[7], Эймунд поехал вместе с ним. А еще там с ними были Рагнар сын Агнара, внук Рагнара Рюккиля, правнук Харальда Прекрасноволосого[8], и множество других могущественных людей. Чем дальше они странствовали, тем больше славы и известности они приобретали, как это на поверку вышло со святым Олавом конунгом, чье имя стало известно повсюду в северной части света. И когда он получил власть над Норвегией, то подчинил себе всю страну и истребил всех конунгов, правивших в фюльках, о чем рассказывается в его саге, и произошло это при разных обстоятельствах, о которых написали мудрые люди. Причем неизменно говорится о том, как одним утром он отнял владения у пятерых конунгов[9], по сообщению же Стюрмира Мудрого[10], всего в стране он лишил власти девятерых конунгов. Одних он приказал убить, других изувечить, а иных изгнал из страны. Эта беда постигла и Хринга с Хрёреком и Дагом, Эймунд же и Рагнар ярл, сын Агнара, когда произошли эти события, были в викингском походе. Хринг и Даг уехали из страны и долго совершали набеги. Затем они отправились на восток в Гаутланд и правили там долгое время[11]. Хрёрек же конунг был ослеплен и оставался с Олавом конунгом до тех пор, пока не предал его и не стравил между собой его дружинников, так что они поубивали друг друга. А сам он в день Вознесения в алтаре церкви Христа нанес Олаву конунгу удар и порезал парчовое одеяние, которое было на конунге, однако Бог уберег конунга, и он не был ранен[12]. Олав конунг разгневался на него за это и с первым же попутным ветром отослал его в Гренландию с Тораринем сыном Невьольва[13]. Они, однако, прибыли в Исландию, и Хрёрек оставался с Гудмундом Могучим в Подмаренничных Полях в Островном Фьорде и умер там на хуторе Телячья Кожа[14].

Об Эймунде и Рагнаре

Теперь надо прежде всего рассказать о том, что спустя некоторое время Эймунд и Рагнар приплывают в Норвегию. У них было множество кораблей. Олав конунг был тогда в отъезде. И вот они узнают о тех событиях, о которых было рассказано прежде. Эймунд созывает жителей на тинг и говорит так:

– С тех пор как мы уехали, здесь в стране произошли большие события: мы потеряли наших родичей, а кое-кто из них подвергся мучениям и был изгнан из страны. Мы понесли урон из-за утраты наших знатных и благородных родичей, и на нас пал позор. Теперь вся власть в Норвегии принадлежит одному конунгу, тогда как раньше она была у многих. Я считаю, что держава, которой правит Олав конунг, мой побратим, находится в хороших руках, хотя мне и кажется, что он проявляет слишком много властолюбия. Я думаю, что был бы у него в чести, однако не рассчитываю получить от него звание конунга.

Тут их друзья принялись убеждать его встретиться с Олавом конунгом и узнать, не пожелает ли тот дать ему звание конунга. Эймунд отвечает:

– У меня нет желания ни самому идти с боевым щитом против Олава конунга, ни оказаться в числе его врагов в неприятельском войске, однако после всего, что недавно произошло между нами, я не собираюсь и сдаваться на его милость или слагать с себя свое высокое звание. Но раз уж мы не ищем примирения с конунгом, что ж еще, по-вашему, нам остается делать, как не избегать встречи с ним? Я знаю, что, если бы мы встретились, он оказал бы мне большие почести, потому что я никогда не нападу на его державу. Однако я не уверен, что с моими людьми дела обстояли бы столь же хорошо, когда бы вы увидали, какому унижению подверглись ваши родичи. И ежели вы станете подбивать меня на это, я буду поставлен в трудное положение, – ведь тогда мы будем вынуждены дать клятвы, которые придется сдержать.

Люди Эймунда сказали на это:

– Что же ты думаешь теперь делать, раз ты не намерен ехать к конунгу и искать с ним примирения? Выходит, ты предпочитаешь покинуть свои владения и отправиться в изгнание, но при этом не собираешься примкнуть к его противникам.

Рагнар сказал:

– Эймунд говорил тут много такого, что мне по душе, и я не стал бы полагаться на наше везение и ожидать, что оно способно пересилить удачу Олава конунга. Мне думается, однако, что если мы оставим наши земли, нам следует позаботиться о том, чтобы в чужих глазах выглядеть позначительнее других торговых людей.

Эймунд сказал:

– Коль скоро вы готовы принять то решение, к которому я склоняюсь, я, если вы пожелаете, расскажу вам, что я задумал. Мне стало известно о смерти Вальдамара конунга[15], что правил на востоке в Гардарики[16], и теперь его держава досталась троим его сыновьям, и обо всех них идет добрая слава. Он же поделил между ними свою державу не поровну, так что теперь один из братьев владеет большей долей, чем двое других. Имя того, кому досталась большая часть отцовского наследства, Бурицлав[17], и он из них самый

старший, второй зовется Ярицлейв[18], а третий Вартилав[19]. Бурицлав владеет Кэнугардом[20], и это лучшие земли во всей Гардарики. Ярицлейв получил Хольмгард[21], а третий брат – Пальтескью[22] и все прилегающие к ней области. Однако они все еще не пришли между собой к согласию, и меньше всего доволен своей долей тот, кому при разделе отошли самые большие и самые лучшие владения. Он считает, что понес урон от того, что его держава меньше, чем была у его отца, и поэтому ему кажется, что он уступает в могуществе своим предкам. И вот что мне пришло на ум, если только вам это придется по нраву: посетить этих конунгов и остаться у одного из них, и лучше всего у того, кто желает сохранить свои владения и доволен тем, как их отец поделил между ними державу. Нам это пойдет на пользу, и мы сможем стяжать там и богатство, и славу. А теперь мы должны принять решение.

Все они выразили желание так и поступить. Там было много людей, которым хотелось добыть себе добра и возместить тот ущерб, что был им причинен в Норвегии. Они почли за лучшее покинуть страну, нежели остаться и терпеть притеснения от конунга и своих недругов. Поэтому они решили уехать с Эймундом и Рагнаром, и те уплыли из страны с большим и исполненным отваги войском и направились в Восточные Страны[23]. Олав конунг узнал об этом только после их отъезда и сказал, что плохо, что они не встретились с Эймундом:

– Потому что мы бы с ним расстались куда большими друзьями, а теперь он, скорее всего, затаил против нас злобу. Из страны уехал человек, которому, как никому другому в Норвегии, мы готовы были оказать всевозможные почести и пожаловать что угодно, кроме звания конунга.

Олаву конунгу доложили о том, что Эймунд говорил на тинге, и конунг сказал, что, похоже, тот принял верное решение, и к этому больше нечего добавить. А теперь рассказ возвращается назад к Эймунду и Рагнару ярлу.

Эймунд приезжает в Гардарики

Эймунд и его спутники не прерывали своего путешествия, пока не прибыли на восток в Хольмгард к Ярицлейву конунгу. Первым делом по просьбе Рагнара они отправляются на встречу с Ярицлейвом конунгом. Ярицлейв конунг был зятем Олава Шведского, он был женат на его дочери Ингигерд[24]. И когда конунг узнает об их приезде в страну, он посылает к ним людей, поручив передать им предложение жить в мире внутри страны[25], а также приглашение пожаловать к нему на отменный пир. Они приняли это приглашение с благодарностью. А когда они сидели и пировали, конунг и конунгова жена принялись расспрашивать их о том, что делается в Норвегии, и об Олаве конунге, сыне Харальда. Эймунд отвечал, что о конунге и его привычках можно рассказать много хорошего, и сообщил, что они с ним долгое время были

побратимами и товарищами. Однако Эймунд не захотел упоминать ни о чем таком, что ему было не по душе и о чем уже было рассказано раньше. Эймунд и Рагнар были высокого мнения о конунге Ярицлейве и ничуть не худшего о конунговой жене, так как она была исполнена благородства и щедрости. Ярицлейв же конунг не слыл щедрым мужем, но он был мудрым и властным правителем.

Договор Эймунда с Ярицлейвом конунгом

И вот конунг спрашивает их о цели их путешествия и далеко ли они направляются. Они отвечают так:

– Нам стало известно, государь, что вам, возможно, придется уменьшить ваши владения из-за ваших братьев, мы же были выдворены из страны и решили отправиться на восток, сюда в Гардарики, чтобы повстречаться с вами и вашими братьями. Мы намерены присягнуть на верность тому из вас, кто предложит нам наибольший почет и уважение, поскольку мы желаем добыть себе богатство и славу и получить от вас признание и почести. Нам пришло на ум, что вам, возможно, захочется иметь при себе храбрых людей на тот случай, если ваши родичи, те самые, что ныне превращаются в ваших врагов, решатся посягнуть на вашу честь. Мы предлагаем вам себя в защитники этой державы, чтобы вы наняли нас на службу, и за это желаем получать от вас золото, серебро и хорошую одежду. Если же вы вдруг решите ответить нам отказом и отвергнуть наше предложение, то мы пойдем служить на тех же условиях к другому конунгу.

Ярицлейв конунг отвечает:

– Мы очень нуждаемся в вашей помощи и советах, поскольку вы, норвежцы, люди умные и отважные, но я не знаю, сколько денег вы попросите у нас за вашу службу.

Эймунд отвечает:

– Перво-наперво ты должен будешь предоставить отдельный покой для нас и всех наших людей и позаботиться о том, чтобы у нас никогда не переводились самые лучшие из ваших припасов, что бы нам ни понадобилось.

– На это условие я готов пойти, – говорит конунг.

Эймунд сказал:

– Ты сможешь располагать этими людьми, и в бою они будут идти впереди твоего войска и защищать твою державу. За это ты должен будешь выплачивать каждому нашему воину эйрир серебра[26], а каждому кормчему сверх того пол-эйрира.

Конунг отвечает:

– Мы не сможем этого выполнить.

Эймунд сказал:

– Сможете, государь, потому что мы готовы принимать эту плату бобровыми и собольими шкурками и другими вещами, которыми богата ваша страна, и оценивать их будем мы сами, а не наши воины. Ежели случится какая-нибудь военная добыча, ты сможешь платить нам из нее, а в случае, если нам придется сидеть без дела, ты сможешь уменьшить нашу долю.

И вот конунг соглашается на это, и было решено, что этот договор будет оставаться в силе в течение двенадцати месяцев.

Эймунд одерживает победу в Гардарики

Эймунд и его люди вытащили на берег свои корабли и надежно укрыли их, а Ярицлейв конунг отдал в их распоряжение каменный покой и приказал завесить его стены драгоценными тканями[27]. Им предоставляли все, в чем они нуждались, и они получали все самое лучшее. Теперь они проводили все дни в веселье и развлечениях вместе с конунгом и конунговой женой. А когда они пробыли там недолгое время, и их там хорошо принимали, Ярицлейву конунгу пришли письма от Бурицлава конунга, и в них высказывались требования, чтобы тот передал ему некоторые области и торговые места, которые лежали поблизости от его владений, поскольку, как он говорил, ему было бы сподручно собирать с них подати. И вот Ярицлейв конунг рассказывает Эймунду конунгу о том, что от него требует его брат. Тот отвечает:

– Я мало что могу сказать на это, но, коли вы захотите принять нашу помощь, вы можете располагать нами. Если твой брат не просит слишком многого, необходимо ему уступить, однако если, как я подозреваю, он этим не удовлетворится, ты будешь поставлен перед выбором: поступиться своими владениями или идти до конца и доблестно защищать их от братьев силой оружия, с тем чтобы и впредь сохранить свою власть. Было бы менее опасно раз за разом отдавать ему то, что он потребует, но, если ты пойдешь на это, многие люди сочтут такое поведение малодушным и недостойным конунга. И я не знаю, для чего ты держишь здесь иноземное войско, если ты не готов на нас положиться. А теперь тебе придется самому принять решение.

Ярицлейв конунг заявил, что не склонен добровольно уступать свои владения.

Тогда Эймунд говорит:

– Раз так, ты должен сказать посланцам твоего брата, что ты намерен защищать свою державу, ведь, по словам мудрых людей, удача сопутствует тому, кто сражается на своей земле, а не на чужой. И тебе не следует давать ему время на то, чтобы он собрал против тебя войско.

И вот посланцы уезжают восвояси и докладывают своему конунгу о том, как было дело, – что Ярицлейв конунг не желает уступать своему брату ни пяди собственных земель, но готов сразиться с ним, если тот вторгнется в его владения.

Конунг сказал:

– Видно, он рассчитывает получить помощь и подкрепление, раз он собирается сражаться против нас. Уж не явились ли к нему какие-нибудь иноземцы, которые дают ему советы, как упрочить свою власть?

Посланцы говорят, что слыхали, что там будто бы находится норвежский конунг с шестью сотнями норвежцев. Бурицлав конунг сказал, что, должно быть, они ему это и посоветовали. Затем он начинает собирать свое войско.

Ярицлейв конунг велел послать по всей своей стране ратную стрелу, и теперь уже оба конунга принимаются созывать своих людей. Все произошло так, как и ожидал Эймунд: Бурицлав конунг перешел границы своих владений и выступил против своего брата. В том месте, где они встретились, был большой лес, который рос у широкой реки, и оба они разбили свои шатры так, что их разделяла река, и ни у одного из них не было значительного численного перевеса. Эймунд конунг и все норвежцы разбили свои шатры отдельно от других. Так они просидели там спокойно четыре ночи, и ни одна из сторон не затеяла сражения.

Тогда Рагнар сказал:

– Чего мы ждем и что означает это сидение?

Эймунд конунг отвечает:

– Похоже, наш конунг недооценивает силы своих недругов и принимает неверные решения.

Затем они встречаются с Ярицлейвом конунгом и спрашивают, не собирается ли тот вступить в сражение с противником. Конунг отвечает:

– Сдается мне, у нас отличное войско, оно и велико, и надежно[28].

Эймунд конунг отвечает:

– Я смотрю на это иначе, государь. Вначале, когда мы только прибыли сюда, мне казалось, что в каждом шатре у них не много народу и что лагерь был разбит в расчете на то, чтобы в нем могло разместиться куда большее войско. Теперь же положение изменилось, и впридачу к прежним они поставили новые шатры, а иные из их воинов расположились еще и за пределами лагеря, тогда как много вашего люду успело разбежаться по своим окру́гам и вернуться домой, так что на ваше войско положиться нельзя.

Конунг спрашивает:

– Что же нам теперь делать?

Эймунд отвечает:

– Дело обстоит труднее, чем прежде, и, сидя здесь, мы упустили из наших рук победу, однако мы, норвежцы, кое-что предприняли. Мы отвели все наши корабли вверх по реке, и на них наши доспехи. Теперь мы отправимся туда с нашими людьми и нападем на них с тыла, а наши шатры пусть стоят здесь пустые. Вы же должны как можно скорее построить ваше войско в боевой порядок и готовиться к сражению.

Так и было сделано. Был отдан приказ трубить в рог, поднято знамя, и оба войска приготовились к бою. Полки сошлись и завязалась жесточайшая битва, и очень скоро там было перебито множество народу. Эймунд конунг и Рагнар напали на Бурицлава конунга и его людей с тыла, и их натиск был очень силен. Сражение разгорелось жаркое и кровопролитное, и в конце концов боевые порядки Бурицлава конунга расстроились и его войско обратилось в бегство, Эймунд же конунг прошел сквозь его полки и сразил так много людей, что было бы долго перечислять имена всех, кто там пал. Войско было разбито наголову, и те, кто уцелели, не оказав никакого сопротивления, разбежались по полям и лесам, и так спасли себе жизнь. И в то же самое время разнеслась весть, что Бурицлав конунг убит. После этого сражения Ярицлейв конунг захватил огромную добычу. Как считало большинство людей, эта победа была одержана Эймундом конунгом и норвежцами, а потому они заслужили себе большую славу, и это было по справедливости, поскольку, как и во всяком ином деле, так рассудил Господь наш Иисус Христос.

И вот они отправляются домой в свои владения, и в результате этой битвы Ярицлейв конунг не только сохранил свою державу, но и взял большую добычу[29].

Совет Эймунда

Остаток лета и зима прошли спокойно, и ничего нового не произошло. Ярицлейв конунг управлял обеими державами, следуя советам Эймунда конунга и под его присмотром. Теперь норвежцы были в большой чести и пользовались уважением как защитники и советчики конунга, которые принесли ему богатую добычу. Однако они лишились положенного им жалованья, так как конунг считал, что теперь, когда другой конунг пал, он нуждается в помощи меньше, чем прежде, и ему казалось, что во всех его владениях водворился мир. А когда истек срок платежа, Эймунд конунг явился к Ярицлейву конунгу и сказал так:

– Мы, государь, уже пробыли в вашей державе некоторое время, и теперь вам предстоит решить, будет ли продлено наше соглашение или вы предпочитаете, чтобы мы с вами расстались и мы подыскали себе другого предводителя, потому что здесь с нами не слишком торопились расплачиваться.

Конунг отвечает:

– Я думаю, что теперь я меньше нуждаюсь в вашей помощи, чем прежде. Для нас оказалось весьма разорительным выплачивать вам столь высокое жалованье, какое вы себе потребовали.

– Так и есть, государь, – говорит Эймунд конунг, – потому что с этих пор каждому из наших людей будет причитаться эйрир золота, а каждому кормчему – полмарки золота.

Конунг сказал:

– Раз так, я предпочитаю расторгнуть наш договор.

– Это в вашей власти, – говорит Эймунд конунг. – Однако известно ли вам наверняка, что Бурицлав мертв?

– Я думаю, это правда, – говорит конунг.

Эймунд спрашивает:

– Коли так, он, верно, был достойно погребен. И где же его могила?

Конунг отвечает:

– Это нам точно не известно.

Эймунд сказал:

– Государь, человеку вашего звания подобало бы знать, где был похоронен ваш столь же благородный брат. Я подозреваю, что ваши люди не сказали вам всей правды и сами не имели достоверных сведений на этот счет.

Конунг сказал:

– Уж не известно ли вам чего об этом деле и не расскажете ли вы нам нечто более правдивое, к чему у нас было бы больше доверия?

Эймунд отвечает:

– Мне передавали, что Бурицлав конунг жив и провел зиму в Бьярмаланде[30], и нам достоверно известно, что он собирает против вас огромную рать. И в этом уж точно больше правды.

Конунг спросил:

– И когда же он может нагрянуть на нашу державу?

Эймунд отвечает:

– Мне было сказано, что он может быть здесь спустя три недели.

После этого Ярицлейв конунг не захотел лишаться их помощи. И вот они опять заключают договор на двенадцать месяцев. Затем конунг спросил:

– Как же нам теперь быть? Собрать войско и сразиться с ними?

Эймунд отвечает:

– Таков будет мой совет, если вы желаете защитить Гардарики от Бурицлава конунга.

Ярицлейв спросил:

– Следует ли нам держать свое войско здесь или выступить им навстречу?

Эймунд отвечает:

– Надо созывать всех, кто может явиться, сюда, в город, а когда войско соберется, мы решим, как нам лучше поступить.

Битва между братьями

Сразу же вслед за тем Ярицлейв конунг разослал весть о войне по всей своей державе, и к нему сошлось огромное войско бондов[31]. После этого Эймунд конунг отправляет своих людей в лес и велит им валить деревья, везти их в город и ставить на крепостные стены. Он распорядился обращать каждое

из них ветвями наружу, чтобы в город не залетали стрелы и копья. Он также приказал выкопать за городскими стенами большой ров, вывезти оттуда землю, а потом наполнить его водой. Затем он велел наложить поверх рва деревьев и устроить все так, чтобы его не было видно и казалось, будто там нетронутая земля[32]. И когда со всем этим было покончено, они узнали, что Бурицлав конунг явился в Гардарики и направляется в город, где находились оба конунга. Эймунд конунг и его люди распорядились также хорошенько укрепить двое городских ворот, которые они намеревались защищать, а если придется, уходить через них из города. А вечером накануне того дня, когда ожидали прибытия вражеского войска, Эймунд конунг велел женщинам взойти на крепостные стены, захватив с собой все свои драгоценности, и, расположившись там поудобнее, насадить на шесты свои золотые обручья, чтобы их было получше видно[33].

– Я ожидаю, – говорит он, – что бьярмам захочется завладеть этими сокровищами, и как только солнце заиграет на золоте и золотом шитье на дорогой одежде, они, ни о чем не подозревая, поскачут к городу.

Все было сделано так, как он сказал. И вот Бурицлав выходит со своим войском из лесу и направляется к городу. Тут они увидали все великолепие города и решили, что это хорошо, что об их приближении не стало известно заранее. Тогда они отважно ринулись вперед, позабыв об осторожности. Множество людей попадало в ров и погибло там, что до Бурицлава конунга, то он находился в задних рядах. Он узнал об этом несчастье и сказал так:

– Похоже, это место не так удобно для нападения, как нам показалось, и эти норвежцы весьма хитроумный народ.

И вот он раздумывает, с какой стороны будет лучше всего напасть, а тем временем все великолепие, которое им было показано, исчезло из виду. Видит он тут, что все городские ворота, кроме двух, стоят на запоре, да и в те проникнуть отнюдь не просто, поскольку они хорошо укреплены и их охраняет множество народу. Вслед за тем раздался боевой клич, и люди в городе приготовились к бою. Оба конунга, Ярицлейв и Эймунд, были каждый у своих городских ворот. Началась жестокая битва, и с обеих сторон было много убитых. В том месте, где находился Ярицлейв конунг, натиск был настолько силен, что нападающим удалось прорваться сквозь ворота, которые он защищал, а сам конунг был тяжело ранен в ногу[34]. Прежде чем эти ворота были взяты, там полегло множество народу.

Тогда Эймунд конунг сказал:

– Плохо дело, раз наш конунг ранен и они перебили много наших людей и теперь проникли в город. А теперь поступай как тебе больше хочется, Рагнар, – говорит он, – либо обороняй эти ворота, либо отправляйся на подмогу к нашему конунгу.

Рагнар отвечает:

– Я остаюсь здесь, а ты иди к конунгу, так как там могут нуждаться в твоих советах.

Эймунд отправляется туда с большим отрядом и видит, что бьярмы уже в городе. Он напал на них, и его натиск был так силен, что за короткое время они сразили в войске Бурицлава конунга множество людей. Эймунд наступал решительно и подбадривал своих людей идти вперед, и никогда еще не бывало более продолжительного и ожесточенного боя, чем этот. Дело кончилось тем, что все бьярмы, которые еще стояли на ногах, обратились в бегство из города, и Бурицлав конунг бежал, понеся большие потери, а Эймунд конунг и его люди бросились их преследовать и загнали в лес. Они убили знаменосца конунга, и вновь было объявлено, что и сам конунг скорее всего пал, и пришла пора праздновать великую победу.

Эймунд конунг очень отличился в этом сражении, и некоторое время все было спокойно. Они остаются у конунга в большой чести, и все в стране очень их ценят, однако конунг не торопится выплачивать им жалованье, и это дело подвигается настолько трудно, что и после наступления назначенного дня они так и не получили того, что им причиталось.

Об Эймунде

Как-то раз случилось так, что Эймунд конунг беседовал с конунгом и сказал ему, что тот должен заплатить им их жалованье, как и подобает могущественному правителю. Он сказал, что, по его мнению, они добыли ему больше добра, чем та плата, которая была им положена:

– И мы считаем, что вы поступаете недальновидно и что, должно быть, вам больше не нужны наша поддержка и помощь.

Конунг говорит:

– Может статься, теперь наши дела пойдут на лад и без вашей поддержки, хотя вы и могли бы оказать нам немалую помощь. Да только мне говорили, будто бы ваше войско испытывает нехватку во всем.

Эймунд отвечает:

– Почему бы это, государь, только вы один должны обо всем судить? Многие из моих людей считают, что они понесли большой урон: кто лишился ноги, а кто руки или какого-либо другого из своих членов, а кто-то потерял свое боевое оружие. Убытки наши велики, и вы все еще могли бы их нам возместить. А теперь вам надобно решить это дело в ту или иную сторону.

Конунг сказал:

– Я не хотел бы, чтобы вы уезжали отсюда, однако мы не станем платить вам такое же большое жалованье, зная, что не ожидается никакого немирья.

Эймунд отвечает:

– Мы нуждаемся в деньгах, и мои люди не желают служить только за свое пропитание. Лучше уж мы отправимся во владения других конунгов и поищем себе славы там, да и не похоже на то, чтобы здесь в стране случилась война. А наверняка ли вы знаете, что конунг убит?

– Мы думаем, что это так, – говорит конунг, – поскольку у нас его знамя.

Эймунд спрашивает:

– И вам известно, где его могила?

– Нет, – отвечает конунг.

Эймунд сказал:

– Неразумно ничего об этом не знать.

Конунг говорит в ответ:

– Может быть, тебе известно об этом больше, чем другим людям, которые знают правду об этом деле?

Эймунд отвечает:

– Он счел, что будет меньшей потерей лишиться знамени, чем жизни. Сдается мне, что ему удалось бежать и он провел зиму в Стране Турков, и теперь он вновь намеревается идти на вас войной. У него несметное войско, и в нем турки и валахи[35] и множество другого зловредного народу. Я слыхал, что он, скорее всего, откажется от христианской веры и в случае, если ему удастся отвоевать у вас Гардарики, намерен поделить страну между этими свирепыми народами. И ежели все произойдет так, как он задумал, тогда он наверняка с позором прогонит из страны всех ваших родичей.

Конунг спрашивает:

– Как скоро он может прибыть сюда с этой зловредной ратью?

Эймунд отвечает:

– Через полмесяца.

– Как же нам теперь быть? – спрашивает конунг. – Ведь теперь нам никак не обойтись без ваших разумных советов.

Рагнар сказал, что он предпочел бы, чтобы они уехали оттуда, и предложил конунгу самому принимать решения. Эймунд сказал:

– Нас станут осуждать, если мы расстанемся с конунгом, когда он находится в опасности, поскольку, когда мы явились к нему, он жил в мире, и я не желаю покидать его иначе, как при условии, что он и после нашего ухода будет оставаться в безопасности. Поэтому нам следует продлить наш с ним договор еще на двенадцать месяцев, а он должен будет увеличить нам жалованье, как мы условились прежде. А теперь надо принять решение, собирать ли войско, или вы предпочитаете, государь, чтобы мы, норвежцы, сами защищали страну, а ты будешь сидеть спокойно, ни во что не вмешиваясь, и пустишь в ход свое войско, только если мы потерпим поражение.

– Это мне по нраву, – говорит конунг.

Эймунд сказал:

– Не стоит так с этим спешить, государь. Другое решение – это держать наши войска вместе, и мне оно кажется более разумным. Что до нас, норвежцев, то мы не побежим первыми, хотя мне и известно, что многие при виде наставленных на них копий были бы не прочь это сделать. Однако я не знаю, как на деле поведут себя те, кому сейчас пуще всех не терпится вступить в бой. И как нам поступить, государь, если мы столкнемся лицом к лицу с конунгом? Следует ли нам убить его или нет? Потому что, покуда вы оба живы, не будет конца этому немирью.

Конунг отвечает:

– Раз уж я побуждаю людей сразиться с Бурицлавом конунгом, я не стану винить их, если он будет убит.

И вот они расходятся по своим покоям, и никто из них не велит собирать войска или заняться какими-нибудь иными приготовлениями, и все очень дивятся тому, что ничего не предпринимается, когда на них надвигается такая большая опасность. А спустя короткое время они узнают о том, что Бурицлав конунг вторгся в Гардарики с огромной ратью и что с ним множество свирепого люда. Эймунд конунг сделал вид, что он и ведать не ведает о том, что произошло, и ему об этом ничего не доносили. Многие люди говорили, что он, должно быть, не осмеливается сразиться с Бурицлавом.

Эймунд убил Бурицлава конунга

Как-то раз рано поутру Эймунд призывает к себе Рагнара, своего родича, и еще десятерых человек. Он велит, чтобы им оседлали коней, и вот эти двенадцать выезжают из города, никого больше с собой не взяв, а все прочие остаются в городе. В этой поездке с ними был исландец, которого звали Бьёрн, а также Гарда-Кетиль[36] и Аскель и еще два человека по имени Торд. Они захватили с собой еще одну лошадь, навьючив на нее доспехи и провизию. Все они отправляются в путь, переодевшись купцами, и никто не знает, какова цель их поездки и что они задумали.

Они въезжают в лес и едут по нему весь день, пока не наступает ночь. Тогда они выезжают из лесу и направляются к высоченному дубу. Рядом лежало прекрасное поле и было широкое открытое место. Тогда Эймунд конунг сказал:

– Здесь мы остановимся. Я слыхал, что Бурицлав конунг намеревается разбить в этом месте лагерь и расположиться в нем на ночлег.

Они обходят дерево, выходят на открытое место и начинают раздумывать, где там лучше всего будет разбить шатры. Эймунд конунг говорит:

– Бурицлав конунг скорее всего велит разбить свои боевые шатры здесь. Мне докладывали, что везде, где это только можно, он встает лагерем побли-

зости от леса, чтобы в случае нужды иметь возможность прибегнуть к какой-нибудь уловке.

Затем Эймунд конунг взял веревку или канат и велел им идти на поляну – «прямиком к тому дереву». Он распорядился, чтобы один из его людей взобрался на ветви дерева и завязал там веревку, и это было исполнено. После этого они наклонили дерево так, что его ветки доставали до земли, и пригнули его до самых корней. Тогда Эймунд конунг сказал:

– Теперь я доволен, и это может сослужить нам хорошую службу.

Потом они закрепили концы веревки, и к середине вечера с этой работой было покончено. Тут они заслышали приближение войска конунга. Тогда они пошли в лес к своим лошадям. Они увидели большое войско и великолепную повозку, за которой следовало множество людей, а впереди нее несли знамя. Как и рассчитывал Эймунд конунг, эти люди завернули на поляну и направились к лесу, прямиком туда, где было наилучшее место для лагеря. Они разбивают там главный шатер, а все войско располагается поодаль от него, у леса. Все это продолжается до наступления темноты. Конунгов шатер отличался роскошью и был сооружен отменно. У него было четыре конца, и над ним возвышался высокий столб, который венчал золотой шар с флюгером. Эймунд и его люди наблюдали из леса за всем, что происходило в лагере, и вели себя тихо. А когда сделалось темно, в лагере зажглись огни, и они поняли, что теперь там идут приготовления к ужину.

Тогда Эймунд конунг сказал:

– У нас мало припасов, и это не годится. Схожу-ка я к тем, кто занят стряпней у них в лагере.

И вот Эймунд одевается нищим, подвязывает себе козлиную бороду и отправляется в путь, захватив с собой два посоха[37]. Так он является в конунгов шатер и принимается клянчить еду у каждого, кто там был. Затем он направляется в соседние шатры, добывает там вдоволь провизии и благодарит за гостеприимство. После этого он уходит из лагеря, и теперь у них хватает припасов. А когда люди напились и наелись досыта, все стихло. Тут Эймунд конунг разделил свой отряд на две части. Он оставил шесть человек в лесу стеречь лошадей и наказал держать их наготове на случай, если им придется спешно уезжать. Сам же Эймунд с пятью спутниками выходит из лесу и как ни в чем не бывало направляется в лагерь.

Тут Эймунд говорит:

– Пускай теперь Рёгнвальд[38] с Бьёрном и исландцами пойдут к тому дереву, которое мы согнули.

И он вручает каждому из них по топору:

– Не вас учить наносить тяжелые удары, и теперь в этом опять настала нужда.

Затем они подошли к тому месту, где ветви дерева касались земли, и Эймунд конунг сказал:

– Третий человек должен встать здесь, на тропе, что ведет к поляне. Ему ничего не придется делать, только держать в руке веревку и отпустить ее, когда мы за нее потянем, потому что мы будем держаться за другой конец. А когда мы устроим все как следует, тот, на кого я укажу, должен будет ударить по веревке топорищем. Тому же, кто держит веревку, должно быть понятно, отчего она трясется – от того ли, что мы ее дернули, или от удара. И как только мы в решающий момент подадим этот знак, коли нам будет сопутствовать удача, тот, кто держит конец веревки, должен будет сказать тому, кто рядом с ним, что получил его, и тогда им нужно будет рубить ветки дерева, так чтобы оно распрямилось сразу и со всей силы.

И вот они поступают так, как им было сказано. Бьёрн отправляется вместе с Эймундом конунгом и Рагнаром. Они подходят к главному шатру и делают петлю на веревке, надевают ее на древки копий, поднимают и накидывают на флюгер, что был сверху на столбе конунгова шатра, так что она оказывается у самого шара. Они проделывают все это бесшумно, пока люди в лагере крепко спят, так как устали с дороги и напились пьяные. А когда с этим было покончено, они потянули за концы веревки, укоротив ее таким образом, и условились, что им делать дальше. Эймунд конунг подошел поближе к конунгову шатру, чтобы быть неподалеку, когда он будет сорван. И вот они ударяют по веревке, и тот, кто держал другой ее конец, чувствует, что ее тряхнуло, и говорит об этом тем, кому надлежало рубить. Те принимаются рубить дерево, и оно с силой распрямляется во всю высоту и срывает целиком весь конунгов шатер, унося его далеко в лес. Все огни при этом гаснут. Эймунд конунг еще с вечера хорошенько приметил то место в шатре, где конунгу было устроено ложе. Он направляется прямиком туда и наносит конунгу смертельный удар[39], а также убивает многих других, кто там был. Он уносит с собой голову Бурицлава конунга и убегает в лес вместе со своими людьми, так что их было не найти. Оставшиеся в живых люди Бурицлава конунга преисполнились ужасом от этого великого события.

Эймунд же конунг и его спутники уехали прочь и не останавливались, пока ранним утром не прибыли домой. Эймунд идет к Ярицлейву конунгу и сообщает ему всю правду о гибели Бурицлава конунга:

– И вот взгляните, государь, на эту голову, возможно, вы ее узнаете.

Конунг покраснел, когда увидал голову[40]. Эймунд сказал:

– Этот великий подвиг, государь, совершили мы, норвежцы. А теперь вам следует приготовить тело вашего брата к погребению и похоронить его как подобает.

Ярицлейв конунг отвечает:

– Ваш поступок стал для нас большой неожиданностью, и он близко нас касается. И, я считаю, вы должны взять на себя приготовления к его погребению. Но что, по вашему, могут теперь предпринять те, кого он привел с собой?

Эймунд отвечает:

– Я догадываюсь, что они соберут сходку и что все они станут подозревать в этом убийстве друг друга – ведь они ничего не знают о нас. Скорее всего они разойдутся, поскольку между ними не будет согласия. Ни один из них не будет доверять другому, и они не пожелают держаться вместе. И я ожидаю, что мало кому из этих людей будет дело до погребения их конунга.

И вот норвежцы уезжают из города и скачут тем же путем через лес, пока не прибывают к месту, где был разбит лагерь. Все произошло именно так, как и догадывался Эймунд конунг: ратей Бурицлава конунга и след простыл, и они рассеялись из-за раздоров. Эймунд конунг вышел на поляну, и там лежало тело конунга, но никого не было рядом. Затем они приготовили его к погребению, приложили его голову к туловищу и отправились вместе с ним восвояси. После этого он был похоронен, и об этом стало известно многим людям. Тогда все жители страны присягнули на верность Ярицлейву конунгу, и он стал правителем той страны, которая прежде принадлежала им обоим.

Эймунд конунг уезжает от Ярицлейва к его брату

Проходят лето и зима, и все спокойно, и снова им не спешат выплачивать жалованье. Кое-кто говорил конунгу, что можно многое припомнить об убийстве его брата и что теперь норвежцы, мол, считают себя выше конунга.

И вот наступает день, когда им должны были заплатить жалованье, и они направляются в покой конунга. Он приветствует их и спрашивает, зачем это они пришли к нему в такую рань. Эймунд конунг отвечает:

– Возможно, вы больше не нуждаетесь в нашей помощи, государь, и теперь настало время расплатиться с нами сполна.

Конунг сказал:

– Много всего произошло после вашего приезда.

– Это правда, государь, – говорит Эймунд, – и не будь нашей поддержки, тебя бы давно изгнали из страны. Что же до гибели твоего брата, то и нынче дело обстоит ровно так же, как когда ты дал на нее свое согласие.

Конунг сказал:

– Что же вы теперь собираетесь делать?

Эймунд отвечает:

– А чего бы тебе меньше всего хотелось?

– Сам не знаю, – говорит конунг.

Эймунд отвечает:

– Зато я знаю. Меньше всего тебе хотелось бы, чтобы мы отправились к Вартилаву конунгу, твоему брату. Однако ж мы поедем туда не откладывая и подсобим ему чем только сможем. А тебе счастливо оставаться, государь![41]

Они поспешно выходят и направляются к своим кораблям, которые успели снарядить заранее.

Ярицлейв конунг сказал:

– Больно уж поспешно они уехали и не по нашей воле.

Конунгова жена говорит в ответ:

– Как бы не вышло так, что после того, как вы с Эймундом конунгом расстались, он будет доставлять вам немало хлопот.

Конунг сказал:

– Хорошо бы от них избавиться.

Конунгова жена отвечает:

– Только прежде чем это случится, они могут посрамить вас.

После этого она идет в сопровождении Рёгнвальда ярла сына Ульва[42] и еще нескольких человек на берег, туда, где стояли корабли Эймунда. Им передают, что конунгова жена желает встретиться с Эймундом конунгом.

Тот сказал:

– Не стоит ей верить, потому что она умнее конунга, однако я не стану отказываться от беседы с ней.

– Раз так, я хочу пойти с тобой, – говорит Рагнар.

– Нет, – отвечает Эймунд, – это не вражеская вылазка, так что нет нужды идти к ним на встречу со всей ратью.

На Эймунде был плащ на завязках, а в руке он держал меч. Они уселись на берегу, над местом, которое заливала вода. Конунгова жена и Рёгнвальд ярл расположились так близко от Эймунда, что сидели чуть ли не на его одежде.

Конунгова жена сказала:

– Плохо, что вы с конунгом расстаетесь таким образом. Мне бы хотелось что-нибудь сделать для того, чтобы вы с ним лучше ладили.

Тем временем ни у одного из них руки не оставались без дела: Эймунд распустил завязки на своем плаще, а конунгова жена стянула с руки перчатку и взмахнула ею над головой. Видит тут Эймунд, что дело не обошлось без обмана: а конунгова жена и в самом деле подговорила людей убить его, и было условлено, что она подаст им знак, махнув перчаткой. Те тотчас же бросились к нему, однако Эймунд заметил их раньше, чем они подбежали. Он проворно вскакивает, и прежде, чем они опомнились, от него всего-то и осталось, что плащ. Так им и не удалось расправиться с ним[43]. Рагнар увидал это и побежал с корабля на берег, а за ним один за другим устремились и все остальные. Они хотели убить людей конунговой жены, однако Эймунд заявил, что этому не бывать. Они столкнули их вниз с глиняного берега и схватили.

Рагнар сказал:

– На этот раз, Эймунд, мы не станем просить у тебя совета, что нам предпринять. Мы намерены увезти их[44] с собой.

Эймунд говорит в ответ:

– Нам не пристало это делать, и пускай они отправляются домой с миром, потому что я не хочу вот так разорвать мою дружбу с конунговой женой.

И вот она возвращается домой, недовольная тем, как все обернулось, а они уплывают прочь и нигде не останавливаются, пока не прибывают во владения Вартилава конунга и не отправляются на встречу с ним. Он их радушно принял и стал расспрашивать о новостях, и Эймунд рассказал ему от начала до конца обо всем, что произошло между ними и Ярицлейвом конунгом.

– Что же вы теперь намерены делать? – спрашивает конунг.

Эймунд отвечает:

– Я пообещал Ярицлейву конунгу, что мы отправимся к вам, поскольку я подозреваю, что ему захочется уменьшить твои владения и он попытается поступить с тобой так же, как его брат поступил с ним. А теперь, государь, вам решать, нуждаетесь ли вы в нашей поддержке и что вы предпочитаете: чтобы мы остались с вами или уехали.

– Да, – говорит конунг, – нам бы очень пригодилась ваша помощь. А что вы желаете получить взамен?

Эймунд отвечает:

– Мы бы хотели служить тебе на тех же условиях, на которых мы служили твоему брату.

Конунг сказал:

– Дайте мне немного времени, чтобы я мог посоветоваться с моими людьми: ведь хотя расплачиваться буду я, выкладывать деньги придется им.

Эймунд конунг согласился с этим. Вартилав конунг собирает своих людей на сходку и рассказывает им о том, что ему стало известно о намерениях Ярицлейва конунга, его брата: как тот зарится на его владения, – и говорит, что приехал Эймунд конунг и предлагает им свою защиту и поддержку. Те стали горячо уговаривать конунга принять предложение норвежцев. И вот они заключают соглашение, и конунг делает Эймунда своим советником:

– Потому что я не столь находчив, как Ярицлейв конунг, мой брат, а вы его в этом превзошли. Мы желаем почаще беседовать с вами и обещаем расплачиваться с вами в срок.

Их там хорошо принимают, и они живут в большой чести у конунга.

Примирение братьев Ярицлейва и Вартилава

И вот однажды случилось так, что туда явились посланцы Ярицлейва конунга и потребовали у Вартилава конунга отдать ему деревни и города, которые лежали у границы его владений. Он обращается за советом к Эймунду конунгу. Тот говорит в ответ:

– Это вам решать, государь.

Конунг говорит:

– Напоминаю тебе о нашем уговоре – ты обязался давать нам советы.

Эймунд отвечает:

– Сдается мне, государь, что с жадным волком не избежать схватки. Ежели уступить ему, то он вскорости потребует от вас еще большего. Пускай его посланцы едут домой с миром, – говорит он, – тогда конунг и конунгова жена решат, что им известно, что мы задумали. Сколько вам потребуется времени, чтобы собрать войско?

– Полмесяца, – отвечает конунг.

Эймунд говорит:

– А теперь скажите, государь, какое место вы намерены выбрать для сражения, и объявите об этом посланцам, чтобы они могли передать это своему конунгу.

Так и было сделано, и посланцы уехали восвояси. И вот оба войска готовятся к сражению[45] и сходятся в назначенном месте на границе. И те и другие разбивают лагерь и стоят там несколько ночей.

Вартилав конунг сказал:

– Зачем мы сидим здесь попусту? Этак мы упустим из рук победу.

Эймунд сказал:

– Позволь мне решать, что нам делать, так как промедление лучше беды. Сюда еще не прибыла Ингигерд конунгова жена, а ведь, хотя предводитель их войска конунг, на самом деле это она принимает там все решения. Я буду стоять на страже, государь.

Конунг отвечает:

– Поступай как знаешь.

Так они простояли там с войском семь ночей. Однажды ночью было ненастно и очень темно. Эймунд конунг и Рагнар покинули своих людей и отправились в лес. Они подъехали к лагерю Ярицлейва конунга с тыла и засели там у дороги.

Эймунд конунг сказал:

– Должно быть, люди Ярицлейва конунга поедут этой дорогой, и если бы я желал остаться незамеченным, то выбрал бы ее. Подождем пока здесь.

А когда они просидели там некоторое время, Эймунд конунг сказал:

– Неразумно здесь оставаться.

Сразу вслед за тем они слышат, что кто-то едет и что среди этих людей есть женщина. Они видят, что один человек едет впереди этой женщины, а другой позади. Тогда Эймунд конунг сказал:

– Должно быть, это едет конунгова жена. Встанем по обе стороны дороги, а как только они поравняются с нами, убейте под ней коня, а ты, Рагнар, схвати ее.

Те проезжают мимо и ничего не замечают, пока не обнаруживают, что конь конунговой жены пал, а ее самой и след простыл. Один из сопровождавших ее людей говорит, что видел, как кто-то мелькнул на дороге. Они не отважились явиться к конунгу, а сами и ведать не ведали, кто бы это мог совершить – люди или тролли. И вот они тайком воротились домой и никому ничего не сказали.

Конунгова жена говорит названым братьям:

– Видно, вы, норвежцы, никогда не перестанете меня унижать.

Эймунд сказал:

– Мы, государыня, обещаем хорошо с вами обращаться, однако я не знаю, как скоро вы теперь сможете расцеловать конунга.

Затем они отправляются в лагерь Вартилава конунга и сообщают ему о приезде конунговой жены. Он обрадовался этому и взялся сам ее сторожить. А наутро она призывает к себе Эймунда конунга, и когда они встретились, конунгова жена говорит:

– Лучше бы нам помириться, и я предлагаю рассудить вас. Но прежде я должна объявить вам, что намерена во всем поддерживать Ярицлейва конунга.

Эймунд конунг отвечает:

– Это уж как конунг решит.

Конунгова жена отвечает:

– И все же твой совет имеет большой вес.

После этого Эймунд встречается с Вартилавом конунгом и спрашивает у него, желает ли тот, чтобы конунгова жена рассудила их.

Конунг отвечает:

– Я бы не назвал это разумным, так как она уже пообещала уменьшить нашу долю.

Эймунд спрашивает:

– Готов ли ты удовольствоваться тем, что тебе будут принадлежать земли, которыми ты владел прежде?

– Да, – говорит конунг.

Эймунд сказал:

– А я бы не назвал достойным решение, при котором твоя доля не увеличится, потому что у тебя такие же права на наследство, оставшееся после твоего брата, как и у Ярицлейва конунга.

Конунг отвечает:

– Раз, по-твоему, я должен согласиться с тем, чтобы решение выносила она, пусть так и будет.

И вот Эймунд конунг объявляет конунговой жене, что получено согласие на то, чтобы она рассудила конунгов.

– Видно, это было сделано по твоему совету, – говорит она, – и ты увидишь, каково будет мое решение и кто будет от него в меньшем убытке.

Эймунд конунг сказал:

– Я не стал разубеждать конунга оказать вам эту честь.

Затем протрубили к встрече и объявили, что Ингигерд конунгова жена намерена обратиться к конунгам и их людям. А когда оба войска были в сборе, все увидали, что Ингигерд конунгова жена находится у норвежцев, в дружине Эймунда конунга. Тут от имени Вартилава конунга было предложено, чтобы конунгова жена вынесла решение. И вот она говорит Ярицлейву конунгу, что ему достанется самая лучшая часть Гардарики, а именно Хольмгард. Вартилаву же отойдет Кэнугард[46] – и это также наилучшие владения – со всеми данями и податями:

– И эти владения вполовину больше тех, которые у него были прежде. Что же до Пальтескьи и прилегающих к ней земель, то их получит Эймунд конунг, он станет тамошним правителем[47], и ему будут принадлежать без изъятья все подати, какие с них причитаются, так как мы не хотим, чтобы он уезжал из Гардарики. В случае, если Эймунд конунг оставит наследников, то после него этими землями станут владеть они, но если он не оставит после себя сына, эти земли отойдут назад к обоим братьям, Ярицлейву и Вартилаву. А еще Эймунд конунг должен будет нести охрану владений братьев и всей Гардарики, а они должны будут помогать ему людьми и силой. Ярицлейв конунг будет править Гардарики, а Рёгнвальду ярлу по-прежнему будет принадлежать Альдейгьюборг[48].

Эти условия мира и раздел державы были приняты и одобрены всем народом. Эймунд конунг и Ингигерд конунгова жена должны были решать все трудные дела. Затем все они разъехались по домам, каждый в свои владения.

Вартилав конунг прожил не долее трех зим[49]. После этого он заболел и умер, и это был конунг, которого все очень любили. После его смерти его владения отошли Ярицлейву конунгу, и с той поры он стал в одиночку править обеими державами[50]. Эймунд же конунг управлял своими владениями и не дожил до старости. Он умер от болезни, не оставив после себя наследников, и весь народ счел его смерть величайшей утратой, так как не бывало еще в Гардарики чужестранца умнее Эймунда конунга, и пока он нес охрану страны для Ярицлейва конунга, на Гардарики никто не нападал. А когда Эймунд конунг заболел, он передал свои владения Рагнару, своему названому брату, поскольку Эймунду больше всего хотелось, чтобы они достались ему. Это было сделано с дозволения Ярицлейва конунга и Ингигерд конунговой жены.

Рёгнвальд сын Ульва был ярлом Альдейгьюборга. Они с Ингигерд конунговой женой были двоюродными братом и сестрой, их матери были сестрами[51]. Он был могущественным предводителем и данником Ярицлейва конунга и дожил до старости. А когда святой Олав сын Харальда был в Гардарики[52],

он жил у Рёгнвальда сына Ульва, и между ними была тесная дружба, так как все знатные люди очень ценили Олава конунга, когда он там был, но больше всех остальных Рёгнвальд ярл и Ингигерд конунгова жена, потому что они любили друг друга тайной любовью[53].

ПРЯДЬ О ТОКИ СЫНЕ ТОКИ

В то время когда Олав конунг сидел в Сарпсборге[1], пришел к нему както некий рослый человек и приветствовал его. Конунг принял его хорошо и спросил его имя. Тот назвался Токи и сказал, что он сын Токи, сына Токи Старого. Он попросил у конунга позволения пробыть у него некоторое время. Конунг ответил согласием и отвел ему подобающее место. Нрав Токи имел спокойный, а пил умеренно. Это был человек покладистый и обходительный, и оттого он всем пришелся по душе. Конунг находил, что Токи и умен, и повидал немало, к тому же он умел легко и мудро уладить любой спор. Конунг почитал беседу с ним наилучшим развлечением. И хотя Токи выглядел стариком, нетрудно было заметить, что прежде был он мужем статным и видным.

Однажды, когда конунг беседовал с Токи, он спросил, сколько ему лет. Тот сказал, что он и сам точно не знает – «одно мне известно: было мне назначено прожить два человеческих века, а теперь, похоже, они на исходе, потому что вижу я, что старею, как и большинство людей».

Конунг сказал:

– В таком случае, ты должен помнить Хальва конунга и его воинов[2] или Хрольва Жердинку[3], а с ним и его героев.

Токи отвечает:

– Как же, помню и того и другого, ведь я побывал у них обоих.

Конунг спросил:

– Кто ж из них показался тебе славнейшим?

Токи отвечает:

– Об этом вы сами сможете судить, государь, а я вам поведаю одну историю. В те времена был я еще в расцвете сил и путешествовал из страны в страну с небольшим отрядом, который я набрал сообразно с тем, что, по моему разумению, приличествовало и подходило мне как нельзя лучше, затем что сам я тогда следовал примеру самых удалых храбрецов. Правда и то, что немногое показалось бы мне в то время недостижимым. Ездил я по

разным местам, а хотелось мне испытать щедрость и великодушие хёвдингов и проверить, так ли заслуженна слава их воинов, как о том идет молва. Предрешено же было, что нигде мне нельзя задерживаться дольше, чем на двенадцать месяцев. Прослышал я тогда о Хрольве Жердинке, о щедрости его и добросердечии, а еще – о славе, подвигах и доблести его воинов и о том, что никто не может сравняться с ними силою и статью. Во что бы то ни стало захотелось мне повидать этого конунга и его героев. И вот отправился я в путь с моими людьми и ехал до тех пор, пока не прибыл в Данию к Хрольву конунгу. Вошел я к нему и его приветствовал. Он принял меня хорошо и спросил, что я за человек, а я в ответ рассказал о себе. Он спросил, какое у меня к нему дело, и я сказал, что хотел бы у него перезимовать. На это он ответил, что еще ни одному человеку не отказал в угощении, а потому не бывать и мне или людям моим первыми, кому он в этом откажет. Тогда я спросил, где мне следует сидеть. Он предложил мне сесть там, где я сам смогу очистить себе место, стащив кого-нибудь со скамьи. Я поблагодарил его за это предложение: был я тогда преисполнен желанием испытать свою силу. Первым делом направился я к тому месту, где сидел Бёдвар Бьярки[4]. А конунг поставил условие, что они не должны были бороться со мной. Схватил я Бёдвара за руки, ногами уперся в перекладину скамьи, пригнул плечи, напряг руки и потянул, что было силы, но тот сидел крепко, так что мне не удалось даже сдвинуть его с места. Только то и было, что от сильного напряжения менялся он в лице: то становился красным, как кровь, а то – белым, как лыко, или черным, как Хель[5], а еще – бледным, подобно трупу. Взял я тогда за руки Хьяльти Великодушного[6]. Принялись мы оба тянуть изо всех сил, и он, и я. Этого мне то и дело удавалось подтащить к самому краю скамьи, но он всякий раз успевал выпрямиться и усесться на свое место вперед меня. Так продолжалось некоторое время, покуда я не отступил. Подошел я тогда к Хвитсерку Храброму[7], потянул, собрав все свои силы, и стащил его со скамьи, а за ним и всех остальных. Так я обошел вокруг палаты, и пришлось им всем одному за другим оставить свои места. Уселся я тогда, где захотел, а со мною мои люди, и занимали мы все самые что ни на есть почетные места. Было же там во всем такое великолепие, какого мне нигде не доводилось видеть. А когда настало лето, я пошел к Хрольву конунгу, поблагодарил его за гостеприимство и сказал, что мне пора в дорогу. Он предложил, чтобы я остался при нем, но мне это пришлось не по вкусу.

Стал я опять разъезжать по разным местам, и так продолжалось до тех пор, пока не дошел до меня слух о Хальве конунге и его воинах. Немало рассказывали тогда о том, какие это были храбрецы. И вот отправился я в Норвегию и прямиком к Хальву конунгу. Явился я к нему и его приветствовал, а он принял меня как нельзя лучше. Я просил позволения перезимовать у него, и он с готовностью разрешил оставаться при нем так долго, как мне заблагорассудится.

Тогда я спросил, где нам следует сидеть, мне и моим людям. Он предложил мне сесть там, где я сам смогу очистить себе место, и поставил те же условия, что и Хрольв Жердинка. Направился я тогда к тому месту, на котором восседал рядом с конунгом Утстейн ярл[8], взял его за руки и хотел стащить со скамьи. Поднатужился я что было силы, да не тут-то было. Потом подошел я к Иннстейну, а от него – к Хроку Черному, потом – к Бьёрну, а там и к Барду[9]. Никого из них мне не удалось стащить со скамьи. Обошел я вокруг всей палаты, а с места так никого и не сдвинул, и сказать вам по правде, государь, даже тот, кто сидел там дальше всех, и самый из них последний держались не хуже Бёдвара Бьярки. Подошел я тогда опять к конунгу и спросил, где мне сесть, раз я сам не сумел добыть себе места. Он сказал, что в таком случае нам следует занять скамьи, стоявшие ниже тех, на которых сидели его люди. После этого я направился к скамьям, отведенным для меня и моих спутников. Не было там недостатка в хорошем угощении, да и ни в чем ином, одно только пришлось мне не по душе: а то, что должен был я смотреть на других снизу вверх, а они на меня – сверху вниз, в остальном же понравилось мне там все как нельзя лучше. Вот и рассудите теперь, государь, кто из них заслуживает большей славы.

– Нетрудно заметить, – сказал конунг, – что всех превзошли своей силой воины Хальва конунга, однако, сдается мне, не было в те времена конунга щедрее и великодушнее Хрольва Жердинки. А теперь скажи, крещеный ты человек или нет?

Токи отвечает:

– Я принял неполное крещение[10], потому что мне приходилось бывать то среди христиан, а то среди язычников, но верю я в Белого Христа. А пришел я к вам затем, что хочу креститься и исполнить тот обряд, какой вы мне назначите, потому что, по моему разумению, лучшего человека мне для этого не найти.

Конунг обрадовался тому, что он хочет принять крещение и служить Богу. После этого Токи был крещен епископом Олава конунга и умер в белых одеждах[11].

ПРЯДЬ О ЕПИСКОПЕ ИСЛЕЙВЕ

Теперь следует рассказать о том, что Ислейв сын Гицура Белого[1] был человек красивый и достойный, он был невысок ростом и пользовался всеобщей любовью. В юности он был в школе в Стране Саксов[2].

Рассказывают, что однажды, когда он направлялся с юга и прибыл в Норвегию, у Олава конунга гостил Бранд Щедрый[3]. Конунг очень его ценил.

Как-то раз во время праздника конунг сказал:

– Бранд, прими от меня в подарок этот плащ.

То был алый плащ, подбитый серым мехом.

Бранд и Ислейв повстречались в городе и очень обрадовались встрече. Ислейв был в то время священником, и когда он приехал с юга из чужих стран, у него было мало денег.

И вот Бранд говорит:

– Ты должен принять от меня плащ, который мне дал конунг.

Тот отвечает:

– Ты все еще не утратил щедрости, и я приму его с охотой.

А когда Бранд сидел в праздничный день за конунговым столом, конунг взглянул на него и сказал:

– Отчего же это, Бранд, ты не надел нынче плащ, что я тебе подарил?

Тот отвечает:

– Государь, я отдал его одному священнику.

Конунг сказал:

– Я хочу видеть этого священника, чтобы самому удостовериться – простительно ли, что ты так скоро расстался с подарком конунга.

Все вокруг согласились с тем, что он куда как странно распорядился подарком, полученным от такого человека.

Когда люди собрались перед церковью, Бранд сказал конунгу:

– Государь, вон там у церкви стоит тот священник. И плащ на нем.

Конунг посмотрел на него и сказал:

– Мы с тобой поступим иначе, Бранд, потому что теперь я и сам хочу подарить ему тот плащ. Позови-ка ко мне этого священника.

Бранд отвечал, что так и сделает. Затем Ислейв предстал перед конунгом и приветствовал его. Конунг милостиво ответил ему и сказал:

– Я хочу подарить тебе, священник, тот плащ, который ты получил от Бранда, а Бранду возместить его стоимость. И ты настолько пришелся мне по сердцу, что я желаю, чтобы отныне ты всегда поминал меня в своих молитвах.

Тот отвечает:

– Государь, прежде я был очень доволен подарком Бранда, но все же для меня куда больше чести получить его от вас вместе с этакими словами.

После этого он уехал в Исландию, и его родичи сочли, что будет разумным упрочить его положение женитьбой[4]. Человек он был бедный, однако владел хорошим двором в Скалахольте[5] и годордом[6]. Затем он отправился на север в Ивовую Долину на хутор У Реки Асгейра[7]. Там жил человек по имени Торвальд. У него была дочь, которую звали Далла. Они явились туда с утра пораньше. Хозяин принял их приветливо и пригласил погостить у него. Ислейв сказал, что прежде им надо потолковать:

– А дело у меня такое: я приехал сюда свататься и хочу просить у тебя руки твоей дочери.

Тот сказал:

– О тебе идет добрая слава, но вот тебе мой ответ: ежели хочешь жениться, перебирайся-ка ты сюда, на север.

Тот отвечает:

– Не думаю, чтобы я был готов оставить мое жилище и годорд или покинуть округу, где я живу. Так что нам лучше расстаться.

Затем они повернули своих лошадей и уехали.

Далла сидела тогда наверху на стоге сена, она была красавица, каких мало. Торвальд направился туда.

Она сказала:

– Кто это приезжал? Эти люди нам незнакомы.

Он сказал ей. Она спрашивает:

– Что у них было за дело?

Он сказал, что они приезжали сватать ее. Она сказала:

– И каков же был твой ответ?

Он сказал ей. Она говорит:

– Когда б решение принимала я, то не стала бы выдвигать никаких условий.

Он отвечает:

– Тебе очень хочется этого брака?

Она отвечает:

– Может быть и так, потому что у меня есть честолюбивое желание получить в мужья лучшего из людей и произвести вместе с ним на свет достойнейшего из сыновей, который когда-либо родится в Исландии[8]. Сдается мне, всего разумнее было бы отправить за ними кого-нибудь.

Он сказал:

– Нельзя сказать, чтобы твое желание мало для нас значило.

За ними было послано. Торвальд говорит теперь, что поразмыслил и не видит больше препятствия в том, что Ислейв не готов переехать на север. Тот сказал, что доволен его решением.

Затем Далла была выдана за него, и с той поры они жили в Скалахольте, и у них родились сыновья Гицур, Тейт и Торвальд, все трое – благородные мужи, хотя один из них и возвысился больше других[9]. Гицур был человек рослый и сильный.

Потом жители страны решили поставить над собой епископа, и им был избран Ислейв[10]. И вот он уехал из страны, а когда воротился, то жил в Скалахольте, а Далла пожелала распоряжаться половиной их владений. В то время было нелегко побудить людей уделять им толику своего имущества. Десятины тогда не было, но вся страна была обложена податями[11].

Ислейв был человек недюжинный во всем. У него воспитывался Йон сын Эгмунда, тот, что впоследствии стал епископом в Холаре[12], и всякий раз, когда при нем заходила речь о видных собой или искусных людях или о ком-то, кто отличался еще чем-нибудь хорошим, он неизменно воздавал хвалу Ислейву и говорил:

– Таков был Ислейв, мой воспитатель. Он был красивейшим и искуснейшим из людей, лучшим человеком из всех.

Они говорили на это:

– Почему ты упомянул о нем?

Он отвечал:

– Я всегда вспоминаю его, стоит мне только услышать, как говорят о хорошем человеке. А в том, что он был таким во всем, я убедился сам.

ПРЯДЬ ОБ ЭГИЛЕ СЫНЕ ХАЛЛЯ С ПОБЕРЕЖЬЯ

1. Олав конунг отправляется в Данию в Лимафьорд

Рассказывается, что однажды летом Эгиль сын Халля с Побережья[1] уехал из Исландии в Норвегию с человеком, которого звали Тови сын Вальгаута. Тови этот был гаутландец и происходил из знатного рода. Рассказывают, что Вальгаут, его отец, был ярлом в Гаутланде[2]. Отец и сын были несхожи нравом: ярл был закоренелым язычником, а Тови уже в юности отправился в викингский поход, вскоре крестился и принял истинную веру. Тови провел зиму в Исландии у Эгиля сына Халля, а потом они вместе уехали из страны. Плавание их было удачным. Они пересекли море, достигли Норвегии и явились к Олаву конунгу. Он хорошо встретил их и пригласил к себе, и они приняли его приглашение.

Кое-кто рассказывает, что вместе с Эгилем приехали Торлауг, его жена, и Торгерд, их дочь[3], ей тогда было восемь лет от роду.

Они жили у конунга, и тот очень благоволил к ним. Как и следовало ожидать, он высоко ценил достоинства Эгиля и считал его незаурядным человеком. Пока они находились при дворе, для матери и дочери была нанята светелка, и они жили в ней некоторое время.

Рассказывается, что после того, как оба друга пробыли при дворе некоторое время, они сильно приуныли. Конунг вскоре заметил это и спросил, в чем дело.

Эгиль отвечает:

– Думаю, мне бы больше пристало, государь, чтобы жена моя и дочь также могли жить при дворе. Однако по причине моей связи с ними я не решался просить вас об этом.

– Мы охотно дадим на это согласие, – говорит конунг, – раз вам это больше по нраву.

После этого женщины перебрались в покои, где жили дружинники. А когда конунг увидал девочку Торгерд, дочь Эгиля, он сказал, что, похоже, она не будет обделена удачей. Так и вышло, как и следовало ожидать, потому что она стала матерью епископа Йона Святого[4].

И вот они все вместе проводят зиму при дворе.

Весной Тови спрашивает, не будет ли им летом позволено совершить торговую поездку, куда они захотят, однако конунг не разрешил им отсутствовать все лето:

– По той причине, что я получил известие от Кнута конунга[5], что мы с ним должны будем этим летом встретиться в Лимафьорде[6] в Дании и заключить мир, и я намерен отправиться на эту встречу.

И вот Олав конунг снаряжается в эту поездку и берет с собой девять кораблей с отборной командой. Тови и Эгиль отправляются вместе с конунгом, и об их плавании ничего не говорится, пока они ни достигают Лимафьорда. А когда они прибыли туда, то оказалось, что Кнут конунг не явился на встречу. Он был на западе в Англии.

Когда Олав конунг узнает о том, что Кнут конунг обманул его, он решает выставить против него большое войско. Олав конунг говорит своим людям, какие он получил вести о Кнуте конунге:

– И я не хочу, чтобы мы дожидались его здесь. Я считаю, что он первым нарушил наш уговор о заключении мира, и теперь мы намерены подвергнуть разорению его страну и тем отплатить Кнуту конунгу за обман и предательство.

Затем они сходят с кораблей и принимаются жестоко разорять страну, повергая народ в страх, и захватывают большую добычу. Конунг распорядился, чтобы они забирали и отводили вниз к кораблям всех мужчин, достигших пятнадцатилетнего возраста и старше. Так они захватили много добра и пленных. Жители спасались бегством, а люди конунга преследовали их.

Это продолжалось до тех пор, пока конунг ни велел своим воинам остановиться и повернуть назад:

– Потому что я разгадал их уловку: как только у них достанет сил на это, они тотчас же обернутся против нас. Пока же они бегут, вынуждая нас все дальше удаляться от кораблей.

Они возвращаются к кораблям, и когда все были в сборе, конунг приказал им готовиться к отплытию в обратный путь. Они так и сделали и стояли нага-

тове, оставив на берегу палатки, в которых находились связанные пленники, и оттуда доносились вопли и стенания.

Рассказывают, что Эгиль сын Халля беседовал со своим товарищем Тови и сказал:

– Жалкие звуки издают эти люди, и велики их мучения. Я собираюсь пойти и освободить их.

– Не делай этого, друг, – сказал ему Тови, – потому что это прогневит конунга, а я не хочу, чтобы ты из-за этого пострадал.

– Нет мочи выносить это дольше, – говорит Эгиль. – Не желаю больше слушать крики этих несчастных.

Тут он вскакивает с места, направляется к палатке, развязывает всех пленников и дает им убежать, так что вскоре они исчезают из виду.

И вот конунгу докладывают, что все люди убежали, и сообщают, кто их выпустил, и это повергает его в ярость. Он говорит, что тот поплатится за содеянное и что на него падет его гнев, однако ночь проходит спокойно. Эгиль узнает об этом и понимает, что оплошал.

2. Конунг помогает Эгилю

Наутро они приготовились к отплытию и снялись с якорей. Тут сверху поспешно спускается какой-то человек, выбегает на берег и кричит, обращаясь к тем, кто на кораблях, что ему во что бы то ни стало надобно повидаться с конунгом. Однако они не обращают никакого внимания на его призывы. Затем они поплыли вдоль прибрежных скал, и один из кораблей отнесло вперед, так что он отдалился от остальных. А когда человек, который кричал им вслед, убедился, что они остаются глухими к его призывам, он взбегает на скалы и бросает сверху на корабль, который плыл первым, перчатки, и им показалось, будто от них поднялось облако пыли. После этого тот человек убегает. Но подарок его привел к тому, что на корабле начинает свирепствовать жестокая хворь, да такая, что спустя недолгое время люди насилу могут выносить ее без воплей, и многие умерли от нее.

И вот Эгиль заболевает, причем так же тяжело, как те, кому больше всего досталось от этой хвори, – только что дух не вышел из него вон. Но он переносил свои страдания столь мужественно, что из его глотки не вырвалось ни единого стона. Он говорит Тови, чтобы тот передал конунгу, что ему очень хотелось бы с ним свидеться. Тови так и делает. Он отправляется к Олаву конунгу и говорит ему, что Эгиль болен и хочет его видеть, однако конунг не произнес ни слова в ответ. Тови принялся упрашивать его и говорить, что им необходимо встретиться, но конунг так сильно гневался на Эгиля, что не пожелал пойти повидаться с ним. После этого Тови рассказывает Эгилю, как

обстоит дело. Эгиль просит Тови пойти в другой раз и вновь изложить его просьбу конунгу.

Тот идет опять и говорит конунгу, что человек этот находится при смерти и теперь очень раскаивается в том, «что он совершил против вашей воли, и хочет всецело подчиниться вашей власти, государь. И я прошу вас не относиться к нему со столь великим презрением, но проявить милосердие».

Конунг бросил на Тови гневный взгляд и велел ему уйти. Тови рассказывает Эгилю, как было дело, и думается тому, что куда как плохо, что он сперва прогневил конунга, а после на него свалилась такая большая напасть, что ему неведомо, чем это все закончится.

И вот он опять обращается к Тови:

– Отправляйся к моему другу Финну сыну Арни[7] и проси его пойти к конунгу. Пусть попросит его смилостивиться и не относиться ко мне с презрением, как он, похоже, делает сейчас.

Тови встречается с Финном и рассказывает ему, как обстоит дело, и тот тотчас же идет вместе с ним к конунгу.

Финн сказал:

– Государь, – говорит он, – прояви благородство – помоги человеку, который лежит теперь при смерти, и отдай должное его мужеству и отваге. Ведь никто не слыхал от него ни единого стона. Подумай о том, что, если ты поступишь так ради нашей дружбы, твое величие только возрастет. Отправляйся к нему сейчас же и да пойдет ему на пользу твое великодушие.

Конунг отвечает:

– Я считаю, что никто не должен нарушать мой приказ. Но после твоих слов, Финн, я пойду к Эгилю и, конечно же, помолюсь о том, чтобы Бог даровал ему жизнь ради того, чтобы я мог поквитаться с ним и сполна наказать за то, что он совершил.

– Это уж вам решать, государь, – говорит Финн.

И вот конунг идет к Эгилю и замечает, что тот очень слаб. Все вокруг говорят, что они не видывали более мужественного человека. Эгиль видит, что пришел конунг, и здоровается с ним как полагается, однако конунг не отвечает на его приветствие.

Затем Эгиль говорит:

– Я хотел бы попросить вас, государь, положить руку мне на грудь, потому что я все же надеюсь на снисхождение, хотя и не заслуживаю его.

Люди заметили, что конунг был глубоко тронут и промокнул глаза тканью. Затем он возложил руки Эгилю на грудь и сказал:

– Верно скажут, что храбрости тебе не занимать.

Рассказывают, что после его прикосновения, болезнь тотчас же начинает отступать и наступает облегчение, а когда конунг уходит, Эгилю час от часу становится все лучше и в конце концов он полностью исцеляется.

Передают, что Кнут конунг нанял одного финна, который был весьма сведущ в колдовстве[8], с тем чтобы тот отправился в Лимафьорд и встретился с Олавом конунгом в случае, если конунг задержится там и тому удастся его разыскать. Он велел ему пустить в ход все свое умение, чтобы наслать на конунга и его войско такую тяжкую и жестокую хворь, от которой им всем пришел бы конец. Это и был тот самый человек, который бросил перчатки. О поездке конунга ничего больше не рассказывается до тех пор, пока он не прибыл домой в Норвегию.

3. Ярл Вальгаут принимает крещение

Случилось однажды, что Эгиль и Тови явились к конунгу, пали пред ним ниц и попросили простить их, предложив заплатить любое возмещение, какое он им назначит, однако конунг ответил, что не желает их денег, и сказал, что видит для них только один выход.

– Какой же, государь? – спросили они.

– Вам никогда не вернуть моего дружеского расположения, – говорит он, – если только вы не сумеете, пустив в ход хитрость или смекалку, добиться того, чтобы Вальгаут, твой отец, Тови, приехал ко мне. Коли это произойдет, вы получите прощение.

Тови отвечает:

– Скор будет мой ответ: наше первейшее желание – чтобы ты перестал на нас гневаться. Однако тому, что ты сказал, никогда не бывать, разве что нам будет сопутствовать твоя удача[9]. Ведь я именно оттого и не живу дома вместе с отцом, что он обратил всю свою силу и власть против христианства и ни в какую не желает принимать эту веру. И все же мы попытаемся выполнить это поручение с твоей помощью.

И вот Тови с Эгилем снаряжаются в поездку в Гаутланд, после чего отправляются в путь и не останавливаются, пока не приезжают к ярлу Вальгауту. Они являются к нему, и Тови подходит первым и приветствует его.

Тот радушно принимает его и его товарища и приглашает Тови остаться у него:

– Нам бы хотелось, сын, чтобы ты больше не убегал от нас, но отныне оставался здесь и вместе с нами управлял этой державой, поскольку, как ты знаешь, тебе предстоит унаследовать ее от нас.

Тови отвечает:

– Хорошее предложение, отец, – говорит он, – и никакого другого и нельзя было от вас ожидать. Однако то, что ты желаешь, никак сейчас невозможно, потому что наши жизни зависят от того, насколько милостиво ты с нами обойдешься и согласишься ли уступить нам. Олав конунг дал нам поручение к тебе и послал нас сюда просить тебя приехать к нему на встречу.

Если же нам не удастся этого добиться, то в наказание мы потеряем не только его дружбу, но впридачу и жизнь. Правду сказать, Олав конунг превосходит всех своим великолепием и нет ему равных среди людей. Да и не найти таких слов, что смогли бы описать, как сильно отличается его вера и вера всех, кто к нему прислушивается, от обычая, которого придерживаешься ты и другие язычники. А потому прошу тебя из великодушия и ради нашего с тобой родства ответить согласием на нашу просьбу и сделать то, чего мы от тебя хотим.

При этих словах ярл вскочил на ноги и в сильном гневе поклялся в ответ, что никогда еще ему не предлагали такого позора – отказаться от веры, которую издавна исповедовал он сам и его родичи, – «или чтобы я явился на встречу с конунгом, с которым, из всех, о ком мне приходилось доселе слыхивать, у меня меньше всего согласия. Сказав такое, ты все равно что отрекся от нашего родства. Вставайте же, люди! Схватите его и бросьте в темницу вместе со всеми его приспешниками!»

Ярл был в великом гневе, и отданный им приказ –заключить их в темницу – был исполнен.

Рассказывается, что на другой день люди, и среди них хёвдинги и друзья ярла, пришли увещевать его, чтобы он пощадил своего сына. Они говорили, что ему не пристало обращаться с ним столь сурово:

– Негоже вам это, – сказали они. – Лучше дождитесь, пока ваш гнев утихнет, и вы поразмыслите над этим делом. Тогда вы сможете, по своему обыкновению, принять верное решение, которое послужит к вашей чести.

Ярл спрашивает, кто был тот рослый человек, что шел вслед за Тови:

– Приведите его ко мне побеседовать.

Так и было сделано. Когда Эгиль предстал перед ярлом, тот спрашивает, кто он таков, и Эгиль рассказывает ему о себе.

Ярл сказал:

– Что ты можешь сказать мне об этом конунге, Олаве, и как случилось, что он на вас разгневался?

Тогда Эгиль поведал ему во всех подробностях о том, что произошло. Говорил он хорошо, так как отличался большим красноречием. Все, кто при этом присутствовали, очень дивились его умению рассказывать. Затем он говорит ярлу, какой достойный человек Тови и как хорошо иметь такого сына, и просит того оказать ему должный почет и уважение из человеколюбия и ради их родства.

После этого ярл распорядился, чтобы Тови явился к нему, и это было исполнено.

Когда он пришел, ярл Вальгаут сказал:

– Похоже, у вас нет сомнений в том, – говорит он, – что ваш конунг непременно добьется своего, стоит мне только к нему приехать. Ваша любовь

к нему так велика, что вы изо всех сил стараетесь выполнить его волю, и впридачу вы поклялись ему своими жизнями. И все же, хоть вы и считаете иначе, я ожидаю, что даже если я явлюсь к нему на встречу, вашему конунгу не удастся ни к чему меня принудить – я полагаюсь на силу и могущество богов, которые защитят нас от того, чтобы я оказался под пятой у этого конунга. Но благодаря красноречию этого человека, Эгиля, а также потому, что теперь, когда мой гнев прошел, я и сам вижу, что мне не пристало лишать Тови жизни, я принял решение отправиться вместе с вами и захватить с собой совсем небольшую свиту. Я уступаю вашему желанию оттого, что, если конунг меня увидит и мы с ним встретимся, вы будете отпущены на свободу и объявлены невиновными. Однако я вовсе не намерен принимать веру, которую он проповедует. Прежде огонь уничтожит деревни и крепости в моей державе и множество храбрых воинов полягут мертвыми, чем я соглашусь совершить такой нечестивый поступок.

После этого ярл Вальгаут собирается вместе с ними в дорогу. Они отправляются в путь, прибывают в Норвегию и являются к Олаву конунгу. И вот Тови и Эгиль объявляют о том, что отныне считают себя свободными от обвинения и примиренными с конунгом, и тот соглашается с этим. Теперь их принимают со всем радушием.

На следующее утро конунг пытается склонить ярла принять веру и убеждает его долго и красноречиво. Вальгаут ярл говорит в ответ, что тот зря старается и что он никогда на это не согласится.

Конунг сказал:

– Многие сочтут, что у меня хватит силы и власти принудить тебя принять веру, если я только пожелаю. Но я не хочу этого делать, потому что Господу всего больше угодно, чтобы люди становились божьими слугами не по принуждению, однако он радуется всякому, кто обращается к нему по собственной воле.

Затем конунг отпускает ярла назад с миром и тот не откладывая отправляется в обратную дорогу. Их путь лежал через большие леса. А когда ярл и его спутники, не успев еще далеко удалиться от того места, где они встречались с конунгом, оказались в одном из этих лесов, ярл тяжело заболел. Он тотчас же посылает своих людей назад к Олаву конунгу просить, чтобы тот пришел повидаться с ним.

Те являются к конунгу и говорят ему, что ярл просит его о встрече. Конунг немедля отправляется вместе с ними в путь и встречается с ярлом. Тот говорит конунгу, что теперь желает принять веру, и конунг с благодарностью воспринимает происшедшую в нем перемену. Потом конунг призвал священника, и ярл был крещен.

После окончания службы ярл сказал:

– Я не хочу, чтобы меня уносили отсюда, потому что чувствую, что долго не протяну. Ежели так случится, я прошу, чтобы ради спасения моей души здесь соорудили церковь – на том самом месте, где я остановился и принял крещение, и я велю оставить деньги на то, чтобы церковь эта достойно содержалась.

Рассказывается, что предчувствие ярла было верным, и он вскоре умер. Все было сделано так, как он просил: была построена церковь и положены деньги на ее содержание. Тови, его сын, стал править после него в Гаутланде. Он был благороднейшим человеком.

Эгиль вновь сделался ближайшим другом Олава конунга. Он воротился в Исландию в свои родовые владения[10], и его считали одним из самых достойных людей.

ПРЯДЬ ОБ ЭМУНДЕ ИЗ СКАРАРА

В то время когда Олав конунг шведов разорвал с Олавом конунгом сыном Харальда тот мир, что был ими заключен на тинге в Уппсале[1], в Скараре в Западном Гаутланде[2] жил человек по имени Эмунд. Он был лагманом[3] и мужем очень умным и красноречивым. Он был знатного рода, и у него было много родичей, кроме того, он был весьма богат. Он слыл человеком хитрым и не слишком надежным. После отъезда ярла[4] не было в Западном Гаутланде более могущественного человека, чем он.

Той весной, когда Рёгнвальд ярл уехал из Гаутланда, гауты часто собирались на тинг и с беспокойством толковали между собой о том, что намерен предпринять конунг шведов. Они узнали, что он гневается на них за то, что они завели дружбу с Олавом конунгом Норвегии вместо того, чтобы враждовать с ним. А еще Олав конунг шведов выдвинул обвинение против тех людей, которые сопровождали в Норвегию его дочь Астрид[5]. Некоторые говорили, что они решили искать поддержки у норвежского конунга и предложить ему свою службу, другие же говорили, что у западных гаутов недостанет сил, чтобы тягаться с конунгом шведов.

– Норвежский конунг от нас далеко, так как главные его земли лежат далеко отсюда, а потому сначала надо отправить людей к конунгу шведов и посмотреть, не удастся ли нам помириться с ним, а если из этого ничего не выйдет, тогда у нас не останется иного выбора, как искать защиты у конунга Норвегии.

Тогда бонды попросили Эмунда отправиться в эту поездку. Он согласился и поехал, взяв с собой тридцать человек. И вот он приезжает в Восточный Гаутланд. Там у него было много родичей и друзей и ему был оказан хороший прием. Он рассказал об этом нелегком деле самым мудрым людям, и все они согласились с тем, что то, что делает конунг, незаконно. Затем Эмунд поехал дальше в Швецию и беседовал там со многими людьми, и все они были того же мнения. Он продолжал свой путь, пока не прибыл в Уппсалу. Там он подыскал себе хорошее пристанище на ночь.

На следующий день Эмунд пошел к конунгу. Тот сидел тогда на совете, и вокруг него было много народу. Эмунд предстал перед конунгом, поклонился ему и поздоровался с ним. Конунг взглянул на него, ответил на его приветствие и принялся расспрашивать о новостях.

Эмунд отвечает:

– Мало у нас, гаутов, новостей, однако мы почитаем за новость и то, что Атли Дурашный из Вермаланда[6] отправился зимой в лес на лыжах, захватив с собой свой лук. У нас он слывет одним из лучших охотников. В горах он добыл столько серого меха, что доверху нагрузил им свои санки, и они были так полны, что он насилу мог тащить их за собой. Затем он повернул из лесу домой. Тут он увидал наверху на дереве белку, выстрелил в нее и промахнулся. Тогда он сильно разозлился, бросил санки и устремился вдогонку за белкой, а та по ветвям побежала в лесную чащу. Она ускользала от него между ветвями, перепрыгивая с дерева на дерево, а когда Атли стрелял в нее из лука, стрела постоянно пролетала то слишком высоко, то слишком низко. При этом Атли ни на миг не упускал белку из виду. Эта охота так распалила его, что он мчался за этой белкой на лыжах весь день, да так и не смог подстрелить ее. А когда стемнело, он по своему обыкновению бросился в снег прямо там, где был. Тут поднялась метель. А на следующее утро Атли отправился на поиски своих санок, но так и не нашел их и воротился домой ни с чем. Такие вот у меня новости, государь.

Конунг отвечает:

– И вправду, невелики новости, если тебе не о чем больше рассказать.

Эмунд отвечает:

– А недавно произошло еще кое-что, и это тоже можно считать новостью: Гаути сын Тови отправился с пятью боевыми кораблями по Гаут-Эльву[7]. И когда Гаути стоял у островов Эйкрейяр[8], туда прибыли на пяти больших кораблях датчане. Четыре из этих кораблей Гаути и его люди быстро одолели, пятому же кораблю удалось ускользнуть от них и уйти на парусах в море. Гаути бросился преследовать их на одном корабле и почти догнал, но тут стал крепчать ветер. Торговый корабль прибавил ходу, и они ушли в открытое море. Гаути решил тогда повернуть назад, но вдруг разыгралась буря, и его корабль разбился у Хлесей[9], там пропало все бывшее на нем добро и погибло

большинство его людей. Что до его спутников, то они должны были ждать его у островов Эйкрейяр. Но тут к ним подошли датчане на двенадцати торговых кораблях и перебили их всех, а также захватили все то добро, что они добыли прежде. Так они поплатились за свою алчность.

Конунг отвечает:

– Вот это и вправду важные новости, и о них стоило рассказать. А что привело тебя сюда? – спросил конунг.

Эмунд отвечает:

– Я приехал, государь, чтобы найти решение одному трудному делу, поскольку наши законы расходятся тут с уппсальскими[10].

Конунг сказал:

– И о чем же ты хочешь спросить нас?

Эмунд отвечает:

– Жили два благородных мужа, оба были одинаково знатного происхождения, однако не ровня в том, что касалось их богатства и нрава. Они враждовали из-за земель и причиняли друг другу немало вреда, но больше тот, кто был могущественней. Так продолжалось, пока их распре не был положен конец и ее не рассудили на всеобщем тинге. Было решено, что тот из них, кто могущественнее, и должен платить. Да вот только в первый же платеж он расплатился гусенком за гуся, поросенком за взрослую свинью, за полмарки золота[11] дал полмарки серебра, а за вторую половину глину и грязь. И к тому же он грозил суровой карой тем, кто принимал от него эту плату. Как бы вы рассудили это дело, государь?

Конунг отвечает:

– Пусть заплатит сполна все, что ему присудили, и втрое больше своему конунгу, но если это не будет уплачено в течение года, то он должен лишиться всего своего имущества. Тогда половина его добра должна быть отдана конунгу[12], а другая половина отойти тому, с кем у него была тяжба.

Эмунд призвал в свидетели этого решения всех, кто присутствовал при этом и был постоянным участником уппсальского тинга, и сослался на законы, которые были у них установлены. Затем он попрощался с конунгом и ушел. Потом со своими жалобами к конунгу стали обращаться другие люди, и он еще долго там сидел.

А когда конунг пошел к столу, он спросил, где Эмунд. Ему сказали, что тот у себя. Тогда конунг сказал:

– Сходите за ним, и пусть он будет моим гостем.

Тут принесли всякие яства, и вслед за тем в палату вошли скоморохи с арфами и скрипками и прочим музыкальным снаряжением, а за ними те, кто разносил напитки. Конунг был очень весел, и в тот день его гостями было множество могущественных мужей, так что он не вспоминал больше об Эмунде лагмане. Конунг пировал до позднего вечера и потом проспал всю ночь.

Как конунг разрешал вопросы Эмунда

На следующее утро, когда конунг проснулся, он вспомнил, о чем ему давеча говорил Эмунд. Одевшись, он приказал позвать к себе своих мудрецов. При нем всегда находились двенадцать мудрейших мужей. Они вершили вместе с ним суд и решали трудные дела, и это было нелегко, так как конунгу было не по нраву, если судили не по справедливости, но в то же время он не терпел, когда ему перечили.

Когда все были в сборе, конунг взял слово и велел позвать Эмунда лагмана. Однако его посланцы вернулись и сказали:

– Государь, Эмунд лагман уехал еще вчера[13], как только поел.

Конунг сказал:

– Скажите-ка мне, добрые люди, что имел в виду Эмунд, когда давеча спрашивал, как бы я рассудил ту тяжбу?

Те отвечали:

– Государь, должно быть, вы и сами уже раздумывали над тем, что могло скрываться за его речами.

Конунг отвечает:

– Когда он рассказывал о двух знатных мужах, которые враждовали между собой, при том что один из них обладал бóльшим могуществом, и причиняли друг другу вред, он, верно, намекал на нас с Олавом Толстым.

– Так и есть, как вы сказали, государь, – отвечали они.

Конунг сказал:

– Решение по нашему делу было вынесено на уппсальском тинге. Но что могут означать его слова, когда он говорил о том, что ущерб возмещался несправедливо и что якобы за гуся расплачивались гусенком, за взрослую свинью поросенком, а за чистое золото – золотом пополам с глиной?

Арнвид Слепой отвечает:

– Государь, куда как несхожи червонное золото и глина, но между конунгом и рабом разница еще больше. Вы обещали Олаву Толстому вашу дочь Ингигерд, а она с обеих сторон происходит из рода конунгов, и наполовину из рода уппсальских конунгов, самого знатного в Северных Странах, ведь этот род ведет свое начало от самих богов. Но теперь Олав конунг взял в жены Астрид, и хотя она и дитя конунга, все же ее мать рабыня и к тому же вендка[14]. Что и говорить, велика разница между конунгами, если один из них берет себе такую жену с благодарностью, но ничего другого и нельзя было ожидать, потому что не может какой-то норвежский конунг сравниться с уппсальским конунгом. Так возблагодарим же богов за то, что они долгое время не оставляли своими заботами своих сородичей[15], и пусть так будет и впредь, хотя многие нынче и отвергли старую веру.

Их было трое братьев. Первый, Арнвид Слепой, видел так плохо, что едва мог ездить верхом[16], он был очень красноречив. Второго брата звали Торвид

Заика. Он был не в состоянии связно произнести и двух слов. То был человек невозмутимый, очень храбрый и решительный. Третьего брата звали Фрейвид Глухой. Он плохо слышал. Все трое были людьми могущественными, богатыми, знатными и мудрыми, и конунг их очень ценил.

Тогда конунг сказал:

– А как понимать то, что Эмунд рассказал об Атли Дурашном?

Никто из братьев не ответил на этот вопрос, но все переглянулись.

Конунг сказал:

– А ну-ка говорите!

Торвид Заика сказал тогда:

– Атли – склочный[17], дурашный, глупый.

Конунг спрашивает:

– И в кого же он на самом деле метил?

Тогда Фрейвид Глухой отвечает:

– Государь, если вы позволите, я могу сказать яснее.

Конунг сказал:

– Так говори же, Фрейвид. Мы разрешаем тебе сказать все, что ты хочешь.

Тогда Фрейвид повел такую речь:

– Торвид, мой брат, самый мудрый из нас, называет такого человека, как Атли, склочным, дурашным и глупым. А называет он его так оттого, что такой человек не терпит мира и гонится за всякими ничтожными мелочами, но не добивается их и из-за подобных пустяков упускает важные вещи, от которых могла быть польза. Я глух, но все же не настолько, чтобы не услышать, на что жалуются многие. Многим людям, и могущественным, и нет, вовсе не по нраву то, что вы, государь, не сдержали слова, данного вами конунгу Олаву Толстому, а еще того хуже – вы не стали выполнять решение, которое было принято всем народом на уппсальском тинге. Покуда шведы готовы идти за вами, вам не придется страшиться ни норвежского, ни датского конунгов, ни кого-нибудь другого. Но если народ страны повернется против вас и все будут в этом заодно, то мы, ваши друзья, уже не сможем найти, чем вам помочь.

Конунг отвечает:

– И кто же те, кто собираются возглавить этот заговор, чтобы лишить меня власти в стране?

Фрейвид отвечает:

– Все шведы желают сохранения старинных законов и всех своих прав без изъятья. Оглядитесь вокруг, государь: много ли знатных людей сидит здесь сейчас на совете вместе с вами? Сказать вам по правде, сдается мне, что из всех тех, кого называют вашими советниками, нас тут всего шестеро, а все остальные могущественные люди, я думаю, разъехались по разным областям и собирают там на тинги жителей страны, и если говорить все, как есть, уже

вырезана ратная стрела и разослана по стране, чтобы созвать карательный тинг[18]. Нас, братьев, также приглашали принять участие в этом заговоре, но никто из нас не пожелал, чтобы его потом называли предателем своего государя, потому что наш отец никогда не был предателем.

Конунг сказал:

– Что же нам теперь предпринять? Мы попали в трудное положение. Дайте совет, добрые люди, как мне сохранить власть в стране и отцовское наследство, но я не желаю враждовать со всем народом.

Арнвид отвечает:

– Государь, мне кажется, вам бы стоило отправиться к устью реки с тем войском, что готово последовать за вами. Там вам надлежит взойти на корабли и выйти в Лёг[19]. Созовите затем к себе народ, но не будьте непреклонны: пообещайте людям, что они будут жить в соответствии с правом и законами страны. Уничтожьте ратную стрелу, возможно, она еще не успела облететь всю страну, так как времени прошло совсем немного. Пошлите своих людей к зачинщикам этого заговора и попытайтесь узнать, нельзя ли их угомонить.

Конунг говорит, что последует этому совету.

– Я хочу, – говорит он, – чтобы вы, братья, и отправились в эту поездку, поскольку вам я доверяю больше, чем кому-либо другому.

Тогда Торвид сказал:

– Пускай едет Якоб[20], а я останусь. Так надо.

Фрейвид сказал:

– Сделаем так, государь, потому что он не хочет покидать вас, когда вам грозит опасность, а мы с Арнвидом поедем.

Так и поступили, как было решено, и Олав конунг отправился к своим кораблям и поплыл в Лёг. Там к нему вскоре собралось много народу. А Фрейвид и Арнвид поехали верхом в Улларакр[21], взяв с собой Якоба, конунгова сына, однако держали его поездку в тайне. Вскоре им стало известно о том, что там собрались и вооружились бонды.

Шведы держат совет с конунгом

Теперь надо рассказать о том, что бонды сходились на тинг и ночью и днем. И когда братья встретились со своими родичами и друзьями, они сказали, что хотят присоединиться к ним. Все хорошо отнеслись к этому, и вскоре им было доверено принимать многие решения. Туда стекалось множество народу, и все в один голос говорили, что не хотят больше иметь над собой Олава конунга и терпеть его властолюбие и надменность, когда он не желает ни к кому прислушиваться – даже к знатным людям, которые говорят ему правду. И когда Фрейвид увидел, как решительно настроен народ, он понял, к чему это может привести. Он созвал вожаков и, обратившись к ним, сказал:

– Мне кажется, чтобы осуществить эти большие замыслы и лишить Олава сына Эйрика власти, надо, чтобы во главе стояли мы, шведы из Уппланда. Так уж тут повелось, что, когда знатные люди из Уппланда решали что-то между собой, то на их решение полагались остальные жители страны[22]. Наши предки не нуждались в советах западных гаутов о том, как им управлять своей страной. И мы, их потомки, не настолько измельчали, чтобы выслушивать советы Эмунда. А теперь я хочу, чтобы мы, родичи и друзья, заключили союз.

Все согласились с этим и сочли, что он говорил хорошо. После этого множество народу присоединилось к союзу, который заключили хёвдинги из Уппланда. Во главе его стояли Фрейвид и Арнвид. Когда же об этом узнал Эмунд, он заподозрил, что этот замысел не будет доведен до конца. Тогда он отправился на встречу с братьями и они принялись беседовать. Братья спрашивают у Эмунда:

– Что вы собираетесь делать, если Олав сын Эйрика будет лишен жизни? Кого вы тогда хотите взять в конунги?

Эмунд отвечает:

– Того, кто нам покажется самым подходящим для этого, будь он знатного рода или нет.

Фрейвид отвечает:

– Мы, шведы из Уппланда, не хотим, чтобы в наши дни власть перешла от древнего рода конунгов к кому-нибудь другому, когда есть все возможности этого избежать. У Олава конунга двое сыновей, и мы желаем взять в конунги одного из них, однако между ними большая разница. Один благородного происхождения и швед и по отцу и по матери, другой же – сын рабыни и наполовину венд[23].

После этого заявления поднялся большой шум, и все захотели взять в конунги Якоба. Тогда Эмунд сказал:

– Вы, шведы из Уппланда, в состоянии сейчас принять это решение, однако я скажу вам, что впоследствии может выйти так, что кое-кто из тех, кто сейчас не желает и слышать о том, чтобы власть в Швеции досталась кому-нибудь другому, а не человеку из древнего рода конунгов, сами потом согласятся с тем, что было бы куда лучше, если бы конунгом стал человек из другого рода[24].

После этого братья велели привести Якоба конунгова сына, и он был провозглашен конунгом. Шведы дали ему при этом имя Энунд, и впредь его так и звали до самой смерти. В то время ему было десять или двенадцать лет.

Затем Энунд набрал себе дружину и выбрал предводителей, и у них было столько людей, сколько он счел необходимым, толпы же бондов он распустил по домам.

После этого конунги обменялись гонцами, а вслед за тем встретились и заключили мир. Было решено, что Олав останется конунгом страны до конца своей жизни. А еще он должен был поддерживать мир и согласие с норвеж-

ским конунгом, а также со всеми людьми, которые принимали участие в этом заговоре. Энунд тоже должен был быть конунгом и владеть теми землями, которые отошли к нему по договору между отцом и сыном, но он обязан был принять сторону бондов в случае, если бы Олав конунг стал делать что-то такое, чего те не потерпят.

Потом в Норвегию к Олаву конунгу были посланы гонцы, и им было поручено передать ему, чтобы он приплыл в Конунгахеллу[25] на встречу с конунгом шведов и что конунг шведов хочет, чтобы между ними был заключен мир. И когда Олав конунг получил это известие, он отправился со своим войском в назначенное место, поскольку он, как и прежде, очень хотел заключить мир. Туда приехал и конунг шведов. А когда тесть и зять встретились, они договорились, что между ними отныне будет мир и согласие. Теперь Олав конунг шведов стал более сговорчивым и покладистым.

Священник Ари Мудрый рассказывает[26], что на Хисинге[27] есть местность, которая попеременно переходила то к Норвегии, то к Гаутланду. Конунги договорились тогда решить по жребию, кому будет принадлежать это владение, и бросить кости: кто выбросит больше, тому оно и достанется. И вот конунг шведов выбросил две шестерки и сказал, что, раз так, Олаву конунгу незачем бросать. Тот отвечает и при этом встряхивает кости в руках:

– На костях есть еще две шестерки, и моему Богу нетрудно устроить так, чтобы они выпали мне.

Он кинул кости и выбросил две шестерки. Тогда конунг шведов вновь выбрасывает две шестерки. Затем опять бросает кости норвежский конунг Олав, и на одной было шесть, а другая раскололась и на ней оказалось семь очков, и та местность досталась ему. Мы не слыхали, чтобы на этой встрече произошло еще что-нибудь. Конунги расстались с миром.

После тех событий, о которых только что было рассказано, Олав конунг повернул со своим войском назад в Вик. Первым делом он направился в Тунсберг[28], пробыл там недолгое время и потом уехал на север страны, а осенью отправился еще дальше на север, в Трандхейм. Там он распорядился приготовить все для зимовки и просидел там всю зиму.

В то время Олав был единовластным конунгом всей той державы, которой прежде правил Харальд Прекрасноволосый[29], и даже больше того – тогда он был единственным конунгом в стране. Заключив мир, он получил ту часть страны, которой прежде владел конунг шведов, ту же часть, которая раньше принадлежала конунгу датчан, он захватил силой и правил там так же, как и в других местах. Кнут конунг правил тогда и в Англии, и в Дании, и в то время еще не притязал на Норвегию, как это случилось потом[30].

ПРЯДЬ ОБ ЭЙНДРИДИ И ЭРЛИНГЕ

1

Весной Олав конунг послал гонцов на запад в Агдир и на север в Рогаланд и Хёрдаланд[1] и наказал им объявить о том, что он не велит вывозить оттуда ни зерна, ни солода, ни муки. А еще он распорядился передать, что намерен явиться туда со своим войском и ездить по пирам, как это было в обычае[2]. Эта весть разнеслась дальше на восток до самой границы страны.

Эйнар Брюхотряс[3] после смерти Свейна ярла, своего шурина[4], оставался у Олава, конунга шведов[5]. Он стал его человеком и получил от него в лен большие владения. Но когда конунг шведов умер, Эйнару захотелось помириться с Олавом Толстым[6]. Поначалу они сносились через гонцов, а когда Олав конунг стоял в Эльве[7], Эйнар явился к нему туда с несколькими людьми и они с конунгом обсудили условия мира. Они договорились, что Эйнар отправится на север в Трандхейм и будет владеть там всеми своими землями, а также теми землями, что были приданым Бергльот. Затем Эйнар уехал на север в Трандхейм, а конунг остался в Вике[8].

2. Эйндриди сын Эйнара берет с собой в поездку Сигрид дочь Эрлинга

Эрлинг сын Скьяльга[9] сидел тогда в Ядаре[10]. Он был женат на Ингибьёрг дочери Трюггви[11]. У них было много детей. Их сыновей звали Скьяльг, Лодин и Торир. Имя их дочери было Сигрид[12], она воспитывалась в Эгвальдснесе на острове Кёрмт[13]. Олав конунг перевел оттуда своего управителя, человека, который был приемным отцом Сигрид дочери Эрлинга, на север на Фолькрин. Сигрид отправилась вместе с ним на север с большой неохотой и была опечалена, так как сочла, что ее оторвали от родичей.

Эйндриди жил тогда дома в Гимсаре[14] вместе со своим отцом. В то время не было в Норвегии более многообещающего молодого человека, чем он. Эйндриди снарядил свой корабль, собираясь отправиться в плавание на юг страны.

Однажды, когда Сигрид дочь Эрлинга была на дворе, она увидала, что к острову пристал отменный корабль. И нос, и корма его были покрыты резьбой, а все, что возвышалось над водой, было сплошь раскрашено. А еще она заметила на нем отборную команду. Она пошла туда и спросила, кто управляет этим кораблем. Эйндриди назвал себя и сказал, кто его отец.

– Мне отлично известно, кто ты, – сказала она. – Не согласишься ли отвезти меня на юг страны к моему отцу?

Тот спросил:

– И кто ж твой отец?

– Эрлинг сын Скьяльга, – отвечает она.

Эйндриди сын Эйнара был очень занят, перетаскивая с места на место грузы на своем корабле, и потому обратил мало внимания на ее слова. Они отчалили тотчас, как снарядились, Сигрид же взошла на корабль, и никому из команды не вздумалось ей в этом препятствовать. А когда они подняли парус и люди расселись по скамьям, Эйндриди сказал:

– Так что ты, девушка, говоришь, какого ты рода?

Она отвечает:

– Я дочь Эрлинга сына Скьяльга.

Эйндриди сказал:

– Слишком поздно я об этом подумал. Отчего ж ты мне прежде не сказала?

Она отвечает:

– Если тебе так неохота было брать меня с собой, тебе следовало озаботиться этим раньше, когда я тебе об этом говорила.

Эйндриди сказал:

– Сдается мне, что сопровождать тебя – дело небезопасное, но теперь уж будь что будет.

И вот они идут под парусом. Проходит совсем немного времени, и начинает дуть противный ветер, и тогда им ничего не остается, как выйти в открытое море. Их несет к какому-то острову, и лишь с большим трудом им удается выбраться там на берег живыми и невредимыми и сохранить людей и корабль. Они поднимаются на остров, находят там рыбачью хижину и укрываются в ней.

А когда подошло время укладываться спать, Эйндриди спросил у Сигрид:

– Рядом с кем хотелось бы тебе спать этой ночью?

Она отвечает:

– Я бы предпочла лечь у стены и чтобы ты лег подле меня с другой стороны.

– Пусть так и будет, – сказал он, и они так и лежали той ночью. Непогода продолжалась три дня. Потом шторм унялся, и они отправились на корабль.

Тогда Эйндриди сказал:

– Что и говорить, наша поездка началась не слишком удачно, и по мне, Сигрид, лучше бы тебе сейчас быть дома, на острове Фолькрин, чем скитаться вместе с нами.

Она отвечает:

– Мне не на что пожаловаться, – говорит она.

После этого им не было попутного ветра, чтобы плыть на восток, так что они поплыли дальше в Трандхейм.

Эйнар принял их холодно и сказал Эйндриди:

– Как видно, родич, теперь, когда ты заполучил в наложницы дочь Эрлинга, тебе есть чем похвастаться.

Эйндриди отвечает:

– Не ожидал я услыхать от тебя таких слов, отец! И всего-то из-за того, что мне вздумалось отвезти Сигрид к ее отцу, да вот только не в моей власти было исполнить это, потому что нашей поездке помешала непогода.

Эйнар сказал:

– Тебе не будет никакого вреда, родич, если я окажусь единственным, кто это скажет, однако я склонен думать, что такого же мнения придерживается Эрлинг, ее отец, да и прочие родичи. И мне не по нраву, что она здесь.

Эйндриди отвечает:

– Я на тебя за это не в обиде, однако ты преподал мне урок, и отныне я буду помнить, что не стоит принимать посторонних здесь, в Гимсаре. Впрочем, я увезу с собою столько людей, что тебе не придется беспокоиться о твоих припасах.

Затем Эйндриди велит спустить на воду небольшой быстроходный корабль и поднимается на него со своими людьми. Тогда Эйнар сказал:

– Куда же ты направляешься, Эйндриди?

– Я намерен отвезти Сигрид к ее отцу.

Эйнар сказал:

– Этим ты только еще больше навредишь себе.

Эйндриди отвечает:

– Ото всего не убережешься.

После этого они поплыли на юг вдоль берега. Дул слабый попутный ветер, и они нигде не останавливались, пока не прибыли на юг в Ядар и не поднялись к усадьбе Соли[15]. На дворе не было ни души. Тогда они вошли внутрь и увидали, что люди сидели там за брагой. Их пригласили к столу, однако все были с ними немногословны. Стены в покоях у Эрлинга не были завешены, но над головой у каждого из его людей висели кольчуга, шлем и меч. А когда люди отправились спать, Эйндриди отвели в богато убранную верхнюю горницу. Там было разостлано великолепное ложе, и его к нему подвели. Эйндриди подошел к постели и увидал, что на ней лежит женщина. Он узнал в ней Сигрид. Она попросила его уходить не мешкая, – «и не может быть и речи о том, чтобы ты здесь спал». Он сказал, что так и будет. Сразу же вслед за тем он услыхал громкий топот – это явился Эрлинг и с ним множество народу.

Эрлинг сказал:

– Отчего же ты не ложишься в постель, Эйндриди? Неужто ты считаешь это менее подобающим, чем спать подле моей дочери в рыбачьей хижине?

Эйндриди отвечает:

– Я и вправду спал там, лежа подле нее, но дело обстояло так, что не было в том ничего позорного ни для нее, ни для ее родичей, и я поступил так по ее просьбе, а вовсе не ради того, чтобы причинить вам бесчестье.

Эрлинг отвечает:

– Тебе не удастся отделаться одними только словами – придется тебе нести железо[16], чтобы доказать свою невиновность.

Эйндриди отвечает:

– Я мог бы рассчитывать на лучшее вознаграждение за то, что привез ее сюда целой и невредимой. Но хотя это больше похоже на принуждение, я тем не менее готов пойти на это, чтобы снять обвинение и с этой женщины, и с себя самого.

Тут он сказал вису:

Кроме уст я статей
не узрел – *знай* – девы –
горазд лгать – в поездке –
Фрейр огня запястья[17].
Нас винить напрасно
не зазорно Бальдру
дротов[18] – за зубами
придержал язык бы!

Тогда Эрлинг сказал:

– Мы будем готовы удовлетвориться этим, если не выяснится, что произошло нечто большее.

3. Эйндриди подвергается испытанию из-за Сигрид дочери Эрлинга

И вот проходит ночь, а наутро Эйндриди готовится к испытанию и постится, как это было в обычае у людей, которым предстояло нести раскаленное железо. И когда подошло ему время нести железо, говорят, никто не смог бы сделать этого с большей отвагой. А по прошествии трех ночей его рука была развязана в присутствии множества людей. Все ожидали от Эрлинга решения исхода испытания.

Тогда Эрлинг сказал:

– Ни один человек не мог бы быть сочтен более невиновным, чем ты, Эйндриди. Ты мужественно очистился от обвинения, так что прими теперь от нас почет и уважение.

Эйндриди отвечает:

– Главное сделано: я отвел навет от себя и от твоей дочери, и на этот раз мое пребывание в Соли будет недолгим, – и уходит.

Все заметили, что Эйндриди был немало возмущен и рассержен. Тут Скьяльг сын Эрлинга сказал своему отцу:

– Неужто вы с Эйндриди так и расстанетесь?

Эрлинг отвечает:

– Что же я могу теперь поделать?

Скьяльг сказал:

– Сдается мне, отец, что дело этим не закончится, особенно если принять во внимание воинственность и могущество родичей Эйндриди и то, какому унижению подвергся такой человек, как он.

Эрлинг отвечает:

– Что же еще я мог бы теперь сделать? Разве что предложить ему хорошее возмещение? И хотя отцу с сыном не откажешь в могуществе, все же и мы в случае чего навряд ли окажемся беспомощными перед ними.

Скьяльг сказал:

– Так-то оно так, только это принесет гибель многим людям. Мой совет – предложить ему достойное возмещение.

Эрлинг спрашивает:

– И что же ему предложить?

Скьяльг сказал:

– Я бы предложил ему Сигрид, твою дочь.

Эрлинг отвечает:

– Слыханное ли дело, чтобы я стал предлагать кому-нибудь свою дочь! Я считаю более подобающим, чтобы он сам посватался к ней, и тогда я отдал бы ему ее.

Скьяльг сказал:

– Нет, отец, так не годится. Если ему будет позволено взять в жены твою дочь, это никак не может считаться возмещением, поскольку он не менее родовит, чем она. Однако его честь будет полностью восстановлена, если ты окажешь ему уважение и предложишь свою дочь за то, что подверг его принуждению и испытанию, которое он храбро выдержал. Да и немалая это честь – иметь своим зятем такого человека, как Эйндриди, сколько бы ты ни рассуждал о том, что́ ты считаешь для себя подобающим, а что́ – нет.

Эрлинг отвечает:

– Что ж, предложи ее ему, если хочешь.

Скьяльг сказал:

– Так ты готов дать на это свое согласие и впредь не переменишь своего решения? Тогда я, пожалуй, рискну.

Эрлинг сказал:

– Тебе решать, родич. Я вижу, что ты стараешься сделать как лучше.

После этого Скьяльг встречается с Эйндриди и говорит:

– Мой отец желает, чтобы ты отправлялся домой, и велит передать тебе свой привет, а еще он хотел бы дать тебе денег в знак примирения.

Эйндриди отвечает:

– Я не нуждаюсь в том, чтобы принимать деньги от твоего отца. Я в состоянии сам добыть вдоволь добра для себя и своих людей.

Скьяльг сказал:

– Если ты готов к примирению, то впридачу к деньгам ты мог бы получить то, что принесло бы тебе больше почета, потому что ты смог бы тогда жениться на Сигрид, моей сестре.

Эйндриди сказал:

– Не стану скрывать от вас, что нет здесь, в Норвегии, другой девушки, которую я охотнее взял бы в жены. И все же сейчас у меня нет желания просить ее руки.

Скьяльг отвечает:

– Выходит, ты и впрямь очень сердит, раз ты готов отказаться от самой лучшей невесты из всех, какие только есть. И все-таки, если желаешь, ты мог бы получить Сигрид и без того, чтобы свататься к ней, поскольку мой отец решил сам предложить ее тебе в жены.

Эйндриди сказал:

– Это дорогого стоит, ведь нелегко даже представить себе, через что ему пришлось пройти, прежде чем он решился предложить кому-то свою дочь. И теперь я, разумеется, пойду и встречусь с ним.

После этого они направились назад к усадьбе. Эрлинг стоял на дворе, а с ним множество народу. Он тепло приветствовал Эйндриди.

Эйндриди сказал:

– Верно ли мне передали, Эрлинг, что ты предлагаешь мне в жены свою дочь?

– Это – истинная правда, – говорит Эрлинг.

Эйндриди сказал:

– Ничего лучшего ты не мог бы сказать! Я охотно принимаю это предложение и готов отказаться от всех обид, которые у меня были прежде.

Затем они обручились, однако Эйндриди все-таки пожелал сей же час уехать домой.

4. Беседа отца с сыном – Эйнара и Эйндриди

Эйндриди и его спутники плывут своим путем, пока не добираются до одного острова. Там они видят не меньше двух десятков кораблей и среди них большой боевой корабль с драконьей головой на носу.

Эйндриди сказал:

– Было бы лучше, если бы эти люди оказались нашими друзьями, – и поднимается на главный корабль. Тут он узнает в человеке, который стоял высоко на корме, своего отца. Эйндриди поздоровался с ним. Эйнар взглянул на него и сказал:

– Отчего это у тебя выстрижено темя, точно у священника? Неужто ты был посвящен? Коли так – ты мне не сын!

Эйндриди сказал:

– Разве ты не знаешь, отец, что люди, которые готовятся нести железо, чтобы очиститься от обвинения, должны обрезать себе волосы? И негоже тебе отказываться от нашего родства. А куда это ты собрался с таким большим войском?

Эйнар отвечает:

– Я тебе скажу. Как видно, у тебя самого не хватает духу отомстить за свое бесчестье, да только я не намерен сидеть сложа руки и делать вид, будто ничего не произошло. В отместку за то, что ты нес раскаленное железо и обжигал им свое тело, я желаю, чтобы кое-кто из жителей Ядара – тех, кто стали нам врагами, – носили в своем теле холодное железо. Что ж до тебя, то ты не похож ни на своего деда Хакона[19], отца твоей матери, ни на своих родичей с отцовской стороны, Кетиля Лосося и Квельдульва[20].

Эйндриди сказал:

– Ты разгневан, отец, однако мы с Эрлингом уже помирились, и он уплатил мне возмещение.

Эйнар сказал:

– Что я слышу: принять плату, словно потаскуха, или подачку, точно попрошайка! Но даже если ты и согласился взять горсть монет за то, что тебе пришлось нести раскаленное железо, это не заставит меня отказаться от моей поездки.

Эйндриди отвечает:

– Однако это не все. Впридачу к деньгам я должен получить еще кое-что – на мой взгляд, куда более стоящее: его дочь Сигрид, которая станет моей женой.

Эйнар сказал:

– Конечно, это уже кое-что получше. Да только, по мне, выходит, что ты слишком дорого заплатил за нее, когда нес ради нее раскаленное железо, и я не намерен признавать примирение на таких условиях. Так что меня это не остановит – я не откажусь от своей поездки.

Эйндриди отвечает:

– Но и это еще не все. Да вот только я уж и не знаю, сочтешь ли ты для себя почетным и лестным то, что Эрлинг сам предложил мне свою дочь?

Эйнар сказал:

– Раз так, то это и впрямь весьма почетное предложение. И я не считаю эту честь меньшей, чем то бесчестье, которому ты подвергся, неся раска-

ленное железо. Как видно, Эрлинг здорово испугался, если он пошел на то, чтобы предложить тебе свою дочь, и мне это по душе. А теперь давай-ка отправимся туда со всем этим войском и покажем им, как велика наша сила.

Эйндриди отвечает:

– Охотно, я готов.

Затем они поплыли на юг вдоль берега. А когда отец с сыном завидели корабли, Скьяльг сказал:

– Теперь ты сам видишь, отец, что гораздо лучше, чтобы люди, которые сюда направляются, были нашими друзьями, а не недругами. Я считаю, что нам следует задать им роскошный пир, как подобает знатным людям, поскольку у тебя нет недостатка в средствах.

Эрлинг сказал, что так тому и быть. Они вышли навстречу к отцу с сыном и приняли их со всем возможным радушием. Затем был устроен великолепный пир, и Эйндриди сыграл свою свадьбу. После этого людей отпустили по домам, щедро одарив на прощание, а Эйнар и Эрлинг поклялись друг другу хранить дружбу и на этом расстались. Эйндриди отправился домой со своей женой Сигрид[21] и был доволен своей женитьбой.

ПРЯДЬ О ТОРМОДЕ

1

Тормод Скальд Чернобровой[1] был мужем доблестным и искусным во всем, а еще он был хороший скальд. Росту он был среднего и отличался бесстрашием. После смерти Торгейра, его побратима, ничто его не радовало.

В то самое лето, когда был убит Торгейр[2], Тормод уехал из страны. Он вышел в море на западе у Брода[3], и об их путешествии ничего не рассказывается, пока они не прибыли в Данию. Там тогда правил Кнут Могучий[4], и ему доложили о Тормоде и сказали, что тот намного превосходит других как своей отвагой, так и удалью, и в придачу мастерски слагает стихи. И вот конунг посылает за Тормодом и велит явиться к нему. Тот не мешкая собирается в путь и отправляется к конунгу и, представ перед ним, учтиво его приветствует.

Конунг принимает Тормода с радушием и сразу же приглашает его к себе:

– О тебе идет молва, – говорит конунг, – будто бы ты вполне подходишь для того, чтобы стать дружинником конунга и служить знатным людям.

Тормод отвечает:

– Не по мне это, государь, так как не гожусь я на то, чтобы занять место прославленных скальдов, вроде тех, что были при вас раньше, да и никогда мне не приходилось складывать стихи о таких больших хёвдингах, как вы.

Конунг сказал:

– Мы желаем, чтобы ты принял решение остаться с нами.

Тогда Тормод отвечает:

– Навряд ли нам это подойдет, государь, поскольку люди мы несдержанные и, неровен час, не совладаем с собой. А я думаю, плохо будет, если из-за своего нрава я попаду в беду, так как зачастую я не могу противиться своему настроению. И еще я хотел бы попросить вас не гневаться на меня за то, что я сейчас скажу: поговаривают, что людям, которые с вами оставались, не всегда воздавалось по заслугам.

Конунг сказал:

– У нас побывал Торарин Славослов[5].

Тормод отвечает:

– И то правда, государь, да вот только было время, когда казалось, что Торарину не удастся убраться отсюда целым и невредимым[6]. Кроме того, вам нетрудно будет убедиться в том, что я гораздо худший скальд, чем Торарин.

Конунг сказал:

– Долго же нам приходится убеждать тебя, Тормод, и настаивать на своем, но из этого должно быть ясно, что мы и вправду желаем, чтобы ты поступил к нам на службу.

– Да возблагодарит вас за это Бог, государь! – говорит Тормод. – Однако ж нам следует знать свою меру, как бы нам не было почетно служить вам.

– Раз так, я изъявлю тебе то, о чем уже говорил, – сказал конунг, – и ради того, чтобы ты все-таки поступил ко мне на службу, я положу тебе такое же вознаграждение, что и Торарину, а это – марка[7] золота.

– Государь, – сказал Тормод, – если мы примем эти условия, нам, как никогда, понадобятся твои наставления и забота, поскольку, как я говорил вам, я и вправду весьма несдержан.

И вот Тормод принимает это предложение, идет в дружинники к Кнуту конунгу и живет там некоторое время в большом почете. Он часто развлекает конунга, и говорят, что никто не делал этого лучше него. Он то и дело произносил висы по всяким поводам[8]. Конунг благоволил к нему, однако не больше, чем он рассчитывал. Так проходит лето.

2. Тормод собирается в поход с Хареком

Рассказывают, что следующей зимой приезжает ко двору человек по имени Харек. Он был великий викинг и злодей, однако же Кнут конунг водил с ним дружбу. Тот всегда привозил ему из походов большую добычу и множество сокровищ, и конунг очень его ценил.

Как говорят, конунг принялся расспрашивать Харека, как у него шли дела прошлым летом. Тот отвечает, что в последнее время дела у него шли скверно и что он потерял человека, который стоял на носу его корабля:

– И я хочу просить вас, государь, чтобы вы дали мне вместо него другого воина, хотя, сдается мне, нелегко будет подыскать ему достойную замену, поскольку уж очень он был боек на язык, когда надо было держать ответ, и у него всегда была наготове как хула, так и похвала.

Конунг поразмыслил над этим, а в ответ сказал, что хотел бы пригласить Харека к себе, если только тот пожелает и будет готов оставить свои походы, и добавил, что такое решение кажется ему наилучшим. Однако Харек отвечал, что хочет и впредь промышлять тем же. На зиму он остается у конунга. Он питал приязнь к Тормоду и был к нему очень внимателен. В беседах с конунгом Харек частенько заводил речь о том, что тому следует дать ему человека вместо того, который раньше стоял на носу его корабля, но конунг не спешил исполнить его просьбу. У Тормода не нашлось завистников, как нередко бывает у тех, кто был недавно принят в дружину и пользовался большим почетом. И вот, дело завершилось тем, что Харек сообщает конунгу, что его выбор пал на Тормода. Конунг был не против, если этого захочет Тормод. Тогда спросили у Тормода, и тот отнесся к этому предложению довольно прохладно. В конце концов конунг сам заговаривает с ним об этом и говорит, что желает, чтобы Тормод отправился с Хареком.

Тормод отвечает:

– Мне гораздо больше пришлось бы по нраву остаться с вами, государь. Я ведь совсем не знаю этого Харека.

Тогда конунг просит Тормода, обещая ему, если тот отправится на лето в поход, свою дружбу.

Тормод отвечает:

– Я бы куда охотнее остался с вами, государь. Однако, коли вы сами просите меня об этом, я не стану отказываться наотрез, но все же выставлю кое-какие условия. Если я соберусь в этот поход вместе с Хареком, то пусть уж тогда мне решать, где нам приставать к берегу и когда отплывать.

Конунг дал на это свое согласие и сказал, что пускай будет так, как он просит. А когда Хареку и Тормоду подходит время уезжать, Тормоду так и не были пожалованы те дары, которые, как он считал, были ему обещаны ранее. И вот случилось так, что они с конунгом оказались рядом. Решил тут Тормод, что будет разумно как-нибудь напомнить конунгу о его обещании, и тогда он сказал такую вису:

Славослова[9] тешил
славный – *нам сулил лишь*
леща леса ложе[10] –
Фафнира подстилкой[11].

Нешто недостоин
мзды и я, – *Иначе* –
зачинатель сечи[12]?
– *гость нечастый буду.*

Конунг тотчас же стянул со своей руки золотое обручье весом в полмарки и отдал Тормоду.

– Премного благодарен, государь! – говорит Тормод. – Только не пеняйте нас за дерзость, если я прибавлю к этому еще кое-что. Вы, помнится, говорили, государь, что в качестве вознаграждения я буду получать от вас марку золота.

Конунг отвечает:

– Твоя правда, скальд, и не стоит с этим тянуть.

Тут конунг снимает второе запястье и отдает ему. И когда Тормод принял оба обручья, он сказал такую вису:

Обе длани скальду
– *люд глядит* – украсил
князь хоромов хмурых
штевня ясным блеском[13].
Юным оплатил я
пламень волн[14] владыке,
глада утолитель
врана[15] дал нам злата.

На этом они с Кнутом конунгом расстаются.

3. Тормод убивает человека, стоявшего на носу корабля Олава конунга

И вот Тормод отправляется в плавание вместе с Хареком и стоит на носу его корабля. Лето они проводят в походах, и люди видят, что Тормод куда как находчив и в речах, и в бою, и он пользуется всеобщей любовью.

Рассказывают, что как-то раз в конце лета они бросили якорь у причала возле одного острова; дело было на исходе дня. Тут они видят, как мимо них проносятся несколько кораблей. Впереди всех шел боевой корабль, и это было величественное судно. И когда он проплывал мимо корабля, на котором был Тормод, стоявший на нем человек прокричал:

– Вон из конунговой заводи[16], да поживее! – говорит он.

Те собрались было убирать шатры и уходить из бухты. И когда Тормод увидал это, он распорядился, чтобы они не трогались с места:

– Напоминаю вам наш уговор, – говорит он, – что это я решаю в таких делах.

В ответ его товарищи стали просить его не горячиться, –

– Ты ведь и раньше принимал решения за нас, и так же будет и впредь.

Тем временем боевой корабль мчится вперед и приближается к кораблю Тормода и его спутников, и тем, кто на нем находится, кажется, что они слишком замешкались и пора бы им выйти из бухты.

Рассказывают, что человек на носу боевого корабля поднимается, обнажает меч и наносит Тормоду удар, а тот, не желая давать ему спуску, отвечает тем же. И вышло так, что тот человек погиб, а Тормод не пострадал. Сразу же вслед за тем Тормод перепрыгивает со своего корабля на боевой корабль и, прикрываясь щитом, бежит к возвышению на корме. Тут на корабле раздался клич, и разнеслась весть о случившемся. Затем Тормода схватили, а викинги тотчас же отплыли, не заботясь о том, что с ним сталось.

Правит же этим боевым кораблем Олав конунг[17]. И вот ему докладывают, что произошло, а также то, что убийца схвачен, и конунг говорит, что он заслуживает смерти, и велит убить его.

И когда Финн сын Арни[18] услыхал, что сказал конунг, он подходит, чтобы разузнать, что за человек убил воина, стоявшего на носу корабля. Встретившись с ним, он сказал:

– Как же это ты отважился прыгнуть на корабль конунга после того, что ты учинил?

Тормод отвечает:

– Все дело в том, – говорит он, – что мне не было дела, уцелею я или нет, уж больно мне хотелось оказаться под властью конунга.

И вот Финн рассказывает об этом Сигурду епископу[19] и обращается к нему за поддержкой – чтобы они оба замолвили слово за этого человека перед конунгом и попросили для него мира. Они обсуждают это между собой, и обоим кажется, что он проявил отчаянную храбрость. Они просят конунга, чтобы тот пощадил его, и долго его убеждают.

Конунг спрашивает, отчего тот отдал себя в его руки, совершив столь тяжкий проступок, раз до этого он был на другом корабле. Тормод услышал его слова и ответил конунгу такой висой:

Коли волн оленя
ворог[20] службу нашу
примет, в радость скальду
мир весь разом станет.
Жизнь и смерть мне с Финном
да с тобой, о тарчей
змей гонитель[21], милы. –
Так взойдем ж на струги![22]

– Да, – сказал конунг, – твой поступок ясно показывает, что ты мало печешься о своей жизни, когда добиваешься того, к чему стремишься[23]. И сдается мне, ты не уступишь своего места без боя. А как тебя зовут?

Тормод назвал себя, – «и я побратим Торгейра сына Хавара».

Конунг сказал:

– Должно быть, ты удачливее Торгейра, однако похоже, что на твою долю еще выпадет немало несчастий, так как, я вижу, ты человек молодой. Сколько ж убийств ты успел совершить?

Тормод произнес вису[24]:

Шесть шестов шелома[25]
уложил – теснили
Тюра рукояти[26];
знать, и я – вояка.
Тридцать зим едва мне
минуло, но клёнам
дротов[27] всё ж крушим мы
черепа, не дрогнув.

Конунг сказал:

– Следовало бы позаботиться о том, чтобы тебе не пришлось дожидаться еще тридцать зим. Однако от смерти подобных людей только вред, поскольку, как видно, ты – большой скальд.

Тормод отвечает:

– Как долго мне еще предстоит прожить, теперь во многом зависит от вас, но все же я ожидаю, что ради своего друга, Торгейра сына Хавара, моего названого брата, вы поступите со мной по-хорошему. Я потому и уехал из Исландии, что был уверен, что ты захочешь, чтобы кто-нибудь отомстил за твоего дружинника и друга, Торгейра сына Хавара, и я знаю, что никому больше, чем мне, не пристало отомстить за него, получив для этого твою поддержку.

Конунг сказал:

– Коли ты здесь потому, что искал встречи со мной, возвращаю тебе твою голову. А теперь я хочу, чтобы ты отправлялся своим путем, и я не стану тебе в этом препятствовать.

Тормод отвечает:

– То, что ты даровал мне жизнь, мало что для меня значит, так как Норвегии я не знаю, и я не собираюсь посещать никакого другого конунга, кроме тебя. Так что сделай одно из двух: либо возьми меня к себе, либо вели убить.

И вот благодаря заступничеству епископа и Финна, а также оттого, что он и сам проникся симпатией к Тормоду, конунг сказал:

– Встань, Тормод. Отныне ты должен будешь расплачиваться со мной за того человека, которого ты убил, своей службой. Ты вполне годишься, чтобы выполнять мои поручения.

Тогда Тормод сказал вису:

> У колен владыки
> коротает коли
> век, тому отваги
> надо бы поболе.
> Мало нас, кто с князем
> смел, хоть мы не трусим, –
> знает всяк, – мне ж дело
> ведомо другое[28].

Конунг отвечает:

– Твои стихи – недурная забава. И я все же не думаю, что в конце концов ты окажешься неудачливым человеком.

Тормод остался с конунгом, и тот относился к нему тем лучше, чем дольше Тормод находился при нем, поскольку конунг убедился, что никто не мог сравниться с ним в храбрости.

ПРЯДЬ ОБ АСБЬЁРНЕ ТЮЛЕНЕБОЙЦЕ

Множество песней, которые были сложены о жизни и правлении святого Олава конунга такими скальдами, как Оттар Черный[1], Сигват скальд[2], Гицур Воспитатель Золотых Ресниц[3], Торфинн Рот[4], – собственными его дружинниками, а также Ховгарда-Рэвом[5], Эйнаром сыном Скули[6] и многими другими, ясно и правдиво указывают на то, что сага о святом Олаве конунге и его воинах истинна, и в ней нет ни преувеличений, ни добавлений, как это бывает во многих древних повествованиях, тех, что рассказывались за пределами страны или в отдаленных землях. И хотя здесь и приводится немало историй, которые, как может поначалу показаться, не имеют явного отношения к этой саге, тем не менее все они еще до ее завершения приходят к одному и тому же, поскольку они служат прославлению святого Олава либо за творимые им чудеса, либо за его достославные деяния и подвиги, отвагу и бесстрашие, что и будет показано в последующих рассказах и историях[7].

Асбьёрн встречается с Ториром Тюленем, конунговым управителем

Одного человека звали Сигурд сын Торира, он был братом Торира Собаки с Бьяркей[8]. Сигурд был женат на Сигрид дочери Скьяльга, сестре Эрлинга[9]. Их сына звали Асбьёрн. Пока Асбьёрн рос, он подавал большие надежды. Си-

гурд жил в Эмде на мысе Трандарнес[10]. То был человек очень богатый и весьма уважаемый. Однако он не служил конунгу, а потому из двух братьев Торир пользовался бóльшим почетом, поскольку он был лендрманном[11] конунга. Но дома в своем хозяйстве Сигурд жил ничуть не в меньшем достатке.

У него вошло в обычай, когда еще было язычество, каждый год устраивать по три жертвенных пира: один – в начале зимы, другой – в середине зимы, а третий – летом[12], и после того, как он принял христианство, он так и продолжал устраивать пиры по раз заведенному обычаю. Он приглашал к себе много друзей на большой осенний пир и потом опять звал множество народу на пир на йоль. Третье угощение он устраивал на Пасху, и оно также было многолюдным. Он придерживался этого, пока был жив. Сигурд умер от болезни; Асбьёрну было тогда восемнадцать лет[13]. Он получил отцовское наследство, а также взял себе за обычай, как и его отец, ежегодно устраивать по три пира.

Вскоре после того как Асбьёрн принял наследство своего отца, урожаи стали ухудшаться, а посевы перестали всходить. Асбьёрн все равно продолжал устраивать свои пиры, и был в состоянии это делать, так как у него еще оставались старые запасы зерна и всего необходимого. Однако когда миновал тот год и наступил следующий, урожаи ничуть не улучшились. Тогда Сигрид не захотела больше устраивать пиров совсем или желала, чтобы они устраивались пореже, но Асбьёрн был против этого. Осенью он отправился к своим друзьям и везде, где только смог, купил зерна, а некоторые с ним просто поделились. Так что той зимой он устраивал все пиры, как и прежде. На следующую весну посевов было совсем мало, так как негде было купить посевного зерна. Сигрид говорила, что надобно уменьшить число работников. Асбьёрн не согласился с этим, и все продолжалось по-прежнему. В то лето и вовсе нечего было ожидать урожая. А вслед за этим с юга страны пришло известие, что конунг запрещает вывозить зерно, солод и муку из южных областей на север страны. Тут Асбьёрн увидал, что ему негде будет раздобыть припасов для своего хозяйства. Тогда он принял решение спустить на воду свой грузовой корабль, он был такого размера, что годился для морского плавания. Это был добрый корабль с отличной оснасткой, к тому же на нем был отменный полосатый парус.

Асбьёрн отправился в путь, захватив с собой двадцать человек. Летом они поплыли на юг, и об их путешествии ничего не рассказывается, пока однажды вечером они не вошли в пролив Кармтсунд[14] и не пристали у Эгвальдснеса[15]. На острове Кёрмт[16] неподалеку оттуда находится большое поместье, которое называется Эгвальдснес. Там была усадьба, принадлежавшая конунгу. Распоряжался в этом поместье Торир Тюлень, он был тамошним управителем. Торир был незнатного рода, однако он получил хорошее воспитание, отличался усердием и красноречием. Человек он был высокомерный,

честолюбивый и непокладистый. Ему многое сходило с рук с тех пор, как он стал управителем конунга и заручился его поддержкой. Он был не из тех, кто лезет за словом в карман или не осмеливается говорить прямо.

Асбьёрн и его люди заночевали там, а наутро, когда рассвело, Торир спустился на берег к кораблю, а с ним несколько человек. Он спросил, кто главный на этом великолепном корабле. Асбьёрн назвал себя. Торир спросил, куда он направляется и по какому делу. Асбьёрн отвечал, что хотел бы купить зерна и солода и сказал все как есть, что на севере страны большой неурожай.

– Но нам передавали, что здесь урожай хороший. А не хочешь ли, ты, хозяин, продать мне зерна? Я вижу тут большие скирды. Тогда у нас не будет нужды плыть дальше и объезжать другие места в Рогаланде[17].

Торир отвечает:

– Должен тебе сказать, что ты и впрямь можешь поворачивать назад и тебе незачем плыть дальше, потому что тебе все равно не удастся раздобыть зерна ни здесь, ни в других местах, из-за того что конунг запрещает нам продавать зерно на север. Так что лучше уж вам, халогаландцы, отправиться восвояси.

Асбьёрн отвечает:

– Если все и правда так, как ты говоришь, бонд, и нам будет не купить зерна, то у меня есть еще одно, не менее важное дело – я хочу посетить Эрлинга, моего родича.

Торир спросил:

– Кем же тебе приходится Эрлинг?

Асбьёрн отвечает:

– Моя мать ему сестра.

Торир говорит в ответ:

– В таком случае я, быть может, проявил неосторожность, раз ты племянник Эрлинга, конунга ругиев[18].

Затем Асбьёрн и его люди разобрали шатер и направили свой корабль в открытое море. Торир крикнул им вдогонку:

– Счастливого пути! И заезжайте к нам опять на обратном пути.

Асбьёрн сказал, что они так и сделают.

Торир ограбил Асбьёрна

Асбьёрн и его люди плывут своим путем и вечером приезжают в Ядар[19]. Асбьёрн направился к усадьбе Соли[20], взяв с собой десять человек, а еще десять человек остались охранять корабль. Когда Асбьёрн прибыл в Ядар, его там ждал теплый прием. Эрлинг усадил его рядом с собой и принялся расспрашивать о новостях с севера. Он был в прекрасном настроении. Асбьёрн подробно рассказывает ему о своем деле. Эрлинг говорит, что из-за того, что конунг запретил продажу зерна, рассчитывать особенно не на что:

– Я не знаю, – говорит он, – хватит ли у кого-нибудь духу нарушить приказ конунга. У него такой нрав, что с ним нелегко ладить, да и многие желали бы расстроить нашу дружбу.

Асбьёрн отвечает:

– Правда нескоро выходит наружу. С юных лет мне говорили, что моя мать была рождена свободной и что с обеих сторон все в ее роду свободные люди, а еще – что Эрлинг из Соли самый знатный из ее родичей. Однако теперь я слышу, как ты сам говоришь, что из-за рабов конунга ты не свободен распоряжаться своим собственным зерном как тебе захочется.

Эрлинг посмотрел на него и сказал усмехнувшись:

– Вы, халогаландцы, меньше нас, ругиев, наслышаны о могуществе конунга. А смелые речи ты, родич, сможешь вести дома, и тебе не придется долго доискиваться, чтобы узнать, от кого ты это унаследовал. Сядем-ка сначала пировать, родич, а утром посмотрим, что тут можно сделать.

Они так и поступили и провели вечер в веселье.

На следующий день родичи, Эрлинг и Асбьёрн, беседовали. Эрлинг сказал:

– Я тут, Асбьёрн, кое-что надумал насчет того, где тебе купить зерна. А решил ли ты, с кем ты хотел бы заключать сделки?

Асбьёрн говорит, что ему безразлично, у кого покупать, лишь бы у продавца было на это законное право.

Эрлинг сказал:

– Я думаю, у моих рабов найдется столько зерна, что ты сможешь купить у них все, что тебе понадобится. В отличие от других людей, на них не распространяются законы страны.

Асбьёрн говорит, что согласен. После этого рабам сказали, что им предлагают заключить сделку. Они принесли зерна и солода и продали Асбьёрну. Он загрузил свой корабль, как хотел, и когда он собрался в дорогу, Эрлинг проводил его с богатыми дарами, и они тепло распрощались. Асбьёрн поплыл с попутным ветром и вечером пристал в проливе Кармтсунд у Эгвальдснеса. Они заночевали там.

Торир Тюлень тотчас же, еще до исхода дня, узнал о поездке Асбьёрна, а также о том, что его корабль нагружен доверху. Ночью Торир созвал к себе людей, так что еще до рассвета у него было шестьдесят человек, и как только стало светать, отправился к Асбьёрну. Они не мешкая взошли на корабль. Асбьёрн и его товарищи были уже одеты. Асбьёрн поздоровался с Ториром. Тот спросил, что за груз у него на корабле. Асбьёрн отвечает, что везет зерно и солод.

Торир говорит:

– Эрлинг, как обычно, ни в грош не ставит слова конунга, и ему все еще не надоело идти ему во всем наперекор, и удивительно, что конунг смотрит на это сквозь пальцы.

Так Торир честил их некоторое время, а когда он умолк, Асбьёрн сказал, что это зерно принадлежало рабам Эрлинга. Торир грубо отвечает, что ему нет дела до уловок, на которые идут Эрлинг и его люди.

– А теперь поступим так, Асбьёрн: или вы сойдете на берег, или мы сбросим вас за борт, так как мы не желаем, чтобы вы чинили нам препятствия, пока мы будем разгружать корабль.

Асбьёрн увидал, что у него недостает людей, чтобы тягаться с Ториром, и они сошли на берег, а Торир распорядился унести с корабля весь груз. А когда корабль был полностью очищен, Торир вернулся на него и сказал:

– Уж больно хорош у вас, халогаландцев, парус. Пусть кто-нибудь принесет парус с нашего грузового корабля и отдаст им. Он вполне сгодится им для плавания на порожнем корабле.

Так и было сделано, и паруса поменяли. После этого Асбьёрн и его люди поплыли прочь и направились на север вдоль берега. Асбьёрн нигде не останавливался, пока в начале зимы не прибыл домой. Эта его поездка вызвала много толков. Той зимой Асбьёрну уже не пришлось устраивать пиры. Торир Собака пригласил Асбьёрна своего родича и его мать к себе на йоль вместе со всеми, кого они захотели бы с собой взять. Асбьёрн не пожелал ехать и остался дома. Заметно было, что Торир счел для себя оскорбительным то, как Асбьёрн обошелся с его приглашением. Он немало насмехался над поездкой Асбьёрна.

– Как видно, – говорил Торир, – Асбьёрн весьма по-разному ценит своих родичей. То он взваливает на себя такой большой труд, что отправляется за зерном к Эрлингу в Ядар, как это было нынче летом, а то не желает приехать ко мне в соседнюю усадьбу. Уж не думает ли он, что по дороге в каждой бухте его поджидает Торир Тюлень?

Асбьёрну стало известно об этих речах Торира, а также и о других, подобных этим. Он и сам был очень недоволен своей поездкой, а когда он услыхал такие насмешки и издевки, это вызвало у него еще большую досаду.

Всю зиму он просидел дома и никуда не ездил, несмотря на приглашения.

Асбьёрн убил Торира

У Асбьёрна был боевой корабль, на нем было двадцать скамей для гребцов. Он стоял в большом сарае. После сретения он велел спустить корабль на воду, принести снасти и подготовить все к плаванию. Затем он призвал к себе своих людей и собрал около сотни[21] человек, все они были хорошо вооружены. А когда он снарядился и задул попутный ветер, он поплыл на юг вдоль берега.

Так они плывут при слабом попутном ветре, а после того как прибывают на юг страны, начинают держаться подальше от берега и избегают обычного морского пути. Во время этой поездки не произошло ничего достойного упоминания, пока вечером на пятый день Пасхи они не подошли к Кёрмту. Этот остров устроен так, что он и велик, и длинен, однако на нем много невозделанной земли. Он лежит к западу от обычного морского пути. На острове много селений, но та его часть, что обращена к открытому морю, по большей части пустынна. Асбьёрн и его люди пристали к берегу в таком пустынном месте. Когда они разбили шатер, Асбьёрн сказал:

– Вы должны оставаться здесь и дожидаться меня, а я схожу на берег на разведку и постараюсь разузнать, что происходит на острове, так как нам пока что ничего не известно.

Асбьёрн оделся похуже, нахлобучил на голову широкополую шляпу, в руки взял багор, а под одеждой опоясался мечом. Он взошел на берег и пересек остров. А когда он поднялся на какой-то холм, откуда он мог разглядеть, что делается в усадьбе на Эгвальдснесе и дальше в проливе Кармтсунд, он увидал, что и по морю и по суше там движется множество народу и что все эти люди направляются в усадьбу Эгвальдснес. Ему это показалось странным. Затем он пошел в усадьбу, прямиком туда, где слуги занимались стряпней. Он услыхал, о чем они говорили, и из их речей сразу же понял, что туда приехал на пир Олав конунг. А еще он узнал, что конунг успел уже сесть за стол. Тогда Асбьёрн направился в палаты, и когда он подошел к дверям, одни входили, а другие выходили, так что никто не обратил на него внимания. Дверь в палаты была нараспашку. Асбьёрн увидел Торира Тюленя. Тот стоял перед почетным сиденьем, на котором восседал конунг. Было уже поздно. Тут Асбьёрн услышал, как один человек спросил у Торира о том, что произошло между ним и Асбьёрном, а Торир в ответ повел долгий рассказ, и Асбьёрн понял, что он говорит явную ложь. Затем он услыхал, что какой-то человек спросил, как Асбьёрн вел себя, когда они опустошали корабль.

Торир отвечает:

– Тогда он еще как-то держался, хотя и не слишком хорошо, но когда мы забрали у него парус, он заплакал.

Когда Асбьёрн услышал это, он тотчас же выхватил меч, ворвался в палату и нанес Ториру удар. Его удар пришелся прямо по шее, так что голова Торира упала на стол перед конунгом, а туловище – к его ногам. Вся скатерть была залита кровью сверху донизу. Конунг приказал схватить Асбьёрна, и это было исполнено, так что того взяли и вывели из палаты. Затем со столов было убрано, труп Торира вынесен вон, а все, что было забрызгано кровью, вымыто. Конунг был в сильном гневе, однако держал себя в руках и хранил молчание.

Скьяльг заступается за Асбьёрна перед конунгом

Скьяльг сын Эрлинга встал, подошел к конунгу и сказал:

– Государь, теперь, как не раз уже бывало, вам предстоит уладить это дело. Я хочу предложить выкуп за этого человека, чтобы он сохранил жизнь и остался невредим, а там уж вам, государь, судить и рядить обо всем остальном.

Конунг говорит:

– Как по-твоему, Скьяльг, разве не подлежит смерти человек, который нарушил мир на Пасху и к тому же совершил убийство в покоях конунга? И вдобавок ко всему, хотя вам с отцом это, быть может, и покажется безделицей, если этот человек превратил мои ноги в плаху?

– Досадно, что вам это настолько не понравилось, государь, – говорит Скьяльг, – ведь иначе это можно было бы счесть настоящим подвигом. Но хотя этот поступок и кажется вам тяжким преступлением, государь, я все же надеюсь, что могу рассчитывать получить от вас в награду за мою службу то, о чем я прошу, а ничего другого мне не нужно. Кроме того, многие скажут, что вы хорошо делаете, соглашаясь на это.

Конунг сказал:

– Хотя я и очень ценю тебя, Скьяльг, я не могу ради тебя нарушить закон и уронить достоинство конунга.

Скьяльг поворачивается и выходит из палаты. Со Скьяльгом было двенадцать человек, и все они последовали за ним, а за Скьяльгом ушли и многие другие.

Скьяльг сказал Торарину сыну Невьольва[22]:

– Если тебе нужна моя дружба, тогда тебе придется приложить все усилия, чтобы этого человека не убили до воскресенья.

После этого Скьяльг и его люди ушли и сели в лодку, которая у него там была, и поплыли на веслах на юг вдоль берега, гребя изо всех сил. Они прибыли в Ядар перед рассветом, поднялись в усадьбу и направились прямиком в покой, где спал Эрлинг. Скьяльг стал с такой силой ломиться в дверь, что она тут же сорвалась с петель. От этого Эрлинг и те, кто там спали, пробудились. Первым вскочил Эрлинг и подбежал к двери. Он схватил свои щит и меч и спросил, кто это там так ломится. Скьяльг назвал себя и попросил отпереть дверь.

Эрлинг отвечает:

– Если кто-нибудь повел себя как безумный, то скорее всего окажется, что это был ты. Уж не гонится ли кто за вами?

Тут отворили дверь. Скьяльг сказал тогда:

– Хоть тебе и кажется, что я слишком тороплюсь, я думаю, Асбьёрну, твоему родичу, который сидит теперь в оковах в Эгвальдснесе, скорее может показаться, что я медлю, и нам надлежит поспешить ему на помощь.

Затем отец с сыном стали беседовать, и Скьяльг рассказал Эрлингу все, что знал об убийстве Торира Тюленя.

Асбьёрна приговаривают к смерти

После того как в палате было убрано, Олав конунг уселся на почетное сиденье, он был в сильном гневе. Затем он спросил, где убийца. Ему сказали, что тот сидит в сенях под стражей. Конунг спрашивает, почему он не был убит.

Торарин отвечает:

– Разве, по-вашему, государь, не черное дело – убить кого-нибудь ночью?

Конунг говорит:

– Раз так, посадите его в оковы и убейте утром.

Асбьёрна заковали в кандалы и заперли на ночь в одном доме. На следующее утро конунг послушал утреню, а после этого отправился на сходку и просидел там до самой обедни. Потом он пошел в церковь и сказал Торарину[23]:

– Разве солнце поднялось уже не достаточно высоко, чтобы можно было повесить вашего друга Асбьёрна?

Торарин поклонился конунгу и сказал в ответ:

– В прошлую пятницу епископ рассказывал, что конунг, который правит всем миром, сносил обиды, и благословен тот, кто способен хоть немного походить в этом на него, а не на тех, кто приговорил его к смерти, или на тех, кто совершает убийства. Теперь уже недолго осталось до утра, а тогда наступит будний день.

Конунг посмотрел на него и сказал:

– Пусть будет по-твоему, Торарин, и его сегодня не убьют. Но раз так, ты должен забрать его к себе и хорошенько стеречь, и имей в виду, если он умудрится сбежать, тебе это будет стоить жизни.

После этого конунг пошел своей дорогой, а Торарин направился туда, где сидел в оковах Асбьёрн. Торарин велел снять с него кандалы и затем отвел его в маленькую горницу и там накормил его и напоил. Он сказал Асбьёрну, чем ему пригрозил конунг, если он сбежит. Тот отвечает, что Торарину нечего опасаться. Торарин пробыл там с ним весь день, а потом остался там и на ночь.

В субботу конунг встал и пошел к заутрене. Затем он пошел слушать службу[24], а оттуда на сходку решать тяжбы. Туда явилось множество бондов, и у них у всех было много дел к конунгу. Конунг пробыл там очень долго и

едва не опоздал к обедне. После службы конунг сразу же пошел к столу, а когда насытился, сидел еще некоторое время и пил, так что столы не убирали. Торарин пошел тогда к церковному сторожу и дал ему две марки серебра[25] за то, чтобы тот поскорее начинал звонить в колокола по случаю праздника. А когда конунг посидел и выпил, сколько пожелал, столы унесли. Тут конунг сказал, что теперь настала пора рабам увести и казнить убийцу. И в тот же момент раздался колокольный звон, возвещавший о начале праздника[26]. Тогда перед конунгом предстал Торарин и сказал:

– Хотя этот человек и совершил преступление, ему должен быть дарован мир на время праздника.

Конунг отвечает:

– Тогда сторожи его сам, Торарин, чтобы он не сбежал.

После этого конунг пошел к службе, а Торарин отправился к Асбьёрну и оставался с ним. На другой день к Асбьёрну пришел священник, исповедал его и разрешил ему послушать воскресную обедню. Затем Торарин пошел к конунгу и попросил его прислать людей, чтобы те охраняли Асбьёрна.

– Отныне я не хочу больше, – сказал Торарин, – заниматься его делом.

Конунг поблагодарил его и прислал людей для охраны Асбьёрна. На него надели оковы. А когда все пошли к обедне, Асбьёрна отвели к церкви послушать мессу. Он стоял снаружи у церковных дверей, а конунг с дружиной были в церкви.

Конунг примиряется с Асбьёрном

Теперь надо вернуться к тому, от чего мы отклонились раньше, и рассказать о том, что Эрлинг и Скьяльг держали совет, как им следует поступить в этом нелегком деле. В конце концов по настоянию Скьяльга и других сыновей Эрлинга они решили разослать ратную стрелу и созвать людей, и вскоре там собралось большое войско. Они были готовы отправиться в путь и взошли на корабли, и их войско насчитывало почти пятнадцать сотен человек. И вот они поплыли с этой ратью и в воскресенье пристали у Эгвальдснеса на Кёрмте и направились вверх к усадьбе со всем своим войском. Они прибыли туда как раз, когда закончилось чтение евангелия, подошли к церкви, сразу же забрали Асбьёрна и сбили с него оковы.

Те, кто до этого стояли снаружи, услышав шум и звон оружия, забежали в церковь, те же, кто находились в церкви, стали озираться и выглядывать наружу, все, кроме Олава конунга. Он продолжал сидеть и не обернулся. Эрлинг и те, кто с ним был, поставили свое войско по обеим сторонам улицы, которая вела от церкви к палатам. Эрлинг и его сыновья встали у палат. Когда служба закончилась, конунг вышел из церкви. Он возглавил шествие, и за ним один за другим шли его люди. А когда он дошел до дверей палаты, Эрлинг прегра-

дил ему путь, поклонился и поздоровался с ним. Конунг ответил, дескать, храни его Бог. Тогда Эрлинг сказал:

– Мне передали, государь, что Асбьёрн, наш родич, сделал большую глупость, и будет жаль, если окажется, что вам сильно не понравился его поступок. Я приехал сюда для того, чтобы покончить это дело миром и предложить вам за него такой выкуп, какой вы сами назначите, а взамен я хочу, чтобы ему была дарована жизнь и было позволено оставаться здесь в стране целым и невредимым.

Конунг отвечает:

– Мне кажется, Эрлинг, ты считаешь, что теперь в твоей власти рассудить нас с Асбьёрном. Не знаю, для чего ты делаешь вид, будто желаешь предложить мне возмещение за его жизнь. Сдается мне, ты потому явился сюда с целым войском, что вознамерился сам решить это дело.

Эрлинг отвечает:

– Нет, государь, это тебе принимать решение, но такое, чтобы мы расстались с миром.

Конунг отвечает:

– Уж не хочешь ли ты меня запугать, Эрлинг? Не для того ли тебе понадобилось такое большое войско?

– Нет, – говорит Эрлинг.

– Но если у тебя на уме другое, – говорит конунг, – то знай: я не побегу.

Эрлинг говорит:

– Нет нужды напоминать мне о том, что наши прежние встречи чаще всего происходили так, что у меня было меньше людей, чем у вас. А теперь я не буду скрывать от вас, что у меня на уме: я хочу, чтобы мы расстались с миром, а иначе эта наша встреча станет последней.

Тут лицо Эрлинга побагровело. Тогда вышел вперед Сигурд епископ и сказал, обращаясь к конунгу:

– Государь, я нижайше прошу вас ради самого Господа, чтобы вы примирились с Эрлингом и сделали то, о чем он просит, – пусть этот человек получит пощаду и останется невредим, и вы должны сами принять решение, на каких условиях будет достигнут мир.

Конунг сказал:

– Решайте вы.

Тогда епископ сказал:

– Вы должны обязаться выполнить любые условия, которые поставит конунг.

Затем Асбьёрну была дарована пощада, и он покорился власти конунга. Эрлинг дал обязательства. Конунг принял их, и Асбьёрн поцеловал ему руку. После этого Эрлинг отправился восвояси со своим войском, так и не попрощавшись с конунгом.

Потом конунг вошел в палаты, и с ним Асбьёрн. Тогда конунг объявил условия мира и сказал:

– А теперь, Асбьёрн, приступим к оглашению условий нашего примирения. Ты обязан будешь подчиниться закону страны, согласно которому тот, кто убьет служилого человека, должен занять его место и нести ту же службу, если этого захочет конунг. И я желаю, чтобы ты стал здесь управителем вместо Торира Тюленя и взял на себя все заботы об этом поместье в Эгвальдснесе.

Асбьёрн говорит, что пусть будет так, как хочет конунг.

– Но сначала мне потребуется поехать домой в мою усадьбу и уладить там все дела.

Конунг сказал, что не видит в этом ничего плохого. Оттуда конунг отправился в другое место, где ему было устроено угощение, а Асбьёрн стал собираться в дорогу со своими спутниками. Все то время, что Асбьёрн отсутствовал, они скрывались в укромных бухтах. Они проведали о том, что с ним произошло.

Асбьёрн поплыл своим путем и нигде не останавливался той весной, пока не прибыл на север в свою усадьбу. С тех пор к нему пристало прозвище Тюленебойца. Он успел пробыть дома совсем недолго, когда встретился с Ториром Собакой. Родичи принялись беседовать. Торир стал расспрашивать Асбьёрна о его поездке и обо всем, что там произошло. Асбьёрн рассказал ему, как было дело.

Торир говорит на это:

– Ты, верно, считаешь, что теперь смыл с себя бесчестье, которым ты был покрыт, когда тебя ограбили прошлой осенью?

– Так и есть, – говорит Асбьёрн, – а что ты об этом думаешь, родич?

Торир отвечает:

– Это я тебе сейчас скажу. Первая твоя поездка, когда ты отправился на юг страны, обернулась величайшим унижением, но все же это дело еще можно было как-то поправить. Что же до этой поездки, то она станет позором и для тебя, и для всех твоих родичей, если дело завершится тем, что ты сделаешься рабом конунга и ровней худшего из людей – Торира Тюленя. Ты поступишь правильно и как пристало мужу, если останешься дома в своих владениях, мы же, твои родичи, окажем тебе поддержку и позаботимся о том, чтобы ты никогда впредь не попадал в такую беду.

Асбьёрну это пришлось по душе, и прежде, чем они расстались, было решено, что он останется дома и не поедет на встречу к конунгу и не станет служить ему. Так он остался дома в своей усадьбе.

Асмунд убил Асбьёрна Тюленебойцу

Той же весной Олав конунг передал Асмунду сыну Гранкеля[27] управление половиной сюслы в Халогаланде[28]. Другую же половину он оставил Хареку с Тьотты[29], а прежде тот в одиночку управлял ею целиком, частью получая

с нее доходы, а часть земель получив в лен. У Асмунда был корабль и почти три десятка хорошо вооруженных людей. Когда Асмунд прибыл на север, они с Хареком встретились. Асмунд рассказал ему, как конунг распорядился областью, и затем показал знаки, полученные от конунга. Харек ответил, что дело конунга решать, кому управлять сюслой:

– Однако же его предшественники не делали такого: не урезали наших прав на власть, которыми обладают родовитые люди, и не отдавали эти права сыновьям бондов, у которых их прежде никогда не бывало.

И хотя по Хареку было видно, что ему это пришлось не по нраву, он позволил Асмунду забрать половину сюслы, как повелел конунг. Затем Асмунд поехал домой в свою усадьбу. Он пробыл там недолго и потом отправился в свою сюслу на север в Халогаланд.

Он приплыл на север к острову Лангей[30]. Там жили два брата, одного из них звали Гуннстейн, а другого Карли. Оба они были люди богатые и весьма уважаемые. Гуннстейн был рачительным хозяином. Он был старшим из братьев. Карли был хорош собой и большой щеголь. Оба брата были людьми искусными во всем.

Асмунду был оказан хороший прием, и он пробыл там некоторое время, собирая с сюслы все, что только мог получить. Карли рассказал Асмунду о своем намерении поехать к Олаву конунгу и попроситься к нему в дружину. Асмунд поддержал его в этом и пообещал помочь ему добиться от конунга того, что он хочет, и Карли собрался в дорогу вместе с Асмундом.

Асмунд узнал, что Асбьёрн Тюленебойца отправился на торг на юг в Вагар[31] на своем большом грузовом корабле, и на нем было двадцать человек. Ожидалось, что он будет возвращаться с юга[32]. Асмунд и его люди поплыли на юг вдоль берега, им выдался встречный ветер, однако он был слабый. Навстречу им плыли корабли, которые возвращались из Вагара. Они принялись расспрашивать их, не известно ли им что-нибудь о поездке Асбьёрна. Им было сказано, что он направляется на север.

Асмунд и Карли спали на корабле рядом, и между ними была большая дружба. Однажды, когда Асмунд и его люди шли на веслах вдоль какого-то пролива, навстречу им выплыл грузовой корабль. Его было легко узнать: нос этого корабля был выкрашен белой и красной краской, и на нем был полосатый парус.

Карли сказал Асмунду:

– Ты не раз говорил, что тебе очень бы хотелось увидать Асбьёрна Тюленебойцу. Я ничего не смыслю в кораблях, если это плывет не он.

Асмунд отвечает:

– Если ты знаешь его, приятель, окажи мне услугу и скажи, как только увидишь его.

Вслед за тем корабли сблизились. Тут Карли сказал:

– Вон он, Тюленебойца, в синем плаще у руля.

Асмунд отвечает:

– От меня он получит красный плащ.

Тут Асмунд метнул в Асбьёрна копье, и оно пронзило его насквозь и застряло в спинке скамьи, так что Асбьёрн так и остался стоять мертвым у руля.

После этого и те и другие продолжили свой путь. Люди отвезли труп Асбьёрна на север в Трандарнес. Тогда Сигрид велела послать за Ториром Собакой на Бьяркей. Он прибыл, когда труп Асбьёрна уже был обряжен. А когда люди собрались уезжать, Сигрид наделила своих друзей подарками. Она проводила Торира до корабля и, прежде чем они расстались, сказала:

– Вышло так, Торир, что Асбьёрн, мой сын, послушался твоего доброго совета. Но теперь, поскольку его нет в живых, он не в состоянии отблагодарить тебя за него как следует. И пускай у меня для этого куда меньше возможностей, чем было у него, я все же намерена сделать это. Вот подарок, который я хочу вручить тебе, и я надеюсь, что он тебе пригодится. Это – то копье, которое пронзило моего сына Асбьёрна, и оно все в крови. Так ты крепче запомнишь, что этим копьем была нанесена рана, которую ты видел на теле твоего племянника Асбьёрна. Ты бы показал себя большим храбрецом, когда бы метнул это копье так, чтобы оно вонзилось в грудь Олаву Толстому[33]. И нынче я скажу тебе то, что желаю сказать: ты будешь последним негодяем, если не отомстишь за него.

Тут она повернулась и ушла. Торира так разгневала ее речь, что он не смог вымолвить ни слова. Он не замечал ни того, что держал в руках, ни сходней, и наверняка упал бы в воду, если бы люди не подхватили его и не поддерживали, когда он всходил на корабль. Это было небольшое копье с золотой насечкой на наконечнике.

Торир и его люди уплыли оттуда и направились домой на Бьяркей.

Асмунд с товарищами плыли своей дорогой, пока не прибыли на юг в Трандхейм к Олаву конунгу. Асмунд рассказал, что произошло во время его поездки. Карли стал дружинником Олава конунга. Они с Асмундом оставались добрыми друзьями. Что же до разговора, который Карли и Асмунд вели между собой перед убийством Асбьёрна, то он не стал ни для кого тайной, так как они сами рассказали о нем конунгу. И все вышло так, как говорится: у всякого найдется друг среди недругов, и там были те, кто запомнили этот рассказ, а потом это дошло до Торира Собаки[34] на Бьяркей.

ПРЯДЬ О СТЕЙНЕ СЫНЕ СКАФТИ

Стейн убил управителя Олава конунга

Тородду сыну Снорри Годи[1] и Стейну сыну Скафти[2] пришлось не по нраву, что они были лишены возможности решать сами за себя. Стейн сын Скафти был очень хорош собой и весьма сноровист. Он был хороший скальд[3], большой щеголь и гордец. Скафти, его отец, сложил об Олаве конунге драпу[4] и научил ей Стейна с тем, чтобы тот передал эту песнь конунгу. Стейн не жалел слов и хулы и поносил Олава конунга и в речах, и в стихах. Они с Тороддом оба были неосторожны на язык и говорили, что конунг поступил хуже, чем те, кто доверчиво послали к нему своих сыновей, а он теперь держит их в неволе[5]. Конунга разгневали их речи.

Однажды, когда Стейн сын Скафти был у конунга, он спросил у него, не желает ли тот послушать песнь, которую о нем сложил Скафти, его отец.

Конунг отвечает:

– Только прежде, Стейн, ты должен будешь сказать то, что ты сам сочинил обо мне.

Стейн сказал, что сочинил сущую безделицу.

– Я не скальд, – говорит он, – но даже если бы я и умел складывать стихи, вы сочли бы их вовсе не заслуживающими внимания, как и все прочее, что меня касается.

После этого Стейн ушел. Он выяснил, как обстояли дела, и понял, что́ конунг имел в виду, когда говорил с ним.

Торгейром звали человека конунга, который управлял его поместьем в Оркадале[6]. Он был тогда у конунга и слышал его разговор со Стейном. Затем Торгейр уехал домой. А спустя немного времени как-то раз ночью Стейн сбежал из города вместе со своим слугой. Они перевалили через Гауларас[7] и шли, пока не прибыли в Оркадаль. Вечером они явились в конунгово поместье, которым управлял Торгейр. Торгейр пригласил их остаться на ночь и спросил у Стейна, куда тот держит путь. Стейн попросил дать ему лошадь и сани, он увидал, как туда привезли зерно.

Торгейр отвечает:

– Я не знаю, куда и с какой целью ты направляешься и получил ли ты разрешение конунга на эту поездку. Давеча мне показалось, что вы с конунгом не больно-то ладите.

Стейн отвечает:

– Пусть конунг и не дает мне решать самому за себя, я не позволю того же его рабам.

Тут он выхватил меч и убил управителя. Затем Стейн взял лошадь и приказал своему слуге вскочить верхом, а сам сел в сани. Они отправились в

дорогу и ехали всю ночь, пока не добрались до Сурнадаля в Мёре[8]. Там они продолжили свой путь и переправились через фьорд. Всю дорогу они очень торопились и, куда бы ни приезжали, нигде не рассказывали об убийстве, а себя выдавали за конунговых людей, и повсюду, где они появлялись, их хорошо принимали. Как-то раз вечером они прибыли на остров Гицки[9], и Стейн направился в усадьбу Торберга сына Арни[10]. Того не оказалось дома, однако дома была его жена, Рагнхильд дочь Эрлинга, сына Скьяльга[11]. Стейну там был оказан очень теплый прием, потому что они с Рагнхильд были добрые знакомые. Еще прежде случилось так, что, когда Стейн на своем корабле приплыл из Исландии, он первым делом подошел к Гицки и встал там у острова. Рагнхильд в то время лежала на полу и должна была вот-вот разрешиться от бремени, и ей было очень плохо. На острове же и нигде поблизости от него не было священника. Тогда было решено отправиться на корабль и спросить, не найдется ли там священника. На корабле был священник, которого звали Бранд, родом он был из Западных Фьордов[12], это был человек молодой и мало ученый. Посланцы попросили священника отправиться вместе с ними к Рагнхильд. Он же счел это слишком трудным делом, поскольку знал про себя, что он человек несведущий, и не захотел ехать с ними. Тогда Стейн тоже обратился к священнику и попросил его поехать.

Священник отвечает:

– Я поеду, если и ты оправишься вместе со мной. Я очень полагаюсь на твои советы.

Стейн сказал, что он готов поехать. Они отправились в усадьбу и вошли в покой, где была Рагнхильд. Вскоре после этого она родила ребенка. Это была девочка, и она казалась совсем слабой. Тогда священник крестил ребенка, а Стейн держал его во время крестин[13]. Стейн подарил девочке золотой перстень. Рагнхильд пообещала Стейну свою дружбу и сказала, чтобы он непременно приезжал к ней, если ему будет что-нибудь нужно. Стейн сказал, что не собирается больше держать девочек, когда их будут крестить, на этом они расстались. И вот теперь вышло так, что Стейн напомнил Рагнхильд о ее обещании. Он рассказывает ей о том, что с ним произошло и что он, похоже, навлек на себя гнев конунга. Она говорит, что сделает все, что в ее силах, чтобы помочь ему, и просит его дождаться Торберга. Она усадила Стейна рядом с Эйстейном Тетеревом, своим сыном. Ему тогда было двенадцать лет. Стейн подарил Рагнхильд и Эйстейну подарки.

Встреча конунга и Торберга

Теперь надо рассказать о том, что Торберг возвращается домой. Еще до своего приезда он узнал все о делах Стейна и был очень недоволен. Рагнхильд заводит с ним разговор и рассказывает ему о том, что произошло со Стейном, и просит его дать ему кров и оказать помощь.

Торберг отвечает:

– Мне стало известно, – говорит он, – что после убийства Торгейра конунг повелел разослать стрелу и собрать тинг[14] и что Стейн был объявлен вне закона, так что конунг очень на него гневается. У меня хватит ума, чтобы не брать под свою защиту человека, объявленного вне закона, и из-за этого навлечь на себя гнев конунга. Передай Стейну, чтобы он как можно скорее уезжал отсюда.

Рагнхильд отвечает, что в таком случае они со Стейном оба уедут, а если останутся, то только вместе. Торберг сказал, что она может ехать, куда ей заблагорассудится.

– Только я ожидаю, – говорит он, – что ты скоро воротишься назад, потому что, сдается мне, ты нигде не будешь пользоваться таким почетом, как здесь.

Тут выходит вперед Эйстейн, их сын. Он говорит, что если Рагнхильд уедет, он тогда тоже не останется. Торберг говорит, что оба они проявляют слишком много упрямства в этом деле.

– Возможно, вам и удастся добиться своего, раз вам это кажется таким важным. А ты, Рагнхильд, такая же, как и твои родичи, раз слово конунга ничего для тебя не значит.

Рагнхильд отвечает:

– Если ты так боишься оставлять Стейна здесь, то поезжай тогда вместе с ним к Эрлингу, моему отцу, или дай ему провожатых, чтобы он добрался туда невредимым.

Торберг говорит, что не станет отправлять к нему Стейна и что у конунга и так уже достаточный счет к Эрлингу.

Стейн провел там зиму. А после Рождества к Торбергу приехали посланцы конунга и передали ему, что он должен явиться к конунгу до середины великого поста, и это был строгий приказ. Торберг рассказал об этом своим друзьям и просил у них совета, стоит ли ему рисковать и ехать к Олаву конунгу при таких обстоятельствах. Большинство отговаривали его от поездки и говорили, что разумнее было бы сбыть Стейна с рук, чем ехать на встречу к конунгу. Но Торберг все же больше склонялся к тому, чтобы не отказываться от этой поездки. Спустя некоторое время Торберг отправился повидаться с Финном, своим братом. Он рассказал ему о своем деле и попросил его поехать с ним. Финн отвечает, что, на его взгляд, плохо, когда в доме верховодит жена, да так, что он из-за нее готов нарушить верность своему государю.

– Тебе выбирать, – говорит Торберг, – ехать или нет, и все же сдается мне, что ты не хочешь ехать скорее из страха, чем из преданности конунгу.

На этом они расстались, и оба были в гневе.

Затем Торберг поехал к своему брату Арни, рассказал ему обо всем и попросил его поехать к конунгу.

Арни отвечает:

– Мне кажется удивительным, что такой умный и осмотрительный человек, как ты, умудрился попасть в такую большую беду и навлечь на себя гнев конунга, да еще и без всякой на то надобности. Это было бы еще хоть как-то простительно, если бы кто-нибудь оказывал поддержку своему родичу или побратиму, ты же взял под свою защиту исландца, и к тому же человека, которого конунг объявил вне закона, и тем подверг опасности и самого себя и всех своих родичей.

Торберг отвечает:

– Недаром говорят – в семье не без урода. Теперь мне стало ясно, в чем несчастье моего отца, а оно в том, что ему не повезло с сыновьями, ведь его младший сын пошел не в наших родичей и ни к чему не пригоден. И, говоря по правде, если бы не бесчестье, которое эти слова могли бы нанести моей матери, я не назвал бы тебя своим братом.

После этого Торберг ушел и отправился домой, он был очень недоволен. Затем он послал людей на север в Трандхейм к Кальву, своему брату, и просил его приехать на Агданес[15] на встречу с ним. И когда гонцы явились к Кальву, тот пообещал, что приедет, и ничего больше не сказал.

О поездке братьев

Теперь надо рассказать о том, что Рагнхильд послала весть на восток в Ядар[16] Эрлингу, своему отцу, и попросила его прислать ей людей. Затем отправились в путь сыновья Эрлинга, Сигурд и Торир. У каждого из них был корабль в двадцать скамей для гребцов[17], и с ними было девяносто человек. Когда они прибыли на север к Торбергу, тот их хорошо принял. После этого он собрался в поездку. У Торберга тоже был корабль в двадцать скамей. Они поплыли на север своим путем. Когда они прибыли на север, их там уже ждали братья Торберга, Финн и Арни, и у каждого из них был корабль в двадцать скамей. Торберг поздоровался со своими братьями и сказал, что, видно, он все же не зря их подзадоривал. Финн отвечал, что он не часто в этом нуждается. Потом они направились со всем своим войском на север в Трандхейм, и Стейн тоже был с ними в этой поездке. А когда они добрались до Агданеса, там уже стоял Кальв. У него был хорошо оснащенный корабль в двадцать скамей для гребцов. Они поплыли со всем этим войском к Хольму[18] и провели там ночь. Утром они принялись совещаться. Кальв и сыновья Эрлинга предлагали явиться в город[19] со всем войском, а там уж будь что будет. Торберг же хотел поначалу проявить сдержанность и предложить выкуп. Это предложение поддержали Финн и Арни. Было решено, что Финн и Арни отправятся к Олаву конунгу, захватив с собой совсем немного людей.

Конунгу стало известно, какое множество народу они привели, и он говорил с ними очень сурово. Финн предложил выкуп за Торберга, своего брата, а также за Стейна. Он сказал, пусть конунг сам решает, сколько денег он желает получить, но Торберг должен остаться в стране и сохранить пожалованные ему владения[20], а Стейн получить пощаду и остаться целым и невредимым.

Конунг отвечает:

– Сдается мне, что вы отправились в эту поездку, решив, что сможете принудить меня поступить по-вашему, если еще того не хуже. А мы-то меньше всего ожидали от вас, братьев, что вы пойдете против нас с войском. Я знаю, что зачинщики этого – люди из Ядара[21]. И нечего предлагать мне деньги.

Тогда Финн говорит в ответ:

– Мы, братья, собрали такое большое войско вовсе не ради того, чтобы воевать с вами, конунг. Как раз напротив: первое, что мы хотим сделать, это предложить вам свою службу. Но если вы нам откажете и намерены жестоко обойтись с Торбергом, то тогда мы с нашим войском отправимся к Кнуту Могучему[22].

Тогда конунг посмотрел на него и сказал:

– Если вы, братья, готовы принести мне клятву в том, что будете следовать за мной и в стране и за ее пределами, и не покинете меня без моего согласия и дозволения, и не утаите от меня, если вам станет известно, что против меня замышляют измену, тогда я соглашусь примириться с вами.

Затем Финн возвращается к своим и рассказывает им, что им предлагает конунг. И вот они стали держать совет. Торберг говорит, что хочет принять это предложение:

– Я не желаю бежать из моих владений к иноземным правителям, и я считаю для себя честью остаться с Олавом конунгом и следовать за ним повсюду.

Кальв сказал:

– Я не собираюсь приносить конунгу никаких клятв и намерен оставаться в стране лишь до тех пор, пока за мной сохраняются пожалованные мне владения и прочие почести и конунг будет мне другом. И мое желание, чтобы мы все так поступили.

Финн отвечает:

– Я бы лучше пошел на то, чтобы конунг ставил нам свои условия.

Арни сын Арни говорит:

– Я принял решение сопровождать тебя, брат Торберг, несмотря на то что ты был готов сразиться с конунгом. Так что я не расстанусь с тобой и в том случае, если ты найдешь лучший выход, и я последую за тобой и Финном и поступлю так, как вы оба решите.

Братья Торберг, Финн и Арни взошли на один корабль и поплыли в город на встречу с конунгом. Братья принесли клятвы конунгу, и так был заключен

мир. После этого Торберг попросил конунга даровать прощение Стейну, и конунг сказал, что тот может отправляться, куда захочет.

– Но с этих пор он не должен больше оставаться при мне, – говорит конунг.

Затем Торберг и остальные воротились на Хольм к своему войску. Потом Кальв поехал в Эгг[23], Финн к конунгу, а Торберг и оставшиеся с ним люди отправились домой. Стейн уехал вместе с сыновьями Эрлинга, а как только наступила весна, уплыл на запад в Англию к Кнуту конунгу и долго жил у него в большой чести[24].

ПРЯДЬ О ТОРОДДЕ СЫНЕ СНОРРИ

О Тородде и пьянстве бондов

Тородд сын Снорри остался в Норвегии по велению Олава конунга, после того как Геллир сын Торкеля получил разрешение уехать в Исландию, как уже было написано ранее[1]. Он находился тогда у Олава конунга и был очень недоволен своей несвободой – тем, что ему не позволено было поехать куда ему заблагорассудится.

В начале зимы, когда Олав конунг был в Нидаросе, он объявил о том, что хочет послать людей в Ямталанд[2] собирать подати. Однако для этой поездки не находилось охотников, потому что были убиты посланцы Олава конунга, которых он отправил туда раньше, Транд Белый и его спутники, как уже было написано прежде. Вместе их было двенадцать человек[3]. С той поры ямталандцы платили подати конунгу шведов. Тородд сын Снорри вызвался отправиться в эту поездку, поскольку его ничто не страшило, что бы с ним ни стряслось, лишь бы получить свободу. Конунг дал на это свое согласие, и Тородд отправился в путь, взяв с собой одиннадцать человек.

Они прибыли на восток в Ямталанд и явились домой к человеку, которого звали Торир[4]. Он был тамошним лагманом и человеком очень уважаемым. Их там хорошо приняли. А после того как они пробыли там некоторое время, они рассказали Ториру о своем поручении. В ответ тот сказал, что решение этого дела не в меньшей мере зависит от других жителей страны и что надо собирать тинг. Так и было сделано – разослали стрелу и созвали на тинг множество народу[5]. Торир отправился на тинг, а конунговы посланцы тем време-

нем оставались у него дома. Торир объявил народу об их деле, и все сошлись на том, что они не станут платить никакой подати конунгу Норвегии. Что же до гонцов, то некоторые предлагали повесить их, а другие – принести в жертву[6]. Порешили на том, что их следует задержать до тех пор, пока туда не приедет управитель конунга шведов, и пусть тогда эти люди решают по своему усмотрению и в согласии с волей жителей страны, как с ними поступить. А до того было решено делать вид, что гонцам оказывается хороший прием и что им надо дожидаться, пока соберут подати. А еще решили разделить их так, чтобы на постое они жили по двое на одном дворе. Тородд остался у Торира еще с одним человеком.

На йоль[7] там был устроен большой пир, припасы и пиво для которого собирали всем миром. На нем присутствовало много жителей деревни, и они все пировали вместе. Неподалеку оттуда находилась другая деревня, и там жил зять Торира, человек могущественный и богатый. У него был взрослый сын. Каждый из свояков должен был провести половину йоля в гостях у другого. Сначала пировали у Торира. Торир сидел рядом со своим зятем, а Тородд – с сыном бонда. В тот вечер там устраивались большие состязания: люди соревновались, кто кого перепьет, затем затеяли спор и стали сравнивать норвежцев и шведов[8], а там и их конунгов – как тех, которые были прежде, так и тех, которые правят теперь. Потом зашла речь о раздорах между двумя странами, и принялись сравнивать, кто у кого перебил больше народу и учинил больше грабежей.

Тут сын бонда сказал:

– Если наши конунги и потеряли больше людей, то когда после йоля сюда прибудут с юга управители конунга шведов, они наверняка сравняют счет, лишив жизни еще дюжину человек. А вы, бедолаги, и ведать не ведаете, чего ради вас здесь удерживают.

Тородд понял тогда, в какую он попал передрягу. Многие насмехались над ними и осыпали бранью и их самих, и их конунга. Так, когда пиво развязало ямталандцам языки, вышло наружу то, о чем Тородд прежде и не догадывался. На следующий день Тородд и человек, который стоял там вместе с ним, положили свое оружие и одежду так, чтобы они были под рукой, и ночью, когда все спали, убежали в лес. А наутро, когда люди узнали об их бегстве, они бросились за ними с ищейками и отыскали их в лесу, где те прятались. Они доставили их домой и отвели в сарай. Там была глубокая яма. Туда их и посадили, а дверь заперли на засов. Кормили их скудно, и они не получили никакой одежды, кроме той, что была на них. А когда настала середина йоля, Торир со всеми бывшими при нем свободными людьми отправился к своему зятю. Он должен был пировать там вторую половину йоля. Рабам Торира было велено стеречь сидевших в яме узников. Им оставили вдоволь питья, но они не знали меры, и к вечеру были совершенно пьяны. Напившись же, те из

рабов, кто носил еду сидящим в яме, стали говорить промеж себя, что, мол, не стоит их обделять. Child Тородд исполнял рабам песни и забавлял их. Те сказали, что он, судя по всему, достойный человек, и дали ему большую свечу. Тут рабы, которые оставались в доме, высыпали на двор и громкими криками стали призывать их возвращаться в дом. Те же были настолько пьяны, что позабыли закрыть и яму, и дверь сарая. Тогда Тородд разорвал свой плащ на полосы, а потом они связали их вместе, сделав на конце силок, и забросили его наверх на пол сарая. Силок обвился вокруг ножки сундука и накрепко затянулся. После этого они попытались выбраться оттуда. Тородд поднял своего товарища, так что тот встал ему на плечи, а затем выкарабкался через лаз наружу. В сарае не было недостатка в веревках, и он бросил конец одной веревки Тородду, однако когда тот принялся тянуть его наверх, ему не удалось его вытащить. Тогда Тородд сказал, чтобы тот перекинул веревку через балку под крышей сарая, а на конце ее сделал петлю и вложил в нее столько бревен и камней, сколько хватит, чтобы они смогли его перевесить. Тот так и сделал. Затем конец веревки был спущен в яму, и Тородд выбрался наверх. После этого он взял в сарае то, что им было необходимо из одежды. Там лежало несколько оленьих шкур, и они привязали их себе на ноги задом наперед[9]. Прежде чем уйти, они подожгли амбар, а потом скрылись в ночной тьме. Сгорел амбар и многие другие деревенские постройки. Тородд и его товарищ пробирались всю ночь сквозь лесную чащу, а как только рассвело, затаились. Наутро их хватились и бросились разыскивать с ищейками во все стороны от деревни. Однако собаки возвратились назад в деревню, потому что они учуяли оленьи шкуры, а следы вели туда, куда были повернуты оленьи копыта. Так их и не удалось найти.

Тородд встретился с Арнльотом Геллини

Тородд и его спутник долго пробирались сквозь лесную чащу. Однажды вечером они набрели на усадьбу и зашли в нее. В доме сидели мужчина и женщина. Мужчина назвался Ториром и сказал, что сидевшая вместе с ним женщина – его жена и что этот дом принадлежит им. Бонд пригласил их остаться у него, и они согласились. Он рассказал им, что поселился здесь потому, что ему пришлось бежать из своего селения из-за совершенного им убийства. Тородду и его товарищу там был оказан хороший прием, и их усадили у очага и накормили. Затем для них приготовили постель на скамье, и они улеглись спать. Огонь уже погас[10]. Тут Тородд увидал, как из другого покоя вышел человек, и ему никогда еще не доводилось встречать людей такого огромного роста. На этом человеке была алая расшитая одежда, и вид у него был весьма значительный. Тородд услыхал, как этот рослый человек бранит

хозяев за то, что те пустили к себе гостей, когда у них у самих едва хватает пропитания. Те отвечали:

– Не сердись, у нас такое случается редко. Если это в твоих силах, помоги этому человеку чем-нибудь, ведь у тебя для этого больше возможностей, чем у нас.

Тородд и его товарищ услыхали, что этого человека зовут Арнльот Геллини и что жена Торира приходится ему сестрой. Тородд уже был наслышан об Арнльоте Геллини, а также о том, что это был большой разбойник и злодей. Тородд и его товарищ крепко спали той ночью, потому что они очень устали с дороги. А когда еще оставалась треть ночи, туда вошел Арнльот и велел им вставать и собираться в путь. Тородд и его товарищ тотчас же встали и оделись. Их накормили завтраком. Потом Торир дал каждому из них лыжи. Арнльот собрался в дорогу вместе с ними. Он встал на лыжи. Они были длинные и широкие, и стоило ему только оттолкнуться палкой, как он оказался далеко впереди них. Он подождал их и сказал, что так они далеко не уедут, и велел им встать на его лыжи. Они так и сделали. Тородд встал позади Арнльота и схватился за его ремень, а его товарищ – за него. После этого Арнльот помчался так, как если бы он был один.

Когда прошла треть ночи, они добрались до какой-то хижины, поставленной для укрытия путников. Они развели в ней огонь и приготовили себе поесть. А когда они принялись за еду, Арнльот сказал им, чтобы они ничего не выбрасывали, ни костей, ни крошек. Сам же Арнльот достал серебряное блюдо и ел с него. Когда они насытились, Арнльот собрал объедки. Затем они стали готовиться ко сну. В одном конце дома наверху над поперечной балкой был чердак. Они поднялись на чердак и улеглись там спать. У Арнльота было большое копье, наконечник которого был выложен золотом, а древко такое длинное, что он едва мог дотянуться рукой до наконечника. На поясе у него висел меч. Они захватили с собой наверх на чердак оружие и одежду и положили рядом. Арнльот велел им хранить молчание, он лег поближе к выходу.

Спустя немного времени в дом вошли двенадцать человек. Это были торговые люди, которые направлялись в Ямталанд со своим товаром. Придя туда, они принялись шуметь и веселиться и развели большой огонь, а во время еды выбрасывали все кости. Потом они собрались спать и улеглись на скамьях. А вскоре после того, как они уснули, в дом заявилась огромная троллиха. Войдя, она смела подчистую кости и все, что ей показалось съедобным, и набила себе этим рот. Потом она схватила лежавшего ближе к ней человека, разорвала его на куски и швырнула в огонь. Тут те пробудились, точно от дурного сна, и повскакивали, но она отправила их в Хель[11] одного за другим, так что лишь один из них остался в живых. Он бросился к ходу на чердак и стал призывать себе на подмогу тех, кто мог там находиться и пришел бы ему на помощь. Арнльот протянул ему руку и затащил его на чердак. Затем трол-

лиха направилась к очагу и принялась пожирать людей, которые зажарились на огне. Тогда Арнльот поднялся, схватил свое копье и всадил его ей между лопаток, так что острие торчало наружу из груди. Она отпрянула, дико завыла и бросилась вон. Арнльот лишился своего копья, так как она утащила его с собой. Арнльот вышел, убрал трупы, вставил на место дверь и починил то, что она разломала. После этого они проспали остаток ночи.

Когда рассвело, они встали и позавтракали. А когда они насытились, Арнльот сказал:

– Здесь мы расстанемся. Идите дальше по санному следу, по которому вчера ехали торговые люди, а я отправлюсь на поиски моего копья. А за труды я возьму себе из добра, которое принадлежало этим людям, то, что мне приглянется. Передавай от меня привет Олаву конунгу и скажи ему, что он тот человек, с которым мне больше всего хотелось бы встретиться. Однако навряд ли он придаст какое-нибудь значение моему привету.

Тут он достал серебряное блюдо, а с ним платок и сказал:

– Отдай конунгу это сокровище и скажи, что это привет от меня.

Потом и они, и Арнльот собрались в дорогу и на этом расстались. Тородд и его спутник, а также тот человек, который спасся, шли, пока не явились к Олаву конунгу. Они нашли его в городе[12], и Тородд поведал ему о своей поездке. Он передал ему привет от Арнльота и отдал посланное ему сокровище.

Конунг говорит в ответ:

– Плохо, что Арнльот не пришел повидаться со мной, и я считаю немалым уроном то, что такой доблестный и недюжинный человек избрал для себя дурной путь[13].

После этого Тородд провел остаток зимы у Олава конунга, а следующим летом получил от него разрешение уехать в Исландию. Они с Олавом конунгом расстались друзьями.

ПРЯДЬ О РАУДУЛЬВЕ

Одного человека звали Рауд, а еще у него было другое имя, Ульв[1]. Он жил в Эйстридалире. Жену его звали Рагнхильд. У них было двое сыновей, Даг и Сигурд, оба люди весьма многообещающие. Они присутствовали на том тинге и держали ответ от имени жителей долины и отклонили это обвинение[2]. Бьёрн счел, что они держались куда как заносчиво и что они и одеты, и вооружены вызывающе, и тогда он принялся обвинять братьев и говорить,

что не видит ничего невероятного в том, что они-то и совершили это преступление. Они отвергли все выдвинутые против них обвинения, и тинг на этом закончился.

Вскоре после этого к Бьёрну управителю приехал Олав конунг со своим войском, и для него там было устроено угощение. Тут конунгу доложили о том деле, которое ранее обсуждалось на тинге. Бьёрн сказал ему, что, по его мнению, всего вернее, это сыновья Рауда учинили такое беззаконие. Тогда послали за сыновьями Рауда. Однако когда они встретились с конунгом, тот заявил, что эти люди не похожи на воров, и отвел обвинение, которое было выдвинуто Бьёрном, сказав, что, на его взгляд, они не замешаны в этом деле. Те пригласили конунга погостить у их отца и провести в его усадьбе три ночи. Конунг пообещал так и сделать, и был назначен день его приезда.

Бьёрн отговаривал его от этой поездки, но конунг тем не менее отправился в путь[3] в сопровождении двухсот человек и прибыл к Раудульву на исходе дня. Конунг увидал там высокую и крепкую ограду. Когда конунг и его люди подъехали к воротам, они оказались распахнуты. Сработаны же те ворота были хоть куда: они были подвешены на железных петлях, и если стояли на запоре, за них было не так-то легко проникнуть. Конунг и его войско въехали в ворота, и на дворе их встречали Раудульв бонд с сыновьями и со множеством народу. Раудульв и все они тепло приветствовали конунга и его людей, и те спешились. Усадьба у Рауда бонда и его сыновей была отменная.

Конунг спрашивает хозяина:

– Уж не церковь ли тот красивый дом, что стоит тут на дворе?

Хозяин отвечает:

– Это, государь, мой спальный покой. Он был построен прошлым летом и только что закончен.

Все кровли на тамошних постройках были незадолго до того покрыты дранкой и просмолены. Затем они направились в дом. Конунг видит, какой он просторный, и здесь стены были заново обшиты и хорошенько просмолены. Во дворе конунг увидал множество строений, больших и малых, и все они были возведены как нельзя лучше. Конунг спросил, нет ли в усадьбе церкви.

– Нет, – говорит хозяин, – поскольку епископ никогда прежде не приезжал сюда.

Тогда епископ[4] велел поставить на дворе перед домом шатер и отслужил в нем вечерню, которая продолжалась допоздна. После этого конунг направился в дом, и перед ним несли свечи. А когда он вошел, все там было подготовлено к его приему. Конунг уселся на приготовленное для него почетное сиденье; по правую руку от него сел епископ, а по левую руку конунгова жена, и за нею знатные женщины. Напротив конунга на нижней скамье сидел Бьёрн окольничий, а по обе стороны от него расположились дружинники. Рядом с епископом сидел Финн сын Арни, потом Кальв, его брат, за ним Торберг сын

Арни, Кольбьёрн сын Арни, а за ним Арни сын Арни, все эти братья были лендрманнами Олава конунга[5].

После того как все, кто сопровождал конунга, были рассажены на помосте, были заняты все сиденья, стоявшие за ним вдоль стен. Домочадцы и приглашенные гости разместились на отдельных скамейках и скамьях, поставленных спереди. Раудульв хозяин занимал переднее сиденье, стоявшее напротив скамьи, на которой сидели лендрманны. Угощение там было на славу и вдосталь всевозможного доброго питья. Сыновья Рауда прислуживали гостям и управлялись со всем самым что ни на есть подобающим образом. Конунг пришел в веселое и благодушное настроение; он находил оказанный им прием превосходным и исполненным вежества и был очень доволен тем, с каким размахом и великолепием было устроено это развлечение.

Затем конунг завел беседу с Раудом хозяином, и ему не понадобилось много времени, чтобы заметить, что хозяин был человек находчивый и мудрый. Все, кто там был, очень развеселились за питьем. Конунг расспрашивал Ульва о многих неведомых вещах, однако у того всегда был наготове ответ. Кое-что из этого конунгу уже приходилось слыхать раньше, так что он и сам знал, как обстояло дело, а о чем-то ему не довелось узнать прежде и было неизвестно вовсе. Да только всё, о чем конунг знал, совпадало с тем, что говорил Ульв, а потому он проникся большим доверием к его речам. Ульв же никогда ни о чем не распространялся и лишь отвечал на вопросы конунга. Тогда Олав конунг принялся расспрашивать его о том, что еще не произошло, а также о том, как это случится. У Ульва и на многие из этих вопросов нашелся ответ. Тут конунг спрашивает:

– Неужто ты, Ульв, – провидец?

– Никак нет, государь, – говорит тот.

– Отчего же тогда, – сказал конунг, – ты знаешь наперед о том, что еще не случилось?

– Не стоит придавать этому значения, государь, – сказал Ульв, – ведь многое из того, что я вам наговорил, – пустые россказни, и сказал я это лишь оттого, что мне не хотелось молчать в ответ на ваши расспросы, однако доподлинно мне об этом ничего не известно.

Конунг отвечает:

– Я слушал тебя внимательно, и сдается мне, ты не говоришь ничего такого, в чем я не был бы уверен сам. А теперь скажи мне: как так выходит, что ты знаешь наперед о том, что случится, если ты не провидец? Кроме того, мне известно, что ты добрый христианин, и потому ты не стал бы ради этого прибегать к ворожбе.

Ульв отвечает:

– Кое о чем я сужу по направлению ветра, кое о чем по расположению небесных светил – по солнцу, луне и звездам, а кое о чем узнаю из сновидений.

Конунг принялся тогда расспрашивать его о каждом из этих способов, и на все его вопросы Ульв давал объяснения, которые пришлись конунгу по душе. Однако больше всего они толковали о том, какие бывают сны.

Потом конунг сказал:

– Не мог бы ты дать мне совет: как мне во сне проведать о том, что мне больше всего хотелось бы разузнать?

– Не мне наставлять вас, – сказал Ульв, – потому что вам и так все известно наперед и вы знаете куда больше моего. Я же, когда мне бывает нужно узнать во сне о чем-нибудь очень важном, порой поступаю вот как: я надеваю новую одежду и ложусь в новую постель и на лежак, который стоит в таком месте, где никто прежде не спал[6], и никогда не надевал той одежды и не ложился в ту постель в том покое. Я придаю большое значение тому, что мне тогда приснилось, и как я истолкую свой сон, так все потом во многом и выходит.

Конунг спросил:

– А нет ли таких искусств, Ульв, которыми ты владел бы лучше всего? – сказал он. – Ведь, как я вижу, человек ты весьма сведущий.

Ульв отвечал, что не отличается никакими особыми способностями.

– Но коль уж мне пришлось упомянуть о чем-то таком, то, пожалуй, лучше всего я все же умею толковать сны и предсказывать, что должно произойти.

Конунг спрашивает:

– Неужто ты не обучил этим умениям своих сыновей?

Ульв отвечает:

– Спроси у них об этом сам, государь.

Тогда конунг призывает их к себе и говорит:

– Ульв, ваш отец, показался мне мудрым человеком. А вы переняли от него его умения?

Сигурд, старший из братьев, говорит:

– Я далек от того, чтобы обучиться всему, что он умеет. Но, пожалуй, по крайней мере одному он меня научил, хотя и этим искусством я не овладел так же хорошо, как он. А ведь это – только одно из множества его умений.

– И что же это за умение? – говорит конунг.

Сигурд сказал:

– Определять движение видимых мне небесных светил и различать звезды, которые отмеряют часы, так что я всегда могу узнать долготу и дня и ночи[7]. Даже когда мне не видно небесного светила, я все равно смогу определить каждый час, будь то день или ночь.

Конунг отвечает:

– Это большое умение, – говорит конунг. – А ты что умеешь, Даг?

– Вам это наверняка покажется безделицей, государь, – говорит тот.

– И все же, что это? – говорит конунг.

– Я перенял от моего отца всего только одно умение, которое заслуживает того, чтобы сказать о нем, однако и им отец мой владеет куда лучше, чем я.

Конунг спросил, что бы это могло быть.

Даг сказал:

– А то, что если я пристально посмотрю кому-нибудь в глаза и понаблюдаю за всеми повадками и обликом этого человека, то я смогу проникнуть в его естество и понять, что он за человек, и узнать его добродетели и пороки.

Конунг отвечает:

– Если все и впрямь так, как ты говоришь, то у тебя острый глаз, и я скоро это проверю.

Затем конунг сказал епископу:

– Сдается мне, что мы в гостях у бонда, с которым никто из наших людей не сможет сравниться ни в мудрости, ни в умениях, и в этом не сыщешь равного также и его сыновьям. А ведь мы считаем, что с нами тут собрались лучшие люди страны и самые искусные из всех, какие только есть в Норвегии, и все же я думаю, что мы во многом уступаем этому человеку и его сыновьям. А что вы, господин епископ, считаете своим главным умением?

Епископ отвечает:

– Если уж мне приходится вести речь о таких вещах, то я бы первым делом упомянул о том, что умею без книги служить все службы, какие положено служить все двенадцать месяцев[8].

Конунг сказал:

– Это великое умение в своем роде и подобающее вам, господин.

Затем епископ сказал:

– А теперь нам хотелось бы узнать, конунг, что ты сам считаешь своим главным умением.

Конунг отвечает:

– Быть по сему. Вот что я считаю своим главным умением: каждого человека, кого бы я ни увидел и на кого бы ни пожелал пристально посмотреть, я непременно узнаю после, где бы он мне ни встретился.

– Это умение говорит о недюжинном уме и проницательности, – сказал епископ.

Тогда Олав конунг сказал:

– Пускай теперь в забаве, которую мы тут затеяли, примут участие и другие[9]. Скажи-ка ты, Кальв сын Арни: что ты считаешь своим главным умением.

Кальв сказал:

– Я никогда не подавляю свой гнев, как бы долго мне ни пришлось носить его в себе[10].

Конунг продолжал спрашивать:

– Теперь, Финн, твой черед рассказать о своем умении.

Финн отвечает:

– Нечего рассказывать о том, чего нет, государь.

Конунг сказал:

– Все же назови что-нибудь.

– В таком случае я назову своим умением то, что я никогда не побегу и не брошу в беде своего государя, которому я присягал, покуда тот жив и готов отстаивать свое дело.

Конунг сказал:

– Надо думать, что ты, скорее всего, так и поступишь.

Конунг продолжил этот разговор:

– Что ж, теперь твоя очередь, Торберг. Мы хотим послушать, что ты считаешь своим умением.

Торберг отвечает:

– Раз так, я скажу о том, что не нарушу ни данного мною слова, ни клятвы, принесенной государю, которому я присягал[11].

Конунг отвечает:

– Громко сказано, однако от такого человека, как ты, можно ожидать, что, скорее всего, так и будет. И все же очень многие из тех, от кого еще совсем недавно трудно, а то и невозможно было этого ожидать, в последнее время изменили мне[12].

Затем конунг обратился к Арнбьёрну:

– А каково твое главное умение?

Арнбьёрн был силач.

– Вот что я скажу, – говорит Арнбьёрн, – хотя, быть может, это и не так: я считаю, что я большой мастер стрелять из лука, и сдается мне, здесь в стране не сыскать такого лука, который показался бы мне слишком тугим.

Конунг сказал, что, вернее всего, так и есть.

После этого конунг спрашивает у Кольбьёрна, какие из своих умений назвал бы он.

Тот отвечает:

– Я владею тремя искусствами – всеми, как мне кажется, в равной мере и всеми хорошо, но не более того: я метко стреляю из лука, бегаю на лыжах и плаваю[13].

Конунг сказал, что тот претендует на меньшее, чем имеет право, – «поскольку в этих умениях ты ничуть не уступаешь самым сноровистым людям из тех, кто может сравниться с тобою в силе».

– Теперь твоя очередь, Арни, – говорит конунг. – Назови что захочешь.

Арни отвечает:

– Если я плыву на моей быстроходной ладье вдоль побережья и сам поставил паруса, меня не сможет обогнать ни один корабль такого же размера

с двадцатью гребцами, и я ни за что не стану первым опускать паруса и брать рифы.

Конунг сказал, что никто не осмелится поставить это под сомнение, поскольку, как он считает, ни один человек не умеет лучше него лавировать против ветра.

Конунг спросил тогда Бьёрна окольничего, что тот считает своим главным умением.

– В первую очередь я бы назвал вот что: когда на тинге я говорю от имени или по поручению моего господина, которому я принес присягу, среди присутствующих там я никого не считаю настолько могущественным, чтобы я стал понижать перед ним голос или говорить запинаясь, нравится это ему или нет.

Конунг отвечает:

– В это у меня есть все основания верить с тех самых пор, как ты побывал на тинге в Уппсале и прогневил своей речью Олава, конунга шведов[14]. Мало у кого хватило бы духу на такое.

Затем все принялись беседовать между собой и рассказывать друг другу о своих умениях. Всем пришлось по вкусу это развлечение, и от этого там сделалось большое веселье.

Потом конунг отправился спать. Раудульв хозяин проводил его в тот самый недавно выстроенный покой, который конунг заметил раньше вечером и принял за церковь. Погода стояла тихая и ясная, такая, что на небе не виднелось ни облака. Конунг спросил у Сигурда сына Ульва:

– Какая завтра будет погода?

– Метель, – сказал Сигурд.

– Не похоже на то, – сказал конунг.

Затем конунг направился в то место, где для него была приготовлена постель, и все там было устроено наилучшим образом. Когда же он вошел в спальный покой, перед ним несли зажженную свечу. В сенях конунг огляделся по сторонам и обратил внимание на то, как был возведен этот дом: он тотчас же заметил, что дом был круглый. Пройдя дальше, он увидал, что с внутренней стороны вся галерея была обнесена дощатой перегородкой. В покой вели четыре двери, и все они находились на одинаковом расстоянии одна от другой. Вдоль стен стояли богато убранные постели и везде, где это было уместно, все было завешано коврами. А еще в этом покое было воздвигнуто двадцать высоких крепких столбов, они стояли по кругу и поддерживали свод, который был сплошь разрисован и украшен всевозможными изображениями[15]. Между столбами были ниши, и в них приготовлены постели для знатных гостей, так что в каждой четверти там могли свободно улечься двадцать человек и еще сорок в соседнем покое, предназначенном для конунговых дружинников. В середине дома был установлен широкий круглый деревянный помост,

на который со всех сторон вели ступени. Наверху же на помосте стояло большое ложе, изготовленное с великим искусством. Деревянные части его были чуть ли не повсюду отделаны резцом, сплошь расписаны, а кое-где выложены золотом. Столбы в изголовье и в ногах были увенчаны массивными медными шарами, покрытыми позолотой, а в стороны от этих столбов отходили металлические перекладины, к которым крепились подсвечники, и в каждый из них было вставлено по три свечи[16].

Ульв сказал конунгу, что, если он желает увидеть вещий сон, он должен взойти на это ложе, а конунгова жена той ночью должна будет лечь в другую постель. Конунг ответил, что пусть так и будет. И когда он разделся, он взошел на это ложе и улегся спать. Он увидал, что по правую руку от него в средней части покоя лег епископ и его священники, а по левую – конунгова жена и сопровождавшие ее женщины. В той же четверти, что находилась за изголовьем его ложа, расположились Кальв, Арнбьёрн и Кольбьёрн сыновья Арни со своими людьми, а напротив, в ногах его постели, легли Финн, Торберг и Арни сыновья Арни.

Той ночью Олав конунг по своему обыкновению долго бодрствовал. Сперва он прочел свои молитвы, а после много размышлял. Затем он взглянул вверх на потолок и увидал там изображение самого Бога, окруженного сиянием, а вверху над ним – сонма ангелов. В нижней же части небесного свода, который обнимает всю твердь, были нарисованы небесные светила, еще ниже облака и ветры, затем всевозможные птицы, а совсем внизу – земля с ее травами, и деревьями, и всякими зверями, морями и озерами, и разного рода морскими существами. В нижней части потолка, расположенной за столбами, были изображены сцены из древних преданий и сказаний о прославленных конунгах. Конунг долго все это разглядывал. И пока он раздумывал над этим, произошло нечто, показавшееся ему еще более удивительным, чем все остальное: ему почудилось, что то ли ложе под ним, то ли весь дом начали вращаться. Тут на него напал сон, и он уснул на некоторое время. Пробудившись, он поразмыслил над тем, что ему приснилось. Вскоре рассвело, и тогда епископ поднялся, чтобы служить заутреню. Конунг оделся, пошел к службе и выслушал молитвы. Потом он направился в дом и велел позвать к себе Рауда хозяина. Он поведал ему свой сон и рассказал, что ему приснился некий диковинный крест, и затем описал, как он выглядел. Закончив свой рассказ, конунг сказал:

– Нынче же после обедни ты должен будешь растолковать мне, что означает этот сон.

– Твой сон показался мне знаменательным, – сказал Рауд, – и я надеюсь понять в нем кое-что. Однако вам, государь, придется поправить меня, если вы сочтете, что он означает не то, что я решил.

Погода стояла хмурая, и валил снег, как и предсказывал Сигурд. Конунг призвал к себе Сигурда и Дага. Затем конунг послал человека выглянуть наружу,

и тот не увидел на небе ни единого просвета. Тогда конунг спросил у Сигурда, насколько высоко поднялось солнце. Тот дал точный ответ. После этого конунг приказал принести солнечный камень[17] и поднять его вверх. Конунг посмотрел, куда он отбрасывает луч, и убедился, что все было именно так, как сказал Сигурд.

Потом конунг спросил у Дага:

– Не подметил ли ты в моем нраве какого изъяна?

– Не под силу мне, государь, это заметить, – сказал тот. – Случается, правда, что я и взболтну что-нибудь такое о заурядных людях, но то ведь совсем другое дело. Тут же мне недостает ни ума, ни проницательности. К тому же, я думаю, что в вашем нраве найдется не много изъянов.

– Говори сейчас же, – сказал конунг. – Тебе все равно не удастся увильнуть.

Даг отвечает:

– Коли так, государь, то это изъян, который есть у великого множества людей, – женолюбие.

– Верно говоришь, – сказал конунг. – И вы трое, отец и сыновья, мудростью и прозорливостью далеко превосходите большинство из тех, кого я знаю.

После этого конунг пошел к обедне, а когда служба закончилась, направился в палату для бесед в сопровождении епископа, конунговой жены и лендрманнов. Был там и Рауд со своими сыновьями.

– Ульв, – сказал конунг, – взаправду ль могло такое случиться или мне это только почудилось – будто бы ложе, на котором я спал прошлой ночью – а то и весь дом – повернулись подо мною?

Ульв отвечает:

– Все было устроено так, государь, чтобы вы все время были повернуты к солнцу и ваш сон постоянно следовал за его ходом, как и все ваши вопрошания и ожидания.

Тогда конунг сказал:

– А теперь, Ульв, я хочу, чтобы ты рассказал мой сон и растолковал, что он означает[18].

Ульв отвечает:

– Сперва я расскажу о том, о чем ты меня не спрашивал: над чем ты размышлял перед сном[19]. Ты молил Бога приоткрыть тебе, чем закончится немирье и усобица, что недавно разразилась[20], и о том, что в будущем ожидает страну. А затем, прежде чем уснуть, ты осенил себя святым крестным знамением.

– Все, что ты говоришь, правда, – сказал конунг. – А что ты теперь расскажешь о моем сне?

Ульв сказал:

– Тебе привиделся во сне стоявший на земле большой крест, зеленый, точно трава, а на кресте некий образ. Когда ты взглянул на голову распятия, то

увидал, что она сделана из красного золота. Когда же ты посмотрел на его лик, тебе показалось, что он заключен в круг, цветом подобный радуге и великий, подобно сиянию славы Божьей. Внутри этого круга были изображены ангелы и великолепие царствия небесного. Крест же этот и распятие предвещают немирье, а голова распятия, которую ты видал во сне, указывает на тебя как на главного человека в державе[21]. И подобно тому как эта голова показалась тебе сделанной из красного золота и излучающей сияние, словно блестящее золото в стародавние времена, так и твоя слава будет более великой, чем у всех прочих людей в этой стране, точь-в-точь как красное золото драгоценнее любого другого металла. В лике же, который сопровождают речь и зрение, а также слух, тебе было показано царствие небесное и небесная слава. В этом тебе было открыто то воздаяние, которое ты заслужил за то, что своими увещеваниями и властью обратил в истинную веру множество людей. Из того же, что голова человека, которую ты видал, скорее была круглая, чем вытянутая, я заключаю, что тебе были предсказаны недолгая жизнь и недолгое земное правление.

Конунг спросил:

– А что может означать сияние славы, которое мне явилось?

– Оно означает твою жизнь, – сказал Ульв, – и величие твоего правления. Нимб тот был бесконечен, и такова же будет твоя слава. Он показался тебе заостренным сверху и снизу[22] – такова и твоя жизнь: суровым было ее начало, когда ты потерял своего отца и многих знатных родичей, жестоким будет и конец твоего правления. Этот нимб расширялся к середине, и потом убывал с концов – таковы же твое правление и земная власть, – сказал Ульв. – Шея распятия показалась тебе сделанной из меди, а это самый твердый из металлов, из которого отливают колокола, что звучат громче всех. Правление, которое наступит после твоего[23], будет блестящим и растрезвонит о себе в уши всем и каждому, подобно могучему колокольному звону. Вокруг шеи там плясал греческий огонь[24], а это – самое грозное боевое оружие, внушающее ужас и изменчивое. Медь – металл негибкий и ломкий, и правление это будет суровым. Поскольку же и сверху и снизу металлы там менялись, это правление будет недолгим и не оставит после себя наследников в этой стране. Тебе привиделось, что сверху, с головы до самых плеч, ниспадали золотые локоны, и это может предвещать, что вас станут прославлять как в этой стране, так и далеко за ее пределами[25].

Ульв продолжал:

– Когда же ты взглянул на грудь распятого и на его распростертые на кресте длани, тебе показалось, что они сделаны из чистейшего серебра. На них был начертан круговорот небесных светил, солнце, и звезды, и луна во всем ее великолепии и блеске. Правление, которое грядет потом, будет весьма славным, подобно тому как небесные светила озаряют небо и землю и все люди радуются солнечным лучам. Солнце приносит пользу всему мирозданию, оно освещает весь свет, согревает землю и делает ее плодоносной. Так

и это правление будет любимо всеми жителями страны, пойдет им во благо и принесет изобилие и процветание. А то, что ты видел, что у этого изображения были широко распростерты руки, означает, что этот правитель будет держать в своих руках намного больше, чем все другие правители, которые когда-либо правили в этой стране, и власть его будет простираться куда дальше, и он подчинит себе другие державы и народы, живущие в других землях. То же, что золотые локоны ниспадали ему на грудь, предвещает, что этот достойный правитель кое в чем продолжит начатое вами, и дела его пойдут вам во славу. Но хотя руки его и были широко раскинуты, сами они были коротки, и потому правление его будет недолгим[26].

И еще Ульв сказал:

– Затем ты увидал под грудью распятия широкий ремень, который опоясывал его почти до подмышек. Ремень тот был сделан из железа и начищен, точно клинок. Имя ему – Пояс Силы. Правление, которое наступит потом[27], будут поддерживать могущественные предводители. А то, что тебе было показано начищенное железо, может означать множество поднятых ввысь мечей – как прежде, так и впоследствии. Тот пояс был разукрашен с большим мастерством. Как тебе привиделось, на нем были вырезаны древние сказания: ты увидал на нем предания о Сигурде Убийце Фафнира и Харальде Боезубе, а еще кое-какие подвиги Харальда Прекрасноволосого[28]. Так что этому конунгу предстоит совершить великие деяния, такие, что люди сочтут их исполненными благородства, мудрости и отваги. Тебе же там были показаны подвиги самых прославленных предводителей, конунгов и прочих мудрейших мужей; и этот правитель окажется таким же, и будет стараться походить на них. Железо – твердый металл, и оно приносит погибель многим людям. И я ожидаю, что многие будут считать время этого правления суровым и пагубным[29], от начала и до конца.

И еще Ульв сказал:

– Когда же ты увидал под ремнем его чрево, оно было цвета сплава золота и серебра, или бледного золота[30]. Было оно гладко отшлифовано и раскрашено, и на нем были вырезаны цветы, деревья и всевозможные растения, которые произрастают на земле, а также разнообразные звери, которые по ней ходят. Все это было выполнено с величайшим умением. В этом тебе было показано правление, которое наступит потом. Подобно голове, оно отливало золотом, однако красное золото и бледное золото не имеют между собой ничего общего, разве что одно только название. Поэтому, сдается мне, конунг этот будет носить твое имя[31] и станет прославленным правителем, но все же он будет не чета тебе. Там были изображены прекрасные земные плоды и великолепие мира, так и этот конунг украсит державу благим правлением. Век его станет временем мудрого правления и великого процветания. А то недюжинное умение, что было тебе показано, указывает на то, что он сможет сделать многое для благоденствия своего народа.

Ульв продолжал:

– Когда же ты перевел свой взор вниз и со всем вниманием вновь посмотрел на того человека, тебе привиделось, что ниже пупа у него и на чреслах сияло серебро, причем серебро, пусть и неочищенное, но все же отменного цвета. Такое серебро имеет хождение здесь в стране, и тут на него можно купить все что угодно, однако на него ничего не выменять за пределами страны. Так и грядущий правитель будет велик и всеми прославляем в этой стране, но он не сыщет себе большой славы за ее пределами[32], подобно тому как меньше ценится неочищенное серебро. Но поскольку от того серебра шло сияние и оно было прекрасно, этот конунг будет любим всеми, и правление его будет славным и благополучным, и до конца своей жизни он будет исполнять то, что ему предназначено судьбой. От него произойдет несколько ветвей властителей, и его род разделится. И теперь этот человек был рассмотрен сверху и до самых ног, и подобно тому как туловище – это часть целого, конунг этот будет во многом под стать своим предшественникам.

Ульв продолжал:

– Когда же ты увидал его бедра, они были светлы, как человеческая кожа. Затем наступит правление, при котором вся страна разделится надвое и будет поделена между братьями[33]. И поскольку тебе привиделось, что оба бедра у него цвета кожи, решать дела между собой эти братья будут так, как должно, и на равных. И подобно тому, как ноги поддерживают все тело, так и они будут держаться обычаев своих предшественников и следовать их примеру, и правление их будет справедливым и разумным.

И еще Ульв сказал:

– А то, что вам привиделось, будто бы под коленями у него две деревянные ноги, так на это есть старинная поговорка: на деревянных ногах ковыляют дела того человека, у которого все пошло вкривь и вкось. Правление, что наступит после этого, будет жестоким, и жить при нем будет худо, а еще оно будет поделено между родичами[34]. Сдается мне, что дела промеж ними закончатся скверно, хотя они и одного рода, и между родичами вспыхнут ссоры и усобицы[35]. Затем ты взглянул на его стопы, и они были целиком сделаны из дерева. Тебе показалось, что ноги его скрещены на кресте, так что железный гвоздь пронзает обе стопы, а пальцы одной ноги покрывают пальцы другой[36]. Тем самым тебе были показаны беззакония и вред, причиненный этими правителями, когда брат поднимет меч на брата. Когда же ты увидал, что один гвоздь пронзает обе стопы и пальцы одной ноги покрывают пальцы другой, подобно тому как дети, играя, сплетают свои пальцы, изображая ими баранов[37], это говорит о том, что впоследствии их потомки будут долгое время пытаться низложить и погубить друг друга. На этом ваш сон завершился, государь, – сказал Ульв, – и я истолковал его в согласии с тем, что, как мне кажется, он и должен означать.

Конунг поблагодарил его за это и сказал, что, по его мнению, навряд ли сыщется какой-нибудь другой, столь же мудрый человек, как он, разве что сыновья его пойдут по его стопам. Затем конунг ушел из палаты для бесед и направился к столу.

На другой день конунг спросил Ульва, какого он рода и кто были родичи его жены. Раудульв ответил, что происходит он из Швеции, человек богатый и родовитый.

– Но я бежал оттуда, – сказал он, – с этой женщиной, которую потом взял в жены. Она сестра Хринга конунга, сына Дага[38].

Так конунг узнал, какого они оба рода. Он убедился, что отец и сыновья – люди весьма мудрые. Затем конунг спросил у Дага, не видит ли тот каких изъянов в нраве Бьёрна управителя[39]. Даг ответил, что Бьёрн вор, и вдобавок к этому рассказал, как тот припрятал у себя в усадьбе рога, кости и шкуры той скотины, которую он украл осенью, а обвинил в этом других.

– Он сам, – говорит Даг, – повинен во всех кражах, от которых осенью понесли урон здешние жители и вину за которые он возложил на других.

Затем Даг рассказал конунгу, по каким признакам и где их следует искать.

А когда конунг уезжал от Рауда бонда, тот дал ему на прощание богатые подарки. Сыновья Рауда уехали вместе с конунгом, поскольку тот решил, что ему без них не обойтись[40]. Первым делом конунг отправился к Бьёрну управителю, и все оказалось так, как говорил Даг. После этого конунг изгнал Бьёрна из страны, и только благодаря конунговой жене тот сохранил жизнь и остался цел и невредим.

ПРЯДЬ О ВЁЛЬСИ

О том, как конунг на севере обратил в христианство невежественных людей

И вот Олав конунг вновь узнает о том, что еще не вся страна приняла крещение, тогда как его желанием было обратить в истинную веру всех людей в своей державе, где бы они ни жили, будь то на каком-нибудь островке или на мысу.

Как явствует из старинной песни, жил на одном мысу на севере Норвегии, где была хорошая заводь для боевых кораблей, вдали от обитаемых мест и больших дорог, бонд со своей хозяйкой, оба уже в летах. У них, как говорится в начале той песни, было двое детей, сын и дочь:

Жил на мысу
старик достойный
с женою в летах,
своею старухой.
С Биль покрывал[1]
прижил смелый
сына да дочь,
сметливую очень.

Жили там также раб и рабыня. Хозяин был человек умный и ни во что не вмешивался, старуха же была женщина властная и всем заправляла в доме. Хозяйский сын никогда не унывал и был большой весельчак и насмешник, человек задиристый. Хозяйская дочь была постарше брата и сметлива, хотя и выросла вдали от людей. У бонда была большая охотничья собака, которую звали Лэрир[2]. Никто из них и понятия не имел о святой вере.

Однажды поздней осенью случилось так, что у хозяина околел ломовой конь. Это был весьма жирный жеребец, и поскольку язычники употребляли в пищу конину, его было решено съесть[3]. Сдирая с него шкуру, раб первым делом отрезал у него тот член, которым природа снабдила всех тварей, что плодятся, сходясь с себе подобными, и который, согласно древним скальдам, у лошадей зовется «игрецом». И только раб отрезал его и уже собрался было отшвырнуть прочь, как к нему со смехом подскочил хозяйский сын, схватил тот игрец и вошел с ним в дом. Там как раз сидели его мать с дочерью и рабыня. Хозяйский сын потряс перед ними игрецом, не скупясь при этом на глумливые слова, и сказал такую вису:

Гляньте-ка все:
тут Вёльси[4]-игрец,
владел им прежде
конь-отец.
Ты ж, верно, раба,
рада б была
меж ляжек к себе
залучить молодца.

Рабыня расхохоталась, а хозяйская дочь попросила его выкинуть эту мерзость. Но тут встает старуха, заходит с другой стороны, выхватывает его у того из рук и говорит, что нечего попусту выбрасывать то, от чего может быть прок. Затем она идет, хорошенько обсушивает его и оборачивает в льняной платок вместе с луком и другими травами, чтобы он не сгнил, и кладет в свой сундук.

И вот идет осень, и, что ни вечер, старуха достает его, всякий раз приговаривая при этом какие-нибудь восхваления, и дело доходит до того, что она обращает на него всю свою веру и начинает почитать его как бога, вводя в

такое же заблуждение своего мужа и детей, а также всех прочих домочадцев. Он же с дьявольской помощью подрос и настолько набрался сил, что обрел способность вставать рядом с хозяйкой, когда ей этого хотелось. А потому старуха взяла за обычай всякий вечер приносить его в покой, где они сидели, и там каждый из них должен был произнести над ним вису[5] – вперед всех она сама, затем хозяин, а там один за другим все остальные, пока очередь, наконец, не доходила до рабыни. Из того, что каждый из них произносил, видно, как они к этому относились.

Олав конунг встречается с людьми, живущими на мысу

Как-то раз незадолго до того, как Олав конунг был вынужден бежать из страны от Кнута конунга[6], он поплыл со своими кораблями на север вдоль берега. Конунг прослышал о людях, которые жили на том мысу, об их неверии и о том, что там происходило, и поскольку он желал, чтобы в этом, как и во всех других местах, народ перешел в истинную веру, он приказал кормчему свернуть с пути и зайти в бухту, что лежала под мысом, тем более что дул попутный ветер. Они прибыли туда на исходе дня. Конунг велел разбить на кораблях шатры и распорядился, чтобы его люди провели там ночь, а про себя сказал, что намерен подняться наверх в усадьбу, и попросил Финна сына Арни[7] и Тормода Скальда Чернобровой[8] пойти с ним. Все трое накинули поверх одежды серые плащи и вечером, в сумерках, направились в усадьбу. Там они заходят в дом, садятся на вторую скамью[9] и рассаживаются так, что Финн расположился дальше всех, рядом с ним Тормод, а конунг ближе всех к выходу. Они сидят там до самой темноты и ждут, однако в покой так никто и не заходит. Потом входит женщина с огнем, и это была хозяйская дочь. Она приветствует гостей и спрашивает, как их зовут. Каждый из них назвался Гримом[10]. Тут она засветила огни в покое. Она то и дело поглядывала на гостей и более всего присматривалась к тому из них, кто сидел с краю. А перед тем как выйти она произнесла такую вису:

Злато зрю на госте
и плащ твой расшитый.
Быть хромой мне, конунг,
но лжи не извергну.
Рада кольцам рдяным –
к нам Олав явился[11].

Тогда пришелец, который сидел с краю, отвечает:

– Ты умная женщина, так что помалкивай об этом.

Больше они ничего друг другу не сказали. Хозяйская дочь вышла, а немного погодя в покой входят бонд, его сын и раб. Бонд усаживается на почетное сиденье, его сын садится подле него, а раб – подальше. Они подшучивают над тем, что гости держатся невозмутимо. Затем все было приготовлено для ужина, накрыт стол и принесена еда. Хозяйская дочь села рядом со своим братом, а рабыня – рядом с рабом. Гримы, как уже было сказано, сидели все вместе. Последней в покой входит старуха, неся в руках Вёльси, и подходит к почетному сиденью, на котором сидит хозяин. Ничего не говорится о том, поздоровалась ли она с гостями. Она разворачивает платок, в который был завернут Вёльси, кладет его хозяину на колени и говорит вису:

Велик стал ты, Вёльси,
сюда внесенный,
льном ты увит,
натерт травами.
Мёрнир, прими ж
жертву эту![12]
Тебе нынче, бонд,
привечать Вёльси!

Хозяин был, как видно, не слишком доволен, но все же принял его и сказал вису:

По мне, не бывать
жертве сей
нынче вечером
в доме этом.
Мёрнир, прими ж
жертву эту!
Сын бонда, тебе,
привечать Вёльси!

Хозяйский сын схватил Вёльси, поднял его, перебросил своей сестре и сказал вису:

Вам, невестам,
за хвощ хвататься,
нынче его
баловать влагой.
Мёрнир, прими ж
жертву эту!
Дочь бонда, бери
теперь ты Вёльси!

Хотя и с большой неохотой, но ей пришлось-таки последовать обычаю, заведенному в их доме. Она едва прикоснулась к Вёльси, но все же сказала вису:

Пусть ведает Гевьюн[13]
и прочие боги –
без охоты схватила
я нос сей красный.
Мёрнир, прими ж
жертву эту!
Ты, раб, забирай
к себе теперь Вёльси!

Раб принял его и сказал:

В краюхе хлеба
мне больше проку,
в буханке набухшей,
но всё ж широкой,
как Вёльси сей был,
когда трудился.
Мёрнир, прими ж
жертву эту!
В себя ты, раба,
запихни Вёльси!

Рабыня принимает его очень ласково, обнимает и прижимает к себе, гладит и говорит вису:

Верно, б ему
отказать не смогла я,
когда б мы лежали
в обнимку рядом –
в себя бы впустила.
Мёрнир, прими ж
жертву эту!
Ты, Грим, наш гость,
бери теперь Вёльси!

Тут его взял в руки Финн. Он сказал вису:

Где только якорь
я ни бросал,
твердой рукой
поднимал парус.
Мёрнир, прими ж
жертву эту!
Ты, Грим, мой друг,
держи теперь Вёльси![14]

Он передал его Тормоду. Тот взял Вёльси в руки и хорошенько рассмотрел его. Потом он ухмыльнулся и сказал вису:

В странствиях я
всякое видел,
но палки конской
не встречал в застолье.
Мёрнир, прими ж
жертву эту!
Ты, Грим благородный,
бери теперь Вёльси!

Конунг взял его и сказал вису:

Кормчим бывал я,
бывал рулевым,
властителем был
над целым народом.
Мёрнир, прими ж
жертву эту!
Ты, пес цепной,
хватай теперь Вёльси.

Тут он швырнул его на пол, и его тотчас же схватила собака. Как только старуха увидала это, она вскочила вне себя и произнесла вису:

Кто сей муж –
неведом он мне,
что псам швыряет
жертву священную?
За порог поспешу,
за дверь загляну:
только б сберечь мне
жертву священную!
Лэрир, не смей
у меня на глазах
ее пожирать,
пес ты поганый!

Тогда конунг сбрасывает с себя личину, так что все узнают его. Затем он начинает проповедовать им истинную веру. Старуха была не склонна принять ее, тогда как хозяин был более покладист. Но с Божьей помощью и благодаря стараниям Олава дело закончилось тем, что все они приняли христианскую веру и были крещены конунговым придворным капелланом. Впредь они всегда крепко держались своей веры после того, как узнали, в кого им следует верить, и постигли своего создателя. Тогда они поняли, как скверно и не по-людски они прежде жили, совсем иначе, чем все другие добрые люди.

Можно из этого заметить, насколько сильно был Олав конунг озабочен тем, чтобы искоренить всякие пагубные обычаи, язычество и колдовство,

будь то в самых отдаленных уголках Норвежской Державы или на материке – в центральных областях страны. Ничего он не желал так, как склонить к принятию истинной веры как можно больше народу. Теперь же стало очевидно, что и это, и все другое он совершил в угоду Господу.

ПРЯДИ ИЗ «ДОПОЛНЕНИЙ К “ОТДЕЛЬНОЙ САГЕ ОБ ОЛАВЕ СВЯТОМ”» В «КНИГЕ С ПЛОСКОГО ОСТРОВА»

ПРЯДЬ ОБ ОТТАРЕ ЧЕРНОМ

Одного исландца звали Оттар. Он был хороший скальд. Одно время он был дружинником Олава, конунга шведов[1]. Он сочинил любовную драпу[2] об Астрид, дочери Олава, конунга шведов[3]. Песнь эта сильно не понравилась конунгу Олаву Святому. Она была замысловато сложена, и в ней были намеки на недозволенные вещи. А когда Оттар приехал в Норвегию[4], конунг Олав Святой приказал схватить его и бросить в темницу и решил предать его смерти.

Сигват скальд был большим другом Оттара[5]. Ночью он отправился к темнице. И когда он приходит туда, он спрашивает Оттара, как тот поживает. Тот отвечает, что прежде ему случалось бывать в лучшем расположении духа. Тогда Сигват попросил его произнести песнь, которую он сложил об Астрид. Оттар сказал песнь, как его просил Сигват.

И когда он закончил песнь, Сигват сказал:

– Замысловато сложено, и неудивительно, что конунгу эта песнь не понравилась[6]. Вот как мы поступим: изменим в ней самые откровенные висы, а потом ты сложишь другую песнь – о конунге. Ведь он наверняка потребует, чтобы ты произнес ту песнь, прежде чем тебя казнят, а как только ты доскажешь ее до конца, ты должен не останавливаясь тотчас же приступить к песни, которую ты сложил о конунге, и рассказывай ее, сколько тебе удастся.

Оттар сделал так, как сказал Сигват, и за три ночи, что он провел в темнице, сложил драпу об Олаве конунге. А после того как Оттар просидел три ночи в темнице, Олав конунг приказал привести его к себе.

Когда Оттар предстал перед конунгом, он приветствовал его, однако Олав конунг не ответил на его приветствие и вместо этого сказал Оттару:

– Теперь самое время, Оттар, – говорит конунг, – исполнить песнь, которую ты сложил о конунговой жене, потому что прежде, чем тебя убьют, она должна услыхать, как ты ее прославил.

Астрид конунгова жена сидела на почетном сиденье рядом с конунгом, когда они с Оттаром разговаривали. Оттар уселся на пол у ног конунга и начал произносить песнь. Пока он исполнял ее, конунг покраснел. А когда песнь была окончена, Оттар не останавливаясь тотчас же принялся за ту драпу, что он сложил о конунге[7], однако тут конунговы дружинники стали кричать и требовать, чтобы этот сквернослов умолк.

Тогда Сигват сказал:

– Нет сомнений в том, – говорит он, – что во власти конунга казнить Оттара, когда ему заблагорассудится, даже если он прежде и исполнит эту песнь. Так что выслушаем ее, поскольку нам в радость послушать, как прославляют нашего конунга.

После этих слов Сигвата дружина смолкла, и Оттар досказал драпу до конца. А когда песнь была закончена, Сигват принялся расхваливать ее и говорить, что она хорошо сложена.

Тогда Олав конунг сказал:

– Будет лучше всего, Оттар, если на этот раз ты получишь за драпу свою голову.

Оттар отвечает:

– По мне, так не может быть дара ценнее, государь, хотя голова моя и неказиста[8].

Олав конунг стянул с руки золотое обручье и отдал его Оттару.

Астрид конунгова жена покатила по полу к Оттару золотое кольцо и сказала:

– Прими, скальд, это сверкающее кольцо и владей им.

Олав конунг сказал:

– Как видно, ты не можешь удержаться и не выказать Оттару своего расположения.

Конунгова жена отвечает:

– Вы не должны, государь, гневаться на меня за то, что я, как и вы, захотела отплатить за свою хвалебную песнь.

Конунг отвечает:

– На этот раз я, так и быть, не стану винить тебя за этот подарок, но знайте оба: после тех стихов, что Оттар сложил о тебе, я больше не собираюсь терпеть вашу дружбу.

Оттар потом долгое время оставался у конунга, и с ним там хорошо обходились. Драпа же, которую Оттар сложил в честь Олава конунга, была названа Выкуп Головы[9], потому что в награду за нее Оттар сохранил свою голову.

Дополнение 2

ПРЯДИ, НЕ ВХОДЯЩИЕ В «ОТДЕЛЬНУЮ САГУ ОБ ОЛАВЕ СВЯТОМ» В «КНИГЕ С ПЛОСКОГО ОСТРОВА»

ПРЯДЬ О ТОРАРИНЕ СЫНЕ НЕВЬОЛЬВА

1

Торарин сын Невьольва провел зиму у конунга Кнута Могучего[1]. Там тогда находился человек, которого звали Торстейн сын Рагнхильд. Они хорошо поладили и поклялись друг другу в нерушимой дружбе, а еще они пообещали друг другу, что всякий раз, как им доведется быть в одной стране, поселятся вместе.

Спустя некоторое время Торстейн привел свой корабль в Островной Фьорд[2], и Гудмунд Могучий пригласил его погостить у него в Подмареннич-ных Полях[3]. Торстейн говорит ему об уговоре, который у него был с Торарином. После этого Эйнар, брат Гудмунда, приглашает его приехать на Поперечную Реку[4] с тремя спутниками. Он и ему отвечает то же самое. Многие поговаривали, что ехать туда на постой все равно что отправиться за шерстью в козий хлев, потому что Торарин не больно-то преуспевал, а жил он у дальних шхер на севере на мысе Тьёрнес[5].

Как только Торарин узнал о приезде Торстейна, он погнал табун лошадей в Островной Фьорд. Торарин пользовался всеобщей любовью. Он пригласил к себе Торстейна со всеми его людьми, вместе их было восемнадцать человек. Торстейн поехал с Торарином. Торарин велел заколоть весь свой домашний скот, так что они ни в чем не нуждались в эту зиму. Торстейн подарил жене Торарина хороший ковер.

Весной Торстейн спросил у управляющего Торарина, во сколько, по его мнению, обошлась вся ⟨...⟩ брага[6], которую они выпили за зиму. Тот ответил, что, на его взгляд, она стоила немало. Люди из Секирного Фьорда[7] не удивлялись щедрости Торарина, хотя и хвалили его за гостеприимство. После этого

Торстейн купил на свои средства столько же скота и отдал его Торарину, а хозяйке дал ковер. Он подарил Торарину половину корабля и пригласил его уехать вместе с ним из страны. Торарин поблагодарил его за подарки.

Летом они отправились в плаванье. Когда они встретились с Олавом конунгом, тот пригласил Торарина к себе. Торарин принял его приглашение и попросил, чтобы Торстейн остался с ним.

Конунг ответил, что Кнут Могучий ни с кем не обменивается своими людьми, однако сказал, что наслышан о Торстейне как о достойном муже – «и потому будет хорошим решением, если Торстейн станет служить нам, как он служил Кнуту конунгу», – и удовлетворил просьбу Торарина.

Когда Торарин объявил о том, что они оба получили приглашение присоединиться к дружине, Торстейн отвечает:

– Скорее всего, это было предложено только тебе, а ты попросил за меня. Но, по мне, лучше быть непрошеным гостем у Олава конунга, чем приглашенным у какого-нибудь другого.

Затем конунг указал им их места за столом. Хельги и Торир звались те двое, что сидели на скамье за Торарином и Торстейном. Им пришлось передвинуться подальше, чтобы уступить место друзьям, и они сочли это за оскорбление.

В первый же вечер Торарина вызвали из палаты. Человек, который попросил его выйти, назвался Бьярни и сказал, что он – сын сестры Торарина. Он сказал, что потерпел кораблекрушение на севере у берегов Халогаланда, и обратился к Торарину за помощью. Торарин пообещал устроить его на постой к какому-нибудь бонду. Бьярни же считал, что из-за своего родства они должны жить вместе. Торарин отвечал, что у него нет никаких доказательств того, что тот и вправду его родич. Бьярни следовал за ним по пятам, и так они вместе явились к конунгу. Тогда Торарин рассказал конунгу об этом человеке.

Конунг сказал, что скорее всего это и в самом деле его родич, – «однако ты должен поручиться, что он не строптив, и тебе решать, оставаться ему с дружинниками или нет».

Конунг велел ему сесть подальше на ту же скамью, и ему было отведено достойное место. Бьярни уселся за Торстейном, плечом к плечу с Хельги. Торарин сказал ему, что из-за его упрямства ему нелегко будет ужиться с дружинниками, и предостерег его от того, чтобы он распускал какие-нибудь слухи среди людей конунга. Торстейн был молчалив и очень привязан к конунгу. Таким же был и Бьярни.

Однажды вечером зимой случилось так, что Бьярни уснул, а когда проснулся, то в покое никого не оказалось, потому что люди ушли к вечерне. Он вскочил, вышел и пошел по улице. Уже стемнело, и он увидал Хельги и Лофта[8]. Они были вместе со своими спутниками в одном доме. Там внутри горел свет.

Хельги говорил, что у него есть для них новость: их конунга предали. Кнут конунг злоумышляет против него и послал Торстейна в Исландию с богатыми дарами для Торарина, чтобы тот заманил конунга в западню, а Бьярни напал[9] на него. За это Торарин получил от Кнута золотое обручье:

– Он носит его на левой руке и таит ото всех, а на правой руке напоказ он носит обручье, которое ему пожаловал Олав конунг.

Бьярни пошел к вечерне и ни словом не обмолвился о том, что слышал.

Вечером Хельги и его товарищ не притронулись к еде. Конунг спросил, уж не заболели ли они. Хельги ответил, что это хуже болезни, и заявил, что не станет ничего говорить до следующего дня, когда все соберутся за трапезой. Тогда они рассказали конунгу обо всем. Тот сказал, что не поверит их словам, пока своими глазами не увидит обручье – подарок Кнута.

Когда Олав конунг пошел мыть руки, он схватил Торарина за рукав и, как и говорил Хельги, обнаружил у него на руке под рукавом рубахи золотое обручье. Тогда он поверил в то, что против него устроен заговор, и в гневе спросил, откуда у того это обручье. Торарин сказал, что оно принадлежало Кнуту и тот пожаловал его ему, как на самом деле и было.

– Отчего же ты носишь его тайком, – сказал конунг, – а не так, как то обручье, что дал тебе я?

Торарин отвечает:

– Я потому прячу его, государь, и ношу на левой руке, что тот, кто дал мне его, теперь далеко. А на правой руке я ношу золотое обручье, которое мне пожаловал славнейший из конунгов, которому мы служим ныне.

Конунг не захотел слушать, что говорил Торарин, и повелел схватить их всех – Торарина, Торстейна и Бьярни и бросить в темницу. Он назвал их изменниками[10]. Многие сочли это плохой новостью. Епископ пошел исповедать их и рассказал конунгу, что с их стороны не было никакого предательства. Он предложил конунгу предать их Божьему суду[11], и пускай Господь свидетельствует, на чьей стороне правда.

Так и было сделано, и епископ устроил Божий суд. Бьярни нес железо храбро и как подобает мужу. А когда руку Бьярни осмотрели, на ней оказался волдырь. Конунг заявил, что это ожог, однако епископ не вынес никакого решения.

Тогда конунг велел Торарину взглянуть. Тот ответил:

– Даже если ты не признаешь Бьярни невиновным, мы никогда не понесем расплаты за то, в чем ты нас обвиняешь.

После этого конунг приказал, чтобы взглянул Торстейн. Торстейн посмотрел на руку и сказал:

– Мне приходилось видать вторую такую же.

Конунг отвечает:

– Что ты имеешь в виду?

Торстейн сказал, что их казнь может сильно задержаться, если он станет рассказывать свою историю. Конунг ответил, что согласен повременить.

2

Торстейн начал свой рассказ так:

– Моего отца звали Рикард, а мать Рагнхильд. Они были знатного рода. Отец мой умер, когда я был ребенком, и моя мать вышла за человека по имени Транд. Их сыновей звали Бьёрн и Транд, и разница в возрасте между нами, братьями, была невелика. Транд[12] вскоре умер, и Рагнхильд уехала домой в Швецию, а Транд унаследовал владения своего отца. Я отправился странствовать и добрался по Восточному Пути[13] до самого Йорсалира[14] и принял там крещение. Оттуда я вернулся на север в Швецию и захотел научить мою мать истинной вере, но она воспротивилась этому и сочла, что потеряла сына, раз я принял новую веру. В конце концов мы договорились, что тот из нас последует примеру другого, чей бог окажется сильнее. После этого ее богов в богатом убранстве посадили вкруг на дворе и самому могущественному из них бросили на колени раскаленное железо. Пламя тотчас же охватило их всех, одного за другим, и они сгорели дотла.

Затем то же самое железо накалили докрасна опять, и я пронес его девять шагов по примеру христиан. Это железо не было освящено, так как нигде поблизости не было клириков. Спустя три ночи рука была развязана. В третью ночь мне приснилось, что ко мне пришел муж с сияющим лицом[15]. Он выбранил меня за дерзость, однако сказал, что я буду вознагражден за благочестивое намерение научить свою мать истинной вере. Он сказал, что, когда мою руку развяжут, она окажется красивее, чем прежде, когда была здоровой:

– И с этих пор ты должен будешь носить на ней перчатку, и не смей прославлять меня.

А еще он сказал, что моя расплата в этом мире состоит в том, что я буду оклеветан перед конунгом, и велел показать руку, если от этого будет зависеть моя жизнь.

Когда руку развязали, она выглядела так, будто на ладони, там, где прежде лежало железо, лежит золотая монета, а по краям у нее – красная нить. Плоть в этом месте была приподнята. Благодаря этому знаку моя мать и все наши друзья приняли христианство. И я никогда больше не показывал руку.

Затем Торстейн стянул с руки перчатку и показал руку. Он сказал, что, по его мнению, Бьярни, как и сам он, поплатился бы за свою глупость на Божьем суде, не получи он этого знака. После этого конунг успокоился и они с епископом стали допытываться у Бьярни, за что это ему пришлось бы расплачиваться. Бьярни поведал тогда о предательстве – о чем он услыхал,

но умолчал, и сказал, что Торарин наказал ему не затевать никаких дел и не распускать слухов в конунговых палатах.

Затем Хельги и Торир были схвачены и заключены в оковы, и их вынудили признать свою вину. Они сознались в клевете. Конунг пожелал, чтобы Торарин и остальные назначили им наказание и чтобы они были казнены. Однако Торарин приговорил их к изгнанию из Норвегии и к уплате большого штрафа. Торарин объявил, что правда об этом деле вышла наружу благодаря конунговой удаче.

Торарин после этого навсегда остался у конунга и пал вместе с ним[16].

ПРЯДЬ О ТОРАРИНЕ ДЕРЗКОМ

Торарином Дерзким звали одного человека, жившего в Бревенчатых Амбарах[1] в Островном Фьорде, он любил пышно одеваться и был заносчив. Он был сыном Торда, о котором много рассказывается в саге о людях с Осинового Холма[2], а его матерью была Хильд дочь Гаута, сына Армода. Торарин много разъезжал по торговым делам.

Случилось как-то, что Торарин возвращался из плавания, в которое он отправился за лесом для своих построек, и привел свой корабль в Лавовую Гавань[3]. Там в это время стоял корабль Торгейра сына Хавара. Летом тот был объявлен вне закона за убийство Торгильса, родича Греттира сына Асмунда[4], а также за тайное умерщвление Торира с Реки Корабельного Сарая[5].

Торарин созвал своих людей и сказал:

– Дело обстоит так, что здесь стоят на якоре люди, которые стали известны многим из-за творимых ими беззаконий, к тому же они – убийцы наших родичей, и теперь самое время воздать им за это по заслугам. Что до Торгейра, то он – худший из людей.

Затем они приготовились напасть на их корабль. Одного из спутников Торарина звали Мар, а другого Торир.

А когда Торгейр узнал об этом, он велел своим людям защищаться и выказать храбрость. Затем завязался ожесточенный бой. Нападающих было четыре десятка человек, так что силы были слишком неравны. Торгейр доблестно держал оборону у штевня корабля. Когда ряды тех, кто сражался у бортов, поредели, усилился натиск на штевень, и тут Торгейр сразил Мара и Торира и еще двоих человек, а потом пал сам. Всего же он убил четырнадцать че-

ловек[6]. Торарин сразил в этом бою семерых человек. Он отрубил Торгейру голову, увез ее с собой в Островной Фьорд, и когда приехал домой, засолил.

Весть об этом разнеслась повсюду. Многие хвалили его за этот поступок и считали, что он проявил большую удаль. Однако Эйольв сын Гудмунда с Подмаренничных Полей[7] сказал, что мало за кого из убитых дружинников Олава конунга[8] не пришлось потом расплатиться сполна:

– И еще неизвестно, как долго они будут праздновать свою победу. К тому же, мне рассказывали, что Торгейру пришлось сразиться с куда более многочисленным противником. И хотя люди и не любили его, он был в большой милости у конунга.

Эйольв был дружинником Олава конунга, как и Гудмунд, его отец.

Когда люди собрались ехать на альтинг, Торарин велел принести голову Торгейра и сказал, что они захватят ее с собой и предъявят в доказательство того, что они совершили. А когда Торарин явился к Скале Закона[9], там уже собралось множество народу.

Тогда он повел такую речь:

– Должно быть, всем, кто тут есть, известно, что произошло прошлой осенью, когда был убит Торгейр сын Хавара. Кое-кто из тех, кому он причинил горе, предлагали деньги за его голову. Я думаю, что смогу представить им доказательство, что это моих рук дело, и я считаю, что теперь мне по праву принадлежат те деньги, которые были обещаны тому, кто это совершит. А ежели кто усомнился в моем рассказе, он может теперь взглянуть на его голову, – и поднимает ее.

Тогда Эйольв сын Гудмунда сказал:

– Сдается мне, что смерть Торгейра будет сочтена большой потерей, если я верно оцениваю все обстоятельства, ведь нам известно, что Олав конунг был очень расположен к Торгейру сыну Хавара, и тот был его дружинником. Не слишком ли ретиво, ты, Торарин, взялся за это дело? Велик урон, понесенный властителем, и в распоряжении конунга множество средств, чтобы отомстить.

После этого они расстались, и Торарин увез с собой голову Торгейра обратно на север.

По прибытии в Островной Фьорд Торарин сказал:

– У многих людей останется в памяти убийство Торгейра, если мы положим его голову в курган возле Угловой Переправы.

Так и сделали.

А поскольку между Исландией и Норвегией ходили корабли, вести о гибели Торгейра сына Хавара и его спутников дошли до Олава конунга. Конунг спросил, кто совершил это убийство, и ему ответили, что это дело рук Торарина Дерзкого, а еще рассказали о том, как чудовищно он поступил, когда засолил голову Торгейра на зиму, а следующим летом привез ее на альтинг.

Конунг был страшно разгневан этой новостью и сказал:

– Убийство человека – не редкость, но мы не знаем других примеров, чтобы кто-нибудь себя так вел[10]. И нам, конечно, хотелось бы, чтобы учинивший это не долго оставался в живых.

В это самое время Тормод Скальд Чернобровой отправился в Гренландию, с тем чтобы убить Торгрима Тролля и отомстить за Торгейра сына Хавара[11]. А еще он сложил поминальную драпу[12], подтверждающую все эти события.

Конунг велел позвать к нему для разговора человека по имени Сигурд. Тот как раз собрался ехать в Исландию.

Конунг сказал Сигурду:

– Как прибудешь в Исландию, поезжай к Эйольву сыну Гудмунда, моему дружиннику и другу, и передай ему эти деньги. Там серебро весом в восемь марок. Я хочу вручить ему эти деньги и в придачу к ним мою дружбу, а взамен я желаю, чтобы он устроил убийство Торарина Дерзкого.

Сигурд взял деньги, а затем отправился своим путем. Он вышел в море и привел свой корабль в Островной Фьорд. Вскоре там устроили торжище и завязалась торговля.

Эйольв приехал к кораблю и встретился с кормчим. Они поговорили о припасах и обсудили сделки, и Эйольв пригласил его к себе, а команда устроилась на зимовку в Островном Фьорде.

Когда Сигурд приехал домой на Подмаренничные Поля, он рассказал Эйольву о поручении конунга и передал ему деньги, – «а взамен он желает, чтобы ты покончил с Торарином Дерзким за то, что он убил Торгейра сына Хавара».

Эйольв сказал в ответ, что благодарит конунга за его дары и дружбу, – «а что до его поручения, то я надеюсь исполнить его с помощью конунговой удачи»[13].

Осенью, когда люди поехали на окружной тинг[14], Эйольв отправился в путь вместе со своими людьми. Торарин Дерзкий тоже поехал, взяв с собой множество народу. В этой поездке с ним также был его раб по имени Грейп[15], человек рослый и сильный. Весь день люди скакали во всю прыть, и раб припустил своего коня и обогнал Торарина, забрызгав грязью его одежду.

Торарин сказал:

– Будь ты неладен, ничтожный раб, за то что ты сделал! – и ударил его по спине рукоятью меча.

А раб обернулся и спросил, не хочет ли тот предложить ему возмещение ⟨…⟩[16].

Пряди в составе «Гнилой Кожи» с добавлениями из других рукописей

ПРЯДИ ИЗ «САГИ О МАГНУСЕ ДОБРОМ И ХАРАЛЬДЕ СУРОВОМ»

ПРЯДЬ О ТОРГРИМЕ СЫНЕ ХАЛЛИ

Одного человека звали Торгрим сын Халли, он был исландец. Торгрим был богат, и у него было много друзей. Он жил в Усадьбе Над Обрывом в Потоках[1]. Торгрим был дружинником конунга Олава Святого[2] и получил от него богатые подарки.

Однажды летом он купил у норвежцев половину корабля, а второй половиной владели двое братьев-исландцев, сыновья Халльбьёрна Скребуна из Долины Лососьей Реки[3]. Один из них звался Бьярни, другой – Торд. После этого Торгрим собрался уехать из страны. С ним вместе отправился его сын Иллуги и двое его людей. Одного из них звали Гальти, это был человек рослый и сильный, а другого – Кольгрим, он был невелик ростом и проворен.

А еще раньше зимой, в рождественский пост, когда Торгрим отправился по своим делам вместе с женой и детьми, случилось так, что они попали в сильнейшую снежную бурю, и в этом ненастье погиб его старший сын, которого звали Асбьёрн. Сам же Торгрим так изнемог, стараясь помочь своим спутникам, что был найден лежащим при смерти без чувств. Его перенесли в усадьбу и там отпаивали горячим молоком.

Теперь надо вернуться к тому, что летом они снарядили свой корабль, как было сказано раньше, и, когда все приготовления были закончены, вышли в море. Бьярни и Торд насмехались над Торгримом и выказывали ему свою неприязнь, он же делал вид, что ничего не замечает. Дул попутный ветер, и они пристали к берегу на севере в Трандхейме.

В Норвегии правил тогда конунг Магнус Добрый, однако в ту пору он был на юге в Дании[4]. Самым могущественным человеком в Трандхейме был Кальв сын Арни[5]. Он находился в городе и пригласил к себе исландцев. И вот Бьярни, и Торд, и Торгрим со своими спутниками проводят у него зиму. Кальв усадил Торгрима напротив себя[6], а братьев – рядом с собой.

Зимой Торгрим был молчалив и все время казался чем-то озабоченным. Он часто вспоминал свою прошлую жизнь и дружбу святого Олава конунга. Братья же сильно задавались и были весьма словоохотливы. Они очень пре-

возносили Кальва, а с Торгримом обходились грубо и постоянно злословили у него за спиной.

Как-то раз они беседовали с Кальвом и сказали ему:

– Разве ты не замечаешь, Кальв, что Торгрим не питает к вам дружбы, и единственный человек, к которому он привязан, это Олав конунг? Что до нас, то мы предпочитаем тот прием, который нам оказываешь ты.

Кальв ответил:

– Я заметил, что Торгрим нам не друг.

Бьярни сказал:

– Я сочинил о вас песнь и хотел бы, чтобы вы ее выслушали.

– Надо послушать твою песнь, скальд, – сказал Кальв, – так как можно ожидать, что она хорошо сложена[7].

Бьярни исполнил песнь в присутствии множества людей. В ней то и дело упоминалась битва при Стикластадире[8], и события, которые в ней воспевались, были представлены в самом благоприятном для Кальва свете.

А когда песнь была окончена, Торгрим сказал:

– Достойно удивления, Кальв, что такой умный человек, как ты, считает для себя почетным, когда складывают песни о его злокозненности, а также о низости, которую он проявил, выступив против Олава конунга.

Бьярни сказал:

– Молчи, негодяй! В Исландии ты прикинулся больным, чтобы тебе в рот вливали молоко во время поста.

Торгрим вышел из палаты и направился в покой, где он обычно спал.

Он сказал:

– Нелегко выслушивать такое – когда возводят напраслину на Олава конунга и осыпают оскорблениями меня самого. Сейчас же пойди туда, Иллуги, и убей Бьярни!

Мальчик ответил:

– Не думаю, чтобы это было безопасно в наших теперешних обстоятельствах.

Тогда Торгрим бросился назад в палату и нанес Бьярни смертельный удар. Торд, его брат, схватился было за оружие, но люди встали между ними.

Кальв сказал:

– Скверное это дело, и оно не прибавляет чести ни нам, ни нашим гостям, но, как бы то ни было, оно будет рассмотрено в полном согласии с законом.

После этого он созывает тинг и велит всем явиться на него безоружными. Гальти Силач, человек Торгрима, схватил секиру и перед тем, как пойти на сходку, припрятал ее под одеждой. Как только начался тинг, люди окружили Торгрима.

Кальв сказал:

– Что ты можешь сказать в свою защиту, Торгрим?

Тот ответил:

– Я отдаю свое дело целиком на суд конунга.

Кальв сказал в ответ:

– Конунг теперь далеко, чтобы рассудить это дело.

– Знаю, – сказал Торгрим, – что тебе хотелось бы самолично вынести решение, но я не даю на это своего согласия, и я отлично вижу твои намерения, ведь больше всего тебя разозлила моя верность Олаву конунгу.

– Это неправда, – говорит Кальв. – И тем не менее решение будет вынесено теперь же, разве что Торд согласится поступить иначе.

Торд заявил, что он не собирается соглашаться ни с какими требованиями Торгрима.

Кальв сказал:

– В таком случае признайте его виновным и объявите вне закона.

Дело об убийстве Бьярни так и рассудили, как посоветовал конунгов управитель.

Торгрим сказал:

– Случилось то, чего я опасался, и, похоже, ты, Кальв, позаботился о том, чтобы за меня не было уплачено виры[9]. И все же дело может обернуться иначе, ежели в него вмешаются помощники.

Тут Торд подскочил и сразил его.

Тогда Кольгрим Коротышка, человек Торгрима, сказал:

– Отомсти за него, Гальти, ведь у тебя с собой секира.

Тот ответил, что не смеет.

– Ты говоришь как последний трус, – сказал Кольгрим. – Да ты куда хуже обычного труса: ведь хоть ты и вышел и ростом, и силой, в груди у тебя ни капли мужества. Отдай мне секиру!

– Не смею, – сказал тот.

– Раз так, ты не смеешь и держаться за нее, – сказал Кольгрим. Он выхватил у него секиру и нанес Торду такой сильный удар в спину, что эта рана казалась смертельной.

После этого Кольгрим был схвачен, и Кальв велел держать его в оковах, однако он не захотел казнить его до того, как выяснится, выздоровеет ли Торд. Тем временем Магнус конунг возвратился с юга из Дании на север в Трандхейм. Торд же умер от раны, которую ему нанес Кольгрим.

Кальв приготовил для конунга угощение. Магнус конунг успел прослышать кое-что об этом убийстве, прежде чем он отправился пировать. Когда конунг вошел, Кольгрим сидел в оковах в сенях. Он сказал, обращаясь к конунгу:

– Вы, верно, сочтете за дерзость, государь, если узник попросит у вас защиты. Но я прежде всего хотел сказать, что сложил песнь о святом Олаве конунге, вашем отце.

Конунг остановился и ответил:

– Не ты ли был с Торгримом сыном Халли?

– Да, государь, – сказал тот.

– И ты отомстил за него? – сказал конунг.

– Я попытался, – сказал Кольгрим, – но, сдается мне, что моя месть – слишком малая расплата за такого человека. Все же сказалось неравенство сил – наших и тех, кто нам противостоял.

– Может быть и так, – сказал конунг. – Ослабьте его путы, чтобы он мог войти в палату.

А когда он вошел, конунг попросил его произнести песнь. Он повиновался и исполнил ее превосходно. И по мере того, как сказывалась песнь, в ней зашла речь о гибели Торгрима и обо всем этом деле. В одной висе были такие слова:

С князем рад бы ладить,
делит власть он с Кальвом.

Тут конунг сказал:

– Это уже больше не так, скальд.

Когда же песнь была окончена[10], конунг сказал:

– Первое вознаграждение за песнь, которое ты от меня получишь, Кольгрим, – это свобода. Теперь ясно, Кальв, что ты не оправдал нашего доверия и предпочел поступить не по-родственному[11]. И тем не менее, хоть ты и добился того, что Торгрим был признан виновным и объявлен вне закона, за него теперь будет уплачено возмещение, как если бы он был убит, находясь под защитой закона. Пусть Иллуги получит виру из тех денег, что принадлежали Бьярни и Торду. Тебе, Кольгрим, надлежит позаботиться об имуществе Иллуги, пока он не возвратится в Исландию, а за твою отвагу я отдаю тебе половину корабля, чтобы вы владели им вместе с Иллуги.

Кольгрим ответил:

– Государь, вы, как всегда, проявили великодушие. Однако я должен сказать кое о чем, что для меня важно: я поклялся совершить паломничество в Рим и намерен осуществить это во что бы то ни стало.

Кольгрим отправился на юг, а Иллуги остался ждать его в Норвегии под присмотром конунга. А когда Кольгрим воротился, он снарядил их корабль для поездки в Исландию, и когда все приготовления были закончены, они вышли в море. Они пристали к берегу в устье Реки Кольбейна[12]. Иллуги поселился в Усадьбе Над Обрывом и продал Кольгриму свою половину корабля. Тот ездил из страны в страну и считался отменным купцом.

ПРЯДЬ О ТОРСТЕЙНЕ СЫНЕ ХАЛЛЯ С ПОБЕРЕЖЬЯ

1

Рассказывают, что однажды Торстейн сын Халля с Побережья возвратился из торговой поездки в Дублин, в которую он отправился без разрешения конунга. В те времена никто не мог уехать из страны по торговым делам, не получив на то дозволения у конунга, и всякий, кто уехал без спросу, преследовался по закону. К тому же они не заплатили пошлину[1], которую собирал конунгов казначей. Торстейн заявил, что он не должен ничего платить, поскольку он был конунговым дружинником. Вдобавок Торстейн считал, что у него было право не платить также и за тех людей, которые были с ним в поездке[2], да никто особенно и не настаивал на том, чтобы они уплатили эту пошлину, когда выяснилось, что Торстейн в самом деле был дружинником Магнуса конунга. Летом он уехал в Исландию в свою усадьбу.

Магнус конунг узнал обо всем и был очень недоволен. Он заявил, что мог бы еще позволить не платить пошлину Торстейну, но не его людям, и сказал, что, по его мнению, всего хуже, что тот самовольно отправился в поездку в Дублин, не испросив на то его разрешения. За это конунг объявил Торстейна вне закона и лишил его всех привилегий, которые были у дружинников, и сказал, что то же случится и с другими нарушителями законов, какими бы большими людьми они ни считались.

А спустя еще одно лето Торстейн приехал из Исландии, ничего об этом не зная[3]. Он привез с собой несколько отменных породистых кобылиц. Торстейн высадился на севере в Трандхейме. Те люди, что прежде водили с ним дружбу, стали сторониться его после заявления Магнуса конунга, ведь недаром говорится: слова правителя дорогого стоят. Теперь Торстейн постоянно сидел один со своими спутниками и жестоко скучал от того, что никто не желал разделить с ними свой досуг. Кобылы паслись за городом на Илувеллир[4], и Торстейн то и дело приходил проведать их.

2

Эйнар Брюхотряс и сын его Эйндриди[5] были тогда в городе. Как-то раз Эйнар выходит на Илувеллир и подходит к кобылам. Он разглядывает их некоторое время и очень их расхваливает. А когда отец с сыном собрались уходить, к ним подходит Торстейн, приветствует Эйнара и спрашивает, как тому понравились эти лошади. Тот отвечает, что очень понравились.

– В таком случае я хочу отдать их тебе, – говорит Торстейн.

Однако Эйнар заявил, что не хочет принять их.

– Насколько я знаю, – говорит Торстейн, – тебе незазорно принимать подарки от такого человека, как я.

– Верно, – отвечает Эйнар. – Однако уж больно это рискованно из-за твоего дела, приятель, – говорит он, – и мы теперь должны иметь это в виду.

– Так тому и быть, – говорит Торстейн, и на этом они расстаются.

Немного спустя Эйндриди пошел поглядеть на кобыл и очень их похвалил. Он спросил, кому они принадлежат. Тут подходит Торстейн, тепло приветствует его и говорит, что охотно отдаст ему этих лошадей, если тот считает, что они представляют хоть какую-то ценность. Эйндриди согласился и поблагодарил его за подарок. На этом они расстаются.

А когда отец с сыном встретились, Эйнар говорит, что он многое бы отдал за то, чтобы Эйндриди не брал этих лошадей. Эйндриди отвечает, что смотрит на это иначе и что Торстейн – хорошее знакомство.

Эйнар говорит:

– Не стану против этого возражать, но, похоже, ты совсем не знаешь нрава Магнуса конунга, моего воспитанника[6], если рассчитываешь, что тебе удастся без труда уладить с ним это дело после того, как он объявил этого человека вне закона. И все же тебе придется это сделать. Не думаю, что нам стоит настолько далеко заходить в этом деле, чтобы тягаться из-за него с Магнусом конунгом. Мне этого вовсе не хотелось бы, однако я знаю, что до этого вполне может дойти, потому что он едва ли отнесется к случившемуся как к детским шалостям.

На этом отец с сыном разъехались, и их расставание было прохладным. Эйндриди пригласил Торстейна погостить, и тот поехал к нему и провел там зиму в почете, сидя рядом с ним.

3

Магнус конунг был очень недоволен, когда узнал обо всем, к тому же многие говорили ему, что отцу с сыном не слишком-то пристало такое поведение после того, как он так много сделал для них обоих в Трёндалёге[7]. Они же теперь так далеко зашли, что держат у себя человека, который был объявлен вне закона за то, что совершил столь тяжкое преступление и прогневил конунга. Конунг был немногословен с теми, кто вел при нем такие речи, и предпочитал делать вид, что не слышит их. Однако про себя он сомневался в том, что люди, которые нашептывали ему все это, на поверку оказались бы более надежными и верными.

Рассказывают, что той зимой Эйнар мало общался с Торстейном. Он сказал, что Эйндриди должен предложить конунгу хорошие условия для примирения с ним. Отец с сыном имели обыкновение приезжать к Магнусу конунгу

на рождественский пир. Эйндриди говорит своему отцу, что, несмотря ни на что, собирается поступить как всегда.

– Тебе решать, – говорит Эйнар. – Однако я намерен сидеть дома, и сдается мне, тебе было бы разумнее поступить так же.

Тем не менее Эйндриди собирается в путь, и Торстейн вместе с ним, и они уезжают из дому. Их было двенадцать человек. И вот они добираются до одного двора и останавливаются там на ночлег.

Утром Торстейн выглядывает наружу, заходит назад в дом и говорит Эйндриди, что ко двору приближаются какие-то всадники – «и очень похоже на то, что это твой отец».

– Да, – говорит Эйндриди, – и это сделает нашу поездку более успешной, так как он присоединится к нашему отряду.

И правда, туда приехал Эйнар. Он сказал Эйндриди:

– Меня удивляет твоя затея, и я вовсе не считаю разумным то, что ты решился отправиться к Магнусу конунгу вместе с Торстейном. Такие поступки совершают больше из бравады, чем по здравому размышлению. Поезжай-ка ты лучше домой в Гимсар[8], а я встречусь с конунгом и погляжу, что из этого получится. Мне известны и твой нрав, и нрав нашего конунга, так что нечего ждать, чтобы один из вас сбавил тон. Да и мне навряд ли станет легче говорить с ним, когда это дело примет еще более скверный оборот.

Они так и делают: Эйндриди отправляется домой в усадьбу своего отца, а Эйнар приезжает к конунгу, и тот оказывает ему ласковый прием. Они много беседуют, и Эйнар, как обычно, сидит рядом с конунгом.

И вот в четвертый день Рождества Эйнар заводит с конунгом разговор о деле Торстейна сына Халля:

– Мне бы очень хотелось, государь, чтобы вы с ним помирились, – и говорит, какой тот достойный человек и что сам бы он охотно отдал все, что у него есть, и ничего бы не пожалел, если бы только мог этому способствовать.

Конунг говорит:

– Не будем об этом говорить, так как мне вовсе не хотелось бы рассердить тебя.

Эйнар оставил этот разговор и решил, что добиться толку будет очень непросто. Стоило им перевести разговор на другую тему, как конунг тотчас же повеселел.

Празднование Рождества идет своим чередом. На восьмой день Эйнар вновь заводит тот же разговор, и все происходит точно так же, как в прошлый раз, и ему не удается ничего добиться от конунга, который не желает об этом говорить.

И вот наступает тринадцатый день Рождества. Эйнар просит конунга помириться с Торстейном:

– Я ожидаю, что ты сделаешь это ради меня, так как для меня это очень много значит.

Конунг отрезал в ответ:

– Об этом не может быть и речи. И меня удивляет, – говорит он, – что вы дали пристанище человеку, на которого я гневаюсь.

– Я полагал, – говорит Эйнар, – что могу вступиться за кого-нибудь, тем более что этот человек не совершил тяжкого проступка, за который вам следовало бы обрушить на него свой гнев, – он не убил никого из ваших родичей или друзей и не нанес вам никакого оскорбления. Мы стремимся оказывать вам уважение во всем и, как мне кажется, всегда так и делаем. Решение пригласить Торстейна принимал Эйндриди, мой родич, а не я, однако я соглашусь на то, чтобы он покинул мой дом, не раньше, чем оставлю его сам. Но только, сдается мне, много всего может случиться, до того как Торстейн будет убит: ведь мне известен нрав Эйндриди, и если дойдет до дела, он наверняка решит, что у них обоих одна дорога. Каково же мне придется, если вы с моим сыном схлестнетесь! Но если ты тем не менее предпочитаешь биться с Эйндриди, а не помириться с Торстейном, то знай, что это скорее приведет твое правление к упадку, чем к успеху. И все же я не стану сражаться против тебя. Похоже, ты успел позабыть, что я примкнул к тебе на востоке в Гардах[9] и потом делал все, что было в моих силах, чтобы укрепить вашу власть, хотя другие и предостерегали меня от этого. Ничуть не сомневаюсь, что, если наша дружба закончится таким образом, у них это не вызовет досады. С тех пор как я стал твоим приемным отцом, я все время пекся о твоей славе. Теперь же я уеду из страны и отныне не буду приносить тебе ни пользы, ни вреда, однако кое-кому может показаться, что ты не останешься от этого в выигрыше.

Затем Эйнар вскакивает с места в сильном гневе и направляется к выходу из палаты.

Магнус конунг поднимается и следует за ним. Он обнял Эйнара за шею обеими руками и сказал:

– Да пребудут с тобой здоровье и счастье, воспитатель! – говорит он. – Покуда это в моей власти, не бывать такому, чтобы нашей с тобой приязни был положен конец. Этот человек получит прощение, раз тебе так хочется.

После этого Эйнар успокоился, и между Торстейном и конунгом был восстановлен мир. Потом Эйнар едет домой и рассказывает Эйндриди и Торстейну, чего ему удалось добиться, и те очень благодарят его за это.

ПРЯДЬ О ХРАФНЕ СЫНЕ ГУДРУН

1

Одного человека звали Торгрим. Он жил на хуторе Двор в Бараньем Фьорде[1]. Торгрим был человек богатый, но плохой хозяин. Его жену звали Торгерд. У них было два сына, Кальв и Грим; оба они получили неплохое воспитание. Это были люди задиристые и ненадежные, как и их отец.

Жил человек по имени Сигват. Он жил на хуторе Пески в Бараньем Фьорде. Жену его звали Гудрун, это была женщина умная и достойная. Их сына звали Храфн, он был молод, красив и статен. Сигват не отличался бережливостью; землей он владел хорошей, но деньги промотал. Как-то раз летом он сказал жене, что придется продать землю, чтобы расплатиться с долгами и прикупить скота. Она отвечает:

– Есть другой выход: чем продавать землю, продай лучше мое золотое запястье.

Сигват отвечает:

– Раз так, поеду-ка я к Торгриму, у него скота хоть отбавляй.

Она отвечает:

– Не советую тебе иметь дело с Торгримом, он человек хитрый и нечестный.

Но Сигват все же отправился к Торгриму и сказал:

– У меня к тебе вот какое дело: я бы хотел купить у тебя скотину.

Торгрим отвечает:

– За мной дело не станет.

Сигват сказал:

– А взамен я предлагаю тебе это золотое запястье.

Торгрим отвечает:

– Недостойно мужчины разбазаривать женино добро. Продай-ка мне лучше тот луг, что зовется Зеленым Выгоном. Мне пригодится и сено, и пастбище, а у тебя лугов и без того хватает.

Сигват отвечает:

– Я продам тебе этот выгон, однако я не хочу, чтобы на моей земле пасся чужой скот.

– Тогда по рукам, – говорит Торгрим.

Сигват воротился домой и рассказал своей хозяйке о сделке. Она говорит в ответ:

– По мне, не бывать бы вовсе этой сделке. Ведь теперь, когда он заполучил лоскуток нашей земли, он станет травить наши луга.

На другой день был пригнан купленный Сигватом скот. А позднее тем же летом Торгрим сказал:

– Теперь у нас прибавилось выгонов, однако я слыхал от женщин, что молочному скоту не хватает пастбищ и надои невелики. Гоните коров на луга к Сигвату, я имею право на эту землю.

Его люди так и сделали. Когда Гудрун увидела это, она сказала:

– Все идет как я предсказывала, недаром мне с самого начала не понравилась эта сделка. А теперь Торгрим приказал своим рабам выгонять скотину на наши луга и кормить ее нашим сеном.

Сигват отвечает:

– Торгриму не впервой платить злом за добро.

Как-то раз Сигват подошел и отогнал Торгримова быка от своего стога. Торгрим как раз оказался рядом. Он сказал:

– Что-то ты больно расхрабрился, рабье отродье! – и проткнул Сигвата копьем, так что тот умер на месте. Торгрим отправился оттуда прямиком домой, а Гудрун скоро узнала о случившемся и велела похоронить своего мужа не поднимая шума.

Храфну, их сыну, было тогда четыре года. Он часто вспоминал отца и спрашивал, где он. Мать сказала ему, что он внезапно заболел и умер.

Вскоре после этого Торгрим пришел к Гудрун и сказал:

– Ты, наверно, считаешь, что своим необдуманным поступком я причинил тебе ущерб. Однако теперь я хочу возместить тебе потерю мужа и предлагаю взамен самого себя. Ты мало в чем будешь нуждаться, если позволишь мне заботиться о тебе.

Она отвечает:

– Похоже, что каждый из нас останется при своем. Даже если бы ты не был женат, я не настолько тороплюсь выходить замуж, чтобы пойти за убийцу моего мужа.

2

Храфн рос у своей матери. Он был человек статный и сильный, добродушный и веселый, и многие любили его. Он часто ходил играть во Двор. Торгрим обходился с ним хорошо, и Храфну это нравилось. Они с Кальвом, сыном Торгрима, всегда играли вместе. Храфну тогда было пятнадцать лет. Кальв был старше его, но слабее, и ему доставалось от Храфна, потому что тот всегда старался добиться победы.

Однажды, когда они играли вместе, Кальв сказал:

– Не умеешь ты, Храфн, обуздывать свою силу, видно, не миновать тебе судьбы твоего отца.

Храфн отвечает:

– Что ж необычного в том, что люди умирают? Со всяким может случиться!

Кальв сказал:

– Похоже, от тебя скрыли, от чего он умер. Он был убит, и это дело рук моего отца, а я убью тебя.

Храфн повернулся и ушел, ничего не сказав. Вечером он воротился домой не в духе. Мать спросила его, в чем дело. Он отвечает:

– Ты мне говорила, что мой отец умер от болезни, а Кальв сегодня бросил мне, что он был убит, и мне кажется странным, что ты скрыла это от меня.

Она отвечает:

– Я поступила так, считая, что ты еще слишком молод, чтобы противостоять могущественным людям. Но теперь это неважно, раз они сами позаботились о том, чтобы тайное стало явным.

Храфн спросил:

– Где похоронен мой отец?

Она сказала, что это место поросло дерном. Храфн ответил:

– Я все равно схожу туда, и я рад, что узнал правду. Многое теперь зависит от того, насколько храбр и вынослив будет его сын.

После этого он опять отправился играть, и никто не видел его печальным.

Так продолжалось до тех пор, пока ему не исполнилось восемнадцать лет. Как-то раз, когда Храфн одевался после игры, Кальв сказал:

– Храфну больше по вкусу бить по мячу, чем мстить за своего отца.

Храфн отвечает:

– За этим дело не станет.

Тут он подскочил к Кальву и нанес ему смертельный удар.

Торгрим сказал:

– Случилось то, чего и следовало ожидать, однако мы это так не оставим.

Храфн пришел домой и рассказал матери об убийстве. Она сказала, что это дорого им может обойтись.

– Теперь я могу лишиться сына, как раньше лишилась мужа, – сказала она. – Тебе надо уходить отсюда, потому что я не смогу тебе помочь.

Она вышла с ним во двор и отвела его в амбар. Там был большой подпол и в нем припасы и все необходимое. Он спустился туда и ни в чем не нуждался.

На следующее утро туда явился Торгрим и с ним двенадцать человек. А Гудрун за ночь собрала людей с ближайших дворов, так что у нее было больше народу, чем у Торгрима. Торгрим сказал:

– Мы ищем Храфна, твоего сына. Выдай нам его.

Гудрун отвечает:

– Неудивительно, что ты ищешь убийцу твоего сына, однако его здесь нет. Неужто ты считаешь, что у меня хватило бы силы или дерзости прятать его здесь, у тебя под самым носом!

Он отвечает:

– Я думаю, будь он здесь, ты не стала бы говорить об этом всем и каждому, а потому мы хотим обыскать твой двор.

Она отвечает:

– Меня еще никто не ставил на одну доску с ворами, и тебе не удастся учинить обыск, покуда народу у тебя меньше, чем у меня.

Тут она велит выйти своим людям. Торгрим сказал:

– Что ж, беззащитной тебя не назовешь.

Он уехал, так ничего и не добившись.

На следующее лето на альтинге Торгрим объявил Храфна вне закона. Как раз в это время в Бараньем Фьорде готовился к отплытию торговый корабль, принадлежавший норвежцам. Одного из них звали Эйнар, он был родом из Наумдаля[2], другого – Бьярни. Эйнар был человек богатый и хороший воин, он был большим другом конунга Магнуса Доброго. С ним на корабле находился его брат, Сигурд. Он был еще совсем молод и подавал большие надежды.

Торгрим, как только вернулся с тинга, не откладывая поехал на корабль. Купцы уже собирались выйти в море. Он сказал им:

– Знайте, что у меня здесь есть один человек, объявленный вне закона, зовут его Храфн, и я хочу предупредить вас, чтобы вы не перевозили его через Исландское Море[3], если он вас об этом попросит.

Они ответили, что без труда смогут спровадить любого негодяя.

Немного погодя к кораблю пришли мать и сын и попросили Эйнара кормчего сойти на берег. Когда они встретились, Гудрун сказала:

– Я привела к вам моего сына, который попал в беду, хотя многие, вероятно, скажут, что он вел себя как настоящий мужчина. Но теперь, когда он объявлен вне закона, у меня не хватит силы защитить его от Торгрима, и потому я хочу, чтобы вы увезли его из страны. Я надеюсь, что вы примете его сторону и в ваших глазах будут иметь больший вес его уважаемые родичи в Норвегии и обстоятельства этого дела, чем жестокость и бесчестье Торгрима, который без всякого повода убил моего мужа, отца Храфна, и не понес за это никакого наказания.

Эйнар сказал:

– Этот человек не внушает нам доверия. Я против того, чтобы перевозить объявленных вне закона.

Тут Сигурд, его брат, сказал:

– С какой стати ты отказываешь ему? Неужто ты не видишь, что он человек многообещающий и смело отомстил за свои обиды? Иди лучше ко мне, Храфн, хотя я и не смогу оказать тебе такую же поддержку, как мой брат.

Поднимайся скорей на корабль, дует попутный ветер, и мы уже отплываем. Что у тебя за родичи в Норвегии?

Храфн отвечает:

– Моя мать говорит, что Сигват скальд[4] приходится ей братом.

Сигурд сказал:

– Я думаю, родство с ним должно пойти тебе на пользу.

Тут он убрал сходни, затем подняли якорь, и корабль понесло прочь от берега. В этот момент Торгрим спустился на берег и сказал, обращаясь к купцам:

– Сдается мне, вы нарушили свое слово.

Сигурд сказал:

– Торгрим сейчас совсем близко, покажись-ка ему, Храфн.

Храфн вскочил на тюки с товарами и сказал:

– Он не настолько близко, чтобы я смог достать его секирой.

Тут Бьярни попросил отправить Храфна на берег. Сигурд сказал:

– Попади он против своей воли в лапы к Торгриму, я бы уж, верно, позаботился о том, чтобы кое-кто за это поплатился. Однако сейчас, я думаю, будет лучше поднять парус.

Так и сделали. Дул попутный ветер, и они приплыли в Трандхейм.

3

Жил человек по имени Кетиль и по прозвищу Скала. Конунг посадил его в городе[5] управляющим. Жену его звали Сигню, а дочь Хельгой, она была хороша собой.

Когда купцы покинули корабль и отправились по домам, Эйнар сказал Храфну:

– Пожалуй, мне все же следовало бы тебе помочь, хотя я и не спешил с этим, как Сигурд. Если хочешь, я могу приискать тебе место для зимовки здесь, в городе, и внести за тебя плату. Мне это сейчас удобнее, чем взять тебя к себе.

Храфн сказал:

– Раз ты желаешь мне добра, я постараюсь не обмануть твоего доверия. Сам я ни с кем не собираюсь затевать ссору, но за оскорбления и обиды спуску давать не стану.

После этого они встретились с Кетилем, и Эйнар сказал:

– Поручаю тебе этого человека, обращайся с ним хорошо. А ты, Храфн, заходи ко мне в любое время, когда вздумается.

Храфн жил у Кетиля. Он держался скромно и ни во что не вмешивался, однако был приветлив с теми, кто к нему обращался. Он подолгу беседовал с Хельгой, дочерью Кетиля. Тому это поначалу нравилось, потому что Храфн вел себя хорошо. Однако вскоре Кетиль к нему переменился: сам он был человек дурной и судил о других по себе. Тогда он стал выговаривать за это жене и дочери, говорил,

что Храфн, мол, грубиян, работает спустя рукава, а с ними держит себя запанибрата. Они обе отвечали, что он держится как подобает и ведет себя безупречно.

– Его поведение, – сказали они, – не изменилось с тех пор, как ты к нему хорошо относился. Он человек воспитанный и учтивый.

Кетиль сказал, что они обе ослеплены им. Он не скрывал от Храфна своего нерасположения и даже сочинил про него язвительные стихи[6]. Храфн делал вид, что ничего не замечает.

Как раз в это время в городе находились купцы, прибывшие с запада из-за моря. Они уже были готовы сняться с якоря. Однажды Кетиль пришел к ним и сказал, что был бы не прочь продать им своего раба. Им это предложение пришлось по вкусу. Кетиль сказал:

– Не стану вас обманывать: он человек лживый и к тому же имеет множество других недостатков. Советую вам поначалу обращаться с ним как можно строже.

Они заключили между собой еще много других сделок. После этого Кетиль пошел домой и сказал Храфну:

– Хочешь пойти со мной на корабль развлечься?

Храфн отвечает:

– Охотно, если ты в хорошем настроении.

Как только купцы увидали Храфна, они набросились на него и схватили его. Храфн отбивался, как умел, и спросил, что это за игра такая. Они ответили, что это он сейчас узнает. Тогда он поднатужился и сбросил их с себя. Они стали говорить, что этот раб что-то уж больно весел. Храфн отвечает:

– Еще бы, ведь, по мне, борьба – лучшая работа для раба, а мне едва ли раньше приходилось так славно поработать!

Тут он схватил одного из них и стал отбиваться им от других, пока тот не потерял сознания[7]. А Кетиль тем временем повернул назад в город. Храфн нагнал его и нанес ему смертельный удар. Когда купцы увидели это, они поспешили отплыть, потому что испугались, как бы их не обвинили в убийстве.

Храфн объявил об убийстве. Потом он пошел в усадьбу Кетиля, нашел там мать и дочь и сказал им, что случилось такое, после чего они не захотят иметь с ним ничего общего. Они ответили, что для них это большое несчастье, но что они не считают его виновным. Они дали ему еду и одежду и посоветовали больше остерегаться гнева конунга, чем их. После этого он укрылся в лесах.

4

Вскоре в город прибыл Магнус конунг и узнал о случившемся. Он разгневался и сказал:

– Слыханное ли это дело: исландцы станут приезжать сюда в страну с тем, чтобы убивать наших управляющих или сюслуманнов[8]! Тот, кто это совершил, должен быть объявлен вне закона.

Эйнар из Наумдаля был тогда с конунгом. Он сказал:

– Иной человек, государь, своим поведением может навлечь на себя смерть.

Прошло немного времени, и вот как-то раз, когда конунг был на соколиной охоте, случилось так, что его люди разошлись в разные стороны, и он остался один. Тут из лесу вышел рослый человек в меховом плаще и попросил его защиты. Конунг сказал:

– Неужто меня с тобой связывают какие-нибудь обязательства?

Тот отвечает:

– Никаких, разве что родичи мои – твои друзья, да еще твое великодушие, потому что не в твоем обычае отказывать тому, кто обращается к тебе за помощью.

Конунг сказал:

– На юге в Таускадале[9] живет человек по имени Коль, туда и отправляйся. А сам-то ты кто будешь?

Тот отвечает:

– Прежде я был разбойником, но теперь хочу с этим покончить. А защиты я прошу потому, что у меня много врагов. Если вы и впрямь хотите отправить меня к Колю, то дайте мне какие-нибудь знаки, чтобы он меня принял, и тогда я останусь там на зиму.

Конунг сказал:

– Отправляйся туда, а я думаю быть там спустя неделю после Пасхи.

С этими словами конунг снял с пальца золотое кольцо, надел его на наконечник копья и протянул ему, потому что тот человек стоял поодаль. Конунг сказал:

– Не знаешь ли ты, где скрывается Храфн, объявленный вне закона?

Тот отвечает:

– Государь, он, верно, станет искать встречи с Эйнаром из Наумдаля, твоим другом, тогда вы его и захватите.

Тут он снял кольцо с наконечника копья и исчез в лесу. Конунг сказал:

– На этот раз Храфну удалось меня провести.

Храфн пришел к Колю и показал ему конунговы знаки. Коль сказал:

– Удивительное дело: у тебя настоящие конунговы знаки, а ведь прежде вы с конунгом были врагами.

Храфн провел там зиму, и все его любили. Однако он не стал дожидаться прибытия конунга и ушел оттуда в субботу на пасхальной неделе. А когда конунг приехал, он сказал Колю:

– Где Храфн сын Гудрун? Мне нужно его видеть.

Коль отвечает:

– Его здесь уже нет, государь.

Конунг сказал:

– Это плохо. Пускай все знают, что он объявлен вне закона. И я считаю для себя бóльшим оскорблением, чем совершенное им убийство, то, что он меня одурачил. Я назначаю за его голову награду в три марки[10] серебром, и пускай никто не смеет за него просить.

Затем конунг направился с большим войском вдоль берега на юг в Данию, потому что в это время он воевал со Свейном сыном Ульва[11].

5

Спустя полмесяца после начала лета Храфн вышел из лесу к морю и увидал большой флот. Он пошел на берег к тому месту, где слуги готовили еду, осторожно приблизился к ним и спросил:

– Кому принадлежат эти корабли?

Они ответили:

– Ты, верно, невежда или дурак. Магнус конунг стоит здесь и ждет попутного ветра, чтобы плыть в Данию.

Храфн спросил:

– А кто из знатных людей сейчас с конунгом?

Они сказали, что здесь Эйнар из Наумдаля, конунгов друг, и Эйнар Брюхотряс[12] с тринадцатью кораблями, а Сигват скальд находится с конунгом на корабле.

Храфн сказал:

– Передайте Сигвату, что на берегу его ждет один человек по важному делу.

Они так и сделали. Храфн тем временем дожидался на опушке леса. Сигват подошел к нему и сказал:

– Кто этот рослый человек?

– Храфн его имя, – говорит тот.

Сигват сказал:

– Уходи отсюда. У меня нет охоты получать награду за твою голову, и я не собираюсь тебя выдавать.

Храфн отвечает:

– Можно поступить и иначе. Говорят, ты неравнодушен к деньгам, а я не слишком дорожу своей жизнью; и потом – многие взялись бы за бóльшую работу и за меньшее вознаграждение. Впрочем, даже если ты меня выдашь, как бы ни длинна была конунгова секира, ей все равно не достать до меня в лесу. Однако это будет к твоей чести, если ты захочешь помочь мне, потому что ты – брат моей матери.

Тот отвечает:

– Я признаю наше родство, однако я вряд ли смогу помочь тебе. Подожди меня здесь.

Храфн отвечает:

– Я предпочитаю пойти с тобой на корабль. Пусть уж меня лучше убьют там в твоем присутствии. И это – самое малое, что ты мог бы для меня сделать.

Сигват отвечает:

– Трудный ты человек. Я вовсе не собираюсь подставлять тебя под меч, потому что ничем другим это бы не кончилось, даже если бы я мог прибегнуть к силе и заступничеству всех, кто находится в этом месте. Сделай, как я сказал: жди меня здесь, пока я встречусь с моими друзьями.

Храфн отвечает:

– Я поступлю, как ты просишь, но долго ждать не стану и вскоре последую за тобой. Нечего медлить, коли решился принять смерть.

Сигват встретился с Эйнаром из Наумдаля и сказал:

– Плохие новости, друг. Сюда явился Храфн и собирается сдаться своим врагам. Можешь ли ты мне чем-нибудь помочь?

Тот отвечает:

– Неудачливый он человек, и все же наш долг спасти его от гибели, однако не станем же мы сражаться из-за него с конунгом. У нас для этого недостаточно силы, да и конунг едва ли когда-нибудь захочет вновь прибегнуть к нашей поддержке, если мы теперь выступим против него.

Затем Сигват пришел к Эйнару Брюхотрясу и сказал:

– Могу ли я рассчитывать на твою помощь, Эйнар?

Тот отвечает:

– В чем дело?

Сигват сказал:

– Здесь Храфн, мой родич.

Эйнар сказал:

– Я не собираюсь сражаться из-за него с конунгом. Мне уже однажды случалось поддерживать человека, который был не в ладах с конунгом, и из-за этого я чуть было сам не потерял его расположения[13]. Мы с Эйндриди[14] стоим во главе тринадцати кораблей и намерены биться с датчанами вместе с конунгом. Скажи этому человеку, чтобы он убирался отсюда, и пускай не вздумает появляться на нашем корабле, если не хочет быть убитым. Я знаю нрав Магнуса конунга: он скорее откажется от нашего войска, чем станет терпеть наше неповиновение.

Пока они так разговаривали, Эйнар из Наумдаля сошел на берег, встретился с Храфном и сказал:

– Послушайся моего совета, приятель, не навлекай на нас всех беду. Отправляйся на север в Хит в мою усадьбу[15], там тебе помогут.

Храфн отвечает:

– Прежде я хочу повидаться с Сигватом.

Эйнар ушел, а немного погодя туда пришел Сигват. Храфн сказал:

– Ну что, можно рассчитывать на поддержку хёвдингов?

Тот отвечает:

– Не думаю. Похоже, что нет тебе удачи. Что ты теперь собираешься предпринять?

Он отвечает:

– То, что уже говорил: пойду с тобой на конунгов корабль.

Сигват сказал:

– Почему ты так торопишься умереть?

Храфн отвечает:

– Потому что, по мне, лучше умереть, чем навлечь конунгов гнев на всех, кто был со мною связан. А этого не миновать, если он узнает, что вы меня прятали.

Сигват отвечает:

– Сказано смело. Однако я возлагаю надежду на того, кто никогда еще не отказывал в помощи, – на святого Олава конунга.

После этого он стал молиться Олаву конунгу. Затем они пошли на конунгов корабль. Магнус конунг спал на своем месте на корме и пробудился как раз тогда, когда Сигват с Храфном проходили мимо. Он вскочил и закричал:

– Вставайте, мои люди! Дует попутный ветер, и в Дании нас ждет победа.

Все взошли на свои корабли, поспешно снарядились и отчалили. Когда они приплыли в Данию, люди высадились на берег. Там их ждало большое войско датчан и завязалась жаркая битва. Магнус конунг был впереди своего войска, а Храфн сын Гудрун шел впереди конунга и храбро сражался, но ни один человек не перемолвился с ним ни словом. В этой битве некоторые видели в войске Магнуса конунга святого Олава конунга. В тот день конунг одержал славную победу.

6

Вечером они возвратились к кораблям и возблагодарили Бога за победу. А когда они взошли на корабль, конунг сказал:

– Где Храфн? Скажите ему, чтобы он пришел ко мне и больше не прятался.

Эйнар и Сигват сказали конунгу:

– Вы могли бы, государь, даровать ему пощаду за его храбрость.

Конунг отвечает:

– Этого я пока не могу обещать, но я хочу его видеть.

Тогда Эйнар из Наумдаля пошел к Храфну и сказал:

– Теперь тебе придется предстать перед конунгом. Советую тебе разговаривать с ним почтительно, но смело и на все его вопросы отвечать правдиво и ясно.

Храфн явился к конунгу и приветствовал его. Конунг сказал:

– Почему ты, Эйнар, помог уехать из Исландии человеку, объявленному вне закона?

Тот отвечает:

– Государь, потому что он был объявлен вне закона за то, что отомстил за своего отца, который был убит без всяких на то оснований.

Конунг сказал:

– За что ты убил Кетиля, Храфн?

Тот отвечает:

– За то, государь, что он сочинил обо мне хулительные стихи, а потом продал меня в рабство. Однако, после того как я его убил, я сочинил о нем краткую поминальную песнь, правда, она мне не вполне удалась.

– Давайте-ка ее послушаем, – сказал конунг.

– Как вам будет угодно, государь, – сказал Храфн, – но тогда вам придется выслушать и другую песнь[16].

Конунг сказал:

– Что еще за песнь?

– Она сочинена о вас, – сказал Храфн.

– Ну что ж, говори, – сказал конунг.

Храфн произнес обе песни, а когда он кончил, конунг сказал:

– И правда, эти песни неодинаковы по достоинству. Почему же ты сочинил обо мне такую хорошую песнь, когда я хотел тебя убить?

– Потому что ты достоин хорошей песни, – говорит Храфн.

Конунг сказал:

– Зачем ты подошел ко мне в лесу?

Храфн отвечает:

– Потому что я ожидал удачи от встречи с вами[17], и так оно в конце концов и вышло. А до того мне приходилось очень нелегко в чужой стране и не от кого было ждать помощи, и к тому же я попал в беду, убив могущественного человека, хотя, как я считаю, у меня были на то причины.

Конунг сказал:

– Ну что ж, мы выяснили все обстоятельства твоего дела. А теперь я расскажу о том, что случилось со мной. Когда я спал на корабле, мне явился Олав конунг, мой отец[18], и обратился ко мне с гневной речью: «Вот ты лежишь тут, Магнус конунг, и у тебя одна забота: как бы убить родича моего скальда из-за какой-то безделицы, и это – вместо того чтобы подумать о том, как одержать славную победу над твоими врагами датчанами, а ведь уже задул попутный ветер. Будь милостив ко всем, кто сейчас находится на корабле,

или тебя ждет возмездие в этом мире и не будет тебе удачи». А как только я проснулся, я увидел как вы оба, Сигват и Храфн, проходили мимо, и тогда я еще больше устрашился предостережения моего отца, так что мне уже было не до убийства Кетиля или других проступков Храфна. А теперь, добро пожаловать к нам, Храфн, ибо этого хочет мой отец, а в качестве возмещения за то, что я плохо с тобой поступил, я даю тебе в жены Хельгу, дочь Кетиля, и с нею большое приданое.

Храфн отвечает:

– Я с благодарностью принимаю это. Но летом я бы хотел поехать в Исландию, с тем чтобы освободиться от обвинения, а затем не задерживаясь поспешу к вам. Если все будет в порядке, я обернусь этим летом.

Конунг просил его так и сделать. Тогда Сигват скальд рассказал конунгу о том, как он обратился с молитвой к Олаву конунгу, чтобы тот помог Храфну, когда он не смог найти поддержки у своих друзей. Конунг сказал:

– Высоко же ценит мой отец твою дружбу, если он и теперь, как и прежде, когда он еще жил в этом мире, помогает тебе во всем, с чем бы ты к нему ни обратился.

Храфн уехал в то же лето в Исландию и приехал как раз на альтинг. Там его дело было быстро улажено. После этого он уехал из страны вместе с матерью. Храфн взял в жены Хельгу, и конунг дал им большие владения. С тех пор Храфн никогда не расставался с Магнусом конунгом, пока конунг был жив. Храфна считали достойным человеком. И здесь кончается рассказ о нем.

ПРЯДЬ ОБ АРНОРЕ СКАЛЬДЕ ЯРЛОВ

Однажды, когда оба конунга[1] сидели в одной палате и пировали, случилось так, что приехал туда Арнор Скальд Ярлов. Он тогда как раз сложил хвалебные песни о них обоих. И вот когда скальд смолил свой корабль, к нему являются посланцы от конунгов и просят его прийти и исполнить песни. Он тотчас же отправляется к ним, даже не смыв с себя смолу.

Подойдя к палате, он говорит привратникам:

– Дорогу скальду конунгов! – после чего проходит внутрь, направляется прямиком к Магнусу конунгу и Харальду конунгу и говорит:

– Да здравствуют оба властителя!

Тогда Харальд конунг говорит:

– И о ком же ты собираешься произнести песнь сперва?

Он отвечает:

– О том, кто моложе[2].

Конунг спрашивает:

– Отчего же сперва о нем?

– Оттого, государь, – отвечает тот, – что говорят: молодежь нетерпелива.

Однако каждый из них считал для себя более подобающим, чтобы первой была исполнена песнь в его честь.

И вот скальд начинает песнь, и первым делом говорит в ней о ярлах, что правят на западе за морем, а там поминает и о своих странствиях.

И когда доходит до этого, Харальд конунг говорит, обращаясь к Магнусу конунгу:

– Что же ты сидишь, государь, и слушаешь эту песнь? Разве ты не слышишь, что он сложил ее о своих поездках да о ярлах с западных островов?[3]

Магнус конунг отвечает:

– Наберемся терпения, родич. Сдается мне, прежде чем он успеет досказать эту песнь до конца, ты решишь, что я получил свою хвалу сполна.

Тут скальд сказал:

Магнус, слушай стих могучий,
лучше вас не знаю князя,
ютов конунг[4], доблесть вашу[5]
я восславлю в песни плавной.
Ты, друг хёрдов[6], точно сокол[7],
ровни нет тебе средь равных,
быть твоей удаче выше
всех, пока не треснет небо[8].

Харальд конунг сказал тогда:

– Хвали этого конунга сколько хочешь, – говорит он, – однако не оскорбляй при этом других конунгов.

И вот скальд сказывает свою песнь дальше и произносит такие висы:

Гнать горазд, гроза обручий[9],
в бурны дали влаги вепря[10],
на корме, замаран морем,
коротаешь жизнь, о княже.
Зубр[11] взрезает зыбь проворно,
словно сокол[12], друг мой славный,
витязя не влек вовеки
краше быстрый струг по волнам.

Позабыть тебя не сможет
род людской, гонитель татей[13],
не страшит в буране дротов[14]
ни клинок, ни пламя князя.

Что светило в ясном небе,
дивен твой скакун буруна[15],
славлю, ворог вора[16], ладной
я ладьи твоей величье.

Харальд конунг отозвался на это так:
– Стремительно сочиняет[17] этот человек, и я не знаю, чем он закончит.

Любо зреть, как лыжи хляби
конунг мчит по склонам Мейти[18],
словно сонмы ратей тверди
князя[19] по волнам летели.
На земле, что Бог на небе,
чтим погонщик – *помнить будут*
воинство твое вовеки –
табуна межи моржовой[20].

А после того как эта песнь была досказана до конца, скальд принялся произносить песнь о Харальде. Она была названа Драпой Черных Гусей[21], и это была хорошая песнь.

И когда драпа была закончена, у Харальда конунга спросили, как он считает, которая из этих песней лучше.

Он отвечает:

– Нетрудно заметить разницу между этими песнями. Песнь в мою честь скоро предадут забвению, так что никто не будет ее знать, зато драпу, которая была сложена о Магнусе конунге, будут рассказывать, пока люди населяют Северные Страны.

Харальд конунг дал скальду выложенное золотом копье, а Магнус конунг сперва наградил его золотым обручьем. И когда тот шел вдоль палаты к выходу, он продел наконечник копья в золотое обручье и сказал:

– Надобно высоко носить каждый из конунговых даров!

Харальд конунг сказал тогда:

– Все же этот краснослов кое-чего добился, – говорит он.

Скальд пообещал Харальду конунгу, что, если только переживет его, сложит о нем поминальную драпу[22]. А Магнус конунг дал ему потом еще торговый корабль с грузом и сделался его добрым другом.

ПРЯДЬ О ХРЕЙДАРЕ ДУРАКЕ

Жил человек по имени Торд. Он был сыном Торгрима, сына Хрейдара, которого убил Глум[1]. Торд был небольшого роста и хорош собой. У него был брат по имени Хрейдар. Был он безобразен и умом не вышел, так что приходилось за ним присматривать. Быстрый и сильный то был человек и нравом покладистый. Он все время жил дома, а Торд ездил по торговым делам, был дружинником Магнуса конунга и уважаемым человеком.

Однажды, когда Торд снаряжал свой корабль в Островном Фьорде[2], туда пришел Хрейдар, его брат. Торд, увидев его, спросил, зачем он пришел. Хрейдар говорит:

– Да уж не без дела.

– Что же ты хочешь? – спрашивает Торд.

– Я хочу уехать, – говорит Хрейдар.

Торд сказал:

– Ни к чему тебе уезжать. Лучше я предложу тебе вот что: ты возьмешь себе все отцовское наследство[3], а это в два раза больше того, что я вложил в торговлю.

Хрейдар отвечает:

– Немного у меня ума, – говорит он, – если я возьму неравную часть и за это лишусь твоей защиты и поддержки, так что любой сможет вытянуть у меня деньги, в делах-то я ничего не смыслю. И тебе же будет не лучше, если придется вмешаться, когда я примусь нападать на тех, кто зарится на мое имущество, или учиню еще что-нибудь против них, а потом меня побьют за это, а то и ранят. И кроме того, похоже, что тебе нелегко будет меня удержать, раз я решил уехать[4].

– Может и так, – говорит Торд, – но не говори никому о своей поездке.

Тот пообещал. А после того как они расстались, Хрейдар стал говорить всем и каждому, что он собирается уехать вместе со своим братом, и все стали осуждать Торда за то, что он берет с собой дурака.

И вот они снаряжают корабль, выходят в море и благополучно приплывают в Бьёргюн[5]. Торд сразу же спрашивает, где конунг, и ему говорят, что Магнус конунг в городе, и только что прибыл, и не велел беспокоить его в тот день, потому что нуждается в отдыхе. Тут все стали разглядывать Хрейдара, потому что он выделялся среди других людей тем, что был высок и безобразен и заводил разговор со всяким встречным.

Рано утром, прежде чем люди проснулись, Хрейдар поднимается и кричит:

– Проснись, брат! Немного ведает спящий. У меня есть новости. Я слышал только что странный шум.

– На что он был похож? – спрашивает Торд.

– На звериный рев, – говорит Хрейдар, – и очень громкий, но я не знаю, что это был за шум.

– Не придавай этому большого значения, – говорит Торд, – должно быть, то был звук рога.

– А что он значит? – спрашивает Хрейдар.

Торд отвечает:

– Может, трубят на сходку, а может, корабль спускают[6].

– А что значит «сходка»? – спрашивает Хрейдар.

– Там решают все спорные дела, – говорит Торд, – и обсуждают то, что конунг считает нужным обнародовать.

– А конунг сейчас может быть на сходке? – спрашивает Хрейдар.

– Конечно, – отвечает Торд.

– Тогда я оправлюсь туда, – говорит Хрейдар, – потому что первым делом хочу я прийти в такое место, где можно увидеть как можно больше людей сразу.

– Нет у нас с тобой согласия, – говорит Торд. – Мое мнение, что лучше тебе держаться подальше от таких мест. Я идти туда не собираюсь.

– Не то ты говоришь, – отвечает Хрейдар, – мы оба должны пойти. Хоть тебе и кажется, что мне не стоит идти одному, но тебе не удастся отговорить меня от этого.

Хрейдар убегает, а Торд видит теперь, что придется идти, и отправляется вслед за Хрейдаром, а тот прибавляет шагу, и между ними большое расстояние. Когда Хрейдар увидел, что Торд идет медленно, он сказал:

– Что и говорить, плохо быть небольшого роста, когда не можешь взять силой. При этом, правда, можно быть быстроногим, сдается мне, однако, что к тебе это не относится. И ты не стал бы хуже, если бы был менее красив, но зато ходил как все люди.

Торд ответил:

– Не думаю, чтобы моя слабость доставляла мне больше неприятностей, чем тебе твоя сила.

– Так давай сожмем друг другу руки, чтобы испытать их силу, брат, – говорит Хрейдар.

Они так и делают и идут еще некоторое время. И вот у Торда онемела рука, и он ее вырывает: нелепым кажется ему держаться за руки с Хрейдаром. Тогда Хрейдар прибавляет шагу, останавливается на пригорке и осматривается. Он видит место, где собралось множество народу. Торд подходит и говорит:

– Будем держаться вместе, брат.

Хрейдар так и делает.

И когда они прибыли на тинг, многие узнали Торда, хорошо его встретили и доложили о нем конунгу. Торд тотчас же предстал перед конунгом и при-

ветствовал его, и конунг милостиво ответил на его приветствие. Когда братья пришли на тинг, они сразу же расстались, и Хрейдара стали таскать за одежду и толкать. Он много болтал и смеялся, и всем казалось куда как забавно задирать его, так что он насилу мог пробиться среди обступивших его людей.

Конунг стал расспрашивать Торда о новостях и потом спросил его, не приехал ли с ним кто-нибудь, кого он хотел бы представить ему.

– Со мной в плавании был мой брат, – говорит Торд.

– Это, должно быть, хороший человек, – говорит конунг, – если он похож на тебя.

Торд говорит:

– Не похож он на меня.

Конунг сказал:

– Однако он все же может быть хорошим человеком. А в чем вы больше всего несхожи?

Торд сказал:

– Высок он ростом, безобразен он и совсем неказист. Сильный и незлобивый это человек.

Конунг сказал:

– Наверно, у него все-таки немало достоинств.

Торд говорит:

– Не славился он умом, когда был молод.

– Меня больше интересует, – говорит конунг, – как сейчас обстоят дела. За собой-то он следить может?

– Не во всем, – говорит Торд.

Конунг сказал:

– Зачем же ты взял его из дому?

– Государь, – говорит Торд, – мы владеем всем поровну, но ему нет никакого проку от имущества, торговыми делами он не занимается, он просил только одного – поехать со мной за море, и мне показалось несправедливым отказать ему в этом, раз уж он дает мне всем распоряжаться. И мне подумалось, что встреча с вами принесла бы ему удачу[7].

– Я хотел бы его видеть, – говорит конунг.

– Так и будет, – говорит Торд, – но теперь он куда-то запропастился.

Тогда конунг посылает за ним. И когда Хрейдар слышит, что конунг хочет его видеть, то он идет задрав нос и не разбирая дороги, ведь ему было непривычно, что конунг ищет с ним встречи. Одет он был так: на нем были штаны до щиколоток[8] и серый плащ. И когда он предстает перед конунгом, то падает на колени и приветствует его.

Конунг отвечает ему смеясь:

– Если у тебя ко мне есть дело, то говори прямо, чего ты хочешь. Ведь и у других есть нужда поговорить со мной.

Хрейдар говорит:

– Мое дело, думаю я, очень важное. Я хотел на тебя посмотреть, конунг.

– Ну и как, доволен ты, – говорит конунг, – тем, что меня видишь?

– Конечно, – говорит Хрейдар, – но не уверен я в том, что рассмотрел тебя как следует.

– Так как же нам быть? – говорит конунг. – Может, ты хочешь, чтоб я встал?

Хрейдар отвечает:

– Пожалуй, – говорит он.

Поднявшись, конунг сказал:

– Ну, теперь, я думаю, ты меня можешь хорошо рассмотреть.

– Не совсем хорошо, – говорит Хрейдар, – но почти.

– Может быть, ты хочешь, – говорит конунг, – чтобы я снял плащ?

– Конечно, я этого хочу, – говорит Хрейдар.

Конунг сказал:

– Мы должны прежде это дело обсудить. Вы, исландцы, большие выдумщики, и мне не хотелось бы допустить, чтобы ты это обратил в насмешку, хочу я этого избежать.

Хрейдар говорит:

– Никто не смеет, конунг, дурачить тебя или лгать тебе.

Тогда конунг снимает с себя плащ и говорит:

– Теперь смотри на меня так внимательно, как тебе хочется.

– Ладно, – говорит Хрейдар.

Он обходит конунга кругом, бормоча себе при этом под нос:

– Прекрасно, прекрасно.

Конунг сказал:

– Теперь ты меня рассмотрел, как тебе хотелось?

– Конечно, – говорит он.

Конунг спросил:

– Ну и понравился я тебе?

Хрейдар отвечает:

– Не преувеличил Торд, брат мой, когда говорил о тебе хорошее.

Конунг сказал:

– Сумел ли ты найти какой-нибудь изъян, которого другие не замечали?

– Не думал я искать, – говорит он, – да и не смог бы, потому что каждый предпочел бы быть таким, как ты, когда б от него это зависело.

– Ты преувеличиваешь, – говорит конунг.

Хрейдар отвечает:

– Тогда следовало бы бояться лести, – говорит он, – когда б ты не был на самом деле таким, каким я тебя нашел, о чем я и сказал только что.

Конунг сказал:

– Все же найди какой-нибудь изъян, пусть хоть самый маленький.

– Вот разве что, – говорит он, – один глаз у тебя немного выше другого[9].

– До тебя это заметил только один человек, – говорит конунг, – и это был Харальд конунг, мой родич[10]. А теперь давай сквитаемся, – говорит конунг. – Встань-ка теперь ты и сними свой плащ, а я на тебя посмотрю.

Хрейдар сбрасывает плащ, а ручищи у него грязные – человек он был большерукий и безобразный, – вымыты кое-как. Конунг смотрит на него пристально.

Тут Хрейдар сказал:

– Государь, – говорит он, – как ты меня находишь?

Конунг говорит:

– Думается мне, что не родился еще человек безобразнее тебя.

– Так говорят, – отвечает Хрейдар. – Ну а нет ли, на твой взгляд, во мне чего-нибудь хорошего?

Конунг сказал:

– Говорил мне Торд, брат твой, что ты человек добродушный.

– Так оно и есть, – сказал Хрейдар, – да сдается мне, что это плохо.

– Но однажды ты разгневаешься, – сказал конунг.

– Тебе видней, государь, – говорит Хрейдар. – А долго ли еще ждать?

– Точно не знаю, – говорит конунг. – Скорее всего, случится это нынешней зимой.

Хрейдар сказал:

– Спасибо на добром слове.

Конунг сказал:

– К чему у тебя есть умение?

Хрейдар говорит:

– Никогда я ничего не пробовал, а потому и не знаю.

– Возможно, что ты на что-то способен, – говорит конунг.

– Спасибо на добром слове, – сказал Хрейдар, – так и должно быть, раз ты так сказал. Мне, видно, потребуется место для зимовки.

Конунг сказал:

– За этим дело не станет. Но я считаю, что лучше было бы тебе остановиться там, где поменьше народу.

Хрейдар ответил:

– Ну что ж, – говорит он, – но только нигде не будет так мало народу, чтобы не всплыло все, что я скажу – и скажу-то в шутку, – а я человек несдержанный на язык и много чего могу наговорить. Вот и может случиться так, что мои слова разнесут повсюду, и надо мной станут насмехаться и придадут слишком большое значение тому, что я сказал в шутку или просто сболтнул. И поэтому кажется мне более разумным держаться тех, кто обо мне заботит-

ся, как Торд, мой брат, хотя бы там было и множество народу, чем жить там, где людей немного, но никому ни до чего нет дела.

Конунг сказал:

– Поступай как знаешь, отправляйтесь оба к моим дружинникам, если вам это больше нравится.

Как только Хрейдар услышал эти слова конунга, он убегает и рассказывает всякому, кому не лень его слушать, что конунг принял его очень хорошо, а своему брату Торду говорит, что конунг разрешил ему жить с его дружинниками.

Торд сказал:

– Тогда тебе нужно одеться и вооружиться достойно и как подобает тому, у кого ни в чем нет недостатка; ведь многих красит богатая одежда, а быть хорошо одетым важнее в палатах конунга, чем где бы то ни было. Да и дружинники тогда не станут над тобой смеяться.

Хрейдар отвечает:

– Очень ты ошибаешься, если думаешь, что я собираюсь наряжаться.

Торд сказал:

– Так сошьем тебе одежду из домотканого сукна.

Хрейдар отвечает:

– Лучше уж так, – говорит он.

Так и было сделано, как посоветовал Торд, и Хрейдар на это согласился. Теперь у него одежда из домотканого сукна, он умывается и сразу начинает казаться совсем другим человеком. Красивее он не стал, а вид у него доблестный.

Таким он, однако, был человеком, что когда они с Тордом жили с дружинниками, то Хрейдару поначалу здорово от них доставалось, и они всячески над ним подшучивали. Вскоре увидели они, что он большой любитель поговорить, и все пошло так, как и следовало ожидать. Он их очень забавлял, и сам все время смеялся над тем, что они говорили, и такой он был весельчак, что всех их превзошел и в разговоре, и в состязаниях. И оттого что он был очень силен, а они со временем убедились в том, что он на них обиды не держит, дружинники оставили его в покое ⟨...⟩[11].

В то время страной управляли два конунга: Магнус конунг и Харальд конунг[12]. Возник тогда спор ⟨...⟩, что дружинник Магнуса конунга убил дружинника Харальда конунга, и было условлено, что конунги сами встретятся и разберут это дело. И когда Хрейдар слышит о том, что Магнус конунг должен отправиться на встречу с Харальдом конунгом, он идет к Магнусу конунгу и говорит:

– Есть кое-что, – говорит он, – о чем я хочу тебя просить.

– Что же это? – сказал конунг.

Хрейдар сказал:

– Разреши мне поехать с тобой. Не скажу, чтобы я много путешествовал, но уж очень мне хочется увидеть сразу двух конунгов в одном месте.

Конунг отвечает:

– Правду ты говоришь, путешествовал ты мало. И тем не менее я не могу позволить тебе ехать со мной, потому что негоже тебе попасть в лапы людям Харальда конунга. Как бы не было от этого беды и тебе и другим. Боюсь я, что тогда-то и охватит тебя гнев, которого ты так ждешь, а лучше бы обойтись без этого.

Хрейдар отвечает:

– Хорошо ты сказал. И вправду, надо ехать, коль есть надежда, что я разозлюсь.

Конунг говорит:

– И ты поедешь, даже если я не позволю?

Хрейдар отвечает:

– Все равно поеду.

– Не думаешь ли ты, что тебе удастся поступить со мной так же, как с твоим братом Тордом? Потому что с ним тебе всегда удавалось настоять на своем.

Хрейдар говорит:

– Тем легче мне это удастся с вами, потому что вы умнее его.

Конунг видит теперь, что его не остановишь, и думает, что еще неизвестно, что из того выйдет, если Хрейдар поедет не в его свите, а один или незнамо с кем. Он разрешает Хрейдару сопровождать его, и тому дают коня.

И как только они отправились в путь, Хрейдар поскакал галопом сломя голову и загнал коня. Когда конунг узнал об этом, он сказал:

– Все к лучшему. Отправьте теперь Хрейдара домой, и пусть он не едет.

Тот говорит:

– Хоть конь пал, поездке это моей не помешает. Придется мне немного пробежаться, если я не хочу от вас отстать.

Вот они едут, и многие припустили коней, состязаясь с ним в беге, почему б, думают, не испытать быстроту его ног, раз он сам ею хвастался. Но выходило так, что он загонял любого коня, какого против него ни выставляли: он-де был бы недостоин прийти на сходку, если б ему было за ними не поспеть. И поэтому многие остались без лошадей.

И когда они прибыли на место встречи, Магнус конунг сказал Хрейдару:

– Следуй повсюду за мной и никуда не отлучайся. Есть у меня предчувствие, что не будет добра от того, что люди Харальда конунга увидят тебя.

Хрейдар ответил, что все будет так, как сказал конунг:

– Думаю, что лучше мне от вас не отставать.

Вот конунги встречаются, вступают в беседу и обсуждают свое дело. А люди Харальда конунга увидели Хрейдара, прослышали о его славе и ре-

шили позабавиться. И пока конунги разговаривали, Хрейдар ушел с людьми Харальда. Они завели его в лес неподалеку и стали таскать за одежду и то и дело толкали его. Раз на раз не приходится: то летал он как соломинка, а то стоял крепко как стена, и они от него отскакивали. Вот забава зашла так далеко, что они стали обращаться с ним куда как грубо, пустив в ход рукояти секир и ножны. Они кололи его в голову концами ножен и поранили его. Он же вел себя так, как если бы ему это казалось величайшей забавой, и все время смеялся. И так продолжалось до тех пор, пока с их стороны игра не стала принимать еще худший оборот.

Тогда Хрейдар сказал:

– Ну, поиграли и довольно. Надоело мне это. Пойдем теперь к вашему конунгу, хочется мне на него поглядеть.

– Не бывать тому, – сказали они, – чтобы такой дьявол, как ты, увидел нашего конунга. Лучше мы отправим тебя в Хель[13].

Не слишком пришлось ему это по душе, да и похоже было, что они не остановятся на угрозах. И вот дошло до того, что он потерял терпение и разгневался. Схватил он тут человека, который больше других на него нападал и над ним издевался, поднял его в воздух и ударил головой оземь, да так, что у того брызнули мозги и он умер. Тут решили они, что он наделен нечеловеческой силой, и бросились бежать, пришли и рассказали Харальду конунгу, что убит его дружинник.

Конунг отвечает:

– Так убейте того, кто это сделал.

– Нелегко это, – говорят они, – ведь он уже ушел.

А теперь нужно рассказать о том, что Хрейдар встретился с Магнусом конунгом.

Конунг сказал:

– Ну, теперь ты узнал, каково это – гневаться?

– Да, – говорит тот, – теперь знаю.

– Ну и как? – говорит конунг. – Помнится, прежде тебя это очень занимало.

Хрейдар отвечает:

– Ничего хорошего, – говорит он. – Больше всего мне хотелось бы всех их убить.

Конунг сказал:

– Я всегда знал, – говорит конунг, – что когда ты разгневаешься, это плохо кончится. Теперь я хочу послать тебя в Упплёнд к Эйвинду, моему лендрманну[14], чтобы он укрыл тебя от Харальда конунга. Не уверен я, что ты будешь в безопасности, если останешься с дружиной, потому что знаем мы: коварен родич Харальд и трудно от него уберечься. Вернешься ко мне, когда я за тобой пошлю.

Вот Хрейдар уезжает в Упплёнд, и Эйвинд принимает его, как приказал конунг. Конунги уже уладили свой прежний спор, но это дело не было улажено. Думалось Магнусу конунгу, что эти люди сами во всем виноваты и потому лишили себя права на возмещение[15]. Он считал, что за убитого дружинника не нужно платить виры, а Харальд конунг требовал возмещения за своего дружинника, и они расстались, не достигнув согласия.

Прошло немного времени, и Харальд конунг узнал, где укрывают Хрейдара. Тогда он пускается в путь и прибывает в Упплёнд к Эйвинду с шестью десятками людей. Он приезжает туда рано утром, думая застать их врасплох. Но из этого ничего не вышло, потому что Эйвинд предвидел, что он может явиться, и был к этому готов. Он тайно собрал людей, и они прятались в лесу около усадьбы. Эйвинд должен был дать им знать, когда прибудет Харальд конунг и понадобится их помощь.

Рассказывают, что незадолго до того, как приехал Харальд конунг, Хрейдар попросил Эйвинда дать ему серебра и немного золота.

– А ты в этом деле сведущ? – говорит тот.

Хрейдар отвечает:

– Так сказал мне Магнус конунг. А сам я об этом ничего не знаю, ведь я еще ни за что не брался. Но раз он так сказал, то я ему верю.

Эйвинд сказал:

– Странный ты человек, – говорит он. – Я дам тебе материал для работы. Вернешь мне серебро, если у тебя ничего путного не выйдет, а если выйдет, тогда пусть оно останется у тебя.

Хрейдара заперли в одном доме, и он принялся за работу. И прежде чем работа его подошла к концу, приезжает Харальд конунг. И как я раньше уже говорил[16], Эйвинд был к этому готов, и задает он конунгу большой пир. И вот когда они сидят и пируют, спрашивает конунг, здесь ли Хрейдар, – «и можешь рассчитывать на мою дружбу, если выдашь мне этого человека».

Эйвинд отвечает:

– Нет его теперь здесь, – говорит он.

– А я знаю, – говорит конунг, – что здесь он, и ни к чему тебе скрывать это.

Эйвинд сказал:

– Хотя бы и так, но я не намерен угождать тебе больше, чем Магнусу конунгу, и выдавать тебе человека, которого он отдал под мою защиту.

И тут он выходит из горницы. А когда он выходит, Хрейдар колотит в дверь и кричит, чтобы его выпустили.

– Тише, – говорит Эйвинд, – Харальд конунг приехал и хочет тебя убить.

Хрейдар все равно продолжает стучать и говорит, что он хочет встретиться с конунгом. Видит Эйвинд, что он сейчас выломает дверь, подходит и отпирает.

Он сказал:

– Да заберут тебя тролли, – говорит он, – идешь ты на верную смерть.

Хрейдар входит в горницу, подходит к конунгу и приветствует его.

Он сказал:

– Государь, смени гнев на милость, ведь я могу тебе во многом быть полезным и сделаю, что ты мне прикажешь, даже если поручение будет не очень-то приятным, в случае опасности или любом другом, и я с готовностью все выполню, куда бы ты меня ни послал. Есть у меня одна ценная вещь, которую я хочу тебе подарить, – и ставит ее перед ним на стол. А была то свинья, сделанная из серебра и позолоченная. Когда конунг увидел свинью, он сказал:

– Что и говорить, искусен ты. Никогда не видел я ничего подобного.

И вот пошла она по рукам. Конунг говорит, что он готов с ним помириться, – «и ты годишься на то, чтобы дать тебе важное поручение. По-моему, ты человек сильный и бесстрашный».

Вот свинья возвращается обратно к конунгу. Он берет ее и рассматривает внимательнее и видит он теперь, что у нее сосцы и что это самка[17]. Тогда он отбрасывает ее, понимая, что она сделана ему в насмешку, и говорит:

– Да заберут тебя тролли! Встаньте, люди, и убейте его.

Но Хрейдар берет свинью и выходит вон. Он сразу же отправляется в путь, прибывает к Магнусу конунгу и рассказывает ему о том, что произошло. А те люди вскочили и бросились за ним, чтобы убить его. И когда они вышли, то им навстречу выступил Эйвинд со множеством людей, так что они не смогли схватить Хрейдара. На этом Харальд конунг с Эйвиндом расстались, и конунг был недоволен.

И когда Магнус конунг и Хрейдар встретились, спрашивает конунг, как он съездил, а Хрейдар рассказывает, как оно было, и показывает конунгу свинью. Магнус конунг сказал, взглянув на свинью.

– Хорошая работа. Но родич наш, Харальд конунг, мстил и за гораздо меньшие оскорбления. Немало у тебя, однако, храбрости и выдумки.

Хрейдар пробыл после этого некоторое время у Магнуса конунга. Однажды приходит он побеседовать с конунгом и говорит:

– Хочу я, конунг, чтобы ты позволил мне то, о чем я тебя попрошу.

– Что это такое? – спрашивает конунг.

– А то, государь, – говорит Хрейдар, – чтобы ты выслушал хвалебную песнь, которую я о вас сложил.

– Почему бы и нет, – говорит конунг.

Вот Хрейдар говорит песнь, и она очень странная: вначале неудачная, но чем дальше, тем лучше. И когда кончилась песнь, конунг сказал:

– Странной кажется мне эта песнь, однако она хороша в конце. Песнь эта подобна твоей жизни: нескладно началась она, но со временем будет все

лучше и лучше. Я хочу назначить тебе награду за песнь. Есть один остров у берегов Норвегии, который я тебе пожалую. На нем хорошие пастбища, и это добрая земля, хотя она и невелика.

Хрейдар сказал:

– Там я соединю Норвегию с Исландией.

Конунг сказал:

– Не знаю я, чем это обернется. Но одно знаю наверняка: многие захотят купить у тебя этот остров и дать тебе за него деньги, но, думаю, будет разумнее, если я сам куплю его, чтобы не стал он костью, из-за которой бы перегрызлись ты и те, кто пожелают его купить. И неразумно было бы тебе оставаться в Норвегии слишком долго, потому что я знаю, как Харальд конунг решит твою судьбу, если он за это возьмется, а того не миновать, останься ты в Норвегии.

Тут дает ему Магнус конунг серебро за остров и хочет, чтобы он не подвергал себя опасности, оставаясь здесь. Хрейдар уезжает в Исландию, селится на севере в Сварвадардале[18] и становится большим человеком. И по предсказанию Магнуса конунга дела его идут хорошо, и чем дальше, тем лучше, и всего более пошли ему на пользу те странные поступки, что он совершил в начале своей жизни. Он жил до старости в Сварвадардале, и многие ведут от него свой род. И здесь заканчивается этот рассказ.

ПРЯДЬ О ТОРСТЕЙНЕ С ВОСТОЧНЫХ ФЬОРДОВ

1

Жил человек по имени Торстейн. Он был родом с Восточных Фьордов[1], муж молодой и проворный. Он уехал из страны с намерением побывать в Норвегии, а оттуда продолжить свой путь в Рим. И вот приезжает он в Данию. Там в то время происходили такие события: конунг Магнус Добрый воевал тогда в Дании и то и дело давал большие сражения.

Идет однажды Торстейн своей дорогой и тут видит: под дубом какой-то человек в одиночку обороняется от четверых нападающих. Защищался он отменно, и Торстейну подумалось, что у него храброе сердце.

Торстейн произнес вслух, обращаясь к самому себе:

– Не достойнее ли поддержать того, кто совсем один, чем примкнуть к тем четверым, что на него наседают?

Затем он вступает в бой, обнажает меч и начинает наносить им удары с такой силой да так часто, что за короткое время убивает троих, а тот человек, что сражался прежде него, убил последнего. Муж этот был молод и под кольчугой носил шелковый наряд. Он был хорош собой и очень изнурен боем.

Торстейн сказал:

– Как зовут человека, которому я подсобил?

Тот отвечает:

– Мое имя Стюрбьёрн[2], и я человек Магнуса конунга. Пока ты не подоспел мне на помощь, дела мои шли не слишком хорошо, а все мои спутники разбрелись по лесу. Ты оказал мне услугу, за которую нелегко будет отплатить. А сам-то ты куда держишь путь?

Торстейн говорит:

– Я исландец и направляюсь на юг[3].

Стюрбьёрн сказал:

– Не стала ли эта остановка помехой для твоего паломничества?

Торстейн сказал:

– Пусть и так, но хоть мне и пришлось задержаться, я рад, что сделал это ради Магнуса конунга или его людей.

Стюрбьёрн сказал:

– Вижу, тебе по нраву этот конунг.

– Еще бы! – сказал Торстейн. – Он предводитель, каких мало, и слава о нем идет по всей стране.

Стюрбьёрн сказал:

– Думаю, тебе пора продолжить свое паломничество, так как дело это не терпит отлагательств. Однако обещай, что повидаешь меня на возвратном пути. Меня всегда можно найти там, где стоит Магнус конунг со своей дружиной.

После этого они расстаются, и Торстейн отправляется в Рим, а весной возвращается назад.

2

Он приходит в то место, где было тогда устроено угощение[4] для Магнуса конунга, подходит к покоям, в которых пировала дружина, и просит пропустить его. Стража отвечает, что нет, мол, такого обычая – впускать незнамо кого, когда конунг сидит за столом.

Торстейн говорит:

– Раз так, попроси выйти человека по имени Стюрбьёрн.

Тогда один из стражников, что стояли у дверей, вбегает внутрь и зовет со смехом:

– Пусть выйдет Стюрбьёрн! – говорит он.

Тут поднялся гвалт, и все принялись наперебой выкрикивать:

– А ну-ка, Стюрбьёрн, выходи, тебя требует исландец! Не станет же он ошибаться в именах дружинников, хотя мы такого и знать не знаем.

Они так и сыпали насмешками и язвительными замечаниями, и каждый кричал со своего места, чтобы Стюрбьёрн вышел.

Тогда взял слово конунг и сказал:

– Что ж тут смешного? Многие имена можно легко спутать, и хватит вам насмехаться над этим именем.

Так тому и быть, как пожелал конунг.

Затем конунг поднялся со своего места. Он выходит – а был на нем дорогой плащ – и говорит:

– Добро пожаловать, исландец! Надень этот плащ и заходи. Велю приготовить тебе баню, и оставайся с нашими дружинниками, и никто не причинит тебе никакого вреда[5].

Все очень подивились такому обращению. После этого он поселился с дружинниками. Был он человек упрямый и немногословный.

3

Однажды конунг сказал ему:

– Как тебе теперь кажется, кто бы мог быть этот Стюрбьёрн?

Тот отвечает:

– Сдается мне, государь, что скорее всего вы сами назвались этим именем.

Конунг сказал:

– Тебя по праву можно назвать моим спасителем, и ты будешь за это хорошо вознагражден.

Тут конунг принялся рассказывать, как было дело, и рассказал всю историю с самого начала, когда они встретились в Дании.

Затем они отправились на север страны. Как-то раз они стояли в одной бухте неподалеку от берега. Некоторые из людей конунга сошли на берег, чтобы приготовить еду. Они сварили кашу. И вот когда котелок дошел до Торстейна, тот опорожнил его в один присест.

Дружинники и на этот раз принялись потешаться над ним. Они говорили:

– А ты, мужлан, видать, знаешь толк в каше![6]

Конунг улыбнулся и сказал такую вису:

Враз сразил – *отвагой*
всех затмил – в метели
стрел[7] троих, не дрогнув,
въявь вяз лязга стали[8].
За троих в походе
одним махом кашу
проглотил, прожорлив, –
кому ж тó под силу!

– Это тот самый человек, который оказал мне великую помощь, когда никого из вас не было поблизости, и сделал он это, вовсе не ведая, кто перед ним, так что по всему видно, что он человек весьма достойный. А вам всем было бы разумнее поменьше насмехаться над незнакомцем, ведь нелегко сыскать другого такого храбреца и человека благороднее, чем он. И вдобавок кое-кому может показаться большой удачей, что он тогда подвернулся.

Торстейн отвечает:

– Нетрудно понять, государь, что сам Господь послал меня защитить вас, поскольку по вашему виду я догадался, что вы – гораздо выше, чем простой человек. Потому-то мне и пришло в голову поспешить вам на подмогу.

Конунг остался доволен его словами.

Как-то раз конунг сказал ему:

– Каковы твои намерения и чего бы тебе хотелось больше всего? Как ты смотришь на то, чтобы поселиться здесь и жениться?

Торстейн отвечает:

– Превосходное предложение, государь, и покуда вы живы, дела мои здесь будут идти как нельзя лучше. Но никто не может быть уверен в своем долголетии[9], а если я лишусь вашей защиты, у меня могут появиться завистники. Однако я уверен: вы позаботитесь о том, чтобы я как можно дольше пользовался вашими милостями.

Конунг сказал:

– Умно сказано.

Затем конунг снабдил его всем необходимым для поездки в Исландию и дал ему много денег, после чего он навсегда обосновался там и с тех пор считался самым что ни на есть удачливым человеком.

И здесь заканчивается этот рассказ.

ВТОРАЯ ПРЯДЬ О ХАЛЛЬДОРЕ СЫНЕ СНОРРИ

1

Халльдор сын Снорри был в Миклагарде с Харальдом конунгом, как уже рассказано раньше[1], и приехал с ним в Норвегию из Гардарики[2]. Конунг оказывал ему тогда большие почести. Халльдор оставался ту зиму у конунга в Каупанге[3].

Когда зима кончилась и началась весна, люди стали готовиться к торговым поездкам, потому что перед этим из Норвегии почти совсем не ходили

корабли из-за войны между Норвегией и Данией. К концу весны Харальд конунг заметил, что Халльдор сын Снорри очень опечалился. Однажды конунг спросил, что у него на уме. Халльдор отвечает:

– Мне хочется в Исландию, государь.

Конунг сказал:

– Многим на твоем месте больше хотелось бы домой. Как же ты снарядился в плаванье, сколько товару закупил?

Тот отвечает:

– Мало нужно мне времени на закупку товару, ведь у меня нет ничего, кроме одежды, которая на мне.

– Плохо же ты вознагражден за долгую службу и многие опасности, которым подвергался. Я дам тебе корабль с грузом. Пусть твой отец знает, что ты не даром служил мне.

Халльдор поблагодарил конунга за подарок.

Через несколько дней Халльдор встретился с конунгом, и тот спросил, сколько человек он набрал себе на корабль. Халльдор отвечает:

– Все торговые люди уже нанялись на другие корабли, и мне некого нанять себе. Так что, наверно, придется остаться здесь кораблю, который вы мне подарили.

Конунг сказал:

– Плох тогда мой подарок. Но посмотрим, нельзя ли помочь тебе.

На другой день затрубили сходку в городе и объявили, что конунг хочет говорить с горожанами и торговыми людьми. Конунг пришел на сходку поздно и с озабоченным видом. Он сказал:

– Мы слышали, что война пришла в наше государство на востоке в Вике. Свейн, конунг датский[4], с войском идет на нас, а мы ни за что не хотим отдать ему нашу землю. Поэтому ни один корабль не должен отплыть из страны прежде, чем я получу с каждого корабля столько людей и припасов, сколько я захочу. Только один кораблик, тот, что принадлежит Халльдору сыну Снорри, отправится и Исландию. И хотя тем, кто уже приготовился к поездке, это покажется несколько суровой мерой, нужда заставляет нас прибегнуть к такому побору. Мы бы предпочли, конечно, чтобы все было спокойно и всякий ехал, куда хотел.

На этом сходка кончилась. Вскоре после этого Халльдор пришел к конунгу. Тот спросил, как он снаряжается в плаванье, набрал ли людей. Халльдор отвечает:

– Очень много набрал. Приходит теперь куда больше людей, чем нужно, и просят нанять их. Они очень пристают ко мне, чуть не в дом вламываются, так что ни ночью ни днем нет покоя от их домогательств.

Конунг сказал:

– Оставь себе тех, которых взял, и посмотрим, что будет дальше.

На следующий день затрубили сходку и объявили, что конунг снова хочет говорить с торговыми людьми. На этот раз конунг не задержался, а пришел сразу же, и вид у него был милостивый. Он встал и сказал:

– Добрые вести пришли: что говорилось на днях о войне – пустые слухи и ложь. Будет теперь наше разрешение всякому плыть из нашей страны, куда кто хочет. Возвращайтесь осенью и привезите нам сокровищ. В обмен будет вам от нас вознаграждение и дружба[5].

Все торговые люди, что там были, обрадовались новости и хвалили конунга.

И вот Халльдор поплыл тем же летом в Исландию и провел зиму у отца. На следующее лето он вернулся в Норвегию, ко двору Харальда конунга, но говорят, что Халльдор стал меньше бывать с конунгом, чем раньше. Часто он вечерами, когда конунг уходил спать, оставался сидеть.

2

Одного человека звали Торир Ездок-в-Англию. Он много торговал и подолгу плавал в разные страны и привозил конунгу сокровища. Торир был дружинником Харальда конунга и очень старым человеком. Торир вступил в разговор с конунгом и сказал:

– Человек я, как вы знаете, старый и сдавать начал. Невмоготу мне соблюдать придворные обычаи – пить здравицы из рога и прочее, что подобает делать. Надо бы мне подыскать что-нибудь другое, хотя всего милее и приятнее быть с вами.

Конунг отвечает:

– Твоему горю легко помочь, друг. Оставайся в дружине, но пей не больше, чем хочешь. Я разрешаю.

Одного человека из Упплёнда звали Бард. Он был верный товарищ и не стар. Харальд конунг очень благоволил к нему. Бард, Торир и Халльдор сидели на одной скамье. Однажды вечером, когда конунг проходил мимо, они сидели и пили, и Халльдор как раз передал рог Ториру. Рог был большой и прозрачный, и было видно, что Халльдор выпил половину рога. А Торир медлил и не пил. Тогда конунг сказал:

– Вот ты каков, Халльдор! Не пьешь своей доли и обманываешь старика, а сам бегаешь по ночам к шлюхам, вместо того чтобы быть с твоим конунгом!

Халльдор ничего не ответил, но Бард заметил, что слова конунга не понравились исландцу. Ранним утром на следующий день Бард пошел к конунгу.

– Рановато ты встаешь, Бард, – говорит конунг.

– Я пришел, – сказал Бард, – чтобы упрекнуть вас, государь. Нехорошо и несправедливо поступили вы вчера вечером, обвинив Халльдора, вашего друга, в том, что он не пьет своей доли. Ведь это был рог Торира, а тот уже

кончил пить[6] и вылил бы брагу в жбан, если бы Халльдор не выпил за него. И, конечно, неправда, что Халльдор ходит к распутным женщинам. Но лучше было бы, если бы он больше бывал с тобой.

Конунг отвечает, что они с Халльдором уладят это между собой, когда встретятся. Затем Бард встречается с Халльдором и передает ему слова конунга и убеждает его не принимать близко к сердцу того, что конунг сказал на пиру. Бард очень старается помирить их.

Подходит Рождество, но конунг и Халльдор не помирились. Когда наступило Рождество, стали объявлять, как это было там в обычае, кому пить из штрафного рога. Однажды утром на Рождество подстроили так, что колокольный звон был не вовремя: свечники[7] подкупили звонаря, и он зазвонил намного раньше, чем обычно[8]. И вот Халльдор и много других людей должны были в тот день сесть на солому, которой был застлан пол, и пить из штрафного рога[9].

Халльдор сидит на своем месте, но ему все же подносят штрафной рог. Он говорит, что не станет пить. Тогда об этом сообщают конунгу.

– Не может этого быть! – говорит конунг. – Он выпьет, если я поднесу.

Конунг берет рог и подходит к Халльдору. Тот встает. Конунг просит его опорожнить рог. Халльдор отвечает:

– Мне не кажется, что я провинился. Ведь звон был подстроен только для того, чтобы людям пришлось пить из штрафного рога.

Конунг отвечает:

– Ты все же опорожнишь рог, как и другие люди.

– Возможно, конунг, – говорит Халльдор, – что тебе удастся заставить меня выпить. Но вот что я тебе скажу: Сигурд Свинья не стал бы так насиловать Снорри Годи[10].

И он протягивает руку к рогу и опорожняет его. А конунг в сильном гневе возвращается на свое место.

Когда наступил восьмой день Рождества[11], людей стали жаловать деньгами. Эти деньги назывались «Харальдовой чеканкой». Большую часть составляла в них медь, а серебра в них было не больше половины[12]. Халльдор берет деньги, кладет себе на подол плаща, смотрит на них, видит, что они не чистое серебро, и сбрасывает их другой рукой, так что они все скатываются в солому. Бард говорит, что напрасно он так обращается с ними.

– Конунг оскорбится тем, что так обходятся с деньгами, которыми он пожаловал.

– Неважно, – говорит Халльдор. – Семь бед – один ответ.

3

После Рождества стали снаряжать корабли: конунг хотел поехать на юг вдоль побережья. Он был уже почти готов к отплытию, а Халльдор еще не начал собираться. Бард сказал:

– Почему ты не собираешься, Халльдор?

– Не хочу ехать, – говорит тот, – и не поеду. Мне ясно, что конунг не расположен ко мне.

Бард говорит:

– Но он, конечно, хочет, чтобы ты поехал.

Затем Бард идет к конунгу и рассказывает, что Халльдор не готовится к плаванью.

– Ты ведь знаешь, что если он не поедет, трудно будет найти ему замену.

Конунг сказал:

– Скажи ему, что я хочу, чтобы он поехал со мной. Размолвка между нами пустячная.

Бард встретился с Халльдором, сказал ему, что конунг ни за что не хочет отказаться от его службы, и дело кончилось тем, что Халльдор поехал. И вот плывут они с конунгом на юг вдоль побережья. Однажды ночью во время плаванья Халльдор сказал кормчему:

– Сворачивай!

А конунг сказал:

– Держи прямо!

Халльдор снова сказал:

– Сворачивай!

А конунг опять повторил то же самое.

Халльдор сказал:

– Прямо на подводный камень правите.

Так оно и было. Сразу же корабль получил пробоину, и пришлось переправиться на берег на других кораблях. Затем разбили шатер и починили корабль. Бард проснулся, когда Халльдор сворачивал свой спальный мешок. Бард спросил, куда тот собирается, и Халльдор сказал, что собирается на торговый корабль, который стоит неподалеку.

– Наверно, наши дороги совсем разошлись. С меня довольно. Не хочу, чтобы конунг снова использовал свои корабли или другие сокровища для того, чтобы унизить меня.

– Подожди, – говорит Бард. – Я еще раз поговорю с конунгом.

Когда Бард пришел к конунгу, тот сказал:

– Рано ты встал, Бард.

– Нужда заставила, государь. Халльдор в дорогу собрался. Ты недружественно обошелся с ним. Никак за вами не уследишь. Он хочет уйти, наняться на корабль и разгневанным уехать в Исландию. Нельзя вам так расстаться. Ведь ты едва ли найдешь другого такого же надежного человека, как он.

Конунг сказал, что они еще поладят и что он не прочь помириться. Бард встретился с Халльдором и передал ему дружественные слова конунга. Халльдор отвечает:

– Зачем я буду ему дольше служить? Он даже платит мне обманными деньгами.

Бард сказал:

– Не говори так. Ты вполне мог бы удовлетвориться тем, что удовлетворяет сыновей лендрманнов[13]. И ведь ты поступил в прошлый раз очень дерзко, бросив деньги на солому. Ты же, конечно, понимаешь, что оскорбил этим конунга.

Халльдор отвечает:

– Я знаю только, что в моей службе никогда не было такого обмана, как в деньгах, которые конунг пожаловал мне за нее.

– Это верно, – говорит Бард. – Но подожди, я еще раз поговорю с конунгом.

Так он и сделал. Придя к конунгу, он сказал:

– Плати ему жалованье чистым серебром, ведь он этого достоин.

Конунг отвечает:

– Не кажется ли тебе дерзостью требовать для Халльдора других денег, чем те, которые получают у меня сыновья моих лендрманнов? И ведь он оскорбил меня прошлый раз, бросив деньги.

Бард отвечает:

– Подумай о том, государь, что гораздо важнее: о его благородстве и вашей дружбе, которая долго была крепкой, а также о своем великодушии. Ты знаешь нрав Халльдора и его строптивость. Тебе подобает оказывать ему уважение.

Конунг сказал:

– Дайте ему серебра.

Так и было сделано. Бард пришел к Халльдору и принес ему двенадцать унций чистого серебра. Бард сказал:

– Разве ты не видишь, что добиваешься у конунга того, чего желаешь? Он хочет, чтобы ты получал от него все, что тебе кажется нужным.

Халльдор отвечает:

– Но я больше не буду на корабле конунга, и если он хочет, чтобы я следовал за ним, пусть даст мне корабль.

Бард отвечает:

– Не подобает, чтобы лендрманны отдавали тебе свои корабли. Ты слишком дерзок.

Халльдор сказал, что тогда он не поедет, и Бард передал конунгу просьбу Халльдора.

– И если люди на корабле будут такими же надежными, как кормчий, то жалеть не придется.

Конунг сказал:

– Дерзкая это просьба, но я согласен.

Одним кораблем правил Свейн из Люргьи, конунгов лендрманн. Конунг велел позвать его.

– Вот какое дело. Ты человек очень знатный, как тебе известно. Поэтому я хочу, чтобы ты был на моем корабле, а твоим кораблем будет править другой человек. Ты из Вика и потому особенно нужен мне как советчик[14].

Тот говорит:

– До сих пор ты больше советовался с другими, да и плохой я советчик. А кому же будет отдан корабль?

– Халльдору сыну Снорри, – говорит конунг.

Свейн говорит:

– Вот уж не думал, что ты отдашь мой корабль исландцу.

Конунг сказал:

– Его род в Исландии не хуже, чем твой здесь в Норвегии, и не так еще давно те, кто теперь живет в Исландии, были норвежцами.

И вот, как велит конунг, Халльдор получает корабль, и они едут на восток в Осло[15] и там им устраивают пиры[16].

4

Рассказывают, что однажды, когда конунг и его люди пировали и Халльдор тоже был в покоях конунга, пришли люди Халльдора, которые сторожили корабль, все мокрые до нитки, и сказали, что Свейн и его люди захватили корабль, а их сбросили в воду. Халльдор встал, подошел к конунгу и спросил, отдан ли ему корабль и будет ли он принадлежать ему, как конунг обещал. Конунг отвечал, что, конечно, корабль будет Халльдора. Затем конунг созвал дружину и велел отправиться с Халльдором на шести кораблях с тройным числом людей на каждом. Они погнались за Свейном, и вскоре тот бежал на землю, а Халльдор с дружиной захватил корабль, и они вернулись к конунгу. А когда пиры кончились, конунг отправился на север вдоль побережья и к концу лета прибыл в Трандхейм.

Свейн из Люргьи послал сказать конунгу, что отказывается от корабля и просит конунга решить их спор с Халльдором, как ему будет угодно, но что всего больше он бы хотел купить корабль, если конунг согласится. Когда конунг увидел, что Свейн предоставляет ему рассудить спор, он захотел решить дело так, чтобы потрафить обоим. Он говорит Халльдору, что готов купить у него корабль за хорошую цену, но обещает Свейну, что оставит корабль ему, договаривается с Халльдором о цене и отдает ему деньги, но так, что за ним остается полмарки[17] золота. Халльдор не требует этого остатка, и всю зиму конунг – его должник.

Когда началась весна, Халльдор говорит конунгу, что собирается летом в Исландию и что ему тогда пригодятся те полмарки золота. А конунг увиливает и не хочет платить, но и не запрещает Халльдору отъезд в Исландию.

Весной Халльдор снарядил свой корабль в реке Нид[18]. Однажды поздно вечером, когда корабль был уже совсем готов к отплытию, он вывел его из реки. Поднялся попутный ветер. Халльдор с несколькими людьми сел в лодку и подъехал к пристаням. Он причалил кормой и велел одному держать лодку, а другим – сидеть на веслах и ждать его. Затем он в полном вооружении пошел один[19] вверх, в город, и направился прямо в покой, где спали конунг и его жена. Он входит, топоча и грохоча, так что конунг и его жена просыпаются, и конунг спрашивает, кто это ломится к ним среди ночи.

– Это я, Халльдор. Корабль готов к отплытию, и ветер попутный. Выкладывай-ка денежки.

– Это не делается так быстро, – говорит конунг. – Мы заплатим тебе завтра.

– Я хочу получить деньги сейчас же, – говорит Халльдор, – и не уйду без них. Нрав твой мне известен, и, как бы ты сейчас ни притворился, я знаю, что тебе не очень по душе, что я пришел к тебе за деньгами. Не поверю я тебе больше! Вряд ли мы с тобой будем очень часто встречаться, и более удобного случая мне не представится, так что я уж воспользуюсь этим. Вон у твоей супруги на руке запястье, в меру большое. Давай-ка его сюда!

Конунг отвечает:

– Тогда надо пойти за весами и взвесить запястье.

– Незачем, – говорит Халльдор, – я его беру, и мы в расчете. Не удастся тебе на этот раз перехитрить меня. Ну, давай быстрее!

Жена конунга сказала:

– Отдай ему запястье, раз он просит. Разве ты не видишь, что он готов убить тебя?

Она снимает запястье с руки и протягивает Халльдору. Тот берет запястье, благодарит обоих за уплату и желает счастливо оставаться.

– А теперь мы расстанемся! – сказал Халльдор.

Он поспешно вышел и спустился к лодке. Люди его ударили в весла, и они поплыли к кораблю, сразу же снялись с якоря и подняли паруса. А когда они отплывали, в городе затрубили тревогу, и последнее, что они видели, были три боевых корабля, выплывавшие в погоню. Но они ушли от этих кораблей в открытое море, и те остались далеко позади. Ветер был попутный, и люди конунга повернули назад, увидев, что Халльдора им не догнать.

5

Халльдор, сын Снорри, был высок ростом, красив, очень силен и отважен в бою, как никто. Харальд конунг утверждал, что из всех его людей Халльдора было всего труднее испугать или обрадовать. Узнавал ли он о смертельной опасности или радостной новости, он не становился печальнее или радост-

нее. Выпадало ли ему счастье или несчастье, он ел, пил и спал не меньше, чем обычно. Халльдор был неразговорчив, немногословен, прям, неприветлив и резок. Он был задирист, с кем бы ни имел дело. Харальду конунгу, у которого на службе было много других людей, было это не по нраву. Поэтому, с тех пор как Харальд стал конунгом в Норвегии, они плохо ладили[20].

Когда Халльдор приехал в Исландию, он поселился в Стадном Холме[21]. Через несколько лет Харальд конунг послал Халльдору сыну Снорри приглашение снова пойти служить к нему и уверял, что будет не меньше уважать его, чем раньше, если он приедет, и что ни одного человека в Норвегии без титула он не поставит выше него, если он примет приглашение[22]. Когда до Халльдора дошли эти слова конунга, он ответил так:

– Никогда больше я не поеду к Харальду конунгу. Пусть каждый из нас обоих останется при том, что он получил. Мне его нрав известен. Я хорошо знаю, что он сдержал бы обещание: не поставил бы никого в Норвегии выше меня, если бы я к нему приехал. Потому что, если бы он только мог, он велел бы вздернуть меня на самую высокую виселицу.

Говорят, что, когда Харальд конунг сильно состарился, он велел передать Халльдору свою просьбу: прислать ему лисьих шкур, чтобы обтянуть ими свою постель – конунг очень мерз. Когда до Халльдора дошла просьба конунга, то, как говорят, он сперва сказал так:

– Старится петух![23]

Однако лисьих шкур он ему послал. Но они с конунгом так и не встретились, с тех пор как расстались в Трандхейме. Это было несколько холодное расставанье.

Халльдор дожил в Стадном Холме до глубокой старости[24].

ПРЯДЬ О НЕРАЗУМНОМ ИСЛАНДЦЕ

Рассказывают, что однажды прибыл из Исландии один человек, по сообщениям, бедный. Родом он был с севера страны. Ночью он сторожил корабль, а когда все, кто там был, уснули, он заметил, как двое человек направились в сторону Гаулардаля наверх на Гауларас[1], прихватив с собой лопаты и заступы, и принялись копать там землю. Он решил, что они, верно, ищут клад. Тогда он уходит с корабля, незаметно подходит к ним и видит, что они выкопали сундук. Он подумал, что сундук этот наверняка полон золота и серебра.

Тогда он сказал человеку, который, как ему показалось, всем там заправлял, – его звали Торфинн – что им следовало бы чем-нибудь от него откупиться, а взамен пообещал сохранить в тайне их находку:

– Я претендую на три марки[2] серебра, – говорит он, – и если мне и впредь понадобятся деньги, вы должны будете дать мне тогда еще столько же, ведь вы нашли такое великое богатство, что его хватит, чтобы осчастливить многих.

Торфинн согласился на это условие и дал ему столько, сколько тот просил.

Тут исландец замечает на сундуке руны, и они гласили, что владельцем этого клада был Хакон ярл[3] и что он сам его припрятал. Подумалось теперь исландцу, что богатство это должно было бы достаться его наследникам. Сверху на сундуке лежали тяжелое золотое запястье и ожерелье, также изготовленное из золота.

На этом они с Торфинном расстаются. Исландец отправляется со своей добычей на корабль и помалкивает об этом. А Торфинн в одночасье так разбогател, что и сам толком не знал, сколько у него было денег. Отныне его стали называть Торфинн Купец или Торфинн Богач. С той поры он стал вкладывать деньги чуть ли не в каждую торговую поездку и обзавелся превосходным оружием и роскошной одеждой. Об этом ходило много толков, и людям было невдомек, как ему удалось так быстро увеличить свое состояние.

Исландцу же его деньги пошли не впрок, и он все потерял. Спустя несколько лет он является к Торфинну и просит у него денег, как между ними было условлено. Торфинн прикинулся, что и знать не знает ни о каком уговоре, и сказал, что ничего ему не должен. На том они в тот раз и расстались.

После этого исландец отправился к Эйнару Брюхотрясу[4] и попросил его помочь ему, сказав, что у него нет ни гроша. Эйнар взял его к себе. Собрался он тут отблагодарить Эйнара, рассказав ему о находке. Он подумал, что тот скорее всего захочет предъявить свои права на богатство, которым владел ярл Хакон из Хладира, его тесть[5]. Однако он отложил это на потом и ничего не сказал Эйнару.

И вот проходит зима и наступает лето, а он так и позабыл сказать об этом. Когда люди стали собираться в поездки, Эйнар спрашивает у исландца, что тот намерен делать, и тот отвечает, что всего охотнее уехал бы назад в Исландию.

– Для тебя это будет лучше всего, – говорит Эйнар. – Я дам тебе немного денег, чтобы ты смог купить себе что тебе нужно, а я велю перенести эти вещи на корабль. Вот тебе еще сундук с кое-каким товаром. А еще я дам тебе провизии в дорогу.

На этом они расстаются. Исландец уходит, ничего не сказав о кладе, является в город и встречается с Харальдом конунгом.

Как-то раз, когда люди возвращались из церкви, конунг сказал:

– Кто тот разряженный человек, что идет там по улице?

Ему сказали, что это Торфинн Купец.

Конунг сказал:

– Удивительное дело: и как только подобным людям удается за короткий срок стяжать столько денег и сделаться такими богачами? Ведь помнится, еще совсем недавно у него ничего не было за душой. Любопытно знать, не скрывается ли за этим что-нибудь дурное. А ну-ка позовите его ко мне, я хочу с ним встретиться.

Это было исполнено. И когда он предстал перед Харальдом конунгом, тот спросил:

– Как это тебе удалось так быстро добыть такое большое богатство?

Тот не спешил с ответом и принялся выискивать то одно, то другое, что якобы принесло ему барыши.

– Нет, – говорит конунг, – все, что ты говоришь, – вздор. А теперь одно из двух: либо ты подобру-поздорову скажешь правду, либо тебе придется сказать ее под пыткой.

Тогда тот добровольно рассказывает правду. А когда конунг узнал, откуда на самом деле происходит его богатство, он велел отнять у него все деньги и забрал их себе и помимо того взял еще и все средства, которые тот вложил в торговые поездки. При этом он сказал, что поступает с ним мягче, чем Торфинн того заслуживает, ведь он не предал его смерти, хотя тот и присвоил имущество, принадлежащее конунгу. Конунг дал ему потом немного денег, и тот уехал из страны.

Тут исландцу приходит в голову, что он, должно быть, слишком долго помалкивал о кладе. И вот он отправляется к Эйнару и рассказывает ему всю историю. Эйнар сказал:

– И для тебя, и для всех нас было бы гораздо лучше, если бы нам удалось заполучить эти деньги раньше Харальда конунга, а теперь нам будет весьма нелегко тягаться с ним из-за этого клада. Что и говорить, нам было бы куда проще иметь дело с Торфинном, да и его дела в этом случае обстояли бы лучше, чем сейчас. Похоже, ты человек неудачливый, хотя поначалу мне и казалось, что ты еще способен преуспеть. И все же я и на этот раз дам тебе немного серебра, а ты не мешкая уезжай в Исландию и не вздумай возвращаться в Норвегию, пока в стране правит Харальд конунг.

На этом они расстаются.

Спустя некоторое время Эйнар отправляется в город в сопровождении многих людей – как своих родичей, так и друзей. Когда он явился в город, он пошел в церковь и, войдя, проследовал к тому месту, где находился Харальд конунг. А когда конунг выходил из церкви, Эйнар выступил ему навстречу и поздоровался с ним. Конунг ответил на его приветствие. Тогда Эйнар спро-

сил, правда ли, что он забрал себе тот клад, который хранил Торфинн Богач. Конунг говорит, что так и было и что по закону этой страны найденные в земле сокровища принадлежат конунгу.

Эйнар говорит, что так следует поступать с кладом, который никто не признал своим:

– Однако у меня есть веские доказательства – об этом свидетельствуют и руны, и кое-какие ценные вещи, – что владельцем этого клада был Хакон ярл, мой тесть. А потому я считаю, что, как и все прочее оставшееся после него имущество, это наследство принадлежит мне и моей жене Бергльот, дочери Хакона. И если вы не намерены добровольно расстаться с этим сокровищем, – говорит он, – мы не остановимся перед тем, чтобы попытаться принудить вас сделать это. Так что, если вам это больше по вкусу, нам не избежать столкновения.

Харальд конунг сказал:

– Велико же твое могущество, Эйнар, если не я, а ты правишь заместо конунга в этой стране, даром что меня так величают.

– Вовсе нет, – говорит тот. – Ты и есть конунг в своей стране, только я ни от кого не собираюсь терпеть беззакония.

Тут те, кто желал им добра, поспешили вмешаться, пока не стряслось чего-нибудь похуже, и на этом они расстались. Некоторое время все было спокойно, и постепенно страсти поостыли и они утихомирились, чему способствовало посредничество тех, кто были друзьями им обоим, конунгу и Эйнару, и изо всех сил старались их примирить.

ПРЯДЬ ОБ АУДУНЕ С ЗАПАДНЫХ ФЬОРДОВ

Жил человек по имени Аудун, а родом с Западных Фьордов[1]. Он был небогат. Он поехал из Западных Фьордов в Норвегию вместе с Торстейном, богатым бондом, и Ториром-корабельщиком. Торир перед этим зимовал у Торстейна, а Аудун тоже был там и работал на них, и в награду за труды Торстейн взял его с собой в Норвегию. Прежде чем сесть на корабль, Аудун оставил бóльшую часть своих денег матери. Их должно было хватить ей на три зимы[2].

Вот плывут они из Исландии и благополучно приплывают в Норвегию, и Аудун зимует у Торира-корабельщика: у того было хозяйство в Мёре[3]. А на

следующее лето плывут они в Гренландию и там зимуют. Рассказывают, что Аудун купил там белого медведя – большое сокровище – и отдал за него все свое добро[4]. И вот на следующее лето отправляются они назад и благополучно приезжают в Норвегию. У Аудуна при себе медведь, и он хочет поехать на юг в Данию к Свейну конунгу[5] и подарить ему медведя[6].

Когда Аудун приехал на юг в Норвегию, туда, где был тогда Харальд конунг, он идет с корабля, ведя за собой медведя, и снимает себе жилье. Харальду конунгу сразу же сказали, что приехал белый медведь – большое сокровище, а привез его какой-то исландец. Конунг тотчас посылает за ним людей. Представ перед конунгом, Аудун приветствовал его. Конунг милостиво принял его приветствие и затем спросил:

– Что, немалое сокровище твой белый медведь?

Аудун отвечает и говорит, что есть у него медведишко.

Конунг сказал:

– Не продашь ли ты нам медведя за ту цену, за которую ты его купил?

Аудун отвечает:

– Не продам, государь.

– А хочешь, – говорит конунг, – я заплачу тебе вдвое против той цены? И это будет справедливо, раз ты отдал за него все свое добро.

– Не хочу, государь, – говорит Аудун.

Конунг сказал:

– Уж не хочешь ли ты подарить его мне?

Аудун отвечает:

– Нет, государь.

Конунг сказал:

– Что же ты хочешь с ним делать?

Аудун отвечает:

– Поехать в Данию и подарить его Свейну конунгу.

Харальд конунг говорит:

– Неужели же ты такой неразумный, что не слышал о войне между нашими странами? Или ты считаешь себя таким удачливым, что думаешь пробраться с сокровищами там, где даже те, кого нужда гонит, не могут пробраться целы и невредимы?

Аудун отвечает:

– Власть ваша, государь. Но я ни на что другое не соглашусь, кроме того, что задумал.

Тогда конунг сказал:

– Ну что ж, отчего бы тебе в самом деле не поехать, куда хочешь? Но приходи ко мне на возвратном пути и расскажи, как Свейн конунг отблагодарил тебя за медведя. Может быть, ты и вправду удачливый.

– Это я тебе обещаю, – сказал Аудун.

Вот едет он на юг посуху в Вик и затем в Данию. Истратился он до последнего гроша и вынужден просить прокорма себе и медведю. Встречается он с управителем Свейна конунга, Аки по имени, и просит у него еды себе и медведю. Аки сказал, что готов продать еды, если он хочет. Аудун говорит, что ему нечем заплатить.

– Но я бы хотел, – говорит он, – чтобы удалось подарить медведя конунгу.

– Я дам тебе еды, сколько вам обоим понадобится до встречи с конунгом. Но за это половина медведя будет моя. Смекни сам: медведь у тебя подохнет, ведь вам надо много еды, а денег у тебя нет, и останешься ты без медведя.

Подумав, Аудун решил, что Аки прав, и они сошлись на том, что он продает половину медведя управителю, а конунг потом во всем разберется. Они решают отправиться оба к конунгу. Так они и делают: идут оба к конунгу и предстают перед его столом.

Конунг задумался: что это за неизвестный ему человек?

И затем сказал Аудуну:

– Кто ты такой?

Тот отвечает:

– Исландец, государь. Приехал я сперва из Гренландии в Норвегию, а теперь из Норвегии и хотел подарить вам этого белого медведя. Я отдал за него все, что у меня было. Но вот какая беда: осталась у меня только половина медведя.

И затем рассказывает, что произошло у него с Аки, управителем конунга.

– Правда это, Аки?

– Правда, – говорит тот.

Конунг сказал:

– И ты, кого я сделал большим человеком, посмел препятствовать и противодействовать тому, чтобы человек мог подарить мне сокровище, за которое он отдал все, что у него было? Харальд конунг, – а он наш враг, – и тот отпустил его с миром! Сообрази же, подобало ли тебе поступать так, как ты поступил? Тебя бы казнить следовало. Но казнить я тебя не стану. Сейчас же уезжай прочь из нашей страны и не попадайся больше мне на глаза! А тебе, Аудун, я благодарен так, как если бы ты подарил мне целого медведя. И оставайся здесь, у меня!

Аудун принимает приглашение и остается у Свейна конунга. Но когда прошло некоторое время, он говорит конунгу:

– Уйти мне хочется, государь.

Конунг отвечает несколько холодно:

– Чего же ты хочешь, если не хочешь оставаться с нами?

Аудун говорит:

– Я хочу совершить паломничество в Рим.

– Если бы не такое хорошее дело ты задумал, – говорит конунг, – то мне было бы не по душе, что ты хочешь уйти от меня.

И вот конунг дал ему много серебра, и Аудун отправился в Рим с паломниками, и конунг снарядил его в путь и просил прийти к нему, когда он вернется.

Аудун шел своим путем, пока не пришел на юг в Рим. Побыв там сколько ему захотелось, отправляется он обратно. Тут напала на него жестокая хворь. Отощал он страшно. Вышли тогда и все деньги, которые конунг дал ему в дорогу. Стал он побираться и просить на пропитание. Голова у него бритая и вид довольно жалкий[7].

Аудун попадает в Данию на Пасху и прямо туда, где был тогда конунг. Он не смеет показаться на глаза конунгу. Стоит в церковном приделе и думает обратиться к конунгу, когда тот вечером пойдет в церковь. Но, увидев конунга и его разряженную дружину, он не посмел показаться ему на глаза. Конунг прошел пировать в палаты, а Аудун ел на улице, как то в обычае паломников, пока они еще не бросили посох и котомку.

Вечером, когда конунг пошел к вечерне, Аудун хотел к нему обратиться. Но решиться на этот раз было еще труднее, потому что вся дружина была пьяна. Когда они вошли в церковь, конунг заметил человека, у которого, как ему показалось, не хватает духу выступить вперед и обратиться к нему. Дружина прошла, а конунг, ступив в сторону, сказал:

– Кто хочет обратиться ко мне, пусть выступит вперед! Наверно, это вот тот человек.

Тогда Аудун выступил вперед и упал к ногам конунга. Тот едва узнал его. Но, поняв, кто он, конунг взял Аудуна за руку и приветствовал его.

– Очень ты изменился, – говорит он, – с тех пор как мы виделись.

И он ведет Аудуна за собой. А дружина рассмеялась, увидя Аудуна.

Конунг сказал:

– Нечего вам смеяться над ним, ибо он лучше позаботился о своей душе, чем вы.

Затем конунг велел приготовить ему баню, дал одежду[8], и Аудун остался у него.

Рассказывают, что однажды весной конунг предлагает Аудуну остаться у него надолго, обещает сделать стольником[9] и оказать ему почести. Аудун говорит:

– Спасибо, государь, за честь, которую вы хотите мне оказать! Но мне хочется поехать в Исландию.

Конунг говорит:

– Странно ты решил.

– Не могу я, государь, – говорит Аудун, – жить здесь у вас в почете, когда моя мать ходит с сумой в Исландии. Ведь кончилось то, что я оставил ей на пропитание, уезжая из Исландии.

Конунг отвечает:

– Хорошо ты сказал и как подобает мужу. Видно, ты и вправду человек удачливый. Любая другая причина твоего отъезда мне бы не понравилась. Оставайся у меня до тех пор, пока корабли не будут снаряжены.

Аудун так и сделал.

Однажды весной Свейн конунг пошел на пристань. Люди уже снаряжали тогда свои корабли в разные страны: на Восток, в Страну Саксов[10], в Швецию или Норвегию. Конунг с Аудуном подошли к одному доброму кораблю, который снаряжали в плаванье.

Конунг спросил:

– По душе ли тебе, Аудун, этот корабль?

Аудун отвечает:

– Очень по душе, государь.

Конунг сказал:

– Этот корабль я отдам тебе в благодарность за белого медведя.

Аудун поблагодарил конунга за подарок, как умел. И когда спустя некоторое время корабль был снаряжен, Свейн конунг сказал Аудуну:

– Стало быть, ты хочешь уехать. Что же, я не стану тебя удерживать. Но я слышал, что в вашей стране приставать опасно: мало укрытых мест для кораблей. Вот разобьется твой корабль, погибнет все добро, и не будут знать, что ты побывал у Свейна конунга и подарил ему сокровище.

Тут дал конунг Аудуну кожаный чулок, полный серебра.

– Однако, если ты сохранишь это серебро, то не останешься с пустыми руками, хоть и разобьется твой корабль. Но может статься, – говорит конунг, – что ты и его потеряешь. Мало тебе тогда будет проку от того, что ты был у Свейна конунга и подарил ему сокровище.

Тут конунг снял с руки запястье, дал его Аудуну и сказал:

– Если тебе не будет удачи, и корабль твой разобьется, и потеряешь ты свое серебро, то все же не останешься с пустыми руками, когда выберешься на берег, ибо многие сберегают на себе золото при кораблекрушениях. А если ты сохранишь запястье, то будут знать, что ты был у Свейна конунга. И еще посоветую тебе: никому не дари это запястье, разве что понадобится отблагодарить какого-нибудь знатного человека за великое благодеяние. Ибо знатному подобает принять такой подарок. Счастливого тебе пути!

И вот Аудун выходит в море, приплывает в Норвегию и велит выгрузить свои товары, а теперь для этого пришлось больше потрудиться, чем раньше, когда он был в Норвегии. Затем он отправляется в Харальду конунгу – он хочет выполнить то, что обещал ему до отъезда в Данию, – и учтиво его приветствует. Харальд конунг милостиво принял приветствие.

– Садись, – говорит он, – и выпей с нами.

Аудун так и делает.

Харальд конунг спросил:

– Как отблагодарил тебя Свейн конунг за медведя?

Аудун отвечает:

– Он принял от меня подарок, государь[11].

Конунг сказал:

– Так и я отблагодарил бы тебя. А как он еще отблагодарил тебя?

Аудун отвечает:

– Дал мне серебра на паломничество в Рим.

Тогда Харальд конунг говорит:

– Многим дает Свейн конунг серебро на паломничество в Рим или на что другое, хотя они и не подносят ему сокровищ. Что он еще дал тебе?

– Он предложил мне, – говорит Аудун, – стать у него стольником и принять великие почести[12].

– Это он хорошо сказал. Но он, верно, еще чем-нибудь отблагодарил тебя?

Аудун сказал:

– Он дал мне корабль с товаром, самым прибыльным здесь в Норвегии.

– По-королевски он поступил, – говорит конунг. – Но я бы тоже отблагодарил тебя так. Отблагодарил он тебя еще чем-нибудь?

– Он дал мне кожаный чулок, полный серебра, и сказал, что если я сохраню его, то не останусь с пустыми руками, хоть бы корабль мой и разбился у берегов Исландии.

Конунг сказал:

– Он поступил отменно, но я бы этого делать не стал: я бы думал, что счелся с тобой, дав тебе корабль. Неужели он отблагодарил тебя еще как-нибудь?

– Вот как он еще отблагодарил меня, государь, – говорит Аудун. – Он дал мне запястье, что у меня на руке, и сказал, что может статься, я потеряю все серебро, но и тогда не останусь с пустыми руками, если у меня сохранится запястье, и он посоветовал мне не отдавать его никому, разве что мне захочется отблагодарить кого-то за великое благодеяние. И вот я нашел такого человека. Ведь ты мог отнять у меня и медведя, и жизнь, но ты отпустил меня с миром ехать туда, куда другие не могли проехать.

Конунг принял подарок милостиво и, прежде чем они расстались, отблагодарил Аудуна богатыми подарками[13]. Аудун закупил товаров для поездки в Исландию и тем же летом отплыл из Норвегии в Исландию и прослыл человеком очень удачливым. От этого Аудуна произошел Торстейн сын Гюды[14].

ПРЯДЬ О БРАНДЕ ЩЕДРОМ

Рассказывается, что в одно лето приехал в Норвегию из Исландии Бранд сын Вермунда из Озерного Фьорда[1]. Его называли Брандом Щедрым, и это прозвище подходило к нему как нельзя лучше. Бранд привел свой корабль в Нидарос.

Тьодольв скальд[2] был другом Бранда и много рассказывал Харальду конунгу о том, какой тот достойный и великодушный человек. К тому же, говорил Тьодольв, едва ли сыщется в Исландии кто другой, кому бы больше пристало быть конунгом[3], таковы его благородство и обходительность. А еще Тьодольв немало рассказывал о щедрости Бранда.

Тогда конунг сказал:

– Теперь недолго проверить, так ли он щедр, как ты говоришь: пойди к нему и попроси, чтобы он отдал мне свой плащ.

Тьодольв идет и приходит в один дом. Бранд был тогда в кладовой. Он стоял на полу и мерил полотно. На нем была алая рубаха, поверх которой был наброшен красный плащ, а на голове – повязка. Он отмерял полотно, а под мышкой держал золоченую секиру.

Тьодольв сказал:

– Конунг желает получить этот плащ.

Бранд продолжал делать свое дело и ничего не сказал в ответ, но сбросил плащ с плеч. Тьодольв поднимает его и отправляется к конунгу. Конунг спросил, как было дело. Тот ответил, что Бранд не вымолвил ни слова, а еще рассказал, чем он был занят и как был одет.

Конунг сказал:

– Видно, это человек гордый и незаурядный, раз он не счел нужным ничего ответить. Пойди к нему опять и скажи, что я хочу получить его золоченую секиру.

Тьодольв сказал:

– Не по душе мне это, государь. Не знаю я, как он примет то, что я хочу вынуть оружие из его рук.

Конунг сказал:

– Ты сам завел этот разговор и на все лады расхваливал его щедрость, вот теперь и отправляйся к нему. По мне, не будет он щедрым, коли не отдаст мне эту секиру.

Тьодольв идет к Бранду и говорит, что конунг хочет получить секиру. Тот протянул секиру и ничего не сказал. Тьодольв принес секиру конунгу и рассказал, как было дело.

Конунг сказал:

– Сдается мне, что этот человек способен на еще большую щедрость и нам нынче достанется немало ценных вещей. Пойди к нему опять и скажи, что я хочу получить ту рубаху, что на нем сейчас.

Тьодольв сказал:

– Не годится мне, государь, идти к нему опять с таким поручением. Как бы он не подумал, что я над ним насмехаюсь.

Конунг сказал:

– Разумеется, пойди к нему.

Тот опять идет и приходит в верхнее помещение того дома, где находился Бранд. Там он говорит Бранду, что конунг желает получить его рубаху. Бранд прерывает работу и молча снимает с себя рубаху. Он отрывает один рукав[4] и отбрасывает рубаху прочь, а рукав оставляет себе. Тьодольв берет что ему нужно, отправляется к конунгу и показывает ему рубаху.

Конунг внимательно осмотрел ее и сказал:

– Человек этот и умен, и великодушен. Ясно мне, зачем он отпорол рукав: он, верно, думает, что у меня только одна рука, раз я все время беру, но ничего не даю взамен. Сходи, приведи его.

Тот так и поступил. Бранд явился к конунгу, и конунг принял его с почетом и наградил богатыми дарами. А все это делалось, чтобы испытать его.

ПРЯДЬ ОБ ИСЛАНДЦЕ-СКАЗИТЕЛЕ

Случилось, что как-то летом один исландец, молодой и проворный, пришел к Харальду конунгу[1] и попросил покровительства. Конунг спросил, не сведущ ли он в чем-нибудь, и тот ответил, что знает саги. Тогда конунг сказал, что возьмет его к себе, но он должен всегда рассказывать саги, кто бы его ни попросил. Исландец согласился. Он завоевывает расположение дружинников конунга, они дарят ему одежду, а конунг дарит ему оружие. И вот проходит время и приближается Рождество. Тут исландец опечалился. Конунг спрашивает его, в чем дело. Тот говорит, что такое у него переменчивое настроение.

– Вряд ли это так, – говорит конунг. – Я попробую отгадать, в чем дело. Вот в чем: кончились твои саги. Ты эту зиму все время рассказывал их, кто бы ни просил. Тебе не нравится, что они кончатся к Рождеству.

– Ты угадал, – говорит исландец. – У меня осталась только одна сага, но я не решаюсь рассказывать ее здесь, потому что это сага о твоих походах за море[2].

Конунг сказал:

– Это как раз та сага, которую мне всего больше хочется послушать. Не рассказывай ее до Рождества, люди сейчас заняты, но в первый день Рождества начни и расскажи немного, а я буду сдерживать тебя, так чтобы хватило на все Рождество. Большие пиры будут на Рождестве, и мало будет времени сидеть и слушать. Но пока ты будешь ее рассказывать, ты не узнаешь, нравится она мне или нет.

И вот исландец начинает сагу в первый день Рождества и рассказывает ее некоторое время, но вскоре конунг велит ему остановиться. Люди начинают пировать, и многие говорят о том, что смелость это – рассказывать такую сагу, и о том, понравится ли она конунгу. Одним кажется, что он хорошо рассказывает, а другим его сага нравится меньше[3]. Так проходит Рождество. Конунг следит за тем, чтобы исландца хорошо слушали, и это продолжается до тех пор, пока не кончилась сага и не прошло Рождество.

На тринадцатый вечер – а сага кончилась еще днем – конунг сказал:

– Не хочется ли тебе узнать, исландец, как мне понравилась сага?

– Боюсь я, государь, и спрашивать об этом, – говорит тот.

Конунг сказал:

– Она мне очень понравилась. Она ничуть не хуже, чем то, о чем в ней рассказывается. Кто же тебя научил этой саге?

Тот отвечает:

– Когда я был в Исландии, ездил я каждое лето на тинг[4] и каждый раз заучивал часть саги у Халльдора сына Снорри[5].

– Тогда неудивительно, – говорит конунг, – что ты знаешь ее так хорошо. Будет тебе удача. Оставайся у меня навсегда, если хочешь[6].

ПРЯДЬ О ТОРВАРДЕ ВОРОНИЙ КЛЮВ

1

Жил человек по имени Торвард Вороний Клюв. Он был родом с Западных Фьордов[1]. Это был человек богатый и уважаемый. Он ездил из страны в страну, и куда бы он ни приехал, к нему везде хорошо относились. Однажды летом он приводит свой корабль на север в Нидарос. Харальд конунг был тогда в городе, а с ним Эйстейн Тетерев, его шурин, сын Торберга сына Арни[2]. Он был храбрейшим из людей, и конунг очень его ценил. Торвард покинул

корабль и снял в городе склад для своих товаров. Потом он пошел повидаться с Харальдом конунгом.

Он приходит к пиршественной палате, а конунг как раз в это время вышел, и когда он возвращается, Торвард говорит:

– Привет вам, государь! У меня тут внизу, на корабле, парус, который я хотел бы вам преподнести.

Конунг нахмурился и сказал:

– Однажды я уже получил парус от вас, исландцев, – говорит он, – однако этот парус сослужил мне дурную службу: порвался в плавании. Я не принимаю твоего подарка.

Эйстейн сказал:

– Пойдите, государь, – говорит он, – и взгляните, может статься, он вам понравится. Не исключено, что вы принимали куда менее достойные подарки, а ведь этот парус предназначался специально для вас.

Конунг говорит:

– Я сам знаю, что мне делать.

Он возвращается в пиршественную палату, так и не дав себя уговорить.

Тогда Торвард просит Эйстейна принять парус.

– Пойдем со мной, – говорит он.

Эйстейн так и делает и кажется ему, что он никогда прежде не видал более драгоценного паруса, чем этот. Он благодарит за подарок и говорит, чтобы тот приехал к нему зимой погостить в его усадьбу на острове Гицки в Северном Мёре[3].

В ту зиму больше ничего не произошло.

2

Весной Торвард снаряжает свой корабль и отправляется на юг вдоль побережья и около Сольскеля[4] намеревается выйти в открытое море. Однажды они видят, как мимо них проносится корабль и на нем большая команда. А высоко на носу стоит красивый и статный муж в красном платье. Он спрашивает, там ли Торвард. Тот отвечает и приветствует Эйстейна.

Эйстейн сказал:

– Ты так и не собрался ко мне в гости. Поднимайся на наш корабль и можешь захватить с собой сколько хочешь народу, потому что вам все равно нет попутного ветра.

Он так и делает, берет несколько человек и отправляется с ними на корабль Эйстейна. Они гребут к острову Гицки, и там Торварда и его людей ждет хороший прием и угощение. Постройки там были просторные и добротные.

Когда прошли вечер и ночь и наступило утро, Торвард просыпается и видит, что Эйстейн уже на ногах. Он говорит:

– Непохоже, чтобы сегодня подул попутный ветер. Оставайтесь у нас, и я сам буду наблюдать за погодой. Все равно вам придется сидеть и ждать попутного ветра.

А днем, когда они пировали и были в самом хорошем настроении, Эйстейн сказал:

– За то, что ты оставил свой корабль со всем снаряжением и поехал со мной, прими от меня этот наряд.

Наряд этот был сплошь украшен тесьмой и скроен из новехонькой алой материи. Торвард поблагодарил его за подарок.

Эйстейн сказал:

– Однако это не должно считаться возмещением за парус.

Они сидят весь день и пируют, и у них нет недостатка в браге. На третий день утром Эйстейн говорит Торварду:

– Сегодня вам тоже не стоит сниматься с места, потому что все равно нет попутного ветра.

Торвард отвечает:

– Тебе решать.

Их опять ждет вдоволь питья и угощения, а потом Эйстейн велит принести плащ. Он был из красной ткани, а с изнанки подбит серым мехом превосходной выделки.

Эйстейн сказал:

– Прими от меня этот плащ. Он послужит достойным возмещением за парус, потому что он настолько же лучше других плащей, насколько твой парус лучше любого другого паруса.

Торвард благодарит его за подарок. Проходит ночь, а когда Торвард просыпается рано утром, Эйстейн уже тут как тут и говорит:

– Я не стану вас больше задерживать, потому что подул попутный ветер.

Они поели и выпили перед тем, как отправиться в дорогу.

Эйстейн сказал:

– Случилось так, что тебе не удалось подарить этот парус конунгу, однако я догадываюсь, что, прими он его, он бы отдарил тебя так же, как и я. И все же ты не получил настоящего вознаграждения, потому что его дал тебе не конунг, но с этим я ничего не могу поделать, ведь по происхождению я гораздо ниже конунга. А за эту разницу в его и моем происхождении прими это золотое запястье.

И снимает его с руки. Торвард благодарит его за запястье и отправляется на свой корабль. Дует попутный ветер, и он приплывает в Исландию и становится там большим человеком.

3

Тем же летом, когда Харальд конунг и Эйстейн плыли каждый на своем корабле вдоль берега, случилось так, что Эйстейн обогнал конунга и оказался впереди.

Конунг сказал:

– Откуда у тебя такой превосходный парус?

Эйстейн отвечает:

– Это тот парус, от которого вы отказались, государь.

Конунг сказал:

– Никогда не видал лучшего паруса. Я отказался от хорошего подарка.

Эйстейн сказал:

– Хочешь получить этот парус в обмен на поцелуй?

Конунг улыбнулся и сказал:

– Почему бы и нет? – и подошел к мачте.

Эйстейн сказал:

– Не делай из себя посмешище. Бери этот парус, если хочешь, и впредь знай, от чего отказываешься.

Конунг поблагодарил его и приказал перенести парус на свой корабль, однако он не годился для состязаний в плавании, потому что конунгов корабль был очень велик. Но все равно все считали этот парус большим сокровищем.

ПРЯДЬ О ХАЛЛИ ЧЕЛНОКЕ

1

Начинается эта история с того, что в Норвегии правил Харальд конунг сын Сигурда. Было это в то время, когда Магнус конунг, его родич, уже умер[1]. О Харальде конунге рассказывают, что человек он был весьма умный и проницательный. Таковы же по большей части были и советы, которые он давал. Он был хороший скальд и всегда осыпал насмешками любого, кого ему заблагорассудится. Да и сам он, когда бывал в хорошем расположении духа, терпеливо сносил дерзости от других. В то время он был женат на Торе, дочери Торберга сына Арни[2]. Он находил большое развлечение в поэзии и всегда держал при себе людей, которые умели слагать стихи.

Одного человека звали Тьодольв. Он был исландцем и происходил из Сварвадардаля, человек учтивый и большой скальд[3]. Харальд конунг очень его любил. Он называл его своим главным скальдом и ценил больше остальных скальдов. Тьодольв был из низкого рода, но воспитание получил хорошее. Он питал ревность к приезжим.

Харальд конунг очень любил исландцев. Он послал в Исландию много богатых даров, в том числе отменный колокол для Полей Тинга[4]. А когда в Исландии случился великий неурожай, равного которому никогда не бывало, он отправил туда четыре корабля, груженные мукой, по одному в каждую четверть, и разрешил выехать из страны множеству бедняков[5].

2

Одного человека звали Бард, он был дружинником Харальда конунга. Он отправился в плавание в Исландию, высадился на Гусином Берегу[6] и остался там на зиму.

Когда он собрался в обратный путь, с ним вместе уехал человек по имени Халли. Его прозвали Халли Челнок[7]. Он был хороший скальд и очень остер на язык. Халли был человек долговязый и длинношеий, узкоплечий и длиннорукий – с виду нескладный. Родом он был с Потоков[8].

Когда все приготовления были закончены, они вышли в море и долго находились в пути. Осенью они достигли Норвегии и причалили на севере, около Трандхейма, к острову, который зовется Хитра[9], а оттуда направились к Агданесу и там заночевали. Наутро они поплыли вдоль фьорда с легким попутным ветром. И когда они добрались до Рейна[10], то увидали, как из глубины фьорда им навстречу выплывают на веслах три боевых корабля. На носу корабля, который шел последним, была драконья голова. А когда они проплывали мимо торгового корабля, на корму дракона[11] взошел статный, благородного вида муж. Он был в ярко-красной одежде, и его лоб обхватывал золотой шнурок.

Человек этот произнес:

– Кто хозяин этого корабля, где вы были на зимовке, в каком месте пристали к берегу и где стояли на якоре прошлой ночью?

Купцы едва не утратили дар речи оттого, что им было задано зараз столько вопросов, однако Халли ответил:

– Зимой мы были в Исландии, а отплыли мы с Гусиного Берега, а хозяина нашего корабля зовут Бард, а пристали мы у Хитры, а ночь провели у Мыса Агди[12].

Человек, который на самом деле был не кто иной, как Харальд конунг сын Сигурда, спросил:

– И что же, Агди не поставил вас раком?

– Покамест нет, – говорит Халли.

Конунг усмехнулся и сказал:

– Так, верно, у вас с ним уговор, что он окажет вам эту услугу в другой раз?

– Нет, – сказал Халли, – и он неспроста не нанес нам никакого бесчестья.

– Это отчего же?

Халли отлично знал, с кем говорит.

– А оттого, государь, если уж вам угодно знать, – сказал он, – что Агди поджидает кое-кого познатнее нас. Он рассчитывает, что вы прибудете туда к вечеру, и тогда он заплатит вам этот долг сполна.

– Сразу видно, что ты большой сквернослов! – говорит конунг.

Неизвестно, было ли ими в тот раз сказано еще что-нибудь. Торговые люди поплыли в Нидарос, разгрузили свой корабль и наняли себе жилье в городе.

Спустя несколько дней конунг воротился в город, а ездил он на острова, чтобы развлечься. Халли просил Барда пойти вместе с ним к конунгу, сказав, что собирается попроситься к нему на зиму. Бард предложил ему остановиться у него. Халли поблагодарил его за приглашение, однако ответил, что, если только представится такая возможность, желал бы быть с конунгом.

3

Как-то раз Бард пошел к конунгу, и Халли с ним. Бард приветствовал конунга. Конунг дружелюбно ответил на его приветствие и принялся расспрашивать его о том, что происходит в Исландии, а еще спросил, не привез ли он кого из исландцев.

Бард ответил, что с ним приехал один исландец:

– Его зовут Халли, и он сейчас здесь, государь, и хотел бы просить вас взять его к себе на зиму.

Затем Халли предстал перед конунгом и приветствовал его.

Конунг принял его приветливо и спросил, не он ли будет тот человек, что отвечал ему во фьорде, – «когда мы с вами повстречались».

– Я тот самый человек, – говорит Халли.

Конунг сказал, что не намерен оставлять его без пропитания, и предложил ему отправиться в какое-нибудь из его поместий. Халли ответил на это, что желает остаться при дворе, а если нет, то собирается искать себе другое пристанище.

Конунг сказал, что, мол, всегда так:

– И меня же станут винить, если наша с тобой дружба не заладится, хотя, сдается мне, навряд ли это случится. Вы, исландцы, своенравны и неуживчивы. Будь по-твоему, но тебе отвечать, если что-нибудь стрясется.

Халли сказал, что так тому и быть, и поблагодарил конунга. С той поры он жил вместе с дружинниками, и они все хорошо к нему относились. Его товарища по скамье звали Сигурд, это был человек старый и покладистый.

У Харальда конунга была привычка есть один раз в день. Конунгу, как водится, приносили кушанья первому, и пока успевали обнести других, он обыкновенно бывал уже сыт. А насытившись, он ударял по столу рукоятью своего ножа, давая знак поскорее убирать со столов. Поэтому многие так и оставались голодными.

Как-то раз конунг шел по улице вместе со своей свитой, и многие из его людей были голодны. Тут с постоялого двора до них донеслась громкая брань. Это пререкались дубильщик с кузнецом. Казалось, еще немного, и они бросятся друг на друга. Конунг остановился и некоторое время наблюдал за ними.

Затем он сказал:

– Пойдем отсюда, я не желаю в это вмешиваться. А ты, Тьодольв, сложи о них вису.

– Государь, — говорит Тьодольв, — не пристало мне это, ведь меня называют вашим главным скальдом.

Конунг отвечает:

– Не такое уж это простое дело, как тебе могло показаться. Ты должен представить их совсем другими людьми. Пускай один из них будет Сигурдом Убийцей Фафнира, а другой – Фафниром[13], и придай каждому приметы его ремесла.

Тогда Тьодольв сказал вису:

Кузни князь[14] ввязаться
в драку рад с драконом
кож[15], *– но что ж ничтожный*
с луга ног[16] дал дёру?
Грозил змей гашпиля[17],
плащ подошв[18] напялив,
но вон Сигурд горна[19]
вышиб дух из гада.

– Хорошо сложено, – говорит конунг, – а теперь сочини другую вису, и пусть один из них будет Тором, а другой — великаном Гейррёдом[20], и придай каждому приметы его ремесла.

Тьодольв сказал тогда такую вису:

Сени слов[21] отверзнув,
Тор зубила[22] злобно
метал громы глотки[23]
в лоб дубила троллю[24].
Гейррёд шкур козлиных[25]
ловил металл с лету
хваткой лапой слуха[26]
из клети заклятий[27].

– Теперь никто не сможет сказать, – говорит конунг, – что тебе недостанет сноровки выполнить трудное задание.

Все расхваливали его за эти стихи. Халли при этом не было.

А вечером, когда люди сидели за брагой, они повторяли эти висы при Халли и говорили, что, хотя он и считает себя хорошим скальдом, ему ни за что так не сочинить.

Халли отвечал на это, что он, мол, знает, что складывает стихи хуже Тьодольва:

– Особенно же, когда я даже и не пытался их сочинять, но всего хуже – если меня и вовсе при этом не было, – говорит Халли.

Об этом тотчас же донесли конунгу и повернули его слова так, будто он считает себя не менее искусным скальдом, чем Тьодольв.

Конунг сказал, что навряд ли это так, – «но может статься, мы это вскоре проверим».

4

Как-то раз, когда люди сидели за столами, в палату вошел карлик. Звали его Тута, и родом он был фриз. Он уже давно жил у Харальда конунга. Ростом он был не выше трехлетнего ребенка, но толстяк, каких мало, да и в плечах широк. Голова у него была большая, лицо старообразное, спина не то чтобы совсем короткая, однако снизу, где ноги, он походил на обрубок.

У Харальда конунга была кольчуга, которую он называл Эмма. Он велел изготовить ее в Миклагарде[28]. Она была такая длинная, что, когда Харальд конунг вставал во весь рост, она доставала ему до башмаков. Кольчуга эта была целиком сделана из двойных колец и такая прочная, что ее не брало железо. Конунг велел одеть карлика в кольчугу и нахлобучить ему на голову шлем, а затем опоясал его мечом. После этого он вошел в палату, как было написано раньше. Вид у него был чудно́й.

Конунг потребовал тишины и сказал:

– Тот, кто сочинит вису о карлике, да так, что я решу, что она хорошо сложена, получит от меня этот нож и этот ремень, – и выкладывает перед собой на стол эти сокровища. – Только имейте в виду: если я сочту, что виса никуда не годится, тот, кто ее сложил, заслужит мое неодобрение и лишится обоих сокровищ.

Не успел конунг объявить об этом, как человек, сидевший на самой дальней скамье, произнес вису. Это был Халли Челнок:

Зрим, как фриз, обряжен,
пред дружиной княжьей,
малец, колец цепи[29]
и шелом нам кажет.

Поутру тут Тута,
меч стучит в кольчугу –
от печи добытчик
печива[30] ни шагу.

Конунг велел отнести ему сокровища:
– И ты заслужил их по праву, так как эта виса хорошо сложена.

Однажды, когда конунг насытился, он ударил ножом по столу и приказал убирать. Слуги так и сделали. Халли не успел еще тогда наесться досыта. Он ухватил кусок с блюда, припрятал его и сказал так:

Стукнул Харальд, и пусть –
это мне нипочем.
Харч с собой захвачу,
сытым спать завалюсь.

На следующее утро, когда конунг и дружинники расселись по своим местам, в палату вошел Халли и направился прямиком к конунгу. На спине он нес щит и меч. Он сказал вису:

Меч сменять на мясо,
красный, на краюху
хлеба щит потребно
нам, кормилец врана[31].
Княжий люд тут ходит
худ, и туго – *Харальд*
гладом морит скальда –
брюхо подпоясав.

Конунг ничего не сказал в ответ и сделал вид, что не слыхал этого, но все заметили, что он был недоволен.

Некоторое время спустя случилось так, что конунг шел по улице вместе со своей свитой. Халли тоже был с ними. Вдруг он выскочил вперед и пронесся мимо конунга.

Конунг произнес:

Летишь лихо, Халли!

Халли отвечает:

Телку сторговал я.

Сваришь, верно, кашу?

– говорит конунг.

Нет сытнее смачной!

– говорит Халли.

Халли бежит наверх и заворачивает на одно подворье, а там – на кухню. Он велит сварить себе кашу в каменном котелке, садится и принимается за еду.

Конунг видит, как Халли забежал во двор. Он посылает Тьодольва и еще двоих дружинников поискать его. Сам он также заходит на подворье. Они застали его за тем, что он ел кашу. Конунг подошел к нему и увидал, чем он занят. Конунг был вне себя от гнева и спросил у Халли, не для того ли тот приехал из Исландии и явился к знатным хёвдингам, чтобы делать из себя посмешище.

– Полноте, государь, – говорит Халли, – что-то я не видал, чтобы вы когда-нибудь отказывались от лакомого блюда.

Затем Халли встал и швырнул котелок об пол, да так, что цепи на нем зазвенели.

Тьодольв сказал тогда так:

Звенит котел, брошен, –
умял мало ль Халли?
Ложка, знать, обжоре
всех даров дороже.

После этого конунг удалился в сильном гневе.

В тот вечер за ужином Халли, в отличие от других, не принесли никакой еды. А немного погодя, когда все уже сидели и ели, в палату вошли два человека. Они внесли большое корыто, полное каши, и ложку и поставили перед Халли. Он принялся за еду и съел, сколько хотел.

Конунг велел Халли съесть еще. Тот ответил, что больше не может. Тогда Харальд конунг выхватил меч и приказал Халли есть кашу, пока не лопнет. Халли отвечал, что не собирается лопаться от каши, но, говорит, конунг может лишить его жизни, раз уж он так решил. Тогда конунг сел и вложил меч в ножны.

5

Прошло немного времени, и однажды конунг взял со своего стола блюдо с жареным поросенком и велел карлику Туте отнести его Халли:

– И передай ему, что, если он хочет сохранить себе жизнь, он должен сложить вису и закончить ее прежде, чем ты к нему подойдешь. Только скажи ему об этом не раньше, чем дойдешь до середины палаты.

– Не хочется мне выполнять это поручение, – говорит Тута, – потому что мне нравится Халли.

– Похоже, – сказал конунг, – тебе пришлась по душе та виса, что он про тебя сложил, а раз так, ты сумеешь выслушать его как следует. Иди к нему сейчас же и сделай так, как я велел.

Тута взял блюдо, дошел до середины палаты и сказал:

– А ну-ка, Халли, скажи вису, как повелел конунг, и если хочешь сохранить себе жизнь, сложи ее раньше, чем я к тебе подойду.

Тогда Халли встал, протянул руку за блюдом и произнес вису:

Порося без спросу
князь прислал с посыльным
Ньёрду при[32] – *прет вепря*
с вертела на блюде.
Славься, витязь! Вижу
бок румян да рыло
борова. Как скоро
стих наш ладный сложен.

Конунг сказал:

– Теперь я готов позабыть свой гнев, Халли, потому что эта виса хорошо сложена, особенно если учесть, как скоро ты принялся ее сочинять.

6

Рассказывается, что как-то раз Халли пришел к конунгу, когда тот был весел и доволен. Тьодольв тоже был тогда там и многие другие. Халли заявил, что сложил драпу в честь конунга, и попросил выслушать его. Конунг спросил у Халли, приходилось ли ему прежде сочинять хвалебные песни. Халли отвечал, что нет.

– Кое-кто скажет, – говорит конунг, – что ты много на себя берешь, особенно если принять во внимание, какие скальды складывали обо мне песни по разным поводам. А что ты нам посоветуешь, Тьодольв?

– Я не могу давать вам советы, государь, – говорит Тьодольв, – но, скорее всего, я мог бы дать дельный совет Халли.

– Это какой же? – говорит конунг.

– Перво-наперво такой, государь, чтобы он не лгал вам.

– И что же за неправда была в его словах?

– А та, что он заявил, что ему до сих пор не доводилось складывать песней, – говорит Тьодольв. – Я же говорю, что ему уже случалось это делать.

– Что ж это за песнь, – говорит конунг, – и о чем она?

Тьодольв отвечает:

– Мы прозвали ее Висы о Безрогой Корове, и он сложил ее о коровах, за которыми ходил в Исландии.

– Это правда, Халли? – спрашивает конунг.

– Да, это так, – говорит Халли.

– Почему ж ты тогда сказал, что прежде не складывал песней? – говорит конунг.

– Потому, – говорит Халли, – что это совсем пустячная песнь, и если ее послушать, то едва ли кому-нибудь захочется ее похвалить.

– Мы хотели бы сперва выслушать ее, – говорит конунг.

– Раз так, у нас должна быть и другая забава, – говорит Халли.

– Это еще какая? – говорит конунг.

– Пускай Тьодольв исполнит тогда Висы о Кухонном Корыте[33], которые он сложил в Исландии, – говорит Халли. – И, по мне, вовсе неплохо, что Тьодольв напал на меня и попытался унизить или опорочить, ведь у меня уже успели вылезти клыки и коренные зубы, так что я наверняка сумею ответить ему по достоинству.

Конунг усмехнулся и решил, что будет куда как забавно натравить их друг на друга.

– Это еще что за песнь и о чем она? – говорит конунг.

Халли отвечает:

– Она о том, как он выносил золу вместе со своими братьями и сестрами, и в то время считалось, что за недостатком ума он ни к чему больше не пригоден, да и то приходилось присматривать за тем, чтобы в золе не оставалось горящих угольев, таким несмышленым он тогда был.

Конунг спросил, правда ли это.

– Правда, государь, – говорит Тьодольв.

– Почему же ты выполнял такую презренную работу? – спрашивает конунг.

– Потому, государь, – говорит Тьодольв, – что мне не терпелось идти играть, а никаких обязанностей по дому у меня не было.

– Это оттого, – говорит Халли, – что все считали, что ты так глуп, что работник из тебя выйдет никудышный.

– Ну-ка, прекратите браниться, вы двое! – говорит конунг. – А теперь мы желаем послушать обе песни.

Так и было сделано, и каждый из них исполнил свою песнь. А когда обе песни были досказаны до конца, конунг говорит:

– Обе эти песни ничтожны, под стать темам, на которые они были сложены, но все же та из них, которую сочинил ты, Тьодольв, самая ничтожная.

– Так и есть, государь, – говорит Тьодольв, – а Халли уж больно остер на язык. Только сдается мне, что ему бы больше пристало отомстить за своего отца, чем пререкаться со мной здесь, в Норвегии.

– Это правда, Халли? – говорит конунг.

– Правда, государь, – говорит Халли.

– Как же это ты уехал из Исландии встречаться с хёвдингами, раз ты не отомстил за своего отца? – говорит конунг.

– Я поступил так оттого, государь, – говорит Халли, – что, когда мой отец был убит, я был еще совсем мал, и мои родичи уладили это дело в моих интересах. У нас же в стране считают, что дурно быть прозванным вероломным нарушителем мира.

Конунг отвечает:

– Долг каждого – хранить перемирие и не нарушать уговора. Ты хорошо ответил и полностью снял с себя обвинение.

– Я и сам так думаю, государь, – говорит Халли, – и все же нетрудно понять высокомерие Тьодольва, когда он заводит речь о подобных вещах, потому что я не знаю никого, кто отомстил бы за своего отца столь же свирепо, как он.

– Следовало ожидать что Тьодольв проявит при этом большую отвагу, – говорит конунг. – Но что же он такого совершил, чтобы считать, что он превзошел в этом деле других?

– А то, государь, – говорит Халли, – что он съел убийцу своего отца.

Тут поднялся гвалт, ведь все сочли, что им никогда еще не доводилось слыхать о таких чудовищных вещах. Конунг улыбнулся и потребовал от своих людей, чтобы они угомонились.

– Докажи, что ты сказал правду, Халли, – говорит конунг.

Халли сказал:

– Кажется, отца Тьодольва звали Торльот[34]. Он жил в Сварвадардале в Исландии и был очень беден, да вдобавок имел кучу детей. В Исландии же есть такой обычай, что бонды собираются осенью на тинг обсуждать дела бедняков, и в тот раз не нашлось никого, кто был бы упомянут прежде Торльота, отца Тьодольва. Один бонд так расщедрился, что дал ему годовалого теленка[35]. Забрал он этого теленка, накинул на него веревку, а на другом ее конце был силок. И вот возвращается он домой, подходит к своей ограде и поднимает на нее теленка, а изгородь была очень высокая, и особенно с внутренней стороны, потому что оттуда для нее выкапывали дерн. Потом он перелез через изгородь, а теленок не удержался и скатился назад, так что силок на другом конце веревки затянулся у Торльота на шее, и он не смог дотянуться ногами до земли. Так они и повисли по обе стороны изгороди и были оба мертвы, когда их обнаружили. Дети притащили теленка домой и приготовили из него обед, и, сдается мне, Тьодольв должен был получить свою долю сполна[36].

– Это было бы разумно, – сказал конунг.

Тьодольв обнажил меч и хотел нанести Халли удар, однако люди бросились между ними. Конунг сказал, чтобы ни один из них не смел причинить другому вред:

– Ты сам, Тьодольв, первым принялся задирать Халли.

Было сделано так, как пожелал конунг. Халли исполнил драпу, и все очень ее хвалили. Конунг щедро наградил его за эту песнь.

Шла зима, и все было спокойно.

7

Одного человека звали Эйнар по прозвищу Муха. Он был сыном Харека с Тьотты[37]. Эйнар был лендрманном и управлял сюслой в Халогаланде[38], а еще конунг передал в его руки всю торговлю с финнами[39]. Он пользовался большим расположением конунга, однако у них то и дело возникали разногласия: такой это был неуживчивый человек. Он убивал тех, кто не выполнял всего, что он хотел, и никогда не платил виры. Ожидали, что Эйнар приедет к конунгу на Рождество.

Халли и его товарищ по скамье Сигурд беседовали об Эйнаре. Сигурд рассказывал Халли о том, что никто не решается перечить Эйнару или идти против его воли и что он никогда не платит возмещения за учиненные им убийства или грабежи.

Халли говорит в ответ:

– У нас в стране таких хёвдингов называют злодеями.

– Думай, прежде чем сказать, приятель, – говорит Сигурд. – Он не терпит, когда о нем плохо отзываются.

– Хотя вы все так напуганы, что не решаетесь и слова сказать ему наперекор, – говорит Халли, – уверяю тебя, что, если он нанесет мне обиду, я призову его к ответу и добьюсь того, что он уплатит мне возмещение.

– Почему тебе должно повезти больше других? – говорит Сигурд.

– Он сам поймет, что так для него же будет лучше, – отвечает Халли.

Они поспорили и после всех препирательств договорились до того, что Халли предложил Сигурду побиться об заклад. Сигурд поставил золотое кольцо весом в полмарки[40], а Халли – свою голову.

Эйнар приезжает к Рождеству и сидит рядом с конунгом, а его люди отдельно от него. Ему прислуживают, как самому конунгу.

В первый день Рождества, когда все насытились, конунг сказал:

– А теперь мы хотим развлечься чем-нибудь помимо браги. Ты, Эйнар, должен рассказать нам, что произошло во время твоих поездок.

Эйнар отвечает:

– Не о чем рассказывать, государь: не о стычках же с финнами да рыбаками.

Конунг отвечает:

– Вот и расскажи, как было дело. Мы тут не избалованы новостями, так что нас может позабавить и то, что вам самим кажется безделицей, вы-то ведь все свое время проводите в походах.

– В таком случае, государь, – говорит Эйнар, – пожалуй, надо рассказать о том, как прошлым летом, когда мы плыли на север, нам повстречался исландский корабль. Его отнесло непогодой, так что этим людям пришлось там зазимовать. Я выдвинул против них обвинение в том, что они вели торговлю с финнами, не имея на то ни вашего, ни моего разрешения, однако они не пожелали сознаться и все отрицали. Нам показалось, что им нельзя доверять, и я потребовал обыскать корабль, но они наотрез отказались пускать нас на борт. Тогда я сказал, что им же будет хуже и они получат по заслугам, и велел моим людям вооружиться и напасть на них. У меня было пять боевых кораблей. Мы встали по оба борта их корабля и сражались до тех пор, пока не очистили его от людей. Там был один исландец по имени Эйнар, который так отважно защищался, что, признаюсь, я никогда не встречал ему равных, и, конечно, он нанес нам немалый урон. Нам ни за что не удалось бы захватить этот корабль, если бы все на нем бились так, как он.

– Ты плохо поступаешь, Эйнар, – говорит конунг, – когда убиваешь ни в чем не повинных людей только за то, что они не во всем тебе повинуются.

– Я не могу все время подвергать себя риску, – говорит Эйнар. – К тому же поговаривают, государь, что и вы не всегда поступаете так, как угодно Богу. Что же касается этих людей, то мы их заподозрили не напрасно: у них на корабле оказалось множество финских товаров.

Халли слышал, о чем они говорили. Он швырнул свой нож на стол и перестал есть. Сигурд спросил, уж не заболел ли он. Он отвечает, что здоров, но что это – хуже болезни.

– Эйнар Муха рассказал о гибели Эйнара, моего брата. Он сказал, что сразил его прошлым летом на торговом корабле, – сказал он. – Вот и представился случай потребовать у него возмещения.

– Не вздумай и упоминать об этом, приятель, – сказал Сигурд. – А то тебе не поздоровится.

– Нет, – говорит Халли, – мой брат бы так со мной не поступил, если бы ему пришлось вести дело о моем убийстве.

Он перепрыгнул через стол, подошел к почетному сиденью и сказал:

– Вы, господин Эйнар, рассказали новость, которая не могла не привлечь моего внимания, – об убийстве Эйнара, моего брата, которого вы, по вашим словам, сразили на торговом корабле прошлым летом. Я хочу знать, собираешься ли ты заплатить мне возмещение за моего брата Эйнара.

– Ты разве не слыхал, что я никому не плачу возмещений?

– Я не обязан верить всему плохому, что о тебе говорят, – отвечает Халли.

– Убирайся-ка ты подобру-поздорову, – говорит Эйнар, – пока тебе же не стало хуже.

Халли идет к своей скамье. Сигурд спрашивает, как дела. Он отвечает, что вместо денег получил одни угрозы. Сигурд просит его больше не возвращаться к этому делу и освобождает его от данного ему слова.

Халли говорит, что это очень благородно с его стороны, – «но я это так не оставлю».

На другой день Халли подошел к Эйнару и сказал:

– Я хотел опять спросить у тебя, Эйнар, намерен ли ты заплатить мне возмещение за моего брата.

Эйнар отвечает:

– Я вижу, от тебя не так-то просто отделаться, но коли ты сейчас же не уберешься, тебя постигнет такая же судьба, что и твоего брата, если не хуже.

Конунг просит его не говорить так, – «это слишком большое испытание для родичей, и никогда нельзя знать, кому что может взбрести в голову. А ты, Халли, больше не возвращайся к этому делу, потому что людям и позначительнее, чем ты, приходилось сносить от него подобное».

Халли отвечает:

– Будь по-вашему.

Он идет и садится на свое место. Сигурд приветствует его и спрашивает, как обстоит дело. Халли отвечает, что вместо возмещения получил от Эйнара одни только угрозы.

– Так я и думал, – говорит Сигурд. – Я освобождаю тебя от слова, которое ты мне дал.

– Ты поступаешь благородно, – говорит Халли, – но я все же собираюсь попытаться в третий раз.

– Я хочу отдать тебе это кольцо, – сказал Сигурд, – чтобы ты наконец успокоился, потому что я чувствую свою долю ответственности за то, что ты ввязался в это дело.

– Ты показал, какой ты достойный человек, но в том, что произошло, нет твоей вины. А я еще раз попытаю счастья.

На следующее утро, когда конунг и Эйнар Муха мыли руки, Халли подошел к ним и сказал, обращаясь к конунгу:

– Государь, – говорит Халли, – я хотел бы рассказать вам мой сон. Мне приснилось, что я – это не я, а совсем другой человек.

– Кем же ты был?

– Мне привиделось во сне, будто я – Торлейв скальд, а Эйнар Муха – Хакон ярл, сын Сигурда[41], и будто я сочинил о нем нид[42], и кое-что из этого нида мне даже удалось запомнить.

Тут Халли поворачивается к ним спиной и что-то бормочет себе под нос, так что никто не может разобрать ни слова.

Конунг сказал:

– Это был не сон, просто он решил сравнить одно с другим. И с вами может случиться то же, что произошло с Хаконом ярлом из Хладира и Торлейвом скальдом. Халли на это и намекает, и не похоже, чтобы он отступился. Мы знаем, что нид обращали и против более могущественных людей, чем ты, Эйнар, – Хакон ярл тому примером, и память об этом будет жить, пока люди населяют Северные Страны. Что и говорить: хулительные стишки, сложенные о знатном человеке, если они останутся в памяти людской, стоят горсти монет. Я советую тебе откупиться от него чем-нибудь.

– Вам решать, государь, – говорит Эйнар. – Скажите ему, чтобы он взял у моего казначея три марки серебра, те самые, что я недавно вручил ему в кошельке.

Это передали Халли. Он нашел казначея и сказал ему, как было велено. Тот ответил, что в кошельке четыре марки серебра. Халли ответил, что ему причитается три. Он пошел к Эйнару и сказал ему об этом.

– Можешь взять себе то, что лежит в кошельке, – говорит Эйнар.

– Нет, – отвечает Халли, – тогда ты сможешь обвинить меня в краже своего имущества и потребовать моей головы, а я вижу, что именно это ты и собирался сделать.

Так оно и было, и Эйнар думал, что Халли возьмет кошелек и не станет в него заглядывать, и этого будет достаточно, чтобы вчинить ему иск.

Халли возвращается на свою скамью и показывает Сигурду деньги. Сигурд снимает кольцо и говорит, что Халли его выиграл.

Тот отвечает:

– Оставь себе это кольцо и носи его на здоровье, потому что я не хочу ни в чем тебе уступать. По правде говоря, я никогда не состоял в родстве с человеком, которого убил Эйнар, мне только хотелось проверить, смогу ли я вытянуть из него деньги.

– Ну ты хитрец, каких мало, – говорит Сигурд.

После Рождества Эйнар уехал на север в Халогаланд.

8

Весной Халли попросил у конунга разрешения отправиться в торговую поездку в Данию. Конунг сказал, что он волен уехать, если ему хочется:

– Однако возвращайся поскорее, потому что ты нас забавляешь. И остерегайся Эйнара Мухи: надо думать, он затаил против тебя злобу. Не припомню, чтобы ему прежде случалось так оплошать.

Халли уехал вместе с торговыми людьми на юг в Данию, а там добрался до Йотланда. В одной сюсле управителем был человек по имени Рауд, и Халли у него остановился.

Как-то раз Рауд созвал тинг, и на него явилось множество народу. А когда люди стали решать свои тяжбы, поднялся такой гам и гвалт, что никто не смог изложить своего дела, и в тот вечер все так и разошлись по домам ни с чем.

Вечером, когда люди собрались за брагой, Рауд сказал:

– Только у очень дошлого человека хватило бы смекалки придумать, как заставить этот народ замолчать.

Халли отвечает:

– Стоит мне только захотеть, и я вмиг устрою так, что умолкнет каждая живая душа.

– Тебе, мужлан, с этим ни за что не справиться.

Наутро люди пришли на тинг, и поднялся такой же крик и гам, что и накануне, так что опять ни одно дело не было решено. С тем все и отправились по домам.

Тогда Рауд сказал:

– Ну что, Халли, готов ты теперь побиться об заклад, что сможешь водворить тишину на тинге, или нет?

Халли отвечает, что готов.

Рауд говорит:

– Раз так, ты ставишь свою голову, а я – золотое обручье весом в марку.

– Идет, – говорит Халли.

Наутро Халли спрашивает Рауда, в силе ли еще их уговор. Тот отвечает, что намерен сдержать свое слово.

И вот люди собрались на тинг, и опять поднялся такой же гам, что и в предыдущие дни, если не еще больший. А когда они меньше всего этого ожидали, Халли вскочил и завопил что есть мочи:

– Слушайте все! Дайте мне высказаться. У меня пропали точило и смазка и сума со всею оснасткой – все, без чего не обойтись мужу!

Все смолкли. Одни решили, что он помешался, другие – что он, верно, собирается говорить по поручению конунга. А когда наступила тишина, Халли уселся и получил обручье. Однако как только люди сообразили, что их попросту дурачат, они загалдели, как прежде, а Халли спасся бегством, потому что Рауд счел, что его провели, и захотел убить его. Халли нигде не останавливался, пока не прибыл в Англию.

9

В Англии в то время правил Харальд сын Гудини[43]. Халли тотчас же отправляется на встречу с конунгом, объявляет, что сложил драпу в его честь и просит выслушать ее. Конунг дает на это свое согласие. Халли уселся у ног конунга и исполнил песнь. А когда она была произнесена до конца, конунг спросил у своего скальда, который находился при нем, как ему понравилась эта песнь. Тот ответил, что считает, что она хорошо сложена. Конунг предло-

жил Халли погостить у него, однако Халли ответил, что он уже успел снарядиться и вот-вот уедет в Норвегию.

Конунг сказал, что раз так:

– Тебе полагается такое же вознаграждение за песнь, какую мы получили от нее пользу, поскольку нам не будет никакой славы от хвалебной песни, которую никто не знает. Садись-ка на пол, а я прикажу осыпать твою голову серебром, и только то, что пристанет к волосам, – твое. Сдается мне, что одно другого стоит, ведь и у нас не больше возможностей заполучить твою песнь.

Халли отвечает:

– И то правда: небольшую я заслужил награду, но все же кое-что получу, хотя бы и самую малость. Позвольте мне только, государь, отлучиться по нужде.

– Иди, раз тебе приспичило, – говорит конунг.

Халли пошел к корабельным мастерам, вымазал себе голову дегтем и уложил волосы так, что они стали подобны блюду. Затем он вошел в палату и попросил, чтобы его осыпали серебром. Конунг сказал, что он большой хитрец. И вот его принялись осыпать серебром, и ему досталось много серебряных монет.

После этого он отправился туда, где стояли корабли, которые отплывали в Норвегию. Оказалось, что все они уже вышли в море, кроме одного-единственного корабля, да и тот был занят множеством народа, перевозившего тяжелый груз. У Халли было очень много денег, и ему хотелось уехать во что бы то ни стало. А все из-за того что хвалебная песнь, которую он сложил в честь конунга, на самом деле была никакая не песнь, а околесица, и поэтому он не смог бы никого ей обучить. Кормчий корабля велел ему придумать, как вынудить купцов из южных стран покинуть корабль, и сказал, что тогда он охотно возьмет его с собой в плавание. Уже приближалась зима. Халли некоторое время ночевал в одном доме вместе с этими людьми.

Как-то раз Халли вел себя беспокойно во сне, и они долго не могли его добудиться. Они спросили, что ж такое ему снилось.

Халли сказал, что с этих пор он больше не будет добиваться, чтобы его увезли оттуда:

– Мне привиделось, будто ко мне подошел ужасный с виду человек, и вот что он сказал:

Донный дланью навьей
схвачен хвощ[44] в хоромах
Ран[45] – *попал не рано ль*
скальд в приют омаров[46]*?*
У трески гостим мы
в море, брег не мреет,
водоросль мне цепко
выю обвивает,
выю обвивает[47].

Когда люди из южных стран услыхали об этом сне, они покинули корабль, решив, что им грозит гибель, если они отправятся на нем в плавание. Халли тотчас же занял место на корабле и сказал его владельцу, что это был никакой не сон, а всего лишь уловка. Снарядившись, они вышли в море и осенью достигли Норвегии. Халли сразу же пошел к Харальду конунгу. Тот принял его хорошо и спросил, не сочинял ли он хвалебных песней в честь других конунгов.

Халли произнес такую вису:

Худо хвалу
сложил я ярлу[48],
драпу дрянней
дарили ль данам[49]?
Четырнадцать раз
в ней метр хромает
да рифм с десяток;
пятится задом[50].
Так неумеха
свой стих слагает.

Конунг усмехнулся и решил, что с Халли не соскучишься.

10

Весной конунг поехал на Гулатинг[51]. Однажды конунг спросил у Халли, как на тинге у того обстоят дела с женщинами. Халли отвечает:

Тинг задался нынче –
блудим себе во благо.

Оттуда конунг отправился на север в Трандхейм. Когда они проплывали мимо мыса Стад[52], подошла очередь Тьодольва и Халли стряпать на всех, но тут у Халли случилась морская болезнь, и он лежал под лодкой, так что Тьодольву пришлось одному выполнять все обязанности. А когда Тьодольв нес еду, он споткнулся о ногу Халли, которая торчала из-под лодки, и упал.

Тьодольв сказал:

Чан подошв[53] под днищем
зрим. Блудишь там, что ли?

Халли отвечает:

Стал тут скальд слугою –
нехай кухарит Тьодольв.

Конунг следовал своим путем, пока не прибыл в город[54].

Тора, конунгова жена, была вместе с ним в той поездке. Халли не пользовался ее расположением, однако конунг к нему благоволил и считал, что с Халли не соскучишься.

Рассказывается, что как-то раз конунг шел по улице, и с ним его свита. Халли тоже был там. В руках у конунга была секира. Она была вся сплошь выложена золотом, рукоять же ее была обвита серебром, а навершие рукояти украшено большим серебряным кольцом, и в него вставлен драгоценный камень. Это было отменное сокровище. Халли глаз не сводил с секиры. Конунг сразу же заметил это и спросил у Халли, нравится ли ему секира. Халли отвечал, что еще как нравится.

– Случалось ли тебе встречать секиру лучше этой?

– Не думаю, – говорит Халли.

– Может, ты не прочь встать раком, чтобы получить ее? – говорит конунг.

– Нет, – говорит Халли, – но мне понятно ваше желание продать ее за ту же цену, какую вы за нее заплатили.

– Так и быть, Халли, – говорит конунг, – забирай секиру и владей ею себе на радость. Она была мне подарена, и я поступлю с ней так же.

Халли поблагодарил конунга.

Вечером, когда все сидели за брагой, конунгова жена сказала конунгу, что куда как удивительно с его стороны «и несправедливо наделять Халли за его непотребные речи сокровищами, которыми едва ли пристало владеть незнатным людям, и это при том, что другим мало что достается за их верную службу».

Конунг отвечал, что ему решать, кому он раздает свои сокровища:

– И я вовсе не склонен придавать дурной смысл тем словам Халли, которые можно толковать и так и этак.

Конунг распорядился позвать Халли, и это было исполнено. Халли поклонился ему.

Конунг велел Халли сказать что-нибудь двусмысленное о Торе, конунговой жене:

– Поглядим, как она это стерпит.

Тогда Халли отвесил Торе поклон и сказал:

Тороватей Торы
усладить на ложе
Харальда кто ж сможет? –
В том ей равной нету.

– Схватите его и убейте! – говорит конунгова жена. – Не желаю выслушивать его дерзости.

Конунг повелел, чтобы никто не смел прикасаться к Халли:

– Выходит, по-твоему, какой-нибудь другой женщине больше чем тебе пристало делить со мною ложе и быть женой конунга! Ты никак не возьмешь в толк, что тебя восхваляют.

Тьодольв скальд отправился в Исландию в то время, когда Халли был в отъезде. Тьодольв привез из Исландии доброго жеребца и решил поднести его конунгу. Тьодольв распорядился привести коня в конунгову усадьбу, чтобы конунг на него поглядел. Конунг вышел взглянуть на жеребца, а был он крупный и жирный. Халли случился рядом, когда жеребец выставил напоказ свой детородный орган.

Халли сказал тогда:

Грязен, аки хряк,
жеребца тесак,
видно, господин
забавлялся им.

– Ну уж нет, – говорит конунг, – за такую плату он мне не будет принадлежать никогда.

Халли сделался дружинником конунга и попросил разрешения уехать в Исландию. Конунг велел ему остерегаться Эйнара Мухи.

Халли уехал в Исландию и поселился там. Деньги у него закончились, и он стал промышлять тем, что выходил в море рыбачить. Как-то раз ему пришлось с таким усилием грести против ветра, что он и его спутники насилу добрались до берега. В тот вечер Халли принесли кашу, но он успел съесть лишь самую малость, а потом повалился навзничь и умер.

До Харальда дошли вести о смерти в Исландии двух его дружинников, Болли Горделивого[55] и Халли Челнока.

В ответ на известие о Болли он сказал:

– Должно быть, смельчак пал, сраженный копьями.

А о Халли он сказал так:

– Видать, бедняга лопнул, объевшись каши.

И на этом я заканчиваю рассказ о Халли Челноке.

ПРЯДЬ О СТУВЕ

Жил человек по имени Стув. Он был сыном Кошачьего Торда, а тот был сыном Торда сына Ингунн и Гудрун дочери Освивра[1]. Стув был могуч, статен и красив с виду. Он был смел на язык и хороший скальд. Он уехал из страны, потому что рассчитывал получить наследство на севере в Норвегии. Они прибыли в Норвегию осенью. Затем он отправился на восток вдоль побережья, добираясь до места на чем придется.

Как-то раз он остановился у одного бонда, и его там хорошо приняли. Он сидел напротив хозяина[2]. И когда люди собрались было ужинать, бонду доложили, что к его двору скачет множество всадников и перед одним из них держат стяг. Хозяин встал и сказал:

– Выйдем все навстречу. Похоже, что к нам пожаловал сам Харальд конунг.

Все, кроме Стува, вышли из дома, а он остался сидеть. Не успели они выйти, как стяг поравнялся с усадьбой, а с ним – и сам конунг.

Бонд приветствовал конунга и сказал:

– Боюсь, государь, мы не сможем принять вас как подобает. Знай мы о вашем приезде заранее, и тогда наши возможности были бы невелики, но теперь, когда мы вас не ждали, они и еще того меньше.

Конунг отвечает:

– Раз уж мы нагрянули к вам без предупреждения, я не стану требовать от вас такого приема, какой нам обычно оказывают, когда мы разъезжаем по пирам, которые люди должны для нас устраивать[3]. А теперь наши люди сами о себе позаботятся, а мы войдем в дом.

Они так и делают. Бонд сказал Стуву:

– Придется тебе, приятель, уступить место тому, кто приехал.

– Я думаю, моя честь не пострадает оттого, что я буду сидеть дальше, чем конунг или его люди, – говорит Стув. – Сдается мне, однако, что тебе не следовало говорить мне об этом.

Харальд конунг сказал:

– Так здесь в гостях исландец! Выходит, нас ждет развлечение. Оставайся на своем месте, исландец.

Стув отвечает:

– Охотно приму ваше приглашение, и я считаю, что для меня куда почетнее пользоваться гостеприимством конунга, чем какого-то бонда.

Конунг сказал:

– Теперь пора вносить столы и приниматься за угощение, но прежде мои люди должны занять свои места, если они уже готовы.

Сделали так, как пожелал конунг. Тут оказалось, что у бонда было припасено вдоволь браги, и все пришли в прекрасное расположение духа.

Конунг спросил:

– Как зовут человека, что сидит против меня?

Тот отвечает:

– Зовут меня Стув.

Конунг говорит:

– Странное имя. А чей ты сын?

– Кошачий сын[4], – отвечает Стув.

Конунг спрашивает:

– И кем же был твой отец: котом или кошкой[5]?

Стув хлопнул в ладоши и только рассмеялся в ответ.

Конунг спрашивает:

– Над чем ты смеешься, исландец?

Стув отвечает:

– Угадайте сами, государь.

– Так и быть, – говорит конунг. – Должно быть, ты подумал, что с моей стороны неумно было задавать вопрос, кем был твой отец – котом или кошкой, потому что не может быть отцом тот, кто принадлежит к слабому полу.

– Верно угадали, государь, – сказал Стув и опять засмеялся.

Конунг спросил:

– Над чем ты теперь смеешься, Стув?

– Угадайте опять, государь.

– Так и быть, – говорит конунг. – Догадываюсь, какой ответ ты собирался мне дать: что мой отец не был свиньей, хотя и носил такое прозвище[6], и я поэтому мог знать, что и твой отец не был кошкой, даже если его так называли, и что я лишь оттого задал свой вопрос, что был уверен – у тебя недостанет смелости ответить мне так.

Стув сказал, что он верно угадал.

Тогда конунг сказал:

– Добро пожаловать, исландец!

Стув ответил:

– Приветствую славнейшего из конунгов!

После этого конунг пил и беседовал с теми, кто сидел по правую и по левую руку от него.

Позднее вечером конунг спросил:

– Ты, должно быть, ученый человек, Стув?

– Так и есть, государь, – говорит тот.

Конунг сказал:

– Вот и отлично. Хозяин, я намерен рано лечь спать, и пусть исландец ночует в том же покое, что и я.

Это было исполнено. Раздевшись, конунг сказал:

– А теперь скажи какую-нибудь песнь, Стув, раз ты ученый человек.

Стув произнес песнь, и когда она была окончена, конунг сказал:

– Расскажи еще.

Так продолжалось долго: стоило ему замолчать, как конунг просил рассказать еще, и так шло до тех пор, пока все люди вокруг, кроме них двоих, не уснули, и еще немало времени после этого.

Тогда конунг сказал:

– Тебе известно, Стув, сколько песней ты произнес?

– Куда там, государь, – говорит Стув, – я думал, вы будете считать.

– Я так и делал, – говорит конунг, – ты произнес шесть десятков флокков[7]. Разве ты не знаешь других песней, кроме флокков?

Стув отвечает:

– Вовсе нет, государь. Я не успел сказать и половины флокков, а драп я знаю еще вдвое больше[8].

Конунг спрашивает:

– Перед кем же ты собираешься произносить драпы, если мне ты говорил только флокки?

Стув отвечает:

– Перед вами, государь.

– И когда же? – спросил конунг.

– При нашей следующей встрече, – говорит Стув.

– Почему же тогда, а не теперь? – спросил конунг.

Стув отвечает:

– Потому, государь, что чем больше у вас будет поводов получше узнать меня, тем выше будет ваше мнение обо мне.

Конунг сказал:

– Громкие слова ты произносишь, и их еще нужно проверить, однако сперва я собираюсь поспать.

И он уснул.

Наутро, когда конунг был уже одет и спускался вниз по лестнице, Стув подошел к нему и приветствовал его:

– Добрый день, государь.

Конунг сказал в ответ:

– Ты хорошо говоришь, исландец, и позабавил ты меня вчера вечером на славу.

– А вы были хорошим слушателем, государь, – отвечает Стув. – Однако у меня есть к вам просьба, и я хотел бы, чтобы вы ее выполнили.

Конунг говорит:

– И о чем же ты хочешь просить меня?

Стув отвечает:

– Я бы предпочел, чтобы вы прежде ответили согласием.

Конунг сказал:

– Не в моем обычае раздавать обещания, не зная, о чем меня просят.

Стув говорит:

– Тогда я скажу. Я хотел бы, чтобы вы позволили мне сложить песнь в вашу честь.

Конунг спрашивает:

– Так ты – скальд?

– Я хороший скальд, – отвечает Стув.

Конунг спрашивает:

– Скажи, а нет ли скальдов среди твоих родичей?

– Глум сын Гейри[9] – дед моего отца, – отвечает Стув, – и еще много хороших скальдов было у нас в роду[10].

Конунг сказал:

– Если ты такой же скальд, каким был Глум сын Гейри, то я охотно разрешаю тебе сложить обо мне песнь.

– Я умею сочинять гораздо лучше Глума, – отвечает Стув.

Конунг сказал:

– Раз так, принимайся за дело. Не приходилось ли тебе и прежде складывать хвалебные песни знатным людям?

Стув отвечает:

– Нет, не приходилось, государь, ведь вы – первый знатный человек, которого я вижу.

Конунг говорит:

– Кое-кто скажет, что для новичка ты много на себя берешь, начиная складывать стихи с песни в мою честь.

– Я все же попытаюсь, – говорит Стув. – Есть у меня к вам и другая просьба, государь.

– И о чем же еще ты собираешься просить меня?

Стув сказал:

– Чтобы вы приняли меня в свою дружину.

Конунг отвечает:

– Такие дела так скоро не решаются. Прежде я должен посоветоваться с моими дружинниками и получить их согласие, но я обещаю поддержать твою просьбу.

Стув сказал:

– Есть еще кое-что, о чем бы я хотел попросить вас, государь, однако захотите ли вы выполнить мою просьбу?

Конунг спрашивает:

– Что еще за просьба?

Стув отвечает:

– Чтобы вы дали мне письмо с вашей печатью[11], по которому я смог бы получить наследство на севере страны.

Конунг спросил:

– Почему же о самом главном для себя ты попросил в последнюю очередь? Я дам тебе то, о чем ты просишь.

Стув отвечает:

– Мне это показалось наименее важным.

Затем они расстались. Конунг поехал дальше, а Стув отправился по своему делу.

Прошло не много времени, прежде чем Стув встретился с Харальдом конунгом на севере в Нидаросе. Он вошел в пиршественную палату, где сидел Харальд конунг, а вокруг него множество других знатных людей.

Стув обратился к конунгу с приветствием. Тот ответил:

– Уж не Стув ли это, наш друг, пожаловал к нам?

– Так и есть, государь, – говорит тот, – а пришел я потому, что у меня готова песнь в вашу честь, и я хотел бы исполнить ее прямо сейчас.

Конунг сказал:

– Быть по сему. В прошлый раз ты немало наговорил, хвастаясь своим умением слагать стихи. Не жди поэтому, что я не буду требователен к твоей песни, и имей в виду: ухо у меня чуткое.

Стув отвечает:

– Тем лучше для меня, государь.

После этого он произнес песнь. И когда он закончил, конунг сказал:

– Это и вправду прекрасная песнь. Теперь я вижу, что ты не бросал слов на ветер: тебе многое дано, и твои речи свидетельствуют о недюжинном уме. Однако и ты, в свою очередь, позабавился, беседуя со мною. А теперь, если хочешь, можешь стать нашим дружинником и оставаться с нами.

После этого Стув сделался дружинником Харальда конунга и находился при нем долгое время. Он считался человеком умным и его любили. Драпа, которую Стув сложил о конунге, называется Драпой Стува[12].

И здесь с Божьей помощью мы заканчиваем этот рассказ. Это – мудрая история.

ПРЯДЬ ОБ ОДДЕ СЫНЕ ОФЕЙГА

В одно лето приехал из Исландии Одд сын Офейга, сына Скиди[1], отправился на север в Финнмёрк[2] и провел там зиму. Тогда правил Норвегией Харальд конунг. А когда весной они плыли на юг, Одд сказал своим людям:

– Эта поездка сопряжена с риском, – говорит он, – потому что никому не позволено ездить сюда торговать без разрешения конунга или сюслуманна[3], а для сбора подати с финнов поставлен теперь человек, который слывет весьма несговорчивым, зовут его Эйнар Муха[4]. Я хочу знать, много ли товаров вы выменяли у финнов.

Но они отрицали, что торговали с финнами. А когда они проплывали мимо Тьотты[5], то увидали, что от острова прямо на них мчится на всех парусах боевой корабль. Это был Эйнар. Когда они заметили его, Одд просил своих людей приготовиться и велел им остерегаться, чтобы у них не нашли финских товаров, – «на тот случай, если корабль станут обыскивать, – а я подозреваю, что вы сказали неполную правду и вели торговлю с финнами, – снесем все это добро в одно место».

Тогда-то и подтвердилось то, о чем догадывался Одд: каждый принес товары, какие накупил, и они спрятали их в одно место, куда им посоветовал Одд, и успели управиться с этим прежде, чем к ним подошел Эйнар.

Те подвели свой боевой корабль к кораблю Одда. Дул легкий попутный ветерок, однако он начинал крепчать. Одд обратился к Эйнару с приветствием, потому что они были знакомы.

Эйнар сказал:

– Сам-то ты, Одд, известен как человек, который знает, что ему пристало делать, а что – нет, но зимой вы были у финнов, и, может статься, кое-кто из твоих людей, не в пример тебе, не слишком остерегался торговать с финнами. Однако это право даровано конунгом нам, и потому мы хотим обыскать ваш корабль.

Одд отвечает, что они могут распоряжаться, как хотят, и, если считают нужным, осмотреть их добро, и люди открывают свои сундуки. Эйнар и его спутники поднимаются на корабль, ищут и не находят финской дани.

Тогда Эйнар сказал:

– Похоже, что эти люди все же вели себя осторожнее, чем я предполагал. Я думаю, не стоит развязывать груз у мачты, потому что ветер крепчает, и нам лучше вернуться на наш корабль.

Тут человек, который сидел на тюках, сказал:

– Загляни прежде в мой узел, не припрятано ли там чего, – и начинает его развязывать, а Эйнар ждет. А тюк этот обмотан длинным ремнем, так что не скоро распутаешь, и он с ним долго возится. Эйнар просит его поторапли-

ваться, тот обещает и вынимает из того тюка еще один и начинает развязывать, а на этом тюке тоже много ремней, и конца этому не видно.

Эйнар сказал:

– Долго ты копаешься, – говорит он, однако продолжает ждать, не найдется ли у того в тюке чего-нибудь такого, за что ему можно было бы вчинить иск.

И вот, наконец, появляется третий тюк, а когда ему удалось его развязать, там не оказалось ничего, кроме старых лохмотьев.

Тогда Эйнар сказал:

– Жалкий бедняк! – говорит он. – Пока ты нас тут водил за нос, остров скрылся из виду.

Эйнар и его люди отправляются на свой корабль, потому что поднялся ветер и их стало относить от торгового корабля. На том они и расстались.

Одд сказал:

– Мы с честью выдержали посещение Эйнара Мухи, хорошо бы нам теперь избежать встречи с конунгом.

Эйнар сразу же дает знать о случившемся конунгу. А когда они проплывали на юг мимо Мьёлы[6], вышло так, что Харальд конунг был там и заметил их торговый корабль. И поскольку конунг уже был предупрежден, он сказал, когда они увидали корабль:

– Похоже, все складывается как нельзя лучше, – говорит он. – Это, должно быть, корабль Одда, и неплохо, что мы встретимся. Редко кому удавалось так ловко провести Эйнара, как это сделал Одд со своими людьми.

Конунг был в гневе. Одд и его спутники высаживаются на острове, а конунг не теряя времени отправляется ему навстречу со своими людьми. Одд вежливо приветствует конунга, но конунг отвечает ему неохотно и сердито и говорит, что Одд вел себя недостойно, что он-де всегда принимал его с честью, а тот поехал торговать с финнами ему в ослушание.

Одд говорит:

– У нас теперь было бы больше причин радоваться, государь, – говорит он, – высадись мы южнее Финнмёрка, однако я мог дать моим людям только один совет: не вести торговлю, раз на то нет вашего разрешения.

Конунг сказал:

– И все же я догадываюсь, – говорит он, – что найдется достаточно оснований, чтобы вздернуть вас на самом высоком дереве. И хотя бы за тобой и не было вины, по твоим людям видно, что они были не прочь поторговать, невзирая на запрет, а потому мы хотим вас обыскать.

– Как вам будет угодно, государь, – говорит Одд.

Те так и сделали, но ничего не нашли.

Одного человека звали Торстейн, он был родичем Торира Собаки[7]. Это был человек молодой и видный. Они с Оддом были хорошие друзья. Тор-

стейн был тогда с конунгом. Когда конунг и его люди уходят, он остается на корабле и тайком расспрашивает Одда, нет ли за ними и впрямь вины, и говорит, что конунг сильно разгневан и вряд ли дело на этом кончится.

– Не думаю, чтобы нам удалось отвести от себя подозрение. Они тут набрали всякого добра самовольно, хотя я и запрещал, и мне же потом пришлось давать им совет, куда его спрятать.

– А где оно сейчас? – спрашивает Торстейн.

Одд говорит ему, что все находится в одном спальном мешке.

Торстейн сказал:

– Конунг, возможно, опять вернется сюда и учинит обыск, а потому возьми этот спальный мешок и положи его конунгу под почетное сиденье. Я думаю, он едва ли заподозрит, что сам сидит на том, что ищет. Правда, и эта затея небезопасна.

После этого Торстейн уходит, а Одд делает, как он посоветовал. Спустя некоторое время туда приходит конунг и усаживается на сиденье, которое было для него приготовлено, а его люди начинают искать по сундукам и повсюду, заглядывая во все укромные места, куда те могли запрятать товары, но ничего не находят.

Конунг сказал:

– Не возьму в толк, где они их прячут. Однако несомненно одно – товары, которые мы ищем, здесь, на корабле.

Одд отвечает:

– Не зря говорится, государь: тот, кто гадает, часто блуждает в потемках.

Конунг и его люди уходят, а Торстейн опять задерживается на корабле и говорит Одду:

– Эта уловка выручит вас ненадолго. Нужно быть готовым к тому, что пройдет немного времени и конунг догадается, в чем дело, и тогда, наверняка, возобновит поиски. Я думаю, товары следует спрятать в парус, а парус подвязать повыше на мачте, потому что скоро все на корабле будет разворочено, будь то тюки или что другое.

Одд и его люди делают так, как сказал Торстейн, и он уходит. Когда он догнал конунга, тот спросил его, почему он отстал.

– Мне пришлось остановиться, государь, – говорит он, – чтобы поправить чулок.

Конунг ничего не сказал. А спустя некоторое время конунг приходит к Одду на корабль и говорит:

– Не исключено, – говорит он, – что в прошлый раз вы усадили меня на финскую дань. Теперь нужно первым делом осмотреть мое сиденье, а потом обыскать весь корабль. И знайте: чем больше вы нам доставите хлопот, тем хуже вам придется.

Они ищут везде, где только можно, но ничего не находят. Конунг сходит на берег, а Торстейн опять задерживается и говорит Одду:

– И это вас ненадолго выручит. Теперь не остается ничего другого, как только унести это добро с корабля и спрятать на берегу, подальше на мысу, я же пойду домой другой дорогой, тогда конунг, может быть, не обратит внимания на то, что я отстал. А вечером, после захода солнца, поднимайте якорь, и ты, Одд, вставай к рулю и призови на помощь все свое искусство, потому что иначе вам не уйти от конунга. Он человек решительный и упрямый и не отступится, если ему что взбредет в голову.

Одд сказал Торстейну, что они у него в долгу за ту помощь, что он им оказал, и они расстались. Торстейн уходит, а Одд и его люди делают так, как он им посоветовал, и всю ночь трудятся не покладая рук. А наутро приходит конунг и велит искать в парусе, и когда там ничего не находят, опять теряется в догадках, куда они могли запрятать финскую дань.

Одд сказал:

– Государь, теперь нас не в чем заподозрить, потому что на нашем корабле перетряхнули каждую тряпку.

Конунг говорит, что Одду не стоит на это рассчитывать и что ему до сих пор не приходилось сталкиваться ни с чем подобным. Конунг был так рассержен, что они не посмели вступать с ним в пререкания.

День подходил к концу. Когда стемнело, они перенесли на корабль то добро, какое прятали, снарядились и перед рассветом отплыли с попутным ветром.

Конунг проснулся рано и сказал:

– Мне кажется, я разгадал, в чем тут дело, и похоже, не они одни приложили к этому руку. Думаю, на этот раз мы найдем на корабле то, что ищем. Я не мог предать их смерти, пока это было только моей догадкой. Нужно идти туда немедля и искать.

Однако когда они выходят из шатров и оглядываются по сторонам, то замечают парус Одда у дальних островов[8].

Тогда конунг сказал:

– На этот раз Одду удалось уйти от нас, а ты, Торстейн, можешь отправляться следом за ними, поскольку ты теперь выше ценишь дружбу этого Одда, чем мою. Впрочем, похоже, что предательство у вас в роду[9].

Торстейн говорит:

– Никакое это не предательство, государь, хотя ты и не убьешь теперь Одда, который был тебе хорошим другом, и многих других людей из-за одного только подозрения. Я же считаю, что уберечь тебя от подобного злодеяния – и значит доказать свою верность.

Одд и его люди вышли в море и поплыли при попутном ветре. Одд сказал своим спутникам:

– Теперь я должен рассказать вам, как было дело и что мне приходилось предпринимать. Я просил вас не покупать у финнов больше, чем позволено, однако вы позабыли об осторожности. Когда же стало ясно, что нам не избежать встречи с Эйнаром, я сказал, чтобы вы приняли его как полагается, но постарались отвлечь его и сбить с толку, потому что знал за вами вину. И еще я велел плыть, пока он был у нас, и все для того, чтобы поскорее от него отделаться. А потом, когда конунгу доложили, что показался какой-то корабль, и он спросил, не мы ли это, Торстейн, наш друг, ответил, что это, верно, рыбаки. «Хороший улов, – сказал конунг, – достается тому, кто знает свою выгоду, и этот улов наверняка мой». Но нам все же удалось сохранить свой улов и ускользнуть от него, и благодарить за это следует Торстейна.

Одд приезжает в Исландию и отправляется к себе домой.

В то время ездил по стране человек по имени Харек, родич Торстейна, и заехал в Средний Фьорд[10]. Год тогда выдался плохой, однако Одд пригласил его к себе и послал с ним Торстейну в подарок двух добрых чистокровных кобыл рыжей масти с белой гривой и сказал, что это за то, что тот спас ему жизнь.

Летом Харек уезжает из страны и встречается с Торстейном, тот тогда еще оставался у конунга. Харек приводит к нему лошадей и говорит, что их прислал Одд.

Торстейн говорит:

– Этот подарок сослужит мне дурную службу и из-за него не оберешься неприятностей, ведь теперь мне уже не скрыть, что я участвовал в этом деле.

Торстейн показывает кобыл конунгу и говорит, что Одд послал их ему в дар.

Конунг отвечает:

– Я не заслужил подарка от Одда. Он послал его тебе, а не мне, тебе им и владеть, – и велит убить его.

Однако люди не пожелали подчиниться ему, а Торстейн оставил дружину и больше не поддерживал дружбы с конунгом.

ПРЯДИ ИЗ ПРИЛОЖЕНИЯ К «САГЕ О МАГНУСЕ ДОБРОМ И ХАРАЛЬДЕ СУРОВОМ» В «КНИГЕ С ПЛОСКОГО ОСТРОВА»

ПРЯДЬ О ХЕМИНГЕ СЫНЕ АСЛАКА

В начале этой истории говорится о том, что Норвегией правил Харальд конунг, сын Сигурда Свиньи и Асты, матери конунга Олава Святого[1]. Харальд конунг был правителем Норвегии в течение двадцати лет[2]. А когда он стал конунгом в Норвегии, ему недоставало двух зим до того, как ему пошел четвертый десяток[3]. Он был женат на Эллисив, дочери Ярицлейва[4]. Он оставил ее в Хольмгарде[5]. Он пообещал, что приедет за ней, и оставил в залог большое богатство – целую козлиную шкуру, наполненную чистым серебром[6], – сказав, что она сможет распоряжаться им как своей собственностью, если он не объявится по прошествии пятнадцати зим, и каждый из них поклялся другому в верности. У них была дочь Мария[7], самая пригожая и лучшая из женщин. А когда конунг обосновался в Норвегии, он женился в другой раз и взял за себя Тору дочь Торберга сына Арни и Рагнхильд дочери Эрлинга сына Скьяльга из Ядара[8]. Их сыновьями были Олав Тихий[9] и Магнус[10], отец Хакона, которого воспитал Торир из Стейга[11].

Харальд конунг был высок ростом. Он знал, как себя вести, лучше, чем кто-либо другой, был умен и красноречив. При нем было много доблестных людей. С ним был Николас сын Торберга, его шурин[12], достойнейший из людей. Другой был исландец, Халльдор сын Снорри[13], а также Бёдвар сын Элдьярна, внук Арнора Старухин Нос[14], и Одд сын Офейга из Песчаника в Среднем Фьорде[15]. А еще там были Хьёрт сын Олава и Торарин сын Невьольва[16]. Конунг их очень ценил. Конунг имел обыкновение разъезжать по пирам[17], проводя по полгода то на севере страны, то на юге. Однажды осенью ему устраивали пиры на севере.

Одного бонда звали Аслак, он жил на острове, что зовется Торгар[18]. Остров этот лежит на севере у побережья Норвегии. Аслак был человек очень мудрый. Он был предводителем на этом острове. У него был сын по имени

Бьёрн. Бьёрн был искусен во всем. Конунг велит передать Аслаку оттуда, где он пировал, что желает с ним встретиться. Аслак тотчас же собрался, отправился на встречу с конунгом и предстал перед ним.

Конунг милостиво ответил на его приветствие и сказал:

– Ты должен приготовить угощение для меня и сотни моих людей, и я намерен провести у тебя три ночи.

Тот отвечает:

– Я не в состоянии устроить для тебя угощение, но я готов взять на себя все расходы и дать столько денег, сколько на это потребуется, и сверх того поднести вам подарки, как если бы я принял вас у себя.

Конунг спрашивает:

– Отчего же ты отказываешься устроить для меня пир?

– Не думаю, чтобы у меня было где вас разместить, – говорит Аслак. – И уж больно несведущий я человек, чтобы принимать у себя знатных людей.

Тогда конунг сказал:

– Мы не можем позволить противиться нашей воле.

– В моем доме нет ковров, – говорит Аслак, – и я бы предпочел, чтобы вы не являлись ко мне на пир.

Конунг отвечает:

– Какие бы еще предлоги ты ни выдумывал, я все равно приеду к тебе на пир.

– Раз так, я больше не стану отговариваться, – говорит Аслак. – И когда же вы намерены приехать?

Конунг говорит:

– Не позднее чем завтра.

Аслак сказал, чтобы тот поступал как пожелает.

После этого Аслак поехал домой, а наутро туда явился конунг. Аслак вышел к нему навстречу и приветствовал его как подобает. Конунга и его людей проводили в дом и рассадили. Повсюду в горнице были развешаны щиты, и она была убрана как нельзя лучше. Конунг спрашивает:

– Чего же еще тебе не хватает для пира, кроме ковров?

– Я думаю, – говорит Аслак, – кое в чем нехватка ничуть не меньше. Сдается мне, что и припасов для пира могло бы быть побольше, на тот случай, если бы в них возникла нужда. Но все же мне не пришлось занимать гвозди, чтобы завесить горницу.

Конунг остался доволен его ответом. Аслак устроил для них развлечение, и все говорили, что никто еще не приготовлял для них лучшего угощения.

Проходит ночь, и утром после службы они сидят все вместе и пируют. Конунг беседовал с Аслаком.

Конунг спрашивает:

– Известны ли тебе законы, которые установил святой Олав конунг сын Харальда? Говорят, ты большой знаток законов.

– Думаю, я кое-что об этом знаю, – говорит Аслак.

– А какое наказание, – говорит конунг, – положено в них тому, кто растит своего сына втайне?

Аслак говорит:

– Мне ничего не известно о том, чтобы человек не мог воспитывать своих детей там, где ему вздумается.

Конунг отвечает:

– А мне приходилось слыхать на этот счет кое-что другое[19].

– И что же такое ты об этом слыхал? – говорит Аслак.

Конунг говорит тогда:

– Что такой человек должен быть объявлен вне закона и может лишиться своих владений и жизни.

– И отчего же он должен быть наказан столь сурово? – говорит Аслак.

Конунг отвечает:

– Оттого, что, если конунгу ничего не известно о ком-то, он не сможет призвать его к себе в войско для защиты страны. А еще он не сможет остерегаться того, кто ему неведом.

– Я не хочу об этом говорить, – сказал Аслак, – меня это не касается.

– Мне докладывали, – говорит конунг, – что ты, дескать, втайне воспитываешь своего сына.

– Кто же это говорит? – спрашивает Аслак.

– Мне об этом сказал Николас сын Торберга, – говорит конунг.

– Неужто ты это говорил, Николас? – спрашивает Аслак.

– Нелегко было мне проплыть между рифом и буруном[20], – говорит Николас. – Я бы ни за что не осмелился солгать конунгу, но ведь и не скажи я ему об этом, не избежать бы мне тогда сидеть на соломе[21]. Я же припоминаю, – говорит Николас, – как мне довелось побывать здесь, на Торгаре, когда мне было десять лет отроду. Я тогда считался развитым не по годам, а у тебя в то время был сын по имени Хеминг, и мы с ним играли во всякие детские игры, и я не видал никого, кто мог бы сравниться с ним, и в свои шесть лет он всегда оказывался сильнее меня, десятилетнего. И он оставался здесь после нашего отъезда, но потом я никогда больше о нем не слыхал. Вот об этом я и рассказал конунгу, – говорит Николас.

Конунг спрашивает:

– Что же сталось с этим человеком?

– Николас сказал правду, и у меня действительно был сын, которого звали Хеминг, и я считал его весьма многообещающим, – говорит Аслак, – но вскорости после этого он повредился в уме, и я услал его с Торгара подальше

от людей, чтобы никто о нем не знал. И с тех пор я никогда больше не спрашивал о нем, так что мне не известно, жив он или умер.

Тогда конунг говорит:

– Мы не станем тебя дольше обременять, нам пора собираться в дорогу. И тебе не придется принимать нас у себя раньше, чем в это же время в будущем году. Но к тому времени ты должен будешь призвать сюда своего сына, в своем он уме или нет. А если окажется, что он мертв, то я желаю увидеть его кости, – говорит конунг.

– Это мне нетрудно будет сделать, – говорит Аслак.

После этого они расстаются. Конунг уезжает домой и проводит тот год дома, и в стране все спокойно. А спустя год конунг вновь заявляется на пир к Аслаку на Торгар. Аслак принимает их радушно и с почетом. Проходит ночь, и конунг с Аслаком заводят беседу.

Конунг спрашивает:

– Не припоминаешь ли, о чем мы с тобой говорили прошлой осенью?

– Я об этом не думал, – говорит Аслак.

– Сюда должен был явиться твой сын, – говорит конунг, – которого ты долго ото всех скрывал.

– Я об этом и думать позабыл, – говорит Аслак. – Да мне его сюда и не доставить, поскольку для этого имеется множество препятствий.

– Я не стану обрушивать на тебя свой гнев, хотя ты этого и заслуживаешь, – говорит конунг. – Сейчас мы уедем с пира и будем отсутствовать два месяца, и, если к нашему возвращению здесь не будет Хеминга, вам не сдобровать.

Аслак отвечает:

– Вам не стоит относиться к этому с такой горячностью. Ведь я ничего не имею против того, чтобы он явился сюда к назначенному вами сроку.

Все заметили, что конунг был сильно разгневан. На этом они расстаются.

Конунг разъезжает по пирам на материке, пока не проходит первый месяц зимы[22]. Тогда он направляется на Торгар. Аслак приготовил угощение и встретил их в самом веселом расположении духа, и им казалось, что никогда еще для них не устраивали более великолепного пира. А днем конунг спрашивает Аслака:

– Ну что, прибыл сюда Хеминг, с которым ты так долго не давал мне встретиться?

Аслак отвечает:

– Я опять совсем позабыл об этом деле.

– Теперь у нас разговор будет короткий, и я только скажу тебе, как я намерен поступить. Раз уж ты не удосужился послать за своим сыном заранее, мы будем сидеть здесь до тех пор, пока он не явится. Но коли твои припасы

истощатся раньше этого, ни тебе, ни Бьёрну, твоему сыну, уже не придется устраивать пиры.

– Вы можете поступать как пожелаете, – говорит Аслак.

На этом их беседа закончилась.

Как только Аслак ушел оттуда, он тотчас же призвал к себе двенадцать человек из числа своих людей.

– Я собираюсь послать вас с поручением, – говорит Аслак.

Те прерывают разговор и говорят, что охотно отправятся в путь, куда бы он их ни послал.

– Вам нужно будет взойти на корабль, – говорит он, – и грести на север к Снёсу[23] и пристать у мыса, который зовется Фрамнес. Там пятеро из вас должны будут сойти на берег, – среди тех, кого он отправлял в эту поездку, был человек по имени Кальв, и он был поставлен главным над ними. – А остальные пусть остаются стеречь корабль. Вы же покинете обитаемые места и направитесь в лес. Там вы увидите тропу и пойдете по ней, и чем дальше вы будете идти, тем шире она будет становиться. Хотя вы и будете идти быстрым шагом, вам предстоит находиться в пути четыре дня. На исходе четвертого дня вы выйдете из лесу и увидите перед собой долину, запертую между скалами и лесом, так что ее не увидать, пока вы в ней не окажетесь. Там вы увидите перед собой усадьбу, туда и идите. Там всего-то и должно быть народу, что старик и его жена. Они спросят у вас, откуда вы явились, и вы должны сказать им правду. Они предложат вам остаться у них, и вы должны будете принять их приглашение расположиться там на отдых. И пускай со всеми приготовлениями ко сну будет покончено пораньше. Вы уляжетесь спать в покое, где находится очаг, и один из вас должен бодрствовать и стеречь остальных. Я полагаю, что позднее ночью в дом войдет человек, он будет хорош собой, высок ростом и весел. В покое будет разведен огонь, и он усядется у очага. Не скрою от вас, что он куда умнее, чем я рассказывал. Пускай тогда Кальв встанет, поздоровается с Хемингом, передаст ему то, что я велел, и попросит его приехать ко мне. А ежели он станет медлить, скажи, что ему решать, да только речь идет о моей жизни и о жизни Бьёрна, моего сына. Но я-то думаю, что скорее всего будет иначе, и он едва ли захочет поберечься. Скажи ему тогда, что я думаю, если он приедет домой, ему грозит большая опасность. Попроси его поэтому выбрать то, что ему дороже.

После этого он пожелал им счастливого пути.

И вот они отправляются в дорогу и следуют всем указаниям Аслака. Пятеро из них во главе с Кальвом сходят на берег, и об их путешествии нечего рассказывать, пока они не являются к старику. Когда там узнали, кто их прислал, им был оказан радушный прием. Все было приготовлено для ночлега, и они укладываются спать. А муж с женой усаживаются у очага, и она заводит такой разговор:

– Что-то наш воспитанник припозднился, – говорит она.

Старик отвечает:

– Я не богат, но я готов отдать все, что у меня есть, только бы он не приходил домой на этой неделе.

– Отчего же? – спрашивает она.

– Боюсь, что эти люди посланы за Хемингом, – говорит тот.

– Даже не знаю, как быть, если мне придется расстаться с моим воспитанником, – говорит старуха.

– Я бы радовался, – говорит старик, – будь я уверен, что ему это пойдет на пользу. Но это-то и заботит меня, причем ничуть не меньше, чем разлука с ним.

Недолго им пришлось ждать, прежде чем снаружи послышались шаги и в дом вошел человек в алом одеянии, полы которого были подоткнуты под пояс. Его голову обхватывал золотой шнурок[24], а волосы спускались до плеч. Никогда еще, подумалось Кальву, не приходилось ему встречать человека более мужественного и доблестного с виду. Старик со старухой поднялись и поздоровались со своим воспитанником Хемингом. Он ответил на их приветствие и уселся у огня. Старик спрашивает, удачная ли была охота. Тот отвечает:

– Я всегда вижу множество птиц и могу охотиться на них сколько мне заблагорассудится.

Он спрашивает:

– Как дела?

Старуха отвечает:

– Сюда прибыли люди твоего отца, и мы боимся, что они были посланы за тобой.

Хеминг отвечает:

– Многие сказали бы, что они приехали не слишком рано[25].

Теперь надо рассказать о Кальве. Он встает, подходит к Хемингу и здоровается с ним. Тот отвечает на его приветствие и спрашивает, откуда он.

– Я послан с поручением от твоего отца. Он призывает тебя к себе и хотел бы, чтобы ты приехал.

– Должно быть, неспроста за мной посылают, – говорит тот, – да только я сам решаю, что мне делать, и я остаюсь дома.

– Я думаю, – говорит Кальв, – самое время сказать тебе начистоту, что Аслак просил тебя решать самому, как тебе поступить.

Тут он рассказывает то, что велел ему передать его отец.

Хеминг отвечает:

– Раз так, отправляйтесь в дорогу завтра же поутру и нигде не задерживайтесь, пока не доберетесь до корабля, – говорит он, – и если вы не увидите, что я тоже туда направляюсь, уезжайте домой и не ждите меня.

На этом их разговор закончился.

Как только наступило утро, Кальв и его спутники собрались в путь, и нигде не останавливались, пока не прибыли на свой корабль. Там они начали готовиться к отплытию, а когда снарядились, увидали, как Хеминг сбегает на берег на лыжах. Он взошел на корабль. Кальв спрашивает у него, когда он ушел из дому.

Тот отвечает:

– Нынче утром.

Ничего не рассказывается об их поездке, пока они не прибыли на Торгар. Аслак радушно встретил своего сына. Тут подошло время идти на утреннюю службу, а когда она окончилась и конунг воротился в покой, к нему явился Хеминг и поздоровался с ним. Конунг ответил на его приветствие и спросил, кто он такой. Хеминг назвал свое имя.

– У меня нет охоты разглядывать кожу, из которой ты вышел[26], – говорит конунг.

– Не всякий похож на то имя, которым его называют. Я здесь затем, чтобы предложить вам свои услуги во всем, в чем, по-вашему, я могу быть вам полезен. И хотя от меня не много проку, вы можете располагать мной, если сочтете нужным, – говорит он, – и я готов следовать за вами, если вы того захотите. Но если ваше желание состоит в том, чтобы унизить меня, тогда я прошу вас объявить меня вне закона, но пощадить моего отца и прочих родичей, – говорит Хеминг. – Но я не стану скрываться, даже если вы уготовили мне смерть.

Конунг спросил:

– Может быть, ты человек искусный?

Хеминг говорит:

– Так считали старик и старуха, которые меня хорошо знали, а кроме них я никому не показывал, на что способен. Сдается мне, однако, что вам мои умения покажутся незначительными. И все же, думаю, одно я мог бы вам назвать вперед всего, – говорит Хеминг.

Конунг спрашивает:

– И что же это?

– Мне все равно, с кем состязаться в беге на лыжах, потому что никто не сможет меня в этом превзойти.

Конунг отвечает:

– Мы поглядим, как ты участвуешь в играх, и тогда решим, может ли нам быть от этого какой-нибудь прок.

Хеминг отвечает:

– В играх я бы предпочел выступать после тех, кого ты намерен выставить против меня.

– А теперь давай-ка выйдем, – говорит конунг, – и приступим к состязаниям.

Тут к конунгу подходит Аслак и говорит:

– Я распорядился, чтобы корабли были готовы к вашему отплытию, коли вам это угодно, а потому, сдается нам, сейчас не время затевать игры.

Конунг отвечает:

– Сегодня мы не намерены сниматься с места.

После этого все выходят на двор. На острове были густые лесные заросли, и они направились в лес. Конунг взял копье и воткнул его острием в землю. После этого он положил стрелу на тетиву и выстрелил вверх. Стрела повернулась в воздухе, и ее наконечник вонзился в древко копья, войдя в него сверху; стрела так и осталась стоять в нем. Хеминг кладет стрелу на тетиву и стреляет в том же направлении, и его стрела поворачивается еще дольше первой, а затем ее наконечник вонзается в насечку для тетивы той стрелы, которую выпустил конунг[27]. Тогда конунг взял копье и метнул его с такой силой и так далеко, что все только и говорили об этом. Затем конунг предложил Хемингу сделать то же самое. Хеминг метнул копье вслед за ним, да так, что гнездо его копья легло прямо на наконечник конунгова копья. Конунг взял свое копье и метнул его в другой раз, и оно пролетело дальше копья Хеминга на длину древка.

– Я не желаю больше метать копье, – говорит Хеминг, – потому что мне все равно не послать его так же далеко.

– Нет, ты должен, – говорит конунг. – И призови на помощь всю свою отвагу, чтобы метнуть копье еще дальше, если тебе это удастся.

– И то правда, что у всякого достанет мужества, коли он сражается тем оружием, что у него есть. Я метну копье, а там будь что будет, – говорит Хеминг.

Тут он метнул копье, и оно пролетело намного дальше копья, которое послал конунг.

После этого конунг положил стрелу на тетиву, взял нож и воткнул его в дерево. Затем он выпустил стрелу в рукоять ножа, так что стрела глубоко вонзилась в нее. Тогда достает свои стрелы Хеминг. Конунг стоял рядом с ним.

– Твои стрелы обвиты золотом: похоже, ты весьма честолюбив, – говорит конунг.

– Не я велел изготовить эти стрелы, они были мне подарены, и я не стал снимать с них украшения.

Хеминг выстрелил и попал в рукоять ножа, так что она раскололась, а наконечник стрелы застрял в верхней части клинка, что входила в рукоять.

Тогда конунг сказал:

– Продолжим стрельбу, – и вынул стрелу. В гневе кладет он ее на тетиву и так растягивает лук, что, казалось, концы его вот-вот сойдутся. Стрела от-

летела очень далеко и застряла в тонкой веточке. Тут все стали говорить, что им не приходилось видать более искусного выстрела.

Затем выстрелил Хеминг, и его стрела улетела немного дальше и вонзилась в орех. Все, кто при этом присутствовал, очень подивились этому.

Конунг сказал:

– А теперь давай-ка возьмем орех и положим его на голову Бьёрну, твоему брату, и ты должен будешь попасть в этот орех с такого же расстояния, а ежели промахнешься, это будет стоить тебе жизни[28].

– Моя жизнь в ваших руках, но я не намерен делать этот выстрел, – говорит Хеминг.

Бьёрн сказал:

– Лучше тебе выстрелить, чем принять смерть, потому что каждый должен стремиться продлить свою жизнь, пока это в его силах.

– Сможешь ли ты стоять спокойно и не шелохнуться, если я выстрелю в орех?

– Конечно, – говорит Бьёрн.

– Раз так, пускай конунг встанет рядом, – говорит Хеминг, – и следит, попаду ли я в орех.

Конунг отвечает:

– Я встану рядом с тобой[29], – а сам призывает Одда сына Офейга. Тот пошел туда и сказал, что для него тяжкое испытание сохранять невозмутимость.

Тогда Хеминг направился к тому месту, где ему велел встать конунг. Там он перекрестился и сказал:

– Призываю Бога в свидетели, что я возлагаю всю ответственность на конунга и я не желаю причинить вред моему брату.

После этого Хеминг делает свой выстрел. Стрела летит[30] на большой скорости и, пролетая над макушкой, задевает орех снизу, не оцарапав ее. Орех скатился с головы, а стрела пролетела дальше и остановилась, только когда упала на землю. Конунг подходит и спрашивает, попал ли тот в орех.

– Поверишь ли ты тому, что я скажу? – говорит Одд.

Конунг отвечает:

– Тому и докладывать, кто знает, как было дело.

– На мой взгляд, то, что случилось, лучше, чем если бы он пронзил орех, – говорит Одд, – потому что он попал в него снизу, и орех скатился с головы, а мальчику не было никакого вреда.

– Не думаю, что он выстрелил так, как я ему приказал, – говорит конунг.

⟨…⟩ и проспали всю ночь[31].

Наутро Аслак приходит к конунгу и говорит:

– Я опять приготовил все к вашему отъезду, если вы намерены отплыть на материк.

Конунг отвечает:

– Мы задержимся еще на день.

А когда они закончили пить, конунг сказал, что пора им выходить и идти к морю. Затем он обратился к Халльдору сыну Снорри:

– Я рассчитываю на тебя – что ты сегодня одержишь верх над Хемингом в состязании в плавании.

Халльдор отвечает:

– Тех надо заставлять, кто лучше меня подходит для этого.

Тогда он обращается к Бёдвару сыну Элдьярна.

Тот отвечает:

– Даже если бы я владел всеми искусствами, которыми владеют те, кто тут собрались, я и тогда не стал бы с ним тягаться. Но всего меньше я желал бы соревноваться с ним в том, в чем я ему заведомо уступаю.

Тогда конунг сказал Николасу сыну Торберга:

– Придется тебе состязаться с Хемингом в плавании.

Николас отвечает:

– Не знаю, что из этого выйдет, но если вам угодно, я могу попытаться.

Затем конунг велел им обоим плыть. Хеминг сказал:

– Меня не придется заставлять, поскольку я и сам охотнее всего выбрал бы его себе в противники.

И вот они раздеваются и отправляются плавать.

Николас спрашивает:

– Ну что, поглядим для начала, кто дальше заплывет?

– Идет, – говорит тот, – а ежели ты одолеешь меня в этом, приступим к другим состязаниям[32].

После этого Хеминг уплывает далеко от берега. Они плывут долго, и наконец Николас спрашивает:

– Тебе не кажется, что пора бы нам повернуть назад?

Хеминг отвечает:

– Я подумал, что прежде, чем заворачивать, вам, конунговым шурьям, захочется продвинуться подальше, – и плывет себе вперед, как ни в чем не бывало.

Николас поплыл помедленнее и спустя некоторое время спрашивает:

– Ты намерен так и плыть дальше?

Тот отвечает:

– Я полагаю, ты в состоянии позаботиться о себе, если тебе захочется воротиться на берег. Что до меня, то я поплыву дальше.

– Я все же рискну повернуть назад.

С этими словами Николас поворачивает назад. Однако не успел он немного отплыть, как начинает тонуть. Хеминг подплывает к нему и спрашивает, как ему плывется.

– Не твоя забота, плыви своей дорогой.

Хеминг отвечает:

– По мне, так поделом тебе, но все же теперь нам будет разумнее держаться вместе.

– Я не против, – говорит Николас.

– Обхвати-ка меня за спину и держись.

Так они и поплыли к берегу. Николас смог сам выйти на сушу, но был в большом изнеможении, а Хеминг уселся на камне на отмели.

Конунг спрашивает у Николаса, чем закончилось состязание в плавании.

Николас отвечает:

– Не пришлось бы мне теперь рассказывать вам новости на берегу, когда бы Хеминг не обошелся со мной более по-дружески, чем вы.

– Выходи-ка теперь против Хеминга ты, Халльдор.

– И не подумаю, – говорит Халльдор. – Похоже, тому, кто состязался тут в плавании прежде, это не слишком понравилось.

Конунг сбрасывает с себя одежду, а Аслак идет к Хемингу и говорит:

– Тебе надо бежать отсюда и спасать свою жизнь. Конунг желает твоей смерти, а тут недалеко до леса, – говорит Аслак.

Хеминг отвечает:

– Орлам пристало когтить друг дружку клюв к клюву, да и, буде на то Божья воля, не худшая выпадет мне доля. Раз ему так хочется, пускай себе приходит.

Тут Хеминг встает с камня. Конунг входит в воду в другом месте, а когда они встречаются, конунг подплывает к нему вплотную и увлекает под воду. Другим не видно было, как они там боролись, только море над ними сделалось очень неспокойным. Стало вечереть и вскоре совсем стемнело. Тут море успокаивается, и конунг подплывает к берегу. Он был в таком гневе, что никто не посмел заговорить с ним. Конунгу принесли сухую одежду. Хеминга же нигде не было видно, и все решили, что он мертв, однако никто не осмелился спросить о нем. Конунг со своими людьми пошел в дом. В тот вечер за брагой ожидалось не много веселья: конунг был хмурым от гнева, а Аслак – от горя. В покое зажгли огни, и конунг уселся на свое сиденье. Тут входит в покой Хеминг, подходит к конунгу и кладет ему на колени нож, который прежде висел у того на ремне. Все поняли, что этот нож он забрал у конунга[33].

И вот проходит ночь, а наутро Аслак говорит конунгу:

– Мы всё подготовили для вашей поездки на тот случай, если вы пожелаете уехать.

Конунг сказал:

– Мы не станем дольше задерживаться, но только пускай и Хеминг отправляется на материк вместе с нами.

Они снаряжаются и отплывают на материк. Пристав к берегу, они высаживаются у большой горы. Там был крутой обрыв и шла узкая тропа, так что можно было пройти пешком по склону. Внизу лежали глубокие пропасти, а сверху возвышалась гора, по выступу которой мог проехать верхом всего-навсего один человек.

Конунг говорит:

– А теперь потешь нас: мы желаем поглядеть, как ты бегаешь на лыжах.

Хеминг говорит:

– Сейчас не время бегать на лыжах, – говорит Хеминг, – ведь нет снега, гора обледенела и очень тверда.

Конунг отвечает:

– Что ж за испытание бегать на лыжах, когда для этого сложились наилучшие условия?

– Вам решать.

Тут Хеминг встает на лыжи и принимается бегать то вверх, то вниз по склону, и все говорят, что никогда не видали никого, кто бы делал это столь же искусно. Он подбегает к конунгу и говорит:

– Думаю, хватит мне бегать на лыжах.

Конунг говорит:

– Еще один раз, и тебе не потребуется больше этого делать. Теперь ты должен будешь подняться на гору и сбежать вниз. Но берегись: тебе придется очень постараться, чтобы остановиться на краю скалы.

Хеминг говорит тогда:

– Коли вы желаете моей гибели, вам нет нужды с этим тянуть.

– Выполняй что я приказал, – говорит конунг, – либо ты будешь предан смерти.

– Так или иначе, мне недолго придется ее ожидать. Однако каждый стремится продлить свою жизнь, и я поступлю так же.

Аслак подходит к конунгу и предлагает ему все свое имущество за то, чтобы Хемингу была оставлена жизнь. Конунг говорит, что ему не нужно его добро.

– Как бы то ни было, ему не придется больше состязаться, однако этой поездки ему не избежать, – говорит конунг.

Хеминг попросил, чтобы никто за него не заступался. Он уходит ото всех, а с ним Одд сын Офейга. Тот говорит:

– В недобрый час расстаемся мы с большим храбрецом, но мне бы хотелось, чтобы ты знал, что я желаю тебе остаться в живых. У меня тут платок, который прежде принадлежал святому Стефану. Я оберну тебя им, так как мне известно, что нет такого живого существа, которое погибло бы, завернувшись в этот платок. И если ты сбежишь с горы и погибнешь, я буду считать, что этот платок ничуть не лучше любого другого, но если тебе суждено вы-

жить, а мы с тобой больше не свидимся, ты должен будешь рассказывать об этом после, потому что это я дал его тебе.

Тот отвечает:

– Может статься, и не будет никакого проку от того, что ты мне одолжил, но уж лучше иметь хоть что-нибудь, чем вообще ничего.

Затем они расстаются, и никто не узнал, о чем они разговаривали.

Конунг подошел к обрыву, а с ним все его люди. На конунге был короткий алый плащ на застежках, а в руке он держал копье. Он вынул из плаща застежку и воткнул в землю острие копья. Николас сын Торберга встал у него за спиной и обхватил его обеими руками, поддерживая за пояс; и так встал каждый из них, один за другим.

Хеминг поднимается на гору, надевает лыжи и бежит с горы вниз. Он мчится столь стремительно, что и помыслить невозможно. Никогда еще его так не подбрасывало, как если бы под ним и вовсе не было лыж. Вслед за тем он оказывается внизу, там, где они стояли, и у самого обрыва опирается на палки и подпрыгивает вверх. Лыжи соскакивают с него. Он приземляется на ноги на краю над обрывом и сильно раскачивается из стороны в сторону. Тут он хватается за конунгов плащ, однако конунг тряхнул головой и сбросил его с плеч. Тогда Хеминг полетел вниз с обрыва[34].

После этого конунг сказал:

– Так обреченный умереть расстался с теми, кому предстоит жить.

Одд говорит в ответ:

– Когда бы вы оба погибли, вас ждала бы разная участь.

– И какое же, по-твоему, прибежище уготовано каждому из нас?

– Мне бы хотелось, – говорит Одд, – отправиться в то прибежище, которое, как я считаю, было уготовано Хемингу. И сдается мне, это Христос не пожелал доставить радость дьяволу, не позволив ему забрать тебя к себе этим вечером.

– В этом я не премину тебе поспособствовать, – говорит конунг. – Ты и вправду очень близок к тому прекрасному прибежищу, в которое водворился Хеминг.

Тут он приказывает схватить его и сбросить с обрыва.

Халльдор сын Снорри говорит на это:

– Либо мы, исландцы, нынче погибнем все, либо ни один из нас. Да только мы думаем, что с нами будет не так-то легко справиться.

– Будь по-твоему, Халльдор, – говорит конунг. – Пускай Одд уезжает от меня и живет в мире этой зимой, а весной отправляется в Исландию. Однако как только Одд уедет, я объявлю его вне закона повсюду в Норвегии.

Одд отвечает:

– Все хорошо, что хорошо кончается, и, по мне, так невелика потеря, что мы расстаемся.

Одд тотчас же уезжает. После этого конунг отправляется на пир, который был для него устроен, и остается там некоторое время. А про Одда надо рассказать, что летом он уехал в Исландию, и о нем еще пойдет речь позднее.

Теперь надо рассказать о Хеминге – о том, как он падал вниз с обрыва. С ним произошло то же, что и со всеми, кто прыгает вниз с большой высоты: с него стало срывать всю одежду. И вот платок надувается, его относит к скале, и он застревает там, зацепившись за выступ. Хеминг повис на нем в беспамятстве. Опомнившись, он преисполнился тревоги и ужаса. Однако по мере того, как к нему возвращалась способность соображать, страх выходил из его груди. Тут он сказал самому себе:

– Как могло случиться, что я оказался здесь? Верно, Господу ничуть не труднее вызволить меня отсюда, чем перенести сюда целым и невредимым. Коли так, я приношу обет и клянусь пожертвовать всем, чем я владею, и это – половина всего имущества, которое только есть на Торгаре. Я разделяю его на три доли. Одну треть я обещаю отдать святому Олаву конунгу, другую пожертвовать на паломничество и нуждающимся, а третью я отдаю святому Стефану, и эти деньги я вложу в дело, чтобы они приносили доход до тех пор, пока я не повстречаюсь с Оддом сыном Офейга. И я намерен отправиться в паломничество в Рим, если Богу будет угодно, чтобы я ушел отсюда, и, надеюсь, мне еще доведется стать свидетелем смерти конунга, подобно тому как он полагал, что присутствует нынче при моей гибели.

Стояла ночь, и была непроглядная тьма, когда он увидал над собой яркий свет и человека, шедшего по скале. Тот человек берет Хеминга за руку и вытаскивает его наверх на скалу. Он говорит ему:

– Сюда явился Олав Святой, чтобы встретиться с тобой, потому что я не желаю, чтобы ты погиб и это усугубило вину Харальда конунга. Ты должен исполнить свой обет и отправиться в паломничество. И когда бы ты ни повстречал незнакомых людей, покуда Харальд жив, ты должен говорить, что тебя зовут Лейв[35]. Ты также получишь то, о чем просил, и ты будешь присутствовать при том, как будет умирать Харальд конунг, однако, я сочту, что ты плохо отблагодарил меня за то, что я даровал тебе жизнь, если ты станешь в это вмешиваться. А теперь мы расстанемся.

Тут Хеминг видит, как конунг удаляется от него ввысь вместе со светом. Хеминг раздобыл лодку и поплыл на Торгар. Он подошел к церкви и увидал, что внутри горит яркий свет и там молятся Аслак и Бьёрн[36]. Когда Хеминг появился в церковных дверях, Бьёрн сказал:

– Отец, – говорит он, – приключилось великое чудо: здесь мой брат Хеминг.

Хеминг говорит на это:

– Ничего тут нет чудесного, поскольку, как видите, я жив, – и рассказывает им обо всем, что с ним произошло. Они несказанно обрадовались этому.

Хеминг оставался там втайне всю зиму. Весной он разделил свое имущество, как обещал, а затем отбыл в Англию, прихватив с собой треть денег, которая принадлежала святому Стефану, и отдал ее там на сохранение на время своего отсутствия, а сам отправился в паломничество в Рим.

Об Одде сыне Офейга

В Англии тогда правил конунг, которого звали Ятвард Добрый, сын Адальрада[37], у него не было детей. К нему приехал Лейв, и конунг хорошо его принял. И после того как он пробыл там некоторое время, он тайком послал весть Одду сыну Офейга, чтобы тот приехал к нему, как только сможет. Как только Одд узнает об этом, он снаряжает свой корабль и отправляется в плавание, сперва на Оркнейские острова, а затем в Англию, и там встречается с Лейвом в Лундуне[38]. Тот радушно принял Одда, и он остался там на зиму. Одд велел отлить два колокола, а еще он забрал те деньги, которые Хеминг отдал святому Стефану за то, что тот спас ему жизнь, а впридачу и платок. Хеминг попросил Одда построить на эти деньги церковь.

Незадолго до того как Одд приготовился уезжать, он побывал на многолюдном тинге, который устроил конунг. Там он увидал рослого человека в плаще, в руке у него был украшенный золотом меч. Одд подошел к этому человеку и спросил его имя, а тот назвался Адальбригтом.

Одд сказал:

– Откуда у тебя эти дорогие вещи – меч и плащ? Я знаю, что ими владел мой брат, но он отплыл на одном корабле в Исландию, и с тех пор о нем ничего не известно.

Тот отвечал, что купил эти сокровища.

Тут подошел Лейв и сказал:

– Ты должен сказать правду, поскольку у конунга есть меч, который зовется Выводящий-на-Чистоту, и тебе будет нанесен удар этим мечом, а у него такое свойство, что он разит всякого, кто лжет, однако не причиняет вреда тому, кто говорит правду.

Адальбригт отвечает:

– В таком случае, он сразит меня, так как нас было много на корабле, и мы захватили один корабль, а те люди защищались храбро, но все же мы убили их всех. И я не стану скрывать, что это я умертвил того человека, о котором ты говоришь[39]. А теперь я отдаю себя во власть Господа и вашу.

Одд сказал:

– Я не желаю отнимать у тебя жизнь, однако во власти конунга решать, оставаться ли тебе в стране. Но ты должен будешь заплатить мне сотню марок чистого серебра[40].

Адальбригт с радостью на это согласился.

Затем Одд снарядился в путь. Конунг и Лейв проводили его с большими почестями, и он вышел в море. Ветер пригнал его корабль в Норвегию, и они зашли в пролив, который назывался Эйкундасунд[41], и простояли там несколько дней.

Однажды поздно вечером туда прибыл Харальд конунг с пятью кораблями. Конунгу стало известно о приезде Одда. Была темная ночь. Конунг приказал поставить свои корабли поперек пролива перед кораблем Одда и связать их вместе. Сам он находился в шатре на берегу, а Одд оказался заперт в проливе. Люди его опечалились.

Одд сказал:

– Не стоит печалиться, потому что я скажу вам правду: Хеминг жив, а ведь он подвергался куда большей опасности, чем мы. Так что и нам с вами надлежит искать спасения там же, где и он, – у всемогущего Бога. Я приношу обет, что велю построить церковь на хуторе Песчаник[42], как мне было указано, и дать деньги на ее содержание, заложить там монастырь и пожертвовать на него все добро, что находится теперь здесь на корабле. И вам всем также следует что-нибудь пообещать.

Они так и сделали, и как только с этим было покончено, ветер стих. Одд приказал им поднять якорь и поставить парус. Тут задул легкий ветерок. Те, кто находились на берегу, принялись смеяться и спрашивать: куда это, мол, Одд вознамерился плыть – на сушу или к кораблям. Одд же провел свой корабль прямиком по канатам между их кораблей и вышел в открытое море. Он приплыл в Средний Фьорд и поехал к себе домой в Песчаник. Там он велел воздвигнуть церковь и посвятил ее святому Стефану[43], и в ней и по сей день хранится тот платок, который был на Хеминге.

Теперь надо рассказать о том, что в Нортумбруланде[44] правил ярл, которого звали Гудини. Он был женат на Ингирид, дочери Торгильса Хруст-в-Ноге, она приходилась сестрой Ульву, отцу Свейна, конунга датчан[45]. У Гудини было много детей. Одного его сына звали Харальдом, другого – Тости Деревянное Копье, третьего – Мёрукари, четвертого Вальтьовом. Имя его дочери было Вейгерда[46]. Однажды осенью Ятвард конунг отправился верхом в Скардаборг[47] на пир к Гудини ярлу. Конунг пригласил к себе Харальда, и тот сопровождал конунга, а когда конунг прибыл домой, он усадил Харальда на второе почетное сиденье подле Лейва.

– Он владеет множеством искусств и обучит им тебя.

Лейв принялся со всем рвением учить Харальда всяческим сноровкам, и тот был единственным человеком в Англии, кому была известна вся правда о жизни Лейва. По прошествии пяти зим Харальд не уступал Лейву ни в чем, кроме силы, и когда он показывал другим свои умения, все дивились тому, где он только смог всему этому обучиться, поскольку никто не знал, что Лейв был столь сведущ в разнообразных искусствах. Харальду было во-

семнадцать лет[48], когда он уплыл из Англии на запад в Валланд[49] на двенадцати кораблях. Там тогда правил Родберт ярл Руды[50]. У него был сын, которого звали Вильяльм, прозванный Незаконнорожденным[51]. Он был выше ростом, чем большинство людей. У Вильяльма была жена по имени Моольд[52], их сыновья звались Хейнрек и Родбьярт[53], последний был весьма обходительный и рослый человек. Вильяльм пригласил к себе Харальда, и тот провел там зиму. А весной они заключили союз и договорились о том, что отныне станут сообща владеть всем полученным или еще не полученным к тому времени имуществом и всеми отошедшими к ним или подчиненными ими землями. Каждый из них должен был оказывать другому поддержку во всяком деле и отомстить за другого, как за своего брата[54]. Затем они отправились в военный поход, взяв с собой двадцать пять кораблей, и поступали так ежегодно в течение шести лет. У Харальда было больше друзей, чем у Вильяльма.

Одного ярла в Англии звали Хейнреком из Глотести[55]. У него был сын по имени Хельги, человек рослый и сильный. Был он умен и честолюбив. Он собрал войско и стал разорять владения Ятварда конунга. Конунг также собрал войско и выступил против него. Во главе конунгова войска стоял человек по имени Йон. Они сошлись у Валуна Бонольва и там разгорелась жаркая битва. Ярл одержал тогда победу, а Йон пал, обращенные же в бегство воины явились к конунгу. После этого конунг поставил во главе войска предводителя, которого звали Отти, он был сыном Биргира Бертакаппи[56]. Тот выступил против ярла. Они встретились у Хрутссерка[57] и бились там два дня. Отти пал, а ярл подчинил себе страну. Это стало известно конунгу. Он посылает людей за Харальдом сыном Гудини и Лейвом, а сам тем временем собирает войско. Гонцы являются к Харальду и передают ему послание от конунга. Харальд говорит Вильяльму, что намерен оказать поддержку конунгу.

Вильяльм говорит в ответ:

– Я не хочу расставаться с моим войском.

Харальд отвечает:

– Раз так, давай разделим наше имущество и воинов.

Вильяльм отвечает:

– Поезжай, если тебе так хочется, однако раздела не будет.

Харальд отвечает:

– Одно из двух: либо мы разделим то, что нам принадлежит, либо оба отправимся сражаться.

Дело закончилось тем, что они разделили свое имущество. Поговаривают, что между Харальдом и Моольд, конунговой женой, была слишком большая привязанность, однако когда Вильяльм обвинил в этом Харальда, тот все отрицал, а после Моольд и Харальд сговорились, что он посватается к ее и Вильяльма дочери. Было решено, что их помолвка состоится прежде, чем он

уедет в Англию, и что свадьбу сыграют в Рауде спустя двенадцать месяцев, и в тот раз они расстались друзьями[58].

Харальд отправляется в Англию и едет на встречу с Ятвардом конунгом. И вот конунг собирает войско, выступает в поход против Хейнрека ярла, и они сходятся у реки, которая зовется Лодда[59]. Между ними сразу же завязывается жаркая битва. Замысел конунга состоял в том, чтобы Харальд со своими людьми ударил по войску ярла сбоку. Спустя некоторое время после начала битвы Харальд с большим полком нападает на воинство ярла с тылу, и там полегло множество людей. Вслед за тем войско ярла обратилось в бегство, а сам ярл был захвачен в плен, а с ним сотня его людей. Затем ярл был убит, и с ним еще тридцать человек, а другие обращены в рабство.

Один бонд подошел к конунгу и сказал:

– Вот человек, он молод и силен. Я хочу, государь, чтобы вы отдали мне его, а я сделаю его своим рабом.

Конунг отвечает:

– По его виду не скажешь, что тебе удастся принудить его работать, и если он сбежит, тебе придется за это расплачиваться. Но если тебе не будет от него никакого проку, приводи его назад ко мне.

Бонд отвечал, что не опасается того, что не сможет усмирить его. Затем они отправились домой. Бонд сказал тому человеку:

– Давай заключим сделку: я буду хорошо с тобой обращаться, а ты за это – много работать.

Гест[60] отвечает:

– Я не собираюсь работать.

Бонд сказал:

– Если ты не станешь работать, тебя запрут одного в доме и ты умрешь там с голоду.

– Поступай как знаешь, – сказал Гест.

Бонд запирает его в доме и морит голодом. А еще он калечит Геста, так что тот едва способен ходить, и то и дело избивает его, да так сильно, что кровь заливает землю. Иногда он предлагает ему деньги, если тот согласится работать, но Гест отказывается. Как-то раз Гест сказал бонду:

– Перестань мучить меня и заставлять работать. Говорю тебе раз и навсегда, что ни тебе, ни всем твоим домочадцам все равно не добиться, чтобы я сделался рабом.

Бонд отвечает:

– Раз так, я отведу тебя к конунгу.

Гест отвечает:

– Конунг преуспеет в этом не больше твоего, хотя и можно было бы ожидать, что ему скорее, чем тебе, удастся обратить меня в рабство.

Бонд отвечает:

– Очень скоро ты почувствуешь на себе его благодеяния.

– Я не собирался, – говорит Гест, – просить тебя о чем-либо, однако я бы хотел сам решить, когда нам явиться к конунгу.

Бонд согласился на это.

Гест сказал:

– В таком случае, пусть это будет на Рождество, когда конунг пойдет к обедне.

Они так и делают.

Бонд приветствует конунга и говорит:

– Вот человек, которого вы мне отдали осенью, и мне не удалось сделать его своим рабом, поскольку было бы легче растопить твердый камень, чем его сердце.

Конунг сказал:

– Раз так, убей его.

Гест сказал:

– Сегодня мне должна быть дарована пощада.

Конунг направился в церковь.

Гест сказал:

– Иди-ка ты домой, хозяин, и самое лучшее, коли мы с тобой на этом расстанемся.

А когда отслужили мессу, Гест предстал перед конунгом и сказал:

– Мне рассказывали, что вы даруете мир всякому, кто придет к вам на Рождество, даже если вы считаете, что он немало провинился перед вами.

Конунг сказал:

– Что ж, ты получишь пощаду, если найдется кто-нибудь, кто захочет взять тебя под свою защиту.

Гест входит в палату вместе с конунгом, направляется к Хемингу и просит его о защите. Тот так и поступает и добивается для Геста пощады на время Рождества[61].

А когда Рождество проходит, Гест просит помощи у Хеминга.

Хеминг отвечает:

– У меня мало охоты просить за тебя, покуда мне не известно, кто ты такой.

Гест говорит:

– Если у меня не много надежды на твое заступничество, пока ты не знаешь, кто я, то ее и вовсе не останется, когда ты узнаешь, что я за человек.

Хеминг отвечает:

– Я не стану тебе помогать, коли, по-твоему, ты слишком хорош, чтобы открыть мне свое имя.

Гест сказал:

– Тебе решать. Меня зовут Хельги, и я сын Хейнрека ярла. Во время бегства я поменялся оружием с моим оруженосцем, и он пал, а они решили, что убили меня.

Хеминг идет к конунгу и просит его разрешить Гесту остаться в стране, и конунг соглашается на это ради него.

И вот идет время, и в начале зимы Ятвард конунг заболевает и лежит больной вплоть до Рождества. Потом он приказывает созвать многолюдный тинг и велит отнести себя на эту сходку. Он сказал:

– Всем вам ясно и заметно, какая мною овладела болезнь и что от этой хвори мне уже не исцелиться. Поскольку же я хочу, чтобы после меня эта держава управлялась хорошо и рачительно, и я не знаю в моем королевстве никого, кто больше бы годился на то, чтобы стать вашим верховным правителем, чем Харальд сын Гудини, который находился при мне некоторое время и показал себя достойнейшим мужем во всех испытаниях и опасностях, которые нам выпали, и заслужил уважение благодаря своим доблестям и умениям, в чем, как я считаю, он не уступает большинству конунгов и прочих предводителей, я сегодня целиком и полностью наделяю его ранее принадлежавшим мне королевским достоинством и обращаюсь к каждому из вас, чтобы вы отныне воздавали ему положенные конунгу почести и выказывали ему должное повиновение.

Вскоре после этого конунг скончался[62].

После смерти Ятварда конунга правителем в Англии стал Харальд сын Гудини, как об этом рассказывается в саге о Харальде сыне Сигурда. Там также говорится о том, что Тости и другие братья Харальда сына Гудини желали править в Англии вместе с ним, однако не получили власти. Тогда Тости ярл отправился в Данию повидаться со Свейном конунгом, своим родичем, и ему был оказан радушный прием. Тости спросил Свейна конунга, не собирается ли тот претендовать на власть в Англии.

Конунг говорит в ответ:

– Не буду скрывать, что прежде я думал об этом, однако теперь мне кажется, что все хорошо устроилось, раз правителем там стал Харальд конунг, мой родич, поскольку мы с ним двоюродные братья[63].

Тости отвечает:

– Многие там в стране и в его совете поговаривают, что я и мои братья владеем третью страны.

Конунг отвечает:

– В таком случае сдается мне, что Харальд не единственный конунг в Англии, раз треть ее принадлежит вам.

Тости сказал:

– Ежели вы пожелаете пойти войной на Англию, я и мои братья[64] окажем вам поддержку и всю ту помощь, какая только в наших силах, в случае если

вы захотите возглавить поход, но при условии, что, когда мы завоюем страну, вы поставите нас править ею. Мы будем платить вам подать и передадим вам страну, если вы этого потребуете.

Конунг отвечает:

– Я обдумаю свой ответ, – и говорит, чтобы тот остался у него на зиму.

Тости не терпелось поскорее узнать, увенчалась ли успехом его поездка.

Как-то раз осенью конунг поехал верхом на пир, а с ним и Тости. Случилось так, что они сделали привал у одного моста, чтобы поесть. У конунга была пастушья собака, и он захватил ее с собой. Ей дали кусочек хлеба. Собака убежала на мост и увидала свое отражение в воде, и ей показалось, что там другой пес, а в зубах у него другой кусок хлеба. Тогда она прыгает с моста в воду, чтобы отнять хлеб у того пса, но, оказавшись в воде, теряет свой хлеб и выбирается на берег ни с чем.

Конунг сказал Тости:

– Ты видал, что произошло с моей собакой?

Тости сказал:

– Я не следил за ней.

Конунг сказал:

– Ей показалось, что она увидала в воде другую собаку и что у той в зубах был кусок хлеба, и она решила, что сумеет отобрать у нее хлеб, и прыгнула за своей тенью, а потом вернулась на берег без обоих кусков[65]. И теперь я знаю, что со мной может произойти, если я отправлюсь в Англию. Я увижу там свою тень, но когда я ворочусь оттуда, может статься, что Харальд конунг[66] опередил меня, и тогда я не смогу сохранить и этой державы. Я даю тебе нынче свой ответ: я не поеду в Англию, поскольку намерен оставаться конунгом в Дании, пока это угодно Богу, и мне не следует притязать на большее. Так что ты, Тости, поезжай к Харальду конунгу.

Тот так и сделал.

Осенью, еще до приезда Тости в Норвегию, Ториру из Стейга приснился сон[67]. Он поведал о нем своим людям и попросил их истолковать его. Он рассказал, что ему казалось, что он стоит на тинге, на котором был Харальд конунг. Он восседал на таком огромном престоле, что тот занимал собой всю Норвегию, сам же конунг был настолько велик, что тело его не вмещалось в этот престол и торчало из него во все стороны.

– Мне привиделось, что к нему подошел какой-то человек и облобызал его, и мне показалось, что при этом изо рта того человека в рот конунгу вылетела огромная муха, походившая на ворона. Вслед за тем мне привиделось, что у конунга вырос вороний клюв и этим клювом он принялся клевать в голову всех, кто был на тинге, кроме нас, людей из Стейга. Многие, как мне показалось, умерли от этого, а все прочие были ранены. Я испугался, что так он может заклевать и нас, людей из Стейга. Тут я проснулся, и теперь я могу сам истолковать

этот сон. Когда мы стояли на тинге и конунг сидел на престоле, этот престол был его державой, когда же он перестал вмещаться в свой престол, это произошло оттого, что он сделался жаден до власти и возжелал распространить ее за пределы своих владений. А когда мне привиделось, что у него вороний клюв, я испугался того, что он сделается добычей воронов и они будут пить его кровь. Когда же мне показалось, что он клюет в голову людей, то я догадываюсь, это было к тому, что им не сносить головы и многие из тех, кто отправятся вместе с ним, найдут там свою погибель. И мы, люди из Стейга, не последуем за ним.

Осенью, прежде чем Тости прибыл к Харальду конунгу, конунг послал Торарина сына Невьольва и Хьёрта на восток в Хольмгард за козлиной шкурой, которую он оставил Эллисив, конунговой жене, о чем рассказывалось прежде[68], и наказал им не возвращаться назад без этой шкуры и богатств, что лежали в ней. Они воротились уже после того, как Тости успел пробыть у конунга некоторое время. Хьёрт предстал перед конунгом и повторил свое приветствие трижды, поскольку конунг был настолько поглощен беседой с Тости, что не обратил внимания на их приход и не слышал его. Тогда Хьёрт сказал вису[69]:

Свиньи сын[70], славный,
охоч до злата –
горазд сбирать,
да скуп делиться.
Хамдир ленивый[71]
земли получит
чуто́к – ты б чу́ток
был к нам, Харальд.

– И как же мал будет этот кусок земли? – спрашивает конунг.

– Он будет не больше, – говорит Хьёрт, – чем тебе понадобится, чтобы лечь[72].

Конунг улыбнулся и спросил:

– Как дела, исландец?

Хьёрт произнес:

Глянь-ка на двор:
белый козел,
вишь, темноглаз
да бородат,
копытом бьет,
детей берет,
он – козий сын –
браниться рад[73].

После этого конунг велел внести это сокровище, и его принесли в козлиной шкуре и положили перед конунгом. Тогда он спрашивает, неужто она отдала им это богатство, ничего не сказав. Торарин отвечает, что она не проронила при этом ни слова.

Конунг сказал:

– В таком случае я спрошу у того, кто больше склонен говорить правду. А что ты скажешь, Хьёрт?

Тот отвечает:

– Я скажу, что она произнесла вису.

Конунг сказал:

– Какую же?

Хьёрт сказал:

Труслив Харальд –
весной на запад
к брегу англов
струг гнать не станет.
Долго конунг,
страху полон,
земель не добудет,
бесславный, в Англии.

Тогда Тости сказал:

– Подобными предсказаниями они стараются убедить вас поехать в Англию. Неужто, конунг, на это не стоит надеяться?

– Отправляйся к раке святого Олава конунга и поклянись, что скажешь всю правду о силе ⟨...⟩[74], и тогда я соберу войско для похода в Англию. Но я желаю, чтобы во главе его стоял я один.

Тости пообещал принести клятву:

– Однако если что-то помешает вашей поездке, пускай тогда эти клятвы падут на вас.

Конунг отвечал, что пусть так и будет. Затем конунг рассылает письма[75] во все концы Норвегии и велит созвать ополчение. К конунгу тогда явился Эйстейн Тетерев сын Торберга, сына Арни[76], и обручился с Марией, дочерью Харальда конунга и Эллисив, дочери Ярицлейва конунга из Хольмгарда. Ее матерью была Ингигерд, дочь конунга Олава Шведского[77]. Николас сын Торберга управлял тогда сюслой[78] ближайшего тинга в Халогаланде. Все войско собралось на островах Солундир[79]. Туда прибыли конунг с Тости ярлом и пятью десятками лендрманнов[80].

Однажды утром, когда конунг ждал попутного ветра, он рассказал Тости свой сон. Ему привиделось, что на его корабль поднялся какой-то человек, и показалось, что он узнал в нем Олава конунга, своего брата.

– Он был в большом гневе, – сказал он, – и произнес вису[81]:

Князь не раз в сраженье
толстый[82] шел за славой;
пал в родных пределах,
смерть снискав святую.

Страшусь, тебе, княже,
путь домой заказан:
корм кобыле тролля[83]
дашь – вам Бог не в помощь.

Тости отвечает:

– Не мог Олав конунг сказать эту вису. Сдается мне, это скорее ворожба английских колдунов.

– Не думаю, – говорит конунг, – чтобы кто-нибудь был настолько сведущ в ворожбе, чтобы принять облик Олава конунга.

– Хорошим человеком был Олав конунг, – говорит Тости, – и все же колдуны принимали облик не менее святых людей, чем он.

Конунг отвечает:

– Я готов поехать с тобой в Англию, но лишь с тем, чтобы помочь тебе искать примирения с конунгом[84].

Тости отвечает:

– Если ты откажешься от военного похода, на тебя падет кара за принесенные клятвы.

Конунг говорит:

– Я буду стараться, чтобы этого не случилось.

Рассказывают, что когда конунг плыл вдоль Трандхейма, ⟨…⟩[85] к его кораблю в лодке какой-то человек и попросил конунга пристать к берегу и оказать помощь его больной жене. Конунг спросил, что у нее за хворь. Бонд сказал, что она уснула у ручья ⟨…⟩ привиделось, будто у нее во рту ⟨змея⟩, и с тех пор она постоянно хочет пить. Конунг отвечает, что корабль причалит к берегу:

– Вы убедитесь, что в вашем конунге нет высокомерия, хотя про него и говорят, что он суров и скареден.

Конунг сходит на берег, а с ним Тьодольв скальд[86]. Они приходят к этой женщине, и конунг распоряжается, чтобы ее отнесли к тому самому ручью, где она заболела. Там он велит положить ее ничком, губами к ручью. Конунг уселся подле нее с клещами в руках и велел развести рядом с ним огонь. Женщина горько плакала и просила дать ей пить, но конунг не позволял ей дотянуться до воды. Тогда мучившая ее боль переместилась выше, в горло, ее рот раскрылся и из него показалась голова змеи. Конунг ухватил голову змеи клещами, вытащил живую змею и швырнул в огонь. Затем женщину отнесли домой, и она быстро поправилась[87]. После этого конунг возвращается на корабль и плывет на юг вдоль берега со всем своим войском, которое он собрал на севере страны.

Рассказывают, что, когда конунг стоял у островов Солундир, туда прибыл корабль из Гренландии. Кормчим на этом корабле был человек по имени Трупный Лодин, прозванный так оттого, что он по просьбе святого Олава ко-

нунга доставил со Стоянки Финна, что находится к востоку от гренландских ледников, тела Финна Веселого и его команды[88], поскольку Финн был сыном Кетиля Теленка из Хрингунеса в Хейдмёрке и Гуннхильд, сестры Олава конунга[89]. Они спустили лодку и подошли на веслах к кораблю конунга. Лодин поздоровался с конунгом.

Конунг спросил:

– Как долго вы были в плавании?

Лодин отвечает:

– Семь ночей.

Конунг спросил:

– Не заметили ли вы чего-нибудь необычного?

Лодин отвечает:

– Не припомню ничего такого.

Тут его спутники развернули лодку. Тогда конунг сказал:

– Похоже, твои люди считают, что ты говоришь неправду. Расскажи все как есть.

Лодин говорит в ответ:

– По прошествии двух ночей после того, как мы покинули страну, мы заметили огонь, и он простирался так далеко, что ему не было видно ни конца, ни края. Он был голубым, как зажженное пламя. Дул попутный ветер, однако нам было невозможно миновать этот огонь. Тогда я принял решение направить корабль в то место, где пламя было пониже. Мы ⟨...⟩ жаром от огня, и оба края паруса обгорели ⟨...⟩ А когда мы плыли ⟨...⟩ наш корабль окутало густое облако. Сделалось так темно, что люди не различали собственных рук. Затем мы услыхали сильный грохот, и я посмотрел вверх. Тут облако раскололось и из него полил кровавый дождь ⟨...⟩ точно из огромного водопада, и этот поток крови обрушился на наш корабль, и я велел подставить ⟨щиты⟩ ⟨...⟩ и эту кровь можно увидать и теперь, и она свернулась, когда остыла, а когда лилась на нас, была горяча. А после того, как мы плыли еще три дня, мы услыхали страшный шум и увидали множество птиц, чьи названия были мне известны в Норвегии. Те из них, что летели всего ближе к нам, были ⟨самые большие⟩[90]. Они громко кричали и радостно клохтали. Они летели так в течение трех часов, и все это время на небе не было просвета, и все же мы ни разу не заметили над собой одной и той же птицы. После этого мы плыли еще два дня, прежде чем пристали к берегу вчера вечером. Тогда мы увидали тех же птиц, летящих назад с запада ⟨...⟩, самых больших птиц с ними не было, и все они летели молча и, казалось, были печальны, а долетев до берега, разлетелись в разные стороны и уселись каждая в своем месте. И больше мне нечего вам рассказать.

Конунг сказал:

– Ты хотел скрыть это от меня, когда сказал, что ничего не видал.

Лодин отвечает:

– Я сказал так, государь, поскольку счел, что в этом нет ничего странного, коли, как мне стало известно, вы приняли решение уехать из страны.

– Это отчего же? – спросил конунг.

Лодин сказал:

– А оттого что вам не суждено воротиться назад, и всегда следует ожидать чудесных знамений перед гибелью таких больших предводителей.

Конунг сказал:

– Не хочешь ли отправиться со мной?

Лодин отвечает:

– Тебе решать. Но я готов разыскивать тела твоих людей, которые там полягут.

– Я больше нуждаюсь в людях, пока я жив. И тебе следует отправиться со мной, поскольку ты сказал, что тебе известно все о наших делах.

Затем конунг сказал:

– Не кажется ли тебе это удивительным, Тости?

Тости говорит:

– Случись такое с правдивым человеком, это и впрямь можно было бы счесть весьма необычным.

Лодин говорит:

– Было бы куда лучше, когда бы ты, Тости, произносил не больше лживых слов, чем я.

Конунг разрешил Лодину уехать[91].

Сон Хуги священника

Одного священника звали Хуги, он служил в Авалснесе на острове Кёрмт[92]. Ему приснилось однажды ночью, что он будто бы глядит на кладбище и видит, что все, кто там были похоронены, восстали. Среди них был человек, которого они все толкали и перебрасывали от одного к другому. А по другую сторону от церкви был другой человек, и они тянули его каждый в свою сторону. Оттуда вышла женщина и направилась к священнику. Она была совершенно нагая. Священник спросил, отчего такая суматоха.

Она отвечает:

– Завтра, когда солнце будет на юго-востоке, в церковь должен прибыть труп, и никто не желает его принимать. А в полдень ожидается другой, и все хотят забрать его к себе. Я бы хотела, чтобы тот труп, что прибудет раньше, был похоронен на восточной стороне кладбища, а тот, что позже, – на северной, у церковной стены в том месте, где сходятся неф и хоры. Там вы найдете человеческие кости, и я желаю, чтобы вы обложили ими со всех сторон труп, потому что это мои кости.

– Скажи мне теперь, – говорит священник, – что произойдет с нашим конунгом, когда он уедет из страны.

Она отвечает:

– Он падет.

Священник спросил:

– И что за человек тогда станет править в стране?

– Он будет миролюбив, – говорит она.

– Как долго он будет править? – спрашивает священник.

– Семь зим и еще двадцать, – отвечает она.

– А каков будет тот, кто станет править после него? – говорит он.

– Потом к власти придет человек воинственный, – говорит она.

– И долго ли он будет править? – спрашивает священник.

– Десять зим, – говорит она.

– А что будет потом? – говорит он.

– Добрый Правитель, Милосердный Правитель и Суровый Правитель, – отвечает она.

– И кто из них просидит дольше всего?

– Суровый Правитель, – говорит она.

– Как же долго он будет править? – говорит священник.

– Пять зим и еще двадцать, – говорит она, – а после него будет много всякого злодейства. И больше я тебе ничего не скажу.

Священник просыпается, а днем туда, как она и говорила, приносят покойника. Тот же, кого она назвала миролюбивым, это – Олав Тихий, а тот, кого воинственным, – Магнус Голоногий. Добрый Правитель – это Эйстейн, тот же, про кого она сказала, что он Милосердный Правитель, – это Олав, а Суровый Правитель – Сигурд Крестоносец. И это Бог запретил ей говорить о тех злодействах, которые произойдут после[93].

Харальд Суровый высаживается в Англии

Теперь надо рассказать о том, что Харальд конунг выходит со своим войском в открытое море. Первым делом он приплывает на Оркнейские острова и оставляет там Марию, свою дочь[94], а также много другого народу. Оттуда конунг направляется в Англию. Они приплывают к Скардаборгу. Тут ветер стих, и они остановились там на ночь. Ночью люди пробудились от того, что сверху раздавалась песнь, и каждому из них показалось, что это было прямо над кораблем конунга. Все посмотрели вверх и увидали, что по небу верхом на волке едет великанша. На коленях у нее было корыто, наполненное кровью и кусками человеческих тел. Она произнесла три такие висы:

Зрим: на запад смелый[95]
спешит в тинге копий
сеять кости – *конунг*
нас потешит славно!
Сойка крови[96] скоро
сокола[97] со штевня
струга выбрать сможет,
радость мне даруя.
Радость мне даруя[98].

Рухнет гор громада[99],
косит мор народы.
Попран мир враждою,
вновь раздор повсюду.
Волчица лакает
кровь на юге – *люду*
буду песен горьких
Урд[100]– пусть всяк узнает!
Урд – пусть всяк узнает!

Близок бой, уж ведьмы[101]
тарч сияет алый;
прочит гибель князю
мать отродья турса[102].
Глядь: кидает в глотку
волку плоть людскую;
зверь не знает гладу,
кровью пасть окрасит.
Кровью пасть окрасит.

Конунг спросил у Тости, бодрствует ли он. Тости отвечает:

– Меня разбудила эта песнь.

Конунг сказал:

– Как, по-твоему: достойно ли это доверия?

– Ничуть, – говорит Тости.

– Коли так, у тебя мертвое сердце, – говорит конунг. – Я побывал во множестве сражений, однако никогда прежде не видывал подобных знамений.

Они пристают к берегу в месте, что называется Кливлёнд[103]. Конунг спрашивает у Тости:

– Как зовется холм к северу отсюда?

– Не всякому холму здесь было присвоено имя.

Конунг говорит:

– И все же у этого должно быть какое-нибудь имя, и ты должен сказать мне его.

Тости говорит:

– Это курган Ивара Без Костей[104].

Конунг отвечает:

– Немногим из тех, кто впервые ступил на берег у его кургана, удалось покорить Англию.

Тости говорит:

– Нынче нечего доверять всяким россказням, которые ходили в старину.

Они сходят на берег со своим войском, а некоторые остаются стеречь корабли.

Братья Мёрукари ярл, Вальтьов ярл и Аки, их зять, как только узнают о прибытии войска норвежцев, собирают войско. Они встречаются у реки, которая зовется Уса[105], и там между ними начинается жаркая битва, и она продолжается до трех часов пополудни. Затем Эйстейн прорвался сквозь строй английских ополченцев и сразил Аки Высокого. Видит он тут, что Мёрукари зашел в тыл воинам Тости, тогда он разворачивается и нападает со своими людьми сзади на отряды Мёрукари. А когда Мёрукари ярл замечает это, он призывает своих людей обратиться к ним лицом и доблестно защищаться. Дело закончилось тем, что они были обращены в бегство и устремились к реке. Мёрукари ярл пал там вместе с бóльшей частью своих воинов, а многие утонули. В это же самое время Харальд конунг захватил в плен Вальтьова ярла.

Тости подходит к конунгу и говорит:

– Пускай обоим братьям будет одна дорога.

Конунг отвечает:

– Убивай тех, кого ты сам захватил, а как поступить с ним – решать мне.

Конунг сказал Вальтьову:

– Я готов даровать тебе пощаду, если ты поклянешься никогда впредь не сражаться против меня, а еще давать мне знать о предательстве в тот же день, когда тебе станет об этом известно.

Вальтьов говорит:

– Не стану я клясться ради того, чтобы избежать смерти, и не перестану поддерживать Харальда, моего брата, пока это в моих силах. Однако я готов известить тебя, если узнаю о готовящемся предательстве, и согласен на этих условиях сохранить себе жизнь, но я не стану приносить клятву, поскольку не похоже, чтобы Тости собирался выделить мне большое наследство.

Конунг отпустил Вальтьова с миром, и разрешил ему отправляться куда тот захочет.

Тости говорит:

– Неразумно отпускать этого человека, да еще и решив, что он слишком хорош, чтобы взять с него клятву!

Конунг сказал:

– У меня больше доверия к его обещанию, чем к соглашению с тобой, хотя мы и ударили по рукам[106].

Тости сказал:

– Давай теперь пойдем на Лундун с нашим войском и разорим страну огнем и мечом. Не будем давать пощады никому – ни женщинам, ни детям.

Они так и делают и возвращаются на свои корабли, а после этого направляются на юг вдоль побережья и останавливаются у Хравнсейра[107]. Они не обнаружили в тамошних деревнях ни людей, ни скотины, поскольку все бежали от них.

Однажды, когда конунг стоял в одной бухте, сверху на берег спустилась верхом какая-то женщина и спросила, кто из них норвежский конунг. Конунг назвал себя. Она сказала:

– Я хочу подарить тебе шатер.

Тости сказал:

– Прими от нее шатер, а после вели сжечь его.

Конунг сказал:

– Сжигай то, что дарят тебе. Да только я не заметил, чтобы твои земляки оказывали тебе какие-нибудь почести.

Он приказал поставить шатер, и все в один голос говорили, что никогда не видывали такого красивого шатра. Конунг спрашивает, какую награду ей бы хотелось получить за шатер.

Она говорит:

– У меня двое сыновей и я хочу попросить пощады для обоих.

Конунг сказал, что обоим ее сыновьям и скотине будет сохранена жизнь, если он узнает, где они. После этого она уезжает прочь, а конунг проводит ночь в этом шатре, а наутро говорит Тьодольву скальду, что он думает, Тости был прав, когда сказал, что шатер этот скорее всего заговоренный – «потому что до сих пор у меня было семь разных замыслов, как в каком случае поступать, а теперь, сдается мне, я не припомню ни одного»[108].

Тьодольв отвечает:

– Как бы то ни было, мы собираемся осуществить то, что вы решили.

Конунг сказал:

– Теперь мы изменим наши планы. Сойдем на берег с двадцатью тысячами человек, а еще шестьдесят тысяч пусть остаются на кораблях, и их предводителями будут братья Эйстейн и Николас[109]. А Тости пусть сопровождает меня.

Конунг так и поступает, сходит на берег и принимается жечь и разорять все на своем пути, а когда он подходит к городу, который зовется Йорк, горожане отправляют ему весть, что желают сдаться на его милость и готовы связать себя клятвами. Конунг соглашается на это. Затем он отправляется на свои корабли, с тем чтобы заночевать там, а утром сойти на берег и занять

со своими людьми город. А когда наступил день, конунг стал собираться в город. Они захватили с собой щиты и надели шлемы, но никто, кроме сотни самых проворных, не надел на себя кольчуги[110].

Тости сказал:

– Величайшая это глупость – чуть ли не безоружными отправляться прямиком в руки к своим недругам, потому что вам не стоит доверять англичанам, когда вы находитесь в их власти. Как видно, дурно сказался на тебе, конунг, подарок той женщины, что поднесла тебе шатер.

Конунг сказал:

– Чего ж ты на этот раз опасаешься, Тости?

Тот говорит:

– Меня куда больше страшит, что ты решился ума, чем те висы, которые были сказаны о нас.

– Как бы то ни было, мне решать, – говорит конунг.

Норвежцы так плохо относились к Тости, что никто не желал прислушиваться к его словам.

В тот же самый вечер, когда Харальд конунг с норвежским войском отправился к своим кораблям, Харальд конунг сын Гудини явился с юга Англии и подошел к Йорку с непобедимой ратью и там узнал, как обстоят дела с норвежцами. Как только горожане прослышали о прибытии конунга, они нарушили свои обещания, которые дали норвежцам, и примкнули к войску Харальда конунга. И как только наступило утро, конунг выступил со своим войском к Стейнфордабрюггьюру, который теперь зовется Стэмфорд[111], и они двинулись навстречу друг к другу.

Харальд конунг сын Сигурда сказал:

– Что это там виднеется вдалеке: вихрь или пыль от конских копыт?

Тости отвечает:

– Конечно, пыль от копыт, и теперь вы сами сможете убедиться, каково это – доверять моим землякам.

Конунг велит своим людям остановиться и подождать, и вскоре видит, что на них движется в полном вооружении несметная рать. Тут подъезжает какой-то всадник и спрашивает Харальда конунга. Ему говорят, где он.

Тости сказал:

– Сюда прибыл Вальтьов, мой брат. Убей его.

Конунг запрещает делать это.

Вальтьов подъезжает к конунгу и приветствует его. Он просит его не теряя времени поворачивать к своим кораблям:

– Поскольку на вас идет Харальд конунг, мой брат, с несметной ратью, и вам было бы не под силу противостоять ему, даже если бы вы были вооружены, а теперь тем более.

Конунг сказал:

– Поезжай с миром, Вальтьов, и поддержи своего брата. Ты честно сдержал свое слово[112].

После этого конунг спросил, как им поступить, и большинство стало просить конунга возвратиться на корабли к оставшимся там воинам[113].

Конунг отвечает:

– Мне никогда еще не приходилось бежать, уклонившись от сражения, и я не сделаю этого и теперь. И я не позволю англичанам одержать победу, не только убив меня, но еще и обратив в бегство.

Затем он посылает людей на корабли сказать Эйстейну Тетереву, что нуждается в подкреплении, а сам велит трубить и выстраивает своих воинов в боевом порядке. Войско англичан также останавливается и начинает строиться. А когда расстояние между ними было немногим более двух полетов стрелы, к строю норвежцев подъезжают три человека[114] и спрашивают, услышит ли то, что они намерены сказать, Тости ярл. Один из них, тот, кто говорил, был невелик ростом и с виду человек щуплый, держался он очень обходительно. На нем был золоченый шлем, и он держал красный щит, на котором золотом был нарисован ястреб. Второй был человек высоченный и могучего сложения, он был очень хорош собой. Третий был человек рослый, узкий в поясе и широкий в плечах. Он ехал последним.

Тости велел первому рыцарю говорить то, что он намеревался сказать. Тот сказал:

– Харальд, твой брат, шлет тебе свой привет и предлагает тебе примирение.

Тости говорит:

– А что он предлагает сверх того, что уже предлагал прежде?

Рыцарь говорит:

– После всего, что произошло, он считает, что теперь ты заслуживаешь меньшего.

Тости говорит:

– Так или иначе, мы не намерены за это платить. Так что же он предлагает?

Рыцарь говорит:

– Он предлагает тебе пятую часть Англии и не станет требовать возмещения за своего брата[115]. Однако он сказал, что ты должен будешь возместить тот вред, который ты причинил стране.

Тости говорит:

– На это я не пойду.

Рыцарь говорит:

– Коли так, я не стану скрывать самого важного, что он велел передать: он скорее предпочел бы предложить тебе пол-Англии[116], чем чтобы вы стали решать в сражении, кому носить звание конунга.

– А что он предлагает Харальду, конунгу Норвегии?

Рыцарь отвечает:

– Раз уж он не пожелал удовлетвориться собственными владениями, я дам ему в Англии три с половиной локтя земли или несколько больше[117], так как ростом он будет повыше других людей, однако на большее ему тут нечего рассчитывать.

Тости сказал:

– Слишком поздно поступило это предложение. Мне частенько приходилось слыхать, как норвежцы говорили, что если бы мне было сделано хорошее предложение, я тотчас отказался бы от участия в их предприятии, но этого не будет.

Рыцарь сказал:

– В таком случае конунг возлагает всю вину за то, что случится, на тебя, – и поворачивает прочь.

Харальд конунг сын Сигурда разъезжал верхом на вороном коне с белой звездой во лбу и, пока они разговаривали, давал указания своим полкам. Тут конь под конунгом упал, и это повторилось трижды сряду. Конунг сказал:

– С чего бы это, брат Олав? – говорит он.

Тости рассмеялся и сказал:

– Ты думаешь, это Олав конунг уронил под тобой коня?

Тот отвечает:

– Если он отвернется от меня, я буду обязан этим тебе, как никому другому[118].

Он спешился и встал в строй. Конунг сказал Тости:

– Кто был тот рыцарь, что говорил с тобой?

Тости говорит:

– Харальд конунг, мой брат.

– Отчего ж ты сказал об этом так поздно? – говорит конунг.

Тости говорит:

– Я не хотел предавать его, ведь подъехав к нам, он оказал мне доверие.

– Он человек обходительный и видный и хорошо стоял в стременах, однако ему осталось недолго управлять страной[119]. А кто были те, что стояли по обе стороны от него?

Тости говорит:

– Один был Хельги сын Хейнрека, а другого зовут Бьярлейв[120].

– Не ожидал я увидать здесь этого человека. Он мне знаком, и я не отправился бы в этот поход, знай я, что он жив.

Тости говорит:

– Нам не должно быть дела до этого человека.

Тут Харальд конунг сын Гудини спрашивает:

– Лейв, кто тот рослый муж, под которым упал конь?

Лейв отвечает:

– То был норвежский конунг.

Конунг говорит:

– Он суров на вид и ему недолго осталось жить, так как похоже, что его дни сочтены.

Конунг Норвегии так построил свое войско, чтобы те его люди, которые были вооружены щитами, стали по кругу и прикрывали остальных – «а те, у кого нет защиты, пускай встанут за ними и сражаются из-за них».

Но когда оба войска сошлись, англичане окружили строй норвежцев. Прежде чем идти в бой, Хеминг открыл свое имя и рассказал обо всем, что ему довелось пережить. Тут англичане издали боевой клич.

Харальд конунг сын Сигурда сказал тогда вису:

И встречь ударам
синей стали
смело идём
без доспехов.
Шлемы сияют,
а свой оставил
я на струге
с кольчугой рядом[121].

– Это было плохо сочинено, – говорит конунг, – надо бы сложить получше.

В распре Хильд[122] – *мы просьбы*
чтим сладкоречивой
Хносс – главы не склоним —
праха горсти[123] – в страхе.
Несть на сшибке шапок
Гунн[124] оружьем вежу
плеч[125] мне выше чаши
бражной ель[126] велела[127].

Харальд конунг сын Сигурда приказал своим людям, чтобы те не кидались в бой очертя голову, но стояли крепко и ничего не страшились. Англичане нападали на них, однако норвежцы защищались так хорошо, что те ничего не добились. Тогда Харальд конунг сын Гудини сказал Хельги сыну Хейнрека:

– Что бы нам такого предпринять, чтобы сломать их строй? Ведь надо ждать, что к ним вот-вот подойдет подкрепление с кораблей, и тогда от наших нападений будет еще меньше толку, чем теперь, когда у них всего-то горстка людей.

– Нам следует, – сказал Хельги, – нападать на них еще отважнее, а если и это не поможет, отойти назад, и тогда, может статься, они решат, что мы обратились в бегство. Вот тогда-то их строй рассыплется и они бросятся преследовать нас, а мы как можно скорее повернем им навстречу.

Они так и поступили. И когда норвежцы увидали, что те повернули прочь, они бросились за ними, а когда те обратились против них, они уже не смогли построиться в другой раз[128]. Теперь битва была не на жизнь, а на смерть, однако в том месте, где стояли Харальд конунг и Тости, ничего не происходило. Тогда Харальд конунг сын Гудини сказал Хемингу:

– Что толку от твоего везения и меткости, если ты не посылаешь стрелу в конунга, когда только ты можешь узнать его?

Хеминг говорит:

– Я не собираюсь скрывать, что узнал его, но я не осмеливаюсь выстрелить в него из-за Олава конунга.

– Не знаю тогда, – говорит Харальд конунг, – зачем ты явился сюда, коли не желаешь сражаться. Пометь его своей стрелой, чтобы я смог узнать его, и тогда я сам застрелю его, поскольку мне Олав конунг не помеха.

Тогда Хеминг выпустил в конунга стрелу без наконечника, и она вонзилась ему в щеку и повисла. Конунг тотчас же выдернул ее, но после этого его стало легко узнать. После этого Харальд сын Гудини выстрелил и попал Харальду конунгу в горло. Конунг опустился на землю. Он сказал Тьодольву скальду:

– Подойди сюда, сядь и поддерживай мою голову, ведь и я долго держал высоко твою.

Тости подошел к конунгу и спросил, не ранен ли тот.

Конунг отвечает:

– Мне был послан всего лишь маленький кусочек железа, и все же я жду, что он не напрасно был вынут из горна. Я хочу, чтобы ты принял предложение своего брата и примирился с ним, я же приму ту часть державы, которая была мне предложена нынче утром.

Тости говорит:

– Сегодня вечером мы оба будем в гостях у одного хозяина.

Конунг говорит:

– Хотелось бы мне, чтобы тот хозяин, на которого ты намекаешь, никогда не оказывал мне гостеприимства.

После этого конунг умер[129].

Затем англичане издают боевой клич. Они говорят, что норвежский конунг пал, и предлагают Тости мир. Тогда Тости схватил знамя и заявил, что покажет им, что еще не все предводители норвежцев погибли – «пока я в состоянии сражаться».

После чего битва продолжается еще некоторое время.

Тут Хеминг сказал:

– Отчего ж вы теперь не побуждаете меня сделать выстрел, государь?

Конунг отвечает:

– Оттого что я не желаю выносить смертный приговор моему брату.

Хеминг отвечает:

– Достойно удивления, что вы охотно позволяете убивать ваших людей. Но я бы послал ему кое-что на память, если только вы не станете мне запрещать.

Конунг говорит:

– Я не стал бы мстить, даже если бы ему был причинен серьезный вред.

Тогда Хеминг выпустил стрелу, и она попала Тости в глаз. А Тости, когда в него вонзилась стрела, сказал:

– Бог узнает меня по этой отметине, – и сразу же умер[130].

После этого Харальд конунг предлагает норвежцам мир. Как раз в это время подошел Эйстейн Тетерев и спросил у Тьодольва скальда, как обстоят дела. Тьодольв сказал[131]:

Тяжела расплата,
воинов обманом
завлекли, на запад
зря привел нас Харальд.
Славный пал – *не сладко*
нам пришлось тут – конунг;
князь погиб, и войску
горше нет утраты.

Эйстейн сказал:

– Пойдем на них со всей отвагой и не станем прикрываться щитами, поскольку у нас тут не может быть другой цели, кроме как лечь костьми.

Их натиск был так силен, что все войско англичан повернуло вспять. Они говорят конунгу, что те, с кем им пришлось иметь дело, – не люди. Конунг отвечает:

– Это люди, и все они смертны.

Они долго бились, а потом Николас сказал:

– Мы так устали, что уже не в состоянии больше нападать на них.

Эйстейн отвечает:

– Твоя правда, и нам надо принять какое-то решение. Побежим к лесу: вряд ли много англичан бросится нас преследовать, так как они будут рады любой передышке. А мы там сбросим с себя броню и потом возобновим свой натиск, и каждый из нас будет биться ради славы, а не для того чтобы продлить себе жизнь.

Все сказали, что желают того же, и решили принять этот план. Тут англичане стали кричать и предлагать норвежцам мир. Тогда Эйстейн с другими норвежцами опять ринулись вперед и сказали, что те скоро убедятся, что норвежцам не нужна пощада. Сражение возобновилось вновь, и англичане сотнями бежали, покинув конунга. Николас сын Торберга бился с Хельги сыном Хейнрека, и так теснил его, что Хельги ничего не оставалось, как от-

скочить назад, защищаясь. Эйстейн Тетерев напал на конунга и Вальтьова. Битва была такая жаркая, что с тех пор в Англии всякий опасный бой стали называть Сечей Тетерева[132]. Многие были убиты там, и больше всего норвежцев, поскольку они сражались без доспехов. Видит тут Хеминг, что Николас одолевает Хельги. Тогда он выпускает стрелу Николасу под ребра, так что она пронзает его насквозь и выходит с другой стороны. Тогда пали Николас, Тьодольв скальд и множество норвежцев. Эйстейн продолжал сражаться и настолько приблизился к конунгу, что убил его знаменосца. Хеминг увидал это и выпустил стрелу Эйстейну под руку, она попала ему в сердце, и он пал, стяжав себе большую славу. Как только Эйстейн пал, норвежцы, все, кто только мог, обратились в бегство, но англичане не стали их преследовать. Когда Харальд конунг поехал после сражения в Лундун, его сопровождало не более пятисот человек. Он отрядил людей перенести в церковь тела тех, кто был убит, как своих воинов, так и норвежцев, а еще он разрешил Олаву сыну Харальда и всем оставшимся в живых норвежцам отплыть из Хравнсейра.

Вильяльм Незаконнорожденный

Как было сказано прежде, в Валланде правил Вильяльм Незаконнорожденный[133]. Он узнает о походе Харальда конунга в Англию. Он посылает гонцов во все концы своей державы и созывает большое войско. Он обращается к ним с речью и говорит:

– Вам известно, что вышло из нашего союза с Харальдом сыном Гудини. Мне только что доложили, что на его страну совершено нападение. Я хочу отправиться с этим войском, с тем чтобы отомстить за него, если с ним что-нибудь случилось[134]. Кроме того, сейчас самое подходящее время отомстить Харальду за тот позор, который он на меня навлек, и потребовать себе Англию. Даже если он и одержал победу, все его самые доблестные воины должны быть изранены и изнурены боем.

В тот самый день, когда Вильяльм готовился выехать из Рудуборга и уже сидел на коне, к нему подошла его жена, схватила его за стремя и хотела заговорить с ним. Однако он пришпорил коня, и она упала прямо перед ним, так что конь затоптал ее и она умерла на месте[135]. Он сказал:

– Чем хуже начало, тем лучше конец[136], а потому надо ожидать, что наш поход будет удачным.

Затем они взошли на корабли и поплыли в Англию, и как только высадились там, принялись разорять страну. Говорят, что, прежде чем приступить к разграблению страны, он приказал сжечь Ивара Без Костей[137]. Харальд конунг узнает об этом и созывает своих людей. Люди его были сильно изранены. Конунг предлагает им оставить страну, если они считают, что не в состоянии его поддержать, однако они все сказали, что желают следовать за ним.

Конунг говорит:

– Если вы не готовы служить мне верой и правдой, уж лучше оставьте меня.

Те заявили, что никогда не расстанутся с ним.

Он выступает со своим войском навстречу Вильяльму, и между ними завязывается жаркая битва. Это произошло спустя девятнадцать ночей после того, как пал Харальд конунг сын Сигурда[138]. Там полегло множество англичан, поскольку многие из тех, кто участвовал в этой битве, ни на что не годились. Они сражались весь день, и вечером Харальд конунг сын Гудини пал, а Хеминг, Хельги и Вальтьов построили своих воинов свиньей и выстояли.

Тогда Вильяльм сказал:

– Я дарую тебе пощаду, Вальтьов, если ты присягнешь мне в верности, и тогда ты получишь отцовское наследство и звание ярла.

Вальтьов говорит:

– Я не стану приносить тебе клятв, однако я готов обещать тебе свою верность, если ты выполнишь то, что предложил.

– Примиримся на этих условиях, – говорит Вильяльм.

Вальтьов спросил:

– А что же ты предложишь Хемингу и Хельги?

Вильяльм отвечает:

– Хельги получит отцовское наследство и звание ярла. Но он должен присягнуть мне в верности и обещать, что будет давать мне советы всякий раз, когда лучше моего знает, как поступить. А Хеминг останется при мне, и если он будет мне верен, я стану ценить его больше других людей.

Вальтьов спрашивает:

– Что вы оба скажете на это?

Хельги отвечает:

– Пускай Хеминг решает.

Хеминг отвечает:

– Я знаю, что вам, англичанам, кажется, что пора бы уже положить конец этому немирью. Мне же мало радости остаться в живых после этой битвы. И все же я не стану подвергать вас опасности дольше, чем вы этого хотите, хотя мне и кажется, что обещанный Вальтьову мир будет коротким.

Вальтьов отвечает:

– Уж лучше нам быть обманутыми, чем никому не доверять, и я не хочу, чтобы ради меня погибло еще больше людей.

Они прекращают сражение и получают пощаду.

После этого Вильяльм был провозглашен конунгом и они отправились в Лундун. Вальтьов испросил дозволения уехать домой и, получив его, отбыл восвояси в сопровождении двенадцати человек. Конунг поглядел им вслед и сказал:

– Неразумно было отпускать этого человека и позволить ему ехать на все четыре стороны, раз он не пожелал принести нам клятвы. Скачите за ним и убейте его.

Они так и сделали. Вальтьов спешился и запретил своим людям защищаться. Он зашел в одну церковь, и был убит там[139]. В ней его и похоронили, и люди считают, что он был хорошим человеком.

Исцеление Харальда конунга сына Гудини

На следующую ночь после того, как Харальд конунг сын Гудини был убит, на поле сражения пришел бедный селянин со своей женой, чтобы обобрать павших и присвоить себе их имущество. Они видят там груды мертвых тел и замечают среди них яркий свет. Тогда они посовещались и решили, что не иначе как среди мертвецов лежит святой человек. Принимаются они тут растаскивать в разные стороны трупы в том месте, откуда шел свет, и видят, что из груды тел высовывается рука, а на ней большое золотое запястье. Бонд взялся за эту руку и спросил, жив ли человек, которому она принадлежит. Тот отвечает:

– Я жив.

Старуха сказала:

– Стащи-ка с него трупы, сдается мне, что это сам конунг.

Они посадили этого человека и спросили, можно ли его излечить.

Конунг говорит:

– Не буду отрицать, что меня можно вылечить, однако не думаю, что вам это под силу.

Старуха сказала:

– Нужно попытаться это сделать.

Они подняли его, положили в повозку и отвезли к себе домой.

Старуха сказала:

– Вырежь у лошади сухожилие и отрежь ей уши, и если к тебе нагрянут люди, которые станут искать труп конунга, скажи им, что я безумна, а твою лошадь драли волки.

Они омыли конунгу раны, перевязали их и спрятали его у себя. Вскоре после этого туда являются люди Вильяльма конунга и спрашивают, не перенес ли тот к себе домой Харальда конунга, живого или мертвого.

Старик отвечает:

– Я этого не делал.

Те отвечали:

– Нет смысла скрывать это, так как к твоему дому ведут кровавые следы.

Старик говорит:

– Не больно-то меня заботит ваш конунг. В ночь перед сражением волки задрали мою лошадь, и для меня это куда горшая потеря.

Те ответили:

– Возможно это и правда, так как мы и впрямь видали здесь задранную лошадь. Однако мы все же хотели бы войти и обыскать дом на всякий случай.

Старик сказал:

– Нет конца моим несчастьям! Моя жена помешалась, услыхав, как трубят в рог, и когда раздался боевой клич.

Однако они все равно пожелали войти в дом. А когда они вошли, старуха сидела у очага и ела уголь. Завидев их, она вскакивает на ноги, хватает меч, осыпает их проклятиями и угрожает убить. Они выходят, посмеявшись над ней, и так и уезжают восвояси ни с чем и говорят конунгу, что не смогли отыскать тело Харальда конунга.

А старик и старуха втайне выхаживают конунга, пока тот не выздоравливает. Затем конунг посылает старуху к Хемингу, и она рассказывает ему, где конунг.

Хеминг говорит:

– Было бы неплохо, матушка, когда бы у тебя было хоть немного соображения.

Старуха отвечает:

– Я в своем уме.

На следующий день Хеминг приходит к конунгу, и это была очень радостная встреча. Они беседовали весь день напролет. Хеминг стал убеждать конунга проехать по всей стране и собрать войско, – «и тогда вы вскорости отвоюете страну у Вильяльма».

Конунг сказал:

– Я знаю, что это могло бы увенчаться успехом, однако слишком многие стали бы в таком случае клятвопреступниками, а я не желаю быть причиной столь большого зла. Поэтому я хочу поступить по примеру Олава конунга сына Трюггви, который, после того как он потерпел поражение в Стране Вендов[140], не захотел возвращаться в свою державу, а предпочел отправиться в Грецию и служил там Богу до конца своих дней[141]. И теперь я намерен распорядиться, чтобы для меня приготовили отшельничью келью в Кантарабюрги[142], где я частенько мог бы видеть в церкви Вильяльма конунга. Питаться же там я буду только тем, что мне станешь приносить ты.

Хеминг согласился с этим. Конунг дает старику со старухой много денег и после этого удаляется от мира. Так он живет отшельником три зимы, и ни один человек, кроме Хеминга и священника, который его исповедует, не знает, кто он такой.

Однажды, когда Хеминг приходит к Харальду, тот говорит ему, что захворал и что вернее всего умрет от этой болезни. А как-то раз, когда Вильяльм конунг сидел за столом, по всему городу принялись вдруг звонить в колокола. Конунг спросил, отчего это так прекрасно звонят. Хеминг отвечает:

– Полагаю, что скончался один монах, которого звали Харальд.

– Что еще за Харальд? – говорит конунг.

– Сын Гудини, – говорит Хеминг.

– И кто ж о нем заботился? – спрашивает конунг.

Хеминг отвечает:

– Это делал я.

– Если это правда, – говорит конунг, – то тебе предстоит умереть. Но прежде мы хотим взглянуть на тело.

Затем он направился в келью, где лежало тело отшельника. С него сняли всю одежду, и все узнали в нем Харальда конунга. Он был красив и благообразен, и все, кто стояли рядом, услыхали благоухание и поняли, что это был святой человек. Тогда конунг спросил у Хеминга, не желает ли тот сделать что-нибудь, чтобы спасти свою жизнь.

Хеминг спросил:

– А чего бы вы хотели от меня, конунг?

– Чтобы ты поклялся мне в том, что будешь так же верен мне, как был верен Харальду конунгу, и всегда будешь служить мне так же, как ему.

Хеминг говорит:

– Я скорее предпочту умереть с ним, чем жить с тобой. Однако я давным давно мог бы предать тебя, когда бы захотел.

– И то правда, – сказал конунг, – что если ты будешь убит, в Англии станет одним доблестным человеком меньше. И вот что я хочу тебе теперь предложить: я сделаю тебя самым могущественным бароном Англии и поставлю тебя во главе своей дружины. А если ты не согласишься на это, я готов выплачивать тебе доход в триста фунтов[143] каждый двенадцатый месяц, и живи в Англии, где тебе больше понравится.

Хеминг поблагодарил конунга за его предложение и сказал:

– Я готов остаться в Англии, но с этой поры я не желаю больше ничем владеть. Я хочу просить вас о милости: дозвольте мне удалиться в эту самую келью, и я хотел бы закончить в ней свои дни.

Конунг долго хранил молчание, а потом сказал:

– Поскольку эта просьба исходит от чистого сердца, она будет удовлетворена.

Затем Вильяльм велел одеть тело Харальда конунга в королевское облачение и устроить ему подобающие похороны, и он был погребен с великими почестями[144]. Спустя недолгое время Хеминг удалился в вышеназванную келью и служил там Богу до старости. В конце концов он ослеп и умер в своем уединении.

И здесь заканчивается рассказ о Хеминге.

ПРЯДЬ О ТОРСТЕЙНЕ ЛЮБОПЫТНОМ

Торстейном звали одного исландца, который явился к Харальду конунгу. Человек он был бедный и проворный, и конунг разрешил ему остаться. Он был не робкого десятка.

Как-то раз, когда конунг купался, Торстейн сторожил его одежду. И вот случилось так, что он берет в руки конунгов кошель и примечает в нем рукояти двух ножей. С виду они были золотые, однако концы у них выглядели так, будто их вырезали из дерева.

А когда конунг вышел из купальни и уселся рядом со своей одеждой, он увидал, чем тот был занят, и сказал:

– Тебе не пристало развязывать этот кошель. Принадлежи он кому-нибудь другому, тебе и тогда не следовало бы совать в него свой нос, на тебя же была возложена куда большая ответственность. Я принял тебя радушно и хорошо с тобой обходился, но теперь, похоже, ты навлек на себя большую беду.

Он пробыл там до лета, и конунг был с ним холоден.

Когда же подошло лето, конунг сказал:

– А теперь, исландец, пришла пора воздать тебе за твое любопытство[1]. Придется тебе раздобыть для меня точно такие же рукояти, причем я должен буду удостовериться в том, что они были взяты с того самого дерева, иначе тебя постигла неудача.

Торстейн сказал:

– Где же я смогу их разыскать?

Конунг отвечает:

– Ты сам должен поразмыслить над тем, в каких краях мне довелось путешествовать больше всего[2].

Тогда Торстейн пошел к раке святого Олава конунга[3]. А ночью ему привиделось во сне, что к нему явился некий муж и сказал, что Торстейн вовсе не ведает, куда ему надлежит идти:

– И вот тебе мой совет: пускайся-ка ты в путь сызнова[4].

После этого он проснулся и поступил как ему было сказано. Он странствовал, не зная отдыха, недосыпая и недоедая. Он пробирался сквозь лесную чащобу и наконец вышел к валуну. Там оказалось жилище отшельника, и тот хорошо его принял, поскольку он нуждался в пристанище. Он остался там на ночлег. Отшельник расспросил его, куда он держит путь, и Торстейн изложил ему свое дело с самого начала.

Отшельник сказал:

– Ты совершил то, чего не должен был делать, однако и расплатился ты за это сполна. Зато теперь ты на верном пути. Тебе осталось быть в дороге два дня и до полудня следующего дня. После этого ты увидишь островок, который сплошь порос лесом. Лес там на вид весь золотой, а в нем – логово змея. Если ты суме-

ешь добраться до этого островка вплавь, возьми себе два побега на рукояти, однако не вздумай уносить оттуда ничего другого и постарайся покинуть остров как можно скорее. На этом острове удается побывать только самым лучшим пловцам.

Затем он отправляется в путь и пересекает пролив. Тут он видит, что змей уполз в воду. Не было там недостатка в золоте – казалось, им покрыты все деревья. Он приметил красивую ветку, с которой прежде уже срезали побеги, подбежал к ней и срезал два черенка для ножа. Он собрался было взять еще, но тут услыхал змея, не мешкая бросился в воду и поплыл.

А когда змей воротился, он издал грозный свист, похоже, узнав, что в его владения проник человек, и поднялся на хвосте. Он обнаружил пропажу, бросился в погоню, и вскоре почти нагнал Торстейна. Тогда тот воззвал к святому Олаву конунгу и после этого увидал, что змей принялся плавать кругами, как если бы он ничего не видел, а потом повернул назад к острову.

Исландец же добрался до берега и больше никого не повстречал на своем пути. Он прошел множество земель и в конце концов воротился в Норвегию и встретился с Харальдом конунгом. Тот расспросил его во всех подробностях о его путешествии, и Торстейн поведал ему всю свою историю и показал черенки. Харальд конунг сравнил их с теми рукоятями, которые были у него[5], и увидал, что они взяты с одного дерева.

Тогда Харальд конунг сказал:

– Тебе сопутствовала большая удача, и поддержку тебе оказывал тот же, кто помогал и мне. Теперь я хочу получить от тебя эти черенки и дам тебе за них любые товары, какие ты только захочешь. Думаю, таково желание того, кто пребывал с тобой в пути, а это был святой Олав конунг, мой брат.

Торстейн первым делом отправился в Исландию, но все же он потом погиб в Англии вместе с конунгом[6].

ПРЯДЬ О ТОРСТЕЙНЕ ПАЛАТОЧНИКЕ

1

Ульв было имя одного человека, который жил в Теламёрке[1]. Он был херсир[2]. Жил человек по имени Гульдир[3], он происходил из Фифлавеллир в Тиндсдале[4]. Сына его звали Асгрим. Он был женат на Торкатле, по прозвищу Грудь. Асгрим получил отцовское наследство и был человеком уважаемым.

Как раз в то время, когда Асгрим собирался отправиться в викингский поход, жена его была на сносях, и Асгрим хотел, чтобы этого ребенка вынесли[5]. Вечером накануне его отъезда она разродилась. Асгрим приказал своему рабу похоронить мальчика.

Тот отвечает:

– Не лучше ли будет прежде приготовить могилу?

Асгрим сказал, что пожалуй. Мальчик лежал на полу. Тут они слышат, как мальчик произнес:

Мать сынка взяла бы,
мерзну на полу я.
Где ж пристало сыну
быть – не в отчем ль доме?
Брось точить железо,
дерн взрезать не вздумай —
Гадкое то дело.
Жить с людьми желаю[6].

Тогда Асгрим сказал:

– Конечно, ты будешь жить, родич, и судя по этому знамению, человеком ты станешь недюжинным.

Затем Асгрим велел окропить его водой[7], и он был назван Торстейном.

2

В то время в Норвегии правил конунг Харальд Прекрасноволосый[8], и он уже успел подчинить себе почти всю страну, чтобы все платили ему подать. Он призвал к себе человека по имени Торорм. Тот был родичем конунга и жил в Траме[9].

Конунг сказал:

– Я узнал, что жители Теламёрка не уплатили подать. Я желаю, чтобы ты потребовал ее уплаты от Асгрима, сына Ульва херсира, так как я не собираюсь никому прощать долгов. И мне стало доподлинно известно, что отец с сыном премного раздосадованы с тех самых пор, как я с таким трудом завоевал Норвегию. Однако я намерен и впредь держать ее в подчинении и получать все, что мне причитается.

Торорм отвечал, что готов поехать по поручению конунга, – «сдается мне, однако, что они едва ли согласятся».

Конунг сказал:

– Поглядим тогда, на чьей стороне сила. Но для начала поговори с ними по-хорошему.

И вот он едет и встречается с Асгримом. Он передает ему поручение конунга и требует от него уплатить столько же денег, сколько платят в других местах.

– И не позорьте себя отказом подчиниться законным требованиям конунга.

Асгрим отвечает:

– Насколько мне известно, мои предки сидели в этих владениях, не платя никакой дани. И хотя этот конунг и проявляет беспримерную алчность, я все равно намерен оставаться свободным и не платить подати.

Торорм отвечает, что, по его мнению, тот поступает неразумно, – «и не менее могущественным людям, чем ты, ссора с конунгом не принесла ничего хорошего».

Торорм отправляется к конунгу и рассказывает ему, как обстоит дело.

Конунг сказал:

– Раз так, мы скоро решим это дело. Мы захватим его угодья и добро, а ему оставим всего лишь пядь земли, – и призывает к себе Торира, своего управителя[10], чтобы тот все устроил.

После отъезда Торорма Асгрим созвал бондов на тинг и сказал:

– Надо ждать, что конунг плохо воспримет мой отказ. Я хочу послать ему не подать, а дары, и сделаю это первым из нас всех.

Затем он выбрал посланцев, чтобы те отвезли конунгу дары. Это был гаутский жеребец и в придачу к нему много серебра.

Посланцы являются к конунгу и говорят:

– Асгрим херсир посылает вам свой привет и пожелания благоденствия вашей державе. До него дошло ваше требование уплатить подать. Однако он не хочет платить ее и вместо этого послал вам множество подарков в знак своей дружбы.

Конунг сказал:

– Забирайте назад все его подарки. В этой стране я – конунг, и мне, а не ему, устанавливать в ней права и законы.

Пришлось тогда посланцам воротиться ни с чем.

Тут как раз приезжает Торорм и велит Асгриму созывать тинг.

Асгрим поднялся и сказал:

– Вам должно быть известно, чего от нас требует Харальд конунг. Сдается мне, здесь сейчас собралось большинство жителей Теламёрка из числа тех, к чьему мнению прислушиваются. Я хочу, чтобы мы сообща дали ответ людям конунга, так чтобы ответственность за это решение не лежала на мне одном. Можно ожидать, что конунг обратит свой гнев против того, кто возьмет это на себя. А теперь я хочу знать ваш ответ.

Бонды сказали, что он говорил от их имени, – «и мы не желаем платить подати».

– В таком случае вы выбрали себе самого неподходящего предводителя, – сказал Торорм. – Харальд конунг не давал спуску многим из тех, кто, как считалось, обладал не меньшей удачей, и все же им не поздоровилось.

Асгрим отвечает:

– Я поддерживаю решение бондов.

Тинг проходил на опушке леса. А когда он был распущен, Торорм сказал своему рабу:

– Ступай и убей Асгрима, а потом сразу же беги в лес.

Тот так и делает: пробирается сквозь толпу и наносит ему смертельный удар. Таково было распоряжение конунга. Бонды убили раба на месте, а Торорму удалось спрятаться в лесу, а затем добраться до корабля. И вот он является к конунгу и рассказывает ему, что произошло.

Конунг сказал:

– Едва ли сыщется раб отважнее этого. Я потому и выбрал его, что знал: кто бы ни убил Асгрима, он обречен. И я буду поступать так же сурово со всяким, кто пойдет мне наперекор.

3

Торстейн сын Асгрима был тогда в походе. Человек он был искусный, рослый и сильный. А когда он воротился домой из викингского похода, к нему пришли люди и поведали о гибели его отца.

Торстейн отвечает:

– Это все козни Харальда конунга, они его сгубили. И если Харальд конунг один будет все здесь решать, то в нашем роду скоро никого не останется.

После этого он превратил все отцовское наследство в серебро и движимое имущество и сказал, что не собирается мериться силами с Харальдом конунгом. В то время был большой исход из Норвегии в Исландию вследствие тех немалых дел, которые люди совершали из мести за свои обиды. И вот Торстейн собирается в Исландию, а с ним его брат Торгейр, десяти лет от роду, и Торун, сестра их отца, которая была приемной матерью Торгейра.

А когда корабль был готов выйти в море, Торстейн сказал своим спутникам:

– Когда мой отец не стал выносить меня, он наверняка подумал, что я не премину отомстить за него, ежели он умрет не от болезни. Пускай ответный удар и не падет туда, куда следует, – это не вызовет осуждения, раз он достанется человеку равному. А теперь я намерен отправиться в Траму к Торорму.

Он так и делает. Они прибыли туда глухой ночью и захватили их врасплох в доме.

Тогда Торстейн сказал:

– Я хочу, чтобы все знали: я здесь ради того, чтобы отомстить за своего отца, и я рассчитываю на вашу поддержку.

Его люди отвечали, что сделают все, что в их силах. Затем они подпалили усадьбу и сожгли Торорма со всеми его людьми в доме. Наутро они забили

скотину, снесли туши на корабль и после этого отплыли. Торстейн сказал, что теперь он с большей охотой отправляется в плавание, чем это было прежде, когда любой в Исландии смог бы попрекнуть его тем, что он не отомстил за своего отца.

И вот они выходят в море и приплывают в устье Кривой Реки[11]. Предводителем в округе в то время был человек по имени Флоси сын Торбьёрна. Он был одним из первых поселенцев[12]. Люди поехали к кораблю. Флоси тоже был там. Он сразу же свел знакомство с Торстейном и поинтересовался, что заставило его оставить Норвегию и приехать сюда.

Торстейн сказал:

– Подобно некоторым, мне пришлось поспешно покинуть Норвегию, поскольку я оказался в трудном положении – вышло так, что я провинился перед Харальдом конунгом. Я хотел бы поселиться здесь и быть свободным.

Тот сказал, что такое случается с теми, кто не желает покоряться, – «и у нас ты найдешь радушный прием».

По совету Флоси он занял землю над Викингским Ручьем и дальше до самого Свиного Пастбища и поселился в Восточном Перевале[13]. Он взял в жены Тордис дочь Гуннара, сына Сигмунда, сына Сигвата Рыжего[14], который пал у Песчаных Холмов. Сигват Рыжий был женат на Ингибьёрг дочери Эйвинда Ягненка, сына Кари из Бердлы[15], сестре Финна, отца Эйвинда Погубителя Скальдов[16]. Сына Торстейна и Тордис звали Гуннар.

Торстейн был человек достойный и у него во всем был достаток.

4

Рассказывают, что в устье Кривой Реки прибыл корабль, который привез опасную заразу и хворь, и люди остерегались приходить к тем, кто приплыл на этом корабле, чтобы не заразиться от них, и так продолжалось некоторое время.

Когда Торстейн узнал об этом, он сказал, что негоже, чтобы эти люди умерли оттого, что им не оказали помощь. Он отправился к ним и спросил, что у них за болезнь такая.

Те отвечали, что эта напасть была наслана на них колдовством[17], – «а теперь никто не желает о нас позаботиться».

Торстейн сказал:

– Не лучше ли вам будет поехать с нами?

А когда они прибыли домой, Тордис заявила, что неслыханное это дело – то, что он учинил, и собралась съезжать со двора. Однако Торстейн сказал, что так не годится, и разбил палатку неподалеку от хутора. Поэтому он получил прозвище Торстейн Палаточник[18].

Люди эти настолько изнемогли от истощения, что всем, кроме Торстейна, было невмоготу находиться при них. А вели они себя беспокойно оттого, что тот из них, кто дольше других оставался в живых, припрятал немало серебра и не желал, чтобы оно досталось кому-нибудь[19].

Торстейн впоследствии взял в жены Тордис дочь Сигфуса[20]. Их сыном был Скегги, отец Гуннара, который был отцом Скегги, а тот – отцом Лофта, отца Гуннлауга Кузнеца[21].

ПРЯДЬ О КРОВАВОМ ЭГИЛЕ

Жил человек по имени Рагнар, он был родом с юга Йотланда. Человек он был могущественный и владел двором, который называется Жилище Рагнара, этот двор находится в епархии Рипа[1]. Там также есть озеро, которое зовется Озером Рагнара. До конца жизни Рагнар был большим другом Свейна конунга сына Ульва[2]. Сына Рагнара звали Эгиль, это был человек искусный во всем. Он выделялся среди других людей ростом и силой, умело владел оружием и был очень воинственным.

И вот в Дании произошло такое событие: на Боргундархольме[3] умер один могущественный человек по имени Аки. Он был управителем двенадцати конунговых поместий. Боргундархольм лежит в море к востоку от Сканей. Это обширные владения и подчиняются они епископу, что сидит в Лунде[4]. Там четырнадцать церквей и двадцать конунговых поместий. И эти владения остались теперь без защиты и без правителя. Отправили тогда гонцов к Кнуту сыну Свейна[5], который был в то время конунгом Дании, и ему была доложена эта новость. Люди просили, чтобы он поставил над этими владениями кого-нибудь другого.

Как раз в это время прибыл к Кнуту конунгу Эгиль сын Рагнара и сказал, что желал бы сделаться его человеком и служить ему верой и правдой и выполнять те же обязанности, какие прежде были у его родичей.

Конунг отвечает:

– Ты, Эгиль, муж могучий и достойный, только не похоже, чтобы ты был удачлив во всем. Но поскольку ты человек доблестный, я хочу передать в твои руки Боргундархольм. На тебя будет возложена обязанность охранять эти владения и управлять этими землями от имени конунга, однако из тех поместий, что там находятся, три мы заберем себе.

Эгиль соглашается на эти условия и становится управителем тех владений. Очень скоро он сделался человеком могущественным и собрал множество народу, так что у него всегда была большая свита. Он щедро раздавал деньги и жил на широкую ногу. Летом он постоянно бывал в походах и возвращался с большой добычей, а зимой содержал на эти деньги своих людей. Он защищал свои земли, как подобает знатному мужу, и благодаря этому очень прославился. Так продолжалось некоторое время, и у него ушло куда как много денег, поскольку он получал меньше доходов от конунга, чем те люди, что несли там службу прежде него, хотя у него и было больше расходов. Конунгу это не понравилось, и он попросил Эгиля, чтобы тот уменьшил число своих людей, так как он запретил совершать набеги внутри страны и прочие бесчинства.

Случилось однажды, что Эгиль собрался уехать из страны со своим войском, у него было восемнадцать кораблей. Он направился в Страну Вендов[6], а когда прибыл туда, стал там воевать. Венды собрали несметное войско и выступили против Эгиля, и когда они сошлись, произошла большая битва и с обеих сторон было множество убитых. Эгиль отважно шел в бой и доблестно бился. Они сражались на кораблях, и рядом с кораблем Эгиля оказался корабль предводителя вендов. И когда разгорелась ожесточенная битва и люди, казалось, не могли понять, чья возьмет, Эгиль перескочил со своего корабля на корабль вендов и нанес смертельный удар их предводителю и тотчас же, как стоял спиной к своему кораблю, прыгнул назад. После этого венды обратились в бегство. Эгиль одержал там блестящую победу и захватил много добра. Он был настолько изнурен боем, что упал без чувств, а после, когда он сидел у себя на корабле, он попросил слугу принести ему попить.

Слуга отвечает:

– Нынче тут на корабле стоял такой грохот, что полопались бочки и все питье утекло вниз в трюм.

Эгиль говорит:

– Раз так, мне все равно будет чем напиться.

Слуга отвечает:

– Нет, господин, – говорит он, – ведь теперь это по большей части кровь, пролившаяся из ран.

Эгиль встает, снимает с головы шлем, спускается вниз в трюм и делает три больших глотка. После этого он поворачивает свои корабли и плывет назад с победой и осенью прибывает домой в Данию, а затем направляется на Боргундархольм. Зимой у него нет недостатка в средствах, чтобы содержать своих людей.

Эта весть разнеслась повсюду и дошла до Кнута конунга. Как и прочие, он хвалил Эгиля за отвагу и одержанную победу, однако помалкивал о дру-

гом – о том, что ему рассказали, как Эгиль утолял жажду. После этого происшествия Эгиль получил прозвище и его стали называть Кровавым Эгилем.

После того как Эгиль пробыл некоторое время дома, он отправился повидаться с Кнутом конунгом. Тот встретил Эгиля с почетом и принялся расспрашивать о его поездках. Эгиль с готовностью отвечал на все его вопросы. Затем конунг пригласил его побеседовать с глазу на глаз и спросил, правда ли то, что ему рассказали – что тот якобы напился человеческой крови. Эгиль сказал, что это не пустые разговоры, однако отговорился тем, что сделал это безо всякого умысла.

– Что же заставило тебя так плохо поступить? – говорит конунг.

Эгиль отвечает:

– На меня напала такая жажда, что не было мочи терпеть, а поблизости не нашлось никакого другого питья.

Конунг сказал:

– Это очень тяжкий проступок и большое преступление против христианской веры, а ведь говорят, что мы сурово караем за куда меньшие проступки. Но поскольку я доволен твоей службой, мы не станем на этот раз судить тебя за него так строго, как многие могли бы ожидать. Однако мы хотим дать тебе добрый совет, чтобы ты искупил свою вину перед Богом и первым делом покаялся перед священниками и наложил на себя епитимью. Что же до твоего проступка перед нами, то мы готовы простить его. Хотя то, что ты содеял, испив человеческой крови, представляется мне ничуть не меньшим злом, чем если бы ты отведал человеческой плоти.

Эгиль пообещал так и сделать. Он оставался у конунга еще несколько ночей, а перед тем как они расстались, пригласил конунга приехать к нему на пир.

– Я ожидаю, государь, – говорит он, – что, если вы посетите мое жилище, мне это принесет удачу.

Эгиль еще много всего наговорил конунгу. Тот пообещал приехать, когда минует зима. После этого Эгиль уехал домой. Эту зиму он сидел у себя дома на Боргундархольме.

И вот Кнут конунг снаряжается в поездку на Боргундархольм. Эгиль приготовил для него отменное угощение. Конунг является на пир в сопровождении многих людей. Там был большой покой, под стать конунговой палате, он был весь завешан щитами. Конунг пировал там три ночи и был очень весел. На прощание Эгиль преподнес ему богатые подарки.

Конунг сказал Эгилю:

– Ну что, Эгиль, – говорит он. – Прислушался ли ты к тому, о чем я тебе говорил в прошлый раз – чтобы ты покаялся священнику в своем злодеянии и примирился с Богом?

Эгиль отвечает:

– Нет, я об этом позабыл.

Конунг попросил его дольше не медлить с этим. Эгиль отвечал, что так и будет, и они расстались друзьями.

Летом Эгиль отправился в поход и вновь захватил большую добычу. Осенью он возвратился назад, однако не поехал повидаться с конунгом. Кнут конунг узнал, что Эгиль был летом в военном походе, и ему это весьма не понравилось, поскольку он запретил людям совершать набеги и грабежи в своих владениях. Зимой конунг послал за Эгилем и велел ему приехать к себе. Эгиль поехал к Кнуту конунгу, и тот хорошо его принял. Конунг и Эгиль повели беседу, и конунг спросил:

– Ходил ли ты опять в поход этим летом, Эгиль? – говорит конунг.

Эгиль говорит, что так и было.

Конунг сказал:

– Ты дурно поступаешь, отправляясь в викингские походы. Это языческий обычай, и я запрещаю тебе так делать. А еще мне донесли, что ты держишь при себе не меньше народу, чем бывает у конунгов, да и во всем ведешь себя так, как это у них в обыкновении, проматывая на это чуть ли не все свое добро, а когда у тебя не хватает денег, отнимаешь у других их имущество. Многие из тех, кто к нам приходили, жаловались на это. Я желаю, Эгиль, – говорит конунг, – чтобы ты уменьшил число своих людей и не строил из себя большего хёвдинга, чем тебе подобает по рождению. Если ты намерен и впредь служить нам, я хочу, чтобы ты поумерил свою спесь. А как, Эгиль, – продолжает конунг, – обстоит нынче дело с тем, о чем я тебе несколько раз напоминал, а ты должен был об этом помнить? Принес ли ты покаяние?

Эгиль отвечает на это с большой досадой:

– Сдается мне, государь, что хоть вы частенько и напоминаете мне об этом, я сам в состоянии решать, что мне следует делать.

Конунг сказал:

– Похоже, что все будет так, как я сказал, когда увидал тебя в первый раз, – навряд ли тебе во всем будет сопутствовать удача. И раз уж ты сам настолько пренебрегаешь собственным благом, я не желаю дольше принимать твою службу, и с этих пор ты не будешь больше охранять мои владения.

Эгиль отвечает тогда:

– Вам решать, государь, отдавать мне в управление свои поместья или нет. Однако вам наверняка покажется удивительным, – говорит он, – что я не стану жить скромнее оттого, что у меня будет меньше доходов. И я не буду навязывать вам свою службу, коль скоро вы в ней больше не нуждаетесь.

Конунг отвечает:

– Тебе не стоит так задаваться, Эгиль, – говорит он. – Ведь мне приходилось гнуть выи козлищам и пожирнее тебя. Вот только сдается мне, что оттого, что наша дружба расстроилась, хуже придется тебе, а не мне. И я пред-

вижу, – добавил конунг, – что с тобой еще приключатся вещи позначительнее всего, что случалось прежде.

Затем конунг с Эгилем расстались, и их прощание было не слишком дружеским.

После этого Эгиль перестал управлять владениями конунга на Боргундархольме, и тот поставил над ними другого человека. Эгиль сидел теперь дома в своей усадьбе, однако же не уменьшил число своих людей – скорее, их стало еще больше, и он жил ничуть не менее широко, чем прежде.

В то время в Норвегии правил Олав Тихий сын Харальда конунга, сына Сигурда. Он был женат на Ингирид дочери Свейна конунга, сына Ульва, сестре Кнута конунга[7], и между свояками была тесная дружба.

Однажды летом в Норвегии был снаряжен большой корабль, на нем было много всякого добра. Корабль этот принадлежал торговым людям, которые намеревались отправиться в Восточные Страны. Сперва они поплыли в Данию, оттуда на восток через Эйрарсунд[8], а потом на восток к Боргундархольму. Затем корабль этот пропал, так что ничего не было известно ни о нем, ни о том, что сталось с людьми, которые на нем были, и с грузом. Люди очень удивлялись этому, и многие гадали, что же такое могло произойти. Олав конунг из Норвегии послал сказать Кнуту конунгу датчан, своему свояку, чтобы тот попытался выяснить, что могло случиться с этим кораблем, и Кнут конунг пообещал выполнить его просьбу.

Кнут конунг снарядил несколько кораблей и собрался в поездку на Боргундархольм. С ним был Бенедикт, его брат, и двое братьев, одного из них звали Свейн, а другого Астрад. Они были датчане, люди могущественные и родовитые, оба они были прозваны по своей матери и их называли сыновьями Торгунны. Торгунна, их мать, была дочерью Вагна сына Аки[9]. О братьях ходила добрая слава, и Кнут конунг очень благоволил к ним. В этой поездке с Кнутом конунгом были также и другие хёвдинги, чьи имена не сообщаются. Кнут конунг поплыл на Боргундархольм со своими людьми, как только задул попутный ветер. Когда они проплывали мимо каких-то островов, конунг велел пристать к берегу, и они так и сделали. Затем конунг пошел вдоль берега. Там лежало множество больших камней. Конунг принялся разглядывать камни и увидал на многих из них рыжину. Конунг спросил у своих людей, что бы это могло быть. Те отвечали:

– Вы скорее сумеете узнать это, государь.

Конунг говорит в ответ:

– Думается мне, что здесь когда-то случился большой пожар. Может статься, что теперь откроется то, о чем я давно уже подозревал. Не буду скрывать, – говорит конунг, – по-моему, это дело чьих-то рук, но мы это вскоре выясним. На этот раз не станем здесь дольше задерживаться.

Затем конунг продолжил свое путешествие. Для него было устроено угощение неподалеку от усадьбы Кровавого Эгиля. Эгиль держал при себе очень много народу, так что у него была дружина под стать конунгам, и это при том что Эгиль перестал совершать набеги. Все дивились тому, как ему удается кормить такое множество людей, если он больше не добывает для этого средств, и все же было незаметно, чтобы у него не хватало денег на их содержание. Тамошние жители немало рассказывали конунгу об этом, а также о привычках Эгиля и его людей. В тот же вечер конунг отправил своих людей к Эгилю. Во главе их он поставил Бенедикта, своего брата, и вместе с ним в этой поездке были братья Свейн и Астрад. Они захватили с собой сотню человек. Они были в пути, пока ночью не прибыли в усадьбу Эгиля. У Эгиля и его людей было в обычае сидеть и пить до полуночи, и когда Бенедикт и его спутники явились в усадьбу, они направились прямиком в пиршественный покой. Эгиль и его люди поняли, что на них будет совершено нападение. Тут они схватились за оружие и приготовились защищаться. Бенедикт говорит, что им было бы разумнее сдаться. И когда Эгиль увидел, что сила на их стороне, он вышел и отдал себя в их руки. После этого Эгиль был схвачен, и его отвели к Кнуту конунгу, а сыновья Торгунны остались там с небольшим отрядом.

Когда Эгиль предстал перед конунгом, тот сказал:

– Много времени прошло с нашей прошлой встречи, Эгиль, – говорит конунг. – И я бы хотел, чтобы эта встреча была последней.

Эгиль отвечает:

– Теперь это в вашей власти, государь. Да только, сдается мне, никто не станет считать вас более великим предводителем или лучшим конунгом за то, что вы убьете ни в чем не повинных людей.

Конунг говорит на это:

– Теперь не время показывать свою заносчивость и упрямство. Мы схватили тебя для того, чтобы ты рассказал нам начистоту обо всем, что произошло, даже если это и весьма неприглядная история, однако мы твердо намерены докопаться до правды. Ты должен рассказать нам о корабельщиках, которых ты и твои люди, как мы считаем, убили и ограбили. Слишком уж долго это все скрывалось. И знай, – сказал он, – что мы побывали в том самом месте, где, по нашему мнению, было совершено это злодеяние.

Увидел тут Эгиль, что ему ничего не остается, как во всем признаться, поскольку он знал, что слишком многие из его людей были посвящены в это дело и что кто-нибудь из них непременно расскажет об этом, если их станут допрашивать с пристрастием.

Эгиль отвечает на это:

– Корабль, о котором вы спрашиваете, направлялся к тем самым островам, где вы побывали, и мы их выследили. Там мелководье, но норвежцы

ничего об этом не знали, и ночью во время отлива их корабль сел на мель. Тогда мы поплыли туда и перед рассветом подошли к торговому кораблю. Мы схватили и связали всех людей и забрали все добро, что было на корабле, а после отволокли корабль повыше на камни и сожгли все вместе – корабль и людей, так что не осталось никакого следа, разве что камни потом порыжели.

И после того как Эгиль рассказал все это, конунг сказал:

– Выходит так, как я и предполагал, – что ты заслуживаешь смерти. А теперь смотрите, знатные хёвдинги, – говорит конунг, – как он будет наказан за этакое злодеяние.

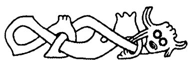
При этом присутствовали многие родичи Эгиля, весьма уважаемые люди, и они стали предлагать выкуп, чтобы он был отпущен с миром.

– Не бывать такому, – говорит конунг, – чтобы я поступился своей верой и согласился вынести неправый приговор в обмен на деньги или какую-то иную мзду, а то и чью-нибудь дружбу. Разве не карается смертью то, что он учинил? Он и тогда заслуживал бы смерти, если бы был убит один человек, но тут были убиты многие, а он с тех пор жил на украденное у них добро.

После этих слов, казалось, дурно было бы что-то говорить наперекор, да никто и не решился перечить конунгу. Затем Эгиля отвели в лес, воздвигли там виселицу и повесили его на ней. Потом конунг отправился в усадьбу, которой владел Эгиль, и приказал наказать его людей. Одних он распорядился убить, других покалечить, а кое-кого изгнал из страны, но никто из тех, кто принимал участие в этом деле или замышлял его, не избежал кары. Так он уничтожил эту банду грабителей. Все это вызвало большое недовольство, так как Эгиль был человек знатный и у него была многочисленная родня. После этого хёвдинги начали враждовать с конунгом, а вслед за ними и народ[10]. Они считали, что конунг забрал себе слишком много власти и скор на расправу, они же привыкли пользоваться свободой и творить беззакония.

И здесь заканчивается эта прядь.

ПРЯДИ ИЗ «САГИ О МАГНУСЕ ГОЛОНОГОМ»

ПРЯДЬ О ГИСЛЕ СЫНЕ ИЛЛУГИ

(В редакции «Саги о Магнусе Голоногом»)

1

Во времена правления Магнуса конунга[1] приехал из Исландии в Норвегию человек по имени Гисл. Он был сыном Иллуги сына Торвальда, сына Тинда. Тинд был братом Иллуги Черного[2]. Гислу было семнадцать лет, когда он отправился в Норвегию. Он вел себя скромно и был молчалив. Он нанялся к одному знатному человеку, звали его Хакон из Форборди[3]. Всю зиму Гисл почти ничего не ел и не пил и был всегда невесел. Как-то раз Хакон сказал Гислу:

– Я наблюдал за тобой и заметил, что у тебя всегда угрюмый вид. Похоже, ты обдумываешь что-то важное или решился на немалое дело. Скажи мне, что у тебя на уме, и каково бы ни было это дело, я сохраню его в тайне. Однако мне вряд ли понравится, если ты не захочешь мне открыться и отправишься отсюда совершать великие подвиги.

Гисл отвечает:

– Твоя правда, и я скажу тебе все как есть. Имя этого человека Гьяввальд, и как мне говорили, он теперь конунгов дружинник. Гьяввальд участвовал в убийстве моего отца вместе с Тормодом сыном Колли, своим тестем, там, в Исландии, и у меня на глазах нанес ему смертельную рану. Я за тем и приехал в Норвегию, что решил отомстить за отца или погибнуть.

– Безнадежная это затея, – говорит Хакон, – потому что Гьяввальд – ближайший человек Магнуса конунга и чужестранцу вряд ли удастся до него добраться. Но я не стану тебе мешать.

Магнус конунг сидел в эту зиму в Нидаросе, и Гьяввальд находился при нем в большом почете. Гисл отправился в город и по совету Хакона, своего хозяина, пошел на такую хитрость: он облил себе лицо горячим воском и дал ему застыть. От этого его лицо казалось обезображенным. Он подстерегал Гьяввальда, но ему все не представлялось удобного случая.

2

Как-то раз в субботу рано поутру Гисла остановил на улице сильный шум. Он увидал, что едет Магнус конунг, а с ним большая свита. Был там и Гьяввальд. Тут из одного двора вышла женщина с ребенком на руках, это была Хельга дочь Тормода, жена Гьяввальда. Она окликнула его, и он направился к ней, а конунг со свитой проследовал дальше. Потом Гьяввальд пошел по улице с каким-то человеком. Тут Гисл подбежал к нему и нанес удар. Удар пришелся в плечо, рука повисла, но не отскочила. Гьяввальд обернулся, и тогда Гисл нанес удар в другое плечо, и эта рана была такая же, как и первая. Гьяввальд упал. Гисл побежал вниз, к причалам, туда, где стояла лодка, груженная бревнами. Владельца лодки звали Торстейн, это был низкорослый исландец. Гисл вскочил в лодку к Торстейну, так что бревна попадали за борт, и принялся грести к Бакки[4]. Когда они оказались на середине реки, Гисл поднялся и прокричал в сторону причалов:

– Объявляю, – сказал он, – что это я нанес раны Гьяввальду, дружиннику Магнуса конунга, если он ранен, и я убил его, если он убит[5]. Готовым-к-Убийству звался я утром, а вечером, надеюсь, буду зваться Необреченным.

Затем они пристали к берегу у Бакки, и Гисл бежал на сушу.

Тут в городе затрубили и бросились искать его на кораблях и на суше. Его нашли в мелких зарослях и отвели в город. Конунговы люди обвинили Торстейна в том, что он перевез Гисла через реку, и сказали, что он-де также заслуживает смерти. Тогда Гисл сказал:

– Не обвиняйте его в том, в чем нет его вины.

Проходя мимо Торстейна, Гисл подхватил его. Тот был настолько мал ростом, что едва доставал ему до подмышек. Гисл подбросил его вверх одной рукой и сказал:

– Судите сами, – говорит он,– мог ли этот бедняга защитить от меня свою лодку, когда я подбрасываю его в воздух, как ребенка. Отпустите его с миром, потому что он невиновен.

Они так и сделали и сказали, что Гисл говорил хорошо и как подобает мужу.

Гисла заключили в оковы, которые повелел изготовить Харальд конунг сын Сигурда[6], и никому еще не удавалось из них освободиться. Он сидел в подземелье под надзором одной женщины. В городе тогда собралось множество народу. Там было три исландских корабля. Одним правил Тейт, сын Гицура епископа[7]; был там также Йон Священник сын Эгмунда, который потом стал епископом в Холаре[8]. В городе было не меньше трех сотен исландцев.

Магнус конунг был вне себя от ярости. Он сидел вместе с городским епископом; там находился и Йон Священник, он был другом епископа. Конунг сказал, что Гисл должен быть убит, и в этот момент колокол возвестил о начале праздника. Конунг сказал:

– Как, уже три часа? Взгляните-ка на солнце!

Так и сделали, и оказалось, что было только начало третьего часа[9]. Епископ сказал:

– Государь, хоть этот человек и содеял немалое, по случаю праздника ему бы следовало даровать пощаду.

Конунг сказал:

– Это ваша уловка, однако вы рассудили против моей воли.

– Вовсе нет, государь, – говорит епископ, – вам решать, как с ним поступить.

Затем собрались исландцы. Там было много родичей и друзей Гисла; они обсуждали это дело и советовались, что предпринять. Они были в большом затруднении и так ни о чем и не договорились.

3

Наступило воскресенье, и конунгу передали, что Гьяввальд хотел бы с ним увидеться. Конунг пришел к нему. Гьяввальд сказал:

– Я хочу, государь, привести в порядок мои дела, потому что не знаю, сколько мне еще отпущено времени. Я хотел просить вас даровать Гислу пощаду. Он храбро отомстил за своего отца.

– Не стоит на это рассчитывать, – говорит конунг.

Гьяввальд сказал:

– Ты знаешь, конунг, что я долгое время следовал за тобой повсюду и не раз рисковал своей жизнью ради твоей. Я всегда с готовностью выполнял все поручения, какие ты на меня возлагал, хороши они были или плохи, и теперь, может статься, это наша последняя встреча. Я уже беседовал со священниками и поведал им о своих делах и причастился. Они говорят, что я смогу заслужить спасение, если прощу то зло, которое причинили мне. И я ожидаю, государь, что ты не станешь преграждать мне путь в царствие небесное тем, что предашь смерти этого человека.

– Будь по-твоему, – говорит конунг. Он ушел, а Гьяввальд вскоре умер.

4

В понедельник рано поутру исландцы держали совет. Тейт сказал:

– Не много нам чести, если наш земляк и достойный собрат будет убит, однако все мы видим, что любой, кто ввяжется в это дело, рискует и жизнью своей, и имуществом. Предоставим конунгу решать, и если не удастся сохранить жизнь этому человеку, то пускай и мы все умрем, а нет – так всем будет дарована пощада. Мы должны выбрать своего вожака и слушаться его.

Они все высказались за то, чтобы он стал их предводителем, а они будут следовать его советам. Он сказал:

– В таком случае вы все должны поклясться мне в том, что не станете жалеть ни себя, ни своего добра ради того, что я сочту нужным предпринять в этом деле.

Они так и сделали.

Потом они пошли в баню, и тут затрубили в рог. Тейт тотчас же выскочил из бани. Он был в рубахе и полотняных штанах, лоб ему обхватывал золотой шнурок, а поверх рубахи изнанкой наружу накинут был двухцветный плащ на сером меху, алый с коричневым.

Сбежались все исландцы, однако, когда трубят на сходку, всегда проходит какое-то время, прежде чем соберется народ. Тейт сказал:

– Пойдем не мешкая к дому, где сидит Гисл, чтобы подоспеть туда раньше конунговых людей.

Они двинулись по улице с большим шумом, а у той женщины окно как раз выходило на улицу. Она выбежала поглядеть и сказала Гислу:

– Большое несчастье, что ты здесь, потому что сюда идут люди конунга.

Гисл отвечает:

– Не будем из-за этого горевать, хозяйка.

Он сказал тогда такую вису:

Вешать нос до срока
скальд не станет, – *сталью*
ноги нам нагреют –
хоть сулят расправу.
Смерть не диво, дева,
древо сечи[10] хочет
подвиг свой восславить
висой напоследок.

Тут они принялись рубить дверь, и она с треском разлетелась. Люди увидели, что Гисл слегка шевельнулся. Тейт сбил с него оковы, взял его в свой отряд, и они отправились на сходку. А навстречу им шел Сони Предводитель Гостей[11]. Он шел забрать Гисла. Он сказал:

– Вы, исландцы, не теряли времени даром. Сдается мне, что вы решили сами вершить суд над этим человеком. Но конунг и его люди хорошо помнят, что вы натворили нынче утром, а Магнус конунг не прощал и меньших оскорблений, чем убийство его дружинника этим салоедом[12].

5

Когда начался тинг, первым поднялся Сигурд Шерстяная Нитка[13]. Он сказал:

– Я полагаю, большинству присутствующих известно, что убит наш товарищ по оружию, Гьяввальд. Приехал из Исландии человек с обвинением

против него, но не стал требовать себе возмещения, как поступают другие, а взял и убил его. Нам, людям конунга, кажется, что иные считают пустяком перебить по одному всех конунговых дружинников. Может статься, со временем они так расхрабрятся, что и с самим конунгом будут считаться не больше, чем с другими. То, что здесь произошло, – большой позор и заслуживает жестокой кары, и это дело не поправить, даже если за одного нашего человека убить десятерых исландцев, и так наказать их за дерзость, чтобы им впредь неповадно было захватывать людей, находящихся во власти конунга.

И он умолк. Тогда встал Тейт, сын епископа, и сказал:

– Не разрешит ли конунг теперь мне взять слово?

Конунг спросил у человека, стоявшего рядом:

– Кто этот человек?

Тот отвечает:

– Государь, это Тейт, сын епископа.

Конунг сказал Тейту:

– Ни в коем случае не разрешу я тебе говорить, потому что от твоих речей не приходится ждать ничего хорошего, и ты заслужил, чтобы тебе отрезали язык.

Тогда встал Йон Священник сын Эгмунда и сказал:

– Не разрешит ли конунг мне сказать несколько слов?

Конунг спросил:

– Кто теперь говорит?

Тот человек отвечает:

– Исландский священник Йон.

Конунг сказал:

– Разрешаю тебе говорить.

Йон Священник начал свою речь так:

– Благодаренье Богу, эти страны стали христианскими, и Норвегия, и Исландия, ибо прежде бродили вперемежку и люди, и демоны, а нынче дьявол остерегается показываться нам на глаза. Теперь он использует людей для исполнения своих замыслов. Вот и сейчас, как все мы слышали, он говорил устами того, кто здесь только что выступал. Уже был убит один человек, а он убеждает нас, что нужно убить еще десятерых. Я думаю, такие люди многого добьются своими дурными делами и злыми уговорами, если захотят отвратить хёвдингов от справедливости, милосердия и прочих добрых привычек и станут подстрекать и подбивать их творить жестокости и злодейства, дабы порадовать врага рода человеческого убийством крещеных людей. А ведь мы, государь, такие же верные тебе люди, как и те, что живут в этой стране. Следовало бы вам, правителям, которые сидят в этом мире и вершат суд над народом, подумать о том, что вы представляете на земле того Судию, который придет в Судный день вершить суд над всем миром. И теперь, государь, в вашей власти

вынести правый приговор и остеречься выносить неправый, ибо на всякий тинг и на всякую сходку является сам всемогущий Господь со своими святыми. Бог посещает добрых людей и правый суд, а дьявол приходит со своими слугами к дурным людям и на неправый суд, и можно не сомневаться, что придет Судья, который рассудит обе стороны по справедливости. Подумайте-ка теперь, государь, какой огонь горит жарче и дольше, тот ли, что разведен в печи, когда жгут дубовое полено, или тот, что зажжен от сухой ветки. Так вот, если ты, конунг, будешь вершить неправый суд, то быть тебе брошенным в тот огонь, где горит дубовое полено, но если ты рассудишь по справедливости, то можно надеяться, что ты очистишься в том огне, что зажжен от сухой ветки.

Так окончил Йон Священник свою речь. Конунг сказал:

– Сурово ты говорил, священник.

Однако не было заметно, чтобы он был сильно рассержен. Тогда встал Гисл и сказал:

– Не позволишь ли, конунг, и мне сказать несколько слов?

Конунг спросил, кто говорит. Ему сказали.

– Я не стану тебе препятствовать, – говорит конунг.

Гисл сказал:

– Я хочу рассказать о том, что отец мой был убит, и это дело рук Гьявальда и Тормода. Мне тогда было шесть лет, а Торвальду, брату моему, девять. Мы оба присутствовали при убийстве моего отца. Гьяввальд тогда сказал, что и нас, братьев, также следует убить. И не очень-то достойно мужчины рассказывать о том, государь, что мне тогда трудно было сдержать слезы.

Конунг сказал:

– Однако ты их мужественно проглотил.

Гисл сказал:

– Сказать по правде, государь, этой весной я долго подстерегал Гьявальда и дважды был совсем близок к цели. В первый раз дело кончилось ничем из-за моего почтения к церкви, а в другой раз мне помешал колокольный звон. И теперь я думаю, что колокольный звон может спасти мне жизнь. Однако я сочинил о вас хвалебную песнь[14] и хотел бы ее исполнить.

Конунг сказал:

– Говори, если хочешь.

Он исполнил песнь с достоинством, однако в ней было немного искусства. Потом Гисл сказал Тейту:

– Вы отнеслись ко мне с большой добротой, но теперь я не хочу дольше подвергать вас опасности. Я хочу отдать себя во власть Магнуса конунга и подчиниться его воле.

– Поступай как знаешь, – говорит Тейт.

Гисл снял с себя оружие, подошел к конунгу, положил голову к нему на колени и сказал:

– Делайте теперь с моей головой что хотите. Однако я буду благодарен, если вы даруете мне жизнь и сделаете меня таким человеком, каким пожелаете.

Конунг отвечает:

– Сам будь хозяином своей голове. Садись за стол на место Гьяввальда, ешь и пей и исполняй ту же службу, что выполнял он прежде[15]. Я поступаю так по просьбе Гьяввальда, моего друга. А теперь я вызываю восьмерых исландцев быть поручителями в этом деле. За убийство Гьяввальда я назначаю штраф в шестнадцать марок[16] золотом. Половину должен уплатить ты, а другую половину пусть уплатят по марке поручители.

Они поблагодарили конунга и на том уладили это дело. Потом конунг обратился к Йону Священнику:

– Мне понравилась твоя речь, ты говорил от Божьего имени, и я хотел бы, чтобы ты за меня молился, потому что твои молитвы имеют большой вес у Господа, ибо я верю, что ты поступаешь так, как угодно Богу.

Тот пообещал конунгу молиться за него.

Однажды, когда Йон Священник шел по улице, к нему обратился какой-то человек:

– Зайди в этот дом, – сказал он, – с тобой хочет увидеться Сигурд Шерстяная Нитка.

Он так и сделал. Сигурд сказал:

– Не знаю, священник, в чем тут дело, однако твои слова пошли мне во вред, и я заболел. Я хочу, чтобы ты прочел надо мной молитвы.

Он так и сделал и благословил его. Тогда Сигурд сказал:

– Многое могут сотворить слова твои, и суровые, и добрые, потому что мне уже полегчало.

Сигурд дал Йону Священнику богатые подарки, и они расстались друзьями. Этот Сигурд основал мужской монастырь на Нидархольме[17] и передал ему большие владения.

После этого Йон Священник и Тейт сын епископа уехали в Исландию. Тейт сделался большим человеком, но прожил недолго, а Йон Священник стал епископом в Холаре и теперь считается святым.

Дополнение 3

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ «ПРЯДИ О ГИСЛЕ СЫНЕ ИЛЛУГИ»

ПРЯДЬ О ГИСЛЕ СЫНЕ ИЛЛУГИ

(*В редакции А «Саги о Йоне Святом»*)

Когда святой Йон[1] покинул Исландию на этот раз, в Норвегии правил Магнус конунг сын Олава, сына Харальда, сына Сигурда[2]. И когда святой Йон прибыл на север в Трандхейм, конунг был там.

В то время в Норвегии находились многие исландцы. Там тогда был Тейт сын Гицура епископа[3]. И вот случилось так, что исландец по имени Гисл совершил убийство, а человек, которого он убил, был дружинником Магнуса конунга. Гисл же решился на этот безрассудный поступок оттого, что должен был отомстить за своего отца. Человека, которого он убил, звали Гъяввальд, и он принимал участие в убийстве Иллуги, отца Гисла[4].

Сразу же после убийства Гисл был схвачен людьми конунга и заключен в оковы. Как только исландцы узнаю́т об этом, они тотчас же отправляются все вместе к дому, где сидел Гисл. Их предводителем был Тейт. Он сбивает с Гисла оковы и уводит его с собой.

После этих событий конунг повелел созвать тинг. Он был сильно разгневан, так что дело принимало самый что ни на есть опасный оборот. На этом тинге всем исландцам, кроме святого Йона, было запрещено говорить о своем деле. Он получил от конунга дозволение выступить и говорил об этом деле так долго и с таким красноречием, что люди с тех пор хранят в памяти его слова. Он просил пощадить Гисла и даровать ему жизнь, и его речь возымела такое благое действие, что конунг сменил гнев на милость, и те, кому еще недавно грозила казнь, обрели мир и пощаду.

Лендрманн[5] же Магнуса конунга, что звался Сигурд по прозвищу Шерстяная Нитка[6], проявивший наибольшую враждебность по отношению к Йону, получил за это возмездие прямо на тинге. То была смертельная болезнь, столь жестокая, что он не мог сносить ее без стенаний, пока со смирением и раскаянием не призвал к себе Йона, чтобы тот возложил на него руки со святыми молитвами. Йон с милосердием совершил то, что от него ожидалось, и прочитал над ним молитвы. Тот сразу же выздоровел и попросил прощения за то, что говорил ему наперекор, и они расстались с миром.

А Магнус конунг препоручил себя молитвам Йона и наделил его подобающими дарами, после чего они расстались большими друзьями.

ПРЯДЬ О ГИСЛЕ СЫНЕ ИЛЛУГИ

(*В редакции В «Саги о Йоне Святом»*)

1

После этого блаженный Йоханнес[1] уезжает с юга из Дании по великой милости и с великодушного дозволения Свейна конунга[2], держа путь в Норвегию, и прибывает на север в Трандхейм, с благочестивым намерением посетить святые мощи благословенного Олава конунга[3], мученика Божьего. В то время в Норвегии правил Магнус конунг Добрый, сын Олава конунга, прозванный Магнусом Голоногим, внук Харальда сына Сигурда[4].

Конунг тогда сидел в Трандхейме. Там в это время было множество исландцев, Тейт сын Ислейва епископа[5] и немало других могущественных людей. И вот свершилось там злое дело: один исландец по имени Гисл[6] убил дружинника Магнуса конунга, которого звали Гьяввальд. А подвигло на это злодеяние уже упомянутого Гисла то, что он должен был отомстить за своего отца, поскольку, когда Гисл был еще ребенком, Гьяввальд убил в Исландии Иллуги, его отца[7].

Теперь надо рассказать о том, что сразу же после убийства Гьяввальда Гисл был схвачен, закован в кандалы и брошен в темницу. И как только исландцы, что были в городе, узнаю́т об этом, все они немедля идут к темнице, в которой сидел заключенный в нее Гисл. Тейт сын епископа первым подошел к дверям темницы. И вот он и с ним три сотни исландцев налегли на дверь, и она с треском разлетелась. Тут Гисл слегка шевельнулся. Люди увидали это.

А прежде чем они пришли, Гислу сказали, что туда направляются люди конунга. Он тогда сказал вису:

Вешать нос до срока
я не стану, – *сталью*
ноги нам нагреют –
хоть сулят расправу.
Смерть не диво, дева,
ясень сечи[8] хочет
подвиг свой восславить
висой напоследок.

Тейт сбил с него оковы и взял его под свою защиту, после этого они отправились на сходку[9]. Навстречу им шел Аудун Предводитель Гостей[10], он и его люди намеревались забрать Гисла.

Тут Аудун сказал:

– На этот раз вы, исландцы, не теряли времени даром и, сдается мне, вы решили, что сами вместо конунга будете вершить суд над этим человеком.

Однако неплохо было бы вам помнить о том, что вы натворили нынче утром[11], ведь Магнус конунг не прощал и меньших оскорблений, чем захват осужденных на смерть людей какими-то салоедами[12].

Тейт отвечает:

– Молчи, негодяй, а то как бы тебя не вздули!

После этих слов Аудун удалился.

2

Как только начался тинг, поднялся Сигурд Шерстяная Нитка[13] и сказал:

– Я думаю, большинству собравшихся здесь известно, что убит наш товарищ по оружию, Гьяввальд. Приехал из Исландии человек с обвинением против него, однако не стал требовать себе возмещения, как поступают другие, но сам учинил над ним расправу, нанеся ему смертельную рану. Нам, людям конунга, кажется, что, если оставить это неотомщенным, иные могут счесть пустяком перебить так всю дружину. Теперь, может статься, они так расхрабрятся, что и с самим конунгом будут считаться не больше, чем с другими. Случившееся здесь – это величайшее злодеяние, и оно заслуживает жестокой кары, и это дело не поправить, даже если за одного норвежца убить десятерых исландцев и тем наказать их за дерзость, чтобы им впредь неповадно было захватывать людей, находящихся во власти конунга.

И он умолк. Тогда встал Тейт сын епископа и сказал:

– Не угодно ли моему государю дозволить теперь сказать мне?

Конунг спросил у человека, который стоял рядом с ним:

– Кто это просит слова?

– Государь, – говорит тот, – Тейт сын епископа.

Конунг сказал гневно:

– Разумеется, мы не позволим тебе говорить, так как от твоих речей не приходится ждать ничего хорошего, и ты заслужил, чтобы тебе отрезали язык.

Многие исландцы просили дать им слово, но никто из них не получил разрешения говорить.

3

Потом поднялся Йон Священник и сказал:

– Не позволит ли государь высказаться мне?

Конунг спросил:

– Кто говорил сейчас?

Ему сказали, что это Йон Священник просит дать ему слово.

Конунг сказал:

– Мы разрешаем тебе говорить.

Тогда святой Йоханнес начал свою речь так:

– Благодаренье Господу нашему Иисусу Христу, страны эти нынче христианские, и Норвегия, и Исландия, тогда как прежде все бродили тут вместе – люди и дьявол. Теперь же дьявол остерегается показываться людям на глаза, как раньше, и все же он принуждает людей быть его приспешниками и использует их для исполнения своих проклятых замыслов. Вот и теперь нам всем недолго припомнить, как он вещал устами того, кто выступал здесь первым, говоря так: «Убит один дружинник конунга, и следовало бы убить десятерых исландцев за одного норвежца». Но подумайте о том, добрый государь, что мы, исландцы, такой же верный вам народ, как и тот, что живет в этой стране, и я считаю, что подобные люди своими злыми уговорами первым делом добьются того, что выпустят на волю самого дьявола. Следовало бы вам, правителям, что сидят в этом мире и вершат суд над народом и представляют на земле того Судию, который придет в Судный день вершить суд над всем миром, дабы воздать каждому по заслугам, задуматься о том, что вам дóлжно вершить правый суд. Ибо на всякий суд и на всякий тинг является сам всемогущий Господь со своими святыми – он посещает добрых людей и правый суд. Также и дьявол приходит туда со своими слугами, посещая дурных людей и неправый суд. И все же в конце концов наступит Суд, который рассудит всех по справедливости. Подумайте-ка теперь, государь, какой огонь горит жарче: тот ли, что разведен в печи, когда жгут дубовое полено, или тот, что зажжен от сухой ветки. Так вот, если вы, государь, станете вершить неправый суд, то тогда, может статься, быть вам брошенным в тот огонь, где горит дубовое полено. Но ежели вы, конунг, будете судить по справедливости, можно надеяться, что вы тогда очиститесь в огне Чистилища – том, что зажжен от сухой ветки.

Конунг сказал:

– Сурово ты говорил, священник, и тем не менее этот человек заслужил самую жестокую казнь за то, что он содеял.

Конунг был в сильном гневе и повелел Аудуну Предводителю Гостей забрать Гисла у Тейта и его сторонников и не останавливаться ни перед чем, если те вздумают оказать сопротивление.

И вот, поскольку Аудун исполнился ярости и был подстрекаем многими, он не мешкая взялся за дело с большим рвением, и у него не было недостатка в помощниках. Исландцы же, со своей стороны, приготовились обороняться и вознамерились защищать Гисла до последнего вздоха – покуда они будут в состоянии держаться на ногах.

Но когда Аудун со своим отрядом подошел к тому месту, где находились исландцы, Гисл бросился к людям конунга и сдался им, говоря:

– Никогда не бывать такому, чтобы по моей вине погибло столько достойных людей, поскольку мне все равно предстоит умереть – не сейчас, так потом. Так что ради Бога, – сказал он, обращаясь к своим товарищам, – по-

берегите себя, ведь нынче все могли убедиться в вашей отваге и готовности скорее пасть, чем отдать меня во власть моих недругов, и примите большую благодарность за ваши добрые намерения.

4

И вот Аудун и его люди забирают Гисла, и они довольны тем, что, хотя исландцам это и не понравилось, они не стали их преследовать, так как это было бы неразумно по причине превосходства сил конунговых людей, а также потому, что при этом присутствовал сам конунг. Аудун идет не мешкая и велит воздвигнуть на тинге высокую виселицу, вознамерившись самым решительным образом отомстить за своего товарища Гьяввальда и предать величайшему бесчестью и Гисла, и всех, кто хотел поддержать его и был готов оказать сопротивление. И все ради того, чтобы посрамить тех, кого, как казалось ему, он одолел, хотя бы среди них и были самые лучшие люди, каковым был святой Йон Священник, который, как явствует из предстоящего события, делал всем добро.

Когда же святой Йон увидал, что люди конунга ведут Гисла на виселицу, он поднялся и сказал, обращаясь к конунгу:

– Не дозволите ли вы мне, государь, распорядиться по моему желанию тем плащом, что вы даровали мне зимой[14]?

Конунг сердито посмотрел на него и догадался о том, что он намеревался сделать, но все же сказал:

– Делай с ним что хочешь, только имей в виду, что впредь тебе достанется не много подарков от конунга, если ты вздумаешь расстаться с этим.

Святой Йон отвечал, что его это не заботит, и направился прямиком туда, где хлопотали над Гислом, и накинул на него плащ – подарок конунга.

Тогда Аудун Предводитель Гостей сказал:

– Этому салоеду не стоит ожидать пощады, так что поглядим, каково ему будет болтаться на виселице.

После этого они вздернули Гисла, как вора, и совершили это дело самым позорным образом, разве только висел он в плаще – подарке конунга, и они не посмели воспротивиться тому, кто накинул на него этот плащ. Святой же Йон Священник удалился оттуда в благочестивых слезах, направился в церковь и пребывал там остаток дня.

5

Тинг на этом закончился, и конунг вместе с дружиной воротился в палаты. Поговаривают, что вскоре после того, как произошло это событие, конунг начал сильно раскаиваться в содеянном, хотя люди и не находили ничего плохого в том, что он не внял советам Йона Священника.

В то время в Норвегии был такой закон, что повешенные должны были висеть на виселице до тех пор, пока не упадут. И вот, как рассказывают мудрые люди, когда наступила среда, святой Йон Священник вышел из церкви с девятью спутниками и, придя туда, где висел Гисл, заявил, что желает забрать свой плащ. Святой Йон трижды обошел вокруг виселицы по ходу солнца, затем трижды пал на колени и совершил молитву, а когда поднялся, то повелел перерубить веревку над головой Гисла. Они так и сделали. И тут произошло достославное событие: когда Гисл падал, он опустился на землю прямо на ноги и так и остался стоять. Тогда святой Йон приблизился к нему, снял с него плащ и приветствовал его, назвав по имени, а Гисл радостно ответствовал ему и попытался было к нему подойти, однако не смог. Йон Священник спросил, что с ним такое.

Гисл отвечает:

– Я могу сказать лишь одно: с той поры, как ты накинул на меня плащ, я как будто бы пребывал в каком-то приятном месте, только вот ноги мои высовывались из-под плаща и одеревенели, оттого-то пока что я не могу ходить.

Все принялись возносить хвалы всемогущему Господу за то великое знамение, которое им было явлено, когда Он сохранил жизнь этому человеку, благодаря молитвам и заслугам своего возлюбленного друга, святого Йоханнеса, ведь человек этот висел с понедельника до среды на крепкой веревке, на которой вешают воров, и тем не менее, как уже было сказано, остался жив. Некоторые же книги повествуют, что вышепомянутый Гисл не был повешен, а добился пощады и полного примирения[15], и все исландцы, о которых говорилось, что они проявили дерзость, пользовались поддержкой и были защищены мольбами святого Йоханнеса.

Затем Йон Священник коснулся ног Гисла – тех мест, на которые тот ступал, и он снова стал ходить. И вот возвращаются они с Йоном Священником восвояси и проходят мимо одного дома. Оттуда вышел человек и обратился к Йону Священнику:

– Зайди в дом. Сигурд Шерстяная Нитка, конунгов лендрманн[16], и Аудун Предводитель Гостей лежат здесь оба при смерти, и страдания их столь жестоки, что они не могут сносить их без стенаний. С великим смирением и искренним раскаянием они просят тебя прийти к ним и со священными молитвами возложить руки на их головы.

Он так и сделал.

Сигурд сказал:

– Не знаю уж, как это вышло, добрый священник, однако слова, что ты произнес на сходке, пошли нам обоим во вред, так что мы тяжко захворали. А теперь я хочу тебе исповедаться и попросить, чтобы ты отнесся к нам получше и помягче, чем давеча на тинге, и прочел над нами молитвы.

Как только Сигурд закончил исповедь, Йон Священник сказал:

– Поскольку ты много и тяжко грешил против Господа, столь же велика должна быть и назначенная тебе за это расплата, коли ты желаешь полностью примириться со своим создателем.

Сигурд отвечал, что намерен поступить так, как он укажет. По рассказам людей, чьим словам можно доверять, святой Йон вынес решение и назначил ему такую епитимью: он должен был на свои средства воздвигнуть доминиканский монастырь на Нидархольме[17] и пожертвовать ему столько добра, чтобы служители Божьи могли пребывать там в достатке и содержаться подобающим образом. Многим людям известно, что Сигурд Шерстяная Нитка получил от Магнуса конунга этот остров, и первый из них, говорят, решил построить там монастырь и передал ему свое наследственное имущество и немало других крупных владений. И скорее всего все было именно так, как тут сказано.

И когда Сигурд вымолил себе прощение своим самоотречением, святой Йоханнес прочитал над обоими приятелями священные молитвы и дал им свое благословение.

Тогда Сигурд сказал:

– Многое могут сотворить слова твои, как суровые, так и добрые, священник, потому что мне уже полегчало.

То же самое сказал и Аудун. Они дали Йону Священнику богатые дары и расстались с ним добрыми друзьями.

6

Теперь нужно рассказать о том, что Йон пришел к конунговым палатам. Конунг тогда сидел за столом. Святой Йон вошел в пиршественную палату, с ним было девять человек. И как только конунг завидел Йона Священника, он милостиво протянул ему обе руки и сказал:

– Садись за стол рядом с нами, Йон Священник, возлюбленный друг Господень. Мне хотелось бы, чтобы ты стал и моим лучшим другом, поскольку я уверен в том, что твои желания совпадают с Божьей волей. Поэтому я хочу, чтобы мы с тобою также были заодно.

Святой Йон отвечает:

– В таком случае, быть может, вы захотите обойтись столь же приветливо и с моими товарищами, исландцами, потому что я придаю этому большое значение.

Конунг сказал:

– Ты при всяком случае показываешь, что желаешь добра каждому, и благодаря Господу и добрым людям тебе часто удается добиться своего. После того же, что тут произошло, стало ясно, что все это должно называться не

иначе как чудесами. Так что теперь все в твоей власти, Йон: чего бы ты ни захотел, ты получишь это от нас, и чем раньше, тем лучше.

Святой Йон с благодарностью принял приглашение конунга и уселся за стол рядом с самим государем. Угощение там было на славу.

А после того как Йон Священник сел за стол, к конунгу подошел Гисл и поздоровался с ним. Конунг милостиво принял его приветствие.

Гисл сказал:

– Я хотел бы теперь примириться с вами, мой государь.

Конунг отвечает:

– Мы охотно даруем тебе пощаду. Садись на место Гъяввальда, и отныне ты будешь пользоваться у нас таким же почетом, как и он, пока был жив.

Гисл поблагодарил конунга за проявленную к нему монаршую милость. Он отправился вместе с Магнусом конунгом в Ирландию[18] и был поставлен там главным над заложниками, которых Магнус конунг послал в Куннактир[19] к Мюркьяртану, конунгу ирландцев[20].

Был с ними в этой поездке один норвежец. Он заявил, что хорошо знает ирландский язык, и попросил дозволения приветствовать конунга, и Гисл ему разрешил.

Тогда он сказал, обращаясь к конунгу:

– Male diarik[21].

А на нашем языке это означает: «Будь ты проклят, конунг!»

Тут один из людей короля сказал:

– Государь, – говорит он, – видно, этот человек – самый большой негодяй из всех норвежцев.

Конунг отвечает:

– Olgeira ragall[22].

Это значит по-нашему: «Не изведана темная дорога».

Конунг хорошо с ними обходился. Потом Магнус конунг принялся воевать в Ирландии. Конунг сказал тогда:

– Теперь вы все должны были бы поплатиться своими жизнями, но мы не хотим убивать вас, хотя Магнус конунг и заслужил это. Каждый из вас может отправляться куда пожелает.

Гисл уехал в Исландию, и его считали большим человеком. Он жил там до самой старости. Его сына звали Эйнар, и о нем была сложена большая сага[23].

Святой Йон Священник после этих событий недолго оставался с Магнусом конунгом. Конунг препоручил себя его молитвам, пожаловав ему подобающие дары, и они расстались с великой приязнью.

ПРЯДИ ИЗ «САГИ О СЫНОВЬЯХ МАГНУСА ГОЛОНОГОГО»

ПРЯДЬ ОБ ИВАРЕ СЫНЕ ИНГИМУНДА

Из того, о чем я сейчас расскажу[1], можно заключить, каким прекрасным человеком был Эйстейн конунг[2], как много он пекся о своих друзьях и насколько настойчив был он в поисках того, что могло стать причиной печали тех, кого он любил.

Иваром сыном Ингимунда звали одного человека, который находился при Эйстейне конунге. Он был исландец и происходил из хорошего рода[3]. Умный то был человек и умелый скальд. Конунг очень ценил его и был сильно к нему привязан, как видно из того, о чем здесь рассказывается.

Брата Ивара звали Торфинн. Он также отправился к Эйстейну конунгу и был там хорошо принят из-за того, что брат его пользовался всеобщим расположением. Однако ему не понравилось, что его не считают ровней брату и он должен довольствоваться тем, что ему перепадало от славы Ивара, а потому он не захотел больше оставаться с конунгом и собрался назад в Исландию.

Перед тем как братья расстались, Ивар сказал Торфинну, чтобы тот передал от него Оддню дочери Йона, чтобы она дожидалась его и не выходила ни за кого другого, потому что ни одна женщина не пришлась ему по душе больше, чем она.

После этого Торфинн отправляется в путь и благополучно прибывает в Исландию. Он решает сам посвататься к Оддню и берет ее в жены. А спустя некоторое время возвращается Ивар, узнает об этом, и кажется ему, что Торфинн плохо с ним обошелся. Ничто его не радует, и он опять уезжает к конунгу и живет там в большом почете, как и прежде.

Ивар стал теперь мрачен, и когда конунг заметил это, он призвал его к себе и спросил, отчего он так невесел:

– А ведь прежде, когда вы бывали с нами, ваши речи доставляли нам немалое развлечение. И я не потому допытываюсь, в чем дело, что опасаюсь, что это мы тебя чем-то обидели. Ты слишком умен, чтобы вообразить себе то, чего нет. Ответь же мне, что у тебя за забота?

Ивар отвечает:

– Не могу я, государь, рассказать вам о том, что меня печалит.

Конунг сказал:

– Тогда я сам догадаюсь. Может быть, ты с кем-нибудь не поладил?

– Не в том дело, государь, – говорит Ивар.

Конунг сказал:

– Или ты счел, что я выказываю тебе меньше уважения, чем ты заслуживаешь?

– Не в том дело, государь, – отвечает тот.

– В таком случае не приглянулось ли тебе здесь в стране что-нибудь такое, – говорит конунг, – что тебе непременно захотелось заполучить?

Он отвечает, что это не так.

– Час от часу не легче, – говорит конунг. – Может быть, ты желаешь, чтобы я дал тебе какое-нибудь владение?

Он и это отрицал.

– Тогда нет ли у вас в стране какой-нибудь женщины, – говорит конунг, – по которой ты сохнешь?

Тот отвечает:

– Так и есть, государь.

Конунг сказал:

– Не печалься об этом. Как наступит весна, поезжай домой. Я дам тебе денег и письмо с моей печатью для тех, кто за нее в ответе, и я не знаю никого, кто устоял бы перед нашими дружескими увещеваниями или угрозами и не выдал ее за тебя.

Ивар ответил:

– Не бывать этому.

Конунг сказал:

– Напротив, так и будет, – говорит он. – И скажу тебе больше: даже если она уже отдана другому, я, если захочу, все равно добуду ее для тебя.

Ивар ответил:

– Дело обстоит еще хуже, государь. Муж этой женщины – мой брат.

Тогда конунг сказал:

– В таком случае оставим это, – говорит он. – Вот как мы поступим. После Рождества я поеду по пирам[4], и ты поезжай со мной. Наверняка ты встретишь там немало благородных женщин, и если только они будут не королевского рода, я сосватаю тебе любую.

Ивар ответил:

– Трудность в том, государь, что всякий раз, когда я вижу красивых женщин, они напоминают мне ту, которой я лишился, и от этого горе мое только возрастает.

Конунг сказал:

– Тогда я дам тебе какое-нибудь владение, как предлагал прежде, чтобы это тебя утешило.

Тот отвечает:

– Не по душе мне это.

Конунг сказал:

– Раз так, я дам тебе денег, чтобы ты мог отправиться в торговую поездку в другие страны, куда тебе только заблагорассудится.

Тот говорит в ответ, что не хочет и этого.

Тогда конунг сказал:

– Ума не приложу, что еще тебе предложить: похоже, я уже перебрал все, что мог. Остается только одно, и это сущая безделица по сравнению с тем, что я хотел для тебя сделать, однако никогда не известно, что больше подойдет. Приходи ко мне потолковать каждый день, как уберут столы[5], если только я не буду занят важными делами. Будем разговаривать с тобой об этой женщине, сколько захочешь, пока ты не придешь в себя, и я стану уделять время нашим беседам, потому что случается, что люди находят облегчение своему горю, говоря о нем. И кроме того, ты ни разу не уйдешь от меня с пустыми руками.

Ивар отвечает:

– На это я готов согласиться, государь, и спасибо за вашу настойчивость.

После этого всякий раз, когда конунг не был занят важными делами, он беседовал с Иваром об этой женщине. И вскоре это помогло, и Ивар излечился от своей печали гораздо раньше, чем можно было ожидать. Радость вернулась к нему, и стал он веселым, как прежде.

И он так и остался с Эйстейном.

ПРЯДЬ О ТОРДЕ ЗОЛОТОЙ АСЫ

В дни правления конунга Эйстейна сына Магнуса Голоногого[1] приехал из Исландии человек по имени Торд. Он был родом с Восточных Фьордов[2] и беден. Человек он был многообещающий и превзошел своего отца. Был он не из тех, кто отступал перед равными. Торд был хороший скальд.

Когда он прибыл в город[3], у него было совсем немного денег, чтобы платить за постой. Вечером он зашел в усадьбу к одной женщине по имени Аса. Она была родовита и очень богата. Ближайшими ее родичами были люди с Бьяркей[4] – Видкунн сын Йона[5], а также другие из этого рода. Она пустила

к себе Торда на время. Тот знал толк в развлечениях и умел угодить Асе. Дела шли хорошо, и он провел там зиму и пользовался тем бóльшим почетом и любовью, чем дольше там оставался, и многие поговаривали, что между ними самая что ни на есть близкая дружба. Они подолгу сидели и беседовали с глазу на глаз. Аса была немолода.

Весной она сказала Торду, что он пришелся ей по душе.

– И я могу дать тебе денег для торговой поездки в Англию, а после поделим поровну барыши.

Он так и делает. Поездка удалась, и осенью он возвращается домой и проводит там зиму. Так продолжается несколько лет кряду. Их дела идут как нельзя лучше, и чем дольше он живет у Асы, тем больше к нему уважения. Теперь его называют Тордом Золотой Асы. Ее родичи считали это бесчестьем и отзывались о Торде неприязненно, однако он делал вид, что не слышит, что о нем говорят.

Однажды Аса пришла поговорить с Тордом и сказала:

– Сюда должен прибыть Видкунн, мой родич. Я хочу, чтобы ты отнесся к нему со всем возможным почтением. Сдается мне, что тебе следовало бы сложить драпу в его честь и исполнить ее прежде, чем он уедет. И мой тебе совет: не скупись в этой песни на хвалы, потому что большинству хёвдингов по вкусу, когда их прославляют[6], а нам нужно устроить так, чтобы он остался всем доволен, да и тебе несколько слов могут сослужить неплохую службу. Если ты сумеешь завоевать его дружбу, то сможешь рассчитывать на поддержку, с кем бы тебе ни пришлось мериться силами здесь в Норвегии.

Торд отвечает, что рискнет, и сочиняет песнь. После этого приезжает Видкунн, а с ним множество народу, и останавливается там.

Как-то раз Торд подходит к Видкунну, приветствует его и говорит:

– Мне бы хотелось преподнести вам небольшую песнь, которую я сложил, и прошу вас выслушать ее[7].

– Быть по сему, – говорит Видкунн. – Ты первый, кто сложил обо мне песнь[8]. И для тебя, Торд, будет кое-что значить, как я отнесусь к этой песни, а я ее внимательно выслушаю, потому что я вовсе не испытываю к тебе такого расположения, как моя родственница Аса.

Тот начинает свою песнь, и это драпа в пятьдесят вис, и в ней был такой стев[9]:

Рьяно в ливне лучном[10]
Хильд кропит лучину[11]
корень рода Йонов[12]
рдяной, ражий, кровью.

Когда песнь была окончена, многие принялись расхваливать ее, а Видкунн горячо поблагодарил Торда и сразу же изменил свое мнение о нем. Он дал ему золотое запястье весом в одну марку, однако Торд попросил взамен

золота его поддержки[13], и Видкунн обещал ему впредь свою дружбу. На прощание они дали ему богатые подарки.

Проходит некоторое время. Однажды летом, когда Торд возвратился из Англии, он привел свой корабль в устье реки Нид[14] и пристал к берегу. Эйстейн конунг был тогда в городе, а с ним многие знатные люди. Был там Сигурд сын Храни[15], и Видкунн сын Йона, и Ингимар из Аска[16], самый могущественный и властный из мужей. Он успел бросить якорь прежде, чем подошел Торд. Люди советовали Торду подыскать более подходящее место для стоянки, он же отвечал, что и здесь неплохо, и велел им успокоиться. Однако пока они совещались и разгружали товары, Торд хватился корабельного навеса[17]. Он идет на корабль Ингимара и видит, что один из его слуг прячет под одеждой парусину. Торд забирает его вместе с краденым, ведет в свою усадьбу и там возвращает себе свое добро. Весть об этом вскоре доходит до Ингимара. Тот в сильном гневе отправляется к дому Торда и требует тотчас же выдать ему его человека.

Торд отвечает на это:

– Не годится освобождать вора, – говорит он, – хотя бы он и был человеком Ингимара.

Ингимар сказал:

– Недолго удастся тебе, Торд Золотой Асы, удерживать моих людей и обвинять их в воровстве. Не зваться мне лендрманном, если я позволю какому-то бродяге захватить моего человека.

Торд отвечает:

Тщетно нас стращает,
горазд на угрозы,
со двора мне вора
велит, властный, выдать.
Сладу нет со славным.
Податель полатей
змейных[18], знай, с поличным
захвачен грабитель.

Ингимар уходит сильно разгневанный.

Аса просит Торда послать за Видкунном и проверить, помнит ли тот, что обещал ему свою дружбу в обмен на хвалебную песнь, – «потому что нелегко вести борьбу, когда в дело замешан Ингимар».

Торд так и делает, и Видкунн сразу же откликается, признает свои обязательства и спешит к дому, который занимал Торд, захватив с собой множество людей. Спустя недолгое время они слышат сильный шум, и туда является Ингимар и требует, чтобы Торд отпустил его человека, а не то грозится напасть на него.

Тогда Видкунн сказал:

– Следовало бы передать это дело лагману[19], чтобы он рассудил, однако Торд действовал по праву, когда связал того, кто совершил кражу. Не поступи он так, он и сам был бы осужден[20].

Ингимар сказал:

– «Воткни-ка меня в землю», как сказала лопата, стоя одна-одинешенька. Сюда пожаловал Видкунн! Нам с тобой больше пристало держаться друг друга, чем тебе поддерживать твоего свояка Торда. Похоже, однако, что ты вознамерился расплатиться с ним за ту песенку, в которой он тебя осмеивает, – и с этими словами повернул назад.

Тогда Видкунн сказал:

– Нужно послать кого-нибудь к Сигурду сыну Храни, моему другу, и просить его прийти сюда, а если он станет отказываться, напомнить ему, кто пришел к нему на подмогу, когда финны захватили его усадьбу на Бьяркей[21].

Те отправляются к нему и передают просьбу Видкунна.

Сигурд отвечает, что нет ничего плохого в том, чтобы они с Ингимаром померились силами, – «потому что каждый из них считает себя сильнейшим».

Тогда они напомнили ему о том, что им наказал Видкунн.

Сигурд отвечает:

– И то правда, что никто не оказал мне большей поддержки, и раз он считает мое присутствие необходимым, мы сразу же встаем и отправляемся к нему.

После этого они пошли к Торду. Спустя немного времени на улицах стали собираться толпы, потому что люди Ингимара были рассеяны по всему городу. К дому Торда стеклось великое множество народу.

Ингимар сказал:

– На этот раз, Видкунн, если нам не выдадут моего человека, мы сами его поищем. Отступаться я не намерен.

Сигурд сказал:

– Давай действовать разумно, Ингимар. Будет большим беззаконием, если ты обрушишь на нас этот дом и разоришь его, чтобы забрать пленника, который принадлежит конунгу. Ведь от тебя ожидают, что ты станешь поступать по справедливости, хоть ты и великий герой.

Ингимар сказал:

– Петух не лучше защищен, коли щит держит курица. Однако вы двое немало приобрели, объединившись против меня одного, поскольку оба вы – могущественные лендрманны. Я ухожу опять с тем, чтобы вернуться в третий раз.

После этого Сигурд посылает людей к Эйстейну конунгу и просит его прийти к ним, – «и скажите ему, что, сдается мне, я до конца оставался с его отцом на западе в Ирландии»[22].

Они идут и передают конунгу просьбу Сигурда, однако тот отвечает, что таким видным мужам вдвоем достанет силы одолеть Ингимара. Тогда они пересказывают конунгу все, что сказал Сигурд.

Конунг говорит:

– Раз ему кажется, что мне следует прийти, пусть так и будет.

Затем конунг направляется туда со множеством народа и встречается с Сигурдом. Спустя некоторое время появляется Ингимар и приводит с собой четыре сотни человек. Он говорит, что, если его слуга не будет отпущен на свободу, им едва ли удастся избежать столкновения.

Конунг говорит на это:

– Не подобает тебе, Ингимар, устраивать волнение в городе или созывать такое большое войско и подымать мятеж в стране. Но мы не сдадимся, не испытав, на чьей стороне сила.

Ингимар отвечает:

– «Железо дает блеск», как сказала старуха, у которой не резал нож. Какое событие! Сам конунг пожаловал сюда нас разнимать, так что мне опять придется удалиться, – и так и делает.

После этого конунг велит созвать тинг, и туда приводят вора, привязав ему на спину краденое. Он был осужден и затем повешен на Эйраре[23].

Конунг спросил:

– Как ты считаешь, Ингимар, какое наказание получит вор?

– Хочется думать, – отвечает Ингимар, – что воздастся человеку, убитому из-за безделицы.

– Нет, – говорит конунг, – он попадет в ад.

Ингимар сказал:

– Ты не на то употребил силу, конунг, когда принял сторону этого салоеда[24] и унизил своих людей. Лучше было бы тебе собраться с духом и отомстить за собственного отца, который был убит в Ирландии, как собака, застигнутая на мертвом теле. Уж он-то, я думаю, точно находится в аду, потому что отправился завоевывать то, что ему не принадлежало.

Потом он возвращается к своим кораблям, отправляется на восток и убивает в Вике троих людей конунга. Затем он отплыл в Данию и там обосновался[25].

Рассказывают, что Торд после этого по совету Видкунна и конунга женился на Асе. Он считался храбрейшим человеком и оставался в Норвегии до самой своей смерти.

И здесь кончается прядь о Торде Золотой Асы[26].

ПРЯДЬ О ТОРАРИНЕ КОРОТКИЙ ПЛАЩ

Случилось однажды, что Сигурд конунг[1] закончил пировать и пошел к вечерне. Люди сидели перед церковью и распевали вечерние молитвы. Они были навеселе и в отличном расположении духа. Пение звучало нестройно.

Конунг сказал:

– Что за человек стоит там, перед церковью? Пожалуй, плащ на нем несколько коротковат.

Они отвечали, что не знают, кто это. Конунг сказал:

Куцый плащ напялив,
кто ж нам спутал мессу?

Тогда тот человек выходит вперед и произносит:

Ведомо: в недлинном
щеголять плаще мне
довелось, он скальду,
хоть нелеп, но впору.
Ежели, о княже,
дашь ты плащ получше,
окромя отрепьев,
нам любой по нраву.

Конунг сказал тогда:

– Приходи ко мне завтра утром туда, где я обычно пирую.

Проходит ночь.

И вот исландец, которого после этого прозвали Торарин Короткий Плащ, является к пиршественной палате. Снаружи стоял человек с рогом в руке. Он сказал, обращаясь к исландцу:

– Конунг велел передать тебе, что, если ты хочешь получить от него что-нибудь в подарок, ты должен, прежде чем войдешь, сложить вису. В ней должно говориться о человеке по имени Хакон сын Серка и по прозвищу Ком Сала, и пускай это прозвище будет упомянуто в висе.

Человека, который с ним говорил, звали Арни, а прозван он был Косой-со-Взморья[2].

Затем они входят в палату. Торарин подходит к конунгу и произносит вису:

Посулил за вису
смелый дар – *сметлив я* –
трёндов друг[3], коль родич
Серка[4] стих услышит.
Расточитель злата[5]
наказал мне помнить,
как был прозван Хакон –
Сала Ком, о конунг.

Конунг сказал тогда:

– Вовсе я этого не говорил, похоже, тебя надули. Однако Хакон вправе теперь взыскать с тебя штраф за эти стихи, так что отправляйся-ка ты к нему и его людям.

Тут Хакон говорит:

– У нас его ждет хороший прием, и я догадываюсь, откуда это пошло.

Он усаживает исландца рядом со своими людьми, и они все очень веселятся. А по мере того как день подходит к концу, дает о себе знать выпитое.

Тут Хакон сказал:

– Не кажется ли тебе, что ты должен мне кое за что заплатить?

Тот отвечает:

– Конечно, я признаю, что обязан уплатить тебе возмещение.

– А ты не думаешь, что над тобой подшутили?

Тот ответил, что так оно и есть.

Хакон сказал:

– В таком случае я готов помириться с тобой, если ты сложишь другую вису – об Арни.

Тот ответил, что готов это сделать. После этого они оба направились к тому месту, где сидел Арни. Торарин произнес вису:

Знать, Косой-со-Взморья
вздор нести привычен,
скор помет орлиный[6]
разметать повсюду.
Сквернослов в Серкланде[7]
задал корм едва ли
врану, враль, – робел ты
под шапкою Хёгни[8].

Арни вскочил с места и обнажил меч, намереваясь броситься на Торарина. Хакон велел ему умерить свой пыл и успокоиться и сказал, чтобы тот имел в виду: ежели им доведется сразиться, ему не поздоровится.

Затем Торарин предстал перед конунгом и сказал, что сложил драпу в его честь, и спросил, не согласится ли он выслушать его. Тот разрешил ему исполнить песнь, и она была названа Драпой Короткого Плаща[9]. После этого конунг спросил его, что он намерен делать. Тот ответил, что собирается отправиться на юг в Рим. Конунг дал ему денег на дорогу и попросил прийти к нему на возвратном пути, сказав, что окажет ему тогда достойный прием.

Однако здесь ничего не говорится о том, довелось ли им еще встретиться.

ПРЯДИ ИЗ «САГИ ОБ ИНГИ И ЕГО БРАТЬЯХ»

ПРЯДЬ ОБ ЭЙНАРЕ СЫНЕ СКУЛИ

1

Эйнар сын Скули был человеком братьев Сигурда и Эйстейна[1]. Они с Эйстейном конунгом были большими друзьями, и Эйстейн конунг попросил его сложить драпу об Олаве[2]. Он сочинил ее, и когда он исполнял ее на севере в Трандхейме в церкви Христа, случилось великое чудо и церковь наполнилась дивным благоуханием. Люди говорят, что эти знамения были посланы самим конунгом, потому что песнь пришлась ему по душе. Эйстейн конунг очень ценил Эйнара.

Рассказывается, что однажды конунг Эйстейн сел за стол, а Эйнара все не было. Эйстейн конунг к тому времени сделал его своим окольничим[3]. Дело было на севере в Трандхейме. Эйнар только что побывал в Нуннусетре на Бакки[4].

Конунг сказал:

– Тебе, скальд, полагается штраф за то, что ты не явился к столу[5], при том что ты – конунгов скальд. Мы не помиримся, если ты не сложишь вису прежде, чем я осушу этот кубок.

Эйнар сказал тогда вису:

Голод гложет скальда –
что ж, беспечны жены, –
аббатиса с Бакки
не пеклась о госте.
Окольничий коль уж
к сестрам зван в обитель,
не след им без снеди
длить бы день в беседе.

Конунг был очень этим доволен.

2

Рассказывают, что как-то раз, когда Сигурд конунг был в Бьёргюне[6], случилось так, что в городе находились двое скоморохов. Одного из них звали Ярлманн. Этот Ярлманн стащил козленка и съел его в пятницу. Конунг решил наказать его за это. Он повелел схватить Ярлманна и задать ему порку.

Эйнар подходит и говорит:

– Жестоко же вы намереваетесь обойтись с нашим приятелем Ярлманном.

Конунг сказал:

– Что ж, это в твоих руках. Сложи-ка вису, а пока ты ее не закончишь, его будут пороть.

Эйнар сказал:

– Ярлманну, верно, захочется, чтобы мне не пришлось долго подыскивать слова.

Ему отвесили пять ударов.

Тогда Эйнар сказал:

– Теперь виса готова.

Ярлманн, нечестивец,
днесь у бонда сбондил
– ох, охоч же нехристь
до харча – козленка.
Крут, – *корабль оглобли* –
поет кнут паяцу
заутреню – *в путах*
треплет прут с бесстыжим[7].

3

Одним летом случилось, что в Бьёргюн приехала знатная женщина по имени Рагнхильд. Она была женой Паля сына Скофти[8]. У нее был большой боевой корабль, и она плавала на нем так же величаво, как лендрманны. Она остановилась в городе.

А когда она собралась в обратный путь, конунг увидал ее отплытие и сказал:

– Кто из скальдов нынче с нами? – говорит конунг.

Там был Снорри сын Барда[9]. Ему не удалось сразу подыскать нужные слова, и он не смог сложить стихи так быстро, как хотелось конунгу.

Тогда конунг сказал:

– Будь Эйнар с нами, дело обстояло бы иначе.

Тот тогда по оплошности отстал от конунговой свиты, и конунг спросил, в городе ли он, и послал за ним.

Когда он пришел к причалам, конунг сказал:

– Добро пожаловать, скальд! Ты только погляди, сколько великолепия в снаряжении этой женщины. Сложи-ка об этом вису и закончи ее прежде, чем корабль проплывет мимо Хольма[10].

Эйнар отвечает:

– Без вознаграждения не пойдет.

Конунг спросил:

– И что же ты хочешь взамен?

Эйнар ответил:

– Ты и семеро твоих дружинников должны запомнить по одному стиху из висы, а ежели не сумеете, вы дадите мне столько кувшинов меда, сколько не запомнили стихов.

Конунг согласился.

Затем Эйнар сказал вису:

Вдрызг взрывает волны
штевнем у Утстейна[11]
– *ветр* – жена, отважна, –
парус рвет на рее.
Лучше ношу нес ли
где скакун отменный
влаги[12]? Влек сквозь брызги
бриз межой прибрежной[13].

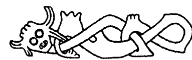
Тогда конунг сказал:

– Сдается мне, я запомнил: «Вдрызг взрывает волны» – и, да видит Бог, – «бриз межой прибрежной».

Никто из них так и не смог припомнить, что было между этим[14].

Эйнар оставался потом в свите конунга, и у него были добрые отношения с его людьми.

Дополнение 4

ИЗБРАННЫЕ АНЕКДОТЫ О НОРВЕЖСКИХ КОНУНГАХ ИЗ «ГНИЛОЙ КОЖИ»

О ТОРКЕЛЕ ЩЕГОЛЕ

Одного человека оговорили перед Магнусом конунгом, а звали его Торкель Щеголь, и он был конунговым сюслуманном[1]. Его обвинили в том, что он не уплатил сполна все подати, которые с него причитались. И вот Магнус конунг отправляется туда на пир без предупреждения[2]. Конунг захватил с собой много народу, но Торкель ничего не знал об этом. Конунг же поступил так потому, что ему хотелось, чтобы Торкель не смог принять его как подобает, однако этого не случилось, и Торкель оказал ему отменный прием. Угощение там было на славу. Конунг был молчалив.

Как-то раз, когда убрали столы, Торкель подошел к конунгу и сказал:

– Государь, не желаете ли развлечься и зарубить несколько быков или козлов? Нам не хватает мяса для пира.

Конунг отвечает:

– Почему бы и нет?

Немного погодя Торкель приходит, ведя за собой козла, и подводит его к конунгу. Конунг встает и наносит козлу удар в шею, однако меч проникает неглубоко. Люди решили, что что-то тут не так, и подивились тому, что из надреза вывалилось несколько серебряных монет. Конунг был этим сильно разгневан и сказал:

– Похоже, Торкель, ты решил выказывать мне неуважение во всем – и в мелочах и кое в чем поважнее, и это было подстроено мне в насмешку!

Торкель сказал:

– Государь, я не хотел, чтобы подтвердилось то, что вам на меня наговаривают – что я вас будто бы предал. Я был с несколькими конунгами и служил им так хорошо, как только умел. Сперва я был с Олавом конунгом сыном Трюггви, которого я любил больше всех[3]. Затем я был с твоим отцом[4], и он никогда не заподозрил бы меня в том, что я способен предать его сына. А потом, государь, когда мы попали под владычество Альвивы и наступила

жестокая пора, в которую никто не мог быть спокоен за свое добро[5], я начал опасаться, что не смогу уберечь то конунгово имущество, которое я хранил, зная, что оно по праву принадлежит вам[6]. Тогда-то я и принял решение наполнить серебром козлиные шкуры, и благодаря этому его удалось сохранить[7]. А теперь, государь, забирай причитающиеся тебе подати – как видишь, эти деньги вовсе не перекочевали в мой кошель.

Тут конунг и другие люди видят, что это большое богатство и что он распорядился им самым достойным образом, как и можно было от него ожидать[8]. Тогда конунг поблагодарил его и сказал, что не хотел бы, чтобы тот оставил свою должность: он сказал, что навряд ли кто другой сможет исполнять ее столь же хорошо. На этом они примирились. Конунг решил, что Торкеля оговорили понапрасну. Торкель был уже стар, когда это произошло.

О ТРАНДЕ ИЗ УППЛЁНДА

Рассказывают, что Магнус конунг был добр ко всем, кто был ему послушен, однако беспощаден к тем, кто не желал ему покориться. Трандом звали одного жителя Упплёнда[1], он был родичем Кальва сына Арни[2]. Транд был человек пригожий и богатый. Магнус конунг разъезжал по пирам[3] по Упплёнду и созывал там повсюду тинги. На этих тингах он говорил, что готов простить всем то великое зло, которое было причинено его отцу[4], если люди захотят теперь перейти на его сторону и служить ему верой и правдой.

Как гласит рассказ, Транд поднялся на тинге и ответил на речи конунга так:

– Государь, – сказал он, – людям ведомо, что наши с вами родичи были врагами[5], но мы не участвовали в тех больших событиях, которые вызвали вашу ненависть, – когда пал ваш отец – и меня тогда не было в стране. Однако с тобой мы намерены поступить по-хорошему. Вот только хотелось бы мне убедиться в твоем расположении: я желаю, чтобы мы обменялись плащами.

Конунг ответил, что он, конечно же, готов это сделать. Плащ, который конунг получил от него, был из драгоценной ткани. По просьбе Транда они также обменялись оружием, и на этот раз разница оказалась не меньшей[6]. Затем Транд пригласил конунга к себе на пир, и тот принял его приглашение. Транд угощал конунга на славу.

А спустя некоторое время об этом стало известно Харальду конунгу. Он счел, что Транд принял слишком поспешное решение, показав, что он намерен оказывать Магнусу конунгу больше почета, чем ему. Ему это пришлось не по нраву, и он сильно невзлюбил Транда.

Одного человека звали Свейн из Гардов[7]. Он приехал в страну вместе с Харальдом и получил от него лен. Он был готов выполнить любое поручение конунга[8]. Это был человек недюжинный. И вот Харальд конунг посылает Свейна в Упплёнд, а с ним двенадцать человек. Все они были одеты в черное и выдавали себя за монахов. Рано утром они подошли к усадьбе Транда. В поле в трех местах работали люди. Свейн спросил у тех, кого они увидали первыми, дома ли Транд. Те ответили, что его нет. Затем они подошли к другим работникам, и Свейн задал им тот же вопрос. В ответ те сказали ему то же, что и первые. Тогда Свейн говорит своим людям:

– Удивительное дело: все они говорят одно и то же, однако думается мне, что это неправда. Раз так, придется нам допросить этих людей с пристрастием.

А люди эти были отец и сын. Они хватают того, кто был помоложе, и секут его до тех пор, пока те не признаются, что Транд дома. Случилось так, что в то самое время, когда они избивали работников, на двор вышел Сигурд, названый брат Транда, увидал это и воротился в дом. Он говорит Транду, что явились люди в монашеском облачении и колотят в поле работника.

– Возможно, – говорит Транд, – они выпрашивают милостыню для святых мест[9].

– Может, и так, – говорит Сигурд, – да только сдается мне, странные у этих монахов замашки.

– Может статься, однако, что это разведчики, – говорит Транд, – и мы это сейчас проверим. Очень скоро они явятся на двор, и если это монахи, то они подойдут к пристройке и попросят подаяния[10]. Тогда я предложу им зайти и подождать, пока совсем рассветет. Если это разведчики, то они откажутся и вместо этого станут ломиться внутрь. Но у меня тут вырыт подпол, и тогда я спущусь в него, а ход из него ведет в дом, ты же встань за дверью. Я ожидаю, что все они войдут внутрь один за другим, и ежели все так и будет, тебе надлежит не мешкая выскользнуть наружу и запереть дверь. Тут подоспею я, и тогда может случиться так, что скорее они окажутся в нашей власти, чем мы в их.

Все так и вышло, как предположил Транд. Они явились на двор и направились к пристройке просить подаяния. И поскольку Транд и его люди не спешили отпирать дверь, те проверили, не поддастся ли замок. Затем Свейн сказал, что, если им не отопрут, они взломают дверь.

– Уж больно эти монахи нетерпеливы, – сказал Транд. – Лучше нам открыть дверь, пока ее не выломали.

Свейн выстроил своих людей, чтобы они зашли в дом один за другим, а кое-кому приказал оставаться снаружи, однако они пропустили это мимо

ушей и всем скопом ворвались в дом. Вслед за этим Сигурд выскочил наружу и запер дверь. Тут является Транд, и Свейн и все его люди оказываются теперь в его власти. Затем Транд велит высечь спутников Свейна, чтобы все они получили по заслугам, после чего они уезжают, самого же Свейна он оставляет у себя и хорошо с ним обращается. Тот, однако, был молчалив и считал, что с ним там обходятся хуже, чем это было на самом деле.

Об этом узнал Харальд конунг, и ему это весьма не понравилось. Магнус конунг тоже узнал об этом и остался очень доволен находчивостью Транда. И вот он отправляется в Упплёнд с большой свитой. Они приезжают в лес, который прилегал к усадьбе Транда, и останавливаются там, желая посмотреть, как теперь поступит Транд.

Транду сообщают, что к его усадьбе прибыло множество народу, – «и мы думаем, что это может быть Харальд конунг».

Транд тотчас же созывает людей и посылает сказать об этом жителям всех окрестных дворов. Бонды так любили его, что все они были готовы прийти ему на помощь, и там собралось немало хорошо вооруженных людей.

Магнусу конунгу докладывают, что у Транда предостаточно людей и что они вооружены, как если бы намеревались биться. Тогда конунг сказал:

– Мне понятно, в чем тут дело. Отправьте людей в усадьбу, пусть они скажут, что мы пришли с миром.

Когда Транд и его люди узнали, что происходит, они сразу же побросали оружие и с радостью вышли навстречу Магнусу конунгу. Конунг остался там пировать.

Конунг сказал Транду, что Харальд конунг очень на него сердит и что едва ли он сможет усидеть там, и пригласил его к себе и пообещал позаботиться о его землях. И вот было принято решение, что Транд уедет к Магнусу конунгу и останется у него. Харальд же конунг ожидал подходящего случая, чтобы добраться до него, однако такой возможности все не представлялось. Когда наступила весна, Магнус конунг сказал Транду, что он сомневается, что ему удастся защитить его от Харальда, если тот останется в стране.

– Я велел втайне снарядить для тебя корабль и хочу, чтобы ты отправился в Гренландию.

На том и порешили, и конунг так пекся о Транде, что сам проводил его на корабль и расстался с ним лишь тогда, когда они приготовились к отплытию.

Когда же Транд и его люди подошли к прибрежным островам, едва успев распроститься с Магнусом конунгом, как Харальд конунг был уже тут как тут. Он напал на них, и между ними завязался бой. Тем временем Магнус конунг поразмыслил и решил, что, должно быть, он расстался с ними слишком рано и, когда дело касается его родича, нельзя забывать, что он хитроумный противник. И вот он поворачивает назад и видит, как они сражаются.

Его люди налегают изо всех сил на весла, и он спешит на подмогу к Транду. Стоило Харальду конунгу заметить приближение Магнуса конунга, как он немедленно отплыл, и на этом они расстались. Транд, как было условлено, отбыл из страны, уехал в Гренландию и провел там несколько лет. Оба конунга оставались в Норвегии, и между ними случалось немало размолвок, о чем можно часто услышать в рассказах о них.

О МУДРЫХ СОВЕТАХ ХАРАЛЬДА КОНУНГА

Случилось как-то раз сыну одной знатной женщины потерять память и стать все равно что безумцем. Его мать отправилась к Харальду конунгу и попросила у него совета.

Конунг говорит:

– Пойди к Магнусу конунгу. Я не знаю в этой стране лучшего советчика, чем он, так что любой его совет пойдет во благо.

Она идет к Магнусу конунгу и просит его помочь ей советом. Он говорит:

– Встречалась ли ты с Харальдом конунгом?

– Я была у него, – отвечает она, – и он послал меня к вам.

И передает ему его слова. Магнус конунг отвечает:

– В этой стране нет никого мудрее Харальда конунга[1], и если он захочет, то даст тебе дельный совет.

После этого она в другой раз отправляется к Харальду конунгу и передает ему слова Магнуса конунга. Харальд сказал:

– Раз так, я готов дать тебе совет. Сдается мне, я знаю, что стряслось с твоим сыном – он потерял способность видеть сны, а это ни для кого не проходит даром. Не бывает так, чтобы кто-нибудь не видел снов без вреда для себя. А теперь пойди туда, где купался Магнус конунг[2], и вели мальчику напиться воды из той лохани, а потом заставь его петь молитвы[3]. И даже если на него нападет дремота или зевота, не давай ему заснуть. После этого отправляйся с ним туда, где конунг отдыхал, и пусть он поспит там[4]. Надо ожидать, что тогда к нему вернется его дар видеть сны.

И вот она поступает так, как ей было велено, и мальчик на какое-то время засыпает. А когда он пробудился, он рассмеялся и сказал[5]:

– Мне только что приснилось, мать, будто ко мне подошли оба конунга, конунг Магнус и конунг Харальд, и каждый из них шепнул мне кое-что в ухо – один в одно, а другой в другое. Магнус конунг произнес: «Старайся быть первым во всем», – сказал он, а Харальд конунг сказал: «Старайся быть первым в учении и накрепко все запоминать».

Этот мальчик потом стал выдающимся мужем, и лечение, которое ему назначил Харальд, исцелило его. Магнус конунг сложил такую вису:

Клен клинка[6], слыхал я,
рек, мол, дщери бондов
рождены на горе
нам – *мне страх неведом.*
Гевн огня[7] одна лишь
сна меня лишает,
знай, сестрица княжья
дух смущает мужу[8].

О МАГНУСЕ КОНУНГЕ И МАРГРЕТ

На востоке в Вике жил славный лендрманн[1] по имени Транд. Его усадьба называлась Стоккар[2]. У Транда была дочь, которую звали Маргрет. Она выделялась среди других женщин умом и красотой, кроме того, она была неробкого десятка, так что о ее решительности ходила молва.

Жил человек по имени Сигурд и по прозвищу Конунгов Родич, он управлял сюслой[3] неподалеку от того места, где жил Транд. Он был хорош собой и состоял в близком родстве с Магнусом конунгом.

Рассказывается, что однажды осенью Транд созвал к себе на угощение множество гостей и там собралось немало могущественных бондов. У Транда было в обычае едва ли не по любому поводу советоваться с дочерью. И вот как-то раз во время этого пира люди находились на пригорке, откуда был хороший обзор, и состязались там во всяческих играх. А когда день стал клониться к вечеру, они заметили какой-то корабль. Он был пышно украшен резьбой и флюгерами, а его борт от штевня до штевня был закрыт щитами. Когда же корабль приблизился к усадьбе, они увидали, что его команда состоит из видных мужей и что гребут они отменно. Тут все принялись обсуждать, кто бы это мог быть. Транд идет к своей дочери и сообщает ей эту новость.

– Мы не ждем к себе Магнуса конунга, однако нам ясно, что это прибыли знатные люди.

Она отвечает:

– И все же непохоже, – говорит она, – чтобы это был Магнус конунг, и нам следует быть благодарными, если он не станет приезжать сюда как можно дольше.

Транд спрашивает:

– Это еще почему? Ведь он всеми любим, а наш долг оказать ему хороший прием.

– Это ты так говоришь, – сказала она, – да только у меня такое предчувствие, что лучше бы ему не приезжать вовсе.

Корабль стал на якорь, и все вышли навстречу гостям. Оказалось, что это прибыл Магнус конунг. Люди всей гурьбой направились в усадьбу, и там их ждало отменное угощение. Конунг был весел, и лендрманн принимал его очень радушно. А когда в покой вошли женщины, впереди всех шла Маргрет, и она не поздоровалась с конунгом. Конунг спрашивает у Транда:

– Кто была та красивая женщина, что шла впереди?

Транд отвечает, что это была его дочь. Конунг сказал:

– Она не захотела поздороваться с нами, хотя она наверняка недурно воспитана. Однако она хороша собой, и нынче вечером я намерен лечь вместе с ней.

– Негоже вам поступать так, государь, – говорит Транд.

– Будет так, как я сказал, – говорит конунг.

Транд рассказывает своей дочери о намерении конунга, и она отвечает ему, что это известие не застало ее врасплох.

– Вижу, – говорит она, – что конунг собирается поступить наперекор моей воле, но я думаю, мне будет тяжело, если я полюблю его и сразу же потеряю[4].

Транд передает эти ее слова Магнусу конунгу. Тот говорит в ответ:

– Мало кто счел бы меня низким человеком, и можно все устроить так, что это принесет ей удачу. Но только не может быть и речи о том, чтобы я переменил свое решение.

И когда Транд увидал, как обстоит дело, он распорядился приготовить со всем тщанием спальный покой, разостлать в нем постель, и чтобы туда проводили Маргрет, и чтобы там никого больше не было. Она была очень печальна. А покой этот был устроен так, что в нем было две двери. И когда она лежала там совсем одна, кто-то дважды попросил впустить его внутрь. На третий раз дверь распахнулась, и в покой вошел человек, его голова была покрыта капюшоном. Он спросил, есть ли там кто-нибудь. Она не ответила. Тогда тот человек подошел к постели, прикоснулся к ней и сказал:

– Тебя печалит то, что замыслил совершить конунг?

– Так и есть, и он намерен поступить против моего желания.

– В таком случае, если хочешь, мы с тобой могли бы прийти к соглашению, – говорит он. – Я могу устроить так, чтобы конунг не сделал тебе ничего такого, что тебе не понравится, но взамен я требую, чтобы ты покорилась моей власти.

– Пожалуй, – отвечает она, – я лучше предпочту это.

– Хорошо, – говорит он. Затем он коснулся ее груди, так что ее пронизал холод, и оставил на ней свою отметину. Потом он сказал:

– Когда конунг ляжет рядом с тобой в постель, скажи ему, что ты была с Сигурдом, его родичем, и тогда поглядим, как это на него подействует. Я же позабочусь о том, чтобы дело этим и закончилось.

После этого тот человек уходит, а некоторое время спустя туда является конунг. И когда он укладывается рядом с ней в постель, он велит своим людям выйти, а затем поворачивается к ней и вкрадчиво говорит, что собирается оказать ей немалое уважение, если она уступит ему.

Она отвечает:

– Есть кое-что, чего можно опасаться, когда речь идет о таком славном и благородном муже, как вы. Тебе следует знать, что я была с Сигурдом, твоим родичем.

Конунг в гневе вскочил на ноги со словами:

– Раз так, негоже мне, – говорит он, – лежать в этой постели[5]!

Затем он выходит, направляется в верхнюю горницу, где спал Транд, и стучится. Транд подходит к двери и сразу видит, что конунг сильно разгневан. Он спрашивает, в чем дело.

– Я желаю, – говорит конунг, – чтобы послали за Сигурдом.

Транд тотчас же призывает своих людей, и конунг велит им сказать Сигурду, чтобы тот приехал к нему, хочет он этого или нет. Гонцы отправляются в путь и прибывают к Сигурду. Они просят его поскорее собираться в дорогу и ехать с ними, и без обиняков передают ему слова конунга. Тот отвечает, что так и сделает, и говорит, что, как он ожидает, встреча с его родичем конунгом должна пойти ему только во благо.

И вот Сигурд уезжает с ними и встречается с конунгом. Тот пребывает в большом гневе и спрашивает, что за встречи были у него с Маргрет. Сигурд отвечает:

– Государь, – говорит он, – мне доводилось бывать на пирах у Транда и видать ее, но беседовали мы с ней совсем немного, и я готов поклясться в том, что никогда не имел с ней связи.

Тогда конунг распорядился позвать Маргрет и принялся допрашивать ее, как было дело, и она рассказала о приходе того человека и о том, какой он ей дал совет, а также о знаке, что он оставил. Конунг сказал:

– Дай-ка мне взглянуть на этот знак.

Она послушалась его, и когда конунг увидел знак на ее груди, ему показалось, что он выглядит так, как если бы там лежала серебряная монета[6]. Тогда конунг сказал:

– Дело обстоит так, – говорит он, – что мой отец не хочет, чтобы я разделил ложе с этой женщиной. Мой отец был тем человеком, и я потому так взволновался и поспешил все выяснить, что Бог и святой Олав конунг не желают этого. А теперь ты, Сигурд, должен получить ее в жены, а вместе с ней и мою дружбу.

И вот все вышло так, как сказал конунг, и Сигурд получил в жены Маргрет и сделался могущественным и преуспевающим человеком. Она также слыла женщиной недюжинного ума и наделенной многочисленными достоинствами. Конунг же уехал оттуда по окончании пира куда ему было нужно, и так заканчивается эта история.

ОБ УЛЬВЕ БОГАЧЕ

Одного человека звали Ульвом Богачом, у него во владении было четырнадцать или пятнадцать дворов. Жена Ульва попросила его позвать конунга[1] к себе на пир – она сказала, что ему же будет хуже, если конунг разорит его. Ульв отвечал, что ему не хотелось бы приглашать конунга к себе домой, и сказал, что, на его взгляд, конунг больно уж зарится на его имущество[2]. Но все же из любви к жене он поехал и пригласил к себе конунга, когда тот пировал у Арни[3]. Конунг сказал Ульву, что приедет к нему.

Затем Ульв занялся приготовлениями к пиру. И когда конунг уехал от Арни, он не нарушил своего обещания и отправился прямиком к Ульву. Угощение там было на славу, как и все столовое убранство и кубки, а пиршественный покой был украшен с большим великолепием и богатством.

И вот однажды, когда люди уселись пировать, конунг взял слово и сказал:

– Теперь было бы уместно, – сказал он, – чем-нибудь позабавить сидящих за брагой.

В ответ все стали говорить, что, если бы их взялся развлекать такой человек, как он, это придало бы еще больше великолепия пиру и добавило бы ему славы.

Конунг сказал:

– Раз так, я поведаю вам одну небольшую историю. А начну я ее с того, что у Харальда Прекрасноволосого[4] был сын по имени Сигурд Хриси[5]. Сына Сигурда звали Хальвдан, и то же имя носил его ярл. Конунг и Хальвдан ярл были названными братьями, они были ровесниками и добрыми друзьями. У конунга был раб по имени Альмстейн, одного с ними возраста, и они имели обыкновение играть все вместе, люди конунга, он сам и ярл. Прошло некоторое время, и конунг[6] захворал, и у него появилось предчувствие, что эта болезнь сведет его в могилу. И вот он распорядился своей державой так, чтобы ярл управлял ею вместе с Хальвданом, его сыном. Он сказал, что принял такое решение, поскольку рассчитывает, что благодаря дружбе, которая связывала их всю жизнь, ярл будет для Хальвдана, его сына, самой надежной опорой. После этого конунг умер. Ярл стал правой рукой Хальвдана конунга, его сына, и собирал для него подати.

Альмстейн, который отныне сделался рабом Хальвдана конунга, был человеком статным, красивым и более умелым, чем другие конунговы рабы. Никто не может сказать, какого он был рода. Альмстейн раб вызвался собирать подати в течение трех лет, и поскольку он слыл человеком предприимчивым и был Сигурду конунгу, отцу Хальвдана конунга, и ярлу все равно что названым братом, было решено, что он отправится собирать подати. Однако же дело обернулось так, что Хальвдану конунгу из этих денег перепадало совсем немногое.

Тут умирает ярл. Альмстейн же в то время отдавал собранные им деньги в рост направо и налево в разные земли, получал с этого барыши[7] и присваивал эти деньги себе. Он привлекал к себе людей, подкупая их подарками, а когда он прослышал о смерти ярла, то возвратился в страну, нагрянул ночью со своим отрядом в усадьбу Хальвдана и запалил ее. Ярл оставил после себя сына, и тот находился в доме вместе с Хальвданом. И когда те, кто были внутри, обнаружили пожар и поняли, что это поджог, Хальвдан конунгов сын и с ним сын ярла спустились в подпол и ушли оттуда подземным ходом в лес. Они провели некоторое время, скитаясь в лесах, и в конце концов явились в Швецию к Хакону ярлу и попросили принять их[8]. Ярл пристально посмотрел на них и разрешил им остаться, однако не стал оказывать им никакого уважения. Они пробыли у ярла три зимы.

Альмстейн между тем сжег усадьбу и решил, что и конунгов сын, и сын ярла сгорели в доме. После этого Альмстейн присвоил себе их державу и объявил себя тамошним конунгом, и никто не стал ему противиться, да только никому не понравилось жить под его властью. Он насильно уводил к себе благородных женщин и делил с ними ложе столько времени, сколько ему заблагорассудится, и приживал с ними детей. И вот после того, как мальчики провели в Швеции у ярла Хакона три зимы, им захотелось уехать, и они пришли к ярлу и поблагодарили его за гостеприимство. Тот отвечает:

«Оказанный вам тут прием, Хальвдан, недорогого стоит, – говорит он. – На самом-то деле я знал, кто вы такие, с тех самых пор, как вы сюда явились, однако я не стал никак отличать вас, чтобы не пошли слухи, что вы живы и сможете попытаться вернуть себе вашу державу. А теперь я намерен дать вам три сотни человек, с тем чтобы вы внезапно нагрянули туда и отомстили этому злодею Альмстейну».

Затем они отправились в путь с тем войском и прибыли в Норвегию, так что об этом никто не прознал. Они нежданно нагрянули в усадьбу Альмстейна и подожгли ее. Люди вышли из дома. Альмстейн попросил, чтобы ему тоже позволили выйти, однако Хальвдан сказал, что всего справедливее будет, если его теперь постигнет та же участь, которую Альмстейн уготовил ему.

«Но поскольку мы с тобой не ровня, – говорит он, – я готов позволить тебе выйти на том условии, что ты возвратишься в свое прежнее состояние и, покуда жив, будешь оставаться рабом, и все твои родичи, которые от тебя произойдут, также останутся рабами».

Альмстейн согласился на это. Вместе с рабским званием Хальвдан вручил ему белую рубаху из суровой ткани[9]. После этого был созван тинг, и на нем Хальвдан конунг получил назад свое звание и державу, и все обрадовались этой перемене, потому что считали прошлое правление дурным.

У раба Альмстейна было множество детей, и сдается мне, что это твой род, Ульв, – говорит конунг. – Я полагаю, что Альмстейн приходился тебе дедом, я же – внук Хальвдана конунга[10]. И судя по этим кубкам и прочему убранству, твои родичи незаконно присвоили себе конунгово добро. А теперь, Ульв, – говорит конунг, – прими от меня ту белую рубаху, которую мой дед Хальвдан дал твоему деду Альмстейну, а вместе с ней и твое родовое звание. Будь с этих пор навсегда рабом, ибо, как я рассказывал прежде, так постановил Хальвдан на том тинге, где твой дед принял эту рубаху. Там же было решено, чтобы матери его детей явились на тинг и все его дети получили такую же одежду, и так же должны были поступать все, кто от них произойдет.

Тут Харальд конунг повелел положить перед Ульвом белую рубаху, и после этого сказал ему:

Признаешь ли платье?
Платы князь алкает.
Дашь быка и телку –
платы князь алкает,
отпрысков да скарба –
платы князь алкает,
дашь гуся и чушку –
платы князь алкает.

И прибавил вдогонку:

Плутовать не вздумай –
мох и тот дашь князю.

– Забирай теперь рубаху, которую я тебе отдал и которую носили твои родичи, а вместе с нею и то звание и тот почет, которым они пользовались.

Ульв счел эту конунгову забаву весьма недружественной, однако он не осмелился перечить ему и решил, что ему ничего не остается, как принять рубаху. Его жена и ее родичи просили его ни в коем случае не брать рубаху, что бы из этого ни вышло. Затем его жена пошла к конунгу в сопровождении своих родичей и попросила его простить Ульва и не подвергать его столь великому позору. Дело кончилось тем, что конунг внял их мольбам. Он оставил Ульву один из его пятнадцати дворов и не стал принуждать его к рабству, однако забрал себе все его кубки и другие сокровища. А еще конунг присвоил себе все прочие дворы, что находились во владении Ульва, кроме того единственного, что он ему отдал. После этого угощения конунг отбыл в Нидарос и оставался там.

О ХАРАЛЬДЕ КОНУНГЕ И ИНГИБЬЁРГ

Одного могущественного мужа звали Халльдор, он был другом Харальда конунга. У него была дочь по имени Ингибьёрг, мудрая женщина и красивая, она тоже была в дружбе с конунгом. Конунг часто пировал там и во время своих посещений всегда вел беседы с Ингибьёрг. Она была женщина знающая и умела порассуждать о многих вещах.

Рассказывается, что как-то осенью она сильно захворала. Чрево ее разбухло, и ее то бросало в жар, то на нее нападала страшная жажда. Ей не хотелось ни с кем говорить об этом, но многие строили всякие догадки. Кое-кто думал, что в болезни ее повинен конунг, однако в конце концов ей сделалось так худо, что казалось уже, навлечь такое было выше человеческих сил, столь великие муки причиняла ей эта хворь.

И вот об этом извещают конунга и просят у него совета. Он приезжает, видит, в каком она состоянии, а потом говорит Халльдору, ее отцу:

– Дела мои сейчас обстоят так, что мне необходимо возвращаться домой к конунговой жене[1]. Она нездорова и должна разрешиться от бремени, и это сопряжено с большой опасностью. Что же до болезни твоей дочери, то она кажется мне серьезной. Я думаю, скорее всего, она выпила воды из какого-то

источника, а ведь здесь все кишит змеями. Вот и сдается мне, что она могла проглотить крохотную змейку, и та выросла у нее во чреве. В моем присутствии здесь нет нужды, но я дам тебе совет, как вернее всего избавиться от этой напасти. Правда, это связано с немалым риском, однако другого выхода я не вижу. Вам следует отказывать ей в питье, и хотя ей трудно будет это вынести, вы не должны обращать на это внимания. Затем вам нужно будет отнести ее к какому-нибудь водопаду, который низвергается со скалы, и устроить там наверху такую запруду, чтобы воде ничего не оставалось, как всего лишь постоянно капать, но весь прочий поток отведите так, чтобы он падал со скалы поблизости от места, где вы находитесь, с тем чтобы его было хорошо слышно. Потом натяните там снизу сукно, и пускай она укладывается на нем поудобнее. Надобно устроить все так, чтобы существо, которое в ней поселилось, испытывало крайнюю жажду. Положите ее так, чтобы ей в рот капля за каплей понемногу стекала вода, но выпить ничего не удавалось. Ты, Халльдор, должен стоять рядом наготове с каким-нибудь острым оружием, и если все пойдет, как я предполагаю, то существо внутри нее отправится на поиски воды. Если оно выглянет у нее изо рта, тебе надлежит быть начеку и не позволить ему тебя увидеть. Более же всего остерегайся нападать на него прежде, чем наружу высунется передняя часть туловища вместе с сердцем, поскольку у змей яд спереди, однако ничего не случится, если проглотить и переварить его заднюю часть. И не обращай внимания, даже если она вдруг жалобно вскрикнет, потому что ей же будет лучше, если все будет проделано наилучшим образом, а удача и заступничество святого Олава конунга помогут решить дело. Призови его себе в помощники, а потом сделай все так, как я тебе сказал.

После этого конунг уехал, а Халльдор последовал его совету. Он привозит ее к подножию скалы, кладет там и проделывает все, чему его научили. Она горько жаловалась и твердила, что никогда бы не поверила, что ее отец станет так ее терзать – «но, похоже, всему виной жестокосердие Харальда конунга». Они же делали вид, что не слышат ее слов и стенаний, и следили за тем, чтобы вода понемногу капала ей в рот, вызывая у нее ужасную жажду. Халльдор стоял подле нее с обнаженным мечом, но так, чтобы его не было видно. Двух человек отрядили на вершину скалы отводить воду, и они устроили там все ровно так, как им было велено.

Затем Халльдор видит, как из ее рта высовывается змеиная морда, озирается и возвращается назад, а спустя некоторое время выглядывает опять. На сей раз она показывает чуть большую часть своего туловища и снова озирается в поисках воды. Но и в этот раз на нее не удается напасть, и она исчезает внутри. А когда она выглядывает в третий раз, Халльдор видит, что она высунула наружу переднюю часть туловища. Тогда он вновь взывает к Олаву конунгу и вслед за тем подскакивает и разрубает змею пополам. Передняя часть змеи вываливается наружу, а задняя возвращается в ее нутро. Инги-

бьёрг была настолько изнурена, что им показалось, что она близка к смерти. Тогда они бережно отнесли ее домой, и после этого она начала мало-помалу поправляться, но долго еще была очень слаба. Она была так сильно напугана, что это причиняло ей страдания.

И вот посылают за конунгом, и тот является, чтобы повидаться с ней. Однако поначалу она не желала разговаривать с ним. Когда конунг узнал об этом, он спросил, почему она не хочет говорить с ним. Тогда она наконец ответила ему и сказала, что уж больно жестоки были его советы. Конунг сказал в ответ, что все это было сделано вовсе не в испытание ей, но лишь из-за того, что она оказалась во власти гостя, которого было нелегко усмирить. Затем конунг сказал ее отцу:

– Молитесь за нее теперь, – говорит он. – Она должна петь Beati immaculati[2] и семь псалмов[3], а перво-наперво – мессу Деве Марии.

И вот после этих молитв она полностью выздоравливает, и теперь ее считают самой завидной невестой в Норвегии. Ее руки решил просить один лендрманн, который был человеком молодым и многообещающим. Этот брак пришелся весьма по душе ее отцу, и он отправил гонца к конунгу известить его об этом своем желании, однако в ответ конунг передал ему, что не хочет, чтобы ее выдавали замуж. Халльдор сказал, что будет справедливо, чтобы последнее слово осталось за конунгом.

Тогда конунг встречается с тем лендрманном, который к ней посватался, и они обсуждают это дело. Лендрманн говорит, что многим кажется, будто конунг сам неравнодушен к этой женщине и что потому-то он и запрещает всем другим свататься к ней. Конунг ответил на это, что она не должна принадлежать никому, и пообещал ему свою дружбу, если тот откажется от своего намерения. Он сказал, что позднее узнается, какого будущего он для нее желает. А когда со всем этим было покончено, конунг отправил ее в монастырь, и она закончила там свою жизнь в благочестии и добродетели.

КОНУНГ ВСТРЕЧАЕТ ЧЕЛОВЕКА В ЛОДКЕ

Как-то раз летом, когда Харальд конунг плыл морским путем вдоль побережья, они заметили впереди лодку и в ней человека, который ловил рыбу. Конунг был весел и, когда их корабль проплывал мимо, обратился к рыбаку со словами:

– Ты умеешь складывать стихи?

– Нет, государь, – отвечает тот.

– Так не пойдет, – говорит конунг, – сложи-ка для меня что-нибудь.

Тот отвечает:

– Тогда и вам придется сочинить что-нибудь мне в ответ[1].

– Идет, – говорит конунг.

Рыбак произнес вису:

Тащил пикшу ершисту,
да щукой разжился, –
все ж утеха мужу,
мнил – *то было внове.*
Прежде в злате Хротти[2],
храбр, рубил поболе,
кропил кровью копья
я – *то было вдавне*[3].

Конунг спросил:

– Так тебе приходилось бывать у знатных людей и участвовать в битвах?

Тот говорит:

– Пожалуй, мне и впрямь доводилось бывать у знатных людей. А теперь, государь, сложите вису в ответ.

Конунг сказал вису:

Ражие разили
рьяных данов вои,
врага гнало войско
вспять – *то было внове*[4].
Прежде на чужбине
клинок красил кровью,
серп в твердыне серков[5]
жал – *то было вдавне.*

Затем конунг сказал:

– Теперь твой черед сочинять, Тьодольв[6], – говорит он.

Тьодольв сказал вису:

Князь купал в потоке
пик[7] – *сурова сшибка* –
дрот, гоним богами
дан – *то было внове.*
Втыкал знамя знатный
накрепко в Серкланде –
встало древко ровно –
в дол – *то было вдавне.*

Конунг говорит:

– Послушай-ка, Тьодольв скальд! Ты сказал: «дан – внове», а это никуда не годная рифма[8]. Правильная рифма была бы «снов – внове», да только тогда выйдет бессмыслица. Прежде ты складывал стихи получше.

Тьодольв рассердился и сказал, что пускай сочиняет тот, кто лучше умеет.

Тогда конунг говорит рыбаку:

– Теперь ты сложи вису.

Тот отвечает:

– Вам решать, однако мне трудно сочинять, после того как Тьодольв, а прежде него вы сами сложили по висе.

– Бери это золото, – говорит конунг и протягивает его ему, – а теперь скажи вису.

Тот взял золото и произнес вису:

Слушай, княже! Краше
стал мой стих, ты злато
червонное скальду
дал – *то было внове.*
Кормил орла, пела
тетива – ты стрелы
в смуглый люд[9], воитель,
слал – *то было вдавне.*

Конунг сказал:

– Теперь тебе сочинять в ответ, Тьодольв.

Однако Тьодольв заявил, что не намерен ничего сочинять.

– Ты умелый скальд, Тьодольв, только уж больно ты самолюбив[10].

Затем вису сказал конунг:

Погнал я от брега
ладью – внемлешь, дева[11]? –
ладный струг по волнам
плыл – *то было внове.*
От Англии к полдню[12]
скользил борт мой лепый
стезей своей пенной
вдаль – *то было вдавне.*

Потом по приказу конунга вису сказал рыбак:

Ворог вендов[13], в сечах
суровых ты славу
стяжал, теснил тарчи
трёнд[14] – *то было внове.*
От Серкланда к полдню
с налету нещадно,
князь косил секирой
люд – *то было вдавне*[15].

Конунг сказал:

– Из всех твоих вис в этой тебе особенно хорошо удались заключения фьордунгов[16], к тому же ты не преминул заметить, что я знаю толк в битвах. А теперь, если ты неимущий человек и тебе приходится терпеть нужду, приходи ко мне, и я дам тебе денег.

– Государь, – говорит тот, – я ни в чем не нуждаюсь, и рыбу я ужу лишь ради забавы. Я был вместе с Олавом конунгом, твоим братом, при Стикластадире[17], а зовут меня Торгильс.

Тут он сбросил с себя рыбацкий плащ с капюшоном и оказался молодцом, каких мало. После этого он уехал вместе с конунгом.

ОБ ОЛАВЕ КОНУНГЕ И ЧЕЛОВЕКЕ-ВОРОНЕ

Как-то раз, после того как люди Олава конунга собрали причитающиеся ему подати, конунг спросил у них, где их лучше всего принимали. Они отвечали, что, пожалуй, это произошло в некоем фюльке[1]. Конунг сказал:

– И что же там было такого, что это место понравилось вам больше других?

– Государь, – сказали они, – там живет один селянин, такой старый, что он знает множество всяких вещей. О чем бы мы его ни расспрашивали, у него на все находился ответ, так что мы немало позабавились, беседуя с ним. Сдается нам, что ему ведом даже язык птиц[2].

Конунг сказал:

– Все это лишь досужие выдумки, и я в это не верю!

А однажды, когда конунг плыл вдоль побережья и проплывал мимо каких-то проливов, он спросил, что за селения лежат на берегу. Его люди отвечали:

– Государь, мы рассказывали вам об этом фюльке – это здесь нам был оказан самый лучший прием.

Конунг сказал:

– А что за дом стоит там, над проливами?

Они отвечают:

– Этот дом принадлежит тому мудрому человеку, про которого мы вам рассказывали.

Потом они заметили возле дома лошадь. Тут конунг говорит:

– Сейчас же идите и убейте эту лошадь.

Те говорят в ответ:

– Нам не хотелось бы наносить ему ущерб, ведь он не заслужил от нас такого.

– Это мне решать, – говорит конунг. – Отрубите лошади голову, но остерегайтесь, чтобы кровь пролилась на землю. Принесите ее нам на корабль, а после сходите за бондом, да только ничего ему не говорите о том, что вы сделали с лошадью. И не вздумайте ослушаться, не то вам это будет стоить жизни. Передайте старику, что я хочу с ним повидаться.

После этого они сходят на берег и делают все, как им было велено. Они передают старику поручение конунга, и тот идет и встречается с ним.

Конунг спрашивает у бонда:

– Кому принадлежит земля, на которой ты живешь?

Тот отвечает:

– Это ваши владения, государь, и за эту землю вы получаете плату.

Тогда конунг говорит:

– Укажи-ка нам путь вдоль берега, ведь он должен быть тебе знаком.

Тот так и делает. А когда они шли на веслах, к кораблю со страшным карканьем подлетела ворона. Бонд взглянул на нее. Конунг спросил:

– Уж не нашел ли ты чего необычного в этом вороньем карканье, бонд?

– Не без того, – ответил бонд.

В этот самый момент над кораблем с карканьем пролетает другая ворона. Тогда бонд перестает грести, так что весло лежит у него в руке без дела. Конунг произнес:

– Похоже, ты раздумываешь над тем, что сказала эта ворона[3].

Бонд отвечает:

– Государь, мне кажется, теперь я начинаю понимать, что она говорит.

Тут в третий раз подлетает ворона, да так близко, что на лету задевает корабль, и кричит пуще давешних. Бонд поднялся ей навстречу. Она что-то прокаркала ему, после чего бонд не стал больше браться за весла. Конунг спросил:

– Что она говорит теперь, бонд?

Тот сказал:

– Навряд ли мне это известно.

– А ну-ка говори, – сказал конунг.

Тогда бонд произнес:

Каркает переярая –
нешто ведомо неразумной?
И двухлетка о том же –
вороне поверю ль?
И трехлетка ей вторит –

да много ль в том толку? –
что гребу, мол, я, сидя
на голове кобыльей,
и, мол, ты, конунг, сбондил
добро у бонда.

Конунг сказал:

– Что я слышу, бонд! Ты посмел назвать меня вором? Не дозволено вести такие речи.

– Согласен, государь, что это недозволенные речи, – отвечает бонд, – однако же, похоже, вы сыграли со мной какую-то шутку.

Конунг сказал:

– Так и есть, бонд, и мы сделали это ради собственной забавы. Но я дам тебе возмещение.

Конунг наделил его богатыми подарками и простил ему плату за землю, на которой тот жил. На этом они расстались, и бонд отправился домой.

О СИГУРДЕ КОНУНГЕ И ОТТАРЕ

Рассказывают, что на Троицын день Сигурд конунг сидел на своем престоле в окружении друзей и множества других людей. Все видели, что конунг сильно удручен и находится в мрачном расположении духа, и многие опасались того, что из этого может выйти.

Конунг поднялся и обвел глазами людей, которые сидели на скамьях вокруг него. Прежде чем заговорить, он взял в руки драгоценную книгу, которую он привез в страну. Она была целиком написана золотыми буквами[1], и никогда еще в Норвегии не появлялось другого такого сокровища. Подле него сидела конунгова жена[2]. Тогда конунг сказал:

– Многое может перемениться на твоем веку. Когда я приехал в страну[3], из всего, что у меня было, я больше всего ценил две вещи. Это – та книга, которую вы здесь видите, и конунгова жена, а теперь они сделались для меня одна хуже другой, так что, на мой взгляд, я владею самыми никудышными вещами из всех. Конунгова жена сама не ведает, кто она, а ведь кажется, будто у нее из головы торчат козьи рога. И чем больше она была мне по сердцу прежде, – сказал конунг, – тем меньше я к ней расположен теперь.

Тут конунг бросил книгу в огонь, который был там разведен, и ударил по щеке конунгову жену. Она заплакала не столько от боли, сколько оттого, что конунг был в такой досаде. Перед конунгом стоял человек по имени Оттар Лосось, он был сыном бонда и свечником[4], и в его обязанности входило прислуживать им. Оттар был темноволос, невелик ростом, отважен и учтив. Лицом он был смугл, однако же хорош собой. Его за то и прозвали Лососем, что он был человеком смуглым и черным[5]. Он подбегает и хватает книгу, которую конунг швырнул в огонь, и, держа ее в руках, говорит:

– То ли было в те времена, государь, когда вы приплыли в Норвегию во всем великолепии, и все твои друзья радостно высыпали тебе навстречу, и все как один согласились называть тебя конунгом и оказали тебе великие почести? А нынче к тебе явилось множество твоих друзей, и никто из них не способен радоваться из-за твоего недуга и уныния. Сделай одолжение, добрый конунг, оставь уныние и порадуй своих друзей, ведь всем им хочется получить удовольствие от пребывания у тебя. И послушайся моего совета – первым делом развесели конунгову жену, которую ты жестоко обидел, а там и всех прочих своих друзей.

Конунг ответил:

– Как ты смеешь поучать меня, презренный низкий простолюдин?!

Тут он вскочил и занес над ним меч, как если бы намеревался зарубить его. Оттар стоял прямо и даже не шелохнулся. Конунг держал меч обеими руками, однако когда меч опускался Оттару на голову, конунг повернул его плашмя и ударил его широкой стороной. Затем конунг молча уселся на свое сиденье. Все остальные также хранили молчание. У конунга был теперь более милостивый вид, чем прежде. Затем он сказал:

– Требуется немало времени, чтобы проверить, кто чего стоит. Здесь сидели самые достойные из моих друзей, лендрманны и окольничие, стольники[6] и все лучшие люди страны, однако ни один человек не выказал мне такой заботы, как этот, хотя вы, возможно, и считаете, что он вам не ровня. Да только выяснилось, что он предан мне больше всех – этот Оттар Лосось, поскольку я вошел сюда в ярости и хотел уничтожить свое сокровище, а он уберег меня от этого одной рукой и не испугался смерти. Потом он произнес отменную речь и нашел для нее слова, которые были для меня почетны, и при этом не затронул ничего такого, что могло бы еще больше огорчить меня. Он опустил в ней всякие вещи, о которых, по правде говоря, можно было бы упомянуть, однако речь его была так превосходна, что здесь не найдется никого, кто был бы настолько мудр, чтобы сказать лучше. Затем я вскочил, не помня себя от гнева, и сделал вид, что собираюсь сразить его, однако он вел себя так бесстрашно, как если бы ему ничего не угрожало. И когда я увидел это, я отказался от намерения совершить то, чего он не заслуживал. А теперь я хочу, чтобы вы, мои друзья, узнали, как я его награжу. Прежде он был моим

свечником, но с этих пор он станет моим лендрманном, больше того – впредь он будет самым видным из всех моих лендрманнов. Ступай же и сядь рядом с лендрманнами и отныне больше не прислуживай нам.

Впоследствии тот стал уважаемым человеком и прославленным благодаря многим своим достоинствам.

О СИГУРДЕ КОНУНГЕ И МАГНИ ЕПИСКОПЕ

На склоне жизни Сигурда конунга случилось так, что ему захотелось оставить конунгову жену[1] и взять за себя женщину по имени Цецилия, дочь одного могущественного человека. Свадьбу он решил сыграть в Бьёргюне и распорядился устроить пышный и обильный пир. А когда об этом узнал Магни епископ, он опечалился. Как-то раз он направляется в палаты вместе со своим священником, которого звали Сигурд и который потом стал епископом в Бьёргюне[2]. Они подходят к палате, и епископ просит конунга выйти. Тот так и делает и выходит к ним с обнаженным мечом. Конунг приветствует епископа и приглашает его выпить вместе с ним. Тот отвечает, что пришел по другому делу:

– Правда ли, государь, что вы решили жениться и оставить конунгову жену?

– Так и есть, епископ.

Конунг стал закипать от ярости. Епископ сказал:

– Отчего, государь, вы сочли возможным совершить это в нашей епархии[3], нарушив Господень закон и осквернив святую церковь и наш епископский престол? Теперь я сделаю то, что должен сделать, – именем Бога, святого апостола Петра и всех святых я запрещаю тебе совершать это беззаконие.

И когда он произносил это, он стоял выпрямившись и вытянув шею, как если бы он был готов принять удар конунгова меча. Сигурд, который впоследствии стал епископом, рассказывал, что ему тогда небо с овчинку показалось, такой страшный вид был у конунга[4]. После этого конунг вошел в палату, а епископ пошел домой и пребывал в таком прекрасном расположении духа, что смеясь приветствовал каждого встречного дитятю и играл пальцами[5].

Сигурд сказал:

– Вы так веселы, господин. Неужто вам не приходит на ум, что конунг может обрушить на вас свой гнев и что было бы разумнее уехать?

Епископ сказал тогда:

– Сдается мне, скорее всего, он этого не сделает. Но можно ли пожелать лучшей кончины, чем умереть за святое Божье христианство и воспрепятствовать тому, чему не дóлжно произойти? Я радуюсь, что поступил так, как обязан был поступить.

Затем в городе поднялся большой переполох, и люди конунга Сигурда стали собираться в путь с большими запасами зерна, солода и меда. После этого конунг направляется в Ставангр и там принимается готовиться к пиру. А когда об этом узнает тамошний епископ[6], он встречается с конунгом и спрашивает, правда ли, что тот намерен жениться при живой конунговой жене. Конунг отвечает:

– Так и есть.

Епископ сказал:

– Коли так, государь, вам должно быть известно, что людям низшего звания это строго-настрого запрещено. Не исключено, что вы сочли, что вам позволительны такие вещи, поскольку у вас гораздо больше власти, однако это совершенно противозаконно, и я не знаю, отчего вы вознамерились содеять такое в нашей епархии и тем самым нарушить Божьи заповеди и покрыть позором святую церковь и наше епископство. Возможно, вы пожелаете теперь сделать немалое денежное пожертвование в пользу здешней церкви, дабы таким образом загладить свою вину перед Богом и нами.

Конунг сказал:

– Я готов дать вам денег, да только уж больно вы не похожи на Магни епископа[7].

Конунг ушел, и ему это пришлось по нраву так же мало, как когда на его женитьбу был наложен запрет. Затем конунг взял ту женщину в жены и очень любил ее[8].

ПРЯДИ ИЗ «САГИ О СВЕРРИРЕ»

ПРЯДЬ О СКАЛЬДЕ МАНИ

Магнусу конунгу[1] пришлось простоять неделю в Уннардюсе в Листи[2]. С ним был тогда скальд Мани. Он сочинил вису:

Нам, *о князь державы*,
дай же днесь, *небесной*[3],
ветра – плыть дорогой
водорослей[4] в Бьёргюн[5].
Долго ль – *засиделись* –
ждать еще сей рати –
мы здесь в Уннардюсе, –
чтоб ветр подул с полудня?

Конунг сказал:

– Хорошо ты сочинил, Месяц[6]!

Большая куча только что выстиранных рубашек лежала там, и конунг велел ему взять одну.

Мани пришел к нему на границе страны. Он шел из Рума[7] и нищенствовал. Он вошел прямо в палату, где конунг сидел со своими приближенными. Вид у Мани был жалкий. Он был лыс, тощ и почти без одежды[8]. Но он умел приветствовать конунга как подобает, и конунг спросил его, кто он такой. Тот сказал, что зовут его Мани, родом он исландец, а пришел он с юга из Рума. Конунг сказал:

– Тогда ты, наверно, знаешь стихи, Месяц! Садись и скажи нам что-нибудь!

Он сказал тогда драпу о походе Сигурда Крестоносца, деда Магнуса конунга по матери[9], сочиненную Халльдором Болтуном[10]. Люди очень хвалили эти стихи и сказали, что он их хорошо позабавил.

В палате было два шута, которые заставляли собачек прыгать через веревку перед знатными людьми, и они заставляли их прыгать тем выше, чем знатнее были люди. Конунг сказал:

– Ты замечаешь, Месяц, что шуты косо смотрят на тебя. Сочини-ка о них вису, и возможно, что тебе будет польза от этого.

Мани сочинил вису:

Глянь, фигляр со скрипкой
нас тешит – *срам кромешный*,
что творит негодный
этот шут – и с дудкой.
Право, пакость – суку
он чрез палку, жалкий
ворог мира[11], прыгать –
нет больше мочи! – учит.

И еще он сочинил так:

Вот что вытворяет –
воют дудки, сладко
скрипица паяца
поет – то-то радость!
Вишь, трубач набычил
шею, кто с ним сумеет –
впрямь горазд разбойник
горло драть – тягаться.

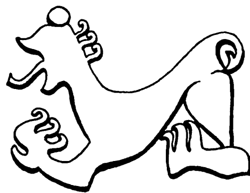
Люди очень смеялись, дружинники окружили шутов и снова и снова повторяли эти висы, и особенно строки:

Впрямь горазд разбойник
Горло драть – тягаться.

Шутам жарко пришлось, и они еле ноги унесли из палаты. А конунг приблизил Мани к себе, и тот сопровождал его до Бьёргюна.

Пряди
из заключительной части
«Книги с Плоского Острова»

ПРЯДЬ О ГРЕНЛАНДЦАХ

1

Жил человек по имени Сокки сын Торира. Он жил на Крутом Склоне[1] в Гренландии. Человек он был уважаемый, и у него было много друзей. Его сына звали Эйнар, это был человек многообещающий. Отец и сын имели большую власть в Гренландии и считались тамошними предводителями.

Как-то раз Сокки велел созвать тинг и объявил на нем, что не желает, чтобы страна дольше оставалась без епископа, и что он хочет, чтобы все ее жители приложили усилия к тому, чтобы учредить епископство. Все бонды с этим согласились.

Сокки попросил Эйнара, своего сына, отправиться ради этого в Норвегию, сказав, что никто лучше него не подходит для того, чтобы стать посланцем в этом деле. Тот отвечал, что пусть будет, как он хочет. Эйнар взял с собой в эту поездку много моржовой кости и шкур, с тем чтобы заручиться поддержкой хёвдингов.

Они прибыли в Норвегию.

В то время в Норвегии правил конунг Сигурд Крестоносец. Эйнар пришел повидаться с конунгом, получив к нему доступ с помощью подарков, и изложил свое дело и поручение. Он попросил конунга помочь ему получить то, чего он добивался для своей страны. Конунг сказал, что наверняка это пошло бы им во благо.

Затем конунг призвал к себе человека по имени Арнальд. Он был добрым клириком и годился в наставники. Конунг попросил его принять на себя это служение ради Господа и повинуясь его мольбам, – «и я пошлю тебя с моими письмами и печатями в Данию, в Лунд, на встречу с Эцуром архиепископом»[2].

Арнальд отвечал, что не хотел бы возлагать это на себя. Во-первых, потому, что он и сам-то мало для этого подходит, во-вторых же, оттого, что не хочет расставаться со своими друзьями и родичами, а в-третьих, из-за того что ему пришлось бы тогда иметь дело с непокорным народом. Конунг сказал, что чем больше страданий он примет от людей, тем больше пользы будет ему самому.

Тот отвечал, что не станет настаивать на своем и отказывать конунгу в его просьбе:

– Однако раз уж мне суждено будет принять епископский сан, я хочу, чтобы Эйнар поклялся мне в том, что будет должным образом содержать и поддерживать епископство, а также те владения, которые были отданы Богу, и карать тех, кто посмеет на них посягнуть, и станет защитником всего, что принадлежит епископству.

Конунг сказал, чтобы тот так и сделал. Эйнар ответил, что согласен.

Потом будущий епископ отправился на встречу с архиепископом Эцуром, изложил ему свое поручение и передал послания от конунга. Архиепископ принял его радушно, и они, как видно, хорошо узнали друг друга. И когда архиепископ убедился, что этот человек годится для того, чтобы принять высокий сан, он произвел Арнальда в епископы и отпустил его в добрый путь. Арнальд епископ явился к конунгу, и тот принял его как нельзя лучше.

Эйнар захватил с собой из Гренландии медведя и преподнес его Сигурду конунгу. В ответ он удостоился почета и уважения конунга.

После этого епископ с Эйнаром отправились в плавание на одном корабле. Другой корабль снарядили норвежец по имени Арнбьёрн, а с ним и другие люди с севера, которые также намеревались поехать в Гренландию.

Затем они вышли в открытое море, и ветер им не слишком благоприятствовал. И вот епископ с Эйнаром прибыли в устье Лесного Озера под Островными Горами в Исландии. В то время в Одди[3] жил Сэмунд Мудрый[4]. Он поехал на встречу с епископом и пригласил его к себе на зиму. Епископ поблагодарил его и ответил, что принимает приглашение. Эйнар остался зимовать под Островными Горами.

Рассказывают, что, когда епископ, покинув корабль, ехал со своими людьми, они остановились отдохнуть на одном хуторе на Островах[5] и сидели во дворе. Тут вышла старуха, в руках у нее был гребень для чесания шерсти.

Она подошла к одному человеку и сказала:

– А ну-ка, малый, сумеешь вставить мне зубец в гребень?

Тот взял у нее гребень, сказав, что сделает, достал из котомки молоток и починил гребень, так что старуха была очень довольна. Это был не кто иной, как епископ. Он был человек умелый. А рассказывается об этом случае потому, что он тогда проявил смирение.

Он провел зиму в Одди, и они с Сэмундом хорошо поладили. Об Арнбьёрне же и его спутниках не было никаких известий. Епископ и его люди решили, что тот, верно, уже успел добраться до Гренландии.

На следующее лето епископ с Эйнаром уехали из Исландии и прибыли в Гренландию, в Эйриков Фьорд. Люди встречали их радушно. Они и здесь

не смогли ничего разузнать об Арнбьёрне, и им это показалось странным. Так прошло несколько лет. Тогда стали поговаривать, что те скорее всего погибли.

Епископ устроил свою резиденцию во Дворах[6] и поселился там. Эйнар и его отец были ему главной опорой. Епископ и сам отличал их больше всех прочих жителей страны.

2

Жил человек по имени Сигурд сын Ньяля, он был гренландец. Осенью он часто охотился и ловил рыбу в пустынных местах. Сигурд был опытным мореходом. Всего их отправилось в путь пятнадцать человек.

Летом они подошли к леднику Белая Рубашка и обнаружили там оставленные кем-то очаги. Им удалось добыть всего лишь небольшой улов.

Сигурд сказал:

– Что вы предпочитаете: возвращаться назад или двигаться дальше? Лето на исходе, и улов совсем невелик.

Его спутники отвечали, что предпочитают повернуть назад. Они говорили, что опасно плавать в больших фьордах под ледником.

Сигурд сказал, что это правда, – «однако у меня такое предчувствие, что если мы доберемся туда, нас ждет куда больший улов».

Тогда они стали просить, чтобы он сам принял решение, и сказали, что давно уже привыкли полагаться на его прозорливость: им это всегда шло только на пользу. В ответ он сказал, что предпочел бы двигаться дальше, и так и было сделано.

На их корабле был один человек по имени Стейнтор. Он взял слово и сказал:

– Мне кое-что приснилось прошлой ночью, Сигурд, – говорит он, – и я хочу рассказать тебе свой сон. Когда мы зашли в тот большой фьорд, мне привиделось, будто я оказался зажат между скалами, и я закричал, моля о помощи.

Сигурд сказал, что его сон не больно хорош, – «так что ты бы лучше поостерегся лазать там по скалам. А то, не ровен час, застрянешь в какой-нибудь щели и не сможешь удержаться от того, чтобы подать голос».

Стейнтор был человек беспечный и необузданного нрава.

А когда они заходили во фьорд, Сигурд сказал:

– Мне это только показалось или это и вправду так? Как будто бы во фьорде стоит корабль.

Они подтвердили, что так и есть. Сигурд сказал, что вот уж новость так новость.

Затем они углубились во фьорд и увидали, что корабль стоит в устье реки и что он прикрыт сверху. Это было большое морское судно. Затем они сошли на берег и заметили неподалеку хижину и палатку.

Сигурд сказал, что первым делом им следует разбить палатку:

– Уже поздно, и я хочу, чтобы никто не шумел и все были осмотрительны.

Они так и поступили.

Утром они вышли и огляделись по сторонам. Прямо перед собой они увидали колоду, из которой торчал топор, а рядом лежал мертвец. Сигурд сказал, что человек этот колол дрова и ослабел от истощения. Затем они подошли к хижине и обнаружили там другой труп. Сигурд сказал, что этот человек оставался на ногах, пока у него хватало сил, – «и, верно, эти двое были в услужении у тех, кто в хижине».

Рядом с этим человеком также лежал топор.

Тогда Сигурд сказал:

– Я считаю, что нужно взломать хижину и дать выйти наружу дурному духу и зловонию, что исходит от трупов, которые находятся внутри, и, судя по всему, лежат там уже давно. Вам всем следует остерегаться его, потому что он может причинять вред и быть небезопасным для жизни, хотя скорее всего эти люди не сделают нам ничего плохого.

Стейнтор сказал, что ни к чему принимать бóльшие предосторожности, чем требуется, и вошел в дверь хижины, как только они взломали ее. А когда он вышел, Сигурд взглянул на него и сказал:

– Человек этот сильно потрясен.

Тут Стейнтор закричал и бросился бежать, а его товарищи – за ним. Он упал в какую-то расселину в скале, откуда никто не смог его вызволить, и нашел там свою смерть. Сигурд сказал, что сон его оказался вещим.

После этого они взломали хижину и сделали все так, как говорил Сигурд, и это не причинило им никакого вреда. Они обнаружили в хижине трупы людей и множество добра.

Тогда Сигурд сказал:

– Сдается мне, что самым правильным будет, если вы разварите их тела в котлах, которые им принадлежали, так, чтобы плоть сошла с костей. Тогда их сподручнее будет перенести в церковь. Похоже, что тут побывал Арнбьёрн: я слыхал, что у него был такой же красивый корабль, как тот, который стоит тут на берегу.

Это был корабль с крашеным штевнем – большое сокровище.

Днище торгового корабля было сильно повреждено, и Сигурд сказал, что, по его мнению, от него не может быть никакого проку. Тогда они вынули из

корабля гвозди и сожгли его. Они увезли оттуда лодку, нагруженную всяким добром, буксир и корабль с крашеным штевнем.

Они возвратились в обитаемые места и встретились с епископом во Дворах. Сигурд рассказал ему об этих новостях, а также о том, что они нашли много добра.

– По моему разумению, – сказал он, – всего лучше будет пустить принадлежавшее им добро на захоронение их костей. И если мое мнение чего-то стоит, то я желал бы, чтобы так и поступили.

Епископ сказал, что предложение это хорошее и мудрое, и все с ним согласились.

Вместе с их телами там было найдено множество ценных вещей. Епископ сказал, что корабль с крашеным штевнем – это большое сокровище. А Сигурд сказал, что всего правильнее будет, если он отойдет епископству ради их спасения. Прочее добро, в соответствии с законами Гренландии, поделили между собой те, кто его нашел.

Когда эти вести достигли Норвегии, об этом прослышал человек, по имени Эцур, он был сыном сестры Арнбьёрна ⟨...⟩[7] и на том корабле были и другие люди, которые потеряли своих родичей и ожидали получить денежную плату.

Они приплыли в Эйриков Фьорд. Там к ним пришли местные жители, и они принялись с ними торговать. После этого они устроились на постой. Эцур кормчий отправился во Дворы к епископу и остался там на зиму.

В то время в Западном Поселении[8] стоял другой торговый корабль. Его привел Кольбейн сын Торльота, он был норвежец. Третьим кораблем управлял человек по имени Хермунд сын Кодрана[9], а также его брат Торгильс. У них на корабле было много народу.

3

Зимой Эцур завел с епископом разговор о том, что рассчитывает получить кое-какое наследство после смерти Арнбьёрна, своего родича. Он попросил епископа отдать ему и тем, кто с ним прибыл, что им причитается. Епископ отвечал, что этим имуществом распорядились так, как и было положено поступать в подобных случаях по законам Гренландии, и что это не было его единоличным решением. Он сказал, что считает подобающим, чтобы эти деньги пошли на спасение душ тех, кто их скопил, и были отданы церкви, где похоронены их кости. А еще он сказал, что недостойное это дело – претендовать теперь на это добро.

После этого Эцур не пожелал дольше оставаться с епископом во Дворах и уехал к своим товарищам, и они провели зиму все вместе.

Весной Эцур приготовился предъявить иск на гренландском тинге. Этот тинг собирался во Дворах. На него явились епископ с Эйнаром сыном Сокки, а с ними много народу. Пришел туда и Эцур со своей командой.

Когда собрался суд, вперед выступил Эйнар, с ним было множество людей. Он сказал, что, сдается ему, норвежцам было бы нелегко иметь дело с иноземцами, когда б такое случилось у них в Норвегии.

– Мы желаем, чтобы действовали те законы, которые были установлены в этой стране, – сказал Эйнар.

А когда суд закончился, норвежцам не удалось выиграть тяжбу и они так и ушли оттуда ни с чем. Эцур был очень недоволен и счел, что вместо денег добился в этом деле одного лишь бесчестья. Он не придумал ничего лучшего, как отправиться туда, где стоял крашеный корабль, и вырубить из его кормы две доски по обе стороны киля. После этого он уехал в Западное Поселение и встретился там с Кольбейном и Кетилем сыном Кальва и рассказал им, как обстоят дела. Кольбейн сказал, что решение было принято несправедливое, но все же не одобрил того, что он совершил.

Кетиль сказал:

– Я бы хотел, чтобы ты послушался меня и перебрался сюда к нам. Мне стало известно о сговоре между епископом и Эйнаром. Тебе нелегко будет противостоять замыслам епископа и удали Эйнара, а потому лучше нам держаться вместе.

Тот сказал, что скорее всего так и сделает.

Был там среди купцов и Ледяной Стейнгрим.

Затем Эцур поехал назад к Козлиной Горе[10], где он стоял прежде.

4

Епископ сильно разгневался, когда узнал о том, какой ущерб был причинен кораблю. Он призвал к себе Эйнара сына Сокки и сказал:

– Настало время сдержать ту клятву, которую ты принес, когда мы уезжали из Норвегии, – карать любого, кто посмеет посягнуть на епископство и его владения. Я требую, чтобы Эцур поплатился жизнью за то, что испортил нашу собственность и выказал нам свое полное презрение. Не стану скрывать: мне это вовсе не по нраву, и если ничего не будет предпринято, я объявлю тебя клятвопреступником.

Эйнар отвечает:

– Это был дурной поступок, господин. И все же, хотя он и причинил ущерб, кое-кто, возможно, скажет, что Эцур заслуживает снисхождения, принимая во внимание, что он весьма многого лишился. Ведь он и его

люди видели ценные вещи, которые принадлежали их родичам, но не смогли их получить. И я, право же, не знаю, могу ли я обещать вам что-нибудь в этом деле.

Они расстались холодно, и у епископа был оскорбленный вид.

А когда люди съехались в Длинный Мыс[11] на церковный праздник и пир, на этом празднике присутствовали епископ с Эйнаром. На службу явилось множество народу. Мессу служил сам епископ. Эцур также пришел туда. Он стоял с южной стороны, у церковной стены, и с ним завел разговор человек, которого звали Бранд сын Торда, он был домочадцем епископа.

Этот человек просил Эцура уступить епископу, – «и я ожидаю, – сказал он, – что тогда дела пойдут на лад, не то, что теперь».

Эцур отвечал, что не может оставить все как есть, когда с ним так дурно обошлись. И они продолжают об этом толковать.

Затем из церкви вышел епископ со своими людьми и направился к дому. Эйнар тоже пошел с ними. А когда они подошли к дверям, Эйнар отделился от свиты и повернул назад на церковный двор. Он взял секиру у одного человека, пришедшего на богослужение, и зашел за церковь с южной стороны. Там стоял Эцур, опираясь на свою секиру. Эйнар тотчас же нанес ему смертельный удар, а после пошел назад в дом. Там уже были накрыты столы. Эйнар уселся за стол напротив епископа, не произнося ни слова.

После этого в дом вошел Бранд сын Торда, подошел к епископу и сказал:

– Знаете ли вы новости, господин?

Епископ ответил, что ни о чем не слыхал, – «разве что ты хочешь нам что-то сказать».

Он отвечает:

– Один человек только что упал мертвым здесь, на дворе.

Епископ сказал:

– Что за человек, и чьих это рук дело?

Бранд сказал, что тут рядом тот, кто может об этом рассказать.

Епископ сказал:

– Так это ты, Эйнар, лишил жизни Эцура?

Тот отвечает:

– Ясное дело, это сделал я.

Епископ сказал:

– Такой поступок не может считаться хорошим, однако ему есть оправдание.

Бранд попросил, чтобы тело омыли и над ним отслужили службу. Епископ отвечал, что всему свое время. Все, кто там были, продолжали сидеть за столом, и трапеза тянулась довольно долго. Епископ не по-

сылал людей прочитать молитвы над телом до тех пор, пока Эйнар сам не попросил его об этом и не сказал, что это подобает совершить со всем уважением.

Епископ ответил, что, на его взгляд, было бы правильнее не погребать Эцура у церкви, – «однако, раз уж ты просишь об этом, он будет похоронен здесь у этой церкви, где нет своего капеллана».

И он не стал посылать священников читать молитвы над телом до того, как его покрыли саваном.

Тогда Эйнар сказал:

– Отныне дело обстоит сквернее некуда, и в немалой степени из-за вашего в нем участия. В него оказались вовлечены очень заносчивые люди, и сдается мне, теперь между нами вспыхнет великая вражда.

Епископ отвечал, что он рассчитывает, что люди умерят свой пыл и достигнут достойного примирения в этом деле, если не станут прибегать к насилию.

5

Весть эта разнеслась повсюду, и о ней узнали торговые люди.

Тогда Кетиль сын Кальва сказал:

– Я был недалек от истины, когда предположил, что это может стоить ему головы.

Одного человека звали Симун, он был родичем Эцура, это был человек рослый и сильный. Кетиль сказал, что, если Симун намерен вести себя так, как ему велит его естество, он, может статься, не забудет об убийстве своего родича Эцура.

Симун отвечал, что не нуждается в громких словах.

Кетиль велел снарядить корабль и послал людей к Кольбейну кормчему, чтобы те рассказали ему о том, что произошло, – «и передайте ему, что я намерен возбудить дело против Эйнара, поскольку мне известны законы Гренландии и я знаю, как следует поступать. Кроме того, у нас тут хватает народу, чтобы выдержать нападение».

Симун сказал, что хотел бы способствовать осуществлению планов Кетиля. Затем он отправился на встречу с Кольбейном, рассказал ему об убийстве и передал поручение от Кетиля. Он сказал, что люди из Западного Поселения должны прийти к ним на помощь и явиться на гренландский тинг. Кольбейн отвечал, что непременно придет, если ему ничто не помешает, а еще сказал, что не желает, чтобы гренландцам сошло с рук убийство их людей.

Кетиль сразу же принял дело Симуна[12] и отправился в путь с небольшим отрядом, а купцам велел как можно скорее следовать за ними, – «и захватите с собой товары».

Кольбейн уехал, как только получил это известие, и наказал своим товарищам также отправляться на тинг. Он сказал, что у них предостаточно народу, так что еще неизвестно, удастся ли гренландцам обойти их в этом деле. И вот Кольбейн с Кетилем встречаются и договариваются, как им быть. Оба они были достойнейшие люди. Затем они отправляются в путь, и хотя им не было попутного ветра, добираются до места. С ними было много народу, но все же меньше, чем они рассчитывали.

И вот люди съехались на тинг. Явился туда и Сокки сын Торира. Он был человек мудрый и к тому времени уже состарился. К нему часто обращались за помощью, когда требовалось разрешать тяжбы. Он пошел повидаться с Кольбейном и Кетилем и объявил им, что хотел бы уладить это дело полюбовно.

– Я хочу предложить рассудить вас, – говорит он. – И хотя меня и связывают бóльшие обязательства с Эйнаром, моим сыном, я вынесу такое решение, которое я сам и другие мудрые люди сочтут наиболее справедливым.

Кетиль отвечал, что они намерены довести эту тяжбу до конца, но не исключил того, что они согласятся покончить дело миром, – «мы сильно раздражены, и у нас нет привычки идти на попятный».

Сокки сказал на это, что, на его взгляд, у них неравные силы и они навряд ли смогут выстоять в бою и что еще неизвестно, добьются ли они для себя более достойного решения, если его вынесет не он.

Торговые люди явились на суд, и Кетиль выдвинул обвинение против Эйнара.

Эйнар сказал:

– Если они добьются того, что решение будет вынесено не в нашу пользу, известие об этом разнесется повсюду, – и он пошел на суд и помешал судьям продолжить разбирательство дела.

Тогда Сокки сказал:

– Мое предложение остается в силе: я готов вынести решение и покончить дело миром.

Кетиль отвечал, что, по его мнению, это теперь невозможно, – «даже если ты предложишь возмещение, оно не сможет искупить беззаконного поведения Эйнара в этом деле», – и на этом они расстаются.

Что же до торговых людей из Западного Поселения, то они оттого не прибыли на тинг, что, когда они снарядили два корабля, задул противный ветер.

В середине лета на Перешейке должно было состояться примирение. Туда явились торговые люди с запада и бросили якорь у одного мыса. Они собрались там все вместе и держали совет.

Кольбейн сказал, что если бы они и прежде были вместе, дело не дошло бы до примирения, – «и сдается мне, теперь нам всем следует отправиться на эту встречу с теми силами, какие у нас есть».

Они так и поступили и укрылись в одной укромной бухте неподалеку от епископства.

Случилось так, что в епископстве принялись звонить к мессе как раз в то время, когда туда прибыл Эйнар сын Сокки. Когда торговые люди услыхали это, они принялись возмущаться: не слишком ли много чести Эйнару, чтобы встречать его колокольным звоном, и что это, мол, стыд и срам. Они были очень этим раздосадованы.

Кольбейн сказал:

– Не стоит выходить из себя из-за этого, ведь может случиться так, что еще до наступления вечера этот колокольный звон станет погребальным.

Тут подходит Эйнар со своими людьми, и они усаживаются на склоне, а Сокки начинает предъявлять для оценки дорогие вещи, которые были предназначены для уплаты возмещения.

Кетиль сказал:

– Я желаю, чтобы оценщиками выступили мы с Хермундом сыном Кодрана.

Сокки согласился с этим.

Пока оценивали вещи, Симун, родич Эцура, то подходил, то отходил в сторону с оскорбленным видом. Затем выложили старинный панцирь, изготовленный из металлических пластин.

Тут Симун сказал:

– Позор предлагать подобное за такого человека, как Эцур! – и с этими словами отшвырнул панцирь прочь, на поле, а сам направился к тем, кто сидел на склоне.

Как только гренландцы увидали это, они вскочили на ноги и устремились вниз со склона навстречу Симуну. Сразу же вслед за тем Кольбейн отделился от своих спутников и пошел наверх. Он поравнялся с гренландцами, когда те спускались вниз, а потом обошел их сзади. И как раз когда он оказался позади Эйнара и нанес ему удар секирой между плеч, секира Эйнара опустилась на голову Симуна, так что каждый из них получил смертельную рану.

Падая, Эйнар сказал:

– Этого можно было ожидать.

Тут к Кольбейну подбежал Торд, названый брат Эйнара, собираясь нанести ему удар, но Кольбейн тотчас же развернулся и всадил острие секиры Торду в горло, так что тот умер на месте. Затем между противниками завязался бой. Епископ сидел рядом с Эйнаром, и тот скончался у него на коленях. Одного человека звали Стейнгрим. Он призвал их прекратить сражаться и бросился между ними, а с ним еще несколько человек. Однако и те и другие пришли в такое неистовство, что Стейнгрим в этой стычке был пронзен мечом. Эйнар умер наверху на пригорке у землянки гренландцев.

Люди были сильно изранены. Кольбейн и его спутники возвратились к себе на корабль с тремя убитыми из числа своих людей и направились через Эйнаров Фьорд к Стоянке Скьяльга[13]. Там стояли торговые корабли, и люди были заняты их погрузкой.

Кольбейн сказал, что они устроили кое-какую заваруху, – «и я надеюсь, у гренландцев теперь меньше оснований радоваться».

Кетиль сказал:

– Ты был прав, Кольбейн, – сказал он, – когда говорил, что, быть может, мы еще услышим погребальный звон до того, как уедем отсюда. Сдается мне, что Эйнара уже перенесли в церковь.

Кольбейн отвечал, что приложил к этому руку.

Кетиль сказал:

– Надо ожидать, что гренландцы попытаются напасть на нас. Я считаю, что людям следует перенести на корабли столько грузов, сколько они успеют, и все должны провести ночь на кораблях.

Они так и сделали.

Сокки очень горевал из-за того, что произошло. Он обратился к людям за помощью и просил поддержать его в этой распре.

6

Одного человека звали Халль. Он жил у Солнечных Гор. Халль был человек умный и рачительный хозяин. Он был сторонником Сокки и прибыл со своими людьми позже всех.

Он сказал Сокки:

– Не думаю, что твой замысел – напасть на них, подойдя к их торговым кораблям на небольших ладьях, – принесет нам удачу, учитывая предосторожности, которые они наверняка уже успели принять. Кроме того, я не знаю, можно ли положиться на твое войско. Все, кто похрабрее, покажут себя с наилучшей стороны, но остальные, скорее всего, будут стараться держаться подальше, и из-за этого те, кто сражаются в первых рядах, скоро выбьются из сил, и тогда мы окажемся в еще более трудном положении, чем теперь. А по-

тому, сдается мне, коли люди и впрямь собираются идти в бой, будет лучше, если перед тем, как напасть на них, каждый принесет клятву, что готов либо пасть, либо одержать победу.

От этих слов Халля у них сильно поубавилось решимости.

Сокки сказал:

– И все же мы не можем расстаться с ними, так и не разрешив этого дела.

Халль отвечал, что готов попытаться примирить их и крикнул торговым людям:

– Вы дадите мне возможность беспрепятственно пройти к вам? – сказал он.

Кольбейн и Кетиль отвечают, что он может прийти. Затем он встречается с ними и говорит, что после того, как произошли такие значительные события, необходимо наконец уладить эту тяжбу. Те сказали в ответ, что готовы поступить так, как пожелают остальные, и прибавили, что вина за эту несправедливость лежит на жителях страны, – «однако теперь, поскольку мы видим с твоей стороны такое миролюбие, мы, пожалуй, согласимся на то, чтобы ты рассудил нас».

Он отвечал, что будет судить так и вынесет такое решение, какое он сам сочтет наиболее справедливым, понравится оно обеим сторонам или нет. Затем об этом было объявлено Сокки. Тот также сказал, что согласится с решением, которое вынесет Халль. Было условлено, что торговые люди должны будут все ночи напролет снаряжать свои корабли. Говорили, что Сокки только того и нужно, чтобы они поскорее убрались.

– Однако если они затянут со своими приготовлениями и станут испытывать мое терпение, то им нечего рассчитывать на возмещение, если их поймают, – сказал он.

На этом они расстались, и была назначена встреча, на которой должно было состояться примирение.

Кетиль сказал:

– Наши приготовления продвигаются медленно, а припасы почти совсем истощились, так что мой совет – попытаться раздобыть пропитание. Я знаю, где живет человек, у которого вдоволь еды, и я предлагаю отправиться к нему.

Они согласились с этим.

И вот как-то раз ночью они покидают корабли и сходят на берег. Их было три десятка человек, все при оружии. Они подходят ко двору, но он, как оказывается, опустел. Человека, который там жил, звали Торарин.

Кетиль сказал:

– Что ж, мой план не удался, – после чего они уходят со двора и направляются вниз к кораблям. Их путь лежал через заросли кустарника.

Тут Кетиль сказал:

– Меня клонит в сон, – говорит он. – Я должен поспать.

Они сказали, что это не самая разумная мысль, но он тем не менее улегся и заснул, а они уселись рядом.

Немного погодя он просыпается и говорит:

– Мне много всего приснилось. Что если нам выдернуть куст, который был у меня под головой?

Они выдернули куст и нашли под ним ход в большое подземелье.

Кетиль сказал:

– Первым делом надо выяснить, что за припасы там припрятаны.

Они обнаружили там шестьдесят туш, дюжину мер[14] масла и много вяленой рыбы.

– Хорошо, – сказал Кетиль, – что я не обманул ваших ожиданий.

Они возвращаются к кораблям с этой добычей.

Подходит день, на который была назначена мирная встреча, и на нее являются обе стороны – торговые люди и жители страны.

Халль сказал:

– Вот как я вас рассудил: я желаю, чтобы убийства Эцура и Эйнара были приравнены одно к другому, но из-за разницы между ними[15] норвежцы должны быть объявлены вне закона, так что им нельзя будет предоставлять ни провизии, ни крова в этой стране. Также должны быть приравнены одно к другому убийства Стейнгрима бонда и Симуна, норвежца Крака и гренландца Торфинна, норвежца Вигхвата и гренландца Бьёрна, Торира и Торда. Теперь остался невозмещенным один человек из наших, которого зовут Торарин, и это человек неимущий. За него должно быть уплачено возмещение.

Сокки сказал, что ему и другим гренландцам трудно согласиться с таким решением. Халль отвечал, что считает, что вынесенное им решение тем не менее должно оставаться в силе. На том они и разошлись.

Затем пришел лед и покрыл все фьорды, и гренландцы подумали, что теперь им представится возможность схватить их, если только те не успели еще уехать, как им было назначено. Однако к исходу месяца весь лед унесло прочь, и торговые люди смогли покинуть Гренландию. Больше они не встречались.

Они прибыли в Норвегию. Кольбейн привез из Гренландии белого медведя[16]. Он отправился с этим зверем к конунгу Харальду Гилли[17] и преподнес ему его, а еще он рассказал конунгу, как плохо с ними обошлись гренландцы, и поносил их на чем свет стоит. Однако позднее конунг узнал об этом другое. Тогда он решил, что Кольбейн сказал неправду, и не дал ему награду за зверя.

Затем Кольбейн убежал и примкнул к Сигурду Слембидьякону. Он напал на конунга Харальда Гилли в его покоях и нанес ему удар[18]. Как-то раз позднее, когда они были у берегов Дании, их корабль несся на всех парусах, а Кольбейн сидел в лодке, шедшей на буксире. Тут поднялся такой сильный ветер, что буксир сорвало и Кольбейн утонул[19].

Хермунд же и его спутники воротились в Исландию в свои родовые владения.

И здесь заканчивается этот рассказ.

ПРЯДЬ О ХЕЛЬГИ И УЛЬВЕ

Сигурд ярл сын Хлёдвира[1] правил на Оркнейских островах, это был могущественный хёвдинг. Одного человека звали Ульв Злой, он жил на Сандей[2] на Оркнейских островах. Муж он был очень воинственный и оправдывал данное ему имя[3].

Харальдом звали человека, который жил на Ринансей[4]. У него был сын по имени Хельги, он был пригож собой и подавал большие надежды.

Он сказал своему отцу:

– Я хочу, чтобы ты раздобыл мне корабль. Я намерен отправиться в поход в Шотландский Фьорд и посмотреть, что из этого выйдет.

Тот отвечает:

– Ладно, ведь в молодости так поступают все.

После этого Хельги ушел в поход, и дела его шли хорошо, и хотя он и был язычником, он не грабил всех без разбору.

А пока Хельги был в отъезде, на Ринансей приезжает Ульв Злой. Он встречается с Харальдом и говорит:

– Мне приглянулись твои земли, и я хотел бы их купить. Я дам тебе за них денег.

Харальд говорит в ответ, что не собирается продавать ему свои владения, что ему не на что надеяться и он не получит там ни пяди земли. Ульв отвечает, что, думает, когда он явится туда в другой раз, тот будет более уступчив и отдаст то, что от него потребуют. После этого они расстались.

А спустя несколько дней Ульв неожиданно нагрянул туда опять. Он схватил Харальда и заявил, что на этот раз намерен лишить его и земли и жизни. Затем Ульв приказал убить его. Люди осуждали это убий-

ство, и когда о нем узнал Сигурд ярл, он отнесся к тому, что случилось, с неодобрением. Ульв приехал к ярлу и рассказал ему о том, что произошло. Ярл говорит, что ему не по душе такие поступки, – «и я желаю, чтобы ты уплатил родичам достойное возмещение». Ульв отвечал, что ярлу решать, однако утверждал, что он и сам немало натерпелся от Харальда. Это дело, тем не менее, не имело продолжения, так как Хельги не было тогда на островах.

Жил человек по имени Бард Красавец, он был родичем Ульва Злого. При том что он частенько бывал у Ульва, он был человек миролюбивый и у него было много друзей.

Как-то раз Бард сказал Ульву:

– Не будет между нами согласия. Ты вершишь дурные дела, а мне это не по нраву, так что лучше мне будет уехать.

Ульв отвечает:

– Не слишком-то это разумно, пока не улажено то дело и Хельги сын Харальда находится в викингском походе.

Но тот отвечает, что все равно уедет, и снаряжает корабль, намереваясь покинуть Рёгнвальдсей[5]. А когда он уже собрался в дорогу, на острова приплывает Хельги и узнает об убийстве своего отца. И вот он призывает своих людей убить Барда, говоря, что тот ближайший родич Ульва. Бард приготовился защищаться и ответил, что ни в чем перед ним не провинился, однако же сказал, что не собирается отрекаться от своего родства с Ульвом. Затем они вступили в бой, и Бард пал, так как у Хельги было много народу. Когда Ульв узнает об этом, он собирает людей. А когда эти вести доходят до Сигурда ярла, тот призывает к себе Хельги.

Когда они встретились, ярл сказал:

– В отместку за причиненный тебе ущерб ты совершил дурное дело вместо того, чтобы последовать нашему совету и добиваться для себя достойного возмещения, а ведь все уже было улажено с честью для тебя.

Хельги отвечает тогда:

– Все в вашей власти, но мне не было известно об этом уговоре.

Ярл сказал:

– Я желаю, чтобы здесь на островах мои люди не нарушали уговоров.

После этого Хельги уехал.

Ульв, не теряя времени, посылает ему вдогонку своих людей на двух кораблях, однако им не довелось встретиться, и Хельги успел воротиться домой в свой двор и узнал об этом уже там. Он сказал, что, похоже, не будет ему покоя на островах, продал свои земли и собрался уезжать, сказав, что им с Ульвом неплохо было бы повстречаться, раз уж тот, как он ясно дал понять, не желает мириться с решением, которое вынес ярл. Затем он на-

правляется к двору Ульва, но того не оказалось дома. Хельги разоряет его дом и уводит с собой его дочь, которую звали Хельгой. Он говорит, что это послужит достойным возмещением за его отца. Она просит его не делать этого, – «потому что мой отец непременно бросится тебя преследовать». Он сказал в ответ, что его это не остановит. После этого он поплыл на юг вдоль островов.

А когда Ульв узнает об этом, он отправляется за ним в погоню, захватив с собой много кораблей и сказав, что ему нередко приходилось мстить и за меньшие оскорбления. Встретившись, они вступили в бой. У Хельги было меньше народу – и его корабль был очищен от людей, сам же он храбро защищался и был ранен. С наступлением ночи поднялась буря, и он почел за лучшее прыгнуть за борт вместе с дочерью Ульва и покинуть корабли вплавь. Под покровом темноты они добрались до берега и бежали в лес. Там они заметили огонь и подле него какого-то человека. Хельги спрашивает, кто он такой. Тот отвечает, что он местный бонд, – «и я наслышан о твоей распре, а еще мне известно, что когда ты совершал набеги, то не трогал нас, мелких бондов». Хельги рассказал ему о том, как обстояли его дела. Этого бонда звали Торфинн, и той зимой он снабжал Хельги всем необходимым и заботился о них обоих. Хельги заявил, что желает сыграть свадьбу с Хельгой в его доме. Торфинн отвечал, что это легко устроить, но что Хельги будет от этого не много почета, тем не менее так и было сделано. Так проходит зима.

Потом Хельги объявил, что хотел бы, чтобы бонд отдал ему землю внаем, и сказал, что, сдается ему, должно случиться одно из двух: Ульв либо вскоре умрет, либо разыщет его. И вот он берет внаем землю и заводит хозяйство. Затем он узнает о смерти Ульва.

У Хельги и его жены Хельги был сын, и звали его Бард. Он был человек благовоспитанный и добродетельный, красивый и искусный. А когда прошло два года, Хельги воротился со своими домочадцами на Оркнейские острова и вступил во владение всем своим имуществом: как тем, которое прежде принадлежало Ульву, так и тем, которое Хельги унаследовал от своего отца Харальда, и с тех пор не знал нужды. Когда Барду, его сыну, минуло двенадцать лет, он захотел уехать и объявил, что намерен добыть себе богатство. Хельги отвечал, что он еще слишком молод для того, чтобы отправляться в поездку.

Бард сказал:

– Мы с тобой, отец, несхожи нравом, – говорит он. – Я хочу поехать к тем народам, про которых мне рассказывали, что они верят в небесного Бога.

Хельги сказал в ответ, что не похож он на Ульва, своего деда с материнской стороны.

После этого он уезжает и является к одному бонду, путь к которому был весьма неблизкий[6], и говорит, что хотел бы у него работать. Бонд отвечает, что ему это предложение по душе. И вот он стал ходить за его скотиной, а бонд этот был очень богат. Мальчик был плохо одет, однако же дело у него пошло хорошо, и бонд сказал, что намерен расплатиться с ним, дав ему корову, и тот согласился. А на другой день он идет в лес и встречает там нищего странника. Тот попросил Барда ради Петра отдать ему корову.

Бард отвечает:

– Ты просишь не напрасно, и пускай этот Петр станет мне другом, а потому я отдам ему корову.

Бард снова приходит к бонду и работает на него. Так проходит год, и у бонда прибавляется добра еще больше, и он опять дает ему корову. Однако вышло то же, что и в прошлый раз – пришел странник и обратился к нему с той же просьбой: дать ему корову ради Петра, и Бард отдал ему корову. Бонд спросил, что сталось с коровой. Бард сказал, что она досталась тому, кто в ней нуждался. После этого Бард остался у бонда на третий год и стал снова ходить за его скотиной, так что у того на каждую голову скота, которой он владел, прибавилось чуть ли не по две, и дело закончилось тем, что он отдал Барду третью корову. И в тот же самый день, как и прежде, в лесу к нему подошел странник и сказал, что желает получить эту корову во имя Петра. Бард тотчас же отдал ему корову. Тогда тот человек сказал ему:

– А теперь я хочу возложить на тебя руки.

И когда он сделал это, Барду показалось, будто из всех его членов ушла слабость. Затем тот сказал:

– Быть тебе удачливым человеком.

Тут он возложил ему на плечи книгу, и после этого взору Барда открылись разные страны. Странник сказал тогда:

– Что скажешь: получил ты теперь вознаграждение за коров?

– Еще бы, – сказал Бард.

Потом он окинул взором всю Ирландию. Пришелец говорит:

– Как по-твоему, достойная это будет награда за коров, если твоя власть станет простираться так далеко, как ты сейчас смотришь?

Бард ответил, что да.

– Так знай же, что сюда явился сам апостол Петр, – сказал тот и вручил ему Писание[7]. – И я отблагодарю тебя за коров тем, что мы с тобой никогда больше не расстанемся.

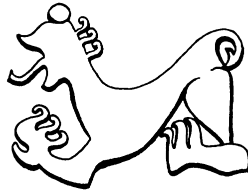
Затем Бард встретился с бондом и рассказал ему обо всем, что произошло. Бонд насилу узнал его, такой у него был просветленный и счастливый вид. Он предложил Барду взять себе столько его добра, сколь-

ко тому захочется. Тот попросил бонда обтесать для него камень, и это было выполнено. После этого он принял святое крещение, а затем уселся на этот самый камень и люди очень его почитали. По прошествии нескольких лет он стал епископом в Ирландии и сделался великим хёвдингом. К нему прибыли туда отец его и мать, братья и сестры, и он хорошо вознаградил их всех. Господь вседержитель воздал ему, как и всем прочим, за его смирение, ибо, как он сам свидетельствует, всякого, кто падет ниц пред ликом Создателя, он возвысит сам. Отец и мать Барда возвратились на Оркнейские острова. Они вернули себе все свои владения и жили там до старости.

И здесь заканчивается этот рассказ.

Пряди об исландцах, не входящие в собрания «королевских саг»

ПРЯДЬ О ПИВНОМ КАПЮШОНЕ

1

Жил человек по имени Торхалль. Он жил в Синих Лесах[1] в Жилище Торхалля. Был он человек зажиточный и уже в летах, когда случилась эта сага. Торхалль был невелик ростом, безобразен и не особенно сноровист, однако искусен в работе по железу и дереву. Он жил тем, что варил пиво на тинге[2], и благодаря этому скоро стал известен всем знатным людям, потому что это они большей частью покупали у него пиво. Случилось же так, как нередко бывает, что и пиво, и те, кто им торговали, не всем приходились по вкусу. Торхалля нельзя было назвать расточительным, был он скорее скуп. Он плохо видел, и у него вошло в привычку покрывать голову меховым капюшоном. Так он всегда и ходил на тинге, и оттого что он не был именитым человеком, люди прозвали его Пивным Капюшоном. Это прозвище к нему и пристало.

Однажды осенью Пивной Капюшон, как обычно, отправился в свой лес нажечь угля. Лес тот находился за Горой Храфна[3], к востоку от Длинного Склона[4]. Там он провел несколько дней, добывая уголь. Как-то раз ночью сидел он над ямами, в которых горели стволы деревьев, и не спал. А когда ночь подошла к концу, он уснул. И вот огонь поднялся из ям и перекинулся на соседние ветки, и они тотчас же загорелись. Вскоре огонь перешел на лес, и он запылал. Тут подул сильный ветер. Пивной Капюшон проснулся и обрадовался своему спасению. Пламя охватило лес. Сперва сгорел тот лес, которым владел Пивной Капюшон, но потом огонь перекинулся на другие леса, и они были выжжены дотла. Теперь это место зовется Выжженная Пустошь.

Сгорел там и лес, который назывался Лес Годи. Им владели сообща шесть годи[5]. Один из них был Снорри Годи[6], другой – Гудмунд сын Эйольва[7], третий Скафти Законоговоритель[8], четвертый Торкель сын Гейтира[9], пятый Эйольв сын Торда Крикуна[10], шестой Торкель Бахрома сын Рыжего Бьёрна[11]. Они купили этот лес, чтобы использовать его для своих нужд на тинге.

Потом Пивной Капюшон возвратился домой, а слух о пожаре разнесся по округе. Первым из тех, кто понес убытки, об этом прослышал Скафти. Осенью он послал весть на север в Островной Фьорд[12] с людьми, которые ездили из одной местности в другую, и велел сказать Гудмунду о сожжении леса, а еще о том, что дело это прибыльное. Такое же известие он отправил на запад людям, которые владели лесом. За зиму весть облетела их всех, и было решено, что шестеро годи встретятся на тинге и будут действовать сообща, а Скафти тем временем возбудит дело, потому что он живет неподалеку[13].

Когда наступила весна и подошли дни вызова в суд[14], Скафти поехал с большим отрядом и вчинил Пивному Капюшону иск о сожжении леса. Он потребовал, чтобы тот был объявлен вне закона[15]. Пивной Капюшон вспылил, стал хвастать и говорить, что у Скафти, верно, поубавится спеси, когда на тинг приедут его друзья. Скафти ничего на это не ответил и уехал.

Летом на тинг прибыли шестеро годи, владевшие лесом, и не откладывая держали совет. Они договорились начать тяжбу и вести ее так, чтобы получить как можно больше выгоды или добиться того, чтобы самим выносить решение по этому делу.

Пивной Капюшон приехал на тинг и привез пиво на продажу. Он встретился со своими друзьями и постоянными покупателями и попросил у них поддержки, предложив им купить пива, однако все они в один голос отвечали, что прежде уже заключали с ним сделки, но никакой выгоды от этого не имели, и еще говорили, что не хотят рисковать и ссориться из-за него с такими могущественными людьми. Никто не захотел ни поддержать его, ни торговать с ним. Решил он, что совсем плохо дело. Тогда он пошел по землянкам, но никакого ответа не получил, хотя и просил людей о поддержке. Пришел тут конец его заносчивости и дерзости.

Как-то раз Пивной Капюшон зашел в землянку Торстейна сына Халля с Побережья[16] и попросил у него помощи. Торстейн дал ему тот же ответ, что и другие.

2

Одного человека звали Бродди сын Бьярни, он был шурином Торстейна и сидел рядом с ним. Бродди было тогда двадцать лет[17]. Когда Пивной Капюшон вышел из землянки, после того как Торстейн отказал ему в помощи, Бродди сказал:

– Сдается мне, зять, что этот человек не заслуживает изгнания, и мало чести тем, кто так заносится, что вчинил ему иск. Я думаю, ты согласишься, что было бы благороднее оказать ему поддержку.

Торстейн отвечает:

– Помогай ему, коли тебе так хочется, а я тебя в этом поддержу, как и во всем другом.

Бродди поручил одному человеку привести Пивного Капюшона. Тот вышел и увидел его у стены землянки. Он стоял там и жалобно плакал. Человек пригласил Пивного Капюшона в землянку и приказал перестать плакать:

– И не вздумай хныкать, когда войдешь к Торстейну.

Пивной Капюшон заплакал от радости и поступил как ему было велено.

Когда они предстали перед Торстейном, Бродди сказал:

– Торстейн, мне кажется, не прочь тебя поддержать, и он считает, что дело это вздорное. Не мог же ты спасать чужие леса, когда сжег свой.

Пивной Капюшон спросил:

– Кто этот видный человек, что сейчас говорит со мной?

– Зовут меня Бродди, – отвечает тот.

Тогда Пивной Капюшон сказал:

– Уж не Бродди ли ты, сын Бьярни?

– Так и есть, – говорит Бродди.

– Ты и выглядишь благороднее других, – сказал Пивной Капюшон, – и имеешь на то основания.

Тут он разговорился и совсем осмелел.

– Пора тебе, Бродди, помочь ему, раз ты так решил, – сказал Торстейн, – а то что-то уж больно он тебя расхваливает.

Бродди поднялся, и с ним много людей, и вышел из землянки. Он отвел Пивного Капюшона в сторону и поговорил с ним с глазу на глаз. Затем они направились на поле тинга. Там собралось много народу, все они были на лёгретте[18]. А когда люди разошлись, Гудмунд и Скафти остались сидеть и толковать о законе. Бродди и его спутники бродили по полю тинга, а Пивной Капюшон отправился на лёгретту. Он упал на землю, подполз к их ногам и сказал:

– Я счастлив, что повстречал вас, знатные люди и милостивые хёвдинги! Может быть, вы не откажете мне в помощи, добрые люди, хотя я и недостоин этого, потому что без вашей поддержки мне конец.

Долго пересказывать все, что говорил Пивной Капюшон, а держал он себя как самый ничтожный человек. Гудмунд сказал, обращаясь к Скафти:

– Жалок этот человек.

Скафти отвечает:

– Куда же подевалось твое высокомерие, Пивной Капюшон? Не думал ты весной, когда мы вчиняли иск, что тебе придется просить меня разрешить нашу тяжбу[19]. Видно, мало тебе было проку от поддержки хёвдингов, которой ты мне тогда грозился.

Пивной Капюшон говорит:

– Был я тогда не в себе и, что всего хуже, не хотел, чтобы ты сам нас рассудил. А о хёвдингах и говорить нечего: стоит им только вас завидеть, как они все становятся малодушными. Счастлив буду я, если вы возьметесь разрешить мое дело. Могу ли я только на это надеяться? Ведь ты, Скафти, должно быть, так на меня разгневался, что теперь и не захочешь за это браться. До чего же я был глуп и неразумен, когда ответил отказом на твое предложение, а теперь я не осмеливаюсь показаться на глаза свирепым людям, которые наверняка убьют меня, если вы оба за меня не заступитесь.

Он все твердил одно и то же и говорил, что почтет за счастье, если они сами возьмутся рассудить их тяжбу:

– Сдается мне, что сохраннее всего моим деньгам будет у вас.

Гудмунд сказал, обращаясь к Скафти:

– Не думаю, что он заслуживает изгнания. Не пойти ли нам ему навстречу, позволив самому выбрать людей для ведения тяжбы? Не знаю только, как на это посмотрят другие истцы.

– В таком случае, добрые люди, – говорит Пивной Капюшон, – вы не откажете мне потом в своей защите.

Скафти сказал:

– В моей власти покончить с этим делом, ибо я его возбудил. Так и поступим, Пивной Капюшон: мы с Гудмундом возьмем все на себя и сами вынесем решение, и тем прекратим тяжбу. Думаю, это пойдет тебе на пользу.

Пивной Капюшон поднялся, и они подали друг другу руки. После этого Пивной Капюшон назвал одного за другим свидетелей, и те подошли. Первыми Пивной Капюшон назвал Бродди и его спутников.

Скафти сказал:

– Ответчик пригласил нас с Гудмундом рассудить это дело, и хотя все мы, потерпевшие ущерб, договорились, что сами сообща вынесем по нему решение, мы с Гудмундом охотнее других готовы взять это на себя, если только Торхалль согласится. Вы – свидетели, что дело это требует уплаты штрафа, а не изгнания. Ударим по рукам, и я объявляю об окончании тяжбы, которую я начал весной.

После этого они ударили по рукам.

Тогда Скафти сказал Гудмунду:

– Не покончить ли нам на месте с этим делом?

– Твоя правда, – ответил Гудмунд.

Пивной Капюшон сказал:

– Не стоит так спешить, ведь я еще не решил, кого мне выбрать – вас или других.

Гудмунд сказал:

– По нашему соглашению выносить решение должны мы, если только ты не выберешь для этого кого-нибудь другого из числа тех, кто вместе с нами вчинил тебе иск.

Пивной Капюшон отвечает:

– Не о том ли я хлопотал все это время, чтобы судили не они? Однако, когда мы ударили по рукам, было решено, что те двое, кого я назову, будут выбраны по моему усмотрению.

Спросили у свидетелей. Люди Гудмунда и Скафти стали спорить, что был такой уговор, но Бродди и его спутники подтвердили, что так и было условлено и что Пивной Капюшон сам должен назначить людей, чтобы те вынесли решение.

Тогда Скафти сказал:

– Что за этим кроется, Пивной Капюшон? Я вижу ты уже не поджимаешь хвост, как прежде. Кому же ты намерен поручить рассудить нас?

Пивной Капюшон сказал:

– Не долго стану я раздумывать. Я выбираю Торстейна сына Халля и Бродди сына Бьярни, его шурина, и думаю, что это больше пойдет на пользу делу, чем ваше вмешательство.

Скафти сказал, что, по его мнению, дело и так обстоит неплохо, кто бы его ни решал:

– Потому что дело наше ясное и правое, а у них достанет ума понять, что с тобой нужно поступить по всей строгости закона.

Пивной Капюшон присоединился к спутникам Бродди, и люди разошлись по землянкам.

3

На следующий день должно было быть вынесено решение. Торстейн и Бродди держали совет. Торстейн хотел присудить к уплате большего штрафа, но Бродди сказал, что поступить надо так, как считает он, и что он сам вынесет решение. Бродди предложил Торстейну на выбор – либо обнародовать решение, либо держать ответ, если кто-нибудь станет возражать. Торстейн предпочел объявить приговор, чем препираться с годи. Затем Торстейн сказал, что Пивному Капюшону недолго осталось ждать решения своей участи и что он должен будет уплатить всю сумму сполна у Скалы Закона[20]. После этого они отправились к Скале Закона, и когда было произнесено все, что следует согласно судебному обычаю, Торстейн сын Халля спросил, здесь ли годи, вчинившие иск Пивному Капюшону.

– Мне было сказано, что мы с Бродди должны рассудить это дело. Сейчас мы объявим решение, если вы готовы его выслушать.

Те сказали в ответ, что надеются услышать справедливый приговор.

Тогда Торстейн сказал:

– Сдается нам, что невелика была цена вашему лесу. Стоил он немного, да и проку вам от него было не больше – слишком уж далеко он находился. Каково же должно быть своекорыстие людей, владеющих многим, чтобы и на этом захотеть нажиться. Пивной Капюшон не должен держать ответ за ваш лес, когда он сжег свой, и произошло это по чистой случайности. Но раз этому делу был дан ход, должно быть назначено возмещение. Вы вшестером владели этим лесом. Мы хотим, чтобы вы получили по шесть локтей домотканого сукна[21] каждый и чтобы уплачено вам было здесь на месте.

Бродди уже отмерил и разрезал домотканую материю и тут принялся кидать ее им, каждому по куску, приговаривая:

– Возмещение, достойное труса.

Скафти сказал:

– Нетрудно заметить, Бродди, что тебе не терпится с нами поссориться. Ты неплохо постарался в этом деле, а теперь не прочь вступить с нами в открытую вражду. Я думаю, в другой тяжбе нам повезет больше.

Бродди ответил:

– Немало тяжб придется тебе выиграть, Скафти, прежде чем ты возместишь ущерб, который тебе нанес Орм, твой родич, за то что ты сложил его жене любовную драпу[22]. Скверное это было дело, и заплатить за него пришлось сполна.

Тут Торкель Бахрома сказал:

– Куда как недальновидно поступают такие люди, как Бродди. Ради дружбы с Пивным Капюшоном или его подарков он готов превратить своих противников в заклятых врагов.

Бродди говорит:

– Что ж недальновидного в том, чтобы держать свое слово, хотя бы и была разница между вами и Пивным Капюшоном? А вот ты-то точно недоглядел, когда отправился на весенний тинг[23] и не уступил дорогу Стейнгриму. У него-то жеребец был хорошо откормлен, вот он и наехал на тебя сзади, а кобыла твоя возьми да упади под тобой, уж больно была она тощая. Не знаю наверняка, что там между вами произошло, но люди видели, как ты лежал без движения, оттого что лошадь зажала копытами твой плащ.

Эйольв сын Торда сказал:

– Мало того, что этот человек обвел нас вокруг пальца, он еще и позорит нас перед всеми.

Бродди говорит:

– Вовсе я вас не обманывал. А вот тебя-то и вправду провели, когда ты ехал на север в Полуостровной Фьорд[24] и украл быков у Торкеля сына Эйри-

ка[25]. Старри из Боговых Долин[26] бросился тебя преследовать, но ты заметил погоню, только когда добрался до Озерной Долины[27]. Был ты тогда так напуган, что обернулся кобылой[28] – неслыханное дело! – а Старри и его люди пригнали быков назад. Что ни говори, а уж он-то тебя точно обвел вокруг пальца.

Тогда Снорри Годи сказал:

– Не пристало нам браниться здесь с Бродди, однако при случае мы припомним ему, с какой враждебностью он с нами обошелся.

Бродди говорит:

– Не много будет тебе чести, Снорри, коли ты станешь ломать голову над тем, как мне отомстить, когда ты и за отца-то своего не отомстил[29].

Торкель сын Гейтира, сказал:

– Похоже, что не зря ты носишь свое имя[30]: всем ты пытаешься досадить, но не все это стерпят. Придет время и тебе быть убитым.

Бродди сказал:

– Негоже нам, родич, поминать перед всеми несчастья наших близких. Однако что толку скрывать то, что известно многим: Бродд-Хельги был убит. Слыхал я также, что отец твой в конце концов получил за это по заслугам. Да и тебе нетрудно будет нащупать то, чем отметил тебя мой отец в Долине Битвы[31].

На этом они расстались и разошлись по землянкам. Здесь Пивной Капюшон выходит из саги.

4

На следующий день Бродди отправился в землянку Торкеля сына Гейтира, вошел и заговорил с ним. Торкель отвечал неохотно и был сильно разгневан. Бродди сказал:

– Я потому пришел к тебе, родич, что был не прав. Наговорил я тебе все это по молодости лет да по глупости, не допустим же, чтобы из-за этого испортились наши родственные отношения. Прими от меня в дар этот меч с резной рукоятью. Хочу я еще, чтобы ты погостил у меня летом, тогда увидишь ты, что нет у меня лучших сокровищ, чем те, какими я тебя наделю.

Торкель с благодарностью принял подарок и приглашение и сказал, что он всегда хотел, чтобы их отношения были хорошими. После этого Бродди вернулся к себе.

Вечером накануне окончания тинга Бродди шел на запад через реку. Он уже сходил с моста и тут повстречал Гудмунда. Они не сказали друг другу ни слова и разошлись. Тогда Гудмунд обернулся и спросил:

– Какой дорогой поедешь ты с тинга, Бродди?

Тот обернулся и ответил:

– Если тебе так не терпится это узнать, я поеду через Киль в Полуостровной Фьорд, а оттуда в Островной Фьорд и дальше через Ущелье Светлого Озера к Комариному Озеру, а там через Подмаренничную Пустошь[32].

Гудмунд сказал:

– Я надеюсь, ты сдержишь свое слово и поедешь через Ущелье Светлого Озера.

Бродди говорит:

– Сдержу, будь уверен. А ты что ж, Гудмунд, думаешь преградить мне путь? Здорово же у тебя чешутся руки, если ты загораживаешь мне этот горный проход, так что мне и не проехать там с моими спутниками. Не закрываешь же ты тот проход, что у тебя в заду, чтобы быть без изъяна!

Они разошлись, а слова эти облетели весь тинг. Когда об этом узнал Торкель сын Гейтира, он пошел к Бродди и попросил его, чтобы тот ехал через Пески[33] или по восточной дороге.

Бродди говорит:

– Я поеду той дорогой, какой обещал Гудмунду, иначе он может счесть меня малодушным.

Торкель сказал:

– Поедем тогда вместе, родич, и возьмем с собой наших людей.

Бродди охотно согласился, сказав, что почтет за честь иметь его своим спутником. Затем Торкель и Бродди отправились со своими людьми на север через Бычью Пустошь. Был с ними и Эйнар сын Эйольва, тесть Торкеля. Они подъехали к Поперечной Реке[34] и там заночевали. Эйнар и дальше сопровождал их с большим отрядом, и они не расставались до самой Дрожащей Реки[35]. Потом Эйнар поехал домой, а Торкель и Бродди не останавливались, пока не приехали к себе на восток в Оружейный Фьорд[36].

В то лето Торкель поехал погостить к Бродди, своему родичу, и получил богатые подарки. До конца своей жизни оставались они добрыми друзьями и сородичами.

Здесь кончается сага о Пивном Капюшоне.

ПРЯДЬ О ГУННАРЕ УБИЙЦЕ ТИДРАНДИ

1

Жил человек по имени Кетиль, по прозвищу Гром[1]. Он был сыном Тидранди и жил в Заливе Ньёрда[2]. Жену его звали Торгерд. Их сыновей звали Торкель и Эйольв[3]. У них на воспитании был мальчик по имени Тидранди, он был сыном Гейтира[4] и считался самым многообещающим молодым человеком в Восточных Фьордах[5].

Одного человека звали Бьёрн сын Корека[6], он жил в Долине Обвалов[7]. Его считали хорошим хозяином, и у него было несколько братьев.

Рассказывают, что однажды летом был назначен конский бой. Владельцем одного из коней был Кетиль бонд из Залива Ньёрда, а другого – Бьёрн сын Корека. Многие пришли поглядеть на эту потеху, и там было большое веселье. Тидранди сын Гейтира тоже был там. Состязание закончилось тем, что победителем вышел конь Бьёрна.

После этого Бьёрн обратился к Тидранди и сказал:

– Я бы хотел, чтобы мы с тобой стали друзьями, и в знак дружбы прими от меня в дар коня, которого я сегодня выставил на бой.

Тидранди поблагодарил его за подарок – «и, конечно же, я обещаю тебе взамен свою дружбу».

Бьёрн отвечал, что получил то, чего хотел.

Был там среди собравшихся человек по имени Торир, его прозвали Ездок-в-Англию[8]. Он тоже сказал, что хотел бы водить дружбу с Тидранди. Он приехал в Исландию двумя годами раньше и гостил у Бродд-Хельги[9]. Они были большие друзья.

Рассказывают, что той осенью к Бьёрну сыну Корека и его братьям попросился на ночлег один человек. Он назвался Асбьёрном по прозванию Молот[10]. Собой он был велик и похоже, что силен, человек с виду наглый, черноволосый, долговязый и длинношеий, с недобрым взглядом. Его спросили, откуда он родом. Он отвечал, что с юга и что прежде жил у Асгрима сына Ладейного Грима[11].

– А теперь я ищу себе другое место, – и говорит, что если кому-нибудь вдруг понадобится хороший работник, «им не следует проходить мимо меня».

Они сказали, что им самим как раз пригодится умелый работник. И вот он поселился у сыновей Корека. Им пришлись по душе и то, как он справляется со своей работой, и его нрав, и чем дольше он там оставался, тем больше они им были довольны. Он пробыл у них некоторое время, около трех зим, и скопил денег, а потом собрался уходить и попросил их подыскать ему

какое-нибудь жилище[12]. Братья сказали, что ему куда больше пристало жить у кого-нибудь домочадцем, чем своим домом. Тот отвечал, что не заслужил их недоверия. Тогда они нашли ему жилище в своей округе, однако он и там жил по большей части на их деньги, и так как он не остерегался залезать в долги, сильно им задолжал.

Тогда Бьёрн сказал ему:

– Сдается мне, не такой ты человек, чтобы вести хозяйство самостоятельно. Я хочу, чтобы ты возвратился к нам и отработал свой долг.

Тот сказал, что не успел еще освоиться с тем, как самому управляться с хозяйством, и попросил оставить все как есть. На том и порешили. Он накупил себе множество вещей, которые ему очень хотелось иметь. А когда в округу прибыл Торир Ездок-в-Англию, Асбьёрн встретился с ним и сказал, что хочет купить у него товары, которые он привез.

Тот говорит в ответ:

– Неужто у тебя водятся деньги?

Асбьёрн сказал:

– Хоть я человек и небогатый, но знаю, как их скоро нажить своим трудом и бережливостью.

Торир ответил, что, коли так, продаст ему товару.

А когда Торир повстречался с Бродд-Хельги, тот спросил у него, как идет торговля, и он рассказал, как обстоят дела.

– Ты заключил сделку с человеком, к которому у меня нет доверия, и, похоже, с ним не оберешься хлопот.

Летом Торир отправился взыскивать долги[13]. Он встретился с Асбьёрном Молотом и напомнил ему о том, что тот ему задолжал. Тот отвечал, что знать не знает ни о каком таком долге, так что Торир ничего от него не получил. Сыновья Корека также понесли из-за него большие убытки.

Асбьёрн понял теперь, что его не оставят в покое. Тогда он сбежал из дому, спустился в Залив Ньёрда, встретился с Кетилем и попросил приютить его:

– Вот увидишь, я тебе пригожусь, ведь я работник хоть куда, да и ты человек работящий. А от сыновей Корека я видел мало хорошего.

Кетиль ответил на это, что не склонен оставлять его у себя, и прибавил, что наслышан о его дурном поведении.

– А ты сам меня испытай, хозяин, – говорит тот.

– Неразумно было бы из-за тебя наживать себе врагов, – говорит Кетиль.

– Это тебе не грозит, – сказал Асбьёрн.

Дело кончилось тем, что Кетиль взял его к себе. А когда сыновья Корека узнают об этом, они встречаются с Кетилем из Залива Ньёрда и говорят ему, что Асбьёрн не вернул им долга и что они понесли из-за него большие убытки.

Кетиль ответил, что скорее всего так и есть, – «однако я не собираюсь платить за него».

Тидранди был тогда в Заливе Ньёрда и попытался убедить Кетиля, своего воспитателя, уплатить хотя бы часть долгов Асбьёрна.

Кетиль отвечает:

– Я не стану за него платить, и я соглашусь на то, чтобы они приехали сюда в сопровождении нескольких свидетелей и вызвали его на суд[14].

– Меня удивляет твое жестокосердие, воспитатель. По мне, так куда лучше было бы уладить это дело полюбовно.

Кетиль отвечает:

– Уж больно ты печешься об этом деле: не оттого ли, что тебе хочется отплатить им за коня, которого они тебе подарили?

Тидранди отвечал, что желает лишь того, что пойдет ему во благо. На этом они расстаются, и те люди садятся на коней и уезжают, а Тидранди отправляется на север в Крестовый Залив. Тем летом он побывал там на сходке. Сыновья Корека порешили, что отправятся в Залив Ньёрда и вызовут Асбьёрна на суд в том случае, если Тидранди также поедет туда погостить. Им казалось, что будет больше толку, если тот поедет вместе с ними.

2

В то же самое лето в Широкий Залив, что лежит между Обжитым Заливом и Городищенским Фьордом[15], прибыл корабль. На нем было двое кормчих, одного звали Гуннар, а другого Тормод. Они вели торговлю с тамошними жителями и намеревались пробыть там некоторое время. Кетиль явился на корабль и пригласил кормчих к себе. Те отправились к нему на постой. Гуннар был человек отважный, рослый, и сильный, и красивый с виду.

Летом Тидранди приехал к сыновьям Корека. Те приняли его с большим радушием, и он остался там ночевать. Они предложили ему себя в провожатые и пообещали служить ему чем только смогут. Ему это пришлось по душе. Тогда они сказали, что хотели бы поехать вместе с ним в Залив Ньёрда и вызвать Асбьёрна на суд. Тидранди согласился на это.

Старик Корек сказал:

– У меня предчувствие, что из этой поездки не выйдет ничего хорошего, и вы, сыновья мои, подвергаете опасности достойного человека. Ведь вам придется иметь дело с людьми, один из которых, Кетиль, больно уж вспыльчив, а другой – негодяй.

У Корека было трое сыновей: Бьёрн, Торфинн и Халльдор[16]. Кроме них в этой поездке с Тидранди были Торир Ездок-в-Англию и еще двое, чьи имена не названы, так что вместе их было семеро. Они находились в пути,

пока не добрались до леса, который был расположен неподалеку от Залива Ньёрда. Там они спешились и ради забавы принялись метать друг в друга прутья.

Тогда Тидранди сказал:

– Боюсь, как бы мой воспитатель не счел, что нас слишком много, и это его не насторожило.

Их заметил Асбьёрн Молот: он тогда был на болоте и выкапывал торф. Асбьёрн пригляделся, узнал их и сообразил, зачем они явились. Тогда он побросал свои орудия и помчался что было духу домой на хутор. Один из братьев метнул в него прут, и он угодил Асбьёрну в брюхо, однако это не заставило его замедлить бег. Тидранди сказал, что не стоило этого делать. Асбьёрн прибежал домой и ворвался в горницу в большом испуге. Кетиль грелся у очага и спросил, с чего это он так торопится.

Тот отвечает:

– Лучше уж мне держаться от них подальше. А вот ты хотя и слывешь большим храбрецом, даже не помышляешь о мести. И это при том, что из меня торчит копье.

Те же, кто был с Тидранди, запоздали, потому что не могли поехать прямиком через болота. Тидранди сказал, что нетрудно догадаться, что́ Молот успел покамест наговорить о них.

Кетиль грелся у очага, однако не чувствовал тепла от огня. Он сказал, что ему это кажется странным. Асбьёрн потребовал, чтобы Кетиль отомстил за него, если только у того достанет мужества.

В конце концов Кетиль потерял терпение и сказал:

– Прежде меня нечасто уличали в трусости.

Кетиль выбегает из дома, прихватив длинное копье. Как раз в это время Тидранди и все его спутники заехали во двор. Тидранди сказал своим людям, чтобы те не смели трогать его воспитателя. Тут Кетиль подскочил к Бьёрну сыну Корека и пронзил его копьем, поскольку тот стоял ближе всех. А когда Торир Ездок-в-Англию увидал это, он бросился к Кетилю и нанес ему удар в грудь, и эта рана оказалась смертельной[17]. Торир Ездок-в-Англию пал там от рук домочадцев Кетиля.

3

Одного человека звали Тьодгейр, а другого Торир Гладкий, оба они были домочадцами Кетиля и пали. После этого Тидранди решил уехать оттуда по тропе, что пролегала к югу от двора, а с ним его товарищи – те из них, кто остались в живых, вместе их было пятеро.

Служанка вбежала в дом и сказала Гуннару и Тормоду о том, что произошло. Те ничего не знали, так внезапно это все случилось.

Она говорит:

– Странные вы люди: сидите здесь, когда хозяин лежит на дворе убитый, и с ним еще кое-кто. Сразу видно, что вы оба ни на что не годитесь.

Гуннар отвечал, что, мол, зря она так разоряется и что в этом нет нужды:

– Укажи-ка нам лучше на того, чья гибель стала бы для них наибольшей потерей.

– Это Тидранди, – говорит эта злосчастная женщина, – и если вы убьете его, это будет хоть какой-то расплатой за нашего хозяина.

Гуннар метнул копье вслед всадникам, и оно попало Тидранди в спину и пронзило его насквозь. Тут его настигла смерть, и он упал с лошади мертвый. Торгерд, жена Кетиля, и ее сыновья были очень недовольны этим убийством и сочли его величайшим несчастьем. Гуннар сказал, что теперь уж ничего не поделаешь. Они отвечали, что надо ожидать мести за гибель Тидранди и возбуждения дела о его убийстве, и потребовали, чтобы норвежцы убирались прочь. Торгерд заявила, что они нигде не будут в безопасности. И вот вскоре они уехали, и никто не знал, что с ними сталось.

Люди очень горевали из-за того, что произошло, потому что все очень любили Тидранди и считали его достойнейшим человеком. Весть о случившемся разнеслась по всей округе.

Некоторое время спустя в Залив Ньёрда в поисках норвежцев и их имущества приехал Торкель сын Гейтира[18] в сопровождении нескольких человек. Он сказал, что ему необходимо найти их, чтобы отомстить за тот ущерб, который они причинили. Торгерд хозяйка отвечала, что их непременно надо было бы разыскать, но что она их прогнала. Торкель и его люди так и уехали восвояси, ничего не добившись.

Так проходит зима. И вот у Торкеля сына Гейтира возникли сильные подозрения, что Гуннар, которого с тех пор прозвали Убийцей Тидранди, и Тормод, его товарищ, могли скрываться у братьев Торкеля и Эйольва, сыновей Кетиля.

Как-то раз зимой Торкель сын Гейтира беседовал с одним из своих домочадцев, которого звали Торд, и сказал:

– Я думал послать тебя вниз в Залив Ньёрда передать братьям, что одна из их лошадей отбилась от табуна.

Торд отвечает:

– Я готов выполнить это поручение, но только при условии, что братья не понесут урона из-за моего прихода.

– Тут нет никакого подвоха.

Торд идет вниз в Залив Ньёрда и говорит братьям про лошадь. Те отвечают, что он хорошо поступил. На этом они расстаются.

Немного погодя братья Торкель и Эйольв, сыновья Кетиля, идут на сеновал, где обычно содержались лошади. Погода в тот день стояла безветренная,

шел снег и было сумеречно. А когда братья подходили к сеновалу, к ним навстречу вышли пять человек. Среди них был Торкель сын Гейтира. Они схватили и связали их обоих. Торкель велел им открыть, где норвежцы, и сказал, что ему известно, что они находятся у них. Те все отрицали и отвечали, что им о них ничего не известно. Тогда Торкель увел их прочь. На Торкеле сыне Кетиля был плащ[19]. Торкель сын Гейтира приказал зарезать теленка у стены сеновала, так, чтобы кровь из его перерезанного горла пролилась на Торкеля сына Кетиля.

После этого он забрал у него плащ, отнес его Эйольву и приказал ему рассказать, где норвежцы, – «а не то ты тоже будешь убит, как твой брат», и сказал, что это его кровь на плаще[20].

Эйольв отвечает:

– Каждому охота жить, так что уж лучше я выдам их, чем сам буду убит. Они здесь в нашем козьем хлеву, и мы с братом всю зиму относили им туда еду, всякий раз как наведывались к лошадям.

Стоило Эйольву сказать это, как туда приводят Торкеля сына Кетиля, целого и невредимого.

Тогда Эйольв говорит:

– Ты нас провел, Торкель, – сказал он, – и у меня теперь одно желание: тоже когда-нибудь рассказать тебе, Торкель сын Гейтира, такое, что опечалит тебя не меньше, чем то известие, которое ты нынче принес мне, – что мой брат мертв.

4

Торкель сын Гейтира приказал связать обоих братьев по рукам и ногам и положить их под сеновалом. Потом Торкель сын Гейтира и его спутники направились к козьему хлеву.

Гуннар произнес:

– Нынче ночью, Тормод, товарищ мой, меня беспокоили дурные сны, – говорит он, – и я хочу, чтобы мы теперь же подались отсюда наверх в горы, потому что нескоро еще минуют наши невзгоды.

Они вышли на двор. Валил снег, так что было трудно что-либо различить. Тут они заметили людей неподалеку от хлева и бросились бежать под снегопадом. Торкель сын Гейтира метнул им вслед копье, и оно угодило Тормоду в спину, так что он был не в состоянии бежать дальше. Он попросил Гуннара позаботиться о себе и спасаться, пока не поздно. Гуннар отвечал, что не в его обычае бросать своих товарищей.

– Взгляни-ка, приятель, откуда торчит копье. Я недолго протяну.

Тут Гуннар увидал, что Тормод вот-вот умрет и побежал прочь. Тем временем прояснилось. Торкель подошел к Тормоду и, не раздумывая, прикончил его, но все же их задержало то, что им пришлось посуетиться вокруг мертвеца[21].

Гуннар добрался до одного двора в Городищенском Фьорде, который называли На Яру. Там жил человек по имени Свейнки[22], большой рубака. Был он тяжел нравом и неуживчив. Свейнки тогда был на дворе, и они поздоровались.

Гуннар сказал:

– Похоже, мне понадобится твоя помощь, бонд, и чем скорее я ее получу, тем лучше. Сюда направляется Торкель сын Гейтира, а с ним еще четверо. Они намерены убить меня, и уже успели убить моего товарища.

Тот отвечает:

– Прежде нам с тобой нечасто приходилось иметь дело, однако теперь ты попал в переделку. К тому же ты показал себя храбрецом, отомстив за своего хозяина, который был нам другом. Скорее всего тебе будет не много проку от нашей помощи, поскольку эти люди не откажутся от своих поисков. Что ж, заходи в сени.

Тот так и делает. Свейнки укрыл его, завалив торфом для очага, который был свален в сенях. После этого на хутор является Торкель со своими людьми. Свейнки встречает их, стоя на дворе. Торкель спрашивает, не приходил ли туда Гуннар. Он сказал, что ему, мол, кажется, будто он заметил, как тот завернул на двор.

Некоторые рассказывают, что в этой поездке вместе с Торкелем был Хельги сын Дроплауг, его родич, однако нам неизвестно, так ли это[23].

– Мы желаем, – сказал Торкель, – чтобы ты выдал его нам, и тогда мы расстанемся подобру-поздорову.

Свейнки отвечает, что навряд ли этот человек находится в доме, разве что незаметно проник в горницу:

– Вы можете поискать там, однако никогда прежде у меня не учиняли обыска и не вторгались в мой дом.

Торкель и его люди направляются в горницу.

Тут Свейнки обращается к человеку, который сторожил у входа, это был один из спутников Торкеля:

– Я побуду здесь и прослежу, чтобы этот человек не сбежал, если он и впрямь внутри, а ты заходи в горницу.

Тот вбегает в горницу, а Свейнки велит Гуннару вставать и выходить, а сам задвигает на двери засов.

Свейнки сказал тогда:

– Пойдем теперь вниз на берег к моей лодке.

Они так и делают. Там лежала вверх днищем небольшая лодка, недавно просмоленная.

– Полезай под лодку, да поживее.

Затем Свейнки погнал на берег своих ягнят по тропам, так чтобы стало незаметно, что там прошли двое. Гуннар забрался под лодку.

5

Теперь надо рассказать о Торкеле и его спутниках. Они выходят из горницы и только тут узнают, что заперты в доме. Не сразу удается им выбраться наружу. А когда они вышли во двор, тут как раз подоспел Свейнки, который пригнал домой своих овец снизу с моря.

Торкель сказал:

– Ты обошелся с нами не по-дружески. А теперь говори, как ты поступил с Гуннаром.

– О Гуннаре мне нечего сказать, – говорит Свейнки. – И стоит ли удивляться тому, что я ответил на вторжение в мой дом маленькой хитростью.

– Пойдем вниз к морю, – сказал Торкель.

– Почему бы и нет, – говорит Свейнки.

Они приходят к лодке, что лежала вверх дном.

Торкель сказал:

– Самое место укрыться под этой лодкой.

Свейнки сказал:

– Обычно я прячу под ней снасти, но почему бы кому-нибудь из вас не залезть под лодку и не поискать там? Или раз вы не решаетесь, я сам полезу.

И залезает под лодку. Тут Торкель просунул под лодку копье и почувствовал, что оно воткнулось во что-то живое: это он угодил Гуннару в бедро.

Когда Свейнки увидал это, он выхватил нож и, прежде чем вылезти из-под лодки, воткнул его себе в бедро, повернув нож так, чтобы казалось, будто его проткнуло копье, а как вылез наружу, сказал:

– Не похоже, чтобы ты пекся о моей безопасности, пока я туда лазил, и сдается мне, будь я тебе ровня, это не осталось бы неотомщенным.

Торкель сказал:

– Я не желал тебе вреда, и я не мог знать, кого уколол.

Затем Торкель и его люди вернулись на двор и снова учинили там обыск, а после уехали прочь.

Тогда Свейнки сказал Гуннару:

– Теперь пора уходить отсюда. Похоже, нам и впредь придется немало изворачиваться, и как знать, какая из уловок сослужит наилучшую службу.

После этого он отвел его к себе на двор, в коровник. Там он вытащил охапку сена из стога и освободив в нем место, устроил укрытие понадежнее. А когда Гуннар забрался в стог, Свейнки принялся суетиться тут же. Вскоре возвращается Торкель и направляется прямиком в хлев.

Свейнки спросил, что его привело на этот раз, и «неужто он опять собирается все обыскивать».

Торкель отвечал, что не знает, к какой уловке они прибегли, однако сказал, что ему не хотелось бы учинять над ним расправу, не удостоверившись в его вине.

Свейнки отвечает:

– Надо думать, ты не остановишься перед тем, чтобы убить меня безо всякой причины, даже если все сочтут это слишком поспешным шагом. Только прежде чем я буду лежать бездыханным на траве, я попытаюсь сам захватить этого человека.

На этом они расстаются, и те уезжают прочь[24].

Свейнки сказал тогда:

– Пора нам опять уходить. Пойдем вниз к морю по тропам, которыми ходит скотина.

А когда они спустились вниз к морю, Свейнки сказал:

– Видишь, тот островок вдалеке от берега? До него и здоровому-то не скоро доплыть, а ты ранен, так что для тебя это еще большее испытание. Я хочу, чтобы ты поплыл на этот остров, если ты сам решишь, что выдержишь, но для этого тебе придется собрать все свои силы. А я последую туда за тобой, когда минует опасность.

Гуннар сказал, что Свейнки хорошо о нем заботился, – «и мне нелегко будет отплатить тебе за помощь. Я думаю, надо мне рискнуть и поплыть на остров, хотя это и далековато».

И вот Гуннар плывет на остров, прихватив с собою все свое оружие, и добирается туда благополучно, только сильно окоченев. Там он ложится, зарывается в сухие водоросли и так спасается от холода.

А когда Свейнки убедился в том, что Торкель убрался восвояси, он садится в лодку, берется за весла, плывет на островок, встречается с Гуннаром и говорит, что пришло время помочь ему. Гуннар был так изможден, что едва мог ходить. Свейнки перевез его к себе домой и тот провел там несколько ночей и отдохнул.

Тогда Свейнки сказал:

– Тебе нельзя здесь долго оставаться, поскольку я не уверен, что тут ты будешь в безопасности. А потому я хочу отправить тебя к Хельги сыну Асбьёрна, моему другу[25]. Я считаю, что ты должен прийти туда глубокой ночью и подойти к той двери, что находится в северной части дома, потому что Хельги спит там, и у тех, кто приходит к нему за помощью, в обычае стучаться в эту дверь. Тогда он сам подойдет к двери[26], и это случалось уже не раз.

Затем Свейнки показал Гуннару дорогу и объяснил, куда идти, и на этом они расстались.

Гуннар шел, пока не добрался до Узкого Мыса[27]. Там тогда жил Хельги. Гуннар постучал в дверь на северной стороне дома, где спал Хельги.

Хельги проснулся и сказал:

– Кого бы там ни принесло, он, должно быть, ищет крова.

Хельги сам идет к дверям, и они приветствуют друг друга. Гуннар рассказывает ему о своем деле и передает то, что ему поручил сказать Свейнки, вместе с доказательствами правдивости своего рассказа.

Хельги отвечает:

– Не обделен заботой тот, о ком печется Свейнки. Я не был бы готов принять тебя, поскольку уж слишком по-разному мы с тобой смотрим на это дело. Однако я многим обязан Свейнки, а поэтому отправляйся-ка ты в мою клеть.

Гуннар провел там зиму, ни в чем не нуждаясь.

6

Следующей весной Хельги сын Асбьёрна собрался в поездку по фьорду и прежде, чем уехать из дома, сказал Тордис, своей жене:

– Может статься, – говорит Хельги, – что наши с тобою добрые отношения будут теперь зависеть от того, могу ли я доверить тебе Гуннара на то время, что буду в отъезде[28].

Она отвечала, что не проверишь – не узнаешь. После этого Хельги уехал из дома.

Рассказывается, что однажды вечером ко двору на Узком Мысе прибыли всадники, было их двенадцать человек. Тордис хозяйка вышла к ним навстречу вместе со своими домочадцами. Это приехал Бьярни сын Бродд-Хельги, ее брат. Она приглашает их всех погостить.

– Спасибо за приглашение, – говорит Бьярни, – только, по правде говоря, я приехал сюда за тем, что ищу Гуннара Убийцу Тидранди, который сразил нашего родича и побратима. Мне сказали, что он может скрываться здесь в клети, и мы взломаем ее, если ты не пожелаешь сама ее отпереть.

Тордис отвечает:

– Не дело начинать с угроз, брат, когда ты и без того можешь добиться своего. Оставайся здесь ночевать, и это будет по-родственному. Я и сама так любила Тидранди, что, по мне, чем раньше он будет отомщен, тем лучше. Хельги, мой муж, оттого-то и был со мною начеку всю зиму, что знал, что я желаю Гуннару смерти. А теперь мы с тобой позаботимся об этом прежде, чем ты уедешь отсюда.

Бьярни и его спутники спешились и остались там на ночь. А Тордис тем временем послала двух человек по округе созывать к себе людей на подмогу. К утру туда явились три десятка человек, ее соседей и друзей Хельги. Утром Бьярни оделся и сказал, что желает теперь, чтобы его сестра выдала им Гуннара.

Тордис отвечает:

– Не знаю, брат, с чего это ты решил, что можешь явиться вот так ко мне в дом, к своей сестре, и заставить меня совершить этакое дурное дело – выдать тебе на расправу человека, которого мне наказал охранять мой муж. Я не собираюсь выбирать между вами. Может статься, в чем-нибудь другом тебе повезет больше, да только не в этом, и на этот раз тебе не удастся заполучить Гуннара, не применив силу.

Бьярни отвечает:

– Нас обвели вокруг пальца, и видать, ты, сестра, горазда говорить не то, что у тебя на уме.

Бьярни уезжает оттуда, так ничего и не добившись. После этого Тордис подходит к клети, в которой сидел Гуннар, отпирает ее и спрашивает, как он смотрит на то, чтобы угодить в лапы к Бьярни. Гуннар отвечает, что, будь дома Хельги хозяин, с ним ни за что не случилось бы такого.

Тордис отвечает:

– Тебе это и теперь не грозит.

Гуннар поблагодарил ее. Возвращается Хельги, и ему рассказывают, что произошло.

Хельги отвечает:

– Я знал, что удачно женился, и это хорошо, что она пошла в своих предков.

Гуннар оставался у Хельги все лето. В то же лето на тинге он был объявлен вне закона[29], и этого решения добился Торкель сын Гейтира.

А спустя недолгое время вспыхнула ссора между Хельги сыном Асбьёрна и Гримом сыном Дроплауг, так что Хельги был убит[30]. Тордис сказала тогда, что хочет послать Гуннара на запад к Священной Горе, к Гудрун дочери Освивра[31], чтобы та предоставила ему кров и защиту. Они расстались друзьями. Он прибыл оттуда на запад как раз в то время, когда состоялась помолвка Гудрун с Торкелем сыном Эйольва[32].

В то лето, когда Гуннар уехал к Священной Горе, Торкель сын Гейтира отправился вниз в Залив Ньёрда, намереваясь захватить имущество Гуннара, поскольку тот был объявлен вне закона. Братья Торкель и Эйольв, сыновья Кетиля, выехали ему навстречу, взяв с собою несколько человек.

Когда они встретились, Эйольв сказал Торкелю сыну Гейтира:

– Ты, верно, рассчитывал забрать имущество Гуннара, раз он объявлен вне закона.

– Таково мое намерение, – говорит Торкель.

– Что ж, там немало добра и есть чем разжиться, – говорит Эйольв, – только должен тебе сказать, что все оно уже вывезено из Исландии, так что тебе не достанется ни единой монеты.

Торкель решил, что так и есть, и на этом они расстались.

7

Теперь надо рассказать о том, что Торкель сын Эйольва отправляется к Священной Горе на свою свадьбу, и туда является множество народу. А вечером, когда люди мыли руки, воду гостям и Торкелю сыну Эйольва подносил Гуннар Убийца Тидранди, его лицо прикрывал капюшон. Торкелю

показалось, что он узнал этого человека, и он спрашивает, как его зовут. Тот назвался каким-то именем, которое ему приглянулось, но только не своим. Торкель посылает за Гудрун дочерью Освивра и говорит, что желает, чтобы Гуннар Убийца Тидранди убрался оттуда, и что для них обоих там не будет места.

И когда Гудрун слышит это, она говорит, что ей все равно, станет ли Торкель сын Эйольва ее мужем, – «и пусть как приехал сюда, так и уезжает. Но я не собираюсь в угоду ему рисковать жизнями тех, кого хочу уберечь от опасности».

Снорри Годи, друг Гудрун, также находился там, так что вместе у них обоих была сотня человек[33]. Торкель видит, что ему всего разумнее будет не поднимать шума. Торкель и Гудрун принялись тогда совещаться и пришли к согласию. С помощью Снорри Годи Гудрун дочь Освивра услала Гуннара Убийцу Тидранди из страны, и они расстались по-хорошему[34].

Гуннар уехал в Норвегию и никогда больше не приезжал в Исландию[35]. Он послал богатые подарки Гудрун дочери Освивра, а Свейнки велел передать, чтобы тот со всем своим хозяйством перебирался в Норвегию. Тот так и сделал, и Гуннар принял его как нельзя лучше и помог ему обосноваться там, и тот прожил в Норвегии до самой старости.

И здесь заканчивается сага о Гуннаре Убийце Тидранди.

ПРЯДЬ О БОЛЛИ СЫНЕ БОЛЛИ

1

В то самое время, когда Болли сын Болли жил в Междуречье, как уже было сказано ранее[1], на севере в Полуостровном Фьорде жил на Большом Дворе Арнор Старухин Нос, сын Бьёрна сына Торда с Мыса[2].

Торд было имя человека, который жил в Морском Жилище, жена его звалась Гудрун. Люди они были достойные, и у них было вдоволь добра. Их сына звали Олав, он был еще совсем молод и подавал большие надежды. Гудрун, жена Торда, состояла в близком родстве с Болли сыном Болли, они были двоюродные брат и сестра. Олав, их с Тордом сын, был назван в честь Олава Павлина[3] со Стадного Холма[4].

Торд и Торвальд, сыновья Хьяльти, жили в Капище в Долине Хьяльти[5]. Оба они были большие хёвдинги.

Жил человек по имени Торольв и по прозвищу Величавый. Он жил в Курганах. Нрава он был злобного и необузданного. Он владел серым быком, таким, что не было с ним сладу. Торд из Морского Жилища ездил вместе с Арнором по торговым делам. Торольв Величавый был женат на родственнице Арнора, и он ездил на тинг вместе с сыновьями Хьяльти[6]. Обыкновенно он плохо ладил со своими соседями. Всего больше доставалось от него обитателям Морского Жилища. После того как его быка пригнали с летнего пастбища, тот причинял всем много зла. Он калечил их скотину – причем его было не отогнать камнями, – разорял стога и наносил большой урон.

Торд из Морского Жилища встретился с Торольвом и попросил его присматривать за своим быком:

– Мы не желаем терпеть его безобразия.

Торольв сказал в ответ, что не собирается сторожить свою скотину, с тем Торд и воротился домой.

Спустя немного времени Торд увидал, как бык разоряет его кладь торфа. Торд побежал туда с копьем в руках, а когда бык заметил его, он пришел в ярость и помчался на Торда с такой прытью, что копыта уходили в землю. Торд метнул в него копье, и тот свалился мертвым. Затем Торд пошел к Торольву и сказал ему, что бык мертв.

– Это не большой подвиг, – отвечает Торольв, – и я хотел бы отплатить тебе за него так, чтобы это обрадовало тебя не больше, чем это известие обрадовало меня.

Торольв бранился на чем свет стоит, и в каждом его слове слышалась угроза.

Торду пришлось уехать из дому по делам. Олаву, его сыну, было в то время семь или восемь лет. Он ушел со двора поиграть и соорудил себе дом, как нередко делают дети. Торольв застал его там и пронзил мальчика копьем. После этого он пошел домой и сказал об этом своей жене.

Та отвечает:

– Злое это дело и недостойное мужа. Теперь тебе, надо думать, не поздоровится.

И поскольку она обошлась с ним сурово, он ушел и отправился прямиком на Большой Двор к Арнору. Они обменялись новостями.

Торольв рассказывает ему об убийстве Олава:

– Я ожидаю, что ты поддержишь меня, ведь мы с тобой свояки.

– На этот раз ты от меня ничего не дождешься, – сказал Арнор, – потому что я куда больше дорожу своим добрым именем и честью, чем свойство́м с тобой. Я не стану тебя защищать.

Торольв поехал наверх Долиной Хьяльти к Капищу, разыскал сыновей Хьяльти и рассказал им о своем деле:

– Я здесь, чтобы искать защиты у вас обоих.

Торд отвечает:

– Низкое это дело, и я тебе в нем не помощник.

Торвальд не вымолвил ни слова, так что Торольв ничего от них тогда не добился.

Он ускакал прочь и направился дальше наверх по Долине Хьяльти к Дымам и искупался там в горячем источнике. А вечером он опять повернул вниз и, поравнявшись с оградой Капища, заговорил сам с собою, как если бы там был еще кто-то и тот человек поздоровался с ним и спросил, кто пришел.

– Меня зовут Торольв, – сказал он.

– Куда ты направляешься и по какой надобности? – спрашивает таинственный человек.

Торольв рассказывает ему обо всем, что случилось:

– Я просил сыновей Хьяльти о защите, – говорит он, – поскольку нуждаюсь в поддержке.

Тот, кому там надлежало быть, отвечает:

– Они только что возвратились с устроенной ими тризны, на которой сидело великое множество народу, двенадцать сотен человек[7]. Негоже таким большим хёвдингам отказывать в помощи одному человеку.

Торвальд был на дворе и услыхал этот разговор. Он подошел, взял лошадь Торольва за поводья и велел ему спешиться, – «хотя нам и не прибавит чести иметь с тобой дело, из-за твоего бесстыдства».

2

Теперь надо рассказать о том, что Торд приехал домой и узнал об убийстве своего сына. Он очень горевал о нем.

Гудрун, его жена, сказала:

– Тебе следует обвинить Торольва в убийстве мальчика, а я тем временем поеду на юг в Междуречье и встречусь с Болли, моим родичем, чтобы узнать, какую помощь он готов оказать нам в тяжбе об убийстве.

Они так и делают. И когда Гудрун приезжает в Междуречье, ее там радушно встречают. Она рассказывает Болли об убийстве Олава, своего сына, и просит его взять на себя ведение этого дела.

Тот отвечает:

– Не думаю, что будет легко добиться от людей с севера достойного возмещения. Кроме того, до меня дошли слухи, что этот человек где-то скрывается, так что его будет не просто отыскать.

Болли тем не менее взялся вести эту тяжбу. Гудрун отправилась на север, приехала домой и рассказала Торду, своему мужу, как обстоит дело. Проходит некоторое время, и все спокойно.

Зимой после Рождества на дворе у Поперечной Реки в Полуостровном Фьорде была назначена встреча, на которую Торвальд вызвал Старри из Боговых Долин[8]. Он был другом обоих братьев. Торвальд поехал на тинг[9] со своими людьми, и когда они добрались до Обвальных Холмов, вниз со склона к ним навстречу побежал какой-то человек. Это был Торольв. Он присоединился к спутникам Торвальда.

А когда они были неподалеку от Поперечной Реки, Торвальд сказал Торольву:

– Приготовь три марки[10] серебра и сиди здесь наверху над двором у Поперечной Реки. Я подам тебе знак, что ты можешь подойти, ничего не опасаясь, повернув свой щит обратной стороной. Он белый с внутренней стороны.

Когда Торвальд явился на тинг, они со Старри встретились и завели разговор.

Торвальд сказал:

– Дело обстоит так: я намерен просить тебя взять под свою опеку и защиту Торольва Величавого. В обмен за это ты получишь три марки серебра и мою дружбу.

– Сдается мне, что этот человек не располагает к себе, – отвечает Старри, – и не похоже, чтобы ему сопутствовала удача. Но ради нашей с тобой дружбы я приму его.

– Это будет хороший поступок, – говорит Торвальд.

Тут он поворачивает свой щит внутренней стороной наружу, и когда Торольв видит это, он подходит к ним, и Старри берет его к себе. У Старри в Боговых Долинах было подземелье, поскольку он то и дело давал кров объявленным вне закона. Кроме того, у него самого было немало недругов.

3

Болли сын Болли подготовился к ведению тяжбы об убийстве Олава. Он уезжает из дому в сопровождении трех десятков человек и держит путь на север в Полуостровной Фьорд. Он прибывает на Большой Двор, и его там тепло встречают.

Он рассказывает Арнору о цели своей поездки:

– Я собираюсь вчинить иск об убийстве Торольву Величавому на тинге Цаплина Мыса и хочу, чтобы ты оказал мне поддержку в этом деле.

Арнор отвечает:

– Боюсь, Болли, что не в добрый путь отправился ты сюда на север, коли вознамерился тягаться с такими заносчивыми людьми. Надо думать, они готовы будут пойти на что угодно, защищаясь в этой тяжбе, и не остановятся перед тем, чтобы действовать не по закону. Однако твое дело кажется мне

заслуживающим внимания, и мы приложим все старания, чтобы выиграть его.

Арнор собирает множество народу, и они с Болли едут на тинг. Братья также являются на тинг Цаплина Мыса в сопровождении большой свиты. Они прослышали о поездке Болли и решили взять на себя защиту в этой тяжбе. Когда люди собрались на тинг, Болли вчинил иск Торольву. А когда подошла очередь защиты, вперед выступили Торвальд и Старри со своими людьми. Они вознамерились отвести иск Болли, опираясь на свою силу и численное превосходство.

Арнор видит это и спешит встать между ними со своими сторонниками. Он говорит:

– Всем ясно, что не стоило приводить сюда столько добрых людей и вовлекать их в спор: все это выглядит так, будто людям хотят помешать добиваться законного решения их иска. Негоже поддерживать Торольва в этой тяжбе, и если дело дойдет до того, чтобы испытывать, чья возьмет, сила, Торвальд, будет не на твоей стороне.

Тут Торвальд и Старри увидали, что тяжба будет доведена до конца, поскольку у них недостает силы противостоять Арнору и его людям, и ушли восвояси.

Болли добился того, что Торольв Величавый был объявлен вне закона на тинге Цаплина Мыса за убийство Олава, его родича, и с этим уехал домой. Они с Арнором очень тепло распрощались. Болли сидел потом у себя в усадьбе.

4

Жил человек по имени Торгрим. Он был владельцем корабля, стоявшего на берегу в Бараньем Фьорде[11]. Старри и Торольв поехали туда, чтобы с ним встретиться.

Старри сказал кормчему:

– Я хочу, чтобы ты взял к себе человека, который приехал со мной, и увез его из страны. Вот тебе за это три марки серебра, а в придачу я обещаю тебе свою дружбу.

Торгрим сказал:

– Похоже, что это будет не так-то просто сделать, но я возьму его с собой, раз ты настаиваешь. И все же сдается мне, что этот человек не принесет удачи.

Дело кончилось тем, что Торольв остался с торговыми людьми, а Старри уехал домой.

Теперь надо рассказать о Болли. Он раздумывает, как поступить с Торольвом, и кажется ему, что, если Торольв улизнет, он тогда так и не доведет дела до конца. И вот он узнает, что тот получил место на корабле и готовится

к отъезду. Тогда Болли снаряжается в путь. На голову он надевает шлем, на бок вешает щит, берет в руку копье и подпоясывается мечом Ногорезом[12]. Он едет на север в Бараний Фьорд и является туда в то самое время, когда торговые люди заканчивают свои приготовления и намереваются отплыть. Задул попутный ветер. И как раз когда Болли подъезжает к дверям землянки, из нее выходит Торольв со спальным мешком в руках. Болли выхватил Ногорез и пронзил того насквозь. Торольв повалился навзничь назад в землянку, а Болли вскочил на своего коня. Торговые люди выбежали наружу и бросились к нему.

Болли сказал:

– Вы поступите разумно, если смиритесь с тем, что произошло, поскольку вам все равно будет не под силу стащить меня на землю. Кроме того, может случиться, что я паду не раньше, чем сражу кого-нибудь из ваших – одного, а то и двоих.

Торгрим отвечает:

– Я полагаю, так и будет.

И они не стали ничего предпринимать. Болли уехал домой, снискав себе в этой поездке большую славу. Люди стали очень уважать его за этот поступок и сочли, что с его стороны было немалой смелостью сперва добиться того, чтобы кто-то был объявлен вне закона в другой четверти, а затем отправиться в одиночку прямиком в лапы к своим недругам и убить этого человека.

5

Летом Болли встретился на альтинге с Гудмундом Могучим[13], и они долго беседовали. Гудмунд сказал:

– Я хочу сказать тебе, Болли, что я желал бы иметь своими друзьями таких людей, как ты. Я приглашаю тебя приехать ко мне на север на двухнедельный пир и буду доволен, если ты явишься на него.

Болли отвечает, что он, конечно же, почтет за честь принять приглашение от такого человека, как Гудмунд, и обещал приехать.

Другие люди также предлагали ему тогда свою дружбу. Арнор Старухин Нос пригласил Болли на пир на Большой Двор.

Одного человека звали Торстейн, он жил на Кряже. Он был сыном Сланцевого Нарви[14]. Он пригласил Болли погостить у него, когда тот будет возвращаться с севера, Торд из Морского Жилища также позвал Болли к себе. Люди разъехались с тинга, и Болли поехал домой.

В то лето к Завтрачному Мысу[15] прибыл корабль и его там вытащили на берег. Болли принял к себе на постой в Междуречье двенадцать торговых людей. Они остались у него на зиму, и Болли потчевал их со всем радушием. Все они пробыли там вплоть до окончания празднования Рождества. А после

Рождества Болли решил поехать на север погостить у тех, кто его приглашал. Он велит подковать лошадей и начинает готовиться к отъезду. Он выехал в сопровождении семнадцати человек. Все торговые люди имели при себе оружие. На Болли был синий плащ с капюшоном, а в руке он держал отличное копье, Подарок Конунга[16]. И вот они едут на север и прибывают в Морское Жилище, к Торду. Там их хорошо приняли и они провели три ночи в большом веселье. Оттуда они направились на Большой Двор к Арнору, и тот принял их как нельзя лучше. Угощение там было на славу.

Потом Арнор сказал:

– Ты хорошо поступил, Болли, приехав погостить ко мне. Я считаю, что этим ты доказал мне свою дружбу. У меня не останется лучших даров, чем те, которые тебе предстоит принять, и ты всегда можешь рассчитывать на мою дружбу. Однако я подозреваю, что не все люди в этой округе испытывают к тебе такое же расположение, и кое-кто считает, что их чести был нанесен урон. Более всего это относится к сыновьям Хьяльти. Поэтому, когда вы решите уезжать отсюда, я намерен сопровождать вас до Пустоши Долины Хель[17].

Болли отвечает:

– Я хочу поблагодарить вас, хозяин Арнор, за ту честь, что вы оказали мне и на этот раз и прежде. И на мой взгляд, наша компания только станет лучше оттого, что вы поедете с нами. Сами мы собираемся проехать по этой округе мирно, однако, если другие попытаются напасть на нас, у нас, скорее всего, найдется, чем им ответить.

После этого Арнор снаряжается с ними в дорогу, и они отправляются в путь.

6

Теперь надо рассказать о Торвальде. Вот заводит он разговор с Тордом, своим братом:

– Возможно, тебе известно, что Болли разъезжает здесь по гостям. Сейчас он у Арнора, и с ним семнадцать человек, а оттуда он собирается на север к Пустоши Долины Хель.

– Я знаю об этом, – отвечает Торд.

Торвальд сказал:

– Не думаю, что мне понравится, если Болли ускользнет у нас из-под самого носа и мы так и не попытаемся разыскать его, потому что я не знаю никого, кто бы унизил меня больше, чем он.

Торд сказал:

– Уж больно ты склонен лезть на рожон – куда больше, чем мне бы этого хотелось, и если бы решение принимал я, то не стал бы ничего пред-

принимать. Сдается мне, что Болли едва ли растеряется, столкнувшись с тобой.

– Меня не остановить, – отвечает Торвальд, – однако тебе самому решать, поедешь ты или нет.

Торд сказал:

– Негоже мне оставаться дома, если ты поедешь, брат, и пусть тебе принадлежит вся слава, которая выпадет на нашу долю в этой поездке, а также и все другие последствия, ежели дело обернется иначе.

Торвальд созывает к себе людей, и вместе их набирается восемнадцать человек. Они отправляются в дорогу навстречу Болли и его спутникам и решают устроить засаду.

И вот Арнор и Болли едут со своими людьми, а неподалеку от того места, где их поджидали сыновья Хьяльти, Болли говорит Арнору:

– Не пора ли тебе повернуть назад? Ты отважно сопровождал нас, и сыновья Хьяльти не решатся вероломно напасть на меня.

Арнор сказал:

– Мне еще рано поворачивать назад, поскольку что-то подсказывает мне, что Торвальд станет искать встречи с тобой. Как будто бы впереди что-то виднеется – не щиты ли там блестят? Должно быть, это сыновья Хьяльти. И теперь, может статься, их поездка окажется бесславной, ведь их можно будет обвинить в том, что они покушались на твою жизнь.

Торвальд с братом видят теперь, что у Болли нисколько не меньше народу, чем у них, и понимают, что, если они все же решатся напасть, им, скорее всего, самим не поздоровится. Они решают, что будет всего разумнее повернуть назад, раз уж им все равно не удастся добиться своего.

Торд сказал:

– Вышло так, как я предупреждал: эта поездка выставит нас на посмешище, и лучше нам было оставаться дома. Мы только показали им свою враждебность, но ничего не достигли.

Болли и его спутники продолжили свой путь. Арнор сопровождал их до пустоши и расстался с ними не раньше, чем дорога повернула на север. Тогда он воротился назад, а они поехали вниз в Сварвадардаль и добрались до двора, который зовется На Уступе. Там жил человек по имени Хельги. Он был человек низкого рода и злобного нрава. Жил он в достатке. Жену его звали Сигрид, она была в родстве с Торстейном, сыном Сланцевого Нарви. Она была намного благороднее своего мужа.

Спутники Болли увидали, что поблизости стоят стога сена. Они спешились и принялись кидать его своим лошадям. Хотя они и брали совсем понемногу, Болли предостерег их от того, чтобы таскать сено.

– Еще неизвестно, – говорит он, – каков нрав у здешнего хозяина.

Они все же брали пучки сена и кормили ими лошадей.

На двор вышел человек и тотчас же воротился назад в дом. Он сказал:

– У твоих стогов какие-то люди, хозяин, и они растаскивают сено.

Сигрид хозяйка отвечает:

– Кому ж это еще быть, как не тем, для кого не стоит жалеть сена.

Хельги вскакивает в ярости и говорит, что не ей, мол, решать, следует ли ему позволять кому-нибудь воровать его сено. Он выбегает из дому как безумный и устремляется к тому месту, где они расположились на отдых. Увидев, что он приближается, Болли поднялся на ноги и оперся на копье Подарок Конунга.

Хельги подошел к нему и сказал:

– Кто эти воры, которые имеют дерзость красть мое имущество и разорять мое сено ради своих лошадей?

Болли назвал себя.

Хельги отвечает:

– Нелепое это имя[18], и, скорее всего, ты не из тех, кто привык поступать по справедливости.

– Возможно, так и есть, – говорит Болли, – однако же тебе будет воздано по справедливости.

Болли отогнал лошадей от сена и распорядился, чтобы им больше не давали корма.

Хельги сказал:

– Я собираюсь обвинить вас в том, что вы украли у меня то сено, что вы успели взять, и этого иска будет достаточно, чтобы вы были объявлены вне закона.

– Не лучше ли будет, хозяин, – сказал Болли, – если мы уплатим тебе возмещение и ты не станешь возбуждать против нас дело? Я мог бы заплатить тебе за твое сено вдвое больше того, что оно стоит.

– Этого будет недостаточно, – отвечает тот. – Я рассчитываю получить куда больше, когда мы наконец разойдемся.

Болли сказал:

– Быть может, у нас найдется что-нибудь такое, что тебе захотелось бы принять в знак примирения?

– Пожалуй, – отвечает Хельги, – я был бы не прочь получить то разукрашенное золотом копье, что у тебя в руках.

– Не знаю, – сказал Болли, – захочется ли мне расставаться с ним: у меня на его счет были другие планы. Да и тебе негоже требовать, чтобы я отдал тебе оружие, которое ношу. Возьми лучше столько денег, сколько ты сочтешь достойным для себя возмещением.

– Не бывать этому, – отвечает Хельги, – и самое лучшее, если вы ответите за то, что сделали, как положено по закону.

После этого Хельги начинает произносить вызов на суд[19]. Он обвинил Болли в воровстве и потребовал, чтобы тот был объявлен вне закона. Болли стоял и слушал его с усмешкой.

А когда Хельги закончил говорить вызов, он сказал:

– Когда ты уехал из дому?

Болли сказал ему.

Тогда хозяин сказал:

– В таком случае я считаю, что ты дольше, чем полмесяца, кормился за чужой счет.

Тут Хельги начинает произносить второй вызов и обвиняет Болли в бродяжничестве[20].

Когда с этим было покончено, Болли сказал:

– Ты довольно потрудился, Хельги. А теперь мне следует кое-что тебе ответить.

Затем Болли начинает произносить вызов на суд за то, что Хельги оклеветал его, а во втором вызове обвиняет его в том, что тот попытался обманом завладеть его имуществом. Его спутники стали говорить, что следовало бы убить этого негодяя. Болли ответил, что не стоит этого делать. Он заявил, что Хельги заслуживает объявления вне закона.

После вызова на суд он сказал:

– Отнесите хозяйке Хельги этот нож и ремень. Я посылаю их ей, поскольку мне сказали, что она заступилась за нас.

После этого Болли уезжает, а Хельги остается дома. Болли и его люди приезжают к Торстейну на Кряж, где их ждет хороший прием. Там было приготовлено отменное угощение.

7

Теперь нужно рассказать о Хельги. Он возвращается в дом На Уступе и сообщает своей хозяйке о том, что произошло между ним и Болли.

– Даже и не знаю, – говорит он, – как мне тягаться с таким человеком, как Болли. Ведь я не из тех, кто умеет искусно вести тяжбы, да и немногие захотят помочь мне в этом деле.

Сигрид хозяйка отвечает:

– Ты выставил себя круглым дураком: затеял ссору с человеком, благороднее которого не сыщешь, и сам же оскандалился. Теперь тебя ожидает то, что ты заслужил: ты лишишься всего своего имущества, а заодно и жизни.

Хельги выслушал, что она сказала, и счел ее слова слишком суровыми. Однако он все же начинает опасаться, как бы это не оказалось правдой. Человек он был трусливый, хотя и отличался злобным нравом, и был неумен. Он не видел выхода из трудного положения, в которое он угодил, и решил, что пропал. Кажется ему теперь, что дела его обстоят хуже некуда.

Сигрид велит привести коня и отправляется повидать Торстейна сына Нарви, своего родича. В то время туда как раз приехал Болли со своими спутниками. Она вызывает Торстейна поговорить с глазу на глаз и рассказывает ему о том, что произошло.

– Похоже, дело приняло скверный оборот, – отвечает Торстейн.

Она рассказала ему также о том, какие щедрые предложения делал Болли и как глупо себя вел Хельги, и попросила Торстейна приложить все усилия к тому, чтобы это дело уладилось. После этого она уехала домой, а Торстейн пошел поговорить с Болли.

– Правда ли то, о чем я услышал, приятель, – говорит он, – что Хельги с Уступа вел себя с тобой куда как неразумно? Я хочу просить тебя, чтобы ты прислушался к моим словам и не давал ходу этому делу. Оно не заслуживает внимания, так как речи глупцов ничего не стоят.

Болли отвечает:

– Конечно, это сущий пустяк, и я не придаю этому никакого значения.

– В таком случае, – сказал Торстейн, – я хочу, чтобы ты отказался от своих обвинений ради меня и предлагаю тебе за это свою дружбу.

– Это дело пока что не сулит никакой опасности, – сказал Болли, – и я не собираюсь ничего предпринимать. Подождем до весны.

Торстейн сказал:

– Для того чтобы ты убедился, насколько для меня важно, чтобы это дело было улажено так, как я желаю, я подарю тебе лучшего жеребца в нашей округе со всем табуном в придачу, а в нем дюжина лошадей.

Болли отвечает:

– Это очень щедрое предложение, однако тебе нет нужды так стараться ради этого дела. Меня оно мало заботит, и я не стану придавать ему большого значения, когда оно дойдет до суда.

– По правде говоря, – сказал Торстейн, – я хотел предложить тебе самому рассудить это дело.

Болли отвечает:

– Сдается мне, было бы правильнее не делать этого предложения, поскольку я не намерен улаживать это дело полюбовно.

– В таком случае ты избрал наихудший выход для всех нас, – сказал Торстейн. – Пускай Хельги человек нестоящий, он все же состоит с нами в свойстве, и мы не намерены отдавать его тебе на расправу, раз ты не желаешь прислушаться к моим словам. Однако я не думаю, что, если те обвинения, которые Хельги выдвинул против тебя, будут вынесены на тинг, это прибавит тебе славы.

Торстейн и Болли расстались довольно холодно. Болли уезжает со своими товарищами, и ничего не слышно о том, чтобы он был отпущен с подарками.

8

Болли и его спутники приезжают в Подмаренничные Поля[21] к Гудмунду Могучему. Тот выходит к ним навстречу и приглашает их к себе с большим радушием. Он был в прекрасном расположении духа. Они провели там полмесяца, и им был оказан теплый прием.

Затем Гудмунд сказал Болли:

– Правду ли говорят, будто у вас с Торстейном вышла размолвка?

Болли сказал, что это все пустяки, и перевел разговор на другое.

Гудмунд спросил:

– Какой дорогой ты собираешься возвращаться домой?

– Той же, – отвечает Болли.

Гудмунд сказал:

– Я хочу отговорить вас от этого, поскольку мне стало известно, что вы с Торстейном расстались недружелюбно. Лучше оставайся пока здесь со мной, а весной поедешь на юг, и тогда уж будь что будет.

Болли заявил, что не станет менять своих планов из-за чьих-то угроз:

– Когда этот дурак Хельги повел себя глупее некуда и принялся выдвигать против нас обвинения, одно оскорбительнее другого, да еще и потребовал, чтобы за какой-то жалкий пучок сена я отдал ему свое копье Подарок Конунга, я уже тогда принял решение позаботиться о том, чтобы он получил по заслугам за свои слова. К тому же я решил распорядиться этим копьем иначе и подарить его тебе вместе с тем золотым обручьем, что мне пожаловал конунг греков[22]. Я считаю, что теперь эти сокровища попадут в куда лучшие руки, чем если бы они достались Хельги.

Гудмунд поблагодарил его за эти дары и сказал:

– Ты получишь взамен менее ценные подарки, чем следовало бы.

Гудмунд дал Болли выложенный золотом щит, золотое запястье и плащ. Этот плащ был сшит из самой дорогой материи и вышит повсюду, где это могло сделать его еще краше. Это были отменные дары.

Затем Гудмунд сказал:

– Сдается мне, ты неверно поступаешь, Болли, решив ехать через Сварвадардаль.

Болли говорит, что от этого не может быть никакого вреда. Они уезжают, расставшись с Гудмундом большими друзьями.

И вот Болли и его спутники едут своей дорогой вдоль Побережья Гальма[23]. Вечером они добрались до двора, который зовется У Крестов. Там жил человек по имени Оттар. Он стоял перед домом. Был он лыс и на нем была меховая накидка. Оттар поздоровался с ними и пригласил остаться у него. Они приняли его приглашение. Им там был оказан хороший прием, и хозяин был очень весел. Они провели там ночь.

А наутро, когда Болли и его спутники были готовы к отъезду, Оттар сказал:

– Ты хорошо сделал, Болли, что посетил меня. И я бы хотел в знак уважения подарить тебе золотое запястье и буду благодарен, если ты согласишься принять его, а в придачу к нему золотое кольцо.

Болли принял подарки и поблагодарил хозяина. Затем Оттар сел на своего коня и поехал вперед, чтобы показать им дорогу, так как ночью выпало немного снега. Так они едут своим путем по направлению к Сварвадардалю.

Не успели они далеко отъехать, как Оттар обернулся к Болли и сказал:

– Я хочу показать тебе, как сильно я желаю твоей дружбы. Прими от меня в подарок еще одно золотое запястье. И если понадобится, я готов помогать вам всем, чем только смогу.

Болли сказал, что хозяин проявляет слишком большую щедрость, – «но все же я готов принять это запястье».

– Ты поступаешь правильно, – говорит тот.

9

Теперь надо рассказать о Торстейне с Кряжа. Когда ему показалось, что подошло время Болли уезжать с севера, он собирает людей с намерением подстеречь Болли и добиться того, чтобы их с Хельги тяжба разрешилась иначе.

На Полях в Сварвадардале жил человек по имени Льот[24]. Он был человек влиятельный и уважаемый и охотно помогал в тяжбах. Он всегда ходил в черной одежде и с палицей, однако, когда собирался с кем-нибудь биться, одевался в синее[25] и вооружался секирой с загнутыми углами. Вид у него тогда был весьма устрашающий.

Болли и его спутники едут по Сварвадардалю, держа путь на запад, и Оттар сопровождает их. И вот они проезжают двор на Кряже и выезжают к реке. Там их подстерегал Торстейн со своими людьми. Стоило Оттару заметить сидевших в засаде, как он стегнул свою лошадь и ускакал прочь, а Болли и его спутники храбро продолжили свой путь. Как только Торстейн и те, кто с ним были, увидали это, они выскочили им навстречу. Тех и других разделяла река. По берегам она уже вскрылась, но посредине плавал лед. Торстейн и его люди выбегают на лед.

Хельги с Уступа также был там и крепко их подзадоривал. Он говорил, хорошо, мол, что пришло время Болли и его людям испытать, много ли им будет проку от их заносчивости и тщеславия или на севере найдутся люди, у которых достанет храбрости выступить против них.

– И нечего вам щадить их. Куда лучше будет убить их всех, – сказал он, – тогда другие поостерегутся нападать на нас.

Болли слышал слова Хельги и увидел, как тот вышел на лед. Он метнул в него копье, и оно попало ему прямо в грудь. Тот повалился назад, а копье вонзилось в берег на другой стороне реки, так что Хельги повис на нем, и его тело болталось в воде. После этого завязалась жаркая битва. Болли кинулся в бой так рьяно, что те, кто находились поблизости, были вынуждены отступить. Тут против него вышел Торстейн, и когда они сошлись, Болли нанес Торстейну удар в плечо, и это была большая рана. Другую рану Торстейн получил в ногу. Бой был жесточайший. Болли тоже был ранен, но легко.

Теперь надо рассказать об Оттаре. Он скачет наверх в Поля к Льоту, и как только они повстречались, Оттар сказал:

– Теперь не время отсиживаться, Льот, – говорит он, – настало время проявить свое благородство.

– Что для этого потребуется, Оттар?

– По-моему, здесь внизу у реки Торстейн с Кряжа сражается с Болли, и будет величайшей удачей, если удастся положить конец их стычке.

Льот сказал:

– Ты не раз доказывал, что ты человек стоящий.

Льот не стал медлить и поспешил туда вместе с Оттаром и еще несколькими людьми. Когда они прибыли к реке, Болли и его сторонники яростно сражались. Трое из людей Торстейна были убиты. Льот и те, кто с ним был, бросились между противниками и принялись их разнимать.

Льот сказал:

– Разойдитесь немедленно, – говорит он, – довольно и того ущерба, который уже был причинен. Я намерен сам вынести решение по вашему делу, и если какая-нибудь из сторон не согласится с этим, мы сами нападем на них.

Льот повел себя столь решительно, что они перестают сражаться, и обе стороны дают свое согласие на то, чтобы он их рассудил. На этом они расстаются. Торстейн отправляется домой, а Льот приглашает к себе Болли с его спутниками, и тот принимает его приглашение. Болли и его люди поехали к Льоту в Поля. Место, где они сражались, носит название Конский Мыс. Оттар бонд распростился с Болли и его людьми не раньше, чем они добрались до жилища Льота. На прощание Болли щедро одарил его и поблагодарил за оказанную помощь, а еще Болли пообещал Оттару свою дружбу. Тот отправился домой к Крестам и оставался на своем дворе.

10

После битвы на Конском Мысе Болли поехал с Льотом в Поля со всеми своими людьми. Льот перевязывает их раны, и те быстро затягиваются, так как за ними был хороший уход. А когда они оправились от своих ран, Льот

созвал многолюдный тинг. Болли и его люди поехали на эту сходку. Явился туда и Торстейн с Кряжа со своими людьми.

Когда начался тинг, Льот сказал:

– Я не собираюсь медлить с объявлением решения, которое я вынес по делу Торстейна с Кряжа и Болли. Начну с того, что за Хельги не следует платить никакого возмещения, поскольку он был убит за свои оскорбления и нападки на Болли. Раны, полученные Торстейном и Болли, я приравниваю одни к другим, однако за троих убитых людей Торстейна Болли должен будет заплатить виру. А за то, что Торстейн злоумышлял против Болли и устроил против него засаду, он обязан уплатить ему стоимость пятнадцати сотен и еще трех локтей домотканого сукна[26]. На этом они должны полностью примириться.

После этого тинг был распущен. Болли говорит Льоту, что он собирается в обратный путь и благодарит его за всю ту помощь, что тот ему оказал. Они обмениваются богатыми подарками и расстаются добрыми друзьями. Болли позаботился о хозяйстве Сигрид с Уступа, поскольку та пожелала уехать вместе с ним на запад. И вот они едут своей дорогой, пока не прибывают на Большой Двор к Арнору. Тот принял их как нельзя лучше. Они провели там некоторое время, и Болли рассказал Арнору обо всем, что произошло между ним и жителями Сварвадардаля.

Арнор сказал:

– Эта поездка обернулась для тебя большой удачей, особенно если учесть, что тебе пришлось иметь дело с таким человеком, как Торстейн. Правду сказать: мало кому из хёвдингов не из наших мест, а быть может, и вовсе никому не удалось бы сыскать себе большей славы здесь на севере, чем тебе, будь у них столько же недоброжелателей, сколько у тебя.

Болли уезжает с Большого Двора со своими людьми и едет на юг домой. На прощание они с Арнором вновь пообещали друг другу оставаться друзьями.

И когда Болли воротился к себе домой в Междуречье, Тордис, его жена, очень ему обрадовалась. До нее уже успели дойти кое-какие слухи о его неладах с людьми с севера, и она немало беспокоилась о том, чтобы для него это хорошо закончилось. Болли живет теперь дома в своей усадьбе в большом почете.

Повсюду только и было разговоров, что об этой поездке Болли, и все в один голос говорили, что равной ей не сыщешь. Из-за этого, да и многого другого, уважение к нему людей только возрастало. Болли подыскал для Сигрид достойную партию, и они хорошо расстались.

И нам больше ничего неизвестно об этой истории.

ПРЯДЬ О БРАНДКРОССИ

1

Мы начинаем сагу о двух Хельги[1] с Кетиля Грома[2], поскольку нам известно, что из всех людей, о которых идет речь в этой истории, только от него одного происходит многочисленное и славное потомство. От него ведут свой род люди с Побережья и люди из Крестового Залива, а также сыновья Дроплауг[3]. А еще мы хотим рассказать о том, как от первых поселенцев произошел Хельги сын Асбьёрна, который, по мнению знающих людей, был самым знатным человеком из всех, кто упоминается в этой саге.

Жил человек по имени Храфнкель. Он был сыном Храфна[4]. Он прибыл в Исландию, когда время заселения страны подходило к концу[5], и остановился в Долине Обвалов[6]. Там он уснул и приснилось ему, что к нему подошел какой-то человек и велел ему немедля вставать и уходить оттуда со всем, чем он владел. Храфнкель проснулся и поспешил покинуть это место. Сразу же вслед за тем гора обрушилась и погребла под собой кабана и быка – имущество Храфнкеля, которое там оставалось. Он же отправился в Долину Храфнкеля и целиком заселил ее своими людьми, там было почти двадцать дворов, а сам поселился на Дворе Стейнрёда[7]. Вскоре он сделался большим хёвдингом. Он был человек могущественный, и у него было множество сторонников. Его сыновей звали Асбьёрн и Торир.

А когда Храфнкель умер, его сыновья поделили между собой поровну отцовское наследство. Ториру досталось жилище, которым владел его отец, а Асбьёрн поселился на дворе, что назывался Крайним Уступом, а нынче зовется Двором Храфнкеля, и хорошо управлялся там со своим хозяйством.

Асбьёрн взял в жены женщину по имени Халльбера. Она была дочерью Хроллауга, сына Рёгнвальда ярла из Мёра[8]. У них был сын, которого звали Хельги. Он был человеком молчаливым и сдержанным. Когда он возмужал, ходило немало толков о том, каким он вырос.

Асбьёрн не дожил до старости. Когда он умер, Хельги получил оставшееся после него наследство и прожил несколько зим на Крайнем Уступе. После этого Хельги покинул свой двор и продал его Храфнкелю сыну Торира, своему двоюродному брату. Он уехал из страны и многие годы вместе со своими родичами совершал набеги на Оркнейских островах и в Норвегии. А еще несколько лет Хельги провел в викингских походах. Человек он был отважный, хотя и не отличался ни большой силой, ни искусным владением оружием. Затем Хельги уехал в Исландию, увеличив свое богатство и снискав всеобщее уважение. Берси Мудрый пригласил Хельги к себе, и тот поехал вместе с ним к нему домой на Двор Берси.

Вскоре после этого Хельги женился на Оддлауг, сестре Берси[9], и они сразу же хорошо поладили и очень полюбили друг друга. Хельги в то время не имел своего двора, да и не находилось охотников сняться со своего места и уступить ему собственную землю.

Жил человек по имени Одд и по прозвищу Искра. Он был богат, и с ним нелегко было иметь дело. Он поселился у Озерной Реки[10] по другую сторону от Двора Берси и хорошо управлялся со своим хозяйством. Одд был женат, и у него был сын по имени Освивр. Поговаривали, что это имя как нельзя лучше подходило ему[11]. Он много ездил по торговым делам и сильно задавался, был ловок в состязаниях, насмешлив и хвастлив.

Как-то раз свояки беседовали между собой, Берси и Хельги. Хельги спрашивает у Берси, где бы ему поселиться и не может ли тот ему чего посоветовать. Берси дал ему тогда хороший совет, и они потом сообща исполнили то, что он задумал.

Как только установился лед, Хельги отправился на Оддов Двор и сдружился с Освивром, а затем между Оддовым Двором и Двором Берси стали устраивать состязания.

На Оддовом Дворе гостил человек по имени Отрюгг. Он немало донимал Освивра, когда они соревновались во всяких играх, а после кичился этим и говорил, что тот, мол, куда больше преуспел в бахвальстве, чем в борьбе. Кончилось тем, что Одд убил Отрюгга. Хельги сын Асбьёрна взялся вести тяжбу. Дошло до того, что стороны согласились уладить это дело миром, и было предложено, чтобы их рассудил Берси. Он вынес такое решение, что штраф был назначен небольшой, однако Одд должен был покинуть свое жилище и убраться из округи. Одду сильно не понравился такой исход дела, но он был вынужден подчиниться этому решению, поскольку многие считали, что он получил по заслугам.

Хельги сын Асбьёрна приобрел Оддов Двор к большой досаде Одда. Сам же Одд должен был уехать оттуда, и больше о нем в этой саге ничего не рассказывается, хотя и говорят, что он был могущественным человеком.

Хельги обосновался на Оддовом Дворе и вознамерился перевести туда все свое хозяйство в первый же из положенных дней перехода[12]. А когда Одд собрался в дорогу, он распорядился заколоть и сварить быка. И в первый день перехода, когда все приготовления к отъезду были закончены, Одд велел поставить и накрыть вдоль всех скамей столы и принести бычье мясо, какое там было. Затем Одд подошел к столу с такими словами:

– Этот стол накрыт как следует и так, как если бы он был приготовлен для самых дорогих друзей. Я посвящаю это угощение Фрейру, дабы он позаботился о том, чтобы тот, кто станет жить на Оддовом Дворе после меня, ушел отсюда в не меньшем горе, чем нынче ухожу я[13].

После этого Одд уехал оттуда прочь со всем, что ему принадлежало.

Начало «Большой саги об Олаве Трюггвасоне»
в «Книге с Плоского Острова» (GKS 1005 fol., исландская рукопись,
последняя четверть XIV в.)

Начало «Пряди о Норна-Гесте» в «Книге с Плоского Острова»

Начало «Пряди об Эйндриди Широкостопом»
в «Книге с Плоского Острова»

Окончание «Пряди об Олаве Альве Гейрстадира»
и начало «Саги об Олаве Святом» в «Книге с Плоского Острова»

Сцена гибели Олава Святого в битве при Стикластадире. Инициал из «Книги с Плоского Острова»

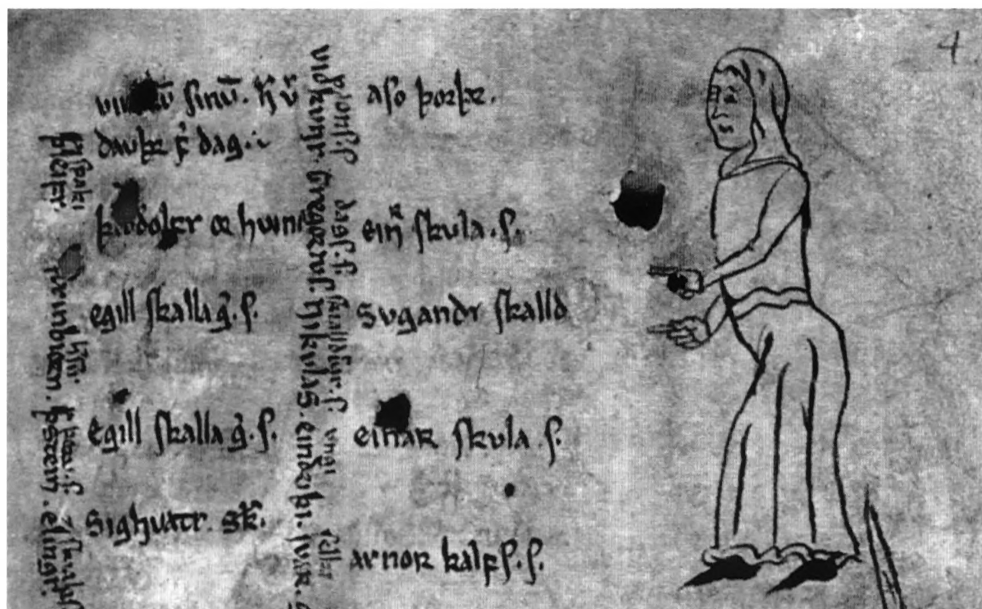
Харальд Прекрасноволосый получает Норвегию из рук своего отца Хальвдана Черного. Инициал из «Книги с Плоского Острова»

Окончание «Пряди о Бранде Щедром» и начало рассказа «О Харальде конунге и Ингибьёрг» в «Гнилой Коже» (GKS 1009 fol., исландская рукопись, ок. 1275 г.)

Морское путешествие.
Инициал из «Книги Йона»
(Jónsbók, GKS 3269a 4to,
исландская рукопись,
первая половина XIV в.)

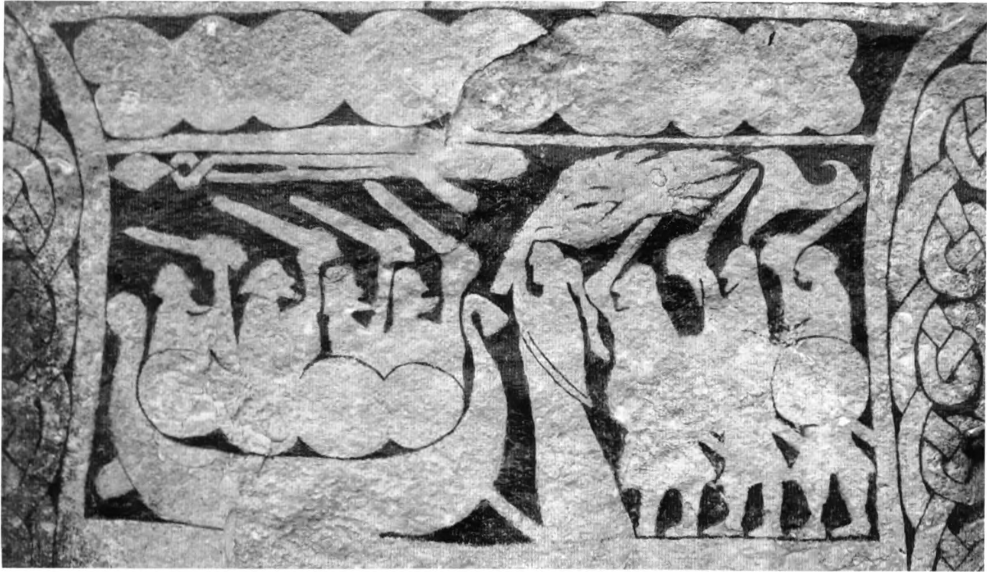
Исландский скальд XII в.
Эйнар сын Скули,
изображенный на полях
«Перечня скальдов» (XIII в.).
(Упсальский кодекс
«Младшей Эдды» – Codex
Upsaliensis, DG 11, первая
четверть XIV в.)

Сцены из сказания о Сигурде Убийце Фафнира.
Резьба на портале деревянной церкви в Хюлестад (Сетесдал, Норвегия, конец XII в.).
Справа, снизу вверх: из обломков меча, доставшегося Сигурду от его отца Сигмунда, Регин выковывает для Сигурда меч Грам; Сигурд убивает дракона Фафнира.
Слева, снизу вверх: пока Регин спит, Сигурд зажаривает сердце Фафнира и, облизнув палец, на который попала кровь дракона, начинает понимать речь синиц, беседующих о том, что Регин задумал предать его; Сигурд убивает Регина; связанный Гуннар в змеином рву пальцами ног ударяет по арфе, усыпляя змей

Сцены из сказания о битве Хьяднингов.
Изображения на памятных камнях эпохи викингов

Хильд пытается примирить своего отца Хёгни с Хедином
(Стора Хаммар, Лэрбро, о. Готланд, конец VIII в.)

Хильд просит своего отца Хёгни принять от имени Хедина ожерелье в знак мира
(Стеншюрка Смисс I, о. Готланд, IX в.)

Бронзовая фигурка Тора
с молотом Мьёлльниром
(Северная Исландия, начало XI в.)

Бронзовая фигурка бога
плодородия Фрейра
(Рэллинге, Сёдерманланд, Швеция)

Деталь украшения на шлеме:
Один и его вороны (Вендель, Швеция,
ранняя эпоха викингов)

Шахматные фигуры с о. Льюис. Резьба по моржовой кости
(Гебридские острова, середина XII в.)

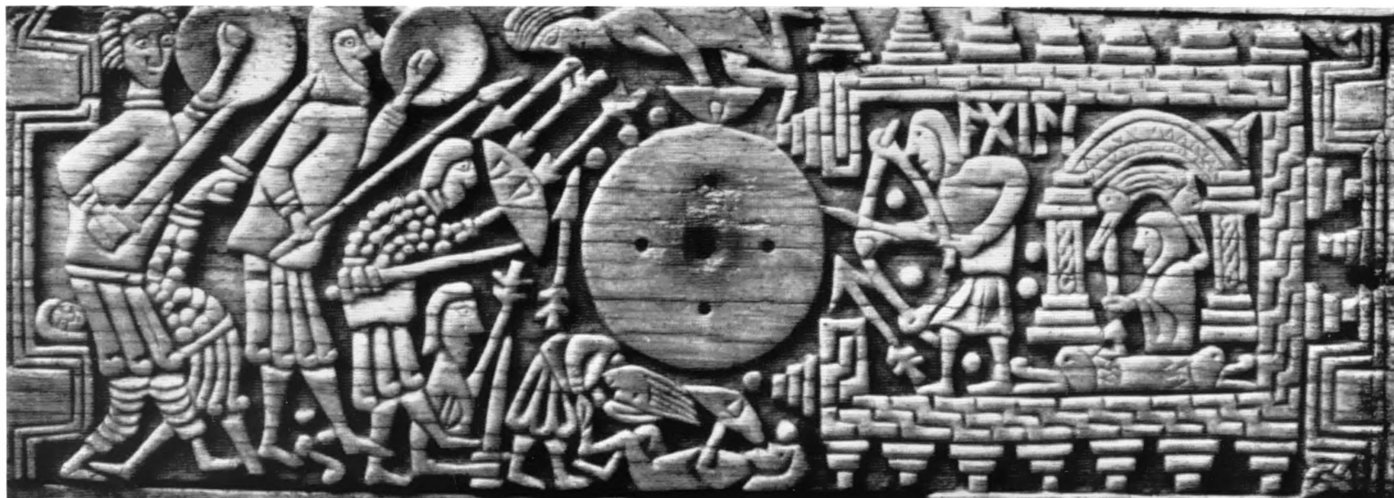
Король

Королева

Всадник

Сцены из сказания о метком стрелке Эгиле на ларце Фрэнкса (резьба по китовому усу): Эгиль (его имя вырезано рунами) отражает натиск врагов, среди которых выделяется предводитель – высокий воин в шлеме (конунг Нидунг?); фигура летящего воина в центре, возможно, изображает легендарного кузнеца Вёлунда, брата Эгиля (Англия, начало VIII в.)

Алтарный покров из кафедральной церкви в Холаре с изображением трех исландских святых епископов: Гудмунда Арасона, Йона Эгмундарсона (в центре) и Торлака Торхалльссона (Исландия, XVI в.); по бокам ангелы с кадилами

Рукоположение епископа. Миниатюра из «Саги о св. Николае» (Perg. 4to nr. 16, исландская рукопись, начало XV в.)

Епитрахиль с изображением епископа Йона Эгмундарсона из кафедральной церкви в Холаре на севере Исландии (Англия, XIII в.)

Печать города Бергена
с изображением корабля
(Норвегия, начало XIV в.)

Монета с изображением
Олава Святого
(Норвегия, 1023–1028 гг.)

Иллюстрации к «Пряди о Норна-Гесте»

Норны у колыбели Норна-Геста. Ил. Йоханнеса Герца, 1889

Смерть Норна-Геста. Ил. Гуннара Видара Форселя, конец XIX в.

Сцены из прядей и саг в иллюстрациях норвежских художников к изданию «Круга Земного» (Snorre Sturlason. Heimskringla / Udg. Gustav Storm. Kristiania, 1899) (1–8)

1. Олав Трюггвасон в капище Тора. Ил. Хальвдана Эгедиуса

2. Эйнар Брюхотряс с луком Олава Трюггвасона в битве при Свёльде. Ил. Кристиана Крога

3. Воины ярла Эйрика захватывают Великого Змея.
Ил. Хальвдана Эгедиуса

4. Возвращение победителей после битвы при Свёльде.
Ил. Эрика Вэреншолла

5. Сигрид Гордая и Олав Трюггвасон.
Ил. Эрика Вэреншолла

6. Олав Харальдссон проходит сквозь строй людей Эрлинга.
Ил. Эрика Вэреншолла к «Пряди об Асбьёрне Тюленебойце»

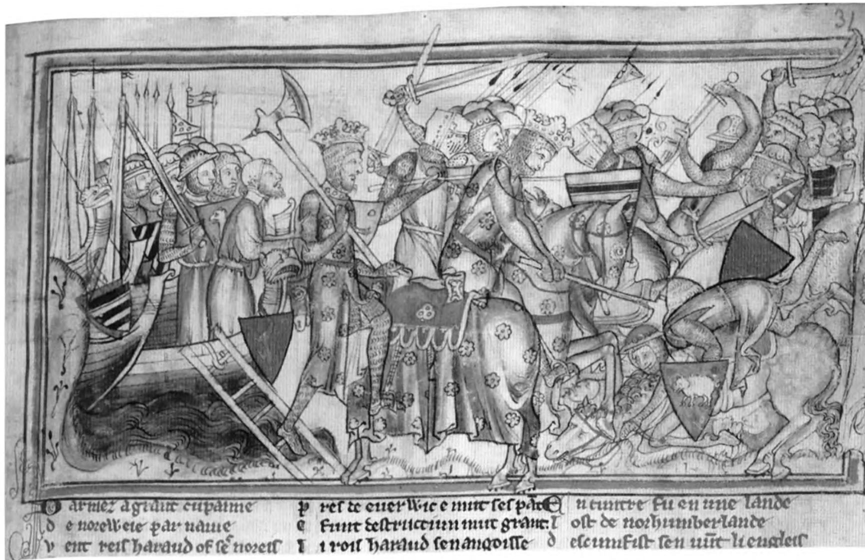

7. Гибель Олава Харальдссона в битве при Стикластадире.
Ил. Хальвдана Эгедиуса

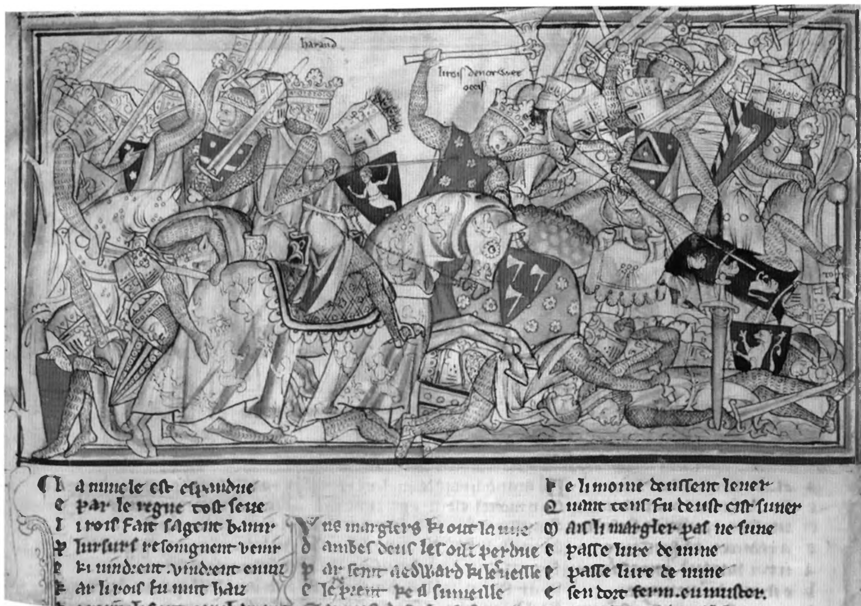

8. Сигурд Крестоносец подъезжает к Иордану. Ил. Герхарда Мюнте

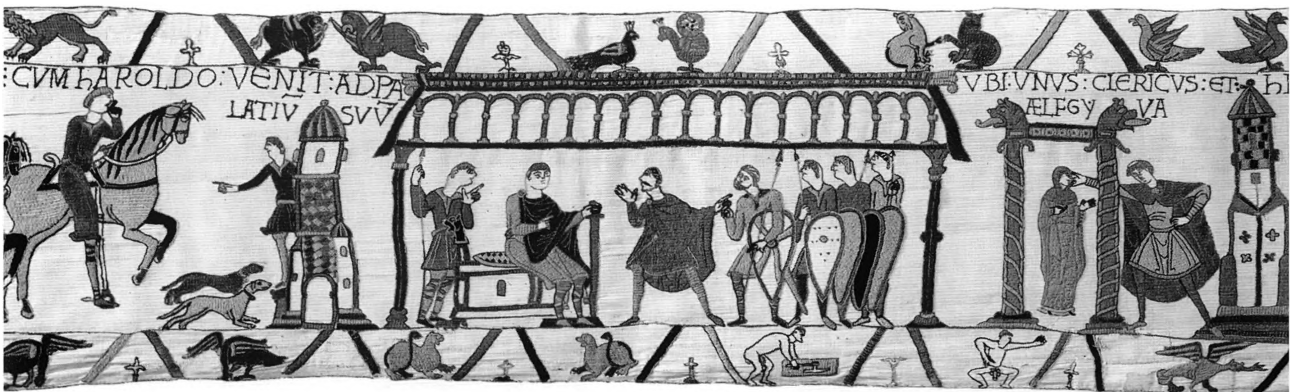
Иллюстрации к «Пряди о Хеминге сыне Аслака» (1–8)

1. Высадка норвежского войска под предводительством Харальда Сурового в Англии и сражение у Йорка (миниатюра из «Жития короля Эдуарда Исповедника» Матвея Парижского, XIII в.)

2. Битва при Стэмфорд Бридж. Ранение Харальда Сурового (там же)

3. Переговоры между Вильгельмом (Вильяльмом) Незаконнорожденным и Харольдом (Харальдом сыном Гудини); помолвка Харольда с дочерью Вильгельма Эльфгивой (гобелен из Байё, Нормандия, конец XI в.)

4. Последняя воля, смерть и похороны английского короля Эдуарда (Ятварда) (там же)

5. Коронация короля Харольда (там же)

6. Нормандское войско на пути в Англию (там же)

7. *Высадка нормандцев в Англии (там же)*

8. *Гибель короля Харольда в битве при Гастингсе (там же)*

2

О роде сыновей Дроплауг рассказывают одну историю, которая известна немногим, и хотя кое-кому она кажется не заслуживающей доверия, все же ее забавно послушать.

Одного человека звали Грим, он жил в Ближнем Заливе в Оружейном Фьорде[14]. Человек он был молодой, женатый и зажиточный. Он вырастил пестрого быка рыжей масти с белым крестом во лбу. Бык этот был велик и превосходно сложен, и Грим ценил его больше, чем всю прочую скотину, что у него была. Летом бык пасся на пастбище и круглый год пил молоко.

Как-то раз летом вокруг дома стояли стога сена. Быку тогда минуло десять зим. Случилось так, что он принялся бегать взад-вперед, переворачивая скирды. Люди попытались поймать его, да не тут-то было; не помогло и тогда, когда там собралась целая толпа. Бык убежал от них и добежал до Дальнего Крестового Залива, а там бросился в воду и поплыл в открытое море. Так он и плыл, покуда не пропал из виду[15].

Грим очень горевал из-за потери быка. У него был брат в Секирном Фьорде[16], которого звали Торстейн. Он был хороший хозяин, человек умный, и все его очень любили. Братья были очень привязаны друг к другу. И вот Торстейну передают, чтобы он приехал в Залив повидаться со своим братом Гримом. А когда братья встретились, Торстейн стал уговаривать Грима, чтобы тот не печалился так из-за своей утраты, говоря, что есть много такого, чем он мог бы утешиться: мол, у него и денег вдоволь, и он еще, может статься, вырастит другого быка, не хуже этого. К тому же, сказал он, для него большая честь, что оба залива отныне будут носить имя его быка[17]. Грим не слишком прислушивался к тому, что говорил Торстейн: его слова входили ему в одно ухо, а из другого выходили.

Торстейн оставался там всю зиму и утешал своего брата, да только Грим совсем извелся. Он мало спал и почти ничего не ел. А когда миновала зима, Торстейн стал допытываться у Грима, не хочется ли ему уехать из страны. Он говорил, что поездки умеряют людскую печаль и снимают с души тяжесть забот, которые препятствуют радости и удовольствию[18]. Грим отвечал, что был бы не прочь уехать, но только при условии, что Торстейн отправится вместе с ним. Тот сказал, что поедет с радостью, лишь бы тому от этого полегчало.

Братья препоручили заботы о своем хозяйстве другим, а сами снарядились и отплыли из Устья Уни[19]. Денег у них было немного. В те времена люди имели обыкновение брать с собой в поездки овчины на продажу, и они так и сделали. Путешествие их было благополучным, и корабль с братьями приплыл в Трандхейм. Они раскинули на берегу палатку. Спутники их вскоре разъехались по домам, а братья оставались в своей палатке.

Однажды рано поутру к палатке братьев подошел один человек. Был он высок ростом и могуч с виду. Они спросили, как его зовут. Тот назвался Курчавым. Тогда они спросили у него, откуда он и куда направляется. Он отвечал, что живет у бонда, которого зовут Гейтир, и сказал, что пришел, чтобы купить для него две дюжины овчин. А еще он сказал, что Гейтир человек богатый и всегда расплачивается со своими долгами. Они продали ему плащи, как он желал, и сказали, что хотят получить за них плату мукой[20]. Он взвалил овчины себе на плечи и ушел.

После этого к ним явился человек по имени Торир, он был из Внутреннего Трандхейма, и пригласил их к себе на постой. Он был добрый хозяин. Они приняли приглашение и отправились к Ториру. Им там был оказан хороший прием. Они не раз расспрашивали Торира бонда о Гейтире, но тот отвечал, что ему о нем ничего не известно.

Они пробыли там совсем недолго, прежде чем им захотелось отправиться на поиски Гейтира. Торир, как мог, отговаривал их от этого, да все напрасно. Они двинулись вверх по долинам и повсюду расспрашивали о Гейтире, однако никто не мог о нем ничего сказать. В конце концов они пришли к одному старику, который жил в укромной долине, и спросили его о Гейтире, а тот отвечал, что не знает такого. Тогда Торстейн спросил, не знает ли тот какой-нибудь местности, названной по этому имени. Тот сказал, что ему известно одно место, и зовется оно Утесы Гейтира, и объяснил им, как туда добраться.

Позднее в тот же день они отправляются туда. И вот приходят они ко входу в пещеру. В пещере был разведен огонь. У огня сидел человек. Они узнали в нем своего приятеля Курчавого. Тот вскочил и приветливо пригласил их зайти. Они уселись у огня и огляделись. Показалось им, что на другом конце пещеры они видят Брандкросси, быка Грима, который стоял там под скалой живой и невредимый. Курчавый забрал у них и унес их одежду, а когда воротился, пригласил их в горницу. Они вошли и увидали, что на обеих скамьях там сидят люди, и они узнали на них свои плащи.

На почетном сиденье восседал высокий человек благородного вида в красном плаще. Он приветствовал их и пригласил оставаться там, сколько они пожелают, и усадил их рядом с собой. Угощение там было отменное и вдоволь доброй браги. Неподалеку от Гейтира сидели две женщины, обе пригожие. Ближе к нему сидела та, что постарше, и это была его жена, та же, что помоложе, приходилась ему дочерью. Они успели пробыть там совсем недолго, и вот Грим опечалился.

Гейтир вскоре заметил это и однажды сказал Гриму:

– Я виноват пред тобой, Грим, – говорит он. – Я послал Курчавого, моего раба, за твоим быком Брандкросси, лучше которого не было во всей Исландии. То, что ты принял за своего быка в первый вечер, это его шкура, набитая мукой, и я собираюсь отдать тебе ее в качестве возмещения за быка. А еще

мне показалось, что ты поглядываешь на Дроплауг, мою дочь, и я готов выдать ее за тебя, если ты захочешь увезти ее с собой в Исландию, и я дам за ней в приданое много денег. С материнской стороны она происходит из знатного рода, да и род ее отца не назовешь захудалым. Моя мать получила хорошее воспитание, и отец мой был человек недюжинный[21].

Гриму пришлась по душе эта речь, и после этого была сыграна их с Дроплауг свадьба. Пир там был устроен на славу, и всю зиму они втроем спали в пещере в одной постели, Грим, Дроплауг и Торстейн, и между Гримом и Дроплауг возникла большая любовь. Грим был очень доволен своим положением.

А когда пришла весна, Гейтир спросил Грима, что он намерен делать, и тот отвечал, что самое заветное его желание – уехать в Исландию. Тогда Гейтир велел братьям купить корабль и снарядить его. Он сказал, что Грим с Дроплауг ни в чем не будут нуждаться и что Курчавый снесет на корабль их имущество и товары.

3

Братья поступили так, как им посоветовал Гейтир, и приготовились к отъезду. Свояки тепло распрощались перед тем, как расстаться. Гейтир просил Грима взять на себя заботы обо всем, что касается их с Дроплауг, и сказал, что тогда все у них будет складываться хорошо.

Когда братья закончили все приготовления и были готовы выйти в море, на берег спустился Курчавый, неся на спине шкуру Брандкросси, наполненную мукой. Он взошел на корабль и бережно положил ее туда, куда они указали. В другой раз он явился с платой за их овчины. В третий раз он принес два сундука, в одном была одежда и украшения Дроплауг, а в другом золото, серебро и всякие сокровища, и это было приданое Дроплауг.

Затем они вышли в море. Плавание их прошло благополучно, и они причалили в Ближнем Крестовом Заливе. Там шкура Брандкросси была перенесена с корабля на берег, и его именем были названы оба залива.

После этого братья продали корабль и разъехались по домам. Торстейн женился и преумножил свой род в Секирном Фьорде, он считался там самым преуспевающим хозяином. Грим же поселился в Крестовом Заливе, и они с Дроплауг жили счастливо до конца своих дней. Его считали величайшим храбрецом. Дроплауг была женщина пригожая и статная, деятельная, великодушная и сдержанная. Она была заносчива и непреклонна, когда ей перечили, молчалива и предусмотрительна, предана в дружбе и непримирима к своим недругам. Она не дожила до старости и умерла от болезни, и для Грима это было величайшей утратой. Он очень о ней горевал и был безутешен. У них осталась дочь, которую звали Мардёль. То была девушка

красивая и видная и во всем походившая на свою мать. Была она работящая и приветливая, и, когда выросла, люди очень ее любили. Она вела хозяйство в доме своего отца, после того как умерла ее мать. Казалось, все у нее спорилось, за что бы она ни бралась. Потом ее выдали замуж на восток и она поселилась у Ущельной Реки в Окружной Долине[22]. Она была матерью Грима сына Мардёль, отца Дроплауг, той, что была матерью Грима и Хельги, сыновей Дроплауг[23].

ПРЯДЬ О ГОРНОМ ЖИТЕЛЕ

От Фьорда Колли отходит в сторону фьорд, что зовется Глубоким Фьордом[1]. К западу от Мыса Халльстейна, названного так в честь того Халльстейна, что владел рабами, которых прозвали рабами Халльстейна[2], жил в этом фьорде человек по имени Торд. В то время Торд находился в самом расцвете сил и был человеком преуспевающим.

Как-то раз зимой собрался он на церковную службу по случаю одного праздника и велел своему работнику, чтобы тот сопровождал его. Путь на церковную службу был неблизкий и занимал большую часть дня, так что они отправились туда спозаранку. Они находились в пути до тех пор, пока день не начал клониться к концу. Тут поднялась сильная метель.

Торд сказал, что они сбились с дороги и что ему не хочется блуждать в темноте, а еще он сказал, что они одолели лишь малую часть пути:

– Сдается мне, велика опасность, что в ночной темноте мы свалимся с обрыва.

Принялись они тут искать себе пристанища и зашли под отвесную скалу, где не было снега. В конце концов они обнаружили вход в пещеру, которую Торд не ожидал там найти. При входе в пещеру Торд начертал крест стальным наконечником копья, что держал в руке. После этого они зашли внутрь и уселись на два камня поблизости от входа, поскольку им не хотелось углубляться в пещеру.

А в первую треть ночи они услыхали в пещере какое-то движение, как будто кто-то шел к выходу – прямиком к ним.

Работник Торда испугался и выбежал было из пещеры, однако Торд велел ему вернуться и сидеть спокойно:

– Лучше помолись, ведь когда люди выскакивают по ночам наружу, им ничего не стоит заблудиться, потому что все тогда выглядит совсем не так, как на самом деле.

Они осенили себя крестом и принялись молить Бога смилостивиться над ними, так как решили, что шум, который доносился из глубины пещеры, не предвещал ничего хорошего. Потом они вгляделись в темноту и увидали нечто, что показалось им всего больше похожим на две полные луны или на два больших круглых щита, и расстояние между ними было немаленькое. Подумали они тут: да никак это два глаза, а еще – что тот, кто носил такие лампады, навряд ли был узколицым. Вслед за тем они услыхали, как могучий и устрашающий голос произносит стихи. То было начало песни – флокка[3] в двенадцать вис, и заключение каждой из них он повторял дважды[4]:

Гулок топот волка
вереска[5], кренятся
горы, гром да грохот
в горнице грозовой[6].
Ввысь на путь отвесный
князь заносит ногу,
стар и сед ступает
Халльмунд в стоне скальном[7],
Халльмунд в стоне скальном.

Злата гром приветит
волка[8], полыхает
пламень, тына Тунда
ворога[9] объемля.
Ввысь пусть огнь взметнется,
гулко в двери турса[10]
головни стучатся
ливнем раскаленным,
ливнем раскаленным.

Омоются в поте
– *поток, горяч,* – почвы[11]
перстов – *зело льётся*
на люд – клены льдины[12].
Бьет ключом, клокочет
под яблоком гальки[13].
Ведал кто ж, беспечен,
беды приближенье?
Беды приближенье?

Раскололись скалы,
мрет народ, оврага
частокол отвесный
пиков[14] сотрясает.

Стон стоит вкруг Глитнир
Тунд[15] тут днесь – *то в радость ль*
людям? – древо брани[16]
в брод бредет по водам,
в брод бредет по водам.

Гром да рокот в камне;
зреть то дивно люду,
как ледник студеный
плавит пламень жгучий.
Невидаль поболе
лесу сеч[17] на Снежной
зреть Земле[18] случится,
что сулит напасти,
что сулит напасти.

Трескаются крути,
горе веток[19] воет
свирепо на склонах,
ввысь песок взметая.
Гор князья[20] не сгинут,
расколется небо,
хлынет дождь из хладных
туч, и мир утонет,
туч, и мир утонет.

День-деньской шагаю
по вершинам, словно
меж скамей ладейных,
в третий мир на север.
Стражу гор[21], знать, страшен
я, коль в Эливагар[22]
вниз сойду, до ссоры
бородач охоч ли?
Бородач охоч ли?

В мире мрака[23] вместе
были мы, предвидел,
прозорлив: на пользу
нам тайник подземный.
Жарко ль в вьюге дротов[24]
станет мне, коль стойкий
к волку кровли[25] все же
Вали при[26] явился б?
Вали при явился б?

Вот лежит повержен
отпрыск седобрадый
Химнира[27], – *орлицу* –
бездыханный, – *ждать нам.*
Аурнир[28] из камня
примет пусть от турса
ладью с штевнем ладным,
распаханным плугом[29],
распаханным плугом.

Страшен Тор, знать, в стычках
с ним не сладко люду,
свергнут поджигатель
хладных льдов могучим.
Оскудело племя
осыпей[30], всяк к Сурту[31]
в пекло скинут – то-то
хожу я понурый,
хожу я понурый.

Что метель по свету,
мечусь меж мирами;
впору торопь Тору,
разверзлась хлябь зверя[32].
Не узок под бровью
гор альв[33] ликом, скоро
ресниц кручу тарчи[34];
горек путь мне дальний,
горек путь мне дальний.

Житель лавы редко
видит гостя в доме –
не горазд за брагой
расточать я речи.
Флокк пусть всяк запомнит
куст стрелы[35] иль кара
ждет его; иссякнет
ключ орла[36] нескоро,
ключ орла нескоро.

Это произошло с ними трижды: каждую треть ночи произносилась песнь, и всякий раз они видели при этом луны, но в остальное время их было не видать.

А когда песнь завершилась в третий раз, все это исчезло в глубине пещеры, и тут они увидали, что занялся день, и поспешили покинуть пещеру.

Но прежде чем они ушли оттуда, Торд наступил ногой на крест, который он начертал при входе в пещеру.

После этого они отправились в путь и пришли в церковь, когда служба уже закончилась. Тогда они повернули домой и дошли до того места, где, как им показалось, они провели ночь, однако не нашли там никакой пещеры и очень этому подивились. Потом они пошли домой. Тот флокк Торд запомнил весь целиком, работник же не мог припомнить из него ни единого слова.

А на следующий год Торд перенес свой двор поближе к церкви, и как раз спустя год после того происшествия умер работник, который сопровождал Торда. Сам же он потом жил долго, и с ним никогда больше не приключалось ничего необычного. И все-таки порой случаются такие неслыханные вещи.

ПРЯДЬ О МОГИЛЬНОМ ЖИТЕЛЕ

Торстейн сын Торварда, зять Торфинна с Яра, тот, что был женат на Хельге дочери Торгейра, сестре аббата[1], соблазнил Стейнвёр, жену Хёскульда Жениха. У них родился ребенок.

И как раз когда у Торстейна были все эти неприятности, случилось ему однажды, возвращаясь домой поздно вечером, увидеть нечто необычное. Он тогда зашел в небольшую лощину и приметил там могильную насыпь. Он пошарил у себя под ногами и обнаружил человеческие кости и меч. Торстейн поднял меч и прихватил его с собой. Он решил опять наведаться туда назавтра после заутрени.

Вечером Торстейн улегся в постель со своей женой. Он быстро уснул. Приснилось ему тут, что к нему подошел здоровенный человек, в руке у него была большущая секира, выложенная золотом. Человек этот был красив с виду. Он стал угрожать Торстейну и требовать, чтобы тот вернул ему меч, и сказал, что так этого не оставит. Торстейн весьма устрашился его угроз и стал метаться во сне. Жена разбудила его и спросила, отчего это он вел себя так беспокойно, но тот не захотел ей ничего говорить и тотчас же снова уснул. И вот к нему явился тот же человек и сказал такую вису:

Прежде в пре я красил
клинок с кленом копий[2],
храбрый, в вихре Хротти[3]
сталь пытал бывало.
Встарь секли мы в сече
мужей, вражду множа.

В ту ж игру сыграть я
горазд с тобой, тезка.

Торстейн отвечает человеку из сна такой висой:

В раже кровью вражьей
кропить сталь я стану,
где разить придется
ужом ножен[4] мужу.
Врану корм бывало,
удал, задавал я,
за удар ударом
воздам другу брани[5].

Тогда отвечает могильный житель. Он сказал:

– Вот теперь, Торстейн, ты поступил правильно: никакого другого достойного ответа и не могло бы быть.

Тут Хельга спросила, отчего он вел себя так беспокойно, но он не захотел ей ничего говорить.

Вскоре стало светать. Немного погодя Торстейн поднялся и пошел к тому месту, где, как он думал, находилась могильная насыпь, но ничего там не нашел, сколько бы он туда потом ни наведывался. После этого он отправился домой и рассказал обо всем своей жене и другим людям.

Это произошло в Скалистой Земле, к востоку от Усадьбы на Мысу Дымов[6], что в Широком Фьорде.

СОН ТОРСТЕЙНА СЫНА ХАЛЛЯ С ПОБЕРЕЖЬЯ

Сон этот приснился Торстейну сыну Халля с Побережья на востоке на Свиной Горе[1], прежде чем он был убит там.

Являются к нему три женщины[2] и говорят ему:

– Просыпайся, Торстейн, – сказали они. – Гилли, твой раб, задумал предать тебя за то, что ты велел его оскопить, и это истинная правда. Прикажи убить его, – сказали[3] они.

Затем та из них, что шла первой, преисполнившись горя, произнесла такую вису:

Хильд судьбы[4] коварно
зыби кость[5] огромну
швырнула кольчужных
вязу врат[6] под ноги.
Герд с шипом шелома[7]
прочит горе воям –
Хедина хозяйке
всё неймется, вечной,
всё неймется, вечной[8].

После этого Торстейн проснулся и велел разыскать раба, однако он не был найден.

Наступает следующая ночь, и Торстейн засыпает. И вот явились к нему во сне те же женщины и завели те же речи, и первой шла та из них, что прежде была средней, и эта шедшая впереди женщина сказала так:

В судилище судей
суд вершил премудрый,
вражду пресекая, –
то любезно Богу.
Двалина, – *алкая*, –
вздернутого баба[9]
предел, – *Бальдра клада*[10], –
вскорости положит,
вскорости положит

– твоей жизни, Торстейн.

Торстейн проснулся, и принялись искать раба, но он не был найден. То же случилось и на третью ночь – они явились вновь, на этот раз все в слезах. Теперь впереди шла та из женщин, которая прежде была последней.

Тут она сказала:

– Куда нам податься после того, как наступит твой последний день, Торстейн? – спросила она.

Он отвечает:

– К Магнусу, моему сыну[11], – сказал он.

– Недолго сможем мы пробыть там, – сказала она, а потом произнесла вису:

Вёрн рубцов[12], проворна,
над воином павшим,
ведьма в лязге стали[13]
шелома[14] сидела,
ибо до исхода
– *страх*! – злой сходки[15] – *месяц*
рос, смурной, в чертоге
богов[16] – знать, отнимут,
богов – знать, отнимут

– жизнь у тебя, Торстейн.

После этого Торстейн и Ингвильд его жена[17] велели разыскать Гилли, но его так и не нашли. Затем разыгралась непогода, и хозяин не захотел пускаться в путь в такое большое ненастье. А на следующую ночь, когда все спали, Гилли раб вошел в дом через потайную дверь и вытащил нож. Торстейн же во сне положил руку себе на голову. Гилли всадил нож Торстейну в горло. Тот вскочил было и обнажил меч, но тотчас же повалился навзничь мертвый. Раб бросился вон в ту часть дома, где находился очаг, и там, стоя в углу, оборонялся от домочадцев Торстейна, поскольку те нападали на него. Наконец, они накинули на его оружие одежду.

Тогда он отбросил нож и сказал:

– Вот и подошла к концу моя жизнь.

Ингвильд спросила:

– Кто же надоумил тебя совершить этакое злодейство?

Тот отвечает:

– Никто, кроме меня самого.

Затем на брюхо Гилли поставили раскаленный умывальный таз. Тогда Гилли сказал:

– Не мучайте меня, а не то, Ингвильд, я произнесу слово, которое навсегда останется в вашем роду, и вам его будет не избыть вовеки[18].

Тогда Ингвильд сбросила с него умывальный таз, однако брюхо Гилли лопнуло от жара. После этого его отнесли вниз во двор и утопили в болоте, следы которого сохранились и по сей день. Этот Гилли был сыном Ядгуда, внуком Гилли, правнуком Бьядака, праправнуком Кьярваля Старого, конунга Ирландии[19], который правил там долгие годы.

СОН ОДДИ ЗВЕЗДОЧЕТА

1

Одного человека звали Торд. Он жил на хуторе Мули на севере в Долине Дымов[1]. Среди его домочадцев был тогда человек по имени Одди сын Хельги. Его прозвали Одди Звездочет[2]. Он был такой знаток календаря, что в то время не было ему в этом равных во всей Исландии, и еще был он сведущ во многом другом. Скальдом он не был и не хранил в памяти стихов. Рассказывают еще, что люди очень прислушивались к его советам. Он никогда не лгал и, если знал, всегда говорил правду и потому считался

человеком прямым и заслуживающим доверия. Он был беден и не слишком усерден в работе.

Надо рассказать о том, какой с этим Одди произошел удивительный случай. Торд, его хозяин, послал его на Плоский Остров[3] ловить рыбу, и об этой их поездке известно только, что она была удачной. На острове его хорошо принимали, но не говорится, кто там жил. А теперь надо сказать, что вечером, когда люди стали укладываться спать, Одди также устроили на ночлег и хорошо о нем позаботились. И оттого, что Одди устал с дороги и у него была удобная постель, он быстро засыпает, и ему сразу же начинает сниться сон. Представляется ему, что он дома в Мули, и что туда явился гость, и будто уже наступил вечер, и люди собираются ложиться спать. Гостя попросили развлечь остальных, и он принялся рассказывать сагу, и начиналась она так.

2

Одного конунга звали Хродбьярт, он правил на востоке в Гаутланде[4]. Он был женат, и жену его звали Хильдигунн. Их единственный сын звался Гейрвид. С ранних лет он был хорош собой, умен и во всем превосходил своих сверстников. Он был еще ребенком, когда начиналась эта сага.

Теперь надо рассказать о том, что Хродбьярт конунг поставил управляющим над третьей частью своей державы ярла по имени Хьёрвард. Был он тоже человек женатый, и жену его звали Хьёргунн. Их единственная дочь звалась Хлегунн. О ней говорится, что в детстве с ней было нелегко ладить, и чем старше она становилась, тем делалась более своенравной. Рассказывается также, что ей были не по нутру все женские занятия. Вошло у нее в обычай повсюду расхаживать в доспехах и при оружии[5], и она либо ранила, либо лишала жизни всякого, кто посмел стать ей поперек дороги или чем-то ей не понравился.

Хьёрварду ярлу, ее отцу, был сильно не по душе ее трудный нрав, и он считал неподобающими творимые ею беззакония. И вот он объявляет ей без обиняков, что впредь не намерен мириться с таким ее поведением, и либо она исправится, – «либо убирайся отсюда, да поскорее!»

Как только Хлегунн ярлова дочь услыхала о желании своего отца, чтобы она покинула его двор, она отвечает, что не собирается там дольше задерживаться, и требует от своего отца, чтобы он дал ей три боевых корабля с полным военным снаряжением и командой, и пусть все там будет самое отменное и столько воинов, сколько она сама сочтет достаточным. И если все будет исполнено, как она потребовала, она охотно уедет из дому. Хьёрвард ярл с готовностью на все согласился, лишь бы она поскорее убралась, потому что полагал – и справедливо, – что от ее пребывания там можно было ожидать только еще бóльших неприятностей.

Затем он повелел снарядить три боевых корабля всем самым отборным, и когда приготовления были закончены, Хлегунн ярлова дочь отбыла из страны с этим войском и с той поры проводила жизнь в викингских походах и грабежах, стяжав себе в них богатство и славу. Рассказывают, что, покуда был жив ее отец, она так и не возвратилась домой.

Теперь пора перенести сагу в другое место и рассказать о том, что когда Гейрвиду, сыну Хродбьярта конунга, было восемь лет от роду, на Хродбьярта конунга напала хворь, и немногое можно об этом поведать, кроме того, что эта болезнь в конце концов привела к смерти конунга. Все его друзья и приближенные сочли большой утратой потерю такого государя и были правы, и в этом с ними были согласны все жители страны. Затем было решено справить пышную тризну, и на нее были приглашены все самые могущественные люди и знатнейшие хёвдинги страны. Были также разосланы приглашения всем, кто хотел попасть на этот пир, будь то местные жители или чужеземцы, чтобы никому не пришлось явиться туда незваным. На этом пиру, на который собралось великое множество народу, люди пили кубок в память Хродбьярта конунга, прославляя его и воздавая ему почести, как это подобало человеку его положения и достоинств. По окончании тризны конунг был похоронен в кургане по древнему обычаю, принятому тогда у знатных людей.

3

Теперь надо рассказать о том, что после того, как в стране произошло это великое событие, все мудрейшие мужи и самые верные друзья конунга решили, что им надлежит взять себе другого конунга и правителя вместо того государя, которого они лишились. И столь велика была любовь всех жителей страны к Хродбьярту конунгу, пока он был жив, что люди не пожелали избрать своим правителем никого другого, кроме Гейрвида, его сына, потому что хотели, чтобы власть конунгов оставалась в его роду и ни к кому не переходила. И хотя Гейрвид был в то время еще совсем юн и мало подходил для того, чтобы возложить на него управление державой, все жители страны тем не менее охотно пошли на такой риск и доверили ему престол при условии, что за ним станет присматривать королева, его мать, поскольку она была женщина весьма разумная и достойная во всех отношениях.

И вот спустя недолгое время после того, как такой молодой человек, как Гейрвид, сделался конунгом и начал управлять великим народом, власть в стране, как и следовало ожидать, стала быстро ослабевать. Поредела и государева свита, потому что многие дружинники стали искать себе другие занятия. Одни отправились в викингские походы, другие отбыли в торговые поездки в разные страны. Однако же, каким бы скверным ни показалось то, о чем тут

говорилось, в правление этого молодого конунга должно было случиться еще немало новых бед.

В саге рассказывается о том, что в лесу Йоруског[6], который находился во владениях этого молодого государя, засели два злодея. Эти грабители убивали людей, чтобы завладеть их добром, и были все равно что берсерки[7]. Одного из них звали Гарп[8], а другого Гню[9]. Говорится, что люди не осмеливались ездить там поодиночке. Чтобы покончить с разбойниками, на их поиски в лес то и дело отправлялись большие отряды, но сколько бы народу их ни разыскивало, найти их так и не удалось. Так продолжалось до тех пор, пока Гейрвиду конунгу не исполнилось двенадцать лет. Когда он достиг этого возраста, он был не менее рослым и сильным, чем многие зрелые мужи из числа самых видных и тех, кто уже успел проявить себя наилучшим образом.

Как-то раз, когда Гейрвид конунг сидел за столом со всеми своими людьми, он произнес такую речь:

– Всем вам, моим подданным, известно, что до сих пор я был юн годами и мне недоставало силы, а потому я принимал мало участия в управлении державой. Я и сам об этом частенько слышал, и этого следовало ожидать. Но нечего удивляться, что прежде от меня было немного проку, ведь всему виной моя молодость. Теперь же мне минуло двенадцать зим, и я вошел в возраст, когда мне пора испытать себя и узнать, стоит ли ожидать, что мое могущество будет и дальше расти и усиливаться. Уже сейчас немногие из моих сверстников успели возмужать больше, чем я. Я объявляю вам всем, моим друзьям и подданным, что собираюсь сам отправиться навстречу этим берсеркам, Гарпу и Гню, которые разбойничают в лесу Йоруског, и сразиться с ними. И я не намерен возвращаться, пока они живы, – либо я одержу над ними верх, либо они надо мной.

Когда Гейрвид конунг закончил свою речь, первой ему ответила королева, его мать, и ее поддержали все самые знатные люди страны. Все они в один голос упрашивали конунга захватить с собой побольше народу и получше вооружиться, раз уж он решил выступить против разбойников.

Гейрвид конунг отвечает:

– Я все хорошенько обдумал, прежде чем объявить вам о своем решении. Сдается мне, что даже если я и одолею берсерков, не много славы принесет мне такой поход, коли я выставлю против них большое и хорошо вооруженное войско. И для меня будет бесчестьем, если их не удастся разыскать и мне придется воротиться назад с пустыми руками. Случись так, это стало бы для меня позором. А потому я намерен отправиться в эту поездку всего только с одним человеком, и пусть судьба решает, каким будет наше расставание с разбойниками. Может статься и так, что мы покроем себя славой в этом походе, но чем бы дело ни кончилось, я собираюсь пойти на риск и совершить то, что

задумал. Я оттого и завел с вами нынче этот разговор, что хочу знать, кто из вас больше других желает сопровождать меня в этой поездке. Но кто бы ни был человек, решившийся отправиться вместе со мной, пусть он отзовется немедля. И знайте: для меня это вопрос решенный, и даже если не найдется никого, кто будет готов сопровождать меня, я все равно отправлюсь в путь, пускай и в одиночку.

Рассказывается, что после этого заявления конунга сама королева первой принялась на разные лады отговаривать его от этой поездки, говоря, что его намерение безрассудно, – и так оно и было, – поскольку эти разбойники – настоящие демоны, тогда как слишком многое было брошено на чашу весов – жизнь самого конунга. Все были уверены, что ему должно было меньше повезти в столкновении с разбойниками, и коли так и выйдет, вполне можно было ожидать его гибели, особенно памятуя о том, что конунг их был еще совсем молод, а берсерки полны отваги. Все друзья конунга настойчиво отговаривали его от этого похода. Они считали, что, если он захватит с собой только одного спутника, он – конченый человек.

Конунг отвечал на это, что им не удастся принудить его изменить свое решение.

Когда же они убедились, что им не отговорить его, слово взял человек по имени Дагфинн. Он был приближенным конунга и королевским скальдом.

– Государь, – говорит он, – я не знаю никого другого, кто был бы в большем долгу перед тобой, чем я. Поэтому чем большей опасности ты себя подвергаешь, тем меньше мне пристало расставаться с тобой, если только ты согласен принять мою помощь и взять меня в спутники. Я готов сопровождать тебя в этом походе, когда тебе будет угодно.

4

Надо сказать, что как только этот человек, Дагфинн, был назван в саге, во сне Одди тотчас приключилось нечто весьма удивительное. Мнится Одди, что он сам и есть этот человек, Дагфинн, а гость, который рассказывал сагу, выходит теперь и из рассказа, и из сна, тогда как ему представляется, что это он сам видит и знает все, что с той поры происходит во сне. Отныне сон должен рассказываться так, как это все виделось самому Одди. Казалось ему, что он – Дагфинн и собирается выступить в поход с конунгом Гейрвидом.

И когда они снарядились, они отправились вдвоем в путь, захватив оружие, и странствовали так до тех пор, пока не добрались до леса Йоруског, где они рассчитывали застать разбойников. Деревья там росли так, что между ними оставалась широкая дорога. Рассказывается, что когда они углубились далеко в лес, они увидали перед собой высокий холм, крутой, с какой стороны

к нему ни подойти. Они взобрались на него, чтобы оглядеться и разведать, не заметно ли чего сверху. Холм этот был усеян множеством камней. С вершины его им было далеко видно.

Тут они замечают двоих людей. Были они велики ростом и направлялись прямиком к холму, на котором стояли конунг с Дагфинном. Оба они были хорошо вооружены. Стоило конунгу и Дагфинну завидеть этих людей, как они сразу же догадываются, что это не кто иные, как Гарп и Гню.

Тогда Дагфинн сказал:

– Государь, я должен предупредить вас, что я не очень-то привычен к сражениям и к тому же не слишком полагаюсь на свою храбрость и умение обращаться с оружием. Поэтому я хочу предложить вам на выбор: желаете ли вы, чтобы я вместе с вами напал на берсерков, или вы предпочитаете, чтобы я наблюдал за вашим боем с этого холма и потом смог обо всем поведать другим?

Конунг отвечает:

– Раз уж ты сам не знаешь, на что решиться, по мне, так лучше тебе оставаться здесь на холме и следить издалека за нашим боем, не приближаясь к месту сражения.

Дагфинн последовал совету конунга. Он остался на холме и не стал приближаться к месту сражения, решив, что самое разумное держаться от него подальше, а конунг спустился вниз навстречу разбойникам. Не берусь рассказать точно, как они там обменивались ударами, скажу лишь, дабы ускорить рассказ, что в конце концов судьба распорядилась так, что конунгу выпали жизнь и счастье, потому что он победил обоих злодеев, они же скончались от тяжелых ран, которые им нанес конунг.

После того как разбойники пали, конунг с Дагфинном продолжили свой путь, пока не дошли до места, где от главной дороги в лес отходила тропа. Они успели уйти по этой тропе совсем недалеко, как вдруг очутились на большой поляне в лесу. Там стоял дом, высокий и добротной постройки, дверь его была крепко заперта, а ключ припрятан за притолокой. Они отперли дверь и вошли. Внутри дом был богато убран и чуть не доверху полон всевозможных сокровищ. Они заночевали там, и не было у них недостатка ни в доброй браге, ни в изысканных яствах, а утром они отправились в обратный путь, но прежде похоронили разбойников.

А когда конунг прибыл в свою державу, слух о его подвиге и одержанной им славной победе разнесся далеко по всей стране. Друзья и родичи конунга возрадовались тому, что он воротился домой с великой победой, и все считали, что он точно из ада вырвался, да так оно и было.

5

После этих событий конунг созывает тинг, и на него стекается великое множество народу. И когда все были в сборе, конунг объявил эту важную новость, и все сочли, что Гейрвид конунг покрыл себя большой славой – как оно и было, – в одиночку одолев таких могучих воинов.

Потом Гейрвид обратился к людям, чтобы они посетили дом, в который злодеи сносили награбленное добро, и чтобы каждый взял там то, чего он лишился. Однако все решили отдать это свое добро конунгу, говоря, что пусть уж лучше он им теперь владеет и что оно ему досталось по праву. Тогда конунг приказал забрать все это богатство и стал им владеть.

После этого конунг повелел приступить к работам и соорудить курган, на котором он будет сидеть[10]. И вот конунг взошел на престол, который стоял на кургане, и люди стали почитать его еще пуще прежнего и нести ему новые дорогие подарки, и все поклонялись ему так, как только могли.

Рассказывается о том, что Дагфинну скальду пришло на ум, что ему, как никому другому, пристало прославить конунга в хвалебной песни. Тогда Дагфинн восходит на курган к конунгу, падает перед ним на колени, кланяется и учтиво приветствует его. Он говорит, что сложил о нем песнь, и просит выслушать его. Конунг милостиво согласился.

Дагфинн взял слово и начал произносить песнь, и это был флокк[11]. Когда песнь была окончена, конунг поблагодарил за нее, а с ним и все, кто там был, и все сказали, что она хорошо сложена и прославляет их конунга так, как это и приличествует его званию и заслугам. И как только конунг услыхал, что все одобряют и расхваливают песнь, он захотел проявить великодушие и щедро вознаградить скальда, пожаловав ему большое золотое обручье со своей руки.

Однако Дагфинн не пожелал принять это обручье и сказал, что стремится лишь к одному – быть в чести у конунга и пользоваться его уважением, а что до его богатств, то они, мол, ему ни к чему и он ни в чем не нуждается, пока его конунг находится в добром здравии, – «но найдется немало других, кто надеется получить от вас награду».

Конунгу понравились его слова.

6

Следующее, о чем надо рассказать, это что Хьёргунн, жена Хьёрварда ярла, опасно заболела, и – нет нужды тратить попусту много слов – в конце концов эта болезнь привела к смерти Хьёргунн. После этого по ней справили тризну и похоронили ее, как было принято по древнему обычаю, со всеми почестями, подобающими знатным женам. Ярл, как и следовало ожидать,

счел смерть своей королевы большой утратой и очень горевал о ней, а с ним и многие другие.

Прошло не так много времени, и друзья ярла принялись увещевать его, чтобы он взял себе другую жену. Он спросил, где, по их мнению, ему следует искать себе достойную супругу. Они стали советовать ему просить руки королевы Хильдигунн и говорили, что брак с ней очень упрочил бы его положение, если его предложение будет принято. И поскольку такие разговоры часто велись в присутствии ярла, он и сам начал так думать, потому что был человеком умным.

Затем он посватался и попросил себе в жены Хильдигунн королеву. Ей в то время было не больше сорока лет от роду, и этот брак считался наилучшим во всех отношениях. Долго ли, коротко ли об этом договаривались, но наконец было решено выдать королеву за Хьёрварда ярла с согласия конунга, ее сына. После этого приготовили обильное угощение и сыграли свадьбу Хьёрварда ярла и Хильдигунн королевы с большим великолепием и всяческими почестями. По окончании пира все разъехались по домам. Между супругами вскоре возникла большая любовь, и их совместная жизнь была счастливой, а спустя недолгое время у них родилась дочь, и ее назвали Хладрейд.

Рассказывается, что после рождения Хладрейд брак ярла и королевы продлился недолго. Случилось так, что вскоре вслед за тем на ярла напала хворь, и дело закончилось тем, что от этой хвори он умер. Его смерть была сочтена большой утратой, потому что он был достойным правителем. Гейрвид конунг поставил тогда своих людей управлять землями, которыми прежде правил ярл, и присоединил их к своим владениям. Новость эта разнеслась повсюду, как и можно было ожидать в случае смерти такого государя.

И вот весть эта доходит до Хлегунн, дочери Хьёрварда ярла, и она узнает о том, что ее отец умер, когда она совершает набеги и грабит в викингском походе. Это известие так на нее подействовало, что она поворачивает все свое войско, возвращается в Гаутланд и начинает там воевать. Дело кончилось тем, что она отвоевала все земли, которыми прежде владел ее отец. Тогда она посылает гонцов к Гейрвиду конунгу и велит передать ему, что предлагает ему одно из двух: либо он отдаст ей половину своего королевства и поступится своей единоличной властью, либо она назначает ему встретиться с нею в проливе Сильдасунд со всем своим войском и сразиться, и пусть тому из них достанется победа и добыча, у кого больше удачи.

7

Теперь надо рассказать о том, что посланцы Хлегунн отправились в путь. Это были щитовые девы. Они прибыли к конунгу и передали ему ее поручение.

И когда он услыхал требование Хлегунн, он сразу же ответил:

– Выбор невелик, тем легче будет принять решение: по мне, куда лучше сразиться с ней, чем уступить свои владения.

Гонцы воротились к Хлегунн и сообщили ей, как обстоит дело, и она осталась очень довольна их поездкой.

Теперь пора рассказать о том, что Гейрвид конунг собирает войско по всей стране, и каждый, кто был способен держать щит или метать копье, должен был выступить в этот поход.

Надо сказать, что по одну сторону пролива выдавался мыс, который именуют Ховсхёвди[12], у этого мыса был назначен сбор войска конунга. Как только Гейрвид конунг снарядился, он повел своих людей на корабли. Был там вместе с конунгом и Дагфинн скальд. А когда они спускались вниз к кораблям, случилось нечто такое, о чем стоит упомянуть, хотя это происшествие и может показаться совсем ничтожным, – у Дагфинна скальда развязался башмак. Он завязывает шнурки и тут просыпается, и, как и следовало ожидать, это был опять Одди, а вовсе не Дагфинн.

После этого видения Одди вышел из дому и понаблюдал за звездами, как он имел обыкновение делать по ночам всякий раз, когда звезды были видны. Он стал вспоминать свой сон и припомнил его целиком, кроме песни, которую, как ему привиделось, он сочинил во сне, за исключением тех вис, что здесь записаны:

Явились в лес
Йоруског на восток
злодеи-братья,
злобные оба.
Грабили люто,
губили люд,
гибель несли
те двое многим.

Восстал витязь,
славы алкал
кормилец волка,
сердце – кремень.
Страха не ведал,
сразу сразил
Гарпа и Гню
Гейрвид конунг.

Раздал злато
Родбьярта сын[13] –
дланью щедрой
кольца делил,

дарил народу
вдоволь добра –
добычу всю,
что братья награбили.

Бесстрашен в бою
не берег обручий –
добр к дружине
друг гаутов[14],
в чертоге княжьем
наделял каждого
льдяной лавиной
престола сокола[15].

Сложена песнь.
Словом славным
должен Дагфинн
хвалу досказать.
Да будет в радость
владыке ладному
долго княжить
в Державе Гаутской.

8

После того как Одди провел столько времени, сколько ему хотелось, на дворе, он возвратился в свою постель и тотчас уснул. И стало ему опять сниться то же, что и в прошлый раз, до того как он пробудился. Представляется ему, что он завязал шнурки на башмаке и что он – Дагфинн и спешит к кораблям. Кажется ему во сне, будто он кормчий на своем корабле.

Когда все приготовления были закончены, они отправились в плавание со всеми кораблями и находились в пути, пока не достигли мыса. Там, как было условлено, собралось все войско конунга, и оттуда они двинулись в пролив Сильдасунд. Рассказывается, что Хлегунн щитовая дева также явилась туда и стояла в проливе со своими кораблями. У нее была несметная рать, готовая к сражению.

Затем корабли противников выстроились в ряд друг против друга и вступили в бой. Завязалась жаркая битва и очень скоро и в том и в другом войске было много убитых, а спустя еще некоторое время войско конунга стало нести такие тяжелые потери, что на его кораблях сильно поубавилось народу.

Упоминается также о том, что в тот день Хлегунн не было видно среди сражающихся, хотя люди конунга прикладывали все усилия, чтобы разыскать

ее, и это казалось странным. Так продолжалось довольно долго, пока Дагфинн сам не пустился на поиски Хлегунн, призвав на помощь всю свою смекалку, и увидал ее как раз тогда, когда она добралась до конунгова корабля. Она сильно переменилась. Видит он, что у нее голова волчицы, гигантская, точно у троллихи, и она отгрызает головы людям конунга.

Как только Дагфинн увидал это непотребство, он поспешил покинуть корабль, которым он управлял. Его корабль находился далеко от корабля конунга. Он стал перебегать с одного корабля на другой[16], пока не добрался до конунгова корабля. Представ перед конунгом, Дагфинн рассказал ему, какие там творились неслыханные вещи. После этого он указал конунгу место, где была Хлегунн, чтобы тот и сам мог ее увидеть, однако конунгу не удалось разглядеть ее из-за ее колдовства[17], и все, что он увидал, это как десятками падают мертвыми его люди. Тогда Дагфинн попросил конунга посмотреть на нее из-под его левой руки, и тот так и поступил. Стоило ему это сделать, как он увидал Хлегунн. Затем они оба направились с кормы к мачте. Тут конунг бросился вперед с обнаженным мечом, и как только он приблизился к Хлегунн настолько, что мог дотянуться до нее, он наносит ей удар. Удар пришелся ей прямо по шее и снес голову, так что она упала за борт.

После того как Хлегунн пала, конунг предлагает ее людям на выбор: либо продолжить биться с ним, либо сдаться на его милость. Они без колебаний предпочли отдаться под власть конунга. Затем Гейрвид конунг покинул место сражения и подчинил себе все земли. Он поставил над ними своих сюслуманнов[18] и водворил мир во всей державе.

После этого конунг возвратился домой, и в его честь был устроен великолепный пир. Немного погодя был созван тинг, и на него явилось множество народа. На этом тинге Гейрвида конунга вновь усадили на престол, подняли на курган, на котором он восседал прежде, и провозгласили государем и правителем всего Гаутланда. Один за другим на курган поднимались хёвдинги, воздавали конунгу почести, и каждый из них старался оказать ему уважение, как только мог.

Скальду Дагфинну пришло тут на ум, что ему, как никому другому, подобает почтить конунга. Тогда он взошел на курган и учтиво приветствовал конунга. Тот с радостью ответил на его приветствие. Дагфинн говорит конунгу, что он опять сложил о нем хвалебную песнь, и просит выслушать его, так как ему хотелось бы произнести ее сейчас же. Конунг отвечает, что охотно послушает песнь.

Дагфинн взял тогда слово и исполнил песнь, которую, как ему привиделось, он сложил, и это была драпа в тридцать вис[19]. А когда песнь была окончена, конунг хорошо поблагодарил за нее скальда. Он снял с руки тяжелое золотое обручье и отдал его Дагфинну в награду за поэзию, но тот

не захотел принять это обручье, сказав, что у него всего вдоволь, покуда его государь жив и здоров. Однако тут Гейрвид конунг объявил Дагфинну, что намерен отличить его больше, чем кого бы то ни было другого во всей своей державе, и пообещал устроить его женитьбу. Конунг сказал, что сосватает ему любую невесту в стране, какую тот только пожелает выбрать себе в жены.

Как и следовало ожидать, Дагфинну пришлась весьма по вкусу эта речь и известие, что конунг собирается так его отличить, и он отвечает:

– Если вы и вправду намерены выполнить свое обещание, я не стану скрывать, что выбор, который был бы мне всего милее, в первую очередь зависит от тебя самого.

Конунг сказал:

– И кто же та женщина, которую ты имеешь в виду?

Дагфинн отвечает:

– Это Хладрейд, твоя сестра. Она – та женщина, которую мне всего больше хотелось бы получить в жены, а иначе, сдается мне, не может быть и речи ни о каком сватовстве.

Конунг сказал, что не должно быть никаких проволочек ни с чем, что, по мнению Дагфинна, могло бы принести ему еще больший почет.

Хладрейд конунгова сестра хотя и была тогда еще в весьма юном возрасте, уже созрела для замужества. Она была женщина видная и красавица, каких мало, и к тому же мастерица на все руки.

Долго ли, коротко ли они об этом толковали, но дело завершилось тем, что Хладрейд была обручена с Дагфинном скальдом. Затем были сделаны все приготовления к свадебному пиру и устроено такое отменное угощение, что не было там недостатка ни в чем, чего только можно было пожелать. На этот пир получили приглашение все самые знатные люди в стране. Сыграли тогда свадьбу на славу и с большим великолепием, а когда пир закончился, все гости разъехались по домам. Вскоре между Дагфинном и Хладрейд возникла большая любовь, и их совместная жизнь была очень счастливой.

И тут после этой превосходной женитьбы Дагфинна, о которой только что было рассказано, сон заканчивается и тот, кто на самом деле был Одди, пробуждается.

9

Принялся тогда Одди обдумывать свой сон и вспомнил его весь – и то, что в нем случилось сперва, и то, что потом. Тогда он попытался вспомнить драпу, которую, как ему привиделось, он сложил позднее, однако ему не удалось припомнить ничего, кроме тех одиннадцати вис, что здесь записаны, и это было начало песни[20]:

Прочь от брега Гейрвид
– поросль вод[21] *оставил*
струг – тропой прибоя[22]
гнал коня каната[23].
Рать ретивый бросил
в бурю без оглядки,
ветр, знай, треплет парус,
гнет вершину мачты.

Вдаль ладья летела;
хляби облик гадок.
Мчит героев храбрых
мерин реи[24] лихо.
Мне ль поход не ведом
войска величавый?
Гаутов был конунг
Гейрвид достославный.

Плыли мимо мыса
Хов – *совету внемля*
внятному охотно –
гонители Гёндуль[25],
пока в Сильдасунде
не сошлись с врагами
клены лат[26] и стали
сталь пытать в сраженье.

Залегло в заливе
злобной девы войско
– сулит лихо князю, –
схоронясь до срока.
Но ладьи завидев,
враз восстали рати;
шел, покрыт шеломом,
всяк в бой Браги брани[27].

Ждать призыва к битве
не заставил витязь;
табун гнала глади[28]
Хлегунн им навстречу.
Рьяно рубят рдяны
раны Ньёрды копий[29].
Гаутов был конунг
Гейрвид достославный.

Ливня стрел искатель[30],
– *властный князя*, – сея
смерть, растил усердно,
– *сродник*[31], – скрежет жести[32].
В зареве сраженья
закат ал, стемнели
волны, пенной полны
враньей браги[33] терпкой.

В вихре дротов[34] дружен
ратный труд дружины,
глад умерить Гёндуль[35]
мужи поспешили.
Дивно Гейрвид колет
в Хлёкк[36], копье купая
в ранах, – видел волос,
кровью окропленный.

В хрусте Христ[37] теснили
недругов герои,
знати, знать, немало
под знаменем князя.
Не слыхал о силе,
равной этой рати.
Гаутов был конунг
Гейрвид достославный.

Ведьмы волчеглавой
ведома мне ярость,
воем Хлегунн гнусным
оглашались волны.
В плоть впивались пасти
копья[38], рвали в раже
вражьи чресла, сея
ужас в стане княжьем.

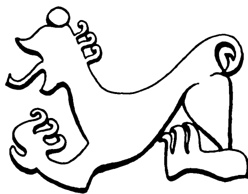
Шел межой моржовой[39]
– *менял лыжи Ати*[40] –
прямиком до главной
кобылы я Гламми[41].
Конунгу поведал
все о кознях злобной
Герд браслета бездны[42],
оборотне подлом.

Весть принес о Бестле
искры пясти[43] князю –
где искать невесту
тролля волчеглаву.
Скильвинг лука[44] скинул
Скульд звезды пролива[45]
– пасовать не думал
Гейрвид – с пня пучины[46].

Здесь заканчивается сон, который приснился Одди Звездочету, и было о нем рассказано с его собственных слов. Видение это, конечно, может показаться удивительным и неслыханным, однако, по мнению большинства людей, он всего вероятнее должен был рассказывать только то, что, как ему привиделось, случилось с ним самим во сне, поскольку Одди считался человеком не только мудрым, но и правдивым. И не стоит удивляться, что стихи эти получились топорными[47], ведь они были сложены во сне.

Приложения

Е.А. Гуревич

ДРЕВНЕИСЛАНДСКИЙ РАССКАЗ

В отличие от исландских саг, многие из которых известны читателям по их переводам на русский язык, так называемые пряди – это главным образом произведения малой формы. Уже в эпоху Средневековья так стали именовать рассказы (в первую очередь это были истории об исландцах), которые вплетались в составленные в XIII–XIV вв. саги о правителях Норвегии, или, как их ныне принято называть, «королевские саги». Возможная причина возникновения такой практики заключалась в том, что саги эти создавались в Исландии и прежде всего были рассчитаны на исландскую аудиторию, в которой любые упоминания о соотечественниках, и в особенности сообщения об их успехе и возвышении за пределами страны, естественно, не могли не находить заинтересованных слушателей. Собственно, первейшая задача множества таких историй и состояла в прославлении исландцев. Ведь обычно в них повествовалось о людях, которым вследствие неких совершенных ими поступков (а чаще всего проступков) или благодаря их незаурядным талантам и достоинствам довелось привлечь к себе внимание правителей чужой страны и в итоге завоевать их признание и расположение.

Уже само древнеисландское слово *þáttr* «прядь» (множественное число – *þættir*) проливает свет на особенности передачи и хранения этих рассказов, большинство из которых дошли до нас в качестве вставок в более пространные повествования. Из первоначального значения этого слова в исландском – «пряди, из которых сплетается канат» (древнеисландское *þáttr* состоит в отдаленном родстве со славянским *ткать*) довольно рано, судя по всему еще в дописьменное время, свидетельства чему можно найти в поэзии скальдов, развилось более широкое производное – «часть от (любого) целого». В результате в известных нам памятниках XIII–XIV вв. это наименование обычно применяется для обозначения частей литературного произведения – будь то часть песни, раздел или глава судебного уложения либо часть или даже одна из сюжетных нитей сагового повествования (*söguþáttr*). В XIV в. в одной из главных рукописей «королевских саг» («Книге с Плоского Острова») мы впервые находим более специализированное употребление этого наименования: название «пряди» закреплено в ней исключительно за вставными историями, интерполированными в текст жизнеописаний норвежских государей, среди которых оказывается и немалое число рассказов, обычно причисляемых к прядям. Однако поскольку словом *þáttr* в этой компиляции обозначается любое инородное вкрапление – вставка в сагу, это наименование явно не успело еще приобрести в ней того терминологического смысла, в котором оно начинает применяться в следующем столетии и которое по традиции вкладывается в него и поныне. Как свидетельствуют исландские рукописи, в XV в.

слово *þáttr* впервые употребляется для обозначения отдельных, а вовсе не включенных в другие тексты рассказов, хотя и в это время, и позднее самостоятельные повествования вне зависимости от их характера и размера куда чаще по традиции именуются «сагами» (отсюда нередкое варьирование в заглавиях одних и тех же произведений). Судя по всему, превращение наименования «прядь» из сугубо формального обозначения интерполяций в другие тексты в термин, принадлежащий к сфере номенклатуры исландских повествовательных форм, впоследствии закрепившийся преимущественно за произведениями малой прозы, было обусловлено именно обычаем вставлять такие произведения в средневековые компиляции «королевских саг». Поскольку в последних они приводились под рубриками «Прядь (т.е. вставка) о таком-то» (например, «Þáttr Þorsteins uxafóts» – «Прядь о Торстейне Бычья Нога»), подобные заголовки приставали к ним, становясь их неотъемлемой частью, а затем воспроизводились при последующем копировании этих рассказов уже в качестве всецело самостоятельных историй, записываемых отдельно от некогда «приютивших» их саг (как это, к примеру, вполне могло произойти и с уже упомянутым рассказом о Торстейне: так, в рукописи AM 552 h 4to, датируемой последней четвертью XVII в., этот рассказ назван «прядью» – «Þáttur af Þorsteini uxafót Íslending» – «Прядь об исландце Торстейне Бычья Нога», хотя в этом списке он приведен отдельно от каких бы то ни было саг). Соответственно изменялось и смысловое наполнение наименования «прядь», о чем красноречиво свидетельствует тот факт, что со временем его начинают переносить также и на рассказы, никогда не вплетавшиеся в другие тексты (примером чему может служить «Прядь о Пивном Капюшоне», в рукописях именуемая то «сагой», то «прядью»). Теперь историки исландской литературы употребляют термин «прядь» применительно к любым коротким повествованиям, независимо от той формы, в которой они дошли до наших дней – в качестве составных частей королевских жизнеописаний или же совершенно отдельных, самостоятельных рассказов, имевших собственную рукописную судьбу.

До сих пор не существует общепринятого представления о том, где проходит граница между небольшой сагой (*smásaga*) и прядью, как и не всегда легко удается отделить пряди, т. е. законченные самодостаточные рассказы, от эпизодов саг, иные из которых также могут обладать известной самостоятельностью и автономностью внутри повествования саги. Единственный признаваемый всеми исследователями критерий выделения прядей – малый объем – представляет собой слишком несовершенный «измерительный инструмент», чтобы его можно было использовать во всех случаях, тем более, что, как должен был заметить читатель этой книги, некоторые из присутствующих в ней прядей (например, «Прядь о Хеминге сыне Аслака», «Прядь об Эймунде сыне Хринга» или «Прядь о Торстейне Силе Хуторов») лишь с очень большой натяжкой могут быть охарактеризованы как произведения «малой формы». Конечно же, самыми надежными критериями отнесения того или иного произведения к какому-нибудь разряду могут быть лишь его жанровые признаки, иными словами, не сугубо внешние (как объем), но структурные и содержательные черты, объединяющие его с другими, в чем-то похожими на него произведениями. В нашем случае установление таких признаков затрудняется, однако, тем обстоятельством, что, подобно сагам, пряди не представляют из себя монолитной группы, в которой удалось бы выявить некие универсальные для них всех общеобязательные черты, но

распадаются на отдельные подвиды и тематические группы, между которыми зачастую обнаруживается весьма мало сходства. Ниже мы попытаемся выявить наиболее существенные особенности, характерные для основных групп, или жанровых разновидностей, прядей. Однако первым делом нам предстоит обратиться к тем средневековым книгам, в которых сохранилось большинство собранных здесь рассказов.

I. ПРЯДИ В СОБРАНИЯХ «КОРОЛЕВСКИХ САГ»

Более половины приведенных здесь прядей были включены в одно из главных собраний «королевских саг» – уже упоминавшуюся «Книгу с Плоского Острова» («Flateyjarbók», GKS 1005 fol.). Это самая большая из средневековых исландских рукописей, иллюминированный фолиант, созданный в 1387–1394 гг. и первоначально состоявший из 202 разделенных на две колонки листов (т.е. 404 страниц); позднее, в XV в., к этой рукописи была добавлена «младшая» часть (23 листа), о чем будет сказано особо. Согласно прологу к «Книге с Плоского Острова», вернее сказать, описи, оставленной на обороте первого листа одним из ее составителей, священником Магнусом Торхалльссоном, владельцем этого собрания был родовитый исландец Йон Хаконарсон из Видадальстунги (Междуречья Ивовой Долины) на севере Исландии. Вслед за сообщением о заказчике в прологе приводится перечень вошедших в эту книгу текстов: «Вначале здесь говорится о том, как заселялась Норвегия, потом об Эйрике Путешественнике[1], после этого ⟨рассказывается сага⟩ об Олаве конунге сыне Трюггви со всеми ее прядями. После нее следует сага о конунге Олаве Святом сыне Харальда со всеми ее прядями, а также с сагами об оркнейских ярлах; затем сага о Сверрире; затем сага о Хаконе Старом вместе с сагой о Магнусе конунге, его сыне; затем прядь об Эйнаре сыне Сокки из Гренландии[2]; после этого о Хельги и Ульве Злом. Вслед за этим начинаются погодные записи от сотворения мира, и доводятся они до того, что происходит ныне в наших краях. ⟨Рассказ⟩ об Эйрике Путешественнике и саги об обоих Олавах были записаны священником Йоном сыном Торда, а все, что после этого, и то, что вначале, записал священник Магнус сын Торхалля, и ⟨он⟩ украсил все заставками…». Немного ниже (на л. 4r), в завершение рассказа «Как заселялась Норвегия» («Hversu Nóregr byggðisk»), сообщается, что книга эта была написана в то время, когда правителем Дании, Норвегии и Исландии был «Олав сын Хакона, по собственному его признанию, названный в честь святого Олава конунга сына Харальда», и что произошло это, «когда от рождества Господа нашего Иисуса Христа прошло .m.ccc.lxxx. и .vij. лет», т.е. в 1387 г. Еще одна запись на первом листе рукописи, сделанная ее более поздним владельцем, объясняет происхождение названия «Книга с Плоского Острова»: она гласит, что Йоун Финнссон получил этот манускрипт в подарок от своего деда Йоуна Бьёртнссона, «бонда с Плоского Острова».

[1] «Сага об Эйрике Путешественнике» – история о человеке, отправившемся на поиски Рая.
[2] Речь идет о «Пряди о гренландцах».

О заказчике книги, знатном и состоятельном исландце Йоне Хаконарсоне (ок. 1350 – ок. 1410/1415), за исключением того, что среди его предков по отцу были приближенные норвежских государей и что он состоял в родстве с могущественными Стурлунгами – к этому роду принадлежал прославленный историк и поэт Снорри Стурлусон (1178/1179–1241), – известно очень немногое. По имеющимся сведениям, помимо «Книги с Плоского Острова», по заказу Йона было создано еще одно большое собрание саг, «Vatnshyrna» («Книга с Оконечности Озера»), в которое среди прочих входили такие знаменитые произведения, как «Сага о людях из Лососьей Долины» и «Сага о людях с Песчаного Берега». В этой же книге, привезенной в Данию в конце XVII в. и погибшей в университетской библиотеке в Копенгагене во время опустошительного пожара 1728 г., была и одна из прядей, которую читатель найдет в настоящем собрании, – «Сон Одди Звездочета».

Как явствует из пролога, основную часть «Книги с Плоского Острова» образуют жизнеописания двух норвежских конунгов-миссионеров, Олава Трюггвасона (995–1000) и Олава Харальдссона, или Олава Святого (1015–1028, ум. 1030). В книгу вошли наиболее пространные из посвященных им саг – так называемая «Большая сага об Олаве Трюггвасоне» и «Отдельная сага об Олаве Святом». Автором последней принято считать Снорри Стурлусона: сокращенная редакция этой саги включена в другой приписываемый ему труд – «Круг Земной», историю правителей Норвегии с древнейших времен до 1177 г. Однако и первое из этих сочинений, «Большая сага об Олаве Трюггвасоне», также имеет непосредственное отношение к Снорри Стурлусону, поскольку она представляет собой расширенную версию написанной им саги об этом конунге и тоже одной из составных частей «Круга Земного». В Средние века изготовление новых рукописных книг подразумевало довольно существенное преобразование, а подчас и частичное пересочинение (изменение, сокращение и дополнение) уже записанных ранее текстов. «Королевские саги» не являются здесь исключением. Так и не обретая, несмотря на их фиксацию на пергаменте, окончательной формы, они продолжали изменяться, сохраняя известную «текучесть» текста и в письменной традиции, которая постоянно требовала от них приспособления к вкусам заказчиков манускриптов, а также к меняющимся представлениям и задачам, стоявшим перед их новыми переписчиками, выступавшими скорее в роли редакторов, нежели писцов. В соответствии с обычной для того времени практикой в конце XIII или в начале XIV в. неизвестный компилятор, взяв за основу «Сагу об Олаве Трюггвасоне» Снорри Стурлусона, интерполировал в нее обширные заимствования из разнообразных источников, в том числе других версий жизнеописания этого конунга, и отредактировал ее, создав из нее, по сути дела, новое произведение. Среди вплетенных в «Большую сагу об Олаве Трюггвасоне» текстов мы находим не только пряди, но и саги, включаемые в нее частично или полностью: «Сагу о Халльфреде Трудном Скальде», «Сагу о фарерцах», «Сагу о крещении», а также отдельные фрагменты «Саги об Эйрике Рыжем», «Саги о людях из Лососьей Долины» и др. Что касается прядей, то в наиболее полной сохранившейся редакции этой саги в рукописи AM 61 fol. (1350–1375) присутствует восемь вставных рассказов: «Прядь о Торвальде Путешественнике», «Прядь о Рёгнвальде и Рауде», «Прядь об Эгмунде Битом и Гуннаре Пополам», «Прядь о Торвальде Тасальди», «Прядь о Свейне и Финне», «Прядь о Тидранди и Торхалле», «Прядь о Свади и Арноре Старухин Нос» и «Прядь об Эйндриди Широкостопом».

К ним могут быть добавлены также «Прядь о Норна-Гесте», «Прядь о Хельги сыне Торира» и «Первая прядь о Халльдоре сыне Снорри», приведенные лишь в более поздней рукописи той же саги AM 62 fol. (1375–1399). Помимо перечисленных, в «Большой саге об Олаве Трюггвасоне» обнаруживаются и «необъявленные» пряди, т.е. рассказы, в заголовках которых отсутствует указание на то, что они были вставлены в текст саги (см. коммент. к прядям). Это «Прядь о Торхалле Шишке», «Прядь о Сигурде из Городищенского Фьорда» и «Прядь об Альбане и Сунниве» (последняя частично входила уже в самую раннюю сагу об Олаве Трюггвасоне монаха Одда Сноррасона, упомянутую ниже).

Впоследствии, перерабатывая «Большую сагу об Олаве Трюггвасоне» для своего собрания, Йон Тордарсон дополнил ее эпизодами из наиболее ранней биографии этого правителя – «Саги об Олаве Трюггвасоне», написанной в конце XII в. исландским монахом Оддом Сноррасоном, а также множеством новых вставок как из текстов, ранее использованных его предшественником, так и из других саг и прочих сочинений, действие которых могло быть тем или иным образом связано с этим норвежским государем или даже только как-то соотноситься с периодом его правления (в том числе из «Саги о йомсвикингах», «Саги об оркнейцах», «Саги о гренландцах», «Книги о заселении страны» и др.). При этом он ввел в ее текст и целый ряд новых прядей: «Прядь о Торлейве Ярловом Скальде», «Прядь о Торстейне Бычья Нога», «Прядь о Сёрли», «Прядь о Хромунде Хромом», «Прядь о Торстейне Морозе» и «Прядь об Орме сыне Сторольва». В итоге выясняется, что лишь *один* из всего этого конгломерата разнообразных текстов, включенных в «Большую сагу об Олаве Трюггвасоне» в «Книге с Плоского Острова», присутствовал в исходном варианте биографии этого правителя, принадлежавшем перу Снорри Стурлусона, – это рассказ о Рауде Могучем, причем не исключено, что изначально он трактовался не как самостоятельное повествование, но как эпизод саги об Олаве[3].

Этот же метод, несомненно, был использован составителем «Книги с Плоского Острова» и при работе над текстом жизнеописания святого покровителя Норвегии – Олава Харальдссона. Поскольку бывшая в распоряжении Йона Тордарсона редакция «Отдельной саги об Олаве Святом» не сохранилась, точно неизвестно, которые из прядей (сверх уже интерполированных в нее его предшественниками) были вплетены в эту сагу именно им. Как предполагают исследователи[4], Йон добавил в «Отдельную сагу об Олаве Святом» следующие рассказы: «Прядь о Стюрбьёрне Воителе Шведов», «Прядь о Хрои Простаке», «Прядь об Эймунде сыне Хринга», «Прядь о Токи сыне Токи», «Прядь об Эйндриди и Эрлинге» и «Прядь о Вёльси», а также формально остающуюся за пределами текста саги «Прядь о Харальде Гренландце», которая была помещена им среди вставных повествований, образующих так называемую переходную часть между двумя королевскими биографиями (к ней принадлежат также «Прядь о Хауке Задаваке» и «Прядь об Олаве Альве Гейрстадира»). Кроме того, не исключено, что им же была вставлена в сагу и «Прядь о епископе Ислейве». Наряду с прядями Йон заимствует множество фрагментов из жизнеописания св. Ола-

---

[3] См. об этом подробнее в комментариях к пряди.

[4] См. подробное обсуждение этого вопроса в кн.: *Rowe E.A.* The Development of Flateyjarbók. Iceland and the Norwegian Dynastic Crisis of 1389. Gylling, 2005. P. 98–104.

ва, написанного священником Стюрмиром Карасоном (ок. 1170–1245), вплетает в нее «Сагу о названых братьях», части «Саги об оркнейцах» и др.

Как уже приходилось отмечать, все сделанные им и его предшественниками интерполяции в жизнеописания обоих Олавов (в «Большой саге об Олаве Трюггвасоне» в общей сложности они занимают около двух третей ее объема, а в «Отдельной саге об Олаве Святом» примерно 300 страниц из суммарных 520) Йон Тордарсон (как затем и Магнус Торхалльссон в процитированном выше прологе ко всей книге) именует в предпосланных их текстам рубриках «прядями», не проводя при этом никакого различия между собственно прядями, т. е. отдельными законченными рассказами, и частями вплетаемых наряду с ними в текст королевских биографий разнообразных саг. Таким образом, в «Книге с Плоского Острова» появление в заголовках наименования «прядь» сигнализирует не о родовой принадлежности или характере следующей затем истории, но исключительно о том, что перед нами вставка в текст саги – иными словами, некое инородное вкрапление, чье появление, в частности, означает временное отступление от основного повествования. В кратком предисловии, предваряющем рассказ о Торвальде Тасальди, составитель компиляции так обосновывает принцип «открытой композиции», которым он руководствовался, создавая свою версию «Большой саги об Олаве Трюггвасоне»: «Хотя может показаться, что многие записанные здесь рассказы и истории (rædur ok frasagnnir – букв.: речи, сказания. – *Е.Г.*) прямо не относятся к саге об Олаве Трюггвасоне, не стоит этому удивляться. Ибо, подобно тому как воды из различных источников стекаются в один водоем, так и все эти истории разного происхождения имеют одну общую цель – проложить путь к тем событиям, в которых участвовали конунг Олав Трюггвасон или его люди»[5]. Из сказанного следует, что редактор книги видел свою задачу в том, чтобы развернуть перед читателем широчайшее полотно событий, так или иначе связанных с главным героем саги или даже просто приключившихся в пору его правления, а потому любая история, имеющая хотя бы косвенное отношение к этому государю или его соратникам, могла, по его мнению, претендовать на то, чтобы ей было отведено место в королевском жизнеописании. В дальнейшем – в преамбуле к «Пряди об Асбьёрне Тюленебойце» в «Отдельной саге об Олаве Святом» – составитель книги вновь оправдывает включение в сагу о норвежском конунге большого количества изначально самостоятельных и посторонних ей рассказов: «И хотя здесь и приводится немало историй, которые, как может поначалу показаться, не имеют явного отношения к этой саге, тем не менее, все они еще до ее завершения приходят к одному и тому же, поскольку они служат прославлению святого Олава либо за творимые им чудеса, либо за его достославные деяния и подвиги, отвагу и бесстрашие, что и будет показано в последующих рассказах и историях»[6].

Нетрудно заметить, что заявления составителя книги и в том и в другом случае имели своей целью оправдать включение в королевскую биографию множества посторонних ей историй, при этом ни в одном из приведенных автокомментариев ничего не сказано о назначении интерполированных вставных рассказов в сагах об обоих

---

[5] Flateyjarbok. En samling af norske konge-sagaer med indskudte mindre fortællinger / Udg. Guðbrandur Vigfússon, C.R. Unger. Christiania, 1860–1868. Bd. I. S. 378.

[6] См. наст. изд., с. 274.

Олавах. В последнем случае отмечается, правда, что они служили прославлению святого короля за творимые им чудеса и подвиги, которые он совершил в пору своего правления, из чего можно заключить, что, по мнению редактора книги, вставляемые им истории дополняли сагу сообщениями о неких иных происшествиях и фактах, ничем, однако, принципиально не отличавшихся от уже изложенных в самой саге: ведь и в ней описывались деяния св. Олава и сотворенные им чудеса. Между тем решение вопроса о назначении вставных рассказов в тексте саг, включенных в «Книгу с Плоского Острова», способно пролить свет на замысел ее создателя, а возможно, и на обстоятельства появления этой компиляции.

В 80-е годы прошлого столетия исландский ученый Олавур Хатльдоурссон высказал предположение, затем подхваченное и другими исследователями, о том, что «Книга с Плоского Острова» предназначалась ее заказчиком, Йоном Хаконарсоном, для юного короля Норвегии и Дании Олава Хаконарсона (род. 1370) и что изначально она включала в себя лишь саги о двух его великих тезках и предшественниках на норвежском престоле – Олаве Трюггвасоне и Олаве Харальдссоне[7]. Согласно данной гипотезе, подробные жизнеописания этих государей, которые изобиловали интерполяциями из «саг об исландцах», повествующих о его соотечественниках, по замыслу дарителя, должны были способствовать укреплению связи между Норвегией и Исландией и послужить молодому правителю к назиданию, дав ему образцы для подражания или же, наоборот, уберечь его от недолжного поведения, став для него предостережением. Особая воспитательная роль, как попытались в дальнейшем доказать другие исследователи[8], отводилась при этом вставным рассказам, иначе говоря, собственно прядям, в которых нередко описывались взаимоотношения конунгов с их приближенными и посетителями, зачастую также исландцами. Предполагается, что функции многих из этих рассказов могли быть аналогичны тем, которые выполняли так называемые exempla, нравоучительные примеры, получившие распространение в средневековой латинской литературе, – они должны были включаться в «королевскую сагу» в морально-дидактических целях. Безвременная кончина семнадцатилетнего короля 3 августа 1387 г. не дала, однако, осуществиться планам дарителя и составителя книги. Со смертью Олава Хаконарсона пресеклась правившая в Норвегии династия, а спустя шесть месяцев, 2 февраля 1388 г., регентшей Норвегии была провозглашена его мать, датская королева Маргарета, и начался более чем четырехсотлетний период датского владычества. В Исландию весть о смерти короля должна была прийти лишь с возобновлением судоходства, весной 1388 г. Известно, что составитель «Книги с Плоского Острова», Йон Тордарсон, в том же году уехал в Норвегию и в течение последующих шести лет служил там священником в церкви Креста в Бергене: с этим, очевидно, и было связано появление второго редактора рукописи, Магнуса Торхалльссона, завершившего начатый Йоном труд в 1389–1394 гг. Как предположил Олавур Хатльдоурссон, отъезд Йона Тордарсона из Исландии скорее всего мог быть вызван тем, что после

---

[7] *Ólafur Halldórsson.* Af uppruna Flateyjarbókar // Ný saga. Tímarit Sögufélags. Reykjavík, 1987. 1. árg. Bls. 84–86; *Idem.* Á afmæli Flateyjarbókar // Tímarit Háskóla Íslands. 1987. 2. árg. Nr. 1. Bls. 54–62.

[8] См. особенно: *Rowe E.A.* Op. cit.

получения известия о смерти молодого короля работа над предназначавшимся ему в дар манускриптом приостановилась и сам Йон остался не у дел. Однако вскоре заказчик книги принял решение довести начатое дело до конца, ради чего и нанял другого священника, Магнуса Торхалльссона, перед которым была поставлена уже иная задача – изготовить фолиант для личного собрания Йона Хаконарсона. Именно вынужденным внезапным изменением концепции книги, как полагают исследователи, объясняется необычное соседство в одной рукописи жизнеописаний норвежских государей конца X – первой трети XI в. с историями о конунгах, правивших в конце XII – XIII в., – «Сагой о Сверрире» и «Сагой о Хаконе сыне Хакона», очевидно по просьбе заказчика добавленными в нее Магнусом Торхалльссоном. Желание Йона Хаконарсона иметь в своем собрании саги об этих правителях Норвегии, скорее всего, было продиктовано его семейной историей. Сверрир Сигурдарсон (1184–1202) и Хакон Хаконарсон (1217–1263) были предками тех государей, которым служили его собственные родичи, – известно, что дед Йона Хаконарсона, Гицур, был приближенным норвежского короля Хакона V сына Магнуса (1299–1319) и что король был крестным отца Йона, Хакона, в честь которого тот, по всей видимости, и был назван. В свете изложенного, по-видимому, получает объяснение также и весьма необычное – беспримерное в исландской рукописной традиции – парадное оформление «Книги с Плоского Острова». Хотя вся рукопись была иллюминирована Магнусом Торхалльссоном уже после кончины предполагаемого адресата книги, не может быть сомнений в том, что заставки и украшения были частью ее первоначального плана, поскольку первый писец, Йон Тордарсон, оставлял для них место на листах фолианта.

При том что гипотеза Олавура Хатльдоурссона завоевала немало сторонников, у нее нашлись и критики[9]. Прежде всего указывалось на то, что в части манускрипта, который успел к 1387 г. записать первый компилятор книги, ни слова ни говорится о намерении поднести этот труд норвежскому королю, более того, в ней ни разу не упоминается даже имени молодого государя. Однако наиболее весомые аргументы в пользу того, что рукопись с самого начала предназначалась для ее исландского заказчика, дал анализ сделанных Йоном Тордарсоном интерполяций, а также преобразований, которые он произвел в текстах «Большой саги об Олаве Трюггвасоне» и «Отдельной саги об Олаве Святом». Что касается первой из этих саг, то было замечено, что компилятор включил в нее пряди, в которых рассказывалось о предках Йона Хаконарсона. Что же до второй саги, то в ней, как выясняется при ближайшем рассмотрении, был произведен ряд неожиданных сокращений, которые трудно объяснить в рамках изложенной гипотезы о норвежском адресате книги. Так, Йон Тордарсон целенаправленно изымал из заключительной части жизнеописания Олава Харальдссона все главы, в которых рассказывалось о преемниках этого конунга на норвежском престоле – его сыне Магнусе Добром (1035–1047), брате Харальде Суровом (1046–1066), а также о потомках последнего. Подобного рода редактирование текста «Отдельной саги об Олаве Святом» могло бы быть оправдано лишь в двух случаях: если компилятор планировал продолжить изложение истории прави-

[9] См.: *Kolbrún Haraldsdóttir.* Zum Empfänger der Flateyjarbók // Opuscula. Copenhagen, 2010. Vol. XIII. P. 1–53.

телей Норвегии, включив в свою книгу соответствующие саги, либо если адресат составляемой книги уже располагал другой рукописью, в которой содержались саги об этих конунгах. О том, что включение в компиляцию «Саги о Магнусе Добром», а тем самым, вероятнее всего, и прочих саг, повествующих о государях, правивших между 1035 г. (годом вступления на норвежский престол сына Олава Святого, Магнуса) и 1177 г. (годом вступления в борьбу за престол Сверрира), не входило в планы составителя «Книги с Плоского Острова», свидетельствуют некоторые особенности изложения «Отдельной саги об Олаве Святом», на которых мы не имеем возможности останавливаться в рамках данной статьи[10]. Между тем, как было установлено, изъятые при переписке главы этого королевского жизнеописания находят весьма близкие текстуальные параллели в другом собрании саг о норвежских конунгах, которое как раз и было посвящено историческому периоду 1035–1177 гг. Речь идет о рукописи, именуемой «Hulda» (букв.: Тайная [книга], AM 66 fol.), к которой, как оказалось, тоже приложил руку Магнус Торхалльссон[11]. Эта рукопись также была создана на севере Исландии, в бенедиктинском монастыре Мункатвера в Островном Фьорде, однако несколько раньше «Книги с Плоского Острова» – в 1350–1374 гг. Предполагается, что владельцем и этого манускрипта был Йон Хаконарсон[12], и если это действительно так, то получают объяснение все трудноразрешимые загадки «Книги с Плоского Острова». Это и отсутствие в ней саг о государях, правивших в течение почти полутора столетий, которые отделяют гибель Олава Святого от восшествия на норвежский престол самозванца Сверрира, и последовательное устранение из «Отдельной саги об Олаве Святом» глав, посвященных преемникам Олава, – поскольку в распоряжении заказчика книги уже было собрание саг, повествующих об этом периоде истории Норвегии, естественно, отпадала необходимость повторно копировать тот же материал во вновь составляемой компиляции. Но из всего этого следует, что «Книга с Плоского Острова» изначально должна была предназначаться для домашней библиотеки ее заказчика, Йона Хаконарсона, а вовсе не для юного короля Олава IV…

Как уже было сказано, в отличие от «Книги с Плоского Острова», «Hulda» включает в себя саги о норвежских правителях от Магнуса Доброго до Магнуса Эрлингссона (1162–1184), т.е. посвященные следующему периоду в истории Норвегии, с 30-х годов XI в. до последней трети XII в. Содержащаяся в этой рукописи редакция «королевских саг» известна также из другой книги, которая, как и «Hulda», была записана на севере Исландии, но несколькими десятилетиями позднее, в начале XV в. Книга эта носит название «Hrokkinskinna» («Сморщенная Кожа», GKS 1010 fol.). Поскольку текст последней в основном дублирует текст «Hulda», не возникает сомнений, что обе эти рукописи восходят к одному и тому же утраченному «архетипу», в связи с чем представленная в них версия «королевских саг» обычно именуется «Hulda-Hrokkinskinna». Как принято считать, это собрание должно было появиться

---

[10] См. об этом: Ibid. P. 25–29.

[11] Его почерк обнаружен на одном из листов «Hulda», речь, правда, идет лишь о короткой приписке в две строки, сделанной вскоре после создания рукописи.

[12] *Louis-Jensen J.* Kongesagastudier. Kompilationen Hulda-Hrokkinskinna. København, 1977. S. 7–9. (Bibliotheca Arnamagnæana; 32).

в последней трети XIII в. (по всей видимости, после 1280 г., но никак не позднее рубежа XIII–XIV вв.). Обе книги включают в себя полтора десятка прядей, главным образом унаследованных ими вместе с сагами, в которые они были интерполированы, из более раннего источника, однако кое-какие из этих вставных рассказов присутствуют исключительно в «Hulda-Hrokkinskinna» и не известны из других саг о тех же конунгах. Это «Прядь о Торгриме сыне Халли», «Прядь о Храфне сыне Гудрун» и «Прядь о Гисле сыне Иллуги». Кроме того, в XVI в. к основной части рукописи «Hrokkinskinna» (91 лист) были добавлены четыре листа, на которых был записан большой фрагмент «Пряди о Хеминге сыне Аслака».

Компиляция «Hulda-Hrokkinskinna» не является оригинальным собранием «королевских саг», но основывается на двух более ранних собраниях – «Гнилой Коже» («Morkinskinna», GKS 1009 fol., ок. 1275) и в особенности на «Круге Земном» («Heimskringla») Снорри Стурлусона. Тогда как знаменитый исторический труд Снорри вообще не включает в себя прядей (если не считать нескольких вполне встроенных в основное повествование вставных рассказов в «Саге об Олаве Святом), «Гнилая Кожа», напротив, представляет собой главное средоточие прядей, действие которых происходит в период, следующий за христианизацией Норвегии и правлением Олава Харальдссона. Именно в ней содержится большинство прядей, рассказывающих о преемниках Олава, Магнусе Добром и Харальде Суровом, а также о потомках последнего из этих конунгов. Это «Прядь о Торстейне сыне Халля с Побережья», «Прядь об Арноре Скальде Ярлов», «Прядь о Хрейдаре Дураке», «Вторая прядь о Халльдоре сыне Снорри», «Прядь о неразумном исландце», «Прядь об Аудуне с Западных Фьордов», «Прядь о Бранде Щедром», «Прядь об исландце-сказителе», «Прядь о Торварде Вороний Клюв», «Прядь о Халли Челноке», «Прядь о Стуве», «Прядь об Одде сыне Офейга» (все эти рассказы входят в «Сагу о Магнусе Добром и Харальде Суровом»); «Прядь об Иваре сыне Ингимунда», «Прядь о Торде Золотой Асы», «Прядь о Торарине Короткий Плащ» (три пряди, вплетенные в «Сагу о сыновьях Магнуса Голоногого»), а также «Прядь об Эйнаре сыне Скули» (в «Саге об Инги и его братьях»). Нельзя также не отметить, что среди включенных в эту книгу вставных рассказов мы находим целый ряд общепризнанных шедевров древнеисландской прозы, достаточно будет упомянуть одну только историю об Аудуне и белом медведе.

«Гнилая Кожа» сохранилась не полностью: до нас дошли лишь 37 листов из первоначальных 53-х, причем рукопись изобилует лакунами и не имеет ни начала, ни конца. О ее состоянии можно судить по главной саге книги, занимающей более половины всего манускрипта, – «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом». Из 50 глав в ней полностью или частично отсутствуют 22 (главы 1–12, 26–30, 31–35), поэтому в современных изданиях эти и другие лакуны принято восполнять текстом близких к «Гнилой Коже» версий тех же саг (прежде всего «младшей» части «Книги с Плоского Острова»). В 1662 г. исландский епископ Брюньольв Свейнссон отправил рукопись королю Дании Фредерику III, и с тех пор она хранится в королевском собрании в Копенгагене (незадолго до этого, в 1656 г., Брюньольв же отослал датскому монарху «Книгу с Плоского Острова», которая возвратилась на родину лишь в 1971 г.). Свое название «Гнилая Кожа» рукопись получила в 1682 г., когда она попала в руки королевского историка исландского происхождения и переводчика древнеисландских текстов на датский язык Тормода Торфеуса (1636–1719), во многом несправедливо

оценившего таким образом плачевное, как ему показалось, состояние старинного пергамента. Торфеус первым после Снорри Стурлусона написал пространную историю Норвегии с древнейших времен до 1387 г. («Historia Rerum Norvegicarum», 1711), доведя изложение до кончины последнего норвежского государя, причем при работе над этим сочинением в качестве одного из источников он использовал «Гнилую Кожу».

«Гнилая Кожа» – как нередко бывает, название рукописи было впоследствии перенесено на содержащийся в ней текст – наиболее раннее из ныне известных собраний «королевских саг» и, возможно, первая исландская книга, в которой подробно рассматривается целый исторический период. До этого на протяжении XII в. исландские и норвежские историки составляли либо биографии отдельных конунгов, как, например, жизнеописания Олава Трюггвасона, написанные в конце XII в. двумя монахами из монастыря Тингейрар, Оддом Сноррасоном и Гуннлаугом Лейвссоном, или появившаяся в то же время и дошедшая лишь фрагментарно «Древнейшая сага об Олаве Святом», либо краткие компендиумы, как, например, созданный ок. 1190 г. в Норвегии «Обзор саг о норвежских конунгах» («Ágrip af Noregs konunga sögum»), в котором охватывался большой период норвежской истории от середины IX в. – правления Харальда Прекрасноволосого – до середины XII в. В цикле саг, образующих «Гнилую Кожу», рассказывается о норвежских конунгах, правивших между 1030 и 1157 гг., хотя едва ли могут быть сомнения в том, что, как и в ряде других книг, посвященных тому же периоду и так или иначе связанных с этим собранием, события в нем первоначально доводились до 1177 г., однако последняя тетрадь единственной сохранившейся рукописи «Гнилой Кожи» была утрачена. При этом большинство исследователей согласны в том, что известная нам версия «Гнилой Кожи», датируемая последней четвертью XIII в., должна была восходить к более ранней редакции той же книги, которой заочно было присвоено название «Древнейшая “Гнилая Кожа”» и которая предположительно была записана в Исландии ок. 1220 г. Основанием для этого заключения послужило то обстоятельство, что имеющаяся в нашем распоряжении версия «Гнилой Кожи» содержит текстуальные (иногда почти буквальные) совпадения с другими собраниями саг, созданными в XIII в. и повествующими о норвежских конунгах, правивших между 1035 и 1177 гг. – «Кругом Земным» Снорри Стурлусона, написанным в 1225–1235 гг., и «Красивой Кожей» («Fagrskinna»), еще одним сборником «королевских саг», по-видимому появившимся в те же годы (самая ранняя рукопись этой книги датируется 1250 г.). Принято считать, что древнейшая не сохранившаяся версия «Гнилой Кожи» послужила одним из источников как для «Круга Земного», так и для «Красивой Кожи» и что эти собрания «королевских саг» в некоторых отношениях даже стоят ближе к утраченному «архетипу», чем известная нам редакция «Гнилой Кожи». Поскольку же ни одна из упомянутых книг в частях, посвященных истории Норвегии 1035–1177 гг., не содержит прядей и сходных с ними анекдотов, которыми изобилует текст известной нам «Гнилой Кожи», из этого обычно делают вывод, что все имеющиеся в ней вставные истории и анекдоты изначально отсутствовали и в «Древнейшей “Гнилой Коже”» и были интерполированы в это собрание лишь на более поздней стадии его рукописного бытования, в связи с чем они и представлены лишь в одной ветви рукописей, ведущих свое происхождение от названной книги, – помимо самой сохранившейся «Гнилой Кожи», это уже

обсуждавшиеся ранее «Hulda» и «Hrokkinskinna», а также «младшая» (добавленная в XV в.) часть «Книги с Плоского Острова», о которой будет сказано ниже.

Есть достаточно свидетельств того, что, хотя мы никогда не встречаем наименование «прядь» (*þáttr*) в «Гнилой Коже», в изобилии встречающиеся в этой книге рассказы об исландцах по своему происхождению суть самостоятельные повествования, которые были вплетены в тексты записанных в ней саг. Прежде всего на это указывает существование других, отдельных от «королевской саги» редакций целого ряда вставных историй, приведенных в этой книге, причем сравнение разных версий одной и той же истории, как правило, приводит к выводу, что при включении в «Гнилую Кожу» она подверглась сокращению, иногда довольно существенному (в качестве примера можно сослаться на «Прядь о Халли Челноке»). В то же время вопрос о том, было ли включение прядей частью замысла самого автора этой книги, – иными словами, присутствовали ли они в книге изначально, или были впервые добавлены последующими ее переписчиками и редакторами, – представляется значительно более сложным. Так, исследователи обращали внимание на эпизодический стиль изложения «Гнилой Кожи»[13], в которой, помимо явных вставных рассказов (собственно прядей), можно также выделить несколько десятков более или менее автономных эпизодов, подобно прядям, представляющих собой отступления от главной линии повествования (см. Дополнение 4). При этом, в отличие от «Книги с Плоского Острова», где в жизнеописания норвежских государей то и дело вплетались рассказы, в которых конунг – герой саги мог не появляться вовсе, существенной особенностью прядей, включенных в «Гнилую Кожу», является то, что в качестве одного из главных персонажей этих историй, наряду с исландцем, непременно выступает конунг, которому была посвящена сага. Все это скорее говорит в пользу того, что пряди (или по крайней мере некоторая их часть) присутствовали в этой книге изначально: кажется, что рассказчика саги куда больше интересует персона ее героя, чем тот событийный ряд, из которого складывается его жизнеописание. Можно согласиться с исландским ученым Арманом Якобссоном, посвятившим немало работ «Гнилой Коже» и недавно вместе с Тоурдуром Инги Гвюдйоунссоном осуществившим ее новое издание[14], что основное назначение включаемых в эту книгу прядей и анекдотов состояло в том, чтобы дать читателю конкретные и наглядные примеры, раскрывающие характеры конунгов – героев входящих в нее саг, поскольку в этих историях неизменно проявлялись некие присущие им положительные или, напротив, отрицательные качества и свойства. Подтверждением этому может служить одна из историй, которую мы находим в «Саге о сыновьях Магнуса Голоногого» – «Прядь об Иваре сыне Ингимунда». Рассказ этот открывается красноречивым комментарием составителя саги, к тому же, что случается весьма нечасто в древнеисландской прозе, неожиданно переходящего к повествованию от первого лица: «Из того, о чем я сейчас расскажу, можно заключить, каким прекрасным человеком был Эйстейн конунг, как много он пекся о своих друзьях и насколько настойчив был он в поисках того, что могло стать причиной

[13] Morkinskinna: The Earliest Icelandic Chronicle of the Norwegian Kings (1030–1157) / Transl. with Introd. and Notes by Th.M. Andersson and K.E. Gade. Ithaca, 2000. P. 24. (Islandica; 51).

[14] Morkinskinna / Ármann Jakobsson, Þórður Ingi Guðjónsson gáfu út. Reykjavík, 2011. (*ÍF* XXIII–XXIV).

печали тех, кого он любил...» Подспудная тема прядей в «Гнилой Коже», как считает Арман Якобссон, при том что они всегда повествуют не о масштабных исторических событиях, но о частных и в большинстве своем, скорее всего, вымышленных происшествиях, – то, каким должен быть хороший правитель[15].

Причины же того, что мы не находим прядей в «Круге Земном», по всей видимости, следует искать не в характере источников, которыми располагал Снорри, но в его нежелании прибегать к подобного рода рассказам при изложении истории правителей Норвегии. Исследователи «Гнилой Кожи» давно уже обратили внимание на то, что изображение Харальда Сурового в посвященной ему части «Саги о Магнусе Добром и Харальде Суровом», где он характеризуется как самый мудрый, проницательный и изобретательный человек во всех Северных Странах, заметно расходится с тем, как этот же конунг представлен в многочисленных прядях, в которых он обычно выступает в качестве антагониста героев-исландцев. Тогда как позиция рассказчика саги по отношению к Харальду скорее положительна или, во всяком случае, сдержанно лояльна[16], в соседствующих с главами саги прядях он зачастую предстает не с лучшей стороны и то и дело оказывается в моральном или интеллектуальном проигрыше перед героем-исландцем (ср., например, «Вторую прядь о Халльдоре сыне Снорри», «Прядь о Бранде Щедром» или «Прядь о Торварде Вороний Клюв»). На фоне более объективного повествования саги включенные в «Гнилую Кожу» пряди вообще заметно выделяются своей тенденциозностью и, как может показаться современному историку, осведомленному о трениях между Исландией и Норвегией в период окончательного оформления и записи этих рассказов, – даже «антироялистской» направленностью[17]. Отсутствие прядей в «Круге Земном» вполне может объясняться именно этим обстоятельством. По всей видимости, автор «Гнилой Кожи», составленной в те времена, когда норвежские государи, используя в своих интересах усобицы между представителями влиятельных исландских семейств, еще только искали пути к тому, чтобы покончить с более чем трехсотлетним народовластием исландцев и подчинить себе население острова (что в конце концов и произошло в 1262–1264 гг.), принадлежал к антинорвежскому лагерю и, вставляя в свою книгу пряди, говорившие о превосходстве исландцев над норвежцами, заявлял таким образом свою патриотическую позицию. В противоположность ему Снорри Стурлусон также, скорее всего, из политических соображений и в расчете на норвежских читателей не стал включать пряди в свой исторический труд. Указания на то, что эти рассказы могли быть ему известны, содержатся в авторских комментариях в «Саге о Харальде Суровом». Так, вполне вероятно, что под «рассказами, не подтвержденными свидетелями», которые Снорри, по его собственному признанию, счел необходимым отвергнуть при составлении этой саги, подразумеваются «пряди об исландцах». Не исключено, что и весь комментарий Снорри, касающийся отбора материала для жизнеописания Харальда

---

[15] *Ármann Jakobsson.* The Individual and the Ideal: The Representation of Royalty in «Morkinskinna» // Journal of English and Germanic Philology. 2000. Vol. 99. N 1. P. 79; см. также: *Idem.* Rundt om kongen. En genvurdering af Morkinskinna // Maal og Minne. 1999. H. 1. S. 71–90.

[16] См.: *Andersson Th.M.* The Politics of Snorri Sturluson // Journal of English and Germanic Philology. 1994. Vol. 93. N 1. P. 58 ff.

[17] Ср.: Ibid. P. 59.

Сурового в «Круге Земном», был продиктован не столько намерением обосновать достоверность своего сочинения, сколько стремлением сгладить впечатление от иных эпизодов из книги его предшественника – автора «Гнилой Кожи», в которых этот конунг представал в откровенно неприглядном свете, и «наладить отношения между Исландией и Норвегией»[18] (ср.: «Но гораздо больше его подвигов осталось незаписано. Это вызвано незнанием нашим, а также тем, что мы не хотим помещать в книге рассказы, не подтвержденные свидетелями. Хотя мы слышали немало речей и встречали всякие упоминания, нам кажется лучшим впоследствии добавить о них, чем быть вынужденным изымать. Много рассказов о Харальде конунге содержится в песнях, которые исландцы исполняли перед ним самим или перед его сыновьями. Поэтому он был великим их другом. Он вообще очень дружил со всеми людьми из нашей страны»[19]). Поводом для этого отступления вполне могла послужить так называемая «Вторая прядь о Халльдоре сыне Снорри», присутствовавшая в «Гнилой Коже», в которой сообщалось о постоянных неладах между родовитым исландцем Халльдором, старым другом и соратником Харальда Сурового, в прошлом служившим вместе с ним в варяжской дружине византийского императора, и этим норвежским конунгом, чьи несправедливость и самодурство и спровоцировали этот разлад. Вероятно, не случайно, что сразу же вслед за сообщением о том, как Харальд благоволил к исландцам, жаловал им подарки и оказывал населению Исландии помощь, когда в их стране случился неурожай и голод, Снорри вдруг переходит к развернутой характеристике Халльдора (своего предка). При этом он почти дословно воспроизводит подробное описание внешности и характера Халльдора, известное лишь из эпилога к той редакции пряди об этом исландце, которая сохранилась в «Hulda-Hrokkinskinna», и, стало быть, вероятнее всего, присутствовавшее уже в «Древнейшей “Гнилой Коже”». Приводя лишь заключительный пассаж опущенной им вставной истории, автор «Круга Земного» представляет дело так, будто вся вина за их с конунгом ссору целиком возлагалась на тяжелый и неуживчивый нрав Халльдора, тогда как в пряди подробно описывается, как Харальд Суровый то и дело провоцировал исландца, ущемляя его гордость и самолюбие. Таким образом, у нас есть достаточно оснований полагать, что, освещая этот период в истории Норвегии, Снорри сознательно опускал пряди, поскольку они не вписывались в его концепцию королевского жизнеописания.

Возвратимся, однако, к «Книге с Плоского Острова». Как было упомянуто вначале, во второй половине XV в., очевидно, по заказу тогдашнего владельца фолианта, Торлейва Бьёрнссона из Рейкхолара на севере Исландии, в него были вставлены 23 листа, на которых была записана «Сага о Магнусе Добром и Харальде Суровом», известная из «Гнилой Кожи», и кроме того – в виде отдельного приложения к этой саге – пять сопровождающих ее прядей («Прядь о Хеминге сыне Аслака», «Прядь об Аудуне с Западных Фьордов», «Прядь о Халли Челноке», «Первая прядь о Халльдоре сыне Снорри» и «Прядь о Торстейне Любопытном»); завершают вставку еще два рассказа: «Прядь о Торстейне Палаточнике» и «Прядь о Кровавом Эгиле». Что касается саги, то, по всей видимости, она была скопирована с более ранней рукописи второй половины XIV в., от которой уцелели лишь два небольших фрагмента. Судя по всему,

[18] Ibid. P. 60.
[19] *Снорри Стурлусон*. Круг Земной. М., 1980. С. 423 (далее: *КЗ*).

в отличие от известной нам редакции «Гнилой Кожи», эта несохранившаяся рукопись также содержала не все саги о конунгах, правивших между 1035 и 1177 гг., но только «Сагу о Магнусе Добром и Харальде Суровом». При всех изменениях, произведенных переписчиком саги при включении ее в «Книгу с Плоского Острова» (главным образом они касались стиля изложения и заключались в замене архаичных слов и выражений, а также в упрощении и модернизации синтаксиса), эта ее редакция в целом весьма близка к той, которую мы находим в сохранившейся рукописи «Гнилой Кожи», местами, однако, она обнаруживает несовпадения с последней, напротив демонстрируя прямые соответствия с «Hulda-Hrokkinskinna». Принято поэтому считать, что включенная в «Книгу с Плоского Острова» версия «Саги о Магнусе Добром и Харальде Суровом» восходит к тому же рукописному изводу, что и «Hulda-Hrokkinskinna», и, стало быть, принадлежит к другой группе рукописей, ведущих свое происхождение от «Древнейшей “Гнилой Кожи”», нежели известная нам «Гнилая Кожа».

Одной из наиболее существенных особенностей редакции «Саги о Магнусе Добром и Харальде Суровом» в «Книге с Плоского Острова» является то, что в нее вошло вполовину меньше прядей. Сага включает в себя следующие шесть рассказов: «Прядь о Торстейне сыне Халля с Побережья», «Прядь об Арноре Скальде Ярлов», «Прядь о неразумном исландце», «Прядь о Торварде Вороний Клюв», «Прядь о Стуве» и «Прядь об Одде сыне Офейга». Несколько прядей, присутствующих как в «Гнилой Коже», так и в «Hulda-Hrokkinskinna», переписчик перенес в уже упомянутое приложение к саге («Прядь об Аудуне с Западных Фьордов» и «Прядь о Халли Челноке»). Это изменение было, по-видимому, вызвано его решением привести более полные версии тех же историй, которые, очевидно, были известны ему из иных источников, однако прочие пряди, данные в приложении, отсутствуют в других редакциях саги о Харальде Суровом (за исключением «Пряди о Хеминге сыне Аслака», добавленной к «Hrokkinskinna» уже после создания этой рукописи; см. выше)[20]. При этом две последние пряди, которыми завершается приложение, – «Прядь о Торстейне Палаточнике» и «Прядь о Кровавом Эгиле» – вообще не имеют отношения к государям, которым посвящена сага: действие первой из них происходит во времена правления короля-объединителя Норвегии, Харальда Прекрасноволосого (конец IX – 40-е годы X в.), вторая же повествует о событиях в Дании в 1080–1086 гг., когда конунгом Норвегии был сын Харальда Сурового, Олав Тихий, однако речь в ней идет не о нем, а о датском конунге Кнуте Святом. Почему составитель младшей части книги добавил эти две пряди к рассказам, сопровождающим «Сагу о Магнусе Добром и Харальде Суровом», остается загадкой. Единственное возможное объяснение – это то, что он вообще не рассматривал их в качестве приложения к саге, но видел в них совершенно отдельные и не связанные с ней повествования. Чем бы ни руководствовался компилятор, соединяя вместе столь различные истории, само это обстоятельство, как и исключение из младшей части «Книги с Плоского Острова» целого ряда рассказов, вплетенных в другие редакции «Саги о Магнусе Добром и Харальде Суровом», лишний раз подтверждает автономное положение прядей в текстах «королевских саг».

---

[20] Причем «Первая прядь о Халльдоре сыне Снорри» уже была приведена ранее в «Большой саге об Олаве Трюггвасоне» в основной части «Книги с Плоского Острова», поэтому ее повторное копирование в младшей части компиляции (очевидно, вместо изъятой из саги «Второй пряди о Халльдоре сыне Снорри») не поддается рациональному объяснению.

II. ОСНОВНЫЕ ЖАНРОВЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ ПРЯДЕЙ

Какая бы роль ни отводилась прядям в тех книгах, в которые их включали компиляторы XIII–XIV вв., по всей видимости по примеру своих средневековых европейских предшественников склонные использовать вставные рассказы в морально-дидактических целях (т.е. в качестве своего рода exempla), как уже приходилось говорить, в большинстве своем пряди изначально представляли собой такие же самостоятельные и законченные произведения, какими были саги. И какие бы аналогии ни напрашивались порой между прядью и новеллой (или ее литературным предшественником – анекдотом), не вызывает никаких сомнений и то, что прядь – такая же исконная и своеобычная древнеисландская прозаическая форма, как и сага, причем, подобно последней, она не демонстрирует жанровой гомогенности. И тем не менее, при всем разнообразии и зачастую несхожести тем и сюжетов историй, представленных в этой книге, если и не все, то большинство известных нам прядей могут быть отнесены к тому или иному типу повествований.

Прежде всего нельзя не заметить, что не менее двух третей всех собранных здесь рассказов это так называемые пряди об исландцах. Последние, однако, вовсе не образуют однородной группы, но очевидным образом распадаются на два основных подвида: пряди, в которых описываются события, происходившие в Исландии в основном в «век саг»[21] (930–1030), и пряди, главное действие которых разворачивалось за пределами страны – в Норвегии или в сопредельных с ней скандинавских королевствах во времена правления обоих Олавов, Магнуса Доброго и Харальда Сурового, а также прочих конунгов, занимавших норвежский престол в период с конца X до конца XII в. Если первая из этих групп весьма неоднородна по своему составу и сравнительно невелика – в нее входит примерно полтора десятка историй, лишь треть из которых были вплетены в королевское жизнеописание (в «Большую сагу об Олаве Трюггвасоне»), тогда как остальные сохранились в рукописных собраниях, вообще не имеющих отношения к сагам о норвежских государях, – то во второй, напротив, удается выявить наиболее гомогенный в жанровом отношении и к тому же самый многочисленный вид прядей: к нему принадлежит более тридцати приведенных здесь историй, в том числе почти все рассказы, включенные в «Гнилую Кожу» и в родственную ей «Hulda-Hrokkinskinna». Обыкновенно, говоря о «прядях об исландцах», в первую очередь имеют в виду именно повествования об исландцах на чужбине, а превалирующий среди них тип историй получил название «прядей о поездках из страны» (*útanferðar þættir*)[22]. В этих историях рассказывается о взаимоотношениях заезжих исландцев с сильными мира сего, чаще всего с правителями Норвегии, – из-за этого их также именуют иногда «прядями о короле и исландце»

[21] Так принято называть столетний период, последовавший за эпохой заселения страны, в который происходит действие «родовых саг» (в 930 г. было учреждено всеисландское народное вече – альтинг).

[22] См.: *Joseph H.S.* The Þáttr and the Theory of Saga Origins // Arkiv för nordisk filologi. 1972. Bd. 87.

(King-and-Icelander *þættir*), причем, как правило, речь в них идет о конфликте (или, если воспользоваться термином, предложенным американским ученым Дж. Харрисом, впервые в общих чертах описавшим эту разновидность прядей[23], – «отчуждении») между героем-исландцем и конунгом или замещающим его знатным человеком, в большинстве случаев заканчивающемся их примирением и возвышением или вознаграждением главного героя.

Как показывает анализ поддающихся выявлению повторяющихся сюжетных элементов в строении «прядей о поездках из страны»[24], при всем бросающемся в глаза сходстве историй, образующих данную группу (по утверждению Дж. Харриса, все они складываются из шести нарративных компонентов: *Введение, Путешествие / Приезд в Норвегию, Отчуждение, Примирение, Отъезд / Путешествие в Исландию, Заключение*), эти пряди, тем не менее, демонстрируют немалое разнообразие и, в свою очередь, подразделяются на ряд жанровых модификаций в зависимости от тех обстоятельств, которые приводят к возникновению изображаемых в них конфликтов между правителем и исландцем. Иначе говоря, прослеживается прямая связь между причинами, порождающими центральные коллизии таких рассказов и дальнейшими перспективами построения их сюжетов. Однако прежде чем перейти к описанию основных разновидностей «прядей о поездках из страны», нам потребуется хотя бы ненадолго отвлечься от вопросов собственно литературных – обсуждения конструктивных особенностей тех или иных повествовательных форм – и обратиться к тем социокультурным представлениям, которые воплотились в произведениях такого рода.

Как и в так называемых родовых (или «семейных») сагах, типичные конфликты, с которыми мы сталкиваемся в этих прядях, были в конечном счете предопределены неписаным этическим императивом древнескандинавского общества, согласно которому любые посягательства на жизнь, имущество или достоинство его свободных членов, хозяев-«бондов», не должны были оставаться безнаказанными. Уклонение от исполнения долга мести за убитого сородича или воздаяния обидчику за нанесенное им оскорбление расценивалось как проявление малодушия и трусости и вызывало безусловное осуждение среди соотечественников, внимательно следивших за поведением своих земляков не только на родине, но и за ее пределами. Всякий, кому случалось своим недостойным поведением покрыть себя позором вдали от дома, не мог рассчитывать на то, что весть об этом рано или поздно не достигнет Исландии, где его бесчестье станет известным всем и ляжет пятном не только на него самого, но и на его родичей. Нельзя при этом не заметить, что в большинстве своем исландцы – герои прядей вовсе не нуждались в принуждении «посредством стыда», и обычно их устремления, как и совершаемые ими отважные поступки, находятся в полном согласии с принятыми в их обществе представлениями о чести и долге (исключение составляет лишь Эгмунд, персонаж «Пряди об Эгмунде Битом и Гуннаре Пополам», который, конечно же, неслучайно оказывается сыном отпущенного на свободу раба). Больше того, подобно героям «семейных саг», отправляясь,

---

[23] См.: *Harris J.C.* Genre and Narrative Structure in Some Íslendinga þættir // Scandinavian Studies. 1972. Vol. 44. N 1.

[24] См. подробнее: *Гуревич Е.А.* Древнескандинавская новелла: Поэтика «прядей об исландцах». М., 2004. С. 53–188.

по исстари заведенному обычаю, в заморские путешествия, герои прядей покидали свою страну движимые честолюбивыми помыслами – они уходили в плавание ради того, чтобы испытать свое везение и преумножить удачу и после этого возвратиться домой, оправдав ожидания родичей и соседей (неслучайно мы так часто встречаем во вводных характеристиках персонажей и саг, и прядей эпитет «многообещающий»). Конечной целью такого путешествия (своего рода «инициации» героя) было снискать себе на чужбине добрую славу, признание и богатство и как следствие этого заслужить уважение своих соплеменников и завоевать положение в исландском обществе, которое в первую очередь достигалось личными качествами и заслугами, а не просто даровалось от рождения, предопределяясь древностью рода или знатностью происхождения. И здесь мы подходим к первому важному отличию «прядей о поездках из страны» от «саг об исландцах». Оно состоит в том, что тогда как в сагах обычно описываются распри между представителями именитых и влиятельных семейств, главные герои прядей очень часто не могут похвастаться ни родовитостью, ни достатком (таковы, например, и Аудун с Западных Фьордов, и Торстейн с Восточных Фьордов, и Торд Золотой Асы) и сплошь и рядом, очевидно, являются вымышленными персонажами. Это люди, «сделавшие себя сами», полагающиеся исключительно на собственные способности и предприимчивость. Ставя в центр повествования безвестного бедняка или даже простака (как тут не вспомнить Хрейдара Дурака!) и проводя его через испытания, в ходе которых он, рискуя всем, обнаруживает достоинства и похвальные свойства, выгодно отличающие его от государевых дружинников, а порой и от самого конунга, пряди всемерно подчеркивают конечный успех самостоятельного человека, которым он прежде всего обязан собственным усилиям. Ведь чем скромнее его «стартовая позиция» при первом появлении перед читателем, тем заметнее и внушительнее его достижения и возвышение, которого он добивается к развязке рассказа.

И здесь пора упомянуть о другой важной особенности «прядей о поездках из страны»: как правило, это истории со счастливым концом, что не в последнюю очередь связано с составом участников описываемых в них коллизий. При том что, подобно персонажам «саг об исландцах», главные герои таких рассказов постоянно попадают в ситуации, в которых они вынуждены отстаивать свое личное достоинство и честь, им приходится иметь дело с совсем другими противниками, чем у себя на родине. В самом деле, саги повествуют о распрях между соотечественниками – свободными и равными членами исландского общества эпохи «народоправства», где антагонисты самостоятельно меряются друг с другом силами, прибегая то к оружию, то к закону, исполнение которого было возложено на них же самих, но при этом за отсутствием верховного правителя и репрессивного «аппарата» никогда не сталкиваются с карающей дланью государства. Действие же прядей происходит в Норвегии или соседних с ней скандинавских королевствах, где в качестве непременного контрагента героя-исландца выступает человек, в чьей власти он находится и чей социальный статус неизмеримо выше его собственного, – в большинстве случаев им оказывается сам всесильный правитель страны. Конфронтация с могущественным оппонентом не только заостряет ситуацию и делает ее более опасной (очевидно, что герой пряди рискует значительно больше, чем герой саги, и в силу естественного преимущества его облеченного властью противника его шансы сохранить жизнь весьма невелики),

в то же время парадоксальным образом она таит в себе возможность благополучного финала. В противоположность трагически неразрешимым коллизиям «семейных саг», в которых зачастую единственным достойным выходом для героя остается его доблестная гибель, в пряди конфликт героя с его более знатным оппонентом может быть покончен миром без ущерба для его чести и даже привести к его возвышению, поскольку исландцу незазорно было принять прощение от государя и сделаться «его человеком», после того как тот сменит гнев на милость.

Вернемся, однако, к на время оставленному нами вопросу об основных разновидностях «прядей о поездках из страны». Как уже приходилось говорить, сюжетное строение таких рассказов во многом зависит от того, чтó вызывало конфликт между их главными персонажами. Так, выясняется, что в историях, в которых причиной ссоры между героем и конунгом (либо его могущественным заместителем) становится убийство приближенного правителя, совершенное приезжим исландцем, может быть обнаружен определенный набор воспроизводимых из рассказа в рассказ конструктивных элементов. Начнем с того, что в тех прядях, где герой действует спонтанно, на стадии зарождения конфликта непременно появляется однозначно отрицательный, «зловредный» антагонист. Это он провоцирует исландца враждебными выпадами в его адрес и в конце концов вынуждает его схватиться за оружие, причем этот мотив, как правило, сочетается с «промедлением»: вместо того чтобы сразу расквитаться с обидчиком, исландец из благородных побуждений (или из благодушия, как Хрейдар Дурак; в этой пряди зловредного «провокатора» замещает группа бесцеремонных дружинников, издевающихся над героем) до известного момента избегает ответного насилия – например, из признательности благоволящей к нему хозяйке дома, которая в дальнейшем становится его помощницей (ср. «Первую прядь о Халльдоре сыне Снорри» и «Прядь о Храфне сыне Гудрун»). В прядях же, где убийство приближенного конунга совершается из мести за ранее причиненный ущерб, набор повторяющихся мотивов оказывается уже иным: готовясь отомстить, герой прикладывает усилия к тому, чтобы остаться неузнанным, для этого он изменяет свою внешность, выдавая себя за другого, а осуществив месть, иногда пытается скрыться (ср. «Прядь об Эгмунде Битом и Гуннаре Пополам», «Прядь о Гисле сыне Иллуги», а также имеющую сходное устройство «Прядь об Асбьёрне Тюленебойце»). Аналогичным образом целый ряд устойчивых мотивов и их различных комбинаций появляется в этих прядях и на наступающей вслед за тем стадии разрешения конфликта – примирения. Отметим лишь некоторые из них: *герой схвачен, заключен в оковы и ожидает казни* (ср. «Прядь о Гисле сыне Иллуги», «Прядь о Торгриме сыне Халли», «Прядь о Тормоде», «Прядь об Асбьёрне Тюленебойце»); *герой добровольно отдается под власть правителя* (ср. «Прядь о Гисле сыне Иллуги», «Прядь о Храфне сыне Гудрун», «Прядь о Хрейдаре Дураке», «Прядь о Тормоде»); *герой получает помощь влиятельных людей* (ср. «Прядь о Гисле сыне Иллуги», «Прядь о Стейне сыне Скафти», «Прядь о Тормоде», «Прядь об Асбьёрне Тюленебойце») – причем помощь может исходить и от другого конунга (как в рассказе о Хрейдаре) или, что случается чаще, от святого (как в рассказах о Гисле, Халльдоре, Храфне и Гуннаре Пополам), кроме того, герой может поначалу столкнуться с отказом в помощи, а затем получить ее от помощника «поневоле» (как это происходит с Храфном и Стейном); *помощники оказывают давление на конунга или угрожают ему военной силой* (ср. «Прядь о

Гисле сыне Иллуги», «Первую прядь о Халльдоре сыне Снорри» и «Прядь об Асбьёрне Тюленебойце»; в «Пряди о Храфне сыне Гудрун» этот мотив используется «от противного» – как отказ предполагаемых помощников от попытки принудить конунга простить героя); *судебное разбирательство* или *допрос героя государем* (ср. «Прядь о Гисле сыне Иллуги», «Первую прядь о Халльдоре сыне Снорри», «Прядь о Храфне сыне Гудрун», «Прядь о Торгриме сыне Халли», «Прядь о Тормоде»); *герой «выкупает» свою голову стихотворным приношением государю* (ср. «Прядь о Гисле сыне Иллуги», «Прядь о Храфне сыне Гудрун», «Прядь о Торгриме сыне Халли», модифицированный вариант этого мотива присутствует также в «Пряди о Тормоде»); *конунг проникается симпатией к герою* (ср. «Прядь о Гисле сыне Иллуги», «Прядь о Храфне сыне Гудрун», «Прядь о Торгриме сыне Халли», «Прядь о Тормоде»); *условием прощения героя становится выполнение им службы за убитого* (ср. «Прядь о Гисле сыне Иллуги», «Прядь о Тормоде» и «Прядь об Асбьёрне Тюленебойце»). Как можно заметить, выделенные здесь повторяющиеся мотивы не носят общеобязательного характера: отдельные рассказы сближаются по некоторым из этих «параметров» с разными историями, в свою очередь обнаруживающими определенные точки пересечения с другими прядями, входящими в эту группу; иногда же сходство тех или иных историй оказывается более последовательным. Кроме того, выясняется, что выстраиваемые из тех же структурных элементов сюжетные конструкции могут использоваться и при создании рассказов, герои которых не являются исландцами (ср. «Прядь об Асбьёрне Тюленебойце»). Это, конечно же, говорит о влиятельности «прядей о поездках из страны» как самого распространенного и поэтому притягательного в жанровом отношении типа прядей, подтверждения чему нам еще не раз предстоит находить и в дальнейшем.

В следующей – весьма немногочисленной – группе прядей конфликт (или «отчуждение») также возникает по вине героя, а именно вследствие нарушения исландцем королевского запрета. Истории этого типа («Прядь об Эгиле сыне Халля с Побережья», «Прядь о Торстейне Морозе», «Прядь о Торстейне Любопытном») имеют сходное композиционное устройство. Их общая особенность – своеобразная «рамочная конструкция», образуемая автономным вставным повествованием, целиком посвященным рассказу об испытаниях, через которые герою-исландцу приходится пройти в результате ослушания государя (в случае Эгиля, как и Торстейна Любопытного, это – выполнение трудного задания), и его обрамлением, где описываются взаимоотношения героя с конунгом. При этом обрамленный эпизод непременно демонстрирует ряд характерных черт: во-первых, это иное место действия, отличное от того, где происходят события главного рассказа; во-вторых, это иной состав персонажей; в-третьих, это враждебный характер взаимодействия исландца по крайней мере с частью персонажей обрамленного эпизода: в каждой из прядей, принадлежащих к этому типу, жизнь героя подвергается опасности. Во всех случаях история завершается благотворной переменой в судьбе героя, наступающей вследствие поступков, которые он совершил в рамках обрамленного эпизода: по возвращении наградой ему становится не только прощение, но и милость государя. Аналогичным образом устроена и «Прядь о Тородде сыне Снорри», где в основе конфронтации между Олавом Святым и родовитым исландцем также лежит королевский запрет, – подобно сыновьям других знатных бондов, прибывших в Норвегию из Исландии, Тородд

оказывается заложником: ему не разрешено ни передвигаться по стране, ни покидать ее пределы. Однако герой, хотя и не скрывает своего недовольства тем, что лишен возможности поступать по-своему, все же не идет против воли государя. Отправляясь в путь выполнять опасное поручение, Тородд лишь откликается на предложение конунга стать его посланцем, причем и здесь трудное задание становится условием примирения, и дело заканчивается тем, что герой получает разрешение уехать восвояси и они с конунгом расстаются друзьями. (В этой связи могут быть упомянуты и еще две истории: «Прядь о Торстейне сыне Халля с Побережья» и «Прядь об Одде сыне Офейга», в которых причина конфликта, казалось бы, та же – нарушение исландцем установленного конунгом запрета, причем в обеих речь идет о несоблюдении героем правил ведения торговли, однако ни в одной из них мы не находим описанной здесь композиционной схемы. Возможно, это объясняется тем, что, как и в «Пряди о Тородде сыне Снорри», ссора между правителем и героем-исландцем возникает в этих прядях не по ходу действия, но задается сложившейся ранее исходной ситуацией, которая излагается во вступлении к рассказу или, как в «Пряди об Одде сыне Офейга», в предварительном эпизоде. Однако и эти пряди обнаруживают ряд черт, типичных для историй об исландцах на чужбине, в частности нельзя не отметить в них роль помощников, принимающих деятельное участие в судьбе обоих героев и, в свою очередь, вступающих из-за них в конфликт с конунгом.)

В других «прядях о поездках из страны» ответственность за возникновение «отчуждения» между конунгом и исландцем возлагается не на самого героя, но на других действующих лиц. Так, в «Пряди о Торвальде Тасальди», «Пряди о Торарине сыне Невьольва» и в первой части «Пряди о Торгриме сыне Халли» причиной конфликта становится оговор врагов, приписывающих герою в действительности не совершенные им провинности или ставящих под сомнение его лояльность правителю. Объединяющие эту группу черты сходства прежде всего прослеживаются в составе наветчиков (обычно соседей исландца по застолью при государевом дворе), причинах, толкающих их оговорить героя, а также в ряде обстоятельств, сопровождающих их враждебные действия; кроме того, подобно сказкам, в прядях непременно присутствует мотив воздаяния клеветникам. Однако наиболее заметная группа здесь – это истории, в которых конфликт провоцирует сам конунг (или опять-таки его знатный «заместитель»), совершающий несправедливость в отношении исландца (ср. «Прядь о Торлейве Ярловом Скальде», «Прядь о Халли Челноке», «Вторую прядь о Халльдоре сыне Снорри», «Прядь о Бранде Щедром», «Прядь о Торварде Вороний Клюв» и «Прядь о Торде Золотой Асы»). Рассказы этого типа отличаются наибольшим сюжетным разнообразием, но тем не менее кое-что объединяет и их, и это – конечное унижение могущественного антагониста героя-исландца. В результате в финале таких прядей, как правило, не происходит примирения сторон и конфликт остается неразрешенным. Исключением является лишь «Прядь о Бранде Щедром»: подвергнув испытанию щедрость великодушного Бранда и получив в ответ его молчаливый укор, Харальд Суровый убеждается в превосходстве исландца, после чего принимает его с почетом и награждает богатыми дарами. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что, в отличие от историй, в которых виновником возникновения конфликта был исландец, в этой пряди заключительный акт (примирение) все же остается за рамками сценического действия, и мы узнаем о нем только из сообщения

рассказчика. В большинстве же прядей, где конфликт между главными героями был спровоцирован самовластными или несправедливыми действиями могущественного антагониста, он не только оставался неразрешенным, но обыкновенно получал продолжение. Следующими его фазами были унижение отказавшегося признать свою неправоту знатного противника и предпринимаемые им ответные попытки отомстить обидчику, в ряде случаев увенчивающиеся успехом (как месть ярла Хакона из Хладира в рассказе о Торлейве Ярловом Скальде или знатного землевладельца Ингимара в рассказе о Торде Золотой Асы), а в других бесплодные (как месть конунга Харальда Сурового в рассказе о Халльдоре или сборщика финской дани Эйнара Мухи в одном из эпизодов «Пряди о Халли Челноке»).

Хотя большая часть «прядей о поездках из страны» может быть отнесена к тому или иному из описанных здесь основных типов, за пределами этой классификации все же остаются истории, которые не принадлежат ни к одному из них. Например, «Прядь о епископе Ислейве», чей начальный эпизод, действие которого происходит в Норвегии, посвящен не столько будущему первому епископу Исландии, сколько Бранду Щедрому, герою уже упоминавшейся пряди. В нем рассказывается о том, как этот известный своим великодушием исландец, рискуя вызвать неудовольствие Олава Святого, дабы одеть неимущего священника, расстался с пожалованным ему королевским подарком – драгоценным плащом, но в конце концов получил одобрение конунга, который с первого же взгляда оценил выдающиеся достоинства Ислейва и пожелал сам выступить в роли дарителя, возместив Бранду стоимость утраченного им дара; вторая часть пряди выдержана в жанре жизнеописания и повествует о событиях, происходивших в бытность Ислейва в Исландии и не связанных с этим начальным эпизодом. Помимо рассказа об Ислейве, это, вероятно, самая знаменитая из «прядей об исландцах» – «Прядь об Аудуне с Западных Фьордов», герой которой также идет на большой риск, отказываясь продать конунгу Харальду Суровому белого медведя: напомним, что конфликт между ярлом Хаконом Могучим и Торлейвом Ярловым Скальдом произошел именно из-за отказа последнего продать ярлу привезенные в Норвегию товары. В истории об Аудуне норвежский конунг, однако, отпускает исландца с миром, так что обычная для прядей этого типа ситуация «отчуждение–примирение» остается нереализованной, а вместо нее герой рассказа проводится через серию испытаний и в результате приобретает богатство и славу «очень удачливого человека». Это также «Прядь о Торстейне с Восточных Фьордов», в которой ничто не омрачает добрых отношений между конунгом и выручившим его в трудную минуту исландцем. Герой этого рассказа, однако, последовательно противопоставляется государевым дружинникам, которые высмеивают его, видя в нем не благородного смельчака, но лишь неотесанного мужлана-чужака. Тема эта вообще не редкость в прядях (в частности, мы находим ее в рассказе об Аудуне), но именно здесь она выдвигается на первый план и используется для прославления исландца. Это также «Прядь об исландце-сказителе», герой которой осмеливается изо дня в день рассказывать в присутствии Харальда Сурового сагу о нем же самом, после чего получает одобрение конунга и приглашение остаться при его дворе. И, наконец, это несколько рассказов, объединяемых лишь тем, что их герои – скальды: «Прядь об Оттаре Черном», «Прядь о Стуве» и «Прядь об Иваре сыне Ингимунда». В первой из этих историй идет речь о ссоре между конунгом и исландцем, из-за которой жизнь

скальда висит на волоске: Оттар нарушил закон и вызвал гнев и ревность Олава Святого, сложив любовную песнь о шведской принцессе Астрид, ставшей затем женой конунга, за что по приезде в Норвегию был брошен в темницу дожидаться казни. Хотя завязка этой истории и необычна, следующее за тем разрешение конфликта в основном строится по схеме, являющейся традиционной для прядей, где причиной конфронтации между главными персонажами было убийство приближенного конунга: по совету помощника, своего родича и любимого скальда Олава Святого Сигвата, Оттар изменяет сочиненную ранее песнь о конунговой жене, а также складывает за три ночи панегирик в честь конунга, прилюдным исполнением которого и «выкупает» свою голову. Примирение завершается тем, что скальд остается при норвежском дворе. В двух других прядях мы не находим конфликта между правителем и исландцем. «Прядь о Стуве» рассказывает об испытаниях, которым подвергается скальд, задавшийся целью завоевать расположение и признание Харальда Сурового – известного ценителя как остроумной беседы, так и поэтического искусства. Доказав конунгу, с которым его случайно свела судьба, свои достоинства собеседника, знатока и исполнителя поэзии скальдов и стихотворца, Стув в завершение рассказа получает то, к чему стремился, – место в королевской дружине. «Прядь об Иваре сыне Ингимунда» – возможно, самая необычная из «прядей о поездках из страны», поскольку главным героем ее является не столько исландец Ивар, сколько его патрон, норвежский конунг XII в. Эйстейн Магнуссон, всеми средствами пытающийся излечить своего опечаленного утратой невесты любимца от его душевного недуга.

Помимо уже упомянутых нескольких «прядей о поездках из страны», героями которых были скальды, принято выделять в особую группу и так называемые пряди о скальдах («Прядь об Арноре Скальде Ярлов», «Прядь об Эйнаре сыне Скули», «Прядь о Торарине Короткий Плащ», «Прядь о скальде Мани»). Обычно к ним относят содержащиеся в «королевских сагах» краткие анекдоты об исландских поэтах – приближенных или посетителях правителей Норвегии, главной же темой таких историй неизменно оказывается поэтическое мастерство. Скальд предстает в них как искусный стихотворец-панегирист (ср. «Прядь об Арноре Скальде Ярлов») либо импровизатор, умело складывающий стихи на заданную ему конунгом тему, причем нередко от него требуется не просто «сказать вису» по какому-то поводу, но еще и успеть сочинить и произнести ее в кратчайшие сроки или до определенного момента (ср. «Прядь об Эйнаре сыне Скули»). Можно не сомневаться в том, что каждый из таких анекдотов представлял для средневековой аудитории самостоятельный интерес и потому мог рассказываться совершенно отдельно от сохранивших их для нас «королевских саг», однако нет полной уверенности в том, что, подобно другим разновидностям прядей, по своему происхождению это были независимые истории, вставленные затем в саги о тех конунгах, которых эти скальды воспевали в своих стихах. Не исключено, что «пряди о скальдах» были порождением саг о норвежских конунгах, – иными словами, что они присутствовали в них изначально и лишь впоследствии начали приобретать самостоятельность и выделяться из них в качестве отдельных рассказов, возможно, под влиянием других типов «прядей об исландцах». Так, нельзя не заметить, что «Прядь о Халли Челноке», сокращенная редакция которой включена в «Гнилую Кожу», а другая, куда более пространная, приводится в качестве автономного рассказа в приложении к «Саге о Магнусе Добром и Харальде

Суровом» в младшей части «Книги с Плоского Острова», по большей части состоит из разрозненных анекдотов, аналогичных тем, которые принято называть «прядями о скальдах»; вместе с тем, некоторые ее эпизоды выстраиваются в связное повествование, а отдельные из них, как уже было сказано, демонстрируют характерные черты «прядей о поездках из страны». Все это, конечно же, говорит как о проницаемости границ между разными типами рассказов, так и о жанровой притягательности «прядей о поездках из страны» как самой многочисленной группы прядей: сочиняя очередную историю о покидавшем страну исландце, средневековый автор в традициях своего времени опирался на известные ему более ранние образцы и во многом строил рассказ по имеющимся лекалам.

Между тем свидетельства влияния на другие типы повествований, оказываемого «прядями о поездках из страны», можно найти и за пределами группы историй, рассказывающих об исландцах на чужбине. Помимо уже упоминавшейся «Пряди об Асбьёрне Тюленебойце», первая часть которой во всех узловых моментах и даже во множестве деталей воспроизводит традиционную схему рассказа, где конфликт между конунгом и героем-исландцем был вызван убийством приближенного государя (неслучайно, невзирая на то что главный персонаж этой пряди норвежец, Дж. Харрис счел возможным отнести ее к «прядям о поездках из страны»), необходимо остановиться в этой связи еще на двух весьма показательных историях. Это «Прядь об Эйндриди и Эрлинге» и «Прядь о Хеминге сыне Аслака». Хотя в первой из этих историй в роли главных действующих лиц выступают уже не заезжий исландец и его противник, всесильный властитель страны, но равные по своему происхождению и общественному положению могущественные представители норвежской знати, и здесь, по крайней мере отчасти, рассказ строится по модели, характерной именно для «прядей об исландцах». Не вняв заверениям своего гостя, что тот не состоял в недозволенных отношениях с его дочерью, но поверив неназванному клеветнику (о том, что кто-то солгал, возведя на главного героя напраслину, читатель узнает из стихов, которые тот произносит), Эрлинг, в чьей власти оказывается прибывший к нему Эйндриди, вынуждает последнего доказывать свою невиновность, подвергнувшись унизительному испытанию – ордалии. Поведение Эрлинга по отношению к Эйндриди, таким образом, аналогично поведению конунга или замещающего его знатного лица в целом ряде «прядей о поездках из страны», в которых могущественный человек совершает несправедливость по отношению к герою-исландцу. Но наиболее примечательна та часть истории об Эйндриди и Эрлинге, которая повествует о том, каким образом был урегулирован этот конфликт. Выше уже говорилось, что в рассказах, центральными персонажами которых были исландец и король, такого рода коллизии редко завершались примирением – оно наступало лишь в случае признания знатным антагонистом своей неправоты. Куда чаще, однако, конфликт оставался неразрешенным и получал продолжение, выливаясь в унижение знатного оппонента и предпринимаемую им попытку ответной мести. В отличие от большинства подобных историй, в «Пряди об Эйндриди и Эрлинге» конфликт получает свое разрешение, избегая стадии дальнейшего усугубления, и герои достигают согласия. Однако это происходит иначе, чем в рассказах об исландцах, и на то есть важные причины. Дело в том, что равенство знатных оппонентов делает невозможным применение традиционной для «прядей о поездках из страны» модели примирения, подразумевающей

«вертикальные» социальные связи. Тогда как конунг или иной представитель знати мог проявить милость по отношению к провинившемуся герою-исландцу или загладить собственную вину перед ним, предоставив ему ту или иную почетную компенсацию – в виде ценных даров, которые человек менее знатный, ничуть не умаляя своего достоинства, мог принять от того, кто был выше его по происхождению и положению, либо женитьбы на родовитой невесте, которую конунг готов был ему сосватать, либо места в королевской дружине, – ничто из этого обычного набора средств не могло бы стать возмещением бесчестья, которому Эрлинг подверг Эйндриди. Как следует из рассказа – и причиной тому полное равенство конфликтующих сторон, – Эрлингу нечего было предложить Эйндриди в качестве условий почетного примирения, которые могли бы удовлетворить его самолюбие, кроме собственного добровольного унижения. В результате, по совету сына, он был вынужден пойти на беспрецедентный шаг, предложив Эйндриди свою дочь, которую тот и взял в жены. Используя традиционный для «прядей об исландцах» сюжет, ядром которого был конфликт между главными персонажами и его разрешение, «Прядь об Эйндриди и Эрлинге» показывает, тем самым, какую трансформацию такой сюжет претерпевал, будучи перенесенным в существенно новый для него контекст, где речь шла о достижении примирения уже не между стоящими на разных ступенях социальной лестницы простолюдином-исландцем и правителем Норвегии, но между равными и знатными представителями древнескандинавского общества.

Сюжет второго из упомянутых рассказов, «Пряди о Хеминге сыне Аслака», восходит к одному из вариантов древнегерманской легенды о метком лучнике, известной отечественному читателю в первую очередь по таким ее позднейшим переработкам, как драма Ф. Шиллера «Вильгельм Телль» или английские баллады о Робине Гуде. Обращает на себя внимание уже то обстоятельство, что в пряди противником героя, юного витязя Хеминга, становится норвежский конунг Харальд Суровый, несомненно самый частый персонаж историй об исландцах на чужбине. Как и в целом ряде «прядей о поездках из страны», в истории о Хеминге конфликт между главными героями провоцируется конунгом, невзлюбившим Хеминга за одержанный им верх в спортивных состязаниях, причем, подобно большинству рассказов, где в основе коллизии лежит несправедливость правителя, их конфликт так и остается неразрешенным: больше того, рассказчик пряди трактует гибель Харальда Сурового в Англии как результат мести Хеминга, наводящего на своего обидчика стрелу английского короля Харальда сына Гудини (Харольда сына Годвина). Еще одна характерная черта «прядей о поездках из страны», которую мы находим в рассказе о Хеминге, – нередко используемое в этой разновидности рассказов противопоставление двух государей: гонителя и покровителя исландца (ср., например, «Прядь о Хрейдаре Дураке» и «Прядь о Храфне сыне Гудрун»). Здесь, как и в рассказе о Храфне, в роли защитника и избавителя героя выступает брат Харальда Сурового и «вечный король Норвегии» (perpetuus rex Norvegiæ, как его называли со второй половины XII в.) – св. Олав, спасающий Хеминга от, казалось бы, неминуемой гибели. Но, пожалуй, самым заметным свидетельством притяжения «Пряди о Хеминге» к наиболее многочисленной группе рассказов об исландцах служит состав действующих лиц этой истории, среди которых мы встречаем известных персонажей «прядей о поездках из страны» – Халльдора сына Снорри, Торарина сына Невьольва (этому исландцу также

принадлежит одна из важных ролей в «Пряди об Асбьёрне Тюленебойце») и Одда сына Офейга. Последний выступает в «Пряди о Хеминге» в качестве помощника героя и даже впадает из-за него в немилость и изгоняется из страны. Присутствие в рассказе о Хеминге этих героев «прядей об исландцах» – несомненно, сигнализирует о вовлечении его в орбиту доминирующего типа прядей.

Еще одна относительно многочисленная категория рассказов – это так называемые пряди о крещении. Хотя принадлежащие к ней истории и не образуют монолитной группы, все они так или иначе посвящены теме торжества христианства над язычеством и перехода к «новому обычаю». Подавляющая часть таких прядей сохранилась в составе «Большой саги об Олаве Трюггвасоне», в которой вообще превалируют истории христианского содержания. И это, конечно же, не случайно: не кто иной, как конунг-миссионер Олав Трюггвасон, который не только первым начал обращать в новую веру своих соотечественников-норвежцев, но и добился законодательного введения христианства в Исландии (1000 г.), почитался исландцами как неканонизированный святой креститель их страны. Разумеется, тему христианизации не обходят стороной и пряди, персонажем которых был второй норвежский конунг-миссионер, Олав Харальдссон, или Олав Святой (ср. «Прядь о Токи сыне Токи», «Прядь о Вёльси», а также «Прядь об Эгиле сыне Халля с Побережья»). И все же внимательный читатель не может не заметить, что в большинстве посвященных ему в «Книге с Плоского Острова» вставных историй этот правитель предстает в ипостаси светского (причем подчас весьма грозного) государя, и лишь в очень немногих из них прямо или косвенно затрагивается тема его будущей святости. Прежде всего, это рассказы, помещенные в переходной части между двумя главными сагами наст. собрания, т.е. непосредственно не включенные в жизнеописание Олава Святого, а предпосланные ему, – «Прядь о Харальде Гренландце» и «Прядь об Олаве Альве Гейрстадира».

Зачастую в «прядях о крещении» рассказывается об обращении неких «трудных» подданных – людей, которые, несмотря на посылаемые им приглашения, упорствовали в своем нежелании по собственной воле явиться к государю и принять крещение. Это могли быть как ярые язычники-идолопоклонники, вроде Рауда, героя «Пряди о Рёгнвальде и Рауде», – владельцы капищ и большие почитатели древних богов, обычно изображаемые усердными «жертвователями» (blótmaðr mikill), так и стихийные безбожники, вроде Эйндриди Широкостопого, согласно употребляемой в таких случаях устойчивой формуле, верившие только «в собственную силу и мощь» (á mátt sinn ok megin) и привыкшие во всем полагаться исключительно на самих себя. Тогда как попытки убедить первых отказаться от обычая предков не всегда увенчивались успехом и иные из них предпочитали принять смерть, но сохранить верность языческим богам (ср. «Прядь о Рауде Могучем»), вторые рано или поздно непременно становились добрыми христианами. Подобные герои-атеисты нередко появляются и в так называемых сагах о древних временах, действие которых происходит задолго до наступления эпохи «смены обычаев» (siðaskipti), как исландцы именовали христианизацию. Так, в саге о прославленном легендарном герое, датском конунге Хрольве Жердинке, и его двенадцати витязях (см. о них в «Пряди о Токи сыне Токи») сообщается, что ни сам этот конунг, ни его воины никогда не приносили жертв богам и верили только «в свою силу и мощь», поскольку в те времена (VI в.) в Северных Странах еще не исповедовали христианство и, стало быть, «они не ведали своего создателя».

В научной литературе высказывалось мнение, что получившая немалое распространение в древнеисландской прозе тема безбожия и в самом деле могла отражать религиозные представления эпохи викингов (конец VIII – начало XI в.) – времени далеких заморских походов и колонизации новых земель, в результате которых обрывались старые социальные связи и традиции культа[25]. Нельзя не вспомнить в этой связи заявление одного из таких постранствовавших по миру безбожников, Барда Толстого, персонажа «Пряди о Торвальде Тасальди», который сообщает посланцу Олава Трюггвасона, что ему довелось побывать во множестве земель и повидать на своем веку «как великанов, так и черных людей», но никто из них не смог одолеть его, а потому он «издавна привык верить только в собственную силу и мощь». И тем не менее можно не сомневаться в ученом происхождении этой темы в древнескандинавской литературе[26]: не будем забывать, что саги и пряди записывались в XIII–XIV вв. авторами-христианами, которые, при всей объективности и беспристрастности сагового повествования, зачастую не скрывали своего враждебного отношения к языческим богам, в Средневековье считавшимся демонами. Неудивительно, что, идеализируя славных героев прошлого, они стремились исключить их из числа язычников, объявляя об их отказе от поклонения «вырезанным богам» (skurð goð) – идолам.

В части «прядей о крещении» тема торжества христианства принимает форму столкновения короля-миссионера с сопротивляющимися переходу в проповедуемую им новую веру язычниками (или безбожниками), над которыми он в конце концов одерживает верх, вынуждая их креститься. Описание способов, с помощью которых конунгу удавалось убедить этих людей в преимуществе «истинной веры» и таким образом склонить их принять ее, и образовывало сюжет каждой такой истории. Как следует из подобных рассказов, самый действенный метод убеждения неверных состоял в демонстрации того, чей бог сильнее, т.е. обладает бóльшим могуществом. Это могло выясняться как в схватке христианина с идолами (ср. «Прядь о Рёгнвальде и Рауде»), так и путем состязания конфликтующих сторон в силе и сноровке, в ходе которого неизменно обнаруживалось физическое превосходство приверженцев «Белого Христа» (ср. «Прядь об Эйндриди Широкостопом»). Именно последние всегда выходили победителями в единоборстве с ничуть не уступавшими им в личной мощи или ловкости противниками-язычниками, над которыми они одерживали верх исключительно благодаря поддержке свыше. Помимо собственно «прядей о крещении», такую же коллизию мы находим и в тяготеющей к рассказам этого типа «Пряди о Торвальде Тасальди»: в ней конунга замещает его посланец-исландец, который с помощью данного ему Олавом Трюггвасоном священного амулета одолевает в единоборстве могучего «атеиста» Барда, после чего тот соглашается принять крещение. Еще одна заметная особенность этой разновидности прядей состоит в том, что конфликт религиозный нередко соединяется в них с разладом внутрисемейным, обычно между старшим и младшим поколениями сородичей (например, отца с сыном), тогда как их

---

[25] Ср., например: *Turville-Petre G.* Myth and Religion of the North. L., 1964. P. 263–268.

[26] См. об этом: *Lönnroth L.* The Noble Heathen: A Theme in the Sagas // Scandinavian Studies. 1969. Vol. 41. N 1; *Weber G.W.* Irreligiosität und Heldenzeitalter. Zum Mythencharakter der altisländischen Literatur // Specvlvm norroenvm. Norse Studies in Memory of Gabriel Turville-Petre / Ed. U. Dronke et al. Odense, 1981.

последующее обращение сопровождается примирением[27]. В той или иной форме о противоречиях между членами одной семьи, чаще всего вызванных их отношением к язычеству и к новой вере, идет речь в «Пряди о Свейне и Финне», «Пряди о Хельги и Ульве», «Пряди о Вёльси», «Пряди о Рёгнвальде и Рауде», «Пряди о Торвальде Путешественнике», а также в «Пряди об Эгиле сыне Халля с Побережья» – одной из историй об исландцах, которая, как и упомянутая ранее «Прядь о Торвальде Тасальди», совмещает в себе черты, присущие «прядям о поездках из страны» и «прядям о крещении». Нельзя, кроме того, не заметить, что мотив сверхъестественного вмешательства, который в «прядях о крещении» завершается обращением неверных, встречается также и во многих других рассказах. Помимо уже упоминавшихся выше «прядей о поездках из страны», где конфликт исландца с его знатным противником в целом ряде случаев разрешался вследствие заступничества святого, сюда относятся истории, в которых, благодаря помощи свыше (нередко опять-таки исходящей от святого короля), герой избегает гибели или одерживает верх в столкновении с демонами или чудовищами. Это и «Прядь об Эгмунде Битом и Гуннаре Пополам», и «Прядь о Торстейне Морозе», и «Прядь о Торстейне Любопытном», и пряди, речь о которых пойдет впереди: так называемые героические биографии – «Прядь об Орме сыне Сторольва» и «Прядь о Торстейне Бычья Нога», а также рассказы о путешествиях в иные земли – «Прядь о Хельги сыне Торира» и «Прядь о Торстейне Силе Хуторов».

В другой – очень небольшой – группе рассказов победа христианства над язычеством происходит бесконфликтно и не требует деятельного вмешательства конунга-миссионера. В «Пряди о Норна-Гесте» и «Пряди о Токи сыне Токи» преимущество новой веры доказывается имплицитно – самим выбором места последнего пристанища, сделанным героем из стародавних времен, который под конец своей небывало долгой и полной удивительных встреч жизни является к Олаву Трюггвасону или к Олаву Харальдссону, дабы увенчать свои длящиеся не один век странствия знакомством с конунгом-христианином и вскоре после добровольного крещения мирно завершить свой земной путь. Точно так же и в «Пряди о Сёрли», при всей несхожести ее сюжета с историями о долгожителях, Норна-Гесте и Токи, рассказывается о встрече дружинника святого короля с посланцем из легендарного героического прошлого, который открывает ему, как избавить его соратников и противников от мучительного бессмертия и необходимости изо дня в день участвовать в нескончаемой битве Хьяднингов, поскольку лишь доброму христианину под силу разрушить заклятье, наложенное на сражающихся героев древности злокозненными богами. При том, что очевидное христианское содержание этих историй, каждая из которых на свой лад подводит черту под отошедшей в прошлое языческой эпохой и знаменует торжество нового обычая, позволяет отнести их к «прядям о крещении», все они в то же время могут рассматриваться и как «пряди о древних временах» (каковыми их иногда и именуют). В самом деле: ведь в них пересказываются эпические сказания или повествуется о прославленных героях, живших в отдаленные времена, что, по всей видимости, в первую очередь и привлекало к ним средневековую аудиторию. Существенно, однако, что во всех этих прядях изложение эпических преданий не яв-

[27] См. об этом: *Harris J.* Folktale and Thattr: The Case of Rognvald and Raud // Folklore and Medieval Studies / Ed. C. Lindahl, E. Brady. 1980. Vol. 13. P. 162–167. (Folklore Forum).

ляется самоцелью, но служит способом противопоставления настоящего прошлому и утверждения христианских ценностей. Встреча прошлого с настоящим – одна из главных тем и выпадающей из этого ряда «Пряди об Альбане и Сунниве»[28]. В ней рассказывается об обретении мощей святых мучеников – прибывших в языческие времена на норвежский остров Селья правоверных ирландцев, которые при приближении к их укрытию враждебного войска нечестивого ярла Хакона были погребены по воле Господа в пещере и чьи нетленные останки были обнаружены и сделались объектом поклонения лишь в начале правления первого христианского короля Норвегии Олава Трюггвасона.

Несколько особняком в ряду «прядей о крещении» стоят рассказы о введении христианства в Исландии. Среди них мы также находим историю, в которой идет речь о столкновении старого и нового обычая, – «Прядь о Тидранди и Торхалле». Однако, в отличие от обсуждавшихся ранее прядей, описанное в ней происшествие – убийство Тидранди, любимого сына родовитого исландца Халля с Побережья, вскоре после этого перешедшего в правую веру, языческими дисами (духами-покровителями людей), которые проведали о своей грядущей «отставке», – имело место еще до наступления эпохи христианизации. Другие рассказы повествуют о первых миссионерах, проповедовавших новую веру жителям страны («Прядь о Торвальде Путешественнике»), а также об отдельных исландцах, пожелавших принять крещение и ставших добрыми христианами («Прядь о Свади и Арноре Старухин Нос» и «Прядь о Торхалле Шишке»).

При том что действие большинства «прядей об исландцах» происходит либо за морем, либо внутри страны, в нескольких историях, также рассказывающих о приключениях исландцев на чужбине и их взаимоотношениях с правителями Норвегии, начальный (исландский) период биографии главного героя не укладывается в лаконичное «введение», призванное всего лишь обрисовать обстоятельства, заставившие его покинуть Исландию, как это чаще всего бывает в «прядях о поездках из страны» (исключение составляет лишь «Прядь о Храфне сыне Гудрун»), но описывается с тем же вниманием и с той же мерой подробности, с какой излагаются все последующие заморские эпизоды рассказа. Это уже упоминавшиеся в связи с присутствующими в них христианскими мотивами «героические биографии» – «Прядь об Орме сыне Сторольва» и «Прядь о Торстейне Бычья Нога». В нарративном отношении обе эти пряди (первая из которых в части эпизодов, вероятно, послужила прообразом для второй; см. комментарии) обнаруживают все признаки повествований, созданных в постклассическую эпоху исландского сагописания, которая начинается на рубеже XIII и XIV вв. Появляющиеся в этот период «саги об исландцах», а с ними и отдельные пряди тяготеют к жанру жизнеописания и, как правило, лишены единого сюжетного стержня, но представляют собой цепь эпизодов, объединенных лишь фигурой главного героя – человека, наделенного необычайной богатырской силой, чьи удивительные приключения и подвиги они и описывают. Авторы таких произведений проявляют заметную склонность к чрезмерному, постоянно прибегая к гиперболизации, и охотно вводят в свой рассказ сверхъестественное и фантастическое. Наблюдающийся в них отход от реалистических традиций классической саги

---

[28] *Harris J.* Op. cit. P. 165.

в немалой степени должен был вызываться влиянием со стороны расцветающего в XIV в. жанра «саг о древних временах» – изобилующих сказочной фантастикой героических историй о подвигах легендарных предков исландских первопоселенцев, к которым возводили свой род многие именитые жители страны (в рассказе об Орме Силаче прослеживаются, кроме того, и прямые текстуальные связи с некоторыми сагами этого типа). Поскольку, подобно героям таких саг, Орм и Торстейн совершали свои самые славные подвиги, одерживая победы над великанами и чудовищами, обе пряди относят иногда к жанру повествований о древних временах, хотя их главными персонажами были исландцы, а описываемые события происходили в Норвегии во времена правления Олава Трюггвасона.

С именем этого же конунга связаны и два рассказа на весьма популярную в Средние века тему посещения диковинных «иных земель» – «Прядь о Хельги сыне Торира» и «Прядь о Торстейне Силе Хуторов». В обеих преобладают фантастические мотивы, сближающие эти истории с повествованиями о древних временах, к которым их обычно причисляют. Хотя в обеих прядях рассказывается об одном и том же легендарном персонаже, также известном из нескольких «саг о древних временах», могущественном правителе некой отдаленной страны, Гудмунде с Гласисвеллир, к которому попадают герои этих историй, он предстает в них в существенно различном свете: в «Пряди о Хельги», где сильна тема греха и воздаяния, – как коварный колдун-соблазнитель, заклятый враг христианского короля, в рассказе же о Торстейне, напротив, как благородный язычник, с благодарностью принимающий помощь христианина – дружинника Олава Трюггвасона и уповающий на «удачу» самого конунга-крестителя. На примере этих историй, вобравших в себя, с одной стороны, исконные скандинавские мифологические и фольклорные, а с другой стороны, заимствованные кельтские мотивы, можно наблюдать, каким глубоким и сложным трансформациям подвергался этот традиционный материал под пером христианских авторов конца XIII – XIV в. Помимо названных прядей, в жанровом отношении примыкающих к легендарным «сагам о древних временах», в той или иной мере сказочная фантастика присутствует в целом ряде историй самого разного содержания. Это и «Прядь о Торлейве Ярловом Скальде», в которой описывается разрушительное действие хулительных стихов (нида); и «Прядь об Эгмунде Битом и Гуннаре Пополам», в которой герой вступает в единоборство с демоном, выдающим себя за Фрейра; и «Прядь о Хауке Задаваке», в которой рассказывается о разъезжающем в повозке неведомом языческом божестве Лютире; и «Прядь об Олаве Альве Гейрстадира», персонаж которой общается с курганным жителем; и «Прядь о Стюрбьёрне Воителе Шведов», в которой исход знаменитого сражения на Полях Фюри решает сам верховный скандинавский бог Один; и «Прядь о Торстейне Палаточнике», в которой новорожденный младенец в стихах обращается к своим родителям с просьбой сохранить ему жизнь; и «Прядь о Брандкросси», в которой рассказывается о чудесном исчезновении быка; и «Прядь о горном жителе», в которой описывается встреча с декламирующим скальдическую песнь загадочным обитателем пещеры, и др.

Как уже приходилось говорить в начале этого раздела, пряди, действие которых происходит в Исландии, весьма неоднородны по своему составу. Между тем, помимо историй, повествующих о христианизации страны, среди них можно выделить еще две группы рассказов. Первая – это «пряди о распрях». Некоторые из этих историй

(ср. «Прядь о Пивном Капюшоне») весьма непросто отделить от «семейных саг», поскольку предметом изображения и тех и других являются возникавшие по разным поводам конфликты между жителями Исландии. В других, как в «Пряди о Хромунде Хромом» и «Пряди о Гуннаре Убийце Тидранди», в качестве враждующих сторон выступают местные жители и приехавшие в страну норвежцы (причем ситуация, описанная в последней из этих историй, вполне может рассматриваться как «зеркальное» отражение коллизии, типичной для «прядей о поездках из страны»; см. комментарии), однако и эти рассказы тематически очень близки к «сагам об исландцах». В связи с тем что вопрос о жанровой атрибуции всех упомянутых рассказов остается спорным, в разных изданиях они именуются то «прядями», то «сагами».

Однако к «прядям о распрях» относится и еще одна группа представленных здесь рассказов, а именно «дополнительные» эпизоды некоторых «саг об исландцах», по тем или иным причинам не вошедшие в их основные редакции. Это и «Прядь о Болли», которая, будучи вполне самостоятельным и законченным в нарративном отношении рассказом, вполне может рассматриваться как продолжение «Саги о людях из Лососьей Долины», и примыкающая к «Саге о названых братьях» «Прядь о Торарине Дерзком», и «Прядь о Брандкросси», которая была добавлена в качестве пролога к «Саге о сыновьях Дроплауг». Все эти истории хотя и образовывали своего рода маргиналии известных «семейных саг», тем не менее не принадлежали к ним изначально и могут восприниматься как отдельные от них рассказы, представляющие самостоятельный интерес для читателя, – именно по этой причине они и были включены в настоящее собрание. Вполне вероятно, что их появление рядом с той или иной сагой, а, всего вернее, вслед за ней, объясняется популярностью соответствующих героев, рассказы о которых продолжали возникать и бытовать в устной традиции (или, что тоже не исключено, сочиняться их авторами) уже после создания посвященных им саг. Между тем некоторые из таких дополнительных эпизодов (примером могут служить «Пряди о названых братьях»[29], примыкающие к одноименной саге) не обладают перечисленными свойствами, а потому не могут восприниматься вне контекста тех произведений, с которыми они были связаны, отчего они и не вошли в предлагаемую книгу[30].

Вторая и последняя группа прядей, также повествующих о событиях, которые имели место в Исландии, это рассказы о сновидениях (*draumþættir*) – «Сон Торстейна сына Халля с Побережья», «Прядь о могильном жителе» и «Сон Одди Звездочета». Лишь в первом из этих рассказов действие происходит почти что в «век саг» (в середине XI в.), причем его герой, родовитый исландец, появляется и в других произведениях, в том числе в роли главного персонажа в одной из «прядей о поездках из страны», тогда как действие прочих историй относится к более позднему времени (XII – начало XIII в.). Отчетам о сновидениях отводится весьма важное место в сагах, где сны персонажей используются в качестве особого нарративного

---

[29] См. их перевод в кн.: Исландские саги / Пер., ред. и коммент. А.В. Циммерлинга. М., 2000. С. 212–214.

[30] Это же относится и к прядям из «Саги о Стурлунгах», а также к некоторым «прядям о древних временах», и прежде всего к «Пряди о сыновьях Рагнара», публикация которой отдельно от «Саги о Рагнаре Лодброке» представляется нецелесообразной.

приема, – как правило, они выполняют здесь роль предупреждения, предвосхищая грядущие потрясения или иные значительные события. Не редкость они и в прядях, где их функцией может быть не только иносказательное пророчествование о будущем (нельзя не упомянуть в этой связи «Прядь о Раудульве», сюжетным ядром которой является сон Олава Святого о долгой череде его наследников – правителей, которым предстоит сменять друг друга на норвежском престоле). В прядях они, помимо этого, не раз применяются как прием, призванный произвести неожиданный поворот в действии и привести к благотворной перемене в судьбе героя (таковы, например, сон Магнуса Доброго в «Пряди о Храфне сыне Гудрун» и сон Торстейна в «Пряди о Тораринe сыне Невьольва»). Среди прядей, образующих небольшую группу собственно историй о сновидениях, только в рассказе о Торстейне сыне Халля с Побережья сон выполняет функцию предвосхищения – ночные посетительницы героя предупреждают его о неминуемой гибели от рук раба. В истории о могильном жителе сон оказывается единственным «пространством», в котором герой рассказа может повстречаться с владельцем присвоенного им меча; в результате в ночном видении главного персонажа пряди получает завершение его конфликт с мертвым воином, начавшийся наяву. Что же касается последней из перечисленных прядей, «Сна Одди Звездочета», то назначение сновидения в ней, как и вообще смысл этой необыкновенной истории, представляет неразрешимую загадку (о попытках разгадать ее см. комментарии). Перед нами не имеющий параллелей рассказ, с героем которого во сне происходит серия беспрецедентных метаморфоз: поначалу ему снится некий рассказчик, развлекающий собравшихся сказочной «сагой о древних временах», а затем он и сам превращается в одного из главных персонажей снящейся ему саги, просыпается и после недолгого бодрствования вновь возвращается в свое на время прерванное сновидение, с тем чтобы продолжить «существовать» в нем в прежнем качестве, причем по возвращении оказывается на том же самом месте и даже в той же позе, в которой он покинул свой сон… Этим странным рассказом, своим прихотливым обращением с реальностью скорее напоминающим модернистскую прозу XX столетия, чем литературное произведение Средневековья, и заканчивается предлагаемое читателю собрание.

ОБ ЭТОМ ИЗДАНИИ

Необходимо также сказать несколько слов о том, как устроена эта книга.

Настоящее издание прядей – самое полное из всех, когда-либо выходивших в переводе на иностранный язык: оно включает в себя 80 рассказов. На сегодняшний день существует множество сборников прядей в переводах на самые разные языки, однако, как правило, это небольшие антологии, которые содержат не более 15–20 рассказов, издавна пользующихся наибольшей известностью. Исключение представляет лишь изданное в 1997 г. в Исландии в переводе на английский язык первое полное собрание всех «саг об исландцах», в которое вошло и 49 прядей[1]. Предлагаемая вниманию читателя книга в первую очередь отличается от этого издания тем, что помимо «прядей об исландцах» в ней собраны также и все прочие разновидности прядей, о которых шла речь выше.

Кроме того, настоящее собрание отличается от всех прочих предпринимавшихся ранее изданий прядей и своей структурой. Поскольку бóльшая часть сохранившихся до наших дней прядей были вплетены в «королевские саги», содержащиеся в двух средневековых рукописях – «Книге с Плоского Острова» и «Гнилой Коже», обе эти компиляции и легли в его основу. Извлеченные из жизнеописаний норвежских правителей пряди приводятся здесь в той самой последовательности, в какой они встречаются в этих двух книгах, и сразу же вслед за тем дополняются прядями из других рукописей, отсутствующими в названных компиляциях. Необходимо отметить при этом, что в отдельных случаях для перевода нами были выбраны другие редакции этих же рассказов, в большей или меньшей степени отличающиеся от тех их версий, которые можно найти в двух основных уже упоминавшихся рукописях. Так, к примеру, «Прядь о Торвальде Путешественнике» приводится здесь не в краткой версии, которая и была включена в «Большую сагу об Олаве Трюггвасоне» в «Книге с Плоского Острова», но в пространной ее версии, присутствующей в более ранней отдельной редакции этой же саги, и дополнена эпизодом, известным лишь из «Книги с Плоского Острова»; точно так же вместо сокращенных редакций некоторых прядей, вплетенных в «Сагу о Магнусе Добром и Харальде Суровом» в «Гнилой Коже» читатель найдет в книге их полные версии, сохранившиеся в других рукописях (см. «Прядь о Халли Челноке» и «Прядь о Стуве»). Оценивая существующие варианты, составитель настоящего собрания, как правило, останавливал свой выбор на наиболее полных и/или совершенных в художественном отношении редакциях рас-

---

[1] The Complete Sagas of Icelanders: In 5 vols. / Ed. Viðar Hreinsson, R. Cook, T. Gunnell et al. Reykjavík, 1997.

сказов, отмечая все значимые расхождения между основными их версиями в комментариях. Исключение было сделано лишь для нескольких прядей из «Книги с Плоского Острова», ранее включенных Снорри Стурлусоном в «Круг Земной». Поскольку труд Снорри давно уже доступен отечественному читателю в переводе, независимо от сравнительных нарративных достоинств вариантов прядей, которые мы находим в этих двух собраниях «королевских саг», все такие рассказы («Прядь о Рауде Могучем», «Прядь о Харальде Гренландце», «Прядь об Эмунде из Скарара», «Прядь об Асбьёрне Тюленебойце», «Прядь о Стейне сыне Скафти», «Прядь о Тородде сыне Снорри») приводятся нами только в редакции «Книги с Плоского Острова». Наконец, в единственном случае в данное собрание были включены три разные редакции одного и того же рассказа. Речь идет о «Пряди о Гисле сыне Иллуги», дошедшей до нас как в составе «королевской саги» («Саги о Магнусе Голоногом» в рукописи «Hulda»), так и в двух версиях – краткой и пространной – в составе «епископской саги», а именно в жизнеописаниях исландского прелата Йона Святого. В одной из них, очевидно, первоначально светский по духу рассказ, принадлежавший к самому распространенному типу «прядей об исландцах» – «прядям о поездках из страны», был адаптирован к жанру христианской агиографии и в результате превратился в историю о чудесах, явленных этим святым. Варианты этой пряди различаются столь разительно, что, по сути дела, могут трактоваться как самостоятельные произведения. В то же время пример «Пряди о Гисле» демонстрирует читателю, каким далеко идущим трансформациям могло подвергаться средневековое повествование, будучи помещенным в другое жанровое обрамление.

Читатель найдет в этой книге немало поэтических вставок. Часть цитируемых в прядях стихов сочинена в эпических размерах и не представляет сколько-нибудь заметных трудностей для современной аудитории (таковы, например, фрагменты поэм или целые песни, включенные в «Прядь о Норна-Гесте» или в «Прядь об Орме сыне Сторольва»). Однако большая часть приведенных здесь стихов – это скальдические строфы («висы»), которые подчас даже в переложении на другой язык могут показаться нуждающимися в разгадке сложными ребусами. Поэзия скальдов и в самом деле весьма не проста для восприятия. При бедности и очевидной прозаичности передаваемого ею содержания скальдическая строфа чрезмерно нагружена формально и представляет собой причудливый словесный и звуковой орнамент. Возведенные в канон приемы скальдической техники – это и детализованные метрические правила, и жестко регламентированная система звуковых повторов (внутренних рифм и аллитерации), и противоестественное словорасположение – замысловатый синтаксический узор, образуемый переплетающимися и вставными предложениями, и, наконец, особый поэтический язык, самым известным элементом которого является двухчастное субстантивное перифрастическое наименование, так называемый кеннинг, при помощи которого скальды зашифровывали все ключевые понятия. Кеннинги – поэтические заместители существительных обычной речи (например, «тополь сечи» = муж, «липа ожерелий» = женщина, «конь волн» = корабль, «перебранка мечей» = = битва, «огонь щита» = меч, «пламя руки» = золото) – не были собственно скандинавским изобретением, они встречаются во всей древнегерманской поэзии, однако лишь в стихах скальдов они подлежат развертыванию: последовательно заменяя второй член («определение») простого кеннинга кеннингом, скальд мог шаг за шагом

«протягивать» его, превращая в трех-, четырех-, пяти- или шестичленный кеннинг (известен даже один семичленный кеннинг). Так, если воспользоваться рядом приведенных здесь простых двучленных кеннингов, то мы без труда сможем произвести четырехчленный кеннинг мужа («тополь перебранки огня щита»). К сожалению, лишь отдельные части описанного нами в самых общих чертах[2] замысловатого и крепко слаженного словесного узора, который представляет собой скальдическая виса в подлиннике, могут быть переданы средствами другого языка, и тем не менее мы надеемся, что присутствующие в этой книге поэтические переводы помогут читателю составить хотя бы некоторое представление о поэзии исландских скальдов.

Статья и примечания к настоящему изданию написаны по плану научной деятельности ИМЛИ РАН. Составитель выражает признательность рецензентам книги М.Л. Андрееву и А.В. Коровину за их ценные замечания, а также сотрудникам Арнамагнеанского института в Исландии за любезное разрешение воспроизвести иллюстрации из средневековых рукописей.

[2] Более подробную информацию об особенностях скальдической формы можно найти в кн.: *Гуревич Е.А., Матюшина И.Г.* Поэзия скальдов. М., 2000; о переводе поэзии скальдов на русский язык см.: *Смирницкая О.А.* О поэзии скальдов в «Круге Земном» и ее переводе на русский язык // Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1980.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЯДИ В СОСТАВЕ «КНИГИ С ПЛОСКОГО ОСТРОВА» С ДОБАВЛЕНИЯМИ ИЗ ДРУГИХ РУКОПИСЕЙ

ПРЯДЬ О СИГУРДЕ СЛЮНЕ

«Прядь о Сигурде Слюне» («Sigurðar þáttr slefu»), или, как она озаглавлена в рукописи, «Прядь о конунге Сигурде Слюне сыне Гуннхильд» («Þaattr fra Sigurdi konungi slefu syni Gunnhildar»), сохранилась лишь в собрании саг о правителях Норвегии, «Книге с Плоского Острова» («Flateyjarbók»). В этой компиляции рассказ о гибели Сигурда Слюны (ок. 970 г.) присутствует как отдельное произведение среди текстов, предшествующих «Большой саге об Олаве Трюггвасоне» и предпосланных ей в качестве предыстории правления первого норвежского конунга-миссионера. Как следует из пролога, рассказ был добавлен к книге в 1390 г. вторым ее редактором, священником Магнусом Торхалльссоном.

Предполагают, что в основу пряди мог быть положен реальный исторический факт, однако то обстоятельство, что приведенный в «Книге с Плоского Острова» рассказ о конфликте могущественного норвежского предводителя Торкеля Клюппа с одним из соправителей страны, приведший к гибели их обоих, содержит целый ряд отличий от других известных версий того же эпизода, изложенных в «королевских сагах», очевидно, свидетельствует о том, что перед нами относительно позднее сочинение, явившееся результатом переработки этих более ранних и значительно более кратких сообщений в отдельную прядь. Не вызывает сомнений, что в ходе этой переработки эпизод саги подвергся существенным изменениям, был распространен – дополнен новыми мотивами и сюжетными ходами (судя по всему, таковым, например, является поездка героя в Англию), а также сценическим действием (в том числе речами персонажей) и превращен в самостоятельное повествование.

История о гибели конунга Сигурда Слюны прежде всего известна из «Саги о Харальде Серая Шкура» в «Круге Земном» (гл. 14). Согласно изложению Снорри Стурлусона, этот конунг приехал в гости к херсиру Клюппу, когда того не было дома, «но Алов, его жена, хорошо приняла конунга. Пир был на славу, и на нем много пили… Конунг пошел ночью к ложу Алов и лег с ней против ее воли. Потом конунг уехал» (*КЗ*, 95). Далее сообщается, что следующей осенью Клюпп собирает родичей, чтобы напасть на конунга (сказано, что предводителем их был некий Вемунд Костолом, –

в пряди он даже не упоминается), приезжает в Альрексстадир, поместье конунга, и пронзает его мечом, после чего погибает от рук одного из дружинников Сигурда Слюны, Эрлинга Старого (этот же рассказ, однако без упоминания имени убийцы Клюппа, приводится в *Flat.* I, 69–70, где он включен в «Сагу об Олаве Трюггвасоне»). Еще более лаконично об обстоятельствах гибели этого конунга говорится в самом раннем из известных источников, «Обзоре саг о норвежских конунгах» («Ágrip af Nóregs konunga sögum», ок. 1190 г.): «Сигурда убил человек по имени Торкель Клюпп, так как Сигурд взял силой его жену. Он пронзил Сигурда мечом, и за его гибель сразу же отомстил его дружинник, которого звали Эрлинг Старый» (Ágrip af Nóregskonungasögum. A twelfth-century synoptic History of the kings of Norway / M.J. Driscoll. L., 2008. P. 18). Аналогичное по содержанию и столь же краткое сообщение содержится в истории норвежских конунгов «Красивая Кожа» («Fagrskinna», первая половина XIII в.).

Значительно более обстоятельный рассказ о тех же событиях мы встречаем во вступительном разделе «Саги о Торде Пугале» («Þórðar saga hreðu») – истории жизни Торда, младшего брата главного героя пряди, (Торкеля) Клюппа, который вслед за гибелью последнего был объявлен вне закона в Норвегии и вынужден бежать в Исландию. Сообщение о причинах распри Клюппа с Сигурдом Слюной в этой саге полностью соответствует приведенной краткой записи в «Обзоре» (и в «Красивой Коже»), однако изложение последующих событий изобилует подробностями, отсутствующими во всех прочих версиях этого эпизода. Как рассказывается в этой саге, Торд подбивает брата отомстить конунгу Сигурду за свое бесчестье, после чего все четверо сыновей Торда сына Хёрда-Кари в полном вооружении отправляются в усадьбу в Упплёнде, где конунг пирует вместе со своими людьми. Далее следует сцена, подробно описывающая месть Клюппа, его гибель от рук дружинника конунга и месть за него, которую тут же осуществляет его брат Торд, навлекающий на себя тем самым гнев оставшихся в живых братьев конунга Сигурда. Не исключено, что автору «Саги о Торде Пугале» (эту сагу принято датировать XIV в.) история взаимоотношений Клюппа с Сигурдом Слюной была известна не только в версиях «королевских саг», но и в каких-то других ее вариантах, включая и тот, который был представлен в пряди, вошедшей в «Книгу с Плоского Острова», на что могут указывать отдельные совпадения в деталях (см. примеч. к рассказу).

Перевод сделан по изд.: Flateyjarbok. En samling af norske konge-sagaer med indskudte mindre fortællinger / Udg. Guðbrandur Vigfússon, C.R. Unger. Christiania, 1860–1868. Bd. I. S. 19–21. На русском языке прядь публикуется впервые.

[1] *...Норвегией правили сыновья Гуннхильд...* – Согласно сообщению «Круга Земного» (*КЗ*, 67), у конунга Эйрика Кровавая Секира сына Харальда Прекрасноволосого и его жены Гуннхильд дочери Эцура Рыла, прозванной Матерью Конунгов, было семь сыновей – конунги Гамли, Гутхорм, Харальд Серая Шкура (ок. 960–970), Рагнфрёд, Эрлинг, Гудрёд и Сигурд Слюна. Предполагается, что последний получил свое прозвище оттого, что был шепеляв. Ко времени действия рассказа старших братьев (Гамли и Гутхорма) уже не было в живых.

[2] *...в Хёрдаланде.* – В этой области на западе Норвегии (совр. Хордаланн) находилось одно из старейших поместий, которыми владели конунги, – Альрексстадир (см. примеч. 8 к «Пряди о Хельги сыне Торира»).

[3] *Торкель Клюпп* – под этим же именем герой рассказа упоминается в «Обзоре саг о норвежских конунгах» (в рукописи – kleypr), однако в других источниках – в «Саге о Харальде Серая Шкура» в «Круге Земном» (гл. 14: *КЗ*, 95), в истории норвежских конунгов «Красивая Кожа», а также в «Саге о Торде Пугале», где излагаются несколько иные версии описанного здесь инцидента, он носит имя Клюпп (точное значение этого имени или прозвища не установлено, возможно, klyppr следует истолковать как «толстый»).

[4] *Херсир* (hersir, от herr «войско») – мелкий племенной вождь в западной и северной Норвегии во времена, предшествующие образованию норвежского государства. До объединения страны Харальдом Прекрасноволосым (конец IX в.) херсиры были независимыми правителями (главами фюльков, т.е. округов) и военными предводителями, возможно также руководившими языческими ритуалами, но не имевшими судебной власти; в XI в. этот социальный термин постепенно выходит из употребления. Звание херсира передавалось в роду (так, в «Саге о Торде Пугале» сказано, что Клюпп стал херсиром после смерти Торда, своего отца).

[5] *...сыном Торда, сына Хёрда-Кари.* – В «Саге об Олаве сыне Трюггви» (гл. 54) о сыновьях Хёрда-Кари сказано следующее: «В Хёрдаланде было много знатных мужей, которые возводили свой род к Хёрда-Кари. У того было четыре сына: один из них был Торлейв Мудрый, другой был Эгмунд, отец Торольва Скьяльга, отца Эрлинга из Соли (см. о нем в “Пряди об Эйндриди и Эрлинге”, а также в других рассказах. – *Е.Г.*), третий был Торд, отец Клюппа херсира, который убил Сигурда Слюну, сына Гуннхильд, четвертый был Эльмод, отец Аскеля, отца Аслака Фитьяскалли. Этот род был тогда самым могущественным и знатным в Хёрдаланде» (*КЗ*, 134). В «Саге о Торде Пугале», повествующей о брате героя пряди, сообщается, что у херсира Торда сына Хёрда-Кари было четверо сыновей: Стейнгрим, Клюпп, Эйольв и Торд Пугало, родившийся после смерти отца.

[6] *...жену звали Алов...* – В «Круге Земном» («Сага о Харальде Серая Шкура», гл. 14) приводится генеалогия Алов, из которой следует, что она состояла в родстве со знатнейшими людьми страны: «Алов, жена херсира Клюппа, была дочерью Асбьёрна и сестрой Железного Скегги с севера из Ирьяра, а Асбьёрн был братом Хрейдара, отца Стюркара, отца Эйндриди, отца Эйнара Брюхотряса» (*КЗ*, 95; об Эйнаре Брюхотрясе см. в «Первой пряди о Халльдоре сыне Снорри» и в «Пряди об Эйндриди и Эрлинге»). Алов упоминается также в «Пряди о Торстейне Бычья Нога» (см. в наст. изд.), где сказано, однако, что она была сестрой Асбьёрна, тогда как в «Саге о Торде Пугале» (гл. 1) утверждается, что Алов была дочерью Скегги из Ирьяра (т. е. внучкой Асбьёрна).

[7] *Адальрад конунг* – английский король Этельред Неразумный (978–1016). Если следовать внутренней хронологии истории правителей Норвегии, описанные здесь события должны были произойти раньше, чем конунг Адальрад занял английский престол. Принято считать, что мотив отправки Торкеля Клюппа в Англию за данью был добавлен автором пряди (см.: *Vries J. de.* Altnordische Literaturgeschichte. B., 1967. Bd. II. S. 297).

[8] *...Нанна клети пива...* – женщина (где клеть пива – питейный рог, Нанна рога – женщина; Нанна – имя богини).

[9] *...кукушки раны...* – Кукушка раны – кеннинг ворона или орла.

[10] *Тинг* – сходка, народное собрание, на котором вершилось правосудие.

[11] *...Эгмунд, он был сыном Хёрда-Кари.* – Эгмунд, таким образом, приходился Торкелю Клюппу дядей (см. примеч. 5).

[12] *...Эгмунд сын Хёрда-Кари и пронзил его тем самым копьем, что он держал в руках.* – О том, что Клюпп был убит собственным родичем, говорится и в «Саге о Торде Пугале», однако согласно этому рассказу, за гибель конунга отомстил не Эгмунд, а его сын Хроальд, причем отмечается, что «он был внуком Хёрда-Кари и состоял в близком родстве с сыновьями Торда» («Þórðar saga hreðu», kap. 1: http://www.snerpa.is /net/isl/hredu.htm). По сообщению этой саги, увидев, что его брат Клюпп убит, Торд Пугало зарубил Хроальда на месте. В более ранней «Саге о Харальде Серая Шкура» в «Круге Земном» эпизод убийства конунга Сигурда Слюны и последующей мести представлен иначе. Здесь рассказывается, что на следующую осень после того, как Сигурд в отсутствие Клюппа явился в его усадьбу и взял Алов силой, «Харальд конунг и Сигурд, его брат, поехали в Вёрс и созвали там тинг бондов (т. е. сход свободных хозяев. – *Е.Г.*). На этом тинге бонды набросились на них и хотели их убить, но они спаслись и пустились прочь. После этого Харальд конунг отправился в Хардангр, а Сигурд конунг – в Альрекссгадир. Когда об этом узнает Клюпп херсир, он собирает родичей, чтобы напасть на конунга. Предводителем их был Вемунд Костолом. Приехав в Альрекссгадир, они набросились на конунга. Клюпп пронзил мечом конунга, и тот сразу умер, но тут же Эрлинг Старый сразил Клюппа» (*КЗ*, 95–96). Этот же дружинник конунга Сигурда упомянут в качестве убийцы Клюппа в «Обзоре саг о норвежских конунгах» и в «Красивой Коже» (Ágrip af Nóregskonungasögum... P. 18; Fagrskinna / Udg. Finnur Jónsson. København, 1902–1903. S. 57).

[13] *Бёдвар сын Торстейна, и он был братом Халля с Побережья.* – О том, что у родовитого исландца Халля с Побережья (см. о нем в «Пряди о Тидранди и Торхалле») был брат Бёдвар, других сведений нет, однако, согласно генеалогии в «Книге о заселении страны» (*Land.*, 310), Халль был внуком Бёдвара Белого.

[14] *...на востоке в Лебяжьем Фьорде.* – Южный Лебяжий Фьорд на востоке Исландии – место поселения Бёдвара Белого (см. предыд. примеч.).

[15] *...Эйнар сын Эйольва с севера с Поперечной Реки ⟨...⟩ было много детей.* – Родовитый исландец, брат Гудмунда Могучего. В «сагах об исландцах» (в частности, в «Саге о Ньяле») он обычно упоминается как Эйнар с Поперечной Реки (местность в Островном Фьорде на севере Исландии; см. о нем в «Пряди о Пивном Капюшоне» и примеч. 4 к «Пряди о Тораринe сыне Невьольва»). В «Саге о Торде Пугале» (гл. 7) сказано, что Торд выдал свою племянницу Гудрун дочь Клюппа замуж за Эйнара с Поперечной Реки, сына Эйольва, и приводятся имена их десяти детей: сыновей Ярнскегги, Клюппа, Торлейва и Аслака и дочерей Халльдоры, Халльфрид, Хельги, Йорунн, Вальгерд и Вигдис.

[16] *Сына Эйнара и Гудрун звали Торкель Клюпп ⟨...⟩ о нем упоминается во множестве саг.* – В «Саге о Торде Пугале» (гл. 7) один из сыновей Эйнара и Гудрун носит имя Клюпп (см. предыд. примеч.). Вопреки сказанному здесь, внук героя пряди, Торкель Клюпп (или Клюпп), не упоминается в известных нам сагах. *Это был человек многообещающий* – традиционная характеристика юных отпрысков родовитых семейств.

ПРЯДИ В СОСТАВЕ «БОЛЬШОЙ САГИ ОБ ОЛАВЕ ТРЮГГВАСОНЕ»

ПРЯДЬ О ТОРЛЕЙВЕ ЯРЛОВОМ СКАЛЬДЕ

«Прядь о Торлейве Ярловом Скальде» («Þorleifs þáttr jarlsskálds») сохранилась в «Книге с Плоского Острова», где она включена в «Большую сагу об Олаве Трюггвасоне» (*Flat.* I, 207–215; в тексте компиляции ей предпослан заголовок: «Þaattr Þorleifs»); помимо этой средневековой рукописи, прядь известна также в нескольких поздних бумажных списках. Как и ряд других прядей в этой саге, рассказ о Торлейве был вставлен в королевское жизнеописание исландским священником Йоном Тордарсоном, ему же принадлежит и добавленный к ее тексту морализирующий пролог, а возможно, и эпилог, написанные в витиеватом «ученом» (или «цветистом») стиле, в них автор обличает ярла-язычника – предшественника первого христианского правителя Норвегии. В «Пряди о Торлейве» герой саги, конунг Олав, не упоминается: описанные в рассказе события относятся к началу 990-х годов, т. е. ко времени до его восшествия на норвежский престол (в 995 г.), однако о прибытии в Норвегию ее будущего христианского короля, чье появление не сулит ничего хорошего ее нынешнему правителю – нечестивому ярлу Хакону, в саге сообщается сразу же вслед за этой прядью.

Рассказ о Торлейве знаменит прежде всего тем, что в нем единственный раз в древнеисландской литературе подробно описывается магическое действие скальдических хулительных стихов (нида). Судя по всему, по этой же причине предание о ссоре исландского скальда с могущественным норвежским ярлом пользовалось известностью и в Средние века. Поскольку факт сочинения Торлейвом «Ярлова нида» неоднократно упоминается в более ранних источниках (среди них написанное в конце XII в. жизнеописание Олава Трюггвасона монаха Одда Сноррасона, а также «Прядь о Халли Челноке»), принято считать, что рассказ о Торлейве сложился в XII или в начале XIII в. При этом не исключено, что дошедшая до нас версия рассказа – результат его позднейшей переработки (конец XIII – начало XIV в.), на что могут указывать присутствующие в нем фантастические мотивы и необычный для прядей об исландцах «украшенный» стиль (см. об этой особенности повествования о Торлейве в статье: *Гуревич Е.А.* «Украшенный стиль» в прядях об исландцах // Кентавр: Studia classica et mediaevalia. М., 2010. С. 109–122).

Помимо приведенного здесь рассказа и уже упомянутых сочинений, о Торлейве, исландском скальде второй половины X в., говорится также в «Книге о заселении страны» (*Land.*, 254), в «Саге о людях из Сварвадардаля», в «Драпе об исландцах» (XII в.) Хаука сына Вальдис, в различных версиях жизнеописания Олава Трюггвасона, а также в исландских поэтологических трактатах, причем в трех первых из названных здесь источников прежде всего сообщается о распре, в которой Торлейв участвовал до своего отъезда в Норвегию, о чем повествуется и в начальных главах пряди. Уцелевшее поэтическое наследие Торлейва Ярлова Скальда невелико: это шесть отдельных вис на случай, кроме пряди, цитируемых также в упомянутой «родовой саге» и в «Книге о заселении страны», строфа из хвалебной песни о датском конунге Свейне, фрагмент «Ярлова нида». Кроме того, Торлейву также приписывают

полторы строфы о Хаконе Могучем из неизвестной поэмы, прославляющей этого правителя. Поскольку последний фрагмент вступает в явное противоречие с историей, положенной в основу «Пряди о Торлейве», он заслуживает особого внимания.

В «Перечне скальдов», созданном в XIII в. исландском сочинении, в котором перечисляются норвежские и исландские скальды, жившие в IX–XIII вв., а также правители, о которых они складывали стихи, Торлейв упоминается только как скальд ярла Хакона Могучего. Трудно сказать, что именно имел в виду составитель этого каталога: хулительную песнь, сложенную этим скальдом о ярле, о чем рассказывается в пряди, или приписываемый ему же фрагмент (полторы строфы) некой, как полагают, панегирической песни, одну строфу из которой первым процитировал в «Круге Земном» Снорри Стурлусон и вслед за ним привел (сократив поэтическую цитату до четверостишия) автор «Большой саги об Олаве Трюггвасоне». В обоих случаях стихи Торлейва «сына Рыжей Шкуры» были приведены в завершение рассказа о гибели ярла Хакона (см. примеч. 48). Еще один небольшой фрагмент (полустрофа) из этой же песни цитируется уже по совсем другому поводу в средневековых исландских поэтологических сочинениях – «Третьем грамматическом трактате» (XIII в.) и в «Четвертом грамматическом трактате» (XIV в.). Высказывались различные предположения о том, при каких обстоятельствах заклятый враг Хакона, Торлейв Ярлов Скальд, мог сочинить о нем хвалебные стихи. При этом выдвигались гипотезы, что описанный в пряди приезд Торлейва в Норвегию на самом деле не был первым и что до ссоры у скальда с ярлом были добрые отношения, а хвалебная песнь, вероятно, прославляла ярла за его победу над йомсвикингами в битве в Хьёрунгаваге (ок. 985 г.). Это предположение, однако, плохо согласуется с исландской предысторией героя пряди, из которой следует, что Торлейв уехал в Норвегию очень молодым человеком и сразу же по прибытии вступил в конфликт с ярлом Хаконом. Допускалась и возможность позднейшей контаминации имен: а именно что автором стихов был какой-то другой скальд, носивший имя Торлейв, и что он мог складывать стихи не о Хаконе Могучем, а о его внуке – ярле Хаконе сыне Эйрика. Самое неожиданное предположение (однако единственное, находящее обоснование в тексте пряди) было высказано шведским филологом Б. Альмквистом (*Almqvist B.* Norrön niddiktning: Traditionshistoriska studier i versmagi. I: Nid mot furstar. Stockholm, 1965. S. 197), по мнению которого, цитируемые в разных источниках фрагменты якобы панегирической песни Торлейва в честь Хакона в действительности принадлежали к начальной части «Ярлова нида»: как сообщается в пряди, пока Торлейв не произнес свой нид до середины, ярлу казалось, «что его восхваляют в каждой висе».

Публикуемый здесь перевод выполнен по изд.: Íslendinga þættir / Guðni Jónsson gaf út. Reykjavík, 1945. Bls. 322–338, впервые издан в сб. «Одиссей. 1993» (М., 1994. С. 289–299), после чего неоднократно переиздавался с некоторыми изменениями (в частности, в собрании: *ИС* II, 446–457).

[1] *Ярл Хакон из Хладира* – ярл Хакон Могучий, сын Сигурда, правитель Норвегии в период между 974 и 995 гг.; Хладир (совр. Ладе) – древняя резиденция ярлов (из так называемого рода хладирских ярлов), которые правили в Северо-Западной и в Северной Норвегии – в Трандхейме и в Халогаланде, расположенная в восточной части Трандхейма (совр. Трённелаг), на южной стороне Трандхеймсфьорда.

[2] *Сварвадардаль* – местность на западной стороне Островного Фьорда в северной Исландии.

[3] *Скегги из Среднего Фьорда* – могущественный исландский предводитель, упоминающийся во множестве «саг об исландцах» (в том числе в «Саге о Барде Асе Снежной Горы», «Саге о людях из Лососьей Долины», «Саге о Гуннлауге», «Саге о Греттире» и др.). Средний Фьорд – фьорд и прилегающая к нему местность на северо-западе Исландии.

[4] *Годи* – см. примеч. 11 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога».

[5] *Гусиный Берег* – торговое место на западном побережье Островного Фьорда в северной части Исландии, куда прибывали корабли из-за моря.

[6] *...о чем рассказывается в саге о людях из Сварвадардаля.* – Эта сага сохранилась лишь в многочисленных бумажных списках XVII в. (от более ранней пергаментной рукописи XV в. уцелел только один лист). В ней действительно подробно описываются упоминаемые здесь события и приводятся посвященные им висы Торлейва. За убийство Клаува Торлейв прославляется в одной из строф «Драпы об исландцах» скальда XII в. Хаука сына Вальдис – поэмы, воспевающей подвиги знаменитых героев прошлого. Торлейву в ней посвящены такие стихи: «Торлейв, который сковал / враждебные стихи ярлу-язычнику, / раззадоривал тинг / острейших мечей (т. е. битву; тинг – сходка. – *Е.Г.*); / люди говорили, что скальд с Олавом / убили берсерка (неистового воина: как рассказывается в саге, Клаув впадал в характерное для берсерков исступление. – *Е.Г.*); / братья вдвоем / совершили этот подвиг» (строфа 18).

[7] *Устье Смешанной Реки* – место стоянки кораблей на западной стороне Полуостровного Побережья – в Медвежачьем Фьорде на севере Исландии.

[8] *Вик* – область в Юго-Восточной Норвегии, вокруг Ослофьорда.

[9] *Дева* – обращение к женщине – одно из общих мест в скальдических висах, произнесенных на случай (так называемые отдельные висы).

[10] *...скакуна лагуны...* – корабля.

[11] *Конунг Свейн* – датский конунг Свейн Вилобородый (ок. 986 – 3 февраля 1014).

[12] *Драпа* – торжественная хвалебная скальдическая песнь, разбитая на части рефреном («стевом»). Стев – обязательный элемент средней части песни, представляет собой четверостишие или двустишие, обычно повторяющееся через равное число строф. Известны и более изощренные формы стева.

[13] *Не раз клинок красил / кровью англов конунг – /славно князь зеницы/ неба слал победу.* – Князь зеницы неба – Бог (зеница неба – солнце). Если эти стихи действительно были сочинены Торлейвом в начале 990-х годов, то это – один из самых ранних примеров христианских кеннингов, появляющихся в стихах скальдов. Высказывались, впрочем, сомнения в том, что автором этого четверостишия мог быть сам герой пряди (*SkP* I, 373–375). Во-первых, нет никаких сведений о том, чтобы Торлейв принял новую веру; во-вторых, в этих стихах скальд прославляет конунга за победы, которые тот одерживал над англичанами (походы Свейна в Англию продолжались в течение двух десятилетий вплоть до ее завоевания в 1014 г., когда он был провозглашен правителем этой страны), однако в «Англосаксонской хронике» самое раннее упоминание о набегах Свейна на Англию относится к 994 г., тогда как описываемый здесь эпизод должен был произойти несколькими годами раньше (указывалось,

впрочем, что Свейн мог принимать участие уже в военной экспедиции в Англию, предпринятой датчанами ок. 991 г.; см.: *ÍF* IX. Bls. XCVII).

[14] *...весом в одну марку...* – Марка – весовая единица, равная восьми эйрирам (унциям), или примерно 214 г.

[15] *...и назвал их Висы о Женщине, потому что в поэзии ярла именуют женщиной.* – Торлейв имеет в виду особые поэтические наименования («хейти»), однако его ссылка на скальдическую традицию ложная: подобный поэтизм был невозможен, поскольку сравнение мужчины с женщиной считалось тяжким оскорблением. Даже в кеннингах мужа (*тополь шлема, ясень битвы*; о кеннингах см. примеч. 45) могли употребляться только наименования деревьев мужского рода (т. е. сочетания типа *липа шлема* или *береза битвы* заведомо исключались). В словах Торлейва поэтому содержится недвусмысленный намек на то, что сложенные им стихи о Хаконе ярле – это хулительная песнь, нид. Непосредственным же поводом для названия «Висы о Женщине» явилось созвучие второй части имени Хакон (Há-kon) с наименованием женщины (kona).

[16] *Праздник середины зимы* – Йоль (jól), важнейший языческий праздник, который начинался с наступлением зимнего солнцестояния и отмечался в течение 13 дней. После христианизации йоль был отождествлен с Рождеством.

[17] *...в Холодной Свитьод.* – Свитьод (Svíþjóð) – древнее название Швеции. Здесь это, однако, вымышленное название, вероятно созданное по образцу ученого наименования Великая Свитьод, распространенного в древнескандинавских географических сочинениях. Согласно средневековой ученой легенде, скандинавы произошли от асов, впоследствии обожествленных (асы – языческие боги германской мифологии) выходцев из Азии, которые одно время населяли земли, именуемые Великая Свитьод и расположенные на крайнем юго-востоке Европы (см., например, пролог к «Младшей Эдде»: *МЭ*, 11–15, а также вступление к «Пряди о Сёрли» и примеч. 2 к этой пряди).

[18] *Хёвдинг* (höfðingi, букв.: главарь) – предводитель, вождь; так называли всех могущественных людей, возглавлявших местное население.

[19] *Наслышан я о могуществе вашем и мудрости, доблести и достоинствах, славе и снисходительности, справедливости и щедрости.* – В оригинале здесь (как нередко и в других речах Торлейва в этой сцене) используется аллитерация: Hefi eg mikla spurn af **h**öfðingskap yðrum og **h**arðfengi, **v**isku og **v**insældum, **l**agasetning og **l**ítillæti, **ö**rleik og allri **a**tgervi (*ÍSÞ* III, 2270).

[20] *...Эйрика, его сына.* – Ярл Эйрик, незаконнорожденный старший сын Хакона Могучего, правил в Норвегии после гибели конунга Олава Трюггвасона (1000–1013).

[21] *...в середине Ярлова Нида.* – Нид – хулительные стихи, как считалось, обладавшие непосредственной магической действенностью. О том, что Торлейв сложил нид о ярле Хаконе, сообщается в жизнеописании Олава Трюггвасона монаха Одда Сноррасона (*ÓTOdd*, 71), конца XII в., где сказано, что исландец Торлейв сложил нид о ярле за то, что тот сжег его корабль; в другой редакции этого жизнеописания имя Торлейва не упоминается, однако сказано, что один исландец сложил о ярле длинную «злую» песнь, полную «язвительными и редко слышимыми вещами». (О ниде Торлейва, обращенном против ярла Хакона, см. также в «Пряди о Халли Челноке».)

[22] *...от лежбища ужья / дым ложится дюже.* – Торлейв припоминает ярлу свое разграбленное имущество и спаленный корабль (ужье лежбище – богатство, добро). Высказывалось мнение, что процитированный в пряди фрагмент «Туманных Вис» в действительности едва ли мог являться составной частью нида Торлейва, передававшейся в устной традиции: скорее всего, он был заменен другой полустрофой (возможно, принадлежащей тому же скальду), поскольку вера в магическую функцию нида предполагает и представление о том, что воспроизведение обладающих разрушительной силой хулительных стихов таит в себе опасность их отрицательного магического воздействия. Туман, вызванный колдовством, – распространенная тема в древнескандинавской литературе (ср., например, в «Саге о Ньяле», гл. 12, где рассказывается, как колдун Сван накликал туман, и приводится его заклинание: «Встань, туман, нагрянь слепота и морока, на всех, кто тебя преследует», *ИС* II, 71), поэтому подмена фрагмента нида полустрофой подобного содержания кажется вполне вероятной (см. об этих стихах: *Гуревич Е.А., Матюшина И.Г.* Поэзия скальдов. М., 2000. С. 482 и след.).

[23] *...выпала у него вся борода...* – Знак того, что в результате действия нида ярл утратил мужественность и стал женоподобным.

[24] *...князя трёндов...* – т.е. ярла Хакона; трёнды – население Трандхейма.

[25] *...льва бури...* – корабля.

[26] *...брани Ньёрд...* – муж, воин. Ньёрд – один из языческих богов-ванов.

[27] *...страж земли...* – правитель, имеется в виду ярл Хакон.

[28] *...в честь наречения имени дать тебе в дар...* – Как неоднократно сообщается в разнообразных источниках, присвоение прозвища сопровождалось дарением, причем подарки должен был давать тот, кто нарекал именем (ср. в рассказе «Младшей Эдды» о Хрольве Жердинке: «...в обычае, нарекши именем, давать подарок», *МЭ*, 146). Нарекая Торлейва «ярловым скальдом» (jarlaskáld), Свейн употребляет слово jarl во множественном числе (Скальд Ярлов), что как будто бы находит соответствие в словах пряди о том, что в ниде упоминался и сын Хакона, ярл Эйрик, однако в «Третьем грамматическом трактате» Торлейв назван jarlsskáld (Скальд Ярла), а в одной из редакций «Перечня скальдов» он носит прозвище Hákonarskáld (Скальд Хакона). В разных изданиях название пряди варьируется в зависимости от избранного издателем варианта прозвища героя: «Þorleifs þáttr jarlsskálds» или «Þorleifs þáttr jarlaskálds».

[29] *...в устье той реки, что зовется Бычья.* – См. примеч. 5 к «Пряди об Орме сыне Сторольва».

[30] *Леса под Островными Горами* – название двора в местности на юге Исландии.

[31] *Бонд* – домохозяин, свободный человек, букв.: житель (от глагола búa «жить»).

[32] *Траси Старый* – об этом родовитом первопоселенце, обосновавшемся в Лесах (название его двора), рассказывается в «Книге о заселении страны» (*Land.*, 304, 338).

[33] *Склон Мыса в Комариной Долине* – местность на юге Исландии, лежащая к востоку от Лесов (см. примеч. 32).

[34] *...Торгерд Невесту Храма и сестру ее, Ирпу...* – Торгерд Невеста Храма и Ирпа упоминаются в разных источниках как языческие богини (или великанши),

защитницы ярла Хакона. В «Саге о йомсвикингах» (гл. 32–34) даже рассказывается о том, как ярл умилостивил отвернувшуюся от него Торгерд, принеся ей в жертву собственного малолетнего сына. Торгерд называли также Невестой Хёльги (считалось, что она была дочерью легендарного конунга Хёльги из Халогаланда, области на севере Норвегии).

[35] *Альтинг* – всеисландское народное собрание (см. примеч. 8 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога»).

[36] *...на тинге...* – См. примеч. 10 к «Пряди о Сигурде Слюне»; в данном случае имеется в виду альтинг.

[37] *...шел от своей землянки...* – Участники альтинга, прибывавшие из всех частей острова, жили на Полях Тинга (Þingvellir: см. примеч. 8 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога») в землянках, следы которых видны и по сей день.

[38] *Секирная Река* – река, протекающая по Полям Тинга.

[39] *Турс* – великан, здесь имеется в виду Торгард.

[40] *...тополь драки...* – муж, воин.

[41] *Гаут грома сечи...* – муж, воин (гром сечи – битва; Гаут – одно из имен Одина).

[42] *Хель* – загробный мир, обитель мертвых, а также имя его владычицы – великанши-смерти.

[43] *Лёгретта* – законодательный совет альтинга, собиравшийся в специально отведенном для него месте на Полях Тинга. В его функции входило как исправление уже действующих законов, так и принятие новых. Лёгретта состояла из 39 годи (могущественные предводители), каждого из которых сопровождали двое советчиков из числа их тингманнов (см. примеч. 11 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога»), причем правом голоса обладали только годи. Именно лёгретта избирала сроком на три года высшее должностное лицо – законоговорителя, которому надлежало хранить в своей памяти и разъяснять законы, а также ежегодно на альтинге публично произносить со Скалы Закона третью часть всего свода законов, действующих в стране.

[44] *...даритель древка...* – муж, воин.

[45] *...заботься о кеннингах.* – Кеннинг – двухчастная перифрастическая субстантивная фигура, состоящая из «основы» и «определения» и выступающая в языке скальдов в роли поэтического заместителя обычного существительного. «Основа» в кеннинге обычно служит метафорическим обозначением подразумеваемого понятия, а «определение» (его выражает существительное в родительном падеже) берется из денотативной сферы референта (напр., скакун лагуны – корабль). Кеннинги зашифровывают ключевые понятия скальдической поэзии и могут быть как двучленными, так и многочленными. Об описанной здесь процедуре передачи поэтического дара см. в кн.: *Гуревич Е.А., Матюшина И.Г.* Поэзия скальдов. С. 227–229, 243 и след.

[46] *...вспомнил вису ⟨...⟩ Потом Халльбьёрн сочинил хвалебную песнь о жителе кургана...* – Как заметил издатель «Пряди о Торлейве» Йоунас Кристьянссон, история о Халльбьёрне весьма напоминает рассказ о Бэде, содержащийся в исландской рукописи XIV в. AM 764 4to (47. bls.), который и мог послужить для нее образцом. В этом рассказе объясняется, почему Бэду после его смерти прозвали Достопочтенным (venerabilis), а не Благословенным (beati): «Случилось так, что один клирик захотел сочинить стихи на месте его погребения и начал так: “Здесь в яме” (Hac

sunt in fossa). А дальше никак у него не выходило складно. Спустя некоторое время он опять пришел к могиле этого доброго человека. Увидел он тут, что стихи были совсем готовы, и вот их начало: “Здесь в яме кости Бэды Достопочтенного” (Hac sunt in fossa Bedae venerabilis ossa)» (Eyfirðinga sögur / Jónas Kristjánsson gaf út. Reykjavík, 1956. Bls. C–CI. (*ÍF* IX)). При несомненном сходстве с рассказом о Халльбьёрне, эта история обнаруживает, однако, важные отличия от эпизода пряди: во-первых, в ней нет и намека на чудесное общение клирика с благочестивым покойником, в результате которого могло бы иметь место внезапное обретение неумелым сочинителем поэтического дара; во-вторых, в этой истории ничего не сказано о том, кем были сочинены стихи о Бэде, из чего можно заключить, что они были ниспосланы на его могилу свыше.

[47] *...сделался великим скальдом ⟨...⟩ О нем ходит большая сага и здесь в стране, и за ее пределами, однако здесь она не записана.* – Ни упомянутая в пряди сага, ни фрагменты других поэм Халльбьёрна не сохранились, и сведений о них нет ни в каких других источниках. Имя Халльбьёрн Хвост появляется, однако, в «Перечне скальдов», где он назван среди поэтов, складывавших стихи в честь шведского конунга Кнута сына Эйрика (ум. 1195) и норвежского конунга Сверрира (ум. 1202). Таким образом, если скальд Халльбьёрн Хвост – не вымышленный персонаж, он должен был жить в конце XII в.

[48] *...не суждено им было учинить расправу над Хаконом ярлом, ибо не успел он еще тогда совершить всех злодеяний ⟨...⟩ себе же на позор и на погибель.* – Как сообщается в разных версиях саги об Олаве Трюггвасоне, Хакон ярл был убит собственным рабом по имени Карк, когда прятался в яме в свином хлеву в усадьбе своей возлюбленной от восставших против него бондов, которые были возмущены тем, что ярл отнимал у них их жен. Завершая в «Круге Земном» рассказ о бесславной кончине ярла, Снорри Стурлусон, а вслед за ним и автор «Большой саги об Олаве Трюггвасоне» (позднейшая редакция которой – с интерполированной в нее «Прядью о Торлейве» – была включена в «Книгу с Плоского Острова», см. *Flat.* I, 239), в отличие от автора пряди, старается избежать однозначно отрицательной характеристики этого правителя, причем в подкрепление своих слов приводит прославляющую ярла строфу из песни, сложенной о нем Торлейвом сыном Рыжей Шкуры, иначе говоря, героем нашей пряди: «Вражда к Хакону ярлу была так велика у жителей Трёндалёга, что никто не смел называть его иначе как Злым Ярлом. Это прозвище долго потом сохранялось за ним, но если говорить правду о Хаконе ярле, то о нем надо сказать, что он соединял в себе многое, что нужно в правителе: во-первых, высокое происхождение, затем ум и уменье править державой, мужество в битвах, а вместе с тем и удачу в войне и сраженьях с врагами. Торлейв сын Рыжей Шкуры говорит так: “Кто под небосводом / Хакону подобен? / В свисте стрел вознесся / Ты, тростник валькирий (т. е. воин. – *Е.Г.*). / К Одину спровадив / Самодержцев девять, / Ярл простер далече / Длань, товарищ враний”. Хакон ярл был очень щедр. Но этому могущественному правителю очень не повезло в день его смерти. И причиной этому было в основном то, что настали времена, когда стали осуждать язычество и язычников, и святая вера и правильные нравы заступили их место» («Сага об Олаве сыне Трюггви», гл. 50, стихи в пер. О.А. Смирницкой: *КЗ*, 131–132; о хвалебной песни Торлейва в честь ярла Хакона см. выше).

ПРЯДЬ ОБ АЛЬБАНЕ И СУННИВЕ

Рассказ об Альбане и Сунниве («Albani þáttr ok Sunnifu») известен из жизнеописания Олава Трюггвасона монаха Одда Сноррасона (конец XII в.), где приводится только его первая часть, а также созданной в 1350–1375 гг. «Большой саги об Олаве Трюггвасоне», AM 61 fol. (*ÓT* – Óláfs saga Tryggvasonar en mesta / Ed. Ólafur Halldórsson. Copenhagen, 1958. Vol. I. P. 244–253: гл. 106), и более поздней версии «Большой саги» в «Книге с Плоского Острова» (так называемая редакция *F*). В этой позднейшей редакции, относящейся к последней трети XIV в., рассказу предпослано заглавие «О смерти Альбана и Суннивы» (в других рукописях: «О Сунниве», «О людях с Сельи»). Ни в одной из этих версий саги об Олаве Трюггвасоне рассказ не назван прядью, т.е. не заявлен как интерполяция в текст королевской биографии, что вовсе не исключает его независимого происхождения.

Прядь включает в себя как собственно житие святой, так и повествование о зарождении ее культа в Норвегии.

Перевод выполнен по изд.: Fornar smásögur úr noregskonunga sögum / E. Gardiner gaf út. Reykjavík, 1949. Bls. 42–49 (в этом издании воспроизведена редакция *F*) и сверен с текстом пряди в «Книге с Плоского Острова» (*Flat.* I, 242–246). На русском языке прядь публикуется впервые.

[1] *...во времена Хакона ярла...* – См. примеч. 1 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».

[2] *...ни на одном из их кораблей не было ни паруса, ни весел, ни руля, ни снастей...* – Мотив странствия «без руля и без ветрил» распространен в средневековой литературе. Так, в житии св. Марты в «Золотой легенде» Иакова Ворагинского (ок. 1260) рассказывается о ее плавании на корабле, не имевшем руля: «После вознесения Господа нашего... она вместе со своим братом Лазарем и своей сестрой Марией, и также св. Максимином, который их крестил и которому они были вверены Святым Духом, и со многими другими были посажены язычниками на корабль без паруса, весел и руля и, ведомые Господом нашим, прибыли все в Марсель...» (The Golden Legend or Lives of the Saints Compiled by Jacobus de Voragine, Archbishop of Genoa, 1275 Englished by William Caxton, First Edition 1483 / Ed. by F.S. Ellis. L., 1900, см. интернет-ресурс: http://www.catholic-forum.com/saints/golden239.htm). Ср. также в «Англосаксонской хронике» (Паркерская рукопись), где под 891 годом приведен рассказ о трех ирландцах, которые прибыли к королю Альфреду на лодочке, обтянутой шкурами, у которой не было рулевого весла, «ибо они желали отправиться в изгнание из любви к Богу, все равно куда» (Two of the Saxon Chronicles parallel with supplementary extracts from the others / Ed. Ch. Plummer. Oxford, 1965. P. 82; *Chadwick N.K.* The Age of the Saints in the Early Celtic Church. L., 1963. P. 80).

[3] *...к югу от мыса Стад.* – Полуостров Стад (совр. Стад, или Стадланд) в средней Норвегии, наиболее выдающийся мыс на западном побережье, отделяющий Южный Мёр от Фьордов. Мыс Стад часто упоминается в сагах в качестве границы между северными и южными норвежскими землями.

[4] *Один из этих островов зовется Селья, а другой Кин.* – Небольшие острова в Нурфьорде, в северной части Согна и Фьордов, областей на западе Норвегии.

Помимо легенды о св. Сунниве, с островом Селья (или Сэла) связана и другая история, которую рассказывает Снорри Стурлусон в «Саге об Олаве Святом» (гл. 29): «...когда Олав вернулся в свою страну, он подошел к берегу в средней Норвегии. Тот остров, где они сошли на берег, называется Сэла, и расположен он недалеко от мыса Стад. Конунг сказал тогда, что в счастливый день они приплыли в Норвегию, потому что они пристали именно к Сэле, и в этом он видит хорошее предзнаменование (sæla по-исландски "счастье". – *Е.Г.*). Когда они сходили на берег, конунг ступил ногой на глину, поскользнулся и упал на колено. Конунг сказал: "Я упал". Храни тогда говорит: "Ты не упал, конунг, ты прочно встал на землю этой страны". Конунг усмехнулся и сказал: "Пусть будет так, если это угодно господу"» (*КЗ*, 179).

[5] Приведенный здесь рассказ об отъезде Суннивы из Ирландии, ее прибытии на остров Селья и гибели содержится также в жизнеописании Олава Трюггвасона монаха Одда Сноррасона, где он, однако, излагается в значительно более сжатой форме (*ÓTOdd*, kap. 30, 21: bls. 100–102); последующие части рассказа впервые появляются в «Большой саге об Олаве Трюггвасоне» (*ÓT*).

[6] *...к власти в Норвегии пришел Олав конунг...* – Олав приехал в Норвегию и был провозглашен конунгом в 995 г. Олав родился ок. 968 г. Как рассказывается в сагах, его отец, Трюггви сын Олава, правитель юго-восточной Норвегии, был убит до рождения сына, что заставило его мать Астрид, дочь Эйрика Бьодаскалли, скрываться и бежать из страны сперва в Швецию, а затем в Гардарики (на Русь), где Олав провел девять лет, до достижения им восемнадцатилетнего возраста, у «конунга Вальдимара» – князя Владимира Святославича. Затем Олав под именем Али (или Оли) успешно воевал в Балтийском море, в Северной Европе и на Британских островах и прослыл грозным викингом (см. *КЗ*: «Сага об Олаве сыне Трюггви», гл. 1–47). По сообщению «Англосаксонской хроники», Олав был крещен королем Этельредом в 994 г., после чего пообещал никогда больше не нападать на Англию.

[7] *Ульвасунд* – пролив Ульвесунн в Нурфьорде.

[8] *...в Хладир...* – См. примеч. 1 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».

[9] *...епископ Олава конунга, которого он привез с собой из Англии, его имя было Сигурд, а прозвали его Сигурд Могучий...* – По сообщению Одда Сноррасона, прибывшего вместе с конунгом из Англии епископа звали Йон, а «другое его имя было Сигурд» (*ÓTOdd*, kap. 28, 81: bls. 98, 246). О епископе Сигурде Могучем (ум. ок. 1008) подробно рассказывается в «Книге с Плоского Острова» (*Flat.* I, 511–517).

[10] *...оставались в белых одеждах...* – Крестильные белые одежды носили в течение недели после совершения таинства крещения.

[11] *...тинг на Драгсейде на Стаде...* – О тинге четырех фюльков (Согна, Фьордов, Южного Мёра и Раумсдаля), на котором Олав Трюггвасон вынудил жителей этих областей принять христианство, рассказывается в «Круге Земном» (*КЗ*, 136).

[12] *Магнус конунг сын Эрлинга Кривого* – норвежский конунг (1161–1184), сын ярла Эрлинга Кривого (ум. 1179), сына Кюрпинга-Орма, и Кристин, дочери конунга Сигурда Крестоносца.

[13] *...на тринадцатый год его правления ⟨...⟩ архиепископ Томас.* – Тринадцатый год правления Магнуса Эрлингссона приходится на 1173 г., в этом же году был канонизирован архиепископ Кентерберийский Томас Бекет, убитый 29 декабря 1170 г.;

в Исландии о нем была написана «Сага о Томасе архиепископе». В более ранней редакции пряди в «Большой саге об Олаве Трюггвасоне» (*ÓT*) эти хронологические вехи отсутствуют, сказано лишь, что мощи св. Суннивы были перенесены на юг в Бьёргюн (Берген) и что теперь они покоятся там в большой усыпальнице в церкви Христа (i Kristz kirkíu).

[14] *...брат Суннивы по имени Альбан, находился среди тех святых людей, которые отправились вместе с Суннивой...* – Об этом пишет монах Одд Сноррасон (*ÓTOdd*, kap. 30: bls. 101 f.). Автор употребляет латинизированные формы имени – Albanus, Albano.

[15] *...первым принявшего муки во имя Господне ⟨...⟩ Альбана, убитого в Англии.* – Брат Суннивы Альбан отождествляется, таким образом, с первомучеником Англии св. Албанием Веруламским, обратившимся в христианство бриттско-римским воином, как считается, обезглавленным в III в. во время преследования христиан при Диоклетиане. О почитании св. Альбана впервые упоминается в V в. (см. также примеч. 47 к «Пряди об Орме сыне Сторольва»). По другим сведениям, мощи св. Альбана хранились в соборе в Оденсе (Дания) вместе с мощами св. Кнута.

[16] *...черных братьев.* – Т.е. доминиканцев.

[17] *Перед церковью же, что стоит у пещеры ⟨...⟩ между ручьем и валом.* – Это описание присутствует лишь в редакции пряди в «Книге с Плоского Острова». Бенедиктинский монастырь был основан на острове Селья в конце XI в.

[18] *...в восьмой день месяца июля...* – Праздник св. Суннивы и ее последователей (Seljumannamessa) до сих пор отмечается 8 июля.

ПРЯДЬ О ТОРСТЕЙНЕ БЫЧЬЯ НОГА

«Прядь о Торстейне Бычья Нога» («Þorsteins þáttr uxafóts») сохранилась в «Книге с Плоского Острова» – в первой части этой компиляции, которая была записана Йоном Тордарсоном в 1387–1388 гг., где история Торстейна включена в «Большую сагу об Олаве Трюггвасоне» (гл. 201–214: *Flat.* I, 249–263), а также в ряде бумажных списков XVII в. В «Книге с Плоского Острова» (в этой рукописи ей предпослано соответствующее заглавие – «Þaattr Þorsteins Vxafots») прядь приводится в связи с рассказом о начале заселения Исландии и прибывших в страну первопоселенцах – редактор вставил ее сразу же вслед за сообщением об Ингольве Арнарсоне, первом норвежце, переселившемся в Исландию. Таким образом, излагаемые в начале пряди исторические сведения о первом исландском «законодателе» Ульвльоте, учреждении всеисландского народного собрания – альтинга, разделении страны на четверти и т.д., не имеющие прямого отношения к описываемой далее судьбе и приключениям Торстейна, и дали составителю книги повод поместить этот рассказ в контекст, весьма мало связанный с его фабулой. В позднейших списках рассказ о Торстейне приводится в качестве отдельного повествования и именуется как «прядью» (например, AM 552 h 4to, 1675–1699 гг.), так и «сагой» (например, AM 562 b 4to, 1620–1670 гг.).

Отсутствие каких бы то ни было упоминаний о Торстейне Бычья Нога в «сагах об исландцах» или в исландских генеалогиях – несомненное свидетельство того, что приведенный в «Книге с Плоского Острова» рассказ – это вымышленная история, не

имеющая корней в устной традиции. На это же указывают приписываемое главному герою происхождение (в пряди он представлен как незаконорожденный отпрыск знатного норвежского и могущественного исландского родов), а также вся его исландская предыстория, очевидно призванные придать достоверность как фигуре самого Торстейна, так и совершенным им впоследствии подвигам (см.: *ÍF* XIII. Bls. CLXXIII). Сопоставление приведенных в пряди биографических и топонимических сведений с информацией, содержащейся в «Книге о заселении страны», показывает, что исландский «контекст», в котором, как следует из рассказа, появился на свет и провел свою юность его герой, складывается из имен и названий, а иногда и целых фрагментов текста, почерпнутых из этого (или весьма близкого к этому) письменного источника (см. комментарии).

Есть достаточно оснований полагать, что и самое имя героя пряди – Торстейн Бычья Нога было заимствовано автором рассказа из книжного источника, а именно из списка воинов-защитников корабля Олава Трюггвасона, Великого Змея. Торстейн Бычья Нога появляется в этом перечне во всех известных версиях «Саги об Олаве Трюггвасоне» (лишь в редакции саги в «Красивой Коже» у воина по имени Торстейн отсутствует прозвище). Самый ранний из этих источников – жизнеописание Олава Трюггвасона, составленное монахом Оддом Сноррасоном (конец XII в.), называет Торстейна Бычья Нога выходцем из Ховунда (в Теламёрке на юге Норвегии), в других версиях «королевской саги» о его происхождении не сказано ни слова. Не исключено, что именно сообщение Одда, из которого следует, что Торстейн был не исландцем, а норвежцем, и навело автора пряди на мысль приписать отцовство Ивару Лучу (о чем упоминается и в «Пряди о Сёрли», истории, также вставленной в эту сагу Йоном Тордарсоном и известной исключительно из «Книги с Плоского Острова»). Тогда как в более ранних вариантах саги об Олаве воин по имени Торстейн лишь упоминается, в отдельной «Большой саге об Олаве Трюггвасоне» (начало XIV в.), а затем и в более поздней редакции этой саги в «Книге с Плоского Острова», в одной из сцен, описывающих оборону Великого Змея в битве при Свёльде, рассказывается, как Торстейн, заявив, что каждый должен делать то, что он может, ударом кулака сбрасывает за борт одного из нападавших, а затем в ярости хватает палицу (или рангоут) и отбивается им от врагов. Конунгу, однако, пришлись не по душе избранные Торстейном средства, и он велел ему взять оружие и защищаться им, поскольку «оружие на то и существует, чтобы люди сражались им в битвах, вместо того чтобы наносить удары руками или палками» (*ÓT* II, 284; *Flat.* I, 491). Высказывалось предположение, что именно эта сцена, а также открывающее простор для фантазий прозвище героя и могли дать толчок для появления рассказа о нем и что создание пряди преследовало цель снабдить упомянутого в этом эпизоде храброго силача подобающим прошлым (см.: *Binns A.L.* The Story of Þorsteinn Uxafót // Saga-Book of the Viking Society. 1953–1957. Vol. XIV. P. 40). Если это так, то одним из образцов для создания биографии Торстейна Бычья Нога могла послужить история о другом выдающемся силаче – Орме сыне Сторольва, с рассказом о котором в пряди просматривается целый ряд аналогий (см. комментарии).

Финнур Йоунссон датирует прядь началом XIV в., тогда как ее исследователь А. Биннс (*Binns A.L.* Op. cit. P. 50) полагает, что она была создана незадолго до составления «Книги с Плоского Острова». В XVIII в. были сочинены римы о Тор-

стейне; история его борьбы с великанами нашла также отражение в фарерской балладе «Stulku táttur» (Føroya kvæði: corpus carminum Færoensium / Udg. S. Grundtvig, J. Bloch. København, 1967. Bd. 4. S. 154–156).

Перевод выполнен по изд.: Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2303–2317. (Svart á hvítu); печатается впервые. Заголовки приводятся по изд.: *Flat.* I, 249–263.

[1] *Торд Борода* – Торд Борода, сын Храппа. Помимо «Книги о заселении страны» (*Land.*, 311) этот первопоселенец упоминается также в генеалогиях в «Саге о Ньяле» (гл. 26, 46).

[2] *...в Лагуне к северу от Ледниковой Реки и до Лагунной Пустоши...* – местности на юго-востоке Исландии.

[3] *...столбы его почетного сиденья...* – По обычаю, подплывая к побережью Исландии, первопоселенцы бросали за борт увезенные ими из прежнего жилища столбы почетного сиденья (öndvegissúlur), на котором сидел хозяин усадьбы, – оно располагалось в дальнем конце или посредине длинного ряда скамей, стоявших у северной стены дома. По отдельным сообщениям, эти столбы могли быть украшены резьбой с изображениями богов, что проливает свет на смысл обычая отправлять их на поиски нового пристанища для их владельцев: столбы направляла божественная сила (ср. знаменитое описание этого обычая в «Саге о людях с Песчаного Берега», гл. 4, где прямо говорится, что столбы выносит на берег вырезанный на одном из них Тор). Там, где их прибивало к берегу, и надлежало «брать землю» и ставить двор, так как это место было выбрано самими богами, а значит, считалось наиболее благоприятным. Как следует из настоящего рассказа (и свидетельств «саг об исландцах»), иногда столбы почетного сиденья обнаруживались лишь спустя годы после прибытия в Исландию, что влекло за собой переселение на новое место.

[4] *...в Глинистом Заливе под пустошью...* – Местность в Лебяжьем Фьорде на востоке Исландии.

[5] *...Ульвльоту Лагману...* – Так в оригинале (lögmanni), но, по-видимому, правильнее Ульвльоту Законоговорителю (lögsögumanni), поскольку, согласно исландскому историку Ари Мудрому, Ульвльот был первым законоговорителем страны (по другим сведениям, это был Храфн сын Лосося; см. примеч. 6 к «Пряди об Орме сыне Сторольва»). Лагман – в Норвегии знаток и хранитель законов, который произносил их на судебном собрании, тинге (то же, что исландский законоговоритель); в Исландии лёгманнами (lögmenn) называли знатоков законов, к чьей помощи и советам в трудных случаях должен был прибегать законоговоритель (согласно судебнику «Серый Гусь», таких советников должно было быть не менее пяти; см.: *Byock J.L.* Medieval Iceland. Berkeley; Los Angeles; L., 1988. P. 64).

[6] *...сыном Торы дочери Кетиля Хёрда-Кари. Кетиль был сыном Аслака Кари Бобра сына Уннара Орлиный Рог.* – Кетиль Хёрда-Кари, или Хёрда-Кари (так в «Саге о людях с Песчаного Берега», гл. 13), т. е. Кари из Хёрдаланда (см. об этом знатном норвежском предводителе в примеч. 5 к «Пряди о Сигурде Слюне»; имя Кари Бобер упоминается в гл. 5 «Пряди об Орме сыне Сторольва»). Эта же генеалогия с некоторыми вариациями, выдающими ее легендарное происхождение, приводится в «Саге о Торде Пугале» и в «Книге о заселении страны» (см.: *Land.*, 312, nm. 5).

[7] *...уехал в Норвегию и пробыл там три зимы. Они с Торлейвом Умным, братом его матери, составили тогда законы, которые потом стали называть Законами Ульвльота.* – Это же сообщение содержится в «Книге о заселении страны» (*Land.*, 313) и в отрывке из «Саги о Торде Пугале» (гл. 1); в последней, однако, возраст Ульвльота ко времени его поездки в Норвегию не указывается. В «Книге об исландцах» (гл. 2) Ари Мудрый пишет, что когда Исландия «уже была широко заселена» (víða byggt orðit), «норвежец по имени Ульвльот» привез из Норвегии законы, которые стали называть Законами Ульвльота, причем утверждает, что «по большей части они были составлены на основании тогдашних Законов Гулатинга» и что Торлейв Умный советовал, что в них нужно «добавить, или изъять, или составить иначе» (*Land.*, 6 f.). Согласно записи в анналах, Ульвльот возвратился в страну в 927 г. При том что большинство первопоселенцев были выходцами из Западной Норвегии (областей вокруг Согнефьорда, где действовало право Гулатинга, – фюльков Фьорды, Согн и Хёрдаланд), утверждение о том, что исландские законы («Серый Гусь») были созданы по образцу норвежских (и норвежцами), неоднократно подвергалось сомнению исследователями, указывавшими как на немалые различия в самих судебниках, так и на стоявшую перед исландцами необходимость приспособить их право к отличной от норвежской системе управления («народоправство»); кроме того, выражалось сомнение в древности норвежских «Законов Гулатинга» и высказывалась точка зрения, что они оформились уже после учреждения исландского альтинга (см. об этом: *Byock J.L.* Medieval Iceland. P. 58).

[8] *...был учрежден альтинг...* – Всеисландское народное собрание (альтинг) было учреждено в 930 г. В «Книге об исландцах» Ари Торгильссон рассказывает, что до того, как был учрежден альтинг, побратим Ульвльота, Грим Козлиная Борода, по его настоянию изучил всю страну, после чего по совету Ульвльота было выбрано место для проведения альтинга – Поля Тинга у Секирной Реки на юго-западе страны. Альтинг собирался ежегодно по прошествии десяти недель от начала лета (т. е. в конце июля) и проводился в течение двух недель. До 60-х годов XIII в., когда Исландия была подчинена власти норвежского короля, альтинг был единственным органом власти в стране.

[9] *...духов страны.* – Речь идет о духах-хранителях страны (landvættir), от настроения и расположения которых зависел мир и благополучие ее жителей. Нет никаких описаний, позволяющих судить о том, как эти духи выглядели, хотя в сагах сообщается о людях, видевших их. Одно из самых знаменитых таких сообщений содержится в «Саге об Олаве сыне Трюггви» (гл. 33), в рассказе о несостоявшемся вторжении в Исландию войска датского конунга Харальда сына Горма (ум. 986). Прежде чем плыть туда со своей флотилией, этот правитель послал на разведку одного колдуна, принявшего обличье кита. «Подплыв к Исландии, он отправился на запад и обогнул страну с севера. Он увидал, что все горы и холмы полны там духами страны, большими и малыми...» (*КЗ*, 118). К духам Норвегии обращается скальд Эгиль сын Скаллагрима, когда он проклинает конунга Эйрика Кровавая Секира и его жену, воздвигая против них на острове Хердла хулительную жердь с насаженным на нее лошадиным черепом: «Я воздвигаю здесь эту жердь и посылаю проклятие конунгу Эйрику и его жене Гуннхильд, – он повернул лошадиный череп в сторону материка. – Я посылаю проклятие духам, которые населяют эту страну, чтобы они все блуждали без дороги

и не нашли себе покоя, пока они не изгонят конунга Эйрика и Гуннхильд из Норвегии» («Сага об Эгиле», гл. 57: *ИС* I, 145). Представление о том, что духи страны населяли рощи, скалы, холмы и водопады, не исчезло и в христианскую эпоху – в норвежском своде законов конца XIII в. содержится положение, направленное против этого языческого суеверия. К записанной в «Книге Хаука» (начало XIV в.) гомилии исландский редактор сделал дополнение о глупых женщинах, которые приносят еду к грудам камней и в пещеры, посвящают ее духам страны и лишь потом съедают ее, считая, что тем самым они обеспечивают себе благополучие (см.: *Turville-Petre E.O.G.* Myth and Religion of the North. L., 1964. P. 232 f.).

[10] *В каждом главном капище на алтаре должно было лежать кольцо весом не меньше чем в два эйрира.* – Более обстоятельное описание исландского капища содержится в начале «Саги о людях с Песчаного Берега» (гл. 4): «Он поставил у Капищного Залива большой хутор и назвал его Капищный Двор. Там же он велел возвести капище; это был большой дом. В боковых стенах, ближе к углам, были прорезаны двери. Внутри стояли столбы почетной скамьи; они были закреплены гвоздями; гвозди эти звались боговыми. Внутри капища было большое святилище. В помещении была постройка вроде хора в нынешних церквях, и там посреди пола стоял жертвенник, как алтарь в церкви. Поверх него лежало незамкнутое кольцо весом в двадцать эйриров (по всей видимости, ошибка: в других редакциях саги "в два эйрира"; эйрир – унция, равнялась примерно 27 г. – *Е.Г.*). На нем следовало приносить все клятвы. Кольцо это годи капища должен был надевать на руку на всех сходках. На жертвеннике также должна была стоять жертвенная чаша с прутом наподобие кропила. Им следовало разбрызгивать из чаши ту кровь, что звалась "долей", – то была кровь умерщвленных животных, принесенных в жертву богам. Вокруг жертвенника в задней части капища стояли боги» (Исландские саги. М., 2004. Т. 2. С. 25). Неизвестно, в какой мере это созданное в XIII в. описание языческого капища было подвержено влиянию представлений об устройстве привычных автору-христианину церковных сооружений. Поскольку археологи до сих пор не нашли в Исландии ни одной постройки, которая имела бы следы использования исключительно в культовых целях, предполагают, что капище, в котором совершались языческие ритуалы, располагалось непосредственно в помещениях большого дома, т. е. на территории усадьбы жреца-годи (см. след. примеч.).

[11] *Годи* – хотя наименование goði (от goð «языческое божество») указывает на изначальную жреческую функцию лиц, имевших это звание, у скандинавов не существовало профессиональных жрецов. Годи был одновременно предводителем местного населения (бондов), судьей и жрецом, осуществлявшим все эти функции в так называемом годорде (goðorð) – округе, находившейся под властью годи (см. примеч. 15). Первые исландские годи были избраны из числа наиболее авторитетных, знатных и могущественных первопоселенцев, прибывших в страну в эпоху «взятия земли» (landnám), между 870 и 930 гг. Звание годи, как и принадлежавший ему годорд, передавалось по наследству, однако могло и покупаться. С принятием христианства годорды утратили культовый характер, но до конца эпохи народоправства (1262) годи сохраняли определенные властные функции. Каждый свободный исландец должен был принадлежать к одному из годордов, причем не обязательно по месту жительства, но и по собственному выбору, и быть так называемым тингманном того или

иного годи (тингманн – полноправный участник тинга), с которым его связывали отношения взаимной поддержки.

[12] *...принести присягу на этом кольце...* – О древнем обычае приносить клятвы на кольце (baugeið) говорится во многих источниках, причем самое раннее свидетельство (последняя четверть IX в.) содержится в «Англосаксонской хронике», где сообщается о том, что завоеватели-викинги присягали королю Альфреду на священном кольце. В «Речах Высокого» (строфа 110) сказано, что Один дал клятву на кольце, однако не сдержал ее, а в «Гренландской Песни об Атли» упоминается клятва, принесенная на кольце Улля (одного из древнескандинавских богов-асов).

[13] *...Фрейр, и Ньёрд, и всемогущий ас...* – Фрейр – божество из рода ванов, бог плодородия, сын Ньёрда (см. о Фрейре в «Пряди об Эгмунде Битом и Гуннаре Пополам»). Под «всемогущим асом» (асы – самое многочисленное племя древнескандинавских богов, возглавляемое Одином), по-видимому, подразумевается Тор, поскольку он весьма почитался в Исландии. Высказывалось мнение, что упоминаемая здесь троица может указывать на христианское происхождение этой формулы, кроме того, нет других примеров, где бы слово almáttigr «всемогущий» употреблялось применительно к языческому божеству (*Land.*, 314 f., nm. 6).

[14] *...полагается по закону выполнить на этом тинге.* – В христианское время в эту присягу были внесены изменения; ср. в «Саге о Ньяле» (гл. 143): «Я призываю вас в свидетели того, что я приношу присягу на книге, как полагается по закону, и говорю Богу, что я буду вести защиту по совести, по правде и по закону и выполню все, что мне полагается по закону выполнить на этом тинге» (*ИС* II, 323).

[15] *Страна была тогда поделена на четверти, и было установлено, что в каждой четверти должно быть по три тинга и по три главных капища в каждом округе.* – Исландия была разделена на четыре административные единицы (четверти) – северную, западную, южную и восточную – не ок. 930 г., т. е. при учреждении альтинга, как следует из данного сообщения, а ок. 965 г. В каждой четверти (кроме северной) было по 9 годордов (здесь они названы «главными капищами»), по 3 в каждом судебном округе (þingsókn – местность, в которой был свой тинг), и соответственно по 9 годи, которые назначали судей, решавших тяжбы жителей данной округи на местных тингах. Местные тинги также называли весенними по времени их проведения (конец четвертой недели лета, приходившийся на конец мая и начало июня). В северной четверти, наиболее густонаселенной части страны, было 4 тинга и 12 годи. Тогда же был учрежден суд четырех четвертей, собиравшийся в середине лета на альтинге и состоявший из 36 судей, которых выдвигали 36 годи, осуществлявшие контроль над местными судебными собраниями; в него передавались тяжбы, не нашедшие разрешения на местных тингах.

[16] *...подать капищу...* – См. примеч. 31 к «Пряди о Торвальде Путешественнике».

[17] *...поселился в Капище* ⟨...⟩ *Бёдвар Белый из Вёрса...*– Согласно «Книге о заселении страны», знатный норвежец Бёдвар Белый пристал к берегу в Лебяжьем Фьорде на востоке Исландии и занял там землю; Капище – название двора Бёдвара: сообщается, что он воздвиг в нем большое капище (*Land.*, 310). Вёрс (совр. Восс) – селение в Хёрдаланде, откуда переселился Бёдвар. Начало пряди (вплоть до упоминания Бёдвара Белого) целиком и почти дословно совпадает с соответствующей

записью в «Книге о заселении страны» (*Land.*, 311–315: H 268); поскольку те же сведения приводятся и в отрывке из «Саги о Торде Пугале», это совпадение может объясняться только заимствованием из «Книги о заселении страны» (или иного, общего для всех этих текстов источника).

[18] *Халль с Побережья* (Síðu-Hallr) – родовитый и могущественный исландец, о котором говорится во множестве саг, а также в ряде прядей, рассказывающих о его сыновьях (см. прежде всего «Прядь о Тидранди и Торхалле», действие которой происходит в тех же местах).

[19] *…в Крестовом Заливе к северу от Китового Фьорда.* – Местности на востоке Исландии, расположенные севернее упомянутых выше.

[20] *…Торкель. Он был сыном Гейтира ⟨…⟩ Сестра его, которую звали Оддню…* – Торкель сын Гейтира – родовитый исландец, о котором говорится во множестве саг (см. «Сагу о Ньяле», «Сагу о людях со Светлого Озера», «Сагу о сыновьях Дроплауг» и др.), в частности один из персонажей «Пряди о Пивном Капюшоне», где он выступает в качестве участника тяжбы и одного из шести годи – владельцев леса, сожженного героем этого рассказа. Торкель состоял в свойстве с Халлем с Побережья (см. примеч. 18). Автор пряди делает Торкеля жителем местности, лежащей в Китовом Фьорде, поскольку он спутал Крестовый Залив в Оружейном Фьорде, где в действительности находился двор Торкеля, с Крестовым Заливом, расположенным гораздо южнее. О сестре Торкеля, Оддню, не сообщается ни в одном другом источнике.

[21] *…его прозвали Фрейстейн Красавец.* – По всей видимости, автор пряди заимствовал это имя из «Книги о заселении страны» (*Land.*, 306), где оно, однако, принадлежит не «чужеземцу» и не «рабу», а прибывшему в Восточные Фьорды первопоселенцу, от которого ведут свой род несколько исландских семейств.

[22] *…человек по имени Крум ⟨…⟩ по другую сторону от Крачкового Мыса.* – О Круме, первопоселенце, прибывшем из Вёрса вместе с Ториром Верзилой (см. конец гл. 1) и поселившемся на южной стороне Китового Фьорда, говорится в «Книге о заселении страны» (*Land.*, 307), откуда, судя по текстуальным совпадениям, и были, скорее всего, заимствованы приведенные здесь сведения (см.: *ÍF* XIII. Bls. CLXXI), однако о потомках Крума Старого в этом источнике ничего не сказано. Знаменательно, что Торир Верзила и Крум упоминаются в «Книге о заселении страны» сразу же вслед за Фрейстейном Красавцем.

[23] *…Торгунна, она была дочерью Торстейна, сына Ветурлиди ⟨…⟩ сына Бьёрна Китовый Бок.* – О предках Торгунны сообщается в «Книге о заселении страны» (*Land.*, 302), где сказано, что этот Ветурлиди (здесь он назван сыном Арнбьёрна) занял землю в Городищенском Фьорде на востоке Исландии.

[24] *…Железного Скегги из Ирьяра…* – О Скегги из Ирьяра см. примеч. 4 к «Пряди о Торстейне Силе Хуторов».

[25] *…Алов, она была замужем за Клюппом херсиром, который убил конунга Сигурда Слюну.* – См. об этом в «Пряди о Сигурде Слюне» (об Алов см. также примеч. 6 к этой пряди).

[26] *Херсир* – см. примеч. 4 к «Пряди о Сигурде Слюне».

[27] *Ивар Луч* – см. о нем также в «Пряди о Сёрли» (и примеч. 37 к этой пряди).

[28] *…в Гимсаре в Трандхейме. Этот Стюркар был отцом Эйнара Брюхотряса.* – Стюркар был дедом Эйнара (об Эйнаре Брюхотрясе см. «Первую прядь о Халльдоре

сыне Снорри» и «Прядь об Эйндриди и Эрлинге»). Гимсар – родовая усадьба Стюркара, а затем Эйнара на северо-западе Норвегии. Из саги об Олаве Трюггвасоне известно, что внуку Стюркара, Эйнару Брюхотрясу, в 1000 г. было 18 лет, неясно поэтому, каким образом всего несколькими годами ранее Стюркар, к тому времени уже немолодой человек, мог наравне со своим товарищем Торстейном принимать участие в лесных экспедициях против троллей.

[29] *...Эйндриди, отец Стюркара, и Асбьёрн, отец Эйндриди Широкостопого, были братьями.* – В «Пряди об Эйндриди Широкостопом» (см. в наст. изд.) содержится это же утверждение.

[30] *...в Залив Гаути в Восточных Фьордах.* – Залив Гаути в Медведицыном Фьорде (расположен к югу от Крестового Залива, где жил Торкель) был одной из морских гаваней на восточном побережье Исландии, куда прибывали корабли из Норвегии.

[31] *...вырезала руны на палочке...* – Деревянные палочки – rúnakefli (часто специально обструганные для нанесения надписи брусочки, имеющие четыре стороны) с вырезанными на них рунами краткими сообщениями или даже длинными посланиями были найдены как в Исландии, так и на континенте; особенно многочисленны бергенские находки, обнаруженные в 1960-е годы в ходе раскопок на Брюггене (самые ранние из них относятся к концу XII в., самые поздние датируются второй половиной XIV в.).

[32] *В те времена был закон, позволявший беднякам выносить детей...* – В языческие времена новорожденных позволялось выносить и оставлять в пустынных местах, если их не было возможности прокормить. С введением христианства на этот языческий обычай был наложен запрет.

[33] *...увязался белый медвежонок...* – Несомненно, Гейтир увидел духа-двойника Торстейна (fylgja). Медведь символизирует отважного богатыря (см.: *Ellis Davidson H.R.* Myths and symbols in pagan Europe. Early Scandinavian and Celtic religions. N.Y., 1988. P. 79). Указывалось и на то, что часть используемых в пряди фантастических фольклорных мотивов (в первую очередь борьба героя с великанами в их логове) ведет свое происхождение от получивших широкое распространение сказок о сыне медведя (так называемые Bear's Son Tales: мотив B635.1; самый известный пример – «Беовульф»; см.: *ÍF* XIII. Bls. CLXXIV). Герой сказок этого типа – богатырь, либо состоящий в родстве, либо имеющий сходство с медведем, – совершает подвиги, которые не удавалось совершить никому до него: побеждает чудовищ, проникая в «нижний мир», где они обитают, вызволяет принцессу и т.д.

[34] *...уснул, а позднее ночью он стал вести себя очень беспокойно и сильно метался во сне...* – Распространенный мотив, встречающийся во множестве саг и прядей. Беспокойное поведение неизменно указывает на то, что либо спящему снится вещий сон, либо он общается во сне со сверхъестественными силами (см. также «Прядь о Халли Челноке»).

[35] *Все они были одеты в красное ⟨...⟩ на противоположной стороне кургана сидят двенадцать человек и все они одеты в черное.* – Попадая в курган, Торстейн оказывается вовлеченным в конфликт «добрых» и «злых» курганных жителей. По мнению Г.В. Вебера, они символизируют светлые и темные языческие силы, и избавление «положительных» обитателей кургана от «отрицательных» оказывается первым шагом Торстейна как на пути освобождения язычников из-под власти дьявола, так и

его собственного перехода от старого обычая к новому, поскольку именно Брюньяр сообщает герою пряди о христианской вере, которую он считает «много лучшей, чем прежняя», причем просит Торстейна «принести его имя в христианство», назвав им своего будущего сына (см.: *Weber G.W. Siðaskipti:* Das Religionsgeschichtliche Modell Snorri Sturlusons in «Edda» und «Heimskringla» // *Sagnaskemmtun*: Studies in Honour of Hermann Pálsson / Eds. R. Simek et al. Wien, 1986. S. 309–311). Упоминания об отрядах, насчитывающих дюжину воинов (как и о поездках, в которые герой отправляется «сам двенадцатый»), традиционны для саг и прядей.

[36] *...марку золота...* – См. примеч. 14 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».

[37] *...хранит золото, у которого есть такое свойство, что, если немой человек положит его себе под корень языка, он тотчас же обретет дар речи...* – Распространенный фольклорный мотив (D1507.8: «Волшебное золото, взятое из кургана / холма, восстанавливает речь, будучи положенным под язык немого»; см.: *Boberg I.M.* Motif-Index of Early Icelandic Literature. Copenhagen, 1966. P. 78).

[38] *...в следующий момент опять становятся целы и невредимы. Но когда удары наносил Торстейн, они оказывали такое же действие, как обычно.* – Ср. «Прядь о Сёрли», в которой участники нескончаемой битвы Хьяднингов просят отца Торстейна, Ивара Луча, положить конец их мучениям, убив участников сражения, – лишь пав от руки доброго христианина, они не будут обречены на то, чтобы восстать вновь и продолжить биться.

[39] *...курган стоит в Ледниковой Долине и зовется Курганом Брюньяра...* – Эти названия сохраняются по сей день. Ледниковая Долина находится в местности, лежащей неподалеку от упомянутого в следующей главе Пещерного Фьорда.

[40] *Гримкель, отец Фрейстейна, жил в Вёрсе и был женат на Алов, дочери Бруннольва, который был сыном Торгейра сына Вестара.* – Приводя эту респектабельную генеалогию недавнего раба-чужеземца, автор пряди заимствует ее у другого первопоселенца, о котором сообщается в «Книге о заселении страны» (*Land.*, 296): несколько выше записи о Фрейстейне в ней приводится запись о Брюньольве Старом, сыне Торгейра, сына Вестара, от которого ведут свой род люди из Речной Долины (Fljótsdælir), занявшем землю вокруг Ясеневого Фьорда; среди его детей нет, однако, дочери по имени Алов.

[41] *...викинг Сокки...* – О воинственном викинге по имени Сокки, грабящем и сжигающем дома бондов в Халогаланде (на севере Норвегии), после чего их сыновья переселяются в Исландию, рассказывается в начальных главах «Саги о Халльфреде Трудном Скальде».

[42] *Фрейстейн Красавец ⟨...⟩ От него происходят люди из Песчаного Залива, люди из Лесного Фьорда и люди из Пещерного Фьорда.* – Это сообщение почти дословно совпадает с соответствующей записью в «Книге о заселении страны» (*Land.*, 306 f.), откуда, по всей видимости, оно и было заимствовано автором пряди. Отождествляя Фрейстейна первопоселенца с персонажем своего рассказа, автор явно впадает в анахронизм, поскольку описываемые им события относятся не к эпохе «взятия земли» (landnám), завершившейся к 930 г., а приблизительно к 990 г. (см. об этом: *Binns A.L.* The story of Þorsteinn Uxafót. P. 47).

[43] *...пир по случаю праздника середины зимы.* – См. примеч. 12 к «Пряди об Асбьёрне Тюленебойце».

[44] *...уехал в Норвегию вместе с Кольбьёрном Неряхой.* – В «Книге о заселении страны» (*Land.*, 248 f.) упоминается Грим херсир в Агдире (Норвегия), сын Кольбьёрна Неряхи (Kolbjörn sneypir). Не исключено, что автор пряди нашел и это имя в том же источнике.

[45] *Хакон ярл-язычник пал, а на его место заступил Олав сын Трюггви...* – Описываемые события относятся, таким образом, к 995 г. О Хаконе ярле см. примеч. 1 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».

[46] *...созывает домашний тинг и спрашивает, кто хочет отправиться освобождать Хейдарског...* – Домашний тинг – сходка, на которой конунг держал совет со своими приближенными и дружинниками. Название Хейдарског больше нигде не упоминается. Не исключено, что имеется в виду Эйдаског на востоке Раумарики – большой лес на границе между Норвегией и Швецией (см.: *ÍF* XIII. Bls. 358).

[47] *Лендрманн* (lendr maðr) – знатный человек, предводитель местного населения, принесший присягу верности конунгу. Во многих случаях лендрманн получал от конунга земельное пожалование и «кормление» (так называемую вейцлу – букв.: пир), т.е. право на сбор с жителей подвластного ему округа продовольствия и угощения, предназначавшегося для конунга, а также для него самого. В руках лендрманнов было сосредоточено все управление на местах, и они лишь отчасти зависели от конунга, поскольку, помимо полученных от него пожалований, обладали собственными наследственными владениями и располагали дружинами и слугами.

[48] *...тролли были свирепы с виду.* – О троллях см. в примеч. 29 к «Пряди о Торстейне Силе Хуторов».

[49] *...хижины, поставленной для укрытия путников ⟨...⟩ Торстейн должен был принести воды, а Стюркар разжечь огонь.* – Аналогичная ситуация (хижина, в которой останавливаются путники, распределение между ними тех же обязанностей) описывается в «Саге о Халльфреде Трудном Скальде» (гл. 7). Последний мотив встречается также в «Саге о Финнбоги Сильном» и принадлежит к числу распространенных сказочных общих мест. В данном случае нельзя, однако, исключить возможность заимствования из «Саги о Халльфреде» (см. примеч. 41).

[50] *Лицо у нее было безобразное и иссиня-черное.* – Представление о том, что троллихи и тролли безобразны и темны (темноволосы и темнокожи), отражается в том числе и в даваемых им именах; ср. некоторые из их имен, перечисленных в тулах (стихотворных перечнях имен): Ама («темная»), Амгерд, Имгерд («темная Герд»), Имд («темная»); Сурт («черный»), Альсварт («весь черный»), Амр («темный»). Ср. также сообщение о «черной с виду» великанше в «Пряди о Норна-Гесте» (гл. 9).

[51] *...кроме одного-единственного местечка ⟨...⟩ если уж это место не уязвимо для железа, то наверняка никакого другого ему и вовсе не найти.* – Автор пряди использует здесь повсеместно распространенный фольклорный мотив «уязвимого места». Исследователь пряди А. Биннс справедливо обращает внимание на то, что в отличие от сказок, где герой, как правило, заранее узнает от помощника об уязвимом месте чудища (или иного непобедимого противника), которого ему предстоит одолеть, здесь этот сказочный мотив подвергается трансформации: герой сам догадывается, куда ему следует нанести удар (см.: *Binns A.L.* The story of Þorsteinn Uxafót. P. 53).

[52] *Ярнскьёльд* – букв.: железный щит.

[53] *Скьяльддис* – букв.: щитовая дева (или «щитовая диса»; о дисах см. примеч. 21 к «Пряди о Тидранди и Торхалле»).

[54] *...Хака и Хаки...* – Хак – «обжора», Хаки – «крючок».

[55] *Скьяльдвёр* – букв.: щитовая Вёр (Вёр – имя богини).

[56] *Есть лишь один человек, которого я боюсь, его зовут Торстейн ⟨...⟩ во всем, что касается моей судьбы, у меня точно завеса пред глазами, а отчего – не знаю.* – Ср. близкую параллель в «Саге о Халльфреде Трудном Скальде» (гл. 6), где закоренелый язычник Торлейв Умный сообщает не раскрывающему своего инкогнито Халльфреду, что тот постоянно ему снится и он с тревогой ждет его скорого появления у себя и никак не может постичь, что Халльфред за человек; при этом Торлейв уверен в том, что удача его покинула, и связывает это свое чувство с ожидаемым приездом Халльфреда (см. об этом: *Binns A.L.* Op. cit. P. 54; о других параллелях с этой сагой см. примеч. 41 и 49). Ср. также обращенные к Орму слова Менглёд о ее родиче, великане Бруси: «...ты – единственный человек, которого он страшится, и он уже сделал все приготовления на тот случай, если ты вздумаешь пожаловать к нему» («Прядь об Орме сыне Сторольва», см. в наст. изд.).

[57] *...мечом Дань Скьяльдвёр...* – Речь идет о мече, которым Торстейн убил великаншу Скьяльдвёр. Забранный этим героем из логова троллей меч упоминается и в другом месте (см. последнюю главу «Пряди о Сёрли» и примеч. 38 к той же пряди).

[58] *...только он ступил внутрь, как был схвачен и брошен оземь прежде, чем успел сообразить, что происходит. Торстейн видит тут, что это явилась старуха Скьяльдвёр...* – Этот рассказ отчасти текстуально совпадает с сообщением о приходе Асбьёрна в пещеру великана Бруси («Прядь об Орме сыне Сторольва», гл. 7). Ср.: «...он заходит внутрь... Не успел Асбьёрн опомниться, как был схвачен и поднят в воздух, а затем брошен оземь с такой силой, что не сразу пришел в себя от удивления. Догадывается он тут, что это не кто иной, как великан Бруси...»

[59] *...на этот раз иметь с ней дело было еще труднее, чем раньше.* – Убитая Торстейном троллиха становится, таким образом, «живым мертвецом» (draugr) – так называли тех мертвых, кому не лежится в могиле, так что они наведываются к людям и творят всякие бесчинства. Верили, что «живые мертвецы» обладают куда большей силой, чем была у них до смерти, причем эта сила могла прибывать. Ср. рассказ о Гламе в «Саге о Греттире» (гл. 32): «...у Глама снова стала прибывать сила. Сделался он теперь так могуч, что все бежали прочь с Торхаллева Двора» (*ИС* I, 647).

[60] *...склонилась над Торстейном, собираясь перегрызть ему глотку ⟨...⟩ обещает принять эту веру ⟨...⟩ если только ему удастся уйти оттуда целым и невредимым.* – Ср. аналогичный комплекс мотивов в «Пряди об Орме сыне Сторольва» (гл. 9), где Орм борется с женским чудовищем – кошкой, матерью великана Бруси, которая пытается укусить его в лицо, и, понимая, что ему несдобровать, взывает к Богу и апостолу Петру, обещая, что в случае победы совершит паломничество в Рим. Принесение героем в сходных обстоятельствах обета Богу, конунгу Олаву Трюггвасону или святому – мотив, встречающийся во многих историях (см., например, «Прядь об Эгмунде Битом и Гуннаре Пополам», где Гуннар дает обещание вновь вернуться к истинной вере и помириться с Олавом конунгом, если ему удастся одолеть в единоборстве дьявола Фрейра). К помощи Господа и конунга Олава взывает и герой «Саги

о Халльфреде» (гл. 7), причем в сцене, примыкающей к той, которая содержит другие параллели к нашему рассказу (см. примеч. 49).

[61] *...яркий луч ⟨...⟩ От одного его вида ей сделалось так скверно, что из нее вышла вся ее сила и мощь.* – Этот же мотив встречается в исландской сказке «Золотые Брови и Скегги из Лощины» («Gullbrá og Skeggi í Hvammi»), где после принесения героем обета появляется луч, который направляется прямо в глаза женского «живого мертвеца», превращая это чудовище в камень (см.: *Binns A.L.* Op. cit. P. 55; см. текст этой сказки на интернет-ресурсе: http://www.dalabyggd.is/thjonusta-og-starfsemi/byggdasafn/thjodsogur/gullbra-og-skeggi/). Появление в этой сцене яркого луча, лишающего троллиху всей ее силы, дало основание для проведения параллелей между «Прядью о Торстейне» и сценой в «Беовульфе», в которой герой англосаксонской поэмы также убивает женское чудовище – мать Гренделя (ср. стих 1570 и след.: «меч изнутри / озарился светом, / так ранним утром / горит на тверди / свеча небесная». Пер. В.Г. Тихомирова). По мнению Р. Чемберса (*Chambers R.W.* Beowulf: An Introduction to the Study of the Poem. Cambridge, 1959. P. 467), в этих не вполне ясных строках «Беовульфа» может содержаться намек на тот же архетипический мотив ниспосланной свыше божественной помощи (луч), который сохранился в рассказе о Торстейне и, очевидно, был частью исходного скандинавского сюжета о сражении героя с чудовищами, как принято считать многими исследователями, нашедшего воплощение в «Саге о Греттире», «Пряди об Орме сыне Сторольва» и ряде других средневековых и фольклорных исландских текстов. Указывалось, однако, на сомнительность принадлежности христианского мотива божественного света к гипотетическому скандинавскому прототипу сказания о Беовульфе, поскольку последний должен был появиться в языческую эпоху (*Binns A.L.* Op. cit. P. 59).

[62] *...иногда менял свое обличье.* – Герои-оборотни не редкость в древнеисландской литературе. Самый известный пример – дед скальда Эгиля, Квельдульв, о котором рассказывается, что «каждый раз, когда вечерело, он начинал избегать людей, так что лишь немногим удавалось завести с ним беседу. К вечеру он делался сонливым. Поговаривали, что он оборотень, и прозвали его Квельдульвом (Вечерним Волком)» («Сага об Эгиле», гл. 1: *ИС* I, 23; см. также этот мотив в «Пряди об Орме сыне Сторольва» и примеч. 10 и 18 к этому рассказу).

[63] *...сломали старухе Скьяльдвёр шею.* – Так же поступает с чудовищной кошкой герой «Пряди об Орме» (этот мотив известен и из ряда саг). Очевидно, Торстейн и Стюркар сломали троллихе шею, чтобы впредь предотвратить ее возможное вредоносное «хождение». С этой же целью герои обеих историй сжигают затем всех убитых ими великанов.

[64] *Рейн* – усадьба на северной стороне Трандхеймсфьорда; позднее в этом месте был основан монастырь.

[65] *...чтобы отныне тебя называли Торстейном Бычья Нога, и вот тебе запястье, которое я дарую тебе в честь наречения имени.* – Прозвище Торстейна известно из более ранних источников, чем этот рассказ (см. выше), и высказывалось предположение, что эпизод, в котором герой отрывает ногу у быка, был выдуман автором пряди специально, чтобы объяснить его происхождение (*Binns A.L.* Op. cit. P. 41). Об обязательном даре, сопровождающем наречение имени, см. примеч. 28 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».

[66] *Скелкинг* – в «Саге о Кетиле Лососе» (гл. 5), одной из «саг о древних временах», упоминается конунг троллей по имени Скелкинг, его имя означает «наводящий ужас».

[67] *Скьяльдгерд* – букв.: щитовая Герд (Герд – в скандинавской мифологии богиня, дочь великана Гюмира, жена Фрейра).

[68] *...с той поры оставался с ним и пал на Великом Змее.* – Не исключено, что, сообщая о гибели Торстейна в битве при Свёльде (1000 г.) на корабле конунга, Великом Змее (см. примеч. 18 к «Пряди о Сёрли»), автор пряди, действие которой относится к более раннему времени, воспроизводит в заключение своего рассказа расхожую формулу, полагая, что его героя постигла та же участь, что и большинство защитников Великого Змея (при этом в пряди не упоминается, что среди погибших при обороне корабля был Ивар Луч, отец Торстейна). Между тем в жизнеописаниях Олава Трюггвасона, начиная с самого раннего, составленного монахом Оддом Сноррасоном, и включая обе редакции «Большой саги об Олаве Трюггвасоне», в позднейшую из которых вставлена наша прядь, Торстейн назван среди тех воинов Олава, кто прыгнул за борт, был спасен из воды и кому была дарована пощада (*ÓTOdd*, 230, 255; *ÓT* II, 289; *Flat*. I, 494); лишь в «Круге Земном» судьба героя остается непроясненной. То обстоятельство, что утверждение, сделанное в конце пряди, противоречит грядущему сообщению саги, в которую она была вплетена, как предполагают (см.: *Binns A.L.* Op. cit. P. 41), может объясняться как тем, что рассказ о Торстейне не имел под собой никакой реальной подоплеки, так и тем, что, делая последнее сообщение, его автор полагался на свою память, а не опирался на текст саги об Олаве.

ПРЯДЬ О ТОРВАЛЬДЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКЕ

«Прядь о Торвальде Путешественнике» («Þorvalds þáttr víðförla») известна в двух основных версиях, пространной и краткой, сохранившихся в составе старшей и младшей редакций «Большой саги об Олаве Трюггвасоне». Приведенная в настоящем собрании пространная версия пряди включена в старшую (отдельную) редакцию этой саги (начало XIV в.), дошедшую до нас в ряде средневековых рукописей, из которых главной считается созданная в 1350–1375 гг. AM 61 fol. (*ÓT* I, 280–300: гл. 130–139; кроме того, несколько отличная от этой и также пространная редакция пряди сохранилась в датируемой последней четвертью XVII в. рукописи этой же саги AM 552 kα 4to).

Краткая версия пряди о Торвальде содержится в «Книге с Плоского Острова» (*Flat*. I, 268–273), где ей предпослан заголовок: «Af byskupi ok Þorualldi. capitulum» («О епископе и Торвальде. Глава» – гл. 223 «Большой саги об Олаве Трюггвасоне» в младшей редакции конца XIV в.), а также в рукописи AM 62 fol. (ок. 1400–1500). Последний эпизод в этой редакции пряди, описывающий встречу Торвальда с Олавом Трюггвасоном, которая произошла еще до вступления Олава на норвежский престол (*Flat*. I, 272–273), отсутствует в пространной версии рассказа. Поэтому, как это принято в изданиях пряди, он приводится в качестве приложения к публикуемому здесь переводу рассказа в редакции AM 61 fol. Обе версии пряди помещены в раздел саги об Олаве Трюггвасоне, повествующий об исландских первопоселенцах, а также об

их потомках, которые приняли христианство, и вслед за рассказом о миссионерской деятельности Торвальда и епископа Фридрека в Исландии в саге следуют рассказы о том, как конунг обращал в христианство жителей Норвегии.

Принято считать, что обе версии пряди были созданы до середины XIII в. и могут восходить к утраченному латиноязычному жизнеописанию Олава Трюггвасона, принадлежащему перу исландского ученого клирика, монаха Гуннлауга Лейвссона (см. о нем примеч. 21), на которого ссылается рассказчик. Ряд эпизодов пряди излагается также (как правило, более кратко) в начальных главах «Саги о крещении» («Kristni saga»), предполагаемым автором которой был Стурла Тордарсон (1214–1284). Эта сага повествует о введении и упрочении христианства в Исландии и сохранилась в так называемой «Книге Хаука», AM 371 4to («Hauksbók» – *Hb*), большом собрании саг, записанном исландцем Хауком Эрлендссоном в 1302–1310 гг. (см. примеч. ниже).

Ранее «Прядь о Торвальде Путешественнике» публиковалась в переводе на русский язык в кн.: Пряди истории: Исландские саги о Древней Руси и Скандинавии. М., 2008. С. 167–192 (перевод М.В. Панкратовой и Ю.А. Полуэктова). Публикуемый здесь перевод выполнен по изд.: Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2321–2333. (Svart á hvítu) и печатается впервые.

[1] *Эйлив Орел был сыном Атли, внуком Скиди Старого, правнуком Барда ярла.* – Эйлив Орел был одним из исландских первопоселенцев, прибывших в северную часть страны. Согласно «Книге о заселении страны» (*Land.*, 227), он занял большую территорию на западном побережье Полуостровного Фьорда (Skagafjörðr), включающую в себя долину Лососьей Реки. В этой книге говорится, однако, что Эйлив Орел был правнуком Барда с Рукава (í Ál), тогда как в генеалогии, приведенной в «Саге о Ньяле» (гл. 113), и в «Саге о крещении» (гл. 1) отцом Эйлива Орла оказывается уже Бард с Рукава, сын Кетиля Лисицы, внук Скиди Старого. Среди потомков Эйлива Орла было немало родовитых исландцев.

[2] *...Сэмунда с Гебридских Островов.* – Сэмунд с Гебридских (или Южных) островов, побратим Ингимунда Старого, также упоминается среди предков Гудмунда Могучего в «Саге о Ньяле» (гл. 113) и в «Саге о Греттире» (гл. 31). О его отказе служить Харальду Прекрасноволосому и отъезде в Исландию рассказывается в «Книге о заселении страны» (*Land.*, 217).

[3] *...он был отцом Гудмунда...* – Имеется в виду Гудмунд с Асбьёрнова Мыса, один из персонажей «Саги о битве на Пустоши». Гудмунд сын Сёльмунда упоминается также в ряде других «саг об исландцах», в том числе в «Саге о людях из Лососьей Долины» (гл. 31 и др.), в «Саге о Греттире» (гл. 31) и в «Саге об Эгиле» (гл. 78).

[4] *Барди Убийца* – Барди сын Гудмунда (Барди Убийца) является одним из главных героев «Саги о битве на Пустоши». Помимо того, он упоминается во многих других сагах (среди них «Сага об Эгиле», «Сага о людях с Песчаного Берега», «Сага о людях из Лососьей Долины» и «Сага о Греттире»).

[5] *Торд с Мыса* – исландский первопоселенец, дед Арнора Старухин Нос, упоминаемый во множестве саг (в том числе в «Саге о Греттире», «Саге о людях из Озерной Долины» и др.). Торд возводил свой род к знаменитому викингу, Рагнару

Лодброку (или Рагнару Кожаные Штаны; см. его генеалогию в «Пряди о Свади и Арноре Старухин Нос»).

[6] *Гудмунд Могучий с Подмаренничных Полей* – Гудмунд сын Эйольва, могущественный исландский предводитель, персонаж многих саг (см. о нем в «Пряди о Пивном Капюшоне» и в «Пряди о Болли сыне Болли»).

[7] *...у Овражной Реки в Озерной Долине...* – местности на севере Исландии.

[8] *Гора Прорицательницы* – гора и расположенный по соседству с ней хутор на западной стороне Полуостровного Побережья – в Медвежачьем Фьорде на севере Исландии.

[9] *Тордис Прорицательница* – о Тордис рассказывается также в «Саге о людях из Озерной Долины» (гл. 44) и в «Саге о Кормаке» (гл. 9, 22, 23).

[10] *...со Свейном, который был прозван Вилобородым.* – См. примеч. 11 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».

[11] *С материнской стороны Свейн происходил из низкого рода, однако он утверждал, что он сын Харальда сына Горма ⟨...⟩ не желал признавать своего отцовства.* – Как рассказывается в «Саге о йомсвикингах» (гл. 10–12), Свейн был сыном датского конунга Харальда сына Горма, прозванного Синезубым (ок. 940 – ок. 986), от его наложницы Саум-Эсы, и отец, несмотря на его неоднократные требования, так и не признал его. С пятнадцатилетнего возраста Свейн проводил время в викингских походах, разоряя датские земли. После убийства Харальда сына Горма воспитателем Свейна, Пальна-Токи (Токи из Йомсборга), Свейн был провозглашен конунгом Дании, а незадолго до своей смерти стал также правителем Англии (см. примеч. 13 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде»).

[12] *...конунгом его, по обычаю викингов, называли его сподвижники.* – Предводителей викингов было принято называть «морскими конунгами».

[13] *...в Бретланде.* – Т.е. в Уэльсе.

[14] *Берсерк* (berserkr) – это слово, по-видимому, значит «медвежья шкура». Согласно «Саге об Инглингах» (гл. 6: *КЗ*, 13), берсерками назывались воины Одина, которые «бросались в бой без кольчуги, ярились, как бешеные собаки или волки, кусали свои щиты и были сильными, как медведи или быки. Они убивали людей, и ни огонь, ни железо не причиняли им вреда». В сагах берсерками, как правило, называют воинственных разбойников, которые притесняют мирных жителей, вызывая их на поединок и отнимая у них жен и добро.

[15] *...саксонским епископом по имени Фридрек.* – О саксонском епископе Фридреке известно только из исландских источников, согласно которым он прибыл в Исландию ок. 981 г. и был первым миссионером-клириком, проповедовавшим христианство жителям страны. О его пребывании в Исландии сообщает исландский историк Ари Мудрый в «Книге об исландцах», гл. 8 (1125–1130 гг.), а также исландские анналы, которые относят его приезд в страну к 980 г. (*Flat.* III, 504); помимо «Пряди о Торвальде», о его деятельности рассказывается в «Саге о крещении». О приезде епископа Фридрека и Торвальда также упоминается в ряде «саг об исландцах» (в «Саге о Греттире» и в «Саге о людях из Озерной Долины»; см. также «Прядь о Свади и Арноре Старухин Нос»). Хотя на это нет прямых указаний, предполагается, что Фридрек был отправлен в Исландию архиепископом Бременским Адальдагом (937–988), а отсутствие упоминаний о нем за пределами Скандинавии может объяс-

няться тем, что у него не было епархии и он был «епископом-миссионером», получившим свой сан исключительно для того, чтобы проповедовать христианство язычникам (см.: *Jón Jóhannesson.* A History of the Old Icelandic Commonwealth: Íslendinga Saga. Winnipeg, 1974. P. 125).

[16] Об обстоятельствах обращения в христианство Кодрана и его домочадцев сообщается и в «Саге о крещении» (гл. 2), однако в ней не приводятся описанные здесь подробности изгнания «дьявола». В этой саге сказано лишь, что епископ молился у камня, где, по словам Кодрана, жил его «управляющий» (ármaðr), которому он и его родичи имели обыкновение приносить жертвы, и что камень раскололся от молитв епископа. Это было расценено Кодраном как победа над «управляющим», в результате чего он и все прочие (кроме Орма) приняли крещение.

[17] *...на запад в Ивовую Долину...* – местность на севере Исландии.

[18] *...поставили двор у Слияния Ручьев и жили там четыре зимы, разъезжая в эти годы по всей Исландии и проповедуя слово Божье.* – Ср. в «Саге о Греттире» (гл. 13): «Все это происходило уже после того, как в Исландию приехал Фридрек епископ и Торвальд сын Кодрана. Они в то время жили у Слияния Ручьев. Они первыми проповедовали христианство на севере страны» (*ИС* I, 591). Аналогичное сообщение имеется и в «Саге о крещении» (гл. 2). Принято считать, что все эти упоминания миссионеров восходят к одному источнику.

[19] *Торвальд попросил руки женщины по имени Вигдис ⟨...⟩ прибыли на свадебный пир...* – Согласно другим источникам (см. *Land.*, XII), Вигдис дочь Олава из Лощины Хауков была женой Торкеля сына Торгрима (другая дочь Олава, Асдис, была матерью Халльфреда Трудного Скальда). В «Саге о крещении» (гл. 2) и в «Саге о людях из Озерной Долины» (гл. 46) сказано, что Торвальд с епископом были у Олава не на свадебном, а на осеннем пиру.

[20] *...с той поры она зовется Лощиной Хауков.* – Этот же эпизод присутствует в «Саге о людях из Озерной Долины» (гл. 46), кроме того, краткое упоминание о нем имеется и в «Саге о крещении» (гл. 2), однако в этих сагах Олав, его домочадцы, а также его зять Торкель сын Торгрима принимают христианство в результате поражения и гибели берсерков, тогда как сообщение о следующем за тем чудесном спасении епископа, которого пламя не тронуло, отсутствует. Судя по всему, этот же эпизод был положен в основу одной из сцен «Саги о Ньяле» (гл. 103), героем которой стал другой саксонский (или фламандский) миссионер – Тангбранд, посланный в Исландию конунгом Олавом Трюггвасоном проповедовать христианство (997–999 гг.). Как рассказывается в этой саге, исландец Гест сына Оддлейва задал пир Тангбранду и его людям. «Их приехало... шесть десятков человек. А там, говорили, собралось две сотни язычников, и еще ждали берсерка по имени Отрюгг. Все его очень боялись. О нем рассказывали, что он не боится ни огня, ни меча. И язычники были в большом испуге. Тут Тангбранд спросил, не хочет ли кто-нибудь принять новую веру, но все язычники отказались. “Я хочу предложить вам испытать, – говорит Тангбранд, – какая вера лучше. Давайте разложим три костра: вы, язычники, освятите один, я – другой, а третий оставим неосвященным. Если берсерк испугается того костра, который я освятил, но пройдет через ваш, то вы примете новую веру”. “Предложение хорошее, – говорит Гест, – я и мои домочадцы согласны”. Когда Гест сказал это, еще многие согласились. Тут сказали, что на двор пришел берсерк. Развели огонь, и костры запылали. Люди

схватили свое оружие, быстро расселись по скамьям и стали ждать. Берсерк вбежал с оружием в дом. Он проходит через огонь, который освятили язычники, и подходит к огню, который освятил Тангбранд, но не решается пройти через него и говорит, что весь горит. Он замахивается мечом на тех, кто сидит на скамье, но при взмахе им попадает в поперечную балку. Тангбранд ударяет его распятием по руке, и происходит великое чудо: меч падает у берсерка из руки. Тогда Тангбранд ударяет его мечом в грудь, а Гудлейв отрубает ему руку. Тут набежал народ и убил берсерка. После этого Тангбранд спросил, не хотят ли они принять новую веру. Гест сказал, что никогда не обещает того, чего бы не собирался выполнить. Тогда Тангбранд крестил Геста, и всех его домочадцев, и еще много народу» (*ИС* II, 229–230).

[21] *Гуннлауг монах* – Гуннлауг Лейвссон (ум. 1218 или 1219), монах бенедиктинского монастыря в Тингейраре (основан в 1133) на севере Исландии, автор утраченного латинского жизнеописания Олава Трюггвасона. Считается, что к его сочинениям восходят «Сага о крещении» и «Прядь о Торвальде Путешественнике», а также главы «Саги о Ньяле», в которых рассказывается о христианизации Исландии.

[22] *Олав из Лощины Хауков позднее воздвиг на своем дворе церковь…* – В «Саге о людях из Озерной Долины» (гл. 46) сказано, что Олав, когда произошли описанные события, был уже настолько стар, что лежал в постели и питался из рожка. Приняв крещение, он прожил недолго и «умер в белых (т. е. в крестильных. – *Е.Г.*) одеждах». Церковь, согласно этой саге, была построена не Олавом, а его зятем, Торкелем сыном Торгрима.

[23] *…на запад в Лощину…* – Хутор Хвамм (Hvamm, отсюда Hvammverjar – «люди из Лощины») в Лощинном Фьорде (юго-восточное ответвление Широкого Фьорда). В XII в. здесь жил родовитый исландец Стурла сын Торда, прозванный Хвамм-Стурлой (1115–1183), отец Снорри Стурлусона.

[24] *Торарин бонд* – Торарин Жеребячий Лоб, сын Торда Ревуна, внук Олава Фейлана; о нем упоминается в «Саге о людях из Лососьей Долины» (гл. 7) и в «Саге о Греттире» (гл. 26). Торарин был женат на Фридгерд, дочери Торда с Мыса (см. о нем примеч. 5). Их сын, Скегги, также упоминается в «Саге о Греттире».

[25] Этот эпизод и произнесенная Торвальдом виса приводятся также в «Саге о крещении» (гл. 2).

[26] *…западной четверти…* – Об административном делении Исландии см. примеч. 15 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога».

[27] *…Энунд сын Торгильса, сына Греньяда в Долине Дымов…* – В «Саге о крещении» (гл. 1), где перечислены эти же жители северной четверти страны, пожелавшие перейти в новую веру, к имени Энунд прибавлено прозвище Христианин (hinn kristni). Энунд и его родичи упоминаются также в «Книге о заселении страны». Долина Дымов – местность в восточной части северной четверти.

[28] *…Хленни из Грязей в Островном Фьорде…* – Хленни сын Эрнольва был воспитателем Кодрана, сына Гудмунда Могучего. В «Саге о Ньяле» (гл. 105) и в «Саге о Глуме Убийце» (гл. 10) сказано, что Хленни носил прозвище Старый, однако в «Саге о людях со Светлого Озера», где он является одним из действующих лиц, он назван Хленни Мудрым (гл. 20). Грязи – Saurbær – название двора Хленни. Островной Фьорд – фьорд в восточной части северной четверти.

[29] *...Торвард с хутора Горный Кряж, что у Долины Хьяльти.* – О Торварде Крещеном сыне Мудрого Бёдвара, см. в «Пряди о Свади и Арноре Старухин Нос». Долина Хьяльти – местность в Полуостровном Фьорде.

[30] *Лесной Залив* – хутор, находящийся неподалеку от южного побережья Полуостровного Фьорда, по соседству с Долиной Хьяльти.

[31] *Подати на содержание капищ* (hoftollr) – букв.: храмовая подать. Как сказано в «Саге о людях с Песчаного Берега» (гл. 4), «все люди должны были платить подать на капище и сопровождать годи во всех поездках..., а годи должен был содержать капище на свои собственные средства, чтобы оно не пришло в упадок, и устраивать в нем жертвенные пиры» (*ÍSÞ* II, 539; о годи см. примеч. 11 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога»).

[32] *...Клауви сына Торвальда, внука Рэва, что жил на Склоне у Потоков.* – О Клауви рассказывается также в «Саге о Глуме Убийце» (гл. 10, 27). Следующий за этим эпизод пряди присутствует и в «Саге о крещении» (гл. 3), где он изложен менее детально. Склон у Потоков – хутор у подножья горы в местности, находящейся к северо-востоку от Полуостровного Фьорда.

[33] *...явился Арнгейр...* – В «Саге о крещении» (гл. 3) сказано, что Клауви явился вместе с Арнгейром, однако из ее текста остается до конца неясным, кто из них был поджигателем.

[34] *...за шестнадцать лет до того, как христианство было введено в Исландии по закону...* – Христианство было введено на альтинге в 1000 г., таким образом, церковь была воздвигнута в 984 г.

[35] *...Хедин с Холодного Склона, что на Побережье Островного Фьорда, сын Торбьёрна сына Скаги, сына Скофти.* – Этот Хедин был прозван Милостивым. Согласно «Книге о заселении страны» (*Land.*, 269 f.), дед Хедина, Скаги сын Скофти, был знатным первопоселенцем, прибывшим в Исландию из Мёра. Как сказано в этом же источнике, Хедин построил свой хутор Холодный Склон «за шестнадцать зим до введения христианства». О Хедине и его нападках на Торвальда также упоминается в «Саге о крещении» (гл. 4).

[36] *Хедин был женат на Рагнхейд, падчерице и племяннице Эйольва сына Вальгерд.* – Согласно «Книге о заселении страны» (*Land.*, 270), Рагнхейд была дочерью Эйольва сына Вальгерд и приходилась родной сестрой Гудмунду Могучему.

[37] *Нид* – хулительные стихи. См. о ниде в «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».

[38] *...обзывали нас с тобой женоподобными.* – В «Саге о крещении» (гл. 4), где также цитируются эти стихи, Торвальд оправдывает совершенное им убийство тем, что их обидчики «сказали, что мы имели детей вместе», иначе говоря, что их обвинили в гомосексуальной связи, а также в том, что епископ родил детей от Торвальда. Обвинение в «женоподобии», т.е. исполнении роли женщины (др.-исл. ragr, или argr «немужественный», «трусливый»), – одно из тяжелейших оскорблений, которое могло быть нанесено мужчине. Так, в западнонорвежских «Законах Гулатинга» в главе о ниде сказано, что «никто не должен возводить на другого напраслину или клевету (fjolmæli)». Далее разъясняется, что «напраслина» (ýki) – это «если кто-то скажет о другом то, чего не может быть, не будет и не было», а именно когда кто-то говорит, «что он становится женщиной каждую девятую ночь, или что он родил ребенка, или называет его gylfin (волчица-оборотень)». Сказавший такое объявляется вне закона,

т. е. может быть убит (см.: *Гуревич Е.А., Матюшина И.Г.* Поэзия скальдов. М., 2000. С. 457, 461, о ниде против Торвальда и Фридрека: Там же. С. 468–471).

[39] *...мог бы носить твоих детей, если бы они у тебя были.* – Тогда как в хулительной висе глагол bera явно употреблен в значении «рожать» (börn borið «принес (= родил) детей»), епископ придает этим словам невинный смысл, истолковывая глагол bera в его первоначальном значении – «носить».

[40] *Лососья Долина* – местность в северной четверти на юго-западе Полуострова (Skagi), прилегающая к Лососьей Реке.

[41] *Боговы Долины* – местность к югу от Полуостровного Фьорда.

[42] *Побережье Дымов* – западный берег южной части Полуостровного Фьорда.

[43] *Волновые Болота* – местность к востоку от Медвежачьего Фьорда на севере Исландии.

[44] *...на весенний тинг на Цаплин Мыс.* – Ежегодно в конце четвертой недели лета (в мае) в течение недели на мысу южного берега Полуостровного Фьорда проводился один из четырех весенних тингов северной четверти Исландии (см. примеч. 15 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога»).

[45] Оба эти эпизода – посещение тинга на Цаплином Мысе и неудавшаяся попытка расправы язычников над епископом и Торвальдом – кратко изложены в «Саге о крещении» (гл. 4).

[46] *...не перестанешь убивать людей.* – В «Саге о крещении» (гл. 4), где также приводится этот эпизод, сказано, что епископ расстался с Торвальдом из-за его мстительности.

[47] *Йорсалир* – Иерусалим.

[48] *...Страну Греков и прибыл в Миклагард.* – Страна Греков (Grikkjaríki, Grikkland) – Византия; Миклагард – Константинополь.

[49] *...кейсар Миклагарда...* – византийский император. До этого он был назван «верховным конунгом» (stólkonungr).

[50] *Сюрланд* – Сирия.

[51] *Восточные Страны* – см. примеч. 21 к «Пряди о Сёрли».

[52] *Страна Руссов* – Rússland (также Rucia, Rusia, Ruzcia, Ruzaland и др.), наименование Древней Руси, проникшее в исландскую топонимию под влиянием ученой латинской традиции. Здесь, как и в некоторых других текстах, это латинизированное название соседствует с традиционным древнескандинавским наименованием Руси – Гардарики (см.: Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. М., 2009. Т. V. С. 192, примеч. 11).

[53] *Гардарики* – Русь (см. предыд. примеч.).

[54] *...воздвиг там по соседству с собором, посвященным Иоанну Крестителю, величественный монастырь ⟨...⟩ под высокой горой, которая называется Дрёвн.* – В «Саге о крещении» (гл. 13), где приводится аналогичное сообщение о том, как Торвальд завершил свои дни, сказано, что после гибели конунга Олава Трюггвасона (1000 г.) он странствовал «до самого Йорсалахейма» (Иерусалима), «а оттуда до Миклагарда» (Константинополя), «а там и до Кэнугарда» (Киева), «что на востоке, по Непру» (Днепру). Далее говорится, что он «умер в Руции неподалеку от Пальтескьи» (Pallteskiu, т. е. Полоцка) и погребен там «на одной горе у церкви Иоанна Крестителя, и они называют его святым». При этом автор саги ссылается на стихотворное свиде-

тельство некоего Бранда Путешественника, утверждающего, что он побывал в том месте, где Торвальд сын Кодрана был погребен на высокой горе, «вверх по Дравн» (upp í Drafni), у церкви Иоанна (*Hb*, 144). Судя по всему, утверждение автора пряди, что Торвальд был похоронен «под высокой горой, которая называется Дрёвн», восходит к этому же сообщению Бранда. Между тем якобы принадлежащая последнему фраза grafinn í há fjalli upp í Drafni указывает на то, что Дрёвн (или Дравн) – это название не горы, а водоема (реки или озера), на котором стояли «высокая гора» и монастырь. Название Дрёвн известно из древнескандинавской топонимики: в старину так именовали реку и фьорд, ныне носящие названия Драмсэльв и Драммен соответственно, причем наименование реки Дрёвн встречается в одной из строф тулы (стихотворного перечня) рек в «Младшей Эдде»; кроме того, в поэтическом языке dröfn служит обозначением моря и волны (это имя одной из волн – дочерей морского великана Эгира). Таким образом, присвоив горе, на (или под) которой был похоронен Торвальд, название Дрёвн, автор пряди неверно истолковал тот источник, откуда он почерпнул эти сведения. В «Пряди о Торвальде» и в «Саге о крещении» топоним Дрёвн локализуется, однако, за пределами Скандинавии, как сказано в первой – «в Стране Руссов», и уточнено во второй – «неподалеку от Пальтескьи». Указывалось, что близ Полоцка, на острове посреди Западной Двины, действительно существовал основанный в XII или XIII в. Иоанно-Предтеченский монастырь, что же касается возможного древнерусского соответствия названия Дрёвн, то высказывались предположения, что за ним может скрываться один из гидронимов Полоцкой земли, при этом назывались озера Дривято, Дрисвяты и Дерьбо – на берегу последнего находилось поселение, при раскопках которого было обнаружено множество рунических надписей XI–XIII вв., что говорит о присутствии там скандинавов (см. подробнее: *Джаксон Т.Н.* Austr í Görðum: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001. С. 136–140). Употребление топонимов, которыми скандинавы обозначали древнерусские города, реки и озера, не может, однако, свидетельствовать об исторической достоверности сообщения о том, что Торвальд нашел упокоение на Руси. Вполне вероятно, что рассказ о благочестивой кончине Торвальда в основанной им самим отдаленной обители не имеет под собой никакой реальной подоплеки и является не более чем христианским топосом, характерным для всей средневековой литературы (см. также примеч. 58).

[55] *...от воплощения Господа ⟨...⟩ прошло девятьсот и еще восемьдесят лет и один год, а также сто и еще шесть зим от начала заселения Исландии.* – Таким образом, автор пряди относит начало заселения Исландии к 875 г. Согласно «Книге о заселении страны», первый норвежский переселенец, Ингольв Арнарсон, прибыл в Исландию в 874 г., однако историк Ари Мудрый в «Книге об исландцах» приводит другую дату – 870 г.

[56] *...Отта кейсар крестил Данию.* – Оттон II, император Священной Римской империи (с 973 по 983 г.). В «Саге об Олаве сыне Трюггви» содержится рассказ о том, как правитель Страны Саксов Отта кейсар потребовал от датского конунга Харальда сына Горма, чтобы он сам и весь народ Дании приняли крещение. Собрав большое войско (в котором был и будущий конунг Норвегии, Олав Трюггвасон), император выступил в поход и разбил датчан, после чего вынудил их креститься (см.: *КЗ*, 112–114). Считается, однако, что ко времени похода Оттона II в Данию (974 г.) Харальд

сын Горма уже был христианином (полагают, что он принял крещение ок. 960 г.). Олав Трюггвасон был крещен в Англии в 994 г. (см. примеч. 6 к «Пряди об Альбане и Сунниве»).

[57] *...ты сможешь обратить в правую веру исландцев...* – Торвальд изображается в пряди в качестве «предтечи» крестителя Исландии – Олава Трюггвасона, которому, по предсказанию Торвальда, удастся совершить то, что не смогли сделать они с епископом Фридреком. Как рассказывается в саге об этом конунге (в части, обычно именуемой «Kristni þáttr» – «Раздел о крещении»), придя к власти (в 995 г.), Олав сначала направил в Исландию исландца Стевнира сына Торгильса, который столь рьяно разрушал капища, что был объявлен там вне закона (как далее утверждается в этой саге, Стевнир и Торвальд вместе отправляются в странствие после гибели Олава Трюггвасона). После Стевнира в Исландию был послан саксонский (или фламандский) священник Тангбранд, о чьей миссионерской деятельности подробно рассказывается во многих источниках (см. «Сага о Ньяле», гл. 100–103). Ему, однако, также не удалось обратить страну в христианскую веру. Вернувшись в Норвегию ок. 999 г., Тангбранд рассказал Олаву о своей неудаче, после чего конунг в гневе велел схватить и бросить в темницу всех исландцев, бывших в то время в Норвегии, пригрозив казнить их, если жители их страны не примут крещение. Как сообщается, эта угроза возымела действие: несколько родовитых и могущественных исландцев предложили ради спасения жизни заложников поехать в Исландию, дабы осуществить эту миссию. Развернувшаяся вслед за тем борьба сторонников старой и новой веры, грозившая серьезными усобицами, закончилась летом 1000 г. тем, что на альтинге было принято решение о введении в Исландии христианства, при этом язычникам было разрешено совершать свои обряды тайно (см.: «Сага о Ньяле», гл. 105).

[58] *В этом самом монастыре он и окончил свой век, ведя жизнь чистую и возвышенную.* – Ср. сообщение о последних годах жизни Торвальда в приведенной ранее пространной версии пряди (а также в «Саге о крещении», см. примеч. 54). В отличие от нее, в краткой редакции рассказа ничего не говорится о прибытии Торвальда на Русь и упокоении там.

ПРЯДЬ О СЁРЛИ

Рассказ сохранился только в «Книге с Плоского Острова» («Flateyjarbók») в составе «Большой саги об Олаве Трюггвасоне» (*Flat.* I, 275–283) среди интерполяций, сделанных исландским священником Йоном Тордарсоном в 1387–1388 гг., и приводится в части, повествующей о начале миссионерской деятельности этого конунга в Норвегии. Общепринятое название рассказа («Sörla þáttr») основано на заглавии, предпосланном ему в рукописи саги: «Her hefr Sorla þaatt» («Здесь начинается прядь о Сёрли»). Выбор этого заглавия с трудом поддается объяснению, поскольку Сёрли не только не принадлежит к числу главных персонажей пряди (об этом герое существует отдельная «сага о древних временах»), но и появляется в ней всего только в одном эпизоде, к тому же лишь предваряющем основное повествование – весьма своеобразную и, очевидно, позднюю версию древнегерманской легенды о битве

Хьяднингов (Hjaðningavíg, букв.: битва Хедина и его воинов), иногда именуемой легендой о Хильд.

В трактовке этого героического сказания, неоднократно упоминаемого как в стихах, так и в прозе, и известного также из древнеанглийской («Видсид» и «Деор») и средневековой немецкой поэзии («Кудруна», XIII в.), «Прядь о Сёрли», несомненно, стоит особняком в древнескандинавской традиции. Так, в ней существенно изменен образ главной героини, Хильд. Она предстает здесь уже не как прямая виновница битвы между ее отцом и мужем, ответственная за постоянное возобновление кровопролитного сражения (изначально именно Хильд оживляла своим колдовством павших воинов), но всего лишь как его свидетельница и при этом страдающая дочь и жена, которая, несмотря на все свои старания, не способна предотвратить беды, обрушившиеся на нее и на ее близких. Присущими ей в более ранних вариантах легенды «валькирическими» (воинственными и сверхъестественными) чертами наделен в пряди другой женский персонаж (Гёндуль), отсутствующий во всех прочих сохранившихся версиях сказания.

Главные же особенности представленной в этом рассказе версии предания о Хьяднингах состоят в том, что в ней сплетаются миф, легенда и история, а само сказание, будучи помещенным в контекст жизнеописания конунга-миссионера, приобретает в нем совершенно новый смысл и превращается в одно из нередко встречающихся в этой части «Книги с Плоского Острова» повествований о торжестве христианства над язычеством. Возлагая в «мотивирующем» мифологическом введении к трагической истории Хьяднингов ответственность за ссору двух конунгов и их постоянно возобновляющееся сражение на языческих богов-асов, рассказчик пряди уже в преамбуле к основному повествованию объявляет устами верховного божества Одина, что длящейся (по другим скандинавским версиям легенды) до конца света битве может быть положен конец, если в нее вмешается добрый христианин, на которого распространяется «удача» его патрона – проповедника новой веры (gipta «удача», одно из центральных понятий древнегерманской языческой картины мира, явно приобретает здесь христианский смысл и может быть истолковано как «благодать»). Это предсказание Одина и осуществляется в финальном эпизоде пряди, где персонажи героической легенды сходятся в бою со своим избавителем – дружинником конунга Олава Трюггвасона, персонажем, принадлежащим к историческому времени. Тем самым в конце пряди доказывается провозглашенное в ее начале бессилие язычества перед христианством. Изложение эпического предания не является здесь, таким образом, самоцелью, но служит способом противопоставления уходящей в прошлое и наступающей новой эпохи.

Время создания «Пряди о Сёрли» неизвестно, датировки варьируются от начала XIII в. до последней четверти XIV в. (наиболее полный перечень литературы, посвященной пряди, см. в статье: *Rowe E.A.* «Sörla þáttr»: The literary adaptation of myth and legend // Saga-Book of the Viking Society for Northern Research. 2002. Vol. 26. P. 38–66). На русском языке рассказ был ранее опубликован в кн.: Skemmtiligastar Lygisögur. Studies in Honour of Galina Glazyrina. Самые забавные лживые саги: Сб. ст. в честь Галины Васильевны Глазыриной / Под ред. Т.Н. Джаксон и Е.А. Мельниковой. М., 2012. С. 191–211; перевод выполнен по изданию: Fornar smásögur úr noregskonunga sögum / E. Gardiner gaf út. Reykjavík, 1949. Bls. 1–14.

[1] *...к востоку от Ванаквисля...* – В «Саге об Инглингах» (гл. 1), откуда, судя по всему, заимствовано вступление к пряди (см. примеч. 2), объясняется, что таково было первоначальное наименование реки Танаис (Tanais – латинское название Дона): «Она называлась раньше Танаквисль, или Ванаквисль (букв.: рукав реки, у которой живут ваны; ваны – древнескандинавские боги плодородия. – *Е.Г.*). Она впадает в Черное море. Местность у ее устья называлась тогда Страной Ванов или Жилищем Ванов. Эта река разделяет трети света. Та, что к востоку, называется Азией, а та, что к западу, – Европой» (*КЗ*, 11).

[2] *...называлась Страной Асов, или Жилищем Асов.* – Неоднократно повторяющееся в исландских сочинениях XIII в. утверждение о том, что древнескандинавские боги-асы явились на Север из Азии (помимо «Младшей Эдды» и «Круга Земного» Снорри Стурлусона, оно встречается также в ученых прологах к другим текстам), основано исключительно на созвучии названий Áss (мн. ч. Æsir) и Asía (см. примеч. 17 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде»). Вступление к пряди почти дословно совпадает с началом гл. 2 «Саги об Инглингах»: «Страна в Азии к востоку от Танаквисля называется Страной Асов, или Жилищем Асов, а столица страны называлась Асгард. Правителем там был тот, кто звался Одином. Там было большое капище» (*КЗ*, 11).

[3] *Один поставил в нем верховными жрецами Ньёрда и Фрейра.* – Ср. в «Саге об Инглингах» (гл. 4): «Один сделал Ньёрда и Фрейра жрецами...» (*КЗ*, 12). Ньёрд (ср. древнегерманскую богиню Nerthus, чей культ описан Тацитом) и его сын Фрейр – боги плодородия из племени ванов. В разных мифологических источниках рассказывается о войне между асами и ванами (за которой нередко видят борьбу старого и нового культа), закончившейся обменом заложниками, в результате чего Ньёрд, Фрейр и его сестра Фрейя были переданы племени асов.

[4] *...Фрейя ⟨...⟩ была его наложницей.* – О красоте богини любви и плодородия Фрейи говорится в многочисленных источниках (поэтому ее часто сравнивают с Афродитой), а песни «Старшей Эдды» не раз упоминают о ее распутстве, однако в них не содержится сведений о ее связи с Одином. Не исключено, что приведенный здесь рассказ основан на отождествлении Одина с Одом (последний, по всей видимости, воспринимался как двойник Одина: оба имени, Óðinn и Óðr – производные от óðr «исступление, поэзия»). В «Прорицании вёльвы» (строфа 25) Фрейя названа «девой Ода», а согласно сообщениям «Младшей Эдды» (*МЭ*, 53, 120, 130), Од приходился ей мужем. Как сказано в «Видении Гюльви», Од отправился в дальние странствия, и Фрейя плачет по нему, роняя золотые слезы, и в поисках его ходит по неведомым странам (ср. замечание рассказчика пряди о том, что Фрейя повсюду следовала за Одином).

[5] *...одного звали Альфриг, другого Двалин, третьего Берлинг, а четвертого Грер.* – Из названных здесь имен четырех карликов только одно, Двалин (по-видимому, «оцепеневший»), помимо данного рассказа известно из мифологических (эддическая поэзия) и легендарных источников. Двалин – имя одного из предводителей нескольких десятков карликов, перечисленных в «Прорицании вёльвы» (строфа 14); он также упомянут в качестве «верховного» представителя или родоначальника своего племени в «Речах Высокого» (строфа 143; ср. также строфу 13 «Речей Фафнира», где утверждается, что Двалин – отец некоторых норн, мифологических существ, наделяющих людей их судьбами; см. примеч. 102 к «Пряди о Норна-Гесте»), вероятно,

поэтому в языке поэзии это имя используется в составе ряда кеннингов и хейти (поэтических синонимов) как обозначение карлика вообще. Согласно «Саге о Хервёр и Хейдреке» (гл. 2), Двалин был одним из двух карликов, выковавших непобедимый меч Тюрвинг.

[6] *...искусны ⟨...⟩ называли карликами. Они жили в скале.* – Представления о том, что карлики («дверги») населяли камни, почву и холмы и были искусными ремесленниками, изготовившими для богов и героев их ценнейшие сокровища и оружие, отражены во множестве древнескандинавских сказаний. В «Младшей Эдде» происхождение карликов объясняется следующим образом: они будто бы «завелись в почве и глубоко в земле, подобно червям в мертвом теле. Карлики зародились сначала в теле Имира (великана, из плоти которого был создан мир. – *Е.Г.*), были они и вправду червями. Но по воле богов они обрели человеческий разум и приняли облик людей. Живут они, однако ж, в земле и в камнях...» (*МЭ*, 31).

[7] *У нее были свои покои...* – В «Младшей Эдде» (*МЭ*, 44) говорится, что палаты Фрейи называются Сессрумнир (букв.: вмещающий много сидений) и что они «велики и прекрасны».

[8] *...выковывали золотое ожерелье.* – Вне всякого сомнения, имеется в виду знаменитое сокровище Фрейи, ожерелье Брисингов (Brísingamen), упоминаемое в качестве непременного атрибута этой богини в эддической «Песни о Трюме» и в «Младшей Эдде» (ср., по всей видимости, соответствующее этому название «ожерелье Бросингов» в другом германском источнике, англосаксонском эпосе «Беовульф», строфа 1199). Хотя нигде не говорится о том, кто такие были Брисинги, от которых драгоценное ожерелье перешло к Фрейе, можно с уверенностью предполагать, что создателями его были братья-карлики, вероятно, те самые, чьи имена названы в пряди. Изложенный здесь мифологический эпизод неизвестен из других источников, однако в одном из наиболее ранних древнескандинавских текстов, поэме норвежского скальда конца IX в. Тьодольва из Хвинира «Хаустлёнг» (строфа 9), Локи (см. след. примеч.) назван «похитителем пояса Брисинга» (Brísings girðiþjófr; «пояс» – иносказательное обозначение ожерелья; см. также: *МЭ*, 113), кеннингом, который вполне может содержать аллюзию на миф, позднее использованный автором «Пряди о Сёрли» в качестве завязки излагаемого им древнего сказания о битве Хьяднингов.

[9] *...его прозвали Локи Хитроумным.* – Локи – бог-трикстер, которому посвящены многочисленные сказания, один из центральных персонажей скандинавской мифологии и родитель ее самых грозных монстров – волка Фенрира, Мирового Змея (Ёрмунганда) и великанши-смерти Хель. В настоящем рассказе Локи назван пришельцем, которого Один взял к себе на службу, однако в «Младшей Эдде» он обычно относится к асам, хотя и происходит от великана. В остальном данное в пряди описание, по-видимому, основано на соответствующем представлении Локи в «Видении Гюльви»: «К асам причисляют и еще одного, которого многие называют зачинщиком распрь между асами, сеятелем лжи и позорищем богов и людей. Имя его Локи или Лофт. Он сын великана Фарбаути, а мать его зовут Лаувейя или Наль (букв.: игла. – *Е.Г.*) ... Локи пригож и красив собою, но злобен нравом и очень переменчив. Он превзошел всех людей тою мудростью, что зовется коварством, и хитер он на всякие уловки. Асы не раз попадали из-за него в беду, но часто он же выручал их своею изворотливостью» (*МЭ*, 48).

[10] *...обернулся мухой ⟨...⟩ пролезть внутрь.* – Превращение мифологического или сказочного героя ради уменьшения своего размера в насекомое или змею с целью проникнуть в нужное место сквозь щель – распространенный фольклорный мотив. В древнескандинавской мифологии Один оборачивается змеей и проползает сквозь просверленное в скале отверстие, чтобы похитить мед поэзии у великана Суттунга (*МЭ*, 104). Ср. также ведийского Индру, в обличье муравья вползающего на насыпь вражеской крепости, или Ивана-царевича, который, обернувшись муравьем, заползает сквозь малую трещину в хрустальную гору и освобождает найденную там царевну.

[11] *По прошествии двадцати четырех зим со времени гибели Фридфроди ⟨...⟩ Сёрли Сильный, а младшего Эрленд.* – Friðfróði – букв.: мирный Фроди, легендарный датский конунг, при котором установился «мир Фроди» (Fróða friðr) – многолетний период всеобщего благоденствия и спокойствия, когда по всей земле не было ни войн, ни беззаконий. В «Младшей Эдде» наименование этой благословенной эпохи разъясняется следующим образом: Фроди, сын Фридлейва, правнук Одина, был датским конунгом, правившим «в те времена, когда Август кесарь водворил на всей земле мир, тогда родился Христос» (*МЭ*, 142). Поскольку же Фроди был «самым могущественным конунгом в северных странах, считают, что это он водворил мир во всех землях, где говорят по-датски (т.е. на древнескандинавском языке. – *Е.Г.*), и люди на севере называют это миром Фроди. Тогда никто не чинил зла другому, даже повстречав убийцу отца или брата... Не было тогда ни воров, ни грабителей, так что одно золотое кольцо долго лежало на Ялангрсхейд-поле (в Ютландии. – *Е.Г.*)» (Там же). Как сообщает Снорри, этот великий мир завершился убийством Фроди, «намолотым» ему на волшебной мельнице Гротти вражеским воинством (о чем повествуется в цитируемой там же «Песни о Гротти»). Примерно то же рассказывает об этом датском короле, чья империя помимо Севера включала в себя десятки стран и народов, простираясь от Рейна на западе до Руси (Ruscia) на востоке, Саксон Грамматик, однако, по версии «Деяний датчан» (кн. V), виновницей смерти Фрото (Фроди) явилась обернувшаяся морской коровой колдунья, которая проткнула престарелого короля рогом. В отличие от хронологии «Пряди о Сёрли», по Саксону Грамматику, герои сказания о Хьяднингах, к изложению которого переходит здесь рассказчик нашей истории, были не только современниками, но и подданными короля Фрото, причем именно они впервые нарушили установленный им мир (см. примеч. 36). О Сёрли подробно рассказывается в «Саге о Сёрли Сильном» (*FSN* III, 408–452), однако, согласно этой саге, сыновей конунга Эрлинга звали Сигвальди и Сёрли.

[12] *...бились с Синдри Викингом, сыном Свейгира, сына Хаки, морского конунга, в шхерах Эльва.* – Об этом бое больше нигде не упоминается; имя Хаки присутствует в двух перечнях морских конунгов, т. е. предводителей викингов, в тулах (стихотворных перечнях) поэтических синонимов и используется в скальдических кеннингах. Эльв – Гаут-Эльв (Ёта-Эльв), река, по которой проходила древняя граница между Норвегией и Швецией (Западным Гаутландом).

[13] *Восточное Море* – Балтика.

[14] *...Хальвдан. Он правил в Дании.* – Герой «Саги о Хальвдане Воспитаннике Браны» (*FSN* III, 559–591); как следует из этой саги, великолепный боевой корабль, носящий имя Skrauti (Украшенный), о котором идет речь в пряди, был получен Хальв-

даном в подарок от великанши Браны. В этой саге, однако, не упоминаются ни Сёрли, ни Хёгни, о Хальвдане же сказано, что он правил в Дании (а затем и в Англии) до глубокой старости и умер своей смертью. Повествующий о Хальвдане и Сёрли эпизод пряди находит соответствие в «Саге о Сёрли Сильном» (гл. 11), где среди прочего также рассказывается о победе Сёрли над Хальвданом и захвате его драгоценного корабля. Но в этой саге Хальвдан представлен уже как конунг Холодной Свитьод (вымышленное название, по всей видимости образованное по образцу ученого наименования «Великая Свитьод» – легендарная страна на крайнем юго-востоке Европы, где якобы некогда жили асы; Холодная Свитьод также упоминается в «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде»), о корабле же сказано, что Хальвдан добыл его, убив дядю Сёрли, конунга Агнара Богатого, прежнего правителя Холодной Свитьод. Высказывалось предположение о возможной исторической подоплеке событий, описанных в эпизодах, посвященных Хальвдану и Сёрли, в обоих названных легендарных источниках – в них могли найти отражение сообщения ирландских анналов о конфликтах между датчанами и норвежцами в 851–873 гг., в связи с которыми, в частности, упоминаются имена Suairlech (= Sörli?) и Albdan (= Hálfdan?) (см.: *Lukman N.* An Irish Source and some Icelandic fornaldarsögur // Mediaeval Scandinavia. 1977. Vol. 10. P. 41–57).

[15] *Хроискельда* – Роскилле на острове Зеландия.

[16] *Ладья* (Elliði) – корабль легендарного героя Торстейна сына Викинга, персонажа одноименной саги, затем перешедший к его сыну, Фритьову Смелому, тоже герою отдельной саги.

[17] *Всплеск* (Gnoð) – нередко упоминаемый в «сагах о древних временах» корабль легендарного героя Асмунда, персонажа «Саги об Эгиле Одноруком», прозванного поэтому Gnoðar-Ásmundr.

[18] *Великий Змей* – прославленный боевой корабль Олава Трюггвасона, упоминаемый во множестве саг и прядей. Согласно сообщениям разных источников, это был самый большой боевой корабль, когда-либо построенный в Норвегии: на нем было 34 скамьи для гребцов (против обычных двадцати), причем на каждой полускамье сидело по 8 человек, 30 человек находилось на корме. «Это был корабль с драконьей головой на носу ⟨...⟩ голова и хвост дракона были целиком позолочены, а борт был так же высок, как на морских кораблях» (*КЗ*, 152).

[19] *Остров Одина* (Óðinsey) – совр. Оденсе в Дании.

[20] *...в Краткой Песни о Сёрли.* – Кроме приведенной ниже строфы, никаких иных стихов из этой песни не сохранилось. В оригинале песнь названа «Sörla stikki», заглавие, указывающее на то, что она была сложена в размере stikkalag («игольный размер»), который описывается в комментариях к строфе 98 «Перечня размеров» Снорри Стурлусона в заключительной части «Младшей Эдды» (см.: *Snorri Sturluson.* Edda: Háttatal / Ed. A. Faulkes. Oxford, 1991. P. 38); однако процитированная в пряди строфа не обнаруживает формальных признаков этого размера.

[21] *...Сёрли прожил более короткую жизнь и пал в Восточных Странах...* – Приведенный здесь рассказ о Сёрли, лишь предваряющий основное повествование и по не до конца понятной причине давший название пряди в целом, по-видимому, призван не только ввести в действие одного из ее главных героев (Хёгни) и захваченный у Хальвдана корабль (последний упоминается в дальнейшем уже как собственность сына Хальвдана, Хёгни, отнятая Хедином). Некоторые темы этой истории, очевид-

но изначально никак не связанной с героическим преданием, которому посвящены центральные эпизоды пряди (побратимство, заключению которого предшествует испытание силы; охватившее героя неодолимое желание завладеть драгоценностью, принадлежащей другому правителю, и др.), впоследствии воспроизводятся рассказчиком при изложении сказания о Хьяднингах (см.: *Rowe E.A.* «Sörla þáttr»: The literary adaptation of myth and legend. P. 43 f.). Восточные Страны (Austrríki, также Austrvegr – букв.: Восточный путь) – общее название стран, лежащих к востоку от Скандинавии, в том числе на побережье Балтийского моря.

[22] *...лежанку Хель занял...* – т.е. умер. Хель – великанша-смерть и наименование царства мертвых (см. примеч. 9).

[23] *...в мор форели пустоши...* – летом (где форель пустоши – змея, мор змеи – лето).

[24] *...шип* ⟨...⟩ *шелома...* – меч.

[25] *...стал там конунгом...* – В англосаксонской поэме «Видсид» (стих 21) сказано, что Хагена (= Хёгни) правил хольмрюггами, т.е. племенем ругиев, живших на побережье Померании.

[26] *Хьярранди* – во всех древнескандинавских версиях сказания это имя отца Хедина, однако в более раннем англосаксонском «Деоре» (это стихотворение сохранилось в «Эксетерской книге», X в.), герой которого называет себя приближенным «хеоденинга» (соответствует исландскому «хьяднинг»; ср.: «жил я в дружине / державного хеоденинга, / Деором звался / государев любимец», стихи 39–42. – Древнеанглийская поэзия / Изд. подг. О.А. Смирницкая, В.Г. Тихомиров. М., 1982. С. 14), имя Хеорренда (стих 41) принадлежит певцу, сопернику Деора при дворе Хедина. Аналогичным образом в средненемецкой эпической поэме «Кудруна» (XIII в.) Хорант (= Хьярранди) также представлен как искусный певец: в немецком варианте сказания это рыцарь-вассал Хетеля (= Хедина), который своим сладким пением склоняет Хильду бежать из отчего дома к его господину.

[27] *Серкланд* – «страна сарацин», т. е. Африка. В других скандинавских версиях сказания о Хильд ничего не говорится о том, что Хедин сын Хьярранди был чужестранцем.

[28] *Гёндуль* – в скандинавской мифологии имя одной из валькирий (valkyrja – «выбирающая павших»), воинственных «дев Одина», по его воле решающих исход сражений и отправляющих убитых в бою воинов в чертог Одина, Вальгаллу. В поэзии скальдов имя Гёндуль употребляется в качестве обозначения битвы (то же относится и к имени героини рассказа – Хильд; см. примеч. 36). В сказании о битве Хьяднингов этот персонаж, под чьей личиной, несомненно, скрывается Фрейя, появляется лишь в данной пряди. (О двойственности Фрейи, богини любви и плодородия, также ассоциировавшейся со смертью, – в эддических «Речах Гримнира» утверждается, что она «поровну воинов, / в битвах погибших, / с Одином делит» (строфа 14: *СЭ*, 37), см.: *Vries J. de.* Altgermanische Religionsgeschichte. 3. Aufl. B., 1970. Bd. II. S. 11; *Rowe E.A.* «Sörla þáttr»: The literary adaptation of myth and legend. P. 58 f.) Только в этом варианте сказания упоминается и магический напиток забвения, которым Фрейя / Гёндуль опаивает Хедина (ср., например, аналогичный мотив в «Саге о Вёльсунгах», гл. 26: жена конунга Гьюки, Гримхильд, опаивает Сигурда, чтобы он позабыл Брюнхильд). Ф. Панцер (*Panzer F.* Hilde-Gudrun. Eine sagen- und literaturgeschichtliche

Untersuchung. Halle, 1901. S. 167 f.) указывает на параллель к сцене встречи Хедина с Гёндуль у Саксона Грамматика («Деяния датчан», кн. III): датский король Хёд (Hotherus), заблудившийся во время охоты в лесу, неожиданно обнаруживает приют лесных дев, оказывающихся валькириями; после беседы, в которой они наказывают ему не вызывать на поединок Бальдра, девы и их убежище исчезают, и ошеломленный Хёд остается один. Подобно герою «Пряди о Сёрли», Хёд трижды встречается с одними и теми же валькириями.

[29] *...в отваге и бесстрашии, славе и удаче.* – В оригинале здесь используется аллитерация: **h**reysti ok **h**arðræði, **fr**ægðum ok **fr**amkvæmdum (*FS*, 7).

[30] *...на Хервёр дочери Хьёрварда, сына Хейдрека Волчья Шкура.* – Согласно «Саге о Хервёр и Хейдреке» (гл. 16), Хейдрек Волчья Шкура (или Хейдрек Оборотень) был сыном легендарного героя Ангантюра и, подобно своему отцу, долгое время правил в Рейдготаланде (это наименование, по-видимому, относится к стране готов; ср. племя «хред-готов», упоминаемое в «Видсиде», стих 9). Там же сказано, что у Хейдрека Волчья Шкура была дочь Хильд, мать Хальвдана Храброго, чьим сыном был конунг Ивар Широкие Объятия, по сообщению «Саги об Инглингах» (гл. 41) подчинивший себе всю Шведскую Державу (*КЗ*, 33). Однако другие источники называют Хейдрека Волчья Шкура сыном Гудмунда с Гласисвеллир, знаменитого языческого правителя, фигурирующего в целом ряде историй о древних временах (например, в «Саге о Хервёр и Хейдреке», «Пряди о Хельги сыне Торира», «Пряди о Торстейне Силе Хуторов»).

[31] *...убьешь мою мать...* – «Прядь о Сёрли» – единственный вариант сказания о Хильд, где происходит убийство конунговой жены. В «Кудруне» старая королева вместе с дочерью и сопровождающей их свитой осматривает корабли датчан, прибывших с тайной целью увезти Хильду, после чего остается невредимой на берегу и оплакивает похищенную посланцами Хетеля дочь.

[32] *...грядут еще горшие беды ⟨...⟩ страдания и тяготы.* – В оригинале здесь используется аллитерация: **m**eingerðum ok **m**iklum álögum... at sjá þig í **i**llendum ok **e**rfiðismunum (*FS*, 10).

[33] *...боевой корабль Наследство Хальвдана...* – Hálfdanarnautr – Наследство (или «подарок») Хальвдана – имеется в виду корабль, который Сёрли отнял у Хальвдана, отца Хёгни.

[34] *...к острову, который назывался Высокий...* – Имеется в виду один из Оркнейских островов (см. примеч. 36), др.-исл. Hár, совр. Ноу (Хой).

[35] *...вставали вновь и принимались биться, как прежде.* – Традиционный фольклорный мотив (E155.1. «Убитые воины еженощно оживают», см.: *Boberg I.M.* Motif-index of early Icelandic literature. P. 95), в древнескандинавской литературе присутствующий также в легендарной «Саге о Хрольве Жердинке и его воинах» (гл. 51): здесь колдунья Скульд (подобно Хильд и Гёндуль, это имя также принадлежит валькирии; см. примеч. 28, 36) оживляет павших в бою воинов, так что в ходе кровопролитной битвы с Хрольвом и его героями, сразившими несметное число людей в войске Хьёрварда и Скульд, последние не несут никаких потерь. Указывалось на многочисленные параллели в кельтской традиции. Так, в сказании о Бранвен дочери Ллира из сборника валлийских легенд «Мабиногион» рассказывается о Котле Оживления, в который ирландцы бросали мертвые тела павших в битве воинов; на следующее

утро мертвые воины стали такими же, как прежде, кроме того, что не могли говорить. В другой легенде из той же книги, «Куллвх и Олвен», сообщается о нескончаемом поединке между богом смерти и подземного царства Гвином и солнечным божеством Гвинхиром, соперничающими за обладание девой Кройддилад: оба они обречены сражаться за нее каждый год, 1 мая, вплоть до Судного дня, и тот из них, кто окажется победителем, получит деву в жены. (См. также обсуждение вопроса о предполагаемом кельтском или оркнейском источнике сказания о Хьяднингах в статье: *Rowe E.A.* «Sörla þáttr»: The literary adaptation of myth and legend. P. 47 ff.) Мотив нескончаемой битвы присутствует в самых разных традициях, как европейских, так и восточных (см. собранные Дж. Фрэзером многочисленные примеры народных поверий, связанных с местами, где некогда происходили большие сражения; молва приписывает им регулярное появление участников былых событий, все снова и снова вступающих в бой друг с другом: Pausanias's Description of Greece / Transl. with a Comment. by J.G. Frazer. L., 1898. Vol. II. P. 443 f.; см. также примеры в кн.: *Panzer F.* Hilde-Gudrun. Eine sagen- und literaturgeschichtliche Untersuchung. Halle, 1901. S. 328–332).

[36] *...тяжкой тяготы и ужасной участи.* – В оригинале здесь используется аллитерация: **au**mliga **á**felli ok **sk**aðlegum **sk**apraunum (*FS*, 12). В «Младшей Эдде» обстоятельства ссоры двух конунгов, ставшей причиной бесконечно длящейся битвы, описываются несколько иначе: «У конунга по имени Хёгни была дочь, которую звали Хильд. Она досталась как военная добыча конунгу по имени Хедин, сыну Хьярранди. А конунг Хёгни был тогда на сходе конунгов. Узнав, что государство его разорено, а дочь уведена в плен, он отправился со своим войском искать Хедина. И стало ему известно, что Хедин отплыл вдоль побережья к северу. Достигнув Норвегии, конунг Хёгни узнал там, что Хедин уже отплыл на запад, в открытое море. Тогда Хёгни плывет за ним следом до самых Оркнейских островов. И, достигнув острова, что называется Высокий, он застал там Хедина с его войском. Тогда Хильд встретилась со своим отцом и просила его от имени Хедина принять в знак мира ожерелье. Но тут же повела она и другие речи: Хедин, мол, готов к бою, и Хёгни не будет от него пощады. Сурово ответил Хёгни дочери. И, увидевшись с Хедином и сказав ему, что Хёгни не желает мира, она просила Хедина готовиться к бою. И оба они, Хёгни и Хедин, восходят на остров и строят войска. Тут Хедин обращается к Хёгни, своему тестю, и предлагает ему мир и выкуп – много золота. Тогда отвечает Хёгни: "Слишком поздно заговорил ты о мире, ибо я уже обнажил свой меч Наследство Даина (Даин – имя карлика, букв.: мертвый. – *Е.Г.*), что сковали карлы. Всякий раз, когда его обнажают, он должен принести смерть, и рубит он всегда без промаха, и не заживает ни одна нанесенная им рана". Тогда отвечает Хедин: "Ты хвалишься мечом, а не победою. Добрым зову я тот меч, что верен хозяину". И завязался между ними бой – его называют битвой Хьяднингов, – и сражались они целый день, а вечером пошли к своим кораблям. Ночью пришла Хильд на поле битвы и колдовством пробудила всех убитых. На другой день конунги возвратились на поле битвы и вступили в бой, и были с ними все те, кто полегли накануне. И так изо дня в день длилась та битва: и убитые, и оставшееся на поле битвы оружие и щиты – все превращалось в камни. Но наутро мертвецы восставали и сражались, и все оружие снова шло в дело. В стихах говорится, что так и застанет Хьяднингов конец света» (*МЭ*, 155–156). Явствующее из этого рассказа двусмысленное поведение Хильд, которая фактически подстрекает своего

отца, вместо того чтобы добиваться примирения противников, и затем колдовскими чарами поддерживает бесконечно длящееся сражение, существенно отличается от описанного в «Пряди о Сёрли», где она напрасно пытается предотвратить беду и оказывается безвинной жертвой козней Одина и Фрейи. Далее Снорри сообщает, что это сказание было переложено в стихи самым ранним из известных нам скальдов, норвежцем Браги Старым Боддасоном (первая половина IX в.), в хвалебной песни в честь Рагнара Лодброка и приводит четыре с половиной строфы из этой песни (см.: *Snorri Sturluson.* Edda: Skáldskaparmál / Ed. A. Faulkes. L., 1998. Vol. I. P. 72 f.). Не вызывает сомнений, что прозаический рассказ в «Младшей Эдде» в значительной мере опирается на стихи Браги. Позднее этот же сюжет упоминается в другой поэме – «Древний ключ размеров» («Háttalykill inn forni») оркнейского ярла Рёгнвальда Кали (1136–1158) и исландского скальда Халля Тораринссона (строфы 45–46), в этом источнике также говорится, что «Хьяднинги сражаются вечно». Многочисленные аллюзии на битву Хьяднингов встречаются и у других скальдов. В «Деяниях датчан» (кн. V), где также пересказывается эта легенда, она изложена как часть истории конунга Фроди (см. о нем примеч. 11). По версии Саксона Грамматика, норвежский король Хидин (= Хедин) полюбил Хильд, дочь правителя Ютландии Хёгина (Хёгни), и, как было донесено отцу невесты, якобы соблазнил и обесчестил ее до их обручения; тогда Хёгин напал на Хидина и одержал над ним победу. Так был нарушен мир, установленный верховным конунгом Фроди, что вынудило последнего вмешаться в их распрю. Не преуспев в примирении противников, король Фроди постановил, что их спор должен быть разрешен в бою. В этом поединке Хидин получил от отца Хильд тяжелую рану, однако тот пощадил его молодость и оставил в живых. Семью годами позднее Хидин и Хёгин вновь сошлись в бою, произошедшем на острове Хидинсё (Hithinsø – остров Хидензе в Балтийском море, расположенный к западу от острова Рюген), и на этот раз сразили друг друга насмерть. Как гласит молва, Хильд так сильно тосковала по своему мужу, что ночью колдовскими чарами вызвала души убитых, после чего они смогли возобновить сражение. Как неоднократно указывалось, в скандинавских источниках, по времени предшествующих созданию «Пряди о Сёрли», Хильд скорее всего отождествлялась с валькирией, носящей то же имя (др.-исл. hildr «битва»): считалось, что именно валькирии наделены властью оживлять мертвых героев, дабы они могли сразиться вновь. Появление в пряди имени валькирии Гёндуль (см. примеч. 28), чьи чары и вызывают нескончаемую битву, лишь подтверждает это предположение. В пользу этого свидетельствуют и явные аллюзии на сказание о Хьяднингах в эддической «Второй Песни о Хельги Убийце Хундинга», где Хельги говорит своей возлюбленной, валькирии Сигрун, дочери конунга Хёгни, ставшей причиной битвы, в которой пали ее отец и жених: «была ты нам Хильд; / судьбы не оспоришь!», на что та отвечает: «Оживить бы убитых, / и в объятьях твоих / укрыться бы мне!» (строфа 29: *СЭ*, 88 и след.). Невозможно судить об отношении между скандинавскими и древнеанглийскими версиями легенды о Хьяднингах: в поэмах «Видсид» и «Деор» содержатся лишь упоминания имен отдельных героев этого сказания. Более поздний по сравнению с древнеанглийскими памятниками континентальный германский вариант той же легенды, изложенный в средненемецкой эпической поэме «Кудруна» (XIII в.), где Хьяднинги именуются Хегелингами, демонстрирует существенные отличия от ее древнескандинавских вер-

сий. Как рассказывается в начальных авентюрах (V–VIII) этой поэмы, король датчан и фризов Хетель (= Хедин), прослышав о необычайной красоте Хильды, воспылал к ней любовью и пожелал непременно получить ее в жены (ср. этот же мотив у Саксона Грамматика, сообщающего, что, хотя Хидин и Хильд никогда не встречались, они полюбили друг друга, услышав рассказы других, а когда им довелось свидеться, не смогли отвести друг от друга глаз). Препятствием к сватовству послужило то, что, как гласила молва, отец красавицы, воинственный король Ирландии Хаген (= Хёгни), неизменно убивал всех, кто осмеливался просить руки его дочери. Хетель поэтому отправляет к Хагену своих верных вассалов, которые, не открывая ирландцам своих истинных целей, богатыми дарами и рыцарскими доблестями заслуживают дружбу Хагена и его домочадцев, после чего тайно склоняют Хильду принять любовь их господина и обманом увозят ее из отчего дома. Хаген со своими людьми преследует беглецов и вступает в бой с войском Хетеля, однако после кровопролитной битвы Хаген с Хетелем примиряются, и отец одобряет брак своей дочери с правителем датчан. В этом варианте легенды на первый план выходит мотив добывания невесты, и в нем вообще отсутствуют важнейшие элементы всех ее древнескандинавских версий – мотив оживления мертвых и нескончаемого сражения. Помимо средневековых вариантов сказания о битве Хьяднингов, на Шетландских островах сохранилась баллада «Хильдина» («Hildina»), сложенная на норн (местном, ныне исчезнувшем диалекте скандинавского происхождения) и записанная лишь в последней четверти XVIII в. Судя по ее изложениям (*Panzer F.* Hilde-Gudrun. S. 175 ff.), сказание о Хильд (в балладе она именуется Хильдиной) представлено в ней в значительно трансформированном виде.

[37] *Ивар Луч* – об этом дружиннике конунга Олава Трюггвасона подробно рассказывается в «Пряди о Торстейне Бычья Нога», которая предшествует «Пряди о Сёрли» в «Книге с Плоского Острова» (*Flat.* I, 249–263; см. в наст. изд.). Высказывалось предположение, что за этим именем (др.-исл. Ívar ljómi) может стоять последний скандинавский правитель Лимерика, Ivar Luimnigh, убитый в 977 г., и что сам конунг замещает здесь своего тезку – Олава Сигтрюггссона Квартана, бывшего королем Дублина с 938 по 980 г., когда он потерял власть, потерпев поражение от ирландцев. В свете реконструируемой «ирландской перспективы» «Пряди о Сёрли» неожиданное объяснение получает и указанная в ней продолжительность нескончаемой в других скандинавских версиях легенды битвы Хьяднингов – 143 года: она могла быть исчислена на основании записей в ирландских анналах, в которых викинги впервые упоминаются в сообщениях, датируемых 837 г., т. е. ровно за 143 года до окончательного избавления от их владычества (980 г.), изображаемого ирландскими хронистами как длительный период жестокого угнетения и бедствий (см. подробнее: *Lukman N.* An Irish Source and some Icelandic fornaldarsögur. P. 57).

[38] *...меч, которым прежде владел Ярнскьёльд и который Ивару дал его сын Торстейн...* – Ярнскьёльд – один из великанов, побежденных Торстейном (о чем рассказывается в «Пряди о Торстейне Бычья Нога», гл. 10). Торстейн был внебрачным сыном знатного норвежца Ивара Луч от исландки Оддню, которого тот долго не желал признавать, однако после громких подвигов, совершенных силачом Торстейном в Норвегии, отношения между отцом и сыном наладились. Подобно Ивару, Торстейн Бычья Нога был дружинником Олава Трюггвасона.

ПРЯДЬ О РЁГНВАЛЬДЕ И РАУДЕ

«Прядь о Рёгнвальде и Рауде» («Rögnvalds þáttr ok Rauðs») сохранилась в двух редакциях «Большой саги об Олаве Трюггвасоне» – в рукописи AM 61 fol. (*ÓТ*), датируемой 1350–1375 гг. (*ÓТ* I, 313–322, 325–333, 349–351: гл. 146–147, 149, 151, 156) и в «Книге с Плоского Острова» (последняя четверть XIV в.: *Flat* I, 288–293, 294–295, 296–299). В обеих редакциях саги история о Рёгнвальде и Рауде приводится в связи с представлением Торольва Скьяльга, чьему сыну, Эрлингу, вскоре предстояло породниться с конунгом Олавом. При этом пряди предшествует рассказ о том, как знатные и могущественные жители Хёрдаланда готовились к прибытию к ним конунга Олава, который направлялся в то время на север Норвегии с большим войском, заставляя народ принимать крещение и подвергая «наказаниям и насилию» тех, кто ему противился (*ÓТ*, гл. 144; в «Круге Земном», где содержится более ранняя версия «Саги об Олаве сыне Трюггви», впоследствии расширенная и дополненная интерполяциями в *ÓТ*, изложению этих событий посвящена гл. 54 и следующие за ней главы: *КЗ*, 134–136). В «Книге с Плоского Острова» (*Flat* I, 288) пряди предпослано заглавие: «Þaattr Rognvalldz». Помимо названных, имеется также отдельная от «королевской саги» более поздняя рукописная версия рассказа о Рёгнвальде и Рауде, которая входит в собрание саг и прядей, носящее название «Книга из Скальхольта» («Skálholtsbók», AM 557 4to), составленное ок. 1420–1450 гг. (Подробнее об этой пряди см.: *Harris J.* Folktale and thattr: The case of Rognvald and Raud // Folklore Forum. 1980. Vol. 13. P. 158–198.)

В настоящем собрании рассказ приводится в редакции «Книги с Плоского Острова». Перевод выполнен по изд.: Fornar smásögur úr noregskonunga sögum / E. Gardiner gaf út. Reykjavík, 1949. Bls. 50–64 (оригинальный текст сверен с изданием *Flat.*). Перевод печатается впервые.

[1] *Эрвик* – залив (здесь, возможно, название усадьбы) у полуострова Стад в Южном Мёре на западе Норвегии.

[2] *Торольв Скьяльг* – сын Эгмунда, часто именуемый Скьяльгом, знатный житель Хёрдаланда, внук Хёрда-Кари (см. о нем «Прядь о Сигурде Слюне», примеч. 5), и отец могущественного Эрлинга (см. примеч. 5).

[3] *Венды* – германское наименование западнославянских племен (полабских славян и поморян), живших в так называемой Стране Вендов (Vindland) на южном побережье Балтийского моря.

[4] *...от мыса Стад...* – См. примеч. 3 к «Пряди об Альбане и Сунниве».

[5] *...Эрлинг, его сын...* – См. о нем в «Пряди об Эйндриди и Эрлинге» в наст. изд.

[6] *...пускай зовется Рауд.* – Rauðr означает «красный».

[7] *Зовут его Олав, и он сын Трюггви сына Олава.* – По сообщениям саг, отец конунга Олава, Трюггви, приходился Харальду Прекрасноволосому внуком. Сын Харальда, Олав, дед Олава Трюггвасона, был конунгом в Вике. В «Саге о Харальде Прекрасноволосом» (гл. 21) он назван Олавом Альвом Гейрстадира (подобно Олаву Альву Гейрстадира сыну Гудрёда; см. о нем одноименную прядь).

[8] Олав Трюггвасон возвратился в Норвегию в 995 г. Вслед за тем в саге (*ÓT*, kap. 148; *Flat*, kap. 245) рассказывается о встрече конунга с бондами, их крещении, а также о том, как он выдал свою сестру Астрид за Эрлинга сына Скьяльга. Присутствие этих эпизодов в «Саге об Олаве сыне Трюггви» в «Круге Земном» (*КЗ*, 135–136) свидетельствует о том, что они не относятся к пряди.

[9] Далее следует не относящаяся к пряди глава саги, в рукописи озаглавленная Capitulum (*ÓT*, kap. 150; *Flat*. I, 295: гл. 247).

[10] *...Хладир* ⟨...⟩ *Хакон ярл...* – См. примеч. 1 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».

[11] Ратная стрела вырезалась и рассылалась во все стороны в целях немедленной мобилизации населения страны в случае войны (скандинавские законы содержали особое положение о ратной стреле).

[12] *...по фьорду...* – т.е. по Трандхеймсфьорду.

[13] *...Харек с Тьотты...* – См. примеч. 29 к «Пряди об Асбьёрне Тюленебойце».

[14] *...Торир Олень...* – См. о нем в «Пряди о Рауде Могучем».

[15] *...Эйвинд по прозвищу Рваная Щека.* – Один из предводителей халогаландских бондов. В «Саге об Олаве сыне Трюггви» (в ред. «Круга Земного», гл. 76) описываются пытки и смерть Эйвинда, отказавшегося принять крещение, несмотря на все уговоры конунга. При этом утверждается, что «он был большим чародеем», и сообщается, что, по собственному признанию Эйвинда, его упорство было вызвано тем, что он был «духом, ожившим в человеческом теле, благодаря колдовству финнов» (*КЗ*, 144–145).

[16] В отдельной «Большой саге об Олаве Трюггвасоне» далее интерполированы начальные главы «Саги о Халльфреде Трудном Скальде» (*ÓT*, kap. 152–155). В более поздней редакции жизнеописания Олава Трюггвасона в «Книге с Плоского Острова» эти же главы «Саги о Халльфреде» следуют непосредственно за «Прядью о Рёгнвальде и Рауде».

ПРЯДЬ ОБ ЭГМУНДЕ БИТОМ И ГУННАРЕ ПОПОЛАМ

«Прядь об Эгмунде Битом и Гуннаре Пополам» («Ögmundar þáttr dytts ok Gunnars helmings») известна уже из сочиненной в начале XIV в. «Большой саги об Олаве Трюггвасоне» (*ÓT* II, 1–18), в составе которой она была впоследствии включена в «Книгу с Плоского Острова» (*Flat*. I, 332–339). Начало истории об Эгмунде Битом содержится также в одной из средневековых рукописей «Саги о Глуме Убийце» («Vatnshyrna», конец XIV в.), где эта сага сохранилась лишь фрагментарно. Поскольку рассказ отсутствует в основной и единственной полной рукописи саги («Möðruvallabók», XIV в.), предполагается, что он был опущен средневековым редактором как не имеющий прямого отношения к истории Глума, в которой Эгмунд ни разу не упоминается (см.: Víga-Glúms saga / Ed. by G. Turville-Petre. Oxford, 1960. P. XXXI). Действие во фрагменте доводится всего лишь до инцидента с Халльвардом, поэтому на его основании невозможно судить о том, как эта редакция пряди соотносится с ее версией, вплетенной в «королевскую сагу». То обстоятельство, что рассказ об Эгмунде Битом был связан с «Сагой о Глуме Убийце», позволяет датировать его XIII в. (см.: *ÍF* IX.

Bls. LXIV). Не исключено также, что именно «Сага о Глуме Убийце», герое, как и Гуннар, упорно враждовавшем с Фрейром, сыграла решающую роль в выборе продолжения рассказа об Эгмунде Битом.

Не вызывает сомнений, что две части пряди – это слитые воедино первоначально самостоятельные и никак не связанные между собой истории (см.: *Harris J.* Ögmundar þáttr dytts ok Gunnars helmings: Unity and Literary Relations // Arkiv för nordisk filologi. 1975. Bd. 90. S. 156–182). Первый рассказ, героем которого является исландец Эгмунд, принадлежит к наиболее распространенному типу «прядей о поездках из страны». Второй, действие которого разворачивается в Швеции, может быть отнесен к повествованиям о столкновении христианства с язычеством, т. е. при всей своей необычности имеет ту же тему, что и большинство прядей, включенных в «Большую сагу об Олаве Трюггвасоне», где сохранилась эта история.

«Пряди об Эгмунде Битом и Гуннаре Пополам» посвящены многочисленные исследования, причем главной ценностью этой истории обычно считают содержащиеся в ней сведения о древнем языческом культе, часть которых не обнаруживается ни в одном другом скандинавском нарративном источнике, однако прямо перекликается со значительно более ранним сообщением Тацита (I в.) о религиозных представлениях и обрядах, распространенных у германских племен. Рассказывая о племенном союзе свевов, римский историк описывает культ богини Нерты (Nerthus), которая, как верили германцы, обеспечивала их благоденствие. В «Германии» (гл. 40) Тацит говорит о девственной роще на одном из островов в Океане, в которой находится «посвященная богине колесница, накрытая покрывалом. Доступ к ней разрешается одному только жрецу. Он знает, когда богиня находится внутри [колесницы], и с великим благоговением следует за ней, влекомой телками. Тогда наступают радостные дни, праздничный вид приобретают те места, которые она удостоит своим прибытием и где гостит…» (Древние германцы. М., 1937. С. 78). Описанная Тацитом богиня Нерта не упоминается ни в одном известном древнегерманском тексте, однако, как давно было установлено, Nerthus – это точный эквивалент имени Ньёрд (Njörðr), скандинавского божества из рода богов плодородия ванов, от которого родились Фрейр и Фрейя. В процитированном рассказе партнером Нертус оказывается сопровождающий ее жрец, единственный, кому разрешен доступ к богине. Налицо, таким образом, явная параллель с историей Гуннара, где при Фрейре находилась молодая женщина, считавшаяся его женой, которая вместе с ним распоряжалась его богатствами и через которую осуществлялись все контакты между языческим богом и его почитателями. В обоих рассказах речь, по-видимому, идет о культовом браке, заключаемом в одном случае между женским, а в другом – мужским божеством и соответственно приданным каждому из них партнером противоположного пола. Как и сообщение Тацита, отображенная в истории Гуннара религиозная практика связывала наступление мира и процветания с регулярно совершаемыми божеством объездами «подвластных» ему территорий. Прядь, тем самым, может рассматриваться в качестве ценного источника информации о древнескандинавском культе бога плодородия.

Вместе с тем нельзя не заметить, что перед нами произведение, в котором языческие обычаи и верования изображаются с позиций средневекового христианства и подвергаются осуждению, а возможно, и осмеянию (см., например: *Heinrichs A.* Der liebeskranke Freyr, euhemeristisch entmythisiert // alvíssmál. Forschungen zur

mittelalterlichen Kultur Skandinaviens. 1997. N 7. S. 29 f.). Рассказ о Гуннаре обнаруживает целый ряд признаков «пряди о крещении», демонстрируя и характерную для подобного рода сочинений тему богоборчества, и непременную концовку – обращение неверных (в данном случае в лице бывшей «жены» Фрейра и возвращенного в лоно церкви вероотступника Гуннара). Демонологическое объяснение природы языческих богов сочетается в нем с эвгемеристической трактовкой языческого культа: шведы с готовностью поддаются обману, принимая за Фрейра (в действительности – одухотворенного дьявольским колдовством деревянного идола) живого человека, обожествляют его и приносят ему жертвы. Не исключено, что автор пряди иронизирует над неразумными язычниками, не способными отличить деревянного истукана от существа из плоти и крови и догадавшимися о мошенничестве Гуннара не раньше, чем тот бежал, захватив с собой принесенные ими драгоценные пожертвования «за мир и урожай».

Тогда как историки религии находят в приключении Гуннара в Швеции отголоски древнегерманского языческого культа, историки литературы скорее склонны усматривать в нем исландскую адаптацию популярного на протяжении всего Средневековья бродячего мотива, получившего наименование «обман Нектанеба» (см.: *Weinreich O.* Der Trug des Nektanebos: Wandlungen eines Novellenstoffes. Leipzig; B., 1911). Последний восходит к роману Псевдо-Каллисфена «Александрия», созданному на рубеже II и III вв., где, в частности, рассказывается об обстоятельствах появления на свет Александра Македонского. Пораженный красотой македонской царицы Олимпиады, волхв и целитель Нектанеб, в прошлом египетский правитель, желая овладеть ею, «открывает» ей намерение богов сделать ее матерью великого царя, после чего является к ней сам в образе бога Аммона (ср. этот же мотив в одной из новелл Боккаччо – «Декамерон» IV, 2, – где некий брат Альберт соблазняет простодушную мадонну Лизетту, выдавая себя за ангела). Поскольку и в случае с Гуннаром как будто бы налицо аналогичный обман – простой смертный выдает себя за сверхъестественное существо, вследствие чего обретает земную возлюбленную, – было высказано предположение, что в конечном счете этот исландский рассказ может быть обязан своим происхождением античному сюжету о Нектанебе (*Reuschel H.* Der Göttertrug im Gunnarsþáttr helmings // Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur. 1934. Bd. 71. S. 155–166). Нельзя, однако, не заметить, что обман Гуннара обнаруживает с «обманом Нектанеба» лишь то общее, что в обоих случаях герой успешно выдает себя за могущественного бога и именно в этом качестве вступает в связь с земной женщиной. Мотивы же этого плутовства совершенно различны. Если в античной истории и производной от нее позднейшей новеллистической традиции его объектом является женщина, чьей любви добивается герой, то в исландской пряди женщина как раз и оказывается исключенной из круга вводимых в заблуждение лиц: напротив, она изначально посвящена в намерения героя и становится его сообщницей.

Существенно при этом, что именно обман и является связующим звеном между двумя объединенными в одну историю рассказами и служит средством, обеспечивающим композиционную целостность «Пряди об Эгмунде Битом и Гуннаре Половинчатом»: в обеих ее частях действует герой-обманщик, выдающий себя за другого и ради достижения своей цели прибегающий к переодеванию.

Перевод выполнен по изд.: Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2335–2344. (Svart á hvítu). Ранее перевод был опубликован в кн.: Одиссей. Человек в истории. 2006. М., 2006. С. 390–401 (см. там же статью: *Гуревич Е.А.* Мифологический и литературный контекст «Пряди об Эгмунде Битом и Гуннаре Пополам». С. 402–419).

[1] *...как уже говорилось...* – Прежде чем появиться в пряди, Глум дважды упоминался в «Большой саге об Олаве Трюггвасоне», в которую вставлен рассказ об Эгмунде (см.: *Flat.* I, 65; 287). Первое упоминание связано с сообщением о женитьбе будущего отца конунга Олава, Трюггви Олавссона, на Астрид, племяннице деда Глума, Вигфуса херсира (о херсире см. примеч. 4 к «Пряди о Сигурде Слюне»); во второй раз мы находим его имя в родословной конунга.

[2] *Торвальд по прозвищу Тасальди* – один из персонажей «Саги о Глуме Убийце», принимающий деятельное участие в описываемых в ней конфликтах на стороне своего родича Глума. Здесь он, судя по всему, упомянут лишь потому, что о нем также имеется прядь (см. «Прядь о Торвальде Тасальди»), сохранившаяся, подобно рассказу об Эгмунде Битом, в составе «Большой саги об Олаве Трюггвасоне».

[3] *...из рода людей из Боговых Долин...* – т.е. из рода исландских первопоселенцев, получившего название по местности (Guðdælir), расположенной в Полуостровном Фьорде на севере страны. О родстве безымянной матери Эгмунда с Глумом Убийцей в других источниках не упоминается; предполагается, что родословная героя пряди – изобретение ее автора.

[4] *...Глум был уже в летах и жил на Поперечном Склоне в Воловьей Долине...* – Согласно саге (гл. 26), Глум был изгнан из своей усадьбы на Поперечной Реке в Островном Фьорде на севере Исландии. Около 989 г. он поселился на границе той же местности на Поперечном Склоне, где и окончил свои дни предположительно в 1003 г.

[5] *...у Хакона ярла...* – См. примеч. 1 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде». Как следует из дальнейшего, действие начальных эпизодов рассказа относится к самому концу правления ярла Хакона: когда Эгмунд спустя год вновь приезжает в Норвегию, он узнает, что к власти в стране пришел конунг Олав Трюггвасон (995 г.). Однако во фрагменте, сохранившемся в составе «Саги о Глуме Убийце», события пряди передвинуты не менее чем на десятилетие назад, что явным образом затрудняло переход к ее второй части – рассказу о Гуннаре. Неизвестно, каким образом разрешалась эта хронологическая проблема, поскольку повествование во второй редакции пряди обрывается сразу же после возвращения Эгмунда в Исландию.

[6] *...купить корабль у Гусиного Берега.* – См. примеч. 5 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».

[7] *...в людей с Поперечной Реки...* – т.е. в род Глума Убийцы.

[8] *...поплыл вдоль фьорда.* – Имеется в виду Трандхеймсфьорд, на побережье которого в устье реки Нид расположен Нидарос (совр. Тронхейм).

[9] *Нидархольм* – остров, лежащий во фьорде севернее города, тогда как пристани, к которым затем направился Эгмунд, пересев в лодку, находились в нижнем течении реки.

[10] *Это прозвище я получил оттого, что мне нравится ходить в двуцветной одежде.* – Прозвище, полученное Гуннаром за пристрастие к двуцветной одежде

(helmingr, букв.: половина), судя по всему, характеризует его как легковесного франта, которого не воспринимали всерьез (*Harris J.* Ögmundar þáttr dytts ok Gunnars helmings: Unity and Literary Relations. S. 166). Во времена, когда, как полагают (см.: *ÍF* IX. Bls. LXIII), создавалась прядь (конец XIII – начало XIV в.), подобное щегольство осуждалось. В 1269 г. в Исландии был издан епископский запрет священникам носить яркую («красную, желтую или зеленую»), а также «двуцветную» (hálfskipt) одежду. В Норвегии аналогичный запрет на ношение двуцветного платья уже для всех лиц мужского пола был введен при короле Хаконе Магнуссоне, правившем в 1299–1319 гг. (см.: *Falk Hj.* Altwestnordische Kleiderkunde. Kristiania, 1919. S. 81 f.).

[11] *...участвовал вместе с Хаконом ярлом в битве с йомсвикингами...* – Многократно воспетое скальдами грандиозное морское сражение в Хьёрунгаваге, в котором ярл Хакон и его сыновья одержали победу над вторгшимися в Норвегию воинственными викингами из Йомсборга (см. примеч. 5 к «Пряди о Стюрбьёрне Воителе Шведов»). Тогда как исландские «королевские саги» и, в частности, «Круг Земной» («Сага об Олаве сыне Трюггви», гл. 35–42), «Сага о йомсвикингах», а также настоящий рассказ датируют это сражение 994 г., Саксон Грамматик относит его к более раннему времени – к правлению датского конунга Харальда Синезубого (ум. 986).

[12] *В то время там совершались великие жертвоприношения...* – Христианизация Швеции, начавшись почти одновременно с христианизацией Норвегии, в правление короля Олава Шётконунга (ок. 995 – ок. 1022), завершилась лишь в конце 80-х годов XI в. Вплоть до этого времени в центральных (свейских) областях страны продолжал играть важную роль Уппсальский храм, описанный ок. 1075 г. германским хронистом Адамом Бременским в «Деяниях архиепископов гамбургской церкви» (см. примеч. 24 к «Пряди о Стюрбьёрне Воителе Шведов»), где и совершались языческие жертвоприношения, о которых в пряди упоминается лишь вскользь (см. об этом подробнее в примеч. 18). О роли культа Фрейра в Швеции, и в особенности в Свеаланде, свидетельствуют многочисленные топонимы с первым элементом *Frey-*.

[13] *Фрейр* – см. примеч. 3 к «Пряди о Сёрли», а также примеч. 24 к «Пряди о Стюрбьёрне Воителе Шведов».

[14] *Вместе с Фрейром ей полагалось распоряжаться капищем и ведать всем, что находилось в его владении.* – Судя по всему, жена Фрейра – это (hof)gyðja «(храмовая) жрица». Носительницы подобных прозвищ упоминаются иногда в повествованиях о событиях, происходивших в Исландии, но лишь рассказ о Гуннаре проливает некоторый свет на роль жрицы в древнегерманском культе. В «Книге о заселении страны» сообщается о Турид Жрице Храма (Þuríðr hofgyðja; см. *Land.*, 321), вероятно имевшей прямое отношение к культу Фрейра, поскольку ее брат, Торд, был прозван Годи Фрейра (Freysgoði; о жреце-годи см. примеч. 11 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога»). Более развернутое сообщение о женщине-служительнице культа содержится только в «Саге о людях из Оружейного Фьорда» (гл. 5), где в качестве эпизодического персонажа появляется «храмовая жрица» Стейнвёр, названная хранительницей главного капища, куда все окрестные жители обязаны были уплачивать «храмовую подать» (hoftoll), языческий аналог церковной десятины.

[15] *...сопровождать нас с Фрейром в поездке по пирам, когда он отправится по стране улучшать урожай.* – Ни путешествие языческого божества, ни его сакральные атрибуты – считается, что колесница символизирует смерть и весеннее возрож-

дение, являясь, таким образом, важнейшей составной частью культа плодородия (*Turville-Petre G.* Myth and Religion of the North. L., 1964. P. 173), – не упоминаются в других скандинавских письменных источниках. Однако, возможно, эти сведения подтверждаются археологическими находками: культовыми повозками железного века и эпохи викингов, обнаруженными в захоронениях на территории Ютландии и Норвегии. Кроме того, поскольку шведы возлагали ответственность за урожай на своих правителей (ср. рассказ об Олаве Лесорубе, принесенном в жертву «за урожай»; см. «Сага об Инглингах», гл. 43), по-видимому, существует связь между культовым путешествием бога плодородия и средневековым обычаем, связанным с именем обожествленного ими (по сообщению Адама Бременского) короля Эрика, – так называемая Eriksgata («дорога Эрика»). Согласно этому обычаю, вновь избранный конунг должен был объехать страну, двигаясь по ходу солнца, – ритуал, в котором король, судя по всему, выступал наследником Фрейра.

[16] *...являются на пир, который был для них приготовлен.* – Культовая поездка бога плодородия, объезжающего Швецию для «улучшения урожая» (см. предыд. примеч.), описывается в пряди в тех же выражениях, что и традиционные для правителей Норвегии ежегодные поездки по пирам (см. примеч. 83 к «Пряди об Орме сыне Сторольва»). Та же система «угощений» (gærd) существовала и в Швеции.

[17] *...он больше не хочет, чтобы перед ним убивали живых существ, как прежде.* – По-видимому, речь идет о человеческих жертвах (см. примеч. 18), однако употребленное здесь слово kvikendi может пониматься двояко – и как обозначение любых одушевленных существ вообще, и как наименование животных, прежде всего скота. О втором типе жертвоприношений рассказывает Снорри Стурлусон в «Круге Земном». В «Саге о Хаконе Добром» (гл. 14) содержится подробное описание жертвенных пиров, устраиваемых правителями Норвегии до восшествия на престол Олава Трюггвасона: «По древнему обычаю, когда предстоял жертвенный пир, все бонды должны были собраться туда, где стояло капище, и принести припасы, которые нужны во время жертвенного пира. На этот пир все должны были принести также пива. Для пира закалывали всякого рода скот, а также лошадей. Вся кровь от жертв называлась жертвенной кровью (hlaut), а чаши, в которых она стояла, – жертвенными чашами, а жертвенные веники были наподобие кропил. Ими окропляли все жертвенники, а также стены капища снаружи и внутри. Жертвенной кровью окропляли также людей. А мясо варили и вкушали на пиру. Посредине пиршественной палаты горели костры, а над ними были котлы. Полные кубки передавались над кострами, и тот, кто давал пир и был вождем, должен был освящать полные кубки и жертвенные яства. Первым был кубок Одина – его пили за победу и владычество своего конунга, потом шли кубок Ньёрда и кубок Фрейра – их пили за урожайный год и мир... Пили также кубок за своих родичей, которые уже были погребены. Этот кубок называли поминальным» (*КЗ*, 74–75). Ни в этом, ни в других рассказах «королевских саг», действие которых относится к языческим временам, нет информации о человеческих жертвах.

[18] *...жертвоприношения живых людей.* – Узнав, что в Швеции прекратились человеческие жертвоприношения, конунг Олав умозаключил, что под личиной Фрейра скрывается кто-то другой, а именно пустившийся в бега Гуннар. О человеческих жертвоприношениях в священной роще свеонов (свеев), совершаемых в Уппсале каждые девять лет, говорится в рассказе Адама Бременского, который, не

скупясь на подробности, описывает известные ему проявления языческого культа этого народа: «...ко всем их богам приставлены жрецы, которые приносят жертвы [от имени] народа. Если грозит мор и голод, они умилостивляют идол Тора, если война – Водана, если предстоит справлять свадьбы – Фриккона. Кроме того, каждые девять лет в Уппсале устраивают всеобщее празднество всех областей Свеонии. От [участия в] этом празднестве не освобождается никто...» Приуроченные к весеннему равноденствию пиры и сопровождающие их жертвоприношения длятся девять дней. Жертвоприношения происходят следующим образом: «Из всей живности мужского пола приносится девять голов: их кровью принято умилостивлять [этих] богов. Тела же развешиваются в роще, которая находится рядом со святилищем. Ибо эта роща священна для язычников, так что ее деревья считаются божественными – [таковыми их делают] трупные выделения жертв. Вместе с людьми там также висят собаки и лошади. Один христианин рассказывал мне, что видел LXXII тела, висевшие вперемежку. А магические песнопения, которые они обычно исполняют, совершая обряд жертвоприношения, многочисленны и нечестивы, и поэтому будет лучше [о них] умолчать» (см.: «Деяния архиепископов гамбургской церкви», кн. IV, гл. XXVII(27) // Немецкие анналы и хроники X–XI столетий. М., 2012. С. 436–437). Хронист сообщает также о жертвенном источнике, находящемся по соседству с храмом, рядом с высоким вечнозеленым деревом, куда язычники «ввергали живого человека», и в зависимости от того, всплывет утопленник или нет, заключали, принята ли их жертва и будет ли исполнено их желание (ср. мифологическое мировое древо германцев – ясень Иггдрасиль и находящийся под его корнем священный источник, которому Один пожертвовал свой глаз). Во времена Адама Бременского человеческие жертвоприношения, по-видимому, воспринимались уже как нечто исключительное по своей жестокости. О ритуальных жертвоприношениях древнешведских правителей «ради урожая» упоминается и в «Круге Земном» («Сага об Инглингах», гл. 15, 43), датский же историк Саксон Грамматик (начало XIII в.) утверждает в «Деяниях датчан» (кн. III), что Фрейр, поселившись неподалеку от Уппсалы, изменил издревле заведенный обычай, которого веками придерживались многие народы, на «невыразимо отвратительный» способ поклонения высшим силам – умерщвление людей.

ПРЯДЬ О НОРНА-ГЕСТЕ

«Прядь о Норна-Гесте» («Norna-Gests þáttr») сохранилась в составе «Большой саги об Олаве Трюггвасоне» (гл. 282–292: *Flat.* I, 346–359) в «Книге с Плоского Острова» (редакция *F* – последняя четверть XIV в.), во фрагменте той же саги в рукописи AM 62 fol. (ред. *S*), относящейся к середине XIV в., а также в качестве отдельного рассказа в рукописи XV в. GKS 2845 4to (ред. *A*). Различия между имеющимися редакциями пряди незначительны, наиболее существенные из них отражены в комментариях к настоящей публикации.

«Прядь о Норна-Гесте» получила известность прежде всего как один из основных текстов, в которых излагаются сказания о Сигурде, центральном персонаже германо-скандинавского героического эпоса о Нифлунгах-Нибелунгах, и цитируются две песни, входящие в этот эддический цикл («Речи Регина» и «Поездка Брюнхильд

в Хель»). При этом прядь – единственное произведение из всего комплекса памятников, рассказывающих о Нифлунгах (к нему, в первую очередь, принадлежат около двух десятков песней «Старшей Эдды» и их прозаическое переложение – «Сага о Вёльсунгах»), в котором эпические сказания излагаются не повествователем, но от первого лица и оказываются вставленными в историю, не имеющую прямого отношения к описываемым в них событиям. Как и многие другие рассказы, включенные в «Большую сагу об Олаве Трюггвасоне» в «Книге с Плоского Острова», «Прядь о Норна-Гесте» – это прежде всего история о столкновении христианства с язычеством и торжестве нового «обычая». Рассказы о героическом прошлом, которые ее герой исполняет в государевых палатах ради просвещения и развлечения собравшихся, имплицитно служат способом утверждения новых христианских ценностей.

Принято считать, что «Прядь о Норна-Гесте» едва ли могла быть написана ранее конца XIII – начала XIV в. и что эта история лишь частично восходит к устной традиции. Не вызывает сомнений, что ее автор в значительной мере опирался на письменные источники – в том числе на весьма близкую к «Королевскому кодексу» (Codex Regius 2365 4to, вторая половина XIII в.) запись эддического цикла о Сигурде, откуда, помимо пространных поэтических цитат, он нередко заимствовал и целые прозаические фрагменты, а также на так называемые саги о древних временах («Сага о Рагнаре Лодброке» и др.), латинские «примеры» (exempla) и легенды. Сам же герой рассказа – соратник Сигурда и Гьюкунгов (бургундской династии начала V в.), впоследствии перебывавший у многих государей, правивших в Скандинавских королевствах и на европейском континенте на всем протяжении IX в., и наконец явившийся к Олаву Трюггвасону ок. 998 г., – весьма напоминает Видсида (букв.: Широкостранствующий), персонажа англосаксонской поэмы VII в., также не знавшего преград ни во времени, ни в пространстве: последний обошел север и юг Европы, посетив множество правителей III–VI вв.

Как полагают, одним из непосредственных образцов для «Пряди о Норна-Гесте» мог послужить эпизод из жизнеописания Олава Трюггвасона, появляющийся уже в «Круге Земном» («Сага об Олаве сыне Трюггви», гл. 64: *КЗ*, 139). В нем старик-гость, превосходный рассказчик, как затем выясняется – сам языческий бог Один (или выступающий под его личиной дьявол), искушает христианского государя историями о героическом прошлом (*Flat.* I, 375–376). Аналогичный эпизод, герой которого, подобно персонажу пряди, представляется Гестом, встречается в той же книге в «Саге об Олаве Святом» (см.: *Flat.* II, 134–135; см. об этом: *Harris J., Hill Th.D.* Gestr's 'Prime Sign': Source and Signification in «Norna-Gests þáttr» // Arkiv för nordisk filologi. 1989. Bd. 104. S. 107 ff.). В обоих случаях христианский государь одерживает победу над язычеством. При немалом сходстве ключевых ситуаций этих прототипических эпизодов с «Прядью о Норна-Гесте», существенно, однако, что автор последней далеко отходит от своих образцов, трансформируя основные моменты свиданий обоих Олавов с Одином, а его герой лишен «одинических» черт. Рассказ об искушении святого короля преобразуется здесь в «прядь о крещении». Христианский смысл истории о Норна-Гесте, скрытое в ней сравнение «старого» и «нового», бесповоротный выбор героя в пользу истинной веры и, наконец, избрание «наилучшего человека» для исполнения принятого решения – Олава Трюггвасона – все это и мотивирует включение пряди в жизнеописание норвежского короля-миссионера.

О популярности «Пряди о Норна-Гесте» свидетельствует последующее превращение ее героя в фольклорный персонаж, чье имя неоднократно появляется в фарерских балладах, а именно в цикле о Сигурде (Sjúrðar kvæði). Норна-Гест выступает в них в качестве великого воина и ближайшего соратника Сигурда, с которым они вместе совершают громкие подвиги (см.: Stories and Ballads of the Far Past / Transl. from the Norse (Icelandic and Faroese); Introd. and Notes by N. Kershaw. Cambridge, 1921. P. 176–181; *Hammershaimb V.U.* Færöiske Kvæder. København, 1851. Bd. I. S. 71 ff.).

Перевод выполнен по изд.: Fornaldar sögur Norðurlanda / Guðni Jónsson bjó til prentunar. Akureyri, 1954. I. bindi. Bls. 307–335 (в данном издании воспроизведена редакция *F*), при этом отдельные разночтения приводятся по изд.: Norrøne Skrifter af Sagnhistorisk Indhold / Udg. S. Bugge. Christiania, 1864 (публикация редакции *S*). Цитируемые в рассказе эддические песни приведены здесь в версии «Пряди о Норна-Гесте» (что идет вразрез с распространенной издательской практикой: обычно поэтические вставки даются в редакции «Codex Regius» (*R*) «Старшей Эдды») и были переведены специально для ее публикации на русском языке. Ранее перевод был опубликован в журнале: Мировое древо. М., 2011. Вып. 18. С. 151–198.

[1] *– Будь нашим гостем, как бы тебя ни звали.* – Gestr по-исландски означает «гость» и «чужак», так нередко представлялись те, кто желал сохранить свое инкогнито.

[2] *В ту ночь…* – В рукописи *S* прядь открывается словами: «Как-то раз конунг Олав сын Трюггви бодрствовал и читал молитвы на своем ложе...», после чего излагается та же сцена знакомства конунга с Гестом, которая приводится в данной версии.

[3] В скандинавской мифологии альвами (ср. эльфы) называли низших духов плодородия, в том числе почитаемых умерших конунгов; сохранились сведения о жертвоприношениях альвам (álfablót), которые совершались в начале зимы. Снорри Стурлусон в «Младшей Эдде» проводит различие между светлыми и темными альвами. Последние чернее смолы и живут под землей, тогда как светлые альвы прекрасны и населяют великолепный Альвхейм (мир альвов).

[4] *– Крепок замóк, да домок-то пуст!* – Прототипом для этого эпизода послужил рассказ из «Диалогов» Григория Великого. Речь в нем идет об иудее, который был вынужден во время своего странствия заночевать в храме Аполлона и, убоявшись «нечистого» места, сотворил, не будучи христианином, крестное знамение. Обнаружившие его в храме злые духи не причинили ему никакого вреда: «“Горе нам, – сказали они. – Горе нам! Пуст сосуд, но запечатан (uas uacuum et signatum)”, – и с этими словами исчезли» (кн. III, гл. 7; см.: *Harris J., Hill Th.D.* Gestr's 'Prime Sign'. P. 113 ff.). Замена «сосуда» в аналогичной исландской фразе на «пустой дом» (tómu húsi) может быть вызвана реминисценцией евангельского текста (Мф 12:43–45).

[5] *…исчезает за закрытыми дверями.* – Этот же фольклорный мотив (способность проникать сквозь закрытые двери) присутствует в «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».

[6] *Грэнинг* (Græningr) – по-видимому, «зеленый побег», «прорастающая зелень».

[7] *…принял неполное крещение.* – Имеется в виду обряд prima signatio, т.е. осенение обращаемого крестом и чтение над ним молитв (оглашение). Этот обряд предшествовал крещению и позволял принявшему его жить как среди христиан, так и

среди язычников. Ср. объяснение преимуществ, которые давало неполное крещение, в «Саге об Эгиле» (гл. 50): «Конунг предложил Торольву с братом принять неполное крещение. Это был распространенный обычай у торговых людей и у тех, кто нанимался к христианам, потому что принявшие неполное крещение могли общаться и с христианами, и с язычниками, а веру они себе выбирали ту, какая им больше нравится» (*ИС* I, 114).

[8] *Свейн конунг* – датский конунг Свейн Вилобородый (см. примеч. 11 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде» и примеч. 11 к «Пряди о Торвальде Путешественнике»).

[9] *...Отта кейсар велел сжечь Датский Вал и принудил Харальда конунга сына Горма и Хакона ярла-язычника принять христианство.* – Речь идет о походе Оттона II, императора Священной Римской империи (973–983), в Данию в 974 г. Согласно «Саге об Олаве Трюггвасоне» (см.: *КЗ*, 112–114), одержав победу, император вынудил датского конунга Харальда Синезубого сына Горма (ок. 940 – ок. 986) и его союзника норвежского ярла Хакона Могучего (975–995) принять крещение. Есть основания полагать, однако, что Харальд принял христианство значительно раньше, около 960 г., Хакон же, едва расставшись с императором, совершил большое жертвоприношение Одину и до конца оставался язычником. Датский Вал – Даневирке, оборонительный вал для защиты южной границы Дании, отделявший Ютландию от немецких земель, сооружен в Шлезвиге в начале IX в. Остатки этого вала сохранились и поныне. Из слов Геста, как сказано далее, явившегося к Олаву Трюггвасону на третий год его правления, т.е. в 997 или 998 г., конунг мог заключить, что он уехал из Дании не позднее чем за четверть века до их встречи.

[10] *Гудмунд с Гласисвеллир* – легендарный персонаж, фигурирующий во многих сагах и прядях «о древних временах» (ср. «Прядь о Хельги сыне Торира»; см. примеч. 6 к этой пряди).

[11] *...оба они также зовутся Гримами. У них были и другие поручения к конунгу, о чем еще будет сказано после.* – Поскольку упомянутые Гримы больше не фигурируют в рассказе, судя по всему, это отступление принадлежит редактору компиляции. В «Пряди о Хельги сыне Торира», непосредственно следующей за «Прядью о Норна-Гесте» в «Книге с Плоского Острова», о визите Гримов, посланцев Гудмунда с Гласисвеллир, говорится подробно. Согласно этому рассказу, получив подарки Гудмунда, конунг Олав велит напоить обоих Гримов из доставленных ими рогов. Обнаружив, что епископ сотворил молитву над поднесенной им брагой, Гримы в гневе выплескивают ее и, затушив огни, убивают в темноте троих дружинников, а затем покидают королевские палаты, прихватив с собою героя рассказа, Хельги.

[12] *...самое дальнее место на скамье, где сидели гости.* – Помимо посетителей, словом gestr «гость» обозначали слуг короля, выполнявших различные поручения своего господина и служивших его посланцами; их положение было ниже, чем у дружинников.

[13] *Ульв Рыжий* – знаменосец Олава в битве при Свёльде, оборонявший нос корабля конунга, Великого Змея (см.: *КЗ*, 161).

[14] *Хнитуд* – букв.: спаянное, или скованное.

[15] *...Хальв конунг, чьим именем стали называть Хальвовых воинов...* – легендарный норвежский конунг и его славные дружинники, персонажи «Саги о Хальве и воинах Хальва».

[16] *...у Хальвдана конунга Ильвинга.* – Ильвинги – название шведского и датского королевских родов (однако в эддических песнях о Хельги Убийце Хундинга Сигмунд и его сыновья именуются не только Вёльсунгами, но и Ильвингами). В саге о конунге Хальве и его воинах этот эпизод отсутствует.

[17] *...по всему покою, потому что в те времена в Норвегии еще не строили пиршественных палат.* – Под «покоем» (herbergi) имеется в виду помещение, в котором конунг и дружинники днем пировали, а ночью спали.

[18] *...четыре марки серебра...* – См. примеч. 14 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».

[19] *...нож и ремень...* – Традиционное общее место в сагах и прядях, где эти личные вещи нередко служат вещественными доказательствами и средством идентификации того, при ком они были обнаружены (ср.: «Сага о Ньяле», гл. 47–49; «Сага о Халльфреде Трудном Скальде», гл. 9; «Прядь о Хрои Простаке»).

[20] *...Напев Гуннара...* – Видимо, имеется в виду утраченная эддическая песнь, о которой также сообщается в «Саге о Вёльсунгах» (гл. 39) и в прозе, сопровождающей песни цикла о Сигурде в «Старшей Эдде» (см. «Убийство Нифлунгов»: *СЭ*, 127). Будучи связан и брошен по приказу Атли в змеиный ров, Гуннар играет на посланной ему сестрой арфе, ударяя по струнам пальцами ног с таким искусством и так сладко, что усыпляет всех змей, кроме одной злобной гадюки, от укуса которой он и умирает.

[21] *...Древние Козни Гудрун.* – Принято считать, что речь может идти о еще одной утраченной героической песни; не исключено, однако, что имеется в виду «Подстрекательство Гудрун» или «Древняя Песнь о Гудрун» (см. в русском переводе «Вторую Песнь о Гудрун»). Ссылка на последнюю из этих песней содержится в гл. 9 пряди в редакции *S* (см. примеч. 75).

[22] *Страна Франков* – Фраккланд, т. е. Рейнская область, где франки жили в V в.

[23] *...к Хьяльпреку конунгу...* – Согласно «Саге о Вёльсунгах» (гл. 12) и «Младшей Эдде», Хьяльпрек был конунгом в Ютландии, однако в пряди он правит Страной Франков.

[24] *...прозван Убийцей Хундинга.* – Хельги был сыном Сигмунда и Боргхильд (благодаря этому браку Сигмунд стал также и датским конунгом). В «Старшей Эдде» Хельги посвящено две песни.

[25] *Хамунд* – второй сын Сигмунда и Боргхильд.

[26] В этой части рассказ Геста явно опирается на прозаическую главу «Старшей Эдды», «О смерти Синфьётли», предшествующую песни «Пророчество Грипира», а иногда и дословно воспроизводит ее. Однако некоторые отличия, в частности форма, в которой приводится имя сына Хьяльпрека, за которого после гибели Сигмунда вышла Хьёрдис, – Альв (а не Хальв), могут указывать на то, что в распоряжении автора пряди был какой-то иной, хотя и близкий к «Codex Regius», список «Эдды».

[27] *...карлик ростом.* – Эту же характеристику находим в прозаическом вступлении к эддическим «Речам Регина», однако уже в следующей песни «Старшей Эдды», «Речах Фафнира» (строфа 38), Регин назван «инеисто-холодным ётуном»: естественно предположить, что, как и его брат Фафнир, Регин принадлежал к роду великанов.

[28] Этой фразой заканчивается фрагмент о Регине, который автор пряди заимствовал из прозаического вступления к эддическим «Речам Регина» (ср.: *СЭ*, 100).

[29] *...об удивительных событиях, которые произошли прежде.* – Очевидно, имеется в виду изложенное в первой части «Речей Регина» и опущенное здесь сказание о том, как Локи убил брата Регина, Отра, который плавал в водопаде в образе выдры, после чего Один, Хёнир и Локи были схвачены сыновьями Хрейдмара и им пришлось заплатить выкуп: набить шкуру выдры и засыпать ее снаружи золотом. Это золото боги отняли у карлика Андвари вместе с кольцом; и на то и на другое прежний владелец наложил проклятье: богатство это принесет погибель всякому, кому оно достанется. После того как асы, выполнив требование Хрейдмара, набили и засыпали шкуру выдры золотом, расставшись при этом и с кольцом Андвари, которым пришлось закрыть торчавший наружу кончик его усов, Хрейдмар погибает от руки своего сына Фафнира, заколовшего спящего отца, чтобы завладеть золотом.

[30] *...Сигурда ждал там радушный прием.* – Начало главы, первые три строфы и прозаический рассказ, предваряющий третью строфу, имеют своим источником эддические «Речи Регина» (строфы 13–15 с сопровождающей их прозой).

[31] *...от алчного волка / жду лишь вражды.* – Неоднократно встречающаяся в сагах поговорка (ср., например, в «Саге о людях из Лососьей Долины», гл. 19: «от голодного (букв.: жадного) волка следует ожидать нападения»). Неясно, к кому относятся слова Регина: к Сигурду или к его брату Фафниру.

[32] *...отпрыска Ингви...* – т.е. Сигурда. Ингви – имя бога Фрейра (Ингви-Фрейр); Фрейр, однако, был родоначальником не Вёльсунгов (их прародителем считался Один), а Инглингов, королевского рода, правившего в Норвегии и в Швеции.

[33] *...слухом о нем / будут полниться земли.* – В «Codex Regius» строфа 14 «Речей Регина» заканчивается иначе: «лежат по всем странам / нити судьбы».

[34] *...сказал такую вису...* – Автор пряди (или переписчик?) ошибся: эту вису произносит не Регин, а Сигурд (так в «Речах Регина»), отвечающий на подстрекательства своего воспитателя тем, что ему не пристало отправляться добывать золото Фафнира, пока он не отомстил сыновьям Хундинга за убитых родичей.

[35] *...у Эйлими / отняли жизнь...* – О том, что конунг Эйлими, дед Сигурда с материнской стороны, был убит сыновьями Хундинга, также говорится в «Пророчестве Грипира» (строфа 9) и в «Саге о Вёльсунгах» (гл. 11). Сигмунд и Люнгви сын Хундинга одновременно посватались к Хьёрдис дочери Эйлими; после того как она выбрала себе в мужья Сигмунда, сыновья Хундинга собрали войско и вызвали Сигмунда на бой, в этом сражении пал Сигмунд, а с ним и Эйлими.

[36] *...прозвали они меня Норна-Гестом.* – Прозвище героя разъясняется позднее (см. гл. 11).

[37] *...расстались из-за того, что Боргхильд убила Синфьётли сына Сигмунда, дав ему яду.* – По преданию, Боргхильд отомстила пасынку за убийство своего брата. Подробный рассказ об этом содержится в «Старшей Эдде» («О смерти Синфьётли»: *СЭ*, 93; см. примеч. 26), а также в «Саге о Вёльсунгах» (гл. 10).

[38] *...братьям, Альву и Хемингу, удалось спастись.* – Согласно «Второй Песни о Хельги Убийце Хундинга», Хельги сразил четверых сыновей Хундинга: Альва, Эйольва, Хьёрварда и Херварда.

[39] *В те времена власть кейсара не простерлась еще на север по другую сторону гор.* – Имеется в виду либо возрождение Западно-Римской империи Карлом Великим в 800 г., либо создание Священной Римской империи германским королем Оттоном I в 962 г.

[40] *...Сигурд готовился сразиться с сыновьями Хундинга.* – Это сражение описывается в «Саге о Вёльсунгах» (гл. 17).

[41] *...обратился к нам со стихами...* – Здесь и в дальнейшем автор пряди опирается на «Речи Регина», приводя эту песнь до конца и при этом внося немало добавлений в прозаический текст: так, ни в «Старшей Эдде», ни в «Саге о Вёльсунгах» нет ни слова об облике незнакомца, в них также не сказано прямо, что буря, в которую попало войско Сигурда, была вызвана колдовством.

[42] *...на конях Ревиля...* – на кораблях; Ревиль – имя морского конунга, т.е. предводителя викингов (Ревиль был сыном Бьёрна Железный Бок, сына Рагнара Лодброка, о котором рассказывается в одном из последующих эпизодов пряди).

[43] *Волны скакунам...* – кораблям.

[44] *...конь реи...* – корабль.

[45] *Хникар* – одно из имен Одина (букв.: подстрекатель к бою).

[46] *Фенг или Фьёльнир* – имена Одина: Фенг – «добытчик» (но не исключено, что одновременно и «добыча»); Фьёльнир – «многознающий» (одно из возможных толкований этого имени; в «Саге об Инглингах» оно принадлежит сыну Ингви-Фрейра).

[47] Предполагается, что строфы 7–13 «Речей Регина» интерполированы из некой гномической песни (они и сложены в отличном от предшествующих строф размере льодахатт), содержанием которой были советы бога юному воину (см.: *Sijmons B., Gering H.* Die Lieder der Edda. Halle, 1931. Bd. 3: Kommentar. H. 2: Heldenlieder. S. 177).

[48] *...в лязге стали* – в битве.

[49] *...для дерева Хротти...* – для воина; Хротти – название нескольких легендарных мечей, владельцами которых были дракон Фафнир и Хервард сын Арнгрима (герой «Саги о Хервёр и Хейдреке»), однако в языке поэзии это слово служит наименованием любого меча.

[50] *...шелома шесты...* – воины.

[51] *...к Мани сестре / обратившись склоненной...* – т.е. обратившись лицом к заходящему солнцу: в этих стихах отразилась вера в то, что восток приносит удачу, а запад – несчастье. Мани – месяц, в скандинавской мифологии месяц и солнце (исл. sól «солнце» женского рода) – брат и сестра.

[52] *Дисы* – духи-двойники людей.

[53] *Не след бежать от удачи.* – По-видимому, в этих словах подводится итог всем поучениям Хникара (= Одина).

[54] *Хольтсеталанд* – Гольштейн.

[55] *...Страны Фризов...* – Германское племя фризов населяло все южное и юго-восточное побережье Северного моря, а также западное побережье Шлезвига.

[56] *...вырезать ⟨...⟩ на спине кровавого орла...* – жестокая казнь, якобы практиковавшаяся викингами. См. о ней подробнее в примеч. 75 к «Пряди об Орме сыне Сторольва».

[57] Большинство исследователей считает эту строфу позднейшим добавлением к песни. В «Саге о Вёльсунгах» (гл. 17) рассказывается, что Люнгви, подобно остальным сыновьям Хундинга, пал в бою от рук Сигурда.

[58] *...Сигурд убил Фафнира и Регина, поскольку тот задумал предать его.* – Об этом рассказывается в эддических «Речах Фафнира», а также в «Саге о Вёльсунгах» (гл. 18–20).

[59] *...поехал наверх на гору Хиндархейд и нашел там Брюнхильд...* – В прозаическом вступлении к эддическим «Речам Сигрдривы» рассказывается, что Сигурд поднялся на гору Хиндарфьялль и увидел там яркий свет, «как будто горел огонь, и зарево стояло до самого неба». Приблизившись, он обнаружил ограду из щитов, а внутри нее – спящую женщину в боевых доспехах. Разбуженная им валькирия назвалась Сигрдривой, однако в соответствующем эпизоде «Саги о Вёльсунгах» (гл. 21) она носит имя Брюнхильд.

[60] *...рассказывается в саге о Сигурде Убийце Фафнира.* – Неизвестно, имеется ли в виду «Сага о Вёльсунгах» (см. гл. 22, 24–32) или какая-то более ранняя сага. В «Старшей Эдде» история взаимоотношений Сигурда и Брюнхильд отсутствует: она была изложена в утраченных песнях, записанных на недостающих листах рукописи (о лакуне в «Codex Regius» см.: *СЭ*, 184, 241).

[61] *Гьюки* – живший в начале V в. правитель бургундов, чье имя известно из «Lex Burgundionum» (лат. Gibica, ср. Gifica в др.-англ. поэме «Видсид»). Бургундское королевство на среднем Рейне просуществовало до 437 г., когда оно было разгромлено гуннами. Также историческим является имя одного из Гьюкунгов, т. е. сыновей Гьюки – Гуннара (= Гунтер в «Песни о Нибелунгах»), которое восходит к имени бургундского короля Гундихария.

[62] *Конунг Сигурд Кольцо* – легендарный король Швеции и Дании, отец Рагнара Лодброка (или Рагнара Кожаные Штаны; см. примеч. 93) и племянник датского конунга Харальда Боезуба, победитель в самом прославленном на Севере сражении «древних времен» – в битве народов на Бравеллир. Подробный рассказ о нем содержится в «Отрывке саги о древних конунгах» и в «Деяниях датчан» Саксона Грамматика (кн. VII).

[63] *...послал сыновей Гандальва...* – По всей видимости, это Альвар и Аварин, сыновья конунга Гандальва, упоминаемые в «Отрывке саги о древних конунгах», где они названы «свояками» и в прошлом «дружинниками и домочадцами» конунга Сигурда Кольцо (гл. 8). Не исключено, что следующий за тем эпизод пряди мог опираться именно на этот источник: сохранившийся фрагмент саги, посвященный древним правителям данов и свеев, обрывается на сообщении о том, что, когда конунг Сигурд был уже стар, сыновья Гандальва обратились к нему за помощью, собираясь идти войной на конунга Эйстейна, правившего в Вестфольде. Остается неясным, однако, отношение названных персонажей к героям сказания о Вёльсунгах. В «Круге Земном» также упоминаются сыновья Гандальва: Хюсинг, Хельсинг и Хаки, правители Вингульмёрка и Альвхеймара (земель у южной границы между Норвегией и Швецией), и говорится об их вражде с конунгами Вестфольда: Хальвданом Черным и его сыном Харальдом Прекрасноволосым; соответствующие события относятся, таким образом, к IX в.

[64] *...разметили орешниковыми жердями поле боя...* – Об обычае обозначать границы поля, где предстояла битва, или место, где вершился суд, вехами из ветвей орешника см., например, в «Саге об Эгиле» (гл. 46, 52).

[65] *Ярнамодир* (Járnamóðir) – букв.: Железный Береговой Припай. Указывалось на то, что в Средние века в Гольштейне были большие леса, в названиях которых присутствовал тот же начальный компонент (Iarna- «Железный»).

[66] *...от набегов куров и квенов.* – Куры – племя, населявшее западную часть Курляндии; столкновения скандинавов с курами упоминаются в «Саге об Эгиле» (гл. 46). Квены, по-видимому, финское племя, жившее на побережье Ботнического залива, также упоминается в «Саге об Эгиле» (гл. 14).

[67] *Старкад сын Сторверка* – легендарный скандинавский герой, могучий викинг, чья история наиболее последовательно рассказывается в «Деяниях датчан» (кн. VI, VIII), а также в одной из частей исландской «Саги о Гаутреке». По преданию, он был рожден шестируким великаном, однако Тор придал ему человеческий облик, обрубив четыре руки, а Один, его воспитатель, наделил Старкада богатством, доблестью и способностью сочинять стихи так же бысто, как он говорил, и пообещал, что тот станет одерживать победу во всякой битве, и, кроме того, назначил ему жить три человеческих века; Тор же предрек, что в каждый из них он совершит гнусный поступок и ему не суждено будет оставить после себя потомства. По приказанию Одина Старкад приносит ему в жертву норвежского конунга Викара, которому он служил, затем без причины покидает поле боя и, наконец, убивает своего друга, конунга Али (см. примеч. 70), в дружине которого он сражался на стороне конунга Сигурда Кольцо в битве на Бравеллир. «Прядь о Норна-Гесте» не единственный исландский рассказ, в котором Старкад изображен гротескно и противопоставлен безупречному герою Сигурду (ср. «Прядь о Торстейне Морозе», где сравнивается поведение обоих героев в аду, куда они оба попали как язычники: Старкад и там уступает Сигурду в мужестве). В «Старшей Эдде» Старкад упомянут во «Второй Песни о Хельги Убийце Хундинга», где он назван сыном конунга Гранмара и погибает в битве с Вёльсунгами – Синфьётли и Хельги, т. е. задолго до рождения Сигурда. Совсем иначе описывает его конец Саксон Грамматик (кн. VIII): дряхлый, полуслепой и утомленный годами Старкад, страшась встретить свой бесславный конец в постели, решает пасть от рук благородного воина и принуждает случайно повстречавшегося ему сына убитого им прежде военачальника лишить его жизни из мести.

[68] *Фенхринг* – остров у берегов Хёрдаланда в Норвегии, где Старкад воспитывался в детстве (совр. Аскёй рядом с Бергеном).

[69] *...на колокольном канате в Дании...* – В других рукописях имеется уточнение: «в Лунде, в Дании». Лунд, где в 1104 г. было учреждено первое в Скандинавии архиепископство, как и вся южношведская область Сканей (совр. Сконе), принадлежал Датскому королевству. Об «отделившемся» от его владельца гигантском зубе Старкада неоднократно упоминается в средневековых скандинавских хрониках. Первое из таких свидетельств, возможно, относится к более раннему времени, чем описанная в пряди сцена. В датских «Риенских анналах» («Annales Ryenses», XIII в.) сообщается, что в 1252 г. немецкий рыцарь Хенрик Эмэльторп вывез из Дании в Германию «удивительную вещь – зуб величиной в шесть пальцев», принадлежавший Старкаду. В исландских анналах «Lögmannsannáll» рассказывается, что в 1404 или 1405 г. священник Арни Олавссон во время своего путешествия на континент помимо четырех великих священных реликвий – покровов Девы Марии и Иоанна Крестителя, а также свивальника и пояса Иисуса Христа – видел в одном месте (как полагают, в Аахене) рукоять меча Сигурда Убийцы Фафнира, который, «как говорят, был длиною в десять футов», и зуб длиной и шириной в три пяди, «ранее бывший во рту» у Старкада Старого.

[70] *...о подлом злодействе, которое совершил Старкад, когда он убил в купальне конунга Али.* – В рукописях пряди здесь названо другое имя: Армод, что, по общему мнению издателей пряди, является ошибкой (ср.: *Flat.* I, 354; *FSN* I, 331; Fornaldar sögur Norðurlanda / Guðni Jónsson bjó til prentunar. Akureyri, 1954. I. bindi. Bls. 324). Гест имеет в виду рассказ, известный нам из «Деяний датчан» (кн. VIII): правление жестокого тирана Али (лат. Оло) было настолько ненавистно жителям Зеландии, что 12 его военачальников сговорились предать его смерти и с этой целью подкупили друга конунга, Старкада, который и умертвил его в купальне. Старкад затем горько сокрушался и раскаивался в содеянном, в результате чего убил кое-кого из тех, кто склонил его к совершению этого злодеяния. Согласно «Саге об Инглингах» («Круг Земной»), Оло – это датский конунг Али Смелый, сын Фридлейва, который победил шведского конунга Ауна и просидел 20 лет конунгом в Уппсале, «пока его не убил Старкад Старый» (гл. 25).

[71] *...был он длиною в семь локтей...* – т.е. более трех метров: один локоть равнялся 48 см.

[72] *...о событиях, свидетелем которых он стал во время своих странствий.* – Так в редакции *S*, тогда как в рукописи *F*, вероятно из-за смешения слов frænda «родичи» и ferða «странствия», находим: «о происшествиях, которые приключились с его родичами». Гест, однако, рассказывает не о членах своего рода, а о прославленных героях древности.

[73] *...Готторм сын Гьюки пронзил его спящего мечом, когда он лежал в постели у Гудрун...* – Выдвигая различные версии убийства Сигурда, автор пряди с некоторыми отступлениями (см. ниже) воспроизводит прозаическую преамбулу к «Первой Песни о Гудрун», озаглавленную «О смерти Сигурда». О том, что Сигурд был убит в постели младшим из Гьюкунгов, Готтормом, в отличие от Гуннара и Хёгни не связанным с Сигурдом клятвой побратимства, рассказывается в «Краткой Песни о Сигурде», а также в «Саге о Вёльсунгах» и «Младшей Эдде». В «Подстрекательстве Гудрун» и «Речах Хамдира» говорится, что Сигурд был убит в постели братьями Гудрун.

[74] *...немецкие мужи говорят, что Сигурд был убит в лесу.* – Помимо немецкого варианта сказания – «Саги о Тидреке Бернском» и «Песни о Нибелунгах», этой версии придерживается и эддическая «Вторая Песнь о Гудрун».

[75] *Синицы же поведали* ⟨...⟩ *ехали на какую-то сходку...* – Аллюзия на более ранний эпизод сказания о Нифлунгах: в «Речах Фафнира» рассказывается, что, когда Сигурд, убив Фафнира, поджаривал его сердце и слизнул с пальца сочившуюся из него кровь, он стал понимать, о чем щебечут синицы, и так узнал от них о предательстве Регина и спящей валькирии. В рукописи *S*, как и в прозаическом вступлении к «Первой Песни о Гудрун» – «О смерти Сигурда», на которое опирается автор пряди, утверждение о том, что Сигурд был убит по дороге на сходку, приписывается не синицам, а «Древней Песни о Гудрун» (т. е. так называемой «Второй Песни о Гудрун»: по-видимому, эта версия возникла в результате неверного истолкования одного места из этой песни). Не исключено, что ссылка на синиц появилась благодаря последующему замечанию, предваряющему эддическую «Первую Песнь о Гудрун»: «Говорят, что Гудрун отведала сердца Фафнира и поэтому понимала язык птиц» (см. также попытку интерпретации ссылки на синиц в ст.: *Успенский Ф.Б.* Речи синиц: Как понять их значение в «Пряди о Норна-Гесте»? // Восточная Европа в древности и

средневековье: Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация: XXI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2009. С. 323–329).

[76] Автор пряди пересказывает здесь прозаическое вступление к «Краткой Песни о Сигурде» (единственное отличие – согласно «Старшей Эдде», Брюнхильд велела убить восьмерых рабов), а затем к «Поездке Брюнхильд в Хель»: эта песнь цитируется далее почти целиком (пропущена лишь 7-я строфа).

[77] *Когда Брюнхильд везли на костер по дороге в Хель…* – Вопреки прозаическому рассказу в «Старшей Эдде», предпосланному приведенной им песни, автор пряди явно относит встречу героини с великаншей ко времени, когда Брюнхильд еще не была сожжена.

[78] *…длинная хворостина…* – В рукописи *S*: «горящая хворостина».

[79] *…из Валланда…* – Здесь: из южных стран; обычно – название Франции, кельтских и романских земель.

[80] *…Будли дитя…* – Согласно сказанию о Нифлунгах, Брюнхильд была дочерью Будли, короля гуннов, и приходилась сестрой Атли (Аттиле).

[81] *Гьюки сынам / принесла ты погибель…* – Слова великанши намекают на события, последовавшие за смертью Брюнхильд: месть Атли Гуннару и Хёгни.

[82] *…клятвы презреть.* – Брюнхильд отождествляется в этой песни с усыпленной Одином и разбуженной Сигурдом валькирией Сигрдривой, с которой этот герой обменялся клятвами (см. «Сага о Вёльсунгах», гл. 22).

[83] *В гневе принудил ⟨…⟩ под дубом ютились.* – В этой и следующей строфе идет речь о проступке Брюнхильд, вызвавшем гнев Одина. Процитированная в пряди первая полустрофа существенно отличается от общепринятого прочтения, основанного на редакции «Codex Regius», где эти стихи представлены в ином варианте: «Доблестный конунг / наши одежды / восьми сестер / под дубом схватил» (принято считать, что здесь в сказание – не исключено, что под влиянием «Песни о Вёлунде», – вплелся сказочный мотив девушек в лебяжьих рубашках, однако в пряди слово *hami* – «одежда» заменено на *af harmi* – «в гневе»). Агнар, брат Ауды (он и есть «доблестный конунг», чье имя проясняется лишь в следующей строфе), захватив восемь сестер-валькирий, заставляет одну из них – Сигрдриву-Брюнхильд пообещать ему помощь в бою (см. вторую полустрофу). Согласно прозаическим пояснениям к «Речам Сигрдривы», конунг Агнар, брат Ауды, вел войну с конунгом Хьяльм-Гуннаром, который был уже стар. Один пообещал последнему победу, однако Сигрдрива пошла против его воли и погубила Хьяльм-Гуннара в битве, а Один, в отместку за это, уколол ее шипом сна и постановил, что она больше никогда не победит в сражениях и будет выдана замуж (т. е. перестанет быть валькирией).

[84] *Двенадцать зим* – согласно норвежскому и исландскому праву, возраст достижения совершеннолетия.

[85] *Скаталанд* – букв.: Страна Воинов (в «Codex Regius» здесь Skatalundi – в Роще Воинов). Это название больше нигде не встречается. Ранее было сказано, что Брюнхильд спала на горе Хиндархейд (или Хиндарфьялль).

[86] *…волка дерев…* – пламя.

[87] *…Фафнира ⟨…⟩ перину…* – золото. Великан Фафнир, приняв облик змея, лежал на поле Гнитахейд на золоте (выкуп за его брата Отра), которым он завладел после убийства Хрейдмара, своего отца, пока не был сражен Сигурдом, увезшим его клад.

Поэтому золото обозначают в поэзии «периной (или подстилкой) Фафнира» и сходными кеннингами.

[88] *...гривен даритель...* – муж, здесь – Сигурд.

[89] *...где наставник мой правил...* – Имеется в виду конунг Хеймир, воспитатель Брюнхильд (о нем упоминается в «Речах Грипира», см. строфы 19, 27–29).

[90] *...в дружине данов...* – Приемным отцом Сигурда был Хальв (Альв), сын датского конунга Хьяльпрека.

[91] *...восемь ночей ...*– Согласно «Речам Грипира» (строфа 25) и «Саге о Вёльсунгах» (гл. 29), Сигурд провел с Брюнхильд три ночи.

[92] *...коварным был муж мне / навязан обманом.* – Гуннар не смог выполнить условие, необходимое для того, чтобы получить в жены Брюнхильд, – проехать сквозь пламя, окружавшее ее жилище, – после чего поменялся обличьем с Сигурдом, выдавшим себя за Гуннара.

[93] *...у сыновей Лодброка...* – Ивар Без Костей, Хвитсерк, Бьёрн Железный Бок и Сигурд Змей в Глазу, сыновья легендарного датского викинга IX в. Рагнара Лодброка (Кожаные Штаны – согласно одноименной саге, Рагнар получил это прозвище за то, что, собираясь биться с ядовитым змеем, облачился в кожаные штаны) и Аслауг, дочери Сигурда и Брюнхильд. Предания приписывают сыновьям Лодброка громкие победы в Скандинавии, на европейском континенте и в Англии, куда они вторглись, чтобы отомстить за гибель своего отца, Рагнара, плененного и брошенного в змеиный ров королем Нортумбрии Эллой. Как рассказывается в «Саге о Рагнаре» и «Пряди о сыновьях Рагнара», Элла был побежден (после него правителем Англии стал сын Рагнара, Ивар Без Костей) и подвергся той же казни, что и Люнгви сын Хундинга в «Пряди о Норна-Гесте»: на спине у него был вырезан кровавый орел (см. примеч. 56). Сообщения средневековых хронистов позволяют предполагать, что за этими легендарными героями стоят реальные викингские предводители, разорявшие Западную Европу в IX в. Самого Рагнара отождествляют с Регинхери, возглавившим поход на Париж в 845 г. Ивар (англ.-сакс. Inwære), характеризуемый Адамом Бременским как «жесточайший», – возможно, тождествен скандинавскому правителю Дублина Имхару (или Иомхару), умершему в 873 г. Бьёрн Железный Бок – викинг Берно, воевавший на Сене в середине IX в. (см. след. примеч.). Сигурд Змей в Глазу – датский король Sigifridus, вторгшийся в Париж в 885 г. В Скандинавии он считался предком (по материнской линии) конунга-объединителя Норвегии Харальда Прекрасноволосого.

[94] *Мундиафьёлль* – Альпы. По сообщениям хронистов, в 856 г. Бьёрн Железный Бок принял участие в походе викингов, возглавляемом их вождем Хастингом, во Францию, а затем, в 859–862 гг., в Западное Средиземноморье, Испанию, Марокко и Северную Италию.

[95] *...Вифильсборг.* – Согласно «Саге о Рагнаре» (гл. 13), город был назван по имени его правителя, Вифиля; по-видимому, имеется в виду швейцарский город в кантоне Во – совр. Аванш.

[96] *Румаборг* – Рим.

[97] *...один человек...* – В рукописи *S* он назван по имени: Sones, что дало основания для предположений о возможном заимствовании этого имени из старофранцузского рыцарского романа «Sone(s) de Nansai» (1250–1275), герой которого находился на

службе у короля Норвегии. Приведенная далее история почерпнута из «Саги о Рагнаре» (гл. 13); в ней, однако, посетитель сыновей Лодброка остается безымянным.

[98] *Румарики* – Римская Держава. В действительности ок. 860 г. флот под предводительством датских военачальников Хастинга и Бьёрна Железный Бок, ранее воевавших во Франции, высадился в Италии с намерением захватить Рим, однако викингов подвело плохое знакомство с географией. Приняв за Рим один из хорошо укрепленных северно-итальянских приморских городов, Луна, они осадили его, но, по сообщению автора «Хроники Нормандии», Дудо из монастыря Св. Квентина (Dudo of St. Quentin), смогли взять, лишь прибегнув к хитрости: викинги проникли в город для совершения погребальной службы по своему внезапно умершему вождю, незадолго до смерти принявшему христианство (мотив, неоднократно используемый впоследствии в скандинавской литературе: в «Деяниях датчан» и в «Саге о Харальде Суровом»). Узнав, что захваченный им город не Рим, Хастинг пришел в ярость и приказал сжечь его и разграбить всю провинцию, чтобы оставить по себе память.

[99] *...у Эйрика в Уппсале.* – Эрик Эмундарсон (или Энундарсон) – шведский конунг, правивший во времена Харальда Прекрасноволосого (см. след. примеч., а также примеч. 1 к «Пряди о Стюрбьёрне Воителе Шведов»). Уппсала – имеется в виду древняя столица Швеции, ныне Старая Уппсала.

[100] *Конунг Харальд Прекрасноволосый* – конунг из Вестфольда (на западном берегу Ослофьорда), сын Хальвдана Черного, который после победы в битве при Хаврсфьорде (ок. 872) подчинил себе все норвежские фюльки (о фюльке см. примеч. 5 к «Пряди об Олаве Альве Гейрстадира») и стал единовластным правителем Норвегии (ок. 860 – ок. 940). Считается основателем Норвежского государства и норвежской королевской династии.

[101] *...у конунга Хлёдвера в Стране Саксов...* – т.е. у Людовика I Благочестивого, сына Карла Великого, короля франков, императора (814–840). Под Страной Саксов обычно подразумевается вся германская часть империи (саксы населяли северо-запад Германии и Голландии).

[102] *Предсказание норн.* – В скандинавской мифологии норнами называли трех дев – Урд («судьба»), Верданди («становление») и Скульд («долг»), живущих у источника Урд под ясенем Иггдрасиль. Как сказано в «Младшей Эдде», «эти девы судят людям их судьбы... Есть еще и другие норны, те, что приходят ко всякому младенцу, родившемуся на свет, и наделяют его судьбою» (*МЭ*, 34). Очевидно, что именно последние фигурируют в рассказе о Норна-Гесте, однако в тексте пряди «норной» названа лишь самая младшая из сестер, которая и «судит судьбу» героя, тогда как в отношении двух других (и всех сестер вместе) употребляется другой термин – «вёльва», т.е. провидица, предсказательница. В сагах неоднократно сообщается о поездках вёльв по усадьбам и их предсказаниях (ср. «Сага об Эйрике Рыжем», гл. 4). О норнах, являющихся сразу после рождения героя, говорится также в начале «Первой Песни о Хельги Убийце Хундинга»: «Ночь была в доме, / норны явились / судьбу предрекать / властителю юному; / судили, что он / будет прославлен, / лучшим из конунгов / прозван будет» (строфа 2; *СЭ*, 73; ср. то же в «Саге о Вёльсунгах», гл. 8).

[103] *...явились к нему со своей свитой...* – В «Саге об Одде Стреле» рассказывается, что провидицу сопровождали 15 девочек и 15 мальчиков, которые участвовали в совершаемых ею ночных колдовских обрядах.

[104] *...не зажигать вплоть до последнего дня моей жизни.* – Сходный мотив находим в одном из вариантов древнегреческого мифа о Мелеагре. Как рассказывает Псевдо-Аполлодор, когда Мелеагру было семь лет, к его родителям, Алтее и Ойнею, пришли мойры и сказали: «Мелеагр умрет тогда, когда сжигаемая на жертвеннике головня сгорит дотла». Услышав это, Алтея схватила головню и спрятала ее в ларец. После убийства Мелеагром братьев его матери, сыновей Тестия, Алтея сожгла головню, и Мелеагр внезапно умер («Мифологическая библиотека», кн. 1, VIII, 2); этот же миф изложен в «Метаморфозах» Овидия (кн. 8, ст. 445–525). Так называемый мотив Мелеагра широко представлен в греческом и турецком фольклоре, что, по всей видимости, указывает на его этолийское происхождение; впоследствии он распространился на север и северо-восток (установлено, что истории, весьма напоминающие сказание о Мелеагре, имеют хождение у румын, гагаузов, сербов, чувашей, а также литовцев и латышей). В некоторых версиях легенды об Ожье Датчанине этот герой-долгожитель (см. след. примеч.) покидает Авалон с горящей головней или факелом, в которых была заключена его жизнь. Наиболее близкая параллель к рассказу о Норна-Гесте – и притом единственная, в которой, как и в нашем рассказе, долголетие героя заключено в свече, – это турецкая легенда о Тракосарисе (букв.: Трехсотлетний), подобно Норна-Гесту добровольно закончившем свои дни (в этой легенде, однако, отсутствует такой важный элемент, как «наречение судьбы»; см.: *Brednich R.W.* Volkserzählungen und Volksglaube von den Schicksalsfrauen. Helsinki, 1964. S. 17–31). Предполагается, что «мотив Мелеагра» в «Пряди о Норна-Гесте» может восходить как к ученым (латинским), так и к устным источникам. В исландском рассказе ему сопутствует другой известный фольклорный мотив: судьбу героя решают разгневанная норна и ее добрая сестра, смягчающая жестокий приговор (ср. дары фей в сказке «Спящая красавица»). В древнескандинавской традиции частичную параллель суду норн в «Пряди о Норна-Гесте» находим в «Саге о Гаутреке» (гл. 7), где Старкад подвергается аналогичному суду над его судьбой, в ходе которого Один дарует этому герою всевозможные доблести и блага, тогда как обиженный на его отца Тор всякий раз привносит в добрые посулы Одина свои «поправки», обращая их против Старкада (см. также примеч. 67).

[105] *...три сотни...* – Обыкновенно под сотней имеется в виду так называемая большая сотня = 120, так что возраст Геста равнялся 360 годам. Этому имеется знаменитая параллель, впервые упоминаемая западноевропейскими хронистами XII и XIII вв. (в том числе Винсентом из Бове в «Историческом зерцале»), которые сообщают о смерти в 1139 г. оруженосца Карла Великого, Johannes de Temporibus, который прожил 361 год. Ходили истории и об оруженосцах-долгожителях Роланда и Оливье, причем некоторые из подобных сообщений принадлежат исландцам: так, в исландских анналах за 1259 год есть запись о встрече с одним из воинов Карла Великого в Брюгге. Помимо рассказа о Норна-Гесте и «Пряди о Токи сыне Токи» (см.: *ИС* II, 461–464), для которой первый послужил образцом, в древнеисландской литературе немало и других примеров удивительного долголетия: так, Одду Стреле было предсказано прожить 300 лет; ср. также отмеренные Старкаду «три человеческих века». Во всех случаях этих героев древних времен отличает не только необычная продолжительность жизни, но и богатырское телосложение.

ПРЯДЬ О ХЕЛЬГИ СЫНЕ ТОРИРА

«Прядь о Хельги сыне Торира» («Helga þáttr Þórissonar») сохранилась в составе «Большой саги об Олаве Трюггвасоне» в рукописи AM 62 fol. (1350–1399 гг.) и в «Книге с Плоского Острова» (*Flat.* I, 359–362), а также в нескольких списках с последней компиляции; во всех случаях она помещена сразу вслед за «Прядью о Норна-Гесте». В рукописи рассказу предпослан заголовок: «Þaatr Helga Þorissunar» («Прядь о Хельги сыне Торира»). Прядь датируют концом XIII – началом XIV в.

Как и рассказ о Норна-Гесте, история о Хельги – это повествование о победе христианства над язычеством, в котором конунг-миссионер Олав Трюггвасон добивается возвращения из «иных земель» похищенного и насильно увезенного туда героя. На то, что компилятор усматривал связь между этими двумя рассказами, указывает отсылка к истории о Хельги в тексте рассказа о Норна-Гесте (см. ниже примеч. 9). Высказывалось мнение, что в составе саги об Олаве история Хельги сознательно противопоставлена истории Норна-Геста: тогда как последний, перебывав у величайших героев языческих древних времен, предпочел им двор христианского короля и завершил свой жизненный путь лишь после того, как принял крещение, в благочестии, Хельги – вероотступник, легко поддавшийся соблазнам и наслаждениям безбожного мира, из которого его, вопреки его желаниям, вызволил конунг Олав, а постигшая его слепота символизирует слепоту его заблудшей души (см. интерпретацию этого рассказа в работах: *Hamar A.* Legendary Fiction in «Flateyjarbók» // Proceedings of the First International Saga Conference. Edinburgh, 1971. L., 1973. P. 184–211; *Rowe E.A.* «Þorsteins þáttr uxafóts», «Helga þáttr Þórissonar», and the Conversion þættir // Scandinavian Studies. 2004. Vol. 76. P. 459–474; об аналогиях с «Сагой об Ингваре Путешественнике» см.: Vikings in Russia: Yngvar's Saga and Eymund's Saga / Transl. and Introd. by H. Palsson and P.G. Edwards. Edinburgh, 1989. P. 19 f.).

Перевод выполнен по изд.: Fornar smásögur úr noregskonunga sögum / E. Gardiner gaf út. Reykjavík, 1949. Bls. 65–70; исландский текст сверен с изд.: Flateyjarbok. En samling af norske konge-sagaer med indskudte mindre fortællinger / Udg. Guðbrandur Vigfússon, C.R. Unger. Christiania, 1860–1868. Bd. I. S. 359–362. На русском языке прядь публикуется впервые.

[1] *Раудаберг* – букв.: рудная гора (rauði «руда»).

[2] *...носил звание херсира.* – См. примеч. 4 к «Пряди о Сигурде Слюне».

[3] *Финнмёрк* – самая северная область Норвегии (совр. Финнмарк), населенная финнами (саамами; о торговле скандинавов с финнами см. в «Пряди об Одде сыне Офейга»).

[4] *...непроглядная мгла...* – Мгла, туман или мрак, в котором блуждают путники перед тем, как попадают в чудесную страну, – традиционный мотив историй о посещении «иных земель». См. примеч. 9 к «Пряди о Торстейне Силе Хуторов».

[5] *...выезжают двенадцать женщин.* – В рассказе Саксона Грамматика («Деяния датчан», кн. VIII) об экспедиции датчан и их проводника, исландца Торкиля (Thorkillus, см. примеч. 7), в полулегендарную северную страну Бьярмию (см. примеч. 13 к «Пряди о Хауке Задаваке») и их пребывании у тамошнего правителя,

великана Гудмунда (Guthmundus; см. след. примеч.), сообщается, что гостям прислуживали 12 сыновей Гудмунда и такое же число его прекрасных дочерей, одну из которых он предложил в жены датскому конунгу Горму.

[6] *...дочь Гудмунда с Глэсисвеллир.* – Гудмунд с Гласисвеллир – легендарный персонаж, фигурирующий в целом ряде повествований, принадлежащих к жанру саг и прядей «о древних временах» (в «Саге о Хервёр и Хейдреке», «Пряде о Торстейне Силе Хуторов» и др.), а также в «Деяниях датчан» (кн. VIII) Саксона Грамматика. По одним версиям – колдун из Бьярмии, по другим – конунг Ётунхейма (страны великанов). Если в одних историях, в том числе в «Пряди о Хельги сыне Торира», Гудмунд предстает коварным соблазнителем и противником христианского короля, то в других он изображен как «добрый язычник» и даже как друг Олава Трюггвасона (ср. «Прядь о Торстейне Силе Хуторов»). Название его чудесных владений, Гласисвеллир (Glasisvellir или Glæsisvellir) истолковывается по-разному: либо как Сияющие Поля, либо как Стеклянные Поля (стекло и кристалл нередко упоминаются в средневековых описаниях иных земель, особенно в сочинениях, восходящих к кельтской традиции, ср. Стеклянный Остров в «Эреке» Кретьена). Неоднократно указывалось на возможную связь этого названия с именем мифологической рощи Гласир (Glasir), находящейся в Асгарде перед воротами Вальгаллы (согласно «Младшей Эдде», «все листья в ней из красного золота»), и Glasislundr – названием жилища конунга Хьёрварда в эддической «Песни о Хельги сыне Хьёрварда». Есть также свидетельства того, что владения Гудмунда, Гласисвеллир, иногда отождествлялись с земным раем. Так, во вступлении к «Саге о Хервёр» (в редакции *U*) сказано: «Гудмундом звался правитель в Ётунхейме. Он жил в усадьбе Грунд (Grund) в местности, которая называется Гласисвеллир. Он был могущественным и мудрым мужем. И сам он, и все его люди были очень стары, поскольку они прожили много человеческих веков. Язычники думали поэтому, что в его владениях находилось Поле Бессмертия (Ódáinsakr), место, где каждого, кто туда приходил, оставляли болезни и старость и где никто не умирал. После смерти Гудмунда люди приносили ему жертвы и называли своим богом...» (Saga Heiðreks konungs ins vitra. The saga of king Heidrek the Wise / Ed. and transl. by Ch. Tolkien. L., 1960. P. 66). Как объясняется в «Саге об Эйрике Путешественнике», страна, которую язычники именуют Ódáinsakr – «Поле Бессмертных», христиане называют jorð lifandi manna, т.е. «земля живых людей», или рай (ср. в Вульгате: terra viventium, Isaiah 38:11; см. подробнее: *Power R.* Journeys to the Otherworld in the Icelandic Fornaldarsögur // Folklore. 1985. Vol. 96. N II. P. 156–175).

[7] *...не говори никому, откуда они у тебя.* – Высказывалось предположение, что источником эпизода, рассказывающего о встрече Хельги с Ингибьёрг, в том числе необычного для древнеисландской литературы описания поведения увиденных в лесу женщин, их одежд, шатра и утвари, мог послужить прозаический перевод на норвежский язык «Le Lai de Lanval» Марии Французской из собрания ее лэ, получившего название «Strengleikar» (букв.: струнные инструменты; рукопись ок. 1270 г.; см.: *Power R.* «Le Lai de Lanval» and «Helga þáttr Þórissonar» // Opuscula. 1985. Bd. VIII. S. 158–161. (Bibliotheka Arnamagnaeana; 38); «Strengleikar». An Old Norse translation of twenty-one Old French lais / Ed. and transl. R. Cook, M. Tveitane. Norsk Historisk Kjeldeskrift-Institutt. Oslo, 1979. P. 212–227. (Norrøne tekster; 3)). Начальная сцена этого рассказа

(в переводе «Janual») в значительной своей части утрачена в норвежской рукописи, однако, поскольку сохранившаяся его часть весьма точно передает французский оригинал, на основании последнего можно судить о большой степени сходства между бретонским лэ и исландской прядью. Ланваль, королевский сын, живущий при дворе короля Артура, растратил все свои богатства. Однажды он уезжает из города, оказывается на лугу у ручья, отпускает пастись своего коня и видит, как вдоль ручья идут две одетые в пурпур красавицы, пригожее которых ему не доводилось встречать. У старшей была в руках золотая лохань для омовения рук, у младшей полотенце. Они поздоровались с ним и передали ему приглашение от их госпожи явиться к ней в шатер, который был раскинут неподалеку. Ланваль отправился с ними в роскошно убранный шатер, чья вершина была увенчана золотым орлом (ср. золотой шар в пряди), и нашел в нем прекрасую женщину, которая предложила ему свою любовь и сколько угодно денег, и он с радостью принял ее предложение. Она потребовала, чтобы он никому не рассказывал об их встрече, в противном случае он никогда не увидит ее вновь; Ланваль согласился на это условие и лег рядом с ней. При расставании (которому, как и в исландском рассказе, предшествовало угощение) она дала ему богатые подарки. На этом сходство с рассказом о Хельги заканчивается, за исключением одной детали: впоследствии, когда Ланваль попал в беду, его возлюбленная выручила его: она приехала за ним ко двору короля и увезла с собой на прекрасный остров Авалон. Таким образом, в обоих рассказах герой проводит некоторое время в стране, откуда происходит его возлюбленная. Вместе с тем, этот эпизод «Пряди о Хельги» обнаруживает и известную связь с рассказом Саксона Грамматика о посещении владений Гудмунда датским конунгом Гормом и исландцем Торкилем (см. примеч. 5). Как рассказывается в «Деяниях датчан», Торкиль предостерегал своих спутников от того, чтобы они принимали еду и питье, которыми их потчевал Гудмунд, мотивируя это тем, что, вкусив его яств, они утратят память о своей прошлой жизни и навсегда останутся во владениях Гудмунда. По той же причине он не велел им поддаваться чарам дочерей и служанок Гудмунда, которых им предлагал их хозяин (о том, что опасность не была мнимой, свидетельствует ужасный конец одного из людей в свите Горма, датчанина по имени Buchi, который не внял последнему предостережению Торкиля и в результате лишился ума и погиб).

[8] *Конунг оставался ⟨...⟩ в Альрекссстадире.* – Альрекссстадир (совр. Орста) в Хёрдаланде на западе Норвегии, неподалеку от Бьёргюна (Бергена), со времен Харальда Прекрасноволосого здесь находилось поместье, принадлежавшее конунгам.

[9] *...оба они назвались Гримами. ⟨...⟩ два рога.* – В предшествующей этому рассказу в «Книге с Плоского Острова» «Пряди о Норна-Гесте» говорится, что Гримы, посланцы Гудмунда с Гласисвеллир, доставившие Олаву Трюггвасону два драгоценных рога, явились к нему тогда же, когда и Норна-Гест, а именно на третий год его правления (т.е. в 997 г.), причем автор компиляции отсылает читателя к «Пряди о Хельги»: «У них были и другие поручения к конунгу, о чем еще будет сказано после».

[10] *...два рога, прозванные Хюрнингами...* – В «Пряди о Торстейне Силе Хуторов» рассказывается о подаренных Олаву Трюггвасону двух рогах, которые Торстейн добыл для него в Ётунхейме, однако в этом рассказе они именуются Хвитингами (см. также примеч. 16).

[11] *...оба рога, которые звались Гримами...* – Не исключено, что имя Грим было присвоено этой паре рогов вследствие влияния другой ветви традиции о Гудмунде с Гласисвеллир, сохранившейся в «Пряди о Торстейне Силе Хуторов» (см. примеч. 6). В этом рассказе сообщается о сокровище, принадлежавшем правителю Ётунхейма, конунгу Гейррёду, чьим данником был Гудмунд, – диковинном роге-оракуле, прозванном Добрым Гримом (см. «Прядь о Торстейне Силе Хуторов», гл. 8–9). После гибели Гейррёда этот рог должен был достаться Гудмунду, ставшему конунгом Ётунхейма.

[12] *...воин Гудмунда...* – т.е. Хельги.

[13] *Из тезки...* – Намек на совпадение имен питейных рогов, присланных Гудмундом конунгу Олаву, и передавших их посланцев.

[14] *...опять наступил восьмой день Рождества.* – Согласно Евангелию от Луки (2:21), на восьмой день Младенец был обрезан и наречен Иисусом. Число восемь в христианстве является символом возрождения и вечности, поскольку в нем соединяется рождение и воскресение Христа, явившегося ученикам на восьмой день Пасхи. В явлении Хельги из «иного мира» именно в восьмой день Рождества может содержаться намек на его возрождение для земной жизни и возвращение к истинной вере. Восьмой день Рождества упоминается и в предшествующей рассказу о Хельги «Пряди о Норна-Гесте»: как сообщается, в этот день конунг Олав получает в подарок драгоценное запястье Хнитуд.

[15] *Греттир* (grettir «хмурый», производное от глагола gretta «хмуриться») – слово, известное как обозначение (хейти) змеи в скальдической поэзии, а также в качестве имени прославленного исландского богатыря, героя саги, Греттира сына Асмунда. По-видимому, в данном контексте, имя Греттир может быть истолковано как «бедолага».

[16] *...оба рога, которые звались Гримами ⟨...⟩ когда конунг исчез с Великого Змея, пропали и рога...* – О боевом корабле Олава Трюггвасона – Великий Змей, на котором последний погиб в битве при Свёльде, см. примеч. 18 к «Пряди о Сёрли».

ПРЯДЬ О ТОРВАЛЬДЕ ТАСАЛЬДИ

«Прядь о Торвальде Тасальди» («Þorvalds þáttr tasalda») присутствует уже в «Большой саге об Олаве Трюггвасоне» (*ÓT* II, 93–102), где ей, однако, не предпослано никакого заглавия. Прядью рассказ впервые назван в «Книге с Плоского Острова», куда он был включен в составе этой же саги (*Flat.* I, 378–383). В последней рукописи история о Торвальде приводится под рубрикой «Her hefr vpp þaatt Þorvalldz tasallda» – «Здесь начинается прядь о Торвальде Тасальди» (*Flat.* I, 378), причем к ее началу отнесен предшествующий эпизод саги (в *ÓT* гл. 200; в *Flat.* гл. 308), в котором речь идет не о Торвальде, а о неких купцах из Халогаланда, Сигурде и Хауке, брошенных конунгом в темницу за нежелание креститься и затем бежавших из-под стражи. Собственно же рассказ о Торвальде следует непосредственно за этим эпизодом «королевской саги», и ей предпослано заглавие: «Konungr sendi Þorvalld til Vpplanda» – «Конунг посылает Торвальда в Упплёнд» (*Flat.* I, 379). В «Книге с Плоского Острова» сразу же вслед за заголовком, сообщающим о начале пряди, мы

находим также краткое вступление, принадлежащее составителю этой компиляции, Йону Тордарсону, в котором он комментирует присутствие в саге об Олаве Трюггвасоне многих «не относящихся к ней историй» (см. об этом во вступ. ст. к разделу «Приложения»).

Рассказ о Торвальде Тасальди может быть отнесен сразу к двум разновидностям прядей. Прежде всего это «пряди о поездках из страны», повествующие о конфликтах между приезжими исландцами и правителями Норвегии: Торвальд лишается милости конунга Олава из-за оговора завистливого дружинника, после чего отправляется выполнять опасное поручение и, добившись успеха, возвращает себе расположение государя. Одновременно рассказ явным образом демонстрирует многие черты, присущие «прядям о крещении» – повествованиям о торжестве христианства над язычеством. В этом своем качестве «Прядь о Торвальде Тасальди» обнаруживает немалое сходство с «Прядью об Эйндриди Широкостопом», включенной в ту же сагу (см. ниже).

В настоящем собрании приводится перевод пряди в редакции «Большой саги об Олаве Трюггвасоне» (*ÓT* II, 93–102). Перевод выполнен по изд.: Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2317–2321. (Svart á hvítu). На русском языке прядь публикуется впервые.

[1] *В то самое лето, о котором только что рассказывалось...* – См. предисловие. С помощью этой фразы автор саги вводит в ее текст ранее не принадлежавший к ней рассказ об исландце Торвальде.

[2] *Тасальди* – возможно, «неряха» (в современном исландском языке *tasaldalegur* означает «неряшливый в одежде»), однако точное значение этого прозвища неизвестно. В английском переводе (Viga-Glums Saga, with the Tales of Ögmund Bash and Thorvald Chatterbox / Transl. J. McKinnell. Edinburgh, 1987) это прозвище передается как «болтун», однако подчеркивается условность этого перевода.

[3] *Глум Убийца* – Глум сын Эйольва, герой «Саги о Глуме Убийце» (см. о нем в «Пряди об Эгмунде Битом и Гуннаре Пополам»).

[4] *...ты, Торвальд, обязан снять с меня эту заботу, коли ты первым стал о ней расспрашивать.* – Тот, кто расспрашивает о чьей-либо беде, и должен помочь «потерпевшему», – об этом в исландских текстах говорится постоянно.

[5] *...послание, в котором начертаны имена Бога.* – Речь, по всей видимости, идет об именах Бога, встречающихся в Ветхом Завете, которые было принято поминать в молитвах (Эль, Элогим, Элоах, Саваоф, Элион, Адонай, Иегова, Эль Шаддай и др.), однако здесь этот перечень используется как оберег и обеспечивает победу над неверным. В XII в. появляется молитва, в которой перечислены 72 имени Бога (см.: *ÍF* IX. Bls. LXV).

[6] *Черные люди* (blámenn) – очевидно, имеются в виду эфиопы (о последних говорится, в частности, в «Саге об оркнейцах», также вплетенной в «Книгу с Плоского Острова»). «Черные люди» упоминаются в древнескандинавских текстах начиная с середины XIII в.

[7] *...умер в белых одеждах.* – Иначе говоря, умер вскоре после крещения: белые крестильные одежды носили в течение недели после совершения этого таинства.

ПРЯДЬ О СИГУРДЕ ИЗ ГОРОДИЩЕНСКОГО ФЬОРДА

«Прядь о Сигурде из Городищенского Фьорда» («Sigurðar þáttr borgfirzka») известна уже из первоначальной редакции «Большой саги об Олаве Трюггвасоне» (*ÓT* II, 124–126: гл. 208) и впоследствии была включена в составе этой саги в «Книгу с Плоского Острова» (*Flat.* I, 386–387: гл. 312). В этой поздней версии, однако, рассказ о Сигурде был перемещен и вставлен между эпизодом, повествующим о расправе конунга Олава над чародеем Эйвиндом Рваная Щека, наотрез отказавшимся принять христианство и за это подвергшимся жестокой пытке (гл. 311; сообщение об этом содержится и в более ранней редакции саги об Олаве Трюггвасоне в «Круге Земном», гл. 76), и «Прядью о Свейне и Финне» (в *ÓT* эта прядь приведена в гл. 202–203). В «Книге с Плоского Острова» рассказу о Сигурде предпослан заголовок: «Sigurdr pindr til dauds. capitulum» – «Сигурд замучен насмерть. Глава» (*Flat.* I, 386).

Перевод выполнен по изд.: Flateyjarbok. En samling af norske konge-sagaer med indskudte mindre fortællinger / Udg. Guðbrandur Vigfússon, C.R. Unger. Christiania, 1860–1868. Bd. I. S. 386–387. На русском языке прядь публикуется впервые.

[1] *Городищенский Фьорд* (Borgarfjörðr) – фьорд на юго-западе Исландии.

[2] *Торкель сын Рыжего Бьёрна* – он же Торкель Бахрома, родовитый и богатый исландский предводитель (годи), персонаж ряда саг (ср. «Сагу о людях из Лососьей Долины» и «Сагу о Курином Торире»), а также «Пряди о Пивном Капюшоне» (см. наст. изд.). Торкель был известен своим коварством.

[3] *Скала Закона* (Lögberg) – возвышенность на Полях Тинга, где собирался альтинг (см. примеч. 8 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога»), использовавшаяся как трибуна для выступления ораторов; с нее делались все публичные заявления и законоговоритель ежегодно оглашал третью часть законов страны.

[4] *Сигурд епископ* – епископ Сигурд Могучий (см. примеч. 9 к «Пряди об Альбане и Сунниве»).

[5] *Виги* – любимая собака Олава Трюггвасона, которую он выменял у одного бонда за золотое обручье («Сага об Олаве сыне Трюггви», гл. 32: *КЗ*, 118). Виги упоминается также в «Пряди о Рауде Могучем».

ПРЯДЬ О СВЕЙНЕ И ФИННЕ

«Прядь о Свейне и Финне» («Þáttr Sveins ok Finns») присутствует уже в сочиненной в начале XIV в. «Большой саге об Олаве Трюггвасоне» (*ÓT* II, 102–114: гл. 202–203), однако озаглавлена она лишь в рукописи этой саги в «Bergsbók» (начало XV в.), где рассказ носит название «Þatr fra Finni Sveinssyni» – «Прядь о Финне сыне Свейна». В составе «королевской саги» этот рассказ был включен и в «Книгу с Плоского Острова» (*Flat.* I, 387–393: гл. 313–315); здесь ему предпослан заголовок «Þaattr Sveins ok Finz». Тогда как в более ранней редакции «Большой саги об Олаве Трюггвасоне» (*ÓT*) история Свейна и Финна следует непосредственно за «Прядью о Торвальде Тасальди», в «Книге с Плоского Острова» ему предшествует глава саги,

повествующая о знатном норвежце Хареке с Тьотты (см. о нем в «Пряди об Асбьёрне Тюленебойце»), а также «Прядь о Сигурде из Городищенского Фьорда».

«Прядь о Свейне и Финне» принадлежит к числу «прядей о крещении», в которых борьба между старой и новой верой сопровождается конфликтом между старшим и младшим поколениями одной семьи. По мнению исследовательницы этой пряди, Э.А. Роу, автор рассказа использовал при его создании популярную в средневековой Европе легенду о св. Христофоре (см.: *Rowe E.A.* Searching for the Highest King: St. Christopher and «Þáttr Sveins ok Finns» // Arkiv för nordisk filologi. 1990. Bd. 105. S. 131–139; о конкретных параллелях см. в комментариях).

Перевод выполнен по изд.: Fornar smásögur úr noregskonunga sögum / E. Gardiner gaf út. Reykjavík, 1949. Bls. 71–80 (в этом издании воспроизведена редакция *Flat.*) и сверен с текстом пряди в «Книге с Плоского Острова» (*Flat.* I, 387–393). На русском языке прядь публикуется впервые.

1 *...в дни правления Хакона ярла сына Сигурда...* – См. примеч. 1 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».

2 *...Тор совершил столько великих подвигов и способен проходить сквозь горы и скалы...* – Имеются в виду подвиги Тора, которые этот бог совершал, воюя с ётунами (великанами) в Ётунхейме, о чем рассказывается в «Младшей Эдде» (см. также «Прядь о горном жителе»).

3 *...Один решает, кому достанется победа...* – Как сказано в «Саге об Инглингах» (гл. 2): «Один был великий воин, и много странствовал, и завладел многими державами. Он был настолько удачлив в битвах, что одерживал верх в каждой битве, и поэтому люди его верили, что победа всегда должна быть за ним. Посылая своих людей в битву или с другими поручениями, он обычно сперва возлагал руки им на голову и давал им благословение. Люди верили, что тогда успех будет им обеспечен» (*КЗ*, 11).

4 *...праздника середины зимы...* – См. примеч. 16 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».

5 *...приносятся обеты.* – Обычай приносить обеты (так называемая heitstrenging) в канун языческого праздника середины зимы (йоль), а также во время иных торжеств (в том числе свадеб и тризн) неоднократно описывается в сагах (ср., например, «Сагу о Хервёр», гл. 2; «Сагу о Курином Торире», гл. 12).

6 *...поклясться в том, что стану служить тому конунгу, который возвысился над всеми другими и превзошел их во всем.* – В этих словах Финна, а также в его дальнейшем поведении усматривают аллюзии на легенду о св. Христофоре: согласно житию этого святого великомученика, почитаемого в Скандинавии с XII в., могучий и огромный воин Репрев (Reprobatus, впоследствии нареченный Иисусом Христом Христофором) отправился на поиски величайшего владыки, который превосходил бы его силой и которому он захотел бы подчиниться и служить (см.: *Rowe E.A.* Searching for the Highest King).

7 *...Тора, предводителя всех богов...* – Предводителем (и отцом) всех богов скандинавы считали Одина, однако Тор был гораздо более популярным божеством, одно из свидетельств чему – многочисленные личные имена, произведенные от его имени

(*Тор*стейн, *Тор*грим, *Тор*вальд, *Тор*дис, *Тор*гунна, *Тор*а и т.п.); ср. также начало данной пряди.

[8] *...убийства Скегги из Ирьяра...* – О Скегги из Ирьяра, или Железном Скегги, рассказывается в «Саге об Олаве сыне Трюггви». См. об этом происшествии примеч. 4 к «Пряди о Торстейне Силе Хуторов».

[9] *...нет такого обычая, чтобы незнакомые люди беспокоили конунга, когда он сидит за столом...* – Ср. похожую сцену в «Пряди о Торстейне с Восточных Фьордов».

[10] *...на нем лохмотья...* – В средневековой скандинавской иконографии св. Христофор обыкновенно изображался как одетый в лохмотья бродяга (см.: *Rowe E.A.* Searching for the Highest King. P. 133). Ср. тот же мотив в «Пряди об Аудуне с Западных Фьордов».

[11] Ср. разговор, состоявшийся при знакомстве Хрейдара с конунгом Магнусом Добрым в «Пряди о Хрейдаре Дураке».

[12] *...накинул на шею Тору веревку и поволок его на берег.* – По мнению Э.А. Роу (*Rowe E.A.* Op. cit. P. 134), этот мотив также может восходить к легенде о св. Христофоре, поскольку его житие – единственное, где описывается подобный способ низвержения идолов.

[13] *...ведь он сам пожирал своих сыновей.* – Неизвестно, что имеется в виду: в скандинавской мифологии не содержится упоминаний о том, чтобы кто-нибудь из богов пожирал своих сыновей (ср., однако, древнегреческий миф о боге Кроносе, пожиравшем своих детей).

ПРЯДЬ О РАУДЕ МОГУЧЕМ

Судя по всему, рассказ о Рауде Могучем («Rauðs þáttr hins ramma») был впервые включен в «Сагу об Олаве Трюггвасоне» Снорри Стурлусоном (*КЗ*, 145–147), перу которого он, возможно, принадлежит, и затем с незначительными дополнениями воспроизводился в последующих жизнеописаниях этого конунга. В «Большой саге об Олаве Трюггвасоне» (*ÓT* II, 127–132) ему отведены гл. 210–211, причем уже в одной из рукописей этой саги («Bergsbók», начало XV в.) рассказ именуется прядью – «Rauds þatr». В настоящем издании «Прядь о Рауде Могучем» приводится в редакции «Книги с Плоского Острова» (*Flat.* I, 393–395), где она имеет заголовок «Þaattr Rauds hins ramma» – «Прядь о Рауде Могучем» и следует за «Прядью о Свейне и Финне» (оба рассказа разделяет лишь короткое сообщение о примирении конунга с Хареком с Тьотты; см. о последнем в «Пряди об Асбьёрне Тюленебойце»). Детальное сопоставление текста пряди в жизнеописании Олава Трюггвасона в «Круге Земном» и в «Большой саге об Олаве Трюггвасоне», фиксирующее все отличия позднейшей саги от версии, изложенной Снорри Стурлусоном, см. в кн.: *Ólafur Halldórsson.* Text by Snorri Sturluson in «Óláfs saga Tryggvasonar en mesta». L., 2001. P. 128–130.

Рассказ о Рауде принадлежит к той разновидности «прядей о крещении», которые повествуют о непоколебимых язычниках, не соглашавшихся принять новую веру. Олав Трюггвасон предстает в нем как беспощадный конунг-миссионер.

Перевод выполнен по изд.: Fornar smásögur úr noregskonunga sögum / E. Gardiner gaf út. Reykjavík, 1949. Bls. 81–84 (в этом издании воспроизведена редакция *Flat.*) и сверен с текстом пряди в «Книге с Плоского Острова» (*Flat.* I, 393–395). На русском языке прядь публикуется впервые.

[1] *...в Халогаланде, во фьорде, который называется Сальфти, на островах Годейяр...* – местности на севере Норвегии; Годейяр – букв.: боговы острова.

[2] *...с человеком по имени Торир и по прозвищу Олень.* – Знатный вождь с севера страны, в прошлом приспешник ярла-язычника Хакона Могучего, Торир был одним из предводителей войска, собранного жителями Халогаланда, противившимися проводимой Олавом Трюггвасоном христианизации Норвегии.

[3] *...на севере в Вагаре.* – См. примеч. 31 к «Пряди об Асбьёрне Тюленебойце».

[4] *...отправил собаку к финну, который пообещал вылечить ее, как было написано раньше.* – Речь идет о более раннем эпизоде «Большой саги об Олаве Трюггвасоне» (см.: *Flat.* I, 232), в котором рассказывалось о встрече Олава с финном-провидцем, предсказавшим конунгу его судьбу и пообещавшим вылечить его пса Виги, когда тот будет ранен. В других версиях пряди упоминание о финне отсутствует.

[5] *Эмд* – остров в северной части Халогаланда, см. примеч. 10 к «Пряди об Асбьёрне Тюленебойце».

[6] *...дабы Господь придал им силы, чтобы одолеть этого врага.* – Речь идет о буре, вызванной колдовством; ср. в «Пряди о Норна-Гесте».

[7] *Журавль* – корабль в 30 скамей для гребцов (против обычных двадцати), построенный по распоряжению конунга Олава (см. об этом в «Саге об Олаве сыне Трюггви», гл. 72: *КЗ*, 142).

[8] *...свою трубу...* – Речь идет о духовом инструменте, военной трубе. В исландских текстах слово lúðr – «труба» появляется с середины XIII в. (ранее упоминался horn – «рог»).

[9] *...назвал этот корабль Змеем...* – Позднее, после того как по приказу конунга Олава по образцу этого корабля был построен боевой корабль еще большего размера – Великий Змей (см. примеч. 18 к «Пряди о Сёрли»), захваченный у Рауда корабль стал называться Малым Змеем (см. «Сагу об Олаве сыне Трюггви», гл. 88: *КЗ*, 152).

[10] *...Гюллинг и Хэринг...* – По-видимому, речь идет об островах Стрёумёй и Кнаплуннёй на севере Норвегии.

ПРЯДЬ О ХРОМУНДЕ ХРОМОМ

«Прядь о Хромунде Хромом» («Hrómundar þáttr halta») сохранилась в составе «Большой саги об Олаве Трюггвасоне» в «Книге с Плоского Острова» (*Flat.* I, 409–414: гл. 327–331), где ей предпослан соответствующий заголовок: «Þaattr Hromundar hallta». Рассказ был вставлен в сагу компилятором этой книги и помещен им в разделе, повествующем о событиях, которые имели место уже после христианизации Норвегии (в предшествующей пряди главе саги конунг уничтожает идола Торгерд Невесты Храма – колдуньи, которой поклонялся правивший до него в стране ярл-язычник Хакон из Хладира и с чьей помощью был убит герой одноименной пряди,

Торлейв Ярлов Скальд), однако до крещения Исландии, – очевидно, не случайно в пряди присутствует языческий мотив (употребление в пищу конины). При этом рассказ о Хромунде Хромом относится к числу историй, как по своему месту действия, так и по содержанию, вне всякого сомнения, весьма далеких от той «королевской саги», в которую они были вплетены: единственное, что оправдывает ее присутствие в составе жизнеописания Олава Трюггвасона, это сообщение о том, что один из уцелевших в битве с норвежскими викингами героев – сын главного персонажа пряди, Хромунда Хромого, впоследствии уехал в Норвегию, где по совету Олава перешел в христианскую веру, стал человеком (очевидно, дружинником) конунга и погиб вместе с ним в битве при Свёльде в 1000 г.

Финнур Йоунссон (*Skj* B I, 90–91) считает приведенные в рассказе стихи аутентичными и датирует их – и, стало быть, описанное в пряди происшествие – 955 г., однако достоверные сведения на этот счет отсутствуют (о поэтических вставках см. примеч. 25). Временем создания «Пряди о Хромунде Хромом» полагают начало XIII в. (*Vries J. de.* Altnordische Literaturgeschichte. Bd. II. S. 412). Помимо отмечавшихся исследователями особенностей ее языка и стиля, основанием относить ее к числу ранних произведений является то обстоятельство, что несколько отличная от впоследствии вставленной в «Книгу с Плоского Острова» версия пряди была известна Стурле Тордарсону, который пересказал ее в принадлежащей ему редакции «Книги о заселении страны» («Landnámabók», S 168, также в H 137, см.: bls. 201–209), где сообщением о битве на Красивом Склоне завершается повествование о первопоселенцах, занявших земли в Бараньем Фьорде. По сравнению с прядью, рассказ в «Книге о заселении страны» значительно более лаконичен, однако в нем цитируются не только все те висы, которые были использованы и в пряди, но в дополнение к ним еще и восемь строф (очевидно, часть несохранившейся скальдической песни), сложенных оставшимся в живых сыном Хромунда. Кроме того, битва на Красивом Склоне вскользь упоминается в «Саге о Греттире» (гл. 30), а герой пряди, Хромунд Хромой, и целый ряд названных в ней исландцев – в «Саге о людях из Озерной Долины».

Ранее прядь переводилась на русский язык А.В. Циммерлингом как «Сага о Хромунде Хромом» и была опубликована в изд.: Исландские саги / Пер., ред. и коммент. А.В. Циммерлинга. М., 2000. С. 111–117; комментарии на с. 332–335. Для настоящего собрания перевод сделан нами по изд.: Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2174–2179. (Svart á hvítu).

[1] *...прибыл в Исландию вместе с Ингимундом Старым.* – Ингимунд Старый, сын Торстейна, внук Кетиля Верзилы – один из первопоселенцев, неоднократно упоминающийся в «сагах об исландцах», герой «Саги о людях из Озерной Долины».

[2] *...занял Долину Смешанной Реки к западу от Полуостровного Фьорда...* – местности на северо-западе Исландии.

[3] *...не пожелал дальше жить и покончил с собой.* – О самоубийстве Эйвинда Темного сообщается и в «Саге о людях из Озерной Долины» (гл. 23).

[4] *...Мара, сына Йорунда Шеи.* – Об этом браке упоминается также в «Саге о людях из Озерной Долины», персонажами которой являются и Мар, и сам Хромунд. Йорунд Шея – родовитый первопоселенец, прибывший в Исландию вместе с Ингимундом.

Согласно «Книге о заселении страны» (*Land.*, 218 f.) и «Саге о людях из Озерной Долины» (гл. 13), Йорунд был сыном ярла Торира Молчаливого, сына Рёгнвальда ярла Мёра (см. о них в «Пряди о Тидранди и Торхалле»).

[5] *...бился с сыновьями Ингимунда за Спорный Пригорок...* – Об этом событии подробно рассказывается в «Саге о людях из Озерной Долины» (гл. 29). Название Спорный Пригорок происходит от этой распри.

[6] *...изгнан из той местности, что лежит между Ледниковой Рекой в Полуостровном Фьорде и Рекой Бараньего Фьорда...* – т.е. был вынужден переселиться еще дальше на запад. Изгнание из округи (такого человека называли héraðssekr) подразумевало объявление вне закона только на территории той местности, где проживал признанный виновным ответчик (и как результат – отселение его от тех, с кем он враждовал), – мера, прежде всего применявшаяся в отношении лица, чей проступок затрагивал интересы жителей округи как таковой.

[7] *Вокруг своего двора он возвел крепостную стену...* – В «сагах об исландцах» неоднократно упоминаются укрепления (virki – «крепость») – стены из неотесанного камня (иногда со рвом и валом), сооружаемые бондами для защиты своих дворов от враждующих с ними соседей или пришлых разбойников.

[8] *...Торбьёрн Тюна...* – Значение этого прозвища не установлено; возможно, др.-исл. þyna следует читать как þina, что означает «нить», «рубец» (см.: *Land.*, 201, nm. 11).

[9] *...Торкеля с Кувшинной Косы...* – Торкель упоминается также в «Саге о Греттире» (гл. 30), однако в этой саге сказано, что двор, на котором он жил в Бараньем Фьорде, назывался не Кувшинная Коса (Kerseyrr), а Столовая Коса (Borðeyrr), – именно к местности с таким названием, как сообщается в пряди, привели свой корабль норвежцы.

[10] *...сына Хромунда звали Халльстейн...* – Согласно «Книге о заселении страны», его имя было Хастейн (*Land.*, 201).

[11] *...Гудрун, жены Торбьёрна...* – В рукописи ошибка: Торлейва.

[12] *Всего на корабле было двенадцать человек.* – В сообщении о прибытии в Бараний Фьорд Хельги Надувалы и его брата Йорунда в «Книге о заселении страны» (*Land.*, 201) говорится, что, помимо 12 «свободных» людей – викингов, на корабле находились слуги. В отличие от боевых кораблей, как правило вмещавших десятки человек (считается, что наименьшее число гребцов на боевом корабле составляло 32 человека, т.е. по 16 на каждой полускамье), на небольших торговых судах (byrðingr) команда варьировалась от 12 до 20 человек.

[13] *...нужен лес...* – Поскольку в Исландии уже в ранний период после ее заселения почти не осталось лесов, строевой лес в страну привозили из Норвегии.

[14] *...тебе решать, какое ей положить приданое.* – Выделяемое отцом невесты приданое оставалось в ее собственности во время замужества.

[15] *...выдать свою дочь Хельгу за Хельги Надувалу.* – В сообщении «Книги о заселении страны» рассказ о тайной связи будущих супругов отсутствует. Об этом браке упоминается также в «Саге о Греттире» (гл. 30): «Жил человек по имени Торир, сын Торкеля со Столовой Косы (см. примеч. 9. – *Е.Г.*). Торир сперва жил на Каменниках, у Хрутова (Бараньего) Фьорда. Его дочерью была Хельга, на которой женился Хельги Надувала...» (*ИС* I, 638).

[16] *...пропали пять племенных жеребцов ⟨...⟩ их, верно, съели...* – Рассказ был записан в христианскую эпоху, когда употребление в пищу конины считалось языческим обычаем и было запрещено (см. примеч. 3 к «Пряди о Вёльси»). Поэтому в глазах аудитории вменяемое норвежцам преступление (кража коней) должно было, помимо всего прочего, выглядеть как богомерзкое дело.

[17] *...Скегги из Среднего Фьорда...* – Скегги был хёвдингом (предводителем) округи, в которой происходит действие пряди (см. о нем также в «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде»). Средний Фьорд – восточное ответвление Бараньего Фьорда.

[18] *Хромунд велит своим людям вызвать норвежцев на суд ⟨...⟩ вызывать каждого из них.* – Согласно исландским законам, ответчик должен был сам выслушать вызов на суд, поэтому часто процедура вызова, предполагавшая оглашение определенной юридической формулы, происходила в доме ответчика в присутствии свидетелей, готовых затем подтвердить на судебном собрании (тинге), что вызов на суд был произведен правильно. Вызывать на суд полагалось не позднее чем за четыре недели до тинга.

[19] *...передали ведение всех тяжб Скегги из Среднего Фьорда ⟨...⟩ осуждены за кражу лошадей.* – В соответствующем сообщении об этом происшествии в «Книге о заселении страны» (*Land.*, 202) ничего не говорится о том, чем закончилась тяжба Хромунда с Хельги и его спутниками, сказано лишь, что Скегги вызвал норвежцев на альтинг по обвинению в краже (об альтинге см. примеч. 8 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога»).

[20] *...у дымового оконца...* – В стенах скандинавского жилища не было окон и единственное небольшое отверстие (др.-исл. ljóri), через которое проникал дневной свет и выходил дым от очага, располагалось в крыше дома.

[21] *...лебедь льдины раны росы...* – ворон, где льдина раны – меч, роса меча – кровь, лебедь крови – ворон.

[22] *...сокол распри...* – ворон.

[23] *...сойки ссоры Гаута...* – вóроны, где ссора Гаута – битва (Гаут – имя Одина), сойки битвы – вóроны.

[24] *...кленам сечь...* – воинам.

[25] *И еще он сказал...* – В «Книге о заселении страны» (*Land.*, 202) следующая виса приписывается Торбьёрну Тюна, сыну Хромунда. Было замечено, что вторая виса как содержанием, так и используемой в ней поэтической фразеологией весьма напоминает первую, причем некоторые стихи в обеих висах (3-й, 5-й и 7-й) обнаруживают также и вполне очевидное лексическое сходство. В связи с этим высказывалось предположение, что, по всей видимости, перед нами не две разные строфы, но два варианта одной и той же висы, возникшие в ходе ее передачи в устной традиции и впоследствии воспринятые рассказчиком пряди как самостоятельные строфы. На вероятность такого развития может указывать то обстоятельство, что соединенные в одну строфу части обеих этих вис – а именно первый хельминг (полустрофа) второй строфы и второй хельминг первой – появляются в «Саге о Хаварде из Ледового Фьорда» («Hávarðar saga Ísfirðings», гл. 9, виса 4-я), где авторство этих стихов приписывается герою саги, Хаварду Хромому, – скорее всего, это смешение произошло вследствие созвучия имен и общности прозвищ двух скальдов (см.: *Fidjestøl B.* Det norrøne fyrstediktet. Øvre Ervik, 1982. S. 62 f.; Исландские саги / Пер. А.В. Циммерлинга. С. 334 и след., примеч. 12).

[26] *...пены павших ⟨...⟩ чайка...* – ворон, где пена павших – кровь, чайка крови – ворон.

[27] *...море мертвых тел...* – кровь.

[28] *...выпь ⟨...⟩ навья...* – ворон.

[29] *...браги раны...* – крови.

[30] *...вяз ⟨...⟩ палаша займища...* – муж, где займище палаша – щит, вяз щита – муж, воин.

[31] *...в Ильм волненьи...* – в битве (Ильм – имя богини, здесь употреблено как имя валькирии).

[32] *... Хедина ограды прут...* – меч, где ограда Хедина – щиты (Хедин – имя морского конунга), прут щитов – меч.

[33] *Женщины спросили его, что произошло, и он рассказал им обо всем.* – В отличие от пряди, в «Книге о заселении страны» приводится отчет оставшегося в живых сына Хромунда (в этом варианте истории он назван Хастейном) – восемь строф, в которых рассказывается о том, как они вчетвером бились с дюжиной норвежцев и сразили семерых из них, причем среди павших упомянут и сам Хельги Надувала, что противоречит следующему за тем сообщению о его гибели в кораблекрушении (*Land.*, 204–209; *Skj* B I, 91–92). То обстоятельство, что этот флокк (краткая скальдическая песнь) не цитируется в пряди, по-видимому, объясняется тем, что именно он мог быть положен в основу предшествующего описания битвы, – иными словами, пересказан в прозе.

[34] *Оползневый Уступ* – гористый берег неподалеку от северо-западной оконечности Бараньего Фьорда.

[35] О еще одном участнике описываемых здесь событий, Торире, тесте Хельги Надувалы, в «Саге о Греттире» (гл. 30) сказано следующее: «...после битвы на Красивом Склоне Торир перебрался на юг, в Соколиную Долину, и стал жить в Ущелье» (*ИС* I, 638).

[36] *...пал на Великом Змее...* – Имя Халльстейн действительно упоминается (причем дважды) в перечне защитников корабля конунга Олава, Великого Змея, в некоторых редакциях «Саги об Олаве Трюггвасоне», однако нет никаких данных о том, что его носителем действительно был исландец и сын Хромунда Хромого. О Великом Змее см. примеч. 18 к «Пряди о Сёрли».

ПРЯДЬ О ТОРСТЕЙНЕ МОРОЗЕ

«Прядь о Торстейне Морозе» («Þorsteins þáttr skelks») сохранилась в единственном списке в «Книге с Плоского Острова» (*Flat.* I, 416–418: гл. 333), где она вставлена в «Большую сагу об Олаве Трюггвасоне» непосредственно перед «Прядью о Тидранди и Торхалле» (см. о возможной интерпретации этого соседства в предисловии к этой пряди). Рассказу предпослан заголовок: «Þattr Þorsteins skelkis» – «Прядь о Торстейне Морозе». Финнур Йоунссон датирует ее началом XIV в. (*LH* II, 759).

Рассказ о Торстейне Морозе принадлежит к числу так называемых прядей о поездках из страны – к той их разновидности, в которой «отчуждение» между исландцем и правителем Норвегии возникает вследствие нарушения героем королевского

запрета (см. вступ. ст.). Особенность данного рассказа, выделяющая его из ряда прочих прядей, входящих в эту немногочисленную группу, состоит в том, что нарушение запрета влечет за собой немедленное воздаяние: герой-исландец попадает в опасную ситуацию, из которой ему удается выйти невредимым исключительно благодаря собственной смекалке и храбрости. Именно эти качества позволяют Торстейну добиться своевременного вмешательства христианского короля, помогающего ему избежать гибели. Находчивость и смелость протагониста рассказа, перехитрившего самого черта, не исключает возможности видеть в пряди христианскую легенду о чудесном спасении героя конунгом-миссионером, окруженным в глазах исландцев ореолом святости (см. об этом: *Lindow J.* «Þorsteins þáttr skelks» and verisimilitude of supernatural experience in saga literature // Structure and Meaning in Old Norse Literature. New Approaches to Textual Analysis and Literary Criticism / Ed. J. Lindow, L. Lönnroth, G.W. Weber. Odense, 1986. P. 264–280). При этом христианские представления о загробном мире сливаются или причудливо переплетаются в рассказе о Торстейне с языческой верой в живых мертвецов: посланцем ада, бесом оказывается павший в битве воин. Еще один жанр, к которому может быть отнесена «Прядь о Торстейне Морозе», – это анекдот. Как ни трудно проникнуть в то, что представлялось «комическим» или «трагикомическим» в инокультурной традиции, особа и поведение беса, с которым повстречался исландец, как полагают, изображены в пряди не без юмора (см.: *Гуревич А.Я.* «Прядь о Торстейне Мороз-по-коже», загробный мир и исландский юмор // Скандинавский сб. Таллин, 1979. Т. XXIV. С. 125–131). Визитером из преисподней оказывается, собственно, не черт, а drysildjöfull – «ничтожный дьяволенок» (как он сам аттестует себя Торстейну), fjandi jafnlítill – «маленький бесенок», eigi meiri púki – «чертенок» (каким он видится герою). Повадки и поступки этого «мелкого беса», вероятно, также способны были вызвать не только страх, но и смех. Комизм рассказу, по-видимому, должно было придавать и место, где произошла встреча Торстейна с чертом, а также то, что обратный путь в ад нечистый был вынужден проделать прямиком через выгребную яму, в которую он провалился сквозь пол нужника, услышав колокольный звон. Снижение образа черта, как и вообще смеховая трактовка ужасного с целью сделать его переносимым характерны для всей средневековой литературы (см. подробнее: *Гуревич Е.А.* «Прядь о Торстейне Мороз-по-Коже»: Проблемы текста и жанра // Philologica Scandinavica: Сб. ст. к 100-летию со дня рождения М.И. Стеблин-Каменского. СПб., 2003. С. 43–51).

Перевод сделан М.И. Стеблин-Каменским по изд.: Íslendinga sögur / Guðni Jónsson bjó til prentunar. Reykjavík, 1953. VII. bindi. Перевод впервые опубликован в кн.: Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 127–129 и неоднократно переиздавался; здесь воспроизведен по кн.: *ИС* II, 458–461.

[1] *Он был сыном Торкеля, сына Асгейра Дышла, сына Аудуна Гагача.* – По-видимому, Торстейн – вымышленный персонаж, однако автор пряди сделал его отпрыском древнего и славного рода: согласно «Книге о заселении страны» (*Land.*, 214, 216), его прадед, Аудун Гагач (Auðun skökull) был первопоселенцем, занявшим землю в Ивовой Долине на севере Исландии (см. о нем и о его сыне Асгейре с Реки Асгейра в «Саге о людях из Лососьей Долины», гл. 40, – в переводе этой саги на русский язык Аудун носит прозвище Оглобля, а Асгейр – Отчаянная Голова; см.: *ИС* I, 308).

Как сообщается в «Книге о заселении страны», Аудун был потомком легендарного датского викинга Рагнара Лодброка (Рагнар Кожаные Штаны). Однако нет никаких сведений о том, что у Асгейра был сын Торкель.

2 – *Торкель Тощий, что погиб с Харальдом конунгом Боезубом.* – Нечистый оказывается, таким образом, выходцем из «мира людей», не случайно в дальнейшем он назван draugr – «приведением», точнее «живым мертвецом» (см. примеч. 59 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога»). Харальд Боезуб – легендарный датский король, павший в самом прославленном в Скандинавии сражении «древних времен» – в битве народов на Бравеллир.

3 *Сигурд Убийца Дракона Фафнира...* – См. о нем в «Пряди о Норна-Гесте».

4 *...привидение.* – В оригинале draugr «живой мертвец»; см. примеч. 2.

5 *Ведь он сам и идет на растопку* ⟨...⟩ *Раз так, то это великая мука...* – Перевод изменен нами. Из исландского текста остается не до конца понятным, на какое наказание обречен на том свете Сигурд. В ответ на заявление Торстейна, что мука Сигурда не кажется ему слишком тяжкой, черт возражает, что тот не прав, поскольку «истопник – это он сам» (имеется в виду Сигурд), после чего исландец соглашается с ним (ср. публиковавшийся ранее перевод М.И. Стеблин-Каменского: «“Да, конечно, – сказал черт. – Ведь он сам топит”. – “Все же это большое дело”, – сказал Торстейн»). Неясно, ни то, почему черт считает наказание топящего печь Сигурда весьма суровым, ни то, почему этот довод оказался достаточным, чтобы переубедить его собеседника. Параллелизм высказываний, относящихся к двум противопоставляемым здесь величайшим героям древности, заставляет предположить ошибку переписчика, употребившего наименование субъекта действия (kyndarinn – «тот, кто зажигает») вместо наименования объекта (kyndr – «то, что зажигают»). Подобно тому как Торстейн, до тех пор пока он не получает дополнительных разъяснений от черта, не способен верно оценить наказание Сигурда, он по той же причине поначалу ошибается и насчет тяжести страданий Старкада; в обоих случаях ясность вносит неожиданная деталь, в результате чего ситуация получает анекдотическое разрешение (см. об этом подробнее в статье: *Гуревич Е.А.* «Прядь о Торстейне Мороз-по-Коже»: Проблемы текста и жанра. С. 46–48).

6 *Старкад Старый* – см. о нем в гл. 7 «Пряди о Норна-Гесте» (и примеч. 67 к той же пряди), где также противопоставляются Старкад и Сигурд, причем первый бесславно спасается бегством.

7 *Черт, услышав колокольный звон, провалился сквозь пол...* – Распространенная у многих народов вера в то, что колокольный звон (как и звук гонга) прогоняет бесов, ведьм и колдунов, поддерживалась церковью (многочисленные примеры этого собраны в кн.: *Фрэзер Дж.* Фольклор в Ветхом Завете; интернет-ресурс: http://jhistory.nfurman.com/traditions/frezer28.htm).

8 *Ты будешь отныне зваться Торстейн Мороз. И вот тебе меч в придачу к прозвищу.* – Прозвище героя пряди skelkr буквально означает «мороз по коже». О подарках, непременно сопровождавших наречение прозвища, см. примеч. 28 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».

9 *...погиб на Великом Змее...* – т.е. пал вместе с конунгом в битве при Свёльде. Великий Змей – боевой корабль Олава Трюггвасона; см. о нем примеч. 18 к «Пряди о Сёрли».

ПРЯДЬ О ТИДРАНДИ И ТОРХАЛЛЕ

Рассказ о Тидранди и Торхалле («Þiðranda þáttr ok Þórhalls»), сообщающий о событиях, произошедших в юго-восточной части Исландии незадолго до введения в этой стране христианства, включен в различные редакции «Большой саги об Олаве Трюггвасоне», однако лишь в «Книге с Плоского Острова» он был окончательно преобразован в самостоятельную прядь и получил соответствующее название: «Þaattr Þidranda ok Þorhallz» (*Flat.* I, 418) – «Прядь о Тидранди и Торхалле». Заглавие это предпослано, однако, не собственно рассказу о чудесных обстоятельствах гибели старшего сына именитого исландского бонда (он имеет отдельный заголовок: «Fra Þidranda» – «О Тидранди»), а вводной главе, действие которой относится к значительно более ранним временам, а именно к объединению Норвегии под властью Харальда Прекрасноволосого (70–80-е годы IX в.), когда многие норвежцы покинули страну и перебрались в Исландию. Основное содержание этого введения – представление одного из таких переселенцев, знатного норвежского предка, сына ярла Мёра, от которого ведут свой род герои рассказа, Халль с Побережья и его сын Тидранди, а также перечень многочисленных потомков самого Халля, среди которых было немало знаменитых исландцев. В написанной в начале XIV в. «Большой саге об Олаве Трюггвасоне» («Óláfs saga Tryggvasonar en mesta»; сохранившиеся рукописи саги относятся к концу XIV в.), где рассказ о Тидранди (гл. 215: *ÓT* II, 142–150) приводится впервые и, вполне возможно, представляет собой не самостоятельную историю, но эпизод саги, местом действия последующих глав которой также является Исландия, а одним из персонажей – Халль с Побережья, ему также предпослана глава (гл. 214), в которой те же сведения излагаются более обстоятельно и последовательно (в изданиях и переводах «Пряди о Тидранди и Торхалле», основанных на этой более ранней редакции, она обычно не воспроизводится). Не вызывает сомнений, что именно эта глава и была целенаправленно преобразована составителем «Книги с Плоского Острова» во введение к пряди. При этом в ходе переработки она подверглась довольно существенным сокращениям, и из нее были изъяты отдельные части (так, был целиком опущен рассказ о прибытии Хроллауга в Исландию и о занятых им землях; см. комментарии), а акцент был перенесен на представление сведений, имеющих непосредственное отношение к героям рассказа о Тидранди.

При том что рассказ о Тидранди и Торхалле формально не принадлежит к так называемым прядям о крещении, его темой также является столкновение христианства с язычеством. Высказывалось предположение, что создателем рассказа был монах-бенедиктинец из монастыря Тингейрар, Гуннлауг Лейвссон (ум. 1218 или 1219), автор латинского жизнеописания Олава Трюггвасона. Это сочинение было утрачено, однако отдельные его части позднее вошли в «Большую сагу об Олаве Трюггвасоне» (см. об этом, в частности: *Strömbäck D.* Tidrande och diserna: Ett filologiskt-folkloristiskt utkast. Lund, 1949. S. 14 ff.; об отражении в пряди языческих верований и ее христианском содержании см. также: *Turville-Petre G.* Myth and Religion of the North. L., 1964. P. 222 f.).

В «Книге с Плоского Острова» рассказу о Тидранди предпослан добавленный редактором этой части компиляции, Йоном Тордарсоном, рассказ о Торстейне Морозе. Высказывалось предположение (*Rowe E.A.* The Development of Flateyjarbók. P. 71),

что это соседство не случайно, поскольку обе истории содержат общий мотив: нарушенный героем запрет выходить ночью из дома. Тогда как христианин Торстейн, попав в результате своего ослушания в беду, спасается, прибегнув к помощи святого заступника – Олава Трюггвасона, Тидранди, которому еще не доступны все преимущества грядущей «правой веры», погибает.

Непосредственно за «Прядью о Тидранди и Торхалле» как в «Большой саге об Олаве Трюггвасоне», так и в позднейшей редакции этой саги в «Книге с Плоского Острова» следует раздел саги, в котором сообщается о прибытии в Исландию посланца конунга Олава, миссионера Тангбранда, а также о том, как он проповедовал там христианство (так называемая «Прядь о крещении»). Аналогичный рассказ содержится в «Саге о Ньяле», где он также предваряется представлением Халля с Побережья – родовитого жителя страны, одним из первых перешедшего в новую веру, причем это представление включает в себя и упоминание об истории, приключившейся с его старшим сыном, Тидранди: «Жил человек по имени Халль, а по прозвищу Халль с Побережья. Он был сыном Торстейна и внуком Бёдвара. Мать Халля Тордис была дочерью Эцура, внучкой Хродлауга (т.е. Хроллауга. – *Е.Г.*), правнучкой ярла Рёгнвальда из Мёри, праправнучкой Эйстейна Гремушки. Халль был женат на Йорейд, дочери Тидранди Мудрого, внучке Кетиля Грома, правнучке Торира Глухаря из Верадаля. Братьями Йорейд были Кетиль Гром из Залива Ньёрда и Торвальд, отец Хельги, одного из сыновей Дроплауг. Сестру Йорейд звали Халлькатла, она была матерью Торкеля, сына Гейтира, и Тидранди… Сыновьями Халля с Побережья были Торстейн, Эгиль, Торвард, Льот и Тидранди, про которого рассказывают, что его погубили дисы» («Сага о Ньяле», гл. 96: *ИС* II, 214–215). Остается неизвестным, опиралось ли последнее сообщение на возможно бытовавшие устные предания о Тидранди или на письменный рассказ, включенный в жизнеописание Олава Трюггвасона.

«Прядь о Тидранди и Торхалле» ранее издавалась в переводе А.В. Циммерлинга (О Тидранди и Торхалле // Исландские саги / Под ред. А.В. Циммерлинга. М., 2000. С. 266–269; в этом издании рассказ приводится в редакции «Большой саги об Олаве Трюггвасоне»).

В настоящем собрании рассказ приводится в редакции «Книги с Плоского Острова». Перевод сделан по изд.: Flateyjarbok. En samling af norske konge-sagaer med indskudte mindre fortællinger / Udg. Guðbrandur Vigfússon, C.R. Unger. Christiania, 1860–1868. Bd. I. S. 418–421.

[1] *Рёгнвальд ярл Мёра* – сын Эйстейна Грохота (Гремушки), друг и сподвижник Харальда конунга, поставленный им управлять западными областями Норвегии – Северным и Южным Мёром (совр. Мёре), а также расположенным между ними Раумсдалем (совр. Румсдал).

[2] *...постричь ему волосы 〈...〉 все сочли, что это прозвище ему подходит.* – Согласно легенде, Харальд дал обет, что не будет «ни стричь, ни чесать волос», пока не подчинит себе всю Норвегию. Когда же после победы, одержанной им над правителями разных областей Норвегии в битве при Хаврсфьорде (872 г.), под его власть перешла вся страна, он, будучи на пиру в Мёре у Рёгнвальда ярла, «помылся в бане и велел причесать себя. Рёгнвальд ярл постриг ему волосы, а они были десять лет не стрижены и не чесаны. Его называли поэтому Харальд Косматый. А теперь

Рёгнвальд дал ему другое прозвище и назвал его Харальдом Прекрасноволосым. И все, кто его видели, говорили, что он по праву носит это прозвище, ибо волосы у него были густые и красивые» («Сага о Харальде Прекрасноволосом», гл. 23: *КЗ*, 54). См. также примеч. 100 к «Пряди о Норна-Гесте».

[3] *...Хьяльтланд и Оркнейские острова.* – Хьяльтланд – Шетландские острова. По другим сообщениям («Большая сага об Олаве Трюггвасоне», гл. 214; «Сага о Харальде Прекрасноволосом», гл. 22), эти заморские владения были дарованы ярлу Рёгнвальду в качестве возмещения за гибель его сына Ивара.

[4] *...Хрольв и Хроллауг...* – Согласно «Саге о Харальде Прекрасноволосом» (гл. 24), у ярла Рёгнвальда было два законнорожденных сына, Хрольв и Торир (Молчаливый), а также три старших сына от наложницы: Халлад, Эйнар (впоследствии оркнейский ярл Торф-Эйнар) и Хроллауг. О Хрольве говорится, что он был могучим викингом и «такого большого роста, что никакой конь не мог носить его, и он поэтому всегда ходил пешком, куда бы ни направлялся», за это его прозвали Хрольвом Пешеходом (*КЗ*, 54). Как сообщается в «Саге о Харальде Прекрасноволосом», Хрольв прогневил конунга Харальда и был изгнан из Норвегии, после чего отправился на юг, в Валланд (т.е. во Францию), разорял там страну и приобрел большие владения, куда поселил много норвежцев. «Эти владения называются с тех пор Нормандией. Из рода Хрольва происходят ярлы в Нормандии. Сыном Хрольва Пешехода был Вильяльм, отец Рикарда. Его сыном был другой Рикард, отец Родберта Длинный Меч. А его сыном был Вильяльм Незаконнорожденный, конунг Англии. От него потом произошли все конунги Англии» (*КЗ*, 55). Таким образом, сын ярла Рёгнвальда Хрольв отождествляется здесь с Ролло (так он был прозван во Франции), викингским вождем, предком Вильгельма Завоевателя, в 911 г. получившим Нормандию в лен от французского короля. Как полагает ряд историков, в действительности Ролло скорее происходил из Дании, поэтому приведенная в саге генеалогическая информация считается весьма спорной (см. *КЗ*, 639, примеч. 35). Кроме того, существует исландская легендарная «Сага о Хрольве Пешеходе» («Göngu-Hrólfs saga», начало XIV в.), сюжет которой не имеет никакой исторической подоплеки, а героя, Хрольва сына Стурлауга, связывают с Хрольвом сыном Рёгнвальда лишь общие для обоих прозвище и характеристика – оба вынуждены ходить пешком, ибо столь велики, что их не может носить ни один конь.

[5] *– Ты не сможешь стать ярлом...* – В переработанной и существенно сокращенной компилятором «Книги с Плоского Острова» сцене в гл. 214 «Большой саги об Олаве Трюггвасоне» говорится, что после того, как ярл Рёгнвальд узнал о гибели своего брата Сигурда, которому он ранее передал власть над полученными от Харальда западными территориями, он послал на Оркнейские острова своего сына Халлада, старшего брата Хроллауга, который принял звание ярла. Однако Халлада постигла неудача – он отказался от звания ярла и возвратился к отцу. Более пространное сообщение об этом содержится в «Саге о Харальде Прекрасноволосом» (гл. 27) в «Круге Земном»: «Халладу ярлу стало пребывание на островах в тягость. Он скатился с престола ярла (т.е. совершил символическое действие «понижения» в сане; сходный эпизод описан в гл. 8 той же саги, причем знаменательно, что там от своего звания отказывается конунг по имени Хроллауг. – *Е.Г.*) и стал бондом и отправился на восток в Норвегию. Когда Рёгнвальд ярл узнал об этом, он был возмущен

поступком Халлада и сказал, что его сыновья не похожи на своих предков» (*КЗ*, 57). Как рассказывается в «Большой саге об Олаве Трюггвасоне» (*ÓT* I, 143 f.), Рёгнвальд призвал тогда к себе своих сыновей, и те один за другим стали предлагать себя на остававшийся вакантным оркнейский престол, однако ярл под разными предлогами отверг и Торира, и Хрольва, и Хроллауга, в конце концов остановив свой выбор на Эйнаре.

[6] *...пять эйриров.* – Пять унций.

[7] *...Коль, сын Халля с Побережья.* – По-видимому, ошибка: Коль был племянником Халля, сыном его брата Торстейна, по прозвищу Пузатый.

[8] *Хроллауг был отцом Гицура...* – Согласно другим источникам («Большая сага об Олаве Трюггвасоне», гл. 214, «Книга о заселении страны», «Сага о Ньяле», гл. 96), сына Хроллауга звали Эцур.

[9] *Их сыном был Торстейн, отец Магнуса, дед Эйнара, прадед Магнуса епископа.* – Магнус сын Эйнара (1092 – 30 сентября 1148), четвертый епископ Скальхольта (см. примеч. 5 к «Пряди о епископе Ислейве»), занимавший эту должность с 1134 по 1148 г. Как упомянуто в несколько более пространной генеалогии, приведенной в гл. 214 «Большой саги об Олаве Трюггвасоне», одним из потомков Торстейна сына Халля был также священник Ари Мудрый – прославленный исландский историк, автор «Книги об исландцах», который называет Халля с Побережья в числе первых родовитых жителей страны, принявших христианство («Íslendingabók», kap. VII). О Торстейне см. «Прядь о Торстейне сыне Халля с Побережья» и «Сон Торстейна сына Халля с Побережья».

[10] *...Эгиль, отец Торгерд, матери епископа Йона Святого.* – См. о них «Прядь об Эгиле сыне Халля с Побережья» и «Прядь о Гисле сыне Иллуги» (редакция *B*).

[11] *Торвард сын Халля был отцом Торгерд...* – В «Большой саге об Олаве Трюггвасоне», а также в «Книге о заселении страны» сказано, что дочь Торварда сына Халля звали Тордис.

[12] *Магнус епископ* – Магнус сын Гицура (ок. 1175–1236), восьмой епископ Исландии, служивший в Скальхольте с 1216 по 1237 г. (см. примеч. 9).

[13] *Сэмунд Мудрый* – Сэмунд Мудрый сын Сигфуса (1056–1133), исландский писатель и священник, автор утраченной истории норвежских правителей, за свою ученость считался чернокнижником.

[14] *Тордис дочь Халля...* – Вторую дочь Халля с Побережья звали Торгерд.

[15] *...Гудню, матери сыновей Стурлы.* – Гудню была замужем за Стурлой из Лощины, сыном Торда (Hvamm-Sturla), их сыновьями были Снорри Стурлусон (1178/1179 – 23 сентября 1241), автор «Круга Земного» и «Младшей Эдды», а также Сигхват и Торд.

[16] *...в дни правления Хакона ярла.* – См. примеч. 1 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».

[17] *...у Устья Кислого Ручья...* – местность в юго-западной части Исландии.

[18] *...в Капище в Лебяжьем Фьорде...* – Капище (Hof) – название хутора Халля, расположенного в местности на востоке Исландии, прилегающей к Южному Лебяжьему Фьорду (Alptafjörðr syðri). Ранее этот хутор упоминался в «Пряди о Торстейне Бычья Нога» (см. примеч. 17 к этой пряди).

[19] *Медведицын Фьорд* (Berufjörðr) – фьорд, расположенный к северу от Лебяжьего Фьорда.

[20] *В первые зимние дни было устроено угощение.* – См. примеч. 12 к «Пряди об Асбьёрне Тюленебойце».

[21] *Дисы* (dísir, мн. ч.) – в скандинавской мифологии женские существа, духи-хранители или духи-двойники людей (то же, что fylgjur – букв.: сопроводительницы, – здесь оба эти наименования употребляются как синонимы). По-видимому, дисы также имели отношение к культу плодородия: судя по их названию – dísablót «жертвоприношение дисам», именно этим духам посвящали осенние пиры, которые устраивались в первые зимние дни (см. примеч. 20). Об одном из таких пиров и идет речь в пряди. Указывалось (см.: *Strömbäck D.* Tidrande och diserna; *Turville-Petre G.* Myth and Religion of the North. P. 222 f.), что в рассказе о Тидранди в изображении темных и светлых всадниц просматривается аллюзия на посланцев ада и рая, ангелов тьмы и ангелов света, сражающихся в момент смерти человека за его душу, причем описание добрых дис весьма напоминает небесные воинства в белых одеждах и на белых конях (Откр 19:14).

[22] *...перенес свой двор к Купальной Реке.* – Местность в тех же краях. Как сказано в «Саге о Ньяле» (гл. 100), ко времени приезда в Исландию Тангбранда Халль жил у Купальной Реки, в Лебяжьем Фьорде.

[23] *...случились события, о которых надо теперь рассказать.* – Далее в «Большой саге об Олаве Трюггвасоне» (и в ее редакции в «Книге с Плоского Острова») рассказывается о прибытии Тангбранда (997 г.), который стал проповедовать исландцам христианство.

ПРЯДЬ О СВАДИ И АРНОРЕ СТАРУХИН НОС

Рассказ о Свади и Арноре Старухин Нос («Svaða þáttr ok Arnórs kerlingarnefs») приводится уже в первоначальной редакции «Большой саги об Олаве Трюггвасоне» (*ÓT* II, 177–184: гл. 225–226). В некоторых рукописях саги он имеет название: «Æfintyr» – «История» (AM 54 fol.), «Fra Þoruardi kristna» – «О Торварде Крещеном» («Bergsbók»). В «Книге с Плоского Острова» (*Flat.* I, 435) прядь озаглавлена «Þattr Suada ok Arnors kellingarnefs» – «Прядь о Свади и Арноре Старухин Нос».

Прядь помещена в ту часть жизнеописания Олава Трюггвасона, в которой рассказывается о христианизации Исландии. Двухчастная структура рассказа служит противопоставлению двух могущественных исландцев: злобного и жестокосердого язычника Свади и милосердного «стихийного монотеиста» Арнора, готового принять христианскую веру еще до того, как ему начали ее проповедовать.

В настоящем собрании приводится перевод пряди в редакции «Книги с Плоского Острова» (*Flat.* I, 435–439). Перевод выполнен по изд.: Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2249–2253. (Svart á hvítu). На русском языке прядь публикуется впервые.

[1] *...после отъезда Фридрека епископа и Торвальда сына Кодрана...* – См. о них в «Пряди о Торвальде Путешественнике». Считается, что эти миссионеры находились в Исландии с 981 по 986 г.

[2] *...человек, могущественный и очень злобный, звали его Свади.* – Этот Свади больше нигде не упоминается.

[3] *...Торвард Крещеный, сын Мудрого Бёдвара...* – О Торварде сыне Мудрого Бёдвара с хутора Горный Кряж см. в «Пряди о Торвальде Путешественнике». В начале «Саги о крещении» имя Торварда (как и имя героя второй части пряди, Арнора Старухин Нос) появляется в перечне наиболее видных исландских предводителей (*Hb*, 126).

[4] *Как рассказывают многие, Торварда сына Мудрого Бёдвара крестил Фридрек епископ...* – Об этом говорится в «Пряди о Торвальде Путешественнике».

[5] *...монах Гуннлауг...* – См. о нем примеч. 21 к «Пряди о Торвальде Путешественнике».

[6] *...для церкви, которую он велел соорудить на своем дворе.* – Считается, что церковь в Горном Кряже была воздвигнута в 984 г. (см. о ней в «Пряди о Торвальде Путешественнике»).

[7] Эта же генеалогия приводится в «Книге о заселении страны» (*Land.*, 236–237), предполагается, что автор пряди почерпнул ее из этого источника. *Херсир* – см. примеч. 4 к «Пряди о Сигурде Слюне». *Эйрик конунг из Уппсалы* – об уппсальском конунге Эйрике сыне Энунда см. примеч. 99 к «Пряди о Норна-Гесте». *Хелена, дочь Бурицлава конунга с востока из Гардов* – в «Книге о заселении страны» она названа Elína. Об упомянутых в этой генеалогии «русских» предках Торварда (Гарды – Древняя Русь) ничего не известно, не исключено, что конунг Бурицлав из Гардов был смешан с его жившим в XI в. тезкой, о котором рассказывается в «Пряди об Эймунде сыне Хринга».

[8] *...из-за недорода и великого голода избавляться от бедняков и стариков и не оказывать им помощи...* – О помощи беднякам см. примеч. 35 к «Пряди о Халли Челноке».

[9] *Арнор Старухин Нос* – родовитый исландский предводитель, упоминается в ряде саг, в том числе в «Саге о Глуме Убийце», «Саге о людях из Долины Дымов», «Саге о людях со Светлого Озера», «Саге о крещении». Причина, по которой Арнор получил свое прозвище, не установлена (высказывалось предположение, что он был похож на свою старуху-мать; см.: *Lind E.H.* Nordiska personnamn // Arkiv för nordisk filologi. Bd. 36. 1920. S. 307 f.).

[10] *...на Склоне Устья.* – Местность на восточной стороне Полуостровного Фьорда на севере Исландии.

[11] *...дочь Рэва с Откоса...* – В «Книге о заселении страны» сказано, что мать Арнора звали Турид.

[12] *После того как Арнор произнес это, поднялся Торвард сын Мудрого Бёдвара и сказал так...* – В тексте пряди в более ранней редакции «Саги об Олаве Трюггвасоне» (*ÓT* II, 183) речь Торварда, в которой единственный раз на протяжении всего повествования упоминается «Олав конунг» (т.е. Олав Трюггвасон), отсутствует. Судя по всему, она была добавлена составителем «Книги с Плоского Острова». Упоминание Олава Трюггвасона на сходке исландских бондов и в данном контексте, очевидно, призвано, с одной стороны, подчеркнуть его роль в обращении исландцев, считавших его «крестителем» их страны, а с другой – теснее связать рассказ, действие которого не имеет никакого отношения к жизнеописанию этого конунга, с сагой о нем.

[13] *...через несколько лет во всей Исландии было введено христианство.* – Это произошло в 1000 г.

[14] *Арнор Старухин Нос был сыном Бьёрна, сына Торда с Мыса.* – О Торде с Мыса см. примеч. 5 к «Пряди о Торвальде Путешественнике».

[15] *...и Торгерд, дочери Кьярваля, ирландского конунга.* – В «Книге о заселении страны» (*Land.*, 240) и в «Саге о Ньяле» (гл. 113), где также приводится эта генеалогия, сказано, что жену Торда с Мыса звали Фридгерд; в этом источнике неоднократно упоминаются потомки Кьярваля, ирландского конунга (см. примеч. 19 к «Сну Торстейна сына Халля с Побережья»).

[16] *...сына Бьёрна Железный Бок, который был сыном Рагнара Кожаные Штаны.* – См. о них примеч. 93 к «Пряди о Норна-Гесте».

ПРЯДЬ О ТОРХАЛЛЕ ШИШКЕ

Рассказ о Торхалле Шишке («Þórhalls þáttr knapps») присутствует уже в первоначальной редакции «Большой саги об Олаве Трюггвасоне» (*ÓT* II, 184–187: гл. 227) и позднее был включен в составе этой саги в «Книгу с Плоского Острова» (*Flat.* I, 439–441: гл. 347–348). В обеих редакциях «королевской саги» рассказ о Торхалле следует сразу же за «Прядью о Свади и Арноре Старухин Нос». Ни в одной из рукописей рассказ не назван прядью, однако, в отличие от ранней редакции саги об Олаве, в «Книге с Плоского Острова» ему предпослано заглавие: «Olafr konungr vitradiz Þorhalli a Knappstodum» – «Олав конунг является Торхаллю со Двора Шишки».

Описанные в пряди события происходят незадолго до того, как в Исландии было принято христианство (1000 г.). История принадлежит к одной из разновидностей «прядей о крещении».

В настоящем собрании приводится перевод пряди в редакции «Большой саги об Олаве Трюггвасоне» (*ÓT* II, 184–187). Перевод выполнен по изд.: Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2265–2267. (Svart á hvítu). На русском языке прядь публикуется впервые.

[1] *...на Дворе Шишки в Потоках...* – Название Двор Шишки (Knappsstaðir) происходит от имени первопоселенца Торда сына Бьёрна по прозвищу Шишка (knappr), прибывшего в Исландию из Согна, области на западе Норвегии (см.: *Land.*, 243), и занявшего землю в северной Исландии, в Потоках (Fljótir) – местности на восточной стороне Полуостровного Фьорда.

[2] *...скачет на белом коне муж с сияющим ликом в наряде под стать конунгу...* – Как следует из заглавия рассказа в «Книге с Плоского Острова», составитель этой компиляции отождествляет приснившегося Торхаллю мужа с конунгом Олавом Трюггвасоном (см. выше; ср. также явление во сне мужа с сияющим ликом в «Пряди о Торарине сыне Невьольва»).

[3] *...капище, что стоит неподалеку от твоего двора и где жители округи имеют обыкновение ежегодно собираться на жертвенные пиры.* – См. примеч. 31 к «Пряди о Торвальде Путешественнике».

[4] *В то время неподалеку оттуда в соседнем дворе жила женщина по имени Торхильд.* – В тексте пряди в «Книге с Плоского Острова» этой фразе предпослан заголовок: «Þorhallr tok vid tru» – «Торхалль принял веру».

[5] *...на севере, на Мачтовом Мысу.* – Это местность в Мачтовом Фьорде, лежащая к северу от Потоков.

[6] *...с людьми, которые проповедовали христианство, о чем будет вскоре рассказано.* – Далее в «Большой саге об Олаве Трюггвасоне» рассказывается о миссии, возложенной конунгом Олавом на исландцев, Гицура Белого и Хьяльти, которые ради спасения своих соотечественников, взятых в заложники в Норвегии, согласились проповедовать христианство в Исландии (см. об этом примеч. 57 к «Пряди о Торвальде Путешественнике» и «Сагу о Ньяле», гл. 104).

[7] *...церкви, которую посвятил ему и которая первой была воздвигнута в Потоках...* – Основанная Торхаллем церковь и по сей день стоит на Дворе Шишки.

ПРЯДЬ ОБ ЭЙНДРИДИ ШИРОКОСТОПОМ

«Прядь об Эйндриди Широкостопом» («Eindriða þáttr ilbreiðs») сохранилась исключительно в составе жизнеописаний Олава Трюггвасона и известна в двух весьма незначительно различающихся версиях. Первая включена в созданную в начале XIV в. «Большую сагу об Олаве Трюггвасоне» (*ÓT* II, 214–228), вторая – в младшую редакцию этой же саги, входящую в составленное в последней четверти XIV в. собрание саг о норвежских королях «Книга с Плоского Острова» (*Flat.* I, 456–464). Эта вторая редакция пряди переведена для настоящей публикации. В обеих редакциях саги рассказ приводится непосредственно вслед за описанием внешности и физических достоинств Олава Трюггвасона, а также боевых искусств, которыми владел этот конунг.

Присутствие «Пряди об Эйндриди» в *ÓT* свидетельствует о том, что она была сочинена не позднее начала XIV в. Непосредственным образцом для нее послужил рассказ о норвежском лучнике и лыжнике Хеминге Аслакссоне, также входящий в «Книгу с Плоского Острова» (см. «Прядь о Хеминге сыне Аслака» в наст. изд.), который пользовался большой популярностью в Скандинавии как в Средние века, так и в Новое время. Последний, в свою очередь, имеет глубокие корни в древнегерманской традиции и восходит к легенде о метком стрелке Эгиле, брате мифического кузнеца Вёлунда (др.-англ. Веланд), бытовавшей как в Скандинавии так и в Англии, где она легла в основу баллад о знаменитом лучнике Робине Гуде. Древнескандинавский извод той же легенды, помимо двух прядей, прежде всего сохранившийся в эпизодах норвежской «Саги о Тидрике Бернском» (конец XII или середина XIII в.) – остготском короле Теодорике Великом и «Деяний датчан» Саксона Грамматика (начало XIII в.), был позднее занесен датчанами или шведами в лесные кантоны Швейцарии, где, слившись с местными преданиями, дал начало сложившейся к середине XV столетия легенде о народном герое Вильгельме Телле, чья история, известная как из драматических произведений («Tell-Spiel», 1512–1513), так и из хроник – «Белой Книги» (1470–1472), Мельхиора Русса (1490-е), Эттерлина (1507), «Chronicon Helveticum» Эгидиуса Тшуди (1550-е), – была впоследствии использована и прославлена Шиллером.

«Прядь об Эйндриди Широкостопом» – единственное произведение, в котором древнегерманское сказание о метком стрелке, чьей непременной темой всегда был

конфликт между государем и дружинником, а одним из центральных мотивов – неизменно повторяющийся во всех ныне известных вариантах легенды опасный выстрел по живой мишени, последовательно преобразуется в историю об обращении убежденного безбожника норвежским конунгом-миссионером, в результате одержанного им с Божьей помощью верха в серии состязаний добивающегося перехода Эйндриди в «новый обычай». Таким образом, этот рассказ принадлежит к распространенному среди историй, вставленных в «Большую сагу об Олаве Трюггвасоне», типу «прядей о крещении».

Перевод выполнен по изд.: Fornar smásögur úr noregskonunga sögum / E. Gardiner gaf út. Reykjavík, 1949. Bls. 89–101. Ранее этот перевод был опубликован в кн.: Одиссей. Человек в истории. 2004. М., 2004. С. 422–450 (см. там же вступ. ст.: *Гуревич Е.А.* Скандинавский Вильгельм Телль).

[1] *...Ульв, конунгов знаменосец...* – В другой редакции пряди (в составе *ÓT*) у Ульва имеется прозвище – Рыжий. См. о нем также в «Пряди о Норна-Гесте».

[2] *...во фьорде...* – Трандхеймсфьорд, на берегу которого расположен Нидарос.

[3] В версии пряди в *ÓT* не упомянут ни один из родичей Эйндриди, однако это же сообщение о родстве Асбьёрна с могущественными хозяевами Гимсара содержится в «Пряди о Торстейне Бычья Нога», также включенной в «Книгу с Плоского Острова» (см. примеч. 29 к этой пряди).

[4] *Довольно, если вместе нас будет не больше двух дюжин.* – О посланцах конунга, отправляющихся выполнять возложенные на них трудные поручения в сопровождении 11 спутников («сам двенадцатый») или во главе отряда из удвоенного числа воинов (24), неоднократно упоминается в различных историях (см., например, «Прядь о Торвальде Тасальди», «Прядь о Тородде сыне Снорри»).

[5] *...каковы обычаи Эйндриди и часто ли тот совершает жертвоприношения.* – Конунг пытается выяснить, не был ли Эйндриди закоренелым язычником, рьяным идолопоклонником – тем, кого обычно называли blótmaðr mikill («великий жертвователь»). Последние, как правило, содержали в своих владениях собственное капище.

[6] *...на нем было алое одеяние ⟨...⟩ лоб обхватывал золотой шнурок...* – Описание облика и одеяния Эйндриди, свидетельствующее о его благородном происхождении и богатстве, почти буквально совпадает с тем, как изображается Хеминг при его первом появлении перед посланцами его отца Аслака (см. «Прядь о Хеминге сыне Аслака»).

[7] *...не стану верить в чурбаны или камни...* – Сообщая о своем неверии в языческих богов, Эйндриди прибегает к неоднократно используемой в сагах о святых стереотипной формуле stocka eðr steina – «бревна или камни» (ср. соответствующую аллитерационную пару в древнеанглийских текстах: stoccum and stānum), которая восходит к библейскому ligna et lapides (напр.: «И это было соблазном для людей, потому что они, покорясь или несчастью, или тиранству, несообщимое Имя прилагали *к камням и деревам*» (курсив наш. – *Е.Г.*), Прем 14:21). При этом и все рассуждение героя пряди о причинах недоверия к идолам, по его наблюдениям уступающим ему и в красоте, и в силе, явно проникнуты библейскими аллюзиями (ср. и далее из «Книги Премудрости Соломона»: «Будучи смертным, он делает нечестивыми руками мертвое; поэтому он превосходнее божеств своих, ибо он жил, а те никогда», 15:17).

Упоминание о «дьяволах» (fjandr), вкладываемое исландскими авторами XIII–XIV вв. в уста стихийных «атеистов» эпохи христианизации или предшествующих столетий, также не редкость в сагах или «прядях о крещении»: так, в уже упоминавшейся «Пряди о Торвальде Тасальди» «благородный безбожник» Бард сообщает посланцу Олава Трюггвасона, что он «не верит в вырезанных богов или дьяволов (skurð goð eðr fiandr)». (Подробнее о христианском топосе отказа от поклонения «бревну и камню» в древнеисландской литературе см.: *Weber G.W.* Irreligiosität und Heldenzeitalter. Zum Mythencharakter der altisländischen Literatur // Specvlvm norroenvm. Norse Studies in Memory of Gabriel Turville-Petre / Ed. U. Dronke et al. Odense, 1981. S. 488 f.)

[8] *...не пожелал верить в богов, как меня наставляли мой отец и прочие родичи, которые мне о них рассказывали...* – Автор рассказа намечает таким образом один из традиционных мотивов «прядей о крещении», не получающий, однако, дальнейшего развития в этой истории, – конфликт отцов и детей на религиозной почве: в то время как старшие сородичи непременно изображаются поборниками веры своих предков, их сыновья либо представляются убежденными безбожниками, верящими исключительно «в свою силу и мощь», либо с готовностью переходят в христианство.

[9] *...он в то время был в походе со своими людьми...* – В обычае молодых людей, особенно из родовитых семейств, было отправляться на лето в морские воинские, а часто одновременно и торговые экспедиции, в которых они стремились добыть себе богатство и славу (их наименование – víking, впоследствии дало название участникам подобных походов – «викинги»).

[10] *...малолетние мальчишки забавляются плаваньем.* – Упоминания о детских играх, вне всякого сомнения, были подсказаны автору рассказа «Прядью о Хеминге», где один из королевских дружинников, Николас сын Торберга (именно от него конунг впервые узнает о скрываемом ото всех старшем сыне Аслака), вспоминает, как он мальчиком состязался с Хемингом и тот неизменно одерживал над ним верх. Сходство с этим рассказом проявляется и в том, что подобно Хемингу, отвечая на расспросы конунга о его «сноровках», Эйндриди выказывает чрезмерную скромность, преуменьшая свои способности, однако, тогда как в «Пряди о Хеминге» предваряющей состязания героев беседе отводится не много места, в истории об Эйндриди она значительно распространена.

[11] *...нелегко мне проплыть между рифом и буруном* – «...vant uerðr mer at sigla milli skers ok báru» – очевидно, переиначенная при переводе латинская поговорка «проплыть между Сциллой и Харибдой» – одно из прямых заимствований из «Пряди о Хеминге» (ср.: «Þat verðr mjer þungt at sigla milli skers og báru», *HÞÁ*, 182).

[12] *Я выставлю против тебя кого-нибудь из моих людей, чтобы вы с ним вступили в состязание...* – Поскольку Олав сразу же отказывается от своего намерения и самолично принимает участие в соревновании, есть все основания считать это заявление рудиментом «Пряди о Хеминге», послужившей образцом для данного рассказа: в истории о Хеминге конунг вступает в состязание в плавании лишь после того, как главный герой побеждает в этом искусстве выставленного против него дружинника.

[13] *После этого они пошли на берег...* – В отличие от «Пряди о Хеминге», где состязания героев начинаются со стрельбы из лука (т.е. центрального эпизода лежащей в ее основе легенды о метком стрелке), автор «Пряди об Эйндриди» передвигает на первое место соревнование в плавании.

[14] *Никто не ведал, что сталось с Эйндриди, и ни один человек не осмеливался спросить об этом конунга.* – В аналогичном эпизоде «Пряди о Хеминге» конунг (Харальд Суровый, см. о нем примеч. 3 к «Первой пряди о Халльдоре сыне Снорри») всплывает на поверхность только с наступлением темноты, а ничем не мотивированная в нашей истории боязнь окружающих задать государю вопрос об участи его противника объясняется в ней тем, что конунг по окончании состязания пребывал в сильном гневе, каковой у него неизменно вызывал каждый новый успех его оппонента. Оплакиваемый отцом Хеминг неожиданно входит в дом, когда все уже отчаялись увидеть его живым и Харальд успел усесться за вечернюю трапезу, причем герой кладет на колени конунгу ранее висевший у того на шее нож, которым он завладел во время их единоборства в морской пучине, – свидетельство его победы над норвежским правителем.

[15] *...восседал на спине большущего тюленя.* – В «Пряди о Хеминге» этот мотив отсутствует, и тем не менее автор рассказа об Эйндриди, по всей видимости, позаимствовал его из одной из устных версий все той же легенды. От начала XVIII в. сохранились сведения о некогда бытовавшей и ныне утраченной норвежской балладе (Torfæus. Historia rerum Norvegicarum. Copenhagen, 1711. Bd. III. S. 371), в которой и главный персонаж и его противник-конунг во время состязания в плавании меняли свой облик (конунг превращался в кита, а Хеминг – в рыбу). Подобного рода превращения участников морских сражений и поединков обычны в «сагах о древних временах», в которых встречается и немало других элементов сказочной фантастики, однако им заведомо не могло найтись места в претендовавшей на историчность «королевской саге», вследствие чего этот гротескный мотив по необходимости должен был подвергнуться рационализации: герой в облике морского зверя трансформировался в героя, оседлавшего морского зверя.

[16] *...до того обессилел, что не мог больше справляться сам, и тогда конунг, увидев это, подплыл к нему и помог ему выбраться на берег.* – В истории о Хеминге выбивается из сил и доставляется соперником на берег вовсе не центральный персонаж пряди, но его противник, Николас сын Торберга (единственный из королевских дружинников, решившийся соревноваться с Хемингом), и только, после того как он выходит из игры, в состязание вступает сам конунг. Автор «Пряди об Эйндриди» меняет местами действующих лиц и передвигает первую сцену эпизода состязания в плавании в его финал, преследуя очевидную цель: лишить героя рассказа победы.

[17] *...обе стрелы стояли теперь в мишени одна в другой.* – Изображая предваряющие выстрел по живой мишени состязания героев в стрельбе из лука, автор пряди элиминирует целый ряд этапов соревнования, описанных в «Пряди о Хеминге» (стрельбу по рукояти ножа, метание копья и др.), сохраняя лишь тот эпизод, где посланная Эйндриди стрела вонзается в стрелу, выпущенную конунгом. Вполне возможно, однако, что в данном случае (как и в эпизоде с появлением Эйндриди верхом на тюлене), помимо книжной версии легенды о Хеминге, рассказчик использовал и известные ему устные сказания о том же герое: в «Пряди о Хеминге» противники стреляют не по плоской мишени, но целятся в древко воткнутого в землю копья. В результате ближайшую аналогию к описанию состязания Олава и Эйндриди мы находим не в скандинавских источниках, но в «Айвенго» (гл. 13), где вольный стрелок Локсли аналогичным образом демонстрирует свое превосходство над лесничим

Хубертом. Разительное сходство сцены из древнеисландской пряди с соответствующей сценой романа Вальтера Скотта едва ли объясняется простой случайностью, поскольку в основу обеих были положены одни и те же мотивы древней легенды о метком стрелке. Тогда как английский романист почерпнул их из баллад о Робине Гуде, опередивший его без малого на 600 лет скандинавский сочинитель рассказа об Эйндриди воспользовался сказаниями о Хеминге сыне Аслака, однако и в том и в другом случае эти мотивы в конечном счете должны были восходить к общегерманской традиции о лучнике Эгиле, брате мифического кузнеца Вёлунда (см. эддическую «Песнь о Вёлунде», а также упомянутую выше статью: *Гуревич Е.А.* Скандинавский Вильгельм Телль). Что же касается этого последнего, то в единственном сохранившемся рассказе о нем в норвежской «Саге о Тидреке Бернском» излагается лишь центральный эпизод легенды, но тем не менее упоминаются и некие предварительные испытания: говорится, что конунг Нидунг, прежде чем приказать Эгилю выстрелить в яблоко, лежащее на голове его трехлетнего сына, заставлял его всячески демонстрировать свое искусство.

[18] *Конунг приказал принести шахматную фигуру и поставить ее мальчику на голову.* – По всей видимости, имеется в виду фигура hneftafl, использовавшаяся в игре в так называемые тавлеи, напоминающей игру в шахматы (наряду с описаниями этой игры в сагах – в ней также участвовали два игрока, один из которых наступал белыми, а другой оборонялся красными фигурами, – до нас дошли и относящиеся к XII в. резные шахматы, найденные на одном из островов Гебридского архипелага). Поскольку здесь, как и в истории о Хеминге, состязание в стрельбе из лука происходит в лесу, все без исключения исследователи пряди отмечают неуместность замены фигурировавшего в этом рассказе ореха на тавлею. Действительно, в «Пряди о Хеминге» сцена, в которой герой под угрозой смерти вынужден подвергнуть опасности жизнь своего родича, получает более естественную мотивацию: конунг в ходе соревнования срезает стрелой тонкую веточку, а Хеминг, проявляя еще большее искусство, в ответ пронзает стрелой висящий на дереве орех, после чего разгневанный король велит ему сбить стрелой другой орех, положенный на голову его брата Бьёрна, в случае промаха угрожая Хемингу расправой. Таким образом, выбор места действия и характер предшествующих состязаний между Хемингом и Харальдом Суровым влекут за собой замену первоначальной мишени (яблока), сохраняющейся во всех прочих вариантах легенды о метком стрелке (в том числе в «Саге о Тидреке Бернском»; в рассказе о Токо, приближенном короля Харальда Синезубого, в кн. X «Деяний датчан» Саксона Грамматика и в восходящей к датскому рассказу позднейшей легенде о Вильгельме Телле), на более подходящий «лесной плод». Еще одна замена – сына на младшего брата (в «Пряди об Эйндриди» он превращается в малолетнего любимого племянника героя), очевидно, обусловлена молодостью главных персонажей обеих историй.

[19] *...я отомщу, если мальчику будет нанесено увечье.* – Мотив замышляемой стрелком мести правителю в случае ранения или гибели мальчика присутствует во всех вариантах легенды (кроме английской баллады об Уильяме Клаудесли, объявленном вне закона вольном стрелке, предтече знаменитого Робина Гуда, – «Adam Bell, Clim of the Clough and William of Cloudesly», самая ранняя ее запись относится к 1536 г., где предложение пронзить стрелой яблоко на голове сына исходит не от ко-

роля, а от самого отца), но только в «Пряди об Эйндриди» герой заранее предупреждает своего противника о возможной расплате. Хотя стрелку неизменно разрешается сделать всего один выстрел, и Эгиль в «Саге о Тидреке», и Токо в рассказе Саксона вынимают из колчана по три стрелы и после успешно выдержанного испытания смело объявляют королю, что, промахнись он, «лишние» стрелы предназначались бы ему. Знаменательно, что ни у одного из правителей в ранних версиях легенды подобная откровенность не вызывает гнева, даже напротив: конунг Нидунг остается доволен ответом Эгиля. Впервые репрессиям за аналогичное признание подвергаются Вильгельм Телль и гольштинский стрелок Хеннинг Вульф, предание о котором было записано лишь в конце XVIII в. (в имени этого героя явно просматривается его норвежский легендарный прототип – Хеминг, реальный же его прототип в 70-е годы XV в. поднял восстание против датского короля Кристиана I; по сообщению Якоба Гримма, в церкви в Вевельсфлете в Гольштейне, где находится фамильный склеп рода Вульфов, сохранилось изображение рыцаря, пронзающего стрелой яблоко на голове маленького мальчика, другую стрелу рыцарь держит во рту). В обоих случаях бесстрашное заявление стрелка дает толчок дальнейшим событиям: в конечном счете именно оно влечет за собой месть Телля ландфохту Геслеру, оно же приводит к изгнанию и гибели второго героя (тогда как в более ранних вариантах легенды – историях Токо и Хеминга, каждый из которых впоследствии также сводит счеты с жестоким правителем, месть вообще не связана с эпизодом стрельбы из лука). В отличие от этих историй, в «Пряди о Хеминге» упоминание о лишних стрелах отсутствует, однако есть все основания усматривать рефлексы этого мотива в обращенной к конунгу просьбе Хеминга встать рядом с его братом, чтобы самому проследить за тем, попал ли он в цель, а также в благоразумном отказе Харальда Сурового удовлетворить это желание стрелка. Однако имеются и прямые свидетельства того, что мотив готовящейся мести изначально присутствовал и в легенде о Хеминге, – фарерская и норвежская баллады, где наличествуют все три традиционные слагаемые этого мотива: припасенная на случай промаха стрела, вопрос конунга о ее назначении и ответное заявление героя о готовности на месте сразить своего обидчика.

[20] *...чтобы мальчик не смог шевельнуть головой, когда услышит, как свистит стрела.* – Принимаемые меры предосторожности – еще один традиционный мотив легенды о метком стрелке – описываются в «Пряди об Эйндриди» более обстоятельно, чем в других ее вариантах, видимо потому, что королю действительно не безразлична судьба ребенка, и, кроме того, только здесь он намерен сам рискнуть, сделав первый выстрел (тогда как в прочих версиях использование мальчика в качестве мишени – вообще не элемент состязания, но испытание или – как в случаях Телля и Хеннинга Вульфа – наказание, от которого герой может уклониться лишь ценой собственной жизни). В легенде о Телле мальчик отказывается от того, чтобы ему завязали глаза и привязали к дереву, заверяя, что не испугается стрелы отца. Хеминг, перед тем как выстрелить, всего лишь спрашивает брата, сможет ли тот стоять не шевелясь, и, получив утвердительный ответ, выпускает стрелу в орех. В «Деяниях датчан» Токо просит сына со всем возможным спокойствием воспринять свист летящей стрелы и отворачивает его голову, дабы его не испугал ее вид. То же самое делает и Уильям Клаудесли. Если предположение Хойслера имеет под собой почву и подвиги этого героя английской баллады были унаследованы им от его древнейшего прототипа –

Эгиля, сказание о последнем также должно было включать в себя этот мотив, однако в единственном известном эпизоде с его участием (в «Саге о Тидреке») вообще ничего не говорится о приготовлениях к выстрелу.

[21] *Он перекрестился и перед тем, как выпустить стрелу, осенил крестным знаменьем ее наконечник.* – Совершение всех этих действий святым королем, несомненно, должно было служить залогом того, что мальчик останется невредим. Вероятно, поэтому полученная им тем не менее царапина не воспринимается Эйндриди как увечье, и этот совершенно новый в контексте легенды о метком стрелке мотив (во всех прочих ее вариантах дело обходится без кровопролития) вводится автором пряди единственно для того, чтобы победа в состязании не досталась ни одному из его участников. О приготовлениях к выстрелу сообщается и в «Пряди о Хеминге», где говорится, что перед тем, как выпустить стрелу, герой осеняет себя крестом. В «Саге о Тидреке» Эгиль предварительно проверяет наконечники всех трех вынутых им стрел.

[22] *...с не меньшим проворством, чем на земле, играя тремя кинжалами.* – По всей видимости, в предшествующей сцене, где описывается, как конунг и Эйндриди состязаются на суше, – пропуск: в ней упоминается только о двух кинжалах. Согласно редакции пряди в «Большой саге об Олаве Трюггвасоне» (*ÓT*), первоначально каждому из игроков приносят по два кинжала, но затем говорится, что после того, как они одинаково успешно жонглируют ими некоторое время, им дают по три кинжала; когда же и этот этап не заканчивается победой ни одного из соревнующихся, они отправляются на корабль. Состязание, таким образом, проходит здесь в четыре «тура». О том, что конунг Олав обладал особой сноровкой в этом виде состязаний, упоминает и Снорри Стурлусон в посвященной ему саге в «Круге Земном»: «Олав конунг ходил по веслам за бортом корабля, в то время как его люди гребли на Змее (королевский корабль Великий Змей. – *Е.Г.*), и он играл тремя ножами так, что один был все время в воздухе, а рукоять другого – в его руке» («Сага об Олаве сыне Трюггви», гл. 85: *КЗ*, 150). В обеих редакциях «Большой саги об Олаве Трюггвасоне» это сообщение следует непосредственно после «Пряди об Эйндриди» и подкреплено поэтическим свидетельством – висой Халлар-Стейна (в *Flat.* I, 464, ее автором назван другой скальд – Маркус).

[23] *...божьи ангелы не перенесут меня по воздуху, как вас.* – В более ранней редакции пряди в «Большой саге об Олаве Трюггвасоне» (*ÓT*) эта фраза отсутствует.

[24] *Все считали Эйндриди достойнейшим человеком.* – В более ранней версии (в *ÓT*) рассказ имеет иную концовку. Вслед за сообщением о том, что герой поехал вместе с конунгом в Нидарос, сказано: «и некоторые люди говорят, что он был вместе с Олавом конунгом на Змее и пал там» (*ÓT* II, 228).

ПЕРВАЯ ПРЯДЬ О ХАЛЛЬДОРЕ СЫНЕ СНОРРИ

«Первая прядь о Халльдоре сыне Снорри» («Halldórs þáttr Snorrasonar hinn fyrri») включена в редакцию AM 62 fol. «Большой саги об Олаве Трюггвасоне», а также приводится в «Книге с Плоского Острова», где она встречается дважды: в составе «Большой саги об Олаве Трюггвасоне» (*Flat.* I, 506–511: гл. 398–399) и в младшей части

компиляции (XV в.), в качестве приложения к «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом» (*Flat.* III, 428–431). В первом случае ее включение в сагу мотивирует «обрамленное повествование», одним из главных действующих лиц которого является Олав Трюггвасон. Прядь следует за подробным отчетом о битве при Свёльде и рассказами о чудесном спасении конунга Олава (гл. 394–396: в них говорится о встрече одного норвежца в монастыре в Сирии с неким мужем, в котором он узнает пропавшего конунга, и, в частности, рассказывается о том, что именно Эйнару Брюхотрясу этим мужем были посланы в качестве свидетельства его спасения принадлежавшие Олаву Трюггвасону нож и ремень). Здесь у пряди нет общего названия, однако двум ее частям предпосланы заголовки: «Einarr hialpadi Halldori. capitulum» – «Эйнар помог Халльдору. Глава» и «Saga Einars» – «Рассказ Эйнара». Во втором случае прядь приведена в связи с тем, что героем обрамляющего повествования является ближайший соратник конунга Харальда Сурового, Халльдор сын Снорри, и действие этого обрамляющего рассказа происходит на полвека позднее и приходится на время правления этого государя (точнее на период между 1046 г., когда Халльдор прибыл в Норвегию к Харальду Суровому, и 1047 или 1048 гг., когда он в первый раз на год уехал в Исландию; герой обрамленного рассказа, Эйнар Брюхотряс, был убит зимой 1049–1050 гг.).

Христианское содержание обрамленного повествования, а также некоторые лексические особенности рассказа в целом (в частности, то обстоятельство, что упоминаемый в ней ярл Хакон назван «Злым», а не «Могучим») могут, по мнению его издателя, Эйнара Олавура Свейнссона, указывать на то, что автор «Первой пряди о Халльдоре» был духовным лицом (*ÍF* V. Bls. LXXXIII). По всей видимости, рассказ о посмертной встрече Олава Трюггвасона с поначалу не узнавшими его соратниками и проделанном ими совместно пути имел своим образцом евангельскую историю о встрече учеников с Иисусом на пути в Эммаус (ср.: Лк 24:13–35; ср. также Ин 21; о библейских аллюзиях в пряди, а также ее подробный разбор см. в статье: *Harris J.* Christian Form and Christian Meaning in «Halldórs þáttr I» // The Learned and the Lewd: Studies in Chaucer and Medieval Literature / Ed. L.D. Benson. 1974. P. 249–264. (Harvard English Studies; Vol. 5)). Считается, что прядь была создана не ранее XIV в. и от начала до конца является вымышленной историей.

На русский язык прядь переводится впервые. Перевод сделан по изд.: Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2144–2149. (Svart á hvítu).

[1] *Халльдор, сын исландского годи Снорри...* – Халльдор был ближайшим приспешником конунга Харальда Сурового (см. след. примеч.), и о нем рассказывается во всех жизнеописаниях этого норвежского правителя (см. также «Вторую прядь о Халльдоре сыне Снорри»). Об отце Халльдора, могущественном исландце Снорри Годи, см. примеч. 1 к «Пряди о Тородде сыне Снорри». Годи – см. примеч. 11 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога».

[2] *...с Харальдом конунгом сыном Сигурда, пока тот находился за пределами страны...* – После гибели его брата, Олава Харальдссона (Святого), в битве при Стикластадире (1030 г.) Харальд сын Сигурда бежал из страны и направился сперва в Гардарики (на Русь) к конунгу Ярицлейву (Ярославу Мудрому), а затем в Византию,

где поступил в варяжскую дружину. Подробный рассказ об этом содержится как в «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом» в «Гнилой Коже», так и в жизнеописании Харальда в «Круге Земном».

[3] *...сделался правителем Норвегии...* – Возвратившись в Норвегию в 1046 г., Харальд сын Сигурда стал соправителем своего племянника, Магнуса Доброго (умер 25 октября 1047), и правил в стране вплоть до своей гибели в битве при Стэмфорд Бридж 25 сентября 1066 г. (см. об этом в «Пряди о Хеминге сыне Аслака», а также примеч. 3 к этой пряди).

[4] *...в Гимсар к Эйнару Брюхотрясу...* – Гимсар – родовая усадьба Эйнара в Трандхейме, неподалеку от Нидароса (Тронхейма). Эйнар Брюхотряс сын Эйндриди, сына Стюркара (ум. 1050) – могущественный норвежец, неизменный персонаж «королевских саг», повествующих о событиях первой половины XI в., а также целого ряда прядей (см. прежде всего «Прядь об Эйндриди и Эрлинге»).

[5] *...почетное сиденье напротив него.* – Т.е. почетное сиденье, предназначенное для гостей.

[6] *...она была дочерью ярла Хакона Злого из Хладира, сына Сигурда.* – Т.е. ярла Хакона Могучего (см. о нем примеч. 1 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде»).

[7] *...рассказывал ей множество историй, которые приключились во время их странствий с Харальдом конунгом за пределами страны.* – Считается, что Халльдор принес в Исландию рассказы о приключениях Харальда Сурового в Византии и на Востоке (см. «Прядь об исландце-сказителе»).

[8] *Салоед* (mörlandi) – пренебрежительное прозвище, традиционное оскорбление, которое используется в прядях всякий раз, когда их персонажи-норвежцы желают выразить исландцам свое презрение.

[9] *...брошен в темницу в Стране Греков и лежал там недвижимый и беспомощный на хвосте у змеи.* – Намек на историю, которая рассказывается в «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом» в «Гнилой Коже»: во время своего пребывания в Константинополе на службе у византийского императора (Страна Греков – Византия) будущий конунг Харальд, Халльдор сын Снорри и Ульв Окольничий были брошены безоружными в глубокое подземелье, где им предстояло принять смерть от огромной ядовитой змеи. Чтобы одолеть ее, было решено, что Халльдор нападет на ее голову, Ульв – на ее хвост, а Харальд – на ее туловище. В результате Харальду удалось убить змею с помощью святого Олава (см. примеч. 5 к «Пряди о Торстейне Любопытном»).

[10] *Лендрманн* – см. примеч. 47 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога».

[11] *...наказание за два проступка ⟨...⟩ другое за то, что ты не явился вместе со всеми к столу...* – См. об этом во «Второй пряди о Халльдоре сыне Снорри».

[12] *...убийство Эйндриди, моего сына...* – Об Эйндриди сыне Эйнара см. в «Пряди об Эйндриди и Эрлинге».

[13] *...Магнуса конунга сына Олава, моего родича...* – Эйнар был приемным отцом и воспитателем Магнуса Доброго, сына Олава Святого.

[14] *...с Олавом конунгом сыном Трюггви на Великом Змее.* – Т.е. в битве при Свёльде в Дании в 1000 г. О Великом Змее см. примеч. 18 к «Пряди о Сёрли».

[15] *...Кольбьёрн Упплёндец и еще один человек по имени Бьёрн, которого прозвали Бьёрн Струп.* – Согласно самому раннему перечню защитников Великого Змея

(в жизнеописании Олава Трюггвасона монаха Одда Сноррасона, см.: *ÓTOdd*, 230, 255), на корабле были воины, одного из которых звали Кольбьёрн Уппляндец (в «Круге Земном» и в «Большой саге об Олаве Трюггвасоне» он назван Кольбьёрном Окольничим, ср. *Flat.* I, 494), а другого – Бьёрн из Студлы. Оба они упомянуты среди тех, кто был спасен из воды и кому была дарована пощада. Как рассказывается в «Большой саге об Олаве Трюггвасоне» (гл. 262: *ÓT* II, 304), Эйнар возвратился после этого в Норвегию и примирился с противниками конунга Олава, датским конунгом Свейном и ярлом Эйриком сыном Хакона, на сестре которого он женился.

[16] *Со Змея спаслись девять человек...* – Согласно монаху Одду (*ÓTOdd,* 230), спаслись 8 воинов, в «Большой саге об Олаве Трюггвасоне» (*ÓT* II, 289; *Flat.* I, 494) сказано, однако, что спасшихся было семеро.

[17] *Свейн конунг* – датский конунг Свейн Вилобородый. См. примеч. 76 к «Пряди об Орме сыне Сторольва».

[18] *Йотланд* – Ютландия.

[19] *Двенадцать эйриров серебра* – 12 унций.

[20] *...марку серебра...* – Марка равнялась восьми эйрирам.

ПРЯДЬ ОБ ОРМЕ СЫНЕ СТОРОЛЬВА

«Прядь об Орме сыне Сторольва» («Orms þáttr Stórolfssonar») сохранилась в трех средневековых исландских рукописях. Наиболее ранняя из них – «Книга с Плоского Острова» («Flateyjarbók»), в которой рассказ об Орме включен в «Сагу об Олаве Трюггвасоне» (т.е. в первую часть компиляции, написанную в 1387–1388 гг. священником Йоном Тордарсоном) и помещен в заключительном разделе саги, повествующем о событиях, последовавших за гибелью этого конунга (*Flat.* I, 521–532). В «Flateyjarbók» рассказу предпослано заглавие: «Her er þaattr Orms Storolfssunar» («Это прядь об Орме сыне Сторольва»). Две другие рукописи – это созданная в середине XV в. GKS 2845 4to, и фрагмент AM 567 V 4to, восходящий к концу XV в. (в последнем уцелели лишь начальные главы рассказа). В отличие от «Книги с Плоского Острова», в рукописях XV в. прядь присутствует в качестве отдельного, не связанного с «королевской сагой» повествования. При этом все три рукописи содержат одну и ту же редакцию «Пряди об Орме»: обнаруженные в них разночтения весьма незначительны и в основном сводятся к ошибкам переписчиков. Помимо названных средневековых рукописей, рассказ об Орме сохранился не менее чем в 26 поздних бумажных списках, что свидетельствует о его немалой популярности. О том же говорят и поэтические переложения истории Орма за пределами Исландии – две записанные в конце XVIII в. фарерские баллады («Ormar Tóraldssons kvæði» – «Песнь об Орме Торальдсcоне» и «Brúsajøkils kvæði» – «Песнь о великане Бруси»; см.: *Hammershaimb V.U.* Færöiske Kvæder. København, 1855. Bd. II. N 11, 12), а также две шведские баллады («Essbjörn Prude och Ormen Stark» – «Эссбьёрн Горделивый и Орм Силач» и «Ulf den Starke» – «Ульв Силач»; см.: *Arwidsson A.I.* Svenska Fornsånger. Stockholm, 1834–1842. N 8, 9), записанные в 1670–1680 гг.

Временем создания пряди принято считать середину или последнюю треть XIV в. На сравнительно позднее происхождение указывают как ее жанровые особенности,

характерные для постклассической эпохи исландского сагописания (выбор непобедимого героя-богатыря; структурирование сюжета вокруг подвигов протагониста; склонность рассказчика к гиперболизации; введение в повествование сверхъестественного и фантастического), так и обилие прямых заимствований из произведений XIII–XIV вв., в первую очередь «саг о древних временах» (см. комментарии, а также статью: *Гуревич Е.А.* Рассказ об Орме Силаче и его литературная предыстория // Мировое древо. М., 2010. Вып. 16. С. 230–259).

При том что наиболее заметные свершения главного персонажа пряди, прославившие его в веках, – победа над великаном Бруси и его матерью, свирепым чудовищем, принявшим облик гигантской кошки, – скорее характеризуют его как героя легендарной саги, Орм сын Сторольва – лицо, по всей видимости, не вымышленное. Помимо «Книги о заселении страны» он упоминается в ряде саг, созданных прежде, чем была написана прядь («Сага о Ньяле», «Сага об Эгиле»), где его имя сопровождает прозвище Могучий (inn sterki) – свидетельство того, что репутация Орма Силача должна была восходить к отдаленным временам; о том же, по-видимому, говорит и сравнение Орма с Греттиром в саге о последнем. Оба эти богатыря упоминаются вместе и в более позднее время: в сочиненном ок. 1588 г. латинском описании Исландии «Qualiscunque descriptio Islandiae», автором которого, по-видимому, явился будущий епископ Скальхольта Одд Эйнарссон (1559–1630), имя Орма поставлено рядом с Греттиром – самым любимым в Исландии героем: «К числу знаменитейших воинов, рожденных в Исландии, принадлежат Орм сын Сторольва, живший около 1002 года, и Греттир сын Асмунда, родившийся в 1005 году, чья сага была подробно рассказана его современниками и спасена от забвения...» (цит. по: *Vésteinn Ólason*. Dialogues with the Viking Age. Narration and Representation in the Sagas of the Icelanders. Reykjavík, 1998. P. 242).

Перевод выполнен по изд.: Two Icelandic Stories: Hreiðars þáttr, Orms þáttr / Ed. by A. Faulkes. L., 1968. (Viking Society for Northern Research). Ранее перевод был опубликован в журнале: Мировое древо. М., 2010. Вып. 16. С. 205–229.

[1] *...человек по имени Лосось, он был сыном Кетиля, ярла из Наумудаля.* – Лосось – не имя, а прозвище. Согласно другим источникам – «Книге о заселении страны», «Саге о Кетиле Лососе», «Саге об Эгиле», этот исландский первопоселенец носил то же имя, что и его знаменитый предок, а именно Кетиль Лосось (см. след. примеч.), тогда как имя его отца, ярла из Наумудаля, было не Кетиль, а Торкель.

[2] *...Кетиля Лосося с Храфнисты.* – О легендарном герое Кетиле Лососе с острова Храфниста (неподалеку от Наумудаля в Норвегии; совр. Рамста) сохранилась одноименная сага, входящая в особый цикл «саг о древних временах», который принято называть «сагами о людях с Храфнисты» (*Hrafnistumanna sögur*). Помимо «Саги о Кетиле Лососе», в этот цикл входят «Сага о Гриме Бородатом», «Сага об Одде Стреле» и «Сага об Ане Лучнике», герои которых – потомки Кетиля. К этому роду принадлежали и многие именитые исландцы, в том числе Эгиль сын Скаллагрима. О происхождении прозвища Лосось рассказывается в одном из начальных эпизодов саги о Кетиле (гл. I): ребенком Кетиль убивает дракона, однако, отвечая на расспросы своего отца, Халльбьёрна, утверждает, что убил лосося, за что и получает от него это прозвище.

[3] *...Харальдом конунгом Воспитанником Доври...* – Харальд Прекрасноволосый, сын Хальвдана, первый норвежский конунг, чья власть распространялась на всю страну (см. примеч. 100 к «Пряди о Норна-Гесте»). Установлением единовластия этого правителя саги традиционно объясняют переселение в Исландию многих знатных норвежцев. С конца XIII в. имеет хождение легенда, согласно которой будущий конунг находился на воспитании у великана Доври (см.: *Flat*. I, 565–566).

[4] *...из-за убийства сыновей Хильдирид...* – Братьев Харека и Хрёрека приближенных конунга, Лосось убил из мести за своего друга и родича Торольва, сына Квельдульва. Об этом конфликте рассказывается в «Саге об Эгиле» (гл. 9–23).

[5] *Бычья Река* – Тьёрса, река на юге Исландии. Владения Лосося находились на юге страны.

[6] *Храфн сын Лосося был первым законоговорителем в Исландии.* – Законоговоритель – главная выборная должность в Исландии в эпоху народоправства. Законоговоритель избирался на три года, и его обязанностью было возглашать законы на ежегодном народном собрании (альтинге). Согласно «Книге об исландцах» (гл. 3) Ари Торгильссона, первым законоговорителем был Ульвльот, который составил самый ранний исландский свод законов и по совету которого в 930 г. был учрежден альтинг; в том же году эта должность перешла к Храфну сыну Лосося.

[7] *Годи* – см. примеч. 11 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога».

[8] *Торбьёрн Скольм* – в других источниках Торгейр Скольм или Скольм (ср. «Сага о Греттире», гл. 58), значение этого прозвища не установлено.

[9] Это название и по сей день сохраняется на юге Исландии. Принято считать, что изложенные в начальном разделе пряди генеалогические сведения, как и весь рассказ о переселении Лосося в Исландию, были почерпнуты из «Саги об Эгиле» (см. гл. 23), о чем может свидетельствовать целый ряд текстуальных совпадений (при этом соответствующее сообщение саги пересказывается в пряди с некоторыми вариациями и сокращениями). В то же время кое-какие из приведенных здесь сведений известны исключительно из «Пряди об Орме»: так, нигде больше не упоминается имя жены Сторольва, Торарны.

[10] *...будто он оборотень.* – Как явствует из саг, людей, которые превосходили окружающих ростом и силой, нередко подозревали в оборотничестве (ср. замечание о силачах в гл. 4). О том, что Сторольв был оборотнем, упоминается и в «Книге о заселении страны», где приводится соответствующий рассказ (см. примеч. 18). Один из родичей Сторольва, Ульв, дед скальда Эгиля, за оборотничество был прозван Квельд-Ульвом – Вечерним Волком: поскольку вечерами он делался сонливым и рано ложился спать, считалось, что в это время он покидал свое тело и превращался в волка (см. примеч. 62 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога»).

[11] *...был сын, которого звали Орм.* – Сообщаемая в пряди генеалогическая информация несколько отличается от соответствующей записи в «Книге о заселении страны» (*Land.*, 348), согласно которой, помимо Орма, у Сторольва были и другие дети – сын Откель и дочь Храфнхильд, вышедшая замуж за Гуннара сына Бауги, их внуком (и, стало быть, правнуком Сторольва) был Гуннар с Конца Склона, герой «Саги и Ньяле».

[12] *Орм был не из тех, кто валяется у очага.* – Т.е. не был в детстве увальнем-запечником, отстававшим в развитии и считавшимся дураком. При том что Орм, как

и ряд других персонажей, впоследствии совершавших необычайные подвиги, в юные годы не подавал больших надежд (с чем связан и еще один присутствующий в пряди распространенный фольклорный мотив – неприязнь к такому герою отца и любовь матери), автор пряди считает необходимым провести различие между ним и героями, подобными его предку Кетилю Лососю. Любимым занятием последнего было проводить дни у очага, и в детстве его называли Дураком с Храфнисты (см. «Сагу о Кетиле Лососе», гл. 1).

[13] Ср. параллели к этому эпизоду в «Саге о Кетиле Лососе» (гл. 1): там отец также заставляет юного героя убирать сено, и тот обнаруживает необычайную для своих лет силу и сноровку, за день собрав сено с двух полей, которого хватило на восемь стогов; в следующем эпизоде саги Кетиль, подбадриваемый попреками отца, с такой силой столкнул лодку в воду, что старик Халльбьёрн едва не вывалился на каменистый берег и «не поломал себе все кости».

[14] – *Не дело подзуживать дерзких.* – Ср. дословную параллель в «Саге о Греттире», гл. 14 (*ИС* I, 593). Связь начальных эпизодов пряди с рассказом о юных годах Греттира прослеживается и в описании выходок Орма, который так же неохотно принимает участие в хозяйственной жизни родительской усадьбы и совершает при этом свои первые подвиги.

[15] *...две четверти железа...* – т.е. двадцать фунтов: «четверть» в качестве меры веса равнялась десяти фунтам (примерно 4,5 кг).

[16] *...того, что один человек может накосить за день.* – Считалось, что за целый день работник мог скосить сено на площади в три четверти акра.

[17] *...человек по имени Дуфтак.* – Судя по его имени (ср. ирл. Дубтах) – ирландец по происхождению.

[18] *...мог принимать разные обличья.* – Дуфтак и Сторольв упоминаются вместе также и в «Книге о заселении страны» (*Land.*, 355–356), где, как и в пряди, говорится, что они оба были оборотнями. В подтверждение приводится сообщение о том, что их видели на Сторольвовом Поле после захода солнца яростно бьющимися друг с другом в обличьях медведя (Сторольв) и быка (Дуфтак). Победа досталась Сторольву, оба противника были изранены, а наутро оказалось, что на месте их поединка образовался овраг.

[19] *...в Лес...* – Ранее было сказано, что двор Дуфтака назывался В Лесу. Расстояние между двумя дворами составляло не менее трех километров.

[20] *...не смог бы дотащить такую ношу.* – По подсчетам комментатора пряди, Э. Фолкса, Орм нес больше 12 тонн сена.

[21] *...стоимости шести коров.* – В XIV в., когда был записан этот рассказ, стоимость одной коровы равнялась «сотне» (= 120) локтей домотканого сукна, или составляла 3 $^1/_3$ унции серебра.

[22] *...о чем будет рассказано позднее.* – Обещанное автором продолжение рассказа о ссорах между Сторольвом и Дуфтаком в пряди отсутствует, в дальнейшем лишь упоминается о гибели Сторольва.

[23] *...остановились в одной землянке...* – См. примеч. 37 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».

[24] *...с Ёрундом годи, свояком Орма.* – Как было сказано ранее, Ёрунд был женат на Торлауг, дочери Храфна Законоговорителя, брата Сторольва. От Ёрунда происходил

знатный род людей из Одди (Oddaverjar), к которому принадлежали многие именитые исландцы, в том числе Сэмунд Мудрый; среди потомков Ёрунда был и Снорри Стурлусон.

[25] *...они весили полфунта.* – Фунт в то время равнялся 12 современным.

[26] *...большим испытанием силы для них обоих.* – Ср. в «Саге о Греттире» (гл. 58): «...большинство людей... считает, что Греттир был самый сильный человек в Исландии с тех самых пор, как тягались силой Орм, сын Сторольва, и Торальв, сын Скольма» (*ИС* I, 699). Торальв сын Скольма упоминается и в других сагах (в «Круге Земном» он назван Торальвом Могучим), кроме того, о нем сохранился отрывок скальдической песни.

[27] *...котел, который вмещал два бочонка.* – По обычаю, пиво для приехавших на альтинг варилось в больших количествах (см. «Прядь о Пивном Капюшоне» в наст. изд.).

[28] *Вендильскаги* – совр. Скаген.

[29] *Они были братьями с Весети с Боргундархольма.* – Вирфиль и его сын Асбьёрн не упоминаются в других источниках; предполагается, что это вымышленные персонажи, однако имена их родичей встречаются в сагах. Так, Весети с Боргундархольма (о. Борнхольм) известен из «Саги о йомсвикингах» и «Круга Земного».

[30] *...называли вёльвами ⟨...⟩ явилась со своими людьми...* – Считается, что следующий за тем рассказ о пророчестве основан на аналогичном эпизоде из «Саги об Одде Стреле» (гл. 2), где Одду, вопреки его желанию, приходится выслушать от вёльвы (провидицы) Хейд предсказание о том, что после своих многолетних странствий он погибнет дома от укуса змеи, выползшей из черепа его коня Факси (ср. сказание о вещем Олеге). Тогда как в «Пряди об Орме» свита вёльвы лишь упоминается, в саге об Одде сказано, что провидицу сопровождали 15 девочек и 15 мальчиков, которые участвовали в совершаемых ею ночных колдовских обрядах. Подробное описание наряда и поведения вёльвы, а также ритуала, предшествующего произнесению пророчеств, содержится в «Саге об Эйрике Рыжем» (гл. 4).

[31] *...волн гнедого...* – Гнедой волн – корабль.

[32] *Сколько б ни гнал ты ⟨...⟩ гибель неминуча.* – Виса провидицы, судя по всему, имеет своим прообразом стихи, обращенные к Одду Стреле вёльвой Хейд (ср.: «Сколько б ты ни плавал по широким фьордам и не пересекал длинные заливы, даже если на тебя будут накатывать волны, все равно быть тебе сожженным в Берурьоде»).

[33] *Кари Бобер* – помимо прочих источников («Книги о заселении страны» и др.), это имя упоминается также в «Пряди о Торстейне Бычья Нога», имеющей ряд параллелей с рассказом об Орме. Согласно ее сообщению, составитель первого исландского свода законов, лагман Ульвльот, приходился внуком с материнской стороны Аслаку Бивру-Кари (= Кари Бобру), сыну Арнора.

[34] *...когда ему минуло тридцать лет...* – Согласно внутренней хронологии пряди, Орм впервые покидает Исландию в 990 или 991 г., таким образом, годом его рождения надо считать 960 г. (эта дата приводится и на полях «Книги с Плоского Острова», в которой записана прядь). Между тем, судя по генеалогической информации, содержащейся в разных источниках, он должен был появиться на свет примерно 30 годами ранее. В пользу более ранней даты рождения героя говорит и то обстоятельство, что,

как утверждается не только в пряди, но и в «Саге о Греттире», Орм был современником Торальва сына Скольма, о котором известно, что ок. 960 г. он сражался вместе с конунгом Хаконом Воспитанником Адальстейна в битве при Фитьяре (см.: *КЗ*, 84 и след.).

[35] *...принесли обет побратимства по древнему обычаю...* – Обряд заключения побратимства подробно описан в нескольких сагах, в том числе в «Саге о Гисли», гл. 6: «...вырезают длинный пласт дерна, так, что оба края его соединяются с землей, ставят под него копье с тайными знаками такой длины, что стоя как раз можно достать рукою до того места, где наконечник крепится к древку. Им ⟨...⟩ надо было, всем четверым, пройти под дерном. Потом они пускают себе кровь, так что она течет, смешиваясь, в землю, выкопанную из-под дерна, и перемешивают все это, кровь и землю. А потом опускаются все на колени и клянутся мстить друг за друга, как брат за брата, и призывают в свидетели всех богов» (*ИС* I, 510–511). Затем все принимавшие обет подали друг другу руки.

[36] *...Эйвиндом Ужом и Бергтором Бестщлем.* – Имена этих родичей Асбьёрна также стоят рядом в перечне воинов, находившихся вместе с конунгом Олавом Трюггвасоном на Великом Змее в битве при Свёльде (*КЗ*, 156).

[37] *...ярла Хакона из Хладира.* – См. примеч. 1 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».

[38] *...с самого большого жертвенного быка.* – Для жертвоприношений богу плодородия Фрейру выбирались самые крупные быки (см. «Прядь о Торстейне Бычья Нога»).

[39] *Гаутланд* – Западный и Восточный Гаутланд, области на юге Швеции.

[40] *...ярл по имени Херрёд.* – По-видимому, вымышленный персонаж, чье имя могло быть почерпнуто либо из «Саги о Рагнаре Лодброке», либо из «Речей Вороны» (строфа 5), см. примеч. 57.

[41] *Там они провели третью зиму.* – Т.е. третью зиму после того, как Орм покинул Исландию.

[42] *...в Глинистый Залив под Пустошью.* – Т.е. под Пустошью Мшистой Горы (Mosfellsheiðr). Глинистый Залив – небольшой залив к северу от Рейкьявика.

[43] *Перечень исландцев* (Íslendingaskrá) – об этом сочинении ничего не известно; по-видимому, речь идет об утраченной книге XII или XIII в., содержавшей генеалогические сведения. Не исключено, что именно из этого источника была почерпнута и прочая информация о родичах Орма, которая отсутствует в «Саге об Эгиле» (см. примеч. 9).

[44] *...растерзала своими когтями и клыками.* – Предполагается, что эта сцена (как и описанный позднее поединок Орма с матерью великана Бруси) восходит к известному эпизоду «Саги об Одде Стреле» (гл. 20), повествующему о нападении на спутников героя свирепого монстра – полуженщины-полузверя, матери заклятого врага Одда, викинга-колдуна Эгмунда. В истории Одда чудище (finngálkn – этим словом также обозначался кентавр) наделено человечьей головой, огромными клыками, когтями и могучим хвостом, и, как и в «Пряди об Орме», в отсутствие героя убивает десятки его людей.

[45] *...двадцать человек, троим же удалось выбраться наружу...* – Ранее было сказано, что Асбьёрн отправился на остров «с четырьмя и двадцатью» спутниками.

Видимо, ошибка писца, принявшего порядковое числительное við fjórða, употребленное в значении «сам четвертый», за количественное – við fjóra («с четырьмя»).

[46] Образцом для этой строфы Асбьёрна послужили аналогичные стихи Халльмунда из «Саги о Греттире» (гл. 62), как и в «Пряди об Орме», предпосланные его предсмертной песни: помимо общего сходства, на это указывает дословное совпадение 6-го и 8-го стихов обеих вис (ср. в переводе О.А. Смирницкой: «Я узнал, / Что нельзя мужу / Слишком в свои / Силы верить. / В смертный час / Изменит удача, / Но и дух / Воина дрогнет», *ИС* I, 709).

[47] *...покуда все кишки его не намотались на столб.* – Ср. аналогичное описание казни викинга Бродира, убийцы ирландского короля Бриана, в «Саге о Ньяле», гл. 157 (*ИС* II, 363; этот же эпизод содержится в «Саге о Торстейне сыне Халля с Побережья»), которое, как считается, послужило образцом для данного эпизода пряди. Вопреки утверждению некоторых исследователей о том, что изображенная в этих исландских текстах жестокая расправа восходит к реальной практике, причем весьма распространенной в средневековой Европе (ср.: Two Icelandic Stories: Hreiðars þáttr, Orms þáttr / Ed. A. Faulkes. P. 100), надежных подтверждений тому, что пытки такого рода применялись в действительности, не обнаружено. Описания этого метода казни известны преимущественно из церковной агиографии и связанной с ней иконографии (ср. Страсти св. Эразма), откуда они, по всей видимости, и черпались авторами иных средневековых сочинений, как, например, сообщение о муках, причиняемых христианам ваграми и полабами в «Славянской хронике» (Cronica Slavorum, кн. I, гл. 52) Гельмольда (начало XII в.). Согласно Якобу Гримму, в позднее Средневековье в судебниках разных областей Германии казнь такого рода (exenterare) предписывалась в качестве наказания за порчу коры деревьев и кражу плуга, однако, по его же сообщению, нет ни одного упоминания, которое свидетельствовало бы о назначении или исполнении такой экзекуции (см.: *Grimm J.* Deutsche Rechtsalterthümer. 4. Ausg. Leipzig, 1899. Bd. 2. S. 39 f., 269 f.). Предполагается, что в Скандинавию этот мотив был занесен из Англии, где он впервые засвидетельствован в начале XII в. в «Истории англов» («L'Estoire des Engleis») Жеффрея Гаймара в описании казни сына короля Этельреда II Альфреда Этелинга (1036 г.), где сообщение об этом событии, в отличие от других сочинений (в том числе «Англо-саксонской хроники»), было расцвечено ужасающими подробностями, почерпнутыми из житий святых страстотерпцев. Это описание казни Альфреда Этелинга послужило затем образцом для изображения смертных мук вновь обретенного святого – Амфибала при создании во второй половине XII в. латинского «Жития св. Альбана и св. Амфибала» Уильяма Сент-Альбанского. Как было установлено, появление культа св. Амфибала основано на недоразумении: фраза sub *sancti abbatis* amphibalo («под облачением святого аббата») в рукописи «Истории королей Британии» Гальфрида Монмутского была ошибочно истолкована и скопирована как sub *sancto abbate* amhpibalo («под святым аббатом Амфибалом»), вследствие чего из священнического одеяния и возник новоявленный святой (см.: *Frankis J.* From Saint's Life to Saga: The Fatal Walk of Alfred Ætheling, Saint Amphibalus and the Viking Bróðir // Saga-Book of the Viking Society. 1999. Vol. XXV. P. 121–137). Судя по всему, именно к описанию страстей св. Амфибала и восходят эпизоды «смертной прогулки», появляющиеся в исландской литературе XIII–XIV вв. В Норвегии (а затем и в Исландии) житие этого фиктивного святого

скорее всего получает известность в середине XIII в., благодаря английскому хронисту Матвею Парижскому, монаху Сент-Альбанского монастыря и автору англо-нормандской поэмы «La Vie de Seint Auban», живописующей мученическую смерть св. Амфибала, который в качестве папского посланца в 1248 г. посетил бенедиктинские монастыри на Хольме (рядом с Нидаросом) и в Селье (откуда происходит относящееся к этому времени изображение страстей св. Амфибала на дереве).

[48] *...курган кудрей...* – голова.

[49] *Данмёрк* – Дания.

[50] *Хёрды* – жители Хёрдаланда, области на западе Норвегии.

[51] *Сторольвов питомец...* – т.е. Орм.

[52] *Эйрасунд*, или Эйрарсунд (совр. Эресунн) – пролив между островом Зеландия и Скандинавским полуостровом.

[53] *...вола прибоя* – корабля.

[54] *Нынче предан подло...* – Ни о каком предательстве в пряди не упоминается.

[55] *...вороного Гейтира...* – Гейтир – великан, «конь великана» – волк. Употребление этого кеннинга вместо традиционного для классической скальдической поэзии наименования волка «конь великанши» лишний раз подтверждает позднее происхождение предсмертных вис Асбьёрна.

[56] *...в шторме Хильд...* – в битве; Хильд – валькирия.

[57] *...в устье Ивы...* – неизвестная река, название которой автор стихов мог почерпнуть из «Речей Вороны» («Krákumál», строфа 4). Считается, что образцом для предсмертных стихов Асбьёрна послужила эта анонимная песнь XII в., которая якобы была произнесена легендарным датским викингом Рагнаром Лодброком в сходных обстоятельствах, а именно в змеином рву, куда он был брошен пленившим его английским королем Эллой. Обе песни сложены в одной и той же метрической разновидности основного скальдического размера дроттквётт («дружинный размер»), носящей название háttlausa (букв.: безразмерная – в ней отсутствуют регулярные внутренние рифмы), и имеют повторяющийся из строфы в строфу одностишный зачин (при этом непосредственным источником для такого зачина в песни Асбьёрна послужил начальный стих 14-й висы «Саги о Греттире»; о влиянии поэзии из этой саги на «Прядь об Орме» см. также примеч. 46). Кроме того, наблюдается определенное сходство в содержании «Речей Вороны» и вис Асбьёрна: вслед за повествованием о подвигах героев высказываются пожелания отмщения врагам, подвергшим их жестоким пыткам, и называются будущие мстители.

[58] *...жвачки волчьей...* – т.е. меча; кеннинг восходит к эддическому мифу, согласно которому, связав волка Фенрира, асы вставили ему в пасть меч, чтобы он не мог никого укусить, и с ним он дожидается конца света.

[59] *Эльв* – река Гаут-Эльв (совр. Ёта-Эльв) в Западном Гаутланде.

[60] *...Мидьюнга ⟨...⟩ родня...* – Кто такой Мидьюнг, не установлено, возможно, стихи отсылают к какому-то неизвестному эпизоду легенды об Орме. Поскольку это имя присутствует в перечне великанов в ряде рукописей «Младшей Эдды», не исключено, что «родня Мидьюнга» – кеннинг великанов.

[61] *...в граде дротов* – в битве.

[62] *Гаут и Гейри ⟨...⟩ Тейт и Гейтир.* – Подобные поэтические перечни (обычно именуемые «тулами»), в том числе перечни имен боевых сподвижников, весьма распространены в древнегерманской поэзии.

[63] *...в стоне копий...* – в битве.

[64] *...шипом щита...* – мечом.

[65] *То ли дело ⟨...⟩ Орм бесстрашный.* – Вопреки скальдическому канону, требующему, чтобы восьмистишная виса делилась на два завершенных как в смысловом, так и в синтаксическом отношении четверостишия (хельминга), в данной строфе это структурное правило не соблюдается. Во всей поэтической традиции скальдов известны только два случая его нарушения, другой пример – в относящейся к началу XI в. заключительной строфе «Поминальной драпы об Олаве Трюггвасоне» Халльфреда Трудного Скальда (ср.: *Skj* B I, 156, 29).

[66] *...в страну явился Олав сын Трюггви и начал проповедовать всем правую веру.* – См. примеч. 8 к «Пряди о Рёгнвальде и Рауде».

[67] *Китовый Фьорд* – фьорд на востоке Исландии (см. примеч. 19 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога»). Непонятно, почему Орм, чья усадьба находилась на юго-западе страны, отправляется в плавание из восточной четверти Исландии.

[68] *...принял неполное крещение...* – См. примеч. 7 к «Пряди о Норна-Гесте». Упоминая о последующем крещении Орма в Исландии, рассказчик, по-видимому, относит это событие к миссии священника Тангбранда (997 г.).

[69] *Менглёд* – это имя известно также из двух поздних эддических песней – «Речей Многомудрого» («Fjölsvinnsmál») и «Заклинаний Гроа» («Grógaldr»), где оно принадлежит красавице-невесте (как иногда предполагают, Фрейе), охраняемой свирепым великаном, которую добывает герой Свипдаг.

[70] *Офотан из Офотансфьорда* – великан, живший на севере Норвегии, он упоминается также в «Саге о Кетиле Лососе».

[71] *...рукавицы: у них такое свойство, что тот, на чьи руки они надеты, никогда не испытывает недостатка в силе.* – Как и явление чудесной помощницы – распространенный сказочный мотив; можно, однако, вспомнить атрибуты Тора: пояс силы и железные рукавицы (*МЭ*, 41).

[72] *...не придется насладиться друг другом из-за твоей веры.* – Орм не может взять Менглёд в жены, поскольку он христианин, она же, будучи дочерью великана, не может стать христианкой.

[73] *...меч, на котором были насечены тайные знаки.* – Употребленное в оригинале слово (málajárn) может обозначать как меч с рукоятью, украшенной резьбой, так и оружие с вырезанными на нем магическими рунами. Соответственно и поступок героя, положившего меч при входе в пещеру, допускает разные толкования: Орм мог либо попросту избавиться от меча, поскольку он был бесполезен в поединке с троллями, либо закрыть им вход в пещеру, дабы не подвергнуться нападению с тыла или не дать бежать Бруси и его матери.

[74] *...ухватился за его бороду обеими руками ⟨...⟩ до самых костей.* – Эта сцена в большинстве деталей и порой дословно повторяет описание поединка Одда с полутроллем Эгмундом («Сага об Одде Стреле», гл. 23), в ходе которого последний лишается бороды, лица, обеих щек и лба до «самой макушки», отчего впоследствии вынужден носить маску.

[75] *...вырезал у него на спине кровавого орла ⟨...⟩ вытащил легкие.* – Долгое время считалось, что такой вид казни действительно практиковался в эпоху викингов и был связан с жертвоприношением Одину (последний, как известно, мог выступать

в обличье орла): согласно описаниям этого обычая, «кровавого орла» изображали вынутые из рассеченной спины и оттянутые вперед в виде крыльев ребра предаваемого смерти. Помимо «Пряди об Орме» упоминания этой экзекуции содержатся еще в семи текстах: в «Деяниях датчан» Саксона Грамматика (кн. IX), в «Саге о Рагнаре Лодброке» (гл. 17) и в «Пряди о сыновьях Рагнара» (гл. 3) – во всех случаях речь идет о мести английскому королю Элле за убийство Рагнара; в «Саге об оркнейцах» (гл. 8) и в «Саге о Харальде Прекрасноволосом» (гл. 32, см. *КЗ*) – в обеих сагах рассказывается о расправе над Хальвданом Высоконогим, сыном Харальда Прекрасноволосого, учиненной оркнейским ярлом; в эддических «Речах Регина» (в позднее добавленной строфе 26) и в основанном на этой песни эпизоде «Пряди о Норна-Гесте» (гл. 6) – здесь говорится о мести Люнгви, сыну Хундинга, взятому в плен Сигурдом (см. в наст. изд.). Ни один из этих письменных памятников не старше конца XII в., и содержащиеся в них описания «кровавого орла» (нередко повторяющиеся почти дословно) относятся к эпохе, когда об обычаях викингов сохранились одни лишь предания, сами же они, как и вся скандинавская старина, стали объектом возрождающегося в это время антикварного интереса к языческой древности. Судя по всему, изображения этой жестокой расправы во всех известных средневековых текстах восходят к рассказу о мести сыновей Рагнара Лодброка королю Англии, рассказу, в свою очередь опирающемуся на более раннее поэтическое «свидетельство» – процитированную вслед за описанием казни Эллы и призванную удостоверить его правдивость полустрофу из «Драпы о Кнуте» скальда Сигвата, сложенную ок. 1038 г. Как убедительно показала Р. Франк, ошибочная интерпретация этих стихов автором саги (а вслед за ним и позднейшими комментаторами) привела к тому, что в традиционное для скальдической поэзии и совершенно условное описание поверженного в бою противника, чью плоть терзают когтями и клювами вороны и орлы – «птицы битвы» (Ok Ellu bak, / at lét hinn's sat, / Ívarr, ara, / Iórvík, skorit. – букв.: И Ивар, что жил в Йорке, дал орлу резать спину Эллы), без каких-либо на то оснований было «вчитано» новое и еще более зловещее содержание: «Ивар велел вырезать на спине Эллы орла» (см.: *Frank R.* Viking atrocity and Skaldic verse: The Rite of the Blood-Eagle // English Historical Review. 1984. Vol. 99. P. 332–343). Таким образом, всего вероятнее, что приписываемого викингам кровавого обычая в действительности никогда не существовало, а все последующие сообщения о нем – результат «тиражирования» ошибки, допущенной рассказчиком одной из саг: во всяком случае, в настоящее время нет никаких сколько-нибудь надежных свидетельств, которые подтверждали бы подобную практику.

[76] *Битва при Свёльде* – морское сражение при о-ве Свёльд (по-видимому, в проливе Эресунд) в 1000 г., в которой пал Олав Трюггвасон, самая знаменитая битва в истории Норвегии. Противниками норвежского правителя и победителями в ней были датский конунг Свейн Вилобородый (ок. 986–1014), шведский конунг Олав (ок. 995 – ок. 1022) и сыновья норвежского ярла Хакона Могучего, Эйрик (ум. ок. 1023) и Свейн.

[77] *...с Эйриком ярлом ⟨...⟩ в Хладире...* – Среди норвежских земель, отошедших ярлу Эйрику в результате победы над Олавом Трюггвасоном, был Трандхейм с расположенной в нем старинной резиденцией хладирских ярлов. Хотя после гибели конунга Олава Норвегия была поделена между всеми победителями, фактическим правителем в ней в 1000–1013 гг. был ярл Эйрик.

[78] *...отвел ему место на главной скамье поближе к выходу.* – Ярл усаживает Орма на скамью, посреди которой находилось почетное сиденье, занимаемое самим правителем, однако отводит ему место подальше от себя, не оказывая ему таким образом того уважения, на которое он рассчитывал. Замкнутость Орма поэтому может объясняться не только тем, что он, как явствует из дальнейшего, был приверженцем Олава Трюггвасона, но и его уязвленной гордостью.

[79] *...победа над Змеем...* – Великий Змей – корабль Олава Трюггвасона (см. примеч. 18 к «Пряди о Сёрли»).

[80] *...взял толстенную палицу длиной в тринадцать локтей.* – В средневековой Исландии локоть равнялся 48 см, так что палица, которой запасся Орм, достигала внушительных размеров. Употребленное в оригинале наименование этого орудия (berlings-áss) не встречается в других исландских текстах, однако все комментаторы сходятся во мнении, что речь идет о корабельной принадлежности, скорее всего о рангоуте, круглом деревянном брусе, к которому прикрепляются паруса и снасти, или шесте (ср. современное шведское bärling – наименование длинного шеста, которым отталкивают от пристани корабли). Предполагается, что прообразом для обороны Орма (если направление заимствования не было обратным, см. след. примеч.) мог послужить эпизод из «Большой Саги об Олаве Трюггвасоне» (*ÓT* II, 284), в котором фигурирует другой исландский силач, Торстейн Бычья Нога, один из участников битвы при Свёльде. В саге рассказывается, что, защищая конунга от натиска воинов ярла Эйрика, Торстейн сперва сбрасывает в море одного из нападающих ударом кулака, а затем в ярости хватает рангоут (beiti-áss) и начинает отбиваться им от врагов. Это вызвало неудовольствие конунга Олава, который сказал Торстейну: «Возьми свое оружие и защищайся им, потому что оружие на то и существует, чтобы люди сражались им в битвах, вместо того чтобы наносить удары руками или палками». Торстейн послушался и взял свой меч. Сохранилась отдельная прядь о Торстейне Бычья Нога (см. в наст. изд.), в которой, как и в рассказе об Орме, описываются его необычайная сила и подвиги, однако этот эпизод в пряди отсутствует; нет его и в описании битвы при Свёльде в «Круге Земном».

[81] Именно этот подвиг Орма прославляется в одной из строф «Драпы об исландцах» скальда Хаука Вальдисарсона (XII или XIII в.), где дословно сказано следующее: «Погоняющий Тротт ⟨т.е. Один⟩ оленя волн ⟨= муж, имеется в виду Орм; олень волн – корабль⟩, Орм сын Сторольва, вызвал на поединок четверых и восьмерых людей ярла; великолепный, храбрый в обращении с мечом Эйрик велел мужам остерегаться, когда разоритель огня фьорда ⟨= муж, т.е. Орм; огонь фьорда – золото⟩ принялся размахивать брусом перед воинами» (строфа 15). В пряди число противников Орма увеличено в пять раз, однако все остальные детали совпадают.

[82] *Эйнар* – Эйнар Брюхотряс, зять ярла Эйрика (см. о нем «Первую прядь о Халльдоре сыне Снорри» и «Прядь об Эйндриди и Эрлинге» в наст. изд.). Описываемый в рассказе об Орме эпизод с луком неслучайно связан с именем Эйнара: судя по всему, он содержит намек на один из эпизодов «Саги об Олаве Трюггвасоне». Эйнар был самым метким стрелком в войске Олава и самым молодым воином на Великом Змее (во время битвы при Свёльде ему было всего 18 лет). Именно в качестве отменного стрелка он и фигурирует в одной из наиболее ярких сцен саги об Олаве Трюггвасоне в «Круге Земном» (гл. 108): «...Эйнар пустил стрелу в Эйрика ярла и попал в верх

руля над самой головой ярла. Стрела глубоко вонзилась в дерево. Ярл увидел стрелу и спросил, не знают ли его люди, кто пустил стрелу. Но тут же другая стрела пролетела так близко от ярла, что прошла между его бедром и рукой и насквозь пронзила спинку сиденья кормчего. Тогда ярл сказал человеку – он был отличным стрелком, – о котором одни говорят, что его звали Финн, а другие – что он был финном: "А ну-ка пусти стрелу в того ражего детину на корме Змея". Финн выстрелил, и стрела попала в середину лука Эйнара в то мгновение, когда тот натягивал свой лук в третий раз. Лук с треском разломился надвое. Тогда Олав конунг спросил: "Что это лопнуло с таким треском?" Эйнар отвечает: "Лопнуло дело твое в Норвегии, конунг". – "Никогда не бывало такого громкого треска, – говорит конунг. – Возьми-ка мой лук и стреляй". И он бросил ему свой лук. Эйнар взял лук, *растянул* ⟨*его*⟩ *перед острием стрелы* (dró þegar fyrir odd örvarinnar – точно так же описываются в пряди и действия Орма: dró fyrir odd – *растянул* ⟨*лук*⟩ *перед острием*. – *Е.Г.*) и сказал: "Слаб, слишком слаб лук конунга". И он бросил лук, взял свой щит и свой меч и стал сражаться» (*КЗ*, 163–164). В более раннем жизнеописании Олава Трюггвасона монаха Одда Сноррасона (конец XII в.), на которое опирался Снорри, этот эпизод представлен несколько иначе: Эйнар посылает в ярла Эйрика две стрелы, после чего ярл говорит, что «не склонен ждать третью», и велит меткому стрелку Финну сыну Эйвинда, который и изготовил лук Эйнара, пронзить его своей стрелой. Тот отвечает, что не может сразить Эйнара, однако попытается лишить его лука, и как раз в тот момент, когда Эйнар готовится послать третью стрелу, расщепляет его лук своей стрелой. Далее следует такой же обмен репликами между конунгом и Эйнаром, однако в качестве реакции на знаменитые слова Эйнара о том, что лопнуло его дело в Норвегии, конунг Олав уже не предлагает юному воину свой лук, но в гневе отвечает: «Guð man þvi raða, en eigi bogi þinn» («Это уж как решит Бог, а не твой лук»; см.: Saga Óláfs Tryggvasonar af Oddr Snorrason munk / Udg. af Finnur Jónsson. København, 1932. S. 227–228). Налицо, таким образом, различия в трактовке причин гибели конунга и возможности его спасения: тогда как автор ранней саги не склонен связывать поражение Олава с утратой самого эффективного оружия – лука Эйнара, поскольку участь конунга зависит исключительно от Бога, Снорри, напротив, лишний раз подчеркивает, сколь много могли значить в судьбе Олава меткий стрелок и доброе оружие. Окажись у Эйнара в руках подходящий лук, он, возможно, смог бы защитить конунга. Эту же мысль в серии эпизодов пряди последовательно проводит и автор рассказа об Орме, когда представляет своего героя в качестве превосходящего всех защитников Великого Змея непобедимого воина, чье присутствие на корабле непременно привело бы к благоприятному исходу битвы и спасению конунга. В данном эпизоде, повторяя действия, которые Эйнар в свое время произвел с луком конунга Олава, Орм, судя по всему, был призван одержать верх над лучшим норвежским лучником, поскольку, в отличие от «слабого» королевского лука (заметим, впрочем, что и Олав Трюггвасон был отличным стрелком, ср., к примеру, «Прядь об Эйндриди Широкостопом»), растянутый Ормом лук Эйнара, несомненно, был под стать его владельцу.

[83] *...ездил по пирам...* – В обязанности норвежских бондов (свободных хозяев) входило устраивать угощения – «вейцлы» (veizla) для государя и его дружины. Правитель разъезжал по стране, посещая пиры, бывшие необходимым средством не только прокормления дружины, но и социального общения населения с государем

(о «вейцле» см.: *Гуревич А.Я.* Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967. С. 117 и след.).

[84] *...в то место, где был разрушен Великий Змей...* – После битвы при Свёльде Великий Змей достался ярлу Эйрику сыну Хакона. В «Большой Саге об Олаве Трюггвасоне» сообщается, что вскоре после возвращения ярла в Норвегию корабль был разрушен по его приказу, поскольку имел крен.

ПРЯДЬ О ХАУКЕ ЗАДАВАКЕ

«Прядь о Хауке Задаваке» («Hauks þáttr hábrókar») представляет собой один из рассказов, вставленных в заключительные главы «Большой саги об Олаве Трюггвасоне» в «Книге с Плоского Острова» (*Flat.* I, 577–581), повествующие о предшественниках Олава на норвежском престоле – Хальвдане Черном, Харальде Прекрасноволосом и его сыновьях. Эта компиляция – единственная рукопись, в которой сохранился рассказ о Хауке, и в ней ему предпослано заглавие: «Þaattr Hauks habrokar».

Хотя рассказ связан с именами двух реальных исторических персонажей – конунгов Норвегии и Швеции, правивших в конце IX в., и его действие происходит в реальном пространстве – в Норвегии, Швеции, на Руси и на побережье Белого моря, – в «Пряди о Хауке Задаваке» немало фантастических деталей и мотивов, в жанровом отношении приближающих ее к легендарным сказочным повествованиям о «древних временах».

По-видимому, рассказ был создан не раньше второй половины XIV в.

Перевод выполнен по изд.: Fornar smásögur úr noregskonunga sögum / E. Gardiner gaf út. Reykjavík, 1949. Bls. 15–23; исландский текст сверен с изданием: Flateyjarbok. En samling af norske konge-sagaer med indskudte mindre fortællinger / Udg. Guðbrandur Vigfússon, C.R. Unger. Christiania, 1860–1868. Bd. I. S. 577–581. На русском языке прядь публикуется впервые.

[1] *Харальд* – Харальд Прекрасноволосый, родоначальник норвежской королевской династии (см. примеч. 100 к «Пряди о Норна-Гесте»).

[2] *Бьёрн с Кургана* – шведский конунг Бьёрн II, сын Эрика, правил совместно со своим братом Энундом (Эмундом) в первой половине IX в. В «Саге о Хервёр и Хейдреке» прозвище этого конунга объясняется следующим образом: «Конунг Бьёрн построил дом, названный Курганом, и его самого прозвали Бьёрном с Кургана». Согласно сообщениям нескольких источников, скальдом Бьёрна с Кургана был Браги Старый Боддасон.

[3] *Энунд* (или Эмунд) – брат Бьёрна с Кургана.

[4] *Эйрик* – Эрик сын Энунда (Эмунда) правил в Швеции до своей смерти в 871 г. (см. также примеч. 1 к «Пряди о Стюрбьёрне Воителе Шведов»).

[5] *Ингигерд* – дочь Харальда от его брака с Асхильд, дочерью Хринга из Хрингарики, сына Дага (см. «Сагу о Харальде Прекрасноволосом», гл. 21: *КЗ*, 53).

[6] *...Хальвдан Черный ⟨...⟩ увез с собой.* – Сын Харальда Прекрасноволосого от его брака с Асой (*КЗ*, 51), недолгое время правил в Трандхейме. В «Саге о Харальде Прекрасноволосом» эпизод, на который ссылается автор пряди, не упоминается.

[7] *...Хаука Задаваку...* – Как нередко бывает, прозвище главного героя (Haukr Hábrók) впервые упоминается в рассказе еще до того, как он его заслужил, о чем будет сообщено позднее. Hábrók букв. означает «длинные штаны» (ср. перевод «Длинные Чулки» в *КЗ*), однако слово hábrók прежде всего известно как поэтическое наименование (хейти) ястреба; имя Хаук (Haukr) также означает «ястреб». Между тем, как следует из дальнейшего, в контексте данного рассказа полученное героем прозвище, хотя оно, по всей видимости, и содержит намек на поэтическое значение слова hábrók, произведено от глагола hábrókast «заноситься, задирать нос, задаваться».

[8] *Восточная Держава...* – Русь.

[9] *Хольмгард* – Новгород.

[10] *Бьёрн Синий Бок* (Björn blásíða) – персонаж с таким именем известен также из «Саги о Хёрде и островитянах» («Harðar saga ok Hólmverja», гл. 17). В этой саге он назван «сыном Ульвхедина, сына Ульвхама, сына Ульва, сына Ульвхама Оборотня» и также ведет себя враждебно и погибает в морском бою.

[11] *Гардарики* – Русь.

[12] *...посадил на колени Адальстейну, конунгу англов, твоего сына Хакона.* – Адальстейн – английский король Этельстан (924–940), бывший воспитателем сына Харальда Прекрасноволосого, норвежского конунга Хакона Доброго (род. ок. 920, ум. ок. 960), также известного как Хакон Воспитанник Адальстейна. Хаук имеет в виду эпизод, известный из «Саги о Харальде Прекрасноволосом» (гл. 39): «Хаук был доблестным витязем и очень любезен конунгу. В его руки Харальд отдал Хакона, своего сына. Хаук поплыл на запад в Англию к Адальстейну конунгу и застал его в Лундуне. Там как раз шел торжественный пир. Хаук говорит своим людям, когда они входят в пиршественную палату, как они должны там держаться: тот должен последний выйти, кто первый входит, и все должны стоять в ряд перед столом, и у каждого меч должен быть на левом боку, но прикрытый плащом, так чтобы его не было видно. И вот они входят в палату. Их было тридцать человек. Хаук подходит к конунгу и приветствует его. Конунг отвечает на приветствие. Тогда Хаук берет мальчика Хакона и сажает его на колени Адальстейну конунгу. Конунг смотрит на мальчика и спрашивает Хаука, почему он так делает. Хаук отвечает: "Харальд конунг просит тебя воспитать его сына от рабыни". Конунг был в большом гневе и схватил меч, который лежал рядом с ним, и взмахнул им, как бы желая зарубить мальчика. "Он сидел у тебя на коленях,– говорит Хаук.– Теперь ты можешь убить его, если хочешь, но этим ты не уничтожишь всех сыновей Харальда конунга". Затем Хаук и все его люди удалились и отправились к кораблю, и, когда они приготовились к плаванью, они вышли в море, и вернулись в Норвегию к Харальду конунгу. Тот был очень доволен. Ибо люди говорят, что тот, кто воспитывает чужого ребенка, менее знатен, чем отец этого ребенка. Из этих столкновений конунгов видно, что каждый из них хотел быть больше другого. Однако достоинство ни того, ни другого не пострадало от этого. Каждый из них оставался верховным конунгом в своей стране до самой смерти» (*КЗ*, 64). Этот же эпизод излагается в «Книге с Плоского Острова», однако здесь он включен в начальные главы «Саги об Олаве Трюггвасоне» (*Flat*. I, 46–47).

[13] *Бьярмаланд* (или Бьярмия) – область на севере Восточной Европы, нередко локализуемая на западном побережье Белого моря (см. подробнее: *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986. С. 197–200).

[14] *...воспитательнице, которую зовут Хейд...* – О том, что конунг Харальд Прекрасноволосый, прозванный Воспитанником Доври (Dofrafóstri: согласно преданию, приемным отцом будущего конунга был великан Доври), также был воспитанником великанши Хейд, по-видимому финки (саами) по происхождению, больше нигде не сообщается. Имя Хейд нередко встречается в легендарных «сагах о древних временах», где оно обычно принадлежит вёльвам-предсказательницам и колдуньям.

[15] *Гандвик* – Белое море.

[16] *...на север в Суртсдалир...* – Долины Сурта (Сурт – мифологический великан; см. примеч. 31 к «Пряди о горном жителе»). Неясно, существует ли какая-нибудь связь между Surtsdalir в пряди и упоминаемой в «Саге об Одде Стреле» (гл. 30: *FSN* II, 294) «державой, которая называется Сурсдаль (Súrsdalr)» и находится в Гардарики, – как считается, в последнем случае речь идет о Суздале.

[17] *Лютир* – этот бог более нигде не упоминается, однако не исключено, что имя Lytir встречается в качестве первого компонента в нескольких шведских топонимах (Lytisberg, Lytislunda), что говорит в пользу действительного существования описанного в пряди культа. Высказывалось предположение, что Лютир может быть одним из имен бога плодородия Фрейра, наиболее почитаемого в Швеции языческого божества, причем указывалось на аналогию с «Прядью об Эгмунде Битом и Гуннаре Furthermore Пополам», где Фрейр также разъезжает в повозке (*Ellis Davidson H.R.* Gods and Myths of Northern Europe. Harmondsworth, 1964. P. 94). Значение имени Lytir неясно; не исключено, что оно могло быть произведено от др.-сканд. hlutr «жребий, участь», в таком случае «вершитель (или предсказатель?) судеб», что согласуется с функцией этого божества в данном эпизоде. Однако считается более вероятным происхождение этого имени от глагола lýta «порочить, хулить, пачкать», в таком случае Lýtir – «постыдный, нечистый». Если последнее объяснение верно, то Лютир это, скорее всего, прозвище, данное фаллическому божеству Фрейру христианскими авторами.

[18] *...из озера Лёг...* – т.е. из озера Меларен в центральной Швеции.

Дополнение 1

ПРЯДИ, НЕ ВХОДЯЩИЕ В «БОЛЬШУЮ САГУ ОБ ОЛАВЕ ТРЮГГВАСОНЕ»

ПРЯДЬ О ТОРСТЕЙНЕ СИЛЕ ХУТОРОВ

«Прядь о Торстейне Силе Хуторов» («Þorsteins þáttr bæjarmagns») сохранилась как отдельное повествование в многочисленных собраниях легендарных саг. Самые ранние из них – это пергаментные рукописи конца XV – XVI в. (AM 510 4to, AM 571 4to), позднейшие – бумажные списки, в основном изготавливаемые на протяжении последующих трех столетий вплоть до самого конца XIX в., что свидетельствует о большой популярности этого рассказа. Время его создания – по-видимому, первая половина XIV в., хотя высказывались предположения о вероятности как более ран-

ней (конец XIII в.), так и более поздней (конец XIV в.) его датировки. В изданиях рассказ о Торстейне нередко именуют «сагой», однако, как следует из заключения, сам рассказчик назвал его прядью: Lúkum vér þar þætti Þorsteins bæjarbarns – «Здесь мы заканчиваем прядь о Торстейне Мальце Хуторов».

«Прядь о Торстейне Силе Хуторов» принадлежит к числу легендарных историй, в которых описываются путешествия в диковинные «иные земли». В связи с тем что в Средние века этот тип повествований получил наибольшее распространение в кельтской традиции, в научной литературе неоднократно проводились параллели между рассказом о Торстейне и кельтскими легендами о посещении необычайных земель и высказывалось мнение о вероятности проникновения целого ряда встречающихся в нем мотивов из древнеирландской литературы (см. подробнее: *Simpson J.* A magical drinking-horn // Études celtiques. 1962–1963. Vol. 10. P. 489–515; *Power R.* Journeys to the Otherworld in the Icelandic Fornaldarsögur // Folklore. 1985. Vol. 96. N II. P. 156–175).

Вместе с тем, не вызывает сомнений, что непосредственным источником главного эпизода этой истории, в котором описываются приключения Торстейна в Стране Великанов, послужили древнескандинавские мифологические сказания о Торе и его неоднократных посещениях Ётунхейма, известные как из «Младшей Эдды», так и из поэтических текстов. Эти же сказания – о столкновении Тора с великаном Гейррёдом, а также о его визите к Утгарда-Локи, где он подвергся серии испытаний, отчасти напоминающих те, через которые в пряди проходят по настоянию Гейррёда Гудмунд с его людьми и их невидимый помощник Торстейн, – были положены в основу рассказа Саксона Грамматика в VIII книге «Деяний датчан». Последний сообщает об опасном странствии исландца Торкиля (Thorkillus), совершенном им в качестве проводника датского правителя Горма и его спутников в северную часть света, к берегам легендарной Бьярмии, в сказочные владения короля Герута (Geruthus, др.-исл. Geirrøðr – Гейррёд) и его брата Гудмунда (Guthmundus), а затем о втором путешествии Торкиля, на этот раз в пещеру Утгарда-Локи (Utgarthilocus). При этом между историей, изложенной в «Пряди о Торстейне», и рассказом Саксона Грамматика имеются значительные сюжетные расхождения: так, рассказ в «Деяниях датчан», будучи посвящен странствиям в «иные земли», в то же время несет на себе явственный отпечаток легендарных историй о проникновении в курганы и встречах с их обитателями (в рассказе о Торстейне аналогичному эпизоду отведена второстепенная роль). Однако то обстоятельство, что обе эти истории ставят в центр повествования одних и тех же персонажей – Гейррёда и Гудмунда (причем последний не упоминается ни в одном из скандинавских мифологических сказаний) и делают контрагентом либо одного из них («Прядь о Торстейне»), либо обоих («Деяния датчан») некоего смертного заместителя Тора – норвежца Торстейна в одном случае и исландца Торкиля в другом, не может не свидетельствовать о существовании связи между этими произведениями. Имеются также указания на то, что этот восходящий к одним и тем же мифам комплекс легендарных повествований, возможно, не исчерпывался «Прядью о Торстейне» и рассказом Саксона Грамматика. В исландских анналах упоминается Thorkillus Adalfarus (Торкиль Благородный Путешественник), исландец, находившийся на службе у датского конунга Горма Старого, о котором сказано лишь то, что он был отважен, мудр и предприимчив. Этот же персонаж появ-

ляется и в скандинавском фольклоре – в норвежской балладе «Ásmund Fregdegævar» Торкиль Благородный Путешественник (Torkild Adelfar) призывается на помощь герою, когда тот отправляется в опасное путешествие, чтобы вызволить конунгову дочь, которая была увезена троллями в северную страну, находящуюся за Халогаландом и Бьярмаландом (Бьярмией; см. примеч. 13 к «Пряди о Хауке Задаваке»). Нельзя, однако, исключить что все эти позднейшие упоминания Торкиля в конечном счете могут восходить к рассказу, записанному в «Деяниях датчан».

При том что рассказ о Торстейне не был включен в «Большую сагу об Олаве Трюггвасоне» в «Книге с Плоского Острова», как и в большинстве прядей этого собрания, в которых фигурирует Олав Трюггвасон, в нем сильны христианские мотивы: великан Гудмунд представлен «благородным» язычником, уповающим на защиту короля-миссионера, а одержанная Торстейном победа над Гейррёдом, а затем и ярлом Агди изображена как прямой результат поддержки конунга Олава.

Перевод выполнен по изд.: Fornmanna sögur. Bd. 3: Saga af Þorsteini Bæarmagni. Kaupmannahøfn, 1827. S. 175–198. На русском языке прядь публикуется впервые.

[1] *...Хакон ярл сын Сигурда...* – См. примеч. 1 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».

[2] *Гаулардаль* – совр. Гёулдален, местность в долине реки Гауль (Гёула) в Трандхейме, на северо-западе Норвегии.

[3] *...бонд по имени Брюньольв и по прозвищу Верблюд. Он был лендрманн...* – О знатном бонде, носящем имя Брюньольв Верблюд, рассказывается в одном из эпизодов «Саги об Олаве Святом» (гл. 61–62: *КЗ*, 200, 201), где Брюньольв упоминается в связи со спором между Олавом сыном Харальда и Олавом Шведским из-за приграничных территорий. В саге говорится, что он получил от норвежского конунга большое поместье Ветталанд, драгоценный меч и звание лендрманна, и приводится цитата из висы, сложенной Брюньольвом по этому поводу. Из этого сообщения следует, что Брюньольв был жителем Ранрики, т.е. юго-восточной области Норвегии, расположенной на восточном побережье Ослофьорда. В «Саге о Харальде Суровом» (*КЗ*, 463) упоминается также сын Брюньольва Верблюда Халльдор, служивший норвежским конунгам – братьям Олаву сыну Харальда (Святому) и Харальду сыну Сигурда. Можно предположить, что в пряди о Торстейне имя Брюньольва Верблюда введено с целью придания достоверности как фигуре самого главного героя рассказа, так и его необычайным приключениям. Лендрманн – см. примеч. 47 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога».

[4] *...Дагню, она была дочерью Железного Скегги из Ирьяра.* – Как рассказывается в «Саге об Олаве сыне Трюггви» (гл. 66), Скегги был могущественным бондом, который «всегда первым выступал на тинге против Олава конунга и предводительствовал бондами, когда те противились христианству» (*КЗ*, 140). В последующих главах этой саги повествуется о том, как Скегги выступил на тинге от лица бондов и потребовал, чтобы конунг «не ломал их законы» и «приносил жертвы, как делали другие конунги» до него. По настоянию бондов конунг пошел в капище, однако вместо того, чтобы принести жертвы богам, сбросил идолов с их престолов; одновременно с этим Железный Скегги был убит перед дверьми капища людьми конунга (*КЗ*, 141). Вслед за этим сага сообщает о попытке конунга примириться с родичами Скегги: «Олав

конунг пригласил родичей Железного Скегги на встречу и предложил выплатить им виру. Многие знатные мужи могли притязать на нее. У Железного Скегги была дочь, которую звали Гудрун. Примирение кончилось тем, что Олав конунг должен был жениться на Гудрун. Когда состоялась свадьба, Олав конунг и Гудрун легли в одну постель. Но в первую же ночь, когда они лежали рядом, она вытащила кинжал, как только конунг заснул, и хотела заколоть его. Когда конунг увидел это, он отнял у нее кинжал, встал с постели, пошел к своим людям и рассказал, что случилось. А Гудрун взяла свою одежду и всех тех людей, которые за ней туда последовали, и они с ней отправились своим путем, и Гудрун больше никогда не ложилась в одну постель с Олавом конунгом» (гл. 71: *КЗ*, 142). О том, что у Железного Скегги была другая дочь, Дагню, в саге не сообщается. То обстоятельство, что в пряди отсутствуют какие-либо упоминания о вражде родичей Железного Скегги с Олавом Трюггвасоном, а сам Торстейн, внук убитого по распоряжению Олава знатного бонда, представлен как верный дружинник этого конунга, может служить косвенным указанием на фиктивность генеалогии главного героя рассказа (см. предыд. примеч.). Ирьяр – область в Северном Мёре к западу от Тронхеймсфьорда (совр. Эрланн).

[5] *...казался выше большинства домов, его прозвали Силой Хуторов.* – Указывали на то, что сообщение пряди о необычном росте ее героя находит параллель в кельтских сказаниях: так, описанный в «Мабиногионе» («Бранвен, дочь Ллира») король Бран (Вран) настолько велик, что его не вмещает ни один дом (см.: *Simpson J.* A magical drinking-horn. P. 491).

[6] *...Хакону же ярлу перерезал горло его раб, которого звали Тормод Карк.* – О гибели ярла Хакона в Гаулардале подробно рассказывается в «Саге об Олаве сыне Трюггви» (*КЗ*, гл. 48–49). Как сообщает эта сага, ярл был убит собственным рабом, с которым он прятался от восставших против него бондов в яме в свином хлеву усадьбы Римуль.

[7] *Балагардссида* – юго-западное побережье Финляндии.

[8] *...увидал коротко стриженного мальчугана.* – Коротко остриженные волосы – отличительная черта юного тролля в исландском фольклоре.

[9] *...походило на то, как если бы они брели в густом дыму.* – Ср. аналогичное описание плавания Торстейна и его спутников в Восточные Страны, в результате которого герой попадает в Страну Великанов (гл. 3). Туман или мрак, в котором блуждают путники и который приводит их в неведомую чудесную страну, – обычный мотив, сопровождающий посещение «иных земель». Так, у Вергилия Эней и его спутники, сбившись с пути в непроглядной мгле, три дня вслепую блуждают по волнам, прежде чем достигают берега Строфад, где подвергаются нападению гарпий («Энеида», кн. III, стихи 200–205). Этот мотив получил широкое распространение в средневековой ирландской литературе (ср., например, «Плавание Святого Брендана»), а также в восходящих к кельтской традиции рыцарских романах. Высказывались предположения, что в скандинавскую традицию он мог быть также занесен из Ирландии (см. подробнее: *Simpson J.* Otherworld Adventures in Icelandic Saga // Folklore. 1966. Vol. 77. P. 11). Ср. этот же мотив в «Пряди о Хельги сыне Торира».

[10] *...явился к нему из Индии...* – В Средние века большое распространение получили легенды о богатствах и чудесах Индии, которая отождествлялась с далекими сказочными странами вообще, обычно помещаемыми в восточной части света. В кон-

тексте рассказа о Торстейне «Индия», откуда явился посланец ярла тамошней горы, доставивший конунгу диковинное запястье, представляется страной, локализуемой не в реальном пространстве, но в «иных землях» того подземного мира, в котором оказывается герой пряди.

[11] *...сам он альв.* – В оригинале: huldumaðr – букв.: скрытый человек, т.е. альв (эльф). В исландских сказках герои нередко сталкиваются с huldufólk («скрытыми жителями»), обитателями холмов и гор. Альв – см. примеч. 3 к «Пряди о Норна-Гесте».

[12] *...скатерть ⟨...⟩ обшита золотой каймой, и в кайму эту была вставлена дюжина драгоценных каменьев, прекраснее которых не сыщешь.* – Высказывалось предположение, что упоминание о 12 драгоценных камнях, вставленных в кайму скатерти, может восходить к средневековым латинским лапидариям, в которых описывались 12 различных каменьев, согласно библейскому преданию (Исх 28:17–21) украшавших нагрудный щит (эфуд) первосвященника Аарона (см.: *Simpson J.* Otherworld Adventures in Icelandic Saga. P. 2, note).

[13] *...попытать конунгову удачу...* – т.е. испытать удачу его патрона – Олава Трюггвасона.

[14] Этот эпизод находит параллели в исландских сказках, в которых повествуется о том, как герой следом за сверхъестественным существом отправляется в подземный мир сквозь расселину в скале и, оставаясь невидимым, уносит оттуда некий предмет в доказательство того, что побывал там. Как было замечено исследователями пряди (*Simpson J.* Otherworld Adventures in Icelandic Saga. P. 2 f.), первое приключение Торстейна может иметь своим прототипом вариант этого сказочного сюжета, распространенный в скандинавском фольклоре (прежде всего в датском и шведском): проходя мимо горы, герой слышит, как находящийся внутри нее тролль кричит: «Подай мне мою шапку!» (имеется в виду шапка-невидимка, обычный атрибут датских троллей), и, вторя ему, просит, чтобы ему также подали его шапку. После некоторых пререканий, ему выбрасывают шапку, надев которую, герой обретает способность видеть троллей, оставаясь невидимым для окружающих. Затем он отправляется вслед за троллями к людям на свадьбу и наблюдает, как они похищают там еду. В конце концов гости на свадьбе обнаруживают его (в потасовке он либо теряет свою шапку-невидимку, либо сам снимает ее), и он помогает им прогнать троллей. В одном из вариантов герой схвачен гостями, обвинен в краже и должен быть повешен, однако присутствующий в толпе тролль возвращает ему шапку-невидимку, в результате чего герой спасается и благополучно возвращается домой. Сходный мотив путешествия со сверхъестественными существами встречается в шотландском фольклоре, где широкую известность получил рассказ о главе клана из Дуфуса, который услыхал, как проносившиеся вихрем феи кричали: «Horse and Hattock!» («Вскакивай на коня!»), издал тот же крик, после чего был унесен вихрем следом за ними и оказался в их компании в винном погребе французского короля, где был затем обнаружен, однако сумел оправдаться и избежать наказания.

[15] *...отдал ему сокровища...* – Добывание для конунгов редких сокровищ или подношение им диковинных драгоценных предметов, «которых не найти в Норвегии», – тема, появляющаяся в целом ряде историй (ср. подаренное Олаву Трюггвасону старинное запястье Хнитуд в «Пряди о Норна-Гесте» или ставший причиной

конфликта привезенный дружинниками Харальда Прекрасноволосого из Новгорода расшитый дорогой плащ в «Пряди о Хауке Задаваке»).

[16] *Восточные Страны* – см. примеч. 21 к «Пряди о Сёрли».

[17] *Ямталанд* – граничащая с Трандхеймом область на северо-западе Швеции (совр. Емтланд).

[18] *...отплатить тебе за его спасение...* – Карлик, одаривающий героя в благодарность за оказанную ему услугу, – распространенный мотив в «сагах о древних временах» и в исландском фольклоре (см. мотив D817.1.1 в кн.: *Boberg I.M.* Motif-Index of Early Icelandic Literature. P. 61; ср., например, «Сагу об Эгиле Одноруком и Асмунде Убийце Берсерков» (гл. 11), где карлик излечивает Эгиля, потерявшего кисть в стычке с великаном, изготавливает для него меч, которым он может сражаться, несмотря на утрату руки, а также наделяет его иными ценными предметами за то, что тот проявил доброту к его сыну – подарил ему кольцо).

[19] *...рубаху ⟨...⟩ сможешь плавать без устали и никто не нанесет тебе раны.* – Этот мотив (рубашка либо иная одежда/доспехи, делающие героя неуязвимым для оружия или неутомимым пловцом) присутствует в целом ряде фантастических саг. Так, рубашка, обладавшая точно такими же свойствами, была у Одда Стрелы, героя одноименной саги; другие примеры см.: *Boberg I.M.* Motif-Index... P. 64 (D1056. *Magic shirt*), 70 (D1344.9.1. *Magic shirt* (*cloak, armor*) *gives invulnerability*), 74 (D1384.4.1. *Magic shirt prevents fatigue during swimming*).

[20] *...серебряное кольцо ⟨...⟩ пока он владеет этим кольцом, он не будет испытывать нужды в деньгах.* – Кольцо, приносящее богатство, – распространенный сказочный мотив. В скандинавской мифологии одно из главных сокровищ асов – это изготовленное карликами для Одина золотое кольцо Драупнир («капающий»), о котором сказано, что каждую девятую ночь из него капают «по восьми колец такого же веса» (*МЭ*, 128–129). См. также: *Boberg I.M.* Motif-Index... P. 76 (D1456.2. *Magic ring provides money*; D1456.2.1 *Magic ring multiplies wealth*).

[21] *...спрячешь его в ладони, тебя никто не увидит.* – Аналогичный сказочный мотив известен, например, из «Ивэйна» Кретьена де Труа. Камень-невидимка (hulinhjálmsstein) нередко фигурирует в позднейшем исландском фольклоре (ср., например, сказку «Хильд, королева альвов»: «Hildur álfadrottning» // Jón Árnason. Íslenzkar þjóðsögur og æfintýri. Bd. I. S. 110–114; http://www.snerpa.is/net/thjod/hildur.htm).

[22] *...уколешь кристалл острием ⟨...⟩ сам вернется к тебе в руки...* – Последний дар карлика, волшебный кристалл (или камень – др.-исл. hallr), не находит прямых параллелей в скандинавском фольклоре. Однако есть основания полагать, что, описывая свойства этого чудесного предмета, рассказчик пряди мог основываться на верованиях, связанных с главным оружием Тора – молотом Мьёлльниром, с помощью которого этот языческий бог истреблял великанов (о других параллелях между приключением Торстейна в Стране Великанов и мифом о столкновении Тора с великаном Гейррёдом см. в примеч. 55). Согласно рассказу «Младшей Эдды», изготовленное карликом Брокком непобедимое оружие Тора среди прочего обладало следующими свойствами: «как бы далеко ни залетел молот, он всегда вернется Тору в руку. И если Тор захочет, молот сделается так мал, что можно носить его за пазухой» (*МЭ*, 129). Способностью возвращаться к тому, кто их метнул, были наделены и подаренные

Торстейну карликом кристалл и стрекало, которые он впоследствии пустил в ход против правителя Страны Великанов. Известно также, что в скандинавских магических практиках XIX в. миниатюрный медный «молот Тора» вместе со стрекалом, изготовленным из того же материала, использовался для поимки вора. Согласно руководству, необходимо было трижды уколоть ударную часть молота стрекалом, приговаривая при этом: «Я вонзаю это в глаз Отца Битв ⟨Vígfaðir, т.е. Одина⟩, я вонзаю это в глаз Отца Павших ⟨Valfaðir, т.е. Одина⟩, я вонзаю это в глаз Аса-Тора». Эти действия должны привести к тому, что у вора заболят глаза (*Jón Árnason.* Íslenzkar þjóðsögur og æfintýri. Bd. I. S. 445; *Simpson J.* Otherworld Adventures in Icelandic Saga. P. 6 f.). И в этом руководстве, и в пряди не только используется одна и та же лексика (pjakka «вонзать, колоть» и broddr «стрекало, острие»), но и описывается троекратное воздействие на магический предмет (молот в одном случае и кристалл в другом). Кроме того, то, что именно Тор ассоциировался со стихиями, вызываемыми нажатием на магический кристалл, подтверждается сообщением Адама Бременского («Деяния архиепископов гамбургской церкви», кн. IV, гл. XXVI), согласно которому Тор, как верили свеоны, «царит в эфире» и управляет «громами и молниями, ветрами и дождями, ясной погодой и урожаями» (см.: Немецкие анналы и хроники X–XI столетий. М., 2012. С. 436).

[23] *...окутал туман ⟨...⟩ не ведали, где плывут.* – В рассказе Саксона Грамматика («Деяния датчан», кн. VIII) о путешествии исландца Торкиля и датского правителя Горма во владения короля Герута аналогичным образом сообщается о том, что путь в эти чудесные земли пролегает через местность, где круглый год царит мрак (см. также примеч. 9).

[24] *...направился к могучему дубу ⟨...⟩ там он и заночевал.* – Возможная параллель к изложенному в «Младшей Эдде» сказанию о посещении Тором Утгарда-Локи. Согласно этому рассказу, по дороге во владения Утгарда-Локи Тору повстречался великан Скрюмир (под чьей личиной скрывался сам Утгарда-Локи), пожелавший составить ему компанию, и после целого дня, проведенного в пути, Тор и Скрюмир на ночь находят себе пристанище под большим дубом (*МЭ*, 69).

[25] *...тебе скорее подойдет прозвище Малец Хуторов...* – В оригинале: bæarbarn (букв.: дитя хуторов). В рассказе «Младшей Эдды» о посещении Тором великана Утгарда-Локи (*МЭ*, 66–78, 229) также неоднократно подчеркивается, что рослый в сравнении со своими соплеменниками герой (Тор) оказывается «совсем мал ростом против великанов».

[26] *В честь наречения имени надобно что-нибудь дать...* – См. примеч. 28 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».

[27] *...весом в три эйрира.* – Т.е. в три унции.

[28] *...Гудмунд ⟨...⟩ правитель местности, что зовется Гласисвеллир...* – См. примеч. 6 к «Пряди о Хельги сыне Торира».

[29] *...в подчинении у державы, которую называют Страной Великанов.* – Risaland – Страна Великанов (от risi – «великан») противопоставлена в этом рассказе названному вслед за тем Ётунхейму (Jötunheimr – Страна Ётунов; ётун – другое наименование великана), находившемуся под властью конунга Гейррёда, чьими ленниками были Гудмунд и его отец. Помимо данной пряди различие между Страной Великанов (Risaland) и Ётунхеймом проводится в «Саге о Хервёр и Хейдреке»

(Risaland упоминается также в «Саге об Одде Стреле», гл. 18, 21), и, по-видимому, во всех этих случаях оно отражает представление о разных племенах великанов. Так, в «Саге о Барде» сказано, что великаны, называемые risar, красивы собой, выше ростом, чем «другие люди» и покладисты нравом; в противоположность им, ётуны (jötunn) и тролли (tröll) обычно лишены привлекательных черт, превосходят risar (гигантов) силой и зловредны. В более позднем исландском фольклоре эти различия, однако, стираются (см. подробнее: *Ármann Jakobsson*. The Good, the Bad and the Ugly: «Barðar saga» and Its Giants // The Fantastic in Old Norse/Icelandic Literature, Sagas and the British Isles: Preprints of the Thirteenth International Saga Conference, Durham and York, 6th – 12th August, 2006. Durham, 2006. Vol. I. P. 54–62). Из дальнейшего рассказа явствует, что, в отличие от их противников (конунга Гейррёда, ярла Агди и их приспешников), Гудмунд и его свита – это «хорошие» великаны, очевидно принадлежащие к племени risar, хотя в пряди это обозначение встречается лишь в составе наименования Risaland.

[30] *...зовут одного Силач-Хоть-Куда, а другого Силач-Каких-Мало.* – Fullsterkr (букв.: вполне сильный) и Allsterkr (букв.: очень сильный).

[31] *...Ётунхейм ⟨...⟩ конунг по имени Гейррёд...* – В скандинавской мифологии Ётунхейм лежит на востоке или на севере, и Тор постоянно отправляется туда воевать с великанами («ётунами»). Как упоминалось ранее (см. примеч. 22), есть основания считать, что центральный эпизод «Пряди о Торстейне» восходит к мифу о посещении Тором конунга великанов Гейррёда, и действительно, последующий рассказ обнаруживает целый ряд сходств с этим сказанием. В «Деяниях датчан» (кн. VIII) конунг Герут представлен братом великана Гудмунда, однако их владения, также расположенные по соседству, локализуются в отдаленной Бьярмии (in ulteriorem Byarmiam; о Бьярмии см. примеч. 13 к «Пряди о Хауке Задаваке»), путь куда лежит через окружающий землю океан.

[32] *...большая река ⟨...⟩ Хемра...* – Значение названия реки Hemra неизвестно, не исключено, что оно было произведено от hamarr «молот» (см.: *Ásgeir Blöndal Magnússon*. Íslensk orðsifjabók. Reykjavík, 1989. Bls. 303). Рискованный переход вброд через смертоносную реку, за которой лежит Страна Великанов, – мотив, присутствующий и в сказании о посещении Тором великана Гейррёда. Как рассказывает Снорри, который в своем изложении этого мифа опирается на цитируемый тут же ранний поэтический источник – «Драпу о Торе» («Þórsdrápa», X в.) исландского скальда Эйлива Гудрунарсона, по дороге во владения Гейррёда Тор был вынужден пересечь «величайшую из рек», Вимур (по-видимому, смысл этого названия «нерешительность»), и перед тем, как перейти ее вброд, опоясался Поясом Силы, а сопровождавший его Локи ухватился за его пояс (в поэме Эйлива у Тора был другой спутник – его слуга Тьяльви). Когда же Тор дошел до середины реки, в ней внезапно поднялась вода, да так высоко, что стала перекатываться через плечи Тора. Оказалось, что подъем воды вызвала Гьяльп, дочь Гейррёда, стоявшая выше по течению. Со словами: «Будет в устье запруда!» Тор запустил в нее камнем, и его тут же вынесло к берегу и он выбрался из потока, ухватившись за рябину (отсюда пошла поговорка: «Рябина – спасение Тора») (*МЭ*, 118–120). В поэме Эйлива, где этот эпизод описывается в еще более драматичных тонах, воды реки названы ядовитыми. В опирающемся на этот же миф рассказе Саксона Грамматика земли Гудмунда и Герута разделяет поток, через

который перекинут золотой мост: это граница между миром людей и миром «иным», в который не допускается ни один смертный (мотив, встречающийся и в других древнескандинавских источниках, в том числе в «Саге об Эйрике Путешественнике» и в рассказе «Младшей Эдды» о поездке Хермода в царство мертвых, Хель, куда он отправился за Бальдром; последний рассказ содержит и другой, уже упоминавшийся ранее мотив, обычно сопровождающий путешествие в «иные земли», – странствие во тьме: Хермод «скакал девять ночей темными и глубокими долинами и ничего не видел, пока не подъехал к реке Гьёлль и не ступил на мост, выстланный светящимся золотом», *МЭ*, 84–85). Согласно изложению Саксона Грамматика, в дальнейшем Гудмунд перевозит путников на другой берег этой реки.

[33] *...если Олав конунг дарует нам свою удачу...* – В противоположность «Пряди о Хельги сыне Торира» и неоднократно упоминавшемуся рассказу Саксона Грамматика, где Гудмунд изображается опасным и коварным соблазнителем, стремящимся навсегда оставить у себя прибывших в его владения людей (в «Деяниях датчан» лишив их памяти о прошлом), в «Пряди о Торстейне» он предстает добрым язычником, другом главного героя и его патрона, Олава Трюггвасона, причем не только терпимым к их вере, но и возлагающим надежды на «удачу» (т.е. везение и благодать) христианского короля.

[34] *...отсек себе большой палец...* – Деталь из еще одного мифа о Торе: Тор рассказывает провидице Гроа, жене Аурвандиля Смелого, вызвавшейся извлечь из его головы точило, которое в него метнул великан Хрунгнир, о том, как он шел с севера вброд через реки Эливагар и нес в корзине на спине Аурвандиля, также бывшего на севере в Ётунхейме. «И в подтверждение того, что это правда, Тор рассказал, как Аурвандиль высунул из корзины палец ноги и его отморозил, а Тор отломал тот палец и забросил на небо, сделав из него звезду Палец Аурвандиля» (*МЭ*, 117). Пересказывая этот миф, Снорри опирается на поэму норвежского скальда IX в. Тьодольва из Хвинира «Хаустлёнг» (строфа 20). Аналогичный эпизод известен из ныне утраченной «Саги о людях их Ледниковой Долины», от которой сохранился лишь небольшой фрагмент. В нем рассказывается о некоем Хаконе, который поклонялся Тору и каждое утро ходил босой и с обнаженной головой к его капищу. В тот день, когда Хакону предстоял поединок, он, несмотря на ударивший ночью мороз, по своему обыкновению, отправился с утра пораньше в капище Тора и по дороге отморозил мизинец на ноге, отрубил его, после чего одержал победу в бою. См.: «Ágrip Jökuldæla sögu» (http://www.heimskringla.no/wiki/Ágrip_Jökuldæla_sögu).

[35] *Грундир* – букв.: Луга (мн. ч. от grund). Во вступлении к одной из редакций «Саги о Хервёр и Хейдреке» (U; Saga Heiðreks konungs ins vitra. The saga of king Heidrek the Wise / Ed. and transl. by Ch. Tolkien. L., 1960. P. 66) сказано, что так называлась усадьба Гудмунда, расположенная на Гласисвеллир в Ётунхейме.

[36] *Гнипалунд* (Gnípalundr) – по-видимому, Высокая Роща (ср.: gnípa: «пик, горная вершина» и lundr «роща»).

[37] *...уселся на скамеечке ⟨...⟩ первый кубок.* – Ср. в «Саге об Инглингах» (гл. 36): «В то время был обычай, что, когда справляли тризну по конунгу или ярлу, тот, кто ее устраивал и был наследником, должен был сидеть на скамеечке перед престолом до тех пор, пока не вносили кубок, который назывался Кубком Браги (bragafull: предполагается, что первая часть этого слова – имя одного из богов-асов, Браги; однако

в др.-исл. текстах не реже употребляется и другой вариант – bragarfull, где первый компонент произведен от bragr – «лучшее», поэтому это наименование может быть истолковано и как «лучший кубок». – *Е.Г.*). Затем он должен был встать, принять кубок, дать обет совершить что-то и осушить кубок. После этого его вели на престол, который раньше занимал его отец. Тем самым он вступал в наследство после отца» (*КЗ*, 31).

[38] *...одного из них звали Ёкуль, а другого Фрости...* – Jökull, букв.: лед; Frosti, букв.: мороз (ср. frost – «мороз»).

[39] *Густ* (Gustr) – букв.: порыв ветра.

[40] *Дрётт* (Dröttr) – букв.: лентяй. Помимо пряди о Торстейне, имя Дрётт упоминается среди сыновей Раба в «Песни о Риге», а также в перечне имен троллей в «Туле всех троллей» из «Саги о Вильхьяльме Кошеле» («Vilhjálms saga sjóðs»).

[41] *Хёсвир* (Hösvir) – букв.: серый волк.

[42] *...с тюленьей головой, которая весила сто фунтов.* – В рассказе Саксона Грамматика о путешествии Торкиля, когда путники являются в палаты конунга Герута, они видят там застывших в разных позах чудищ, часть из которых оцепенели, когда кидали друг другу козлиную шкуру. По-видимому, речь идет об исландской игре, именуемой skinnleikr «игра в шкуру», в ходе которой играющие кидают друг другу свернутую шкуру.

[43] *Вместе они кидают мяч...* – Невидимый помощник, при чьей поддержке другие персонажи одерживали бы верх в играх, – мотив, в скандинавской традиции появляющийся лишь в данном рассказе. Однако, как замечает Ж. Симпсон (*Simpson J.* Otherworld Adventures in Icelandic Saga. P. 15 f.), эпизоды, описывающие испытания, которым Гейррёд подвергает Гудмунда и его людей и из которых они выходят победителями исключительно благодаря своему незримому помощнику, находят аналогию в немецком эпосе. В более ранней «Песни о Нибелунгах» (конец XII в.) в авентюре VII, повествующей о сватовстве Гунтера к Брюнхильде, Зигфрид, надев плащ-невидимку и встав рядом с Гунтером, притворяющимся, что все подвиги совершает он сам, вместо него побеждает Брюнхильду в затеянных ею трех состязаниях: метании огромного копья и тяжеленного «необхватного» камня, который с трудом поднимали вместе «двенадцать смельчаков», а затем обгоняет ее в прыжке, прыгая вместе с Гунтером.

[44] *...оконное стекло...* – Застекленные окна (др.-исл. glergluggr) впервые появляются в Скандинавии в связи с сооружением каменных соборов (конец XI в.).

[45] *...далеко превосходят нас силой.* – См. примеч. 29.

[46] *...с чего это от вас так несет?* – Намек на то, что среди людей Гудмунда присутствует чужак-христианин.

[47] *...синий, точно Хель.* – Ср. описание троллихи Скьяльдвёр в «Пряди о Торстейне Бычья Нога». Как сказано в «Младшей Эдде», великанша Хель, в чье царство попадают люди, умершие от старости или болезни, «наполовину синяя, а наполовину – цвета мяса, и ее легко признать потому, что она сутулится и вид у нее свирепый» (*МЭ*, 49).

[48] *...трое...* – Намек на незримых помощников противника Агди – Торстейна и его патрона, конунга Олава Трюггвасона.

[49] *...бросает в жар.* – По-видимому, реакция язычника на незримое присутствие Олава Трюггвасона, поддерживающего Торстейна в его борьбе с великанами. Ср. по-

следующее сообщение о том, что на ярла Агди пахнуло жаром, когда он намеревался войти в охраняемый Олавом покой, чтобы убить Торстейна.

[50] *...два рога ⟨...⟩ они были прозваны Хвитингами.* – Хвитинг – букв.: белый; по всей видимости, это название указывает на металл, из которого были изготовлены драгоценные рога, – серебро. См. примеч. 10 к «Пряди о Хельги сыне Торира».

[51] *Эйрир* – см. примеч. 27.

[52] *...человечья голова из плоти ⟨...⟩ предупреждает, если их подстерегает какая-нибудь опасность.* – Среди упоминаемых в рассказе Саксона Грамматика сокровищ короля Герута также назван драгоценный рог, однако ничего не говорится о главной особенности Доброго Грима – прилаженной к нему голове оракула; эта важнейшая деталь отсутствует и в рассказах («Пряди о Хельги сыне Торира» и «Пряди о Норна-Гесте»), где фигурируют два рога, оба носящие имя Грим, которые были подарены Гудмундом с Гласисвеллир Олаву Трюггвасону (очевидно, имя Грим свидетельствует о произошедшем в этих рассказах смешении Доброго Грима с парными рогами Хвитингами, первоначально принадлежащими ярлу Агди; см. примеч. 10 к «Пряди о Хельги сыне Торира»). Голова оракула – редкий мотив в древнескандинавской традиции. В «Прорицании вёльвы» (строфа 46) Один беседует с отсеченной головой великана Мимира, владельца источника, в котором «сокрыты знание и мудрость». Как объясняется в «Младшей Эдде», Мимир «исполнен мудрости оттого, что пьет воду этого источника из рога Гьяллархорн» (*МЭ*, 33). Название рога – Гьяллархорн (букв.: громкий рог) и сообщение более ранней эддической песни «Прорицание вёльвы» (строфа 46) о том, что бог Хеймдалль затрубит в него в преддверии Рагнарёка (гибели богов), свидетельствуют о том, что Снорри ошибочно смешал сигнальный рог с питейным. Поскольку это единственный скандинавский текст, где голова мудрого провидца получает тот же атрибут (рог), что и голова Доброго Грима в истории о Торстейне, нельзя исключить связь между обоими рассказами. Отрезанная человеческая голова, предсказывающая немирье, упоминается также в «Саге о людях с Песчаного Берега» («Eyrbyggja saga», гл. 43). Между тем высказывалось предположение (*Simpson J.* A magical drinking-horn; *Idem.* Otherworld Adventures in Icelandic Saga. P. 18 f.) о кельтском происхождении эпизода о Добром Гриме и его возможном прототипе в рассказе «Мабиногиона» («Бранвен, дочь Ллира») об отрезанной голове короля-великана Брана Благословенного (Бендигейда Врана), которую он сам велел отделить от собственного тела после его смерти и похоронить на Белом Холме в Лондоне лицом к Стране франков, чтобы защитить страну от вторжения. Согласно этому сказанию, прежде чем быть похороненной, голова Брана продолжает говорить и в течение семи лет развлекает присутствующих на пиру в Харлехе. В других валлийских легендах сообщается также, что Брану принадлежал чудесный рог Ниггард (кельтский вариант рога изобилия), входящий в число 13 сокровищ Британии. Рассказы о пророчествующих отрубленных головах героев не редкость в кельтской традиции (ср., например, сообщение о голове Конайре в «Разрушении Дома Да Дерга»).

[53] *...ни одному человку не под силу осушить его.* – Ср. сказание «Младшей Эдды» об испытаниях, которым Тор подвергался в гостях у повелителя великанов Утгарда-Локи. Среди прочего ему пришлось пить из бездонного рога, питье в котором, сколько он ни старался осушить его, почти не убавлялось. Из последующих объяснений правителя Утгарда оказывается, что другой конец этого рога был в море (*МЭ*, 73–77).

[54] *...Один конунг...* – Очевидно, имеется в виду верховный бог скандинавов, Один.

[55] *...швыряет кристалл и стрекало так, что кристалл угодил Гейррёду в один глаз, а стрекало в другой, и он повалился на пол мертвый...* – Мотив «огненной забавы», здесь преображенный вследствие наложения на него сказочного мотива волшебных даров, также, по всей видимости, восходит к мифологическому сказанию об убийстве Тором великана Гейррёда. Как сообщается в «Младшей Эдде», явившись к Гейррёду, Тор был приглашен к нему в палату «позабавиться играми». Вдоль всей палаты были разведены костры, а когда Тор вошел и встал напротив Гейррёда, великан ухватил щипцами раскаленный брусок железа и швырнул его в Тора. Тот поймал брусок железными рукавицами, высоко поднял его и бросил в Гейррёда, попытавшегося было защититься, отскочив за железный столб, но раскаленное железо пробило и столб, и Гейррёда, и стену, «и ушло в землю» (*МЭ*, 120). В соответствующем рассказе о посещении Гудмунда и Герута в «Деяниях датчан» путешественники, бродя по владениям конунга Герута, находят искалеченного старца «с пробитым телом» и рядом с ним трех согбенных жен с переломанными хребтами, после чего их проводник, исландец Торкиль, объясняет своим спутникам, что перед ними не кто иной, как сам Герут, и что своим плачевным состоянием он и его дочери обязаны Тору (в рассказе «Младшей Эдды» среди прочего сообщается о том, как Тор переломил спины двум дочерям Гейррёда, Гьяльп и Грейп, прятавшимся под скамьей, на которой он сидел).

[56] *Хольмгард* – скандинавское название Новгорода.

[57] *...навстречу ему пахнуло таким жаром, что он не отважился зайти внутрь и повернул назад.* – См. примеч. 49.

[58] *Хейдрек Волчья Шкура* – этот легендарный правитель упоминается и в других историях (см. примеч. 30 к «Пряди о Сёрли»).

[59] *...Агди ярл начал наведываться туда и разорил ее.* – В сагах не раз рассказывается о так называемых живых мертвецах, имевших обыкновение посещать жителей той или иной местности и всячески им досаждать (самый известный пример – история о пастухе Гламе в «Саге о Греттире», гл. 32–35; см. также примеч. 59 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога»).

[60] *...исчез с Великого Змея, пропали и рога Хвитинги.* – См. примеч. 16 к «Пряди о Хельги сыне Торира».

ПРЯДИ В СОСТАВЕ «ОТДЕЛЬНОЙ САГИ ОБ ОЛАВЕ СВЯТОМ»

ПРЯДЬ О ХАРАЛЬДЕ ГРЕНЛАНДЦЕ

В качестве отдельного рассказа «Прядь о Харальде Гренландце» («Haralds þáttr grenska») присутствует только в «Книге с Плоского Острова» (*Flat.* II, 3–5), где она является первой из двух прядей, предпосланных «Отдельной саге об Олаве Святом» (см. также коммент. к «Пряди об Олаве Альве Гейрстадира»). В этой компиляции

она имеет соответствующее заглавие – «Þaattr Harallz grænska». Разные версии рассказа о гибели отца будущего святого правителя, Харальда Гренландца, приводятся, однако, и в более ранних источниках, относящихся к первой половине XIII в., но ни в одном из них он не обладает самостоятельностью, будучи лишь эпизодом разных «королевских саг» («Отдельной саги об Олаве Святом», а также «Саги об Олаве сыне Трюггви» в составе «Круга Земного» Снорри Стурлусона и «Легендарной саги об Олаве Святом»; см. подробнее в комментариях).

Прядь помещена в переходной части между двумя главными сагами, входящими в «Книгу с Плоского Острова», – «Сагой об Олаве Трюггвасоне» и «Сагой об Олаве Харальдссоне» – и вместе со следующей за ней «Прядью об Олаве Альве Гейрстадира» служит связующим звеном между жизнеописаниями этих двух первых христианских королей-крестителей Норвегии. Очевидная функция обоих «промежуточных» рассказов состоит в выстраивании преемственности правителей страны (см. также коммент. к следующей пряди).

Перевод сделан по изд.: Fornar smásögur úr noregskonunga sögum / E. Gardiner gaf út. Reykjavík, 1949. Bls. 24–28; исландский текст сверен с изд.: Flateyjarbok. En samling af norske konge-sagaer med indskudte mindre fortællinger / Udg. Guðbrandur Vigfússon, C.R. Unger. Christiania, 1860–1868. Bd. II. S. 3–5. На русском языке прядь публикуется впервые.

1 *...за Гудрёдом конунгом, сыном Бьёрна Купца...* – Гудрёд, внук Харальда Прекрасноволосого (см. примеч. 100 к «Пряди о Норна-Гесте»), был конунгом в Вестфольде в юго-восточной Норвегии. Бьёрн Купец пал в сражении со своим братом, Эйриком Кровавая Секира, после чего Гудрёд воспитывался у своего дяди по отцу, Олава. Сыном последнего был Трюггви, названый брат Гудрёда (впоследствии им убитый), отец норвежского конунга Олава Трюггвасона.

2 *Олав же ⟨...⟩ стал править там первым из своих сородичей.* – Т.е. происходивших из Швеции конунгов из рода Инглингов, чьим прародителем считался языческий бог Ингви-Фрейр (о перечисленных здесь предках Гудрёда см. «Сагу об Инглингах»: *КЗ*, 11–37).

3 *Олав Альв Гейрстадира* – конунг, правивший в Вестфольде; см. о нем одноименную прядь, которая в «Книге с Плоского Острова» следует непосредственно за рассказом о Харальде Гренландце.

4 *Гренланд* – соседняя с Вестфольдом область на юго-востоке Норвегии.

5 *Лендрманн* – см. примеч. 47 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога».

6 *...Харальд Серая Шкура убил Гудрёда конунга...* – Об этом рассказывается в гл. 10 «Саги о Харальде Серая Шкура» (*КЗ*, 94). Харальд Серая Шкура – норвежский конунг (ум. ок. 970), сын Эйрика Кровавая Секира и внук Харальда Прекрасноволосого. Излагая эти, а также описываемые в следующей главе события, составитель пряди опирается на «Отдельную сагу об Олаве Святом» Снорри Стурлусона (гл. 12, 13), однако в «Круге Земном» эти сведения были перенесены в «Сагу о Харальде Серая Шкура» (гл. 11: *КЗ*, 94; *Hkr* I, 215).

7 *...Храни, его названый брат...* – один из главных персонажей следующего рассказа – «Пряди об Олаве Альве Гейрстадира».

8 *Скёглар-Тости* – т.е. Тости Скёгуль. Скёгуль – имя валькирии (Скёглар – форма род. падежа), это прозвище, таким образом, указывает на воинственность Тости.

[9] *Эйрик Победоносный, конунг шведов, в старости взял в жены Сигрид, дочь Скёглар-Тости.* – Эйрик Победоносный – шведский конунг (см. примеч. 1 к «Пряди о Стюрбьёрне Воителе Шведов»). Указанное в сагах происхождение Сигрид было подвергнуто сомнению историками. Сопоставление рассказов «королевских саг» с сообщениями средневековых хронистов (Адама Бременского и Титмара Мерзебургского) дало основания для предположений, что Сигрид в действительности была польской княжной Свентославой, дочерью первого князя из династии Пястов, Мешко I (ок. 935–992), которая в первом браке была замужем за шведским конунгом Эйриком Победоносным, а впоследствии стала женой датского правителя Свейна Вилобородого (ок. 986–1014).

[10] *Олав Шведский* – также известен как Олав Шётконунг, шведский конунг (ок. 995 – ок. 1022).

[11] *Эйрик конунг шведов умер на исходе дней Хакона ярла. Сигрид конунгова жена была тогда в своей усадьбе, потому что она владела многими поместьями и притом большими.* – Имеется в виду норвежский ярл Хакон Могучий из Хладира (974–995). Большие земельные владения были получены Сигрид в качестве компенсации при расторжении брака: в ряде источников сообщается о разводе Эйрика с Сигрид и его женитьбе на дочери Хакона ярла, Ауд. Так, в жизнеописании Олава Трюггвасона, составленном монахом Оддом Сноррасоном, на которое впоследствии опирались авторы многих саг, говорится, что конунг Эйрик расстался с Сигрид конунговой женой, поскольку не желал более терпеть ее заносчивости и надменности, после чего поставил ее королевой над Гаутландом, дав ей большие владения. Одд, однако, приводит и другую мотивировку развода королевской четы: перед тем как одержать победу над своим родичем Стюрбьёрном, Эйрик дал обет спустя десять лет принести себя в жертву Одину (см. об этом в «Пряди о Стюрбьёрне Воителе Шведов»), Сигрид же не захотела последовать за ним, как того требовал шведский обычай, и потому настояла на разводе (*ÓTOdd*, kap. 5: bls. 14 f.; kap. 32: bls. 107).

[12] *Харальд Гренландец примирился с Харальдом конунгом датчан...* – Имеется в виду датский конунг Харальд Синезубый, сын Горма (ум. 985 или 988), бывший в то время правителем Норвегии. Как сказано в «Саге об Олаве сыне Трюггви» (гл. 15: *КЗ*, 106), «Харальд конунг дал Харальду Гренландцу Вингульмёрк, Вестфольд и Агдир до Лидандиснеса, а также сан конунга. Харальд Гренландец должен был править там с теми же правами, которые были раньше у его родичей и которые Харальд Прекрасноволосый дал своим сыновьям. Харальду Гренландцу, который потом прославился, было тогда восемнадцать лет». Харальд получил, таким образом, большие владения в юго-восточной Норвегии. В этом перечне отсутствует Гренланд – фюльк (область), расположенный между Вестфольдом и Восточным Агдиром, однако в дальнейшем в пряди говорится о возвращении Харальда домой в Гренланд.

[13] *...отвели в опочивальню ⟨...⟩ проводила его богатыми подарками.* – Здесь и в дальнейшем автор пряди явно соединяет две различные версии как этого, так и последующих эпизодов, рассказывающих о Харальде Гренландце и Сигрид, которые были почерпнуты им из более ранних жизнеописаний Олава Святого. Первая известна из «Легендарной саги об Олаве Святом» (начало XIII в.). Как сказано в этой саге, «Гаутландом в то время правила Сигрид Гордая. Случилось однажды, что Харальд конунг возвратился из похода и приехал в Гаутланд. Сигрид посылает к нему людей

и приглашает его на пир. И когда угощение было готово, он явился на пир, и конунгова жена была очень добра к нему. А вечером ему была приготовлена постель, и рассказывается, что она предложила ему лечь той ночью рядом с ним. Он же ответил: "Аста будет нынче ночью спать одна, – сказал он, – и нам следует поступить так же". И конунгова жена удаляется в большом гневе. А утром конунг уезжает прочь и возвращается домой в свою страну и владения» (*ÓHLeg*, kap. 1: bls. 1). Во второй версии того же эпизода, присутствующей в «Отдельной саге об Олаве Святом» (гл. 16; в «Круге Земном» этот эпизод был перенесен в «Сагу об Олаве сыне Трюггви», гл. 43: *Hkr* I, 287 ff.) и, по всей видимости, принадлежащей перу Снорри Стурлусона, мотив отвергнутой любви и оскорбленного достоинства Сигрид никак не эксплицируется: «Вечером, когда конунг пошел в опочивальню, ему там была приготовлена постель с пологом из драгоценной ткани и роскошными покрывалами. Народу в этом покое было мало. Когда конунг разделся и лег в постель, к нему пришла Сигрид и сама наполнила его кубок и очень склоняла его к тому, чтобы он выпил, и была очень весела. Конунг был очень пьян, и она тоже. Потом он заснул, а Сигрид тоже ушла спать» (*КЗ*, 126). Как можно заметить, за исключением дополнения из «Легендарной саги», автор пряди довольно точно воспроизводит текст Снорри. Это относится и ко второй (отсутствующей в более ранней версии) части эпизода, очевидно заимствованной из «Отдельной саги об Олаве Святом», в которой рассказывается о продолжении пира и глубоко задевших Харальда словах Сигрид о том, что ее владения не уступают его. Автор пряди, таким образом, сознательно изменяет смысл заимствованного им у Снорри эпизода, вновь привнося в него мотивировку поступков главной героини, предложенную более ранним биографом.

[14] *...туда прибыли шесть других конунгов, и все они были намерены свататься к Сигрид конунговой жене.* – Вслед за автором «Легендарной саги» (*ÓHLeg*, kap. 5: bls. 4) и Оддом Сноррасоном (*ÓTOdd*, kap. 32: bls. 107) Снорри сообщает лишь об одном, помимо Харальда, женихе – Виссавальде конунге из Гардарики, т.е. из Руси (см. след. примеч.), чье имя также упомянуто и в пряди.

[15] *Висивальд* – или Виссавальд (так в «Круге Земном») – искаженное Всеволод. Это имя упоминается уже в наиболее ранней версии «Саги об Олаве сыне Трюггви» монаха Одда (гл. 32). В научной литературе высказывались разные мнения о том, какой русский князь мог иметься в виду (см.: *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.): Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С. 210 и след.; *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 477 и след.).

[16] *...приехал в Швецию и послал сказать Сигрид* ⟨...⟩ *их разговор закончился.* – Излагая этот эпизод, автор пряди поначалу почти дословно воспроизводит версию «Отдельной саги об Олаве Святом» (гл. 16; она же сохраняется в «Круге Земном»: *КЗ*, 126), однако затем, как и в первой сцене, отступает от редакции Снорри и вносит в свой рассказ дополнения из «Легендарной саги», отдавая предпочтение объяснению поведения героини, данному более ранним биографом Олава. Согласно «Легендарной саге», дело обстояло следующим образом: «Харальд Гренландец собирается уехать из страны, и кажется ему, что он совершил ошибку, отказавшись от брака с Сигрид, и он отправляется на встречу с ней. Она устраивает для него достойное

угощение. Тогда он опять заводит тот же разговор, что у них уже был прежде. Она заявляет, что ныне не желает этого, и говорит, что ее не прельщают ни его власть, ни звание. “Потому, – говорит она, – что Аста стала теперь матерью того Олава, которого я больше всего хотела бы иметь своим сыном” (непосредственно перед этим в саге подробно описывались события, связанные с рождением Олава, однако Харальд Гренландец, не присутствовал при рождении сына, поскольку расстался с Астой и отослал ее назад к отцу, чем и объясняется его сватовство к Сигрид. – *Е.Г.*). Он опять принимается упрашивать ее пойти за него, но она не отвечает ему» (*ÓHLeg*, kap. 5: bls. 4). Заключительная речь Сигрид проясняет, таким образом, и ее поведение во время первой встречи с Харальдом Гренландцем: благодаря своему дару предвидения Сигрид узнает, что Харальду суждено было стать отцом величайшего из конунгов – Олава Святого, и пытается занять место Асты, чтобы самой выносить его сына и разделить с Харальдом эту славу, однако ее попытка не увенчалась успехом. Позднее, уже зная о предстоящем рождении Олава, она отвергает запоздалое предложение Харальда, к которому, как можно понять из версии «Легендарной саги», взятой автором пряди за образец, она не питала склонности, а потом безжалостно убивает его вместе с другими претендентами на ее руку. Тогда как Снорри склонен мотивировать злодейский поступок Сигрид исключительно ее гордостью, заносчивостью и дурным нравом, составитель «Легендарной саги», а за ним и автор пряди, ставят во главу угла ее неосуществившееся желание занять место Асты – матери Олава Святого. В свете этого убийство Харальда, а заодно с ним и прочих женихов, может быть понято как месть оскорбленной и разгневанной королевы. Сигрид противопоставляется Асте и еще в одном знаменитом эпизоде. В «Саге об Олаве сыне Трюггви» (гл. 60–61: *КЗ*, 137; см. также *Flat.* I, 369–372) сообщается о том, при каких обстоятельствах была разорвана их с Олавом Трюггвасоном помолвка, причем частью этого рассказа является сообщение о крещении конунгом Олавом Асты, ее нового мужа Сигурда Свиньи (подобно Харальду Гренландецу, правнука Харальда Прекрасноволосого) и малолетнего Олава, сына покойного Харальда и Асты (в «Книге с Плоского Острова» приводится пространная речь конунга Олава Трюггвасона о великом будущем, ожидающем его крестника, произнесенная им при этом обряде). Сразу же вслед за тем рассказывается о встрече Олава Трюггвасона с его суженой, Сигрид Гордой, во время которой конунг потребовал, чтобы она приняла крещение. Встретив отказ, конунг в гневе заявил, что не намерен жениться на заядлой язычнице, и ударил ее по лицу перчаткой. Эта пощечина сыграла роковую роль в судьбе Олава Трюггвасона и, как ему и было тут же обещано, в конечном счете привела к его смерти: Сигрид вскоре стала женой датского конунга Свейна Вилобородого и, подстрекая его против своего бывшего жениха, приложила все усилия к созданию враждебного Олаву союза правителей Дании и Швеции, выступившего против него в битве при Свёльде.

[17] *...приезжать из других стран и свататься к ней.* – В последней части этого эпизода, как и в эпилоге рассказа, автор пряди вновь почти буквально воспроизводит редакцию Снорри, опуская, однако, сообщение о том, что после сожжения конунгов героиню прозвали Сигрид Гордой. В «Легендарной саге», где, подобно всем источникам, за исключением нашей пряди, сообщается о приезде, помимо Харальда Гренландца, всего лишь одного претендента (конунга с «восточного пути» – Висавальда), предшествующие сожжению события описываются несколько иначе. Здесь говорится,

что Сигрид усаживает женихов пировать в разных палатах и ходит между ними, потчуя их брагой и обещая каждому, что достанется тому из них, кто больше выпьет; в конце концов оба засыпают мертвецки пьяные и во сне встречают свою смерть. Кроме того, как рассказано в этой более ранней саге, после расправы с женихами Сигрид созывает тинг (народное собрание) и обращается на нем к людям, объясняя свой поступок тем, что эти конунги зарились на ее владения, а она не пожелала, чтобы народ терпел от них притеснения.

[18] *В предыдущую же зиму произошло сражение Хакона ярла с йомсвикингами в заливе Хьёрунгаваг.* – Йомсвикинги – викинги из Йомсборга (см. примеч. 5 к «Пряди о Стюрбьёрне Воителе Шведов»). Об упомянутом здесь сражении в заливе Хьёрунгаваг в Южном Мёре на западе Норвегии, согласно внутренней хронологии королевского жизнеописания произошедшем за год до рождения Олава Харальдссона, т.е. в 994 г. (однако, скорее, имевшем место между 974 и 983), рассказывается в гл. 40–42 «Саги об Олаве сыне Трюггви» (*КЗ*, 122–125), а также в «Саге о йомсвикингах».

[19] *...Харальд конунг намеревался покинуть ее.* – По сообщению «Легендарной саги» (гл. 3), Харальд осуществил это свое намерение еще до того, как был отвергнут Сигрид, однако автор пряди опирается здесь на версию «Отдельной саги» (гл. 17, позднее воспроизведенную и в «Круге Земном»). Сразу же вслед за этим Снорри сообщает о рождении Олава (995 г.): «Аста дочь Гудбранда родила мальчика в то лето. Мальчика окропили водой и назвали Олавом. Это сделал Храни. Мальчик рос сперва у Гудбранда и своей матери Асты» (гл. 44: *КЗ*, 127). В «Книге с Плоского Острова» обстоятельствам рождения Олава Святого отведен следующий за «Прядью о Харальде Гренландце» рассказ – «Прядь об Олаве Альве Гейрстадира».

ПРЯДЬ ОБ ОЛАВЕ АЛЬВЕ ГЕЙРСТАДИРА

Помимо «Книги с Плоского Острова» (*Flat.* II, 6–9), в редакции которой рассказ приводится в настоящем собрании (в этой компиляции она следует непосредственно за «Прядью о Харальде Гренландце»), разные версии «Пряди об Олаве Альве Гейрстадира» («Óláfs þáttr Geirstaðaálfs») содержатся в созданной в начале XIII в. «Легендарной саге об Олаве Святом» (*ÓHLeg*, kap. 2–4), а также в качестве позднейших интерполяций в ряде рукописей «Отдельной саги об Олаве Святом» (*OlH* – «Den store saga om Olav den hellige») Снорри Стурлусона (первая половина XIII в., в частности в «Bæjarbók», «Bergsbók», AM 75 e fol.; см. варианты в *OlH*, 718–735), при этом она отсутствует в обеих редакциях этой саги, принадлежащих самому Снорри (*OlH* и в «Круге Земном»). Как и предшествующий рассказ, «Прядь о Харальде Гренландце», «Прядь об Олаве Альве Гейрстадира» помещена в «Книге с Плоского Острова» перед «Сагой об Олаве Святом» (сразу же после пряди в рукописи следует заголовок: «Herr hefr vpp sogu Olafs konungs Haralldzsunar» – «Здесь начинается сага об Олаве конунге сыне Харальда»).

Рассказ предугадывает великое будущее святого короля, Олава Харальдссона (1015–1028, погиб 29 июля 1030), и представляет его преемником одного из его отдаленных предков из рода Инглингов – некогда правившего в Вестфольде и заслужив-

шего большую любовь подданных конунга Олава, после смерти прозванного Альвом Гейрстадира. Последний, несмотря на то что он жил в языческие времена, изображен в пряди своего рода предтечей христианского государя (ср. его речь, обращенную к подданным, в которой он осуждает поклонение мертвым, а также наказ Храни принять крещение; см. специально посвященное этой пряди исследование: *Heinrichs A.* Der Óláfs þáttr Geirstaðaálfs. Eine Variantenstudie. Heidelberg, 1989). Кроме того, в этом рассказе упоминается и прямой предшественник Олава Харальдссона – также его тезка и первый христианский правитель Норвегии Олав Трюггвасон, чье жизнеописание было приведено в начальной части компиляции. Тем самым автор книги демонстрирует преемственность трех Олавов – Олава Альва Гейрстадира, Олава Трюггвасона и Олава Харальдссона (Святого). Не исключено, как предполагается (см.: *Rowe E.A.* Cultural Paternity in the Flateyjarbók «Óláfs saga Tryggvasonar» // alvíssmál. 1998. Bd. 8. P. 3–28), что эта последовательность имплицитно включала в себя и первоначального адресата «Книги с Плоского Острова» – Олава IV Хаконарсона, третьего христианского конунга, носящего это имя (см. вступ. ст.).

Перевод сделан по изд.: Flateyjarbok. En samling af norske konge-sagaer med indskudte mindre fortællinger / Udg. Guðbrandur Vigfússon, C.R. Unger. Christiania, 1860–1868. Bd. II. S. 6–9. На русском языке прядь публикуется впервые.

[1] *...сын Гудрёда Конунга Охотника, брат Хальвдана Черного.* – Согласно «Кругу Земному» («Сага об Инглингах», гл. 47–48), Гудрёд сын Хальвдана Щедрого на Золото и Скупого на Еду был прозван Великолепным, «но некоторые звали его Конунгом Охотником». Вторым браком Гудрёд был женат на Асе, дочери Харальда Рыжебородого, который правил в Агдире на юге Норвегии; их сыном был Хальвдан Черный, отец Харальда Прекрасноволосого.

[2] *...Алов, дочь Альварина из Альвхейма.* – Снорри называет матерью Олава Альвхильд, дочь Альварина из Альвхейма(ра), области на юго-востоке Норвегии (совр. Эстфолл и Бохуслен в Швеции): как объясняется в «Саге об Инглингах» (гл. 48: *КЗ*, 36), «Альвхеймаром называлась тогда область между Раум-Эльвом и Гаут-Эльвом».

[3] *...в Гренланде...* – См. примеч. 4 к «Пряди о Харальде Гренландце».

[4] *...стали называть Альвом Гейрстадира.* – Согласно другим версиям рассказа, в том числе в «Легендарной саге об Олаве Святом», при жизни Олав носил другое прозвище – digrbeinn «толстоногий», а Альвом Гейрстадира он был прозван уже после смерти, когда ему стали поклоняться и приносить жертвы. В связи с этим нельзя не отметить, что и названный в его честь Олав Харальдссон (Святой) при жизни был прозван Толстым. Альв – см. примеч. 3 к «Пряди о Норна-Гесте».

[5] *...два фюлька, из которых один звался Упси, а другой Вестмарир.* – Первоначально фюльк – наименование племени и лишь позднее этот термин стал обозначением административно-территориальной единицы, области. Названия обоих фюльков, очевидно, рано вышли из употребления. Первая из упомянутых земель (Upsa или Ofsi) не поддается идентификации; не исключено, что автор рассказа неверно истолковал соответствующий стих процитированной им висы, где ofsa вполне можно понять и как наречие («властно»; см. строфу). Вестмарир, возможно, является названием прибрежной западной части Вестфольда (совр. Вестфолла), области на юго-востоке Норвегии.

[6] *Тьодольв из Хвинира* – норвежский скальд IX в., прозванный Мудрым, автор поэм «Перечень Инглингов» («Ynglingatal», см. примеч. 13) и «Хаустлёнг» («Haustlöng»), хвалебной песни, в которой описаны мифологические сцены, изображенные на подаренном скальду щите.

[7] *...у края Фольда...* – т.е. на побережье Ослофьорда. *Фольд* – здесь Вестфольд.

[8] Эту же строфу (с некоторыми разночтениями) цитирует Снорри Стурлусон в гл. 49 «Саги об Инглингах» (см.: *КЗ*, 37).

[9] *Вингульмёрк* – область к востоку от Вестфольда.

[10] *...Альва, своего сына, прозванного Гандальвом.* – Впоследствии Гандальв (его прозвище, очевидно, означает «колдун», ср. gandr «колдовской жезл») пал в сражении с Харальдом Прекрасноволосым, захватившим его владения. Ср. упоминание сыновей Гандальва в «Пряди о Норна-Гесте», где они выступают в качестве противников Сигурда и Гьюкунгов.

[11] *Эйстейн конунг, сын Хёгни сына Эйстейна Злого...* – В «Саге об Инглингах» (гл. 49: *КЗ*, 37) по этому поводу сказано следующее: «Сына Эйстейна Могущественного (он же известен как “суровый” и “злой”. – *Е.Г.*), конунга жителей Упплёнда, звали Хёгни. Эйстейн подчинил себе тогда Хейдмёрк, Тотн и Хадаланд».

[12] *...Хейдмёрк и Солейяр...* – Хейдмёрк – фюльк (область) на юго-востоке Норвегии; Солейяр – местность в Раумарики, лежащая к юго-востоку от Хейдмёрка (совр. Сулёр).

[13] *...Рёгнвальд Достославный ⟨...⟩ Перечень Инглингов.* – Этот правитель, как и генеалогическая песнь в его честь, которую Снорри положил в основу «Саги об Инглингах», также упомянуты в Прологе к «Кругу Земному» («Тьодольв Мудрый из Хвинира был скальдом конунга Харальда Прекрасноволосого. Он сочинил песнь о конунге Рёгнвальде Достославном. Эта песнь называется Перечень Инглингов. Рёгнвальд был сыном Олава Альва Гейрстадира, брата Хальвдана Черного. В этой песни названы тридцать предков Рёгнвальда и рассказано о смерти и месте погребения каждого из них», *КЗ*, 9) и в соответствующей главе «Саги об Инглингах». Никаких иных сведений о Рёгнвальде не сохранилось.

[14] *...огромный бык, черный и зловещий.* – У самых разных народов бык с древнейших времен символизирует не только плодородие, но и воинственность и смерть.

[15] *...полмарки серебра...* – т.е. четыре унции серебра.

[16] *В первый год правления досточтимого государя Олава конунга сына Трюггви...* – Описываемые события относятся, таким образом, к 995 г.

[17] *...названым братом Харальда Гренландца.* – Об этом рассказывалось в «Пряди о Харальде Гренландце».

[18] *Свейн сын Хакона ярла* – норвежский ярл (ум. 1016), сын Хакона Могучего (см. примеч. 1 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде»).

[19] *Отправляйся затем в Гренланд, что в Вике, к конунгу Харальду Гренландцу.* – О Харальде Гренландце и его жене Асте см. предшествующую «Прядь о Харальде Гренландце». В ней, как и в редакции «Пряди об Олаве Альве Гейрстадира» в «Bæjarbók», сказано, что Аста родила сына вскоре после гибели своего мужа Харальда. Этой же версии придерживается и Снорри Стурлусон в «Круге Земном» («Сага об Олаве сыне Трюггви», гл. 64: *КЗ*, 127), полностью опуская при этом рассказ об Олаве Альве Гейрстадира. В более ранней «Легендарной саге» (гл. 4: *ÓHLeg*, 3 f.) мы

находим, однако, иную версию рассказа о появлении на свет главного норвежского святого. Согласно этой саге, Олав Альв Гейрстадира велит Храни ехать в Упплёнд к отцу Асты, Гудбранду Шишке, тут же сообщая ему, что Харальд Гренландец расстался с Астой и в гневе отослал ее назад к отцу.

[20] *Бэсинг* – название меча, по-видимому, идентично bæsingr «ребенок, рожденный женщиной, находящейся вне закона» (от báss «коровий хлев»), т.е. «приблудный». Согласно «Отдельной саге об Олаве Святом» (*OlH*, 754–755, 606–607), впоследствии этот меч был назван Хнейтир («ранящий»; в редакции пряди в «Bæjarbók» меч носит имя Хнейтир изначально), после гибели Олава он был выкуплен византийским императором и хранился в церкви Св. Олава в Константинополе.

[21] *...разрешилась от бремени.* – В «Легендарной саге» (гл. 4) эпизод не заканчивается рождением мальчика и наречением ему имени Олава. Согласно этой версии, Гудбранд Шишка отказывается кормить сына Харальда Гренландца и приказывает вынести его (см. об этом обычае в «Пряди о Торстейне Бычья Нога»). Как ни старается Храни убедить Гудбранда, что мальчика ждет великое будущее, тот остается непреклонным, и ребенка выносят и кладут в открытую могилу. Ночью, когда все засыпают, Храни пытается спасти мальчика. Он замечает над домом свет и указывает Гудбранду на это знамение, но тот продолжает стоять на своем. Только убедившись, что свет становится все ярче и ярче, Гудбранд разрешает наконец Храни забрать мальчика и стать его воспитателем. Впоследствии Храни отдает ему вынесенные из кургана ремень и кольцо, окропляет его водой и нарекает Олавом (об обычае окропления водой при наречении имени см. в «Пряди о Торстейне Палаточнике»).

ПРЯДЬ О СТЮРБЬЁРНЕ ВОИТЕЛЕ ШВЕДОВ

«Прядь о Стюрбьёрне Воителе Шведов» («Styrbjarnar þáttr Svíakappa») сохранилась в единственной редакции в «Книге с Плоского Острова», где она включена в «Сагу об Олаве Святом», а именно в ту ее часть, которая повествует о сватовстве Олава Харальдссона к дочери Олава Шведского, Ингигерд. Как и следующий за ней рассказ («Прядь о Хрои»), история о Стюрбьёрне, время действия которой относится к предшествующему правлению, по всей видимости, приводится в первую очередь в связи с тем, что в числе ее персонажей был мудрый советчик шведского правителя, лагман Торгнюр, сын Торгнюра, и отец другого Торгнюра, играющего заметную роль в дальнейших шведских эпизодах «Саги об Олаве Святом» (при этом не исключено отождествление двух мудрых старцев – отца и сына – приближенных короля Эйрика Победоносного и его сына Олава соответственно, как не исключена и вероятность того, что изображение Торгнюра-сына в «Саге об Олаве Святом» Снорри Стурлусона послужило образцом для изображения Торгнюра-отца в обеих прядях в «Книге с Плоского Острова; см. обсуждение этого вопроса в кн.: *Rowe E.A.* The Development of Flateyjarbók. P. 108 ff.).

О Стюрбьёрне Сильном (в пряди это прозвище опущено), его борьбе за шведский престол с его дядей, конунгом Эйриком Победоносным, и героической гибели упоминается в целом ряде древнескандинавских источников. При том что в пряди обстоятельства битвы на Полях Фюри приобретают фольклорные и фантастические

черты (так, сражение длится три дня и с каждым из них в бой вступают все более грозные силы, а его исход решает сам Один), в основу рассказа, по-видимому, было положено реальное событие, которое принято относить к 984 или 985 г. (датировка основана на сообщениях о том, что конунг Эйрик умер в 995 г., спустя десять лет после гибели его племянника Стюрбьёрна). В качестве возможных исторических свидетельств описанного в пряди сражения обычно приводятся рунические надписи на трех памятных камнях, датируемых концом X в. и найденных в южной части Скандинавского полуострова. Все они были воздвигнуты в честь погибших участников битвы «у Уппсалы» или «у Фюри», как предполагается, сподвижников Стюрбьёрна. (Это две рунические надписи из Сконе (в деревнях Хэллестад и Шёруп), тогдашней датской области: «Аскель поставил этот камень в память о Токи сыне Горма... Он не обратился в бегство у Уппсалы...» и «Сакси поставил этот камень в память об Асбьёрне сыне Тови [Токи?], своем товарище. Он не обратился в бегство у Уппсалы, но сражался, пока у него было оружие», а также часть стихотворной рунической надписи из Хёгбю в Эстерьётланде: «У доброго человека Гулли было пятеро сыновей. Храбрый воин Асмунд пал у Фюри...».)

Перевод выполнен по изд.: Fornmanna sögur. Bd. 5: Saga Ólafs konúngs hins helga. Kaupmannahøfn, 1830. S. 245–251 (текст оригинала сверен с изд.: Flateyjarbok. En samling af norske konge-sagaer med indskudte mindre fortællinger / Udg. Guðbrandur Vigfússon, C.R. Unger. Christiania, 1860–1868. Bd. II. S. 70–73). На русском языке прядь публикуется впервые.

[1] *...Эйрик и Олав, сыновья Бьёрна Старого.* – Эйрик – Эйрик Победоносный (род. ок. 935), шведский конунг (ок. 970–994/995), последний правитель-язычник на шведском престоле. Согласно генеалогии королей Швеции, приведенной в «Саге о Хейдреке и Хервёр» (Hervarar saga ok Heiðreks / Ed. G. Turville-Petre. 2nd ed. L., 1976. P. 69), отцом Эйрика и его брата Олава был многолетний правитель Швеции, Бьёрн, сын уппсальского конунга Эйрика и внук конунга Энунда, сына Бьёрна с Кургана, – как принято считать, того самого правителя (упоминаемого как Bernus), при котором в Швецию в 829 г. прибыл св. Ансгар. В «Саге о Харальде Прекрасноволосом» (*КЗ*, 57) сказано, что конунг Эйрик сын Эмунда (т.е. Энунда) «умер, когда конунг Харальд Прекрасноволосый был десять лет конунгом в Норвегии» (согласно исландским анналам, Эрик сын Эмунда умер в 871 г.; см.: *КЗ*, 639, примеч. 41). Далее в этой саге сообщается: «После Эйрика в Швеции был пятьдесят лет конунгом Бьёрн, его сын. Он был отцом Эйрика Победоносного и Олава, отца Стюрбьёрна» (*КЗ*, 57).

[2] *...Ингибьёрг, дочери ярла Транда из Сулы. Ее брата звали Ульв.* – О родичах Стюрбьёрна с материнской стороны ничего не известно, однако в «Перечне скальдов», каталоге норвежских и исландских поэтов, в котором указывается, в честь кого сочинял стихи каждый из перечисленных в нем скальдов, при Стюрбьёрне Сильном назван некий Ульв ярл из Сулы (Úlfr Súlujarl), очевидно, не кто иной, как упоминаемый в пряди дядя Стюрбьёрна.

[3] *У Олава и Ингибьёрг был сын по имени Бьёрн.* – В отличие от всех прочих источников, в которых упоминается Стюрбьёрн, Саксон Грамматик («Деяния датчан», кн. X) утверждает, что он был сыном шведского конунга Бьёрна и племянником Олава, чей сын Эрик лишил его отцовского наследства.

[4] *Восточные Страны* – см. примеч. 21 к «Пряди о Сёрли».

[5] *...до Йомсборга в Стране Вендов и сделался там верховным предводителем.* – Йомсборг – не найденная (вероятно, легендарная) викингская крепость, расположенная где-то на побережье Балтийского моря в устье Одера, как утверждают исландские «королевские саги», просуществовавшая до 40-х годов XI в., когда Йомсборг был уничтожен норвежским конунгом Магнусом Добрым. Сообщения об основании Йомсборга противоречивы. Согласно Саксону Грамматику (кн. X), крепость, именуемая Julinum, была основана датским конунгом Харальдом Синезубым (см. примеч. 11), который поставил предводителем йомсвикингов Стюрбьёрна, однако «Сага о йомсвикингах» (гл. 16) называет основателем Йомсборга Пальнатоки, храброго викинга, получившего землю, на которой была поставлена крепость, от вендского короля Бурислейва (Бурицлава; см. примеч. 11), пожелавшего, чтобы Пальнатоки и его воины охраняли его державу от набегов. Страна Вендов – см. примеч. 3 к «Пряди о Рёгнвальде и Рауде».

[6] *Хильд битвы...* – валькирия (Хильд – имя валькирии, также обозначение битвы).

[7] *...девы брани...* – валькирии.

[8] *...стон стали...* – сражение.

[9] *...хочет родич Бальдра / рать набрать ⟨...⟩ / бледных павших воев.* – Родич Бальдра – Один (Бальдр – бог из рода асов, убитый и отправившийся в Хель сын Одина). Согласно древнескандинавской мифологии, все павшие в битвах (их называют эйнхериями) отправляются в Вальхаллу, чертог Одина, и составляют его воинство; в конце времен (Рагнарёк) этой рати предстоит сразиться вместе с асами против хтонических чудовищ.

[10] *...назвал его Стюрбьёрном.* – Первый элемент имени Стюрбьёрн – styrr – означает «шум, немирье, война».

[11] *...он заключил с датчанами мир, и условиями его было, что он получит в жены Тюри, дочь Харальда сына Горма...* – Тюри была дочерью датского конунга Харальда Синезубого сына Горма (ум. ок. 986) и шведской принцессы Гюрид. После описанной в пряди гибели Стюрбьёрна, согласно «королевским сагам» (см.: *КЗ*, 154), она была против своей воли выдана замуж за Бурицлава (Бурицлав – испорченное Болеслав; очевидно, имеется в виду польский князь Болеслав I Храбрый (992–1025), ошибочно упомянутый вместо своего отца Мечислава (Мешко) I (ок. 960–992), правителя вендов). Третьим браком Тюри стала женой норвежского конунга Олава сына Трюггви.

[12] *...выбрал он Харальда конунга.* – О том, что Харальд сын Горма стал заложником Стюрбьёрна и был вынужден принять участие в его походе в Швецию, сообщается также в «Саге о Кнютлингах» (гл. 2; см.: Jómsvíkingasaga ok Knýtlinga / Udg. C.C. Rafn. Kaupmannahøfn, 1828. S. 180). Об унижении Харальда упоминается и в «Саге об Олаве Святом» (гл. 72: *КЗ*, 209) в речи Олава Шведского, обращенной к посланцу норвежского конунга: «...мы думаем, что Харальд сын Горма был меньшим конунгом, чем уппсальские конунги, потому что наш родич Стюрбьёрн подчинил его себе, и Харальд сделался его человеком, а мой отец Эйрик Победоносный одолел Стюрбьёрна, когда они сразились». Между тем Саксон Грамматик выдвигает иную версию тех же событий: лишившись престола, Стюрбьёрн является к Харальду, правителю датчан, и в обмен на его расположение и помощь предлагает ему в жены свою сестру Гюрид, после чего Харальд отдает под его начало йомсвикингов, во главе

которых Стюрбьёрн становится грозой морей и приносит славу Дании, а впоследствии отправляется отвоевывать свои владения в Швеции.

[13] *...табун Стрёнда...* – корабли (Стрёнд – название мифологической реки).

[14] *...владыка датский...* – т.е. Харальд.

[15] *...Торгнюр сын Торгнюра, он был лагманом в Тиундаланде...* – Лагман – предводитель областного тинга (народного собрания) и законоговоритель в средневековой Швеции; лагман представительствовал перед конунгом от имени бондов; см. об обязанностях лагмана в гл. 77 «Саги об Олаве Святом» (*КЗ*, 216). Действующий в пряди лагман Торгнюр также является одним из центральных персонажей следующего рассказа – «Пряди о Хрои». Тиундаланд – одна из трех земель, на которые делился Уппланд (Tiundaland < Tiu-hunda-land – букв.: земля десяти сотен (т.е. округов)). В «Саге об Инглингах» (гл. 25), однако, приводится иное толкование этого названия, якобы данного этой области конунгом Ауном, который ради долголетия одного за другим принес в жертву Одину десять своих сыновей (см.: *КЗ*, 24, 636).

[16] *...забить надолбы на морском пути в Уппсалу...* – Водный путь в Уппсалу лежал через Балтику, озеро Меларен (в сагах именуемое Лёг) и реку Фюри. Упоминание о надолбах, забиваемых в речное дно, чтобы воспрепятствовать проходу кораблей, имеется также в «Саге о Харальде Прекрасноволосом» (гл. 16: *КЗ*, 50).

[17] *Одного из них звали Хельги, другого Торгисл, а третьего Торир.* – Все трое – герои непосредственно следующей за этим рассказом «Пряди о Хрои».

[18] *...лес, который называется Мюрквид...* – мифический Тёмный Лес, упоминаемый в многочисленных древнескандинавских поэтических и прозаических источниках (в том числе в песнях «Старшей Эдды» и героических «сагах о древних временах»). Здесь, по-видимому, имеется в виду большой лес, расположенный к юго-востоку от Уппсалы, в настоящее время носящий название Лунсен (Lunsen).

[19] *Поля Фюри* (Fýrisvellir) – долина реки Фюри (совр. Фюрисон) к югу от современной Уппсалы, часто упоминаемая в «королевских сагах» и древнескандинавских сказаниях. Сражение между Эйриком и Стюрбьёрном не единственное достопамятное событие, связанное с этим местом. В начале VI в. на Полях Фюри шведский конунг Адильс преследовал датского конунга Хрольва Жердинку, который, согласно легенде, сумел ускользнуть от своих врагов, швыряя под копыта их коней золото и драгоценности, вследствие чего в языке скальдов золото зовется «посевом Хрольва или долины Фюри» (*МЭ*, 146–149). Описанная в пряди стратагема с использованием животных напоминает многочисленные сообщения о подобного рода военных хитростях, главным образом южного и восточного происхождения (например, рассказ Псевдо-Каллисфена в «Истории Александра Великого» о том, как Александр, дабы устрашить врага, привязал факелы к рогам козлов; см. об этом: *Cook R.* Russian history, Icelandic story, and Byzantine stratagy in Eymundar þáttr Hringssonar // Viator. 1986. Vol. 17. P. 77, n. 59).

[20] *Хеминг ярл* – по-видимому, имеется в виду Хеминг сын Струтхаральда (конунга, правившего в Сканей), брат ярла Сигвальди, правителя Йомсборга (см.: *КЗ*, 119).

[21] *...рыжебородый человек...* – Несомненно, имеется в виду Тор, которому Стюрбьёрн принес жертвы. Представление о Торе как о рыжебородом боге распространено в сагах (так, в «Саге об Эйрике Рыжем» (гл. 8) характеристика «рыжеборо-

дый» выступает как прозвище, замещающее имя Тор: «Торхалль Охотник… сказал: “Ну что, разве рыжебородый не оказался сильнее вашего Христа?”», *ИС* I, 493), а также в позднейшем скандинавском фольклоре, однако оно отсутствует в мифологических источниках (песнях «Старшей Эдды», как и в рассказах о Торе в «Младшей Эдде»).

[22] *Враг ремня запястья...* – муж, воин (ремень запястья – золотое обручье).

[23] *...владыка стали...* – муж, воин.

[24] *...в капище Одина...* – В «Деяниях архиепископов гамбургской церкви» (ок. 1075) немецкий хронист Адам Бременский описывает «знаменитое святилище, которое называется Уппсала [и] расположено недалеко от города Сигтуны. В этом святилище, которое все украшено золотом, народ поклоняется статуям трех богов. Самый могущественный из них – Тор – восседает на престоле в середине триклиния», а по бокам от него сидят Водан (= Один) и Фриккон (= Фрейр). Каждый из этих богов имеет свои полномочия: «Тор, – говорят [свеоны], – царит в эфире, он управляет громами и молниями, ветрами и дождями, ясной погодой и урожаями. Второй, Водан, что означает “ярость”, ведет войны и дает человеку смелость перед лицом врагов. Третий – это Фриккон, дарующий смертным мир и наслаждения». Как продолжает хронист, его идол свеоны «снабжают огромным фаллосом. Водана же представляют вооруженным, как у нас обычно Марса. А Тор скипетром подражает Юпитеру...» (кн. IV, гл. 26; см.: «Деяния архиепископов гамбургской церкви»: Немецкие анналы и хроники X–XI столетий. М., 2012. С. 436).

[25] *...высокого человека в широкополой шляпе.* – Согласно эддическим «Речам Гримнира» (строфа 48), одно из многочисленных имен Одина, верховного скандинавского божества, появляющегося во множестве обличий и под разными именами, было Síðhöttr – В Широкополой Шляпе.

[26] *...камышовый прут ⟨...⟩ показалось, что в воздухе над людьми Стюрбьёрна летит копье...* – В легенде, изложенной в «Саге о Гаутреке» (гл. 7), Старкад, посвящая конунга Викара Одину, поражает его камышовым прутом (как и здесь, названным reyrsproti), который превращается в копье (ср. также превращение омелы в копье в мифе об убийстве Бальдра), и произносит при этом аналогичные слова: «Теперь я отдаю тебя Одину» (Nú gef ek þik Óðni).

[27] *...поразила слепота.* – Как рассказывается в «Саге об Инглингах» (гл. 6), «Один мог сделать так, что в бою его недруги становились слепыми или глухими или наполнялись ужасом, а их оружие ранило не больше, чем хворостинки…» (*КЗ*, 13).

[28] *Они прибыли в Данию.* – Не объясняется, каким образом датскому войску под предводительством Харальда сына Горма удалось покинуть Швецию и добраться домой после того, как Стюрбьёрн во избежание бегства своих воинов распорядился сжечь все корабли. В истории правителей Дании, «Саге о Кнютлингах» (гл. 2), участие датчан в битве на Полях Фюри представлено несколько иначе. Согласно сообщению этой саги, Харальд сопровождал Стюрбьёрна во время его похода в Швецию, и «по прибытии Стюрбьёрн поджег свои корабли, когда же Харальд увидал, что у Стюрбьёрна не осталось больше кораблей, он повернул назад в Лёг (озеро Меларен. – *Е.Г.*) и воротился в Данию». Там же говорится о бегстве немногочисленных оставшихся в живых воинов Стюрбьёрна и их преследовании, которое шведы назвали Fyriselta – «преследование у Фюри». «Сага о людях с Песчаного Берега» (гл. 29)

также упоминает о части спасшихся участников похода: по ее сообщению, после гибели Стюрбьёрна йомсвикинги бежали в лес.

[29] *Торвальд сын Хьяльти...* – Помимо данного рассказа, Торвальд сын Хьяльти упоминается лишь однажды – в «Перечне скальдов» в качестве поэта, сочинявшего стихи в честь Эйрика Победоносного.

[30] *...страж ⟨...⟩ солнца сечи...* – воин (солнце сечи – меч, его страж – муж, воин).

[31] *...табун всадниц ночи...* – волков (всадницы ночи – великанши, их табун – волки).

[32] *...стропила ⟨...⟩ стона светила полозьев потока...* – воинов (где полозья потока – корабли, их светила – щиты, их стон – битва, ее стропила – мужи, воины).

[33] *...врагам гор ⟨...⟩ межи макрели...* – воинам (макрель гор – змея, ее межа – золото, его враги – мужи, воины).

[34] *...рати Хундинга...* – викинги. Хундинг – легендарный конунг, персонаж сказания о Нифлунгах (см. «Прядь о Норна-Гесте»). Поскольку Хундинг упоминается в перечне имен морских конунгов (предводителей морских военных экспедиций), используемых в качестве скальдических синонимов-хейти в составе ряда кеннингов, вероятно, что и здесь это имя употреблено в качестве обозначения викингского главаря вообще.

[35] *...весом в полмарки.* – Т.е. весом в четыре унции.

ПРЯДЬ О ХРОИ ПРОСТАКЕ

«Прядь о Хрои Простаке» («Hróa þáttr heimska») сохранилась полностью только в «Книге с Плоского Острова», где этот рассказ включен в «Сагу об Олаве Святом» (гл. 62–66) сразу же вслед за «Прядью о Стюрбьёрне Воителе Шведов» (*Flat.* II, 73–80) и вводится заголовком «Fra Hroa» («О Хрои»). Кроме того, фрагмент отдельной редакции «Пряди о Хрои Простаке» содержится в составленном ок. 1420–1450 гг. кодексе саг «Skálholtsbók» (AM 557 4to). В «Книге с Плоского Острова» прядь приводится в той части саги, которая повествует о попытке установить мир на границе между Норвегией и Швецией, о роли в этом мудрого лагмана Торгнюра и о несостоявшейся женитьбе Олава Харальдссона на Ингигерд, дочери Олава Шётконунга (см. комментарий к «Пряди о Стюрбьёрне Воителе Шведов»). Главная причина, по которой прядь о датчанине, отправившемся в торговую поездку в Швецию, была интерполирована в «Сагу об Олаве Святом», и состоит в том, что в числе ее центральных персонажей был Торгнюр, чей образ, по всей видимости, сливался с образом его сына, также лагмана по имени Торгнюр (он упоминается в заключении к пряди), жившего во времена Олава Святого и прославившегося обращенной к шведскому конунгу Олаву смелой речью (см.: *КЗ*, 219–220). Как и в эпизоде саги об Олаве, Торгнюр-младший, в рассказе о Хрои лагман Торгнюр-старший, творя правосудие, встает на сторону чужестранца, кроме того, именно его мудрые наставления позволяют Хрои одержать верх над братьями-мошенниками.

В основу центрального эпизода рассказа о Хрои положен заимствованный сюжет одной из новелл-притч восточной «истории семи мудрецов», в научной литературе известный как «Senex caecus» и передаваемый во множестве вариантов (см., например, «Рассказ о купце и слепом старце» в «Книге тысячи и одной ночи»). Сюжет

этот описывает злоключения купца в городе обманщиков, где ему сперва предлагают сделку: отдать весь его товар за меру «того, что он захочет», затем ставят перед выбором: либо выпить море до последней капли, либо отдать все имеющиеся у него деньги, и, наконец, где он встречает одноглазого человека, требующего, чтобы он вернул тому глаз. Решение каждого из этих дел откладывается до следующего дня, когда стороны должны будут предстать перед судьей. Узнав, что каждый вечер обманщики собираются у мудрого слепого старца (в арабской версии – шейха), живущего у городских ворот, и тот дает им советы, как поступить в том или ином случае, купец подслушивает их беседу и на другой день оставляет своих противников в дураках. У первого в обмен на свой товар (сандаловое дерево) он требует не золото и серебро, но полную меру блох, «половину самцов, половину самок»; игрокам велит подать ему горлышко моря, чтобы он смог его выпить (вариант: велит перекрыть все реки, впадающие в море, дабы отделить соленую воду от пресной); кривому предлагает вынуть и положить на весы его единственный глаз, чтобы сравнить его со своим.

Изложенная версия сюжета (предполагается, что прямо или косвенно он восходит к утраченной арабской редакции «Книги Синдбада», созданной во второй половине VIII или в начале IX в.) представлена в греческой, испанской, древнееврейской, сирийской, персидской и арабской традициях (см. подробнее: *Strömbäck D.* En orientalisk saga i fornnordisk dräkt // Strömbäck D. Folklore och Filologi. Valda uppsatser utgivna av Kungl. Gustav Adolfs Akademien 13.8 1970. Uppsala, 1970. S. 70–105). При этом как состав участников действия, включая и самый образ мудрого советчика, так и характер злоключений купца в городе обманщиков могут варьироваться. В санскритской версии XV в. слепого старца замещает мудрая женщина, а в «Книге тысячи и одной ночи» (как и в некоторых индийских версиях того же рассказа – считается, что именно Древняя Индия была родиной этой истории, откуда она разными путями, но в первую очередь через арабский Восток, распространялась на Запад) присутствует четвертый эпизод, действующим лицом которого становится башмачник, починивший (вариант: продавший) купцу сандалию в обмен на обещание, что в качестве вознаграждения он получит то, «на что сам будет согласен». Рассчитывая получить в результате этой сделки все деньги чужестранца, этот мошенник вынужден в итоге согласиться с его утверждением о силе и могуществе султана.

Несмотря на бросающееся в глаза совпадение ряда эпизодов и даже отдельных второстепенных деталей, «Прядь о Хрои» не может быть прямо возведена к вышеизложенной «восточной» версии истории о купце и слепом старце: из трех (или даже четырех) исков, предъявленных чужестранцу обманщиками, в исландском варианте рассказа присутствуют лишь два. За договором об обмене корабельного груза на содержимое склада с товарами, оборачивающимся невыполнимым требованием о поимке и выдаче всех ползающих и летающих насекомых, просматривается сделка о покупке сандалового дерева, за которое герою восточной истории была обещана полная мера чего он сам пожелает, и его желание в качестве платы получить полную меру блох. Другой эпизод – встреча с кривым человеком, требующим назад свой глаз, и высказанное в ответ предложение вынуть и взвесить глаза, дабы убедиться в том, что они принадлежали одной голове, – претерпел еще менее заметные изменения. Это – наименее подверженный трансформациям мотив из всех, используемых в сюжете о слепом старце. Что же до эпизода встречи с человеком, обвинившим героя

в краже ножа и пояса, то, как убедительно показал Д. Стрёмбэк, этот мотив, заменяющий экзотическое требование выпивания моря, восходит к западноевропейскому варианту истории о купце и слепом старце, дошедшему до нас лишь в текстах более поздних, чем исландский рассказ, однако он был преобразован автором пряди под влиянием эпизода из «Саги о Халльфреде Трудном Скальде» – одной из саг, вплетенных в «Книге с Плоского Острова» в жизнеописание норвежского конунга Олава Трюггвасона (см. коммент.).

Будучи адаптацией интернационального сюжета, «Прядь о Хрои» тем не менее несет на себе явственный отпечаток исландской традиции. Это следует как из начальной части рассказа, использующей исключительно исконные темы и мотивы, так и из того обстоятельства, что, сделав местом действия заимствованной истории скандинавский город, введя в число ее персонажей правителей Дании и Швеции и отождествив слепого старца с мудрым лагманом Торгнюром, создатель пряди поместил ее тем самым в реальный исторический контекст, который потребовал отказаться от сказочной условности и чрезмерности ее восточного прототипа и рационализировать ее узловые моменты (отсюда появление мотива «разноглазия» героя, оправдание поступка первого из братьев-мошенников законами страны и т.п.; см. подробнее в гл. «Ретроспективный рассказ и заимствованный сюжет: “Прядь о Хрои Простаке” и Senex caecus» в кн.: *Гуревич Е.А.* Древнескандинавская новелла: Поэтика «прядей об исландцах». М., 2004. С. 300–316).

Что касается датировки «Пряди о Хрои», то нет никаких данных о том, что этот рассказ был создан раньше начала XIV в. (*Strömbäck D.* Op. cit. S. 105).

Перевод сделан по изд.: Fornar smásögur úr noregskonunga sögum / E. Gardiner gaf út. Reykjavík, 1949. Bls. 29–41; исландский текст сверен с изд.: Flateyjarbok. En samling af norske konge-sagaer med indskudte mindre fortællinger / Udg. Guðbrandur Vigfússon, C.R. Unger. Christiania, 1860–1868. Bd. II. S. 73–80. В русском переводе прядь публикуется впервые.

[1] *...Свейн конунг, сын Харальда, по прозвищу Вилобородый.* – Свейн Вилобородый (см. примеч. 11 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде»), внебрачный сын датского конунга Харальда сына Горма, прозванного Синезубым (см. примеч. 11 к «Пряди о Торвальде Путешественнике»).

[2] *Мне бы хотелось, чтобы вы вступили со мною в долю и наделили меня своими деньгами и удачей...* – Согласно представлениям древних скандинавов, богатство (в первую очередь, золото и серебро) становится сопричастным свойствам того, кто им владеет, конунг же был наделен более могущественной и действенной удачей (ср. mikit má konungs gæfa – «многое может конунгова удача», *Flat.* II, 57), а потому и полученные от него предметы отличались особенной ценностью – воплощали в себе его везение (о дарении см.: *Гуревич А.Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 72 и след.; *Gurevich A.J.* Wealth and Gift-Bestowal among the Ancient Scandinavians // Scandinavica. 1968. Vol. 7. P. 126–138).

[3] *...Хрои Богач...* – Не исключено, что герой пряди идентичен упоминаемому в «Саге о Бьёрне Герое из Хитдаля» (гл. 3, 7) Hrói hinn auðgi – Хрои Богачу. Согласно саге, этот Хрои жил в Роскильде, т. е. в Дании, а в Исландии у него был наследник – сын его сестры.

[4] *...вверх по озеру Лёг...* – т.е. по озеру Меларен (см. также примеч. 16 к «Пряди о Стюрбьёрне Воителе Шведов»).

[5] *...у одного поля.* – Имеются в виду Поля Фюри (см. примеч. 19 к «Пряди о Стюрбьёрне Воителе Шведов»).

[6] *Эйрик конунг* – шведский конунг Эйрик Победоносный; см. о нем примеч. 1 к «Пряди о Стюрбьёрне Воителе Шведов».

[7] *Валланд* – Франция.

[8] *...у острова Самсей...* – Датский остров Самсей был местом, где, согласно обвинению, брошенному Локи Одину, якобы занимался колдовством сам «отец богов»: «А ты, я слышал, / на острове Самсей / бил в барабан, / средь людей колдовал, / как делают ведьмы» (пер. А.И. Корсуна, «Перебранка Локи», строфа 24: *СЭ*, 56). Остров Самсей получил известность, по-видимому, прежде всего благодаря тому, что, по преданию, на нем произошла одна из самых славных битв легендарного прошлого: поединок Одда Стрелы и Хьяльмара с 12 братьями-берсерками, возглавляемыми Ангантюром (см. «Сагу об Одде Стреле» и «Предсмертную песнь Хьяльмара»).

[9] *...финны, и ты заплатил им за то, чтобы они колдовством украли у меня глаз.* – Представление о ведовстве и колдовских способностях финнов – одно из общих мест в древнеисландской литературе.

[10] *...отправился к городским воротам...* – Этот мотив изначально принадлежал заимствованному восточному сюжету о купце и слепом старце. В пряди город – это, несомненно, Уппсала, древняя столица Швеции.

[11] *...явится ли завтра на тинг...* – Речь идет о тинге всех шведов, собиравшемся в Уппсале (см. об этом в «Саге об Олаве Святом», гл. 77: *КЗ*, 216).

[12] *Торгнюр лагман* – см. о нем в «Пряди о Стюрбьёрне Воителе Шведов», а также примеч. 15 к этому рассказу. Неясно, чем вызвано появление звания «ярл» в заголовке: сведения о том, что Торгнюр был ярлом, отсутствуют.

[13] *Торгнюр узнал голос своей дочери, когда она вошла в светелку...* – В «Пряди о Стюрбьёрне Воителе Шведов», которая предшествует рассказу о Хрои в «Саге об Олаве Святом», сказано, что Торгнюр сын Торгнюра, бывший лагманом при Эйрике Победоносном, в те времена уже состарился и «плохо видел». Видимо, поэтому в непосредственно следующем за этой прядью рассказе о Хрои о слепоте Торгнюра не упоминается, однако об этом прямо говорится в сохранившемся в более поздней рукописи фрагменте отдельной редакции «Пряди о Хрои» (в AM 557 4to), где повстречавшаяся герою молодая женщина представляется дочерью «мудрого Торгнюра Слепого» (Þorgnys spekings hins blinda).

[14] *Там были брошены нож и пояс, а все деньги исчезли. Вот как ко мне попали эти сокровища. Я считаю, что это Торгисл похитил деньги и убил моего брата.* – Этот мотив представляет собой позднейшую сюжетную инновацию и впервые появляется в западноевропейских обработках рассказа о купце и слепом старце – в приложенной к «Кентерберийским рассказам» среднеанглийской поэме «Рассказ о Берине» («The Tale of Beryn», конец XIV в.) и французском прозаическом романе XV в. «История о благородном шевалье Беринусе» («L'Histoire du noble chevalier Berinus»). В обоих случаях речь идет о ноже, якобы найденном на месте убийства. В английской поэме обвинение в краже ножа почти полностью идентично вчиненному по совету слепого мудрого старца (в этих обработках сюжета он носит имя лорд Изоп, франц. Esope)

встречному иску героя – римского купца по имени Берин, который, как и в восточном рассказе, прибыв со своим грузом в неизвестный город, повстречал там одного за другим обманщиков, попытавшихся завладеть его имуществом. В ответ на один из ложных исков Берин выдвигает обвинение: семь лет назад он нашел своего отца мертвым с ножом в сердце и с тех пор хранил этот нож, а теперь выяснил наконец, кто убийца (The Tale of Beryn, with a prologue of the merry adventure of the pardoner with a tapster at Canterbury / Ed. F.J. Furnivall, W.G. Stone. L., 1887. P. 69–70, 99–100, 113–115. (Early English Text Society Extra Series, 105)). Тот же рассказ об убийстве отца с некоторыми несущественными отличиями воспроизводится в старофранцузском романе о Беринусе, где отделившаяся от «истории семи мудрецов» новелла о купце и слепом старце развернута в пространное повествование. В «Пряди о Хрои» нож «западного» извода сюжета преобразуется в характерную для древнескандинавской литературы нерасторжимую пару «нож и ремень», которые нередко появляются в разных текстах в качестве улик совершенного преступления (см., например, «Сагу о Ньяле», гл. 47–49; см. также примеч. 19 к «Пряди о Норна-Гесте»). Как показал Д. Стрёмбэк (*Strömbäck D.* En orientalisk saga i fornnordisk dräkt. S. 92 f.), в нашем рассказе это преобразование, скорее всего, произошло под влиянием эпизода из «Саги о Халльфреде Трудном Скальде» (гл. 9), обнаруживающей и другие параллели с историей Хрои. В частности, в этой саге рассказывается о полной приключений торговой поездке Халльфреда в Швецию, предпринятой им вопреки предостережениям и неодобрению его патрона, норвежского конунга Олава Трюггвасона (ср. отношение датского короля Свейна к аналогичному путешествию героя в «Пряди о Хрои»). В торговом месте Халльфред встречает человека по имени *Аудгисл*, и тот становится его компаньоном (ср. имя брата, потребовавшего вернуть ему нож и ремень в «Пряди о Хрои» – *Торгисл*). Во время странствия через лес к ним присоединяется проводник, оказывающийся разбойником: он убивает Аудгисла и пытается сзади нанести смертельный удар Халльфреду, однако того выручает перекинутый им на спину ремень с большим ножом, который висел у него на шее (ср. пояс с подвешенным к нему ножом на шее у Хрои). Обнаружив тело убитого Аудгисла, Халльфред забирает его нож и ремень, а потом при встрече в доказательство правдивости своего рассказа отдает эти предметы его вдове *Ингибьёрг*, на которой вскоре женится сам (ср. имя девушки, которую берет в жены Хрои, – *Сигрбьёрг*).

[15] *...чтобы у каждого из нас было выбито по глазу, а потом чтобы они были положены на весы, и если оба они из одного черепа, то у них должен быть одинаковый вес.* – Мотив сравнения глаз, взятых у двух разных персонажей, находит аналогию в одном из эпизодов «Саги о Халльфреде» (гл. 8; о связи этой саги с рассказом о Хрои см. в предыд. примеч.). В нем Олав Трюггвасон посылает Халльфреда к Торлейву Умному, язычнику, отказывающемуся принять новую веру, с тем чтобы скальд, если тот не подчинится, убил или ослепил его. Вступив в единоборство с Торлейвом, Халльфред лишает его одного глаза, но, вняв его мольбам, оставляет ему другой. Расставшись с Торлейвом, Халльфред отправляется за вторым глазом в усадьбу своего врага Кальва, которого он подвергает аналогичной экзекуции, а затем возвращается к конунгу и рассказывает ему, что выполнил его наказ и ослепил Торлейва. В ответ на просьбу Олава представить доказательства, он протягивает ему глаз Кальва, однако

конунг сразу же замечает подмену. Тогда Халльфреду приходится показать конунгу второй глаз и рассказать всю правду о своей поездке.

[16] *После него лагманом стал его сын Торгнюр, и это был умнейший человек.* – О лагмане Торгнюре сыне Торгнюра говорится в одном из эпизодов «Саги об Олаве Святом» (гл. 78–80) в «Круге Земном» (см. выше). Снорри сообщает, что Торгнюра «называли самым мудрым человеком в Швеции», и описывает его как величественного длиннобородого старца, пользовавшегося большой властью; смелая речь Торгнюра, обращенная к конунгу Олаву Шведскому, заставила последнего подчиниться воле народа.

ПРЯДЬ ОБ ЭЙМУНДЕ СЫНЕ ХРИНГА

«Прядь об Эймунде сыне Хринга» («Eymundar þáttr Hringssonar») сохранилась в единственной редакции в «Книге с Плоского Острова». Р. Кук датирует прядь XIV в., Херман Паульссон и П. Эдвардс (см. ниже) относят ее создание ко второй половине XIII в. «Прядь об Эймунде» (за немалый объем издатели и переводчики нередко именуют ее сагой) – единственное произведение древнеисландской литературы, основным местом действия которого была Древняя Русь, а главным героем – предводитель варяжских наемников, находящихся на службе «в Гардарики». Также и в основе сюжета рассказа лежит «русская тема» – усобицы между правившими в Киеве, Новгороде и Полоцке наследниками князя Владимира Святославича, которые происходили в 1015–1024 гг. и в конечном счете привели к верховной власти его сына, Ярослава Мудрого. Не случайно с момента первого появления «Пряди об Эймунде» на русском языке (в переводах с латинского языка Д. Лавдовского и с древнеисландского О.И. Сенковского, опубликованных в 1834 г.) она неоднократно становилась предметом научного изучения и рассматривалась в качестве важного источника по истории Древней Руси.

Историческая достоверность исландского рассказа о событиях, происходивших за пределами Скандинавии и имевших место за три сотни лет до создания его окончательной редакции, – вопрос, несомненно, спорный, как и то, что трудно ожидать исторической «точности» от литературного произведения, очевидным образом демонстрирующего характерные условности своего жанра (достаточно назвать обычно упоминаемые в этой связи троекратные повторения, сопровождающиеся традиционным в таких случаях нарастанием напряжения, и симметричную композицию в трех эпизодах, посвященных пребыванию Эймунда на службе у Ярицлейва), а также обнаруживающего целый ряд вполне конкретных параллелей в других исландских текстах. Это же относится и к фигуре главного героя рассказа, конунга Эймунда, правителя одной из областей Норвегии, лишившегося своих наследственных владений на родине и потому отправившегося завоевывать себе славу и богатство на чужбине. За взаимоотношениями этого персонажа с русским князем легко просматриваются контуры традиционных коллизий, изображаемых в прядях (особенно в самой влиятельной их разновидности – «прядях о поездках из страны»), а именно конфликт между предприимчивым и храбрым протагонистом и уступающим ему как в уме, так и в доблестях правителем, который в конечном счете вынужден признать

превосходство героя и вознаградить его по заслугам. И все же, хотя главная тема рассказа вполне «литературна» – успех прозорливого и хитроумного норвежского военачальника, которого он добивается, охраняя земли русских князей, за что получает от них новые владения взамен утраченных на родине, – это не исключает возможной реальной подоплеки истории об Эймунде. Сопоставление по крайней мере части описываемых в пряди событий с сообщениями летописцев приводит к выводу о вероятном бытовании устных рассказов об участии скандинавских наемников в междоусобицах Ярослава Мудрого, Святополка Окаянного и их брата Бориса (1015–1019), а возможно также и о битвах Ярослава с Брячиславом Изяславичем (1021) и Мстиславом Владимировичем (1024), которые могли быть основаны на свидетельствах непосредственных участников этих событий, впоследствии использованных при создании повествования об Эймунде.

Подробный перечень исследований, посвященных «Пряди об Эймунде», содержится в работах: *Cook R.* Russian history, Icelandic story, and Byzantine stratagy in Eymundar þáttr Hringssonar // Viator. 1986. Vol. 17. P. 65–89; Vikings in Russia: Yngvar's Saga and Eymund's Saga / Transl. and Introd. by H. Palsson and P.G. Edwards. Edinburgh, 1989; библиографию новейших работ см. в кн.: *Михеев С.М.* «Святополкъ сѣде в Киевѣ по отци»: Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках. М., 2009, и в статье: *Мельникова Е.А.* Композиция и состав «Саги об Эймунде сыне Хринга» // Висы дружбы: Сб. статей в честь Т.Н. Джаксон. М., 2011. С. 55–268.

«Прядь об Эймунде» – первое произведение древнескандинавской литературы, переведенное на русский язык непосредственно с исландского оригинала: *Сенковский О.И.* Eymundar Saga. Эймундова сага // Библиотека для чтения. СПб., 1834. Т. 2, отд. III. С. 1–71 (этот перевод неоднократно переиздавался; см. также пер. с лат.: Эймундова сага / Пер. Д. Лавдовского // Учен. зап. Имп. Московского ун-та. 1834. Ч. III. № 8. С. 386–401; № 9. С. 576–596). Второй перевод, выполненный Е.А. Рыдзевской (1890–1940), был впервые опубликован посмертно в кн.: *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв.: (Материалы и исследования). М., 1978. С. 89–104. Этот же перевод с некоторыми уточнениями вместе с оригиналом и комментарием был впоследствии издан Т.Н. Джаксон (см.: *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 1994. С. 91–104, 104–119). Перевод, предназначенный для настоящего собрания, сделан по изд.: Fornar smásögur úr noregskonunga sögum / E. Gardiner gaf út. Reykjavík, 1949. Bls. 102–128 (оригинальный текст сверен с изд.: *Flat.* II, 118–134) и был предварительно опубликован в журнале: Мировое древо. М., 2014. Вып. 20. С. 181–224.

[1] *Хринг было имя конунга, что сидел в Упплёнде в Норвегии. Фюльк, которым он правил, назывался Хрингарики.* – Упплёнд – область на востоке Норвегии, в которую входит ряд земель-фюльков (см. примеч. 5 к «Пряди об Олаве Альве Гейрстадира»). Согласно сообщениям «Саги об Олаве Святом», Хринг, однако, правил не Хрингарики, а Хейдмёрком, фюльком, лежащим севернее Хрингарики (ср.: *КЗ*, 184; см. также примеч. 4). По всей видимости, автор пряди заменил Хейдмёрк на Хрингарики, поскольку это название (букв.: владения Хринга) отвечает имени конунга.

[2] *...приходился сыном Дагу сыну Хринга, сыну Харальда Прекрасноволосого.* – Как сказано в «Саге о Харальде Прекрасноволосом» (гл. 21: *КЗ*, 53): «Еще был Харальд конунг женат на Асхильд, дочери Хринга из Хрингарики, сына Дага. Его детьми от нее были Даг и Хринг, Гудрёд Скирья и Ингигерд». В «сагах о конунгах» имеются многочисленные и не поддающиеся проверке сообщения о принадлежности тех или иных представителей норвежской знати к роду основателя королевской династии Харальда Прекрасноволосого (ум. ок. 940).

[3] *У Хринга было трое сыновей ⟨...⟩ Хрёрек, он был самым старшим из братьев, другого звали Эймунд, третьего Даг.* – По другим сообщениям (ср. «Сага об Олаве Святом», гл. 36: *КЗ*, 184), Хринг и Хрёрек были братьями, причем и тот и другой, а также Даг неоднократно упоминаются в жизнеописании Олава (см. след. примеч.). В отличие от них, герой пряди, Эймунд, не фигурирует в биографии Олава, за исключением одного упоминания его имени в «Саге об Олаве Святом» в редакции «Книги с Плоского Острова», где сказано, что Олав ослепил Хрёрека, но не захотел убивать его «ради Эймунда, его (т.е. Хрёрека. – *Е.Г.*) брата и побратима Олава, который был тогда в военном походе» (*Flat.* II, 66–67). Поскольку это замечание полностью соответствует сообщению нашего рассказа, не исключена вероятность, что оно было добавлено компилятором книги, почерпнувшим его непосредственно из вставленной им же в эту сагу «Пряди об Эймунде». Иначе, как полагает Р. Кук, отсутствие упоминаний об Эймунде в жизнеописании Олава может объясняться тем, что Эймунд навсегда покинул страну и их с Олавом пути более никогда не пересекались (*Cook R.* Russian history. P. 67 f.). В «Саге об Ингваре Путешественнике» (и это также подтверждается двумя шведскими руническими надписями, найденными в Сёдерманланде) отец Ингвара носит имя Эймунд, причем утверждается, что, подобно герою пряди, он поддерживал Ярицлейва в борьбе с его братом Бурицлавом. Правда, в этой саге он назван Эймундом сыном Аки (а не Эймундом сыном Хринга, как в пряди), однако и в одном из эпизодов «Саги об Олаве Святом» в «Книге с Плоского Острова» (гл. 15) Олав называет своим побратимом Эймунда сына Аки (Eymundr Akason) (*Flat.* II, 14). Р. Кук видит за этими разночтениями рефлексы, возможно, не связанных между собой устных версий преданий об Эймунде – норвежской, нашедшей отражение в пряди, и шведской, использованной в «Саге об Ингваре Путешественнике» (см. об этом подробнее: *Глазырина Г.В.* «Сага об Ингваре Путешественнике»: Текст. Перевод. Комментарий. М., 2002. С. 62–68, 278–280). Обращают на себя внимание и некоторые аналогии в предыстории Эймунда сына Хринга и Эймунда сына Аки – оба возводят свой род к конунгам (шведским и норвежским соответственно), оба оказываются изгнанниками и возглавляют варяжскую дружину в Гардарики (на Руси). Согласно «Саге об Ингваре Путешественнике», Эймунд был сыном Аки, знатного мужа из Швеции, и не названной по имени дочери шведского конунга Эйрика Победоносного, которую Аки увез силой, вопреки воле конунга, за что впоследствии был убит по его приказу. В саге сказано, что Эймунд рос «при конунге в большом почете» до самой смерти конунга Эйрика, однако, повзрослев, припомнил сыну Эйрика, Олаву Шведскому, свои обиды и утраченные владения, вступил с ним в бой, но потерпел поражение, был ранен, подобран и вылечен дочерью конунга Олава, Ингигерд, вскоре после этого ставшей женой Ярицлейва – Ярослава Мудрого (и героиней «Пряди об Эймунде»), и в конце концов изгнан из страны (Там же. С. 250–251). Эймунд

ходит в викингские походы, а когда узнает о замужестве Ингигерд, отправляется на Русь, где он был хорошо принят Ярицлейвом и Ингигерд, «так как в то время большое немирье было в Гардарики из-за того, что Бурицлейв, брат конунга Ярицлейва, напал на государство. Эймунд провел с ним пять битв…» (Там же. С. 252). По утверждению саги, Эймунд получил на Руси «огромное богатство серебром и золотом, и различными драгоценностями и дорогими предметами», был в Хольмгарде (Новгороде) «и провел много битв, и во всех побеждал, и отвоевал и вернул конунгу много земель, плативших дань» (Там же). После этого он отправился назад в Швецию, вернул себе свои владения и примирился с конунгом Олавом. Как полагает Р. Кук, наиболее вероятно шведское происхождение легенды об Эймунде, а также то, что скандинавская дружина, предводительствуемая Эймундом, в действительности состояла не из норвежцев, а из шведов. По мнению Хермана Паульссона и П. Эдвардса (Vikings in Russia... P. 8 f.), Эймунд сын Хринга – вымышленный персонаж, имя которого автор пряди мог почерпнуть из старинных генеалогий (среди прочих, известных из «Младшей Эдды»), которые упоминают некоего «конунга Эймунда из Хольмгарда», чью дочь взял в жены легендарный правитель Хальвдан Старый, ходивший «походами далеко в Восточные Страны» (*МЭ*, 169).

[4] *...в Упплёнде правил конунг Сигурд Свинья. Он был женат на Асте дочери Гудбранда, матери конунга Олава Святого.* – Сигурд Свинья – сын Хальвдана, внук Сигурда Хриси и правнук Харальда Прекрасноволосого; согласно «Саге об Олаве сыне Трюггви» (гл. 60: *КЗ*, 137), Сигурд был конунгом в Хрингарики и поддерживал своего пасынка Олава в его борьбе за власть в Норвегии. От брака Сигурда и Асты дочери Гудбранда Шишки, матери конунга Олава Харальдссона, родился норвежский конунг Харальд Суровый (об Асте см. в «Пряди о Харальде Гренландце»).

[5] *Одну ее сестру звали Торню, она была матерью Халльварда Святого...* – Согласно краткой латинской легенде, сохранившейся в единственной утрехтской рукописи (Monumenta Historica Norvegiæ / Udg. G. Storm. Kristiania, 1880. S. 155–158), св. Халльвард был купцом и сыном знатных родителей – Вебьёрна из Хусабю и Торню дочери Гудбранда, тетки конунга Олава Святого. Как рассказывается, он принял мученическую смерть на корабле, пытаясь спасти от преследователей напрасно обвиненную в воровстве женщину и ее еще не рожденного ребенка (исландские анналы датируют его убийство 1043 г.); св. Халльвард поэтому считается заступником невинных людей. Культ св. Халльварда получил распространение в восточной Норвегии с середины XI в., в дальнейшем его стали почитать как святого покровителя Осло. Написанная в Исландии более пространная «Сага о Халльварде» (XIV в.) ныне практически полностью утрачена – от нее сохранились лишь начальные и конечные строки.

[6] *...Исрид, она была бабкой Торира из Стейга.* – В «Саге об Олаве Святом» (гл. 128: *КЗ*, 279) имеется сообщение о том, как Олав, ища поддержки влиятельных людей Норвегии, выдал замуж свою тетку Исрид дочь Гудбранда Шишки: «Олав конунг отправился на север в Гудбрандсдалир и ездил там по пирам. Там в усадьбе под названием Стейг жил Торд сын Готхорма. Торд был самым могущественным человеком в северной части Долин. Когда конунг встретился с Тордом, тот попросил его выдать за него замуж Исрид дочь Гудбранда, сестру матери Олава конунга. Конунг должен был дать ему ответ на его сватовство. Они с конунгом все обсудили, и сватовство было

принято, и Торд получил в жены Исрид. Он стал с тех пор верным другом Олава конунга, и многие его родичи и друзья тоже стали друзьями конунга». Торир из Стейга, сын Торда и внук Торда и Исрид, был воспитателем внука Харальда Сурового, Хакона сына Магнуса, прозванного Хаконом Воспитанником Торира (правил в Норвегии в 1093–1094). После смерти Хакона Торир враждовал с норвежским конунгом Магнусом Голоногим и был в результате казнен (см.: «Сага о Магнусе Голоногом», гл. 2–6: *КЗ*, 468–470).

[7] *...Олав конунг отправился в Англию...* – В «Саге об Олаве Святом» (гл. 4–20) рассказывается о юношеских походах Олава на восток и на запад и, в частности, о том, как он с дружиной норвежцев провел три зимы в Англии, помогая конунгу Адальраду (Этельреду Неразумному, 978–1016) отвоевать страну у датчан, и вплоть до смерти этого короля «нес оборону Англии», обходя ее «побережье на боевых кораблях» и собирая дань (*КЗ*, 173–174).

[8] *...Рагнар сын Агнара, внук Рагнара Рюккиля, правнук Харальда Прекрасноволосого...* – Как следует из «Саги о Харальде Прекрасноволосом» (гл. 21), этот потомок Харальда происходил от его брака со Сванхильд, дочерью Эйстейна ярла: «Его детьми от нее были Олав Альв Гейрстадира, Бьёрн и Рагнар Рюккиль» (*КЗ*, 53). Высказывалось предположение (Vikings in Russia... P. 9), что Рагнар сын Агнара – вымышленный персонаж, чье имя может быть возведено к Агнару сыну Рагнара, одному из героев «Саги о Рагнаре Лодброке».

[9] *...одним утром он отнял владения у пятерых конунгов...* – Имеется в виду эпизод, описанный в гл. 74–75 «Саги об Олаве Святом» (*КЗ*, 212–214), в котором рассказывается о заговоре конунгов, правивших в расположенных по соседству областях центральной Норвегии (Хейдмёрк, Раумарики, Гудбрандсдалир и Хадаланд). Все они были захвачены Олавом, когда собрались в Хрингискаре в Хейдмёрке у конунга Хрёрека, и понесли суровую расплату: «Хрёрек конунг был человеком очень умным и решительным, и Олав конунг считал, что на него нельзя будет положиться, даже если он заключит с ним мир. Поэтому он приказал выколоть Хрёреку оба глаза и оставил его при себе. Гудрёду конунгу из Долин он велел отрезать язык. С Хринга и еще двух конунгов он взял клятву, что они уедут из Норвегии и никогда не вернутся назад. Лендрманнов и бондов, которые участвовали в заговоре, он либо изгнал из страны, либо велел изувечить, а некоторых он пощадил». Это происшествие упоминается в стихах исландского скальда Оттара Черного, которые цитируются в «Круге Земном» (ср.: «Князь, ты занял земли / Пятерых…», пер. О.А. Смирницкой).

[10] *...по сообщению же Стюрмира Мудрого...* – Рассказчик ссылается на жизнеописание (lífssaga) Олава Святого, составленное ок. 1220 г. ученым аббатом Стюрмиром Мудрым сыном Кари (ум. 1245). От этого сочинения сохранились лишь фрагменты.

[11] *Хринг и Даг уехали из страны ⟨...⟩ на восток в Гаутланд и правили там долгое время.* – В «Саге об Олаве Святом» (гл. 199: *КЗ*, 345) утверждается, что «Хринг и его сын Даг обосновались в Швеции и получили там владения» (Гаутланд – граничащая с Норвегией шведская область), а также приводится генеалогия Хринга, совпадающая с начальным сообщением пряди («Хринг был сыном Дага сына Хринга, сына Харальда Прекрасноволосого»). В редакции жизнеописания Олава Святого в «Круге Земном» Хринг более не упоминается, тогда как о Даге рассказывается, что он впоследствии становится сторонником Олава и оказывает ему военную поддержку (см. о нем по-

дробнее в «Саге об Олаве Святом», гл. 199, 205, 209, 224, 227, 229, 232, 233, 235: *КЗ*, 345–367). Согласно более ранней «Легендарной саге об Олаве Святом» (гл. 75), и Хринг, и Даг стали сподвижниками Олава и отправились вместе с ним в изгнание на Русь, причем оба они затем упоминаются как участники битвы при Стикластадире в стихах Тормода Скальда Чернобровой (цитируемых в той же саге, гл. 96; *Skj* B I, 265, 22), а Даг – в стихах Сигвата сына Торда в «Круге Земном» (*КЗ*, 367), сообщающих о поражении конунга и бегстве Дага, которому, в отличие от Олава, удалось спастись.

[12] *Хрёрек же конунг ⟨...⟩ не был ранен.* – О неоднократных попытках Хрёрека отомстить его родичу Олаву, подстроенном им убийстве дружинников конунга, неудавшейся попытке бегства и, наконец, нападении на конунга во время мессы, подробно рассказывается в «Саге об Олаве Святом» (гл. 81–84: *КЗ*, 220–225).

[13] *...с Торарином сыном Невьольва.* – Об этом исландце см. одноименную прядь в наст. изд. Согласно «Саге об Олаве Святом» (гл. 85), конунг Олав поручил Торарину сыну Невьольва отвезти Хрёрека в Гренландию, а в случае невозможности добраться туда – в Исландию и передать его там знатному человеку, который согласится его принять, за что велел пообещать этому лицу свою дружбу; если же их корабль отнесет в какую-нибудь другую страну, конунг велел Торарину позаботиться о том, «чтобы Хрёрек не вернулся живым в Норвегию», но сделать это только в крайнем случае (ср. *КЗ*, 226).

[14] *...с Гудмундом Могучим в Подмаренничных Полях в Островном Фьорде и умер там на хуторе Телячья Кожа.* – Гудмунд Могучий сын Эйольва – могущественный и родовитый исландец, персонаж многих саг (см. о нем в «Пряди о Пивном Капюшоне»); Подмаренничные Поля – хутор Гудмунда; Островной Фьорд – фьорд в северной части Исландии. По сообщению «Саги об Олаве Святом» (гл. 85), Хрёрек скончался спустя три года после прибытия в Исландию. Ему не понравилось жить у Гудмунда, и тогда тот поселил его на небольшом хуторе под названием Телячья Кожа. «Он говорил, что, с тех пор как он потерял свои владения, ему больше всего понравилось жить там, потому что он был там самым уважаемым человеком. Летом Хрёрек заболел и умер. Говорят, что он – единственный конунг, похороненный в Исландии» (*КЗ*, 227).

[15] *Вальдамар конунг* – великий князь киевский Владимир Святославич (978 – 15 июля 1015).

[16] *Гардарики* (Garðaríki) – древнескандинавское обозначение Древней Руси (также нередко Гарды – Garðar), букв.: страна укреплений.

[17] *Бурицлав* – принято считать, что за этим персонажем пряди, вероятнее всего, стоит Святополк Владимирович, прозванный Окаянным, князь туровский (1015–1019), затем великий князь киевский. Замену имени объясняют тем, что значительную роль в его борьбе против Ярослава играл тесть Святополка, польский князь Болеслав I Храбрый (992–1025), причем при описании их столкновений с Ярославом Повесть временных лет обычно говорит о «Болеславе и Святополке», ставя имя Болеслава первым (ср. сообщение, относящееся к 1018 г.: «Пришел Болеслав на Ярослава со Святополком и с поляками. Ярослав же, собрав русь, и варягов, и словен, пошел против Болеслава и Святополка», пер. Д.С. Лихачева. Повесть временных лет. М.; Augsburg, 2003. С. 45; интернет-ресурс: http://imwerden.de/pdf/povest_vremennyx_let.pdf). Согласно другой гипотезе (см. подробно: *Михеев С.М.* «Святополкъ сѣде в Киевѣ по отци». С. 195–264), под именем Бурицлав в пряди скрывается не только

Святополк, но и другой сын Владимира, Борис (по сообщению летописца, злодейски убитый по приказанию Святополка и впоследствии объявленный святым), причем и само скандинавское Búrizlafr, как полагают, вполне могло происходить от славянского имени *Борис* с добавлением к нему второго элемента -leifr / -láfr, соответствующего славянскому *-слав*; см. об этом: *Литвина А.Ф.*, *Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 52, примеч. 39). Имя Бурицлав упоминается и в других исландских текстах, например в «Саге о йомсвикингах» (гл. 23 и др.; см.: *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. С. 162 и след.).

[18] *Ярицлейв* – русский князь Ярослав Владимирович Мудрый, новгородский правитель (1010–1016), великий князь киевский в 1016–1018, 1018/1019 – 20 февраля 1054 г. (о сообщениях о нем в древнескандинавских источниках см.: *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. С. 156 и след.).

[19] *Вартилав* – за этим персонажем пряди предположительно стоят два исторических лица: это полоцкий князь Брячислав Изяславич (ум. 1044), который в действительности был племянником Ярослава Мудрого (от его имени образовано имя Вартилав), и Мстислав Владимирович, князь тмутараканский, который, подобно Вартилаву в пряди, заключил мир с Ярославом (1026) и чьи владения тот затем унаследовал (см.: *Cook R.* Russian history... P. 69). Высказывалось, однако, мнение (Vikings in Russia... P. 13, 42, note 13), что третий брат, Вартилав, – вымышленный персонаж, причем указывалось на пристрастие автора пряди ко всякого рода триадам, в том числе и на то, что главный герой рассказа, Эймунд, также представлен как один из трех братьев-конунгов, лишившихся своих владений в Норвегии. Известно, что у князя Владимира было не трое, а до тринадцати сыновей.

[20] *Кэнугард* – древнескандинавское обозначение Киева (от **Кыян(ов)ъ-городъ*, где *Кыяне* – «жители Киева»). Приведенные автором пряди сведения о разделе русских земель между потомками князя Владимира соответствуют сообщениям Повести временных лет: Ярослав (Ярицлейв) первоначально сидел в Новгороде (Хольмгарде), Брячислав (Вартилав) был князем полоцким, «Святополк же окаянный стал княжить в Киеве».

[21] *Хольмгард* – древнескандинавское обозначение Новгорода (от **Хълмъ-городъ* «укрепленное поселение Холм», переосмысленное затем как «островной город»: др.-сканд. hólmr «остров»; см.: *Джаксон Т.Н.* Austr í Görðum: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2000. С. 83–92).

[22] *Пальтескья* – древнескандинавское наименование Полоцка (др.-рус. *Полоцк*, *Полотескъ* происходит от названия реки Полота).

[23] *Восточные Страны* – см. примеч. 21 к «Пряди о Сёрли».

[24] *Ярицлейв конунг был зятем Олава Шведского, он был женат на его дочери Ингигерд.* – Об Олаве Шведском см. примеч. 1 к «Пряди об Эмунде из Скарара»; в этом рассказе также говорится о женитьбе конунга Гардарики Ярицлейва (князя Ярослава Мудрого) на шведской принцессе Ингигерд (на Руси получившей имя Ирина). Согласно записи в исландских анналах и хронологии «Круга Земного», этот брак был заключен в 1019 г.; описываемые в «Пряди об Эймунде» события должны были произойти вскоре после этого. (См. подробнее о браке Ярослава Мудрого и связан-

ной с этим дискуссии в исторической литературе в кн.: *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. С. 156 и след., 161, примеч. 5.)

[25] *...предложение жить в мире внутри страны...* – Речь идет о соглашении с морскими разбойниками (викингами), которые давали обязательство не подвергать разграблению ту или иную местность при условии, что ее жители предоставляли им приют и право вести торговлю; такая территория обозначалась юридическим термином friðland – букв.: мирная земля (см.: *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. С. 164, примеч. 18).

[26] *...выплачивать каждому нашему воину эйрир серебра...* – В XI в. в Скандинавии эйрир (унция) был равен примерно 27 граммам. Вопрос о том, насколько реалистичен указанный в пряди размер денежного вознаграждения норвежских наемников, остается спорным (см.: *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. С. 164 и след., примеч. 23).

[27] *...Ярицлейв конунг отдал в их распоряжение каменный покой и приказал завесить его стены драгоценными тканями.* – Сообщение пряди о том, что норвежцам был отведен отдельный богато убранный каменный дом, нередко сопоставляют с сообщением Новгородской первой летописи младшего извода об избиении новгородцами варягов «в лѣто 6524» (т.е. в 1016 г.) в неком «Поромонѣ дворѣ», предположительно отведенном приезжавшим в Новгород скандинавам («В Новѣгородѣ же тогда Ярославъ кормяше Варягъ много, бояся рати; и начаша Варязи насилие дѣяти на мужатых женахъ. Ркоша новгородци: “сего мы насилья не можемъ смотрити”; и собрашася в нощь, исѣкоша Варягы в Поромонѣ дворѣ; а князю Ярославу тогда в ту нощь сущу на Ракомѣ. И се слышавъ, князь Ярославъ разгнѣвася на гражаны, и собра вои славны тысящу, и, обольстивъ ихъ, исѣче, иже бяху Варягы ти исѣклѣ; а друзии бѣжаша изъ града». Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 174 (интернет-ресурс: http://www.lrc-lib.ru/); подробнее об этом см.: *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. С. 165, примеч. 26). В Повести временных лет неоднократно сообщается, что Ярослав призывает на службу варягов – в 1015 г., в 1018 и в 1024 г.; лишь в последней из этих записей, касающейся усобицы между Ярославом и Мстиславом, упоминается имя скандинавского военачальника – Якун (= Хакон): «пришел Ярослав в Новгород, и послал за море за варягами. И пришел Якун с варягами, и был Якун тот красив, и плащ у него был золотом выткан… И когда увидел Ярослав, что терпит поражение, побежал с Якуном, князем варяжским, и Якун тут потерял свой плащ золотой. Ярослав же пришел в Новгород, а Якун ушел за море» (пер. Д.С. Лихачева. Повесть временных лет. С. 46).

[28] *Сдается мне, у нас отличное войско, оно и велико, и надежно.* – Издатель пряди, Э. Гардинер (*FS*, 222), предполагает, что дважды появляющееся в исландском тексте слово liðskost «войско, военная сила» – результат ошибки переписчика. Он считает, что в первом случае в оригинале было употреблено слово liðsmun «численное превосходство», поскольку именно об этом идет речь в ответной речи Эймунда. В таком случае эта фраза должна звучать следующим образом: «Сдается мне, что на нашей стороне численный перевес, и войско наше и велико, и надежно».

[29] Первый из эпизодов, повествующих об усобицах между сыновьями князя Владимира, находит довольно близкое соответствие в сообщениях Повести временных

лет о битве под Любечем (1016), что, судя по всему, указывает на историческую основу сюжета пряди, а также на использование при ее создании устной традиции, по-видимому восходившей к рассказам скандинавов, которые побывали на Руси и, возможно, даже являлись участниками описываемых событий. В обоих источниках воинственный брат (Бурицлав – Святополк), сидящий после смерти отца в Кэнугарде – Киеве, стремится подчинить себе все русские земли и вступает в конфликт с Ярицлейвом – Ярославом, который мобилизует против него свое войско, включая находившуюся у него на службе варяжскую дружину. Дружины братьев сходятся у реки, по обе ее стороны, и стоят там, ничего не предпринимая, некоторое время (в исландском рассказе говорится о четырех днях, в летописи – о трех месяцах), причем в обоих случаях Ярицлейва – Ярослава приходится понуждать вступить в бой. В ходе следующей за этим стоянием битвы новгородский князь обращает вражеское войско в бегство, после чего его брат вынужден искать себе союзников (ср. соответствующие сообщения Повести временных лет: «В год 6523 (1015)... Святополк сел в Киеве по смерти отца своего... И стал Святополк думать: "Перебью всех своих братьев и стану один владеть Русскою землею"... пришла ему (т.е. Ярославу. – *Е.Г.*) весть из Киева от сестры его Предславы: "Отец твой умер, а Святополк сидит в Киеве, убил Бориса, а на Глеба послал, берегись его очень"... И собрал Ярослав тысячу варягов, а других воинов 40 000, и пошел на Святополка, призвав Бога в свидетели своей правды... Услышав же, что Ярослав идет, Святополк собрал бесчисленное количество воинов, русских и печенегов, и вышел против него к Любечу на тот берег Днепра, а Ярослав был на этом. В год 6524 (1016). Пришел Ярослав на Святополка, и стали по обе стороны Днепра, и не решались ни эти на тех, ни те на этих, и стояли так три месяца друг против друга. И стал воевода Святополка, разъезжая по берегу, укорять новгородцев, говоря: "Что пришли с хромцом этим? Вы ведь плотники. Поставим вас хоромы наши рубить!" Слыша это, сказали новгородцы Ярославу, что "завтра мы переправимся к нему; если кто не пойдет с нами, сами нападем на него". Наступили уже заморозки, Святополк стоял между двумя озерами и всю ночь пил с дружиной своей. Ярослав же с утра, исполчив дружину свою, на рассвете переправился. И, высадившись на берег, оттолкнули ладьи от берега, и пошли друг против друга, и сошлись в схватке. Была сеча жестокая, и не могли из-за озера печенеги помочь; и прижали Святополка с дружиною к озеру, и вступили на лед, и подломился под ними лед, и стал одолевать Ярослав, видев же это, Святополк побежал, и одолел Ярослав. Святополк же бежал в Польшу, а Ярослав сел в Киеве на столе отцовском и дедовском...», пер. Д.С. Лихачева. Повесть временных лет. С. 41–44).

[30] *...в Бьярмаланде...* – См. примеч. 13 к «Пряди о Хауке Задаваке». Саксон Грамматик характеризует населяющий Бьярмаланд народ (bjarmar – «бьярмы» соответствует русск. Пермь), вторгшийся под предводительством Бурицлава в новгородскую землю, как неистовых воинов. Согласно Повести временных лет, союзниками Святополка в его борьбе с Ярославом были, однако, тюркские племена – печенеги (ср.: (год 1018) «И пошел Ярослав на Святополка, и бежал Святополк к печенегам»).

[31] *...войско бондов.* – Автор пряди по привычке называет созванных правителем ополченцев «войском бондов», хотя в данном случае речь идет не о норвежцах, а о новгородцах.

[32] *...валить деревья ⟨...⟩ казалось, будто там нетронутая земля.* – Р. Кук обращает внимание на то, что первое приказание Эймунда – установка на городских стенах срубленных деревьев ветвями наружу в качестве защиты от снарядов – вступает в явное противоречие с его последующим распоряжением, согласно которому женщинам надлежало подняться на стены и продемонстрировать врагу свои золотые украшения (см. след. примеч.); не случайно в дальнейшем, описывая оборону города, рассказчик уже не упоминает об использовании древесных заграждений, сведения о которых, как полагает Р. Кук (*Cook R.* Russian history... P. 78 f., note 65), могли быть почерпнуты автором пряди из какого-то постороннего источника. О рытье рвов как о военной хитрости, предпринимаемой осаждаемыми против вражеской конницы и пеших воинов, сообщает ряд древних и византийских авторов, при этом греческий писатель Эней Тактик (IV в. до н.э.) в трактате «О перенесении осады» (§ XXXIX) прямо говорит о маскировке рва. Этот же мотив встречается в былине «Илья Муромец и Калин-царь»: здесь идущие на Киев татары роют три «подкопа», чтобы богатырь упал в них вместе со своим конем.

[33] *...взойти на крепостные стены ⟨...⟩ чтобы их было получше видно.* – Кроме пряди этот мотив известен также из нескольких саг, однако в отличие от рассказа об Эймунде подобная провокация со стороны осажденных неизменно приводит к их поражению. В «Саге о Хрольве сыне Гаутрека» (гл. 13) обороняющие осаждаемую гаутами крепость Улларакр шведы выходят на крепостные стены с мехами, шелками и «множеством других ценных вещей» и демонстрируют все эти богатства врагам, дразня их, осыпая оскорблениями и насмешками и предлагая завладеть их имуществом. Аналогичные сцены встречаются в «Саге о Рагнаре Лодброке» (гл. 13), где описывается осада сыновьями Рагнара города Вифильсборга (Vífilsborg; см. примеч. 95 к «Пряди о Норна-Гесте»), а также в «Саге о сыновьях Магнуса Голоногого» (гл. 6: *КЗ*, 483). В последней рассказывается об осаде и взятии конунгом Сигурдом Крестоносцем острова Форминтерра (1108), обороняемого «черными язычниками». Увидев, что норвежцы не решаются идти на приступ, «язычники вынесли на стену парчовые одеяния и другие драгоценности, махали ими норвежцам и кричали им, подбадривая их и упрекая их в трусости». Как полагает Р. Кук (*Cook R.* Russian history... P. 80 ff.), все эти сцены в сагах в конечном счете могут восходить к устным рассказам, занесенным в Скандинавию с юга через Византию «по варяжскому пути», в основе же их могло лежать событие, действительно имевшее место при осаде итальянского города Бари герцогом Робертом Гвискаром в 1067–1071 гг. По сообщению норманнского хрониста Джеффри Малатерры, жители Бари, желая выказать презрение к действиям герцога, демонстрировали врагу драгоценные ткани из своих сокровищниц и осыпали его оскорблениями. Поскольку варяги (т. е. скандинавские наемники, служившие в Византии) принимали активное участие в столкновениях в Бари и на прилегающих к нему территориях в 1041 и 1071 гг., по мнению Р. Кука, они вполне могли принести этот рассказ сначала в Византию, а оттуда на север Европы. (Ср. также отголоски этого мотива в «Саге о названых братьях», гл. 16, где речь идет не об осаде, а о заманивании врагов с целью их убийства.)

[34] *...конунг был тяжело ранен в ногу.* – Сообщение о ранении Ярицлейва в ногу может быть сопоставлено с упоминанием о хромоте русского князя в Повести временных лет, относящемся ко времени первого столкновения братьев (1016), где

воевода Святополка, провоцируя новгородцев, называет Ярослава «хромцом» (см. примеч. 29). Согласно Тверской летописи, Ярослав был хромым от рождения. Не исключено, что рассказ пряди был призван объяснить хромоту русского князя, о которой рассказчику могло быть известно из устного предания (см.: *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. С. 168, примеч. 34).

[35] *...турки и валахи...* – «Турками» (tyrkir) скандинавы именовали кочевые народы Юго-Восточной Европы (см.: *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986. С. 218); древнерусские источники называют союзниками Святополка печенегов. Валахи, или влахи (др.-исл. blökumenn, где blöku- восходит к греч. Βλαχία), – средневековое название романоязычного населения современных Молдавии и Румынии. Византийский писатель XI в. Кекавмен характеризует валахов как племя, отличающееся крайней неверностью. Е.А. Мельникова (*Мельникова Е.А.* Композиция и состав «Саги об Эймунде сыне Хринга». С. 262) отмечает, что, и тюрки, и blökumenn «принадлежали к народам, обитавшим в неизвестных скандинавам областях на краю скандинавской ойкумены, и потому представлялись наделенными “чудовищными” качествами. Победа именно над такими противниками, почти чудовищами, достойно увенчивает воинские подвиги Эймунда».

[36] *...исландец, которого звали Бьёрн, а также Гарда-Кетиль...* – Высказывалось предположение, что «исландец по имени Бьёрн» мог быть не кем иным, как исландским скальдом Бёрном сыном Арнгейра по прозвищу Герой из Хитдаля (ум. 1024), и что именно от него исландцы могли узнать историю взаимоотношений Эймунда с русскими князьями. В «Саге о Бьёрне Герое из Хитдаля» (гл. 4) сообщается о том, что в юности Бьёрн был в Гардарики у Вальдамара конунга. Упоминаемый вслед за Бьёрном Гарда-Кетиль, как полагают, мог быть тем самым исландцем, которому отводится весьма значительная роль в «Саге об Ингваре Путешественнике», где, в частности, говорится, что Гарда-Кетиль вернулся затем в Исландию и первым поведал там о походе Ингвара (Сага об Ингваре Путешественнике. С. 270).

[37] *...одевается нищим, подвязывает себе козлиную бороду и отправляется в путь, захватив с собой два посоха.* – Ср. аналогичный мотив в «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде», а также в «Саге о Хромунде сыне Грипа» («Hrómundar saga Gripssonar», ch. 2): «Hann tekr sér kylfu í hönd, bindr sér grátt ok sítt geitarskegg» – «Он (Хромунд) берет в руку палку, подвязывает себе длинную серую козлиную бороду...» (интернет-ресурс: http://www.snerpa.is/net/forn/hrom.htm).

[38] *...Рёгнвальд...* – В рукописи ошибка: правильно – Рагнар.

[39] Мотив убийства при помощи согнутого дерева восходит к античной мифологии – сообщению об убийстве Тесеем греческого разбойника Синиса, прозванного «сосносгибателем»: согласно Аполлодору (*Аполлодор.* Мифологическая библиотека. Л., 1972. С. 75: кн. III, гл. XVI, 2), «он заставлял прохожих держать за вершины согнутые сосны. Но им не хватало сил выдержать это, и, подброшенные деревом, они погибали жалким образом»; ср. упоминание об этом в «Метаморфозах» Овидия: «Мертв и Синис, во зло применявший великую силу, – / Перегибавший стволы, до земли наклоняющий сосны, / Чтоб, разорвав, разметать широко телеса человечьи» (кн. VII, стихи 440–442; пер. с лат. С.В. Шервинского: *Овидий.* Метаморфозы. М., 1977. С. 180). Саксон Грамматик (кн. VII) приводит аналогичную историю о свирепом русском разбойнике Rothe, который расправлялся со своей жертвой, привязывая

ее правую ногу к земле, а левую к суку, при разгибании разрывавшем ее пополам. Остается неясным, восходит ли рассказ Саксона к книжным источникам или к устной традиции, занесенной в Скандинавию с юга, не исключено что «по варяжскому пути» (как и предшествующие военные хитрости Эймунда). Так, византийский историк X в. Лев Диакон сообщает, что такой же смерти был подвергнут русский князь Игорь Рюрикович. Согласно его «Истории», император Иоанн Цимисхий предостерегал предводителя «росов» Сфендослава (Святослава), напоминая ему о бесславной кончине его отца, Ингоря (Игоря): «Не упоминаю я уж о его [дальнейшей] жалкой судьбе, когда, отправившись в поход на германцев, он был взят ими в плен, привязан к стволам деревьев и разорван надвое» (кн. VI, 10: интернет-ресурс: http://www.rummuseum.ru/portal/node/701). В Повести временных лет (год 945) никаких деталей убийства Игоря древлянами вследствие его попытки вторично собрать с них дань не упоминается, сказано лишь, что «древляне, выйдя из города Искоростеня, убили Игоря и дружинников его, так как было их мало», однако можно предполагать, что версия гибели Игоря, изложенная Львом Диаконом, имела хождение на Руси. Параллелью к рассказу об убийстве Бурицлава в «сагах о конунгах» может быть также описание Снорри убийства конунга Агни в «Саге об Инглингах» (гл. 19: *КЗ*, 20), где фигурирует тот же набор предметов – веревка, дерево и шатер, хотя используются они иначе: «Когда Агни конунг опьянел, Скьяльв сказала ему, чтобы он поберег гривну, которая была у него на шее. Тогда он крепко привязал гривну к шее и лег спать. А шатер стоял на опушке леса, и над шатром было высокое дерево, которое защищало шатер от солнечного жара. Когда Агни конунг заснул, Скьяльв взяла толстую веревку и привязала к гривне. Ее люди опустили шесты палатки, закинули веревку на ветви дерева и потянули так, что конунг повис под самыми ветвями. Тут ему пришла смерть». Как отмечает Р. Кук (*Cook R.* Russian history... P. 82–84), исследовавший все вышеприведенные параллели, в «Пряди об Эймунде» мотив распрямляемого дерева, несмотря на его явное заимствование, используется совершенно по-новому: не в качестве метода жестокого умерщвления, но как хитроумный способ добраться до противника с целью его последующего убийства и, таким образом, призван в очередной раз продемонстрировать смекалку Эймунда. Между тем высказывалось мнение, что непосредственным прототипом данного эпизода в «Пряди об Эймунде» могло послужить предание об убиении князя Бориса Владимировича, в котором присутствуют и мотив золотой гривны (ср. Агни), и мотив возвращения князя из похода, и мотив установки шатра и укладывания спать, и мотив прихода небольшой группы убийц в позднее время, и мотив обезглавливания. Подробно сопоставляя описания убийства Бурицлава и конунга Агни, с одной стороны, и древнерусский рассказ об умерщвлении Бориса – с другой, – на ряд параллелей между этими текстами отчасти обращали внимание и раньше, – С.М. Михеев приходит к выводу, что их сходство «может объясняться только тем, что и рассказ об убийстве Бурислава в “Эймундовой пряди”, и летописное описание убийства Бориса восходят к устной легенде о гибели Бориса» (*Михеев С.М.* «Святополкъ сѣде в Киевѣ по отци». С. 225; см. с. 212–254).

40 *Конунг покраснел, когда увидал голову.* – Эта сцена, судя по всему, основана на аналогичном эпизоде «Саги о Харальде Суровом» Снорри Стурлусона (гл. 49: *КЗ*, 430). В нем рассказывается о племяннике и любимце датского конунга Свейна Асмунде, который, после того как получил от конунга «богатство», собрал большое

войско и стал чинить бесчинства, грабя и убивая народ, причем все попытки утихомирить его не давали результатов. Когда же люди явились к конунгу с жалобами на причиненный им ущерб, тот заявил, что они должны обращаться с этим к Хакону сыну Ивара (знатному норвежцу, вынужденному из-за размолвки с конунгом Харальдом покинуть родные края и перебраться в Данию), который был назначен им защитником страны и в чьи обязанности входило охранять бондов от нападений викингов: «Мне говорили, что Хакон смелый и мужественный человек, но теперь, думается мне, он старается избежать всего, что кажется ему опасным». Слова конунга передали Хакону, «многое прибавив», после чего тот отплыл со своим войском на поиски Асмунда, а найдя его, вступил с ним в рукопашный бой и сразил. «Хакон отрубил ему голову. Затем Хакон поспешил к Свейну конунгу и прибыл к нему в то время, когда конунг сидел за столом. Хакон подошел к столу, положил голову Асмунда перед конунгом и спросил, узнает ли он ее. Конунг не отвечал, но густо покраснел». Р. Кук (*Cook R.* Russian history... P. 74) отмечает, что последовательные совпадения между двумя эпизодами – саги и рассказа об Эймунде – касаются не только деталей сцены демонстрации отрубленной головы, но и всего контекста в целом. В обоих случаях правитель (Ярицлейв и Свейн), чьи владения подвергаются неоднократным нападениям со стороны воинственного родича (Бурицлав и Асмунд), поощряет находящегося у него на службе чужестранца (Эймунд и Хакон) избавить его от опасного родича, а после того как это поручение было выполнено, багровеет от гнева при виде головы поверженного врага и в конечном счете вынуждает чужестранца, оказавшего ему эту услугу, оставить службу: в саге конунг Свейн вскоре после убийства Асмунда передает Хакону, что сам он «не намерен причинять ему никакого зла», однако не может поручиться за всех своих родичей, в результате чего Хакон уезжает назад в Норвегию; в пряди конунг Ярицлейв припоминает Эймунду убийство брата, и это становится одной из причин их разрыва.

[41] *...счастливо оставаться, государь!* – Как неоднократно отмечалось в литературе, историческую подоплеку могут иметь и сообщения пряди о нежелании Ярицлейва выплачивать жалованье дружине Эймунда: хотя в Повести временных лет нет упоминаний о том, что Ярослав не платил варяжским наемникам, в ней имеется запись об аналогичном поведении его отца, Владимира. Согласно этому сообщению, последний пообещал однажды захватившим для него город варягам выделить им часть дани, однако не сдержал своего слова, после чего варяги пожелали уйти от него к грекам.

[42] *...в сопровождении Рёгнвальда ярла сына Ульва...* – См. примеч. 4 к «Пряди об Эмунде из Скарара».

[43] Описанная сцена находит параллели в двух «семейных сагах». В «Саге о людях из Лососьей Долины» (гл. 75) рассказывается о том, как родичи Торстейн сын Кугги и Torкель сын Эйольва пытаются принудить Халльдора сына Олава продать его хутор Стадный Холм. «И когда день подходил к концу, Торстейн предложил Халльдору, чтобы они все вместе приступили к важной беседе: "У нас есть к тебе дело". Халльдор ответил, что он готов к этому. Торстейн сказал своим спутникам, что не нужно сопровождать их. Однако Бейнир тем не менее пошел с ними, потому что ему казалось, что все происходит именно так, как Халльдор подозревал. Они отошли довольно далеко по огороженному лугу перед домом. Халльдор был одет в тесно облегающий плащ

с большой пряжкой, как тогда было принято. Халльдор присел на землю, а справа и слева от него оба его родича, и они сели на его плащ, и прижались к нему как можно ближе, а Бейнир стоял за ними, и в руке у него была большая секира». Однако еще до встречи со своими посетителями, Халльдор догадался, как они будут действовать, и послал за подмогой, сам же поначалу, чтобы протянуть время, притворился, что не противится сделке, но затем стал проявлять несговорчивость, а когда Торстейн начал ему угрожать, «Халльдор так стремительно вскочил на ноги, что пряжка его плаща сломалась», и так ему удалось вырваться из рук своих недругов (см.: *ИС* I, 402–403). По мнению Р. Кука (*Cook R.* Russian history... P. 73), использование аналогичного мотива в сцене беседы Эймунда с Ингигерд и Рёгнвальдом едва ли случайно и может объясняться заимствованием из той же устной традиции, к которой восходит сцена в «Саге о людях из Лососьей Долины». Иной исход схожей сцены описан в «Саге о Курином Торире» (гл. 10). Здесь подобным же образом ведут себя явившиеся к Гуннару сыну Хлив ночные гости – Торкель Бахрома и его спутники, которые приезжают для того, чтобы, если понадобится, силой принудить его выдать за Херстейна его дочь Турид и тем самым заручиться его поддержкой в деле против убийц отца Херстейна, Кетиля Сони, причем новость об убийстве отца жениха сообщается будущему тестю лишь после обручения: «Торкель сказал: "Сядем здесь, потому что нам есть о чем поговорить с тобой, Гуннар". Они так и делают, садятся по обе руки от него, и так близко, что они сидят на плаще Гуннара» (Исландские саги. М., 2000. С. 30). Затем Торкель недвусмысленно дает понять Гуннару, что не оставляет ему выбора, и он должен не сходя с места дать согласие на этот брак. (См. также: *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. С. 170, примеч. 42.)

[44] *...увезти их...* – Под «ними» имеются в виду конунгова жена и Рёгнвальд ярл: в оригинале употреблено местоимение среднего рода (þau), указывающее на группу, состоящую из лиц обоего пола.

[45] *...готовятся к сражению...* – В древнерусских источниках нет сведений об участии полоцкого князя Брячислава в борьбе за киевский стол, однако Повесть временных лет упоминает о конфликте Брячислава с Ярославом в 1021 г.: «Пришел Брячислав, сын Изяслава, внук Владимира, на Новгород, и взял Новгород, и, захватив новгородцев и имущество их, пошел к Полоцку снова. И когда пришел он к реке Судомири, и Ярослав из Киева на седьмой день нагнал его тут. И победил Ярослав Брячислава, и новгородцев воротил в Новгород, а Брячислав бежал к Полоцку» (Повесть временных лет. С. 45). Не исключено, что за данным эпизодом пряди стоят воспоминания об этих событиях (см.: *Мельникова Е.А.* Композиция и состав «Саги об Эймунде сыне Хринга». С. 264).

[46] *...самая лучшая часть Гардарики, а именно Хольмгард. Вартилаву же отойдет Кэнугард...* – Ранее в пряди говорилось, что «лучшая область во всей Гардарики» это Кэнугард. Как отмечалось (*Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. С. 172, примеч. 47), Хольмгард и Кэнугард служат здесь обозначениями княжеств. Брячислав Изяславич (Вартилав) никогда не правил в Киеве, но оставался князем полоцким (см. след. примеч.).

[47] *...получит Эймунд конунг, он станет тамошним правителем...* – Сообщение о передаче Полоцкого княжества варяжскому военачальнику не имеет под собой исторической подоплеки: с конца X в. там правили потомки князя Владимира. Согласно

Повести временных лет, Брячислав княжил в Полоцке вплоть до своей смерти (1044), и после него «Всеслав, сын его, сел на столе его».

[48] *Альдейгьюборг* – древнескандинавское обозначение Ладоги. Непосредственно перед рассказом об Эймунде в гл. 94 «Саги об Олаве Святом» (*Flat*. II, 117) говорилось о том, что Ингигерд пожаловала Рёгнвальду Альдейгьюборг, который был получен ею в качестве свадебного дара, и Рёгнвальд стал ярлом всей той области, «правил там долго, и о нем ходила добрая слава».

[49] *Вартилав конунг прожил не долее трех зим.* – Согласно Повести временных лет, Мстислав умер в 1036 г., т. е. спустя 10 лет, а Брячислав – в 1044 г., т.е. спустя почти 20 лет после того, как, по сообщению летописца (1026), родичи «разделили по Днепру Русскую землю… и начали жить мирно и в братолюбии, и затихли усобица и мятеж, и была тишина великая в стране».

[50] *...Ярицлейву конунгу, и с той поры он стал в одиночку править обеими державами.* – Как сказано в Повести временных лет, после того как Мстислав «вышел на охоту, разболелся и умер» (1036), «завладел всем его владением Ярослав и стал самовластцем в Русской земле». Ярослав оставался великим князем киевским до своей смерти в 1054 г.

[51] *Рёгнвальд сын Ульва ⟨...⟩ с Ингигерд конунговой женой были двоюродными братом и сестрой, их матери были сестрами.* – Из других источников следует, что ярл Рёгнвальд был родичем Ингигерд по отцовской линии: отец Рёгнвальда, Ульв сын Скёглар-Тости, был родным братом Сигрид Гордой, матери Олава Шведского и бабки Ингигерд (см. «Прядь о Харальде Гренландце»). Согласно «Легендарной саге об Олаве Святом» (*ÓHLeg*, kap. 46: bls. 34), матерью Ингигерд была вендка Астрид (иначе – Эдла, см. примеч. 23 к «Пряди об Эмунде из Скарара»). Не исключено, однако, что автор пряди смешивает здесь ярла Рёгнвальда с Эймундом сыном Аки, персонажем «Саги об Ингваре Путешественнике»: Эймунд и Ингигерд были двоюродными братом и сестрой (см. примеч. 3 и 53).

[52] *...когда святой Олав сын Харальда был в Гардарики...* – Конунг Олав бежал на Русь в 1029 г. после вторжения в Норвегию датского конунга Кнута Могучего, к которому примкнула большая часть норвежской знати. Как принято считать, выбор Гардарики для временного прибежища был обусловлен родственными связями: Олав и Ярослав были женаты на сестрах – Астрид и Ингигерд соответственно. Получив известие о гибели ярла Хакона, ставшего правителем Норвегии после его бегства, Олав в 1030 г. возвратился назад и попытался вернуть себе власть, однако погиб в битве при Стикластадире. Покидая Русь, Олав оставил у Ярослава своего сына Магнуса (Доброго), будущего конунга Норвегии (об источниках, сообщающих о пребывании Олава на Руси, см.: *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. С. 178–185).

[53] *...потому что они любили друг друга тайной любовью.* – Остается не вполне ясным, относится ли это утверждение к взаимоотношениям Ингигерд с ярлом Рёгнвальдом или же речь идет о тайной привязанности, которая связывала русскую княгиню и Олава Харальдссона. Херман Паульссон и П. Эдвардс (Vikings in Russia... P. 10) уверены в том, что эта фраза относится к Ингигерд и Рёгнвальду, в связи с чем высказывают предположение, что, если только это сообщение не восходит к некому неизвестному источнику, рассказчик, всего вероятнее, смешивает Рёгнвальда с персонажем «Саги об Ингваре Путешественнике» – Эймундом сыном Аки (см. примеч. 3

к наст. пряди): в этой саге (гл. 2) говорится о том, что в юности Ингигерд и Эймунд очень любили друг друга «по причине родства», а также «потому, что она была хороша во всех отношениях», а затем рассказывается о том, как Ингигерд разыскала раненого Эймунда в лесу, увезла его и приказала тайно лечить; далее говорится, что, узнав о том, что Ингигерд стала женой Ярицлейва, Эймунд сразу же отправляется в Гардарики (Сага об Ингваре Путешественнике. С. 251 и след.). Все эти сообщения «Саги об Ингваре», однако, недостаточно внятны, чтобы судить о том, носили ли отношения между Ингигерд и Эймундом романтический характер. Более обоснованным представляется мнение, что фраза о тайной любви относится к Ингигерд и норвежскому конунгу Олаву, поскольку она согласуется с рассказом «Саги об Олаве Святом» о несостоявшемся по вине отца Ингигерд, Олава Шётконунга, браке Олава Харальдссона и шведской принцессы (см. об этом «Прядь об Эмунде из Скарара»).

ПРЯДЬ О ТОКИ СЫНЕ ТОКИ

«Прядь о Токи сыне Токи» («Tóka þáttr Tókasonar») известна только из «Книги с Плоского Острова» (гл. 107: *Flat.* II, 135–138), где она вставлена в «Сагу об Олаве Святом». В саге рассказ о Токи не имеет собственного названия, он озаглавлен как «глава» и (согласно заголовку) открывает девятую часть саги об Олаве.

На то, какую роль составитель книги отводил этой короткой истории, проливает свет непосредственно предшествующий ей эпизод саги. Перед этим в ней рассказывалось о посещении конунга Олава самим верховным скандинавским божеством Одином, скрывающимся под именем Геста, который искушал христианского короля, развлекая его многочисленными историями о подвигах конунгов, правивших в прежние времена, а также расспросами о том, кем из древних конунгов ему хотелось бы быть. Конунг отвечал на вопросы пришельца, что не желал бы быть язычником – ни конунгом, ни кем-либо другим. Однако Гест продолжал настаивать: и все же, на кого из древних конунгов ему больше всего хотелось бы походить? Конунг повторил, что не хотел бы походить ни на одного из правителей прежних времен, но, пожалуй, желал бы не уступать в благородстве Хрольву Жердинке – при условии, что он оставался бы христианином и сохранял свою веру. Тогда Гест поинтересовался: отчего же он отдает предпочтение Хрольву Жердинке, а не тому, «кто выше его», и разве Олаву не хотелось бы походить «на того конунга, который всегда одерживал победы над каждым, с кем бы он ни сражался в битвах, и был столь прекрасен и искусен в любых состязаниях, что не было ему равных в Северных Странах...»? Услыхав слова Геста, конунг догадался, кто перед ним. Он сел на своем ложе, вооружился лежавшим подле него молитвенником, намереваясь запустить его в голову гостю, и сказал: «Меньше всего я хотел бы быть тобой, злой Один!» Гест исчез, а конунг решил, что это был «нечистый дух», который, приняв облик Одина, попытался своими речами и уловками «набросить черную тень на светлейший цветок его святой веры» (гл. 106: *Flat.* II, 134–135). Как можно заметить, хотя на первый взгляд следующий за этим эпизодом рассказ о Токи посвящен прославлению легендарных скандинавских конунгов и их отважных дружинников (причем первый из названных в нем государей – это все тот же датчанин Хрольв Жердинка), эта история принадлежит к группе «прядей о кре-

щении», и ее главная тема – победа христианства над язычеством. Подобно персонажу «Пряди о Норна-Гесте», которая, как принято считать, послужила образцом для рассказа о Токи, герой, проживший небывало долгую жизнь и посетивший самых блестящих правителей древности, избирает местом своего последнего пристанища двор норвежского короля-миссионера, принимает новую веру и сразу же вслед за тем мирно заканчивает свои дни.

Перевод сделан по изд.: Fornar smásögur úr noregskonunga sögum / E. Gardiner gaf út. Reykjavík, 1949. Bls. 129–132. Ранее был опубликован в изд.: Исландские саги / Под ред. О.А. Смирницкой. СПб., 1999. Т. II. С. 461–464.

[1] *Сарпсборг* (или Борг) – город на юго-востоке Норвегии, основанный конунгом Олавом Харальдссоном.

[2] *...Хальва конунга и его воинов...* – О легендарном норвежском конунге Хальве и его воинах см. в «Пряди о Норна-Гесте» (примеч. 15).

[3] *Хрольв Жердинка* (Hrólfr kraki) – легендарный датский правитель (его реальный прототип жил в VI в.) из Хлейдра (Лайре), о котором рассказывается в «Деяниях датчан» Саксона Грамматика, в «Саге о Хрольве Жердинке и его витязях», а также в «Младшей Эдде», где излагается предание, объясняющее, почему скальды называют золото «посевом Краки» (*МЭ*, 146–149).

[4] *Бёдвар Бьярки* – самый прославленный из двенадцати витязей конунга Хрольва, за которого он выдал свою дочь. Прозвище Бьярки означает «медвежонок»: как сказано в «Саге о Хрольве» (гл. 49), Бёдвар получил его за то, что прогнал конунговых берсерков (см. примеч. 14 к «Пряди о Торвальде Путешественнике»); не исключено, однако, что герой был прозван Медвежонком по другой причине: его отец, королевский сын, был превращен в медведя злодейкой-мачехой. Как рассказывается в «Саге о Хрольве» (гл. 34), когда Бёдвар Бьярки впервые явился к конунгу Хрольву, он освободил себе место за столом, стащив со скамьи трех его дружинников.

[5] *Хель* – см. примеч. 42 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».

[6] *Хьяльти Великодушный* – товарищ Бёдвара Бьярки. В «Саге о Хрольве» (гл. 35–37) рассказывается о том, как слабосильный и трусливый Хётт, испив по настоянию Бёдвара крови убитого им чудовища, превратился в бесстрашного и могучего воина; в результате он получил новое имя – Хьяльти и стал дружинником конунга Хрольва. Конунг дал ему также прозвище Великодушный за то, что тот не держал зла на его дружинников, которые прежде издевались над ним, швыряя в него кости во время застолий.

[7] *Хвитсерк Храбрый* – один из 12 славных витязей Хрольва Жердинки.

[8] *Утстейн ярл* – согласно «Саге о Хальве и его воинах» (гл. 10), один из двух братьев-тезок, Стейн младший сын Гуннлёд, прозванный Утстейном («наружным Стейном») за то, что он согласился стоять у руля корабля в непогоду, тогда как его брат получил прозвище Иннстейн («внутренний Стейн»; см. след. примеч.) за то, что предложил поставить палатку, чтобы укрываться в ней от дождя.

[9] *...к Иннстейну, а от него – к Хроку Черному, потом – к Бьёрну, а там и к Барду.* – Храбрые дружинники конунга Хальва, о которых, среди прочих, рассказывается в саге об этом легендарном правителе Норвегии.

[10] *...принял неполное крещение...* – См. примеч. 7 к «Пряди о Норна-Гесте».

[11] *...умер в белых одеждах.* – См. примеч. 7 к «Пряди о Торвальде Тасальди».

ПРЯДЬ О ЕПИСКОПЕ ИСЛЕЙВЕ

«Прядь о епископе Ислейве» («Ísleifs þáttr byskups») сохранилась в «Книге с Плоского Острова» в составе «Саги об Олаве Святом» (гл. 110: *Flat.* II, 140–142), где ей предпослано заглавие: «Jsleifr feck Döllu er siþan var byskup» – «Ислейв, который позднее стал епископом, женился на Далле».

Прядь представляет собой краткое жизнеописание первого исландского епископа, Ислейва сына Гицура (1006 – 5 июля 1080), однако ее начальный эпизод не в меньшей степени посвящен его соотечественнику, Бранду Щедрому, о котором имеется и другой, более знаменитый рассказ, включенный в «Сагу о Магнусе Добром и Харальде Суровом» (см. «Прядь о Бранде Щедром»). Подобно тому как в «Пряди об Ислейве» Бранд без колебаний расстается с драгоценным плащом, главным своим сокровищем – подарком, полученным им от Олава Харальдссона, дабы одеть неимущего священника, тем самым рискуя навлечь на себя немилость этого государя, в другом рассказе он по первому требованию посланца Харальда Сурового посылает этому конунгу свой плащ, а затем и прочие ценные вещи, которые тот желает получить. Высказывалось мнение, что образцом для описываемых в обеих историях великодушных поступков Бранда послужили христианские легенды об Иоанне Крестителе и св. Мартине (первый, по сообщениям средневековых исландских церковных текстов, «учил такой великой щедрости, что человеку надлежит отдать другой свой плащ тому, у кого не будет ничего», а второй сам «дважды отдал одежду со своего плеча»; Homiliu-Bók. Lund, 1872. S. 12; см. об этом: *Hermann Pálsson.* Brands þáttur örva // Gripla. Reykjavík, 1990. 7. árg. Bls. 117–130).

Перевод сделан по изд.: Flateyjarbok. En samling af norske konge-sagaer med indskudte mindre fortællinger / Udg. Guðbrandur Vigfússon, C.R. Unger. Christiania, 1860–1868. Bd. II. S. 140–142. На русском языке прядь публикуется впервые.

[1] *Гицур Белый* – знатный и влиятельный человек, живший на хуторе Мшистая Гора в юго-западной Исландии. Гицур сын Тейта, сына Кетильбьёрна Старого, фигурирует в «Книге об исландцах» Ари Торгильссона (Мудрого), в «Саге о Ньяле» и в целом ряде других источников. Одним из первых в стране он принял крещение и сыграл важную роль при введении в Исландии христианства летом 1000 г., выполнив данное норвежскому конунгу Олаву Трюггвасону обещание способствовать распространению новой веры среди своих соотечественников. В жизнеописании первых исландских епископов «Хунгрвака» («Hungrvaka» – букв.: пробуждающая голод, имеется в виду жажда знаний, с каковой целью, как объясняется в прологе, и была составлена эта книга) Гицур прямо назван человеком, «принесшим христианство в Исландию». Ислейв, родившийся в 1006 г., был сыном от третьего брака Гицура с Тордис дочерью Тородда, сестрой Скафти Законоговорителя (см. примеч. 2 к «Пряди о Стейне сыне Скафти»).

[2] *В юности он был в школе в Стране Саксов...* – в монастырской школе в Херфорде в Вестфалии, основанной в начале IX в. Ислейв был первым исландским священником, получившим образование за пределами страны. Считается, что Гицур отвез сына в школу в середине 20-х годов, и тот обучался в ней не менее 10 лет, т. е. до середины 30-х годов, после чего был рукоположен в священники и возвратился на

родину. Это делает весьма сомнительной возможность описанной в пряди встречи будущего епископа с Олавом Святым, потерявшим власть в 1028 г. и убитым в 1030 г.

[3] *Бранд Щедрый* – исландец, прославившийся своей беспримерной щедростью (см. о нем «Прядь о Бранде Щедром»). Бранд принял крещение при первом норвежском конунге-миссионере Олаве Трюггвасоне.

[4] *...упрочить его положение женитьбой.* – В первые века после христианизации от скандинавского духовенства не требовалось соблюдения целибата.

[5] *Скалахольт* – позднее Скальхольт (Лощинная Роща), родовая усадьба на юго-западе Исландии, основанная дедом Ислейва, Тейтом, и унаследованная Гицуром Белым, который воздвиг здесь первую церковь. После принятия Ислейвом епископского сана Скальхольт сделался епископской резиденцией де-факто, однако учреждение здесь первого исландского епископства произошло только при сыне Ислейва, Гицуре, который, по сообщению Ари Мудрого, добился принятия соответствующего закона и пожертвовал епископству свои родовые владения и «другую ценную собственность». Епископство просуществовало в Скальхольте вплоть до 1785 г., когда оно было перенесено в Рейкьявик.

[6] *Годорд* – см. примеч. 11 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога». Ислейв унаследовал годорд (т.е. обязанности предводителя местного населения) от своего отца.

[7] *...на север в Ивовую Долину на хутор У Реки Асгейра.* – Ивовая Долина (Víðidalr) на северо-западе Исландии (см. также «Прядь о Торвальде Путешественнике»). Содержащиеся в пряди сведения о происхождении будущей жены Ислейва полностью совпадают с сообщением в «Книге о заселении страны», где сказано, что отец Даллы, Торвальд, был сыном Асгейра, жившего «на хуторе У Реки Асгейра». Однако в жизнеописании Ислейва в «Хунгрвака» сказано, что он «взял в жены Даллу дочь Торвальда с Кряжа (Ás)», хутора, расположенного в Озерной Долине, также в северо-западной Исландии.

[8] *...достойнейшего из сыновей, который когда-либо родится в Исландии.* – Имеется в виду Гицур сын Ислейва, второй епископ в Скальхольте (1082–1118). В «Книге о заселении страны» Далла прямо названа «матерью Гицура епископа».

[9] *...Гицур, Тейт и Торвальд ⟨...⟩ хотя один из них и возвысился больше других.* – Речь идет о Гицуре, ставшем епископом. Тейт, у которого воспитывался Ари Торгильссон, неоднократно ссылающийся на него в «Книге об исландцах», сделался священником в Хаукадале (Ястребиная Долина) и родоначальником одного из самых влиятельных исландских семейств. Торвальд, как сказано в «Хунгрвака», стал большим хёвдингом и поселился в Лавовой Ограде на Болоте (Flói) в юго-западной Исландии.

[10] *...епископа, и им был избран Ислейв.* – Согласно разным источникам, по достижении пятидесятилетнего возраста (т.е. в 1056 г.) Ислейв был избран епископом «всем исландским народом» (что могло произойти только на альтинге), после чего отправился на континент и получил аудиенцию у папы Льва IX, по указанию которого на Троицу (26 мая 1056) был возведен в епископский сан архиепископом Адальбертом Бременским (до учреждения в 1104 г. архиепископства в Лунде Скандинавия входила в Гамбург-Бременскую епархию). Следующую зиму Ислейв провел в Норвегии и в 1057 г. возвратился в Скальхольт, где оставался епископом в течение 24 лет. Он скончался 5 июля 1080 г. Ислейв был первым епископом, поставленным для служения в Исландии, и первым епископом-исландцем.

[11] *В то время было нелегко побудить людей уделять им толику своего имущества. Десятины тогда не было, но вся страна была обложена податями.* – В жизнеописании Ислейва в «Хунгрвака» сказано, что он никогда не был состоятельным человеком и постоянно находился в стесненных обстоятельствах, поскольку был вынужден на собственные средства содержать епископскую резиденцию и учеников (предполагается, что школа в Скальхольте, в которой обучались исландские священники, была учреждена Ислейвом). Закон о введении церковной десятины был принят в 1097 г. по инициативе сына Ислейва, епископа Гицура. Упоминаемые здесь «подати», взимаемые с населения во времена Ислейва, по всей вероятности, были обязательными пожертвованиями паствы в пользу епископа и священников, которые выплачивались им в качестве вознаграждения за церковные службы. Предполагается, что они были аналогичны тем платежам, которые были законодательно введены в Норвегии. Так, согласно норвежским «Законам Гулатинга», епископу за выполнение его обязанностей причиталась фиксированная плата, равнявшаяся $^1/_3$ эйрира (т.е. $^1/_3$ унции) с 40 прихожан (см.: *Jón Jóhannesson.* A History of the Old Icelandic Commonwealth. Winnipeg, 1974. P. 169 ff.).

[12] *...Йон сын Эгмунда, тот, что впоследствии стал епископом в Холаре...* – Йон Эгмундарсон (1052–1121) в 1106 г. стал первым епископом в Холаре (Холмы на севере Исландии). Он был провозглашен святым на альтинге в 1200 г. и о нем сохранилась отдельная сага – «Сага о Йоне Святом». О Йоне см. также в «Пряди о Гисле сыне Иллуги».

ПРЯДЬ ОБ ЭГИЛЕ СЫНЕ ХАЛЛЯ С ПОБЕРЕЖЬЯ

«Прядь об Эгиле сыне Халля с Побережья» («Egils þáttr Síðu-Hallssonar») известна из «Легендарной саги об Олаве Святом», созданной в первой половине XIII в. (гл. 53–55: *ÓHLeg*, 38–41), причем предполагается, что эта история могла присутствовать уже в «Древнейшей саге об Олаве Святом», написанной во второй половине или в конце XII в. и сохранившейся лишь в нескольких фрагментах в рукописи, относящейся к первой четверти XIII в. (см.: *ÍF* XIII. Bls. CLXXVI). С незначительными изменениями этот же рассказ был позднее воспроизведен в «Книге с Плоского Острова» (*Flat.* II, 142–148), где он также включен в «Сагу об Олаве Святом» (гл. 111–113). Однако если в «Легендарной саге» рассказ об Эгиле и Този (как его нередко именуют) вставлен после истории об Асбьёрне Тюленебойце, то в «Книге с Плоского Острова» он следует непосредственно за «Прядью о епископе Ислейве», и, подобно последней, не имеет заглавия (рубрики предпосланы лишь отдельным главам). Рассказ приводится также в рукописях XV в. «Tómaskinna» и «Bergsbók» (в последней он назван «Valgauts þáttr» – «Прядь о Вальгауте»), причем в обеих более подробно разрабатывается тема родства Эгиля сына Халля с первым епископом Холара Йоном Святым. Не вызывает сомнений, что именно то обстоятельство, что матерью последнего была дочь Эгиля, Торгерд, которой, как утверждается уже в самых ранних версиях данного рассказа, было предсказано самим св. Олавом, что «она не будет обделена удачей», и дало повод компилятору «Книги с Плоского Острова» поместить рядом две истории – о епископе Ислейве и Эгиле сыне Халля с Побережья.

С большими сокращениями и уже не в качестве самодостаточного рассказа, но всего лишь краткого эпизода жизнеописания Олава Харальдссона история Эгиля и Тови излагается в «Отдельной саге об Олаве Святом» (гл. 147) и в «Круге Земном» Снорри Стурлусона, в главах, посвященных последнему периоду правления конунга Олава. При этом из нее были убраны не только все подробности, но и сверхъестественные мотивы – кроме исцеления Эгиля святым правителем Норвегии. Ср.: «Пока Олав конунг стоял там (т.е. в Дании. – *Е.Г.*), он часто беседовал со своими людьми и советовался с ними, как поступить. Однажды ночью охранять корабль конунга должны были Эгиль сын Халля и человек, которого звали Тови сын Вальгаута. Он был знатного рода и происходил из Западного Гаутланда. Когда они стояли на страже, они услышали плач и стоны пленных, которых на ночь оставляли связанными на берегу. Тови сказал, что он не может слышать эти стоны, и попросил Эгиля, чтобы тот помог ему освободить пленных и дать им возможность бежать. Они так и сделали, пошли к пленным, разрезали веревки и отпустили их всех. За этот поступок все были на них сердиты, а конунг был так разгневан, что им пришлось опасаться за свою жизнь. Потом, когда Эгиль заболел, конунг долго не хотел пойти его навестить, хотя многие просили его об этом. Эгиль очень раскаивался в том, что совершил поступок, который вызвал недовольство конунга, и просил конунга сменить гнев на милость. В конце концов конунг простил его. Он положил руки Эгилю на бок, где у него болело, пропел молитвы, и боль как рукой сняло. После этого Эгиль выздоровел. Тови потом тоже помирился с конунгом. Говорят, что за это он должен был привезти к конунгу своего отца. Вальгаут был закоренелым язычником. Своими речами конунг обратил его в христианство, и тот умер крещеным» (гл. 155: *КЗ*, 316).

Рассказ об Эгиле сыне Халля с Побережья принадлежит к жанровой разновидности «прядей о поездках из страны», но одновременно демонстрирует и черты, присущие «прядям о крещении», поскольку обращение в христианскую веру ярла Вальгаута становится условием примирения с конунгом провинившегося перед ним исландца и его друга Тови.

Перевод сделан по изд.: Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2108–2114. (Svart á hvítu); заголовки к главам приводятся по изд.: Flateyjarbok. En samling af norske konge-sagaer med indskudte mindre fortællinger / Udg. Guðbrandur Vigfússon, C.R. Unger. Christiania, 1860–1868. Bd. II. S. 142–148. На русский язык прядь переводится впервые.

[1] *...Эгиль сын Халля с Побережья...* – О родовитом исландце Халле с Побережья см. в «Пряди о Тидранди и Торхалле».

[2] *...Вальгаут, его отец, был ярлом в Гаутланде.* – Согласно «Кругу Земному» (*КЗ*, 316), Вальгаут был знатным гаутландцем, а вовсе не правителем Западного Гаутланда (совр. Вестерьётланд), – граничащей с Норвегией области Швеции. Как явствует из следующей истории, «Пряди об Эмунде из Скарара» (и прочих источников), ярлом Гаутланда в то время был Рёгнвальд сын Ульва.

[3] *...вместе с Эгилем приехали Торлауг, его жена, и Торгерд, их дочь...* – В генеалогиях потомков Халля, «людей с Побережья» (Síðumenn, см. «Прядь о Тидранди и Торхалле», гл. 1; «Книгу о заселении страны», *Land.*, 318; «Книгу об исландцах» Ари Торгильссона, *Land.*, 26), неизменно упоминается, что Эгиль был отцом Торгерд,

«матери епископа Йона Святого», первого епископа в Холаре (см. о нем в «Пряди о Гисле сыне Иллуги»).

[4] *...она стала матерью епископа Йона Святого.* – См. примеч. 12 к «Пряди о епископе Ислейве»; см. о нем также в «Пряди о Гисле сыне Иллуги» (особенно редакцию *B*).

[5] *Кнут конунг* – Кнут Могучий (ок. 960 – 12 ноября 1035), король Англии (1016–1035), Дании (1019–1035) и Норвегии (1028–1035), сын датского конунга Свейна Вилобородого.

[6] *Лимафьорд* – совр. Лим-фьорд на севере Ютландии.

[7] *Финн сын Арни* – знатный приближенный Олава Харальдссона, о котором рассказывается во всех жизнеописаниях этого конунга (см. также о нем и о его братьях в «Пряди о Раудульве»).

[8] *...нанял одного финна, который был весьма сведущ в колдовстве...* – См. примеч. 9 к «Пряди о Хрои Простаке».

[9] *...нам будет сопутствовать твоя удача.* – О действенности конунговой удачи см. прежде всего «Прядь о Хрои Простаке» и «Прядь о Торстейне Силе Хуторов».

[10] *Тови, его сын, стал править после него в Гаутланде ⟨...⟩ Эгиль ⟨...⟩ воротился в Исландию в свои родовые владения...* – Это утверждение противоречит последующему сообщению саги: уже в одном из уцелевших фрагментов «Древнейшей саги об Олаве Святом» (*ÓHLeg*, 95) Эгиль и Тови названы среди людей конунга Олава, которые сопровождали его, когда он, потеряв власть, покинул страну и бежал в Гардарики – на Русь (1028). То же сказано и в версии жизнеописания Олава в «Книге с Плоского Острова» (гл. 245: *Flat.* II, 315). Согласно последней, Эгиль сын Халля также был вместе с конунгом Олавом на Стикластадире (гл. 274: *Flat.* II, 344). Кроме того, в «Саге об Олаве Святом» (ср.: *КЗ*, 290; *Flat.* II, 261) Эгиль назван среди сыновей знатных исландских предводителей, которым было запрещено покидать Норвегию, пока исландцы не примут установленные конунгом Олавом законы и не станут платить ему дань (см. об этом в «Пряди о Стейне сыне Скафти» и «Пряди о Тородде сыне Снорри»). Тогда как в «Круге Земном» этот эпизод отнесен к более раннему времени, чем события, описанные в пряди (о том, как история Эгиля и Тови была представлена Снорри Стурлусоном, см. выше), в «Книге с Плоского Острова» сообщение о прибытии исландцев и последующем королевском запрете появляется в саге лишь значительно позднее.

ПРЯДЬ ОБ ЭМУНДЕ ИЗ СКАРАРА

«Прядь об Эмунде из Скарара» («Eymundar þáttr af Skörum») в качестве рассказа, имеющего признаки самостоятельного повествования, присутствует лишь в составе «Саги об Олаве Святом» в «Книге с Плоского Острова», где ей предпослано не только заглавие («Her hefr vpp þaatt Eymundar af Skörum» – «Здесь начинается прядь об Эмунде из Скарара»), но и краткое вступление, которого не было в предшествующих версиях того же эпизода в «Отдельной саге об Олаве Святом» Снорри Стурлусона (*OlH*; в ней эпизод озаглавлен: «Fra Emvndi lavgmanne» – «Об Эмунде лагмане») и в «Саге об Олаве Святом» в «Круге Земном», добавленное с целью очертить общий (и

описанный в саге) контекст, мотивирующий поступки героя пряди. В остальном текст рассказа об Эмунде лишь в весьма незначительной степени отличается от его более ранних редакций в «Отдельной саге» (см.: Saga Óláfs konungs hins helga. Den Store Saga om Olav den Hellige. Efter pergamenthåndskrift i Kungliga Biblioteket i Stockholm Nr. 2 4to med varianter fra andre håndskrifter / Utg. O.A. Johnsen, Jón Helgason. Oslo, 1941. Bd. I. S. 212–229) и в «Круге Земном» (см.: *Snorri Sturluson*. Heimskringla. II / Bjarni Aðalbjarnarson gaf út. Reykjavík, 1945. Bls. 148–158. (*ÍF* XXVII); русский перевод: *КЗ*, 235–241).

Перевод выполнен по изд.: Fornar smásögur úr noregskonunga sögum / E. Gardiner gaf út. Reykjavík, 1949. Bls. 133–143; исландский текст сверен с изд.: Flateyjarbok. En samling af norske konge-sagaer med indskudte mindre fortællinger / Udg. Guðbrandur Vigfússon, C.R. Unger. Christiania, 1860–1868. Bd. II. S. 168–174. На русском языке прядь публикуется впервые.

[1] *...Олав конунг шведов разорвал с Олавом конунгом сыном Харальда тот мир, что был ими заключен на тинге в Уппсале...* – Это вступление к пряди отсутствует в «Отдельной саге об Олаве Святом» и в «Круге Земном». О том, как под давлением бондов был заключен мир (1017) между Олавом Шведским (прозванным Шётконунгом), сыном Эйрика Победоносного и Сигрид Гордой (род. ок. 980, правил 995 – ок. 1022), и норвежским конунгом Олавом Харальдссоном (здесь он именуется Олавом Толстым; см. примеч. 4 к «Пряди об Олаве Альве Гейрстадира»), подробно рассказывается в гл. 80 «Саги об Олаве Святом» (*КЗ*, 218–220); далее в саге сообщается о том, как шведский конунг изменил своему слову (гл. 89–90: *КЗ*, 229–230).

[2] *...в Скараре в Западном Гаутланде...* – Skarar, совр. Скара, древнейший и в те времена главный город в Западном Гаутланде, где находилась резиденция ярлов. В гл. 71 «Саги об Олаве Святом» (*КЗ*, 208) упоминается о посещении города Скарар скальдом Олава Харальдссона Сигватом.

[3] *Он был лагманом...* – См. примеч. 15 к «Пряди о Стюрбьёрне Воителе Шведов».

[4] *После отъезда ярла...* – Имеется в виду ярл Рёгнвальд сын Ульва. Ранее в саге было рассказано о его ссоре с Олавом Шведским (см. след. примеч.). По настоянию Ингигерд, дочери конунга, ярл Рёгнвальд уехал вместе с ней на восток в Гардарики (т. е. на Русь), когда она вышла замуж за конунга Ярицлейва (русского князя Ярослава Мудрого, 1019–1054), при крещении приняв имя Ирина. Согласно сообщению Снорри, «Ингигерд конунгова жена пожаловала Рёгнвальду ярлу Альдейгьюборг (Старую Ладогу. – *Е.Г.*), и он стал ярлом всей той области. Рёгнвальд ярл правил там долго, и о нем ходила добрая слава» (гл. 93: *КЗ*, 235). См. также «Прядь об Эймунде сыне Хринга».

[5] *...сопровождали в Норвегию его дочь Астрид.* – При заключении мира между правителями Норвегии и Швеции было условлено, что шведский конунг отдаст за Олава Харальдссона свою дочь Ингигерд, однако Олав Шведский разорвал помолвку и принял сватовство русского князя Ярослава (в саге конунга Ярицлейва; см. предыд. примеч.). Тогда ярл Рёгнвальд тайно договорился с Олавом Харальдссоном о том, что тот возьмет в жены другую дочь Олава Шведского, Астрид, и сам отправился вместе с ней в Норвегию, где и была сыграна свадьба (см.: *КЗ*, гл. 91–92).

[6] *...Атли Дурашный из Вермаланда...* – В «Круге Земном» и в «Отдельной саге об Олаве Святом» героя этой истории зовут не Атли, а Атти (см. примеч. 17). Вермаланд (совр. Вермланд) – соседняя с Норвегией область Швеции, на юге граничащая с Западным Гаутландом.

[7] *Гаут-Эльв* – см. примеч. 12 к «Пряди о Сёрли».

[8] *Острова Эйкрейяр* (Eikreyjar, букв.: дубовые острова) – архипелаг из десяти островов (в том числе о. Эккерё) в Бохуслене в Западной Швеции, лежащий близ совр. Гётеборга к северу от устья Ёта-Эльв.

[9] *Хлесей* (Лёсё) – остров в проливе Каттегат, расположенный у северо-восточного побережья Ютландии.

[10] *...поскольку наши законы расходятся тут с уппсальскими.* – Как объясняется в гл. 77 «Саги об Олаве Святом», «в тех случаях, когда местные законы различаются, все должны придерживаться уппсальских законов» (*КЗ*, 216).

[11] *...за полмарки золота...* – Очевидно, здесь ошибка: у Снорри – «за марку» (*КЗ*, 237); марка – см. примеч. 14 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».

[12] *...половина его добра должна быть отдана конунгу...* – В оригинале – «все его добро», что вступает в противоречие со второй частью вердикта. В более ранней версии эпизода (см.: *КЗ*, 237) речь, однако, идет о половине имущества, поэтому здесь был восстановлен первоначальный текст. Между тем, тогда как по норвежскому праву штрафы (sakeyrir) или имущество ответчика делилось между истцом и конунгом, согласно шведским законам они распределялись между тремя сторонами – истцом, конунгом и «всеми людьми» (так называемой сотней, т.е. жителями округа).

[13] *...уехал еще вчера...* – В оригинале gærdags «вчера» пропущено; текст восстановлен по редакции «Круга Земного».

[14] *...ее мать рабыня и к тому же вендка.* – Астрид была одной из дочерей конунга Олава от его наложницы-вендки, которую звали Эдла; в саге сказано, что последняя была взятой на войне в плен дочерью ярла из Страны Вендов «и поэтому ее называли рабыней конунга» (гл. 88: *КЗ*, 228; о Стране Вендов см. в примеч. 3 к «Пряди о Рёгнвальде и Рауде»).

[15] *...не оставляли своими заботами своих сородичей...* – Согласно скандинавской мифологии, шведский королевский род уппсальских конунгов (Инглингов) произошел от сына Одина, которого звали Ингви (см.: *МЭ*, 15); последний нередко отождествляется с богом плодородия Фрейром, культ которого был особенно распространен в Швеции (см. «Прядь об Эгмунде Битом и Гуннаре Пополам»).

[16] *...едва мог ездить верхом...* – Так в «Книге с Плоского Острова»: «hann var varla *hestfærr*», тогда как в «Круге Земном»: «едва мог сражаться» (varla var hann *herfær*).

[17] *– Атли – склочный...* – В соответствующем эпизоде «Саги об Олаве Святом» (*КЗ*, 236–238) это имя имеет форму Атти (Atti), производную от глагола etja «подстрекать, провоцировать», таким образом, имя Атти означает «вздорный, склочный».

[18] *...ратная стрела и разослана по стране, чтобы созвать карательный тинг.* – Для призыва бондов на внеочередной, экстренный тинг (народный сход) вырезалась стрела, которую передавали от двора к двору, поэтому такой тинг получил название örvarþing (от ör – «стрела»). Карательный тинг – refsi(ngar)þing, высшее судебное собрание, существовавшее только в Швеции.

[19] *Лёг* – см. примеч. 18 к «Пряди о Хауке Задаваке».

[20] *Якоб* – сын Олава Шведского.

[21] *Улларакр* – в Средние века поле, на котором собирался тинг, расположенное рядом с Уппсалой (совр. Ulleråker, название одного из округов). Это название может быть истолковано как Поле Улля (Улль – один из богов скандинавского пантеона; на так называемом кольце Улля приносились клятвы).

[22] *...повелось, что, когда знатные люди из Уппланда решали что-то между собой, то на их решение полагались остальные жители страны.* – Право избирать и смещать конунга принадлежало свеям, соответствующее положение было зафиксировано и в законах Западного Гаутланда (Вестерьётланда). О времени и обстоятельствах присоединения гаутских/ётских земель к Швеции нет точных сведений, не исключено, что это произошло в период правления Олава Шётконунга, сына Эйрика Победоносного, к которому относится время действия рассказа об Эмунде (см.: История Швеции. М., 1974. С. 78).

[23] *Один благородного происхождения и швед и по отцу, и по матери, другой же – сын рабыни и наполовину венд.* – Очевидно, подразумеваются сын Олава от его брака с Астрид, Якоб (известный как Энунд-Якоб), и его сын от рабыни Эмунд, впоследствии также ставший конунгом после смерти брата (см. след. примеч.). Однако в более раннем сообщении «Саги об Олаве Святом» (гл. 88) говорилось, что матерью обоих была вендка Эдла (см. примеч. 14). Как рассказано у Снорри (*КЗ*, 228), детьми Олава и Эдлы были «Эмунд, Астрид и Хольмфрид. У них был также сын, который родился в канун дня святого Якоба, и, когда мальчика крестили, епископ дал ему имя Якоб. Шведам это имя не нравилось, и они говорили, что никогда еще у шведов не было конунга по имени Якоб». Ниже в пряди говорится о том, что, провозгласив Якоба конунгом, шведы дали ему династическое имя Энунд (см. об этом подробнее: *Успенский Ф.Б.* Имя и власть: Выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. М., 2001. С. 57–66).

[24] *...конунгом стал человек из другого рода.* – Энунду-Якобу (1020/1022–1050) наследовал его брат Эмунд Старый (1050–1060), после чего род уппсальских конунгов пресекся и правителем Швеции был избран ярл Стейнкель (1060), который был женат на дочери Эмунда; конунги из этого рода правили вплоть до 1125 г.

[25] *Конунгахелла* – в Средние века самое южное норвежское торговое поселение, возникшее вблизи границы со Швецией в конце XI в. (ныне эта местность входит в шведскую область Бохуслен). В Конунгахелле нередко останавливались конунги.

[26] *Священник Ари Мудрый* – Ари Мудрый сын Торгильса (1067/1068–1148), исландский историк, автор «Книги об исландцах». В соответствующем эпизоде «Саги об Олаве Святом» (*КЗ*, 241) Снорри ссылается, однако, не на Ари, а на некоего Торстейна Мудрого.

[27] *Хисинг* – остров в устье Гаут-Эльва (совр. Ёта-Эльв), находящийся на древней границе между Норвегией и Швецией (совр. Хисинген около Гётеборга; ныне принадлежит Швеции).

[28] *Тунсберг* – город в Вестфольде (Вестфолле), на западном побережье Ослофьорда, совр. Тёнсберг. Один из главных и древнейших центров средневековой Норвегии, предположительно основанный в IX в.

[29] *Харальд Прекрасноволосый* – см. примеч. 100 к «Пряди о Норна-Гесте».

[30] *Кнут конунг ⟨...⟩ еще не притязал на Норвегию, как это случилось потом.* – Имеется в виду конунг Кнут Могучий, сын Свейна Вилобородого, правивший в Дании и в Англии (см. примеч. 5 к «Пряди об Эгиле сыне Халля с Побережья»). О его притязаниях на Норвегию, правителем которой он стал после изгнания Олава Харальдссона в 1028 г., см. в «Пряди о Раудульве» (примеч. 12). Окончание пряди в «Книге с Плоского Острова» не отличается от версий рассказа об Эмунде в двух редакциях «Саги об Олаве Святом», принадлежащих Снорри Стурлусону (см.: *OlH*, 229; *КЗ*, 241).

ПРЯДЬ ОБ ЭЙНДРИДИ И ЭРЛИНГЕ

«Прядь об Эйндриди и Эрлинге» («Eindriða þáttr ok Erlings») сохранилась только в «Книге с Плоского Острова» в составе «Саги об Олаве Святом» (гл. 143–146: *Flat.* II, 193–197), где ей предпослан заголовок: «Her er þaattr Eindrida ok Erlinghs» – «Вот прядь об Эйндриди и Эрлинге». Очевидная цель этой интерполяции – вывести на сцену и обрисовать характеры наиболее могущественных представителей норвежской знати – Эрлинга сына Скьяльга и Эйнара Брюхотряса, которым впоследствии предстояло сыграть важную роль в судьбе конунга Олава Харальдссона. В отличие от них, главному герою рассказа, Эйндриди, в жизнеописаниях Олава Святого не отводится никакой роли, он лишь упоминается в них как сын могущественного Эйнара Брюхотряса. Единственное сколько-нибудь развернутое сообщение об Эйндриди в «королевских сагах» впервые появляется в «Саге о Харальде Суровом» в преддверии эпизода, описывающего гибель Эйнара и Эйндриди в 1050 г. (оба они пали от рук убийц, подосланных этим конунгом). В саге говорится, что Эйндриди был «хорош собой и пригож в материнскую родню, ярла Хакона и его сыновей, а ростом и силой он был в своего отца Эйнара, как и всеми достоинствами, которыми Эйнар превосходил других людей. У него было очень много друзей» (*КЗ*, 425). Помимо данной пряди об Эйндриди рассказывается в «Пряди о Торстейне сыне Халля с Побережья», где он также обнаруживает независимый и непреклонный характер, без колебаний принимая дружбу и, вопреки желанию своего отца, оказывая поддержку родовитому исландцу Торстейну сыну Халля с Побережья, попавшему в немилость к конунгу Магнусу Доброму, сыну Олава Святого.

При включении в «Книгу с Плоского Острова» прядь, судя по всему, претерпела некоторые структурные изменения: так, компилятор рукописи, Йон Тордарсон, добавил к ней краткое вступление, в котором говорится о конунге Олаве (вероятнее всего, первоначально он не упоминался в этом рассказе вовсе). В более ранних версиях жизнеописания Олава Святого этот раздел принадлежал основному повествованию, т. е. саге как таковой (гл. 143), и, кроме того, был предпослан в ней совсем другой истории – рассказу об Асбьёрне Тюленебойце, в которой Эрлингу и его сыну Скьяльгу также суждено было сыграть заметную роль (см. «Прядь об Асбьёрне Тюленебойце» в наст. изд.). Именно в контексте рассказа об Асбьёрне обретает свой смысл и дает толчок всему последующему действию вводное сообщение о наложенном конунгом запрете на вывоз из ряда областей страны зерна, солода и муки, – сообщение,

совершенно не вписывающееся в «Прядь об Эйндриди», где оно не имеет решительно никаких сюжетных последствий.

Об особенностях жанра «Пряди об Эйндриди и Эрлинге» см. во вступ. ст.

Перевод выполнен по изд.: Fornar smásögur úr noregskonunga sögum / E. Gardiner gaf út. Reykjavík, 1949. Bls. 144–152; исландский текст сверен с изд.: Flateyjarbok. En samling af norske konge-sagaer med indskudte mindre fortællinger / Udg. Guðbrandur Vigfússon, C.R. Unger. Christiania, 1860–1868. Bd. II. S. 193–197. На русском языке перевод был ранее опубликован в сб.: Именослов. История языка. История культуры / Отв. ред. Ф.Б. Успенский. М., 2012. С. 372–384. (Труды центра славяно-германских исследований; II).

[1] *...на запад в Агдир и на север в Рогаланд и Хёрдаланд...* – граничащие одна с другой области на юго-западе и западе Норвегии.

[2] *...ездить по пирам, как это было в обычае.* – Имеются в виду так называемые вейцлы (см. примеч. 83 к «Пряди об Орме сыне Сторольва»).

[3] *Эйнар Брюхотряс* – см. о нем «Первую прядь о Халльдоре сыне Снорри», а также примеч. 4 к этой пряди. Эйнар был одним из противников конунга Олава Харальдссона в битве у Несьяра (1016) и после поражения в ней бежал в Швецию.

[4] *...Свейна ярла, своего шурина...* – Норвежский ярл, сын Хакона Могучего, один из соправителей Норвегии после гибели конунга Олава Трюггвасона в 1000 г. В результате поражения в битве у Несьяра (см. предыд. примеч.) был вынужден покинуть страну и вскоре умер. Эйнар Брюхотряс был женат на сестре Свейна, Бергльот.

[5] *...у Олава, конунга шведов.* – Т.е. у Олава Шведского (Шётконунга), см. о нем в предыд. пряди.

[6] *Олав Толстый* – Олав Харальдссон (см. примеч. 4 к «Пряди об Олаве Альве Гейрстадира»).

[7] *...в Эльве...* – т.е. на границе между Норвегией и Швецией (Эльв – река Гаут-Эльв, совр. Ёта-Эльв).

[8] Вступление к пряди первоначально принадлежало саге, в которую был вплетен рассказ об Эйндриди и Эрлинге, и, очевидно, было добавлено к пряди компилятором «Книги с Плоского Острова» (ср. сходное сообщение в «Саге об Олаве Святом», гл. 115 в «Круге Земном»; см. выше).

[9] *Эрлинг сын Скьяльга* – согласно Снорри Стурлусону («Сага об Олаве Святом», гл. 22–23), самый могущественный из всех норвежских лендрманнов (знатных землевладельцев). Был женат на сестре Олава Трюггвасона, однако после гибели последнего примирился с ярлом Свейном, который отдал свою дочь за сына Эрлинга, Аслака. После смерти ярла достиг временного примирения с конунгом Олавом Харальдссоном, но впоследствии пал в борьбе с ним в 1028 г.

[10] *Ядар* – местность в Юго-Западной Норвегии, на юге Рогаланда (совр. Ерен).

[11] *...был женат на Ингибьёрг дочери Трюггви.* – Согласно другим источникам (в том числе жизнеописаниям обоих Олавов в «Книге с Плоского Острова», в которую включен этот рассказ), Эрлинг был женат на другой дочери Трюггви, Астрид, тогда как ее сестра Ингибьёрг была замужем за ярлом Рёгнвальдом сыном Ульва, правителем Западного Гаутланда (см. о нем в «Пряди об Эймунде сыне Хринга»).

[12] *Имя их дочери было Сигрид...* – В «Большой саге об Олаве Трюггвасоне», в «Отдельной саге об Олаве Святом», а также в «Круге Земном» среди детей Эрлинга и Астрид упоминается только одна дочь – Рагнхильд, которая была замужем за Торбергом сыном Арни. Сигрид – имя сестры Эрлинга, сына Скьяльга, матери Асбьёрна Тюленебойца (см. «Прядь об Асбьёрне Тюленебойце»).

[13] *...в Эгвальдснесе на острове Кёрмт.* – См. примеч. 15 и 16 к «Пряди об Асбьёрне Тюленебойце».

[14] *Гимсар* – см. примеч. 4 к «Первой пряди о Халльдоре сыне Снорри».

[15] *Соли* – родовая усадьба Эрлинга.

[16] *...нести железо...* – т.е. подвергнуться Божьему суду (ордалии), в ходе которого испытуемый должен был сделать девять шагов, неся в руке раскаленное железо, после чего его руку завязывали, а по прошествии трех суток смотрели, остался ли на ней ожог, который считался свидетельством вины. Ордалии были отменены Четвертым Латеранским собором в 1215 г., однако в Норвегии – лишь после визита к королю Хакону Хаконарсону папского легата кардинала Вильгельма, епископа Сабины (1247).

[17] *...Фрейр огня запястья...* – муж (огонь запястья – золото, Фрейр – имя бога; см. примеч. 13 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога»).

[18] *...Бальдру дротов...* – мужу (Бальдр – сын Одина).

[19] *...на своего деда Хакона...* – т.е. норвежского ярла Хакона Могучего (см. о нем примеч. 1 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде»).

[20] *...на своих родичей с отцовской стороны, Кетиля Лосося и Квельдульва.* – Оба – представители прославленного богатырского рода, происходившего с острова Храфниста (см. о нем примеч. 2 к «Пряди об Орме сыне Сторольва»). Квельдульв – дед знаменитого исландского скальда Эгиля сына Скаллагрима. О родстве Эйнара с этими героями более нигде не упоминается, не исключено, что апелляция к ним носит риторический характер. Вместе с тем нельзя не заметить, что упоминание этих имен удостоверяет исландское происхождение рассказа, поскольку, по сообщениям саг и прядей, а также «Книги о заселении страны», к ним возводили свой род многие знатные исландцы.

[21] *Эйндриди отправился домой со своей женой Сигрид...* – Как следует из «Саги о Харальде Суровом» (см. гл. 40: *КЗ*, 425), Эйндриди действительно был женат на родовитой женщине по имени Сигрид. Последняя, однако, не состояла в родстве с Эрлингом, а была дочерью Кетиля Теленка и Гуннхильд, дочери сестры конунга Харальда.

ПРЯДЬ О ТОРМОДЕ

Рассказ посвящен исландскому поэту XI в., Тормоду сыну Берси, герою «Саги о названых братьях», дружиннику и скальду Олава Святого, погибшему вместе с этим конунгом в битве при Стикластадире (1030). Поэтическое наследие Тормода довольно значительно: помимо 25 вис на случай (lausavísur), главным образом цитируемых в посвященной ему саге (ее принято относить к так называемым сагам о скальдах), а также в разных версиях «Саги об Олаве Святом» и в «Пряди о Тормоде», до нас дошли 15 строф из «Драпы о Торгейре», сочиненной Тормодом после гибели его по-

братима, Торгейра сына Хавара, о чем, помимо уже упомянутой саги, рассказывается в «Пряди о Торарине Дерзком» (см. в наст. изд.).

«Прядь о Тормоде» («Þormóðar þáttr») известна в двух редакциях. Приведенная здесь более пространная ее версия сохранилась в составе «Саги об Олаве Святом» в «Книге с Плоского Острова» (*Flat.* II, 199–203), где эта прядь предпослана одной из частей интерполированной в жизнеописание конунга Олава «Саги о названых братьях» и озаглавлена: «Þaattr Þormodar er hann er med Knuti konungi i Danmork» («Прядь о Тормоде, о том как он побывал у Кнута конунга в Дании»). Этот же рассказ, хотя и в несколько сокращенном виде, присутствует уже в наиболее ранних жизнеописаниях св. Олава – в сохранившихся фрагментах из «Древнейшей саги об Олаве Святом» (середина XII в.), а также в «Легендарной саге об Олаве Святом» (начало XIII в.), откуда он, по-видимому, и был перенесен в более поздние редакции саги об Олаве.

Другая, отличная от переведенной здесь и более краткая версия пряди, сохранилась в одной из рукописей «Саги о названых братьях» (R). В ней ничего не говорится о пребывании Тормода у конунга Кнута в Дании, но рассказывается о его летней поездке с Хареком в Норвегию, в ходе которой Тормод вступает в конфликт с людьми конунга Олава, требующими от него уплаты подати, и убивает одного из них. Описание последующих событий мало отличается от истории, изложенной в первой редакции пряди, однако рассказ в редакции R гораздо более лаконичен и в нем приводятся всего лишь две висы из тех (5-я и 4-я), которые цитируются в тексте пряди в «Книге с Плоского Острова». Не исключено, что эта версия рассказа о знакомстве Тормода с его будущим патроном была призвана хотя бы отчасти сгладить противоречия между изложениями соответствующего эпизода в жизнеописаниях Олава Святого и в «Саге о названых братьях». В последней встреча Тормода с норвежским правителем представлена совсем иначе: о пребывании Тормода у Кнута здесь не упоминается вовсе – исландец приезжает прямо в Норвегию, является ко двору, называет себя и подтверждает, что он и есть побратим Торгейра сына Хавара, после чего конунг принимает его в свою дружину.

В русском переводе прядь впервые была опубликована в кн.: Исландские саги / Пер., ред. и коммент. А.В. Циммерлинга. М., 2000. С. 202–208 (см. комментарии на с. 362–364). Для настоящего собрания перевод выполнен по изд.: Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2275–2280. (Svart á hvítu).

[1] *Тормод Скальд Чернобровой...* – Тормод получил свое прозвище из-за того, что сложил любовные стихи (так называемый мансёнг) девушке по имени Торбьёрг Черная Бровь (Kolbrún).

[2] *В то самое лето, когда был убит Торгейр...* – Предположительно лето 1027 г. О гибели Торгейра, побратима Тормода, рассказывается в «Пряди о Торарине Дерзком».

[3] *...на западе у Брода...* – Брод на Бардовом Побережье – гавань на северном берегу Широкого Фьорда в западной четверти Исландии, куда прибывали и откуда отправлялись в заморское плавание корабли. Это место поэтому нередко упоминается в «Книге о заселении страны» и в сагах.

[4] *Кнут Могучий* – см. примеч. 5 к «Пряди об Эгиле сыне Халля с Побережья».

[5] – *У нас побывал Торарин Славослов.* – Þórarinn loftunga – исландский скальд, находившийся на службе у Кнута Могучего примерно до 1032 г. (т.е. и после описанной в пряди встречи этого конунга с Тормодом). Снорри Стурлусон называет Торарина «великим скальдом», часто бывавшим «у конунгов или других правителей» (*КЗ*, 326), однако, согласно «Перечню скальдов», Торарин складывал стихи только в честь Кнута Могучего и его сына, конунга Свейна, причем, по сообщению «Саги о Кнютлингах», когда Торарин впервые приехал к Кнуту, он был уже в летах. Сохранились фрагменты трех поэм Торарина, сочиненных им между 1027 и 1034 гг.: «Выкуп головы», «Тёгдрапа» (обе в честь Кнута) и «Песнь о тиши на море» («Glælognskviða») о Свейне сыне Кнута.

[6] *...было время, когда казалось, что Торарину не удастся убраться отсюда целым и невредимым.* – Тормод намекает на инцидент, описанный в «Саге об Олаве Святом». Когда Торарин жил у Кнута Могучего, он сочинил о нем флокк – песнь, которая, в отличие от наиболее ценимой парадной скальдической формы, драпы, не содержит стева (т.е. напоминающего припев повтора, разбивающего драпу на части). Как сообщается в саге, узнав, что Торарин сочинил о нем всего лишь флокк, «конунг разгневался и велел, чтобы на следующий день, когда он будет сидеть за столом, Торарин исполнил ему драпу. А если Торарин этого не сделает, говорит конунг, то его повесят за то, что он посмел сочинить о Кнуте конунге только флокк. Тогда Торарин сочинил стев и вставил его в этот флокк, а потом прибавил еще несколько вис. Стев был таким: “Кнут – земных хранитель / Царств, Христос – небесных”. Кнут конунг наградил его за эту драпу пятьюдесятью марками серебра. Эту драпу называют Выкуп Головы» (*КЗ*, 326).

[7] *Марка* – см. примеч. 14 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».

[8] *...произносил висы по всяким поводам.* – Имя Тормода отсутствует, однако, в перечне скальдов, сочинявших хвалебные песни в честь Кнута Могучего.

[9] *Славослов* – Торарин Славослов (см. примеч. 5).

[10] *...леща леса ложе...* – золото (где лещ леса – змея, ложе змеи – золото).

[11] *...Фафнира подстилкой* – золотом (кеннинг восходит к сказанию о победе легендарного героя Сигурда над драконом Фафниром, который сторожил клад Нифлунгов-Нибелунгов, лежа на нем; см. об этом в «Пряди о Норна-Гесте»).

[12] *...зачинатель сечи* – муж (здесь – конунг Кнут).

[13] *...хоромов хмурых / штевня ясным блеском* – золотом (где хмурые хоромы штевня – море, его ясный блеск – золото).

[14] *...пламень волн...* – золото.

[15] *...глада утолитель врана...* – т.е. утолитель голода ворона – муж (здесь – конунг Кнут).

[16] – *Вон из конунговой заводи...* – Речь идет о требовании уступить пристань человеку более высокого звания, в данном случае конунгу.

[17] *Олав конунг* – норвежский конунг Олав Харальдссон.

[18] *Финн сын Арни* – знатный норвежец, приближенный конунга (см. о нем в «Пряди о Стейне сыне Скафти» и в «Пряди о Раудульве» в наст. изд.).

[19] *...Сигурду епископу...* – См. о нем в «Пряди об Асбьёрне Тюленебойце».

[20] *...волн оленя ворог...* – муж, здесь – конунг Олав (где олень волн – корабль, его ворог – муж).

[21] *...тарчей змей гонитель...* – муж, здесь – конунг Олав (где змеи тарчей (т.е. щитов) – мечи, гонитель мечей – муж).

[22] Второй хельминг (четверостишие) этой строфы с незначительными изменениями приводится также в «Саге о названых братьях» в качестве одной из предсмертных вис Тормода.

[23] *...когда добиваешься того, к чему стремишься.* – В «Легендарной саге об Олаве Святом» прядь на этом заканчивается, автор лишь добавляет, что конунг принял Тормода к себе на службу.

[24] *Тормод произнес вису...* – В «Легендарной саге об Олаве Святом» (*ÓHLeg*, 66) эта виса цитируется в другом контексте: здесь скальд произносит ее накануне битвы при Стикластадире (29 июля 1030), в которой пали как Олав Святой, так и сам Тормод.

[25] *...шестов шелома...* – мужей.

[26] *...Тюра рукояти...* – мужа (Тюр – в древнескандинавской мифологии бог битв).

[27] *...клёнам дротов...* – мужам.

[28] *...мне ж дело ведомо другое.* – Судя по всему, Тормод говорит здесь о своем поэтическом даре. Эта виса также известна из «Саги о названых братьях» (гл. 18), причем здесь это единственная строфа, которую скальд произносит при их с Олавом первой встрече.

ПРЯДЬ ОБ АСБЬЁРНЕ ТЮЛЕНЕБОЙЦЕ

Рассказ об Асбьёрне Тюленебойце («Ásbjarnar þáttr selsbana») был включен уже в самые ранние жизнеописания Олава Святого, написанные на исландском языке. Первая его часть известна из «Древнейшей саги об Олаве Святом», созданной в конце XII в., целиком же он впервые появляется в основанной на ней норвежской «Легендарной саге об Олаве Святом» (начало XIII в.). В обеих этих сагах история Асбьёрна изложена весьма кратко и сжато и, кроме того, в ряде деталей не совпадает с тем развернутым и обстоятельным рассказом, который впервые появляется в «Отдельной саге об Олаве Святом» Снорри Стурлусона (*OlH*, 289–311, 319–324) и в его же «Саге об Олаве Святом» в «Круге Земном» (*Hkr* II, 194–206, 211–213; *КЗ*, 262–271, 273–275), где это повествование возрастает более чем вдвое. Принято считать, что в этой форме, воспроизведенной с незначительными изменениями и в позднейшей редакции саги об Олаве в «Книге с Плоского Острова», рассказ об Асбьёрне принадлежит перу Снорри.

В «Отдельной саге об Олаве Святом», как и в версии той же саги в «Круге Земном», а затем и в последующей ее редакции в «Книге с Плоского Острова», рассказ об Асбьёрне состоит из двух частей, разделенных главами, посвященными другим событиям: первая из них повествует о том, как конунг Олав жег селения бондов, принуждая их принять крещение, вторая сообщает о рождении его сына Магнуса (в *OlH* гл. 109–111; в *КЗ* гл. 121–122; в *Flat.* гл. 176–177). Хотя история об Асбьёрне Тюленебойце тесно увязана с основной линией повествования «Саги об Олаве Святом», поскольку в ней рассказывается о причинах ссоры конунга с наиболее

могущественными представителями норвежской знати, Эрлингом сыном Скьяльга (см. о нем в «Пряди об Эйндриди и Эрлинге») и Ториром Собакой, в результате убийства Асбьёрна сделавшимися заклятыми врагами Олава, она обладает целым рядом признаков вставного повествования, устроенного по образцу «прядей о поездках из страны» (см. вступ. ст.), и потому может рассматриваться в качестве самостоятельной пряди. О том, что таковой считал историю об Асбьёрне и составитель «Книги с Плоского Острова», свидетельствует не только добавленное им заглавие, обычно сопровождающее интерполяции: «Þattr Aasbiarnar selsbana» – «Прядь об Асбьёрне Тюленебойце», но и то обстоятельство, что именно этому рассказу было предпослано общее введение, относящееся и ко всем последующим вставным повествованиям (см. примеч. 7), где прямо говорится об историях, «которые, как может поначалу показаться, не имеют явного отношения» к саге, но еще «до ее завершения приходят к одному и тому же». Высказывалось предположение, что рассказ об Асбьёрне мог основываться на несохранившемся письменном источнике – отдельной саге о жителях Халогаланда (см.: *Jakobsen A.* Ásbjarnar þáttr selsbana // Medieval Scandinavia: An Encyclopedia. N.Y.; L., 1993. P. 22).

Перевод выполнен по изд.: Fornar smásögur úr noregskonunga sögum / E. Gardiner gaf út. Reykjavík, 1949. Bls. 153–169 (текст сверен с изд.: *Flat.* II, 226–234, 237–239). В редакции «Книги с Плоского Острова» прядь публикуется на русском языке впервые.

[1] *Множество песней, которые были сложены о жизни и правлении святого Олава конунга такими скальдами, как Оттар Черный...* – Как следует из «Перечня скальдов» (XIII в.), в честь конунга Олава Харальдссона складывали стихи десять скальдов. Исландец Оттар Черный считался одним из главных скальдов (höfuðskáld) конунга; см. о нем «Прядь об Оттаре Черном» в наст. изд.

[2] *Сигват скальд* – Сигват сын Торда, любимый скальд конунга Олава Святого; см. о нем примеч. 5 к «Пряди об Оттаре Черном».

[3] *Гицур Воспитатель Золотых Ресниц* – исландский скальд, также известен как Гицур Золотые Ресницы и Гицур Черный. Гицур был одним из поэтов, находившихся при Олаве Святом, и погиб вместе с ним в битве при Стикластадире (1030). В «Саге об Олаве Святом» (*КЗ*, 351) среди прочих цитируются стихи, которые Гицур сложил накануне сражения.

[4] *Торфинн Рот* – исландский скальд, дружинник Олава Святого, погибший вместе с ним. Сохранились лишь две висы Торфинна, в последней из которых, произнесенной перед битвой при Стикластадире, он, как и другие скальды (Гицур и Тормод Скальд Чернобровой), сложившие стихи, чтобы поднять боевой дух войска, призывает защитить конунга (см.: *КЗ*, 351).

[5] *Ховгарда-Рэв* – сын Геста (также упоминается как Скальд Рэв), исландский скальд XI в., приемный сын Гицура Золотые Ресницы, сложивший о нем поминальную песнь, из которой уцелело несколько строф. Согласно «Перечню скальдов», Рэв сочинял стихи в честь Олава Святого и его сына, конунга Магнуса Доброго, однако они не сохранились.

[6] *Эйнар сын Скули* – исландский скальд XII в., которому принадлежит поэма «Луч», сложенная в честь Олава Святого (см. о нем подробнее в «Пряди об Эйнаре сын Скули»).

[7] Это вступление принадлежит перу составителя «Книги с Плоского Острова», и хотя в рукописи ему и предшествует заглавие «Прядь об Асбьёрне Тюленебойце», как явствует из сказанного в нем, оно предпослано не только данной пряди, но также и прочим вставным историям, в разное время интерполированным в «Отдельную сагу об Олаве Святом» (вслед за рассказом об Асбьёрне в компиляции приводятся «Сага о фарерцах», «Прядь о Стейне сыне Скафти», «Прядь о Раудульве», «Прядь о Вёльси», а также части саг, вплетенных в эту книгу, – «Саги о названых братьях» и «Саги об оркнейцах»).

[8] *...Торира Собаки с Бьяркей.* – Торир Собака сын Торира считался самым могущественным человеком на севере Норвегии. Бьяркей – остров в северной части Халогаланда (совр. Бьяркёй).

[9] *...женат на Сигрид дочери Скьяльга, сестре Эрлинга.* – Об Эрлинге сыне Скьяльга и Сигрид см. примеч. 9, 12 к «Пряди об Эйндриди и Эрлинге».

[10] *...жил в Эмде на мысе Трандарнес.* – Эмд – здесь, вероятно, название усадьбы, находящейся на острове Эмд – одном из самых больших островов в Халогаланде (совр. о. Андёй?), лежащем к западу от острова Бьяркей. Трандарнес – букв.: Мыс Трёндов, скорее, однако, указывает на то, что усадьба располагалась на северной оконечности соседнего с Эмдом острова Хинн (совр. Хиннёй).

[11] *Лендрманн* – см. примеч. 47 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога».

[12] *...устраивать по три жертвенных пира: один – в начале зимы, другой – в середине зимы, а третий – летом...* – В первом случае речь идет о жертвоприношениях (vetrarnátta blót), которые традиционно устраивались в первые три дня после прихода зимы, именуемые vetrnætr, при этом считается, что зима наступала в период между 11 и 18 октября (см.: *Hastrup K.* Culture and history in Medieval Iceland. Oxford, 1985. P. 26 f.; об обычае справлять приход зимы пирами и жертвоприношениями см., например, в «Саге о Гисли», гл. 10). Главный праздник в году, на который устраивались miðsvetrarblót «жертвоприношения середины зимы», йоль (jól) – праздник середины зимы, начинался с наступлением зимнего солнцестояния и отмечался в течение 13 дней. После христианизации языческий йоль стал обозначением Рождества. В «Саге о Хаконе Добром» (гл. 13) сказано, что конунг Хакон «сделал законом, что йоль должен был начинаться в то же время, что и христианское рождество. Каждый должен был тогда варить пиво из меры зерна под страхом денежного взыскания и праздновать, пока хватает пива. А раньше йоль начинался в ночь на середину зимы и продолжался три дня» (*КЗ*, 74). По древнескандинавскому календарю год делился на две части – зиму и лето, которое начиналось в конце апреля и продолжалось примерно до середины октября (до наступления зимы). Неизвестно, к чему именно был приурочен летний пир, который Сигурд устраивал прежде, чем он стал христианином: к летнему солнцестоянию, т.е. к двухнедельному периоду в середине лета (miðsumar), или к более позднему празднованию по случаю завершения сбора урожая.

[13] *...Асбьёрну было тогда восемнадцать лет.* – В «Отдельной саге об Олаве Святом» (гл. 104: *OlH*, 290) сказано, что «Асбьёрну шел двадцатый год» (var Asbiornn a tvitogs alldri).

[14] *Пролив Кармтсунд* – пролив, отделяющий остров Кёрмт от материка (совр. Кармсунн; см. примеч. 16).

[15] *Эгвальдснес* (совр. Avaldsnes – Авалснес) – северная оконечность острова Кёрмт, названная в честь полулегендарного местного правителя (Мыс Эгвальда). Здесь находилась древнейшая усадьба, принадлежавшая норвежским конунгам, основанная Харальдом Прекрасноволосым, в которой сидел назначаемый ими управляющий.

[16] *Остров Кёрмт* – остров в Рогаланде (см. след. примеч.), совр. Кармёй.

[17] *Рогаланд* (совр. Ругаланн) – область на юго-западе Норвегии.

[18] *Ругии* – жители Рогаланда, которые вели свое происхождение от северогерманского племени (rugii), часть которого, по сообщениям Тацита (I в.) и готского историка Иордана (VI в.), позднее переселилась на побережье Балтийского моря в междуречье Одера и Вислы (где его название отразилось в местной топонимике, ср. о. Рюген), а затем мигрировала на юг.

[19] *Ядар* – см. примеч. 10 к «Пряди об Эйндриди и Эрлинге».

[20] *...к усадьбе Соли...* – См. примеч. 15 к «Пряди об Эйндриди и Эрлинге».

[21] *...около сотни...* – В редакции рассказа об Асбьёрне в «Круге Земном» и в «Отдельной саге об Олаве Святом» названо несколько меньшее число людей – «около девяти десятков».

[22] *Торарин сын Невьольва* – исландец, герой одноименной пряди (см. «Прядь о Торарине сыне Невьольва» в наст. изд.), не раз упоминаемый в «Саге об Олаве Святом». Торарин также выступает в роли помощника героя в «Пряди о Хеминге сыне Аслака».

[23] *Потом он пошел в церковь и сказал Торарину...* – В редакции «Саги об Олаве Святом» в «Круге Земном» вместо этого сказано: «Og er hann gekk frá tíðum mælti hann til Þórarins» – «И когда он возвращался со службы, он сказал Торарину» (*КЗ*, 268).

[24] *Затем он пошел слушать службу...* – Вероятно, ошибка переписчика. В «Круге Земном» сказано следующее: «В субботу конунг встал и пошел к заутрене, а потом отправился решать тяжбы» (*КЗ*, 268).

[25] *Торарин пошел тогда к церковному сторожу и дал ему две марки серебра...* – В редакции саги в «Круге Земном» (как и в «Отдельной саге об Олаве Святом») сказано несколько иначе: «Торарин пошел к священнику, который был тогда в церкви, и дал ему два эйрира серебра» (*КЗ*, 268). Марка – см. примеч. 14 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».

[26] *...раздался колокольный звон, возвещавший о начале праздника.* – Ср. аналогичный эпизод в «Пряди о Гисле сыне Иллуги», где при сходных обстоятельствах также используется мотив преждевременного колокольного звона. В более ранней версии рассказа об Асбьёрне в «Легендарной саге об Олаве Святом» предпринимаемые Торарином действия далеко не во всем совпадают с описанием его поведения в «Круге Земном», и в ней нет и намека на уловку, с помощью которой заступнику героя удается приблизить начало праздника и отвратить от своего подопечного грозившую ему расправу. Главное же, в первоначальной редакции пряди события происходят в другие дни Страстной недели. Очевидно, сочтя рассказ своего предшественника недостаточно убедительным, Снорри счел необходимым внести в него ряд изменений. Лишь в первом из трех эпизодов, повествующих о том, как Торарин выполнял поручение Эрлинга, Снорри в точности следует своему источнику:

предлог для отсрочки казни в день совершения преступления в «Легендарной саге» тот же, что затем будет использован в «Отдельной саге об Олаве Святом» и во всех последующих редакциях рассказа, – Асбьёрн не может быть убит из-за наступления ночи, причем Торарин здесь открыто ссылается на закон, который конунг не вправе нарушить (þer munuð æigi logen briota). Однако уже второй эпизод в версии «Легендарной саги» отличается от позднейших версий: согласно этой ранней редакции, на следующий день, вернувшись с заутрени (ottosongr), конунг решал тяжбы и осведомился о пленнике «после окончания мессы и завтрака» (Er loket messo oc dagurði), т.е. задолго до полудня, но Торарин вновь сослался на то, что «теперь уже поздно убивать» (sið er nu), и Олав, несмотря на то что был будний день, почему-то не стал ему возражать. На третий день приходилась Страстная пятница, и казнить Асбьёрна, по словам Торарина, означало «совершить нечто, похожее на то, что иудеи содеяли с нашим Господом» (gera nokcot i lict þui, sem Gyðingar gerðo við drotten varn). Вняв его увещеваниям, конунг приказал сохранить Асбьёрну жизнь до исхода воскресенья (*ÓHLeg*, 37). Дабы придать больше убедительности второму и очевидно слабому звену в обороне Торарина, Снорри отодвигает все события на более поздний срок. Согласно «Легендарной саге», убийство Торира Тюленя произошло на день раньше, отсюда и неясность в обосновании причины, по которой Асбьёрн не мог быть подвергнут казни в светлое время суток второго, также буднего, дня. Снорри устраняет эту «неувязку», перенося преступление героя на день, непосредственно предшествующий Страстной пятнице, и получая тем самым возможность использовать предлог, который рассказчик «Легендарной саги» приберег напоследок. В результате появляется убедительное основание для того, чтобы казнь была отложена и во второй раз: в Страстную пятницу надлежит уподобляться тому, кто «умел терпеть обиды», а не тому, «кто приговаривает человека к смерти или убивает» (*КЗ*, 268). Однако оставался еще третий день, а простая перестановка событий второго и третьего дня и применение аргументов, к которым прибег автор «Легендарной саги», уже не позволяли объяснить, почему конунг и на этот раз должен был согласиться отложить казнь. Именно в последнем из эпизодов Снорри дальше всего отходит от версии своего предшественника. В «Легендарной саге» говорится лишь, что конунг, по своему обыкновению, решал тяжбы местных жителей между двумя церковными службами, «заутреней и мессой» (óttusöngr ok messa), и не спросил об Асбьёрне, пока не закончилась вторая из этих служб и завтрак (dagverðr). Речь, таким образом, идет об утренних часах. В «Круге Земном» говорится о том же времяпровождении Олава, однако подчеркивается, что жалобщиков в тот день собралось очень много, и конунг пробыл с бондами так долго, что едва не опоздал к обедне. Кроме того, оказывается, что обе службы и следующая за тем трапеза отнесены здесь к более позднему времени: тогда как ótta – обозначение предрассветных часов, так что в «Легендарной саге», очевидно, имеется в виду первый из horae canonicae – matutinum, самая ранняя служба, происходившая еще до наступления дня, cantus antelucanus (не случайно трапеза, сменившая очередную церковную службу, messa, на которой присутствовал конунг, в ранней редакции названа dagverðr – «завтрак», время которого – dagmál, соответствует hora tertia, девяти часам утра), в «Круге Земном» говорится о morgintíðir и hámessa – «утренней» службе (иначе: miðs morgons tíð, или prima tíð, лат. prima – «служба первого часа») и «высокой мессе» (т.е. полуденной службе, лат. sexta).

Согласно Снорри, конунг, таким образом, пошел к столу после обедни и сидел и пил до того момента, когда колокол раньше времени возвестил nona – три часа пополудни. Поскольку же была суббота, по норвежским законам наступил праздник (nónhelgi), и казни вновь не суждено было состояться (церковное право регулировалось в то время местными уложениями, ср. следующую запись в одном из них: «köllum vér þann dag sunnudag, en þváttdagr fyrir skal heilagr at nóni» – «...мы называем этот день воскресеньем, а суббота перед ним должна быть праздником с ноны...»; см.: Norges gamle love indtil 1387. I. 9, цит. по: *Cleasby R., Guðbrand Vigfusson.* An Icelandic-English Dictionary. 2nd ed. Oxford, 1957. P. 458). Как видим, отложив убийство Торира Тюленя на один день, переместив на более поздний час занятия конунга в последний из трех дней, в которые Торарину пришлось самостоятельно защищать Асбьёрна, и, наконец, введя в повествование мотив преждевременного колокольного звона, Снорри сумел выстроить непрерывную временную последовательность, служившую герою пряди гарантией неприкосновенности.

[27] *Асмунд сын Гранкеля* (или Гранкетиля) – сын богатого бонда из Халогаланда, слывший одним из самых лучших людей в Норвегии «по красоте, силе и ловкости» («Сага об Олаве Святом», гл. 106: *КЗ*, 252). Асмунд остался верен конунгу Олаву, а затем служил и его сыну, Магнусу Доброму.

[28] *...управление половиной сюслы в Халогаланде.* – Сюсла – административный округ в Норвегии, находившийся под началом наместника конунга. Решение конунга Олава поделить сюслу пополам между двумя управляющими привело к их смертельной вражде.

[29] *Харек с Тьотты* – богатый и знатный халогаландец, сын прославленного норвежского скальда X в. Эйвинда Погубителя Скальдов. Харек был лендрманном и наместником конунга Олава в Финнмёрке, однако впоследствии стал одним из главных его противников. После прихода к власти сына Олава, Магнуса Доброго, Харек был убит Асмундом сыном Гранкеля, отомстившим ему таким образом за смерть своего отца, которого Харек ранее сжег в его усадьбе. Тьотта – остров в Халогаланде.

[30] *Остров Лангей* (совр. Лангёй) – остров в Халогаланде, лежащий к югу от островов Эмд и Бьяркей.

[31] *Вагар* (совр. Воган) – древнейшее торговое поселение в северной Норвегии, расположенное на острове Вагей (совр. Ауствогёй) в Халогаланде, южнее о. Лангей.

[32] *...возвращаться с юга.* – В рукописи употреблено слово norðan – «с севера», что является несомненной ошибкой переписчика.

[33] *...вонзилось в грудь Олаву Толстому.* – Олав Толстый – см. примеч. 4 к «Пряди об Олаве Альве Гейрстадира». Одна из трех смертельных ран, полученных конунгом Олавом в битве при Стикластадире, была нанесена копьем Торира Собаки (см. «Сага об Олаве Святом», гл. 228: *КЗ*, 363).

[34] *...это дошло до Торира Собаки...* – В дальнейшем в саге рассказывается о том, как Торир из мести убил Карли во время их с братьями совместной поездки в Страну Бьярмов (см. примеч. 30 к «Пряди об Эймунде сыне Хринга»), пронзив его полученным от Сигрид копьем (см. гл. 133: *КЗ*, 283–287).

ПРЯДЬ О СТЕЙНЕ СЫНЕ СКАФТИ

«Прядь о Стейне сыне Скафти» («Steins þáttr Skaptasonar») – одна из двух прядей об исландцах (другой рассказ – «Прядь о Тородде сыне Снорри»), которые были включены Снорри Стурлусоном в «Сагу об Олаве Святом» в «Круге Земном» (гл. 138: *КЗ*, 292–296) и в созданную им же «Отдельную сагу об Олаве Святом» (гл. 128). Описываемые в рассказе события относятся к периоду 1025–1030 гг. и имеют своими последствиями конфликт конунга Олава с частью могущественной норвежской знати, отдельные представители которой вскоре примкнули к лагерю его врагов. Это, по-видимому, и послужило причиной того, что Снорри Стурлусон оставил прядь о Стейне в составе саги об Олаве, не исключено также, что именно Снорри придал ей окончательную форму. Впервые сообщение о ссоре между Стейном и Олавом и вмешательстве в нее Торберга сына Арни, защитившего исландца от гнева конунга, появляется в «Легендарной саге об Олаве Святом», но оно слишком лаконично и не детализовано, чтобы его можно было считать отдельным повествованием.

Как в обеих редакциях, принадлежащих Снорри, так и в «Книге с Плоского Острова», начало пряди адаптировано к тексту саги и не поддается реконструкции. В «Отдельной саге об Олаве Святом» ей предпослано заглавие: «Fra Steini Scapta syni» – «О Стейне сыне Скафти» (*OlH*, 373–386). В «Книге с Плоского Острова», где этот же рассказ приводится в редакции, демонстрирующей весьма незначительные отличия от версии Снорри, он вводится заголовком «Her hefr vpp þaatt Steins Skaptasunar» – «Здесь начинается прядь о Стейне сыне Скафти» (*Flat*. II, 261). Заголовок этот, однако, помещен в тексте саги явно преждевременно – как оказывается, он предваряет рассказ о жителях Ямталанда (соответственно озаглавленный: «Fra byggving Iamtalanz»), не желавших подчиняться власти Олава (в «Круге Земном» ему соответствует гл. 137 «Саги об Олаве Святом», а в «Отдельной саге» – гл. 127). К рассказу о Стейне это вступление не имеет никакого отношения, поскольку его события разворачиваются в другой части страны. Скорее глава о ямталандцах могла бы быть предпослана следующему рассказу – «Пряди о Тородде сыне Снорри», родовитом исландце, который прибыл в Норвегию вместе со Стейном. Поэтому здесь, как это принято и в других изданиях, вступительная глава о жителях Ямталанда опущена и прядь начинается непосредственно с появления ее героя. (В некоторых изданиях, однако, начало пряди восстанавливается из предшествующих сообщений саги о прибытии Стейна и других сыновей именитых исландцев в Норвегию к конунгу Олаву и объявленном им запрете покидать страну, ср.: Íslendinga þættir / Guðni Jónsson búið hefir til prentunar. Reykjavík, 1935. Bls. 255–256; в наст. изд. соответствующие сведения приводятся в комментариях.)

Перевод выполнен по изд.: Flateyjarbok. En samling af norske konge-sagaer med indskudte mindre fortællinger / Udg. Guðbrandur Vigfússon, C.R. Unger. Christiania, 1860–1868. Bd. II. S. 262–267. В редакции «Книги с Плоского Острова» прядь публикуется на русском языке впервые.

[1] *Тородду сыну Снорри Годи...* – Как уже отмечалось (см. выше), об этом исландце также сохранилась прядь, включенная в различные редакции «Саги об Олаве

Святом» (см. ее перевод в наст. изд.). Снорри Годи – см. примеч. 1 к «Пряди о Тородде сыне Снорри».

[2] *Скафти* – Скафти сын Тородда, знатный исландец, фигурирующий во многих «семейных сагах» (см. о нем, в частности, «Прядь о Пивном Капюшоне»). В 1004 г. Скафти был избран законоговорителем Исландии и занимал эту должность вплоть до своей смерти в 1030 г. – дольше, чем прочие исландские законоговорители.

[3] *Он был хороший скальд...* – В «Перечне скальдов» Стейн упомянут среди поэтов, складывавших стихи о Кнуте Могучем, однако ни одно из его сочинений не сохранилось.

[4] *Скафти, его отец, сложил об Олаве конунге драпу...* – Драпа – хвалебная песнь (см. примеч. 12 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде»). Упомянутая здесь песнь не сохранилась. Согласно «Перечню скальдов», Скафти складывал стихи о двух норвежских правителях – ярле-язычнике Хаконе Могучем и конунге-христианине Олаве Святом. В «Языке поэзии» (второй части «Младшей Эдды»), в разделе, трактующем о кеннингах Бога, приведено четверостишие Скафти, прославляющее Христа, которого скальд называет «конунгом монахов».

[5] *...доверчиво послали к нему своих сыновей, а он теперь держит их в неволе.* – Ранее в саге сообщалось о том, что конунг Олав пригласил к себе сыновей знатнейших людей Исландии – помимо Стейна сына Скафти и Тородда сына Снорри это были Эгиль сын Халля с Побережья (см. о нем одноименную прядь в наст. изд.) и Геллир сын Торкеля. Последнего конунг отослал затем назад с поручением огласить на всеисландском народном собрании (альтинге) его послание, в котором он требовал от жителей страны принять законы, установленные им в Норвегии, и платить ему подать («пеннинг с носа»), а за отказ согласиться на его требования грозился жестоко расправиться с ними при первой возможности. После долгих обсуждений исландцы, однако, отвергли требования Олава. До возвращения Геллира и объявления решения исландцев остальным отпрыскам именитых исландских семейств, гостившим в Норвегии, было запрещено покидать страну, отчего те, как сказано в саге, «сочли, что с ними обошлись очень плохо и что их лишили свободы» (гл. 136: *КЗ*, 290). Описанный в пряди конфликт Стейна с конунгом Олавом явился прямым следствием этого запрета.

[6] *Оркадаль* (совр. Оркдал) – местность на северо-западе Норвегии южнее Трандхеймсфьорда.

[7] *Гауларас* – горный кряж, разделяющий фюльки Гаулардаль (совр. Гёулдален) и Стринда.

[8] *...до Сурнадаля в Мёре.* – Сурнадаль (совр. Сюрендаль) – местность в Северном Мёре (совр. Мёре), области, расположенной к западу от Оркадаля.

[9] *Остров Гицки* (совр. Гиске) – остров, лежащий у западного побережья Норвегии в Южном Мёре.

[10] *Торберг сын Арни* – знатный и могущественный норвежец, один из семи сыновей Арни, лендрманна и друга конунга Олава, нередко упоминаемых в «Саге об Олаве Святом» и включенных в нее прядях.

[11] *Эрлинг сын Скьяльга* – см. о нем в «Пряди об Эйндриди и Эрлинге» и в «Пряди об Асбьёрне Тюленебойце».

[12] *Западные Фьорды* – местность в Исландии.

[13] *...во время крестин.* – В редакции пряди в «Круге Земном» (*КЗ*, 293) говорится, что рожденную Рагнхильд девочку окрестили Торой. Впоследствии она стала женой норвежского конунга Харальда Сурового, брата Олава Святого (см. о ней в «Пряди о Халли Челноке»).

[14] *...разослать стрелу и собрать тинг...* – См. примеч. 5 к «Пряди о Тородде сыне Снорри». О рассылке стрелы см. примеч. 18 к «Пряди об Эмунде из Скарара».

[15] *Агданес* – мыс в устье Трандхеймсфьорда, часто упоминаемый в сагах, поскольку его огибали все корабли, плывшие на север (или с севера) вдоль побережья. Конунг Эйстейн сын Магнуса (1103–1122) ставил себе в заслугу то, что построил там пристань (см. об этом: *КЗ*, 492).

[16] *Ядар* – см. примеч. 10 к «Пряди об Эйндриди и Эрлинге». Здесь находилась усадьба Эрлинга, Соли.

[17] *...корабль в двадцать скамей для гребцов...* – Размер боевого корабля и численность войска определялись, исходя из количества скамей для гребцов. Самый распространенный тип корабля в 20 скамей вмещал сорок человек (по двое на скамье).

[18] *...к Хольму...* – В редакции пряди в «Круге Земном» сказано, что войско двинулось «к Нидархольму», острову, лежащему неподалеку от Нидароса.

[19] *...в город...* – т.е. в Нидарос (совр. Тронхейм).

[20] *...сохранить пожалованные ему владения...* – Др.-исл. термином veizla («угощение», «пир») обозначались территории, которые конунг жаловал своим лендрманнам в качестве кормлений: их жители обязаны были платить лендрманну или давать ему угощение. Такие пожалования не становились наследственными земельными владениями.

[21] *...люди из Ядара.* – Имеются в виду Эрлинг сын Скьяльга и его родичи.

[22] *...к Кнуту Могучему.* – См. примеч. 5 к «Пряди об Эгиле сыне Халля с Побережья» и примеч. 11 к «Пряди о Раудульве».

[23] *Эгг* – название усадьбы Кальва сына Арни (совр. Эгге) во Внутреннем Трандхейме. Кальв впоследствии стал противником конунга Олава (см. примеч. 5 к «Пряди о Торгриме сыне Халли»).

[24] *...уплыл на запад в Англию к Кнуту конунгу и долго жил у него в большой чести.* – В одной из рукописей «Отдельной саги об Олаве Святом», «Tómasskinna» (GKS 1008 fol., ок. 1400), рассказ о Стейне завершает следующий эпилог: «Стейн оставался некоторое время с Кнутом конунгом и так выделялся своим оружием и одеждой, что его там прозвали Стейном Горделивым. В старину мудрые люди рассказывали, что Стейн стал так заноситься, что украсил своего коня и его копыта золотом. Кнут конунг решил, что тот пытается превзойти его великолепием, и тогда Стейн уехал от него. После этого Стейн постоянно разъезжал. Жизнь же его закончилась тогда, когда он разбил свой корабль у побережья Ютландии и в одиночку выбрался на берег. Он и на этот раз был богато одет и при нем было много ценных вещей. Он был очень изнурен. Его нашла женщина, которая пришла стирать белье. В руке у нее был валек. Стейн был слаб и лежал на сухих водорослях. Она увидала, что на нем много ценного. Тогда она подошла и забила его вальком до смерти, от этого-то он, как считают и говорят люди, и лишился жизни. Так ему воздалось за его заносчивость и

неповиновение Олаву конунгу» (*OlH*, 810). Рассказ этот отчасти восходит к ранней «Легендарной саге об Олаве Святом» (гл. 63), в которой прядь о Стейне как таковая отсутствует, однако в саге содержится краткое сообщение о ссоре этого исландца с конунгом Олавом, убийстве им конунгова управителя, бегстве к Торбергу сыну Арни, последующем примирении с Олавом, отъезде к конунгу Кнуту и пребывании при датском дворе. При этом и здесь говорится о крайней заносчивости Стейна, в связи с чем упоминается о том, что он «пожелал подковать своего коня золотыми подковами, как сам конунг» (*ÓHLeg*, 48).

ПРЯДЬ О ТОРОДДЕ СЫНЕ СНОРРИ

Рассказ о Тородде сыне Снорри («Þórodds þáttr Snorrasonar») – вторая из прядей об исландцах, включенных в «Сагу об Олаве Святом» Снорри Стурлусоном (гл. 141; первая – «Прядь о Стейне сыне Скафти»; см. коммент. к этому рассказу). И в «Круге Земном» и в «Отдельной саге об Олаве Святом» (в ней история Тородда изложена в гл. 131 и ей предпослан заголовок: «Fra Þoroddi Snorra syni») эти рассказы разделяют лишь несколько глав саги, сообщающих о планах конунга Олава собрать своих сторонников и пойти войной на Кнута Могучего.

В настоящем издании рассказ о Тородде приводится в версии «Книги с Плоского Острова», демонстрирующей весьма незначительные расхождения с обеими предшествующими редакциями этого рассказа, принадлежащими Снорри. В отличие от «Пряди о Стейне сыне Скафти», в «Книге с Плоского Острова» рассказ о Тородде не имеет общего заглавия и не назван «прядью» (þáttr), заголовки предпосланы здесь лишь двум главам, на которые он был разбит редактором компиляции (о принадлежности этого рассказа к жанру «прядей о поездках из страны» см.: *Harris J.C.* Genre and Narrative Structure in Some Íslendinga þættir // Scandinavian Studies. 1972. Vol. 44. N 1. P. 1–27; *Гуревич Е.А.* Древнескандинавская новелла: Поэтика «прядей об исландцах». М., 2004. С. 64, 130–132).

Перевод выполнен по изд.: Flateyjarbok. En samling af norske konge-sagaer med indskudte mindre fortællinger / Udg. Guðbrandur Vigfússon, C.R. Unger. Christiania, 1860–1868. Bd. II. S. 270–274. В редакции «Книги с Плоского Острова» прядь публикуется на русском языке впервые.

[1] *Тородд сын Снорри остался в Норвегии ⟨...⟩ Геллир сын Торкеля получил разрешение уехать в Исландию, как уже было написано ранее.* – См. примеч. 5 к «Пряди о Стейне сыне Скафти». Отец Тородда, Снорри сын Торгрима (963–1031), обычно упоминаемый в «сагах об исландцах» как Снорри Годи, был одним из самых могущественных исландских предводителей (см. о нем «Сагу о людях с Песчаного Берега»). Сохранились также две пряди о другом сыне Снорри Годи – Халльдоре (см. в наст. изд.). Геллир сын Торкеля – родовитый исландец, сын Торкеля сына Эйольва и Гудрун дочери Освивра (см. о них в «Пряди о Гуннаре Убийце Тидранди» в наст. изд.); Геллир приходился дедом исландскому историку Ари Мудрому (см. о нем примеч. 26 к «Пряди об Эмунде из Скарара»).

[2] *Ямталанд* – см. примеч. 17 к «Пряди о Торстейне Силе Хуторов».

[3] *...посланцы Олава конунга ⟨...⟩ Вместе их было двенадцать человек.* – О поездке этих посланцев конунга в «Саге об Олаве Святом» сообщалось значительно раньше (в «Круге Земном», гл. 63: «Той зимой Транд Белый отправился из Трандхейма на восток в Ямталанд собирать подати для Олава Толстого. Когда он уже собрал все подати, туда приехали люди конунга шведов и убили Транда и сопровождавших его одиннадцать человек, забрали подати и отвезли конунгу шведов. Об этом узнал Олав конунг, и ему это не понравилось», *КЗ*, 201).

[4] *...звали Торир.* – В редакции рассказа в «Круге Земном» и «Отдельной саге об Олаве Святом» лагман носит имя Торар.

[5] *...разослали стрелу и созвали на тинг множество народу.* – См. примеч. 18 к «Пряди об Эмунде из Скарара».

[6] *...принести в жертву.* – В сагах жители Швеции нередко представляются язычниками (последовательная христианизация Швеции началась в конце X в. при Олаве Шётконунге; см. о нем примеч. 1 к «Пряди об Эмунде из Скарара»).

[7] *Йоль* – см. примеч. 12 к «Пряди об Асбьёрне Тюленебойце».

[8] *...затеяли спор и стали сравнивать норвежцев и шведов...* – Имеется в виду развлечение, нередко устраивавшееся на пирах и получившее название mannjafnaðr «сравнение мужей», в ходе которого состязающиеся хвастались собственными заслугами, противопоставляя их гораздо более скромным достижениям своих оппонентов (ср. известный спор двух конунгов в гл. 21 «Саги о сыновьях Магнуса Голоногого»: *КЗ*, 490–492).

[9] *...несколько оленьих шкур ⟨...⟩ привязали их себе на ноги задом наперед.* – В рукописи, очевидно, пропущена часть фразы. В редакции рассказа в «Круге Земном» сказано: «Они отрезали оленьи копыта и привязали их на ноги задом наперед» (*КЗ*, 301).

[10] *Огонь уже погас.* – В редакции рассказа в «Круге Земном», напротив, сказано, что огонь еще горел.

[11] *...отправила их в Хель...* – т.е. убила. Хель – см. примеч. 42 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».

[12] *...в городе...* – Имеется в виду Нидарос.

[13] Впоследствии в саге рассказывается о том, как Арнльот Геллини явился к конунгу Олаву накануне битвы при Стикластадире и предложил ему свою помощь, сославшись на то, что однажды он помог людям, которых Олав послал в Ямталанд за податями, а также дал им серебряное блюдо для конунга в знак того, что он хотел бы быть другом Олава. По настоянию конунга Арнльот принял крещение, после чего Олав поставил его в первые ряды войска перед своим стягом. По свидетельству саги, Арнльот погиб при первом же натиске противника (см. об этом: *КЗ*, 356, 362). В более ранней «Легендарной саге об Олаве Святом», где «Прядь о Тородде» отсутствует, также сообщается о приходе к конунгу Арнльота Геллини, причем он и здесь ссылается на свою встречу с Тороддом сыном Снорри и переданный с ним Олаву дар – «знак того, что он хотел примкнуть» к конунгу (*ÓHLeg*, 66). Хотя Тородд в этой саге ранее не упоминался, эпизод с Арнльотом, судя по всему, указывает на существование некоего раннего источника, в котором, так же как и в «Круге Земном» и последующих редакциях саги об Олаве, был приведен рассказ о поездке королевских посланцев в Ямталанд.

ПРЯДЬ О РАУДУЛЬВЕ

«Прядь о Раудульве» («Rauðúlfs þáttr») сохранилась полностью или частично в девяти рукописях «Саги об Олаве Святом», относящихся к XIV – началу XV в., в том числе в «Книге с Плоского Острова», «Tómasskinna», «Bergsbók», «Стокгольмском кодексе» St. 4. 4to (с издания последнего выполнен настоящий перевод: Den Store Saga om Olav den Hellige / Utg. av O.A. Johnsen, Jón Helgason. Oslo, 1941. Bd. 2. S. 655–682). Во всех этих рукописях прядь замещает соответствующую главу жизнеописания Олава Святого, составленного Снорри Стурлусоном, в котором рассказ о Раудульве, первоначально бытовавший в качестве отдельного повествования, подвергся существенным сокращениям. В ходе редактирования текста рассказа Снорри последовательно исключил из него практически все основные эпизоды: сцену пира и сопровождающей его «забавы», описание необычного спального покоя, в котором проводят ночь конунг и его свита, а также истолкованный Раудульвом сон Олава Святого, оставив лишь сюжетную линию, связанную с ложным обвинением сыновей главного героя и последующим разоблачением Бьёрна, иначе говоря, обрамление пряди. В части сохранившихся редакций пряди отдельные эпизоды следуют сокращенной версии Снорри. Отношение «Пряди о Раудульве» к сочинениям Снорри Стурлусона – «Отдельной саге об Олаве Святом» (1220–1230) и «Кругу Земному» (ок. 1230), а также к источникам, которые были использованы при ее создании (см. коммент.), позволяет предположительно датировать ее началом или первой четвертью XIII в. (см. подробнее: *Faulkes A.* «Rauðúlfs þáttr». A study. Reykjavík, 1966. (Studia Islandica, 25)).

На русском языке прядь публикуется впервые.

[1] *...человека звали Рауд, а еще у него было другое имя, Ульв.* – В большинстве редакций рассказа имя героя варьируется: он именуется то Раудом, то Ульвом, то своим полным именем, Раудульв, что означает Рыжий Ульв. Только в версии Снорри герой рассказа последовательно называется Раудом.

[2] *Они присутствовали на том тинге и держали ответ от имени жителей долины и отклонили это обвинение.* – Во всех редакциях начало пряди было адаптировано к предшествующему повествованию «Саги об Олаве Святом». Непосредственно перед рассказом о Раудульве в ней сообщалось, что в местности, которой управлял Бьёрн, друг и родич Астрид, жены конунга, стал пропадать скот, после чего управитель Бьёрн созвал тинг и на нем возложил ответственность за это на жителей Эйстридалира (совр. Эстердален), области на востоке Норвегии (см. гл. 163: *КЗ*, 321). Нет сомнений в том, что в той или иной форме этот предваряющий прядь рассказ первоначально был составной частью истории о Раудульве и его сыновьях.

[3] *...но конунг тем не менее отправился в путь...* – Вплоть до этого места соответствующий рассказ, излагаемый Снорри Стурлусоном в «Саге об Олаве Святом» (гл. 164: *КЗ*, 321), не отклоняется от текста пряди.

[4] *...епископ...* – В пряди он не назван по имени, но речь, вероятнее всего, идет о епископе Гримкеле, известном из разных версий жизнеописания Олава Святого. Вполне возможно, что заметная роль епископа в пряди, и прежде всего то обстоя-

тельство, что он принимает участие в затеянном конунгом развлечении на пиру, объясняется влиянием на рассказ о Раудульве «Саги о Карламагнусе» (см. ниже), одним из персонажей которой был архиепископ Турпин.

[5] *...Бьёрн окольничий ⟨...⟩ все эти братья были лендрманнами Олава конунга.* – Перечислены знатные приспешники Олава Святого, персонажи повествующих о нем саг и прядей. О сыновьях Арни см. также в «Пряди о Стейне сыне Скафти» и «Пряди о Торгриме сыне Халли». О значении терминов *окольничий* и *лендрманн* см. примеч. 3 к «Пряди об Эйнаре сыне Скули» и примеч. 47 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога».

[6] *...ложусь в новую постель и на лежак, который стоит в таком месте, где никто прежде не спал...* – Как было замечено (*Faulkes A.* «Rauðúlfs þáttr». P. 12 f.), описанный здесь «ритуал» приготовления к провидческому сну восходит к фольклору и имеет ряд параллелей в древнеисландкой литературе. В «Саге о йомсвикингах» (гл. 2: The Saga of the Jomsvikings / Ed. and transl. N. F. Blake. Toronto; N.Y., 1962. P. 2) датский конунг Горм получает совет провести первые три зимние ночи в новом доме, поставленном там, где прежде не было никакой другой постройки, причем увиденный им в результате вещий сон (ему приснился выходящий из моря скот), как и в «Пряди о Раудульве», восходит к ветхозаветному прототипу. В «Отрывке саги о древних конунгах» (*FSN* I, 367) жена конунга Хрёрека Ауд с той же целью устраивает своему мужу постель посреди комнаты, а сама ложится отдельно от него (ср. советы Раудульва конунгу Олаву, следуя которым, тот видит вещий сон). Однако наиболее заметной и развернутой параллелью к «Пряди о Раудульве», при всех различиях, по-видимому, является эпизод из «Саги о Хальвдане Черном» (гл. 7: *КЗ*, 41). Согласно последнему, конунг Хальвдан никогда не видел снов и рассказал об этом человеку по имени Торлейв Умный, прося у того совета. «Торлейв сказал, что, когда ему хочется узнать что-нибудь, он ложится спать в свином хлеву, и тогда ему всегда снится что-нибудь. Конунг так и сделал, и ему приснился такой сон: будто у него волосы красивее, чем у кого бы то ни было, и они распадаются на пряди. Некоторые из этих прядей ниспадают до земли, некоторые – до середины голени, некоторые – до колен, некоторые – до пояса или бедер, некоторые – не ниже шеи, а некоторые только торчат из черепа, как рожки. Пряди эти различного цвета, но одна прядь превосходит все другие красотой, блеском и величиной. Конунг рассказал этот сон Торлейву, и тот истолковал его так, что у него будет большое потомство, которое будет править странами с великой славой, однако не с одинаковой, и тот произойдет из его рода, кто будет всех славнее. Люди думают, что эта прядь предвещала конунга Олава Святого».

[7] *...узнать долготу и дня, и ночи.* – Как следует из ученого сочинения по хронологии и астрономии «Rím» (XII в.), в это время в Исландии были достигнуты выдающиеся астрономические результаты, позволившие создать довольно точный календарь (в том числе определены даты весеннего и осеннего равноденствия и летнего солнцестояния, установлены величины солнечного склонения в различные периоды года, а также время солнечного восхода). Исландская традиция связывает все эти достижения с именем Одди Звездочета, героя одноименной пряди (см. «Сон Одди Звездочета»; см. также: Alfræði íslenzk. II / Udg. N. Beckman, Kr. Kålund. København, 1914–1916; *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986. С. 14).

[8] *...служить все службы, какие положено служить все двенадцать месяцев.* – То же умение приписывается французскому священнику Рикини в «Саге о Йоне Святом».

[9] *– Пускай теперь в забаве, которую мы тут затеяли, примут участие и другие.* – «Пивные забавы», в ходе которых присутствующие на пиру знатные люди рассказывают о своих способностях – так называемых сноровках, или умениях (íþróttir), или похваляются перед другими (ср. обычай «сравнения мужей»), известны не только из саг, но и из памятников древнегерманского эпоса (например, «Беовульфа»; ср. стихи 636 и след.). Есть, однако, основания полагать, что данная сцена, подобно описанию необыкновенной палаты в следующем эпизоде пряди, имеет своим прообразом одну из сцен «Саги о Карламагнусе» (гл. 6–11: «Karlamagnus Saga ok Kappa hans». Fortællinger om Keiser Karl Magnus og hans Jævninger i norsk Bearbeidelse fra det trettende Aarhundrede / Udg. C.R. Unger. Christiania, 1860. S. 473–476), переложения старофранцузской поэмы «Le Voyage de Charlemagne» (высказывалось мнение, что автор пряди мог быть знаком и непосредственно с французским вариантом этой истории; см.: *Faulkes A.* «Rauðúlfs þáttr». P. 11 f.). В этой саге подвыпившие на пиру герои, удалившись в спальный покой, ради забавы похваляются друг перед другом способностью совершить невероятные подвиги и посрамить принимающего их в своем дворце византийского императора Хугона. Как и в «Пряди о Раудульве», это развлечение инициирует конунг, предлагающий, чтобы каждый из его воинов «рассказал о своем умении (íþrótt)». В пряди, однако, в отличие от аналогичного эпизода «рыцарской саги», где похвальба персонажей не раз описывается словом gabb (соответствует употребляемому в оригинале ст.-франц. gab «насмешка, нелепица» – по происхождению заимствование из германских языков), в заявлениях состязающихся нет ничего чрезмерного или необычного.

[10] *...не подавляю свой гнев, как бы долго мне ни пришлось носить его в себе.* – В этих словах Кальва, по-видимому, есть намек на его последующую ссору с конунгом Олавом, одной из причин которой стала казнь пасынка Кальва, Торира сына Эльвира (о которой сообщается уже в следующей главе «Саги об Олаве Святом»). Впоследствии Кальв, единственный из сыновей Арни, сражался в битве при Стикластадире на стороне противников Олава и нанес ему один из трех смертельных ударов (о Кальве сыне Арни см. примеч. 5 к «Пряди о Торгриме сыне Халли»).

[11] *...не нарушу ⟨...⟩ клятвы, принесенной государю, которому я присягал.* – Как рассказывается в «Саге об Олаве Святом», братья Торберг и Финн, сыновья Арни, сохранили верность конунгу и сражались в его войске в битве при Стикластадире и оба были ранены. Еще два сына Арни, названные вслед за тем Арни и Кольбьёрн, пали вместе с конунгом.

[12] *...в последнее время изменили мне.* – Олав намекает на примкнувших к выступившему против него датскому конунгу Кнуту Могучему представителей норвежской знати (среди них были и персонажи некоторых прядей – Эрлинг сын Скьяльга и Эйнар Брюхотряс). В «Саге об Олаве Святом» (гл. 156) рассказывается о том, что многие поддавались на уговоры Кнута, принимали от него подарки и втайне обещали ему стать его людьми и помочь ему захватить страну (*КЗ*, 317).

[13] *...я метко стреляю из лука, бегаю на лыжах и плаваю.* – Ср. этот же перечень умений в «Пряди о Хеминге сыне Аслака».

[14] *...побывал на тинге в Уппсале и прогневил своей речью Олава, конунга шведов.* – Олав имеет в виду отправленное им в 1018 г. к шведскому конунгу Олаву Шётконунгу посольство с предложением заключить мир, договориться о границах между Норвегией и Швецией, а также с предложением женитьбы на его дочери, шведской принцессе Ингигерд (см. «Прядь об Эмунде из Скарара»). Как сказано в саге (гл. 80: *КЗ*, 219), услыхав обращенную к нему речь Бьёрна, конунг шведов вскочил и громко крикнул, чтобы тот замолчал. Шведская знать, однако, вынудила конунга принять предложения правителя Норвегии. О геройском поведении Бьёрна в битве при Стикластадире, в которой он, подобно конунгу Олаву, был сражен Ториром Собакой, говорится в стихах скальда Сигвата (гл. 218: *КЗ*, 364). Как и Олав, Бьёрн носил прозвище Толстый.

[15] *...украшен всевозможными изображениями.* – В оригинале употреблено слово purtréat, заимствованное из старофранцузского pourtraire, однако здесь, как и в других рукописях (pvtreat *Flat.*, puterat, pentat), оно дано в искаженной форме (purcreat), всего вероятнее указывающей на то, что оно не было знакомо писцу. На то, что автор рассказа мог знать французский язык, возможно, указывает также и, по-видимому, самое раннее в исландских текстах появление в «Пряди о Раудульве» другого заимствования – flúr «цветок» (ст.-франц. flor).

[16] Считается, что прототипы спального покоя в усадьбе Раудульва следует искать в «рыцарских сагах», в свою очередь заимствовавших соответствующие описания (восходящие к античным образцам; ср. «Метаморфозы» Овидия, кн. II) из средневековых сочинений, действие которых происходит в Византии. Ближайшая аналогия в древнескандинавской литературе и наиболее вероятный источник необычной картины, изображенной в рассказе, – одна из частей «Саги о Карламагнусе», которая носит название «Поход в Иерусалим» («Af Jórsalaferð», предположительно относящееся к началу XIII в. переложение жесты «Паломничество Карла Великого» – «Le Pèlerinage de Charlemagne», середина XII в.) и посвящена пребыванию Карла Великого и его героев в Константинополе при дворе императора Хугона («Karlamagnus saga ok Kappa hans»... Christiania, 1860: VII, cap. 4. S. 471 f.; *Turville-Petre J.* The Story of Raud and his sons. L., 1947. P. 7; *Матюшина И.Г.* Поэтика рыцарской саги. М., 2002. С. 190–192). Именно из нее (причем не исключено, что из ее более ранней и близкой к французскому оригиналу редакции или даже из французской версии; см. предыд. примеч., а также: *Faulkes A.* «Rauðúlfs þáttr». P. 37 ff.) автор пряди мог почерпнуть целый комплекс мотивов, часть которых воспроизводится в созданной им сцене почти дословно. В их числе упоминание следующих деталей: круглой и симметричной формы палаты, в которой ночуют гости; венчающего эту палату расписного свода (перечень изображений на котором также вполне может указывать на тот же источник), подпираемого многочисленными мощными столбами; помещенного посреди нее на круглом помосте роскошного королевского ложа, окруженного богато убранными постелями для его свиты, и, наконец, такой характерной черты, как вращение этого диковинного дома. Помимо прямых аналогий с «Сагой о Карламагнусе», на связь рассказа о Раудульве с традицией древнескандинавской «рыцарской саги» указывает обилие описаний, в целом нехарактерных ни для «королевских саг», ни для прядей, героями которых были правители Норвегии, а также некоторые особенности стиля этого произведения. Предпринимались также попытки интерпретировать описание спального

покоя, в котором Олаву открывается будущее его державы, как аллегорию, пронизанную средневековой космологической символикой (см., например: *Árni Einarsson*. Saint Olaf's dream house. A medieval cosmological allegory // Skáldskaparmál. Tímarit um íslenskar bókmenntir fyrri alda. Reykjavík, 1997. 4. hefti. Bls. 179–209).

[17] *Солнечный камень* (др.-исл. solarsteinn) – термин, обозначающий минерал, в состав которого входят прозрачный кварц (авантюрин) и полевой шпат. Описание этого камня дается в «Естественной истории» Плиния Старшего (кн. 37, гл. 67): «solis gemma candida est et ad speciem sideris in orbem fulgentes sparsit radios» – «солнечный камень белого цвета, и по подобию светила распространяет вокруг себя блестящие лучи» (см. русск. перевод: *Плиний Кай Секунд*. Естественная история ископаемых тел, переложенная на Российский Язык в азбучном порядке и примечаниями дополненная трудами В. Севергина. СПб., 1819. С. 314). Помимо настоящего эпизода, в исландской традиции это название несколько раз встречается в «сагах о епископах». Из этих упоминаний следует, что под солнечным камнем подразумевался кристалл, наделенный определенными оптическими свойствами (Biskupa sögur / Udg. Jón Helgason. H. 2. København, 1978. S. 55–56; см. также: *Turville-Petre J.* The Story of Raud... P. 31).

[18] *...я хочу, чтобы ты рассказал мой сон и растолковал, что он означает.* – Как и большинство мотивов, использованных в последующем эпизоде, требование Олава Святого, чтобы Раудульв не только истолковал, но и рассказал его сон, восходит к библейской истории о видении Навуходоносора (см. след. примеч.), однако, в отличие от Дан 2:5, где царь объявляет, что «слово отступило» от него, в пряди аналогичное распоряжение правителя никак не объясняется.

[19] *...над чем ты размышлял перед сном.* – Связь с библейским источником проявляется и в неожиданной в контексте пряди осведомленности Раудульва в том, о чем ему не было рассказано (ср.: «ты, царь, на ложе твоем думал о том, что будет после сего?» и «Открывающий тайны показал тебе то, что будет», Дан 2:29).

[20] *...чем закончится немирье и усобица, что недавно разразилась...* – Речь идет о вторжении в страну Кнута Могучего, поддержанного примкнувшими к нему представителями местной знати. Вскоре после описываемых в пряди событий Кнут подчинил себе всю Норвегию (1028), а конунг Олав бежал в Гардарики (на Русь).

[21] *...голова распятия, которую ты видал во сне, указывает на тебя как на главного человека в державе.* – Ср. сходную символику головы как главного человека в стране в сне конунга Сверрира («Сага о Сверрире», гл. 42). Здесь и далее в аллегорической форме представлены сам Олав и сменившие его на норвежском престоле конунги, правившие в стране до середины XII в. Хотя велика вероятность, что автор пряди использовал и другие, более близкие ему средневековые образцы (нетрудно заметить, что явленный конунгу образ успел приобрести отчетливо христианские черты, что в значительной мере связано со святостью самого Олава и представлением о нем как о страстотерпце), описание сна Олава в конечном счете восходит к библейскому видению вавилонского властителя Навуходоносора. В нем пред царем «в чрезвычайном блеске» предстает огромный истукан, чья голова была из чистого золота, грудь и руки – из серебра, чрево и бедра – медные, голени – железные, ноги – частью железные, частью глиняные (Дан 2:31–33). Согласно толкованию пророка Даниила, золотая голова символизирует самого царя (Дан 2:38), а расположенные под ней и

изготовленные из других металлов части тела истукана – другие царства, «ниже» его (Дан 2: 39–43). Трансформируя и распространяя библейский образ многочисленными новыми подробностями и внося изменения в последовательность металлов, что, очевидно, было вызвано стремлением добиться большего соответствия этого заимствованного образа истории норвежской королевской династии, автор пряди, тем не менее, не отступает от него в главном: правитель, чей сон он излагает и толкует, выше всех своих потомков, что и получает аллегорическое выражение в наиболее ценном металле (золоте), который его воплощает. Нет свидетельств того, что «Книга пророка Даниила» когда-либо переводилась на древнеисландский язык, однако цитаты из нее приводятся в исландских гомилиях и житиях XII – начала XIII в., кроме того, не исключено, что автор пряди, чья ученость не вызывает сомнений, мог быть знаком с ее латинским текстом. Об авторитете пророка Даниила как толкователя сновидений свидетельствует приписываемый ему и весьма популярный в Средние века сонник, нередко именуемый «Псевдо-Даниилом», который был известен и в Исландии (см.: *Turville-Petre G.* Dreams in Icelandic Tradition // Folklore. 1958. Vol. 69. P. 93–111).

[22] *Нимб тот был бесконечен, и такова же будет твоя слава. Он показался тебе заостренным сверху и снизу...* – В этих утверждениях усматривают противоречивость (*Turville-Petre J.* The Story of Raud... P. 8). Представляется, однако, что и здесь, и далее речь скорее может идти о многозначности используемых в пряди образов, что было характерно для исландской гомилетики XII в. Высказывалось предположение (*Faulkes A.* «Rauðúlfs þáttr». P. 83), что рисуемый автором пряди образ должен основываться на средневековой иконографии Христа во славе или преображения Господня, где фигура Христа целиком окружена заостренным сверху и снизу ореолом, образуемым пересечением двух окружностей (так наз. vesica piscis, или мандорла). Среди прочих сохранились и норвежские изображения такого рода, относящиеся к XIII в.

[23] *Правление, которое наступит после твоего...* – Имеется в виду правление датского конунга Свейна сына Альвивы (1030–1035), вступившего на норвежский престол после гибели Олава Святого в 1030 г.

[24] *Греческий огонь* – использовавшаяся в VII–XV вв. при осаде крепостей и в морских боях зажигательная смесь, состав которой точно не известен. Подожженную смесь, чье пламя не гасилось водой, бросали на корабли противника в бочках или метали из установленных для этой цели на носу и бортах корабля медных труб. Считается, что этот вид оружия был изобретен в конце 60-х или начале 70-х годов VII в. греком Каллиником из Гелиополя. Вплоть до XII в. им владели исключительно греки, в дальнейшем его стали применять в морских сражениях и другие народы.

[25] *...золотые локоны, и это может предвещать, что вас станут прославлять как в этой стране, так и далеко за ее пределами.* – Ср. упомянутый в примеч. 6 сон Хальвдана Черного.

[26] *...правление его будет недолгим.* – Имеется в виду правление Магнуса Доброго (1035–1047), сына Олава Святого. При том что Магнус после смерти датского конунга Хёрдакнута, его побратима, будет признан также и правителем Дании, утверждение автора пряди, что «он подчинит себе другие державы и народы, живущие в других землях» и его власть будет простираться дальше, чем власть всех других норвежских конунгов, явное преувеличение.

[27] *Правление, которое наступит потом...* – Речь здесь идет о правлении Харальда Сурового (1046–1066), брата Олава Святого, первоначально соправителя Магнуса Доброго.

[28] *...предания о Сигурде Убийце Фафнира и Харальде Боезубе, а еще кое-какие подвиги Харальда Прекрасноволосого.* – Перечислены величайшие герои прошлого: Сигурд (Зигфрид), персонаж сказания о Нифлунгах (см. «Прядь о Норна-Гесте»); легендарный датский конунг Харальд Боезуб, с чьим именем связана битва народов на поле Бравеллир, а также родоначальник норвежской королевской династии и конунг-объединитель Норвегии Харальд Прекрасноволосый.

[29] *Железо – твердый металл ⟨...⟩ суровым и пагубным...* – Ср.: «А четвертое царство будет крепко, как железо; ибо как железо разбивает все, так и оно, подобно всесокрушающему железу, будет раздроблять и сокрушать» (Дан 2:40).

[30] *...цвета сплава золота и серебра, или бледного золота.* – Предполагается, что употребленное в оригинале сложное существительное næstagull (букв.: почти золото) обозначает электрум (electrum), сплав золота с серебром, наименование которого используется в церковной литературе при описании ослепительного сияния (ср. его упоминания в видениях в Книге пророка Иезекииля: quasi species electri, Иез 1:4; ut visio electri, Иез 8:2; см. также: *Turville-Petre J.* The Story of Raud... P. 8 f.).

[31] *...конунг этот будет носить твое имя...* – Имеется в виду Олав Тихий (1067–1093), сын Харальда Сурового. Подобно Олаву Святому, его символизирует золото, однако более низкого качества. В действительности после гибели конунга Харальда в Англии на престол взошел его сын Магнус, который правил сперва единолично, а затем вместе со своим братом Олавом вплоть до своей смерти в 1069 г.

[32] *...не сыщет себе большой славы за ее пределами...* – Речь идет о сыне Олава Тихого, норвежском конунге Магнусе Голоногом (1093–1103), который пал в Ирландии. Как и в случае с двумя Олавами (ср. предыд. примеч.), Магнуса Голоногого символизирует тот же металл (серебро), что и одного из его предшественников – его тезку, Магнуса Доброго. Однако, подобно золоту, воплощавшему его отца, это серебро имеет изъян: оно неполновесно. В заключение «Саги о Магнусе Голоногом» (*КЗ*, 480) Снорри Стурлусон так характеризует этого правителя: «Магнус конунг правил Норвегией десять лет, и во время его правления царил мир внутри страны, но его походы за море стоили людям много труда и средств. Люди Магнуса конунга очень любили его, но бондам он казался суровым. Рассказывают, что, когда его друзья упрекали его в том, что он во время своих заморских походов бывает неосторожен, он говорил так: “Конунг нужен для славы, а не для долголетия”».

[33] *...страна разделится надвое и будет поделена между братьями.* – Имеются в виду конунги Сигурд Крестоносец (1103–1130) и Эйстейн (1103–1122), сыновья Магнуса Голоногого, к которым перешла власть после его гибели. Эйстейну принадлежала северная часть страны, а Сигурду Крестоносцу отошла Южная Норвегия. На самом деле они первоначально делили власть со своим младшим братом Олавом (1103–1115/1116), за которого правили старшие братья (об этих конунгах см. «Сагу о сыновьях Магнуса Голоногого»: *КЗ*, 481–500).

[34] Ср.: «А что ты видел ноги и пальцы на ногах частью из глины горшечной, а частью из железа, то будет царство разделенное, и в нем останется несколько крепости железа, так как ты видел железо, смешанное с горшечною глиною. И как персты

ног были частью из железа, а частью из глины, так и царство будет частью крепкое, частью хрупкое» (Дан 2:41–42).

[35] *...и между родичами вспыхнут ссоры и усобицы.* – Намек на смутное время, которое началось после вступления на норвежский престол сына Сигурда Крестоносца, Магнуса Слепого (1130–1135, ум. 1139), который был вынужден разделить страну с Харальдом Гилли (1130–1136), называвшим себя незаконнорожденным сыном Магнуса Голоногого. Их вражда закончилась поражением Магнуса, который по приказу своего родича Харальда был ослеплен, искалечен и удалился в монастырь (1135), однако позднее вновь вступил в борьбу – уже с сыновьями Харальда. Единоличное правление Харальда Гилли продлилось недолго: против него выступил его самозваный брат Сигурд Слембидьякон (убит в 1139), также выдававший себя за сына Магнуса Голоногого; их вражда закончилась убийством Харальда в 1136 г. и вступлением на престол его сыновей, Сигурда Рта (1136–1155) и Инги Горбуна (1136–1161), а затем и третьего сына Харальда Гилли, Эйстейна (1142–1157). Одержав победу над Магнусом Слепым и Сигурдом Слембидьяконом, сыновья Харальда Гилли водворили в стране мир, однако впоследствии между ними начались раздоры, которые привели к убийству Сигурда Рта и Эйстейна. Ср. также сон священника Хуги в «Пряди о Хеминге сыне Аслака» (а также примеч. 93 к этой пряди).

[36] *...железный гвоздь пронзает обе стопы, а пальцы одной ноги покрывают пальцы другой.* – Описание пронзенных одним гвоздем скрещенных стоп фигуры на кресте, вероятно, может пролить свет на датировку пряди, поскольку, как принято считать, эта характерная для западного христианства черта иконографии распятия Христа получает распространение не ранее начала XIII в. Этот образ символизирует здесь вражду между братьями – Сигурдом Слембидьяконом и Харальдом Гилли (см. предыд. примеч.).

[37] *...дети, играя, сплетают свои пальцы, изображая ими баранов...* – По сообщениям ряда источников, эта детская игра распространена в Исландии и по сей день. Описывается она следующим образом: при помощи левой руки играющий располагает пальцы правой руки один поверх другого так, чтобы указательный палец оказался внизу, а мизинец сверху. Затем при помощи большого и указательного пальцев правой руки он располагает таким же образом пальцы левой руки, причем порядок расположения пальцев правой руки не должен быть нарушен. В конце концов играющий соединяет кончики среднего и большого пальцев обеих рук и у него получаются два больших и толстых «барана». Тыльные стороны пальцев сталкивают: бараны начинают бодаться, пока один из них не одолеет другого (см: Íslenzkar gátur, skemtanir, vikivakar og þulur / Udg. J. Árnason, Ó. Davíðsson. København, 1888–1892. Bd. 2. S. 163). Здесь этот образ символизирует усобицы между сыновьями Харальда Гилли.

[38] *Хринг конунг, сын Дага* – бежавший из Норвегии в Швецию родич и недруг конунга Олава, один из внуков Харальда Прекрасноволосого (см. о нем в «Пряди об Эймунде сыне Хринга»). О том, что у Хринга была сестра по имени Рагнхильд, более нигде не упоминается.

[39] *...изъянов в нраве Бьёрна управителя.* – С этого момента и вплоть до конца рассказа изложение соответствующего эпизода у Снорри вновь почти дословно следует переведенной здесь редакции пряди. Снорри сохраняет также ответы Раудульва и его сыновей на расспросы Олава об их происхождении и умениях, причем способность

толковать сны приписывается в его версии уже не самому Раудульву, а его сыну Сигурду (наряду с познаниями в астрономии). Другое заметное изменение, внесенное Снорри в сохраненную им заключительную часть рассказа, касается подмеченного Дагом изъяна в характере самого Олава: вместо упоминания о «женолюбии» конунга в версии Снорри мы находим лишь краткую констатацию того, что Даг дал правильный ответ («...конунг попросил Дага сказать, какие недостатки он видит в нем. Даг сказал, и конунг нашел, что он сказал правду», *КЗ*, 322).

40 *...ему без них не обойтись.* – В следующей главе саги об Олаве Святом рассказывается о том, как Даг вновь применил свои провидческие способности, разоблачив изменника, Торира сына Эльвира, пасынка Кальва сына Арни и родича Торира Собаки, в будущем убийц Олава. Как следует из саги, этот Торир был подкуплен Кнутом Могучим с целью убить конунга Олава (см. примеч. 10). Соответствующий эпизод разоблачения Торира Дагом (весьма напоминающий завязку рассказа в «Пряди о Торарине сыне Невьольва») известен лишь из двух версий «Саги об Олаве Святом», принадлежащих перу Снорри Стурлусона, тогда как в более ранних редакциях саги об Олаве убийство Торира хотя и упоминается, однако никак не объясняется. Поэтому велика вероятность, что появление Дага в последующем и не имеющем отношения к пряди эпизоде саги (надо заметить, что в одной из поздних и отдельных от саги редакций рассказа о Раудульве упомянутый эпизод был на этом основании добавлен к пряди) – не что иное, как часть преобразований, внесенных в текст жизнеописания этого конунга самим Снорри. Тем самым получают объяснение и те далеко идущие сокращения, которым Снорри подверг «Прядь о Раудульве», оставив от всего рассказа только обрамляющую его историю управителя Бьёрна: эта прядь понадобилась Снорри лишь для введения в действие саги достойного доверия провидца с целью оправдания убийства Торира сына Эльвира – убийства, в конечном счете послужившего одной из причин гибели самого конунга Олава.

ПРЯДЬ О ВЁЛЬСИ

«Прядь о Вёльси» («Völsaþáttr») сохранилась в единственной редакции в «Книге с Плоского Острова» в составе «Саги об Олаве Святом». Принято считать, что рассказ отражает ритуальную практику (возможно, имевшую локальное распространение или даже представлявшую собой некую частную, «приватную» традицию, передававшуюся в пределах одного рода), связанную с языческими культами плодородия. Высказывалось также предположение, что в основу пряди могла быть положена ритуальная драма (*Steinsland G.*, *Vogt K.* «Aukinn ertu Uolse ok vpp vm tekinn». En religionshistorisk analyse av «Vǫlsaþáttr» i «Flateyjarbók» // Arkiv för nordisk filologi. 1981. Bd. 96), ко времени создания рассказа переосмысленная и ставшая частью повествования о торжестве христианства над язычеством. В обширной научной литературе, посвященной рассказу о Вёльси, его нередко трактуют как «бурлеск» или «сатиру», что, при всей уникальности этого рассказа для жанра прядей, не исключает возможности отнесения его к такой их разновидности, как «пряди о крещении». Так, Дж. Харрис видит в пряди христианскую сатиру на язычество (*Harris J.* Gender and genre: short and long forms in the saga literature // The Making of the Couple. The Social

Function of Short-Form Medieval Narrative. Odense, 1991. P. 53 f.). Собиратель исландских рукописей Ауртни Магнуссон в одном из писем (1712) охарактеризовал рассказ о Вёльси как «отвратительный вымысел».

Один из наиболее дискутируемых и трудноразрешимых вопросов – датировка пряди. Тогда как почти все исследователи согласны в том, что прозаический рассказ едва ли мог быть создан многим ранее компиляции, в которую он был включен («Книги с Плоского Острова», 1387–1395), по крайней мере часть цитируемых в пряди стихов, вслед за рассказчиком пряди, прямо ссылающимся на некую «старинную песнь», часто относят к значительно более раннему времени. Необходимо, однако, заметить, что авторская ссылка на древний поэтический источник вполне может быть риторическим приемом, а приведенные в пряди строфы в эпическом размере форнюрдислаг (букв.: размер древних слов), весьма распространенные в таком относительно позднем жанре, как «саги о древних временах», не поддаются датировке на основании стиховых данных.

Наиболее полную библиографию работ, посвященных «Пряди о Вёльси», можно найти в новейшей публикации цитируемых в ней стихов: Lausavísur from «Vǫlsa þáttr» / Ed. W. Heizmann // Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages. Vol. 1. Pt. 2. Turnhout, 2012. P. 1089–1105.

Перевод выполнен по изд.: Fornar smásögur úr noregskonunga sögum / E. Gardiner gaf út. Reykjavík, 1949. Bls. 170–178; исландский текст сверен с изд.: Flateyjarbok. En samling af norske konge-sagaer med indskudte mindre fortællinger / Udg. Guðbrandur Vigfússon, C.R. Unger. Christiania, 1860–1868. Bd. II. S. 331–336. На русском языке прядь публикуется впервые.

[1] *Биль покрывал* – женщина (Биль – имя богини).

[2] *...собака, которую звали Лэрир.* – Хозяйская собака – единственный обитатель усадьбы, названный в пряди по имени. Если, как полагают некоторые исследователи, рассказ основан на цитируемом в нем более раннем поэтическом источнике, вполне возможно, что имя пса Лэрир (Lærir от læra «бедро») было почерпнуто из последней строфы (см. ниже).

[3] *...околел ломовой конь ⟨...⟩ его было решено съесть.* – Предполагается, что за упоминанием о смерти жирного жеребца скрывается сообщение о его ритуальном жертвоприношении, для которого обычно предназначались отборные животные (см. «Прядь о Торстейне Бычья Нога»). Адам Бременский в «Деяниях архиепископов гамбургской церкви» (ок. 1075) среди развешенных в священной роще рядом с Уппсальским храмом трупов принесенных в жертву девяти голов «всей живности мужского пола» (см. примеч. 18 к «Пряди об Эгмунде Битом и Гуннаре Пополам») особо упоминает коней (о распространенности у индоевропейских народов конских жертвоприношений позволяет судить древнеиндийский ритуал ашвамедха, имеющий параллели также в ряде других традиций). После принятия христианства представление о том, что поедание конины – непременный атрибут язычества, привело к тому, что на эту практику был наложен строжайший запрет.

[4] *Вёльси* – это имя собственное известно также из «Саги о Вильхьяльме Кошеле», где оно принадлежит троллю. Предполагается, что в нашей пряди Вёльси, вероятнее всего, символизирует бога плодородия Фрейра. О том, что его идол «снабжают

огромным фаллосом», писал еще немецкий хронист Адам Бременский, и принято считать, что найденный в юго-восточной Швеции амулет – миниатюрная бронзовая фигурка фаллического божества, возможно, является уменьшенной копией идола Фрейра из Уппсальского святилища (см. предыд. примеч.). Не исключено, однако, что в контексте данной висы наименование völsi (от völr – «палка, жезл») употреблено в своем исходном качестве, а именно как апеллятив, обозначающий конский детородный орган. Правда, в этом значении слово встречается только в настоящем рассказе, но в исландской сказке об Асмунде Удаче Великанш (Ásmundur flagðagæfa) появляется аналогичный персонаж, описываемый как божество с похожим именем, Вёльски (Völski), который также представляет собой конский детородный орган, причем в последней истории он прислуживает гостям. Велика вероятность, впрочем, что сходный мотив в сказке имеет своим прообразом рассказ о Вёльси. Высказывалось также предположение о возможной связи между Völsi и Völsungr, именем родоначальника легендарных Вёльсунгов и потомка Одина, однако она остается неясной (*Turville-Petre G.* Myth and Religion of the North. P. 201).

[5] *...каждый из них должен был произнести над ним вису...* – Указывалось на то, что описанный здесь ритуал поклонения Вёльси находит близкую параллель в фарерском свадебном обычае, засвидетельствованном в Новое время. Сидя за свадебным обедом, гости передают из рук в руки украшенный лентами хвост животного (символизирующий фаллос), причем каждый из них должен произнести о нем строфу (*Hammershaimb V.U.* Færøsk Anthologi I. Copenhagen, 1891. S. 410. (SUGNL; 15). Хойслер приводит и ряд других аналогий к описанному в пряди обычаю (см.: *Heusler A.* Die Geschichte vom Völsi, eine altnordische Bekehrungsanekdote (1903) // Heusler A. Kleine Schriften. B., 1969. Bd. II. S. 376 f.).

[6] *...незадолго до того, как Олав конунг был вынужден бежать из страны от Кнута конунга...* – Действие пряди, таким образом, должно быть отнесено к 1028 г., когда Олаву Харальдссону, после того как датский конунг Кнут Могучий подчинил себе всю Норвегию, пришлось покинуть страну и искать убежища в Гардарики (на Руси).

[7] *Финн сын Арни* – знатный приближенный и друг конунга (см. о нем также в «Пряди о Раудульве», «Пряди о Стейне сыне Скафти» и в «Пряди о Тормоде»).

[8] *Тормод Скальд Чернобровой* – один из скальдов, находившихся при конунге Олаве Харальдссоне (см. о нем «Прядь о Тормоде» в наст. изд.).

[9] *...садятся на вторую скамью...* – т.е. на скамью, предназначенную для гостей.

[10] *...назвался Гримом.* – Одно из имен Одина, букв.: скрывающийся под маской. Этим именем нередко называют себя незнакомцы, не раскрывающие своей личности (см., в частности, «Прядь о Хельги сыне Торира»). В том обстоятельстве, что в усадьбу, обитателями которой были никак не поименованные трое мужчин (хозяин, хозяйский сын и раб) и три женщины (хозяйка, хозяйская дочь и рабыня), являются трое гостей, назвавшиеся одним и тем же именем, видят свидетельство того, что последующая сцена представляет собой разыгрываемое этими девятью участниками ритуальное действо (*Steinsland G.*, *Vogt K.* Op. cit. 89 f.).

[11] *...к нам Олав явился.* – Поскольку эта строфа – единственная из всех приведенных в пряди вис, сложенная в другом размере, ее нередко признают неаутентичной.

[12] *Мёрнир, прими ж жертву эту!* – Большинство исследователей истолковывает этот повторяющийся из строфы в строфу рефрен как древнюю ритуальную формулу,

по мнению А.Хойслера, единственную дошедшую до нас «аутентичную ритуальную формулу, бывшую частью языческого жертвоприношения». Главную трудность в ней представляет имя божества Мёрнир (Mörnir или Maurnir). Высказывалось предположение, что это имя идентично известному из перечня (тулы) поэтических обозначений меча наименованию mörnir (букв.: дробитель), в данном случае, вероятно, символизирующему «фаллического» бога плодородия Фрейра (*Heusler A*. Op. cit. S. 379, 384; *Turville-Petre G*. Op. cit. P. 256 f.). Поскольку не вызывает сомнений, что под «жертвой» подразумевается Вёльси, как считается, представляющий то же божество, эту формулу нередко интерпретируют как декларацию о принесении жертвы самому себе (по аналогии с мифом о жертвоприношении Одина, ср. «Речи Высокого», строфа 138: «Знаю, висел я / … / пронзенный копьем, / посвященный Одину, / в жертву себе же…»). Указывалось, однако, что др.-исл. mörnir также может быть формой женского рода множественного числа существительного mörn «великанша», в данном контексте понимаемого либо как наименование неких женских духов плодородия, возможно дис (жертвоприношения дисам, dísablót, совершались поздней осенью – время смерти коня в пряди), либо как обозначение собственно великанш. В последнем случае ссылаются на брак великанши Скади, дочери великана Тьяцци, с богом плодородия Ньёрдом, отцом Фрейра (ср., например: *Steinsland G*., *Vogt K*. Op. cit. 99 f.).

[13] *Гевьюн* – в древнескандинавской мифологии богиня из рода асов. Как сказано в «Младшей Эдде», Гевьюн – «юная дева, и ей прислуживают те, кто умирают девушками» (*МЭ*, 52). Эта характеристика вполне согласуется с данным контекстом, где обращение к Гевьюн явно противопоставлено поклонению Вёльси и подтверждает нежелание хозяйской дочери принимать участие в ритуале культового соития с символизируемым им божеством. Между тем образ Гевьюн в скандинавской мифологии содержит в себе немало неясного. В эддической песни «Перебранка Локи» (строфа 20) эта богиня обвиняется в том, что променяла свое девство на подарки, и поскольку это же обвинение выдвигается против Фрейи, одно из прозвищ которой, Gefn «дающая», очевидным образом связано с именем Gefjun (оба происходят от глагола gefa «давать»), не исключено, что Гевьюн также воспринималась как богиня плодородия (ср., например: *Turville-Petre G*. Op. cit. P. 187). Неясно также, существует ли какая-то связь между этой асиньей и еще одной мифологической Гевьюн, которая, согласно рассказу, приведенному Снорри в «Видении Гюльви» (где она явно отождествляется с богиней, см. гл. 1: *МЭ*, 16) и в «Саге об Инглингах» (гл. 5), с помощью прижитых от великана четырех сыновей, превращенных ею в быков, выпахала в море кусок шведской земли, в результате чего образовался датский остров Зеландия, а в Швеции – озеро Меларен. Изложение этого мифа опирается на одну из самых ранних из ныне известных скальдических строф – фрагмент поэмы норвежского скальда Браги Старого (IX в.).

[14] Поскольку, в отличие от строф, произнесенных другими участниками действия, первый хельминг (четверостишие) этой висы не содержит никаких ссылок на описываемую ситуацию, нередко предполагается, что она сохранилась не полностью. Следует заметить, однако, что конунг, перед тем, как в заключение своей строфы объявить, что он бросает Вёльси собаке, точно так же никак не комментирует происходящее.

ПРЯДИ ИЗ «ДОПОЛНЕНИЙ К "ОТДЕЛЬНОЙ САГЕ ОБ ОЛАВЕ СВЯТОМ"» В «КНИГЕ С ПЛОСКОГО ОСТРОВА»

ПРЯДЬ ОБ ОТТАРЕ ЧЕРНОМ

Представленная здесь редакция «Пряди об Оттаре Черном» («Óttars þáttr svarta») сохранилась в «Книге с Плоского Острова» (*Flat.* III, 241–242: Art. 10), где она приводится среди так называемых «Дополнений к саге об Олаве Святом» («Viðbætir við Olafs Saga hins helga») – фрагментов из жизнеописания Олава Святого («Lífssaga Ólafs helga»), написанного в первой трети XIII в. современником Снорри Стурлусона, ученым клириком Стюрмиром Мудрым сыном Кари, настоятелем монастыря в Видей. Помимо редакции «Flateyjarbók» (последняя четверть XIV в.) известны также три другие, несколько отличные от нее версии того же рассказа, дошедшие в средневековых рукописях «Саги об Олаве Святом» в «Bæjarbók» (1275–1325), «Bergsbók» (начало XV в.) и в «Tómasskinna» (ок. 1450–1500). Более краткий рассказ о том, как Оттар спас свою жизнь, сочинив хвалебную песнь о конунге Норвегии, содержится в «Легендарной саге об Олаве Святом» (начало XIII в.), а также в «Древнейшей саге об Олаве Святом» (конец XII в.) – в последней он сохранился лишь частично. В «Круге Земном» и в «Отдельной саге об Олаве Святом» Снорри Стурлусона этот эпизод отсутствует.

Помимо скупых сведений, упомянутых в приведенном здесь рассказе и в пояснениях к нему (см. коммент.), об Оттаре Черном известно весьма немногое. Между тем его имя неоднократно встречается в сагах об Олаве Святом (а также в «Младшей Эдде»), где в общей сложности цитируется 20 строф из сложенной им хвалебной песни в честь этого правителя; кроме того, в своей поэме «Луч» («Geisli», XII в.) Эйнар сын Скули (см. о нем «Прядь об Эйнаре сыне Скули» в наст. изд.) счел нужным вспомнить об Оттаре и о Сигвате как о тех сподвижниках святого конунга, «кто звался главными скальдами» (es hétu hǫfuðskǫld) и прославлял отвагу Олава при его жизни (строфа 12). В «Саге об Олаве Святом» (*КЗ*, 207, 208, 211) рассказывается о том, как Оттар и другой исландский скальд, находившийся одновременно с ним при шведском дворе, Гицур Черный, способствовали сватовству Олава Святого к Ингигерд, дочери Олава Шведского, причем упоминается о красноречии Оттара, о том, что он был «смел на правду» (máldjarfr) и пользовался любовью как самого конунга, так и других знатных людей.

«Перечень скальдов» («Skáldatal», XIII в.), где приводятся имена всех норвежских и исландских скальдов, когда-либо сочинявших хвалебные песни, а также адресатов их стихов, утверждает, что Оттар Черный складывал панегирики в честь шести патронов. Это датские конунги Свейн Вилобородый, сын Харальда Синезубого, и его сын Кнут Могучий; Олав Шведский и его сын Энунд; конунг Норвегии Олав Харальдссон и норвежский херсир (знатный предводитель) Гудбранд из Долин. Поэмы Оттара, якобы сочиненные им о Свейне, Энунде и Гудбранде, не сохранились, и о них более ничего не известно. Если верить этому сообщению, то Оттар еще до своего приезда в Швецию должен был побывать в Дании у конунга Свей-

на (ум. 1014), однако, как рассказывается в «Легендарной саге об Олаве Святом» (гл. 60), Оттар покинул Исландию молодым человеком, оставался с Олавом, конунгом шведов, и пользовался там «большим почетом» за сложенные им стихи – из его сочинений той поры известна «Драпа об Олаве Шведском» («Óláfsdrápa sœnska»), из которой сохранилось всего шесть строф, – а потом уехал в Данию к Кнуту Могучему. Как утверждается в этой саге, исполнив хвалебную песнь в честь датского конунга («Драпу о Кнуте» – «Knútsdrápa», из нее известны 11 строф), Оттар получил за нее богатые дары и провел у Кнута зиму, после чего отправился к норвежскому конунгу Олаву Харальдссону, где и произошел описанный в пряди инцидент. На основании других сообщений о приезде Оттара в Норвегию (см. коммент.), а также исходя из содержания сохранившихся фрагментов этой песни, исследователи, однако, склонны относить сочинение «Драпы о Кнуте» и соответственно поездку Оттара в Данию к более позднему времени, а именно к 1027 г. (см.: *SkP* I, 769).

После примирения с Олавом Оттар стал его дружинником и оставался в Норвегии. К этому периоду относится еще один анекдот, героями которого и на этот раз были Оттар и его друг и родич Сигват. В «Легендарной саге об Олаве Святом» (гл. 62; этот эпизод приводится также в одном из фрагментов жизнеописания Олава Святого, принадлежащего Стюрмиру Мудрому) рассказывается, как однажды конунг Олав унизил обоих скальдов, Оттара и Сигвата, послав им со своего стола орехи и приказав «поделить их поровну», как если бы это было оставленное им «отцовское наследство». Каждый из скальдов ответил на это стихами, в которых выразил свою обиду: Оттар в своей висе просил конунга впредь не оскорблять его и посетовал на то, что прошли те времена, когда тот выказывал ему большее расположение (*ÓHLeg*, 47–48; *Flat*. III, 243). Тогда же, если следовать сообщению «Перечня скальдов», должна была быть создана и несохранившаяся песнь Оттара, посвященная могущественному норвежцу Гудбранду из Долин.

Нет никаких сведений о том, как долго Оттар оставался с Олавом и где он окончил свои дни.

Перевод выполнен по изд.: Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2201–2202. (Svart á hvítu). На русском языке прядь публикуется впервые.

[1] О пребывании Оттара в Швеции на службе у Олава Шётконунга (см. о нем примеч. 1 к «Пряди об Эмунде из Скарара») рассказывается в жизнеописаниях Олава Святого. Как сообщается в «Круге Земном», Оттар «долгое время был любимцем Олава конунга шведов» (*КЗ*, 233).

[2] *...сочинил любовную драпу...* – Драпа – хвалебная скальдическая песнь (см. примеч. 12 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде»). За сочинение любовных стихов (так называемого мансёнга) скальды подвергались преследованию: в исландском судебнике «Серый Гусь» в разделе «О поэзии» прямо говорится, что человек, сложивший мансёнг о женщине, «объявляется вне закона». Враждебное отношение к мансёнгу и запрет на его сочинение, по-видимому, были вызваны представлениями о том, что любовные стихи могли подействовать на их адресата как приворот (см. подробнее: *Гуревич Е.А.*, *Матюшина И.Г.* Поэзия скальдов. М., 2000. С. 498–568).

[3] Тогда как из версий пряди в «Flateyjarbók» и «Tómasskinna» можно заключить, что Оттар сложил об Астрид песнь мансёнга во время своего пребывания при шведском дворе, т.е. еще *до* ее замужества, из двух других редакций пряди как будто бы следует, что он совершил этот проступок уже *после* того, как Астрид стала женой Олава (ср. в «Bæjarbók»: «Оттар сложил любовную драпу об Астрид, королеве Олава конунга», *ÍSÞ* III, 2204). В «Саге об Олаве Святом» (в *КЗ*: гл. 91–92) рассказывается, как Олав женился на Астрид, не получив на это согласие ее отца, конунга шведов, причем сага отводит важную роль в осуществлении этого замысла скальду Сигвату, одному из героев настоящего рассказа (см. примеч. 5 к «Пряди об Эмунде из Скарара»).

[4] *...когда Оттар приехал в Норвегию...* – Описанный в пряди инцидент должен был произойти ок. 1023 г. В редакции пряди в «Bæjarbók» сказано, что Оттар Черный приехал к конунгу Олаву, когда тот был в Солейяр, и что «Олав конунг шведов умер раньше той зимой, и конунгом Швеции стал Энунд сын Олава» (*ÍSÞ* III, 2204). Упоминание об этом имеется и в «Саге об Олаве Святом» Снорри Стурлусона (где эпизод, рассказывающий о ссоре Оттара с конунгом Олавом, не приводится); при этом, сообщая о приезде Оттара, Снорри добавляет, что тот «попросил, чтобы конунг взял его к себе» (*КЗ*, гл. 114). В «Легендарной саге об Олаве Святом» (гл. 60) утверждается, однако, что следующую за смертью Олава Шведского зиму Оттар провел в Дании при дворе Кнута Могучего (см. выше).

[5] *Сигват скальд был большим другом Оттара.* – Сигват сын Торда скальда Сигвальди (ок. 995 – ок. 1045), один из наиболее выдающихся исландских поэтов. Сигват был любимым скальдом Олава Харальдссона, которому он посвятил несколько хвалебных песней (в том числе «Викингские висы», «Висы о битве у Несьяра», «Поминальную драпу об Олаве Святом»), а после смерти Олава стал скальдом его сына, Магнуса Доброго, своего крестника. Стихотворное наследие Сигвата очень велико (146 строф) и включает 12 песней (некоторые сохранились лишь частично), 30 отдельных вис и несколько фрагментов. В версии пряди в «Tómasskinna» (*ÍSÞ* III, 2202) сказано, что Сигват был «близким родичем Оттара и большим его другом»: согласно «Отдельной саге об Олаве Святом» Снорри Стурлусона (*OlH*, 203; также *Flat.* II, 115), Оттар был сыном сестры Сигвата.

[6] В редакции пряди в «Bæjarbók» Сигват прямо говорит Оттару, что в песни, которую он выслушал, «многое указывает на вашу с конунговой женой любовь, и неудивительно, что конунгу она не понравилась» (*ÍSÞ* III, 2204).

[7] *...драпу, что он сложил о конунге...* – В одной из четырех редакций пряди (в рукописи «Tómasskinna») в этом месте цитируется начальная строфа из «Выкупа головы» (*ÍSÞ* III, 2203):

Внемли песни, властный,
горазд стихом ладным
черный скальд прославить
как пристало князя.
Храброму я справить
хвалу давно вздумал,
коли нас покинул
Гаутов владыка.

(черный скальд – Оттар Черный; владыка Гаутов – умерший незадолго до того конунг Олав Шведский, чьим скальдом прежде был Оттар).

[8] *не может быть дара ценнее ⟨...⟩ хотя голова моя и неказиста.* – Ср. аналогичное заявление Эгиля сына Скаллагрима, когда конунг Эйрик Кровавая Секира даровал ему пощаду за сложенный им в его честь панегирик – «Выкуп головы»: «Голову я / Не прочь получить: / Пусть безобразна, / Но мне дорога...» (перевод А.И. Корсуна; «Сага об Эгиле», *ИС* I, 155). Это не единственная параллель между рассказом об Оттаре и знаменитым эпизодом «Саги об Эгиле» (гл. 59–61), повествующим об обстоятельствах сочинения Эгилем «Выкупа головы»: в обеих историях скальды складывают хвалебные песни конунгам в ожидании казни и в кратчайшие сроки (Эгиль за одну ночь, Оттар за три ночи) и по совету близких друзей (Эгиль – Аринбьёрна, Оттар – Сигвата).

[9] *Драпа ⟨...⟩ названа Выкуп Головы...* – В отличие от Стюрмира сына Кари, автора жизнеописания (lífssaga) Олава Святого, в одном из отрывков которого сохранился этот рассказ, Снорри Стурлусон нигде не называет сочиненную Оттаром драпу об Олаве Выкупом Головы («Höfuðlausn»). В исландских источниках неоднократно сообщается о том, как тот или иной скальд получал от правителя пощаду в качестве награды за сложенную в его честь хвалебную песнь: согласно «Саге об Эгиле» (гл. 59), эта традиция восходит к первому норвежскому скальду Браги Старому (IX в.), который, после того как он вызвал гнев шведского конунга Бьёрна, за одну ночь сочинил о нем хвалебную песнь в 20 вис, за что ему была дарована жизнь. Помимо драпы Оттара в честь Олава, до нас дошли лишь две поэмы такого рода – «Выкуп головы» Эгиля сына Скаллагрима (X в.), сохранившийся полностью (см. примеч. 8), и одноименная песнь Торарина Славослова (XI в.) о Кнуте Могучем, из которой уцелело всего два стиха.

Дополнение 2

ПРЯДИ, НЕ ВХОДЯЩИЕ В «ОТДЕЛЬНУЮ САГУ ОБ ОЛАВЕ СВЯТОМ» В «КНИГЕ С ПЛОСКОГО ОСТРОВА»

ПРЯДЬ О ТОРАРИНЕ СЫНЕ НЕВЬОЛЬВА

«Прядь о Торарине сыне Невьольва» («Þórarins þáttr Nefjólfssonar») сохранилась только в рукописи «Tómasskinna» (GKS 1008 fol.), в части, записанной в самом начале XV в. Датировка пряди вызывает споры: тогда как Бьёрн М. Ольсен предполагал, что рассказ должен был появиться не ранее XIV в. и его автором был клирик (*ÍF* XIII. Bls. CLXVIII), Финнур Йоунссон (см.: *Finnur Jónsson.* Den oldnorske og oldislandske litteraturs historie. København, 1923. Bd. II. S. 754) высказывал точку зрения, что создателем пряди мог быть уже сам Стюрмир Карасон (первая половина XIII в.): имя Торарина встречается в одном из уцелевших фрагментов написанного им жиз-

неописания Олава Святого, где этот исландец характеризуется как человек, которого отличали большой ум и проницательность.

Торарин сын Невьольва не раз упоминается во всех без исключения версиях биографии Олава Святого как один из исландцев – приближенных этого конунга, неоднократно выполнявший его поручения. Кроме того, он фигурирует в целом ряде прядей, как связанных с сагой об Олаве, так и приуроченных к правлению его брата, Харальда Сурового (в «Пряди об Асбьёрне Тюленебойце», в «Пряди об Эймунде сыне Хринга», в «Пряди о Хеминге сыне Аслака»). Хронологически самое раннее упоминание о Торарине относится, однако, еще к тем временам, когда в Норвегии правил предшественник Олава Харальдссона, конунг Олав Трюггвасон: в различных редакциях саги о последнем сообщается о прибытии Торарина в страну вместе со скальдом Халльфредом, Брандом Щедрым и другими исландцами – все они в ту пору еще были язычниками (ср.: *КЗ*, 148).

Помимо приведенного здесь рассказа, известного лишь в единственной редакции саги об Олаве Святом в «Tómasskinna», в ряде версий королевского жизнеописания о Торарине сохранился анекдот, относящийся к более раннему периоду правления этого государя. Иногда его называют «Первой прядью о Торарине сыне Невьольва», однако по всем признакам этот анекдот не самостоятельный рассказ, а неотъемлемый эпизод «Саги об Олаве Святом». Впервые его приводит Снорри Стурлусон в «Отдельной саге об Олаве Святом» (гл. 70: *OlH*, 183–186; см. также *Flat*. II, 89–91), он же воспроизводится и в сокращенной редакции этой саги в «Круге Земном» (гл. 85). Приведем его в изложении последней:

«Одного человека звали Торарин сын Невьольва. Он был исландцем и происходил с севера Исландии. Он не был знатен, но очень умен и красноречив. Он смело говорил с высокопоставленными людьми. Он много путешествовал и подолгу не бывал в Исландии. Торарин был очень безобразен, особенно из-за своего телосложения. Руки у него были большие и уродливые, а ноги – еще уродливее. В то время, когда происходили те события, о которых было рассказано (до этого речь шла о нападении конунга Хрёрека на Олава, см. об этом в “Пряди об Эймунде сыне Хринга”. – *Е.Г.*), Торарин был в Тунсберге. Олав конунг его знал и часто беседовал с ним. Торарин тогда снаряжал торговый корабль и собирался летом отплыть в Исландию. Торарин гостил несколько дней у Олава конунга, и тот беседовал с ним. Он спал в покое конунга. Однажды рано утром конунг проснулся, когда в том покое все еще спали. Солнце только что взошло, и было уже светло. Конунг увидел, что Торарин высунул одну ногу из-под покрывала и стал ее рассматривать. Когда все в покоях проснулись, конунг сказал Торарину: “Я тут не спал и увидел то, что мне показалось очень замечательным. У тебя такая уродливая нога, что, думаю, ни у кого в городе такой не сыщешь”. Конунг попросил остальных посмотреть и сказать, что они думают. И все остальные, увидев ногу Торарина, согласились с конунгом. Торарин, услышав, о чем идет речь, сказал: “Мало найдется на свете такого, чему нельзя было бы отыскать пару. Наверно, так обстоит дело и с моей ногой”. Конунг сказал: “Я готов биться с тобой об заклад, что другой такой ноги не сыщешь”. Тогда Торарин сказал: “А я готов биться с Вами об заклад, что найду в этом городе ногу еще уродливей”. Конунг говорит: “Тогда тот из нас, кто окажется прав, пусть требует у другого все, что захочет”. “Так тому и быть”,— сказал Торарин. Тут он сбросил покрывало со второй ноги, и она была нисколько не лучше первой, к тому

же большого пальца на ней вовсе не было. Торарин сказал: “Посмотри теперь, конунг, на мою другую ногу. Она уродливее – ведь на ней нет одного пальца. Я выиграл”. Конунг говорит: “Нет, та нога уродливей, ведь на ней пять уродливых пальцев, а на этой всего четыре. Так что я должен требовать от тебя, чего захочу”. Торарин говорит: “Как сказал конунг, так тому и быть. Чего же ты хочешь просить у меня?” Конунг говорит: “Чтобы ты отвез Хрёрека в Гренландию и оставил его у Лейва сына Эйрика”. Торарин отвечает: “Я не бывал в Гренландии”. Конунг говорит: “Такому бывалому путешественнику, как ты, сейчас самое время отправиться в Гренландию, раз ты там раньше не бывал”. Сначала Торарин ничего на это не ответил, но когда конунг продолжал настаивать на своем, Торарин не отказался прямо, но сказал: “Я хочу, чтобы Вы, конунг, узнали, чего бы я попросил, если бы выиграл спор. Я хотел просить Вас сделать меня своим дружинником. И если Вы выполните мою просьбу, я постараюсь как можно быстрее сделать то, о чем Вы меня просите”. Конунг согласился, и Торарин стал его дружинником...» (*КЗ*, 225–226). Затем рассказывается о том, как Торарин исполнил поручение конунга.

«Прядь о Торарине сыне Невьольва» принадлежит к числу «прядей о поездках из страны» – той их разновидности, в которой конфликт между исландцем и правителем Норвегии был вызван оговором завистников. Разрешение конфликта в данном случае происходит при вмешательстве высших сил и благодаря «ретроспективному» рассказу другого героя пряди, Торстейна сына Рагнхильд. Последний упомянут также в «Саге об Олаве Святом» в «Книге с Плоского Острова» (*Flat.* II, 315) среди тех, кто сопровождал конунга Олава в Гардарики (на Русь) после его вынужденного отъезда из Норвегии.

Перевод сделан по изд.: Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2256–2258. (Svart á hvítu). На русский язык прядь переводится впервые.

[1] *...у конунга Кнута Могучего.* – См. примеч. 5 к «Пряди об Эгиле сыне Халля с Побережья».

[2] *Островной Фьорд* – местность на севере Исландии.

[3] *...Гудмунд Могучий пригласил его погостить у него в Подмаренничных Полях.* – См. примеч. 6 к «Пряди о Торвальде Путешественнике». В «Саге о людях со Светлого Озера» (гл. 5), одним из главных героев которой является Гудмунд сын Эйольва, Торарин сын Невьольва назван большим его другом; как рассказывается в этой саге, ему удается убедить Гудмунда выдать замуж его дочь Тордис за Сёрли сына Бродд-Хельги.

[4] *...Эйнар, брат Гудмунда, приглашает его приехать на Поперечную Реку...* – Эйнар сын Эйольва с Поперечной Реки в Островном Фьорде на севере страны, знатный исландец, о котором говорится во многих сагах, один из героев «Саги о людях со Светлого Озера» (см. о нем также в «Пряди о Пивном Капюшоне»). Эйнар (как и упомянутый здесь его брат Гудмунд) и герой пряди Торарин – главные действующие лица одного из знаменитых эпизодов «Саги об Олаве Святом» (гл. 75 в редакции «Круга Земного»). Как рассказывается, конунг Олав отправил Торарина в Исландию на ежегодное народное собрание, альтинг, с поручением передать исландцам, что он предлагает им стать его подданными и обещает им свое покровительство, а еще просит жителей севера страны отдать ему в знак дружбы Остров Грима, лежащий в

море против Островного Фьорда. Гудмунд был за то, чтобы отдать остров конунгу, однако Эйнар, его брат, обратился к народу с яркой речью, в которой предостерег исландцев от этого шага: хотя от Острова Грима мало проку и «с него нельзя вывезти никакого пропитания, там может разместиться целое войско», и если, по словам Эйнара, «там будет иноземное войско и оно двинется на боевых кораблях оттуда, то я думаю, что тогда многим нашим бондам небо с овчинку покажется». Народ внял этому предостережению и отклонил просьбу конунга; так Торарину не удалось выполнить поручение конунга (*КЗ*, 276–277).

[5] *...на севере на мысе Тьёрнес.* – Мыс на северном побережье Исландии, лежащий к западу от Секирного Фьорда.

[6] *...вся* ⟨...⟩ *брага...* – В этом месте рукопись испорчена.

[7] *Секирный Фьорд* – местность на севере Исландии.

[8] *...увидел Хельги и Лофта.* – Очевидно, ошибка переписчика: ранее в пряди говорилось, что этих дружинников звали Хельги и Торир.

[9] *...а Бьярни напал...* – В оригинале имя пропущено, однако из контекста следует, что имеется в виду Бьярни.

[10] *...назвал их изменниками.* – Похожий эпизод, где также фигурирует скрываемое от глаз обручье – подарок Кнута, содержится в «Саге об Олаве Святом» Снорри Стурлусона (гл. 165: *КЗ*, 323). В упомянутом эпизоде саги дело заканчивается казнью изменника, которым оказывается Торир сын Эльвира, пасынок Кальва сына Арни, а разоблачившим предателя приближенным конунга – Даг сын Рауда, о чьих провидческих способностях рассказывается в «Пряди о Раудульве» (см. примеч. 40 к этой пряди).

[11] *...предать их Божьему суду...* – См. примеч. 16 к «Пряди об Эйндриди и Эрлинге».

[12] *Транд* – в оригинале явно ошибочно приводится другое имя – Бранд.

[13] *Восточный Путь* – то же, что и Восточные Страны, см. примеч. 21 к «Пряди о Сёрли».

[14] *Йорсалир* – Иерусалим.

[15] *...пришел муж с сияющим лицом.* – Ср. аналогичное явление в «Пряди о Торхалле Шишке» (и примеч. 2 к этой пряди).

[16] *Торарин после этого навсегда остался у конунга и пал вместе с ним.* – Вопреки этому утверждению Торарин является одним из персонажей «Пряди о Хеминге сыне Аслака», действие которой происходит после гибели Олава Святого.

ПРЯДЬ О ТОРАРИНЕ ДЕРЗКОМ

«Прядь о Торарине Дерзком» («Þórarins þáttr ofsa») сохранилась фрагментарно в одном из поздних бумажных списков «Саги о людях со Светлого Озера» («Ljósvetninga saga», Lbs 117 fol., начало XIX в.). Между тем, как и «Прядь о Тормоде», по своему содержанию она примыкает к «Саге о названых братьях», поскольку ставит в центр повествования убийцу Торгейра сына Хавара и рассказывает как о гибели последнего, так и о тех событиях, которые за ней последовали. При этом различия между рассказом о Торарине Дерзком и сагой о Торгейре и Тормоде указывают

на то, что эти тексты создавались независимо один от другого и, по всей видимости, восходят к разным традициям: тогда как «Сага о названых братьях» основывается на преданиях, бытовавших на западе Исландии (в Западных Фьордах), прядь о Торарине Дерзком, очевидно, опирается на рассказы, передававшиеся северянами – жителями Островного Фьорда. Этим и должна объясняться особая роль, которая отводится в ней могущественному предводителю этих мест, Эйольву сыну Гудмунда, – одному из героев «Саги о людях со Светлого Озера», истории, к которой прядь о Торарине и была присоединена в единственной сохранившейся рукописи.

Издатель пряди в «Íslenzk fornrit» (*ÍF* X. Bls. LVII) Бьёрн Сигфуссон датирует ее XIV в.

В русском переводе прядь впервые была опубликована в кн.: Исландские саги / Пер., ред. и коммент. А.В. Циммерлинга. М., 2000. С. 209–211 (коммент. на с. 364–366). Для настоящего собрания перевод выполнен по изд.: Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2259–2261. (Svart á hvítu).

[1] *Бревенчатые Амбары* – название хутора Торарина на севере Исландии.

[2] *...в саге о людях с Осинового Холма...* – Эта сага («Esphælinga saga») не сохранилась.

[3] *...в Лавовую Гавань.* – В «Саге о названых братьях» уточняется: в Лавовую Гавань у Песцовой Равнины – название полуострова в северо-восточной Исландии.

[4] *...за убийство Торгильса, родича Греттира сына Асмунда...* – Об убийстве Торгильса сына Мара (Мака, согласно «Саге о Греттире»), родича Асмунда Седоволосого, отца Греттира, рассказывается в «Саге о названых братьях» (гл. 7), а также в «Саге о Греттире» (гл. 25–27). В обеих сагах сообщается и о том, что за убийство Торгильса Торгейра объявили вне закона.

[5] *...за тайное умерщвление Торира с Реки Корабельного Сарая.* – Тайным убийство считалось в том случае, если убийца не объявил потом о содеянном. Об убийстве Торира рассказывается в «Саге о названых братьях» (гл. 13), однако в процитированной в этой главе саги строфе Тормода убитый назван не Ториром, а «наследником Торира». Река Корабельного Сарая находится в западной части Исландии.

[6] *...Торгейр сразил Мара и Торира и еще двоих человек, а потом пал сам. Всего же он убил четырнадцать человек.* – В «Саге о названых братьях» (гл. 17) объясняется, кто были упомянутые здесь Мар и Торир: «Маром звался норвежец, который первым нанес Торгейру рану. Он ударил Торгейра в руку, и, получив эту рану, Торгейр нанес Мару смертельный удар. Называют еще одного человека, которого Торгейр убил вслед за этим, – Торира Норвежца: он пронзил Торгейра копьем, а Торгейр 〈...〉 нанес Ториру смертельную рану» (Исландские саги. М., 2000. С. 166). Как и здесь, в саге утверждается, что всего Торгейр убил 14 человек, однако в процитированных тут же висах Тормода (в них поименно упоминаются Мар и Торир) названо другое число убитых Торгейром противников – тринадцать. Воспроизведенная автором пряди ошибка рассказчика саги может свидетельствовать о том, что он был знаком с «Сагой о названых братьях» (см. также: Исландские саги. С. 365, примеч. 1).

[7] *Эйольв сын Гудмунда с Подмаренничных Полей* – Эйольв Хромой сын Гудмунда (ок. 995 – ок. 1060), влиятельный и родовитый предводитель, живший в северной четверти страны, один из героев «Саги о людях со Светлого Озера», а также пер-

сонаж многих других «семейных саг». Об отце Эйольва, Гудмунде Могучем сыне Эйольва, также рассказывается во множестве саг (в наст. изд. см. о нем в «Пряди о Пивном Капюшоне» и в «Пряди о Болли сыне Болли»). Подмаренничные Поля – хутор, который Эйольв унаследовал от своего отца. В «Саге о названых братьях» (гл. 18) в связи с судебным разбирательством, последовавшим за убийством Торгейра, упоминается не Эйольв, а его отец Гудмунд.

[8] *Олава конунг* – имеется в виду норвежский конунг Олав Святой.

[9] *Скала Закона* – см. примеч. 3 к «Пряди о Сигурде из Городищенского Фьорда». В отличие от пряди, в «Саге о названых братьях» о поведении Торарина на тинге ничего не сказано.

[10] *...мы не знаем других примеров, чтобы кто-нибудь себя так вел.* – В «Саге о Греттире» (гл. 82–84) рассказывается, что после того, как Греттир был убит, он также был обезглавлен, причем убийца (Торбьёрн Крючок) увез его голову с собой и положил ее «в соль в том чулане, что был назван Греттировым Чуланом», и она пролежала там всю зиму. Затем он попытался получить деньги, назначенные за голову Греттира, и с этой целью возил ее с собой и намеревался отвезти на альтинг, однако спутники отсоветовали ему делать это, и «тогда велел Крючок взять голову и зарыть в одном песчаном холме. Он называется Греттиров Холм» (*ИС* I, 755). На альтинге Крючок, подобно Торарину, излагая свое дело, хвастался тем, что убил знаменитейшего в стране преступника, и заявлял права на деньги, положенные за его голову, но ничего не получил, был изгнан из страны и впоследствии убит братом Греттира. Не исключено, что между соответствующим сообщением «Пряди о Торарине Дерзком» и рассказом в «Саге о Греттире» (в которой также присутствуют эпизоды, в которых действует Торгейр) существует связь. В «Саге о названых братьях» (гл. 17–18) о поведении Торарина на альтинге ничего не говорится, однако здесь сообщается, что родичи Торгейра возбудили против него тяжбу за убийство Торгейра и его спутников, в результате чего была заключена мировая и назначено большое возмещение, которое было выплачено тут же (в пряди об этом не упоминается вовсе). При этом и поведение Торарина по отношению к убитому описывается в саге несколько иначе: хотя и здесь говорится, что Торарин отрубил Торгейру голову и забрал ее с собой, но утверждается, что до дому он ее так и не довез. В саге рассказывается, что «голову Торгейра он вез в мешке у стремени для прославления своей победы», а во время привалов Торарин и его спутники забавлялись тем, что «доставали голову Торгейра из мешка, ставили ее на кочки и глумились над ней»; когда они достали голову в очередной раз, она показалась им «устрашающей», «их взяла оторопь» и тогда они зарыли ее (см.: Исландские саги. М., 2000. С. 163–165). Автор саги упоминает также и другие «отягчающие» подробности, связанные с убийством Торгейра, однако говорит о них с определенной долей сомнения: «Некоторые рассказывают, будто они разрубили Торгейру грудь, желая взглянуть, каково на вид сердце столь храброго человека, и люди рассказывают, что оно было очень маленькое. Некоторые почитают за правду, что в маленьком сердце меньше крови чем в большом, поскольку сердце, обливающееся кровью, считается признаком страха – недаром говорят, что сердце бьется в груди, ведь при этом и кровь в сердце, и само сердце приходят в движение» (Там же. С. 167).

[11] *...Тормод Скальд Чернобровой отправился в Гренландию, с тем чтобы убить Торгрима Тролля и отомстить за Торгейра сына Хавара.* – В пряди ничего не гово-

рится о том, какую роль сыграл в убийстве Торгейра могущественный гренландец Торгрим Тролль, спутник и торговый компаньон Торарина Дерзкого. Подробный рассказ об этом (как и о последующем убийстве Торгрима Тролля Тормодом в Гренландии) содержится в «Саге о названых братьях» (гл. 16, 18, 23).

[12] *А еще он сложил поминальную драпу…* – В «Саге о названых братьях» приводятся 15 строф из погребальной драпы, которую Тормод сочинил в честь Торгейра (эту песнь обычно датируют 1025 г.).

[13] *…я надеюсь исполнить его с помощью конунговой удачи.* – Возможно, эти слова Эйольва следует понимать так, что вместе с подаренным ему серебром конунг Олав послал ему частицу своей королевской «удачи» (см. примеч. 2 к «Пряди о Хрои Простаке»).

[14] *Осенью, когда люди поехали на окружной тинг…* – Осенний местный тинг (leið, leiðarþing) устраивался не позднее чем за 8 недель до окончания скандинавского лета (т.е. летнего полугодия, длившегося с апреля по октябрь). На нем объявлялись решения, ранее принятые на альтинге.

[15] *…раб по имени Грейп…* – Его имя означает Хват, и не исключено, что это не имя, а прозвище. В «Саге о названых братьях» (гл. 24) сообщается, что «к конунгу явился человек, назвавшийся Гримом; он был исландец родом. Грим говорил, что отомстил за Торгейра сына Хавара прежде Тормода. Конунг оказал Гриму почести и одарил его. Тормод же знал, что Грим замешан в гнусном деле и злодейски умертвил человека в Исландии» (Исландские саги. С. 195). Грим упоминается и в следующей за этим рассказом строфе Тормода (строфа 28). Предполагают, что Грейп и Грим – одно и то же лицо.

[16] Здесь текст пряди обрывается. О дальнейшей судьбе Торарина в «Саге о названых братьях» (гл. 18) сообщается лишь, что «летом Торарин был убит в Островном Фьорде на сходке». Из сказанного в пряди можно заключить, что Грейп и был убийцей Торарина (см. предыд. примеч.), причем из предшествующего изложения следует, что раб действовал по наущению Эйольва и, по-видимому, был им подкуплен.

ПРЯДИ В СОСТАВЕ «ГНИЛОЙ КОЖИ» С ДОБАВЛЕНИЯМИ ИЗ ДРУГИХ РУКОПИСЕЙ

ПРЯДИ ИЗ «САГИ О МАГНУСЕ ДОБРОМ И ХАРАЛЬДЕ СУРОВОМ»

ПРЯДЬ О ТОРГРИМЕ СЫНЕ ХАЛЛИ

«Прядь о Торгриме сыне Халли» («Þorgríms þáttr Hallasonar») сохранилась только в составе «Саги о Магнусе Добром» в рукописях «королевских саг» «Hulda» (AM 66 fol., 1350–1375 гг.; изд.: Fornmanna sögur. Bd. 6: Sögur Magnúsar konúngs góða, Haralds konúngs harðráða ok sona hans. Kaupmannahøfn, 1831. S. 30–36) и «Hrokkinskinna»

(GKS 1010 fol., 1400–1450 гг.). По мнению ее издателя, Йоунаса Кристьянссона (*ÍF* IX. Bls. CXVI), прядь о Торгриме может быть датирована XIII в.

Рассказ о Торгриме сыне Халли принадлежит к числу «прядей о поездках из страны», описывающих конфликты приезжающих в Норвегию исландцев с могущественными правителями страны. Особенность данного рассказа состоит в том, что ее центральный персонаж, Торгрим, погибает, и нарушенная в отношении него наместником конунга справедливость восстанавливается уже самим государем, причем лишь тогда, когда вместо Торгрима на авансцену выходит его мститель и «заместитель», Кольгрим. Налицо, таким образом, удвоение конфликта и замена главного героя. Судя по тому что среди исландцев – персонажей пряди, нигде более не упоминающихся, оказывается скальд, который исполняет хвалебную песнь, цитируемую в целом ряде других источников, и содержание этой песни вступает в противоречие с описанным в пряди конфликтом (см. примеч. 7), рассказ о Торгриме сыне Халли, очевидно, является вымыслом.

Перевод сделан по изд.: Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2262–2265. (Svart á hvítu). На русский язык прядь переводится впервые.

[1] *...жил в Усадьбе Над Обрывом в Потоках.* – Потоки – см. примеч. 1 к «Пряди о Торхалле Шишке». Усадьба Над Обрывом (Brúnastaðir) существует по сей день.

[2] *Торгрим был дружинником конунга Олава Святого...* – О том, что у конунга Олава Харальдссона был дружинник, носящий это имя, больше нигде не упоминается.

[3] *Халльбьёрн Скребун из Долины Лососьей Реки* – этот исландец неизвестен из других источников. Долина Лососьей Реки – местность в Полуостровном Фьорде на севере Исландии.

[4] *...конунг Магнус Добрый 〈...〉 в ту пору он был на юге в Дании.* – Действие рассказа относится к началу правления сына Олава Святого, Магнуса Доброго (род. ок. 1024, норвежский конунг 1035 – 25 октября 1047). Согласно сообщениям «королевских саг» конунг Магнус впервые отправился в Данию уже после того, как Кальв сын Арни (см. след. примеч.) покинул Норвегию.

[5] *Кальв сын Арни* – могущественный и знатный норвежец, один из сыновей Арни сына Армода (о Кальве и его братьях Финне, Арни и Торберге см. также «Прядь о Стейне сыне Скафти» и «Прядь о Раудульве»). Отец Магнуса Доброго конунг Олав Харальдссон (Святой) сделал Кальва своим лендрманном (см. примеч. 47 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога») и поставил его управлять Внутренним Трандхеймом (Трённелагом). В отличие от своих братьев, которые, после того как конунг Олав лишился власти в Норвегии (1028), последовали за ним в изгнание в Гардарики (на Русь), Кальв в отместку за убийство близких ему людей примкнул к противникам Олава, датскому конунгу Кнуту Могучему (чтобы заручиться его поддержкой, пообещавшему сделать Кальва ярлом-наместником Норвегии) и норвежскому ярлу Хакону сыну Эйрика, и, возглавив войско, сражался против конунга Олава и собственных братьев в битве при Стикластадире (29 июля 1030). По сообщению ряда саг (ср. «Сагу об Олаве Святом», гл. 228 в «Круге Земном»: *КЗ*, 363–364), Кальв нанес Олаву одну из ран, от которых конунг умер. Впоследствии Кальв пожалел о том, что поддался

на уговоры конунга Кнута, не сдержавшего ни одного из данных ему обещаний, порвал с былыми союзниками и весной 1034 г. отправился в Новгород с предложением поддержать и возвести на норвежский престол находившегося там у Ярослава Мудрого малолетнего Магнуса, сына Олава от его рабыни Альвхильд. Как рассказывает Снорри Стурлусон, «было решено, что норвежцы, которые приехали, станут людьми Магнуса и будут ему служить, и это было скреплено клятвами Кальва и всех тех, кто сражался при Стикластадире против Олава конунга. А Магнус заключил с ними полный мир и поклялся, что он будет им верен, что и они во всем могут на него положиться, если он станет конунгом Норвегии. Он должен был стать приемным сыном Кальва сына Арни, а Кальв обязался делать все, что, по мнению Магнуса, способствовало бы укреплению его власти в Норвегии...» (*КЗ*, 378). Однако вскоре после того, как Магнус стал конунгом Норвегии, его отношения с приемным отцом испортились. Как сообщается в «Саге о Магнусе Добром» (ср. в редакции *КЗ*, 385), «Кальв сын Арни первое время был главным правителем страны при Магнусе конунге. Но затем люди напомнили конунгу, на чьей стороне был Кальв в Стикластадире. После этого Кальву стало нелегко угодить конунгу». В результате он бежал в Шотландию, а Магнус «наложил руку» на его усадьбу Эгг и все его имущество. Кальв вернулся в Норвегию лишь после смерти Магнуса Доброго, при содействии своего брата Финна примирившись с конунгом Харальдом Суровым, который возвратил ему его владения, и спустя год (как полагают, в 1050 или 1051) погиб во время похода этого конунга на Фьон (о. Фюн).

[6] *...усадил Торгрима напротив себя...* – т.е. на предназначенное для особо отличаемых гостей почетное сиденье, стоявшее против хозяйского места.

[7] *Надо послушать твою песнь, скальд ⟨...⟩ так как можно ожидать, что она хорошо сложена.* – Исландец Бьярни – это, судя по всему, поэт Бьярни Скальд Золотых Ресниц. Восемь строф из его песни в честь Кальва цитируются в «Отдельной саге об Олаве Святом» и в «Круге Земном», где она названа «Флокком о Кальве» («Kálfsflokkr»; флокк – скальдическая песнь, не имеющая припева, так называемого стева, см. «Прядь о Стуве»). Как следует из содержания сохранившейся части поэмы, она, однако, была создана не в первые годы правления Магнуса Доброго, но гораздо позднее: в частности в одной из строф говорится о том, что Кальв впал в немилость (ср. «Князь с тобою ласков / Был, да люди в злобе / Клин меж вами вбили. / Завистники вашу / Вражду разжигали...», перевод О.А. Смирницкой: *КЗ*, 386), а в другой упоминается об участии Кальва и его людей в морском сражении при Раудабьёрге (Roberry?) между оркнейскими ярлами Торфинном сыном Сигурда и его племянником Рёгнвальдом сыном Бруси, произошедшем ок. 1044 г. Как отмечает издатель поэмы, Э. Финлэй (*SkP* I, 877 f.), то обстоятельство, что Олав Святой назван в ней «братом Харальда», а его сын Магнус «сыном брата Харальда», скорее всего свидетельствует о том, что скальд Бьярни сложил ее уже после смерти Магнуса Доброго – во время правления Харальда Сурового (т. е. между 1047 и 1050/51 гг., когда Кальв пал в Дании). Если это так, то описанная здесь история, в которой Бьярни гибнет от рук Торгрима еще до бегства Кальва из Норвегии, не согласуется с реальной (и не известной нам) биографией этого скальда. Прозвище Скальд Золотых Ресниц (gullbrárskáld) указывает на то, что Бьярни складывал стихи в честь некой женщины, носившей это прозвище.

[8] *...битва при Стикластадире...* – битва, в которой в 1030 г. пал Олав Святой. Стикластадир (совр. Стиклеста) – поселение в Вердале в Северном Трандхейме.

[9] *...ты, Кальв, позаботился о том, чтобы за меня не было уплачено виры.* – За убийство объявленного вне закона человека не полагалось платить возмещение.

[10] *...песнь была окончена...* – Из нее уцелел лишь процитированный здесь фьордунг (двустишие), а ее создатель, Кольгрим, больше нигде не упоминается.

[11] *...предпочел поступить не по-родственному.* – Кальв был приемным отцом Магнуса Доброго (см. примеч. 5).

[12] *...пристали к берегу в устье Реки Кольбейна.* – Гавань в Полуостровном Фьорде (Kolbeinsárós, позднее – Kolkuós), куда прибывали корабли из заморского плавания.

ПРЯДЬ О ТОРСТЕЙНЕ СЫНЕ ХАЛЛЯ С ПОБЕРЕЖЬЯ

«Прядь о Торстейне сыне Халля с Побережья» («Þorsteins þáttr Síðu-Hallssonar») сохранилась в составе «Саги о Магнусе Добром и Харальде Суровом» в «Гнилой Коже» (1270–1280 гг.; см.: Morkinskinna / Udg. Finnur Jónsson. København, 1932. S. 111–115), в рукописях «Hulda» (ок. 1350–1375) и «Hrokkinskinna» (ок. 1400–1450), а также в несколько более пространной (и, возможно, более ранней) версии в редакции этой же саги в составленной в XV в. так называемой младшей части «Книги с Плоского Острова» (*Flat*. III, 318–321); именно последняя переведена в настоящем собрании. В «Гнилой Коже» рассказу предпослано заглавие: «Fra Þorsteini Hallz syni» – «О Торстейне сыне Халля»; в «Книге с Плоского Острова» этот заголовок был расширен, однако сохранился не полностью: «Fra Þorsteine Hallzsyne er kom ...» – «О Торстейне сыне Халля, который прибыл ...».

Герою пряди, родовитому и влиятельному исландцу Торстейну сыну Халля с Побережья, посвящена отдельная «Сага о Торстейне сыне Халля с Побережья» (от которой сохранились лишь фрагменты), а также короткий рассказ «Сон Торстейна сына Халля с Побережья» (см. в наст. изд.), кроме того, он является одним из персонажей «Пряди о Пивном Капюшоне» и фигурирует в целом ряде саг.

Из разных источников известно, что Торстейн был дружинником правителя Оркнейских островов ярла Сигурда сына Хлёдвира. Вместе с ним он участвовал в походе в Ирландию и сражался в знаменитой битве при Клонтарве под Дублином (23 апреля 1014), в которой пали и ирландский король Бриан, и оркнейский ярл, чье войско было обращено в бегство. О том, каким образом Торстейну удалось избежать гибели, сообщается в одном из эпизодов этого сражения, который (с незначительными различиями) излагается как в его истории, так и в «Саге о Ньяле» (гл. 157): «Торстейн, сын Халля, отстал от других бегущих, чтобы завязать ремень на своей обуви. Тут Кертьяльвад (воспитанник Бриана, сын конунга Кюльвира. – *Е.Г.*) спросил его, почему он не бежит. “Потому, – ответил Торстейн, – что я не доберусь до ночи домой. Ведь мой дом в Исландии”. И Кертьяльвад пощадил его». По сообщению «Саги о Торстейне», во время ирландского похода ее герою было 20 лет. Согласно этому же источнику, получив пощаду, Торстейн уплыл на Оркнейские острова, откуда впоследствии перебрался в Норвегию, где стал дружинником конунга Магнуса Доброго и, как утверждается далее, после трехлетнего отсутствия отбыл в Исландию.

По-видимому, рассказчик саги объединил в один несколько разновременных эпизодов биографии своего героя – его службу оркнейскому ярлу и конунгу Норвегии. Судя по уцелевшим частям «Саги о Торстейне», оба эти эпизода относились к предыстории ее главного персонажа, тогда как в центре повествования саги была случившаяся уже после окончательного возвращения Торстейна в Исландию распря с его соседом Торхаддом, закончившаяся убийством последнего и его сыновей: хотя соответствующий эпизод саги не сохранился, о победе Торстейна над Торхаддом говорится в одной из строф «Драпы об исландцах» (строфа 23) скальда Хаука Вальдисарсона (XII или XIII в.), воспевающей подвиги прославленных жителей страны. Комментаторы относят это происшествие к 1051 г., а гибель самого Торстейна (см. «Сон Торстейна сына Халля с Побережья») примерно к 1055 г.

В соответствии с внутренней хронологией «Саги о Магнусе Добром и Харальде Суровом» изложенная в «Пряди о Торстейне сыне Халля с Побережья» история ссоры Торстейна с конунгом Магнусом должна быть отнесена не к началу правления Магнуса Доброго (как можно было бы заключить из сообщений «Саги о Торстейне» о переезде ее героя с Оркнейских островов в Норвегию), но, напротив, к последнему году жизни этого государя, а именно к зиме 1046–1047 гг., из чего следует, что годом ранее Торстейн вновь побывал в Ирландии. В «Гнилой Коже» мы находим еще один эпизод, в котором описывается последняя встреча Торстейна с конунгом Магнусом осенью 1047 г., накануне его смерти – Магнус скончался 25 октября. Рассказывается, что Торстейн возвращается из путешествия (очевидно, паломничества) в Рим и застает конунга Магнуса на смертном одре. Конунг уже успел раздать все деньги, которые у него были, своим дружинникам. Торстейну ничего не досталось, однако он заверил Магнуса, что и не желал бы денег, и попросил конунга даровать ему нечто более для него ценное – его имя, которым он назвал бы своего сына, и в качестве последнего дара Магнус дал ему это право. Согласно разным источникам (см., например, «Сон Торстейна сына Халля с Побережья»), сын Торстейна был назван Магнусом, и от него произошел скальхольтский епископ Магнус сын Эйнара (ум. 1148).

«Прядь о Торстейне сыне Халля с Побережья» принадлежит к «прядям о поездках из страны» и повествует о конфликте между дружинником-исландцем и конунгом Норвегии, который разрешается при посредничестве знатного помощника – воспитателя государя.

Перевод сделан по изд.: Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2288–2291. (Svart á hvítu). На русский язык прядь переводится впервые.

[1] *...не заплатили пошлину...* – Согласно норвежским законам, прибывающие в страну исландские корабли, а также отправляющиеся за пределы страны норвежские купцы (последние за право вести торговлю) должны были уплачивать пошлину конунгу – так называемые landaurar.

[2] *...за тех людей, которые были с ним в поездке...* – В редакции пряди в «Гнилой Коже» сказано, что Торстейна сопровождали 15 человек.

[3] *...ничего об этом не зная.* – В редакции пряди в «Гнилой Коже» это обстоятельство не упоминается.

[4] *Илувеллир* – поле к северо-западу от Нидароса (совр. Илеволлен в Тронхейме).

[5] *Эйнар Брюхотряс и сын его Эйндриди…* – См. о них «Прядь об Эйндриди и Эрлинге». В редакции пряди в «Книге с Плоского Острова» имя сына Эйнара Eindriði приводится в форме Indriði, здесь написание следует «Гнилой Коже» и приведенному выше рассказу из «Саги об Олаве Святом».

[6] *…моего воспитанника…* – См. примеч. 13 к «Первой пряди о Халльдоре сыне Снорри».

[7] *Трёндалёг* – то же, что Трандхейм (совр. Трённелаг).

[8] *Гимсар* – см. примеч. 4 к «Первой пряди о Халльдоре сыне Снорри».

[9] *…я примкнул к тебе на востоке в Гардах…* – В «Саге об Олаве Святом» (см. в версии «Круга Земного»: *КЗ*, 377–378) рассказывается, что Эйнар Брюхотряс и Кальв сын Арни (см. о последнем в «Пряди о Торгриме сыне Халли», а также примеч. 5 к этой пряди) отправились на восток в Хольмгард (Новгород) к конунгу Ярицлейву (великому князю Ярославу Мудрому), где после гибели Олава Святого находился его сын Магнус, с тем, чтобы отвезти его в Норвегию и помочь ему вернуть отцовское наследство и престол.

ПРЯДЬ О ХРАФНЕ СЫНЕ ГУДРУН

Подобно «Пряди о Торгриме сыне Халли», «Прядь о Храфне сыне Гудрун» («Hrafns þáttr Guðrúnarsonar») сохранилась в составе «Саги о Магнусе Добром» в рукописях XIV–XV вв. «Hulda» и «Hrokkinskinna» (изд.: Fornmanna sögur. Bd. 6: Sögur Magnúsar konúngs góða, Haralds konúngs harðráða ok sona hans. Kaupmannahøfn, 1831. S. 102–119), в которых она приводится сразу же за рассказом о Торстейне сыне Халля с Побережья и неизвестна из других собраний «королевских саг». В «Hulda» рассказу предпослано заглавие «frá Hrafni Guðrúnarsyni» – «о Храфне сыне Гудрун», однако в изданиях его иногда именуют «Hrafns þáttr Hrútfirðings» («Прядь о Храфне из Бараньего Фьорда»). Отсутствие более привычного в таких случаях патронима объясняется тем, что герой пряди, лишившийся отца в малолетстве, воспитывался матерью.

Издатель «Пряди о Храфне», Эйнар Оулавур Свейнссон (*ÍF* VIII. Bls. CXVII–CXX) предполагает ее сравнительно позднее происхождение и не сомневается в том, что изложенная в ней история – вымысел ее автора, обнаруживающего хорошее знакомство как с «королевскими сагами», так и с содержавшимися в них прядями, из которых он (помимо общей жанровой структуры «прядей о поездках из страны»), по-видимому, почерпнул целый ряд использованных в ней мотивов (см. коммент.). За исключением скальда Сигвата сына Торда, представленного здесь в качестве родича главного героя (брата его матери), ни один из исландцев – персонажей рассказа больше нигде не упоминается; неизвестен из других источников также и покровитель Храфна, знатный норвежец Эйнар из Наумдаля. При этом, как нередко бывает в вымышленных историях, достоверность рассказу обеспечивает введение в повествование всем известных реальных персонажей – могущественного королевского приближенного Эйнара Брюхотряса и уже упомянутого скальда Сигвата, чье обращение к его былому патрону и другу, Олаву Святому, выручает героя из беды и приводит к его примирению с конунгом Магнусом и счастливому завершению конфликта.

Особенность «Пряди о Храфне» – небывало пространное для произведений этого жанра вступление (своего рода «семейная сага» в миниатюре), повествующее о распре, в результате которой Храфн был вынужден покинуть Исландию.

Перевод сделан по изд.: Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2156–2165. (Svart á hvítu). Ранее этот же перевод (здесь он печатается с некоторыми изменениями в передаче исландских топонимов, а также прозвищ персонажей) был опубликован в сб.: Корни Иггдрасиля. М., 1997; Исландские саги / Под ред. О.А. Смирницкой. СПб., 1999. Т. II. С. 464–479.

[1] *Бараний Фьорд* – местность на северо-западе Исландии (Hrútafjörðr).

[2] *Наумдаль* – то же, что Наумудаль (совр. Намдал) – местность в северной части Норвегии.

[3] *Исландское Море* – море, лежащее между Исландией и Норвегией (ныне носит название Норвежское море).

[4] *Сигват скальд* – см. примеч. 5 к «Пряди об Оттаре Черном».

[5] *...в городе...* – Имеется в виду город Нидарос.

[6] *...ослеплены им ⟨...⟩ сочинил про него язвительные стихи.* – Ср. аналогичную ситуацию в «Первой пряди о Халльдоре сыне Снорри», где хозяйка дома, Бергльот, покровительствует герою-исландцу, а завистливый и злобный родич хозяина (Эйнара Брюхотряса – одного из персонажей данного рассказа), Кали, не скрывает своей неприязни к Халльдору и складывает о нем язвительные стихи, за что тот его и убивает.

[7] *...схватил одного из них и стал отбиваться им от других, пока тот не потерял сознания.* – В этом эпизоде можно усмотреть параллели со сценой «гнева» в «Пряди о Хрейдаре Дураке».

[8] *Сюслуманн* (sýslumaðr) – норвежский социальный термин, известный с конца XII в.; так именовали королевского управляющего (сюсла – округ) и сборщика податей. Сюслуманны назначались конунгом для выполнения административных и фискальных функций и не были представителями местной знати.

[9] *...в Таускадале...* – В Норвегии нет долины, носящей это название.

[10] *...награду в три марки...* – См. примеч. 14 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».

[11] *...в это время он воевал со Свейном сыном Ульва.* – Свейн (ок. 1019 – 1074 или 1076), датский конунг (1047–1074), сын ярла Ульва и Эстрид дочери Свейна Вилобородого. Магнус Добрый, конунг Норвегии и Дании, поставил Свейна сына Ульва управлять в Дании, сделав его своим ярлом, однако тот вскоре присвоил себе звание конунга и был поддержан местным населением. Это привело к военному конфликту между ним и Магнусом, в котором Свейн потерпел поражение. По свидетельству «королевских саг», на смертном одре Магнус Добрый завещал Данию Свейну сыну Ульва (см. *КЗ*, 418).

[12] *Эйнар Брюхотряс* – см. о нем в «Пряди об Эйндриди и Эрлинге», в «Первой пряди о Халльдоре сыне Снорри», а также в «Пряди о Торстейне сыне Халля с Побережья».

[13] *Мне уже однажды случалось поддерживать человека, который был не в ладах с конунгом, и из-за этого я чуть было сам не потерял его расположения.* – Эйнар, очевидно, имеет в виду историю, описанную в «Пряди о Торстейне сыне Халля с Побережья».

[14] *Эйндриди* – сын Эйнара Брюхотряса; см. о нем в «Пряди об Эйндриди и Эрлинге» и в «Пряди о Торстейне сыне Халля с Побережья».

[15] *...на север в Хит в мою усадьбу...* – В Наумдале нет места, носящего это название. Высказывалось предположение, что в название вкралась ошибка и что возможно речь идет об острове Хитр (или Хитра), лежащем в устье Трандхеймсфьорда и потому знакомом всем прибывающим в Нидарос исландцам (см.: *ÍF* VIII. Bls. CXIX). Хитр, однако, расположен далеко к югу от Наумдаля.

[16] *...вам придется выслушать и другую песнь.* – Ср. исполнение двух песней подряд в «Пряди об Оттаре Черном», где, как и здесь, вторая хвалебная песнь (так называемый выкуп головы) сочинена в честь правителя, перед которым провинился герой-исландец.

[17] *...ожидал удачи от встречи с вами...* – Ср. этот же мотив в «Пряди о Хрейдаре Дураке».

[18] *Когда я спал на корабле, мне явился Олав конунг, мой отец...* – Не исключено, что рассказ о явлении Магнусу св. Олава восходит к более раннему эпизоду «Саги о Магнусе Добром», в котором рассказывается, как накануне битвы с вендами на Хлюрскогсхейде (1043), конунгу Магнусу приснился его отец; он повелел ему не страшиться язычников и заверил его в том, что сам будет с ним в этой битве (ср. сообщение в «Пряди о Храфне», что в битве с датчанами «некоторые видели в войске Магнуса конунга святого Олава конунга»), после чего Магнус одержал победу и уничтожил огромное войско вендов (см.: *КЗ*, 393).

ПРЯДЬ ОБ АРНОРЕ СКАЛЬДЕ ЯРЛОВ

«Прядь об Арноре Скальде Ярлов» («Arnórs þáttr jarlaskálds») сохранилась в «Гнилой Коже» в «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом» (Morkinskinna / Udg. Finnur Jónsson. København, 1932. S. 116–118); подобно другим вставным рассказам об исландцах, помещенным в эту книгу, эпизод об Арноре не имеет в ней соответствующего заглавия и введен в повествование под рубрикой «Fra konvngom» («О конунгах»). Помимо этой основной рукописи, прядь присутствует также в трех других средневековых собраниях, в которые была включена та же сага, – в «Hulda» (XIV в.), «Hrokkinskinna» (XV в.) и в «Книге с Плоского Острова» (в последней эпизод озаглавлен «Um ueizlu konunga» – «О пире конунгов»).

Герой рассказа, Арнор Скальд Ярлов (род. ок. 1011 – ум. после 1073) – один из виднейших исландских поэтов XI в. Биографические сведения о нем довольно скупы. Известно, что Арнор был одним из пяти сыновей скальда Торда сына Кольбейна с Мыса Хит в западной Исландии и Оддню по прозвищу Светоч Острова, о которых рассказывается в «Саге о Бьёрне Бойце Долины Хит» («Bjarnar saga Hítdœlakappa»), повествующей о соперничестве из-за Оддню двух скальдов, Бьёрна сына Арнгейра (Бьёрн Боец Долины Хит) и Торда сына Кольбейна. Сам Арнор упоминается в этой саге лишь однажды, когда отец после поэтического состязания просит его оценить произнесенные им и его противником Бьёрном любовные висы (гл. 23). В одном из эпизодов «Саги о Греттире» (гл. 60) Арнор по поручению отца участвует в вылазке бондов против Греттира (местные жители были недовольны тем, что тот повадился

угонять их скот себе на мясо), однако, увидев печальную участь своих людей, многие из которых были либо убиты, либо покалечены Греттиром, остерегается вступить с ним в бой, за что, по сообщению саги, его потом очень осуждали.

По-видимому, по достижении двадцатилетнего возраста или несколькими годами позднее Арнор покидает Исландию. Помимо фрагментарно сохранившегося, но немалого поэтического наследия – в собраниях «королевских саг», «Саге об оркнейцах» и в «Младшей Эдде» полностью или частично цитируется 90 строф из принадлежащих Арнору поэм, а также одна отдельная виса, – о его путешествиях и пребывании у правителей разных скандинавских стран приходится судить на основании «Перечня скальдов» («Skáldatal»). Согласно последнему, еще до своего появления в Норвегии Арнор складывал хвалебные песни в честь датского конунга Кнута Могучего (ум. 1035; стихи Арнора о нем до нас не дошли), а также оркнейских ярлов Рёгнвальда сына Бруси (ок. 1036–1045) и Торфинна сына Сигурда (ум. ок. 1065), родича и соперника Рёгнвальда. За пребывание на службе у последних Арнор и получил свое прозвище Скальд Ярлов. При этом его связывали с правителями Оркнейских островов и более близкие отношения: как упоминается в одной из строф «Драпы о Рёгнвальде» («Rǫgnvaldsdrápa»), поминальной песни (erfidrápa), сложенной Арнором после смерти Рёгнвальда в 1045 г., скальд вступил с ярлом в свойство через женитьбу на его родственнице. Тогда как от поминальной песни в честь Рёгнвальда осталось не более десятка стихотворных строк, «Драпа о Торфинне» («Þorfinnsdrápa»), также поминальная песнь, увековечивающая славу покойного предводителя, сохранилась значительно лучше – из нее известно 16 строф и 9 хельмингов (полустроф).

Действие анекдота, описывающего прибытие Арнора в Норвегию и исполнение им хвалебных песней в честь Магнуса Доброго и Харальда Сурового должно относиться к 1046 или 1047 г. – краткому периоду совместного правления этих конунгов. Как и большинство «прядей о скальдах», повествующих о занимательных происшествиях из жизни прославленных исландских поэтов, рассказ сообщает о достопамятном событии – исполнении панегирической песни, сложенной в неслыханном доселе размере хрюнхент. Неизвестно, был ли Арнор создателем хрюнхента: долгое время наиболее ранним образцом этого размера считали анонимную песнь, сочиненную неким христианином с Гебридских островов, «Hafgerðingadrápa» («Драпа о буре на море»), которую было принято датировать самым началом XI в. и из которой сохранились лишь фрагменты двух строф. Впоследствии были высказаны аргументы в пользу более поздней датировки этой песни (конец XI в.; см.: *Jakob Benediktsson.* Hafgerðingadrápa // Specvlvm Norroenvm: Norse Studies in Memory of Gabriel Turville-Petre / Ed. U. Dronke et al. Odense, 1981. P. 27–32), и исследователи стали склоняться к мнению, что хрюнхент был введен в скальдический обиход именно Арнором (ср.: *Fidjestøl B.* Arnórr Þórðarson: Skald of the Orkney Jarls [1984] // Fidjestøl B. Selected Papers / Ed. O.E. Haugen, E. Mundal, transl. P.G. Foote. Odense, 1997. P. 93–116). Как бы то ни было, он первым применил этот новый размер в придворной панегирической поэзии, и, как следует из рассказа об исполнении драпы, сложенной в честь Магнуса Доброго, ее «стремительный» ритм (см. примеч. 17) произвел сильное впечатление на большого ценителя поэзии и также умелого скальда – конунга Харальда. Что же до недовольства и замечаний в адрес сочинения Арнора, которые Харальд высказывал по ходу исполнения этой песни (см. примеч. 3), то можно не сомневаться в

том, что они были вызваны как решительным и независимым нравом скальда, так и ревностью к молодому сопернику, которому тот отдал предпочтение, ведь каждый из конунгов «считал для себя более подобающим, чтобы первой была исполнена песнь в его честь».

Известно, что в дальнейшем Арнор посвятил Магнусу Доброму еще одну песнь, поминальную «Драпу о Магнусе», сложенную в традиционном скальдическом размере дроттквётт («Magnússdrápa», в сагах об этом конунге из нее приводятся 19 строф), а также выполнил обещание, данное им Харальду Суровому, и сочинил после его гибели «Драпу о Харальде» («Haraldsdrápa»), из которой сохранилось 17 строф. Нет сведений о том, где и при каких обстоятельствах были исполнены эти песни, как ничего не сообщается и о последующих приездах или пребывании Арнора в Норвегии. Однако, поскольку мы располагаем свидетельствами о том, что он сочинил по меньшей мере две песни на смерть своих соотечественников, именитых исландцев: Хермунда сына Иллуги Черного (ум. ок. 1055), брата Гуннлауга Змеиного Языка, от которой до нас дошел небольшой фрагмент, и, согласно сообщению «Саги о людях из Лососьей Долины» (гл. 78), Геллира сына Торкеля и Гудрун, дочери Освивра (ум. 1073), можно предположить, что последние годы своей жизни Арнор провел в Исландии.

Перевод выполнен по изд.: Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2080–2082. (Svart á hvítu). На русский язык прядь переводится впервые.

[1] *...оба конунга...* – норвежские конунги-соправители, Магнус Добрый и его дядя по отцу, Харальд Суровый. Олав сын Харальда Гренландца (Олав Святой), отец Магнуса, и Харальд Суровый, сын Сигурда Свиньи, были единоутробными братьями – сыновьями Асты дочери Гудбранда (см. примеч. 4 к «Пряди об Эймунде сыне Хринга»).

[2] *– О том, кто моложе.* – Т.е. о конунге Магнусе, который в то время должен был быть немногим старше 20 лет (род. ок. 1025).

[3] *Разве ты не слышишь, что он сложил ее о своих поездках да о ярлах с западных островов?* – Харальд, таким образом, недоволен тем, что содержание вводных стихов хвалебной песни, сложенной Арнором в честь Магнуса, не имеет отношения к теме панегирика, поскольку скальд говорит в них не об адресате песни, а об оркнейских ярлах, которым он служил, и о собственных морских странствиях. Не исключено, что этот упрек Харальда, слывшего большим знатоком скальдической поэзии, и дал впоследствии основание автору «Третьего грамматического трактата» Олаву Белому Скальду (1212–1259) проиллюстрировать фрагментом из вступления к «Драпе о Магнусе» Арнора (иначе именуемой «Хрюнхендой»; см. примеч. 17) один из риторических «промахов», описанных в латинской поэтике, которые он почерпнул из «Ars major» («Большой грамматики») Доната, а именно «макрологию» (macrologia – «многословие»). Как сказано в «Третьем грамматическом трактате» (Den tredje og fjærde grammatiske afhandling i Snorres Edda / Udg. B.M. Ólsen. København, 1884. S. 81 f.: [9]): «Макрологией называется длинное высказывание (langt sæn), в котором к тому, о чем говорит скальд, прибавляются ненужные вещи, и эта фигура часто стоит в начале песни, как сказал Арнор в драпе о Магнусе: “Мой медведь каната (= корабль) опоздал, / когда безобразная волна выбила весло” (Sæinkvn varð þa ær

hlæbarð hanka / hnika ár hin ljota bára). Здесь он говорит о своих неудачных поездках, а это не относится к конунговой хвале». В дальнейшем в трактате приводится еще один фьордунг (двустишие) Арнора, несомненно принадлежащий к этому же вступлению: «Я гнал мой корабль с крепкими бортами / разбивать волны в торговой поездке» (klivfa let ec i kaupfǫr dvfv / knarra minn við borðin stinnv) (Ibid. S. 88: [7]). Эти фрагменты начальных строф песни Арнора известны исключительно благодаря Олаву Белому Скальду – они не сохранились ни в одном другом источнике, где приводятся цитаты из «Хрюнхенды». «Макрологические» вступления к панегирическим песням не противоречили, однако, реальной скальдической практике, а потому они не должны были восприниматься как нарушение традиционной поэтической нормы (см. подробнее: *Гуревич Е.А.* О макрологии // Атлантика: Записки по исторической поэтике. М., 1999. Вып. IV. С. 74–89).

[4] *...ютов конунг...* – т.е. конунг датчан. Магнус Добрый получил власть над Данией в 1042 г.

[5] *...доблесть вашу...* – В «Третьем грамматическом трактате» (Den tredje og fjærde grammatiske afhandling. S. 77: [13]) эти стихи цитируются в качестве примера солецизма (soloecismus) – синтаксической погрешности (нарушения согласования), в данном случае выражающейся в переходе от единственного числа ко множественному. Это варьирование в обращении к конунгам и иным знатным лицам, как известно, представляет собой одну из характерных черт исландской прозы. Вероятно поэтому автор «Четвертого грамматического трактата» (Ibid. S. 135: 12 [12–14]) приводит эти же стихи Арнора для иллюстрации поэтической категории lepos (букв.: изящество) – почтительного обращения к могущественному лицу во множественном числе как проявления «вежества» (kurteisi); при этом в трактате отмечается неуместность подобного обращения к незнатным людям: к последним обращение на «вы» характеризуется как солецизм.

[6] *...друг хёрдов...* – норвежский конунг (здесь: Магнус); хёрды – жители Хёрдаланда (совр. Хордаланн), области на западе Норвегии.

[7] *...точно сокол...* – Комментаторы отмечают (ср.: *SkP* II, 185), что уподобление Магнуса соколу (Haukr réttr estu) – очень редкий в скальдических стихах пример метафорического сравнения: как правило, прославляя правителей, скальды прибегают к кеннингам.

[8] *...пока не треснет небо.* – Устойчивая формула (unz himinn rifnar), по-видимому получившая широкое распространение, о чем может свидетельствовать ее присутствие (с некоторыми вариациями) на шведских рунических камнях того же времени (например, Skarpåker sten, начало XI в.; см.: *SkP* II, 185 f.). Мотив раскалывающегося неба, известный в первую очередь из эддической песни «Прорицание вёльвы» (строфа 52/8), встречается, помимо этого, в другой поэме Арнора – «Драпе о Торфинне» (строфа 24), а также в более ранней «Поминальной драпе об Олаве сыне Трюггви» (строфа 29) Халльфреда Трудного Скальда (ок. 1001).

[9] *...гроза обручий...* – муж (здесь: щедрый правитель).

[10] *...влаги вепря...* – Вепрь влаги – корабль.

[11] *Зубр* – корабль Магнуса Доброго, построенный еще его отцом, конунгом Олавом Харальдссоном. Согласно «Саге об Олаве Святом», это был огромный корабль с золоченой головой зубра на носу (см.: *КЗ*, 307).

[12] *...словно сокол...* – См. примеч. 7.
[13] *...гонитель татей...* – конунг.
[14] *...в буране дротов...* – в битве.
[15] *...скакун буруна...* – корабль.
[16] *...ворог вора...* – муж.
[17] – *Стремительно сочиняет...* – Харальд, по всей видимости, имеет в виду необычный, доселе незнакомый ему «льющийся» ритм поэмы Арнора, сочиненной в хрюнхенте (hrynhent, hrynjandi háttr, от глагола hrynja – «течь, литься»), размере, о свойствах которого сам скальд упомянул в первой из процитированных здесь строф. Этот восьмисложный размер с четырьмя ударными слогами в строке ритмически приближается к четырехстопному хорею. За использованный в ней размер драпа Арнора в честь Магнуса получила название «Хрюнхенда».
[18] *...лыжи хляби конунг мчит по склонам Мейти...* – Лыжи хляби – корабль; по склонам Мейти – по морю (Мейти – морской конунг, т.е. предводитель викингов). Прием согласования кеннингов, выстраиваемых в развернутую метафору, в скальдической поэтике получил наименование nýgerving «новообразование» (см.: *Snorri Sturluson*. Edda: Háttatal / Ed. A. Faulkes. L., 1999. P. 6–7).
[19] *...тверди князя...* – Князь тверди – Бог.
[20] *...погонщик ⟨...⟩ табуна межи моржовой.* – Моржовая межа – море; табун моря – флотилия кораблей, ее погонщик – муж, конунг.
[21] *Драпа Черных Гусей* («Blágagladrápa») – эта хвалебная песнь не сохранилась. Не исключено, что под «черными гусями» подразумеваются «птицы битвы» – вороны; о драпе см. примеч. 12 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».
[22] *...сложит о нем поминальную драпу.* – После гибели Харальда Сурового в битве при Стэмфорд Бридж (1066) Арнор исполнил свое обещание (см. выше).

ПРЯДЬ О ХРЕЙДАРЕ ДУРАКЕ

«Прядь о Хрейдаре Дураке» («Hreiðars þáttr heimska») сохранилась в составе «Саги о Магнусе Добром и Харальде Суровом» в «Гнилой Коже» (Morkinskinna / Udg. Finnur Jónsson. København, 1932. S. 124–137: гл. 24), а также в рукописях XIV и XV вв. «Hulda» и «Hrokkinskinna». В «Гнилой Коже» рассказу был предпослан заголовок («Fra Hreiþari heimska» – «О Хрейдаре Дураке»), по сообщению издателя почти стершийся. Поскольку в этой же саге в «Книге с Плоского Острова» рассказ о Хрейдаре отсутствует, принято считать, что он был включен в «Гнилую Кожу» уже после составления ее предполагаемой «старшей» (не сохранившейся) редакции, т.е. между 1220 и 1270/1280 гг. Как полагает его издатель, Э. Фолкс, рассказ мог быть создан в начале XIII в.

«Прядь о Хрейдаре Дураке» принадлежит к числу «прядей о поездках из страны» и описывает встречу исландца с двумя норвежскими конунгами, Магнусом Добрым и Харальдом Суровым, один из которых становится его покровителем, а другой – заклятым врагом. Прядь представляет собой историю малообещающего исландца-простака, превращающегося в результате знакомства с конунгом Магнусом в полноценного и преуспевающего члена общества. Благодаря общению с Магнусом Добрым,

сразу же разглядевшим в Хрейдаре заложенные в нем, но неведомые ни ему самому, ни другим возможности, в судьбе исландца происходит благотворный переворот: герой пряди преображается и начинает обнаруживать таившиеся в нем достоинства и умения. Рассказ по праву считается одним из наиболее совершенных произведений древнеисландской прозы (см. об этой пряди подробнее в кн.: *Гуревич Е.А.* Древнескандинавская новелла. С. 204–209).

Перевод выполнен по изд.: Two Icelandic Stories: Hreiðars þáttr, Orms þáttr / Ed. by A. Faulkes. L., 1968. (Viking Society for Northern Research). Ранее в этой же редакции перевод был опубликован в сб.: Филология: Исследования по древним и новым языкам. Переводы с древних языков. М., 1981; Корни Иггдрасиля. М., 1997; Исландские саги / Под ред. О.А. Смирницкой. СПб., 1999. Т. II. С. 479–493.

[1] *...которого убил Глум.* – Предполагается, что имеется в виду Глум Убийца (см. о нем в «Пряди об Эгмунде Битом и Гуннаре Пополам»), который жил между 930 и 1003 гг. и, следовательно, мог быть современником деда братьев – героев пряди (см.: Two Icelandic Stories... P. 87). В «Саге о Глуме Убийце» (как и в других источниках) нет, однако, упоминаний о том, что Глум убил человека по имени Хрейдар.

[2] *Островной Фьорд* – см. примеч. 28 к «Пряди о Торвальде Путешественнике». Герои рассказа, таким образом, – жители северной Исландии.

[3] *...ты возьмешь себе все отцовское наследство...* – В соответствии с исландскими законами наследство делилось поровну между сыновьями либо они владели им сообща.

[4] *...тебе нелегко будет меня удержать, раз я решил уехать.* – Комментаторы пряди отмечали сходство этой сцены с эпизодом «Саги об Эгиле» (гл. 40), в которой юный Эгиль принуждает своего брата Торольва взять его с собой в поездку (см.: Morkinskinna: The Earliest Icelandic Chronicle of the Norwegian Kings. P. 432, n. 2); ср.: «...когда Эгиль заговорил об этом с Торольвом, тот сказал: “Не жди, что я возьму тебя с собой. Если отец не может справиться с тобой в своем собственном доме, то как же я повезу тебя в чужие страны? Ведь там тебе не сойдет с рук то, что сходит здесь”. – “Тогда может случиться, – сказал Эгиль, – что ни один из нас не уедет”». Далее рассказывается о том, как Эгиль ночью обрубил канаты, после чего корабль Торольва унесло от берега и затем выбросило на песок. На упреки брата Эгиль отвечал, «что не замедлит причинить Торольву еще больше вреда и ущерба, если Торольв не захочет взять его с собой», и тому пришлось уступить (*ИС* I, 94–95).

[5] *...приплывают в Бьёргюн.* – В редакции пряди в рукописях «Hulda» и «Hrokkinskinna» сказано, что братья приплыли в Трандхейм. Принято считать, что Бьёргюн (совр. Берген) был основан норвежским конунгом Олавом Тихим в 70-е годы XI в. (и в таком случае сообщение пряди является анахронизмом), однако новейшие археологические находки позволяют отнести возникновение торгового поселения к 20–30-м годам XI в.

[6] *...а может, корабль спускают.* – Согласно норвежскому праву местное население было обязано повиноваться призыву и участвовать в спуске кораблей на воду или сообща вытаскивать их на берег на зиму (и то и другое именовалось skipdráttr), а уклонявшиеся от этой обязанности подлежали наказанию (см.: Two Icelandic Stories... P. 87).

[7] *...встреча с вами принесла бы ему удачу.* – О представлениях древних скандинавов об особой «удаче», которой был наделен конунг, см. примеч. 2 к «Пряди о Хрои Дураке». Перемена в судьбе Хрейдара может быть объяснена его встречей с Магнусом Добрым, передавшим ему частицу своей королевской «удачи».

[8] *...штаны до щиколоток...* – одежда подростков или дураков.

[9] *...один глаз у тебя немного выше другого.* – Об этой особенности внешности конунга Магнуса больше нигде не сообщается; как замечает издатель пряди, Э. Фолкс, Снорри Стурлусон («Сага о Харальде Суровом», гл. 99: *КЗ*, 462) отмечает сходную черту у Харальда Сурового: «одна его бровь была немного выше другой».

[10] *...Харальд конунг, мой родич.* – Т.е. норвежский конунг Харальд Суровый, дядя Магнуса Доброго по отцу (см. примеч. 1 к «Пряди об Арноре Скальде Ярлов»).

[11] Здесь и ниже многоточием в угловых скобках отмечен пропуск в рукописи.

[12] *В то время страной управляли два конунга: Магнус конунг и Харальд конунг.* – Магнус Добрый и Харальд Суровый совместно управляли Норвегией после возвращения Харальда в страну в 1046 г. и до смерти Магнуса 25 октября 1047 г.

[13] *...отправим тебя в Хель.* – Т.е. убьем тебя (о Хель см. примеч. 42 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде»).

[14] *Лендрманн* – см. примеч. 47 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога».

[15] *...эти люди сами во всем виноваты и потому лишили себя права на возмещение.* – По норвежским законам человек, напавший на другого, мог быть объявлен вне закона, и в случае если в ходе стычки он был убит защищавшимся, тот не должен был выплачивать возмещение за совершенное им убийство (см.: Norges gamle Love indtil 1387 / Udg. R. Keyser, P. A. Munch. Christiania, 1846. Bd. I. S. 68).

[16] *И как я раньше уже говорил...* – Весьма редкое в древнеисландской прозе прямое авторское вторжение в повествование (см. также «Прядь об Иваре сыне Ингимунда» и примеч. 1 к этой пряди).

[17] *...видит он теперь, что у нее сосцы и что это самка.* – Подарок Хрейдара – оскорбительный намек на прозвище отца конунга Харальда, которого звали Сигурд Свинья (Sigurðr sýr): сравнение мужа с существом женского пола (в том числе животным) считалось «нидом» (о ниде см. «Прядь о Торлейве Ярловом Скальде» и «Прядь о Торвальде Путешественнике»). Происхождение этого прозвища, вероятно, связано с культом плодородия (свинья – животное, посвященное богине плодородия Фрейе), о конунге Сигурде же рассказывается, что он был человеком миролюбивым, а также работящим и рачительным хозяином, который «сам вел хозяйство и следил за скотом и двором» (см.: *КЗ*, 182).

[18] *...на севере в Сварвадардале...* – См. примеч. 2 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде». В другой редакции рассказа (в «Hulda-Hrokkinskinna») говорится, что двор Хрейдара в Исландии зовется с тех пор Hreiðarsstaðir (Жилище Хрейдара). В Сварвадардале действительно есть хутор, носящий это имя (впервые он упоминается в 1473 г.), однако, как полагает издатель «Пряди о Хрейдаре», Э. Фолкс (см.: Two Icelandic Stories... P. 93), он едва ли имеет отношение к ее герою, как и его брат Торд, очевидно, вымышленному персонажу.

ПРЯДЬ О ТОРСТЕЙНЕ С ВОСТОЧНЫХ ФЬОРДОВ

В отличие от других прядей, связанных с именем Магнуса Доброго, «Прядь о Торстейне с Восточных Фьордов» («Þorsteins þáttr Austfirðings») не была включена в сагу об этом конунге ни в одном из дошедших до нас собраний «королевских саг». Как полагает издатель пряди, Йоун Йоуханнессон (*ÍF* XI. Bls. CXI), сомневающийся в аутентичности процитированных в ней стихов, якобы принадлежащих самому конунгу, это может свидетельствовать о малоизвестности истории о Торстейне с Восточных Фьордов, которую он, однако, датирует XIII в. По предположению Дж. Харриса (*Harris J.* The King in Disguise: An International Popular Tale in Two Old Icelandic Adaptations // Arkiv för nordisk filologi. 1979. Bd. 94. S. 76), отсутствие пряди в «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом» скорее может говорить о ее сравнительно позднем происхождении (он относит ее создание к XIV в.). «Прядь о Торстейне» сохранилась только в качестве самостоятельного рассказа в ряде бумажных списков XVII–XVIII вв. Главные из них – это AM 562 i 4to, рукопись, которая была скопирована ок. 1700 г. в Копенгагене Ауртни Магнуссоном с утраченной впоследствии книги, составленной священником Йоуном Эрлендссоном из Виллингахольта (ум. 1672), где рассказ озаглавлен «Af Þorsteini Austfirðing» – «О Торстейне с Восточных Фьордов», и AM 496 4to, которая была написана в Исландии зимой 1639–1640 гг. по распоряжению епископа Торлака Скуласона; в последней – пряди предпослан заголовок: «Ævintýr af Þorsteini nokkrum austfirskum» («История о некоем Торстейне с Восточных Фьордов»). Имеется также множество сделанных с этих рукописей более поздних списков.

Рассказ о Торстейне с Восточных Фьордов принадлежит к числу «прядей о поездках из страны», однако в нем не идет речь о конфликте между героем-исландцем и правителем Норвегии. Главная тема пряди – последовательное противопоставление не знающего придворного «вежества» исландца высокомерным и кичливым дружинникам конунга, над которыми он одерживает верх, обнаруживая отсутствующие у них достоинства, чем и завоевывает расположение конунга. Дж. Харрис (*Harris J.* The King in Disguise… S. 57–81) видит в сюжете рассказа о Торстейне одну из адаптаций универсального мотива «король инкогнито» и считает вероятным его заимствование из «Саги о Хаконе сыне Ивара», к которой, как полагают, восходит и аналогичный эпизод в «Саге о Харальде Суровом» в «Круге Земном» (гл. 64, 67: *КЗ*, 440, 442), где излагается история о бонде по имени Карл. Последний дает приют спасшемуся бегством из боя датскому конунгу Свейну, скрывающемуся под именем Человек-в-Беде. В «Пряди о Торстейне» имеются также явные параллели с «Прядью об Аудуне с Западных Фьордов» и некоторыми другими рассказами, вошедшими в настоящее собрание (подробнее об этой пряди см.: *Harris J.* The King in Disguise…; *Гуревич Е.А.* Исландец на чужбине: Об одной теме в прядях // Атлантика: Записки по исторической поэтике. М., 2005. Вып. VII. С. 51–71; *Гуревич Е.А.* Древнескандинавская новелла. С. 237–255).

Перевод сделан по изд.: Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2282–2284. (Svart á hvítu). На русском языке прядь публикуется впервые.

[1] *Восточные Фьорды* – общее название обширной местности на востоке Исландии, которая включает в себя побережье и прилегающие земли от Оружейного Фьорда на северо-востоке до Медведицына Фьорда и Глинистого Залива на юго-востоке.

[2] – *Мое имя Стюрбьёрн…* – См. об этом имени примеч. 10 к «Пряди о Стюрбьёрне Воителе Шведов».

[3] *…направляюсь на юг.* – Т. е. совершаю паломничество в Рим.

[4] *…устроено угощение…* – См. примеч. 83 к «Пряди об Орме сыне Сторольва».

[5] *Они так и сыпали насмешками ⟨…⟩ Велю приготовить тебе баню, и оставайся с нашими дружинниками, и никто не причинит тебе никакого вреда.* – Ср. поведение конунга и его дружинников в «Пряди об Аудуне с Западных Фьордов».

[6] *…ты, мужлан, видать, знаешь толк в каше!* – Ср. аналогичный мотив в «Пряди о Халли Челноке».

[7] *…в метели стрел* – в битве.

[8] *…вяз лязга стали* – муж; лязг стали – битва.

[9] *Превосходное предложение, государь, и покуда вы живы, дела мои здесь будут идти как нельзя лучше. Но никто не может быть уверен в своем долголетии…* – Магнус Добрый действительно вскоре после этого умер (25 сентября 1047), поэтому рассуждение исландца должно было свидетельствовать о его прозорливости.

ВТОРАЯ ПРЯДЬ О ХАЛЛЬДОРЕ СЫНЕ СНОРРИ

Так называемая «Вторая прядь о Халльдоре сыне Снорри» («Halldórs þáttr Snorrasonar hinn síðari»), именуемая «более поздней» по той причине, что в ней описывались события, имевшие место в 1049–1051 гг., уже после того происшествия, о котором рассказывалось в «Первой пряди о Халльдоре» (включенной в «Сагу об Олаве Трюггвасоне» в «Книге с Плоского Острова»; см. в наст. изд.), сохранилась в трех рукописях «Саги о Магнусе Добром и Харальде Суровом», а именно в «Гнилой Коже» (XIII в., см.: Morkinskinna / Udg. Finnur Jónsson. S. 148–155), в «Hulda» (XIV в.) и в «Hrokkinskinna» (XV в.). Поскольку в «Гнилой Коже» из-за лакуны отсутствует первый эпизод рассказа, утраченный в этой книге текст обычно восстанавливается по более поздним рукописям (редакция «Hulda-Hrokkinskinna» частично используется в изданиях и в последующих частях рассказа; ср.: *ÍF* V. Bls. 265–268). То обстоятельство, что «Второй пряди о Халльдоре» нет в «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом» в «Книге с Плоского Острова» (причем и в приложении к этой саге вторично появляется «Первая прядь о Халльдоре», ранее инкорпорированная в первую часть той же компиляции), по мнению издателя пряди, Эйнара Олавура Свейнссона, говорит о том, что она не была включена в первоначальную рукопись, так называемую «Древнейшую Гнилую Кожу» (начало XIII в.). Тем не менее Эйнар Олавур Свейнссон не сомневается в раннем происхождении «Второй пряди о Халльдоре» (*ÍF* V. Bls. XCI), которую он называет жемчужиной древнеисландского повествовательного искусства, и полагает, что до того, как эта прядь была записана, она должна была бытовать в устной традиции, по всей видимости восходившей к рассказам ее главного героя. По некоторым сообщениям (см. «Прядь об исландце-сказителе»), в том числе свидетельству потомка Халльдора, Снорри Стурлусона (см. «Сагу о Харальде Суровом», гл. 9 в «Круге Земном»), именно Халльдор принес в Исландию первую часть саги о Харальде Суровом, рассказывающую о его приключениях и подвигах в его бытность на Востоке, т.е. до восшествия на норвежский престол. Можно

предполагать также, что образ Харальда Сурового в древнеисландской литературе, и в первую очередь в других прядях, описывающих его взаимоотношения с исландцами (а также в повествованиях, созданных по их образцу, ср. «Прядь о Хеминге сыне Аслака»), сложился не без влияния тех историй, которые были поведаны Халльдором своим соотечественникам, и что определенная роль в формировании образа этого конунга принадлежит рассказам о конфликтах между Харальдом и Халльдором, о которых идет речь в данной пряди.

Помимо разных редакций саг о Харальде Суровом и нескольких прядей (двух рассказов, посвященных Халльдору, «Пряди об исландце-сказителе» и «Пряди о Хеминге»), о Халльдоре сыне Снорри упоминается в ряде саг об исландцах – в «Саге о людях с Песчаного Берега» (гл. 65), где он назван «самым знатным» сыном Снорри Годи, в «Саге о битве на Пустоши» и в «Саге о людях из Лососьей Долины» (гл. 78). Биографические сведения о Халльдоре довольно скудны: известно, что он был одиннадцатым из 19 детей могущественного исландского предводителя Снорри Годи, на основании чего принято считать, что он родился между 1000 и 1010 гг. Из сообщения последней из названных саг следует, что он уехал из Исландии незадолго до смерти своего отца в 1031 г. Последующие 20 лет жизни Халльдор провел вдали от родины. В 1034–1042 гг. он был вместе с Харальдом в Константинополе и служил под его началом в варяжской дружине византийского императора. В эти годы он и подружился с будущим правителем Норвегии, став его ближайшим соратником, – повествуя о ратных подвигах Харальда на Востоке, как «Гнилая Кожа», так и «Круг Земной» не раз упоминают Халльдора. Однако после возвращения в Норвегию, куда Халльдор приехал с Харальдом в 1045 или 1046 г., и после того как Харальд стал норвежским конунгом, между былыми друзьями возникло отчуждение и стали вспыхивать описанные в пряди конфликты, приведшие к их окончательному разрыву в 1051 г. и отъезду Халльдора домой. Известно, что в Исландии Халльдор женился на Тордис дочери Торвальда и что их дочерью была Торкатла, от которой происходят Стурлунги.

Ни в одном другом рассказе упрямый и неуживчивый нрав Халльдора не описан столь выпукло, как во «второй» пряди о нем. В жанровом отношении рассказ принадлежит к «прядям о поездках из страны» и повествует о том, как герой-исландец одержал верх над могущественным правителем Норвегии.

Перевод сделан М.И. Стеблин-Каменским по изд.: Laxdæla saga / Einar Ól. Sveinsson gaf út. Reykjavík, 1934. (*ÍF* IV). Перевод впервые опубликован в кн.: Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 535–544 и неоднократно переиздавался (в наст. изд. печатается по: *ИС* II, 516–526).

[1] *...был в Миклагарде с Харальдом конунгом, как уже рассказано раньше...* – Ранее в «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом», в которую включена эта прядь, рассказывалось о пребывании будущего конунга Норвегии Харальда Сигурдарсона в Византии (Миклагард – Константинополь), где он был предводителем так называемой варяжской дружины, и о его походах в Средиземноморье и на Востоке (см. выше, а также «Первую прядь о Халльдоре сыне Снорри»).

[2] *Гардарики* – Русь.

[3] *...в Каупанге.* – Т.е. в Нидаросе (совр. Тронхейм). Каупанг (букв.: торговое место) – первоначальное название Нидароса, тогда как последнее наименование

впервые появляется после 1180 г. (см. об этом: *ÍF* XXIX. Bls. CXXX–CXXXI; Morkinskinna: The Earliest Icelandic Chronicle of the Norwegian Kings. P. 419–420). Нельзя, однако, исключить, что наименование Каупанг, обычно употребляемое в «Гнилой Коже» для обозначения Нидароса, является в ней именем нарицательным (kaupangr) и означает «город».

[4] *Свейн, конунг датский…* – См. примеч. 11 к «Пряди о Храфне сыне Гудрун».

[5] Ср. уловку, к которой в аналогичных обстоятельствах прибег герой другой пряди, также вставленной в «Сагу о Магнусе Добром и Харальде Суровом» в «Гнилой Коже» (см.: «Прядь о Халли Челноке», гл. 9).

[6] *…тот уже кончил пить…* – От начала пряди и до этой фразы в «Гнилой Коже» лакуна (см.: Morkinskinna / Udg. Finnur Jónsson. S. 148), поэтому предшествующий текст обычно приводится по рукописям «Hulda» и «Hrokkinskinna» (см. выше).

[7] *Свечник* (kertisveinn) – слуга конунга (или знатного человека), в чьи обязанности среди прочего входило вносить и держать свечи перед конунгом.

[8] *…подкупили звонаря, и он зазвонил намного раньше, чем обычно.* – Ср. аналогичный мотив в «Пряди об Асбьёрне Тюленебойце».

[9] *…пить из штрафного рога.* – Дружинник, нарушивший устав или придворный этикет (здесь, судя по всему, идет речь об опоздании к столу; ср. упоминания о таких же проступках в «Первой пряди о Халльдоре сыне Снорри» и в «Пряди об Эйнаре сыне Скули»), был обязан сесть на солому и выпить большой штрафной рог (vítishorn). См. также знаменитый рассказ в «Младшей Эдде», где Утгарда-Локи подносит Тору бездонный штрафной рог, «из которого обычно пьют его люди», сообщая, что «тот горазд пить из этого рога, кто осушит его с одного глотка» (*МЭ*, 73–74, 77).

[10] *…Сигурд Свинья не стал бы так насиловать Снорри Годи.* – Сигурд Свинья – отец Харальда (см. примеч. 4 к «Пряди об Эймунде сыне Хринга», о его прозвище см. примеч. 17 к «Пряди о Хрейдаре Дураке»); Снорри Годи – отец Халльдора (см. о нем примеч. 1 к «Пряди о Тородде сыне Снорри»).

[11] *…наступил восьмой день Рождества…* – На восьмой день после Рождества приходится праздник Обрезания Господня.

[12] *Эти деньги назывались «Харальдовой чеканкой». Большую часть составляла в них медь, а серебра в них было не больше половины.* – Харальд Суровый расплачивался со своими дружинниками деньгами и упорядочил их чеканку. При нем, однако, началась порча норвежской монеты: сообщения саг о том, что чеканенные этим конунгом серебряные монеты наполовину состояли из меди, подтверждаются исследованиями найденных монет, изготовленных в 50-е годы XI в. (см.: *Гуревич А.Я.* «Круг Земной» и история Норвегии // Снорри Стурлусон. Круг Земной. С. 627 и след.).

[13] *Лендрманн* – см. примеч. 47 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога».

[14] *Ты из Вика и потому особенно нужен мне как советчик.* – Так в «Hulda», тогда как в «Гнилой Коже» сказано: «Ты мудрый человек…» и т.д.

[15] *…едут на восток в Осло…* – Традиция приписывает Харальду Суровому основание Осло, города, который стал базой для борьбы против Дании и важным торговым центром на востоке Норвегии.

[16] *…там им устраивают пиры.* – См. примеч. 83 к «Пряди об Орме сыне Сторольва».

[17] *Полмарки* – см. примеч. 14 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».

[18] *Нид* – река, в устье которой расположен Нидарос.

[19] *...пошел один...* – Так в «Hulda», тогда как в «Гнилой Коже» сказано, что Халльдор пошел в город с несколькими людьми, которые дожидались его, пока он встречался с конунгом.

[20] Эта характеристика Халльдора отсутствует в тексте пряди в «Гнилой Коже», ср., однако, аналогичный пассаж в «Саге о Харальде Суровом» (гл. 36) в «Круге Земном», как считается, свидетельствующий о том, что автор этой саги Снорри Стурлусон (потомок Халльдора) был знаком с текстом пряди: «Халльдор был высок и силен, как никто, и очень красив. Харальд конунг говорит, что он был самым невозмутимым из всех его людей. Узнавал ли он о смертельной опасности или о радостной новости, он не становился ни радостнее, ни печальнее и спал не меньше и не больше, чем обычно, и пил и ел, как всегда. Халльдор был человек немногословный, резкий в речах и прямой, упрямый, непреклонный, он плохо ладил с конунгом, на службе у которого было довольно других знатных людей. Халльдор недолго оставался у конунга. Он уехал в Исландию, построил себе усадьбу на Стадном Холме и жил там до старости» (*КЗ*, 424). Издатель «Второй пряди о Халльдоре сыне Снорри», Эйнар Олавур Свейнссон, полагает, что Снорри заимствовал это описание непосредственно из пряди, из чего следует, что первоначально оно было также и в ее тексте в «Гнилой Коже», причем, по его мнению, приводилось в ней в самом начале рассказа (*ÍF* V. Bls. XCI).

[21] *Стадный Холм* (Hjarðarholt) – двор в Долинах в Лощинном Фьорде на западе Исландии, по сообщению «Саги о людях из Лососьей Долины» (гл. 24) построенный Олавом Павлином сыном Хёскульда. Здесь воспитывались герои этой саги, Кьяртан сын Олава и Болли сын Торлейка (о сыне последнего см. «Прядь о Болли» в наст. изд.). В XI в. одним из владельцев Стадного Холма был Халльдор сын Снорри, возможно купивший этот двор у своей сестры Торы, жены внука Олава Павлина, Берси Повозки (Kerru-Bersi). В тексте пряди в «Гнилой Коже» сообщение о том, что Халльдор жил в Стадном Холме (о чем упоминается и в «Круге Земном», см. предыд. примеч.), отсутствует.

[22] *...и что ни одного человека в Норвегии без титула он не поставит выше него, если он примет приглашение.* – Так в «Hulda», в редакции пряди в «Гнилой Коже» об этом обещании конунга не упоминается.

[23] *– Старится петух!* – О вероятном непристойном смысле этой фразы (árgali «петух», букв.: рано поющий, также может служить наименованием мужского детородного органа) см.: Morkinskinna: The Earliest Icelandic Chronicle of the Norwegian Kings. P. 194, 435, note 12.

[24] *Халльдор дожил в Стадном Холме до глубокой старости.* – Так в редакции «Hulda-Hrokkinskinna». В «Гнилой Коже» прядь завершается иначе: «О Халльдоре здесь больше не будет упоминаться».

ПРЯДЬ О НЕРАЗУМНОМ ИСЛАНДЦЕ

Этот рассказ сохранился в «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом» в младшей части «Книги с Плоского Острова» (*Flat.* III, 345–347, по тексту которой он обычно публикуется в изданиях, поскольку в «Гнилой Коже» соответствующий лист отсутствует), а также в рукописях «Hulda» (XIV в.) и «Hrokkinskinna» (XV в.).

В «Книге с Плоского Острова» рассказ вводится заглавием «Fra Islenzkum manne» – «Об одном исландце», в «Hulda» он носит название «Af fiarfvndi» – «О находке клада». Название «Íslendings þáttr óráðga» – «Прядь о неразумном исландце», под которым рассказ публикуется в настоящем собрании, не является оригинальным, но было присвоено ему одним из издателей, Гвидни Йоунссоном (см.: Íslendinga sögur / Guðni Jónsson bjó til prentunar. Reykjavík, 1947. IX. bindi). В саге рассказ присутствует среди эпизодов, повествующих о соперничестве Харальда Сурового с одним из самых могущественных представителей норвежской знати, Эйнаром Брюхотрясом, вскоре приведшем к гибели Эйнара (последний был убит по приказу конунга зимой 1049–1050 гг.).

В отличие от Гвидни Йоунссона, трактующего этот эпизод как прядь, исследователь «Гнилой Кожи» Х. Гиммлер (*Gimmler H.* Die Thættir der Morkinskinna. Ein Beitrag zur Überlieferungsproblematik und zur Typologie der altnordischen Kurzerzählung. (Diss.). Frankfurt /Main, 1976. S. 64, 33) относит его к сходным с прядями «пограничным» рассказам (см. Дополнение 4), однако, поскольку главный герой этой истории – исландец, мы сочли возможным привести его вместе с другими «прядями об исландцах», вошедшими в «Сагу о Магнусе Добром и Харальде Суровом».

Перевод сделан по изд.: Morkinskinna / Udg. Finnur Jónsson. København, 1932. S. 172–175. На русском языке прядь публикуется впервые.

[1] *...направились в сторону Гаулардаля наверх на Гауларас...* – См. примеч. 7 к «Пряди о Стейне сыне Скафти». Отмечалось, что, находясь на корабле, исландец никак не мог разглядеть того, что происходило на Гауларасе; не исключено, что автор рассказа никогда не бывал на месте действия своей истории – в Нидаросе (совр. Тронхейм), городе, расположенном в устье реки Нид на южной стороне Трандхеймсфьорда.

[2] *...три марки...* – См. примеч. 14 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».

[3] *...замечает на сундуке руны, и они гласили, что владельцем этого клада был Хакон ярл...* – Сохранившиеся норвежские рунические надписи на различных предметах нередко сообщают имя их владельца. Хакон ярл – см. примеч. 1 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».

[4] *Эйнар Брюхотряс* – см. о нем в «Пряди об Эйндриди и Эрлинге», в «Первой пряди о Халльдоре сыне Снорри», а также в «Пряди о Торстейне сыне Халля с Побережья».

[5] *...ярл Хакон из Хладира, его тесть.* – Эйнар был женат на дочери ярла Хакона, Бергльот.

ПРЯДЬ ОБ АУДУНЕ С ЗАПАДНЫХ ФЬОРДОВ

«Прядь об Аудуне с Западных Фьордов» («Auðunar þáttr vestfirzka») сохранилась в трех средневековых редакциях, а именно в составе «Саги о Магнусе Добром и Харальде Суровом» в «Гнилой Коже» (Morkinskinna / Udg. Finnur Jónsson. København, 1932. S. 180–187), в которой пряди предпослано заглавие: «Fra þvi er Auþun enn vestfirðzki førþi Sveini konvngi biarndyri» – «О том, как Аудун с Западных Фьордов при-

вез Свейну конунгу медведя»; в этой же саге в рукописях XIV и XV вв. «Hulda» и «Hrokkinskinna», а также в младшей (добавленной в XV в.) части «Книги с Плоского Острова», где она присутствует уже в качестве самостоятельного рассказа и записана среди прочих прядей – приложений к «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом» (*Flat.* III, 410–415). Последняя редакция пряди более пространна и особенно в начале содержит некоторые подробности, отсутствующие в двух других редакциях рассказа, включенных в «королевскую сагу» (см. коммент.). При этом остается открытым вопрос о соотношении двух основных существующих версий пряди (в *Mork.* и *Flat.*) и степени их близости к утраченному «архетипу». Хотя издатели и переводчики пряди в большинстве случаев по традиции воспроизводят редакцию наиболее ранней рукописи – «Гнилой Кожи» (не является исключением и публикуемый здесь перевод), существует вероятность, что, как и в ряде других случаев (см. «Прядь о Халли Челноке»), ее составитель подверг сокращению первоначальный текст пряди, и версия «Книги с Плоского Острова», несмотря на ее существенно более позднюю датировку, может стоять ближе к предположительно написанному в первые десятилетия XIII в. оригиналу (ср. противоположные точки зрения на этот счет в работах: *Циммерлинг А.В.* Две редакции «Пряди об Аудуне» // Слово в контексте литературной эволюции. М., 1992; *Miller W.I.* Audun and the polar bear: Luck, law, and largesse in a medieval tale of risky business. Leiden; Boston, 2008. P. 3–5). Помимо уже названных основных средневековых рукописей, «Прядь об Аудуне» сохранилась во множестве поздних списков, что говорит о ее популярности.

«Прядь об Аудуне с Западных Фьордов» – одно из самых прославленных произведений древнеисландской малой прозы. Со времени первой публикации рассказа в 1818 г. (Commentarium anecdotum de Auduno Regem Svenonem Astrithidam invisente islandice et latinae edidit cum praefatiuncula Birgerus Thorlacius. Havniae, 1818) едва ли найдется собрание прядей, в которую не вошла бы эта история. Рассказ принадлежит к жанровой разновидности «прядей о поездках из страны», однако имеет от них то отличие, что в нем (хотя для этого неоднократно возникают поводы) отсутствует конфликт между исландцем и одним из конунгов-антагонистов. При этом, несмотря на отступление от обычной для прядей этого типа модели выстраивания взаимоотношений трех главных персонажей истории (герой-исландец vs. конунг – противник героя и конунг – покровитель героя), в ней сохраняется традиционное сравнение / противопоставление двух государей, вступающих в заочное состязание в щедрости и великодушии, в которой датчанин Свейн побеждает норвежца Харальда. Образ и поведение Харальда Сурового в данном рассказе немало отличаются от того, что мы наблюдаем в других прядях об этом конунге, где он нередко в полной мере оправдывает данное ему прозвище. Вместо того чтобы наказать упрямого посетителя, он отпускает его с миром: очевидно, прозорливость короля, которому дано увидеть и предвидеть то, что скрыто от простых смертных, помогли ему разглядеть в Аудуне человека, наделенного большой удачей, отчего у него и возникло желание удостовериться в справедливости своей догадки. Устремления и действия самого героя пряди в значительной степени детерминированы традиционными древнескандинавскими представлениями об удаче, богатстве и дарении, а вовсе не жаждой поправить свое имущественное положение. Очевидно, что Аудун добивается не богатства как такового, но награды и расположения вполне определенного правителя, конунга Свейна,

которого он ставит выше других государей и чьи ответные дары поэтому обладают в его глазах наибольшей притягательностью и могут способствовать «взращиванию» его удачи (об отразившихся в пряди древнескандинавских представлениях об удаче и обмене дарами см. прежде всего: *Miller W.I.* Audun and the polar bear…).

Невозможно установить, в какой мере рассказ об Аудуне историчен. Упоминание в конце пряди реального лица, Торстейна сына Гюды (см. комментарии), как и в других случаях, вполне могло преследовать цель придать достоверности фигуре ее главного персонажа. В рассказе об Аудуне пытались усмотреть сказочную основу (ср.: *Taylor A.R.* Auðunn and the Bear // Saga-Book of the Viking Society. 1946. Vol. 13. P. 78–96), находили занесенные с Востока странствующие фольклорные мотивы (см.: *Wikander S.* Från indisk djurfabel till isländsk saga // Vetenskaps-Societeten i Lund. Årsbok. 1964. S. 89–114; *Stefán Einarsson.* Æfintýraatvik í Auðunar þætti vestfirzka // Skírnir. 1939–1940. 113. árg. Bls. 161–171; о литературных связях «Пряди об Аудуне» см. также: *Гуревич Е.А.* Исландец в поисках удачи: О «Пряди об Аудуне с Западных Фьордов» // Мировое древо. М., 2004. Вып. 11. С. 9–53), видели отражение дохристианской обрядовой символики (см.: *Fichtner E.G.* Gift Exchange and Initiation in the «Auðunar þáttr Vestfirzka» // Scandinavian Studies. 1979. Vol. 51. P. 249–272).

Прядь приводится в переводе М.И. Стеблин-Каменского, сделанном по изд.: Íslendinga sögur / Guðni Jónsson bjó til prentunar. Reykjavík, 1953. V. bindi (редакция *Mork.*). Перевод был впервые опубликован в кн.: Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973 и неоднократно переиздавался (здесь текст приводится по изд.: *ИС* II, 493–500).

[1] *…по имени Аудун, а родом с Западных Фьордов.* – Если герой рассказа вымышленный персонаж, то выбор его имени, возможно, неслучаен: Auðun < др.-герм. Auðawiniz «друг богатства». Западные Фьорды – местность в западной четверти Исландии.

[2] *…Аудун оставил бóльшую часть своих денег матери. Их должно было хватить ей на три зимы.* – Аудун, таким образом, выполнил требование закона, обязывающего каждого, кто покидал страну, обеспечить пропитанием зависевших от него иждивенцев сроком «на шесть полугодий» (misseri). По исландским законам человек, который уехал, оставив без средств к существованию тех, кто находился на его иждивении, подлежал изгнанию на три года и лишался своего имущества (см.: *Miller W.I.* Audun and the polar bear… P. 15).

[3] *Мёр* – см. примеч. 1 к «Пряди о Тидранди и Торхалле».

[4] *…в Гренландию и там зимуют. Рассказывают, что Аудун купил там белого медведя – большое сокровище – и отдал за него все свое добро.* – «Гнилая Кожа» ограничивается лишь кратким сообщением о зимовке Аудуна в Гренландии и покупке медведя, тогда как в редакции пряди в «Книге с Плоского Острова» мы находим некоторые подробности. Здесь говорится, что по прибытии в Гренландию Аудун остановился в Западном Поселении (см. «Прядь о гренландцах»), а медведя приобрел у поймавшего его охотника по имени Эйрик. Сказано также, что медведь этот был необычайно красив и что Эйрик отговаривал Аудуна от этой покупки, говоря, что неблагоразумно тому отдавать за приглянувшегося ему зверя все свое добро; Аудун, однако же, не внял ему (*Flat.* III, 411).

[5] *Свейн конунг* – датский конунг Свейн сын Ульва (см. примеч. 11 к «Пряди о Храфне сыне Гудрун»).

[6] *...подарить ему медведя.* – В древнеисландской литературе не раз упоминается о привезенных в подарок правителям белых медведях. Так, в «Саге о людях из Озерной Долины» (гл. 15–16) рассказывается о том, что Ингимунд сын Торстейна отвез Харальду Прекрасноволосому медвежонка, отнятого у белой медведицы. В «Hungrvaka» (см. «Прядь о епископе Ислейве») сообщается, что во время поездки на континент в 1056 г. Ислейв сын Гицура преподнес германскому императору Генриху III белого медведя. О таком же подарке, сделанном Эйнаром сыном Сокки норвежскому конунгу Сигурду Крестоносцу, говорится в «Пряди о гренландцах»; в ней же позднее сообщается о другом белом медведе, привезенном из Гренландии Кольбейном. Последний отправился с этим зверем к конунгу Харальду Гилли, но не получил от того награду за зверя, после чего сделался его противником (см. в наст. изд.).

[7] *Отощал он страшно ⟨...⟩ Голова у него бритая и вид довольно жалкий.* – Это описание («Gerir hann þá ákaflega magran ⟨...⟩ Hann er þá kollóttur og heldur ósællegur», *ÍSÞ* III, 2084; ср. также в версии «Hulda»: «Auðun var þá kollóttr ok klæðlauss», см.: Fjörutíu Íslendinga þættir / Þórleifr Jónsson gaf út. Reykjavík, 1904. Bls. 6) находит почти дословную параллель в анекдоте об исландском скальде Мани из «Саги о Сверрире» (гл. 85; см. эту прядь в наст. изд.), где также сообщается о прибытии к конунгу (Магнусу Эрлингссону) нищего паломника, державшего путь из Рима. О Мани сказано: «ok var hann þá ekki féligr Máni, kollóttr ok magr ok nær klæðlauss» – «Вид у Мани был жалкий. Он был наголо обрит, тощ и почти без одежды» (Sverris saga / Utg. G. Indrebø. Kristiania, 1920. S. 91).

[8] *– Нечего вам смеяться над ним, ибо он лучше позаботился о своей душе, чем вы. Затем конунг велел приготовить ему баню, дал одежду...* – В противоположность своей высокомерной свите (ср. аналогичное отношение дружинников к возвращающемуся из паломничества исландцу в «Пряди о Торстейне с Восточных Фьордов»), конунг Свейн изображен как истинный христианин. В двух других средневековых редакциях пряди эти черты еще более усилены. Согласно версии «Hulda», конунг Свейн, проявляя смирение, собственноручно прислуживает исландцу во время омовения, а в ответ на адресованные Аудуну насмешки дружинников втолковывает своим приближенным, что, «хотя им он и представляется “жалким с виду” (ósælligr at sjá), Богу он должен будет показаться “прекрасным и привлекательным” (fagr ok fríðr)» (Fjörutíu Íslendinga þættir. Bls. 7). Согласно редакции «Книги с Плоского Острова», конунг жалует Аудуну наряд со своего плеча, тот самый, который он носил во время Пасхи («fiekk konungr honum þau klædi er hann hafdi haftt vm faustuna», *Flat.* III, 413).

[9] *Стольник* (skutilsveinn) – почетная придворная должность. В Норвегии она была введена во время правления сына Харальда Сурового, Олава Тихого (1066–1093).

[10] *Страна Саксов* – см. примеч. 101 к «Пряди о Норна-Гесте».

[11] *– Он принял от меня подарок, государь.* – Ср. «Прядь о Торварде Вороний Клюв», в которой конунг оскорбляет исландца, отказываясь принять его дар. Принятие подарка – это, однако, не только оказание чести дарителю, но и вступление с ним в отношения взаимного дарения, т.е., по сути, обещание ответного дара.

[12] *...стать у него стольником и принять великие почести.* – В «Книге с Плоского Острова», прежде чем упомянуть об этом предложении конунга Свейна, Аудун сообщает конунгу Харальду о том, что Свейн отблагодарил его, умирающего нищего, только что вернувшегося из Рима, тем, что пригласил его присоединиться к королев-

ской дружине, а также тем, что пожаловал ему свою одежду, которую носил на Пасху. Харальд говорит на это, что на месте Свейна поступил бы так же.

[13] *Конунг принял подарок милостиво и, прежде чем они расстались, отблагодарил Аудуна богатыми подарками.* – В редакции пряди в «Книге с Плоского Острова» сказано, что это были за подарки: Харальд распорядился снарядить корабль Аудуна и снабдить его припасами в дорогу, а на прощание пожаловал ему меч и плащ – оба, как сказано, были большими сокровищами.

[14] *От этого Аудуна произошел Торстейн сын Гюды.* – Торстейн сын Гюды (ум. 1190), зажиточный исландец, живший на Плоском Острове в Широком Фьорде, упоминается в разных источниках, в том числе в «Саге о Стурлунгах». Известно, что он был родичем Снорри Стурлусона, которому на этом основании даже пытались приписать авторство пряди (см.: *ÍF* VI. Bls. CVII). Если Аудун не вымышленный герой, то он мог приходиться Торстейну сыну Гюды дедом или прадедом.

ПРЯДЬ О БРАНДЕ ЩЕДРОМ

«Прядь о Бранде Щедром» («Brands þáttr örva») сохранилась в составе «Саги о Магнусе Добром и Харальде Суровом» в трех средневековых рукописях: в созданной в последней четверти XIII в. «Гнилой Коже» (Morkinskinna / Udg. Finnur Jónsson. København, 1932. S. 194–195), в «Hulda» (XIV в.) и «Hrokkinskinna» (XV в.). В «Гнилой Коже» рассказ имеет заглавие: «Fra Haralldi konvngi oc Brandi orva» – «О Харальде конунге и Бранде Щедром».

В отличие от большинства «прядей об исландцах», включенных в «Гнилую Кожу», характерная черта которых – искусно выстроенные диалоги персонажей, нередко образующие ядро повествования, рассказ о Бранде Щедром знаменит тем, что на протяжении всего действия его герой ни разу не нарушает молчания, ограничиваясь скупыми, но в высшей степени красноречивыми жестами, понятными лишь ему и конунгу Харальду, – рассказ, таким образом, подтверждает характеристику этого правителя, как сильного разумом и прозорливого государя. Однако главная особенность «Пряди о Бранде Щедром» состоит в том, что это единственная история, в которой исландский купец и правитель Норвегии состязаются на равных, примеряя к себе и друг к другу образ эталонного государя, – ведь устроенное исландцу испытание было спровоцировано дерзким утверждением Тьодольва, что Бранд, как никто другой, был достоин сделаться конунгом Исландии, т. е. стать ровней самому Харальду (см. о теме «исландский конунг» в коммент.). Победа в этом заочном состязании остается за исландцем: не норвежский король-завоеватель Харальд, а исландский бонд Бранд обнаруживает истинно монаршие качества, показывая конунгу, как следует вести себя образцовому правителю.

Имя Бранда Щедрого, сына Вермунда Тощего из Озерного Фьорда, известно из целого ряда исландских текстов, неизменно говорящих о нем в самых превосходных выражениях, как об одном из самых уважаемых людей своего времени. Из них, в частности, следует, что за свою жизнь этот исландец повидал не одного норвежского государя. Помимо данного рассказа, Бранд Щедрый является одним из персонажей «Пряди о епископе Ислейве» (см. в наст. изд.), где он также оправдывает данное ему прозвище – рискуя вызвать неудовольствие Олава Святого, отдает безвестному исландскому священнику

свой плащ, подаренный этим конунгом (см., однако, примеч. 2 к пряди об Ислейве). Согласно имеющимся источникам, это был не первый приезд Бранда в Норвегию. В «Саге о людях из Лососьей Долины» (гл. 40) и в «Саге об Олаве сыне Трюггви» (гл. 81 в версии «Круга Земного») рассказывается о прибытии Бранда в Нидарос по торговым делам в 999 г., в то время когда правителем страны был Олав Трюггвасон. Уже из этого сообщения можно заключить, что, хотя все персонажи нашего рассказа – реальные лица, изложенный в нем эпизод едва ли может претендовать на историчность, поскольку описанное в пряди происшествие должно было иметь место не ранее чем полвека спустя, когда ее главного героя либо уже не было в живых, либо преклонный возраст не позволил бы ему совершить путешествие в Норвегию. Кроме того, в «Саге о Финнбоги Сильном» (гл. 41–42) рассказывается о редком благородстве, проявленном Брандом при урегулировании его конфликта с Финнбоги, когда он отказался от законного возмещения за нанесенный ему ущерб, а «Сага о людях с Песчаного Берега» (гл. 65) сообщает о женитьбе Бранда на Сигрид, одной из дочерей могущественного исландского предводителя Снорри Годи (см. о последнем в «Пряди о Тородде сыне Снорри»). Самое примечательное упоминание о Бранде Щедром содержится, однако, в «Саге о Стурлунгах» (XIII в.), где его имя используется как символ старого доброго времени, причем, как и в пряди о нем, возникает тема «исландский конунг». В центральном произведении этого цикла, «Саге об исландцах» (гл. 190) Стурлы Тордарсона, в висе, которую произносит являющаяся во сне героиня древнескандинавского эпоса Гудрун дочь Гьюки, Бранд Щедрый противопоставляется тогдашним правителям Норвегии, стремящимся подчинить своей власти Исландию: «Тогда было лучше, когда властвовал над ⟨золотыми⟩ кольцами Бранд Щедрый и сын великодушного; теперь стали властителями над землями – и долго ими пребудут – конунг Хакон и его сыновья». Как указанные выше хронологические неувязки, так и характер упоминаний о Бранде в перечисленных текстах, позволяют предполагать, что лежащее в основе пряди предание (если этот рассказ вообще опирался на устную традицию; ср. Morkinskinna: The Earliest Icelandic Chronicle of the Norwegian Kings. P. 438 f.: издатели придерживаются мнения, что история о столкновении Бранда с Харальдом Суровым могла быть принесена в Исландию ее героями – Брандом или скальдом Тьодольвом Арнорссоном) едва ли восходит к некоему действительному происшествию. Скорее, оно отражает идеализированное представление о героическом прошлом и живших в прежние времена выдающихся исландцах, при случае не пасовавших и перед всесильными правителями Норвегии (о пряди о Бранде см. также: *Гуревич Е.А.* Древнескандинавская новелла. С. 140–149).

Перевод сделан по изд.: Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2105–2106. (Svart á hvítu) (редакция *Mork.*). Ранее этот же перевод был опубликован в ежегоднике «Одиссей. 1997». М., 1998 (см. там же статью: *Гуревич Е.А.* Исландия: Щедрость и обмен дарами. С. 299–302) и в сб.: Корни Иггдрасиля. М., 1997; Исландские саги / Под ред. О.А. Смирницкой. СПб., 1999. Т. II. С. 503–505.

[1] *...сын Вермунда из Озерного Фьорда.* – Отец Бранда, Вермунд Тощий сын Торгрима, упоминается во многих сагах (см. прежде всего «Сагу о людях с Песчаного Берега», «Сагу о битве на Пустоши», «Сагу о Греттире», гл. 52). Озерный Фьорд – местность на северо-западе Исландии.

[2] *Тьодольв скальд* – Тьодольв сын Арнора, главный скальд Харальда Сурового (см. о нем примеч. 3 к «Пряди о Халли Челноке»).

[3] *...едва ли сыщется в Исландии кто другой, кому бы больше пристало быть конунгом...* – Вплоть до утраты независимости и подчинения норвежской короне (1262) в Исландии никогда не было верховного правителя. Однако, как было показано (см.: *Hermann Pálsson*. Brands þáttur örva // Gripla. Reykjavík, 1990. 7. árg.; *Andersson Th.M.* The King of Iceland // Speculum. 1999. Vol. 74. N 4), тема «исландский конунг» неоднократно возникает в средневековых текстах, причем всякий раз оказывается связанной с именем Харальда Сурового. Впервые она появляется в составленной в начале XIII в. краткой истории епископов Исландии «Hungrvaka» (см. примеч. 1 к «Пряди о епископе Ислейве»), где, в частности, содержится рассказ о втором из них, Гицуре сыне Ислейва (ум. 1118), принявшем сан в конце XI в. Согласно сообщению этой «епископской саги», грядущее рукоположение Гицура было предсказано Харальдом Суровым, который, встретившись с исландцем в его молодые годы, объявил, что по его виду можно заключить, что он будет достоин любого почетного звания. Когда предвидение Харальда сбылось и Гицур сделался епископом, он был столь почитаем в Исландии, что, как свидетельствует все тот же источник, «правильно было бы сказать, что пока он жил, он был надо всей страной и конунгом и епископом» (Byskupa sǫgur / Udg. Jón Helgason. København, 1938. H. I. S. 85). В более поздней «Гнилой Коже», также сообщающей о встрече Харальда Сурового с Гицуром, слова о том, что этот исландец «годится на то, чтобы стать конунгом», принадлежат уже самому правителю Норвегии. Таким образом, тема «исландский конунг» появляется в «Гнилой Коже» дважды: в первый раз этот титул примеряется к Бранду Щедрому, во второй – к епископу Гицуру. Этот же мотив мы затем находим в сцене суда в «Саге о союзниках» (гл. 10), где аналогичную оценку получает Бродди Бородач (Skegg-Broddi), однако здесь она носит не комплиментарный, а откровенно иронический характер («Правда ли, что, когда ты был у Харальда конунга сына Сигурда, он будто бы сказал, что ты, по его мнению, больше других людей в Исландии годишься на то, чтобы стать конунгом?» – «Конунг часто милостиво разговаривал со мной, однако не известно, всегда ли он думал то, что говорил». – «Быть тебе конунгом в другой тяжбе, потому что из этой я тебя исключаю...», *ÍSÞ* I, 20; см. эту сагу в переводе А.В. Циммерлинга в кн.: Исландские саги. М., 2004. Т. 2).

[4] *Он отрывает один рукав...* – По мнению Херманна Паулссона (см.: *Hermann Pálsson*. Brands þáttur örva. Bls. 122 f.), образцом для описания этого действия Бранда мог послужить эпизод из жизнеописания св. Мартина («Martinus saga byskups I»): повстречав в морозный зимний день человека, не имеющего одежды, св. Мартин «взмахнул мечом и разрубил пополам свой плащ», после чего отдал одну половину нуждающемуся, а другую оставил себе. Кроме того, как считает Херманн Паулссон, на последний эпизод пряди могли повлиять известные слова Священного писания: «У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне» (Мф 6:3–4). Более того, и весь рассказ об испытании, которому подвергся Бранд, по мнению этого исследователя, мог быть замыслен как иллюстрация к средневековой латинской сентенции: «Nequaquam largus homo sive probus reputatur, / Cui, si quid dederit, res ingens esse videtur» («Не может считаться щедрым или достойным человек, которому покажется чрезмерным то,

что он дал»), отзвуки исландского переложения которой можно усмотреть в словах Харальда Сурового: «По мне, не будет он щедрым, коли не отдаст...» Существенно, однако, что даже если совершаемые Брандом поступки и в самом деле следовали образцам, воспринятым из сочинений на религиозные темы, в том виде, в каком этот рассказ дошел до нас, он утверждает не христианские, а традиционные скандинавские ценности. В поведении исландца нет и тени смирения, напротив, Бранд ведет себя вызывающе, ни разу не удостаивая конунга ответом, а в конце концов еще и дает Харальду понять, что пора бы уже ему, как велит обычай, отплатить за полученные от него ценности встречными дарами.

ПРЯДЬ ОБ ИСЛАНДЦЕ-СКАЗИТЕЛЕ

«Прядь об исландце-сказителе» («Íslendings þáttr sögufróða») сохранилась в составе «Саги о Магнусе Добром и Харальде Суровом» в «Гнилой Коже» (1270–1280 гг.; см.: Morkinskinna / Udg. Finnur Jónsson. København, 1932. S. 199–200), а также в рукописях «Hulda» (XIV в.) и «Hrokkinskinna» (XV в.), однако она отсутствует в этой же саге в младшей части «Книги с Плоского Острова». Последнее обстоятельство, как полагают издатели (*ÍF* XI. Bls. CXII), может указывать на то, что изначально она не была включена в текст саги и не входила в утраченную «Древнейшую Гнилую Кожу» (начало XIII в.).

В «Гнилой Коже», где пряди предпослано заглавие «Fra scemton Islendings» – «О забаве исландца», и в прочих рукописях «королевской саги», в которую был интерполирован этот короткий рассказ, его герой остается безымянным. Между тем известна еще одна редакция этого же рассказа: в ряде поздних бумажных списков XVII–XVIII вв., по-видимому, сделанных с рукописи первой половины XV в., он приводится среди других прядей уже в качестве отдельного, не связанного с «королевской сагой» повествования. Во всех них главный персонаж носит имя Торстейн, в связи с чем эта версия получила название «Прядь о Торстейне Сказителе» («Þorsteins þáttur sögufróða»). В отдельной редакции пряди сказано также, что ее герой был родом с Восточных Фьордов (ср., прядь о другом Торстейне с Восточных Фьордов в наст. изд.), поэтому в части рукописей в заглавии по традиции указывается и то, откуда происходил исландец: «История о некоем Торстейне с Восточных Фьордов», «Прядь о Торстейне Мудром, человеке с Восточных Фьордов» (см., например, AM 426 fol., 1670–1682 гг.). Неизвестно, присутствовало ли имя героя в пряди изначально и было опущено при ее включении в «Сагу о Магнусе Добром и Харальде Суровом» или, напротив, добавлено позднее при ее последующих переработках (см.: *ÍF* XI. Bls. CXIII). Различия между редакциями пряди, интерполированной в «Гнилую Кожу» и прочие рукописи саги о Харальде, и ее самостоятельной версией незначительны (наиболее существенные из них приводятся в комментариях), можно отметить лишь, что автор «Пряди о Торстейне Сказителе» несколько более многословен, чем рассказчик «королевской саги» (в редакции которой прядь публикуется здесь). Предполагается, что рассказ был написан в начале XIII в., а его действие относится к 1050–1060 гг.

«Прядь об исландце-сказителе» принято считать одним из важнейших свидетельств о бытовании саг в устной традиции до того, как они подвергались записи. Она также содержит наиболее подробный отчет об обстоятельствах исполнения саги

из всех, которые могут быть найдены в древнескандинавской литературе. Отмечалось при этом, что в высшей степени необычной является анонимность сказителя в редакции пряди, интерполированной в «королевскую сагу», вероятно указывающая на его фиктивность: по всей видимости, рассказ об исполнении в присутствии конунга саги о его «походах за море» – саги, получающей полное одобрение и высокую оценку от самого ее героя (своего рода «авторизацию»), – понадобился автору жизнеописания этого правителя для удостоверения подлинности той версии истории Харальда Сурового, которая была изложена им самим. Ведь в конечном счете и она восходила к той самой устной саге, которую, как следует из пряди, молодой исландский сказитель сперва услышал и «заучил» у участника этих событий, друга и соратника конунга, Халльдора сына Снорри, а затем исполнил перед конунгом и его дружиной (см.: *Heinrichs H.M.* Die Geschichte vom sagakundigen Isländer (Íslendings þáttr sögufróða): Ein Beitrag zur Sagaforschung // Literaturwissenschaft und Geschichtsphilosophie. Festschrift für W. Emrich / Hrsg. H. Arntzen u.a. B.; N.Y., 1975. S. 225–231; *Гуревич А.Я.* Сага и истина // Труды по знаковым системам. Тарту, 1981. Т. 13. С. 29–31). Этот устный источник не был, однако, единственным при формировании жизнеописания этого норвежского правителя. Установлено, что во всех дошедших до нашего времени редакциях саги о Харальде Суровом в главах, посвященных пребыванию будущего конунга в Византии и его походам в Средиземноморье, наряду с историческими фактами существенную роль играют бродячие сказочные мотивы, а также сюжеты, почерпнутые из ученых книг (в том числе средневековых европейских хроник).

Прядь приводится в переводе М.И. Стеблин-Каменского, сделанном по изд.: Íslendinga sögur / Guðni Jónsson bjó til prentunar. Reykjavík, 1953. XII. bindi. Перевод был впервые опубликован в кн.: Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973, и неоднократно переиздавался (здесь текст приводится по изд.: *ИС* II, 535–536).

[1] *Случилось, что как-то летом один исландец, молодой и проворный, пришел к Харальду конунгу…* – Ср. начало пряди в отдельной редакции: «В Восточных Фьордах вырос человек по имени Торстейн. Он отправился в Норвегию к Харальду конунгу. Он был человек обходительный и умелый…». Восточные Фьорды – см. примеч. 1 к «Пряди о Торстейне с Восточных Фьордов».

[2] *…это сага о твоих походах за море.* – См. выше, а также примеч. 1 ко «Второй пряди о Халльдоре сыне Снорри».

[3] *Одним кажется, что он хорошо рассказывает, а другим его сага нравится меньше.* – В отдельной редакции рассказа (в «Пряди о Торстейне Сказителе») это замечание отсутствует.

[4] *– Когда я был в Исландии, ездил я каждое лето на тинг...* – Имеется в виду альтинг (см. примеч. 8 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога»).

[5] *…у Халльдора сына Снорри.* – См. о нем так называемые первую и вторую пряди о Халльдоре сыне Снорри в наст. изд., а также коммент. к последней. «Прядь об исландце-сказителе» содержит самое позднее упоминание о Халльдоре.

[6] *Оставайся у меня навсегда, если хочешь.* – В заключение сообщается, что конунг наделил исландца «хорошим товаром» и тот стал преуспевающим человеком (*Mork.*, 200). «Прядь о Торстейне Сказителе» добавляет к этому, что герой рассказа стал «ездить из страны в страну» (т. е. сделался купцом) и долго оставался с конунгом, и «Lyktar þar þetta ævintýr» – «Здесь заканчивается эта история» (*ÍSÞ* III, 2300).

ПРЯДЬ О ТОРВАРДЕ ВОРОНИЙ КЛЮВ

«Прядь о Торварде Вороний Клюв» («Þorvarðar þáttr krákunefs») сохранилась в составе «Саги о Магнусе Добром и Харальде Суровом» в четырех средневековых рукописях: в «Гнилой Коже» (Morkinskinna / Udg. Finnur Jónsson. København, 1932. S. 201–204), в «Hulda» (XIV в.) и «Hrokkinskinna» (XV в.), а также в «Книге с Плоского Острова» (*Flat.* III, 357–359). В «Гнилой Коже» рассказу предпослано заглавие: «Fra þvi er Þorvarþr crakonef villdi gefa segll Haralldi konvngi» – «О том, как Торвард Вороний Клюв хотел подарить парус Харальду конунгу», тогда как в «Книге с Плоского Острова» он озаглавлен «Fra jslenzskum manne» – «Об исландце» (гл. 41 саги). Предполагается, что прядь была создана в начале или в первой половине XIII в. (*ÍF* VI. Bls. CIX).

Герой пряди, Торвард Вороний Клюв, вероятно, реальное лицо, поскольку он упоминается также в заключение «Саги о Торстейне сыне Халля с Побережья», где сказано, что он был женат на дочери Халля, Гро. «Прядь о Торварде» принадлежит к числу «прядей о поездках из страны», к той их разновидности, где причиной коллизии между исландцем и правителем оказывается проявленная последним несправедливость, за которую ему впоследствии приходится расплачиваться (см. об этой пряди подробнее в кн.: *Гуревич Е.А.* Древнескандинавская новелла. С. 149–152). Подобно ряду других рассказов, включенных в «Сагу о Магнусе Добром и Харальде Суровом» (см. «Прядь об Аудуне с Западных Фьордов» и «Прядь о Бранде Щедром»), главная тема «Пряди о Торварде» – дарение, точнее, установленный в древнескандинавском обществе порядок встречного перемещения даров – неписаное правило, согласно которому всякий дар непременно требовал «отдарка»: «gjalt gjöf við gjöf» – «оплати дар даром». Как явствует из этого рассказа, в сознании исландцев того времени ценность дара определялась не его «меновой стоимостью», но была теснейшим образом связана со статусом дарителя.

Перевод сделан по изд.: Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2333–2335. (Svart á hvítu) (редакция *Mork.*). Ранее этот же перевод был опубликован в ежегоднике «Одиссей. 1997». М., 1998 (см. там же статью: *Гуревич Е.А.* Исландия: Щедрость и обмен дарами. С. 299–302) и в сб.: Корни Иггдрасиля. М., 1997; Исландские саги / Под ред. О.А. Смирницкой. СПб., 1999. Т. II. С. 500–503.

[1] *...родом с Западных Фьордов.* – См. примеч. 1 к «Пряди об Аудуне с Западных Фьордов».

[2] *...Эйстейн Тетерев, его шурин, сын Торберга сына Арни.* – Эйстейн Тетерев был братом Торы, жены Харальда Сурового, и одним из ближайших сподвижников конунга (см. также примеч. 76 к «Пряди о Хеминге сыне Аслака»); пал вместе с Харальдом в битве при Стэмфорд Бридж (25 сентября 1066). Эйстейн упоминается также в «Пряди о Стейне сыне Скафти» (см. в последней о Торберге сыне Арни).

[3] *...на острове Гицки в Северном Мёре.* – Остров Гицки находится в Южном Мёре, области на западе Норвегии.

[4] *Сольскель* (совр. Сульшелль) – остров в Северном Мёре.

ПРЯДЬ О ХАЛЛИ ЧЕЛНОКЕ

«Прядь о Халли Челноке» («Sneglu-Halla þáttr») известна в двух редакциях – «Гнилой Кожи» и «Книги с Плоского Острова». Первая из них и, по-видимому, более ранняя, сохранилась в составе «Саги о Магнусе Добром и Харальде Суровом», при включении в которую рассказ (здесь он озаглавлен «Fra Sneglo halla» – «О Халли Челноке»; см.: Morkinskinna / Udg. Finnur Jónsson. København, 1932. S. 234–247) подвергся довольно значительным сокращениям, причем некоторые эпизоды были опущены вовсе (до сих пор нет единой точки зрения на соотношение двух редакций «Пряди о Халли Челноке», см. об этом: *ÍF* IX. Bls. CIX–CXIV). Эта же версия пряди воспроизводится в двух других, основанных на «Гнилой Коже», средневековых рукописях («Hulda», XIV в., и «Hrokkinskinna», XV в.). В отличие от них, «Книга с Плоского Острова» содержит, по всей видимости, полную версию пряди, причем в этой компиляции она приводится как отдельная и самостоятельная история, помещенная среди прочих приложений к «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом» (между «Прядью об Аудуне с Западных Фьордов» и «Первой прядью о Халльдоре сыне Снорри», *Flat.* III, 415–428). Здесь рассказу предпослан пролог (гл. 1), отсутствующий в редакции рассказа в «Гнилой Коже», где прядь открывается сообщением о приезде ее героя в Норвегию («В одно лето из Исландии прибыл корабль, и на нем был Халли Челнок. Родом он был с севера страны. Он был скальд и весьма несдержан на язык», *ÍSÞ* III, 2206). Предполагается, что рассказ был создан в начале XIII в.

«Прядь о Халли Челноке» представляет собой собрание более или менее самодостаточных эпизодов-анекдотов, объединенных фигурой главного героя, скальда-трикстера Халли, и его контрагентов (Харальда Сурового, скальда Тьодольва и др.), однако, в отличие от большинства рассказов, эти эпизоды не связаны единой фабулой. Вполне возможно, что, помимо приведенных в пряди, в Исландии имели хождение и другие анекдоты о Халли: так, в одном из бумажных списков рассказа (в редакции *Mork.*), сделанных в конце XVIII или в начале XIX в., приводится отсутствующий в средневековых версиях пряди эпизод, в котором Халли и конунг Харальд забавляются, поочередно изображая из себя тюленя и охотника за тюленями.

Помимо пряди, имя Халли появляется лишь в списке скальдов Харальда Сурового в «Перечне скальдов», а также в «Третьем грамматическом трактате» (*TGT* 82) Олава Белого Скальда, где авторству Халли Челнока приписывается фрагмент (один хельминг, т.е. полустрофа) из хвалебной песни, сочиненной в эддическом размере форнюрдислаг. По мнению Финнура Йоунссона (*Skj* A I, 388, B I, 358), это четверостишие может быть единственным сохранившимся отрывком из хвалебной песни, сложенной этим скальдом в честь Харальда Сурового, однако оно не содержит имени адресата стихов.

В настоящем собрании приводится перевод пряди в редакции «Книги с Плоского Острова». Перевод выполнен по изд.: Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2216–2231. (Svart á hvítu). Ранее в этом же переводе была опубликована гл. 7 (см.: *ИС* II, 505–510). Полностью перевод пряди публикуется впервые.

[1] *...в то время, когда Магнус конунг, его родич, уже умер.* – Племянник и соправитель Харальда Сурового, Магнус Добрый, умер 25 октября 1047 г.

[2] *...женат на Торе, дочери Торберга сына Арни.* – См. о женитьбе Харальда коммент. к «Пряди о Хеминге сыне Аслака», а также примеч. 8 к этой пряди.

[3] *...Тьодольв 〈...〉 из Сварвадардаля, человек учтивый и большой скальд.* – Тьодольв сын Арнора (после 1010 – 1066, погиб в битве при Стэмфорд Бридж), один из виднейших исландских скальдов, приближенных Харальда Сурового. Сохранилось более 90 сложенных им строф, которые цитируются в сагах о Магнусе Добром и Харальде Суровом, в том числе большие фрагменты его хвалебных песней в честь этих конунгов (среди них «Флокк о Магнусе» и «Драпа с шестью стевами», посвященная Харальду Суровому). Тьодольв является персонажем нескольких прядей (см. «Прядь о Бранде Щедром» и «Прядь о Хеминге сыне Аслака»). Сварвадардаль – см. примеч. 2 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».

[4] *...отменный колокол для Полей Тинга.* – О Полях Тинга см. примеч. 8 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога». Как сказано в «Саге о Харальде Суровом» (гл. 36) в «Круге Земном», Харальд конунг послал в Исландию «колокол для той церкви, для которой конунг Олав Святой послал строительный лес и которая построена на альтинге. Поэтому люди здесь хранят память о Харальде конунге. Много других богатых подарков раздал он тем людям, которые посетили его» (*КЗ*, 424).

[5] *...когда в Исландии случился великий неурожай 〈...〉 разрешил выехать из страны множеству бедняков.* – Этот голод начался в 1056 г. Согласно более пространному сообщению «Саги о Харальде Суровом» (гл. 36) в «Круге Земном», «когда был большой неурожай в Исландии, Харальд конунг разрешил вывоз зерна в Исландию на четырех кораблях и определил, что корабельный фунт не должен быть дороже сотни локтей домотканого сукна. Он разрешил выезд из страны всем беднякам, которые могли запастись продовольствием для переезда по морю. И таким образом эта страна смогла улучшить свое положение» (*КЗ*, 423 и след.).

[6] *...на Гусином Берегу...* – См. примеч. 5 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».

[7] *...прозвали Халли Челнок.* – Прозвище Халли вызывает споры и интерпретируется по-разному. Согласно принятому здесь толкованию, Sneglu- (сущ. ж.р. в родит. п.) должно быть идентично snegla «челнок ткацкого станка», в таком случае его имя, скорее всего, намекает на беспокойный нрав, подвижность и быстроту реакции дерзкого скальда. Указывалось также на вероятность происхождения этого прозвища от исландского прилаг. sneglinn «злой; вспыльчивый, сварливый» и sneglulegur «злобного вида» (см.: Morkinskinna: The Earliest Icelandic Chronicle of the Norwegian Kings. P. 442). В позднейшей литературе Халли получил прозвище Каша (Grautar-Halli), из-за описанного в одном из эпизодов пряди пристрастия ее героя к каше. В переводах на английский язык Халли носит прозвище Sarcastic.

[8] *Родом он был с Потоков.* – См. примеч. 1 к «Пряди о Торхалле Шишке».

[9] *Хитра* – большой остров в Южном Трёндалёге; см. примеч. 15 к «Пряди о Храфне сыне Гудрун» (совр. Хитра).

[10] *Рейн* – см. примеч. 64 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога».

[11] *...на корму дракона...* – Драконом (dreki) назывался скандинавский боевой корабль, нос, а иногда и корма которого были украшены драконьей головой (такой корабль чаще именуется langskip – букв.: длинный корабль).

[12] *...у Мыса Агди.* – Т.е. у Агданеса, мыса в устье Трандхеймсфьорда.

[13] *...один из них будет Сигурдом Убийцей Фафнира, а другой – Фафниром...* – Конунг имеет в виду сказание об убийстве древнегерманским героем Сигурдом великана Фафнира, который, обернувшись драконом, сторожил на поле Гнитахейд клад Нифлунгов (см. об этом подробнее в «Пряди о Норна-Гесте»).

[14] *Кузни князь...* – кузнец.

[15] *...с драконом кож...* – с дубильщиком.

[16] *...с луга ног...* – Луг ног – пол.

[17] *...змей гашпиля...* – дубильщик (гашпиль – бак для промывки и дубления кожи).

[18] *...плащ подошв...* – башмаки.

[19] *Сигурд горна...* – кузнец.

[20] *...один из них будет Тором, а другой — великаном Гейррёдом...* – Конунг имеет в виду мифологическое сказание о посещении Тором великана Гейррёда, закончившееся гибелью последнего (см.: *МЭ*, 120, а также примеч. 55 к «Пряди о Торстейне Силе Хуторов»).

[21] *Сени слов...* – рот.

[22] *Тор зубила...* – кузнец.

[23] *...громы глотки...* – брань, проклятья.

[24] *...дубила троллю...* – Тролль дубила – дубильщик.

[25] *Гейррёд шкур козлиных...* – дубильщик.

[26] *...лапой слуха...* – ухом.

[27] *...металл ⟨...⟩ из клети заклятий...* – брань (клеть заклятий – рот). Называя брань «металлом», поэт намекает на раскаленный брусок железа, который Тор швырнул в Гейррёда.

[28] *Миклагард* – Константинополь. О пребывании Харальда Сурового в Византии см. примеч. 2 к «Первой пряди о Халльдоре сыне Снорри».

[29] *...колец цепи...* – т.е. кольчугу.

[30] *...добытчик печива...* – муж (т. е. карлик Тута).

[31] *...кормилец врана...* – муж (здесь – конунг Харальд).

[32] *Ньёрду при...* – мужу (здесь – «мне»; Ньёрд – один из древнескандинавских богов; см. примеч. 3 к «Пряди о Сёрли»).

[33] *...Висы о Кухонном Корыте...* – В редакции рассказа о Халли в «Книге с Плоского Острова» песнь Тьодольва названа Soðtrogsvísur – букв.: Висы о корыте для варки, однако в более краткой версии пряди в «Гнилой Коже» стихи Тьодольва носят другое заглавие: Sóptrogsvísur – «Висы о мусорном корыте». Последнее название лучше согласуется с последующим рассказом о детских занятиях главного скальда Харальда. (О перебранке Халли и Тьодольва см.: *Gurevich E.* From accusation to narration: The transformation of senna in Íslendingaþættir // Scripta Islandica. Uppsala, 2010. Bd. 60/2009. S. 61–76).

[34] *...отца Тьодольва звали Торльот.* – В другой редакции пряди отец Тьодольва назван Арнором, кроме того, в «Перечне скальдов» список поэтов, сочинявших хвалебные песни в честь Харальда Сурового, открывает Тьодольв сын Арнора (*SnE* III, 254, 262, 275).

[35] *...бонды собираются осенью на тинг обсуждать дела бедняков ⟨...⟩ дал ему годовалого теленка.* – Имеются в виду местные, приходские (hreppar) тинги, на

которых распределялась помощь нуждающимся жителям, обремененным семьями. Эта помощь выделялась из церковной десятины и составляла четвертую ее часть; она выплачивалась натурой (овечьими шкурами, одеждой, припасами и любой домашней скотиной, кроме лошадей – исключение последних, по-видимому, объясняется запретом на поедание конины). Существенно, однако, что десятина была законодательно введена в Исландии в 1097 г., тогда как описываемые в пряди события относятся к более раннему времени (см.: *Jón Jóhannesson*. A History of the Old Icelandic Commonwealth: Íslendinga Saga. Winnipeg, 1974. P. 174).

[36] Судя по всему, рассказ Халли имеет целью не просто унизить главного скальда конунга, но еще и обвинить его в позорном поступке – нарушении библейского запрета употреблять в пищу мертвечину и, в частности, удавленину (ср.: «воздерживаться от идоложертвенного, и крови, и удавленины...» Деян 15:29; см. также 15:20). Так, в Христианском праве Боргартинга сказано, что «люди не должны есть ни крови, ни мертвечины» – «Nv skulu men huatke eta suæita ne suida» (Norges gamle Love indtil 1387 / Udg. R. Keyser, P. A. Munch. Christiania, 1846. Bd. I. S. 341). О том, что церковь осуждала подобные проступки и боролась с ними, свидетельствует Адам Бременский, описывавший греховное поведение паствы: «Они также без стеснения пользуются мертвечиной, кровью, удавлениной и трупами животных» (см.: Деяния архиепископов гамбургской церкви, кн. III:LVI(55) // Немецкие анналы и хроники X–XI столетий. М., 2012. С. 406).

[37] *Харек с Тьотты* – см. о нем примеч. 29 к «Пряди об Асбьёрне Тюленебойце».

[38] *Эйнар был лендрманном и управлял сюслой в Халогаланде...* – О сюсле см. примеч. 28 к «Пряди об Асбьёрне Тюленебойце». Об Эйнаре Мухе см. также «Прядь об Одде сыне Офейга» в наст. изд.

[39] *...передал в его руки всю торговлю с финнами.* – Торговля с финнами (т.е. саамами) была монополией норвежских конунгов (см. также «Прядь об Одде сыне Офейга»).

[40] *...кольцо весом в полмарки...* – т.е. весом в четыре унции.

[41] *...будто я – Торлейв скальд, а Эйнар Муха – Хакон ярл, сын Сигурда...* – См. «Прядь о Торлейве Ярловом Скальде».

[42] *...сочинил о нем нид...* – О ниде (стихотворной хуле) подробно рассказывается в «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».

[43] *Харальд сын Гудини* – Харольд сын эрла (ярла) Годвина (род. ок. 1022) – в то время еще не был королем Англии, а правил в Уэссексе. Харольд был возведен на английский престол в январе 1066 г. и погиб в битве при Гастингсе 14 октября 1066 г. (см. о нем в «Пряди о Хеминге сыне Аслака»). В приведенной затем висе Халли называет, однако, Харольда «ярлом».

[44] *Донный дланью навьей / схвачен хвощ...* – Донный хвощ – водоросль; навь – мертвец, вставший из могилы.

[45] *...в хоромах Ран...* – Хоромы Ран – море (Ран – богиня моря, жена морского великана Эгира). Согласно скандинавской мифологии, «у Ран есть сеть, которой она ловит всех людей, утонувших в море» (*МЭ*, 126).

[46] *...в приют омаров* – в морскую пучину.

[47] Об удвоении конечного стиха в висах, приписываемых сверхъестественным существам, см. примеч. 98 к «Пряди о Хеминге сыне Аслака». Этим эпизодом заканчивается редакция рассказа о Халли Челноке в «Гнилой Коже».

[48] *...ярлу...* – См. примеч. 43.

[49] *...драпу дрянней дарили ль данам?* – Эти стихи: verðrat drápa / með Dǫnum verri – букв.: не было хуже драпы у данов – могут быть поняты и как указание на скандинавское происхождение ярла Харольда (его матерью была Гюда дочь Торкеля), и как намек на поэтическую несостоятельность и невежество датских скальдов: как было перед этим рассказано, находившийся при Харольде скальд заверил своего патрона, что хвалебная песнь, которую Халли сложил в его честь и позднее сам назвал «околесицей», была «хорошо сложена».

[50] *...пятится задом.* – По-видимому, имеются в виду синтаксические или композиционные недостатки этого панегирика. Перечисляя «технические» огрехи своей песни, что само по себе беспрецедентно для скальдической традиции, Халли прибегает в этой висе к терминам, никогда больше не встречающимся ни в стихах скальдов, ни в средневековых исландских поэтологических сочинениях (см. о них: *Gade K.E.* Fang and Fall: Two Skaldic termini technici // Journal of English and Germanic Philology. 1991. Vol. 90. P. 361–374).

[51] *Гулатинг* – высшее народное собрание, одно из древнейших в Норвегии, проводившееся в Гуле, в юго-западной части Согна. Сохранились «Законы Гулатинга», записанные в конце XI или начале XII в.

[52] *...мимо мыса Стад...* – См. примеч. 3 к «Пряди об Альбане и Сунниве».

[53] *Чан подошв...* – нога.

[54] *...прибыл в город.* – Т.е. в Нидарос.

[55] *Болли Горделивый* – см. о нем «Прядь о Болли» в наст. изд.

ПРЯДЬ О СТУВЕ

«Прядь о Стуве» («Stúfs þáttr») известна в двух средневековых редакциях. Первая, обычно именуемая «Краткой прядью о Стуве» («Stúfs þáttr hinn skemmri»), сохранилась в составе «Саги о Магнусе Добром и Харальде Суровом» в «Гнилой Коже» (1270–1280 гг.; см.: Morkinskinna / Udg. Finnur Jónsson. København, 1932. S. 251–254) и в связанных с ней рукописях «Hulda» (XIV в.) и «Hrokkinskinna» (XV в.), а также в составе этой же саги в младшей части «Книги с Плоского Острова» (XV в.; *Flat.* III, 379–381). Вторая, более пространная, носит название «Большой пряди о Стуве» («Stúfs þáttr hinn meiri»), и именно она была переведена для настоящего собрания. Эта редакция пряди сохранилась в нескольких пергаментных рукописях XV в., в том числе в AM 557 4to («Skálholtsbók», ок. 1420–1450), AM 589 d 4to (1450–1499) и AM 533 4to (1450–1525) в качестве отдельного рассказа, не связанного с «королевской сагой» (издана Бьёрном Магнуссоном Оульсеном в 1912 г.). В этих рукописях прядь озаглавлена «О Стуве Кошачьем Сыне» (ср. «Af Stúfi kattarsyni», «Fra stvf kattarsyne»), тогда как в «Гнилой Коже» ей предпослан заголовок «Fra Stuf blinda» («О Стуве Слепом»). В отсутствующем в пространной версии пряди упоминании о слепоте ее героя и состоит главное различие между двумя редакциями. В начале «Краткой пряди о Стуве» сообщается, что он был слеп, однако это обстоятельство ни разу не упоминается в дальнейшем. Не исключено, что Стув потерял зрение лишь в старости, вследствие чего и получил свое прозвище (см.: *ÍF* V. Bls. XCIII).

Скальд Стув Слепой (так его именуют и в «королевских сагах», в которых цитируются строфы из его поминальной поэмы о Харальде Суровом) родился ок. 1025 г. и происходил из знатного исландского рода, к которому принадлежало несколько прославленных поэтов – среди них Глум сын Гейри и Эйнар Звон Весов (см. примеч. 9, 10). Описанное в пряди путешествие Стува в Норвегию за наследством и его встреча с конунгом Харальдом Сигурдарсоном должны были состояться ок. 1060 г. Хотя в пряди сказано, что спустя год после их первой встречи Стув вновь явился к конунгу и тот принял его в свою дружину, в саге о Харальде о Стуве ничего не рассказывается, а «Перечень скальдов» упоминает его как скальда, складывавшего стихи только в честь этого конунга. На этом основании можно предположить, что Стув возвратился впоследствии в Исландию, где и окончил свои дни.

«Прядь о Стуве» принадлежит к разряду «прядей о поездках из страны», при этом в ней отсутствует традиционный для таких историй конфликт между героем-исландцем и правителем Норвегии. Главная тема пряди – самоутверждение исландца, желающего завоевать признание и расположение конунга исключительно благодаря своим личным достоинствам и умениям. На всем протяжении рассказа его герой добровольно подвергается серии испытаний, последовательно демонстрируя конунгу свой недюжинный ум, находчивость, «смелость в речах», «ученость» (знание великого множества поэм других скальдов) и, наконец, скальдическое мастерство. При этом Стув вовсе не спешит открыть конунгу свою принадлежность к одному из самых славных родов Исландии, обстоятельство, которое само по себе помогло бы ему добиться поставленной цели – стать дружинником государя (подробнее об этом рассказе см.: *Гуревич Е.А.* Исландец и король: Заметки к переводу «Пряди о Стуве» // Другие Средние века: К 75-летию А.Я. Гуревича. М.; СПб., 2000. С. 103–112; *Гуревич Е.А.* Древнескандинавская новелла. М., 2004. С. 192–203).

Перевод выполнен по изд.: Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2246–2249. (Svart á hvítu). Ранее этот же перевод был опубликован в сб.: Другие Средние века… С. 98–102.

[1] *…был сыном Торда сына Ингунн и Гудрун дочери Освивра.* – Герои «Саги о людях из Лососьей Долины» (см. об их женитьбе гл. 34–35). Отец Стува, Торд Кот (здесь – Кошачий Торд) также фигурирует в этой саге. Он был сыном Гудрун от второго брака и родился вскоре после того, как его отец, Торд сын Ингунн, утонул. Стув, таким образом, происходил из весьма почтенного и старинного рода: его бабка Гудрун считалась одной из самых выдающихся исландок и прославленных героинь «века саг». В краткой версии пряди упомянуто, что отец Стува, Торд, был воспитан Снорри Годи, об этом же сообщается в «Саге о людях из Лососьей Долины» и в «Саге о битве на Пустоши».

[2] *…сидел напротив хозяина.* – Иначе говоря, восседал на почетном сиденье. В главном помещении скандинавского дома вдоль стен стояли скамьи, столы же вносились только на время трапезы. Почетные сиденья располагались одно против другого: хозяйское место возвышалось в середине скамьи, стоявшей у северной стены, гость, которому оказывалось особое расположение, занимал второе, более низкое сиденье у южной стены. В следующей сцене бонд – хозяин дома (он так и остается безымянным) понуждает Стува освободить место для вновь прибывшего высокого

гостя, имея в виду по-хозяйски усесться напротив конунга, однако сам вынужден покинуть принадлежащее ему почетное сиденье, которое и занимает Харальд. С появлением конунга Стув, таким образом, становится его гостем.

[3] *...когда мы разъезжаем по пирам, которые люди должны для нас устраивать.* – См. примеч. 83 к «Пряди об Орме сыне Сторольва».

[4] *– Странное имя. А чей ты сын? – Кошачий сын...* – В «краткой» редакции пряди (см. выше) конунг называет имя героя «неблагозвучным» (Stúfr – букв.: обрубок, в качестве имени собственного больше нигде не встречается). Отвечая на вопрос конунга, Стув упоминает лишь прозвище своего отца, опуская его имя (Торд), и таким образом не только не раскрывает своих родственных связей, но и провоцирует своего собеседника на остроумный и рискованный ход, на который, как следует из дальнейшего, у него был заранее приготовлен ответ (kattar sonr «кошачий сын» – это, помимо всего прочего, обидные слова, которые могут быть брошены в лицо внебрачному сыну; о других возможных смыслах этого словосочетания см.: *Holtsmark A.* Kattar sonr // Saga-Book of the Viking Society. 1962–1965. Vol. XVI. P. 144–155).

[5] *– И кем же был твой отец: котом или кошкой?* – Исландское köttr – слово мужского рода, которое, будучи обозначением родового понятия, может указывать как на кота, так и на кошку. В вопросе конунга: «Hvor var sá kötturinn er faðir þinn var, hinn hvati eða hinn blauði?» («Что за кошка была твоим отцом... ?») использованы прилагательные hvatr («сильный») и blauðr («слабый»), традиционно употребляемые для различения самца и самки животных. Но применительно к мужу прилагательное blauðr приобретает обсценный смысл: сказать о ком-то blauðr значит нанести этому человеку тяжкое оскорбление, обвинив его в трусости и женоподобии (см. о так называемом ниде в «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде» и «Пряди о Торвальде Путешественнике»). Ср. употребление blauðr (в переводе «трус») в «Саге о Ньяле» (гл. 38), где Халльгерд обзывает так своего мужа, Гуннара, и его друга Ньяля (последний был лишен бороды – символа мужественности).

[6] *...мой отец не был свиньей, хотя и носил такое прозвище...* – Отца конунга Харальда звали Сигурд Свинья (см. «Прядь о Хрейдаре Дураке» и примеч. 17 к этой пряди). Как следует из рассказа о Хрейдаре, Харальд весьма болезненно воспринимал любые намеки на это прозвище, считая их непростительной дерзостью. Унизительность его состояла именно в том, что sýr «свинья», слово женского рода, недвусмысленно указывало на особь женского пола (см. предыд. примеч.).

[7] *...шесть десятков флокков.* – Флокком (flokkr «группа») называли скальдическую песнь, которая представляла собой цикл вис (строф), связанных одной темой; в противоположность драпе (см. след. примеч.) флокк не содержит стева (рефрена). В «краткой» версии пряди сказано, что Стув успел произнести три десятка флокков, т.е. вдвое меньше, однако в обоих случаях речь идет о весьма внушительном объеме поэтических текстов (сохранились флокки, насчитывающие 20 строф и более).

[8] *...драп я знаю еще вдвое больше.* – Драпа – главная форма скальдического панегирика (см. примеч. 12 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде»).

[9] *Глум сын Гейри* – один из самых знаменитых исландских скальдов второй половины X в. (ок. 940 – ок. 985). Глум был скальдом конунга Эйрика Кровавая Секира и его сыновей: сохранился большой отрывок хвалебной песни, сочиненной им в

честь конунга Харальда Серая Шкура, – «Драпа о Серой Шкуре» («Gráfeldardrápa»). О значении Глума Гейрасона свидетельствует строфа в «Драпе об исландцах» («Íslendingadrápa», 11) Хаука сына Вальдис (XII в.), посвященной выдающимся исландцам, где Глум (так же как и другие скальды) прославляется за свои ратные подвиги.

[10] *...и еще много хороших скальдов было у нас в роду.* – Стув говорит правду: среди его родичей действительно были прославленные скальды (см. об этом роде: *SnE* 1848–1887, III, 607). Прежде всего это Эйнар сын Хельги по прозвищу Звон Весов (ум. ок. 995), приходившийся братом Освивру, отцу Гудрун (см. примеч. 1). Эйнар был дружинником и скальдом норвежского ярла Хакона Могучего (см. примеч. 1 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде»), в честь которого он, среди прочего, сложил знаменитую поэму «Недостаток золота» («Vellekla»). Эйнар сочинял хвалебные стихи также в честь датского конунга Харальда Синезубого, всего же сохранилось 45 сложенных им строф (см. рассказ о нем в «Саге об Эгиле», гл. 78). Другими скальдами – родичами Стува были его современники: правнук Эйнара, Стейн сын Хердис, бывший одним из скальдов Харальда Сурового, а затем его сына Олава Тихого (сохранилось 25 строф из его поэм), а также Ульв сын Оспака, сына Освивра (Ульв Окольничий, ум. весной 1066), друг и соратник Харальда, служивший вместе с ним в варяжской дружине византийского императора (см. о нем в «Саге о Харальде Суровом», гл. 37: *КЗ*, 424). Ныне известна лишь одна строфа Ульва.

[11] *...дали мне письмо с вашей печатью...* – Явный анахронизм: единственное, о чем исландец мог бы просить конунга, это дать ему какие-нибудь знаки (обычно это было кольцо или обручье), которые он мог бы предъявить в подтверждение своих слов, что король знает о его деле и поддерживает его. Латинский алфавит начинает применяться в Скандинавии для записи подобного рода текстов на народном языке, по-видимому, не ранее конца XII в.

[12] *Драпа, которую Стув сложил о конунге, называется Драпой Стува.* – Такое название носит другая песнь скальда, единственная из известных его поэм, сочиненная уже после гибели Харальда Сурового. На то, что эта песнь (из нее сохранилось лишь восемь строф) – поминальная драпа, сложенная на смерть конунга, недвусмысленно указывает ее стев (рефрен): «Да пребудет душа могучего Харальда навеки с Христом над землей, там, где хорошо быть».

ПРЯДЬ ОБ ОДДЕ СЫНЕ ОФЕЙГА

«Прядь об Одде сыне Офейга» («Odds þáttr Ófeigssonar») сохранилась в составе «Саги о Магнусе Добром и Харальде Суровом» в нескольких средневековых рукописях: в «Гнилой Коже» (1270–1280 гг.; см.: Morkinskinna / Udg. Finnur Jónsson. København, 1932. S. 254–261), в младшей части «Книги с Плоского Острова» (XV в., см.: *Flat.* III, 381–386), а также в «Hulda» (XIV в.) и в «Hrokkinskinna» (XV в.). В последних опущена заключительная речь Одда, с которой он обращается к своим спутникам. В «Гнилой Коже» рассказ имеет заглавие: «Fra Oddi Ofeigs s.» – «Об Одде сыне Офейга». Предполагается, что рассказ был написан в начале XIII в. и что его действие относится к 1056 г. (ср. упоминаемый в нем «плохой» год).

История об Одде сыне Офейга – одна из так называемых прядей о поездках из страны. Особенность этой пряди состоит в том, что конфликт между норвежским конунгом и героем-исландцем, причиной которого становится нарушение последним королевского запрета, так и не находит в ней своего разрешения. Как и во многих других «прядях об исландцах», действие которых происходит в Норвегии, в рассказе об Одде большую роль играет помощник героя, чьи советы выручают Одда и его спутников из опасной ситуации и позволяют им избежать наказания. Вполне возможно, что в жизнеописании Харальда Сурового эта прядь, как и ряд других рассказов (см. «Прядь о Бранде Щедром», «Прядь о Стуве»), должна была служить примером, демонстрирующим острый ум и прозорливость этого конунга: хотя Харальду и не удается доказать вину исландцев, он последовательно разгадывает все хитрости, к которым прибегает его оппонент. Одд сын Офейга является также одним из персонажей «Пряди о Хеминге сыне Аслака», где ему самому отводится роль помощника главного героя, причем и в этой истории рассказывается о его ссоре с конунгом Харальдом, которая привела к его изгнанию из Норвегии. Помимо прядей, об Одде рассказывается в «сагах об исландцах»: он один из главных героев «Саги о союзниках» («Bandamanna saga»; см. пер. А.В. Циммерлинга в кн.: Исландские саги. М., 2004), повествующей о его распре с Оспаком, и о нем упоминается в «Саге о людях с Песчаного Берега» (гл. 62) и в «Саге о Греттире» (гл. 14).

Перевод сделан по изд.: Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2185–2188. (Svart á hvítu) (редакция *Mork.*). Ранее перевод был опубликован в сб.: Корни Иггдрасиля. М., 1997; Исландские саги / Под ред. О.А. Смирницкой. СПб., 1999. Т. II. С. 510–516.

[1] *...Одд сын Офейга, сына Скиди...* – Богатый исландский купец Одд с хутора Песчаник в Среднем Фьорде, как и его отец, Офейг, – главные герои «Саги о союзниках». Описанный в пряди инцидент, как и вообще поездки Одда в Норвегию, в этой саге не упоминаются.

[2] *Финнмёрк* – см. примеч. 3 к «Пряди о Хельги сыне Торира».

[3] *...никому не позволено ездить сюда торговать без разрешения конунга или сюслуманна...* – Норвежским конунгам принадлежало монопольное право на ведение торговли с финнами, которое они передавали своим сюслуманнам (см. примеч. 8 к «Пряди о Храфне сыне Гудрун»). Наиболее подробный в исландской литературе рассказ о посещении норвежцами Финнмёрка, сборе финской дани и торговле с лопарями см. в «Саге об Эгиле» (гл. 8–17). Норвежский судебник «Законы Фростатинга» содержит дополнения о наказаниях, предусмотренных за ведение несанкционированной торговли с финнами, где сказано, что эти положения были введены конунгами Сигурдом, Эйстейном и Олавом – правнуками Харальда Сурового, правившими в первой четверти XII в. (см.: Norges gamle Love indtil 1387 / Udg. R. Keyser, P.A. Munch. Christiania, 1846. Bd. I. S. 257–258). Не исключено, что эти юридические нововведения и являются подоплекой коллизии, описанной в рассказе об Одде (см.: Morkinskinna: The Earliest Icelandic Chronicle of the Norwegian Kings. P. 444).

[4] *Эйнар Муха* – см. о нем в «Пряди о Халли Челноке» (гл. 7), где в уста Эйнара вложен рассказ, весьма напоминающий описанную здесь историю.

[5] *...проплывали мимо Тьотты...* – Остров Тьотта (совр. Тьётта), лежащий в устье Вефснирфьорда (совр. Вефнс-фьорд) в южной части Халогаланда.

[6] *...проплывали на юг мимо Мьёлы...* – Издатель пряди, Гвидни Йоунссон, считает, что о. Мьёла – это совр. Мелёй у побережья Халогаланда (*ÍF* VII. Bls. 369), однако этот остров лежит не к югу, а к северу от Тьотты.

[7] *Торир Собака* – см. примеч. 8 к «Пряди об Асбьёрне Тюленебойце».

[8] Описанное в пряди троекратное перепрятывание запрещенных товаров, судя по всему, послужило образцом для аналогичной сцены в «Саге о Ньяле» (гл. 88), в которой Траин сын Сигфуса скрывает на своем корабле Храппа, спасающегося от преследования ярла Хакона. Храппа швыряют в бочке за борт, прячут среди мешков с товарами и, как и здесь, в свернутом на рее парусе, и раз за разом обыскивающие корабль люди ярла так и не находят его. В конце концов корабль с беглецом покидает Норвегию, а ярл срывает свой гнев на предполагаемых сообщниках – сыновьях Ньяля; главное же сходство с историей Одда состоит в том, что ярл всякий раз постфактум догадывается, где Храпп прятался во время прошлого обыска (подробнее об этих сценах см.: *Гуревич Е.А.* Древнескандинавская новелла. С. 37–42).

[9] *...предательство у вас в роду.* – Как сказано выше, Торстейн был родичем Торира Собаки, предавшего брата Харальда Сурового, конунга Олава Святого, и нанесшего ему один из смертельных ударов в битве при Стикластадире (29 июля 1030).

[10] *Средний Фьорд* – см. примеч. 3 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».

ПРЯДИ ИЗ ПРИЛОЖЕНИЯ К «САГЕ О МАГНУСЕ ДОБРОМ И ХАРАЛЬДЕ СУРОВОМ» В «КНИГЕ С ПЛОСКОГО ОСТРОВА»

ПРЯДЬ О ХЕМИНГЕ СЫНЕ АСЛАКА

«Прядь о Хеминге сыне Аслака» («Hemings þáttr Áslákssonar») не сохранилась полностью ни в одной из средневековых рукописей. Первая ее часть, рассказывающая историю молодого норвежского богатыря, непревзойденного стрелка, лыжника и пловца, после одержанной им в состязаниях с конунгом Харальдом Суровым победы попадающего в немилость к этому правителю, известна в двух незначительно отличающихся одна от другой редакциях, записанных в младших частях «Книги с Плоского Острова» (XV в.) и «Hrokkinskinna» (XVI в.), причем в обеих этих рукописях рассказ обрывается и поэтому в изданиях восполняется текстами, сохранившимися в ряде позднейших списков XVII в. (см. коммент.). Вторая часть пряди, подробно повествующая о неудавшемся походе норвежцев в Англию (1066), в которой главный герой рассказа, Хеминг, появляется лишь в самом начале и в конце – в качестве мстителя, наводящего руку убийцы своего обидчика, жестокого правителя Норвегии, известна из «Книги Хаука» («Hauksbók», AM 544 4to) и была записана рукой Хаука Эрлендссона (ум. 1334) в начале XIV в. Как следует из изложенной в ней истории военного похода, в которой Хемингу отводится весьма немного места, при

создании этой части рассказа автор пряди обильно черпал материал из саги о Харальде Суровом, причем, как явствует из многочисленных дополнений и отклонений от всех существующих версий этой саги, он располагал некой не известной из других источников и, очевидно, утраченной ее редакцией. На основании датировки «Книги Хаука», в которой сохранилась эта часть рассказа, можно предполагать, что «Прядь о Хеминге» в ее настоящем виде была создана не позднее конца XIII в.

Как уже говорилось выше (см. коммент. к «Пряди об Эйндриди Широкостопом», рассказу, для которого повествование о Хеминге послужило образцом), изложенная в «Пряди о Хеминге» история – это один из вариантов древнегерманской легенды о метком лучнике, и в качестве таковой она имеет глубокие корни в скандинавской традиции (см. об этом в статье: *Гуревич Е.А.* Скандинавский Вильгельм Телль // Одиссей. Человек в истории. 2004. М., 2004. С. 422–434). О популярности истории Хеминга сына Аслака в Исландии свидетельствуют около четырех десятков дошедших до нас списков пряди, относящихся к XVII–XVIII вв., а также ее стихотворные переложения – баллады и так называемые римы (XVI и XVIII вв.), о широкой же известности этой истории в Норвегии, откуда, как полагают, и ведет свое происхождение легенда об этом герое (см.: *Liestøl K.* Hemings-tåtten // Maal og Minne. 1933. 3–4 hefte. S. 99–110), и на населенных выходцами из Западной Скандинавии островах – лишь отчасти связанная с книжной ее версией устная балладная традиция (см. фарерскую балладу «Geyti Áslaksson» в изд.: Færöiske Kvæder II / Udg. V.U. Hammershaimb. Copenhagen, 1855).

Для наст. изд. прядь переведена полностью, при этом первая ее часть приводится в редакции «Книги с Плоского Острова» (*Flat.*). Перевод сделан по изд.: Hemings þáttr Áslákssonar / Ed. G. Fellows Jensen. Copenhagen, 1962. (Editiones Arnamagnæanæ. Ser. B; Vol. 3). На русском языке прядь публикуется впервые.

[1] *...Харальд конунг, сын Сигурда Свиньи и Асты, матери конунга Олава Святого.* – Об отце Харальда Сурового, конунге Сигурде Свинье, правнуке Харальда Прекрасноволосого, см. примеч. 4 к «Пряди об Эймунде сыне Хринга»; об Асте дочери Гудбранда Шишки см. в «Пряди о Харальде Гренландце».

[2] *Харальд конунг был правителем Норвегии в течение двадцати лет.* – Т.е. с 1046 по 1066 г., когда он погиб в битве при Стэмфорд Бридж (25 сентября 1066), о чем рассказывается далее.

[3] *...когда он стал конунгом в Норвегии, ему недоставало двух зим до того, как ему пошел четвертый десяток.* – Согласно «Саге о Харальде Суровом», «Харальду конунгу было пятьдесят лет от роду, когда он погиб. У нас нет достойных внимания рассказов о его юности, пока ему не исполнилось пятнадцать лет, когда он был в битве при Стикластадире вместе с Олавом конунгом, своим братом, а после этого он прожил тридцать пять лет» (гл. 99: *КЗ*, 463). Харальд, таким образом, родился в 1015 г.

[4] *...женат на Эллисив, дочери Ярицлейва.* – Так в версии «Hrokkinskinna», где названо правильное имя первой жены Харальда – Эллисив дочь Ярицлейва (в рукописи Ярдслейва), т.е. Елизавета, дочь Ярослава Мудрого и Ингигерд дочери Олава Шведского (о последней см. «Прядь об Эймунде сыне Хринга»). Принято считать, что этот брачный союз был заключен зимой 1043/44 г. (см. примеч. 6). В редакции

Flat. сказано, однако, что Харальд был женат на Силкисив, дочери Хаки (это же имя упоминается в позднейшей балладе о Хеминге). Замена имени Эллисив на Силкисив может объясняться влиянием «саг о древних временах» (ср. Силкисив, принцесса в Гардарики, которую взял в жены Одд Стрела, герой одноименной саги; то же имя носит правительница в «Саге об Ингваре Путешественнике»).

[5] *Хольмгард* – Новгород (см. примеч. 21 к «Пряди об Эймунде сыне Хринга»).

[6] *…оставил в залог большое богатство – целую козлиную шкуру, наполненную чистым серебром…* – О происхождении этого богатства рассказывается в сагах о Харальде Суровом. Ср. в «Круге Земном»: «Харальд провел в Африке много лет, захватил огромные богатства, золото и всякого рода драгоценности. Но все имущество, какое он добыл и в каком не нуждался для того, чтобы содержать себя, он посылал с верными людьми на север в Хольмгард на хранение к Ярицлейву конунгу, и там скопились безмерные сокровища» (*КЗ*, 405); «Когда Харальд прибыл в Хольмгард, Ярицлейв принял его отменно хорошо. Он провел там зиму и получил в свое распоряжение все то золото, которое прежде посылал туда из Миклагарда, и самые разные драгоценности. Там было столько добра, сколько никто в Северных Странах не видал в собственности одного человека ⟨…⟩ В ту зиму Ярицлейв конунг выдал свою дочь за Харальда. Имя ее было Элисабет, а норвежцы звали ее Эллисив» (*КЗ*, 411). По сообщению «Саги о Харальде Суровом» (гл. 15: *КЗ*, 410), еще до своей женитьбы, на пути в Восточную Державу (на Русь) Харальд сложил посвященную невесте песнь в 16 вис «с одинаковым припевом в каждой», названную «Висы Радости». Из этой поэмы сохранилось 6 строф, с конца XVIII в. неоднократно переводившихся на русский язык (в том числе К.Н. Батюшковым и Н.М. Карамзиным, см. подробнее: *КЗ*, 654, примеч. 26; наибольшую известность получила баллада А.К. Толстого «Песня о Гаральде и Ярославне» (1869), отчасти представляющая собой вольное переложение стихов Харальда).

[7] *У них была дочь Мария…* – Согласно другим источникам (ср.: *КЗ*, 421), у Харальда «и его жены Эллисив было две дочери. Одну звали Мария, другую – Ингигерд». В дальнейшем в пряди упоминается лишь Мария, причем из этих сообщений следует, что она находилась в Норвегии, а впоследствии – во время похода Харальда в Англию – была вывезена им на Оркнейские острова (см. также примеч. 8).

[8] *…женился в другой раз и взял за себя Тору дочь Торберга сына Арни и Рагнхильд дочери Эрлинга сына Скьяльга из Ядара.* – Как сообщается в «Круге Земном» («Сага о Харальде Суровом», гл. 33: *КЗ*, 420), «Харальд конунг взял в жены Тору, дочь Торберга сына Арни, на следующую зиму после того, как умер конунг Магнус Добрый (т.е. в 1048 г. – *Е.Г.*)». (О знатном норвежце Торберге сыне Арни, его жене Рагнхильд дочери Эрлинга и о рождении Торы рассказывается в «Пряди о Стейне сыне Скафти»; о Торе см. также в «Пряди о Халли Челноке»; об Эрлинге сыне Скьяльга из Ядара см. «Прядь об Эйндриди и Эрлинге».) Однако позднее, говоря о приготовлениях Харальда Сурового к походу в Англию, автор саги, Снорри Стурлусон (как и авторы некоторых других «королевских саг»), упоминает не только Тору, но и Эллисив: «Тора дочь Торгберга… осталась дома, а Эллисив конунгова жена поехала с ним, и дочери ее Мария и Ингигерд» (гл. 82: *КЗ*, 453; согласно «Пряди о Хеминге», с Харальдом уехала лишь его дочь Мария). Далее сказано, что он оставил «свою жену, Эллисив» и обеих дочерей на Оркнейских островах, где Мария «внезапно

умерла в тот самый день и в тот самый час, когда пал ее отец, Харальд конунг», после чего «Эллисив конунгова вдова отплыла с запада вместе с Олавом, своим пасынком (см. след. примеч. – *Е.Г.*), а вместе с нею Ингигерд, ее дочь» (гл. 98). Эти противоречивые сообщения саги (а также других источников) дают основание предполагать, что Тора была не женой, а наложницей Харальда (ср.: *КЗ*, 655, примеч. 45), кроме того, из них следует, что, вопреки дальнейшему рассказу, Елизавета (Эллисив) не осталась на Руси, как утверждается в истории о Хеминге, но отправилась вслед за Харальдом в Норвегию и состояла с ним в браке вплоть до его гибели в Англии.

[9] *Олав Тихий* – правил в Норвегии после гибели Харальда Сурового (1067–1093).

[10] *Магнус* – см. примеч. 31 к «Пряди о Раудульве».

[11] *Хакон, которого воспитал Торир из Стейга* – норвежский конунг Хакон Воспитанник Торира (1093–1094). О Торире из Стейга см. примеч. 6 к «Пряди об Эймунде сыне Хринга».

[12] *Николас сын Торберга, его шурин* – брат Торы, сын Торберга сына Арни; о сыновьях Арни, знатных норвежцах, приспешниках Олава Святого, рассказывается во многих прядях (см. в особенности «Прядь о Раудульве» и «Прядь о Стейне сыне Скафти»), однако о Николасе не сообщается ни в каких других источниках.

[13] *Халльдор сын Снорри* – см. об этом исландце «Первую прядь о Халльдоре сыне Снорри», «Вторую прядь о Халльдоре сыне Снорри» и «Прядь об исландце-сказителе».

[14] *Арнор Старухин Нос* – см. о нем «Прядь о Свади и Арноре Старухин Нос».

[15] *...Одд сын Офейга из Песчаника в Среднем Фьорде.* – Об этом исландце см. предыдущий рассказ – «Прядь об Одде сыне Офейга», а также примеч. к нему. Песчаник – хутор в Среднем Фьорде на севере Исландии.

[16] *Торарин сын Невьольва* – см. о нем «Прядь о Торарине сыне Невьольва», а также в «Пряди об Асбьёрне Тюленебойце». Ко времени действия «Пряди о Хеминге» (1065) Торарин должен был быть очень немолодым человеком.

[17] *Конунг имел обыкновение разъезжать по пирам...* – См. примеч. 83 к «Пряди об Орме сыне Сторольва».

[18] *Торгар* – остров в Халогаланде, на севере Норвегии (совр. Торгет); в пряди также употребляется в другом варианте, Торгир (букв.: торговое место).

[19] *...мне приходилось слыхать на этот счет кое-что другое.* – В редакции пряди в «Hrokkinskinna» конунг утверждает, что «в его книге» сказано иное. Судя по всему, это анахронизм: нет достоверных сведений о том, что этот правитель Норвегии действительно оставил после себя письменный свод законов. В текстах XIII в. нередко можно встретить ссылки на «Законы Олава Святого», однако это наименование указывает лишь на древность и авторитетность права, кодифицированного в существовавших в то время норвежских судебниках, которые было принято возводить к наиболее популярному правителю и святому покровителю Норвегии. О «законотворческой» деятельности Олава рассказывается в его жизнеописании: «одни законы он упразднял, а другие добавлял, если считал это необходимым. Закон о христианстве он установил, посоветовавшись с епископом Гримкелем и другими священниками. Он прилагал все силы, чтобы искоренить язычество и те древние обычаи, которые, по его мнению, противоречили христианской вере. И вышло так,

что бонды приняли законы, которые установил конунг» («Сага об Олаве Святом», гл. 58: *КЗ*, 196).

[20] – *Нелегко было мне проплыть между рифом и буруном…* – См. примеч. 11 к «Пряди об Эйндриди Широкостопом».

[21] *…не избежать бы мне тогда сидеть на соломе.* – Об этом наказании, которому конунг подвергал своих дружинников за разные провинности, см. во «Второй пряди о Халльдоре сыне Снорри».

[22] *…пока не проходит первый месяц зимы.* – По древнему скандинавскому календарю зима наступала в период между 11 и 18 октября.

[23] *…на север к Снёсу…* – местность на севере Трёндалёга (Трённелага), совр. Сноса. Следующее далее описание уединенной жизни Хеминга, возможно, восходит к одному из древних мотивов легенды о метком стрелке. Так, во вступлении к «Песни о Вёлунде» рассказывается, что три брата, сыновья конунга финнов – Эгиль, Слягфид и Вёлунд, живут в уединенном месте в Волчьей Долине, ходят там на лыжах и охотятся.

[24] *… в алом одеянии ⟨…⟩ голову обхватывал золотой шнурок…* – Ср. аналогичное описание облика и одеяния героя в «Пряди об Эйндриди Широкостопом».

[25] – *Многие сказали бы, что они приехали не слишком рано.* – В редакции пряди в «Книге с Плоского Острова» эта фраза, как и предыдущая, вложена в уста приемной матери Хеминга, однако из контекста следует (и это подтверждается редакцией пряди в «Hrokkinskinna»), что ее произносит герой рассказа.

[26] *…кожу, из которой ты вышел…* – Непереводимая игра слов, основанная на значении имени героя. В др.-сканд. hemingr служит обозначением кожи, содранной с задней ноги животного, и конунг намекает на древний ритуал усыновления, в ходе которого принимаемый в род сын, а также его прямые наследники должны были по очереди каждый вставлять ногу в башмак, сшитый из кожи, содранной с правой голени трехлетнего быка.

[27] *…наконечник вонзается в насечку для тетивы той стрелы, которую выпустил конунг.* – Ср. аналогичный эпизод в «Пряди об Эйндриди Широкостопом» (см. также примеч. 17 к этой пряди).

[28] *…возьмем орех и положим его на голову Бьёрну, твоему брату ⟨…⟩ ежели промахнешься, это будет стоить тебе жизни.* – Ср. соответствующий эпизод в «Пряди об Эйндриди Широкостопом» (см. также примеч. 18 к этой пряди).

[29] *…пускай конунг встанет рядом ⟨…⟩ Я встану рядом с тобой.* – См. примеч. 19 к «Пряди об Эйндриди Широкостопом».

[30] *Стрела летит…* – В редакции пряди в «Книге с Плоского Острова» (*Flat.*) оружие, посланное Хемингом в брата, дважды именуется «копьем», но в другой редакции пряди (в «Hrokkinskinna»), сказано лишь, что герой «выстрелил», однако оружие не упоминается, из чего можно понять, что Хеминг выпустил стрелу. Издатель пряди (редакции *Flat.*), Э. Гардинер, считает несомненным, что речь в действительности идет о выстреле из лука и копье упомянуто по ошибке (*FS*, 226). В сходном эпизоде в «Пряди об Эйндриди Широкостопом», восходящем к настоящему рассказу, говорится о выстреле из лука.

[31] *⟨…⟩ и проспали всю ночь.* – В рукописи очевидный пропуск.

[32] *…приступим к другим состязаниям.* – В другой редакции пряди (в «Hrokkinskinna») Николас предлагает Хемингу выбрать, в чем им сперва соревноваться: плавать или нырять.

[33] Ср. описание состязания в плавании в «Пряди об Эйндриди Широкостопом» (см. также примеч. 16 к этой пряди).

[34] *...Хеминг полетел вниз с обрыва.* – Аналогичный эпизод известен из «Деяний датчан» («Gesta Danorum», кн. X) Саксона Грамматика, где, как и предшествующее состязание в стрельбе из лука, он связан с именем Токо (Toko Jumensis), приближенного датского короля Харальда Синезубого (ум. ок. 986). В версии Саксона Токо, искусный лучник и лыжник, сперва имел неосторожность похвастаться, что сумеет с первого же выстрела попасть в насаженное на палку яблоко, в результате чего был подвергнут датским конунгом жестокому испытанию и вынужден доказать свое умение, попытавшись пронзить стрелой яблоко, лежащее на голове у своего сына. Вскоре после этого несдержанность Токо вновь навлекла на него беду, когда он осмелился утверждать, что бегает на лыжах не хуже самого короля. Прослышав об этом, последний послал его на верную смерть, повелев сбежать на лыжах с отвесной скалы, возвышающейся над морем. Во время опасного прыжка Токо сломал и потерял лыжи (их обломки позднее убедили конунга в его гибели), но благодаря этому спасся и был подобран мореплавателями. В исландской традиции Токо известен как Пальна-Токи из Йомсборга, однако в «Саге о йомсвикингах», где фигурирует этот герой и, как и в книге Саксона, рассказывается о его взаимоотношениях с правителями Дании, нет даже упоминания об этих испытаниях, которым его якобы подверг жестокий король. Очевидно, пересказываемая Саксоном легенда отчасти восходит к истории о Хеминге сыне Аслака, а отчасти – к более ранним сказаниям об Эгиле брате Вёлунда (см. коммент. к «Пряди об Эйндриди Широкостопом»).

[35] *...тебя зовут Лейв.* – Имя Leifr происходит от глагола leifa «оставлять после себя», и предполагается, что оно служило обозначением сына. Не исключено, что явившийся Хемингу св. Олав выбрал это имя не случайно, и оно намекает на чудесное избавление героя от грозившей ему гибели.

[36] *...молятся Аслак и Бьёрн.* – На этой фразе «Прядь о Хеминге» в «Книге с Плоского Острова» обрывается. В дальнейшем рассказ приводится в редакции «Hrokkinskinna».

[37] *Ятвард Добрый, сын Адальрада* – Эадвард (Эдуард Исповедник), английский король (1042–1066), сын Этельреда Неразумного (978–1016).

[38] *Лундун* – Лондон.

[39] Ср. аналогичную сцену в «Пряди о Халли Челноке» (гл. 7), в которой герой неожиданно узнает от убийцы о гибели якобы своего брата.

[40] *...сотню марок чистого серебра.* – Т.е. 800 унций серебра.

[41] *Эйкундасунд* – пролив Эгерсунн у побережья Ядара в южной части Норвегии.

[42] *...на хуторе Песчаник...* – хутор Melr (Melstaðr) в Среднем Фьорде на севере Исландии, где, как упоминалось ранее, жил Одд сын Офейга (см. «Сагу о союзниках»).

[43] *...велел воздвигнуть церковь и посвятил ее святому Стефану...* – Посвященная св. Стефану церковь в Песчанике впервые упоминается в составленной в 1318 г. описи церквей, принадлежащих к диоцезу Холара (епископство в Холаре в Скагафьорде – Полуостровном Фьорде – в северной четверти Исландии было основано в 1106 г.); церковь на этом месте существует и по сей день.

[44] *...в Нортумбруланде...* – т.е. в Нортумбрии в Англии. Известно, однако, что Годвин (в скандинавской традиции именуемый Гудини; ум. 1053) был ярлом в Уэссексе.

[45] *...ярл, которого звали Гудини. Он был женат на Ингирид, дочери Торгильса Хруст-в-Ноге, она приходилась сестрой Ульву, отцу Свейна, конунга датчан.* – В действительности дочь Торгильса Хруст-в-Ноге, на которой был женат ярл Гудини сын Ульвнадра (англ. Вульфнота), носила имя Гюда, о чем сообщает и ряд «королевских саг» (см., например, «Сагу об Олаве Святом», гл. 152 (*КЗ*, 315), а также «Красивую Кожу», гл. 58). Как утверждается в некоторых источниках, Торгильс Хруст-в-Ноге (Спракалегг) был сыном Стюрбьёрна Воителя Шведов (см. прядь о нем) и Тюри, дочери Харальда сына Горма (Синезубого). Ярл Ульв (убит в 1026) был женат на Эстрид, дочери Свейна Вилобородого и сестре Кнута Могучего, от его брака с которой родился будущий датский конунг Свейн Ульвссон (Свен Эстридсен) (см. примеч. 11 к «Пряди о Храфне сыне Гудрун»).

[46] *У Гудини было много детей. Одного его сына звали Харальдом, другого – Тости Деревянное Копье, третьего – Мёрукари, четвертого Вальтьовом. Имя его дочери было Вейгерда.* – Исландские источники содержат противоречивые сведения о сыновьях ярла Гудини. Так, согласно «Саге о Харальде Суровом» (гл. 75) в «Круге Земном», его старшим сыном был ярл Тости (Тостиг), вторым – ярл Мёрукари (Моркар), третьим – ярл Вальтьов (Вальтеоф), четвертым – ярл Свейн, младшим – Харальд (Харольд), воспитанник конунга Эадварда (см. примеч. 37). В действительности, однако, у ярла Годвина было шестеро сыновей: Свейн (Swegen), Харольд, Тостиг, Гюрд, Леофвине и Вульфнот, тогда как Моркар (исл. Мёрукари) был сыном Эльфгара, ярла Мерсии, а Вальтеоф – Сиварда, ярла Нортумбрии. В другой редакции пряди, сохранившейся в ряде бумажных списков XVII в., сразу же вслед за тем приводится эпизод, объясняющий прозвище ярла Тости. Чтобы заполучить приглянувшееся ему копье короля Эадварда, Тости отрубил наконечник собственного копья, после чего заострил его древко и, подъехав к королю, показал ему свое копье, сказав, что на нем нет металла. Король понял намек и отдал Тости свое копье, присовокупив к драгоценному подарку прозвище: Деревянное Копье (Hemings þáttr Áslákssonar. P. 31; CXXVIII f.). *Вейгерда* – по сообщениям других скандинавских источников, у Гудини была лишь одна дочь – Гюда (Eadgyth); в действительности дочерями ярла Годвина, помимо Гюды – Эадгюд (ставшей женой Эдуарда Исповедника), были Гунхильд и Элфгиву (Ælfgifu).

[47] *Скардаборг* – Скарборо.

[48] Сразу же вслед за этим и вплоть до рассказа о переходе власти в Англии к Харальду следуют вставки из рукописи последней четверти XVII в. GKS 1006 fol. (также не содержащей полного текста пряди) и дополняющих ее двух других списков XVII в. – AM 329 4to и AM 326c 4to.

[49] *Валланд* – Франция.

[50] *Родберт ярл Руды* – герцог Нормандии Роберт II Великолепный (также известен как Роберт II Дьявол; 1027 – ок. 1030). Ко времени описываемых здесь событий (ок. 1064) Роберта, таким образом, уже не было в живых. В скандинавских источниках он также именуется Родбьярт (см.: *КЗ*, 448). Руда (или Рауда) – Руан.

[51] *Вильяльм, прозванный Незаконнорожденным* – Вильгельм II Нормандский, или Вильгельм Незаконнорожденный (1027/1028 – 9 сентября 1087), герцог Нормандии (с 1035 г.), в результате организованного и возглавленного им нормандского завоевания Англии с 1066 г. – английский король Вильгельм I Завоеватель.

[52] *Моольд* – Матильда Фландрская (ок. 1031–1083), впоследствии королева Англии.

[53] *...их сыновья звались Хейнрек и Родбьярт...* – Хейнрек – Генрих I Боклерк (франц. Beauclerc – «Образованный»), младший сын Вильгельма Завоевателя, король Англии (1100–1135) и герцог Нормандии (1106–1135). Родбьярт – Роберт III, по прозвищу Куртгёз (франц. Courteheuse – «Короткие штаны»), старший сын Вильгельма Завоевателя, герцог Нормандии (1087–1106, ум. 1134), неоднократный претендент на английский престол. Роберт был одним из руководителей Первого крестового похода (1096–1099).

[54] *...заключили союз ⟨...⟩ отомстить за другого, как за своего брата.* – Описанный здесь равноправный союз двух правителей не имеет под собой исторической подоплеки: на самом деле Харольд попал в зависимость от нормандского герцога и поклялся ему в верности. Это подтверждается источником XI в., чье свидетельство пользуется доверием у исследователей (см.: *Stenton F.* Anglo-Saxon England. Oxford, 1971. P. 577 f.). На одной из сцен, вытканных на гобелене из Байё, Харольд изображен стоящим между двумя реликвариями, на которых лежат его руки, и приносящим клятвы в присутствии Вильгельма, при этом надпись гласит: «Вильгельм явился в Байё, где Харольд принес клятву герцогу Вильгельму»; уже в следующей сцене Харольд возвращается в Англию. В «Гнилой Коже» (гл. 52) также упоминается о том, что «ярл Харальд принес клятву ярлу Вильяльму на реликварии Одмара (Odmarus), что он никогда не выступит против него» (*Mork.*, 123).

[55] *...Хейнрек из Глотести.* – Т.е. из Глочестера. Ни о ярле, носящем это имя, ни о прочих названных здесь лицах, ни об описанных далее происшествиях (включая и места, где произошли упоминаемые здесь сражения) не известно из других источников. То обстоятельство, что большинство «английских» эпизодов пряди не имеет аналогий ни в одной из существующих версий саги о Харальде Суровом, сообщения которой к тому же нередко не совпадают с фактами, изложенными в нашем рассказе, дало основания предполагать, что при создании второй части «Пряди о Хеминге» ее автор использовал некий источник, который был утрачен впоследствии (см.: *HÞÁ*, CXXVIII).

[56] *Биргир Бертакаппи* (bertakappi) – возможно, это прозвище следует толковать как Ясный Витязь.

[57] *Хрутссерк* – неустановленное место; Hrútzserkr – букв.: Баранья Рубаха.

[58] *...между Харальдом и Моольд ⟨...⟩ слишком большая привязанность ⟨...⟩ в тот раз они расстались друзьями.* – Аналогичным образом этот эпизод изложен и в «Гнилой Коже» (*Mork.*, 284 f.). В «Саге о Харальде Суровом» (гл. 76) в «Круге Земном» обстоятельства поездки Харальда в Нормандию и эпизод с женой Вильяльма представлены иначе: «Однажды летом Харальд сын Гудини совершил поездку в Бретланд. Он плыл туда на корабле. Но когда они вышли в море, подул противный ветер и погнал их в открытое море. Они достигли земли на западе в Нормандии, перенеся страшнейшую бурю. Они бросили якорь у города Руды и посетили Вильяльма ярла. Он приветливо принял Харальда и его спутников. Харальд долго пользовался его гостеприимством, потому что бури продолжались и нельзя было выйти в море. С наступлением зимы ярл и Харальд рассудили, что Харальд должен остаться там на зиму. Харальд сидел на почетном сиденье по одну руку ярла, а по другую руку сидела

жена ярла. Она была красивее всех женщин, каких только видели люди. Они все вместе весело беседовали и пировали. Ярл часто уходил спать рано, а Харальд подолгу сиживал по вечерам, беседуя с женою ярла. Так продолжалось всю зиму. Однажды, когда они беседовали, она сказала: "Ярл нынче говорил со мной и спрашивал, о чем мы все время говорим, он начинает гневаться". Харальд отвечает: "Нужно рассказать ему поскорей обо всех наших беседах". На другой день Харальд сказал ярлу, что хочет поговорить с ним, и они пошли в приемную палату. Там была и жена ярла и их советники. Харальд сказал так: "Надобно сказать Вам, ярл, что большее скрывалось за моим прибытием к Вам, чем то, о чем я Вам поведал. Я хочу просить твою дочь себе в жены. Я часто говорил об этом с ее матерью, и она обещала мне помочь в этом деле перед Вами". И как только Харальд сказал так, все, кто слышал, хорошо приняли его предложение и поддержали его перед ярлом. Кончилось это тем, что девушка была помолвлена с Харальдом, но так как она была еще молода, было решено отложить свадьбу на несколько лет» (*КЗ*, 448 и след.). По сообщению Снорри, Харальд, однако, так и не вернулся за своей невестой. Английские и нормандские источники также сообщают о помолвке Харольда с дочерью Вильгельма и Матильды, однако лишь в скандинавских источниках дело изображается так, что эта помолвка была призвана скрыть его роман с матерью невесты.

[59] *...у реки, которая зовется Лодда.* – По-видимому, р. Луд (Lud) в Линкольншире. Это название присутствует в туле (стихотворном перечне) рек в некоторых рукописях «Младшей Эдды».

[60] *Гест* – имя, под которым скрывается незнакомец (см. примеч. 1 к «Пряди о Норна-Гесте»).

[61] *...на время Рождества.* – Здесь рукопись пряди в GKS 1006 fol. обрывается. Нижеследующий эпизод приводится по списку AM 329 4to (см. также след. примеч.).

[62] *– Всем вам ясно и заметно ⟨...⟩ конунг скончался.* – Предсмертная речь короля Эадварда (Ятварда), в которой он передает власть в стране Харольду (Харальду), известна только из рукописи AM 326c 4to (конец XVII в.) и считается позднейшей вставкой, сделанной с целью восполнить лакуну в кодексе, с которого был сделан этот список (см.: *HÞÁ*, XXIII f., CXXXII, 34–35). В «Саге о Харальде Суровом» в «Круге Земном» (гл. 77) мы находим другую версию эпизода передачи власти: «Люди рассказывали, что, когда конунгу пришло время испустить дух, около него был Харальд вместе с несколькими другими людьми. Харальд наклонился тогда над конунгом и потом сказал: "Я призываю вас всех быть свидетелем того, что конунг только что завещал мне свою корону и всю власть над Англией". Вскоре после этого тело покойного конунга было поднято из постели. В тот же день состоялось совещание предводителей. Обсуждали, кто будет преемником конунга. Тогда Харальд представил своих свидетелей того, что конунг Эадвард в свой смертный час передал ему власть. Совещание закончилось тем, что Харальд был провозглашен конунгом...» (*КЗ*, 449).

[63] *...Харальд конунг, мой родич ⟨...⟩ мы с ним двоюродные братья.* – См. примеч. 45.

[64] *...я и мои братья...* – Во всех прочих источниках ярл Тости говорит лишь о собственных притязаниях на английский престол, не упоминая своих братьев; ср., например, «Сагу о Харальде Суровом» (гл. 78) в «Круге Земном». В некоторых из них иначе представлено и путешествие Тости: согласно Снорри, покинув Англию, он

направился во Фландр (Фландрию), «провел там некоторое время, а затем отправился в Страну Фризов, а оттуда в Данию» (*КЗ*, 450).

[65] *...вернулась на берег без обоих кусков.* – Автор пряди использует здесь басню Эзопа о собаке и ее тени. В соответствующих эпизодах «королевских саг», где рассказывается о попытке ярла Тости склонить к походу на Англию датского конунга, эта сцена отсутствует (ср. ответ Свейна в «Круге Земном»: «Я настолько меньший человек, чем мой родич Кнут конунг, что едва могу удержать Датскую Державу, воюя против норвежцев. Кнут Старый получил Данию по наследству, Англию же он завоевал, да и то одно время казалось, что это будет стоить ему жизни. Норвегия досталась ему без боя. Так что лучше уж я буду жить в соответствии с моей малой доблестью, нежели пытаться повторить подвиги Кнута конунга, моего родича», *КЗ*, 450).

[66] *Харальд конунг* – Харальд сын Сигурда, норвежский конунг.

[67] *...Ториру из Стейга приснился сон.* – Этот эпизод подробно излагается только в «Пряди о Хеминге», тогда как в «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом» в «Гнилой Коже» и в «Hulda» всего лишь упоминается, что Торир из Стейга не стал участвовать в походе в Англию по той причине, что ему приснился «дурной сон».

[68] *...Эллисив, конунговой жене, о чем рассказывалось прежде...* – См. начало пряди и примеч. 8. Приведенный здесь эпизод не известен из сохранившихся саг о Харальде Суровом, из которых (исключение представляет лишь «Гнилая Кожа») следует, что Эллисив находилась в Норвегии и вместе со своими дочерьми, Марией и Ингигерд, отправилась с Харальдом в плавание в Англию, однако, как и ее дочери, была оставлена им на Оркнейских островах.

[69] *Тогда Хьёрт сказал вису...* – Поскольку на первых строках этого эпизода текст в редакции «Hrokkinskinna» обрывается, в дальнейшем прядь приводится в редакции «Книги Хаука» («Hauksbók»).

[70] *Свиньи сын* – конунг Харальд, чей отец носил прозвище Свинья (см. также примеч. 17 к «Пряди о Хрейдаре Дураке»).

[71] *Хамдир ленивый* – Хамдир – герой древнескандинавского эпоса, сын Гудрун и Йонакра. Как рассказывается в одной из древнейших песней «Старшей Эдды», «Речах Хамдира», Гудрун посылает своих сыновей Хамдира и Сёрли вместе с их сводным братом Эрпом отомстить Ёрмунрекку за убийство ее дочери Сванхильд. По дороге Хамдир и Сёрли совершают неразумный злодейский поступок – убивают Эрпа, которому при осуществлении мести надлежало обезглавить Ёрмунрекка, в результате чего терпят неудачу и погибают. Судя по всему, упоминая Хамдира в висе, Хьёрт намекает на недальновидность Харальда, готовящегося отправиться воевать в Англию, где вместо земельных владений, которые ему посулил Тости, ему достанется всего лишь крохотный лоскут земли, отведенный под его могилу.

[72] *– Не больше ⟨...⟩ чем тебе понадобится, чтобы лечь.* – Слова Хьёрта перекликаются с известным замечанием в «Саге о Харальде Суровом» (гл. 91: *КЗ*, 457). На вопрос ярла Тости о том, что бы его брат, английский король Харальд сын Гудини, предложил конунгу Харальду сыну Сигурда за его труды, посланец короля отвечает: «Он сказал кое-что о том, что он мог бы предоставить ему в Англии кусок земли в семь стоп длиной или несколько больше, раз он выше других людей».

[73] Эту вису принято относить к «детским стихам» (исл. barngælur, соответствует англ. nursery rhyme; см.: *Heusler A.* Die altgermanische Dichtung. B.; Neubabelsberg,

1923. S. 99), при этом указывалось на ее сходство с сочиненной в этом жанре поэмой XIV в. «Skaufhalabálkur» («Висы о Хвосте-с-Кисточкой»), принадлежащей перу Свартура из Ховстадира (Svartur á Hofstöðum; см.: *SkP* II, 346).

[74] Пропуск в рукописи.

[75] *...рассылает письма...* – Очевидный анахронизм: нет никаких данных о том, чтобы в это время в Норвегии уже был в ходу алфавит на латинской основе. Самые ранние сохранившиеся рукописи восходят к середине XII в.

[76] *...Эйстейн Тетерев сын Торберга, сына Арни...* – Ближайший соратник Харальда и самый выдающийся предводитель в его войске; о его помолвке с дочерью конунга говорится во всех источниках. В «Саге о Харальде Суровом» (гл. 87) в «Круге Земном» он впервые упоминается в сообщении о прибытии норвежского войска в Англию («...Эйстейн Тетерев, сын Торберга сына Арни. Он тогда был самым знатным из всех лендрманнов и ближайшим другом конунга. Харальд конунг обещал ему в жены свою дочь Марию», *КЗ*, 455). Согласно «Гнилой Коже» (*Mork.*, 271), Эйстейн, приходился Торбергу внуком.

[77] *Ингигерд, дочь конунга Олава Шведского* – см. примеч. 4.

[78] *Сюсла* – см. примеч. 28 к «Пряди об Асбьёрне Тюленебойце».

[79] *Солундир* – острова в устье Согнефьорда на западе Норвегии.

[80] *Лендрманн* – см. примеч. 47 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога».

[81] *...произнес вису...* – Эта виса приводится во всех известных версиях «Саги о Харальде Суровом» (см. в переводе О.А. Смирницкой в *КЗ*, 453).

[82] *Князь ⟨...⟩ толстый...* – прозвище, которое Олав Харальдссон носил при жизни (Олав Толстый).

[83] *...кобыле тролля...* – волку.

[84] *...но лишь с тем, чтобы помочь тебе искать примирения с конунгом.* – Этот мотив отсутствует в других историях об английском походе Харальда Сурового.

[85] Здесь и дальше единственная рукопись испорчена.

[86] *Тьодольв скальд* – Тьодольв сын Арнора, главный скальд Харальда Сурового (см. о нем в «Пряди о Халли Челноке», а также примеч. 3 к этой пряди).

[87] *...она быстро поправилась.* – Аналогичная история об исцелении Харальдом женщины, проглотившей змею, рассказывается в одном из эпизодов «Саги о Магнусе Добром и Харальде Суровом» в «Гнилой Коже» (а также в младшей части «Книги с Плоского Острова» и «Hulda»), однако этот эпизод не связан с походом норвежцев в Англию. См. рассказ «О Харальде конунге и Ингибьёрг» в разделе «Дополнения 4».

[88] *...доставил со Стоянки Финна ⟨...⟩ тела Финна Веселого и его команды...* – Это единственное упоминание Финна сына Кетиля в исландских текстах, однако название Стоянка Финна (Finnsbúðir) появляется в исландских анналах, а устная традиция, связанная с именем Финна, была письменно зафиксирована в Гренландии в середине XIV в. (см. об этом: *HÞÁ*, CXXXV f.).

[89] *...Кетиля Теленка из Хрингунеса в Хейдмёрке и Гуннхильд, сестры Олава конунга.* – Кетиль Теленок, знатный и могущественный лендрманн из Хейдмёрка (совр. Хедмарк – область на юго-востоке Норвегии), неоднократно упоминается в «Саге об Олаве Святом» (гл. 45, 52, 75, 128). Это Кетиль донес конунгу Олаву о заговоре пятерых конунгов, о котором говорится в начале «Пряди об Эймунде сыне Хринга» (см. примеч. 9 к этой пряди). С одобрения Олава Кетиль женился на его сестре

Гуннхильд, дочери Сигурда Свиньи и Асты. В «Саге о Харальде Суровом» (гл. 54–55) рассказывается о сыне Кетиля Теленка и Гуннхильд по имени Гутхорм, родиче и советчике конунга Харальда. Хрингунес (совр. Рингнес) – название усадьбы Кетиля.

[90] Рукопись испорчена, заключенные в угловые скобки слова восстановлены по контексту.

[91] Помимо «Пряди о Хеминге», эпизод, рассказывающий о видении Трупного Лодина и его спутников, известен еще из двух источников. Это «Гренландские анналы» (AM 115 8vo, первая половина XVII в.), из которых следует, что существовала еще одна (утраченная) редакция «Пряди о Тости» («Tosta þáttr») – очевидно, так назывался текст, к которому восходит «английская» часть истории о Хеминге. Второй источник – это фарерская баллада о Гейти Аслакссоне, основанная на легенде о Хеминге (см.: *HÞÁ*, LXVI f., CXXXV). Мотив «кровавого дождя» присутствует в ряде саг. Так, о «кровавом дожде» говорится в «Саге о Ньяле» (гл. 72) в эпизоде, где на копье Гуннара проступает кровь, что тут же истолковывается им как предвестие жестокого боя. Однако ближе всего к видению Лодина описанные в этой же саге (гл. 156) знамения перед Клонтарвской битвой (с неба льет кипящий кровавый дождь, с шумом налетает воронье и т.д.). О кровавом ливне рассказывается и в «Саге о людях с Песчаного Берега» (гл. 51), в которой он предвещает скорую смерть Торгунны с Гебридских островов. Огонь на море также упоминается в видениях: см., например, в «Саге о Стурлунгах» (Sturlunga saga / Udg. K. Kålund. København; Kristiania, 1911. Bd. II. S. 45).

[92] *...служил в Авалснесе на острове Кёрмт.* – Авалснес – более позднее название Эгвальдснеса. См. примеч. 15 и 16 к «Пряди об Асбьёрне Тюленебойце».

[93] *Тот же, кого она назвала миролюбивым, это – Олав Тихий ⟨...⟩ И это Бог запретил ей говорить о тех злодействах, которые произойдут после.* – Здесь названы норвежские конунги Олав Тихий (1067–1093), сын Харальда Сурового, Магнус Голоногий (1093–1103), сын Олава Тихого, а также сыновья Магнуса: Эйстейн (1103–1122), Олав (1103–1115/1116) и Сигурд Крестоносец (1103–1130). Ср. сходный сон Олава Святого о будущих правителях Норвегии в «Пряди о Раудульве». Следующее из рассказа о пророческом сновидении Хуги представление о чередовании на норвежском престоле воинственных и миролюбивых правителей нашло наиболее последовательное воплощение в «Круге Земном» Снорри Стурлусона. Как замечает А.Я. Гуревич (История и сага. М., 1972. С. 99), Снорри «прибегает при сопоставлении характеров конунгов, выступающих по отношению друг к другу как современники или непосредственные преемники, к методу противопоставления: в роду норвежских государей воин сменяется миролюбцем, угнетатель – милостивым правителем, завоеватель – устроителем страны, язычник – христианином. Эти контрасты придают дополнительный интерес повествованию и ритмизируют его». Относительно событий, намек на которые содержится в заключительной фразе, см. примеч. 35 к «Пряди о Раудульве». Высказывалось предположение, что замечание автора рассказа, отказывающегося говорить о последующих «злодействах» (illvirki), могло восходить к латинской «Истории о древних королях Норвегии» («Historia de antiquitate regum Norwagiensium», конец XII в.) монаха Теодорика (Theodoricus Monachus), который доводит свое сочинение до этого же момента, заявляя о нежелании описывать грядущие «злодеяния», «убийства», «клятвопреступления» и т. п. (см.: *HÞÁ*, CXXXVII f.).

[94] *...приплывает на Оркнейские острова и оставляет там Марию, свою дочь...* – См. примеч. 7 и 8.

[95] *Зрим: на запад смелый...* – Эта строфа цитируется также в разных версиях «Саги о Харальде Суровом», однако обстоятельства ее произнесения отличны от описанных в пряди. Так, в «Круге Земном» предупреждение, прозвучавшее в этой висе, было произнесено еще в ту пору, когда войско Харальда стояло у островов Солундир в Норвегии. Как и в пряди, она принадлежит великанше, однако здесь последняя является во сне некоему Гюрду, человеку, находившемуся на корабле конунга: «Приснилось ему, что он стоит на корабле конунга и смотрит на остров, и там стоит огромная великанша, и в одной руке у нее большущий нож, а в другой – корыто. Ему казалось, что он видит все их корабли, и на носу каждого корабля сидит птица. Это были всё орлы и вороны. Великанша сказала вису...» (гл. 80: *КЗ*, 452).

[96] *Сойка крови* – ворон.

[97] *...сокола...* – т.е. воина.

[98] Удвоение конечного стиха для придания висе большей силы и вескости обычно для строф, приписываемых сверхъестественным существам; чаще всего оно встречается в так называемых draumvísur – висах, услышанных во сне (см. об этом: *Гуревич Е.А.* Стихи, услышанные во сне: Об одном типе поэтических вставок в древнеисландской прозе // Стих и проза в европейских литературах Средних веков и Возрождения. М., 2006. С. 86–116).

[99] *Рухнет гор громада...* – Эта виса известна только из «Пряди о Хеминге» и, как полагает издательница пряди, Дж. Феллоуз Йенсен (см.: *HÞÁ*, CXXXIX), по всей вероятности, она восходит к утраченному источнику, рассказывающему об английском походе Харальда Сурового.

[100] *Урд* – одна из норн, имя которой означает «грядущее»: «буду песен горьких Урд», очевидно, надо понимать как «буду провозвестницей грядущих бед».

[101] *Близок бой, уж ведьмы...* – Как и первая виса великанши, эта строфа (в несколько отличных редакциях) известна из разных версий «Саги о Харальде Суровом», однако, хотя она и относится к походу в Англию, произносится в них при иных обстоятельствах. В «Круге Земном» она приводится в следующем за видением Гюрда (см. примеч. 95) эпизоде «Саги о Харальде Суровом» (гл. 81), причем, как и в первом случае, здесь эти пророческие стихи отнесены ко времени, предшествующему отплытию норвежского войска в Англию. Ср.: «Тордом звали человека, который находился на корабле, стоявшем поблизости от корабля конунга. Ему приснилось ночью, будто корабли Харальда конунга подплывают к берегу и будто он знает, что это – Англия. На берегу он видел выстроившиеся полчища, и обе стороны готовились к бою и подняли множество знамен, а перед войском жителей той страны огромная великанша едет верхом на волке и в зубах волка – человеческий труп, и кровь падает из пасти волка, и когда он сжирает одного, она бросает ему в пасть другого, и так одного за другим, и он всех проглатывает. Она сказала вису...» (*КЗ*, 452).

[102] *...мать отродья турса* – великанша (турс – великан).

[103] *Они пристают к берегу в месте, что называется Кливлёнд.* – Kliflönd (Cleveland, букв.: скалистая земля) – область в северо-восточной Англии. Все версии «Саги о Харальде Суровом» упоминают Кливленд как место высадки норвежцев.

[104] *...курган Ивара Без Костей.* – Ивар Без Костей, правитель Англии (ум. ок. 873), один из сыновей Рагнара Лодброка (см. о нем в примеч. 93 к «Пряди о Норна-Госте»). Ивар получил свое прозвище из-за неведомой врожденной болезни: он не мог ходить и «вместо костей у него были хрящи». Не исключено, что упоминание о кургане Ивара и связанном с ним поверье было почерпнуто автором рассказа из «Саги о Рагнаре Лодброке». Согласно последней (гл. 18), Харальд Суровый высадился в Англии по соседству с местом погребения Ивара и «пал в этом походе». Когда же недолгое время спустя в страну прибыл Вильяльм Незаконнорожденный, он отправился к кургану Ивара, проник в него, обнаружил, что тело Ивара не истлело, и приказал сжечь его на костре, после чего его поход увенчался победой (см. упоминание об этом ниже в нашем рассказе). Предание о посещении кургана Ивара норвежским и нормандским военачальниками – не более чем легенда: в отличие от Харальда, Вильгельм Завоеватель высадился в Сассексе.

[105] *Уса* – т. е. река Уз (Ouse), на левом берегу которой, у деревни Фулфорд в двух милях к югу от Йорка, 20 сентября 1066 г. произошла битва между норвежцами и ополчением Северной Англии.

[106] *– У меня больше доверия к его обещанию, чем к соглашению с тобой, хотя мы и ударили по рукам.* – Эпизод пленения ярла Вальтьова приводится только в «Пряди о Хеминге», тогда как во всех известных версиях «Саги о Харальде Суровом» говорится, что Вальтьов вместе с частью войска, которой удалось спастись, бежал с поля боя.

[107] *Хравнсейр* – Рейвенсир, или Рейвенсперн (ныне Сперн-Хед), мыс в устье реки Хамбер (др.-сканд. Хумбра).

[108] *Однажды, когда конунг стоял в одной бухте ⟨...⟩ не припомню ни одного.* – Эпизод с шатром отсутствует во всех прочих рассказах о походе Харальда в Англию.

[109] *...братья Эйстейн и Николас.* – Имеются в виду Эйстейн Тетерев и Николас, сыновья Торберга сына Арни, о которых уже шла речь выше. В других источниках Николас не упоминается вовсе, но сказано, что для охраны кораблей вместе с Эйстейном остались сын конунга Олав и оркнейские ярлы Паль и Эрленд (ср.: *КЗ*, 455). Во всех версиях «Саги о Харальде» говорится при этом, что с Харальдом выступило в поход вдвое больше воинов, чем осталось на кораблях.

[110] *...никто, кроме сотни самых проворных, не надел на себя кольчуги.* – В «Гнилой Коже» и в «Круге Земном» беспечность норвежцев получает иное объяснение: «Был погожий день, и очень пригревало. Люди сняли свои кольчуги и пошли на берег, взяв только щиты, шлемы, копья и опоясавшись мечами, но у многих были луки со стрелами. Все были очень веселы» (*КЗ*, 455).

[111] *...к Стейнфордабрюггьюру, который теперь зовется Стэмфорд...* – Стэмфорд Бридж на реке Дервент в восьми милях к северо-востоку от Йорка, где 25 сентября 1066 г. произошла битва между норвежцами и англичанами.

[112] *– Поезжай с миром, Вальтьов, и поддержи своего брата. Ты честно сдержал свое слово.* – Сцена, в которой Вальтьов предупреждает Харальда Сурового об опасности, отсутствует во всех прочих текстах, повествующих о битве при Стэмфорд Бридж.

[113] *...большинство стало просить конунга возвратиться на корабли к оставшимся там воинам.* – Во всех версиях «Саги о Харальде» этот совет исходит от ярла

Тости (ср. в «Круге Земном»: «Первое, что нужно сделать, это как можно скорее повернуть назад к кораблям, чтобы взять людей и оружие, и тогда мы дадим отпор изо всех наших сил. Либо пусть корабли защищают нас, и тогда рыцарям нас не одолеть», *КЗ*, 456).

[114] *...к строю норвежцев подъезжают три человека...* – В других источниках говорится, что к рядам норвежцев подъехали 20 рыцарей.

[115] *...не станет требовать возмещения за своего брата.* – Речь идет об убитом ранее ярле Мёрукари.

[116] *...предпочел бы предложить тебе пол-Англии...* – В известных версиях «Саги о Харальде Суровом» предложения английского конунга и ответы Тости отличаются от приведенных в этой сцене. Ср. в «Круге Земном»: «“Харальд, твой брат, шлет тебе привет и предлагает тебе жизнь и весь Нортимбраланд. Если ты перейдешь на его сторону, он уступит тебе треть своей державы”. Тогда ярл отвечает: “Это – несколько иное предложение, нежели вражда и оскорбление, какие были зимою. Будь тогда сделано это предложение, многие были бы живы из тех, кто теперь мертв, и власть в Англии была бы прочнее. Но если б я принял это предложение, то что бы он предложил конунгу Харальду сыну Сигурда за его труды?”» (*КЗ*, 457).

[117] *...я дам ему в Англии три с половиной локтя земли или несколько больше...* – Английский король, таким образом, в отличие от прочих вариантов рассказа, раскрывает здесь свое инкогнито. Еще одно отличие составляет размер клочка земли, предложенный норвежскому конунгу, – в других источниках говорится о «семи стопах»; ср. в «Круге Земном»: «Он сказал кое-что о том, что он мог бы предоставить ему в Англии кусок земли в семь стоп длиной или несколько больше, раз он выше других людей» (*КЗ*, 457). Тогда как «стопа» (fótr) приблизительно соответствует английскому футу (ок. 30 см), «локоть» (alin) – это приблизительно полярда (ок. 46 см).

[118] В «Саге о Харальде Суровом» (гл. 90) в «Круге Земном» (как и в других версиях саги) это происшествие предшествует беседе с английскими рыцарями, кроме того, оно описывается несколько иначе: «Конунг Харальд сын Сигурда стал объезжать тогда свое войско и осматривать, как оно построено. Он сидел на вороном коне с белой звездой во лбу. Конь упал под ним, и конунг свалился с него. Он быстро вскочил и сказал: “Падение – знак удачи в поездке!” А английский конунг Харальд сказал норвежцам, что были с ним: “Не знаете ли вы, кто тот рослый муж, который свалился с коня, в синем плаще и блестящем шлеме?” “То сам конунг”, – сказали они. Английский конунг говорит: “Рослый муж и величественный, но похоже, что удача оставила его”» (*КЗ*, 456).

[119] *...однако ему осталось недолго управлять страной.* – Эти пророческие слова норвежского конунга, очевидно призванные «уравновесить» аналогичное пророчество в его адрес, произнесенное вслед за тем его тезкой, королем Англии (см.: *HÞÁ*, CXLIII), присутствуют только в «Пряди о Хеминге».

[120] *Бьярлейв* – т.е. Лейв, он же Хеминг.

[121] Перевод О.А. Смирницкой (ранее опубликован в *КЗ*, 458). Обе висы Харальда цитируются во всех версиях «Саги о Харальде Суровом», однако в них они приводятся в преддверии битвы.

[122] *В распре Хильд...* – в битве.

[123] *...Хносс ⟨...⟩ праха горсти...* – женщина (прах горсти – золото, Хносс – богиня). Возможно, речь идет об Асте, матери Харальда Сурового.

[124] *...на сшибке шапок Гунн...* – в битве (шапка Гунн – шлем, Гунн – валькирия).

[125] *...вежу плеч...* – голову.

[126] *...чаши бражной ель...* – женщина.

[127] Перевод О.А. Смирницкой (ранее опубликован в *КЗ*, 458).

[128] *...они уже не смогли построиться в другой раз.* – В «Круге Земном» описанная здесь военная хитрость англичан представлена как вынужденная реальной опасностью их поражения (ср.: «Бой был жестоким, и с обеих сторон пало много народа... Англичане были близки к тому, чтобы обратиться в бегство», *КЗ*, 458).

[129] *После этого конунг умер.* – Столь подробно сцена гибели Харальда Сурового изображена только в «Пряди о Хеминге» (ср. лаконичное сообщение в «Круге Земном»: «Стрела попала конунгу Харальду сыну Сигурда в горло. Рана была смертельной. Он пал, и с ним все, кто шел впереди вместе с ним, кроме тех, кто отступил, удержав его знамя. Возобновилась жесточайшая битва. Тости ярл встал под знамя конунга», *КЗ*, 459). В предсмертных словах Харальда усматривают намек на его беседу с Оддом сыном Офейга (см. выше) в связи с предполагаемой гибелью Хеминга (см.: *HÞÁ*, CXLIV).

[130] *...и сразу же умер.* – Сцена гибели ярла Тости присутствует только в «Пряди о Хеминге», при этом обстоятельства смерти ярла (выстрел в глаз) могли быть заимствованы автором рассказа из известных ему сообщений о гибели короля Харольда в битве при Гастингсе.

[131] *...Эйстейн Тетерев и спросил у Тьодольва скальда, как обстоят дела. Тьодольв сказал...* – Виса Тьодольва цитируется также в различных версиях «Саги о Харальде Суровом», однако ни в одной из них ее произнесение не связано с прибытием Эйстейна Тетерева.

[132] *...стали называть Сечей Тетерева.* – Сеча Тетерева (orrahríð) описывается во всех версиях «Саги о Харальде Суровом», однако лишь здесь о ней рассказывается подробно, причем поименно перечисляются видные ее участники и говорится о гибели Эйстейна и скальда Тьодольва.

[133] *...в Валланде правил Вильяльм Незаконнорожденный.* – Вильгельм правил не во Франции (Валланд), а в Нормандии. В других источниках он называется ярлом Нормандии или Руды.

[134] *...отомстить за него, если с ним что-нибудь случилось.* – «Прядь о Хеминге» – единственный рассказ, в котором в качестве одного из мотивов нормандского похода в Англию названа месть за бывшего союзника.

[135] *...конь затоптал ее и она умерла на месте.* – Во всех исландских рассказах о событиях, предшествовавших нормандскому вторжению, говорится о гибели Матильды, однако обстоятельства ее смерти изображаются по-разному (ср. в «Круге Земном»: «В тот день, когда он выезжал из города к своим кораблям и уже сел на коня, к нему подошла его жена и пожелала с ним поговорить. Но когда он увидел ее, он пихнул ее пяткой, так что шпора вонзилась ей в грудь. Она упала и тотчас же умерла», *КЗ*, 460). В действительности Матильда умерла в 1083 г.

[136] *– Чем хуже начало, тем лучше конец...* – В «Саге о Харальде Суровом» Вильяльм никак не комментирует гибель жены. Предполагается, что эта фраза (исл. þysna

skal til batnaðar) могла быть почерпнута из «Саги об Олаве Святом» (*Flat.* II, 77), где сообщается о реакции Олава на падение его коня по дороге на Стикластадир (см.: *HÞÁ*, CXLVI f.).

[137] *...приказал сжечь Ивара Без Костей.* – См. примеч. 104.

[138] *Это произошло спустя девятнадцать ночей после того, как пал Харальд конунг сын Сигурда.* – Битва при Гастингсе состоялась 14 октября 1066 г. Из всех скандинавских источников лишь в «Гнилой Коже» утверждается, что это сражение имело место спустя 12 месяцев после гибели Харальда Сурового.

[139] *...был убит там.* – Тогда как английские источники ничего не сообщают об участии Вальтьова (Вальтеофа) в битве при Гастингсе, скандинавские тексты (за исключением «Гнилой Кожи») рассказывают о его предательском убийстве (ср. в «Круге Земном»: «Вильяльм был провозглашен конунгом Англии. Он послал Вальтьову ярлу предложение примириться и обещал ему безопасность на время встречи. Ярл поехал в сопровождении немногих людей, но когда он доехал до пустоши севернее Касталабрюггьи, ему навстречу вышли двое посланцев конунга во главе отряда и схватили его, заковали в цепи и затем обезглавили», *КЗ*, 461). В действительности Вальтеоф участвовал в заговоре против Вильгельма и был казнен за предательство в 1076 г.

[140] *Страна Вендов* – см. примеч. 3 к «Пряди о Рёгнвальде и Рауде».

[141] *...в Грецию и служил там Богу до конца своих дней.* – Олав Трюггвасон, потерпев поражение в морском сражении при острове Свёльд (1000 г.), прыгнул за борт. Ходили слухи о его чудесном спасении (см. «Первую прядь о Халльдоре сыне Снорри») и о том, что он закончил свои дни в монастыре в Греции или в Палестине.

[142] *Кантарабюрги* – Кентербери.

[143] *...доход в триста фунтов...* – Фунт равнялся 24 маркам.

[144] Приведенный здесь рассказ о спасении Харальда сына Гудини бедными селянами, его отказе от попыток возвратить себе власть, избрании отшельнической жизни по примеру Олава Трюггвасона и последующем погребении Вильяльмом мог быть почерпнут автором пряди из «Саги об Олаве Трюггвасоне» монаха Одда Сноррасона (конец XII в.), где он дан менее подробно, чем в нашей пряди, в которой к нему были добавлены новые красочные детали, например сцена безумия, разыгранная старухой. Согласно монаху Одду, Харальд прожил в своем уединении не три года, а «долго» (см.: Saga Óláfs Tryggvasonar af Oddr Snorrason munk / Udg. af Finnur Jónsson. København, 1932. S. 245 f.). Сходный рассказ о спасении Харальда с некоторыми вариациями содержится в «Саге о Ятварде» («Játvarðar saga») – жизнеописании Эдуарда Исповедника, написанном в XIV в. в Исландии.

ПРЯДЬ О ТОРСТЕЙНЕ ЛЮБОПЫТНОМ

«Прядь о Торстейне Любопытном» («Þorsteins þáttr forvitna») сохранилась в «младшей» части «Книги с Плоского Острова» (XV в.; *Flat.* III, 431–432), где она приводится в качестве отдельного рассказа среди дополнений к «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом». В этой компиляции рассказу предшествует «Первая прядь о Халльдоре сыне Снорри». Другая редакция истории о Торстейне Любопыт-

ном, незначительно отличающаяся от версии «Книги с Плоского Острова», известна из ряда позднейших бумажных списков, в том числе AM 496 4to (ок. 1640), AM 426 fol. (1670–1682) и AM 562 f 4to (ок. 1700). Предполагается, что прядь была создана в конце XIII или в начале XIV в., а ее сходство с христианской легендой может указывать на то, что ее автор был клириком (*ÍF* XIII. Bls. CCII f.).

Рассказ о Торстейне Любопытном – одна из так называемых прядей о поездках из страны, принадлежащих к той разновидности историй об исландцах на чужбине, в которой герой попадает в беду вследствие нарушения им королевского запрета. Условием примирения исландца с правителем Норвегии становится выполнение возложенного на него трудного (а в данном случае заведомо невыполнимого без сверхъестественной помощи) задания. Особенность рассказа состоит в том, что он пронизан в целом нехарактерными для «прядей об исландцах» сказочными и экзотическими мотивами, что, очевидно, связано с переносом действия в «чужое» пространство, расположенное далеко за пределами привычного для жителей средневековой Скандинавии мира (хотя в редакции пряди в «Книге с Плоского Острова» земли, в которых странствовал герой, остаются неназванными, из содержащихся в ней намеков следует, что диковинная золотая роща находится где-то на Востоке). При этом, как сообщается в завершение истории, успех миссии героя целиком обусловлен его удачей, благодаря которой он и получил поддержку св. Олава, направлявшего и помогавшего ему на всем протяжении его опасного странствия (видимо, он же является Торстейну в образе отшельника; подробнее об этом рассказе см. в статье: *Gurevich E.* The Fantastic in Íslendinga þættir, with Special Emphasis on «Þorsteins þáttr forvitna» // Gripla. Reykjavík, 2008. 19. árg. Bls. 77–92).

Перевод сделан по изд.: Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2284–2285. (Svart á hvítu) (редакция *Flat.*). На русском языке прядь публикуется впервые.

[1] *...пришла пора воздать тебе за твое любопытство.* – О том, что любопытство считалось предосудительным качеством, свидетельствует одно из наставлений норвежского «Королевского зерцала» (ок. 1250): «Никогда не любопытствуй о чем-либо, если видишь, что твой господин желает сохранить это в тайне» (Konungs skuggsiá / Ed. L. Holm-Olsen. 2nd ed. Oslo, 1983. P. 57). Высказывалось предположение (*ÍF* XIII. Bls. CCII), что «Пряди о Торстейне Любопытном» отводилась роль примера (exemplum) того, как любопытство может довести до беды.

[2] *...в каких краях мне довелось путешествовать больше всего.* – Харальд явно намекает на свои походы на Востоке (см. выше).

[3] *...к раке святого Олава конунга.* – Как рассказывается в жизнеописаниях Олава Святого (см., например, «Сагу об Олаве Святом», гл. 244: *КЗ*, 373), спустя год после гибели Олава его могила была вскрыта и гроб с его нетленными останками перенесен в церковь Св. Клеменса в Нидаросе (Тронхейме) и поставлен над алтарем. По сообщению саги, «вскоре много всяких чудес произошло от мощей Олава конунга».

[4] *А ночью ему привиделось во сне, что к нему явился некий муж ⟨...⟩ пускайся-ка ты в путь сызнова.* – Судя по всему, при копировании пряди переписчик пропустил упоминание о том, что, прежде чем Торстейну явился во сне сверхъестественный помощник, он успел отправиться в путь. В отдельной редакции пряди (известной лишь

из поздних списков, но, по-видимому, основанной на более раннем тексте, чем включенный во *Flat.*) сказано, что после посещения раки св. Олава, которого он попросил о помощи, Торстейн «уехал из страны и разузнал, куда ходил походами Харальд конунг. И вот он прибыл в Миклагард и вновь воззвал к Олаву конунгу. После этого ночью ему приснилось, что к нему явился муж и сказал: «Ты идешь совсем неверной дорогой, и мой тебе совет отправиться в путь сызнова» (см.: Fjörutíu Íslendinga þættir / Þorleifur Jónsson gaf út. Reykjavík, 1904. Bls. 416).

[5] *...сравнил их с теми рукоятями, которые были у него...* – Из разных источников известно, что у конунга Харальда был tygilknífr litinn – «маленький подвесной нож» (или кинжал), с которым предание связывало один из его славных подвигов. В «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом» в «Гнилой Коже» и в «Книге с Плоского Острова» (среди приложений к этой саге в последней из названных книг и записана «Прядь о Торстейне Любопытном»), рассказывается о том, как во время пребывания в Константинополе (Миклагарде) Харальд с двумя товарищами, Халльдором сыном Снорри и Ульвом Окольничим (см. примеч. 9 к «Первой пряди о Халльдоре сыне Снорри»), вследствие оговора был брошен безоружным в темницу на съедение гигантской змее, которую Харальду удалось геройски убить неизвестно каким образом оставшимся при нем кинжалом (*Mork.*, 80–82; *Flat.* III, 304 f.). Рассказ этот содержится также у Саксона Грамматика в «Деяниях датчан» (кн. XI, гл. 3), причем здесь он изобилует новыми подробностями (среди прочего объясняется, как Харальду удалось припрятать нож под одеждой). Знаменательно, что это единственный из многочисленных подвигов Харальда Сурового, совершенных им на службе у византийского императора, который был упомянут Саксоном. Последний ссылается на датского короля Вальдемара Великого (1157–1182), якобы показывавшего своим приближенным этот самый некогда принадлежавший Харальду нож. Та же история, хотя и в значительно трансформированном виде приводится Уильямом Малмсберийским («De gestis regum Anglorum», ок. 1125). Все это говорит о популярности предания о бое Харальда со змеем; мало сомнений в том, что, отправляя своего героя по стопам Харальда на Восток добывать рукояти для королевских кинжалов, создатель «Пряди о Торстейне Любопытном» адресовал читателя и к тому кругу ассоциаций, который был связан с этим подвигом будущего норвежского конунга. Неслучайно в «Книге с Плоского Острова» рассказ о Торстейне Любопытном помещен сразу же вслед за «Первой прядью о Халльдоре сыне Снорри», содержащей прямую ссылку на это приключение Харальда (см. «Первую прядь о Халльдоре сыне Снорри», а также: *Gurevich E.* The Fantastic in Íslendinga þættir...).

[6] *...погиб в Англии вместе с конунгом.* – Т.е. пал в битве при Стэмфорд Бридж 25 сентября 1066 г.

ПРЯДЬ О ТОРСТЕЙНЕ ПАЛАТОЧНИКЕ

«Прядь о Торстейне Палаточнике» («Þorsteins þáttr tjaldstæðings») сохранилась в «Книге с Плоского Острова», где этот рассказ не имеет заглавия и присутствует среди прядей, служащих приложением к «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом» (*Flat.* III, 432–435), в части компиляции, которая была составлена в конце XV в.

Помимо «Flateyjarbók», сокращенные версии пряди содержатся в разных рукописях «Книги о заселении страны» (см. в «Книге Хаука», гл. 314, и в «Книге Стурлы», гл. 356–358: *Land.*, 358–363). В последней рассказ приводится в связи с сообщением о переселении Торстейна сына Асгрима в Исландию, здесь же, как обычно, даются генеалогические сведения о его предках и потомках. Большинство исследователей датирует прядь началом XIII в.

Действие рассказа о Торстейне относится ко времени правления конунга-объединителя Норвегии, Харальда Прекрасноволосого (конец IX – 40-е годы X в.), когда множество знатных норвежцев покидали родину и переселялись в Исландию в результате конфликтов с правителем страны. Включение в компиляцию, причем в качестве добавления к «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом», рассказа, хронологически никак не связанного ни с предшествующими, ни с последующими прядями (в рукописи он помещен между «Прядью о Торстейне Любопытном» и «Прядью о Кровавом Эгиле» – обе описывают события XI в.) и излагающего историю одного из исландских первопоселенцев, так называемого благородного язычника, не поддается объяснению.

Прядь приводится в редакции «Книги с Плоского Острова» и в русском переводе публикуется впервые. Перевод сделан по изд.: Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2300–2303. (Svart á hvítu).

[1] *Теламёрк* (совр. Телемарк) – область на юге Норвегии.

[2] *Херсир* – см. примеч. 4 к «Пряди о Сигурде Слюне».

[3] *Жил человек по имени Гульдир…* – В «Книге о заселении страны» сказано, что Гюльдир (вариант Гульдир; в поэтическом языке gylðir служит обозначением волка) было прозвище херсира Ульва (ср.: «Ульв Волк ⟨Úlfr gylðir⟩ звался могучий херсир в Норвегии в Теламёрке; он жил в Фифлавеллир в Тиннсдале», *Land.*, 359 и nm. 5; об этом имени см. также: *ÍF* XIII. Bls. CXCII f.). Вопреки представлению действующих лиц в начале пряди из дальнейшего изложения нашего варианта рассказа также явствует, что Ульв и Гульдир – одно лицо.

[4] *…Фифлавеллир в Тиндсдале.* – Тиндсдаль – местность в Теламёрке (совр. Тинн). Фифлавеллир (Fíflavöllir) – букв.: одуванчиковые поля.

[5] *…ребенка вынесли.* – Об обычае выносить нежеланных детей см. примеч. 32 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога».

[6] Предполагается, что эта виса была сложена уже в христианское время (см.: *ÍF* XIII. Bls. CXCII).

[7] *…велел окропить его водой…* – В языческую эпоху существовал обычай окроплять младенца водой при наречении имени, только после этого обряда он считался введенным в род членом семьи (ср. об этом в эддических «Речах Высокого», строфа 158: «…я / водою младенца / могу освятить…», *СЭ*, 29).

[8] *Харальд Прекрасноволосый* – см. примеч. 100 к «Пряди о Норна-Гесте».

[9] *…жил в Траме.* – Согласно «Книге о заселении страны», этот родич конунга жил на острове Трума (Þruma, совр. Tromøy), лежащем у южного побережья Норвегии, в Восточном Агдире.

[10] *…Торира, своего управителя…* – Предполагается, что появление среди персонажей рассказа Торорма результат ошибки писца, и речь на самом деле с само-

го начала идет о Торире управителе с острова Трума (см. предыд. примеч., а также *ÍF* XIII. Bls. CXCIII). Об этом Торире говорится в «Саге об Эгиле» (гл. 19), где он назван Ториром Трума и сказано, что «он управлял поместьем конунга Харальда на острове Трума».

[11] *...в устье Кривой Реки.* – Местность на юге Исландии, куда прибывали корабли.

[12] *...Флоси сын Торбьёрна. Он был одним из первых поселенцев.* – Об этом первопоселенце, занявшем землю на юге Исландии в долине Кривой Реки, говорится в «Книге о заселении страны» (*Land.*, 362, 365). Там же сказано, что он покинул Норвегию после убийства трех управляющих Харальда Прекрасноволосого (об этом же говорится и в «Саге о людях с Болот», гл. 6).

[13] *...занял землю над Викингским Ручьем и дальше до самого Свиного Пастбища и поселился в Восточном Перевале.* – Название владений и хутора Торстейна в долине Кривой Реки на юге Исландии. Двор, где в IX в. жил герой пряди (как и упомянутое затем место поселения купцов, Tjaldstaðir; см. примеч. 18), по сообщению исландских анналов, был уничтожен во время извержения Геклы в 1389–1390 гг. (см.: *Land.*, 362, nm. 1).

[14] *...взял в жены Тордис дочь Гуннара, сына Сигмунда, сына Сигвата Рыжего...* – Тордис, однако, не названа среди дочерей Гуннара сына Сигмунда в других источниках. В «Книге о заселении страны» (*Land.*, 363) содержатся иные сведения о первом браке Торстейна: здесь сказано, что первоначально Торстейн был женат на Турид дочери Гуннара, сына Хамунда, и что их детьми были Гуннар, Торхалль, Йостейн и Йорунн.

[15] *Сигват Рыжий был женат на Ингибьёрг дочери Эйвинда Ягненка, сына Кари из Бердлы...* – Сигват Рыжий – знатный халогаландец, один из исландских первопоселенцев; согласно «Книге о заселении страны» (*Land.*, 348–350), он был женат на Раннвейг, дочери Эйвинда Ягненка. Об отце последнего, Кари из Бердлы сыне Вемунда, рассказывается в «Саге об Эгиле» (гл. 1), поскольку Кари был ближайшим другом Квельдульва и тот женился на дочери Кари, Сальбьёрг, – сыновьями от этого брака были Скаллагрим, отец скальда Эгиля, и Торольв.

[16] *Эйвинд Погубитель Скальдов* – Эйвинд сын Финна (ок. 915–990), знаменитый скальд, автор «Речей Хакона» и «Перечня Халейгов», складывавший стихи в честь правителей Норвегии – конунга Хакона Доброго и ярла Хакона Могучего. Считается, что Эйвинд был последним скальдом-норвежцем. Предполагается, что он получил свое прозвище из-за того, что немало заимствовал из стихов своих предшественников. По материнской линии Эйвинд был потомком Харальда Прекрасноволосого.

[17] *...напасть была наслана на них колдовством...* – Ср. аналогичный мотив в «Пряди об Эгиле сыне Халля с Побережья».

[18] *...получил прозвище Торстейн Палаточник.* – Как утверждается в пряди, Торстейн был прозван tjaldstæðingr, что следует понимать как «раскидыватель палаток». Между тем, по сообщению «Книги о заселении страны» (*Land.*, 362), место, где он поселил больных купцов, с тех пор зовется Tjaldstaðir (букв.: место, где поставлена палатка), а потому велика вероятность, что в действительности прозвище Торстейна было произведено от этого топонима (подобно многочисленным прозвищам на -ingr, происходящим от разнообразных топонимов). Самое раннее упоминание топонима

Tjaldstaðir относится к 1270 г., и приведенная история, по всей видимости, была призвана объяснить происхождение как прозвища героя пряди, так и соответствующего хутора (в действительности его название, по-видимому, всего лишь указывало на временное жилище). Издатели пряди (*ÍF* XIII. Bls. CXCIV f.) видят в рассказе о том, как Торстейн дал приют больным купцам и самоотверженно служил им, библейские мотивы. В пользу этого может говорить употребленное в одной из рукописей «Книги о заселении страны» (в «Книге Стурлы», гл. 358) слово tjaldbúð «скиния» (вместо tjald «палатка» в других версиях рассказа), используемое в исландском переводе Библии (tjaldbúð Guðs – «скиния Бога», ср.: «...се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их. И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло» (Откр 21:3–4). При этом предполагается, что появление истории о помощи, оказанной Торстейном больным купцам, может быть связано с тем, что церковь в Восточном Перевале (двор, где жил герой пряди) была посвящена св. Николаю – покровителю мореплавателей и путешественников.

[19] *...кто дольше других оставался в живых, припрятал немало серебра и не желал, чтобы оно досталось кому-нибудь.* – В «Книге о заселении страны» (*Land.*, 362), где приводится тот же рассказ, сказано, что проживший дольше других купец закопал в землю большой клад, который впоследствии так и не был найден.

[20] *...взял в жены Тордис дочь Сигфуса.* – Согласно «Книге о заселении страны» (*Land.*, 363), второй женой Торстейна была Турид дочь Сигфуса со Склона, и их детьми были Скегги, Торкатла, Раннвейг и Арнора.

[21] *Гуннлауг Кузнец* – в «Книге о заселении страны» (*Land.*, 395) он назван Гудлаугом Кузнецом сыном Лофта.

ПРЯДЬ О КРОВАВОМ ЭГИЛЕ

Рассказ известен из «Саги о Кнютлингах» («Knýtlinga saga», вторая половина XIII в.), истории правителей Дании, охватывающей период с X по конец XII в., откуда он и был, скорее всего, позднее почерпнут составителем дополнения к «Книге с Плоского Острова», сделанного в XV в. В отличие от более раннего названного источника, в этой последней «Прядь о Кровавом Эгиле» («Blóðegils þáttr») дается в качестве отдельного повествования среди других рассказов, приложенных к «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом», причем именно он и завершает так называемую «младшую часть» компиляции. В ней рассказ следует за «Прядью о Торстейне Палаточнике» и, подобно предшествующим ему прядям, не имеет заглавия. Различия между двумя сохранившимися редакциями пряди весьма незначительны, в настоящем издании рассказ приводится в версии «Книги с Плоского Острова».

Перевод выполнен по изд.: Fornar smásögur úr noregskonunga sögum / E. Gardiner gaf út. Reykjavík, 1949. Bls. 196–205 и сверен с текстом пряди в «Книге с Плоского Острова» (*Flat.* III, 435–441).

[1] *...в епархии Рипа.* – Епархия города Рибе, древнейшего из датских городов (основан в начале VIII в.), существует с 948 г., когда она была выделена из архиепископства Гамбурга–Бремена.

[2] *Свейн конунг сын Ульва* – см. примеч. 11 к «Пряди о Храфне сыне Гудрун».

[3] *Боргундархольм* – остров Борнхольм в Балтийском море.

[4] *...к востоку от Сканей ⟨...⟩ епископу, что сидит в Лунде.* – См. примеч. 69 к «Пряди о Норна-Гесте».

[5] *Кнут сын Свейна* – Кнут (IV) Святой (ок. 1042 – 1086), датский конунг (1080–1086).

[6] *Страна Вендов* – см. примеч. 3 к «Пряди о Рёгнвальде и Рауде».

[7] *...Олав Тихий сын Харальда конунга, сына Сигурда ⟨...⟩ женат на Ингирид дочери Свейна конунга, сына Ульва, сестре Кнута конунга...* – См. примеч. 9 к «Пряди о Хеминге сыне Аслака». О династических связях между норвежским и датским королевскими родами см. также в «Саге об Олаве Тихом» (гл. 5: *КЗ*, 466).

[8] *...Восточные Страны ⟨...⟩ Эйрарсунд...* – См. примеч. 21 к «Пряди о Сёрли» и примеч. 52 к «Пряди об Орме сыне Сторольва».

[9] *Вагн сын Аки* – Вагн сын Аки и Торгунны, один из предводителей так называемых йомсвикингов, т.е. викингов из полулегендарной крепости Йомсборг в Стране Вендов, с которыми ранее враждовал датский конунг Свейн Вилобородый (см. также примеч. 5 к «Пряди о Стюрбьёрне Воителе Шведов» и *КЗ*, 119).

[10] *...хёвдинги начали враждовать с конунгом, а вслед за ними и народ.* – В конечном счете это привело к восстанию против власти конунга Кнута, его изгнанию и гибели: Кнут (как и его брат Бенедикт) был убит перед алтарем в церкви монастыря Св. Альбана в Оденсе 10 июля 1086 г. Впоследствии он был канонизирован как первый датский святой (1101 г.) и с тех пор считается святым покровителем Дании.

ПРЯДИ ИЗ «САГИ О МАГНУСЕ ГОЛОНОГОМ»

ПРЯДЬ О ГИСЛЕ СЫНЕ ИЛЛУГИ

(*В редакции «Саги о Магнусе Голоногом»*)

«Прядь о Гисле сыне Иллуги» («Gísls þáttr Illugasonar») дошла до нас в нескольких, существенно различающихся вариантах. Первая ее версия сохранилась в составе «Саги о Магнусе Голоногом» в двух средневековых рукописях «королевских саг» – «Hulda» (AM 66 fol., 1350–1375 гг.) и «Hrokkinskinna» (GKS 1010 fol., 1400–1450 гг.). Помимо версии, включенной в «королевскую сагу», эта прядь также известна в трех других редакциях, присутствующих в составе жизнеописаний исландского епископа Йона Святого. Это краткая «Древнейшая сага о Йоне Святом» («Jóns saga helga hin elzta»), созданная в XIII в. (редакция *A*; рукописи начала XIV в.), составленная в начале XIV в. более пространная «Сага о Йоне Святом» (редакция *B*; рукописи второй половины XIV в.), а также редакция *C*, известная лишь из позднего списка XVII в. Считается, что все эти версии так или иначе основывались на утраченном латинском жизнеописании первого епископа Холара, написанном в самом начале XIII в. Гуннлаугом Лейвссоном (ум. 1218/1219), монахом бенедиктинского монастыря в Тингейраре на севере Исландии. Включенные в эти редакции «епископской саги»

разные версии «Пряди о Гисле» – в них история этого исландца приводится в качестве рассказа о чудесах, сотворенных епископом Йоном, и служит доказательством его святости, причем в разных редакциях саги она приурочена к разным этапам его биографии, – во многом не совпадают с историей о Гисле, изложенной в «Саге о Магнусе Голоногом», поэтому две из них, а именно версии пряди, содержащиеся в редакциях *A* и *B* «Саги о Йоне Святом», были также переведены для настоящего собрания.

Не может быть сомнений в том, что оба «пространных» варианта рассказа, сохранившиеся один в составе «королевской» (в «Hulda-Hrokkinskinna», редакция *H*), а другой в составе «епископской саги» (в редакции *B* жизнеописания Йона), восходят к одному источнику: об этом свидетельствует общая для них часть повествования, изобилующая прямыми текстуальными совпадениями. Однако отношения между этими версиями пряди – вопрос дискуссионный. То обстоятельство, что «Прядь о Гисле» отсутствует в «Гнилой Коже», может указывать на ее сравнительно позднее происхождение. Издатель пряди, Сигурд Нордаль, предположил, что рассказ о Гисле, известный из редакции *B* «Саги о Йоне Святом», присутствовал уже в латинском жизнеописании епископа. Именно история чудесного спасения исландца святым епископом и должна была, по его мнению, послужить основой для «героической» версии рассказа о Гисле, включенной в «Сагу о Магнусе Голоногом». Переработавший рассказ неизвестный автор, как он полагал, руководствовался стремлением изложить эту историю в духе «саг об исландцах»; в результате эпизод из агиографического сочинения был преобразован им в типичную прядь об исландце на чужбине, а изначально присущие ему черты христианской легенды о чудесах были существенно ослаблены и частично элиминированы (*ÍF* III. Bls. CXLVII–CLIII). Эта точка зрения была в дальнейшем подвергнута критике, причем указывалось как на сохраняющиеся в редакции *B* и просвечивающие сквозь ее христианскую интерпретацию черты «героического повествования», так и на имеющийся в ней целый ряд неувязок, которые могли появиться вследствие изъятия из пряди отдельных сцен, присутствующих в ее версии в «королевской саге» (редакции *H*). Все это может указывать на приоритет варианта пряди, сохранившийся в редакции *H*. Нельзя также не заметить в этой связи, что еще одна, краткая версия рассказа о Гисле в составе «епископской саги» (включенная в редакцию *A* «Древнейшей саги о Йоне Святом») конспективно излагает фабулу того самого рассказа, который присутствует в «королевской саге». В результате подробного исследования Й. Луис-Йенсен (см.: *Louis-Jensen J.* Kongesagastudier: Kompilationen Hulda-Hrokkinskinna. København, 1977. S. 111–122. (Bibliotheca Arnamagnæana; Vol. 32)). пришла к выводу, что вариант рассказа, сохранившийся в редакции *B*, не является первоначальным и не мог послужить отправным текстом для создания версии пряди в «Саге о Магнусе Голоногом». По ее мнению, обе основные редакции этого рассказа восходят к одному и тому же письменному источнику – утраченной самостоятельной пряди о Гисле, рассказ о котором отсутствовал в латинской биографии св. Йона монаха Гуннлауга и был вставлен в сагу о нем позднее. «Прядь о Гисле сыне Иллуги», таким образом, дает нам редкую возможность проследить судьбу одного и того же произведения в различных «жанровых обрамлениях», а именно в контексте «прядей об исландцах», традиционно включаемых в «саги о конунгах», и в контексте жизнеописаний христианских святых – «саг о епископах» (см. также: *Jakobsen A.* Noen merknader til Gísls þáttr Illugasonar // Scripta Islandica. 1984. Bd. 35. S. 9–13;

Ciklamini M. The Literary Perspective on Gísl Illugason's Quest for Blood Revenge // Scandinavian Studies. 1966. Vol. 38. P. 204–216; *Magnús Fjalldal*. Um Gísls þátt Illugasonar // Skírnir. 1986. 160. árg. Bls. 153–166; *Гуревич Е.А*. Древнескандинавская новелла. С. 42–45).

Предполагается, что «Прядь о Гисле» была создана не раньше второй половины XIII в. По мнению исследователей, датировать рассказ помогают слова священника Йона, с которыми он обращается к конунгу: «...мы, государь, такие же верные тебе люди, как и те, что живут в этой стране» (с вариациями они приводятся в обеих редакциях пряди). Употребленное в одной из рукописей слово þegnar «подданные» едва ли могло появиться в таком контексте до 1262–1264 гг., когда Исландия подпала под власть норвежских правителей.

О герое пряди, Гисле сыне Иллуги, известно, что он родился в 1079 г. (действие пряди относится к 1096 г.) и был придворным скальдом норвежского конунга Магнуса Олавссона (Магнуса Голоногого). Его имя внесено в «Перечень скальдов» и также неоднократно упоминается в «королевских сагах», где цитируется хвалебная песнь, которую Гисл сложил об этом правителе вскоре после смерти последнего в 1103 г. (из этой поминальной песни в размере форнюрдислаг сохранилось 20 строф; см.: *Skj* A I, 440–444; B I, 409–413). Среди родичей Гисла были прославленные скальды (см. коммент.). Как следует из уцелевших фрагментов поэмы Гисла, он принимал участие в военных походах конунга Магнуса в Ирландию и в Швецию. Известно также, что впоследствии он возвратился в Исландию, где жил до старости (см. также заключительную главу рассказа в редакции *B*).

Перевод сделан по изд.: Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2116–2122. (Svart á hvítu) (редакция «Hulda»). Ранее этот же перевод был опубликован в сб.: Корни Иггдрасиля. М., 1997; Исландские саги / Под ред. О.А. Смирницкой. СПб., 1999. Т. II. С. 527–535.

[1] *Магнус конунг* – норвежский конунг Магнус Голоногий (1093–1103), сын Олава Тихого, внук Харальда Сурового.

[2] *Он был сыном Иллуги сына Торвальда, сына Тинда. Тинд был братом Иллуги Черного.* – Гисл происходил из рода людей из Крутояра (Gilsbakki) в Городищенском Фьорде на западе Исландии, среди предков которых был норвежский скальд Браги Старый (IX в.). Прапрадед Гисла, Тинд сын Халлькеля – исландский скальд X в., складывавший стихи в честь норвежского ярла Хакона Могучего (см. о Тинде в «Саге о битве на Пустоши»). Иллуги Черный, сын Халлькеля – знатный исландский предводитель, упоминаемый во многих сагах; Иллуги был отцом скальда Гуннлауга Змеиный Язык (ум. 1008; см. о нем «Сагу о Гуннлауге Змеином Языке»).

[3] *Форборди* (совр. Форборд) – двор в Трандхейме.

[4] *Бакки* (букв.: берег) – местность на южном берегу р. Нид, напротив средневекового Нидароса.

[5] *– Объявляю, – сказал он, – что это я нанес раны Гъяввальду, дружиннику Магнуса конунга, если он ранен, и я убил его, если он убит.* – Гисл произносит юридическую формулу «объявления об убийстве» – víglýsing, которую полагалось произнести немедленно после совершения этого деяния (и не дальше третьего двора от того места, где оно было совершено). По закону, убийство, о котором не было заявлено публично,

считалось «тайным умерщвлением» (morðr), совершивший его сразу же оказывался изгоем, поставленным вне закона (morðvargr), за убийство которого не полагалось платить возмещение; к такому убийству относились как к презренному поступку.

[6] *Харальд конунг сын Сигурда* – т.е. дед конунга Магнуса, Харальд Суровый (см. примеч. 3 к «Первой пряди о Халльдоре сыне Снорри»).

[7] *Тейт, сын Гицура епископа* – см. о епископе Гицуре примеч. 8 к «Пряди о епископе Ислейве». Тейт (ум. 1111), однако, был одним из трех сыновей епископа Ислейва и братом Гицура. Он был священником в Ястребиной Долине.

[8] *…Йон Священник сын Эгмунда, который потом стал епископом в Холаре.* – См. о нем примеч. 12 к «Пряди о епископе Ислейве».

[9] *…колокол возвестил о начале праздника* ⟨…⟩ *начало третьего часа.* – Началом праздника считался его канун с трех часов пополудни (исл. non от лат. hora nona «девятый час» в литургии); здесь колокол звонит раньше времени (ср. аналогичный мотив в «Пряди об Асбьёрне Тюленебойце»).

[10] *…древо сечи…* – муж, воин.

[11] *Предводитель Гостей* – О «гостях» см. примеч. 12 к «Пряди о Норна-Гесте».

[12] *...этим салоедом.* – См. примеч. 8 к «Первой пряди о Халльдоре сыне Снорри».

[13] *Сигурд Шерстяная Нитка* – могущественный приближенный Магнуса Голоногого, упоминается в сагах об этом правителе.

[14] *…я сочинил о вас хвалебную песнь...* – Эта песнь не сохранилась.

[15] *…исполняй ту же службу, что выполнял он прежде.* – Ср. этот же мотив в «Пряди об Асбьёрне Тюленебойце», где упоминается закон, согласно которому «тот, кто убьет служилого человека, должен занять его место и нести ту же службу, если этого захочет конунг».

[16] *Марка* – см. примеч. 14 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».

[17] *…основал мужской монастырь на Нидархольме...* – бенедиктинский монастырь в Нидаросе. Нидархольм – см. примеч. 9 к «Пряди об Эгмунде Битом и Гуннаре Пополам».

Дополнение 3

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ «ПРЯДИ О ГИСЛЕ СЫНЕ ИЛЛУГИ»

ПРЯДЬ О ГИСЛЕ СЫНЕ ИЛЛУГИ

(В редакции А «Саги о Йоне Святом»)

Этот вариант «Пряди о Гисле сыне Иллуги» («Gísls þáttur Illugasonar») сохранился в составе «Древнейшей саги о Йоне Святом», созданной в XIII в. (редакция *А*; рукописи начала XIV в.). Об отношениях между разными редакциями рассказа о Гисле см. в коммент. к «Пряди о Гисле сыне Иллуги» в редакции «Саги о Магнусе Голоногом».

Перевод сделан по изд.: Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2127–2128. (Svart á hvítu). Публикуется впервые.

[1] *Святой Йон* – см. примеч. 12 к «Пряди о епископе Ислейве».

[2] *Магнус конунг сын Олава, сына Харальда, сына Сигурда* – см. примеч. 1 к «Пряди о Гисле сыне Иллуги» в редакции «Саги о Магнусе Голоногом».

[3] *Тейт сын Гицура епископа* – см. примеч. 7 к «Пряди о Гисле сыне Иллуги» в редакции «Саги о Магнусе Голоногом».

[4] *Иллуги, отец Гисла* – см. примеч. 2 к «Пряди о Гисле сыне Иллуги» в редакции «Саги о Магнусе Голоногом».

[5] *Лендрманн* – см. примеч. 47 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога».

[6] *Сигурд по прозвищу Шерстяная Нитка* – см. примеч. 13 к «Пряди о Гисле сыне Иллуги» в редакции «Саги о Магнусе Голоногом».

ПРЯДЬ О ГИСЛЕ СЫНЕ ИЛЛУГИ

(*В редакции В «Саги о Йоне Святом»*)

Эта версия «Пряди о Гисле сыне Иллуги» («Gísls þáttur Illugasonar») сохранилась в составе «Саги о Йоне Святом» (редакция *В*; рукописи второй половины XIV в.). Об отношениях между двумя «пространными» редакциями рассказа о Гисле см. в коммент. к «Пряди о Гисле сыне Иллуги» в редакции «Саги о Магнусе Голоногом».

Перевод сделан по изд.: Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2122–2127. (Svart á hvítu). Публикуется впервые.

[1] *...блаженный Йоханнес...* – т.е. священник Йон сын Эгмунда (см. о нем примеч. 12 к «Пряди о епископе Ислейве»).

[2] *Свейн конунг* – датский конунг Свейн сын Ульва (см. примеч. 11 к «Пряди о Храфне сыне Гудрун»). Упомянутый здесь правитель Дании умер в 1076 г., тогда как действие пряди происходит в 1096 г., во время правления норвежского конунга Магнуса Голоногого, который взошел на престол только в 1093 г.

[3] *...посетить святые мощи благословенного Олава конунга...* – т.е. норвежского конунга Олава Харальдссона. О раке св. Олава см. примеч. 3 к «Пряди о Торстейне Любопытном».

[4] *Магнус конунг Добрый, сын Олава конунга, прозванный Магнусом Голоногим, внук Харальда сына Сигурда* – см. примеч. 1 к «Пряди о Гисле сыне Иллуги» в редакции «Саги о Магнусе Голоногом». Олав конунг – Олав Тихий (см. о нем примеч. 31 к «Пряди о Раудульве»); Харальд сын Сигурда – Харальд Суровый.

[5] *...Тейт сын Ислейва епископа...* – В других редакциях рассказа Тейт ошибочно назнан сыном Гицура (см. о Тейте примеч. 9 к «Пряди о епископе Ислейве»; об Ислейве см. там же).

[6] *Гисл* – в рукописи ошибка: Гильс.

[7] *...Иллуги, его отца.* – См. примеч. 2 к «Пряди о Гисле сыне Иллуги» в редакции «Саги о Магнусе Голоногом».

[8] *...ясень сечи...* – муж, воин. Редакции этой висы в текстах пряди в версиях *B* и *H* (т.е. в «Саге о Магнусе Голоногом») различаются незначительно.

[9] *...после этого они отправились на сходку.* – В отличие от редакции пряди в «Саге о Магнусе Голоногом» в этом варианте рассказа ранее не сообщалось о том, что народ созывают на сходку.

[10] *...Аудун Предводитель Гостей...* – В редакции пряди в «Саге о Магнусе Голоногом» предводитель гостей носит имя Сони. Гости – см. примеч. 12 к «Пряди о Норна-Гесте».

[11] *...что вы натворили нынче утром...* – Тогда как в редакции пряди в «Саге о Магнусе Голоногом» ранее говорилось, что «в понедельник рано поутру исландцы держали совет», после чего «пошли в баню» и выскочили оттуда, заслышав, что трубят на сходку (см. примеч. 9), здесь не сообщается ни одна из перечисленных деталей. Неожиданное заявление Аудуна, скорее всего, свидетельствует о том, что первоначальный текст пряди подвергся сокращениям, тем самым оно способно пролить свет на соотношение разных редакций рассказа о Гисле (см. выше).

[12] *...Магнус конунг не прощал и меньших оскорблений, чем захват осужденных на смерть людей какими-то салоедами.* – Ср. в редакции «Саги о Магнусе Голоногом»: «Магнус конунг не прощал и меньших оскорблений, чем убийство его дружинника этим салоедом». Салоед – см. примеч. 8 к «Первой пряди о Халльдоре сыне Снорри».

[13] *Сигурд Шерстяная Нитка* – см. о нем примеч. 13 к «Пряди о Гисле сыне Иллуги» в редакции «Саги о Магнусе Голоногом».

[14] *...распорядиться по моему желанию тем плащом, что вы даровали мне зимой?* – Ср. аналогичный мотив в «Пряди о епископе Ислейве».

[15] *Некоторые же книги повествуют, что вышепомянутый Гисл не был повешен, а добился пощады и полного примирения...* – Рассказчик пряди явно имеет в виду те версии истории о Гисле, которые сохранились в «Саге о Магнусе Голоногом» и в редакции *A* «Саги о Йоне Святом».

[16] *Лендрманн* – см. примеч. 47 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога».

[17] *...должен был на свои средства воздвигнуть доминиканский монастырь на Нидархольме...* – Ср. этот эпизод в редакции «Пряди о Гисле» в «Саге о Магнусе Голоногом». Нидархольм – см. примеч. 9 к «Пряди об Эгмунде Битом и Гуннаре Пополам».

[18] *Он отправился вместе с Магнусом конунгом в Ирландию...* – О походах Магнуса Голоногого в Ирландию в 1098 и в 1102 гг. (последний закончился его гибелью) см. в саге об этом конунге в «Круге Земном».

[19] *Куннактир* – провинция Коннот (Коннахт) в Ирландии.

[20] *Мюркьяртан, конунг ирландцев* (Muirchertach Ua Brian, исл. Mýrkjartan) – король, правивший в южной Ирландии с 1086 по 1119 г. (ум. 1119). В «Саге о Магнусе Голоногом» в «Круге Земном» он именуется Мюрьяртак (Mýrjartak).

[21] *– Male diarik.* – Предполагается, что проклятие в адрес короля – искаженная форма ирл. «mallacht duit a rí» (см.: *Craigie W.A.* Gaelic Words and Names in the Icelandic Sagas // Zeitschrift für Celtische Philologie. 1897. Bd. I. S. 443).

[22] *– Olgeira ragall.* – Эта фраза не поддается прочтению (ирл. «olc ... Gall»? см.: *Craigie W.A.* Op. cit.).

[23] *Его сына звали Эйнар, и о нем была сложена большая сага.* – Эта сага не сохранилась.

ПРЯДИ ИЗ «САГИ О СЫНОВЬЯХ МАГНУСА ГОЛОНОГОГО»

ПРЯДЬ ОБ ИВАРЕ СЫНЕ ИНГИМУНДА

«Прядь об Иваре сыне Ингимунда» («Ívars þáttr Ingimundarsonar») сохранилась в составе саги о сыновьях Магнуса Голоногого в нескольких средневековых рукописях: в «Гнилой Коже» (1270–1280 гг.; см.: Morkinskinna / Udg. Finnur Jónsson. København, 1932. S. 354–356), а также в связанных с ней «Hulda» (XIV в.) и «Hrokkinskinna» (XV в.). Принято считать, что рассказ должен был появиться не позднее начала XIII в.

Главный персонаж пряди, исландский скальд Ивар сын Ингимунда – лицо не вымышленное. Согласно «Перечню скальдов», Ивар сочинял хвалебные стихи в честь нескольких норвежских конунгов – Магнуса Голоногого (1093–1103) и его сыновей Эйстейна (ум. 1122) и Сигурда Крестоносца (1103–1130), а также Сигурда Слембидьякона, выдававшего себя за незаконнорожденного сына конунга Магнуса. Сохранилась лишь поминальная поэма Ивара о Сигурде Слембидьяконе в 45 строф, сложенная им вскоре после гибели последнего в 1139 г., которая цитируется в целом ряде «королевских саг» (в том числе в «Круге Земном»). Поскольку мотив утраты возлюбленной, обманом отнятой соперником, лежит в основе конфликта в так называемых сагах о скальдах, о достоверности приведенного в пряди факта из биографии Ивара судить не приходится. Обращает на себя внимание упомянутое в рассказе имя возлюбленной Ивара: в аналогичной истории, изложенной в «Саге о Бьёрне герое из Хитдаля» («Bjarnar saga Hítdælakappa»), имя Оддню носила невеста главного героя. Существенно, однако, что в то время как в сагах подобные коллизии составляли основу сюжета, приводя их героев к трагическому концу, в рассказе об Иваре, где конфликт не мог быть разрешен силой, поскольку обидчиком являлся брат героя пряди, на первый план выдвигается не вражда между соперниками, но старания конунга избавить Ивара от его душевного недуга. В результате истинным героем рассказа оказывается не исландец, которому в прядях обычно принадлежит ведущая роль, а сам конунг, проявляющий настойчивость и изобретательность.

Перевод выполнен по изд.: Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2180–2182. (Svart á hvítu) (редакция *Mork.*). Ранее этот перевод был опубликован в ежегоднике: Атлантика: Записки по исторической поэтике. М., 2001. Вып. V. С. 279–283, а также в кн.: *Гуревич Е.А.* Древнескандинавская новелла. С. 268–270.

[1] *...о чем я сейчас расскажу...* – Рассказчик не скрывается здесь за обычными в исландской прозе безличными оборотами, но ведет повествование от первого лица (в «Гнилой Коже» имеются и другие примеры «авторского вторжения» в текст саги: см., например, «Прядь о Хрейдаре Дураке» и примеч. 16 к этой пряди).

[2] *Эйстейн конунг* – Эйстейн сын Магнуса Голоногого, сына Олава Тихого, правил в Норвегии в 1103–1122 гг.

[3] *Он был исландец и происходил из хорошего рода.* – Предполагается, что герой рассказа мог быть сыном Ингимунда Старого сына Торстейна из Озерной Долины,

у которого был сын по имени Ивар, однако ни Ивар, ни его родичи не упоминаются в «Книге о заселении страны» (см.: *LH* II, 59 f.; *SkP* II, 501).

4 *...поеду по пирам...* – См. примеч. 83 к «Пряди об Орме сыне Сторольва».

5 *...как уберут столы...* – Столы вносились в помещение только на время трапезы.

ПРЯДЬ О ТОРДЕ ЗОЛОТОЙ АСЫ

«Прядь о Торде Золотой Асы» («Gull-Ásu-Þórðar þáttr») сохранилась в двух редакциях: 1) в составе «Саги о сыновьях Магнуса Голоногого» в «Гнилой Коже» (1270–1280 гг.; см.: Morkinskinna / Udg. Finnur Jónsson. København, 1932. S. 170–174), а также связанных с ней более поздних кодексах «Hulda» (XIV в.) и «Hrokkinskinna» (XV в.); 2) в качестве отдельного рассказа в нескольких бумажных списках, самый ранний из которых (AM 518 4to) относится к XVII в. Этот дошедший лишь в поздних рукописях отдельный рассказ считается, однако, наиболее ранней и оригинальной версией пряди, и именно он был переведен для настоящего издания. На основании сопоставления этих разных редакций прядь принято датировать началом XIII в.

О том, что отдельная версия рассказа о Торде всего ближе к оригинальной, свидетельствует то обстоятельство, что редакция пряди в составе саги о сыновьях Магнуса Голоногого содержит явные следы переработки текста, отмеченной стремлением приспособить его к новому и более широкому контексту королевского жизнеописания. Наибольшим сокращениям подверглись здесь начальные эпизоды, в которых рассказывалось о том, как Торду удалось преодолеть неприязнь Видкунна и заручиться его поддержкой на будущее. Очевидно, в глазах составителя компиляции подробное представление сцен, предваряющих основное действие – конфликт Торда с Ингимаром, в который оказались вовлечены самые могущественные люди Норвегии, включая самого конунга, – лишь замедляло его течение, отодвигая переход к центральной части повествования. В результате речь Асы, в которой она исподволь наставляла Торда, как следует действовать, дабы завоевать дружбу Видкунна, подменяется коротким и прямолинейным сообщением некоего безымянного «человека», объявившего о скором прибытии знатного родича и только что не потребовавшего от Торда сложить песнь в его честь. При этом сочинение драпы мотивировалось необходимостью примириться с Видкунном, поскольку тот, как утверждал собеседник Торда, относился к исландцу с «пренебрежением». Сцена исполнения хвалебных стихов также оказалась сведенной к нескольким фразам: из нее исчезли и поэтическая цитата, и заявление Торда о том, что он сочинил «небольшую» песнь, и просьба выслушать ее, и реакция Видкунна на желание Торда произнести драпу.

Центральная часть рассказа, главными действующими лицами которой были лендрманны (королевские наместники) и сам конунг Эйстейн, напротив, почти не подверглась изменениям. Единственная заметная утрата здесь – третья по счету саркастическая «сентенция» Ингимара, произнесенная им по случаю прибытия конунга. В этой части пряди имеется и одно приобретение, обусловленное включением ее в историю правителей Норвегии: к концовке последнего эпизода, сообщающей об отбытии Ингимара из Нидароса, прибавлено, что «Эйстейн конунг не стал препятствовать его отъезду и не придал никакого значения тем глупым словам, которые

он произнес, сочтя для себя более достойным проявить милосердие и мудрость, как он всегда делал». Рассказ о Торде, таким образом, приводится в саге не только ради «забавы» (skemtan) – в качестве занимательной истории, приключившейся во времена правления Эйстейна Магнуссона (действие в пряди принято относить к 1112 г.), но одновременно используется в ней как пример, демонстрирующий выдержку, верность принятым на себя обязательствам, справедливость и мудрость этого конунга.

Рассказ о Торде Золотой Асы принадлежит к так называемым прядями о поездках из страны. Герои этих историй – в большинстве случаев люди незначительные, зачастую вымышленные персонажи. Таков, по всей видимости, был и Торд: в пряди не упомянут никто из его родичей, не приведено даже имени его отца, сказано лишь, что Торд «превзошел» его, иными словами, сумел добиться большего, чем он. Правда, Торд Золотой Асы упоминается в «Перечне скальдов» («Skáldatal»), где записаны имена всех скандинавских поэтов, когда-либо складывавших хвалебные песни в честь правителей и знатных людей (имя Торда помещено в нем вместе с именем адресата его песни – Видкунна), однако нельзя исключить, что Торд попал в этот список только благодаря пряди о нем; как бы то ни было, ни о Торде, ни об Асе нет сведений ни в одном другом из известных источников.

Общая нарративная схема «прядей о поездках из страны», в центре изображения которых был конфликт исландца с могущественным противником (конунгом или замещающим его представителем норвежской знати), получает в «Пряди о Торде Золотой Асы» своеобразное преломление. В роли нарушителя общественного спокойствия и мира, вопреки обыкновению, выступает здесь не исландец – герой пряди, но его контрагент – знатный лендрманн, чьи противоправные действия и служат причиной конфликта, образующего ядро повествования. Соответственно изменяется и роль высокопоставленных помощников, чье участие в деле на стороне героя, как это нередко бывает в прядях, способствует конечной победе исландца. Тогда как в традиционном для историй этого жанра противостоянии «конунг–исландец» их вмешательство, как правило, было направлено на то, чтобы добиться прощения главного героя и примирить враждующие стороны, в «Пряди о Торде» поддержка, оказываемая ими исландцу, не в последнюю очередь имеет своей целью осадить зарвавшегося смутьяна, попирающего закон, и одновременно выяснить, на чьей стороне сила. Главная же особенность этой пряди в том, что в числе могущественных помощников, защищающих Торда от произвола Ингимара, оказывается и сам конунг. Следует, наконец, отметить и еще одно отступление данного рассказа от стандартной повествовательной структуры «прядей о поездках из страны»: описанный в нем конфликт между главными действующими лицами так и остается неурегулированным.

В качестве механизма, продвигающего вперед действие рассказа и в конечном счете приводящего к возвышению героя, выступает процесс обмена дарами и обязательствами, неотвратимость исполнения которых – своего рода стержень общественных отношений в средневековой Скандинавии. «Прядь о Торде Золотой Асы» – яркий пример, демонстрирующий действие лежащего в основании этих отношений принципа взаимности: долг платежом красен. Преподнеся хвалебную песнь Видкунну и отказавшись от традиционного в таких случаях «отдарка» – золота, которое он обменивает на обещание дружбы, Торд делает знатного лендрманна своим должником. Позднее, когда приходит время, он требует от Видкунна возвратить долг:

поддержать его в противостоянии Ингимару; Видкунн же, в свою очередь, прибегает к помощи того, кто был обязан ему. В результате вместо героя пряди на авансцену один за другим, повинуясь долгу, выступают наиболее могущественные мужи Норвегии и, наконец, сам конунг Эйстейн. Как выясняется, каждый из поспешивших на подмогу герою пряди знатных мужей связан со своим предшественником оказанной ему в прошлом услугой, напоминание о которой заставляет его, пусть и вопреки его желанию, сразу же отправиться на помощь к призвавшему его другу. Так, в результате «сложения» сил двух лендрманнов и одного конунга удается отстоять правоту безвестного исландца, погасить возникшее было волнение и привести в исполнение закон. Хотя одержанная героем победа – прежде всего заслуга его помощников, и в первую очередь конунга Эйстейна, роль Торда в исходе дела тем не менее ничуть не умаляется: это он умело запустил и поставил себе на службу безотказно работающий механизм взаимопомощи. Как и в других «прядях о поездках из страны», в рассказе о Торде Золотой Асы главное внимание рассказчика уделено не правителю Норвегии, в жизнеописание которого была вставлена прядь, но предприимчивому исландцу, собственными усилиями выстраивающему свою судьбу.

Перевод сделан по изд.: Íslendinga sögur og þættir I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2128–2131. (Svart á hvítu). Ранее публиковался в ежегоднике: Древнейшие государства Восточной Европы. 1999: Восточная и Северная Европа в средневековье. М., 2001. С. 438–444 (см. там же статью: *Гуревич Е.А.* Долг платежом красен: Древнеисландская «Прядь о Торде Золотой Асы». С. 444–449).

[1] *...конунга Эйстейна сына Магнуса Голоногого...* – См. примеч. 2 к «Пряди об Иваре сыне Ингимунда». О Магнусе Голоногом (berfœttr, здесь его прозвище дается в необычной форме – berbeinn) см. примеч. 1 к «Пряди о Гисле сыне Иллуги» в редакции «Саги о Магнусе Голоногом».

[2] *Восточные Фьорды* – местность в Исландии (см. примеч. 1 к «Пряди о Торстейне с Восточных Фьордов»).

[3] *...прибыл в город...* – Имеется в виду город Нидарос на северо-западе Норвегии (совр. Тронхейм), обычно резиденция норвежского конунга.

[4] *Бьяркей* – см. примеч. 8 к «Пряди об Асбьёрне Тюленебойце».

[5] *Видкунн сын Йона* – Видкунн неоднократно упоминается в «Круге Земном», где он назван то «сыном Йоана», то «сыном Йона с Бьяркей». Из «Саги о Магнусе Голоногом» следует, что Видкунн воевал вместе с этим норвежским правителем в Ирландии и после гибели конунга сразил его убийцу, а также отнес на корабль его меч Ногорез и стяг. По этой причине, говорится в саге, сыновья Магнуса очень его любили, а Сигурд даже отдал ему на воспитание своего сына, впоследствии норвежского конунга Магнуса Слепого (1130–1135).

[6] *...большинству хёвдингов по вкусу, когда их прославляют...* – Вопреки сказанному здесь, сочинение хвалебной песни в честь знатного мужа не было вполне обычным делом: как правило, скальды складывали такие песни о конунгах и ярлах. Преподнося Видкунну панегирик, Торд, таким образом, оказывает ему небывалые почести.

[7] *...преподнести вам небольшую песнь, которую я сложил, и прошу вас выслушать ее.* – Сочинявшиеся устно хвалебные песни было принято произносить при-

людно, в пиршественной палате перед почетным сиденьем, на котором восседал прославляемый, причем скальд мог приступить к декламации не раньше, чем испрашивал и получал от адресата стихов разрешение исполнить песнь.

[8] *Ты первый, кто сложил обо мне песнь.* – См. примеч. 6.

[9] *...драпа в пятьдесят вис, и в ней был такой стев...* – «Небольшая песнь» Торда, таким образом, на поверку оказывается полноценной драпой. Как и во множестве аналогичных случаев, эта хвалебная песнь представлена в пряди только рефреном (стевом), прославляющим воинские доблести Видкунна.

[10] *...в ливне лучном...* – в битве.

[11] *...Хильд кропит лучину...* – Лучина Хильд – меч; Хильд – имя валькирии.

[12] *...корень рода Йонов...* – Видкунн.

[13] *Он дал ему золотое запястье весом в одну марку, однако Торд попросил взамен золота его поддержки...* – Хвалебная песнь непременно предполагала щедрое вознаграждение (так называемая плата за поэзию – bragarlaun). Таким ответным даром обычно служили драгоценные предметы, серебро или золото (марка – см. примеч. 14 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде»), оружие, заморское платье и даже корабли, груженные товарами. Отказ от традиционной в таких случаях платы или просьба заменить материальное вознаграждение чем-то более выгодным с точки зрения самого скальда, но чрезмерным в глазах окружающих, – поведение весьма необычное. Сходным образом ведет себя герой другой пряди – «Сон Одди Звездочета» (см. в наст. изд.): отказавшись от золота, он в конце концов получает в награду конунгову дочь и половину королевства.

[14] *Нид* – см. примеч. 18 ко «Второй пряди о Халльдоре сыне Снорри».

[15] *Сигурд сын Храни* – знатный человек; был женат на единоутробной сестре Магнуса Голоногого. Сведения о нем в «королевских сагах» весьма противоречивы; см. примеч. 22.

[16] *Ингимар из Аска* – Ингимар был родом из Хрингарики, области на юго-востоке Норвегии.

[17] *Корабельный навес* – укрытие (навес или палатка), которое ставили на носу или на корме.

[18] *Податель полатей змейных* – муж (змейные полати – золото).

[19] *...передать это дело лагману...* – Первоначально норвежские лагманы (lögmaðr – от lög «право») возглавляли местные тинги (судебные собрания) и, как предполагается, исполняли функции, сходные с теми, которые выполняли исландские законоговорители, – хранили и возглашали законы. Ко времени записи пряди лагманы превратились в служилых людей, поставленных конунгом над определенной местностью, на которых, помимо прочих, возлагались судейские обязанности.

[20] *Не поступи он так, он и сам был бы осужден.* – Здесь и в дальнейшем обращение с вором соответствует нормам скандинавского обычного права.

[21] *...финны захватили его усадьбу на Бьяркей.* – Расположенный вблизи границы с Финнмёрком остров Бьяркей подвергался нападениям со стороны финнов (саамов), однако, как следует из других источников, Сигурд, в отличие от самого Видкунна, не был жителем Бьяркей. В версии пряди в «Гнилой Коже» название местности, в которой проживал Сигурд, опущено. См. след. примеч.

[22] *...я до конца оставался с его отцом на западе в Ирландии...* – Согласно части источников, и среди них «Кругу Земному», Сигурд, как и Видкунн, участвовал в походе конунга Магнуса Голоногого в Ирландию и был одним из тех, кто последним оставил поле боя. Однако то обстоятельство, что в более ранних жизнеописаниях правителей Норвегии – составленных во второй половине и в конце XII в. «Истории древнейших норвежских королей» монаха Теодорика и «Обзоре» («Ágrip») саг о норвежских конунгах – Сигурд вообще не упоминается среди участников ирландского похода Магнуса Голоногого, дает основание считать, что эта информация была почерпнута авторами «королевских саг» непосредственно из пряди. Согласно этим ранним источникам, последним, кто покинул конунга, был Видкунн. В варианте рассказа о Торде в «Гнилой Коже» явно предпринимается попытка примирить эти разные версии. Так, на обращенный к нему вопрос-напоминание посланца Сигурда: «Государь, кто до самого конца оставался с твоим отцом в Ирландии?», конунг отвечает: «Сигурд и Видкунн...» Не исключено, что автор пряди смешивает заслуги этих двух лендрманнов, подобно тому как он спутал их местожительство, поселив Сигурда на Бьяркей (см. примеч. 21).

[23] *Эйрар* – берег в устье реки Нид, где обычно совершались казни.

[24] *...когда принял сторону этого салоеда...* – См. примеч. 8 к «Первой пряди о Халльдоре сыне Снорри».

[25] *Затем он отплыл в Данию и там обосновался.* – Ингимар из Аска сын Свейна впоследствии примкнул к Харальду Гилли (правил Норвегией в 1130–1136 гг.), незаконнорожденному сыну Магнуса Голоногого.

[26] *И здесь кончается прядь о Торде Золотой Асы.* – В редакции «Гнилой Кожи» сказано: «И здесь заканчивается этот рассказ (frásögn)».

ПРЯДЬ О ТОРАРИНЕ КОРОТКИЙ ПЛАЩ

«Прядь о Торарине Короткий Плащ» («Þórarins þáttr stuttfeldar») сохранилась в «Гнилой Коже» в составе «Саги о сыновьях Магнуса Голоногого» (1270–1280 гг.; см.: Morkinskinna / Udg. Finnur Jónsson. København, 1932. S. 385–387), а также в некоторых рукописях «Круга Земного».

Рассказ представляет собой анекдот о скальде – никому не известном пришельце, впервые заявляющем о себе конунгу и его окружению. Тема скальдической импровизации тесно переплетается в нем с темой взаимоотношений героя с дружинниками (вообще, нередкой в прядях), причем здесь она получает истинно анекдотическое решение: неожиданный и забавный поворот. Подшучивая над чужаком, используя его в своих внутренних распрях и тем самым ставя его в неловкое – да и небезопасное – положение, дружинники создают поводы, позволяющие скальду показать себя и мастером своего дела, и человеком неробкого десятка, и в то же время заявить о себе конунгу. Этим рассказ о Торарине отчасти сближается с самым распространенным типом коротких повествований об исландцах – с так называемыми прядями о поездках из страны.

Помимо содержащегося в «Саге о Сигурде Крестоносце» анекдота и шести с четвертью строф из «Stuttfeldardrápa» («Драпы Короткого Плаща»), цитируемых как в этой, так и в других «королевских сагах», о Торарине Короткий Плащ более ничего

не известно. Нет сведений и о том, сочинял ли он хвалебные песни в честь других конунгов: в «Перечне скальдов» его имя присутствует лишь в списке скальдов Сигурда Крестоносца.

Перевод выполнен по изд.: Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2261–2262. (Svart á hvítu). Первую публикацию этого перевода см. в ежегоднике: Атлантика: Записки по исторической поэтике. М., 2011. Вып. IX. С. 138–140; коммент. на с. 142–143.

[1] *Сигурд конунг* – Сигурд Крестоносец, см. примеч. 33 к «Пряди о Раудульве».

[2] *Человека ⟨…⟩ звали Арни, а прозван он был Косой-со-Взморья.* – Этот норвежец упоминается также в «Саге о Торгильсе и Хавлиди» (гл. 7–9), где сказано, что одну зиму он провел в Исландии.

[3] *…смелый ⟨…⟩ трёндов друг…* – конунг Сигурд; трёнды – жители Трёндалёга (совр. Трённелаг).

[4] *…родич Серка…* – т.е. Хакон.

[5] *Расточитель злата…* – муж (здесь: конунг Сигурд).

[6] *…помет орлиный…* – плохие стихи. Кеннинг восходит к мифу о меде поэзии, который был украден Одином у великана Суттунга. Спасаясь от преследования, Один принял обличье орла и, прилетев в Асгард, выплюнул мед в подставленные ему сосуды – этот мед впоследствии достался искусным скальдам. Однако небольшая часть меда была выпущена им через задний проход, и ее с тех пор подбирают бездарные поэты (см.: *МЭ*, 102–105).

[7] *Серкланд* – Страна Сарацин (Африка), где воевали конунг Сигурд и его дружинники.

[8] *…под шапкою Хёгни…* – под шлемом (Хёгни – морской конунг, герой сказания; см. «Прядь о Сёрли» в наст. изд.).

[9] *Драпа Короткого Плаща* (Stuttfeldardrápa) – от этой песни, сложенной в размере тёглаг (четырехсложный скальдический размер) ок. 1120 г., сохранился лишь небольшой фрагмент.

ПРЯДИ ИЗ «САГИ ОБ ИНГИ И ЕГО БРАТЬЯХ»

ПРЯДЬ ОБ ЭЙНАРЕ СЫНЕ СКУЛИ

«Прядь об Эйнаре сыне Скули» («Einars þáttr Skúlasonar») сохранилась в «Гнилой Коже», в заключительной ее части – в «Саге об Инги и его братьях» (1270–1280 гг.; см.: Morkinskinna / Udg. Finnur Jónsson. København, 1932. S. 446–448).

Эйнара считают крупнейшим скальдом XII столетия. До нас дошли почти полторы сотни сочиненных им строф (или фрагментов строф), в том числе целая драпа и отрывки из примерно десятка других поэм. Сохранением столь обширного поэтического наследия мы в значительной мере обязаны Снорри Стурлусону, судя по всему высоко ценившему мастерство Эйнара: в «Языке поэзии» приводится около сорока примеров из его стихов – так обильно в «Младшей Эдде» Снорри не цитирует ни одного другого скальда. Кроме того, десятки строф из поэм Эйнара приводятся –

уже в качестве исторических свидетельств – в «Круге Земном». Из всех исландских скальдов по количеству дошедших до нашего времени стихов Эйнара превосходит лишь скальд XI в. Сигват Тордарсон.

О жизни Эйнара, напротив, известно весьма немногое. Он был потомком Скаллагрима и принадлежал к прославленному роду, давшему знаменитых поэтов и ученых, к которому, помимо Эгиля, принадлежали Снорри Стурлусон и Олав Белый Скальд. Считается, что Эйнар родился в последнее десятилетие XI в. К 1114 г. он уже находился в Норвегии, где стал скальдом Сигурда Крестоносца (сохранился фрагмент его «Драпы о Сигурде»). «Перечень скальдов» также называет Эйнара скальдом брата и соправителя Сигурда Крестоносца, конунга Эйстейна сына Магнуса (1103–1122), однако сложенные в его честь хвалебные стихи до нас не дошли. Зато в «Гнилой Коже» и в «Круге Земном» цитируются строфы из двух драп, которые Эйнар сочинил в честь еще одного сына Магнуса Голоногого, сменившего Сигурда на норвежском престоле, – конунга Харальда Гилли (1130–1136). Эйнар складывал песни и для следующего поколения правителей Норвегии: конунга Магнуса Слепого сына Сигурда (1130–1135) (эта песнь ныне утрачена), а затем и сыновей Харальда Гилли – Инги Горбуна (1136–1161), Сигурда Рта (1136–1155) и Эйстейна (ок. 1142–1157). Именно двое последних фигурируют в разных эпизодах пряди.

Есть сведения, что в 40-е годы Эйнар возвратился на родину: его имя появляется в перечне священников Западной Исландии, составленном в 1143 г., из которого можно заключить, что какое-то время он жил в Городищенском Фьорде, не исключено, что в Городище (Борге), родовой усадьбе. При этом неизвестно, где он получил обязательное для духовного лица образование, как неизвестно и то, где и когда он принял сан. Как бы то ни было, ко времени действия пряди Эйнар уже успел стать священником, о чем рассказчик не обмолвился ни словом, вероятно, лишь потому, что в «Гнилой Коже» об этом обстоятельстве упоминалось ранее. Но то, что Эйнар был священником, несомненно, объясняет его визит в монастырь на Бакки.

Во время правления сыновей Харальда Гилли Эйнар вновь уезжает в Норвегию, где складывает песни в честь троих конунгов-соправителей: сохранился фрагмент его «Драпы об Инги» (четыре строфы), десяток строф из сочиненной ок. 1155 г. «Рунхенды» – песни об Эйстейне, а также несколько строф из «Драпы об Эйстейне». Как следует из пряди, из троих братьев именно Эйстейн был главным патроном Эйнара и большим его другом. Этот конунг сделал его своим окольничим — почетная должность, в которую столетием раньше Олав Харальдссон возвел своего любимого скальда, Сигвата (см. о нем в «Пряди об Оттаре Черном»), – он же заказал Эйнару его главное и прославившее его имя произведение – драпу в честь Олава Святого «Луч» («Geisli»), в которой рассказывается о чудесах, сотворенных этим святым. «Луч», по-видимому, самая ранняя исландская христианская драпа. Она состоит из 71 строфы в главном скальдическом размере дроттквет и известна полностью из двух рукописей XIV в., в том числе из «Книги с Плоского Острова», которая ею открывается, что уже само по себе свидетельствует о том, как высоко ценилась эта песнь, оказавшая влияние на всю последующую христианскую поэзию скальдов. Эйнар исполнил эту драпу в 1153 г. в церкви Христа в Нидаросе (Тронхейме), где хранились мощи св. Олава, в присутствии троих конунгов, архиепископа Йона, а также других прелатов и

знати. Во вступлении к пряди упоминается об этом достопамятном событии, а также о знамениях, его сопровождавших.

По всей видимости, Эйнар оставался с Эйстейном до его смерти в 1157 г., а затем отправился в Данию и Швецию. В «Перечне скальдов» говорится, что он сочинял стихи в честь шведских правителей – конунга Сёрквира сына Коля и его сына ярла Йона, а также датского конунга Свейна сына Эйрика (1146–1157), но ни одна из этих поэм не сохранилась. Из «Саги о Кнютлингах» явствует, что при датском дворе Эйнара постигла неудача: он не получил от конунга Свейна вознаграждения за сложенную в его честь хвалебную песнь, поскольку этот правитель предпочел его стихам искусство скоморохов и музыкантов («датский князь дороже ценит скрипки и дудки»; см. об этом: Jómsvíkingasaga ok Knytlinga med tilheyrandi þáttum. Kaupmannahøfn, 1828. S. 358).

Позднее Эйнар возвращается в Норвегию и находится при конунге Инги и королевском наместнике Грегориусе сыне Дага (его песнь «Elfarvísur» – «Висы о битве на Эльве» была сложена для последнего между битвой на Эльве в 1159 г. и гибелью Инги и Грегориуса в 1161 г.). Нет сведений о том, уехал ли скальд после очередной смены правителей в Исландию или остался в Норвегии. Судя по тому, что его поэтическая карьера началась в середине первого десятилетия XII в., ко времени падения последнего из сыновей Харальда Гилли он уже достиг преклонного возраста.

Перевод выполнен по изд.: Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2114–2116. (Svart á hvítu). Первую публикацию этого перевода см. в ежегоднике: Атлантика: Записки по исторической поэтике. М., 2011. Вып. IX. С. 140–146.

[1] *Братья Сигурд и Эйстейн* – сыновья конунга Харальда Гилли, Сигурд Рот (1136–1155) и Эйстейн (ок. 1142–1157).

[2] *...сложить драпу об Олаве.* – Имеется в виду поэма «Луч» («Geisli»), драпа в честь Олава Святого.

[3] *Окольничий* (stallari) – согласно сагам, эта самая высокая придворная должность появляется во времена Олава сына Трюггви (конец X в.). Окольничий был правой рукой конунга, на него возлагались приготовления к войне и управление дружиной. Кроме того, в обязанности окольничего входило говорить от имени конунга на сходках и перед дружинниками, а также быть представителем дружины перед конунгом.

[4] *Нуннусетр на Бакки* – женский монастырь в Нидаросе (Тронхейме). Бакки – см. примеч. 4 к «Пряди о Гисле сыне Иллуги» (в редакции «Саги о Магнусе Голоногом»).

[5] *...штраф за то, что ты не явился к столу...* – Как сообщается во «Второй пряди о Халльдоре сыне Снорри» (см. в наст. изд.), за опоздание к трапезе дружиннику полагалось наказание: ему надлежало сесть на устилавшую пол солому и выпить штрафной рог.

[6] *Бьёргюн* (Берген) – см. примеч. 5 к «Пряди о Хрейдаре Дураке».

[7] *...корабль ⟨...⟩ с бесстыжим.* – Т.е. «прут треплет корабль оглобли (повозку) с бесстыжим в путах (с лежащим на повозке связанным Ярлманном)».

[8] *Паль сын Скофти* – этот знатный норвежец упоминается в «Саге о Магнусе сыне Эрлинга» в «Круге Земном» в качестве отца Николаса Улитки, лендрманна (наместника) конунга Магнуса.

[9] *Там был Снорри сын Барда.* – Стихи этого скальда не сохранились, нет упоминаний о нем и в «Перечне скальдов».

[10] *Хольм* – Холмен («остров») на северной стороне бергенского залива, где была расположена конунгова усадьба.

[11] *Утстейн* – остров в Рогаланде, южнее Бергена.

[12] *...скакун ⟨...⟩ влаги...* – корабль.

[13] *...межой прибрежной* – по морю.

[14] Это редкий пример, когда в сагах ставится под сомнение способность аудитории на лету схватывать и запоминать стихи скальдов (см. подробнее: *Гуревич Е.А., Матюшина И.Г.* Поэзия скальдов.. М., 2000. С. 229 и след.).

Дополнение 4

ИЗБРАННЫЕ АНЕКДОТЫ О НОРВЕЖСКИХ КОНУНГАХ ИЗ «ГНИЛОЙ КОЖИ»

Собранные здесь анекдоты, или эпизоды из жизнеописаний правителей Норвегии, входящих в «Гнилую Кожу», иногда также называют «прядями». Однако от «прядей об исландцах», которые были приведены в предшествующих разделах, они отличаются не столько тем, что их герои по преимуществу норвежцы, сколько – и прежде всего – тем, что в качестве их центральных персонажей выступают те самые конунги, которым посвящены соответствующие саги. Поэтому вопрос об их возможном независимом происхождении с последующим включением в текст «королевской саги» остается открытым. По мнению некоторых исследователей, их следует считать не собственно прядями, т. е. самостоятельными рассказами, вплетавшимися в «саги о конунгах» и сохранявшими в них автономное положение, но «пограничными» повествованиями, хотя и имеющими сходство с прядями, но все же ими не являющимися (ср. «“Þættir-ähnliche” Erzählstücke», как их предложил называть Х. Гиммлер: см.: *Gimmler H.* Die Thættir der Morkinskinna. Ein Beitrag zur Überlieferungsproblematik und zur Typologie der altnordischen Kurzerzählung. (Diss.). Frankfurt / Main, 1976. S. 63–65).

Помимо собственно «Гнилой Кожи» («Morkinskinna») публикуемые здесь рассказы также известны из ряда восходящих к этой книге более поздних рукописей: младшей части «Книги с Плоского Острова» («Flateyjarbók») – анекдоты из «Саги о Магнусе Добром и Харальде Суровом», а также «Hulda» и связанной с ней «Hrokkinskinna» (изд.: Fornmanna sögur. Bd. 6, 7). Кроме того, часть из них также присутствует во «Фризском кодексе» («Codex Frisianus», или «Fríssbók», AM 45 fol., ок. 1325 г.; изд.: Codex Frisianus: En samling af norske konge-sagaer / Udg. C.R. Unger. Christiania, 1871) – рукописи «Круга Земного», содержащей интерполяции из «Гнилой Кожи».

О ТОРКЕЛЕ ЩЕГОЛЕ

История о Торкеле Щеголе приводится в «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом» в «Гнилой Коже» (*Mork.*, 99–101) – в части саги, повествующей о начале совместного правления и соперничестве двух норвежских конунгов; действие рас-

сказа относится, таким образом, к 1046–1047 гг. Тогда как в «Гнилой Коже» рассказ никак не озаглавлен, в версии этой же саги, которая была включена в младшую часть «Книги с Плоского Острова» (*Flat.* III, 312–313: гл. 18), ему предпослан заголовок: «Um rog Þorkels» – «О клевете на Торкеля», при этом в позднейшей литературе чаще используется другое название: «Þorkels þáttr dyrðils» – «Прядь о Торкеле Щеголе». Интерпретация рассказа о Торкеле как пряди, однако, сомнительна, скорее, вслед за Х. Гиммлером (*Gimmler H.* Die Thættir der Morkinskinna... S. 63) его следует отнести к полусамостоятельным «пограничным» эпизодам, не являющимся собственно прядями.

В «Большой саге об Олаве Трюггвасоне» (*Flat.* I, 405–407: гл. 325) приводится аналогичный рассказ, героями которого являются конунг Олав и все тот же Торкель Щеголь. Не вызывает сомнений, что используемая в «Гнилой Коже» форма dyðrill – это искаженное dýrðill (от dýrð – «драгоценности»), а именно прозвище Торкеля (Þorkell dýrðill), известное из прочих источников, в частности из «Круга Земного» (см. коммент.; толкование «щеголь» было предложено Финнуром Йоунссоном; см.: *Finnur Jónsson.* Tilnavne i den islandske oldlitteratur // Særtryk af Aarbøger for nordisk oldkyndighed og historie. 1907. Kjøbenhavn, 1908. S. 241).

Перевод сделан по изд.: Morkinskinna / Udg. Finnur Jónsson. København, 1932. S. 99–101. На русском языке рассказ публикуется впервые.

1 *...он был конунговым сюслуманном.* – См. примеч. 8 к «Пряди о Храфне сыне Гудрун».

2 *...Магнус конунг отправляется туда на пир без предупреждения.* – Речь идет о «вейцле», т.е. угощении, которое бонды обязаны были, каждый в свой черед, устраивать для конунга и его дружины (см. примеч. 83 к «Пряди об Орме сыне Сторольва»). О неожиданном прибытии конунга на пир говорится также в «Пряди о Стуве».

3 *Сперва я был с Олавом конунгом сыном Трюггви, которого я любил больше всех.* – Согласно разным версиям «Саги об Олаве Трюггвасоне», где он неоднократно упоминается, Торкель Щеголь, сын Эйрика Бьодаскалли, был братом Астрид, матери Олава конунга, т. е. приходился последнему дядей. В битве при Свёльде, в которой пал конунг Олав, Торкель правил Журавлем – одним из прославленных боевых кораблей, построенных этим правителем (см.: *КЗ*, 160).

4 *Затем я был с твоим отцом...* – Имя Торкеля не упоминается в жизнеописаниях Олава Святого, отца конунга Магнуса.

5 *...попали под владычество Альвивы и наступила жестокая пора, в которую никто не мог быть спокоен за свое добро...* – Альвива дочь Альврима ярла (Эльфгифу Нортгемптонская), незаконная жена датского конунга Кнута Могучего и мать Свейна. Вследствие малолетства последнего, правила от его имени в Норвегии после гибели конунга Олава Святого (см. примеч. 23 к «Пряди о Раудульве»). Снорри Стурлусон так рассказывает об отношении норвежцев к правлению датчан: «Конунг Свейн сын Кнута правил Норвегией несколько лет. И по возрасту и по уму он был еще ребенок. Страной тогда правила больше Альвива, его мать, и жители страны очень не любили ее и тогда и позже. В Норвегии было тогда засилье датчан, и жители страны были этим очень недовольны ⟨...⟩ норвежцы попали под этот гнет, который принес им кабалу и рабство, и богатым, и бедным, и всему народу» (*КЗ*, 375).

[6] *...по праву принадлежит вам.* – В редакции «Книги с Плоского Острова» (*Flat.* III, 312) добавлено: «а не Свейну или Альвиве».

[7] *...принял решение наполнить серебром козлиные шкуры, и благодаря этому его удалось сохранить.* – В редакции «Книги с Плоского Острова» (*Flat.* III, 312) говорится, что таким образом деньги удалось «уберечь от Свейна и Альвивы, его матери». В сходном рассказе, приведенном в «Большой саге об Олаве Трюггвасоне» в начальной части «Книги с Плоского Острова», чучело козла, которое безуспешно пытается зарубить конунг, наполнено серебром, припрятанным не самим Торкелем, но ярлом Хаконом Могучим. Как и в данном эпизоде, Торкель желает передать серебро конунгу, считая, что тот – законный владелец сокровища, однако Олав дарит ему этот клад. О набитых ценностями шкурах животных упоминается и в других историях: ср. рассказ в «Пряди о Хеминге сыне Аслака» о козлиной шкуре, «наполненной чистым серебром», которую Харальд Суровый, покидая Русь, оставил в залог своей жене Эллисив, а затем потребовал назад, или «Прядь о Брандкросси», где говорится о набитом мукой чучеле быка, возвращенном его владельцу (см. оба рассказа в наст. изд.).

[8] *Тут конунг и другие люди видят, что это большое богатство и что он распорядился им самым достойным образом, как и можно было от него ожидать.* – В редакции «Книги с Плоского Острова» (*Flat.* III, 312) говорится, что денег было так много, «что их было не счесть».

О ТРАНДЕ ИЗ УППЛЁНДА

Рассказ о Транде из Упплёнда приводится в «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом» в «Гнилой Коже» среди примеров, демонстрирующих похвальные качества конунга Магнуса: его справедливость и дружелюбие, умение ценить смелых и верных людей, – а также эпизодов, в которых повествуется о соперничестве двух соправителей Норвегии и противоречиях между ними. В «Гнилой Коже» рассказу предпослан заголовок «Fra greinum konvnga» – «О неладах между конунгами» (*Mork.*, 103), при этом в младшей части «Книги с Плоского Острова» этот же эпизод озаглавлен иначе: «Um mal Þrandar uid konung» («О беседе Транда с конунгом», *Flat.* III, 314). Вслед за Финнуром Йоунссоном (*LH* II, 645) рассказ нередко именуют «Прядью о Транде из Упплёнда» – «Þrándar þáttr upplendings (upplenzka)», однако Х. Гиммлер (*Gimmler H.* Die Thættir der Morkinskinna... S. 64) относит его к «пограничным» эпизодам.

Перевод сделан по изд.: Morkinskinna / Udg. Finnur Jónsson. København, 1932. S. 103–107. На русском языке рассказ публикуется впервые.

[1] *Трандом звали одного жителя Упплёнда...* – Так в редакции «Hulda-Hrokkinskinna» (Fornmanna sögur. Bd. 6. S. 186), согласно которой Транд был упплёндцем (maðr upplenzkr), тогда как в «Гнилой Коже» (*Mork.*, 103) Транд, очевидно, ошибочно назван «иноземцем» (maþr vtlenzcr).

[2] *Кальв сын Арни* – см. примеч. 5 к «Пряди о Торгриме сыне Халли».

[3] *Магнус конунг разъезжал по пирам...* – Этим сообщением открывается рассказ о Транде в редакции саги в «Книге с Плоского Острова».

[4] *...великое зло, которое было причинено его отцу...* – Магнус намекает на гибель своего отца, конунга Олава Харальдссона, в битве при Стикластадире (см. примеч. 8 к «Пряди о Торгриме сыне Халли»), в которой против него сражалось войско норвежских бондов, предводительствуемых местной знатью.

[5] *...наши с вами родичи были врагами...* – Имеется в виду вражда между Кальвом сыном Арни, родичем Транда, и конунгом Олавом Харальдссоном, отцом Магнуса Доброго.

[6] *...и на этот раз разница оказалась не меньшей.* – Речь идет о разнице в стоимости предметов, которыми обмениваются Транд и Магнус: в обоих случаях Транд отдает конунгу более дорогие вещи, чем получает взамен. Добившись согласия конунга на обмен плащами и оружием, Транд не просто задабривает Магнуса драгоценными подарками, завоевывая его расположение, но и делает его своим должником, поскольку меньшая стоимость ответных даров, принятых им от конунга, позволяет ему рассчитывать на получение дополнительной компенсации – поддержки со стороны конунга, которая может понадобиться ему в будущем (ср. «Прядь о Торде Золотой Асы»).

[7] *...из Гардов.* – См. примеч. 16 к «Пряди об Эймунде сыне Хринга».

[8] *Он был готов выполнить любое поручение конунга.* – В редакции рассказа в «Книге с Плоского Острова» (*Flat.* III, 314) сказано, что Свейн готов был исполнить любое поручение конунга, которое «было не по нраву другим», а далее сообщается, что он и его спутники получили от Харальда подробные инструкции, как им захватить Транда, поскольку конунг «желал отнять у того жизнь». В дальнейшем, согласно этой версии рассказа, Транд побоями вынуждает спутников Свейна признаться, кто они такие и зачем явились, причем их поручение названо «позорным» (skammarerende, *Flat.* III, 315).

[9] *...они выпрашивают милостыню для святых мест.* – В «Гнилой Коже» пропущено слово fjár «денег», восстановленное по редакции «Книги с Плоского Острова» (*Flat.* III, 315: Þeir muno bidia fiar til heilagra stada); кроме того, в этой версии рассказа Транд высказывает предположение, что его брату показалось, будто пришельцы избивают работников.

[10] *...если это монахи, то они ⟨...⟩ попросят подаяния.* – Действие рассказа относится к середине XI в., однако нищенствующие монахи, за которых Транд и Сигурд принимают посланцев Харальда Сурового, появляются в Европе лишь с начала XIII в. Черная ряса – облачение бенедиктинцев, а среди нищенствующего монашества – августинцев, чей орден был учрежден в 1256 г.

О МУДРЫХ СОВЕТАХ ХАРАЛЬДА КОНУНГА

В «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом» в «Гнилой Коже» рассказ об исцелении сына знатной женщины приводится под заглавием «О мудрых советах Харальда конунга» – «Heilreþi Harallz konvngs» (*Mork.*, 118) и следует за «Прядью об Арноре Скальде Ярлов», в которой также фигурируют оба конунга. В такой же последовательности названные истории приведены и в редакции саги в «Книге с Плоского Острова», где этот эпизод никак не озаглавлен, однако выделен в самостоя-

тельную главу (*Flat.*, III, 323). По мнению Х. Гиммлера (*Gimmler H.* Die Thættir der Morkinskinna... S. 64), этот рассказ имеет сходство с прядями и должен быть отнесен к «пограничным» эпизодам.

Перевод сделан по изд.: Morkinskinna / Udg. Finnur Jónsson. København, 1932. S. 118–120. На русском языке рассказ публикуется впервые.

[1] *– В этой стране нет никого мудрее Харальда конунга...* – В рассказах о Харальде Суровом неоднократно говорится о его уме и проницательности, а также о мудрости даваемых им советов (см., например, коммент. к «Пряди о Халли Челноке»).

[2] *...пойди туда, где купался Магнус конунг...* – Согласно версии саги, записанной в «Книге с Плоского Острова», Харальд велит женщине отвести сына в то место, «где Магнус конунг мыл руки» (hefir tekit handlaugar; *Flat.* III, 323). В древнеисландской литературе можно встретить упоминания о целительной силе воды, в которой совершал омовение святой конунг. Так, в «Саге об Олаве Святом» (гл. 179: *КЗ*, 333–334) говорится о роднике, в котором умылся конунг Олав, причем сообщается, что «если теперь в той долине у кого-нибудь заболевает скотина, то стоит ей дать попить воды из этого родника, и болезнь как рукой снимает». В другом месте той же саги рассказывается о слепом, прозревшем после того, как он коснулся своих глаз руками, ставшими мокрыми от воды, в которой было омыто тело убитого конунга (гл. 236: *КЗ*, 368). Не вполне ясно, однако, на каком основании аналогичные свойства приписываются здесь сыну Олава Святого – Магнусу Доброму. Представление о королях-целителях было довольно широко распространено в Средние века (см. об этом: *Блок М.* Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998).

[3] *...потом заставь его петь молитвы.* – Употребленный в оригинале глагол syngja может означать как «петь», так и «петь молитвы». В пользу последнего значения свидетельствует редакция этого эпизода в рукописи «Hulda», где конунг велит женщине заставить сына «выслушать мессу» (láttu hann hlýða messu; Fornmanna sögur. Bd. 6. S. 199).

[4] *После этого отправляйся с ним туда, где конунг отдыхал, и пусть он поспит там.* – О назначении особенного места для отдыха, где спящему предстоит увидеть судьбоносный сон, см. также в «Пряди о Раудульве».

[5] *...когда он пробудился, он рассмеялся и сказал...* – В редакции «Книги с Плоского Острова» (*Flat.* III, 323) рассказ мальчика о сновидении принимает форму его диалога с матерью, которая расспрашивает сына о том, что он увидел во сне и что ему сказал каждый из конунгов.

[6] *Клен клинка* – муж.

[7] *Гевн огня* – женщина (Гевн – имя богини).

[8] *...сна меня лишает, / знай, сестрица княжья / дух смущает мужу.* – Единственное, что может связывать якобы сложенную Магнусом Добрым вису (одну из двух строф, сохранившихся под его именем) с рассказом о мальчике, который утратил способность видеть сны, это упоминание о том, что конунг и сам лишился сна – из-за любви к женщине, сестре некоего правителя. По-видимому, это обстоятельство и побудило автора саги добавить к заключению эпизода явно не принадлежащие к нему стихи,

вполне возможно по ошибке приписав им ложное авторство. Высказывалось предположение, что на самом деле эта виса была сочинена другим норвежским правителем, полным тезкой Магнуса Доброго, – Магнусом Голоногим, сыном Олава Тихого (см. о нем примеч. 32 к «Пряди о Раудульве»), и входит в цикл стихов, приведенных в саге об этом конунге в «Гнилой Коже» (*Mork.*, 330–331). В них Магнус признается в своей любви к женщине по имени Mactilldr (Matthildr), как следует из сопровождающего эти висы прозаического контекста – дочери «императора» (по всей видимости, речь идет о Матильде, дочери шотландского короля Малькольма III (1058–1093) и сестре короля Эдгара Храброго (1097–1107); см. об этих стихах подробнее: *Poole R.* Some Royal Love-Verses // Maal og Minne. 1985. S. 115–118; *SkP* II, 6–7).

О МАГНУСЕ КОНУНГЕ И МАРГРЕТ

Рассказ «О Магнусе конунге и Маргрет» («Fra M. konvngi oc Margreto», *Mork.* 120) непосредственно предшествует в «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом» в «Гнилой Коже» «Пряди о Хрейдаре Дураке» и следует в ней сразу же за историей об исцелении мальчика, утратившего дар видеть сны (см. «О мудрых советах Харальда конунга»). Во всех этих историях действуют два конунга (Магнус и Харальд; Магнус и Олав Святой), причем характер Магнуса Доброго поворачивается разными сторонами: так, если в «Пряди о Хрейдаре Дураке» он выступает в качестве мягкого и заботливого покровителя и защитника главного героя, исландца Хрейдара, от своего мстительного родича и соправителя Харальда Сурового, то в рассказе о Маргрет Магнус и сам готов творить произвол и потакать своим прихотям, и только сверхъестественное вмешательство его отца, Олава Святого, и страх Божий удерживают его от поступка, недостойного звания конунга. Участие в судьбе героини Олава Святого, заставляющего своего сына отказаться от намерения против ее желания сделать Маргрет своей наложницей, находит параллель в «Пряди о Храфне сыне Гудрун», где аналогичное вмешательство св. Олава вынуждает конунга Магнуса прекратить преследование исландца Храфна и сменить гнев на милость.

С незначительными вариациями рассказ о Магнусе и Маргрет приводится в редакции той же саги в «Книге с Плоского Острова» (*Flat.* III, 323–326), однако в ней он озаглавлен «Fra Þrande er bio aa Stockum j Noregi» – «О Транде, который жил в Стоккар в Норвегии». Как и прочие, приведенные здесь истории из «Гнилой Кожи», этот эпизод при всем его сходстве с прядями (ср. встречающееся иногда название «Margrétar þáttr Þrándardóttur ok Sigurðar konungsfrænda» – «Прядь о Маргрет дочери Транда и Сигурде Конунговом Родиче») должен быть отнесен к «пограничным» эпизодам (см.: *Gimmler H.* Die Thættir der Morkinskinna... S. 64).

Перевод сделан по изд.: Morkinskinna / Udg. Finnur Jónsson. København, 1932. S. 120–124. На русском языке рассказ публикуется впервые.

[1] *Лендрманн* – см. примеч. 47 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога».

[2] *... усадьба называлась Стоккар.* – Возможно, У Бревен (от stokkr – «бревно»), совр. Стокке – название деревни (административного центра одноименного района) в Вестфолле на юго-востоке Норвегии.

[3] *Сюсла* – см. примеч. 28 к «Пряди об Асбьёрне Тюленебойце».

[4] *...мне будет тяжело, если я полюблю его и сразу же потеряю.* – Как отмечают комментаторы, не вполне ясно, следует ли понимать эти слова Маргрет буквально или в качестве предлога отклонить домогательства конунгу, не вызвав у него обиды или гнева (см.: Morkinskinna: The Earliest Icelandic Chronicle of the Norwegian Kings. P. 431, n. 4).

[5] *...негоже мне ⟨...⟩ лежать в этой постели!* – Поведение конунга продиктовано не ревностью, но стремлением избежать кровосмесительной связи. Как было замечено (см.: Morkinskinna: The Earliest Icelandic Chronicle of the Norwegian Kings. P. 431–432, n. 5), в «Гнилой Коже» неоднократно затрагивается тема инцеста (см. «Прядь об Иваре сыне Ингимунда», где герой по этой же причине вынужден отказаться от попыток вернуть себе невесту, на которой обманом женился его брат). Не исключено, что интерес к этой теме был вызван новыми постановлениями IV Латеранского вселенского собора (1215), запрещавшими родственникам вступать в связь с одной и той же женщиной (см. также: *ÍF* XXIII. Bls. 150, nm. 2).

[6] *...он выглядит так, как если бы там лежала серебряная монета.* – Ср. описание аналогичного знака в «Пряди о Тораринe сыне Невьольва», где также идет речь о вмешательстве в судьбу героя сверхъестественного помощника.

ОБ УЛЬВЕ БОГАЧЕ

Рассказ «Об Ульве Богаче» приводится в «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом» в составе «Гнилой Кожи» в главе, озаглавленной «О Харальде конунге и упплёндцах» («Fra Haralldi konvngi oc Vpplendingom», *Mork.*, 187–194) и повествующей о том, как Харальд Суровый сперва жег усадьбы, усмиряя непокорных жителей Упплёнда, а затем, примирившись с ними, разъезжал по пирам, которые для него устраивало население этой области Норвегии. Таким образом, в «Гнилой Коже» (как и в младшей части «Книги с Плоского Острова», *Flat.* III, 352–355 – присутствующая в ней редакция рассказа весьма незначительно отличается от его более ранней рукописной версии) история об Ульве формально никак не выделяется в тексте саги.

Непосредственно за историей о присвоении конунгом Харальдом владений Ульва Богача в саге в «Гнилой Коже» следует «Прядь о Бранде Щедром», по-своему развивающая ту же тему: оба рассказа описывают способы, которыми этот норвежский правитель пытался принудить находившихся в его власти людей поделиться с ним своим имуществом. Не исключено, что, помещая рядом обе эти истории, составитель компиляции предполагал подчеркнуть контраст между их героями: с одной стороны – разбогатевшим выходцем из рабского сословия, который не нашел в себе смелости противиться королевскому произволу и, как следствие, потерпел поражение и лишился большей части своего состояния, а с другой – прославленным своей беспримерной щедростью благородным исландцем (представляемым ровней конунгу), который нашел способ указать Харальду на его недостойное поведение и в результате вышел победителем в противостоянии с ним.

Историю об Ульве иногда именуют «прядью» («Úlfs þáttr auðga» – «Прядь об Ульве Богаче»), однако, поскольку ее центральным персонажем скорее является сам

конунг, которому и посвящена сага, с бóльшими основаниями она может быть отнесена к «пограничным» эпизодам (см.: *Gimmler H.* Die Thættir der Morkinskinna... S. 64; см. также: *Гуревич Е.А.* Древнеисландский рассказ об Ульве Богатом, или Несколько замечаний к проблеме «сага и прядь» // Норна у источника Судьбы. М., 2001. С. 88–94).

Перевод сделан по изд.: Morkinskinna / Udg. Finnur Jónsson. København, 1932. S. 189–194. На русском языке рассказ публикуется впервые.

1 *...позвать конунга...* – Харальда Сурового.

2 *...больно уж зарится на его имущество.* – В редакции «Книги с Плоского Острова» (*Flat.* III, 352) Ульв в беседе с женой, которой стало известно, что конунг им недоволен, объясняет свое нежелание приглашать Харальда в гости тем, что тот, по его мнению, «тем больше станет зариться на его добро, чем ближе он к нему подберется».

3 *...когда тот пировал у Арни.* – Перед этим в саге рассказывается, что конунг разъезжал по Упплёнду, посещая пиры, устраиваемые для него местными жителями, одним из которых был зажиточный человек по имени Арни (о пирах см. примеч. 83 к «Пряди об Орме сыне Сторольва»).

4 *...у Харальда Прекрасноволосого...* – См. примеч. 100 к «Пряди о Норна-Гесте».

5 *...сын по имени Сигурд Хриси.* – Согласно «Саге о Харальде Прекрасноволосом» (гл. 25: *КЗ*, 55), один из четырех сыновей Харальда от финки Снефрид. По сообщению этой же саги, Сигурд и его брат Хальвдан Высоконогий были отправлены отцом править в Хрингарики (см. примеч. 1 к «Пряди об Эймунде сыне Хринга»).

6 *...конунг...* – В рукописи «Гнилая Кожа» (*Mork.*, 190) – «конунг Харальд» (konungr H.), что является несомненной ошибкой, поскольку речь идет не о Харальде Прекрасноволосом, но о его сыне, конунге Сигурде Хриси. В версии этого эпизода в «Книге с Плоского Острова» (*Flat.* III, 352) имя конунга, однако, не называется.

7 *...отдавал собранные им деньги в рост направо и налево в разные земли, получал с этого барыши...* – Отправляясь в торговые поездки, купцы вкладывали в товары не только собственные средства, но также и деньги, получаемые от тех, кто вступал с ними в долю, а по возвращении делились с ними прибылью (см. об этом в «Пряди о Торде Золотой Асы» и в «Пряди о Хрои Простаке»).

8 *...явились в Швецию к Хакону ярлу и попросили принять их.* – Неясно, какой шведский правитель имеется в виду. В редакции рассказа в «Книге с Плоского Острова» (*Flat.* III, 353) сказано, что прибывшие выдали себя за бродяг.

9 *...вручил ему белую рубаху из суровой ткани.* – По-видимому, речь идет об одежде из простой некрашеной ткани, которую пристало носить рабу; о том, что такое одеяние могло символизировать рабское состояние, свидетельствует также эпизод из «Саги о фарерцах» (гл. 8), где упоминаются белые плащи двух мальчиков, которых продают в рабство (см.: http://www.snerpa.is/net/isl/fsaga.htm, а также: Morkinskinna: The Earliest Icelandic Chronicle of the Norwegian Kings. P. 438, ch. 37, n. 3). Многочисленные источники и среди них немало прядей (ср., например, «Прядь об Эгмунде Битом и Гуннаре Пополам») позволяют судить о том, как высоко в древнескандинавском обществе ценилась цветная одежда (в том числе из драгоценных и расшитых тканей),

неизменно указывавшая на благородное происхождение, высокий социальный статус или богатство ее владельцев.

[10] *...я же – внук Хальвдана конунга.* – См. примеч. 4 к «Пряди об Эймунде сыне Хринга».

О ХАРАЛЬДЕ КОНУНГЕ И ИНГИБЬЁРГ

Публикуемый здесь эпизод из «Саги о Магнусе Добром и Харальде Суровом» выделен в «Гнилой Коже» в отдельную главу, под названием «О Харальде конунге» («Fra Haralldi konungi», *Mork.*, 195) и помещен в ней между двумя прядями, которые описывают взаимоотношения этого норвежского правителя с исландцами: он приводится сразу же вслед за «Прядью о Бранде Щедром» и предшествует «Пряди об исландце-сказителе». В редакции той же саги в «Книге с Плоского Острова», где обе названные пряди опущены, мы находим этот эпизод в окружении иных рассказов – истории об Ульве Богаче и «Пряди о Торварде Вороний Клюв»; в этой компиляции он, кроме того, носит другое заглавие: «О мерах, принятых конунгом» («Um atgiord k(onungs)», *Flat.* III, 357). Как и другие истории, собранные в данном разделе, рассказ относят к «пограничным» эпизодам (см.: *Gimmler H.* Die Thættir der Morkinskinna... S. 64).

Подобно рассказу «О мудрых советах Харальда конунга», история об Ингибьёрг посвящена исцелению лица, внезапно пораженного загадочным недугом, и изображает Харальда Сурового прозорливым и мудрым советчиком. Представления о том, что Харальд обладал медицинскими познаниями и поэтому был в состоянии помогать больным, по всей видимости, должны были основываться на рассказах о его долгом пребывании на Востоке и приобретенном там опыте. Похожий, однако значительно более лаконично изложенный эпизод, где этот конунг собственноручно извлекает змею изо рта проглотившей ее вместе с водой женщины, известен из «Пряди о Хеминге сыне Аслака» (см. в наст. изд.), причем почти полное совпадение целого ряда деталей позволяет предполагать, что он мог восходить к рассказу об Ингибьёрг. Кроме того, не исключено, что настоящий эпизод отчасти перекликается и с приведенным ранее рассказом «О Магнусе конунге и Маргрет», в котором Магнус Добрый вынужден отказаться от приглянувшейся ему молодой женщины, опасаясь гнева своего отца, св. Олава, принимающего деятельное участие в судьбе этой героини. Как отмечалось комментаторами (см. Morkinskinna: The Earliest Icelandic Chronicle of the Norwegian Kings. P. 439, ch. 39, n. 3), в настоящем рассказе взаимоотношения Харальда и Ингибьёрг остаются до конца не проясненными, однако из целого ряда намеков (подозрения, что в болезни Ингибьёрг виноват Харальд; мнение окружающих, что он и сам неравнодушен к ней и т.п.) можно заключить, что и в этой истории конунг имел виды на героиню, дочь знатного человека, однако был вынужден отказаться от нее, возможно, не без участия (или ради) своего брата, св. Олава, содействовавшего ее исцелению и спасению, и отослать в монастырь.

Перевод сделан по изд.: Morkinskinna / Udg. Finnur Jónsson. København, 1932. S. 195–199. На русском языке рассказ публикуется впервые.

[1] *...к конунговой жене.* – По-видимому, речь идет о Торе дочери Торберга (см. примеч. 8 к «Пряди о Хеминге сыне Аслака»).

[2] *Beati immaculati* – «Beati immaculati in via: qui ambulant in lege Domini» – «Блаженны непорочные в пути, ходящие в законе Господнем» (Пс 118:1), самый длинный из псалмов.

[3] *...и семь псалмов...* – Имеются в виду покаянные псалмы (Пс 6, 31, 37, 50, 101, 129 и 142 в нумерации Вульгаты), чтение которых должно было привести к окончательному очищению Ингибьёрг от вреда, причиненного вселившимся в нее демоническим «посетителем» (см.: Morkinskinna: The Earliest Icelandic Chronicle of the Norwegian Kings. P. 439, ch. 39, n. 2).

КОНУНГ ВСТРЕЧАЕТ ЧЕЛОВЕКА В ЛОДКЕ

Рассказ о встрече Харальда Сурового с рыбаком по имени Торгильс, в ходе которой конунг, его новый знакомец и придворный скальд по очереди сочиняют висы по заданному образцу, – один из немногих примеров поэтических состязаний, описанных в исландской прозе. В «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом» в «Гнилой Коже» этот эпизод никак не озаглавлен (*Mork.*, 247), однако в «Книге с Плоского Острова» (*Flat.* III, 377) ему предпослан заголовок «Her finnr konungr einn mann aa bate» – «Здесь конунг встречает человека в лодке». В настоящей публикации использован заголовок, добавленный первым издателем «Гнилой Кожи», К.Р. Унгером (Morkinskinna / Udg. C.R. Unger. Christiania, 1867. S. 101). В редакции саги в «Гнилой Коже» рассказ помещен сразу же вслед за «Прядью о Халли Челноке», целый ряд эпизодов которой также посвящен теме скальдического мастерства и соперничеству находившихся при Харальде Суровом поэтов, – как и здесь, одним из них был главный королевский скальд, Тьодольв Арнорссон.

Помимо версии рассказа, записанной в «Гнилой Коже» и связанных с ней рукописях (младшей части «Книги с Плоского Острова», «Hulda» и «Hrokkinskinna»), история о встрече конунга с рыбаком Торгильсом известна также в другой, существенно отличной от нее редакции, сохранившейся во «Фризском кодексе» (Codex Frisianus... S. 254–256), где этот эпизод приводится в самом конце саги о Харальде Суровом. Согласно этой редакции, Торгильс (здесь он носит прозвище Hástaði – С Возвышенности – по названию его двора) был воспитателем конунга Харальда и не виделся с ним с тех самых пор, когда они оба сражались в битве при Стикластадире. Торгильс в этой версии рассказа, кроме того, не одинок – его сопровождают двое сыновей: пока отец ловит рыбу, один управляет лодкой, а другой выжигает на берегу соль из водорослей. Все они, повинуясь желанию Харальда, принимают участие в поэтическом состязании. Важно при этом отметить, что здесь первую вису складывает не рыбак, а конунг, который к тому же не ограничивается лишь произнесением своей строфы, но и выдвигает условия состязания: он требует, чтобы в обеих частях ответной висы рыбак использовал те же «концовки» (niðrlag), что прозвучали в его стихах. В редакции «Гнилой Кожи» стоящая перед скальдами формальная задача никак не вербализуется, однако и здесь она без труда выводится из процитированных в этом варианте стихов (об особенностях скальдического состязания см. подробнее в

примеч. 1; ср. также поэтическое задание, получаемое скальдом от конунга в «Пряди о Халли Челноке», гл. 3). Рыбак, в свою очередь, предлагает, чтобы первым после конунга сложил вису не он, а придворный скальд Тьодольв, что тот и делает, причем, в отличие от приведенной здесь версии рассказа, его стихи не вызывают у Харальда никаких нареканий. Затем один за другим произносят висы Торгильс и оба его сына (в нашей редакции эпизода вторая часть висы одного из сыновей принадлежит конунгу). Завершают же состязание стихи Тьодольва (здесь в его уста вложена заключительная виса, которая в редакции «Гнилой Кожи» приписывается человеку в лодке). Рассказ заканчивается тем, что конунг интересуется именем человека в лодке и, лишь получив ответ, узнает в нем своего воспитателя. После этого Торгильс и оба его сына отправляются в путь вместе с конунгом; впоследствии, замечает рассказчик, все они пали вместе с Харальдом в Англии. Как считает Бьярне Фидьестёль, посвятивший сопоставлению двух редакций этой истории специальное исследование (в нем он называет ее «прядью»: *Fidjestøl B.* Tåtten om Harald Hardråde og fiskaren Þorgils // Maal og Minne. 1971. S. 34–49; в англ. пер.: «The Tale of Haraldr harðráði and Þorgils the Fisherman» // Fidjestøl B. Selected Papers / Ed. O.E. Haugen, E. Mundal; transl. P.G. Foote. Odense, 1997. P. 277–293. (The Viking Collection; Vol. 9)), многочисленные несовпадения между ныне известными рукописными версиями рассказа о рыбаке Торгильсе должны указывать на то, что перед нами независимые записи двух разных вариантов одного повествования, которые бытовали в устной традиции.

Перевод сделан по изд.: Morkinskinna / Udg. Finnur Jónsson. København, 1932. S. 247–250. Целиком на русском языке рассказ публикуется впервые (см. также перевод стихов в кн.: Поэзия скальдов / Изд. подг. С.В. Петров, М.И. Стеблин-Каменский. Л., 1979. С. 68–71).

[1] *...придется сочинить что-нибудь мне в ответ.* – Тем самым рыбак предлагает конунгу вступить с ним в поэтическое состязание. Сочинение скальдических стихов «в ответ» (yrkja í móti) предполагало точное воспроизведение композиционной схемы и некоторых других формальных параметров, заданных первой из сочиняемых вис. В процитированных в данном анекдоте строфах это – противопоставление настоящего прошлому: в первом хельминге (полустрофе) скальд сообщает о том, чем он (или герой его стихов) занимался недавно, а во втором вспоминает о том, что он делал некогда. При этом в каждой последующей висе дословно или с незначительными вариациями повторяются соответствующие формулы, завершающие первый и второй хельминги (vas þat fyr skǫmmu – «то было внове» и vas þat fyr lengra – «то было вдавне»), что ставит сочинителя ответной висы перед трудной технической задачей, а именно перед необходимостью подбирать для этих заключительных стихов (4-й и 8-й стихи висы) слова, чья звуковая оболочка, помимо ее строго определенной просодической структуры, одновременно удовлетворяла бы нескольким требованиям: способности аллитерировать с предшествующими нечетными стихами (3-м и 7-м соответственно) и рифмоваться с заключительным словом заданной противником формулы (в поэзии скальдов используются канонизованные внутренние рифмы – так называемые хендинги, или «подхваты», причем в четных стихах применяется адальхендинг, т.е. «благородная рифма» – точное совпадение всех звуков ударного слога, охватывающее как согласный, так и предшествующий ему гласный).

Эти свойства скальдической формы не поддаются точному воспроизведению при переводе на русский язык.

[2] *...в злате Хротти...* – Хротти – см. примеч. 49 к «Пряди о Норна-Гесте». В злате – речь идет о мече с золотыми украшениями.

[3] Во второй части висы рыбак Торгильс вспоминает о том, как он бился в сражении при Стикластадире.

[4] В стихах Харальда говорится о его недавней битве с датским конунгом Свейном сыном Ульва у реки Ниц (совр. Ниссан), после которой и происходит его встреча с человеком в лодке.

[5] *...в твердыне серков...* – т.е. в Серкланде – Стране Сарацин (см. примеч. 27 к «Пряди о Сёрли»). Харальд вспоминает здесь военные экспедиции, в которых он участвовал во время своего пребывания на Востоке и службы в варяжской дружине (см. примеч. 2 к «Первой пряди о Халльдоре сыне Снорри»).

[6] *Тьодольв* – см. примеч. 3 к «Пряди о Халли Челноке».

[7] *...в потоке пик...* – в сражении.

[8] *Ты сказал: «дан – внове», а это никуда не годная рифма.* – В оригинале рифмуются слова *grǫm* : *skǫmmu* («гневный – внове»), первое из которых содержит краткий согласный, а второе – долгий. Хотя используемая в четных стихах «благородная рифма» (адальхендинг) требовала полного совпадения гласного и следующего за ним согласного (см. примеч. 1), рифмы, подобные этой, т.е. включающие удвоенный и простой согласный, на деле вовсе не редкость в поэзии скальдов, поэтому сделанное Харальдом замечание вполне могло быть сочтено несправедливым, а предъявляемые им требования чрезмерными (см.: *SkP* II, 169; *Гуревич Е.А.*, *Матюшина И.Г.* Поэзия скальдов. М., 2000. С. 115). В другой редакции этого эпизода – во «Фризском кодексе» конунг никак не комментирует вису Тьодольва (см. выше).

[9] *...смуглый люд...* – африканцы; скальд говорит здесь о походах Харальда Сурового в Северную Африку.

[10] *...Тьодольв ⟨...⟩ уж больно ты самолюбив.* – Ср. поведение Тьодольва в «Пряди о Халли Челноке» (см. также коммент.).

[11] *...дева...* – см. примеч. 9 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».

[12] *От Англии к полдню...* – к югу от Англии. В редакции рассказа, известной из «Фризского кодекса», второй хельминг (полустрофа) этой висы приписывается одному из сыновей рыбака Торгильса. В первой части висы он сообщает о том, как жег водоросли на песке, а во второй припоминает, как некогда воевал в Англии.

[13] *Ворог вендов* – конунг Харальд. Венды – см. примеч. 3 к «Пряди о Рёгнвальде и Рауде». О том, что Харальд Суровый воевал с вендами (Austr-Vinðum «восточные венды»), свидетельствуют следующие стихи скальда Тьодольва из посвященной ему поэмы, процитированные в саге об этом конунге: «Взяли в тиски / Вендов полки. / Изведал лях / Лихо и страх» (перевод О.А. Смирницкой; *КЗ*, 402).

[14] *Трёнд* – см. примеч. 24 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».

[15] В редакции рассказа во «Фризском кодексе» эту заключительную вису произносит скальд Тьодольв.

[16] *Фьордунг* – четверть скальдической висы.

[17] *...был вместе с Олавом конунгом, твоим братом, при Стикластадире...* – См. примеч. 8 к «Пряди о Торгриме сыне Халли», а также примеч. 4 к «Пряди об Эймунде сыне Хринга».

ОБ ОЛАВЕ КОНУНГЕ И ЧЕЛОВЕКЕ-ВОРОНЕ

Так называемая «Прядь о человеке-вороне» («Kráku-karls þáttr») – единственный анекдот, включенный в жизнеописание Олава Тихого, одну из самых кратких саг «Гнилой Кожи», которая повествует о сыне Харальда Сурового, правившем после него в Норвегии в течение 27 лет (1067–1093). В «Гнилой Коже» рассказу предпослан заголовок «Fra O. konvngi oc craco karli» – «Об Олаве конунге и человеке-вороне» (*Mork.*, 293). Помимо «Гнилой Кожи», эпизод сохранился в «Hulda», «Hrokkinskinna», «Codex Frisianus» и в качестве позднейшей интерполяции в «Eirspennill» («Медная Застежка», AM 47 fol., ок. 1325 г.: в эту средневековую книгу включены сокращенные версии «королевских саг», которые охватывают более чем двухсотлетний период, открывающийся правлением Магнуса Доброго и заканчивающийся смертью Хакона Хаконарсона, т. е. 1035–1263 гг.), а также в нескольких бумажных рукописях «Круга Земного», датируемых XVII–XVIII вв. (AM 38 fol. и AM 42 fol.).

Как неоднократно отмечалось комментаторами (ср.: Morkinskinna: The Earliest Icelandic Chronicle of the Norwegian Kings. P. 33, 447, ch. 54, n. 1; *SkP* II, 825), изображенное в анекдоте о человеке-вороне поведение норвежского правителя находится в разительном несоответствии с описаниями спокойного и миролюбивого нрава конунга Олава, в противоположность его воинственному отцу прозванного Тихим, которые мы находим как в саге о нем, так и в прочих источниках. Поэтому высказывались предположения, что этот эпизод был добавлен позднее, а изложенная в нем история изначально вообще не была связана с именем Олава Тихого, но, возможно, основывалась на восточноскандинавских легендах о другом правителе Норвегии, Олаве Трюггвасоне. В противоположность исландской традиции, неизменно представлявшей последнего неканонизированным святым конунгом-миссионером, эти устные рассказы рисовали совершенно иной образ норвежского короля – то ли христианина, то ли вероотступника, привечавшего всевозможных чародеев. Так, Адам Бременский в «Деяниях архиепископов гамбургской церкви» (кн. II, XL(38)), ссылаясь на ходившие об этом конунге истории, сообщает, что он был «сведущ в гаданиях» и «полагал всю свою надежду на предсказания птиц. По этой причине он даже принял [соответствующее] прозвище [и] стал именоваться Олав Краккабен» (т.е. Олав Вороньи Кости; заметим, что в приведенной вслед за этим схолии Олав Трюггвасон и Краккабен представлены как разные лица; см.: Немецкие анналы и хроники X–XI столетий. М., 2012. С. 350). В другом персонаже рассказа, человеке-вороне, мудром старом бонде, знавшем ответ на любой поставленный перед ним вопрос и понимавшем птичий язык, усматривают «одинические» черты (см.: *Bourns T.* The Language of Birds in Old Norse Tradition. Reykjavík, 2012. P. 27–28. (Háskóli Íslands M.A. thesis)). Одно из многочисленных имен Одина, Hrafnáss, характеризует его как «бога воронов» – согласно древнескандинавской мифологии, у Одина было два мудрых ворона, Хугин и Мунин, которые летают повсюду и сообщают своему хозяину о происходящем на свете (см. также примеч. 2). Однако каковы бы ни были первоначальный смысл и истоки этого анекдота в «Гнилой Коже», в саге об Олаве Тихом он, по-видимому, был призван служить иллюстрацией щедрости конунга: непосредственно за ним в саге сообщается, что имеется множество примеров того, с каким великодушием Олав раздавал деньги и другие ценные дары. Между тем ни один из этих примеров в саге

не приводится, и рассказчик ограничивается цитатами из стихов скальдов, которые традиционно прославляли доброту конунга, награждавшего своих дружинников золотом и отменными доспехами.

Перевод сделан по изд.: Morkinskinna / Udg. Finnur Jónsson. København, 1932. S. 293–295. На русском языке рассказ публикуется впервые.

[1] *...в некоем фюльке.* – См. примеч. 5 к «Пряди об Олаве Альве Гейрстадира».

[2] *...ему ведом даже язык птиц.* – Высказанное здесь представление о понимании языка птиц как высшем проявлении мудрости, подкрепляется следующим сообщением «Саги об Инглингах» (гл. 18): «Даг, сын Дюггви конунга, был конунгом после него. Он был такой мудрый, что понимал птичий язык. У него был воробей, который ему многое рассказывал. Воробей этот летал в разные страны» (*КЗ*, 19; см., кроме того, упоминание речей синиц в «Пряди о Норна-Гесте», а также примеч. 75 к этой пряди).

[3] *...что сказала эта ворона.* – Это не единственное описание «речей» ворон в древнескандинавских текстах: в поэме, приписываемой норвежскому скальду Торбьёрну Хорнклови и получившей название «Речи Ворона» («Hrafnsmál», ок. 900), или «Песнь о Харальде» («Haraldskvæði»), валькирия беседует с вороном, прославляющим ратные подвиги Харальда Прекрасноволосого.

О СИГУРДЕ КОНУНГЕ И ОТТАРЕ

В «Гнилой Коже» этот рассказ приводится в части, посвященной сыновьям Магнуса Голоногого, среди эпизодов, повествующих о зрелых годах Сигурда Крестоносца, по сообщениям саг в конце жизни «страдавшего от тяжкого недуга» и «едва способного владеть собой» (*Mork.*, 382). Эта душевная болезнь сопровождалась припадками, которые вызывали страх и сочувствие у его приближенных (см., например, «Сагу о сыновьях Магнуса Голоногого», гл. 22, 25: *КЗ*, 492, 493). В «Гнилой Коже» рассказ озаглавлен «Vm Sigurþ konvng oc Ottar» – «О Сигурде конунге и Оттаре» (*Mork.*, 388). Помимо этой книги, рассказ присутствует также в основанных на ней рукописях, в том числе в «Hulda» (см.: Fornmanna sögur. Bd. 7: Sögur Noregs konúnga frá Magnúsi berfætta til Magnúss Erlingssonar. Kaupmannahøfn, 1832. S. 156–159) и во «Фризском кодексе» (см.: Codex Frisianus... S. 300–301), однако, как и другие приведенные в этом разделе эпизоды из «Гнилой Кожи», он отсутствует в «Круге Земном» Снорри Стурлусона.

История о смелом поведении Оттара, решившегося урезонить разбушевавшегося Сигурда, немало напоминает «пряди о поездках из страны», в которых герой-исландец совершенным им дерзким поступком вызывает гнев правителя Норвегии и рискует своей головой, а затем, убедив государя в собственной правоте или достоинствах, завоевывает его расположение и уважение и в результате примиряется с конунгом и принимает от него награду – становится королевским дружинником или получает некую почетную должность. В связи с этим Х. Гиммлер (*Gimmler H.* Die Thættir der Morkinskinna... S. 64) относит этот рассказ к «пограничным» эпизодам.

Перевод сделан по изд.: Morkinskinna / Udg. Finnur Jónsson. København, 1932. S. 388–390. На русском языке рассказ публикуется впервые.

[1] *...драгоценную книгу, которую он привез в страну. Она была целиком написана золотыми буквами...* – О драгоценной книге, привезенной конунгом с Востока, сообщается в «Круге Земном» в «Саге о сыновьях Магнуса Голоногого» (гл. 32). Как сказано здесь, это был «пленарий, написанный золотыми буквами», который был подарен Сигурду константинопольским патриархом (*КЗ*, 500; пленарий – см. примеч. 7 к «Пряди о Хельги и Ульве»). Согласно Снорри, вместе с другими полученными им сокровищами книга хранилась в Церкви Креста, построенной этим норвежским правителем в крепости в Конунгахелле (см. примеч. 25 к «Пряди об Эмунде из Скарара»).

[2] *...конунгова жена.* – Сигурд был женат на Мальмфрид (или Мальфрид), дочери конунга Харальда сына Вальдамара из Хольмгарда (Новгорода) – так саги именуют Мстислава, сына Владимира Мономаха (имя Харальд было дано Мстиславу в честь его английского деда Харальда сына Гудини; см. о последнем в «Пряди о Хеминге сыне Аслака»). Предполагается, что Сигурд женился на Мальмфрид Мстиславне в 1111 г., возвращаясь домой из крестового похода, когда отец невесты был новгородским князем (великий князь киевский в 1125–1132 гг.). Дочерью Сигурда и Мальмфрид была Кристин, ставшая женой шведского конунга Карла сына Сёрквира.

[3] *Когда я приехал в страну...* – Принято считать, что это произошло в 1111 г. По сообщениям саг, в возрасте 20 лет Сигурд (род. 1090) возвратился в Норвегию из похода в Средиземноморье, в который он отправился во главе своего войска «через четыре года после гибели Магнуса конунга» и в котором он провел три года, т.е. 1108–1111 гг. (см. «Сагу о сыновьях Магнуса Голоногого», гл. 3, 13: *КЗ*, 481, 487). Во время этого похода Сигурд побывал в Палестине (Йорсалаланде) и воевал с язычниками в Сирии (Сюрланде), за что и получил прозвище Крестоносец.

[4] *...он был ⟨...⟩ свечником...* – См. примеч. 7 ко «Второй пряди о Халльдоре сыне Снорри».

[5] *Его за то и прозвали Лососем, что он был человеком смуглым и черным.* – По всей видимости, Оттар получил свое прозвище Birtingr в насмешку: наименование лосося birtingr буквально означает «светлый» (ср. родственное этому слову англ. bright).

[6] *...лендрманны и окольничие, стольники...* – Конунг перечисляет самые почетные административные и придворные должности, которые могли получить от правителя Норвегии его приближенные (лендрманн – см. примеч. 47 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога»; окольничий – см. примеч. 3 к «Пряди об Эйнаре сыне Скули»; стольник – см. примеч. 9 к «Пряди об Аудуне с Западных Фьордов»).

О СИГУРДЕ КОНУНГЕ И МАГНИ ЕПИСКОПЕ

В «Гнилой Коже» рассказ назван «Fra Sigurþi konvngi oc Magna byscopi» (*Mork.*, 398) – «О Сигурде конунге и Магни епископе», в других рукописях, где он приводится: «Hulda» и «Hrokkinskinna» (Fornmanna sögur. Bd. 7. S. 171–173), «Фризский кодекс» (Codex Frisianus... S. 307–308), – заголовки отсутствуют.

Как и предшествующая история из саги о сыновьях Магнуса Голоногого в «Гнилой Коже», этот рассказ помещен среди заключительных эпизодов жизнеописания

конунга Сигурда Крестоносца, в которых описываются столкновения подверженного приступам ярости правителя с теми, кто отваживался перечить ему, рискуя собственной жизнью. Здесь таким смельчаком оказывается духовное лицо – бергенский епископ, готовый принять смерть, но не допустить богопротивного поступка, который вознамерился совершить конунг. В итоге твердая решимость епископа Магни, заставляющая Сигурда отступить, вызывает у того уважение, чего нельзя сказать о компромиссном поведении епископа Ставангра, позволяющего конунгу нарушить христианскую заповедь при условии уплаты искупительного «штрафа» – крупного денежного пожертвования в пользу его прихода.

Перевод сделан по изд.: Morkinskinna / Udg. Finnur Jónsson. København, 1932. S. 398–399. На русском языке рассказ публикуется впервые.

[1] *...оставить конунгову жену...* – В отличие от «Гнилой Кожи» и восходящих к этой книге версий жизнеописания Сигурда Крестоносца («Hulda» и др.), в «Круге Земном» нет упоминаний о том, что конунг в конце жизни расстался со своей женой Мальмфрид (см. о ней примеч. 2 к предыд. рассказу). Известно, что после смерти Сигурда его вдова Мальмфрид вышла замуж за датского короля Эрика Эмуна (1134–1137).

[2] *...священником, которого звали Сигурд и который потом стал епископом в Бьёргюне.* – Епископ Сигурд (ум. 1156 или 1157) был основателем цистерцианского монастыря Св. Марии (1146) в Люсефьорде близ Бергена.

[3] *...в нашей епархии...* – Первые епархии были учреждены в Норвегии в XI в. при Олаве Тихом и входили в Гамбург-Бременское архиепископство (с 1104 г. в Лундское). Первоначально (с 1068) епископская кафедра западной Норвегии находилась на острове Селья (см. «Прядь об Альбане и Сунниве»), однако вскоре она была перенесена в основанный этим же конунгом город Бьёргюн (совр. Берген).

[4] *...рассказывал, что ему тогда небо с овчинку показалось, такой страшный вид был у конунга.* – Весьма редкая ссылка на устное свидетельство очевидца, спустя почти столетие через посредников дошедшее до автора записанной в XIII в. саги.

[5] *...пребывал в таком прекрасном расположении духа, что 〈...〉 играл пальцами.* – Неоднократно встречающиеся в сагах упоминания о том, что герой или героиня «играют пальцами», призваны сообщить читателю об их настроении – радости или безмятежном спокойствии (ср. эпизод в «Саге о Греттире», гл. 88, где Спес, едва успев перед появлением мужа и его людей спрятать своего возлюбленного Торстейна Дромунда, сидит и как ни в чем не бывало «играет пальцами», *ИС* I, 764).

[6] *...об этом узнает тамошний епископ...* – Епископство в Ставангре было учреждено в 20-е годы XII в., когда оно было выделено из Бергенской епархии; к тому же времени относится превращение этого поселения на юго-западном побережье Норвегии в город (совр. Ставангер). Первым епископом Ставангра, упоминаемым в этом рассказе, был англичанин Рейнальд, предположительно бенедиктинский монах, прибывший из Уинчестера.

[7] *...уж больно вы не похожи на Магни епископа.* – О корыстолюбии епископа Рейнальда говорит Снорри Стурлусон в «Круге Земном», в одном из эпизодов «Саги о Магнусе Слепом и Харальде Гилли», рассказывая о казни епископа Ставангра (18 января 1135), после гибели Магнуса Слепого поплатившегося за свою дружбу с

этим конунгом: «Рейнальд епископ Ставангра был англичанин родом и слыл очень корыстолюбивым. Он был близким другом Магнуса конунга, и люди считали, что, наверно, ему были отданы на хранение ценности и сокровища. За ним послали людей, и он явился в Бьёргюн. Его понуждали признаться, что он знает, где сокровища, но он отпирался и потребовал божьего суда. Однако Харальд не пошел на это. Он потребовал, чтобы епископ заплатил ему пятнадцать марок золота. Но епископ сказал, что не хочет так обеднять свое епископство и предпочитает расстаться с жизнью. Тогда Рейнальда епископа повесили в Хольме на метательном орудии. Когда его вели к виселице, он сбросил с ноги сапог и сказал, клянясь: “Я не знаю ни о каком добре Магнуса конунга, кроме того, которое в сапоге”. А в сапоге было золотое обручье. Рейнальд епископ был погребен на Норднесе в Церкви Микьяля, и его убийство очень осуждали» (гл. 8: *КЗ*, 506). Предполагают, что на деньги, которые Рейнальд получил от конунга Сигурда, было начато строительство собора в Ставангре.

[8] *Затем конунг взял ту женщину в жены и очень любил ее.* – Вслед за этим в саге рассказывается, что, когда конунг Сигурд заболел и лежал на смертном одре, Цецилия попросила отпустить ее и уехала, оставив мужа. Как сообщается в саге, на прощание конунг произнес: «“Мне никогда не приходило в голову, что ты можешь покинуть меня, подобно другим”. Он отвернулся от нее и покраснел как кровь» (*Mork.*, 400). Конунг скончался 26 марта 1130 г., его тело перевезли в Осло и похоронили в церкви Св. Халльварда.

ПРЯДИ ИЗ «САГИ О СВЕРРИРЕ»

ПРЯДЬ О СКАЛЬДЕ МАНИ

«Прядь о скальде Мани» («Mána þáttr skálds») сохранилась в «Саге о Сверрире» («Sverris saga», XIII в.), причем лишь в одной из рукописей этой саги, AM 327 4to, которую датируют 1275–1325 гг. Издатель саги, Густав Индребё, считает анекдот о скальде Мани позднейшей вставкой в текст саги (Sverris saga etter Cod. AM 327 4to / Utg. G. Indrebø. Oslo, 1981. S. XXXIV. (Rpt. 1920)).

Из записи в «Перечне скальдов» («Skáldatal», XIII в.) следует, что Мани был одним из придворных поэтов норвежского конунга Магнуса Эрлингссона, сообщается также, что он сложил об этом конунге хвалебную песнь, однако она не сохранилась. Если верить пряди, то Мани пробыл у Магнуса весьма недолгое время: действие эпизода происходит в мае 1184 г., незадолго до гибели этого конунга (15 июня 1184). О дальнейшем пребывании скальда Мани в Норвегии ничего не известно. Высказывалось предположение (см.: *LH* II, 76), что он мог примкнуть затем к конунгу Сверриру Сигурдарсону (род. ок. 1150, правил 1184–1202), противнику Магнуса Эрлингссона, сменившему его на норвежском престоле, однако «Перечень скальдов» не упоминает Мани среди скальдов, сочинявших стихи в честь этого конунга. О возвращении Мани в Исландию известно из «Саги о Стурлунгах»: в ней приводится виса Мани, сложенная им ок. 1215 г., в которой говорится о дарах, посланных Снорри Стурлусону норвежским ярлом Хаконом Безумным за сочиненную тем хвалебную песнь («Сага

об исландцах», гл. 34). Еще одна приписываемая Мани виса цитируется в «Младшей Эдде» и в «Третьем грамматическом трактате» в качестве иллюстрации употребления скальдических кеннингов.

Рассказ о Мани – типичный анекдот о скальде-исландце, в котором последний развлекает норвежского конунга и его дружину, демонстрируя свое искусство импровизатора, а также знание поэтической традиции (см. также «Прядь о Халли Челноке», «Прядь о Стуве», «Прядь об Эйнаре сыне Скули» и «Прядь о Торарине Короткий Плащ»).

Перевод сделан М.И. Стеблин-Каменским (стихи в переводе О.А. Смирницкой) по изд.: Sverris saga etter Cod. AM 327 4to / Utg. G. Indrebø. Oslo, 1920. S. 90–91. Ранее перевод был опубликован в кн.: Сага о Сверрире / Изд. подг. М.И. Стеблин-Каменский, А.Я. Гуревич, Е.А. Гуревич, О.А. Смирницкая. М., 1988. С. 85–86.

[1] *Магнус конунг* – норвежский конунг Магнус сын ярла Эрлинга Кривого (см. примеч. 12 к «Пряди об Альбане и Сунниве»). См. о нем «Сагу о Магнусе сыне Эрлинга» в «Круге Земном», а также «Сагу о Сверрире».

[2] *...в Уннардюсе в Листи.* – Уннардюс – по-видимому, остров Хуммердюс к западу от Фарсунда; Листи (совр. Листа) – полуостров в Западном Агдире на юге Норвегии.

[3] *...князь державы ⟨...⟩ небесной...* – Бог.

[4] *...дорогой водорослей...* – морем.

[5] *Бьёргюн* – Берген.

[6] *– Хорошо ты сочинил, Месяц!* – Máni по-исландски означает «месяц»; играя его именем, конунг в обращении к скальду прибегает здесь к другому наименованию месяца – Tungl.

[7] *Рум* – Рим.

[8] *Вид у Мани был жалкий. Он был лыс, тощ и почти без одежды.* – Ср. схожее описание возвращающегося из паломничества в Рим героя в «Пряди об Аудуне с Западных Фьордов» (см. примеч. 7 к этой пряди).

[9] *...Сигурда Крестоносца, деда Магнуса конунга по матери...* – О Сигурде Крестоносце см. заключительные анекдоты предшествующего раздела, а также примеч. 33 к «Пряди о Раудульве».

[10] *...драпу ⟨...⟩ сочиненную Халльдором Болтуном.* – Халльдор Болтун – исландский скальд XII в., получивший свое прозвище за то, что он сочинил множество хвалебных песней о разных скандинавских правителях и знати. Согласно «Перечню скальдов», Халльдор складывал стихи в честь норвежских конунгов Магнуса Голоногого, его сыновей, Сигурда Крестоносца и Харальда Гилли (1130–1136), и сына последнего, Инги Горбуна (1136–1161), датского конунга Эйрика (II) Незабвенного (1134–1137), а также нескольких шведских правителей. До нас дошли фрагменты трех поэм Халльдора – о Сигурде Крестоносце и Харальде Гилли. Из упомянутой здесь драпы сохранились двенадцать строф.

[11] *...ворог мира...* – муж.

ПРЯДИ ИЗ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ ЧАСТИ «КНИГИ С ПЛОСКОГО ОСТРОВА»

ПРЯДЬ О ГРЕНЛАНДЦАХ

Прядь сохранилась в качестве отдельного рассказа в единственном списке в «Книге с Плоского Острова» (*Flat.* III, 443–454), где она открывает последнюю часть собрания, составленную священником Магнусом Торхалльссоном в 1388–1390 гг. Пряди предпослано заглавие «Grænlendingaþattr» («Прядь о гренландцах»), однако в кратком прологе к книге, в котором описывается ее содержание, Магнус называет этот рассказ иначе: «þaattr Einars Sokkasunar af Grænlandi» – «Прядь об Эйнаре сыне Сокки из Гренландии». Сразу же вслед за прядью в рукописи дан перечень епископов Гренландии, возглавляемый Арнальдом (он включает в себя 9 имен), а также перечень церквей, расположенных в разных местностях страны.

При том что мы не располагаем какими-либо сведениями о происхождении «Пряди о гренландцах», высказывалось предположение, что она была создана в первой половине XIII в. по устным рассказам некоторых участников описанных в ней событий, а ее автором мог быть Снорри Стурлусон (см.: Eyrbyggja saga / Útg. Einar Ólafur Sveinsson, Matthías Þórðarson. – *ÍF* IV. Bls. XCIII f.). Об отличающем этот рассказ внимании к подробностям ландшафта и топонимики Гренландии, сведения о которых скорее всего могли быть почерпнуты из свидетельств побывавших там исландцев, см.: *Gísli Sigurðsson.* Greenland in the Sagas of Icelanders: What Did the Writers Know – And How Did They Know It? // Висы дружбы: Сб. ст. в честь Т.Н. Джаксон / Под ред. Н.Ю. Гвоздецкой и др. М., 2011. С. 93–94).

Перевод выполнен по изд.: Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. II. bindi. Bls. 1110–1119. (Svart á hvítu). На русском языке рассказ был ранее опубликован в кн.: Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 год: Устная традиция в письменном тексте / Отв. ред. Г.В. Глазырина. М., 2013. С. 530–546.

[1] *...на Крутом Склоне...* – Местность в Восточном Поселении (ныне район Юлианехоба) в Эйриковом Фьорде; по сообщению «Саги о гренландцах», Крутой Склон был местом, где по прибытии в Гренландию в 80-е годы X в. поселился Эйрик Рыжий.

[2] *Эцур архиепископ* – Ассер, первый архиепископ Скандинавии (1104–1137), чья резиденция находилась в Лунде, в Дании (ныне в Швеции).

[3] *Одди* – хутор в южной части Исландии, в Средние века бывший одним из главных центров учености в стране; позднее в Одди воспитывался Снорри Стурлусон.

[4] *Сэмунд Мудрый* – см. примеч. 13 к «Пряди о Тидранди и Торхалле».

[5] *...на Островах...* – местность в долине Кривой Реки.

[6] *...резиденцию во Дворах...* – Епископство было учреждено во Дворах (Garðar), усадьбе в Восточном Поселении, в 1124 г.; в 1126 г. в нее прибыл Арнальд, первый епископ Гренландии. Согласно «Саге о гренландцах», ранее во Дворах жила дочь Эйрика Рыжего, Фрейдис; в этой саге упомянуто, что там «теперь живет епископ» (гл. 2).

[7] Лакуна в рукописи.

[8] *...в Западном Поселении...* – ныне район Готхоба; местность, занятая выходцами из Исландии вслед за Восточным Поселением после открытия Гренландии Эйриком Рыжим в 985 или 986 г.

[9] *Хермунд сын Кодрана* – согласно «Саге о людях из Лососьей Долины» (гл. 78), Хермунд (ум. 1197) был родовитым исландцем: он приходился внуком Хердис, дочери Болли и Тордис, и, стало быть, правнуком Снорри Годи; женой Хермунда была Ульвейд, дочь епископа Рунольва, а один из его сыновей, Кетиль, стал аббатом в монастыре Хельгафелль на западе Исландии.

[10] *Козлиная Гора* – это название неизвестно из других источников.

[11] *Длинный Мыс* – этот двор также упоминается в гренландском эпизоде «Саги о названых братьях» (гл. 21, 24).

[12] *...принял дело Симуна...* – т.е. взялся вчинить иск от его имени, поскольку Симун приходился родичем убитому.

[13] *...через Эйнаров Фьорд к Стоянке Скьяльга.* – Эйнаров Фьорд – фьорд в Восточном Поселении, расположенный к юго-востоку от Эйрикового Фьорда; назван по имени одного из первопоселенцев, прибывших с Эйриком Рыжим. В глубине Эйнарова Фьорда находилась усадьба Дворы. Стоянка Скьяльга больше нигде не упоминается.

[14] *Мера* (букв.: вес) равнялась 80 фунтам (ок. 40 кг).

[15] *...из-за разницы между ними...* – Имеется в виду разница в общественном положении: очевидно, Халль исходит из того, что в Гренландии Эйнар пользовался бóльшим уважением и влиянием, чем Эцур в Норвегии.

[16] *...привез из Гренландии белого медведя.* – Белый медведь считался большим сокровищем (см. «Прядь об Аудуне с Западных Фьордов» и примеч. 6 к этой пряди).

[17] *Харальд Гилли* – норвежский конунг (1130–1136), незаконнорожденный сын Магнуса Голоногого (см. примеч. 35 к «Пряди о Раудульве»).

[18] *...примкнул к Сигурду Слембидьякону ⟨...⟩ напал на конунга Харальда Гилли в его покоях и нанес ему удар.* – Сигурд Слембидьякон был претендентом на норвежский престол, конунг был убит во время этого нападения. В «Круге Земном» («Сага о Магнусе Слепом и Харальде Гилли», гл. 16) сказано, что первым конунгу нанес удар Ивар сын Кольбейна, имя же Кольбейна сына Торльота в связи с убийством Харальда не упоминается.

[19] *...буксир сорвало и Кольбейн утонул.* – «Сага о сыновьях Харальда Гилли» (гл. 6) также сообщает о гибели Кольбейна: «Сигурд Слембидьякон поплыл затем на юг в Данию, и тут погиб один человек с его корабля – Кольбейн сын Торльота из Батальда. Он был в лодке, привязанной к кораблю, а они плыли быстро...» (*КЗ*, 518).

ПРЯДЬ О ХЕЛЬГИ И УЛЬВЕ

«Прядь о Хельги и Ульве» («Helga þáttr ok Úlfs») сохранилась лишь в заключительной части «Книги с Плоского Острова», составленной в 1388–1394 гг., где она помещена после «Пряди о гренландцах» и предшествует «Саге об Эдварде Святом». В рукописи рассказ озаглавлен «Fra Helga ok Vlfi» – «О Хельги и Ульве» (*Flat.* III, 457). В отличие от прочих «прядей о крещении» и подобно другим повествованиям,

собранным в последней части этой компиляции, действие рассказа о Хельги и Ульве происходит за пределами Норвегии – на Оркнейских островах и в Ирландии. Прядь датируется XIV в.; высказывалось предположение, что, поскольку рассказ о Хельги и Ульве отсутствует в «Большой саге об Олаве Трюггвасоне», он мог быть сочинен в дидактических целях одним из компиляторов «Книги с Плоского Острова», священником Магнусом Торхалльссоном (*ÍF* XXXIV. Bls. CXXXVIII). Рассказ повествует о трех поколениях оркнейского рода и демонстрирует смену «обычаев» и нравов: Ульв Злой – грозный и беспощадный викинг, его недруг и впоследствии зять, Хельги сын Харальда, завоевывает симпатии тем, что щадит мелких бондов, а сын последнего Бард, внук Ульва, становится добрым христианином и возводится в епископский сан.

Перевод выполнен по изд.: Fornar smásögur úr noregskonunga sögum / E. Gardiner gaf út. Reykjavík, 1949. Bls. 206–211 и сверен с текстом пряди в «Книге с Плоского Острова» (*Flat.* III, 457–460). На русском языке прядь публикуется впервые.

[1] *Сигурд ярл сын Хлёдвира* – Сигурд Толстый, сын ярла Хлёдвира, сына ярла Торфинна Раскалывателя Черепов. Ярл Сигурд правил на Оркнейских островах в конце X – начале XI в. и пал в битве при Клонтарве под Дублином 23 апреля 1014 г. (см. описание этой битвы в «Саге о Ньяле», гл. 157). Под давлением будущего конунга Норвегии Олава Трюггвасона ок. 995 г. ярл Сигурд и все жители Оркнейских островов приняли христианство (см. об этом: *КЗ*, 128, 242).

[2] *Сандей* (совр. Санда) – самый большой из северо-западных островов архипелага.

[3] *...оправдывал данное ему имя.* – Не только прозвище, но и имя этого персонажа говорит о его жестокости: Úlfr означает «волк». Как было замечено (*ÍF* XXXIV. Bls. CXXXIX), имена и прозвища прочих персонажей рассказа также намекают на свойства их характеров: Ульву Злому (Úlfr illi) противопоставлены более мягкий Хельги (Helgi – от heilagr «священный») и миролюбивый Бард Красавец (Bárðr fagri).

[4] *Ринансей* (совр. Норт-Рональдсей) – самый северный из Оркнейских островов, лежащий близ о. Сандей.

[5] *Рёгнвальдсей* (совр. Саут-Рональдсей) – остров на юго-западе архипелага.

[6] *...путь к которому был весьма неблизкий...* – Из дальнейшего изложения можно понять, что дело происходит в Ирландии.

[7] *...вручил ему Писание.* – В оригинале plenarium – в Средние века пленарием называлась богослужебная книга, содержавшая «полный текст», который обычно включал в себя евангелия и послания с глоссами и комментариями.

ПРЯДИ ОБ ИСЛАНДЦАХ, НЕ ВХОДЯЩИЕ В СОБРАНИЯ «КОРОЛЕВСКИХ САГ»

ПРЯДЬ О ПИВНОМ КАПЮШОНЕ

«Прядь о Пивном Капюшоне» («Ölkofra þáttr») сохранилась в «Книге с Подмаренничных Полей» («Möðruvallabók», AM 132 fol., середина XIV в.), где она названа «сагой», а также более чем в десятке позднейших бумажных списков (в них она обычно именуется «прядью», как, например, в рукописи AM 554 c 4to 1650–1699 гг. –

«Ölkofra þáttur»). Рассказ озаглавлен «Сагой о Пивном Капюшоне» также и в некоторых изданиях, хотя чаще публикаторы называют его прядью (в том числе в *ÍF* XI).

По общему признанию, рассказ о Пивном Капюшоне – одна из самых ярких и совершенных в нарративном отношении историй из числа тех, действие которых происходит в Исландии. В отличие от целого ряда прядей этой группы, «Прядь о Пивном Капюшоне» – отдельное повествование, не входящее в состав какой-либо саги и не примыкающее непосредственно ни к одной из «семейных» (или «родовых») саг. Больше того, считается, что центральный эпизод этой пряди – разыгрывающаяся у Скалы Закона сцена перебранки – послужил образцом для аналогичной сцены в одной из более поздних саг – в «Саге о союзниках» («Bandamanna saga»). (См. о перебранке в этой пряди: *Sayers W.* Serial Defamation in Two Medieval Tales: The Icelandic «Ölkofra Þáttr» and The Irish «Scéla Mucce Meic Dathó» // Oral Tradition. 1991. Vol. 6. N 1. P. 35–57; *Гуревич Е.А.* От обвинения к повествованию: Особенности жанра перебранки в «прядях об исландцах» // Слово в перспективе литературной эволюции: К 100-летию М.И. Стеблин-Каменского / Отв. ред. О.А. Смирницкая. М., 2004. С. 43–70; *Она же.* Древнескандинавская новелла. С. 316–328.)

При том что, за исключением Торхалля по прозвищу Пивной Капюшон, все персонажи этой пряди – реальные исландские предводители, изложенную в ней историю считают вымыслом: трудно представить себе ситуацию, когда бы шестеро наиболее могущественных людей в стране, почтенных и умудренных годами и опытом мужей, среди которых были самые большие знатоки законов, стали бы затевать тяжбу с мелким бондом из-за случайно сожженного тем леса (об этом совместном владении годи более нигде не сообщается), причем не только не выиграли бы ее, но еще и натерпелись позора и поношений от двадцатилетнего покровителя своего противника. Кроме того, судя по всему, годи – владельцы леса и не смогли бы собраться все вместе на альтинге. Действие пряди должно было происходить ок. 1020 г., когда Торкеля Бахромы (а возможно, и Эйольва сына Торда – известно, что в 1000 г. он принимал крещение, уже будучи стариком) давно не было в живых. Как полагает издатель пряди, Йоун Йоуханнессон, нелестное изображение в ней исландских предводителей может указывать на то, что она была создана в середине XIII в., на закате эпохи исландского «народоправства», незадолго до того, как раздираемая усобицами между могущественными кланами страна утратила независимость и попала под власть Норвегии (1262–1264 гг.; см.: *ÍF* XI. Bls. XXXIV–XXXVIII).

Перевод сделан по изд.: Bandamanna saga und Ölkofra þáttr / Hrsg. von W. Baetke. Halle (Saale), 1960. Ранее перевод (здесь он печатается с некоторыми изменениями в передаче исландских топонимов) был опубликован в сб.: Корни Иггдрасиля. М., 1997; Исландские саги / Под ред. О.А. Смирницкой. СПб., 1999. Т. II. С. 437–446.

[1] *Синие Леса* – местность, прилегающая к Полям Тинга (см. примеч. 8 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога»).

[2] *...на тинге...* – т.е. на альтинге.

[3] *Гора Храфна* (Hrafnabjörg) – гора (вулкан), лежащая к востоку от Полей Тинга.

[4] *Длинный Склон* (Lönguhlíð) – одна из возвышенностей, расположенных восточнее Полей Тинга; этот топоним вышел из употребления.

[5] *Годи* – см. примеч. 11 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога».

[6] *Снорри Годи* – знатный исландец; см. о нем примеч. 1 к «Пряди о Тородде сыне Снорри». Здесь, помимо историй о его сыновьях, Снорри Годи также упоминается в «Пряди о Гуннаре Убийце Тидранди».

[7] *Гудмунд сын Эйольва* – см. примеч. 6 к «Пряди о Торвальде Путешественнике»; Гудмунд упоминается также в «Пряди о Тораринe сыне Невьольва» и в «Пряди о Болли».

[8] *Скафти Законоговоритель* – см. о нем примеч. 2 к «Пряди о Стейне сыне Скафти».

[9] *Торкель сын Гейтира* – о нем подробно рассказывается в «Пряди о Торстейне Бычья Нога» (см. там же примеч. 20) и в «Пряди о Гуннаре Убийце Тидранди».

[10] *Эйольв сын Торда Крикуна* – знатный исландец, упоминаемый в целом ряде саг (см. прежде всего «Сагу о Гисли»).

[11] *Торкель Бахрома сын Рыжего Бьёрна* – см. о нем примеч. 2 к «Пряди о Сигурде из Городищенского Фьорда».

[12] *Островной Фьорд* – см. примеч. 28 к «Пряди о Торвальде Путешественнике».

[13] *...Скафти 〈...〉 живет неподалеку.* – Скафти жил на хуторе Уступы на юго-западе Исландии.

[14] *...наступила весна и подошли дни вызова в суд...* – Вызов в суд производился не позднее чем за четыре недели до тинга.

[15] *Он потребовал, чтобы тот был объявлен вне закона.* – За непреднамеренное сожжение леса человека могли присудить к объявлению вне закона сроком на три года. Преднамеренное сожжение леса считалось тяжким преступлением и каралось пожизненным изгнанием. Лесов в Исландии было мало и в первый период после ее заселения, а потом они исчезли вовсе.

[16] *...зашел в землянку Торстейна сына Халля с Побережья...* – О Торстейне сыне Халля см. «Прядь о Торстейне сыне Халля с Побережья» и коммент. к этой истории, а также «Сон Торстейна сына Халля с Побережья». Землянка – см. примеч. 37 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».

[17] *...Бродди сын Бьярни, он был шурином Торстейна 〈...〉 Бродди было тогда двадцать лет.* – Бродди Бородач сын Бьярни, сына Бродд-Хельги (Шип-Хельги), был братом жены Торстейна Ингвильд. О Бродди рассказывается во многих историях, в том числе в «Саге о союзниках» и в «Саге о людях со Светлого Озера», а его отец Бьярни – один из персонажей «Пряди о Гуннаре Убийце Тидранди» (см. в наст. изд.). Предполагается, что Бродди родился ок. 998 г.

[18] *...были на лёгретте.* – См. примеч. 43 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».

[19] *...тебе придется просить меня разрешить нашу тяжбу.* – По исландским законам истец в некоторых случаях получал право сам вынести решение по делу и назначить штраф.

[20] *...у Скалы Закона.* – См. примеч. 3 к «Пряди о Сигурде из Городищенского Фьорда».

[21] *Мы хотим, чтобы вы получили по шесть локтей домотканого сукна...* – В XI в. при расчетах домотканое сукно (vaðmál) практически вытеснило серебро и стало основной «валютой» исландцев (а также одним из главных товаров, с которым они отправлялись в торговые поездки). Штраф в шесть локтей сукна равнялся одному эйриру (т.е. унции) серебра (см.: *Byock J.L.* Medieval Iceland. Los Angeles;

L., 1988. P. 28). Заплатить такое возмещение знатным людям значило нанести им серьезное оскорбление.

[22] *...за то что ты сложил его жене любовную драпу.* – Согласно исландским законам адресовать женщине (в том числе и незамужней) любовные стихи (так называемый мансёнг) считалось преступлением (см. примеч. 2 к «Пряди об Оттаре Черном»).

[23] *...отправился на весенний тинг...* – См. примеч. 15 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога».

[24] *Полуостровной Фьорд* – местность на севере Исландии.

[25] *...у Торкеля сына Эйрика.* – Торкель сын Эйрика из Боговых Долин (его генеалогия приводится в «Саге о Ньяле», гл. 119) был отцом Хавра Богатого и дедом Ингимунда, который упоминается в «Пряди о Торвальде Путешественнике» (гл. 7).

[26] *Старри из Боговых Долин* – см. о нем в «Пряди о Болли». Боговы Долины – см. примеч. 41 к «Пряди о Торвальде Путешественнике».

[27] *Озерная Долина* – местность на севере Исландии.

[28] *...так напуган, что обернулся кобылой...* – Обвинения в трусости и женоподобии (в том числе в превращении мужа в животное женского пола) считались тяжелейшим оскорблением (см. примеч. 38 к «Пряди о Торвальде Путешественнике»).

[29] *...когда ты и за отца-то своего не отомстил.* – Такое же обвинение бросает Снорри Годи Скарпхедин в «Саге о Ньяле» (гл. 119; ср.: «Но ты лучше бы отомстил за смерть своего отца, чем пророчествами заниматься», *ИС* II, 254). Снорри Годи родился после того, как его отец Торгрим был убит Гисли сыном Кислого. Об этих событиях рассказывается в «Саге о Гисли» (*ИС* I, 528).

[30] *...не зря ты носишь свое имя...* – Бродди был назван в честь своего деда Бродд-Хельги, убитого его двоюродным братом Гейтиром, отцом Торкеля.

[31] *...отец твой в конце концов получил за это по заслугам. Да и тебе нетрудно будет нащупать то, чем отметил тебя мой отец в Долине Битвы.* – Гейтир был убит Бьярни, отцом Бродди. Попытка Торкеля отомстить за отца привела к столкновению в Долине Битвы (в Оружейном Фьорде на северо-востоке Исландии), где Торкель и Бьярни были ранены. Об этом рассказывается в «Саге о людях из Оружейного Фьорда».

[32] *...через Киль в Полуостровной Фьорд ⟨...⟩ а там через Подмаренничную Пустошь.* – Бродди описывает путь с юга страны на север и далее на северо-восток.

[33] *...чтобы тот ехал через Пески...* – Торкель предлагает Бродди избрать другой путь домой в Восточные Фьорды: не заезжать на север в Полуостровной и Островной Фьорды, а двинуться прямиком на восток через центральную часть острова.

[34] *...на север через Бычью Пустошь. Был с ними и Эйнар сын Эйольва, тесть Торкеля. Они подъехали к Поперечной Реке...* – Упомянутые здесь местности лежат к югу от Островного Фьорда. Эйнар сын Эйольва – родовитый исландец, обычно именуемый Эйнаром с Поперечной Реки, брат Гудмунда Могучего (см. о нем примеч. 4 к «Пряди о Торарине сыне Невьольва»). Торкель сын Гейтира был женат на дочери Эйнара, Йорунн.

[35] *...до самой Дрожащей Реки.* – Местность к юго-востоку от Обжитого Залива на севере Исландии. Эйнар, таким образом, не остался на своем дворе у Поперечной Реки, но и дальше сопровождал Торкеля и Бродди на восток, пока не убедился, что те в безопасности.

[36] *...Торкель и Бродди не останавливались, пока не приехали к себе на восток в Оружейный Фьорд.* – Оружейный Фьорд – местность в восточной четверти Исландии. Двор Торкеля находился в Крестовом Заливе в Оружейном Фьорде.

ПРЯДЬ О ГУННАРЕ УБИЙЦЕ ТИДРАНДИ

«Прядь о Гуннаре Убийце Тидранди» («Gunnars þáttr Þiðrandabana») датируют первой четвертью XIII в., однако сохранилась она лишь в бумажных списках, сделанных с утраченной средневековой рукописи, самые ранние из которых относятся к XVII в. (AM 156 fol., 1600–1700 гг.; AM 496 4to, ок. 1640 г.; AM 158 fol., ок. 1650 г., и др. – всего имеется около полутора десятков списков пряди). В заключение рассказ назван «сагой», так же он именуется в части рукописей, а вслед за ними в некоторых изданиях и в литературе, однако издатели «Íslenzk fornrit» (Austrfirðinga sögur / Jón Jóhannesson gaf út. Reykjavík, 1950. Bls. LXXXVI. (*ÍF* XI)) и «Íslendinga sögur og þættir» называют его «прядью», главным образом за малый размер. В более ранних публикациях и переводах (XIX в.) можно встретить и другое заглавие истории о Гуннаре Убийце Тидранди – «Сага о людях с Залива Ньёрда» («Njarðvikingasaga»). Этим своим названием рассказ обязан ссылке на соответствующий источник в посвященном Гуннару эпизоде «Саги о людях из Лососьей Долины» (гл. 69), где говорится о том, как этот норвежец получил приют и защиту на западе Исландии у Гудрун дочери Освивра, а затем был отправлен ею и ее мужем Торкелем сыном Эйольва из страны. Сообщая в начале этого эпизода о том, что «Гуннар был объявлен вне закона из-за убийства Тидранди сына Гейтира с Крестового Залива», автор отсылает читателя к повествованию об этих событиях – «как об этом рассказывается в саге о людях с Залива Ньёрда». Нет, однако, достаточных оснований отождествлять упомянутую утраченную сагу – предполагается, что она должна была появиться не позднее первой четверти XIII в., – с ныне известной «Прядью о Гуннаре Убийце Тидранди»: этому противоречит как «самоназвание» нашей истории, согласно которому ее главным героем был норвежец Гуннар, попавший в беду в Исландии и спасающийся от преследования могущественных врагов, так и отдельные несовпадения между заключительным эпизодом нашего рассказа и соответствующей главой «Саги о людях из Лососьей Долины», очевидно указывающие на то, что автор последней использовал иной источник, нежели «Прядь о Гуннаре Убийце Тидранди».

Помимо «Саги о людях из Лососьей Долины» (ок. середины XIII в.), включающей в себя несколько отличную версию одного из эпизодов рассказа о Гуннаре, история об убийстве Тидранди и последующих попытках его родичей разыскать и наказать его убийцу изложена полностью в явно более поздней – предположительно созданной во второй половине XIV или в XV в. и также известной лишь из списков XVII в. – «Саге о людях из Речной Долины» («Fljótsdæla saga»). Здесь эта история не только вставлена в более широкий контекст (ей отведены 8 из 26 глав саги) и изобилует множеством новых деталей, но и немало отличается от рассказанной в пряди (см. коммент.). Не исключено, что «Сага о людях из Речной Долины» имела какое-то отношение к утраченной «Саге о людях с Залива Ньёрда» или даже основывалась на каком-то ее варианте; как бы то ни было, наличие нескольких не связанных между

собой текстов, отчасти по-разному трактующих одни и те же события, с большой вероятностью указывает на бытование предшествующих записи этих текстов устных рассказов. Видимо, это подтверждает и замечание автора пряди о неких известных ему иных версиях сообщаемой им истории (гл. 4).

Рассказ о Гуннаре Убийце Тидранди совмещает в себе типичные черты «саг об исландцах» с некоторыми характерными чертами «прядей об исландцах». Как это сплошь и рядом бывает в «семейных сагах», причиной вспыхивающего конфликта и гибели именитых и благородных героев становится некий незначительный человек, второстепенный персонаж (здесь это работник Асбьёрн Молот), чье недостойное поведение приводит к трагическим событиям. Заметим, однако, что развертыванию этого собственно сагового конфликта в рассказе отводится немногим более трети всего повествования, тогда как около двух его третей занимает история невольного убийцы Тидранди, норвежца Гуннара, которая имеет счастливый конец и в своих основных моментах немало напоминает «пряди о поездках из страны» – истории об исландцах в Норвегии, рассказывающие об их конфликтах с сильными мира сего, из которых они обычно выходят целыми и невредимыми. Есть все основания видеть в «Пряди о Гуннаре» своего рода «зеркальное» отражение истории об исландце на чужбине: действие в ней происходит не в Норвегии, а в Исландии, и вместо героя-исландца в центре повествования оказывается герой-норвежец, преследуемый могущественным предводителем округи, а также его изобретательный помощник, который, рискуя жизнью, укрывает его от преследователей (сцены перепрятывания Гуннара заставляют вспомнить «Прядь об Одде сыне Офейга»). Наконец, как часто бывает в этом типе рассказов, среди помощников героя присутствует знатная женщина, ради его спасения готовая вступить в конфликт с собственным мужем (ср., например, «Первую прядь о Халльдоре сыне Снорри» и «Прядь о Стейне сыне Скафти»). Все сказанное позволяет отнести рассказ о Гуннаре к жанру прядей.

Ранее прядь переводилась на русский язык А.В. Циммерлингом как «Сага о Гуннаре Убийце Тидранди» и была опубликована в изд.: Исландские саги / Пер., ред. и коммент. А.В. Циммерлинга. М., 2000. С. 254–265; коммент. на с. 382–385. Для настоящего собрания перевод сделан нами по изд.: Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2135–2144. (Svart á hvítu) (текст по рукописям AM 156 fol. и AM 496 4to).

[1] *...Кетиль, по прозвищу Гром.* – Кетиль Гром сын Тидранди Мудрого (Старого), внук Кетиля Грома сына Торира Глухаря (см. о нем в «Пряди о Брандкросси»), родовитый исландец, о котором рассказывается в ряде саг, в том числе в «Саге о сыновьях Дроплауг», в «Саге о людях из Речной Долины» и в «Саге о Ньяле» (гл. 96, 134); Кетиль был шурином Халля с Побережья.

[2] *Залив Ньёрда* – местность в Восточных Фьордах к северу от Городищенского Фьорда.

[3] *Жену его звали Торгерд. Их сыновей звали Торкель и Эйольв.* – По другому сообщению (ср. «Сага о Ньяле», гл. 134), сыновьями Кетиля Грома были Торкель Мудрейший и Торвальд (последний был убит на альтинге), а их мать звали Ингвильд.

[4] *...мальчик по имени Тидранди, он был сыном Гейтира...* – Тидранди был сыном Гейтира сына Лютинга с Крестового Залива и Халлькатлы дочери Тидранди Муд-

рого, сестры Кетиля Грома; другим сыном Гейтира был появляющийся в следующих главах пряди могущественный исландский предводитель Торкель, о котором рассказывалось в «Пряди о Торстейне Бычья Нога», а также в «Пряди о Пивном Капюшоне».

[5] *Восточные Фьорды* – см. примеч. 1 к «Пряди о Торстейне с Восточных Фьордов».

[6] *...Бьёрн сын Корека...* – В «Саге о людях из Речной Долины» (гл. 15), где также рассказывается об убийстве Тидранди, говорится о человеке по имени Торбьёрн Корек (его прозвище, по-видимому, означает «волопас»), чьими сыновьями были Гуннстейн и Торкель.

[7] *Долина Обвалов* – долина между Китовым Фьордом и верхним течением Озерной Реки на востоке Исландии. По мнению издателя пряди, Йоуна Йоуханнессона (*ÍF* XI. Bls. XCI), место жительства Бьёрна указано неверно и это отражает приблизительное знание топографии Восточной Исландии: как он считает, рассказ, вероятнее всего, был создан в западной части страны.

[8] *Был там среди собравшихся человек по имени Торир, его прозвали Ездок-в-Англию.* – По-видимому, это тот самый Торир Ездок-в-Англию, о котором говорится во «Второй пряди о Халльдоре сыне Снорри», там он появляется уже глубоким стариком, не способным более выполнять свои обязанности дружинника (действие этой пряди относится к середине XI в.). В рассказе о Гуннаре утверждается, однако, что Торир был убит во время столкновения в Заливе Ньёрда. Издатель пряди считает, что автор рассказа о Халльдоре заимствовал этого персонажа из истории о Гуннаре, забыв, что, согласно последней, Торир погиб задолго до действия его рассказа (см.: *ÍF* XI. Bls. LXXXVII f.).

[9] *...гостил у Бродд-Хельги.* – Ко времени действия этого рассказа Бродд-Хельги уже не было в живых – он был убит Гейтиром, отцом Торкеля (см. «Прядь о Пивном Капюшоне», примеч. 30, 31).

[10] *Он назвался Асбьёрном по прозванию Молот.* – В «Саге о людях из Речной Долины» (гл. 15) прозвище Асбьёрна объясняется тем, что он был большой мастер возводить ограды: по утверждению рассказчика саги, некоторые из сооруженных им оград «и по сей день стоят в Восточных Фьордах».

[11] *...жил у Асгрима сына Ладейного Грима.* – Об этом знатном исландце говорится во многих сагах (см., например, «Сагу о Ньяле»).

[12] *...попросил их подыскать ему какое-нибудь жилище.* – Имеется в виду аренда хутора и земли, на которой Асбьёрн собирался вести хозяйство самостоятельно. В «Саге о людях из Речной Долины» желание Асбьёрна Молота жить своим домом объясняется тем, что у него была семья и его жена ждала ребенка. В дальнейшем Асбьёрн убегает от своей семьи, бросая ее на попечение сыновей Корека, чем вызывает их недовольство, и нанимается возводить стену к Кетилю Грому.

[13] *Летом Торир отправился взыскивать долги.* – Речь идет о долгах за проданные в кредит товары: при заключении сделки покупатель обычно вносил лишь часть суммы, а оставшуюся часть уплачивал продавцу позднее, в установленный им срок (зачастую спустя несколько месяцев).

[14] *...приехали сюда в сопровождении нескольких свидетелей и вызвали его на суд.* – См. примеч. 18 к «Пряди о Хромунде Хромом».

[15] *...Широкий Залив, что лежит между Обжитым Заливом и Городищенским Фьордом...* – местности на восточном побережье Исландии к югу от Оружейного Фьорда.

[16] *У Корека было трое сыновей: Бьёрн, Торфинн и Халльдор.* – См. примеч. 6.

[17] В «Саге о людях из Речной Долины» этот эпизод излагается иначе: впав в ярость от подстрекательств Асбьёрна Молота, обвинившего его в трусости, Кетиль бросается на своего племянника Тидранди, и, несмотря на попытки того примириться с Кетилем, дело заканчивается тем, что, защищаясь, Тидранди наносит своему дяде смертельную рану. После боя один из братьев – сыновей Корека, Гуннстейн, убивает Асбьёрна, а его брат Торкель умирает от полученных ран (гл. 16).

[18] *Торкель сын Гейтира* – см. примеч. 4.

[19] *...на Торкеле сыне Кетиля был плащ.* – В оригинале ошибка: «На Торкеле сыне Гейтира».

[20] *...сказал, что это его кровь на плаще.* – Об аналогичной уловке рассказывается в «Саге о Глуме Убийце» (гл. 14). Считается, что этот мотив мог быть заимствован из «Disciplina clericalis» («Учительной книги клирика», начало XII в.) Петра Альфонси, где молодой человек испытывает верность своего друга, убивая теленка и выдавая его кровь за человеческую (ср.: Islenzk ævintyri. Isländische Legenden, Novellen und Märchen / Hrsg. H. Gering. Halle a. S., 1882. Bd. I. S. 164 f., 286 f. (nr. L, XCI).

[21] *...им пришлось посуетиться вокруг мертвеца.* – Тело убитого полагалось прикрыть.

[22] *...человек по имени Свейнки...* – В «Саге о людях из Речной Долины» (гл. 19–20), где рассказывается о тех же событиях, и в «Саге о сыновьях Дроплауг» (гл. 6) он назван Свейнунгом (Свейнки – уменьшительная форма).

[23] *Некоторые рассказывают, что в этой поездке вместе с Торкелем был Хельги сын Дроплауг, его родич, однако нам неизвестно, так ли это.* – Об этом рассказывается в более поздней «Саге о людях из Речной Долины» (гл. 18–20), где родичи Торкеля сына Гейтира – Хельги со своим братом Гримом, сыновья Дроплауг, не просто принимают участие в поисках Гуннара, убийцы их двоюродного брата Тидранди, но берутся вместо Торкеля отыскать его и самостоятельно раз за разом являются с обысками к Свейнунгу (Свейнки). Согласно исландским анналам, однако, описываемые в пряди события должны были происходить ок. 1007 г. (этим годом в них датируется и убийство Кетиля Грома и Тидранди и объявление Гуннара вне закона на альтинге, о чем в пряди будет сказано далее), тогда как Хельги сын Дроплауг пал в 998 г.

[24] Троекратное перепрятывание Гуннара Свейнки и ни к чему не приводящие обыски его преследователей напоминают сцены поисков запрещенного груза в «Пряди об Одде сыне Офейга», а также аналогичный эпизод в «Саге о Ньяле» (о последнем см. примеч. 8 к упомянутой пряди). Это сходство особенно заметно в интерпретации этих же эпизодов истории о Гуннаре в более поздней «Саге о людях из Речной Долины» (гл. 19): и тут преследователи (здесь это сыновья Дроплауг) всякий раз догадываются, где Гуннар скрывался во время их прошлого посещения.

[25] *...я хочу отправить тебя к Хельги сыну Асбьёрна, моему другу.* – Хельги сын Асбьёрна, внук Храфнкеля Годи Фрейра (героя одноименной саги), один из главных персонажей «Саги о сыновьях Дроплауг»; в последней Свейнунг представлен как друг Хельги сына Дроплауг – врага Хельги сына Асбьёрна.

[26] *...Хельги спит там, и у тех, кто приходит к нему за помощью, в обычае стучаться в эту дверь. Тогда он сам подойдет к двери...* – Как рассказывалось в «Саге о сыновьях Дроплауг» (гл. 11), ради собственной безопасности Хельги распорядился сделать себе спальную каморку «с засовом».

[27] *Узкий Мыс* – местность на восточном берегу Озерной Реки, где жил Хельги сын Асбьёрна.

[28] *...сказал Тордис, своей жене ⟨...⟩ могу ли я доверить тебе Гуннара на то время, что буду в отъезде.* – Тордис Медный Грош, дочь Бродд-Хельги и сестра Бьярни, была второй женой Хельги сына Асбьёрна (см. «Сагу о сыновьях Дроплауг»). Сомнения Хельги объясняются тем, что Тордис и Бьярни состояли в близком родстве с преследователем Гуннара, Торкелем сыном Гейтира: их мать Халла приходилась родной сестрой Гейтиру, отцу Торкеля. Появляющийся в следующей сцене Бьярни сын Бродд-Хельги – отец Бродди, одного из главных персонажей «Пряди о Пивном Капюшоне».

[29] *В то же лето на тинге он был объявлен вне закона...* – Под «тингом» здесь подразумевается альтинг, всеисландское народное собрание; объявление вне закона означало, что человек мог быть убит и за его убийство не полагалось уплачивать возмещение.

[30] *А спустя недолгое время вспыхнула ссора между Хельги сыном Асбьёрна и Гримом сыном Дроплауг, так что Хельги был убит.* – В «Саге о сыновьях Дроплауг» (гл. 13) рассказывается, что Грим сразил Хельги сына Асбьёрна у него в доме из мести за убийство его брата Хельги сына Дроплауг. Согласно анналам, это произошло в 1007 г., однако, по сообщению этой саги, не на хуторе у Узкого Мыса, а на новом дворе Хельги – в Песках.

[31] *...на запад к Священной Горе, к Гудрун дочери Освивра...* – На хуторе у Священной Горы (Хельгафелль) на Мысу Снежной Горы (Снефелльснес) в Широком Фьорде в западной четверти Исландии в то время жила Гудрун дочь Освивра – одна из самых выдающихся исландок «века саг», героиня «Саги о людях из Лососьей Долины» (здесь она упоминается также в «Пряди о Стуве», см. примеч. 1). До переселения туда Гудрун с сыновьями и Освивра двор у Священной Горы принадлежал Снорри Годи (об обмене земельными владениями между двумя знатными семействами сообщается в «Саге о людях из Лососьей Долины», гл. 56).

[32] *...когда состоялась помолвка Гудрун с Торкелем сыном Эйольва.* – Торкель сын Эйольва – родовитый и богатый исландец, упоминаемый во многих сагах (об отце Торкеля, Эйольве сыне Торда Крикуна, см. в «Пряди о Пивном Капюшоне»). Исландские анналы относят свадьбу Гудрун и Торкеля к 1008 г.

[33] *Снорри Годи, друг Гудрун, также находился там, так что вместе у них обоих была сотня человек.* – См. о Снорри Годи примеч. 1 к «Пряди о Тородде сыне Снорри». Этот эпизод излагается также в «Саге о людях из Лососьей Долины» (гл. 68–69); согласно сообщению этой саги, Снорри явился на свадебный пир в сопровождении шести десятков человек, а у Гудрун было еще больше народу, чем у него.

[34] В «Саге о людях из Лососьей Долины» (гл. 69) этот эпизод излагается в больших подробностях и несколько иначе: Торкель сын Эйольва приказывает своим людям схватить Гуннара, но Гудрун приходит к тому на помощь и велит своим людям «не щадить никого». В результате вмешательства Снорри Годи конфликт между женихом

и невестой удается погасить, и следующей весной Торкель по настоянию Гудрун дает Гуннару корабль со всем снаряжением и товарами и отправляет его в Норвегию. В заключение эпизода говорится, что Гуннар был очень богатым, «могущественным и достойным человеком». В «Саге о людях из Речной Долины» (гл. 21) этот эпизод отнесен к тому времени, когда Гудрун и Торкель сын Эйольва были уже женаты; Гуннар прибывает на хутор у Священной Горы в отсутствие Торкеля, ранее пообещавшего своему другу Торкелю сыну Гейтира убить Гуннара, если тот ему встретится. Обнаружив Гуннара у себя дома, Торкель пытается зарубить его секирой, но Гудрун встает на его защиту, угрожая расправиться с каждым, кто посмеет его тронуть, после чего Торкель успокаивается и Гуннар остается у них на зиму, а затем получает в подарок корабль и возвращается в Норвегию.

[35] *Гуннар уехал в Норвегию и никогда больше не приезжал в Исландию.* – В «Саге о сыновьях Дроплауг» (гл. 14) упоминается Гуннар Норвежец, которого, будучи в Норвегии, должен был остерегаться Грим сын Дроплауг – убийца Хельги сына Асбьёрна, скрывавшего у себя Гуннара Убийцу Тидранди. Нет сомнений в том, что Гуннар Норвежец и Гуннар Убийца Тидранди – одно лицо.

ПРЯДЬ О БОЛЛИ СЫНЕ БОЛЛИ

«Прядь о Болли сыне Болли» («Bolla þáttr Bollasonar») приводится вслед за «Сагой о людях из Лососьей Долины» («Laxdæla saga», середина XIII в.), к которой она примыкает, в части средневековых рукописей этой саги (так называемой группе «Y»), в том числе в важнейшей из них – в «Книге с Подмаренничных Полей» («Möðruvallabók», AM 132 fol., 1330–1370 гг.). Рассказ о Болли сопровождает сагу и в ряде поздних списков, сделанных со средневековых манускриптов (например, в ÍB 71 4to, 1700–1750(?) гг. и в Lbs 1442 4to, 1720–1740 гг.). При этом «Прядь о Болли сыне Болли» не может быть сочтена изначально присутствовавшей в этой саге заключительной частью ее повествования, поскольку она отсутствует в другой группе рукописей «Саги о людях из Лососьей Долины» (так называемой группе «Z»; см. подробнее: *ÍF* V. Bls. LXXII ff.). Прядь датируют концом XIII – началом XIV в.

Главный герой пряди, Болли Горделивый, сын Болли сына Торлейка и Гудрун дочери Освивра, центральных персонажей «Саги о людях из Лососьей Долины», родился ок. 1007 г., уже после гибели своего отца; о смерти Болли (произошедшей до 1066 г.) сообщается в заключение «Пряди о Халли Челноке», где сказано, что он был дружинником конунга Харальда Сурового. Неизвестно, когда Болли во второй раз покинул Исландию и отправился в Норвегию, чтобы поступить на службу к этому государю. Согласно «Саге о людях из Лососьей Долины», в первый раз Болли уехал из страны вскоре после свой женитьбы на Тордис, дочери Снорри Годи (ок. 1025), состояшейся, когда ему было немногим более 18 лет. После краткого пребывания в Норвегии при дворе Олава Святого, назвавшего Болли самым выдающимся человеком, который за все время его жизни приезжал из Исландии, Болли отправился в Миклагард (Константинополь) и поступил там на службу в варяжскую дружину, где, по сообщению саги, он провел «много лет и выказывал себя во всех испытаниях как самый отважный воин и всегда был первым среди других» (гл. 73). Болли, однако,

должен был пробыть на востоке не долее чем до 1030 г.: в саге сказано, что он возвратился домой за год до кончины своего тестя Снорри Годи, умершего в 1031 г. и перед смертью завещавшего ему свою усадьбу Междуречье (см. комментарии). Описываемые в пряди события происходят уже после смерти Снорри Годи, очевидно в 30-е годы XI в. Оправдывая свое славное происхождение и данное ему прозвище, Болли предстает в этом рассказе как благородный и гордый исландец, оказывающий помощь своим родичам и отважно отстаивающий свою честь.

Перевод сделан по изд.: Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2090–2101. (Svart á hvítu) (в этом издании прядь опубликована отдельно от саги). На русском языке прядь публикуется впервые.

[1] *...когда Болли сын Болли жил в Междуречье, как уже было сказано ранее...* – Междуречье – Тунга (Tunga) – название хутора в Лососьей Долине на западе Исландии, приобретенного Болли, отцом Болли (см. гл. 51 «Саги о людях из Лососьей Долины»); в дальнейшем в результате обмена усадьбами между двумя знатными семействами хозяином этого двора стал Снорри Годи, который закончил здесь свои дни, перед смертью передав его Болли, своему зятю, о чем рассказывается в заключительной главе саги.

[2] *...на севере в Полуостровном Фьорде жил на Большом Дворе Арнор Старухин Нос, сын Бьёрна сына Торда с Мыса.* – Полуостровной Фьорд – местность в северной четверти Исландии; об Арноре Старухин Нос см. «Прядь о Свади и Арноре Старухин Нос»; о Торде с Мыса см. примеч. 5 к «Пряди о Торвальде Путешественнике».

[3] *...в честь Олава Павлина...* – Олав Павлин сын Хёскульда, родовитый исландский предводитель, один из героев «Саги о людях из Лососьей Долины», отец Кьяртана.

[4] *...со Стадного Холма.* – О хуторе Стадный Холм (Хьярдархольт) см. примеч. 21 ко «Второй пряди о Халльдоре сыне Снорри».

[5] *Долина Хьяльти* – местность на севере Исландии на восточной стороне Полуостровного Фьорда; в Полуостровном Фьорде расположены и прочие упоминаемые здесь дворы.

[6] *...ездил на тинг вместе с сыновьями Хьяльти.* – Т. е. был их «тингманном» (см. примеч. 11 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога»).

[7] *– Они только что возвратились с устроенной ими тризны, на которой сидело великое множество народу, двенадцать сотен человек.* – Об этой тризне, самой многолюдной из когда-либо устроенных в Исландии, упоминается в нескольких сагах, в том числе в гл. 27 «Саги о людях из Лососьей Долины» (там она сравнивается с пышной тризной, устроенной сыновьями Хёскульда, на которую съехались девять сотен человек), а также в «Книге о заселении страны» (*Land.*, 238). Во всех этих сообщениях говорится, что на тризну, устроенную сыновьями Хьяльти, были приглашены двенадцать сотен человек, причем речь идет о так называемых больших сотнях (120): число гостей равнялось, таким образом, 1440.

[8] *Старри из Боговых Долин* – этот Старри упоминается также в «Пряди о Пивном Капюшоне» (гл. 3). Боговы Долины – см. примеч. 41 к «Пряди о Торвальде Путешественнике».

[9] *Торвальд поехал на тинг...* – Речь идет о местном весеннем тинге, на котором решались тяжбы жителей округи (см. примеч. 15 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога»).

Тинг, на который поехал Торвальд, собирался на Цаплином Мысе в южной части Полуостровного Фьорда (см. примеч. 44 к «Пряди о Торвальде Путешественнике»).

[10] *Три марки* – см. примеч. 14 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде».

[11] *Бараний Фьорд* – местность на севере Исландии, лежащая к западу от Полуостровного Фьорда (см. «Прядь о Хромунде Хромом» и «Прядь о Храфне сыне Гудрун»).

[12] *...подпоясывается мечом Ногорезом.* – Драгоценный меч Ногорез (Фотбит), унаследованный Болли от отца, многократно упоминается в «Саге о людях из Лососьей Долины». Согласно описанию этого меча в гл. 77 этой саги, его «крестовина и навершие были украшены золотой резьбой, а рукоятка была обвита золотой нитью». Рассказывается, что первоначально меч принадлежал знаменитому викингу Гейрмунду Грохоту, женившемуся на Турид, дочери Олава сына Хёскульда (Олава Павлина), и был похищен ею и подарен Болли. Утратив Ногорез, Гейрмунд наложил на него заклятье («пусть этот меч отнимет жизнь у того мужа в вашей семье, чья смерть будет для вас самой тяжкой утратой и причиной самых больших несчастий», гл. 30: *ИС* I, 283); заклятье исполнилось: этим мечом Болли убил Кьяртана.

[13] *Гудмунд Могучий* – см. примеч. 6 к «Пряди о Торвальде Путешественнике».

[14] *Он был сыном Сланцевого Нарви.* – О Сланцевом Нарви (Hellu-Narfi), жившем в Сварвадардале на севере Исландии, упоминается в «Саге о Льоте с Полей».

[15] *Завтрачный Мыс* – Дёгурдарнес (Dögurðarnes) – мыс в Широком Фьорде в устье Лощинного Фьорда. Как рассказывается в «Саге о людях из Лососьей Долины» (гл. 5), мыс получил такое название потому, что здесь «подкрепились пищей» Унн Мудрая и ее спутники, когда впервые прибыли на запад страны, чтобы занять там земли.

[16] *...в руке он держал отличное копье, Подарок Конунга.* – В «Саге о людях из Лососьей Долины» (гл. 73) рассказывается, что прежде чем отправиться в Миклагард (Константинополь), где он пробыл долгие годы, служа в варяжской дружине, Болли провел некоторое время в Норвегии у конунга Олава Харальдссона (Олава Святого). При этом сказано, что «конунг дал Болли богатые подарки на прощанье». Позднее в саге описываются роскошное одеяние и рыцарские доспехи, в которых Болли возвратился в Исландию из Византии, и упоминается пика, которую он держал в руке, «как это принято в других странах» (гл. 77).

[17] *...сопровождать вас до Пустоши Долины Хель.* – Имеется в виду горная дорога на северо-восток из Полуостровного Фьорда, на восточной стороне которого находился Большой Двор, где жил Арнор, в долину Сварвадардаль в Островном Фьорде, куда направлялся Болли.

[18] *– Нелепое это имя...* – Bolli означает «чаша, кубок».

[19] *...начинает произносить вызов на суд.* – См. примеч. 18 к «Пряди о Хромунде Хромом».

[20] *...дольше, чем полмесяца, кормился за чужой счет 〈...〉 обвиняет Болли в бродяжничестве.* – Исландские законы осуждали бродяжничество и попрошайничество: за бесцельное странствование по четверти в течение полумесяца или долее, а также за переход в другую четверть сроком на один месяц без какой-либо цели полагался штраф; если здоровый и способный работать человек превращался в бродягу, т. е. переходил от двора к двору в поисках крова и пропитания, его следовало объявить вне

закона (см.: Þingskapa-þáttr, K 82 // Laws of Early Iceland: Grágás / Transl. by A. Dennis a. o. Winnipeg, 1980). Обвинение знатного и богатого предводителя, каким был Болли, в бродяжничестве, являлось тяжелейшим оскорблением.

[21] *Подмаренничные Поля* – местность и название двора Гудмунда сына Эйольва в Островном Фьорде на севере Исландии.

[22] *...конунг греков.* – Т.е. византийский император.

[23] *Побережье Гальма* – местность на западной стороне Островного Фьорда, названная по имени одного из первопоселенцев.

[24] *На Полях в Сварвадардале жил человек по имени Льот.* – Льот сын Льотольва; об этом видном исландце, предводителе данной местности, имеется особая сага – «Сага о Льоте с Полей»; кроме того, Льот упоминается в «Саге о людях из Сварвадардаля».

[25] *...когда собирался с кем-нибудь биться, одевался в синее...* – Синий – цвет Хель (Хель – великанша-смерть и царство мертвых); в сагах нередко сообщается, что, собираясь биться с врагами или совершить убийство, человек облачается в синюю одежду (прилагательное blár означает «темно-синий» или «иссиня-черный»). Аналогичное описание Льота имеется и в саге о нем (гл. 2), где к сказанному здесь добавлено, что когда Льот был в хорошем расположении духа, он одевался в коричневое и брал в руки не секиру, а «выложенную» (т. е. инкрустированную драгоценными металлами) алебарду.

[26] *...обязан уплатить ему стоимость пятнадцати сотен и еще трех локтей домотканого сукна.* – См. примеч. 21 к «Пряди о Пивном Капюшоне».

ПРЯДЬ О БРАНДКРОССИ

«Прядь о Брандкросси» («Brandkrossa þáttr») известна только из двух с половиной десятков бумажных списков, самые ранние из которых не старше середины XVII в. При этом принято считать, что прядь была создана не позднее чем в конце XIII в. Рассказ, как следует из открывающих его слов («Мы начинаем сагу о двух Хельги...») и содержания его на первый взгляд никак не связанных между собой частей – истории приобретения Хельги сыном Асбьёрна Оддова Двора (гл. 1) и собственно истории о быке Брандкросси и его владельцах, предках сыновей Дроплауг (гл. 2–3), – был добавлен в качестве своего рода пролога к написанной ранее «Саге о сыновьях Дроплауг» (начало XIII в.). Не случайно в части рукописей он не только предпослан ей, но и носит соответствующее заглавие: «Þáttur af Brandkrossa og um uppruna Droplaugarsona» – «Прядь о Брандкросси и о происхождении сыновей Дроплауг», как, например, в AM 164 k fol. (1690–1697). Можно, однако, не сомневаться в том, что, хотя «Прядь о Брандкросси» и примыкает к этой саге, она представляет собой самостоятельное повествование. На то, что прядь изначально не являлась частью саги, указывают некоторые бросающиеся в глаза расхождения между двумя текстами (см. коммент.), свидетельствующие о том, что их авторы отчасти опирались на разные источники. Поскольку средневековые рукописи пряди не сохранились, невозможно судить о том, приводилась ли она в них исключительно как дополнение к «Саге о сыновьях Дроплауг» или также и отдельно от нее. Однако, судя по уцелевшим позд-

ним спискам, составители сборников саг рассматривали прядь в двух качествах – то как рассказ, так или иначе связанный с этой сагой («пролог» или «эпилог» к ней), то как независимый от этой саги текст. На последнее указывает то обстоятельство, что в целом ряде рукописей «Прядь о Брандкросси» появляется совершенно отдельно от «Саги о сыновьях Дроплауг»: так, в AM 395 fol. (XVIII в.) рассказ предшествует другой саге о жителях восточной четверти Исландии – «Саге о людях из Оружейного Фьорда», а в AM 426 fol. (1670–1682) он вообще помещен между «Сагой о Гуннлауге Змеином Языке» и «Прядью о Стуве». Как полагает издатель пряди Йоун Йоуханнессон (*ÍF* XI. Bls. LXXXIII ff.), рукописная история «Пряди о Брандкросси» отражает процесс ее отделения от саги: будучи написана как пролог к «саге о двух Хельги», она со временем стала восприниматься как отдельное и самодостаточное произведение.

Как следует из содержания ее вполне самостоятельных частей, рассказчик «Пряди о Брандкросси» счел необходимым изложить предысторию главных героев «Саги о сыновьях Дроплауг», подробно остановившись на событиях, оставшихся за рамками этой саги. Первая часть пряди, по всей видимости, раскрывает сообщение саги о том, что «На Оддовом Дворе выше Козлиной Реки жил Хельги сын Асбьёрна» (гл. 3): из нее читатель узнает, при каких обстоятельствах Хельги достался этот хутор, а также об адресованном ему проклятии прежнего владельца этого жилища – намек на грядущее несчастье, постигшее Хельги сына Асбьёрна (гибель его жены Дроплауг), которое заставило его уехать из этих мест. Во второй части пряди автор пересказывает этиологическую легенду о происхождении некоторых топонимов на восточном побережье Исландии, как оказывается имеющую прямое отношение к предкам Хельги и Грима, сыновей Дроплауг, с материнской стороны. При этом автор пряди предупреждает читателя, что эта содержащая фантастические черты история – из нее следует, что прапрабабка героев саги была дочерью некоего пещерного жителя (великана?) из Северной Норвегии, колдовством забравшего у его владельца быка Брандкросси и в качестве компенсации отдавшего ему в жены красавицу дочь, – «кое-кому кажется не заслуживающей доверия», но все же ее «забавно послушать».

Перевод сделан по изд.: Íslendinga sögur og þættir / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2101–2105. (Svart á hvítu). На русском языке рассказ публикуется впервые.

[1] *...сагу о двух Хельги...* – т.е. повествование о Хельги сыне Асбьёрна и Хельги сыне Дроплауг, героях «Саги о сыновьях Дроплауг».

[2] *Кетиль Гром* – сын Торира Глухаря, дед Кетиля Грома из Залива Ньёрда, о котором рассказывается в «Пряди о Гуннаре Убийце Тидранди».

[3] *От него ведут свой род люди с Побережья и люди из Крестового Залива, а также сыновья Дроплауг.* – Люди с Побережья (Síðumenn) – потомки Халля с Побережья (см. о нем в «Пряди о Тидранди и Торхалле», а также коммент. к этой пряди); Халль был женат на Йорейд, дочери Тидранди Мудрого, внучке Кетиля Грома. Люди из Крестового Залива (Krossvíkingar) – см. о них в «Пряди о Торстейне Бычья Нога» и в «Пряди о Гуннаре Убийце Тидранди»; Гейтир сын Лютинга с Крестового Залива (отец могущественного предводителя Torкеля и погибшего в юности Тидранди) был женат на Халлькатле, внучке Кетиля Грома. Сыновья Дроплауг – Хельги и его брат Грим, сыновья Дроплауг и Торвальда, внука Кетиля Грома, герои «Саги о сыновьях

Дроплауг» (см. упоминания об одном из них в «Пряди о Гуннаре Убийце Тидранди» и коммент. к этой пряди). Все названные здесь местности находятся на востоке Исландии.

[4] *Храфнкель сын Храфна* – Храфнкель Годи Фрейра, герой одноименной саги (в ней он, однако, как считают, ошибочно назван сыном Халльфреда, см. гл. 1).

[5] *...когда время заселения страны подходило к концу...* – Эпоха заселения страны (landnámsöld) продолжалась примерно с 870 по 930 г.

[6] *Долина Обвалов* – см. примеч. 7 к «Пряди о Гуннаре Убийце Тидранди».

[7] Приведенный здесь рассказ в основных чертах совпадает с сообщением «Книги о заселении страны» (*Land.*, 299). В «Саге о Храфнкеле Годи Фрейра» (гл. 1) сон, в результате которого было перенесено в новое место жилище первопоселенца, приписывается отцу Храфнкеля (здесь он назван Халльфредом; см. примеч. 4); одним из погибших в покинутом доме животных оказывается не бык, а козел, причем сообщается: «оттого это место и зовется с тех пор Козлиная Долина» (*ИС* II, 17).

[8] *Она была дочерью Хроллауга, сына Рёгнвальда ярла из Мёра.* – О ярле Рёгнвальде и его сыне Хроллауге см. в «Пряди о Тидранди и Торхалле» (гл. 1). Имя жены Асбьёрна в «Книге о заселении страны» не упоминается.

[9] *Вскоре после этого Хельги женился на Оддлауг, сестре Берси...* – Берси сын Эцура по прозвищу Мудрый упоминается в ряде саг; в «Саге о сыновьях Дроплауг» (гл. 3) сказано, однако, что Хельги сын Асбьёрна был женат не на сестре, а на дочери Берси по имени Дроплауг.

[10] *Жил человек по имени Одд и по прозвищу Искра* ⟨...⟩ *Он поселился у Озерной Реки...* – Об этом Одде упоминается также в «Саге о людях из Речной Долины» (гл. 1). Озерная Река – Лагарфльот в Речной Долине.

[11] *...Освивр. Поговаривали, что это имя как нельзя лучше подходило ему.* – Ósvífr означает «высокомерный». В «Саге о людях из Речной Долины» сына Одда зовут не Освивр, а Олвид. Здесь рассказывается о том, как Асбьёрн, отец Хельги, добился объявления Олвида вне закона, убил его и получил в собственность его хутор, Оддов Двор (гл. 2).

[12] *...в первый же из положенных дней перехода.* – По закону переселения в Исландии осуществлялись в течение четырех дней в седьмую неделю лета (т.е. в конце мая), которые называли положенными «днями перехода» (fardagar).

[13] *Я посвящаю это угощение Фрейру, дабы он позаботился о том, чтобы тот, кто станет жить на Оддовом Дворе после меня, ушел отсюда в не меньшем горе, чем нынче ухожу я.* – Фрейр – в древнескандинавской мифологии бог плодородия (см. «Прядь об Эгмунде Битом и Гуннаре Пополам»); Одд приносит таким образом жертву Фрейру, дабы тот отомстил за него Хельги. Аналогичные слова произносит Торкель, персонаж «Саги о Глуме Убийце», в адрес изгнавшего его из округи Глума, перед тем как навсегда покинуть свой двор (см. гл. 9 этой саги). Высказывалось предположение, что автор пряди заимствовал этот эпизод из «Саги о Глуме», изменив некоторые детали (см.: *ÍF* XI. Bls. LXXXIII).

[14] *...в Ближнем Заливе в Оружейном Фьорде.* – Имеется в виду хутор Ближний Крестовый Залив в Оружейном Фьорде на северо-востоке Исландии.

[15] История о любимом быке Грима, его внезапном бешенстве и исчезновении в море (в дальнейшем объясняющемся колдовством) находит параллель в «Саге о лю-

дях с Песчаного Берега» (гл. 63), где рассказывается о родившемся от тролля необыкновенном быке Глэсире, в бешенстве убившем своего хозяина и потом сгинувшем в трясине, которая с той поры зовется Топью Глэсира (см.: Исландские саги / Под ред. А.В. Циммерлинга. М., 2004. Т. 2. С. 120–125).

[16] *Секирный Фьорд* – см. примеч. 7 к «Пряди о Торарине сыне Невьольва».

[17] *...оба залива отныне будут носить имя его быка.* – В пряди, таким образом, утверждается, что топонимы Ближний и Дальний Крестовые Заливы (Krossavík) в Оружейном Фьорде (совр. Кроссавик в Эйстюрланде) происходят от имени быка Грима Брандкросси – букв.: пестро-рыжий с белым крестом во лбу (Brandkrossi произведено от прилагательного brandkrossóttr).

[18] *Он говорил, что поездки умеряют людскую печаль и снимают с души тяжесть забот, которые препятствуют радости и удовольствию.* – В оригинале увещевания Торстейна подкреплены риторически использованием аллитерации и корневой рифмы (kvað við það **str**íð manna **st**emmast og dofna ***hug***ann af þeim á***hyg***gjum er fyrir standa **g**leði manna og **g**amni).

[19] *Устье Уни* (Unaóss, к югу от Оружейного Фьорда) – местность носит имя одного из первых поселенцев, Уни Датчанина.

[20] *...всегда расплачивается со своими долгами. Они продали ему плащи, как он желал, и сказали, что хотят получить за них плату мукой.* – См. примеч. 13 к «Пряди о Гуннаре Убийце Тидранди».

[21] *С материнской стороны она происходит из знатного рода, да и род ее отца не назовешь захудалым. Моя мать получила хорошее воспитание, и отец мой был человек недюжинный.* – Гейтир не случайно не говорит подробнее о своей родне с отцовской стороны: судя по всему, речь идет о браке великана (ётуна) с земной женщиной. Указывалось на то, что Гейтир в древнеисландской литературе часто служит именем великана (*ÍF* XI. Bls. LXXXIII).

[22] *...у Ущельной Реки в Окружной Долине.* – Местности в Речной Долине.

[23] *Она была матерью Грима сына Мардёль, отца Дроплауг, той, что была матерью Грима и Хельги, сыновей Дроплауг.* – В «Саге о сыновьях Дроплауг» (гл. 2) сказано, что отцом Дроплауг, матери Грима и Хельги, был Торгрим, который жил в Ледниковой Долине в Ущельях.

ПРЯДЬ О ГОРНОМ ЖИТЕЛЕ

Прядь частично сохранилась в пергаментном кодексе конца XIV – первой четверти XV в. «Pseudo-Vatnshyrna» (AM 564a 4to; название этой рукописи восходит к созданному в 1391–1395 гг. и имевшему отчасти тот же состав собранию саг «Vatnshyrna» – букв.: Книга из Заболоченной Местности, которое получило свое наименование от хутора Stóra Vatnshorn в северо-западной Исландии; книга эта была передана в 1675 г. в библиотеку Копенгагенского университета и впоследствии погибла во время пожара 1728 г.), а также в нескольких бумажных списках XVII–XVIII вв., в том числе двух, собственноручно сделанных виднейшим коллекционером и хранителем исландских манускриптов Ауртни Магнуссоном в 1686 г. – AM 555h 4to и AM 564c 4to. Что касается ее названия – «Bergbúa þáttr», то оно впервые появляется в списке AM 426 fol.

(вторая половина XVII в.): в тексте пряди слово bergbúi «горный житель» или какое-либо иное обозначение обитателя пещеры, в которую забрели в поисках ночлега Торд и его работник, отсутствует. Однако есть все основания полагать, что он и есть тот самый великан Халльмунд, чье имя упомянуто в первой строфе процитированной в пряди песни. Эту сложенную в скальдическом размере дротткветт поэму принято поэтому называть «Hallmundarkviða» («Песнь Халльмунда»), или «Hallmundarvísur» («Висы Халльмунда»), или «Hallmundarflokkr» («Флокк Халльмунда»).

По мнению Финнура Йоунссона (*Skj* B II, 226–229), «Песнь Халльмунда» может быть датирована XIII в. Высказывалось предположение, что за описываемым в ней природным катаклизмом стоит реальное событие, свидетелем которого скорее всего был сам скальд, – извержение вулкана Катла в 1262 г. (см. предисловие к изданию пряди: Harðar saga / Þórhallur Vilmundarson, Bjarni Vilhjálmsson gáfu út. Reykjavík, 1991. Bls. CCV. (*ÍF* XIII)). И действительно, нарисованная в поэме ужасающая картина бедствия изобилует такими драматическими подробностями, которые вполне могут быть приняты за впечатления очевидца, наблюдающего, как кренятся и с грохотом падают скалы (строфа 1), то низвергается, то с силой взмывает вверх пламя, а в горах стоит гул от ливня раскаленных угольев (строфа 2), горят льды (строфа 5; Катла находится на Леднике Болотной Долины – Mýrdalsjökull на юге Исландии), на людей обрушиваются горячие водные потоки (строфа 3), раскалываются огромные горы и колеблются несгибаемые горные склоны (строфа 4)... Вместе с тем, отдельные параллели со стихами других скальдов, а также многочисленные мифологические аллюзии во второй части песни (ср. строфы 6–11, в которых скальд сначала предрекает наступление конца света, описание которого напоминает рагнарёк – гибель богов, а затем упоминает войну Тора с ётунами (великанами), вражду самого Халльмунда с огненным великаном Суртом, а также его загадочные взаимоотношения с великаном Аурниром и странствия в некий «третий мир») могут указывать на то, что даже если перед нами и картина, отчасти нарисованная «с натуры», на нее наложились веками бытовавшие фольклорные истории о хозяевах гор – великанах и предания о каких-то сходных, но значительно более давних событиях, к тому же имевших место в другой части страны. На последнее предположение наводит имя героя песни, великана Халльмунда, известное также и из иных источников и запечатленное в топонимике Западной Исландии.

Прежде всего бросается в глаза почти буквальное совпадение заключительных стихов первой строфы: Hátt stígr höllum fæti / Hallmundr **í gný** fjalla – «Халльмунд высоко ступает на согнутых ногах в стоне гор» с аналогичным фьордунгом (четвертью висы) Греттира сына Асмунда в гл. 57 одноименной саги: Hátt stígr höllum fæti / Hallmundr **í sal** fjalla – «Халльмунд высоко ступает на согнутых ногах в чертоге гор» (*ÍSÞ* II, 1042; пер. О.А. Смирницкой: «Халльмунд широким шагом / Шел по чертогам горным», *ИС* I, 697). Как объясняется в «Саге о Греттире», стихи эти – из сложенного Греттиром флокка о его друге Халльмунде, живущем вдали от людей в Городищенском Фьорде (Borgarfjörðr), человеке исполинского роста и силы, который помог герою отразить нападение его врагов, а затем приютил Греттира в своей большой пещере у Круглого Ледника (Balljökull, ныне Eiríksjökull) на западе Исландии. Позднее в саге (гл. 62) приводятся семь строф уже из другой «Песни Халльмунда», сочиненной в размере квидухатт, – предсмертной поэмы самого Халльмунда, в кото-

рой он, в частности, рассказывал о подвигах, совершенных им вместе с Греттиром. К скальдической песни Халльмунда из «Пряди о горном жителе» эта произнесенная на пороге смерти песнь (такие поэмы обычно называют ævikvæði – «песнями о жизни», и чаще всего они вкладываются в уста персонажей «саг о древних временах», см., к примеру, «Прядь об Орме сыне Сторольва») не имеет никакого отношения. Чего не скажешь о произнесшем ее герое: идентичность процитированного двустишия из посвященных Халльмунду стихов Греттира, в котором он назван по имени, заключению первой строфы «Флокка Халльмунда» – песни таинственного обитателя пещеры в настоящем рассказе, судя по всему, говорит о том, что Халльмунд, фигурирующий в ряде эпизодов «Саги о Греттире», и Халльмунд из «Пряди о горном жителе» – это одно и то же лицо.

О тождественности этих героев, за которыми, как считается, должен стоять один и тот же популярный в Исландии фольклорный персонаж (см.: *ÍF* XIII. Bls. CCVI), могут свидетельствовать и другие детали. В саге Халльмунд не назван великаном (больше того: в своей предсмертной песни он упоминает о том, как истреблял турсов – «жителей скал»), однако, судя по реакции врагов Греттира, в стычке с ними участвовало сверхъестественное существо, «тролль», за которого они (не видя сражающегося в другом конце ущелья Халльмунда) принимают самого Греттира. Последний также, пока не повстречался со своим спасителем, огромным человеком, пребывал в изумлении и не мог понять, каким образом ему удалось одолеть целую толпу нападавших: в том бою Греттир сразил шестерых, а Халльмунд – дюжину его недругов. Таким образом, и в «Саге о Греттире» Халльмунд предстает скорее великаном, нежели человеком.

Подобно персонажу «Пряди о горном жителе», Халльмунд в саге «исходил всю страну» (гл. 62) и живет в пещере. Последнее обстоятельство заслуживает особого внимания, поскольку и местность, где разыгрывается действие соответствующих эпизодов «Саги о Греттире», и одна из имеющихся там больших и, как было установлено, некогда обитаемых пещер ныне носят имя Халльмунда. Это – прилегающее к Круглому Леднику лавовое поле Hallmundarhraun (Лавовое Поле Халльмунда) и пещера Hallmundarhellir: заметим, что и Халльмунд в пряди сообщает в последней строфе флокка, что у него «одного есть жилище в лаве» – «Ák einn hús í hrauni». На Лавовых Полях Халльмунда имеется и другая пещера, называемая Пещерой Сурта – Surtshellir (ср. в связи с этим упоминание Сурта в «Песни Халльмунда»). В «Книге о заселении страны» рассказывается, что один исландец по имени Торвальд Хвастун отправился как-то раз в пещеру Сурта и произнес в ней драпу (скальдическую песнь с припевом), «которую он сложил о живущем в пещере великане» (*Land.*, 240). Установлено, что знаменитое своими пещерами лавовое поле Hallmundarhraun образовалось в начале X в. в результате одного из самых первых извержений вулкана, которое могли наблюдать прибывшие незадолго до того в Исландию переселенцы из Норвегии. Не исключено, что это событие могло поэтому оставить глубокий след в людской памяти и вызвать к жизни предания о некогда разыгравшемся в этой части страны бедствии, героем которых стал некий Халльмунд – один из позднейших обитателей этих пустынных мест, вероятно, в реальности человек, как и Греттир, объявленный вне закона (útilegumaðr) и со временем превращенный народной молвой в великана.

Остается лишь строить догадки о том, каким образом «Песнь о Халльмунде» оказалась вставленной в историю, действие которой разворачивается далеко от Лавовых Полей Халльмунда – севернее, в Западных Фьордах. В отличие от песни, прозаический рассказ о необыкновенном приключении бонда Торда и его работника относят к XIV в. (*ÍF* XIII. Bls. CCXI).

«Прядь о горном жителе» впервые была опубликована Гудбрандом Вигфуссоном в Копенгагене в 1860 г. (Barðar saga Snæfellsáss, Viglundarsaga, Þórðarsaga, Draumavitranir, Völsaþáttr / Udg. Guðbrandr Vigfússon. Kjøbenhavn, 1860. S. 123–128). Перевод выполнен по изд.: Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2086–2090. Первую публикацию этого перевода см. в кн.: Висы дружбы: Сб. ст. в честь Т.Н. Джаксон. М., 2011. С. 115–124.

[1] *От Фьорда Колли отходит в сторону фьорд, что зовется Глубоким Фьордом.* – Местности в Западных Фьордах.

[2] *...того Халльстейна, что владел рабами, которых прозвали рабами Халльстейна...* – Халльстейн Годи, сын Торольва Бородача с Мостра (mostrarskegg). Ссылки на рассказы о его рабах встречаются неоднократно (см. «Книгу о заселении страны»: *Land.*, 164, и «Сагу о людях с Песчаного Берега», гл. 48), однако записаны они были лишь в XIX в. Согласно этим преданиям, Халльстейн заставлял привезенных из Шотландии рабов добывать соль; застигнув их спящими на островах, получивших вследствие этого название Сонных, он разгневался и велел их повесить (см.: Исландские саги / Пер., общ. ред. и коммент. А.В. Циммерлинга. М., 2004. С. 293).

[3] *Флокк* – см. примеч. 7 к «Пряди о Стуве».

[4] *...заключение каждой из них он повторял дважды...* – Об удвоении конечного стиха в висах, приписываемых сверхъестественным существам, см. примеч. 98 к «Пряди о Хеминге сыне Аслака».

[5] *...волка вереска...* – ётуна (ётун – великан).

[6] *...в горнице грозовой* – в горах.

[7] *...стар и сед ступает Халльмунд в стоне скальном...* – О параллели к этим стихам во флокке о Халльмунде, сложенном Греттиром, см. выше.

[8] *Злата ⟨...⟩ волка...* – ётуна.

[9] *...тына Тунда ворога...* – мужа, здесь – ётуна (где Тунд – имя Одина; тын Тунда – щит, ворог щита – муж).

[10] *...двери турса...* – скалы (турс – великан).

[11] *...в поте ⟨...⟩ почвы...* – в воде.

[12] *...перстов ⟨...⟩ клены льдины...* – мужи (где льдина перстов – серебро; клены серебра – мужи).

[13] *...под яблоком гальки* – под камнем.

[14] *...оврага частокол ⟨...⟩ пиков...* – горы (овраг пиков – земля, ее частокол – горы).

[15] *Глитнир Тунд* – горы (Глитнир – название мифологических палат, Тунд – название мифологической реки).

[16] *...древо брани...* – муж (здесь – великан, герой песни).

[17] *...лесу сеч...* – мужам.

[18] *...на Снежной ⟨...⟩ Земле...* – в Исландии.

[19] *...горе веток...* – буря.

[20] *Гор князья...* – великаны.

[21] *Стражу гор...* – ётуну (предположительно – огненному великану Сурту, см. примеч. 31).

[22] *Эливагар* – букв.: Бурные Волны. Название известно из мифологических песней «Старшей Эдды» («Речи Вафтруднира», строфа 31; «Песнь о Хюмире», строфа 5). Согласно «Младшей Эдде», его носят лежащие на севере ядовитые реки, чей яд превратился в иней и заполнил Мировую Бездну, после чего из него появился на свет Имир, от которого ведут свой род инеистые великаны.

[23] *В мире мрака...* – По-видимому, имеется в виду Нифльхейм (в скандинавской мифологии мир мрака, существовавший задолго до создания земли).

[24] *...в вьюге дротов...* – в битве.

[25] *...к волку кровли...* – к огню («стойкий» к нему, по всей вероятности, Халльмунд).

[26] *Вали при...* – муж (здесь – «я»); Вали – имя бога, пря – битва.

[27] *...отпрыск седобрадый Хримнира...* – великан; Хримнир – мифологический великан (имя образовано от hrím «иней»).

[28] *Аурнир* – мифологический великан, чье имя известно из эддической «Песни о Гротти».

[29] *...из камня / примет пусть от турса / ладью с штевнем ладным, / распаханным плугом...* – Речь идет о подаренной Аурниру каменной ладье, чей окованный железом штевень был украшен резьбой.

[30] *...племя осыпей...* – род великанов.

[31] *Сурт* – великан, обладатель пылающего меча, который охраняет Муспелльсхейм (огненный мир). Согласно скандинавской мифологии, когда настанет конец света, он одолеет богов и сожжет в пламени весь мир.

[32] *...хлябь зверя* – земля.

[33] *...гор альв...* – великан (здесь – «я»). Альв – см. примеч. 3 к «Пряди о Норна-Гесте».

[34] *...ресниц ⟨...⟩ тарчи...* – глаза.

[35] *...куст стрелы...* – муж.

[36] *...ключ орла...* – поэзия (по всей видимости, имеется в виду песнь горного жителя). Кеннинг основан на мифе о меде поэзии, который Один похитил у великана Суттунга и, обернувшись орлом, принес в жилище богов, Асгард.

ПРЯДЬ О МОГИЛЬНОМ ЖИТЕЛЕ

«Прядь о могильном жителе» («Kumlbúa þáttr») сохранилась в тех же исландских рукописях, что и «Прядь о горном жителе» (см. коммент. к этой пряди), где эти рассказы следуют один за другим, как и в настоящем собрании, и приводятся вместе с еще одним повествованием о сновидениях, «Сном Торстейна сына Халля с Побережья». Название пряди принадлежит ее первому издателю, Гудбранду Вигфуссону (1860), тогда как в рукописях она именуется «Draumr vitran Þorsteinn Þorvarðsson mágr Þorfins á Bakka» – «Сон мудрого Торстейна сына Торварда, зятя Торфинна с

Яра» (AM 564a 4to; AM 564 c 4to; AM 426 fol. и др.), а в более поздних списках «Draumr Þorsteins Þorvarðssonar» – «Сон Торстейна сына Торварда».

Время действия рассказа – последнее десятилетие XII – начало XIII в. Как предполагает Гудбранд Вигфуссон (см. также *ÍF* XIII. Bls. CCXI), рассказ был создан в конце XIII в. в монастыре Хельгафелль на западе Исландии (см. коммент.).

Перевод сделан по изд.: Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2182–2183. На русском языке рассказ публикуется впервые.

1 *Торстейн сын Торварда, зять Торфинна с Яра, тот, что был женат на Хельге дочери Торгейра, сестре аббата...* – Герой пряди, Торстейн, назван зятем Торфинна сына Торгейра, бывшего в 1188–1216 гг. аббатом августинского монастыря Хельгафелль (т. е. у Священной Горы – монастырь был перенесен сюда с Плоского Острова в 1184 или 1185 г.). Об усадьбе у Священной Горы в Широком Фьорде на западе Исландии см. в «Пряди о Гуннаре Убийце Тидранди» (гл. 6–7) и примеч. 31 к этой пряди.

2 *...с кленом копий...* – с мужем, воином.

3 *...в вихре Хротти...* – в битве; Хротти – название меча (см. примеч. 49 к «Пряди о Норна-Гесте»).

4 *...ужом ножен...* – мечом.

5 *...другу брани* – мужу, воину.

6 *Это произошло в Скалистой Земле, к востоку от Усадьбы на Мысу Дымов...* – местности на северной стороне Широкого Фьорда на западе Исландии.

СОН ТОРСТЕЙНА СЫНА ХАЛЛЯ С ПОБЕРЕЖЬЯ

«Сон Торстейна сына Халля с Побережья» («Draumr Þorsteins Síðu-Hallssonar») – последний из рассказов о сновидениях (draumþættir), включенных в утраченный кодекс конца XIV в. «Vatnshyrna» – «Книга из Заболоченной Местности» (см. об этой рукописи в коммент. к «Пряди о горном жителе»). Как и предшествующие ему в том же собрании «Прядь о горном жителе» и «Прядь о могильном жителе», «Сон Торстейна сына Халля с Побережья» известен из бумажного списка (AM 564 c 4to), сделанного Ауртни Магнуссоном в 1686 г. с этой позднее сгоревшей средневековой книги. Кроме того, начальные строки рассказа о гибели Торстейна сохранились на листе из пергаментного кодекса конца XIV в. «Pseudo-Vatnshyrna» (AM 564a 4to), на котором были записаны уже упомянутые здесь две другие пряди.

Описанное в рассказе убийство родовитого и могущественного исландца Торстейна сына Халля с Побережья принято относить примерно к 1055 г. Как уже говорилось (см. коммент. к «Пряди о Торстейне сыне Халля с Побережья»), помимо двух посвященных этому исландцу прядей, существует также отдельная «Сага о Торстейне сыне Халля с Побережья», сохранившаяся лишь фрагментарно. В дошедших до нас главах этой саги о смерти Торстейна, однако, ничего не сообщается, не упоминается в них и его раб Гилли.

В процитированных в пряди стихах, произнесенных явившимися во сне женщинами, которые пророчат Торстейну скорую гибель, много неясного, и их толкование

вызывает споры. Финнур Йоунссон (*Skj* B II, 230) датирует эти висы XIII в., очевидно, к этому же времени может быть отнесен и самый рассказ.

Ранее прядь переводилась на русский язык А.В. Циммерлингом и была опубликована в изд.: Исландские саги / Пер., ред. и коммент. А.В. Циммерлинга. М., 2000. С. 270–272; комментарии на с. 386–389. Для настоящего собрания перевод выполнен по изд.: Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2106–2108. (Svart á hvítu).

[1] *Свиная Гора* – хутор в юго-восточной части Исландии. На Свиной Горе находилась усадьба, со времен заселения страны переходившая от одного знатного предводителя к другому. Одно время здесь жил Флоси сын Торда Годи Фрейра, за сожжение Ньяля (см. «Сагу о Ньяле») прозванный Флоси Поджигателем (Brennu-Flosi). Известно, что Флоси и Халль с Побережья состояли в свойстве: согласно «Саге о Ньяле» (гл. 95, 153), Флоси был женат на Стейнвёр, внебрачной дочери Халля, однако в заключительной главе «Саги о Торстейне сына Халля с Побережья» утверждается, что его женой была Алов, сестра Халля. Из текста пряди невозможно заключить, был ли Торстейн тогдашним владельцем хутора Свиная Гора, сведения об этом отсутствуют и в других источниках.

[2] *Являются к нему три женщины…* – Как и в рассказе о Тидранди, речь здесь идет о духах-двойниках людей – дисах или фюльгьях (см. примеч. 21 к «Пряди о Тидранди и Торхалле»). Они появляются незадолго до кончины героя в качестве предвестниц его грядущей гибели.

[3] На этом месте обрывается текст пряди в рукописном фрагменте AM 564a 4to конца XIV в.

[4] *Хильд судьбы…* – норна (см. примеч. 102 к «Пряди о Норна-Гесте»). Имя Хильд появляется в этом кеннинге неслучайно (см. примеч. 8).

[5] *…зыби кость…* – камень или скала (зыбь – море). Очевидно, намек на какое-то сказание.

[6] *…кольчужных вязу врат…* – воину (где кольчужные врата – щит; вяз щита – муж).

[7] *Герд с шипом шелома…* – валькирия (Герд – имя богини, шип шелома – меч).

[8] *Хедина хозяйке ⟨…⟩ вечной.* – Имеется в виду Хильд, жена конунга Хедина – героиня сказания о нескончаемой битве Хьяднингов (см. изложение этой легенды в «Пряди о Сёрли» в наст. изд.). Об удвоении конечного стиха в так называемых draumvísur – висах, произнесенных во сне, см. примеч. 98 к «Пряди о Хеминге сыне Аслака».

[9] *Двалина ⟨…⟩ вздернутого баба…* – богиня Земля, но здесь, скорее всего, Хель – великанша-смерть и хозяйка царства мертвых, стремящаяся положить «предел жизни» Торстейна: Двалин вздернутого (т. е. повешенного) – Один (его называют «богом повешенных»; Двалин – карлик, см. примеч. 5 к «Пряди о Сёрли»); баба (т. е. жена) Одина – Земля.

[10] *…алкая ⟨…⟩ Бальдра клада…* – Бальдр клада – муж, воин (Бальдр – древнескандинавское божество, см. примеч. 9 к «Пряди о Стюрбьёрне Воителе Шведов»).

[11] *– К Магнусу, моему сыну…* – О том, как Торстейн получил от норвежского конунга Магнуса Доброго право назвать своего сына Магнусом, см. в коммент. к

«Пряди о Торстейне сыне Халля с Побережья». Видимо, сын Торстейна стал одним из первых исландцев, носивших это «королевское» имя. Магнусом звался и его внук, епископ из Скальхольта. Помимо Магнуса, у Торстейна был другой сын, которого звали Амунди.

[12] *Вёрн рубцов...* – секира (Вёрн – имя великанши).

[13] *...в лязге стали...* – в сраженье.

[14] *...ведьма ⟨...⟩ шелома...* – секира.

[15] *...злой сходки...* – В оригинале «сходка ужаса»; неясно, что под этим подразумевается, по-видимому, в висе идет речь о некоем споре или сраженье, в котором сверхъестественные силы решали судьбу Торстейна.

[16] *...в чертоге богов...* – в небе; фраза «месяц рос, смурной, в чертоге богов» либо может быть намеком на некое сказание, либо указывает на срок гибели Торстейна.

[17] *...Ингвильд его жена...* – Ингвильд была дочерью Бьярни сына Бродд-Хельги (см. о нем в «Пряди о Гуннаре Убийце Тидранди») и сестрой Бродди, одного из главных героев «Пряди о Пивном Капюшоне» (см. в наст. изд.), в числе действующих лиц которой был и Торстейн сын Халля с Побережья, поддержавший своего шурина.

[18] *...слово ⟨...⟩ будет не избыть вовеки.* – Несомненно, Гилли грозится произнести проклятье.

[19] *...Гилли был ⟨...⟩ праправнуком Кьярваля Старого, конунга Ирландии...* – Имеется в виду король Кьярвалл (ирл. Cearball / Cearbhall), правивший в IX в. в Осрайге на юго-востоке Ирландии (ум. 887 или 888). Как следует из генеалогий исландских первопоселенцев, которые приводятся в «Книге о заселении страны» (см.: *Land.*, 33, nm. 5) и в «семейных сагах» (см., например, «Сагу о Ньяле», гл. 113, «Сагу о людях из Лососьей Долины», гл. 1), целый ряд именитых исландцев вели свой род от сыновей и дочерей ирландского короля Кьярваля.

СОН ОДДИ ЗВЕЗДОЧЕТА

«Сон Одди Звездочета» («Stjörnu-Odda draumr») сохранился лишь в нескольких бумажных списках конца XVII – начала XVIII в. (AM 555 h 4to, 1686 г.; AM 563 c 4to, 1690–1710 гг., AM 555 i 4to, ок. 1700 г. и др.), сделанных Ауртни Магнуссоном и его помощниками с позднее утраченного во время пожара 1728 г. пергаментного кодекса «Vatnshyrna» – «Книга из Заболоченной Местности» (1391–1395 гг.; см. об этой рукописи в коммент. к «Пряди о горном жителе»).

«Сон Одди Звездочета» – произведение настолько необычное как по своему содержанию, так и по форме, что требует дополнительных пояснений. Прежде всего, не вызывает сомнений, что герой рассказа Одди сын Хельги по прозвищу Звездочет – это не кто иной, как один из выдающихся астрономов первой половины XII столетия (предполагаемые годы жизни 1070/80–1140/50), составитель так называемого «Счисления Одди» («Oddatala», ок. 1120), в котором день за днем фиксировались величины солнечного склонения и время восхода и захода солнца в различные периоды года. Многолетние наблюдения Одди Звездочета за движением светил и сделанные им вычисления намного превосходили по своей точности аналогичные результаты западноевропейских астрономов той эпохи и были положены в основу исландского календаря

(см. о вычислениях Одди: Alfræði íslenzk: Islandsk encyklopædisk litteratur. Bd. II: Rímtöl / Udg. N. Beckman, Kr. Kålund. København, 1914–1916. Bls. 48–53; *Ólsen B.M.* Um Stjörnu-Odda og Oddatölu // Afmælisrit til Dr. Phil. Kr. Kålunds bókavarðar við safn Árna Magnússonar 19. ágúst 1914. Kaupmannahöfn, 1914. Bls. 1–15; *Jón Jóhannesson.* Íslendinga saga. A History of the Old Icelandic Commonwealth. Winnipeg, 1974. P. 159; *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986. С. 14).

Биографические сведения об Одди Звездочете чрезвычайно скудны. Установлено, что он действительно жил на хуторе Мули у родовитого хозяина Торда, в котором видят представителя древнего рода годи Рейкьядаля. Исландские генеалогии дают основания полагать, что Одди породнился со своим хозяином, женившись на его дочери: известно, что некий Сигурд сын Стюркара, сына Одди, жил в Мули ок. 1187 г. Кроме того, в анналах содержатся записи о том, что в 1123 г. Торд сын Аскеля (Торд из Мули?) принимал участие в столкновениях из-за годорда Рейкьядаля, а в конце XII в. этот годорд оказывается разделенным между тремя владельцами, одним из которых был предполагаемый внук Одди, уже упомянутый Сигурд сын Стюркара, а другим – муж его сестры Ингирид. Как считают издатели пряди (*ÍF* XIII. Bls. CCXIII–CCXV), эти обстоятельства могут иметь прямое отношение к ее содержанию. За образом гаутского конунга Гейрвида, по их мнению, может скрываться хозяин Одди, Торд из Мули: подобно тому как Дагфинн получил в жены сестру своего господина, Одди женился на хозяйской дочери. Разоряемое немирьем королевство Гейрвида, треть которого была отдана ярлу Хьёрварду и затем отвоевана его воинственной наследницей Хлегунн, как считают, на самом деле не что иное, как поделенный на три части годорд Рейкьядаля, из-за которого враждовали несколько видных исландских семейств. Также и отдельные топонимы, с помощью которых описывается пространство приснившейся герою «саги о древних временах», вполне могут намекать на реальную топографию местности, в которой жил Одди (см. коммент.). Все эти предположения, исходящие из традиционной функции сновидений в древнескандинавской литературе, где сны героев обычно пророчествуют о будущем, предвосхищая грядущие события, подкрепляются тем, что автор пряди явно устанавливает связь между звездочетом из Мули и его двойником из саги: в имени Dagfinnr (первая часть его означает «день», а вторая омонимична глаголу finna «находить, узнавать») содержится прозрачный намек на ученые занятия Одди – его наблюдения над долготой дня. Приснившаяся Одди сага, таким образом, могла, по мысли издателей пряди, представлять в аллегорической форме реальные события, произошедшие на севере Исландии в XII в.

Предложенная издателями интерпретация пряди оставляет, однако, непроясненными некоторые существенные обстоятельства. Прежде всего то, что ее герой (в начале пряди сказано, что Одди не умел сочинять и не хранил в памяти стихов) отчего-то выведен в сновидении королевским скальдом. Больше того, в этом своем качестве Дагфинн ведет себя в высшей степени необычно: во-первых, он отнюдь не выказывает храбрости, откровенно уклоняясь от участия в боях бок о бок со своим государем (обычно скальд в первую очередь изображается как дружинник и отважный соратник конунга); во-вторых, он дважды отказывается от жалуемого ему конунгом Гейрвидом обязательного вознаграждения – «платы за песнь» (в конце концов это приводит к тому, что Дагфинн все же получает награду, причем награду чрезмерную

и беспрецедентную – принцессу в жены). Автор пряди явно демонстрирует читателю перевернутые ситуации и ценности: то, что никогда не могло бы произойти в действительности или, произойдя, не получило бы оправдания в глазах общества, представляется само собой разумеющимся во сне. Читатель, таким образом, становится свидетелем откровенного ниспровержения (или высмеивания) придворного поэта: герой, который никогда не был стихотворцем наяву, на время обретает поэтический дар во сне, чтобы сделаться королевским скальдом и сочинить заслуживающие похвалы панегирики, которые, однако, не выдерживают света дня, оказавшись на поверку посредственными, «топорными» стихами. Этот посыл рассказа об Одди Звездочете настолько необычен для древнескандинавской традиции, что в научной литературе было высказано предположение, что перед нами пародия.

В статье «Придворный скальд в кривом зеркале» известный исследователь саг Херманн Паулссон выдвинул гипотезу, согласно которой в образе главного героя пряди, ученого астронома, был выведен один из самых образованных и знаменитых исландцев – скальд, историк и политический деятель XIII в. Снорри Стурлусон (*Hermann Pálsson*. Hirðskáld í spéspegli // Skáldskaparmál. Tímarit um íslenskar bókmenntir fyrri alda. 2. hefti. Reykjavík, 1992. Bls. 160–168). Целый ряд деталей биографии последнего, действительно, как будто бы подкрепляют эту догадку. Имя героя пряди Oddi совпадает с названием хутора Oddi, важнейшего центра учености в средневековой Исландии, где воспитывался Снорри Стурлусон; имя двойника Одди, Дагфинн, также могло быть введено в рассказ неслучайно: лагман Дагфинн Бонд (ум. 1237) находился при малолетнем Хаконе Хаконарсоне (род. 1204), покровителе, а затем враге Снорри, еще до его вступления на норвежский престол (1217), в период смуты, а впоследствии в качестве советника этого конунга, и Снорри, по всей вероятности, не только встречался с ним во время своего пребывания при норвежском дворе в 1218–1220 гг., но и мог быть с ним в дружбе, поскольку, как отмечается в «Саге об исландцах» (самой значительной из саг, входящих в «Сагу о Стурлунгах»), лагман был «большим другом исландцев». Помимо знаменательной пары Одди–Дагфинн, бросается в глаза и другая возможная параллель с реальными событиями, непосредственно предшествовавшими приезду Снорри на континент: разорение, царившее в приснившемся Одди королевстве юного Гейрвида, с которым тот покончил по достижении двенадцатилетнего возраста, и немирье в Норвегии в период заключительного этапа гражданских войн, которым были отмечены начальные годы правления Хакона, ставшего королем 12 или 13 лет от роду.

В «Саге об исландцах» (гл. 38) сообщается, кроме того, о небывалом вознаграждении, полученном Снорри от ярла Скули (бывшего в то время наместником конунга Хакона и, как и ярл Хьёрвард из приснившейся герою пряди «саги о древних временах», управлявшего третью страны): в саге говорится, что за сочиненные в его честь две хвалебные песни ярл дал Снорри «корабль и пятнадцать богатых даров в придачу». Ни один скальд никогда не получал столь высокой платы за свои песни, – не исключено, что, если гипотеза Херманна Паулссона верна, именно это обстоятельство и могло быть положено в основу пародийного перевертывания ситуации пожалования/принятия награды за панегирики в «Сне Одди Звездочета». Это тем более вероятно, что, по свидетельству все той же саги, успехи Снорри при норвежском дворе вызывали раздражение у его врагов в Исландии, а сложенные им в честь ярла и так дорого

оцененные этим правителем драпы подвергались в их среде поношению и пародированию. Как сказано в саге, «люди с юга высмеивали стихи, которые Снорри сложил о ярле, и переиначивали их. Тородд из Залива Тюленей отдал одному человеку овцу» за вису, в которой пародировался стев из Снорриевой драпы: «Скули, жестокий к сильному блеску моря (т. е. к золоту), был первейшим из ярлов». В этой пародийной висе обсценно обыгрывался употребленный Снорри по отношению к ярлу эпитет harðmúlaðr «жестокомордый» (и в самом деле странный в контексте панегирика) и говорилось, что ярлу никогда еще не преподносили более бездарных стихов (уместно вспомнить в этой связи «топорные» стихи скальда Дагфинна). Следует заметить, что подхваченное в поэме Снорри и использованное в поносных стихах прилагательное harð-*múlaðr* – производное от того самого существительного *múli* «морда» и «утес», которое послужило названием усадьбы Múli, где проживал герой пряди и где, как ему приснилось, и была рассказана сага о Дагфинне и Гейрвиде, – обстоятельство, также говорящее в пользу высказанной гипотезы: напомним, что и имя Oddi соотносится с названием хутора, где воспитывался Снорри. В свете всего сказанного нельзя пройти мимо еще одного топонима – указанного в пряди местоположения усадьбы хозяина Одди, Рейкьядаль: в долине с тем же названием, однако не на севере, а на западе Исландии, стоял Рейкьяхольт, усадьба, где в течение 35 лет вплоть до своей гибели жил сам Снорри Стурлусон.

Выше уже отмечалась необычайная для королевского скальда осторожность Дагфинна, предпочитающего наблюдать за подвигами своего государя из безопасного места. И здесь возможно усмотреть аналогию с характером и поведением Снорри. Судя по тому, что нам известно об этом выдающемся исландце, и ему была более привычна роль советника и дипломата, нежели воина. Забота о собственной выгоде, а также постоянное стремление к влиянию и власти вовлекали Снорри в многочисленные распри. Однако в противоположность большинству могущественных предводителей того времени он не отличался воинственностью и сам никогда не участвовал в сражениях, чем давал поводы для насмешек и упреков в том, что он горазд слагать стихи, а не действовать. Об этом же свидетельствует и приведенный в «Саге о Стурлунгах» рассказ о бесславной гибели Снорри. Вместо того чтобы по примеру не раз описанных им героев саг с оружием в руках встретить пришедших в его дом врагов, он попытался спрятаться от них в погребе, и, будучи обнаруженным там, дважды попросил пощады: «Не надо разить» («Сага об исландцах», гл. 151).

Наконец, в пользу предположения, что в образе Одди–Дагфинна был выведен именно автор «Круга Земного», говорят и некоторые другие детали, намеки на которые можно обнаружить в пряди. Так, известно, что во время своего пребывания в Норвегии и почти одновременно с уже упомянутыми событиями, вызвавшими нападки его недругов, летом 1219 г. Снорри посетил Гаутланд (место действия саги о Гейрвиде), где встретился с Кристин, вдовой ярла Хакона Безумного (о вдовстве неоднократно говорится и в рассказанной во сне истории). Как сообщается в «Саге об исландцах» (гл. 35), Снорри сложил о ней песнь, названную «Andvaka» – «Бессонница», за которую он также получил щедрое вознаграждение. Не исключена вероятность, что название этой песни, перетолкованное насмешниками и недоброжелателями Снорри в поэму, сочиненную во сне, и могло дать толчок для создания

столь разительно отличного от всех прочих повествований о королевских скальдах рассказа о Дагфинне.

Истолкование «Сна Одди Звездочета» как пародии, направленной против Снорри Стурлусона, разумеется, не более чем правдоподобная гипотеза, пытающаяся объяснить странности этого в высшей степени необычного произведения древнеисландской литературы (об особенностях его формы см. во вступ. ст). Если эти предположения верны, то рассказ должен был появиться в 20-е или 30-е годы XIII в. в связи с прочими пародиями и поношениями, которые изливали на Снорри его противники и критики. Эта датировка согласуется и с некоторыми особенностями языка и стиля пряди об Одди Звездочете, в тексте которой обнаруживаются отдельные «куртуазные» заимствования, по всей видимости почерпнутые из переводов рыцарской литературы, которую начали перекладывать на древненорвежский язык при дворе короля Хакона с 20-х годов XIII столетия.

Перевод выполнен по изд.: Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. III. bindi. Bls. 2231–2243. (Svart á hvítu). Ранее перевод был опубликован в журнале: Мировое древо. М., 2007. Вып. 14. С. 285–305; послесловие на с. 306–321.

[1] *...на хуторе Мули на севере в Долине Дымов.* – Долина Дымов – Рейкьядаль – местность на севере Исландии. Múli, возможно, означает «утес», в Исландии эпохи саг неоднократно встречаются хутора, носящие это название.

[2] *Одди Звездочет* – см. выше.

[3] *Плоский Остров* – Флатэй – остров у северного побережья Исландии (в Скьяльванди).

[4] *...на востоке в Гаутланде.* – См. примеч. 39 к «Пряди об Орме сыне Storольва».

[5] *...ей были не по нутру все женские занятия. Вошло у нее в обычай повсюду расхаживать в доспехах и при оружии...* – В «сагах о древних временах» не раз появляются девы-воительницы, обычно именуемые в них «щитовыми девами» (skjaldmær это название употребляется ниже и в нашем рассказе), прообразом для которых, очевидно, послужили валькирии древнескандинавской мифологии и эпоса (ср. Брюнхильд в цикле о Сигурде; см. «Прядь о Норна-Гесте»). О непокорных и не признающих замужества воинственных девах-правительницах (meykóngr – букв.: дева-король), облачающихся в мужской наряд и проводящих время исключительно в воинских занятиях, повествует особая разновидность более поздних «рыцарских саг» (см.: *Матюшина И.Г.* Поэтика рыцарской саги. М., 2002. С. 87–90). Связь между северными щитовыми девами и греческими амазонками не установлена.

[6] *Йоруског* – букв.: боевой лес.

[7] *Берсерк* – см. примеч. 14 к «Пряди о Торвальде Путешественнике».

[8] *Гарп* – это имя означает «воинственный человек».

[9] *Гню* – букв.: звон оружия.

[10] *...курган, на котором он будет сидеть.* – Знак государева достоинства; об обычае древних конунгов восседать на курганах умерших родичей или, как здесь, на специально сооруженных земляных насыпях, принимать на них посетителей, вершить суд и т.п. упоминается во многих сагах (см. об этом известную работу

А. Ольрика: *Olrik A.* At sidde på höj. Oldtidens konger og oldtidens thulir // Danske Studier. 1909. H. 1. S. 1–10).

[11] *Флокк* – см. примеч. 7 к «Пряди о Стуве». Здесь флокк сложен в размере квидухатт, близком к размеру эддических песней.

[12] *Ховсхёвди* – букв.: мыс капища. В этом названии может содержаться намек на реальную топографию местности, в которой находился Одди: путь на Плоский Остров лежал через мыс Ховсхёвди в Долине Плоского Острова (Флатейярдаль). Высказывалось предположение, что и название Сильдасунд («пролив сельди»), в котором происходит сражение Гейрвида с Хлегунн, появляется в рассказе неспроста: за ним может скрываться Пролив Плоского Острова (Флатейярсунд), где можно было рассчитывать на самый богатый в северной Исландии улов сельди.

[13] *Родбьярта сын* – Гейрвид (Родбьярт – в оригинале норвегизированная форма имени Хродбьярт).

[14] *...друг гаутов...* – Гейрвид.

[15] *...льдяной лавиной престола сокола* – т.е. серебром (престол сокола – рука; льдяная лавина руки – серебро).

[16] *Он стал перебегать с одного корабля на другой...* – Это было возможно потому, что, по обычаю, во время сражения корабли выстраивали в одну линию и связывали канатами, так что морской бой представлял собой столкновение двух рядов кораблей.

[17] *...не удалось разглядеть ее из-за ее колдовства...* – Судя по всему, подобно некоторым героям «саг о древних временах», Хлегунн скрывается под шлемом-невидимкой (hulіðshjálm).

[18] *...поставил над ними своих сюслуманнов...* – См. примеч. 8 к «Пряди о Храфне сыне Гудрун».

[19] *...драпа в тридцать вис.* – О драпе, скальдической хвалебной песни, средняя часть которой была пронизана рефреном («стевом»), см. примеч. 12 к «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде». В приведенном ниже отрывке из драпы Дагфинна стев («Гаутов был конунг / Гейрвид достославный») повторяется всего лишь трижды: во 2-й, 5-й и 8-й строфах и, вопреки ожиданиям, не появляется в заключительной 11-й строфе. Длина такой хвалебной песни, судя по всему, не регламентировалась: известны драпы как в двадцать, так и в сотню вис и более. В отличие от первой песни Дагфинна, его драпа была сложена в обычном скальдическом размере – дротткветт.

[20] *...это было начало песни...* – Приведенные в рассказе строфы из песни с троекратно повторяющимся стевом показывают, что это утверждение неверно: драпа имеет трехчастную структуру – «вступление» (upphaf), «раздел со стевом» (stefjabálkr) и «заключение» (slæmr). Поэтому, если судить по формальным признакам, здесь процитированы средняя и частично заключительная части песни. Между тем содержание этих 11 строф, в которых от начала и до конца рассказана история столкновения Гейрвида с Хлегунн, скорее свидетельствует о том, что вопреки утверждению рассказчика, перед нами вовсе не «фрагмент» большой хвалебной песни, но вся песнь целиком. Сказанное справедливо и для приведенного выше флокка.

[21] *...поросль вод...* – водоросли.

[22] *...тропой прибоя...* – морем.

[23] *...коня каната* – корабля.

[24] *...мерин реи...* – корабль.

[25] *...гонители Гёндуль...* – воины (Гёндуль – имя валькирии; см. примеч. 28 к «Пряди о Сёрли»).

[26] *...клены лат...* – воины.

[27] *...Браги брани* – муж, воин (Браги – один из древнескандинавских богов-асов).

[28] *...табун ⟨...⟩ глади...* – корабли.

[29] *...Ньёрды копий* – мужи, воины (Ньёрд – бог из рода ванов; см. примеч. 3 к «Пряди о Сёрли»).

[30] *Ливня стрел искатель...* – муж, воин.

[31] *...князя ⟨...⟩ сродник...* – правитель.

[32] *...скрежет жести* – битва.

[33] *...враньей браги...* – крови.

[34] *В вихре дротов...* – в битве.

[35] *Гёндуль* – см. примеч. 25.

[36] *Хлёкк* – валькирия, битва.

[37] *В хрусте Христ...* – в битве (Христ – имя валькирии).

[38] *...пасти копья...* – зубы, клыки.

[39] *...межой моржовой...* – морем.

[40] *...лыжи Ати...* – корабль (Ати – имя морского конунга, т. е. предводителя дружины викингов; сохранились поэтические перечни, состоящие из многих десятков имен таких легендарных персонажей, часть из которых регулярно использовалась в кеннингах корабля и моря).

[41] *...кобылы ⟨...⟩ Гламми* – корабля (Гламми – имя морского конунга; см. предыд. примеч.).

[42] *...Герд браслета бездны...* – жена, здесь Хлегунн (Герд – имя богини, см. примеч. 67 к «Пряди о Торстейне Бычья Нога»; браслет бездны – богатство, золото).

[43] *...о Бестле искры пясти...* – о жене, здесь – о Хлегунн (Бестла – имя богини, матери Одина; искра пясти – золото).

[44] *...Скильвинг лука...* – воин, муж, т. е. Гейрвид (Скильвинг – потомок легендарных королей).

[45] *...Скульд звезды пролива...* – жена, здесь – Хлегунн (Скульд – одна из трех норн, чье имя означает «грядущее», кроме того, в скандинавской мифологии имя Скульд носит одна из валькирий; звезда пролива – золото).

[46] *...с пня пучины* – с корабля.

[47] *...стихи эти получились топорными...* – Возможно, автор пряди имеет в виду то, что в драпе Дагфинна обнаруживается немало погрешностей против скальдической формы: так, в ней не менее шести случаев отклонения от обязательных (т. е. требуемых поэтическим каноном) внутренних рифм.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИС – Исландские саги: В 2 т. / Под ред. О.А. Смирницкой. СПб., 1999.

КЗ – *Снорри Стурлусон*. Круг Земной. М.: Наука, 1980. (Литературные памятники).

МЭ – Младшая Эдда / Изд. подг. О.А. Смирницкая и М.И. Стеблин-Каменский. М.: Ладомир, 1994. (Литературные памятники).

СЭ – Старшая Эдда / Пер. А.И. Корсуна, ред. М.И. Стеблин-Каменский. М.; Л.: Наука, 1963. (Литературные памятники).

AM – Den arnamagnæanske samling (Nordisk forskningsinstitut, Københavns Universitet; Stofnun Árna Magnússonar í íslenskum fræðum, Reykjavík).

Flat. – Flateyjarbok. En samling af norske konge-sagaer med indskudte mindre fortællinger / Udg. Guðbrandur Vigfússon, C.R. Unger. Christiania, 1860–1868. Bd. I–III.

FS – Fornar smásögur úr noregskonunga sögum / E. Gardiner gaf út. Reykjavík, 1949.

FSN – Fornaldar sögur Nordrlanda eftir gömlum handritum / Utg. C.C. Rafn. Kaupmannahöfn, 1829–1830. Bd. 1–3.

GKS – Den gamle kongelige samling (Det kongelige bibliotek, København; Stofnun Árna Magnússonar í íslenskum fræðum, Reykjavík).

Hb – Hauksbók / Udg. Finnur Jónsson. København, 1892.

Hkr – *Snorri Sturluson*. Heimskringla. I–III / Bjarni Aðalbjarnarson gaf út. Reykjavík, 1941. (Íslenzk fornrit; XXVI.–XXVIII. bindi).

HÞÁ – Hemings þáttr Áslákssonar / Ed. G. Fellows Jensen. Copenhagen, 1962. (Editiones Arnamagnæanæ. Series B; Vol. 3).

ÍF – Íslenzk fornrit. Hið íslenzka fornritafélag. Reykjavík, 1933 – .

ÍSÞ – Íslendinga sögur og þættir. I–III / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. (Svart á hvítu).

Land. – Landnámabók / Jakob Benediktsson gaf út. Reykjavík, 1968. (Íslenzk fornrit; I. bindi).

Lbs – Handritasafn Landsbókasafns Íslands.

LH – *Finnur Jónsson*. Den oldnorske og oldislandske litteraturs historie. København, 1894–1901. Bd. I–II.

Mork. – Morkinskinna / Udg. Finnur Jónsson. København, 1932. (Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur; 53).

ÓHLeg – Olafs saga hins helga: En kort saga om kong Olaf den Hellige fra anden halvdeel af det tolfte aarhundrede. Efter et gammelt pergaments-haandskrift i Universitets-bibliotheket i Upsala / Udg. R. Keyser, C.R. Unger. Christiania, 1849.

OlH – Saga Óláfs konungs hins helga. Den Store Saga om Olav den Hellige. Efter pergamenthåndskrift i Kungliga Biblioteket i Stockholm. Nr. 2 4to med varianter fra andre håndskrifter / Utg. O.A. Johnsen, Jón Helgason. Oslo, 1941. Bd. I–II.

ÓT – Óláfs saga Tryggvasonar en mesta / Udg. Ólafur Halldórsson. København, 1958–2000. (Editiones Arnamagnæanæ. Series A; Vol. 1–3).

ÓTOdd – Saga Óláfs Tryggvasonar af Oddr Snorrason munk / Udg. Finnur Jónsson. København, 1932.

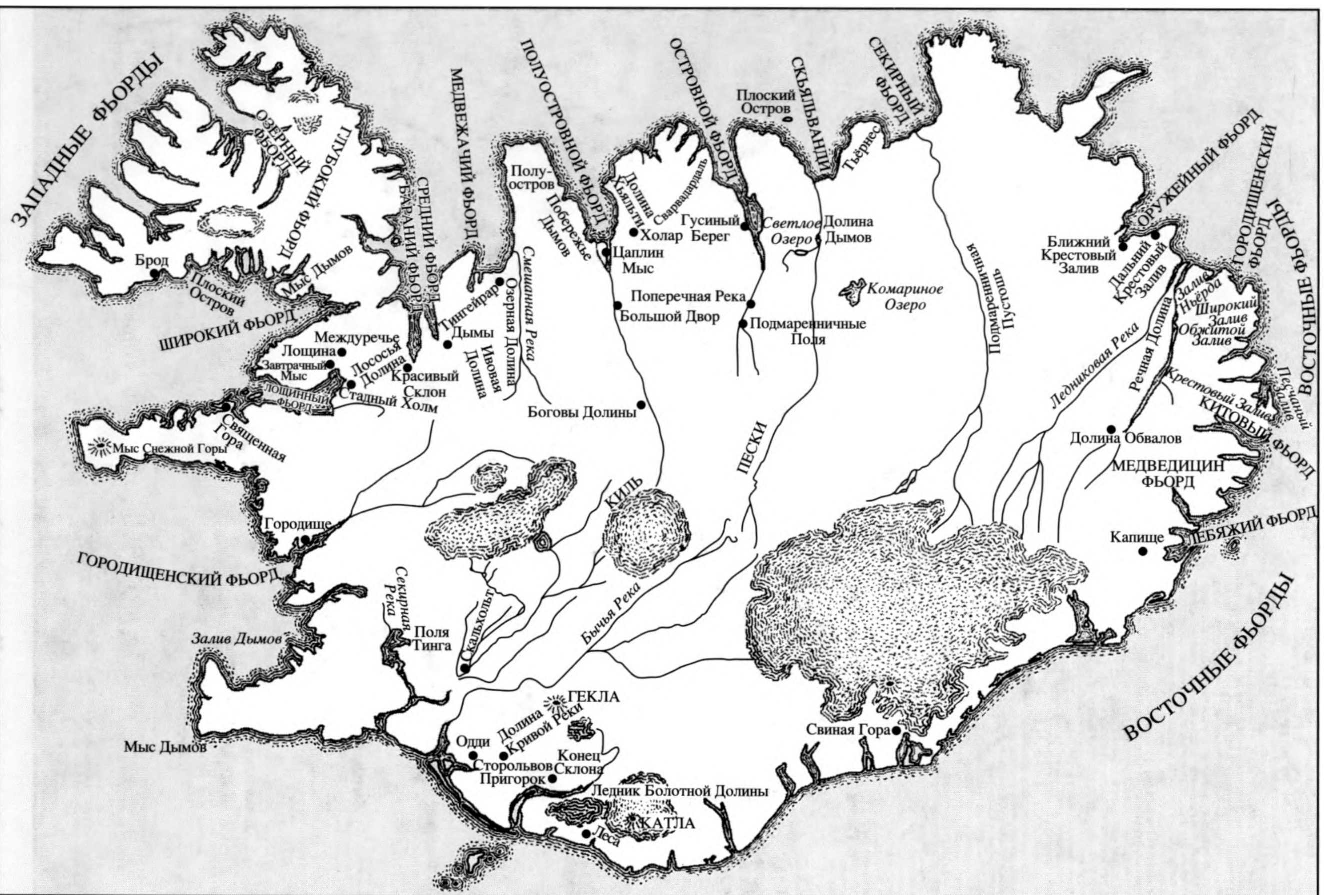
Skj – Den norsk-islandske skjaldedigtning / Udg. Finnur Jónsson. A: Tekst efter håndskrifterne. Bd. I–II; B: Rettet tekst. Bd. I–II. København, 1967–1973.

SkP I – Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages: Poetry from the Kings' Sagas 1: From Mythical Times to c. 1035 / Ed. D. Whaley. Turnhout, 2012. Vol. I.

SkP II – Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages: Poetry from the Kings' Sagas 2: From c. 1035 to c. 1300 / Ed. K.E. Gade. Turnhout, 2009. Vol. II.

SnE – Edda Snorra Sturlusonar: Edda Snorronis Sturlaei / Udg. Jón Sigurðsson et al. København, 1848–1887. Bd. I–III.

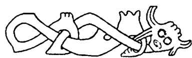
TGT – Den tredje og fjærde grammatiske afhandling i Snorres Edda tilligemed de grammatiske afhandlingers prolog og to andre tillæg / Udg. Björn Magnússon Ólsen. København, 1884.

Карта средневековой Исландии

Карта средневековой Норвегии

ФИННМЁРК
о. Эмд
о. Бьяркей
Трандарнес
о. Лангей
о. Хинн
Офотансфьорд
Тьяльдасунд
Вагар
КЬЁЛЬ
Х А Л О Г А Л А Н Д
Сальфти
о-ва Годейяр
о. Мьёла
КЬЁЛЬ
о. Тьотта
о. Торгар
НАУМДЁЛАФЮЛЬКИ
Наумудаль
о. Храфниста
СПАРБЮГВА

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН[1]

I. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

[1] В указателе содержатся только имена и географические названия, встречающиеся в прядях. Как и в тексте прядей и на прилагаемых картах, топонимы (кроме таких, как Исландия, Норвегия и т. п.) приводятся в той форме, какую они имеют в оригинале; при их транслитерации переводчики опирались на перевод «Круга Земного» (М., 1980). Современные эквиваленты названий, если они известны, даются в скобках (при этом за единичными исключениями современная форма исландских названий не приводится). Все имена следует читать с ударением на первом слоге. Курсивом выделяются имена, включенные в указатель. Страницы Приложений (статьи и примечаний) отделены от страниц основного текста точкой с запятой и выделены курсивом.

II. ЛИЧНЫЕ ИМЕНА

III. ИНЫЕ ИМЕНА И НАЗВАНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЯДИ В СОСТАВЕ «КНИГИ С ПЛОСКОГО ОСТРОВА» С ДОБАВЛЕНИЯМИ ИЗ ДРУГИХ РУКОПИСЕЙ

(*Перевод Е.А. Гуревич*)

ПРЯДИ В СОСТАВЕ «ГНИЛОЙ КОЖИ» С ДОБАВЛЕНИЯМИ ИЗ ДРУГИХ РУКОПИСЕЙ

(*Перевод Е.А. Гуревич*)

ПРЯДИ ИЗ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ ЧАСТИ «КНИГИ С ПЛОСКОГО ОСТРОВА»

(*Перевод Е.А. Гуревич*)

ПРЯДИ ОБ ИСЛАНДЦАХ, НЕ ВХОДЯЩИЕ В СОБРАНИЯ «КОРОЛЕВСКИХ САГ»

(*Перевод Е.А. Гуревич*)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Научное издание

ИСЛАНДСКИЕ ПРЯДИ

Утверждено к печати
Редколлегией серии
«Литературные памятники»

Редактор *М.Л. Береснева*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Ю.И. Духовская*
Технический редактор *З.Б. Павлюк*
Корректоры *А.Б. Васильев, Р.В. Молоканова,*
Е.Л. Сысоева, Т.И. Шеповалова

Иллюстрации воспроизведены в соответствии
с предоставленными оригиналами

Подписано к печати 20.06.2016
Формат 70 × 90$^{1}/_{16}$. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 75,5. Усл.кр.-отт. 77,7. Уч.-изд.л. 80,0
Тип. зак.118

ФГУП Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.com
www.naukaran.com

ФГУП Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Федеральное государственное унитарное предприятие
«Издательство «Наука»
117997 г. Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел.: +7 (495) 334-71-51; факс: +7 (499) 724-89-24
e-mail: secret@naukaran.com
www.naukaran.com

Филиалы ФГУП «Издательство «Наука»:
Санкт-Петербургский филиал
199034 г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
Тел.: +7 (812) 328-39-12; факс: +7 (812) 328-00-51
e-mail: main@nauka.nw.ru
www.naukaspb.com

Новосибирский филиал
630077 г. Новосибирск, ул. Станиславского, 25
Тел.: +7 (383) 343-35-45
e-mail: sib-nauka@yandex.ru
www.sibnauka.ru

Издательская фирма «Восточная литература»
121099 г. Москва, Шубинский пер., 6
Тел.: +7 (499) 241-93-02; факс: +7 (499) 241-70-44
e-mail: vostok.kom@gmail.com
www.vostlit.ru

Издательство «Флинта»
117342 г. Москва, ул. Бутлерова, 17б
Тел.: +7 (495) 336-03-11; факс: +7 (495) 334-82-65
e-mail: flinta@mail.ru
www.flinta.ru

Þættir

NAUKA

ЛП

Исландские пряди

Исландские пряди

НАУКА

Исландские пряди

Исландские пряди

